Z 80/94 -3(1-4)

Z $\frac{80}{94}$

Арх

5.

Сочиненія
И. Ѳ. ГОРБУНОВА.

III

ч. 1—4

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1907.

Государственная
ордена Ленина
библиотека СССР
им. В. И. Ленина

94611
49

СОЧИНЕНІЯ

И. Ө. ГОРБУНОВА.

ИЗДАНО
подъ наблюденіемъ Комиссіи при Комитетѣ состоящаго
подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

[illegible]

23
Z 80/94
5
[illegible]
1535-8

Сочиненія

И. Ѳ. Горбунова.

Издано
подъ наблюденіемъ Комиссіи при Комитетѣ состоящаго
подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ
Императорскаго Общества Любителей
Древней Письменности.

III

ч. 1—4

Библиотек[illegible]
[illegible]

Санктпетербургъ
1907.

[illegible]

~~23~~
Z 80/94
5
801-91
11535-8

Сочиненія
И. Ѳ. Горбунова.

III

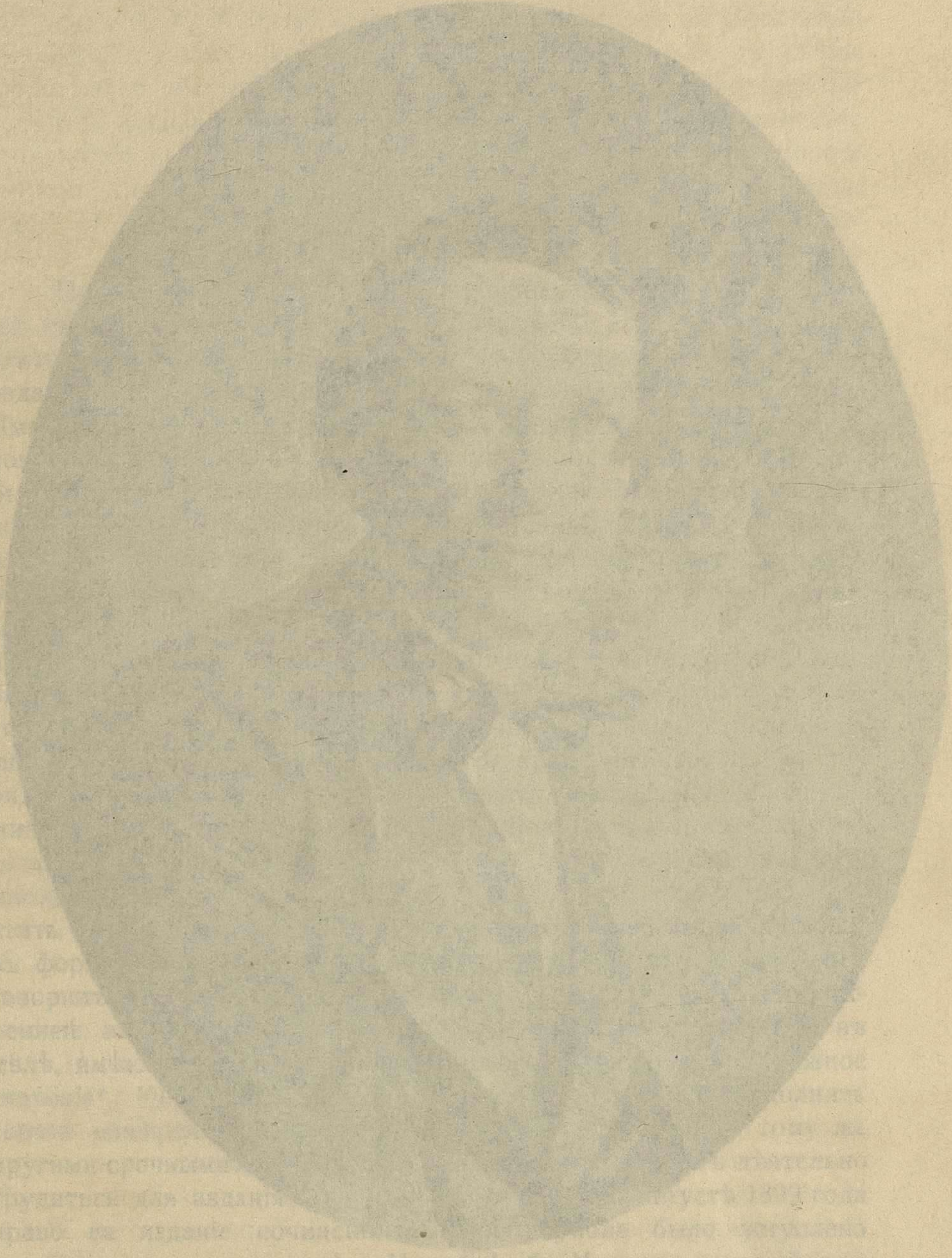
ч. 1—4

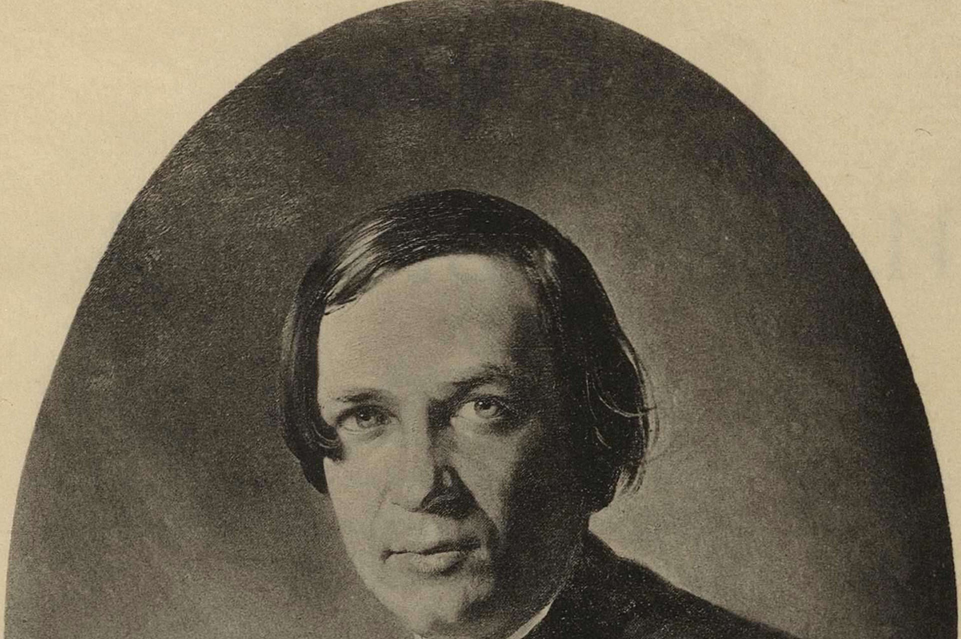
БИБЛІОТЕКА
Л.П. СХОЛЬ-ЭНГБЕРГЪ
№ 3234
ПОГАШЕНО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1907.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Спб., Звенигородская, 11.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Спб., Звенигородская, 11.

2022530708





1863.

Съ портрета К. Е. Маковскаго

Послѣ кончины И. Ѳ. Горбунова, среди друзей и цѣнителей его таланта рѣшено было по почину графа С. Д. Шереметева, почтить память Горбунова возможно полнымъ и художественнымъ изданіемъ его сочиненій. Средоточеніемъ изданія было намѣчено Императорское Общество Любителей Древней Письменности, членомъ котораго И. Ѳ. Горбуновъ состоялъ втеченіе многихъ лѣтъ. Были отпечатаны безплатно въ типографіи Суворина особые подписные листы которые были разобраны лицами, сочувствовавшими предпріятію, для сбора необходимыхъ средствъ. Идея изданія встрѣчена была весьма сочувственно, и вскорѣ собрались значительныя средства. Литературную сторону изданія принялъ на себя С. В. Максимовъ, давній другъ И. Ѳ. Горбунова. Имъ было собрано много матерьяловъ, составленъ возможно полный списокъ всѣхъ печатныхъ произведеній Горбунова съ библіографическими указаніями и, кромѣ того, провѣренъ текстъ цѣлаго ряда разсказовъ. Предполагая составить біографическій очеркъ жизни И. Ѳ. Горбунова, онъ писалъ: „Ровно сорокъ лѣтъ, проведенныхъ съ нимъ безъ единаго облачка недоразумѣній и разномыслія, дѣйствительно, налагаютъ на меня священный долгъ почтить его память посильнымъ трудомъ характеристики, хотя бы въ формѣ матеріаловъ для біографіи“. Въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „Прошу убѣдительно не сомнѣваться въ моей искренней всегдашней готовности быть посильно полезнымъ въ дѣлѣ, имѣющемъ для насъ общій живой интересъ и столь важное значеніе“. Къ сожалѣнію, С. В. Максимовъ не могъ исполнить своего намѣренія. Здоровье его слабѣло. Занятый къ тому же другими срочными литературными работами, онъ не могъ дѣятельно трудиться для изданія сочиненій Горбунова. Въ августѣ 1899 года право на изданіе сочиненій И. Ѳ. Горбунова было уступлено наслѣдниками его издателю „Нивы“ А. Ф. Марксу, который при этомъ требовалъ чтобы рисунки изданія, начатаго при Обществѣ Любителей Древней Письменности, по окончаніи изданія, поступили въ его распоряженіе; но, такъ какъ на это согласія изъявлено не было, то осталось въ силѣ другое условіе: чтобы это послѣднее изданіе было напечатано въ количествѣ не болѣе 500 экземпляровъ и цѣна каждаго была бы не дешевле 15 рублей. Съ этими условіями пришлось считаться руководителямъ настоящаго изданія. Въ томъ же 1899 году при Комитетѣ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности для выполненія изданія была образована комиссія въ составѣ слѣдующихъ лицъ: Акад. Н. П. Кондакова, Акад. Н. В. Султанова, Н. Д. Чечулина, А. М. Бѣлова и графа Пв. С. Шереметева. Предсѣдательство въ комиссіи было возложено на послѣдняго. Секретаремъ былъ А. М. Бѣловъ. Комиссія въ цѣломъ рядѣ своихъ засѣданій занималась собираніемъ матерьяловъ, входила въ сношенія съ художниками, иллюстрировавшими сочиненія Горбунова, а также съ владѣльцами архивовъ и собраній и отдѣльными лицами. Засѣданія ея не разъ посѣщались лицами, дорожившими памятью И. Ѳ. Горбунова. Такъ, помимо членовъ, бывали: С. В. Максимовъ, М. И. Писаревъ, А. Ѳ. Кони, Н. П. Барсуковъ, А. П. Барсуковъ, Ив. П. Барсуковъ, С. Т. Филипповъ, П. Д. Погодинъ, Т. И. Горбунова - Дмитревская, Ел. Ив. Горбунова-Дмитревская. Комиссія собрала значительное количество матерьяла, опредѣлила техническія условія изданія, выбрала шрифтъ, бумагу, способъ воспроизведенія рисунковъ. Исполненіе самаго изданія легло на предсѣдателя комиссіи графа Пв. С. Шереметева, которому пришлось главнымъ образомъ взять на себя составленіе плана изданія, наблюденіе за текстомъ, сношенія съ художниками, собираніе матерьяловъ и корректуру. Весьма большую помощь въ этомъ дѣлѣ, благодаря своимъ цѣннымъ указаніямъ и совѣтамъ, оказали близкіе друзья И. Ѳ. Горбунова, покойные М. И. Писаревъ и Н. П. Барсуковъ. Особенно большую помощь оказалъ М. И. Писаревъ. Въ дѣлахъ изданія хранится много его писемъ съ библіографическими указаніями. Онъ продиктовалъ примѣчанія, отмѣченныя буквами М. П.; составилъ списокъ ролей, игранныхъ И. Ѳ. Горбуновымъ, дѣлился воспоминаніями о немъ, помогалъ въ сношеніяхъ съ разными лицами, но, къ сожалѣнію, не могъ исполнить своего намѣренія записать свои воспоминанія о Горбуновѣ.

Комиссія считаетъ долгомъ выразить свою искреннюю и глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣху настоящаго изданія сообщеніемъ подлинныхъ произведеній И. Ѳ. Горбунова, воспоминаній о немъ, исполненіемъ безвозмездно рисунковъ, доставленіемъ фотографій и прочихъ матерьяловъ, именно: К. Б. Алмазову, П. Д. Ахлестышеву, А. П. Барсукову, П. И. Бартеневу, А. А. Бахрушину, В. В. Бахрушиной, Н. Н. Безаку, А. Ѳ. Безобразову, Н. П. Богданову-Бѣльскому, С. С. Боткину, А. К. Варженевскому, князю Б. А. Васильчикову, князю С. М. Волконскому, князю М. М. Голицыну, М. И. Горбуновой, Е. И. Горбуновой-Дмитревской, П. Я. Дашкову, барону Н. В. Дризену, С. Д. Евреинову, П. І. Жабѣ, М. А. Жемчужниковой, М. И. Ишутиной, С. И. Ишутиной, В. К. Истомину, Проф. Д. Н. Кайгородову, графу Н. Е. Комаровскому, Акад. А. Ѳ. Кони, г. Кошеверову, Акад. А. А. Кошелеву, В. П. Ламбину, Акад. В. В. Матэ, Г. С. Максимову, Н. А. Дмитріевой-Никулиной, князю Д. Д. Оболенскому, Б. М. Петрово-Соловово, Акад. А. А. Потѣхину, Акад. И. Е. Рѣпину, А. П. Сабурову, М. П. Садовскому, А. Д. Свербеeву, князю П. Д. Святополкъ-Мірскому, священнику Г. С. Станиславлеву, М. Г. Савиной, Преосвященному Сергію епископу Ковенскому, А. А. Стаховичу, М. А. Стаховичу, Н. В. Тимофѣеву, С. Т. Филиппову, А. П. Ѳедорову, Д. А. Хомякову, Н. А. Хомякову, П. И. Шанину, графу С. Д. Шереметеву, В. В. Шереметеву, графу Д. С. Шереметеву, графу Б. С. Шереметеву, графу Петру С. Шереметеву, О. Н. Шереметевой, Н. Б. Шереметеву и П. И. Щукину.

Въ корректурной работѣ, кромѣ предсѣдателя, приняли участіе слѣдующія лица: А. М. Бѣловъ, священникъ о. Н. И. Голубевъ, княгиня В. И. Горчакова, В. В. Майковъ, Н. З. Пановъ, И. М. Починовскій, княгиня М. А. Трубецкая, графиня Е. П. Шереметева, графъ Д. С. Шереметевъ, графъ Б. С. Шереметевъ, Н. Б. Шереметевъ, Б. Б. Шереметевъ и Н. В. Тимофѣевъ. Комиссія считаетъ долгомъ выразить всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ свою глубокую благодарность.

Священный долгъ обязываетъ помянуть съ благодарностью скончавшихся въ продолженіе работъ по изданію и содѣйствовавшихъ его успѣху: Н. П. Барсукова, Ив. П. Барсукова, Л. В. Васильеву, Т. И. Горбунову-Дмитревскую, А. В. Дена, барона М. П. Клодта, графа А. Н. Ламздорфа, С. В. Максимова, М. В. Островскую, М. И. Писарева, С. А. Рачинскаго, А. П. Робуша, Вл. С. Соловьева, Б. С. Шереметева, Г. Ѳ. Штендмана, П. Н. Тиханова, Т. И. Филиппова и С. П. Яковлева, а также художника А. П. Рябушкина, выразившаго согласіе исполнить рисунки на болѣе доступныхъ основаніяхъ.

Въ выпускаемыя нынѣ въ свѣтъ первыя четыре части третьяго тома не вошли статьи И. Ѳ. Горбунова по исторіи Русскаго театра. Онѣ выйдутъ въ скоромъ времени въ пятой и послѣдней части этого тома, вмѣстѣ съ азбучнымъ указателемъ произведеній Горбунова и указателемъ лицъ и географическихъ названій.

ЧАСТЬ I.

Въ началѣ декабря 1849 года, на письменномъ столѣ, въ кабинетѣ покойнаго учителя моего Н. В. Берга я увидѣлъ четыре тетрадки, сложенныя въ четверку, писанныя разными почерками. На обложкѣ первой было крупно написано „Банкротъ“. Это слово зачеркнуто и подъ нимъ тоже крупно: „Свои люди сочтемся, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. А. Островскаго“.

„Какое пріятное занятіе эти танцы! Что можетъ быть восхитительнѣе!..“ началъ читать я.

Этотъ монологъ охватилъ все мое существо. Я прочиталъ всю піесу, не вставая съ мѣста.

— Позвольте списать, Николай Васильевичъ!—обратился я къ Бергу.

— Сегодня я долженъ отдать назадъ. Островскій будетъ читать ее у М. Г. Попова [университетскій товарищъ Александра Николаевича]*. Піеса врядъ ли будетъ напечатана.

Въ тотъ же день, въ обѣдъ, я пришелъ къ Матвѣю Григорьевичу Попову и предложилъ ему свои услуги переписать пьесу съ тѣмъ, чтобы одинъ экземпляръ оставить у себя. Писалъ я въ то время отлично.

— Вѣроятно авторъ намъ это позволитъ, отвѣчалъ Матвѣй Григорьевичъ, и тотчасъ же усадилъ меня въ своемъ кабинетѣ, далъ мнѣ какую-то необыкновенно глянцевитую бумагу, на которой писать также было трудно, какъ на стеклѣ, тѣмъ болѣе, что и перья тогда употреблялись болѣе гусиныя!

Около восьми часовъ вечера въ кабинетъ вошелъ бѣлокурый, стройный, франтовато одѣтый [въ коричневомъ со свѣтлыми пуговицами фракѣ и, по тогдашней модѣ, въ необыкновенно пестрыхъ брюкахъ] молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти. Набилъ трубку табаку, выпустилъ два-три клуба дыму и съ боку, мелькомъ взглянулъ на мое чистописаніе.

Это былъ А. Н. Островскій.

— Позвольте васъ спросить, робко обратился я къ нему: я не разберу вотъ этого слова.

— „Упаточилась“, отвѣчалъ онъ, посмотрѣвъ въ тетрадку, слово русское, четко написанное.

---

* Матвѣй Григорьевичъ Поповъ, женатый на Прончищевой, былъ директоромъ малолѣтняго отдѣленія Московскаго Воспитательнаго Дома. М. П.

Спросилъ я, впрочемъ, не потому, что не разобралъ этого слова, а просто я горѣлъ нетерпѣніемъ услыхать его голосъ.

Въ восемь часовъ въ залѣ началось чтеніе. Мы съ братомъ Матвѣя Григорьевича слушали изъ кабинета. До конца, до мельчайшихъ подробностей, вѣдомый мнѣ міръ, изъ котораго взята піеса, изумительная передача въ чтеніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ произвели на меня неизгладимое до сихъ поръ впечатлѣніе.

Въ теченіе декабря и января я переписалъ піесу три раза и выучилъ ее наизусть. Она была напечатана въ мартовской книгѣ Москвитянина 1850 года, но играть ее на сценѣ не позволили *. Авторъ былъ взятъ подъ надзоръ полиціи.

— Это вамъ больше чести—сказалъ ему графъ Закревскій, лично объявляя Островскому распоряженіе высшаго начальства. Графъ Закревскій любилъ произведенія Островскаго. Піесы: „Свои люди сочтемся“ и „Бѣдность не порокъ“ авторъ читалъ у него въ домѣ.

Надзоръ былъ снятъ по всемилостивѣйшему манифесту при вступленіи на престолъ императора Александра II.

Позвольте васъ поздравить!—съ улыбкою сказалъ Александру Николаевичу квартальный надзиратель, объявляя ему о снятіи съ него надзора.

— Васъ тоже позвольте поздравить съ окончаніемъ безпокойствъ и поблагодарить, что вы меня здраво и невредимо сохранили.

Квартальный расшаркался.

— Кажется мы васъ не безпокоили и доносили объ васъ какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Не скрою однако, что мнѣ одинъ разъ была за васъ нахлобучка.

Эта встрѣча съ Александромъ Николаевичемъ повліяла на всю мою дальнѣйшую судьбу. Я жилъ въ то время на окраинѣ Москвы, въ захолустьѣ: давалъ уроки въ небогатыхъ купеческихъ домахъ.

Я былъ страстный любитель театра. Съ однимъ пріятелемъ мы ходили въ Малый театръ чуть не каждый день, и сидѣли всегда въ райкѣ. У насъ были тамъ свои привиллегированныя мѣста, которыя занимать никто не могъ, потому что мы забирались въ театръ до спуска средней люстры. Сосѣдями нашими были большею частью студенты Московскаго университета и одинъ почтенный учитель русской словесности Андрей Андреевичъ, всегда ходившій въ синемъ форменномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Онъ постоянно вступалъ со студентами въ споръ о піесѣ и ея исполнителяхъ.

Въ залѣ пусто и темно, лишь въ окрестрѣ мелькаетъ нѣсколько огоньковъ. Посреди мрака и тишины, вдругъ пиликнула скрипка, ей отвѣчаетъ другая, третья... Смолкло. Огоньки начинаютъ прибывать. Маленькую трель испустила флейта; дали знать о своемъ существованіи литавры... Свѣту въ оркестрѣ все больше и больше.

---

* А. Н. подарилъ мнѣ оттиски съ авторской надписью И. Г.

Дружатся между собою скрипки; крякнулъ контрабасъ; нѣжную, сладенькую нотку дала віолончель... Въ оркестрѣ начинается полная жизнь: всѣ инструменты пришли въ движеніе. Люстра медленными порывами выходитъ изъ отверстія. Раекъ съ шумомъ и крикомъ наполняется зрителями. Мѣста берутся съ бою.

— Нѣтъ, вы позвольте! Мы тоже деньги заплатили.

— Я и въ креслахъ могу сидѣть.

— Ну такъ туда и пожалуйте по вашему чину.

— Что вы,—въ баню что-ли пришли?

— Послушайте, тутъ дамы.

— Что-жъ, мы ничего такого не говоримъ.

— Поберегите ваши слова для Таганки.

— Мы въ Тверской-Ямской живемъ, а не въ Таганкѣ.

— Оно и видно.

Успокоились, усѣлись.

— Какая игра?

— „Левъ Гурычъ Синичкинъ“.

— Живокини дѣйствуетъ?

— Дѣйствуетъ.

— Ублажитъ! Намедни онъ на кровати съ господиномъ Васильевымъ * разыгрывали... умора.

— Почтенный, подвиньтесь маленько.

— Не забывайся!

— Ухъ, какъ страшно!

— Въ шубѣ-то, пожалуй, сопрѣешь, а дѣвать ее некуда.

— Въ шубѣ совсѣмъ невозможно—растаешь: жара, какъ въ кузницѣ.

— Квасокъ малиновый!

— Что ты тутъ топчешься? Еще игра не начиналась, а ужъ онъ съ квасомъ!

— Ты приходи по третьему поту, а теперь пока рано: къ твоему квасу еще расположенія нѣтъ.

— Въ купонахъ сидѣть превосходнѣе, а для дамъ даже оченно... А здѣсь такъ намнутъ...

— Кто же это позволитъ?

— Да тутъ, тетенька, и позволенія вашего не будутъ спрашивать, потому—тѣснота. Видите, какъ народъ претъ.

Подобныя перемолвки продолжаются и во время антрактовъ.

Купцы, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось бывать, были неохотливы до театра.

— Живемъ мы въ тѣхъ же направленіяхъ, какъ наши старики жили. И слава Богу,—лучше намъ не надо!—говорили они.

На сценѣ Большаго московскаго театра знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ. Москва преклонялась предъ ея талантомъ. Въ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ выставлены ея портреты; ресторатор Шевалье готовитъ котлеты à la Fanny Elsler; въ табачныхъ магазинахъ предлагаютъ папиросы Fanny Elsler; модистки мастерятъ шляпки Fanny Elsler. Имя Фанни Эльслеръ у всѣхъ на

---

* Водевиль: „Комната съ двумя кроватями“. И. Г.

языкѣ. Балетоманы на верху блаженства; поэты бряцаютъ на лирахъ. Увлеченіе дошло до того, что одинъ солидный чиновникъ, занимавшій видный служебный постъ, въ порывѣ восторга, вскочилъ на козлы кареты артистки и прослѣдовалъ съ нею до ея отеля. Были очень почтенные люди, считавшіе за счастье получить отъ нея на память башмаки, въ которыхъ она танцовала. Поэты привѣтствали ее восторженными стихами. Н. В. Бергъ выходилъ изъ себя; все ему въ ней нравилось.

Да, мнѣ милы и за то вы,
Что, любя Москву мою,
Полюбили въ ней еще вы
Наши горы Воробьевы,
Что гуляли по Кремлю.

Описывая поѣздку артистки на Поклонную гору поэтъ восклицаетъ:

На горѣ у насъ Поклонной
Положили вы поклонъ,—
На горѣ, отколь, въ дни оны,
Подошли къ стѣнамъ Москвы,
Распустивъ свои знамены,
Грозныхъ Галловъ легіоны—
Бонапартовскіе львы.
Тамъ, свои покинувъ дрожки,
Вы смотрѣли на Москву—
Тамъ и ваши чудо-ножки
Пропорхнувши вдоль дорожки,
Смяли нашу мураву;
И слегка напечатлѣнный
Вашихъ ножекъ нѣжный слѣдъ,
Вашей славой озаренный,
Приростетъ къ горѣ Поклонной,
Приростетъ на много лѣтъ *.

Андрей Андреевичъ былъ въ восторгѣ отъ Фанни и, во время антрактовъ, читалъ намъ лекціи „о мастерствѣ и художествѣ“.

— Это—художница! Это—великая художница! Это—предѣлъ хореографическому искусству: дальше уже тамъ нѣтъ ничего. Всѣ наши танцовщицы передъ ней только большія мастерицы и больше ничего! Мнѣ жалко смотрѣть на прыгающихъ мущинъ, на кру-

---

Въ записныхъ книжкахъ И. Ѳ. Горбунова записано продолженіе этого стихотворенія:

Вспоминали вы не разъ,
Какъ Москва, безъ битвы, даромъ,
Опаленная пожаромъ
Супостату отдалась.
И душою возмущенной,
Какъ бы слыша гулъ и стонъ
Той эпохи отдаленной
На горѣ у насъ Поклоной
Положили вы поклонъ.
Да мнѣ милы и за то вы,
Что нерѣдко посѣщали
Наши вы монастыри;
Пѣнью иноковъ внимали
И подъ Сѵнодальнымъ ждали
Появленіе зари.

Прим. ред.

жащихся дѣвушекъ и дѣвочекъ, но я съ благоговѣніемъ смотрю на выдвигающуюся изъ толпы художницу.

А въ захолустьѣ у насъ такъ понимали Фанни Эльслеръ:

— Боже мой, какъ она превосходно танцуетъ!—говорилъ въ семействѣ своего дяди, богатаго фабриканта, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ Коммерческомъ училищѣ:

— Затанцуешь, какъ пить и ѣсть захочешь,—и на дудкѣ заиграешь,—замѣчаетъ дядя.

— Помилуйте, развѣ можно про Фанни Эльслеръ такъ говорить?

— Что она тебѣ кума что-ли? Ты бы объ душѣ своей больше подумалъ...

— Душа тутъ не при чемъ, душа цѣла будетъ, если я въ театръ пойду.

— Ну, не скажите!—возражаетъ тетка.

— Что съ дуракомъ разговаривать — заключаетъ дядя: въ церковь ежели придетъ—одному святому кивнулъ, другому моргнулъ, третій самъ догадается, а вотъ по театрамъ--наше дѣло.

Такое воззрѣніе на театръ все-таки не удерживало захолустье иногда посѣтить его. Это обыкновенно бывало на масляницѣ. Въ эти дни театральнымъ начальствомъ и репертуаръ принаровливался ко вкусамъ захолустья: давали обыкновенно Парашу Сибирячку, Наполеоновскій генералъ или мужъ двухъ женъ, Идіотъ или Гейньбергское подземелье, Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ, и другія, подобныя этимъ, піесы, въ которыхъ Живокини и Никифоровъ клали, какъ говорится, въ лоскъ почтеннѣйшую публику. Непрерывный смѣхъ и взвизгиваніе раздавались сверху до низу.

— Положимъ, что смѣшно, но вѣдь это балаганъ! Тутъ нѣтъ ничего эстетическаго — говорилъ нашъ менторъ Андрей Андреевичъ.

Я восхищался игрой Живокини и такой приговоръ объ немъ мнѣ не нравился.

— Вы возьмите по сравненію: смѣхъ, которымъ васъ даритъ Садовскій и смѣхъ, который вынуждаетъ изъ васъ Живокини.

И онъ читалъ намъ лекцію о смѣхѣ.

Съ появленіемъ на сценѣ комедіи Островскаго „Не въ свои сани не садись“ на московской сценѣ начинается новая эра. Я былъ на первомъ представленіи этой комедіи. Она была дана въ бенефисъ Косицкой. Взвился занавѣсъ, и со сцены послышались новыя слова, новый языкъ, до того не слыханный со сцены; появились живые люди изъ замкнутаго купеческаго міра, люди, на которыхъ или плевалъ съ высоты своего невѣжества петербургскій драматургъ Григорьевъ „съ товарищи“, заставляя ихъ говорить не существующимъ, сочиненнымъ дурацкимъ языкомъ, — или изображали ихъ такими приторными патріотами, что тошно было смотрѣть на нихъ. Напр., въ одномъ водевилѣ изъ народнаго быта мужикъ поетъ:

Русскихъ знаетъ цѣлый свѣтъ,
Не съ руки намъ чванство...
Правду молвилъ я, иль нѣтъ
[Обращаясь къ публикѣ]:
Пусть рѣшитъ дворянство.

Посреди глубокой тишины публика прослушала первый актъ и восторженно, по нѣскольку разъ, вызвала исполнителей. Въ корридорахъ, фойе, въ буфетѣ пошли толки о піесѣ. Восторгу не было конца. Во второмъ актѣ, когда Бородкинъ поетъ пѣсню, а Дунюшка останавливаетъ его:

— „Не пой ты, не терзай мою душу", а тотъ отвѣчаетъ ей:

— „Помни, Дуня, какъ любилъ тебя Ваня Бородкинъ"...

Театръ зашумѣлъ, раздались аплодисменты, въ ложахъ и креслахъ замельками бѣлые платки.

Восторженный менторъ нашъ Андрей Андреевичъ обтеръ выступавшія на глазахъ его слезы и произнесъ:

— Это—не игра. Это—священнодѣйствіе! Поздравляю васъ молодые люди, вамъ много предстоитъ въ жизни художественныхъ наслажденій. Талантъ у автора изумительный. Онъ сразу всталъ плечо-о-плечо съ Гоголемъ.

Подъ бурю аплодисментовъ, безъ апломба, застѣнчивый, какъ дѣвушка, въ директорской ложѣ показался авторъ и низко поклонился привѣтствовавшей его публикѣ.

Таланты Васильева [Бородкинъ] и Косицкой [Дуняша] проявились въ этихъ роляхъ во всю мѣру. Совершеннѣе сыграть было невозможно. Это было сама жизнь.

Въ это время изъ московскихъ актеровъ я былъ знакомъ только съ однимъ,—Петромъ Гавриловичемъ Степановымъ, игравшимъ въ пьесѣ „Не въ свои сани не садись" роль Маломальскаго, трактирщика.

Петръ Гавриловичъ былъ человѣкъ крайне оригинальный. Не смотря на свои почтенныя лѣта, онъ часто продѣлывалъ ребяческія шутки. Актеръ онъ, какъ говорится, на вторыя роли, былъ необыкновенный и замѣчательный гримъ. Онъ мнѣ разсказывалъ, что Императоръ Николай Павловичъ приказалъ вызвать его въ Петербургъ для исполненія только одной роли князя Тугоуховскаго въ „Горе отъ ума". Эту нѣмую роль своимъ исполненіемъ и гримировкой онъ выдвинулъ на первый планъ. Императрица Александра Өеодоровна, при появленіи его на сцену, признала въ немъ одного московскаго сановника [князя Юсупова] и очень смѣялась.

Вскорѣ послѣ перваго представленія „Не въ свои сани" онъ пригласилъ меня пить чай въ трактиръ Пѣгова, гдѣ теперь ресторанъ „Эрмитажъ" Оливье. Выпили мы „четыре пары" [такъ въ то время опредѣлялась порція чаю],—Петръ Гавриловичъ отдалъ половому деньги, который черезъ минуту принесъ ихъ обратно и положилъ на столъ.

— Что значитъ? — съ удивленіемъ спросилъ Петръ Гавриловичъ.

— Прикащикъ не беретъ—съ улыбкой отвѣчалъ половой.

— Почему?

— Не могу знать, не беретъ. Ту причину пригоняютъ...

— Извините, батюшка, мы съ хозяевъ не беремъ — сказалъ, почтительно кланяясь, подошедшій приказчикъ.

— Развѣ я хозяинъ?

— Ужъ такой-то хозяинъ, что лучше требовать нельзя! Въ точности изволили представить. И господинъ Васильевъ тоже:... „кипяточку“!.. на удивленіе!

— За комплиментъ благодарю сердечно, а деньги все-таки возьми.

Постомъ 11 марта 1853 года, сгорѣлъ Большой московскій театръ. Пожаръ начался утромъ. Шелъ маленькій снѣжокъ. Я былъ на этомъ пожарѣ. Смѣлаго и великодушнаго подвига кровельщика Марина, взобравшагося по водосточной трубѣ подъ самую крышу для спасенія театральнаго плотника — не видалъ. Зрѣлище пожара было внушительно. Странно было смотрѣть, какъ около этого, объятаго пламенемъ, гиганта вертѣлись пожарные съ своими спринцовками. Брантъ-маіоръ, брантмейстеры, пожарные неистово кричали осиплыми звѣриными голосами.

— Мѣщанская, качай!

Труба мѣщанской части начинаетъ пускать изъ своего рукава струю, толщиною въ указательный палецъ. Двѣ три минуты покачаетъ—воды нѣтъ.

— Воды! кричитъ брантмейстеръ. Сидоренко! Въ гробъ заколочу!..

Сидоренко, черный какъ уголь, вылупивъ глаза, поворачиваетъ бочку.

— Срѣтенская!.. Берегись!..

— Публика, осадите назадъ! Господа, осадите назадъ! кричитъ частный приставъ.

Никто не трогается съ мѣста, да и некуда было тронуться: всѣ стоятъ у стѣны Малаго театра. Частный приставъ это такъ скомандовалъ, для собственнаго развлеченія. Стоялъ, стоялъ, да и думаетъ: дай крикну. И крикнулъ... Все лучше...

— Назадъ, назадъ! Осадите назадъ! вѣжливо - презрительнымъ тономъ покрикиваетъ, принимая на себя роль полицейскаго, изящно одѣтый адъютантъ графа Закревскаго. Всѣ стоятъ молча. Адъютантъ начинаетъ сердиться.

— Я прикажу сейчасъ всѣхъ водой заливать! горячится адъютантъ.

— Вода-то теперича сто цѣлковыхъ ведро! Кіятру лучше прикажите заливать, слышится изъ толпы.

Хохотъ.

— Два фантала поблизости, изъ нихъ не начерпаешься. На Москва—рѣку за водой-то гоняютъ. Скоро ли такой огонь ублаготворишь.

— Смотри, смотри! Ухъ!

Крыша рухнула, поднявъ къ верху миріады искръ.

А гигантъ все горитъ и горитъ, выставляя изъ оконъ огромные пламенные языки, какъ бы подразнивая московскую пожарную команду съ ея спринцовками. Къ 8 часамъ вечера и начальство, и пожарные, и лошади—всѣ выбились изъ силъ и стояли.

Лѣтомъ послѣдовала война съ Турціей. Къ осени съ береговъ Дуная стали приходить извѣстія о небольшихъ стычкахъ нашихъ войскъ съ турецкими. Расположенныя въ Москвѣ войска, напутствуемыя благословленіемъ московскаго первосвятителя Филарета, выступали на брань. „Московскія Вѣдомости“ становились съ каждымъ днемъ интереснѣе. Патріотическій духъ Москвы поднимался все выше и выше. Загудѣли московскіе колокола при извѣстіи о синопскомъ боѣ; возликовала Москва отъ побѣды Бебутова надъ сераскиромъ эрзерумскимъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, чуть не въ каждомъ №, стали появляться патріотическія стихотворенія дотолѣ невѣдомыхъ поэтовъ — Вл. Павлова, Вѣры Головиной, Е. Колюпановой, князя Цертелева, Василія Побѣдугина: потомъ пошли извѣстные литераторы М. А. Стаховичъ и Ѳ. Б. Миллеръ, наконецъ, стало по рукамъ ходить стихотвореніе Хомякова „Тебя призвалъ на брань святую“—„Гласъ Божій! Сбирайтесь на праведный Судъ“, и знаменитое въ то время стихотвореніе „Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ“, положенное на музыку двумя композиторами — Бавери и Дюбюкомъ и иллюстрированное П. М. Боклевскимъ. Б. Н. Алмазовъ написалъ стихотвореніе „Крестоносцы“ *. Ликованія продолжались, а съ Запада шли къ намъ грозныя тучи, чувствовалось, что ликованію наступаетъ конецъ. У Иверской, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ и на Воздвиженкѣ въ казенной палатѣ, раздавались стоны и рыданія рекрутскихъ женъ и матерей.

„Наборъ!“ Боже, что это за страшное слово было въ то время! Что за страшныя сцены совершались въ рекрутскихъ присутствіяхъ!

— Годенъ въ команду! раздается голосъ предсѣдателя рекрутскаго присутствія.

— Богъ съ тобой, Микита Митричъ! Задаромъ ты нашу семью раззоряешь; говоритъ, всплипывая, рекрутъ сдатчику — міроѣду: твоему племяннику идти слѣдоваетъ.

— Ваше сіятельство, вырываясь изъ рукъ солдата, говоритъ обращаясь къ присутствію, рекрутъ:—Я могу! Нужды нѣтъ, что пьяный! Ежели мнѣ теперича еще поднести—я куда угодно!

— Ежели онъ деревню спалилъ—ему въ Сибири мѣсто, а ты его въ некрута царскіе привезъ, говоритъ старикъ крестьянинъ барскому приказчику. Которые на очереди, ты тѣхъ не отдаешь!

— Тятенька, голубчикъ! Затылочекъ замѣтить приказали, — радостно вскрикиваетъ молодой красивенькій парень, выскакивая изъ дверей присутствія. Расширеніе жилы!

— Тебѣ какъ затылокъ-то брить: по модному что ли? остритъ цирульникъ—солдатикъ изъ жидковъ.

— Намъ все одно—отвѣчаетъ за сына старикъ отецъ: стыда въ этомъ нѣтъ. Садись, Петруша, садись. Мать-то ужъ, чай, тамъ до сыта навылась!

---

* Впервые напечатано въ Русскомъ архивѣ за 1883 г. безъ имени автора. И. Г.

— Въ госпиталь на испытаніе! — раздается голосъ предсѣдателя.

— Въ гошпиталь на воспитаніе! — кричитъ солдатикъ, выпроваживая изъ присутствія „сомнительнаго“ рекрута.

— Я человѣкъ ломаный! Мнѣ сорокъ годовъ. У меня ужъ скрозь ребра кишки видно, а меня въ солдаты! Какой-же это порядокъ! Какой я солдатъ! Мнѣ, по Божьему-то, въ богадѣльню бы куда... Мало ли нашего брата мѣщанина путается, которые непутные сами продаются въ охотники. Я живописецъ, образа писалъ, никого не трогалъ...—говоритъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, блѣдный, худой, посадскій мѣщанинъ.

— Мастеровщина ваша такъ теперь и летитъ! — замѣчаетъ одинъ изъ сдатчиковъ. — Портныхъ очень начальство обожаетъ: какъ сейчасъ портной, такъ и пожалуйте!

— Портной теперь человѣкъ нужный.

— Ну, положимъ портной, — вмѣшивается кто-то:—а ежели сайками кто торгуетъ — тѣхъ за что? На Яузскомъ мосту вчера одного такъ съ лоткомъ въ пріемъ и потащили.

Сердце надрывалось,—больно было смотрѣть на новыхъ рекрутиковъ, препровождаемыхъ вечеромъ въ крутицкія казармы. Толпа, стоявшая нѣсколько часовъ безъ портокъ въ рекрутскомъ присутствіи, ожидая своей очереди, обезображенная жидомъ—цирульникомъ: — это было переселеніе душъ на 25 лѣтъ въ иной міръ, въ міръ розогъ, шпицрутеновъ, фухтелей, линьковъ, зуботычинъ.

Во время набора послѣдовалъ манифестъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Англіей и Франціей. Московскій трактиръ обругалъ Наполеона жуликомъ.

Въ театрѣ въ это время дѣла шли своимъ порядкомъ. Изъ Петербурга прислана была для постановки новая пьеса актера Григорьева „Подвигъ Марина“. Изъ уваженія ли къ подвигу, или по другимъ причинамъ, эту нелѣпость сыграли, и успѣха она никакого не имѣла.

Въ одинъ изъ спектаклей я узналъ отъ моего пріятеля, что Островскій написалъ новую пьесу „Бѣдность не порокъ“. На другой же день я пошелъ къ Александру Николаевичу. Онъ жилъ тогда у Николы въ Воробинѣ, подъ горой, на берегу рѣки Яузы, въ собственномъ небольшомъ деревянномъ домикѣ. Домикъ этотъ стоитъ и понынѣ. Но... тамъ, въ этомъ домикѣ, гдѣ великій художникъ свои „вѣщіе персты на живье струны вскладаше“ и эти струны пророкотали „Свои люди сочтемся“, „Грозу“, „Воеводу“,—тамъ теперь увеселительное заведеніе съ „распитіемъ на мѣстѣ“.

Александръ Николаевичъ принялъ меня крайне ласково, и я сталъ переписывать піесу у него въ кабинетѣ. На другой день его посѣтилъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Не придавая никакого значенія своимъ разсказамъ—у меня ихъ въ то время было три: „Сцена у квартальнаго надзирателя“, „Сцена у пушки“, и „Мастеровой“—я разсказалъ сначала одну сцену, потомъ другую, потомъ третью. Аполлонъ Александровичъ затребовалъ продолженіе, но у меня больше не было. Александръ Николаевичъ сдержанно, а Аполлонъ Александровичъ восторженно похвалили меня.

— Вы нашъ! воскликнулъ онъ, ударяя меня по плечу.

Дня черезъ два Александръ Николаевичъ читалъ піесу у себя. Собрались ее слушать: Н. А. Рамазановъ, П. М. Боклевскій, А. А. Григорьевъ, Ев. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ, А. И. Дюбюкъ и другіе. Ждали П. М. Садовскаго, но онъ не былъ. Всѣмъ присутствовавшимъ піеса была уже извѣстна: они слушали ее во второй разъ. Послѣ чтенія Александръ Николаевичъ предложилъ мнѣ разсказать мои сцены. Успѣхъ былъ полный. Съ этого вечера я сталъ въ этомъ высокоталантливомъ кружкѣ своимъ человѣкомъ. Евг. Н. Эдельсонъ сталъ мнѣ давать небольшія книжки для рецензіи въ „Москвитянинъ", а Аполлонъ Александровичъ настоятельно требовалъ, чтобы я написалъ что-нибудь для журнала. Я написалъ небольшую сцену „Просто случай", помѣщенную потомъ въ „Отечественныхъ запискахъ" 1855 года.

Александръ Николаевичъ меня вывозилъ въ свѣтъ до Погодина включительно. Мы были нѣсколько разъ у гр. Е. П. Растопчиной, у С. А. Пановой. Она жила на Собачьей площадкѣ. Сынъ ея, Николай Дмитріевичъ, страстный любитель музыки и литературы, устраивалъ у себя спектакли*. Въ одномъ изъ спектаклей участвовалъ Ал. Ник. въ роли Маломальскаго, и я вышелъ въ первый разъ на сцену въ роли половаго.

На этомъ спектаклѣ я въ первый разъ познакомился съ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ. Онъ остался очень доволенъ моими разсказами, и я несказанно былъ счастливъ, что вызвалъ смѣхъ у царя смѣха.

— Приходите ко мнѣ каждый день,—сказалъ мнѣ на прощанье Провъ Михайловичъ.

И сталъ я къ нему ходить каждый день и привязался я къ этому рѣдкому человѣку и геніальному артисту всей душой, и пользовался его взаимной любовью до конца его дней. Онъ тоже полюбилъ меня, и поручилъ мнѣ обученіе своего сына Миши грамотѣ. Мальчикъ оказался чрезвычайно способнымъ и мнѣ не стоило никакого труда заниматься съ нимъ **.

Принимала также участіе въ спектакляхъ Н. Д. Панова, графиня Растопчина, сама писавшая для себя небольшія піески, обыкновенно въ два-три лица и разыгрывала ихъ съ И. В. Самаринымъ, актеромъ Московскаго театра. Режиссерскую часть принимали на себя: Н. А. Рамазановъ и Н. И. Шаповаловъ. Спектакль заключался дивертисементомъ, въ которомъ участвовали А. И. Дюбюкъ, П. М. Садовскій и я.

Гостепріимныя двери Ап. Ал. Григорьева радушно отворялись каждое воскресенье. Молодая редакція „Москвитянина" бывала вся на лицо: А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, Е. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ, очень остроумно полемизировавшій въ то

---

[*] Одинъ изъ друзей Ал. Ник., который тогда и впослѣдствіи собиралъ и хранилъ всѣ черновыя рукописи его піесъ. Гдѣ теперь эти рукописи? И. Г.

[**] См. ниже воспоминаніе М. П. Садовскаго. *Прим. ред.*

время въ „Москвитянинѣ“ съ „Современникомъ“ подъ псевдонимомъ Ераста Благонравова. Шли разговоры и споры о предметахъ важныхъ, прочитывались авторами новыя ихъ произведенія: такъ, Борисъ Николаевичъ въ описываемое мною время въ первый разъ прочиталъ свое стихотвореніе „Крестоносцы“, Ал. Ант. Потѣхинъ, только что выступившій на литературное поприще, свою драму: „Судъ людской—не Божій“, А. Ѳ. Писемскій, ѣхавшій изъ Костромы въ Петербургъ на службу, устно изложилъ планъ задуманнаго имъ романа „Тысяча душъ“. За душу хватала русская пѣсня въ неподражаемомъ исполненіи Т. И. Филиппова; ходенемъ ходила гитара въ рукахъ М. А. Стаховича; сплошной смѣхъ раздавался въ залѣ отъ разсказовъ Садовскаго; Римомъ вѣяло отъ итальянскихъ пѣсенокъ Рамазанова. Вотъ одна изъ его пѣсенокъ:

Отслужили литанію
Богоматери святой.
И засѣлъ въ исповѣдницу
Капуцынъ сѣдой.
Передъ старцемъ на колѣняхъ,
Утопаючи въ слезахъ,
Маріуччи молодая
Кается въ грѣхахъ.
Padre mio! Влюблена я...
Что жъ, мое дитя,
То не смертный грѣхъ—
Случалось, былъ влюбленъ и я.
Вотъ что, Padre, онамедни,
Дома я была одна,
Мама съ братомъ у обѣдни,
Я стояла у окна...
Вдругъ стучится кто-то въ двери...
Сердце замерло во мнѣ!
То былъ онъ!.. Мадонна Sancta!
Буду я горѣть въ огнѣ?
— И ты двери отворила?...
Sancta Trinita!—
Отворила, что ты, Padre!
Дверь была не заперта.

Бывали на этихъ собраніяхъ: Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, Никита Ив. Крыловъ, Карлъ Францовичъ Рулье. Изъ музыкально-артистическаго міра: А. И. Дюбюкъ, И. К. Фришманъ, пѣвецъ Бантышевъ и др. Не пренебрегалъ этотъ кружокъ и дикимъ сыномъ степей, кровнымъ цыганомъ Антономъ Сергѣевичемъ, необыкновеннымъ гитаристомъ, и купцомъ „изъ русскихъ“ Михайломъ Сергѣевичемъ Соболевымъ, голосъ котораго не уступалъ пѣвцу Маріо.

Чуть не каждый день Александръ Николаевичъ уѣзжалъ куда-нибудь читать свою новую піесу. Толковъ и разговоровъ объ ней по Москвѣ было много. Наконецъ, она назначена къ представленію. Роли были розданы, и авторъ прочелъ ее артистамъ въ одной изъ уборныхъ Малаго театра.

Часто посѣщая Прова Михайловича за кулисами во время репетицій и спектаклей, я перезнакомился со всѣми артистами. Московская труппа того времени сіяла своими талантами. Маститый ветеранъ сцены Щепкинъ, хотя и готовился къ празднованію своего пятидесятилѣтняго юбилея, но талантъ его не угасалъ. Городничій, Фамусовъ, Утѣшительный—являлись на сценѣ все тѣми же нестарѣющими созданіями. Колоссальный талантъ Садовскаго, послѣ исполненія имъ купца Русакова въ „Не въ свои сани не садись“ Островскаго, выросъ во всю мѣру; молодое дарованіе Сергѣя Васильева проявилось во всемъ блескѣ. Самаринъ, въ своемъ неблагодарномъ репертуарѣ молодыхъ людей, стоялъ очень высоко; Шумскій, вернувшійся изъ Одессы, сразу занялъ въ труппѣ почетное мѣсто. А какіе были первоклассные актеры: Живокини, Никифоровъ, Степановъ!... Женскій персоналъ, хотя сравнительно и бѣдный по количеству—не отставалъ отъ мужского по качеству. Какіе слезы извлекала у зрителей Л. П. Косицкая; какими живыми лицами являлись на сценѣ Агр. Тим. Сабурова, С. П. Акимова и сестры Бороздины—Варвара и Евгенія; съ какой художественной правдой передавала свои роли Екат. Николаевна Васильева.

Мнѣнія въ труппѣ относительно новой пьесы раздѣлились. Хитроумный Щепкинъ, которому была назначена роль Коршунова, рѣзко порицалъ піесу. Онъ говорилъ: „бѣдость—не порокъ, да и пьянство—не добродѣтель“. Шумскій слѣдовалъ за нимъ. Онъ говорилъ: „вывести на сцену актера въ поддевкѣ, да въ смазныхъ сапогахъ—не значитъ сказать новое слово“. Самаринъ, принадлежавшій къ партіи Щепкина, хотя и чувствовалъ, что роль [Митя] въ новой піесѣ ему не по силамъ—молчалъ. А Петръ Гавр. Степановъ говорилъ: „Михайлу Семенычу съ Шумскимъ Островскій поддевки-то не по плечу шьетъ, да и смазные сапоги узко дѣлаетъ,—вотъ они и сердятся“. Точно: ни ветерану русской сцены, блестящему первому любовнику Самарину, ни прекрасному [водевильному въ то время] актеру Шумскому, новые, невѣдомые имъ типы Островскаго не удавались. „Новое слово“ великаго писателя застало ихъ врасплохъ. Для этого „слова“ выдвинулись свѣжыя, молодыя силы въ лицѣ: С. В. Васильева и Л. П. Косицкой, и, соединившись съ Садовскимъ и Степановымъ, поставили репертуаръ Островскаго такъ высоко, что онъ на долгое время сдѣлался господствующимъ на московской сценѣ.

Михайло Семеновичъ долженъ былъ посторониться, и, мнѣ кажется, въ этомъ и вся причина его нерасположенія къ піесамъ новаго писателя. Невозможно, чтобы могъ величайшій изъ русскихъ артистовъ, видавшій на своемъ вѣку всякіе виды, жившій духовной жизнью въ самомъ ученомъ и образованномъ кругу, 50 лѣтъ прослужившій драматическому искусству—могъ не понять такихъ созданій, какъ „Свои люди—сочтемся“, „Бѣдная невѣста“, „Не въ свои сани не садись“...., а онъ прямо говорилъ, что онъ ихъ не признаетъ, а объ „Грозѣ“ отзывался съ отвращеніемъ. Въ спорѣ объ этой пьесѣ онъ до того разгорячился, что стукнулъ костылемъ и со слезами сказалъ:

— Простите меня! Или я отъ старости поглупѣлъ, или я такой упрямый, что меня сѣчь надо.

Садовскій объяснялъ это по своему:

— Ну, положимъ, Михаилъ Семеновичъ можетъ дурить на старости лѣтъ: онъ Западникъ: его Грановскій наспрынцовываетъ,— а какой же Шумскій западникъ? Онъ—Чесноковъ.

Объясняли это еще тѣмъ, что кругъ, въ которомъ вращался Михаилъ Семеменовичъ такъ называвшійся въ то время „западники“ [Грановскій, Кудрявцевъ, Катковъ], непривѣтливо смотрѣвшіе на новаго автора, который, за принадлежность къ „Молодой Редакціи“ „Москвитянина“, сопричастенъ былъ къ лику славянофиловъ.

Все-таки на концѣ своей славной жизни, года за три или четыре до смерти, ветеранъ-художникъ протянулъ руку примиренія Любиму Торцову и сыгралъ его въ Нижнемъ-Новгородѣ [не знаю— повторилъ ли онъ эту роль въ Москвѣ]. Съ потокомъ слезъ обнялъ онъ и...

Мы участвовали на литературномъ утрѣ въ Московской четвертой гимназіи, въ домѣ Пашкова. Читали: А. Н. Островскій, П. М. Садовскій, М. С. Щепкинъ, С. В. Шумскій, И. В. Самаринъ и я. Блестящая публика собралась на наше чтеніе, тѣмъ болѣе, что сборъ съ него поступалъ въ одно изъ благотворительныхъ заведеній, и раздачу билетовъ приняли на себя дамы высшаго свѣта.

Вышелъ на эстраду Михаилъ Семеновичъ. Долго неумолкавшимъ громомъ рукоплесканій встрѣтила его публика. Кончился восторженный пріемъ. Михаилъ Семеновичъ стоитъ молча... Аплодисменты раздаются снова... Молчаніе.

— Старикъ забылъ—говоритъ Шумскій.

Гробовое молчаніе.

— Столбнякъ нашелъ! Надо выдти подсказать—говорятъ. На меня палъ жребій идти на эстраду.

— Что подсказать? Кажется на афишѣ не было назначено, что онъ будетъ читать. Кто говоритъ—Полководецъ Пушкина; кто говоритъ про Жакартовъ станокъ—стихотворенія, которыя онъ читалъ часто.

> Нашъ Щепкинъ не разъ про Жакартовъ станокъ
> Разсказывалъ намъ со слезами,—
> И самъ я отъ слезъ удержаться не могъ,
> И плакали Корши всѣ съ нами.

Рѣшили: про Жакартовъ станокъ.

Я вышелъ на эстраду и сказалъ совсѣмъ растерявшемуся Михаилу Семеновичу первый стихъ:

> Честь и слава всѣмъ трудамъ ..

Старикъ воспрянулъ и съ страстнымъ одушевленіемъ прочиталъ стихотвореніе [это было за два года до его смерти].

— Что съ вами, Михаилъ Семеновичъ?—окружили его, когда онъ вошелъ въ залу, изъ которой выходили на эстраду.

— Да ужъ должно быть къ праотцамъ пора! А тебѣ большое спасибо!—обратился онъ ко мнѣ: я думаю тебѣ конфузнѣе было выходить, чѣмъ мнѣ молча стоять.

— Мы не знали, что̀ вы хотите читать: мы думали подсказать вамъ Полководца—сказалъ Самаринъ.

— Совсѣмъ бы зарѣзали! Полководца ужъ я давно не читалъ, а это-то сегодня раза три пробѣжалъ—отвѣчалъ Щепкинъ.

Съ потокомъ слезъ обнялъ онъ меня и въ то же время Островскаго. Сцена была чувствительная. Не помню словъ, какія говорилъ Щепкинъ, но помню, что Александръ Николаевичъ очень растрогался.

— Какой счастливый Александръ Николаевичъ—сказалъ Садовскій, когда мы пошли домой.

— Чѣмъ?

— Какъ чѣмъ? Михаилъ Семеновичъ то „пріидите поклонимся“ ему сдѣлалъ.

Въ театрѣ также были славянофилы и западники. Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ были западники, Садовскій былъ славянофилъ.

— Любовь, ты западница или славянофилка?—обратился разъ Садовскій къ Л. П. Косицкой.

— Я, милый мой, на всякое дѣло гожусь, лишь бы правда была. Ты какой вѣры—славянофилъ? Ну, я съ тобой на край свѣта пойду. А вотъ Шумскій западникъ,—можетъ его вѣра и лучше твоей, только отъ насъ подальше,—отвѣчала веселая Любовь Павловна.

Знаменитая актриса Аграфена Тимофѣевна Сабурова называла театральныхъ западниковъ „хлыстами“.

— Сережа,—говорила она С. В. Васильеву: ты не вздумай въ ихъ компанію перейти,—я съ тобой играть не стану.

Садовскому отъ западниковъ сильно доставалось. Ленскій писалъ на него грубыя эпиграммы и вообще на его счетъ острословилъ. Какъ актеръ, онъ стоялъ далеко не на первомъ планѣ, хотя и игралъ Хлестакова, но зналъ французскій языкъ, хорошо переводилъ и передѣлывалъ водевили, писалъ гладко стихи, что̀ въ то время ставилось въ заслугу, образованья былъ не высокаго, эпиграмма его не была „хохотунья“, и часто обличала въ ея авторѣ отсутствіе литературнаго вкуса, ни для акафиста ему, ни для печатнаго станка не годятся, но въ своемъ кружкѣ, въ веселой компаніи, въ купеческомъ клубѣ, въ кофейной Московскаго трактира—цѣна ей была высокая. Оставшіеся въ живыхъ, уже убѣленные сѣдинами, бывшіе бражники и весельчаки до нынѣ вспоминаютъ веселыя бесѣды съ участіемъ Д. Т. Ленскаго, человѣка нервнаго и раздражительнаго. Пословица говоритъ: „Для краснаго словца не пожалѣетъ родного отца“. Такъ и онъ: поздравляя, со слезами на глазахъ, М. С. Щепкина съ предстоящимъ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ, онъ въ ту-же минуту изрекъ:

Заиграетъ оркестръ Сакса,
И запѣнится Аи,
Зарыдаетъ старый плакса,
А съ нимъ денежки мои.

Приглашенный на одинъ роскошный обѣдъ въ какой-то ресторанъ въ качествѣ гостя, онъ даетъ такой отчетъ объ этомъ обѣдѣ:

Обѣдъ нашъ былъ весьма негоденъ,
Не много было и ума:
Намъ рѣчи говорилъ Погодинъ,
А деньги заплатилъ Кузьма *.

Мы всѣ ждали съ нетерпѣніемъ перваго представленія „Бѣдность не порокъ“. Начались репетиціи, и мы съ Александромъ Николаевичемъ бывали на сценѣ каждый день. Наконецъ піеса 25 января 1854 года была сыграна и имѣла громадный успѣхъ. Садовскій въ роли Любима Торцова превзошелъ самого себя. Театръ былъ полонъ. Въ первомъ ряду креселъ сидѣли: гр. Закревскій и А. П. Ермоловъ, большой почитатель Садовскаго.

— „Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ!“—воскликнулъ по окончаніи пьесы сидѣвшій съ нами учитель россійской словесности, надѣвая пальто.

— Что же вы этимъ хотите сказать?—спросилъ студентъ: я не вижу въ Любимѣ Торцовѣ идеала. Пьянство не идеалъ.

— Я правду вижу!—отвѣтилъ рѣзко учитель: да-съ, правду! Шире дорогу! Правда по сценѣ идетъ. Любимъ Торцовъ—правда! Это—конецъ сценическимъ пейзанамъ, конецъ Кукольнику: воплощенная правда выступила на сцену.

„Московскія Вѣдомости“, единственная тогда газета, не обмолвилась ни однимъ словомъ о новой пьесѣ; лишь Н. Ѳ. Щербина почтилъ автора гнусной эпиграммой.

Вплоть до масляницы пьеса не сходила съ репертуара, не смотря на то, что и загораживала гостившая въ то время въ Москвѣ знаменитая Рашель. Москва чествовала ее по-московски: въ послѣдній спектакль на масляницѣ въ воскресенье, ей поднесенъ былъ отъ публики серебряный кубокъ съ изображеніемъ московскаго герба; М. С. Щепкинъ каллиграфическую рукопись „Сцены изъ скупого рыцаря“. Къ рукописи были приложены картинки, заимствованныя изъ содержанія сценъ, два вида Москвы, свой портретъ, и французскіе стихи „мастерски написанные женщиной—поэтомъ“, какъ сказано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Говорили, что стихи писала Гр. Растопчина. Западники были въ полномъ увлеченіи отъ Рашели, а славянофилы воздавали „коемуждо по дѣломъ его“. Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ отвѣтилъ Щербинѣ тоже эпиграммой и написалъ стихотвореніе „Рашель и правда“.

Злоба Щербины не имѣла границъ. Онъ кромѣ злостной эпиграммы поддерживалъ еще клевету на Александра Николаевича въ плагіатѣ первой комедіи. Клевета эта печатно поднималась два раза, пока не вызвала протеста А. Н., напечатаннаго въ „Современникѣ“. Клеветники приписывали пьесу купеческому сыну Гореву, который написалъ ужаснѣйшую дребедень подъ заглавіемъ „Сплошь да рядомъ“, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Одинъ актеръ хлопоталъ о пропускѣ ея въ театрально-литературномъ

---

* Кузьма Терентьичъ Солдатенковъ. И. Г.

комитетѣ. Комитетъ былъ послѣдователенъ въ притѣсненіи Островскаго. Комитетъ пропустилъ и вскорѣ „ничтоже сумняся“ забраковалъ прелестнѣйшую комедію Островскаго „Свои собаки грызутся“. Спустя годъ министръ двора гр. Влад. Фед. Адлербергъ велѣлъ пьесу пересмотрѣть вновь,—другими словами—пропустить. Комитетъ съ важностію занесъ въ журналъ. Пьеса была сыграна съ большимъ успѣхомъ и долго оставалась на репертуарѣ, а членъ театрально-литературнаго комитета Ротчевъ, послѣ перваго представленія написалъ въ „Инвалидѣ“ о неуспѣхѣ пьесы и окончательномъ паденіи таланта Островскаго. Изъ четырехъ членовъ театрально-литературнаго комитета, подавшихъ голосъ противъ пьесы, остались неизвѣстными для потомства три: четвертый этотъ заявилъ себя печатно [А. В. Ротчевъ], отозвавшись крайне неодобрительно и съ чувствомъ озлобленія. Я написалъ противъ его отчета нѣсколько словъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и дорого за это поплатился. Мнѣ было сдѣлано отъ начальника репертуара строгое внушеніе, что, состоя на службѣ, и т. д. Сколько я ни оправдывался, что это дѣло частное, нисколько до службы моей не относящееся, но начальство стояло на своемъ.

De mortuis..., но Ротчевъ не былъ въ театрѣ и пьесы не видалъ, и былъ въ этомъ уличенъ. Подобные отчеты бывали прежде нерѣдко. Писались даже отчеты заблаговременно. Такъ, директору Сабурову одна русская княгиня за границей рекомендовала принять на службу въ русскую оперу соотечественника, обладавшаго, по ея словамъ, необыкновеннымъ голосомъ. Въ самомъ же дѣлѣ у этого пѣвца голосу было только на пятиалтынный. Директоръ исполнилъ просьбу и заключилъ съ пѣвцомъ контрактъ. Газеты зашумѣли: изъ заграницы ѣдетъ необыкновенный пѣвецъ, беретъ „утъ-діезъ“ чище Тамберлика, будетъ дебютировать въ Отелло и т. п. Явился этотъ пѣвецъ. То былъ Кравцовъ. На репетиціи дебютантъ проявилъ всѣ данныя ему Богомъ голосовыя средства: оказалось очень мало. Но этому не повѣрили: одни отнесли къ застѣнчивости, другіе къ желанію дебютанта показать себя во всемъ блескѣ на первомъ представленіи. Петръ Ильичъ Юркевичъ, членъ театрально-литературнаго комитета, принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Ѣдучи въ театръ, онъ завезъ въ типографію одной газеты, въ которой былъ постояннымъ сотрудникомъ, нѣсколько прочувствованныхъ словъ о первомъ дебютѣ: „При появленіи пѣвца—феномена зала задрожала отъ рукоплесканій“. „Утъ-діезъ“ поразилъ всѣхъ, какъ громомъ. Весь фешенебельный Петербургъ присутствовалъ на торжествѣ молодого дебютанта. Подробности завтра“. Дѣйствительно въ залѣ Маріинскаго театра весь фешенебельный Петербургъ былъ въ этотъ вечеръ. Дѣйствительно раздались аплодисменты при появленіи новаго пѣвца, но не только утъ-діеза, даже никакого голоса фешенебельному Петербургу пѣвецъ не предъявилъ, обезпокоилъ только почтеннѣйшаго Юркевича, который, во время антракта, долженъ былъ съѣздить въ типографію и взять у наборщика свой восторгъ обратно.

Въ одну изъ поѣздокъ по Волгѣ,—въ Казани я познакомился съ Горевымъ: онъ былъ актеромъ въ казанской труппѣ. Это былъ настоящій Любимъ Торцовъ. Оборванный, обдерганный пьяница, неоднократно подвергавшійся припадкамъ бѣлой горячки, человѣкъ буйный. Передъ моимъ съ нимъ знакомствомъ онъ только что вышелъ изъ больницы, гдѣ лечился отъ нанесенной ему какимъ-то трагикомъ въ животъ раны той же самой посудой, изъ которой они вмѣстѣ пили. Да не подумайте, что я кладу очень густыя краски на эту личность для того, чтобы выставить ее рельефнѣе, — нѣтъ! — это есть истинная правда. Въ дни оны подобные люди представляли типъ. Они обыкновенно выходили изъ раззореннаго купеческаго гнѣзда. Раззорился, напр., купецъ и побрели розно всѣ родственники, составлявшіе домъ: „купеческіе братья, купеческіе племянники, тетки и т. п.“. Безсильныя и дряхлыя, становившіяся на паперти церковной, тетки расползаются по пустынямъ и монастырямъ, въ которыхъ онѣ прежде считались благодѣтельницами. Молодежь, вкусившая на дядинъ капиталъ всѣхъ прелестей прежней нижегородской ярмарки съ ея историческимъ селомъ Кунавинымъ, съ трактирами Никиты Егорова, Барбатенки и т. п., путались по Москвѣ безъ всякаго дѣла. Иные пристраивались къ какому-нибудь пѣвческому хору, другіе продавались въ солдаты, а нѣкоторые поступали въ актеры. Такихъ актеровъ прежде въ провинціи можно было встрѣтить много. Горевъ происходилъ именно изъ раззореннаго купеческаго гнѣзда. Я не могу понять, какимъ образомъ литературнымъ людямъ, бесѣдовавшимъ съ Горевымъ, могли притти въ голову, что онъ могъ написать такую высокую комедію, какъ „Свои люди сочтемся?“ Вѣдь это былъ человѣкъ необразованный, даже мало развитой. Съ особеннымъ чувствомъ эта клевета поддерживалась въ одномъ петербургскомъ литературномъ кружкѣ. Въ 1846 году Тертій Ив. Филипповъ познакомился съ Островскимъ и засталъ пьесу черновою. Самъ онъ третій актъ переписывалъ съ Ник. Вас. Кидошенковымъ.

Вѣроятно эту сплетню распустилъ самъ Горевъ, потому что не на одного Островскаго онъ посягнулъ: Горевъ впослѣдствіи присвоивалъ себѣ пьесу Чернышева „Не въ деньгахъ счастье“, но эта сплетня дальше актерскаго кружка не пошла.

Горевъ, въ разговорѣ со мною, уклонялся разъяснить мнѣ эту гнусную исторію, но назвалъ лицъ, которые ему покровительствовали въ Москвѣ. Это былъ несчастный человѣкъ, страдавшій галюцинаціями. Онъ умеръ, подавившись рыбной костью.

Вслѣдъ за Островскимъ попробовали свои силы въ изображеніи купеческаго быта: актеръ Красовскій, написавшій комедію „Женихъ изъ ножовой линіи“, Мих. Ник. Владыкинъ — пьесу „Купецъ Лабазникъ“. Она и до сихъ поръ играется въ провинціи, но въ Москвѣ была снята послѣ нѣсколькихъ представленій по распоряженію Гр. Закревскаго, и вотъ почему. Владыкинъ былъ военный инженеръ; написалъ свою комедію въ Петербургѣ. Главное дѣйствующее лице въ пьесѣ былъ купецъ Голяшкинъ, которую въ Москвѣ игралъ Садовскій. На несчастье автора въ Москвѣ отыскался не вымышленный, а настоящій купецъ Голяшкинъ. Пошелъ по купечеству разговоръ. Заходили слухи, что племянники Голяшкина, по злобѣ на дядю, заказали написать пьесу, чтобы „пустить на него мараль“. Хотя въ пьесѣ никакихъ намековъ на настоящаго Голяшкина не было, но все-таки она была снята въ уваженіе заслугъ его по благотворительнымъ учрежденіямъ. Запрещеніе мотивировали тѣмъ, что въ пьесѣ унижается благородное сословіе.

За Владыкинымъ выступилъ ходатай по судамъ отъ купечества Н. З. Захаровъ, котораго купцы звали Сахаръ Сахарычемъ.

Затѣмъ написалъ піесу купецъ Солодовниковъ. Этому творенію не суждено было восхищать публику: оно осталось въ конторѣ у автора. Оба же эти произведенія кружились около „Свои люди“ и „Не въ свои сани“. Далѣе принесъ на рецензію Александру Николаевичу піесу изъ купеческаго быта Осиповъ: ее не играли, но впослѣдствіи она была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Въ теченіе трехъ лѣтъ три піесы новаго автора [„Бѣдная невѣста“, „Не въ свои сани“ и „Бѣдность не порокъ“] сдѣлали крупный поворотъ драматическаго репертуара на новую дорогу. Затребовались бытовыя піесы. Этому повороту помогли одновременно съ первой піесой Островскаго появившіяся на сценѣ піесы: Сухово-Кобылина „Русская свадьба“, драма „Разставанье“ Родиславскаго, потомъ піесы изъ народнаго быта: „Судъ людской — не Божій“ А. А. Потѣхина, и другія. Полевой, Кукольникъ, Ободовскій и вся французская мелодрама сошли со сцены. Мелодраму, впрочемъ, изрѣдка поддерживалъ М. С. Щепкинъ, неподражаемо исполняя роль „Матроса“ въ піесѣ того же названія. Шекспиръ, немножко сконфуженный Самаринымъ въ роли Гамлета*, тоже посторонился и далъ дорогу новому репертуару, тѣмъ болѣе, что Леонидъ Львовичъ Леонидовъ, лучшій представитель каратыгинскихъ традицій, вызванный въ Москву для замѣщенія Мочалова, былъ снова вызванъ въ Петербургъ, для замѣщенія скончавшагося Каратыгина.

Каратыгинъ не высоко стоялъ во мнѣніи нашихъ учителей: онъ отличный актеръ, но не Павелъ Степановичъ [Мочаловъ],—до него ему далеко.

— Да-съ, батюшка, далеко,—говорилъ Садовскій. Вотъ Аполлонъ чудесно сказалъ:

Мы Веронику съ нимъ любили,
За честь сестры мы съ Гюгомъ мстили.
И,—человѣкъ ужъ былъ таковъ:
Мы терпѣливо выносили
Какъ въ драмѣ хвасталъ Ляпуновъ **.

— Позвольте вамъ доложить,—заносчиво возразилъ бывшій въ Москвѣ молодой петербургскій актеръ: Бѣлинскій сказалъ о Каратыгинѣ въ „Велизаріи“...

— Это для васъ,—обидѣлся Садовскій: для санктъ-петербургскихъ, Бѣлинскій—евангеліе, а для насъ онъ ничего не значитъ. Мы сами кое-что понимаемъ и безъ Бѣлинскаго. Бѣлинскій намъ не указъ. Мы своимъ умомъ живемъ. Да что тутъ и играть-то въ Велизаріи? Всякій московскій протодьяконъ сыграетъ Велизарія. Кричи громче вотъ тебѣ и Велизарій! А вотъ Гамлета вамъ Каратыгинъ играетъ очень нехорошо, а Павелъ Степанычъ.. .Да вотъ что!—разгорячился Садовскій: я игралъ съ нимъ въ Гамлетѣ Гильдельштерна.

---

* При постановкѣ Гамлета въ бенефисъ Самарина, М. С. Щепкинъ собралъ у себя артистовъ, участвовавшихъ въ піесѣ. И. Г.

** Стихотворный прологъ А. А. Григорьева „Рашель и правда“. И. Г.

— „Сыграй мнѣ что-нибудь“—говорилъ онъ, подавая мнѣ флейту...

— „Я не умѣю, принцъ...“—отвѣчалъ я, взглянувши на него... Чувствую по всему тѣлу ознобъ, зубы у меня задрожали. Съ этой минуты я и постигъ, что значитъ актеръ.

— Значитъ вы находите, что у Мочалова было больше, какъ говорятъ французы...., чѣмъ у Каратыгина?

Садовскій ехидно улыбнулся, потому-что споривщій щегольнулъ французской фразой, не зная французскаго языка.

— Не знаю, что французы говорятъ, а вотъ у насъ говорятъ, что Мочалова съ вашимъ Каратыгинымъ равнять нельзя. Мочаловъ—геній!

— Нельзя-же отказать Каратыгину...

— Да мы и не отказываемъ, а сажаемъ всякаго на свое мѣсто. Мартыновъ у васъ—вотъ актеръ! Чудеснѣйшій актеръ! Ну, какой Каратыгинъ Гамлетъ, какой онъ Чацкій? Это какой-то директоръ департамента... Отнимите у него ростъ, что онъ съ однимъ своимъ басомъ сдѣлаетъ? Онъ холодный актеръ, дѣланный: ему только и играть Кукольника до Ободовскаго...

— А Бѣлинскій!..—вскочилъ актеръ.

— Ну, что Бѣлинскій? И Бѣлинскій говоритъ, что онъ Гамлета играть не умѣетъ.

Прекрасно сыгранная Л. Л. Леонидовымъ въ Москвѣ роль была въ піесѣ „Бенвенуто-Челини“, и чуть-ли она была не послѣдняя въ его огромномъ репертуарѣ. Мнѣ кажется, что послѣ этой піесы, пародируя стихъ поэта:

Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Рядъ ролей своихъ,
Шапку на брови надвинулъ,
И на вѣкъ затихъ.

И много тогда затихало актеровъ!

Не безъ сожалѣнія разсталась съ Леонидовымъ Москва, привыкшая любить его. Съ грустью разстались съ нимъ друзья его: А. Н. Островскій и П. М. Садовскій и всѣ товарищи по искусству.

Въ моемъ собраніи автографовъ есть письмо знаменитой въ наши дни актрисы М. Д. Львовой-Синецкой къ Ѳ. А. Кони: „Вы, я думаю, уже слышали новость театральную, что къ вамъ въ Петербургъ берутъ отъ насъ Леонидова. Признаюсь, это—потеря для нашего театра: онъ сдѣлался замѣчательнымъ артистомъ“.

Домъ Леонида Львовича былъ открытъ для представителей всѣхъ родовъ искусства: актеры, литераторы, художники, пѣвцы: всѣ были его дорогими гостями, читали, играли на бильярдѣ, пѣли, спорили. Больше всѣхъ, по своей горячей натурѣ, спорилъ самъ хозяинъ. Въ числѣ его друзей чаще всѣхъ можно было встрѣтить А. Н. Дьякова. Прекрасный каллиграфъ, равнаго которому не было въ Москвѣ [его прописи для юношества были въ употребленіи почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ], рисовальщикъ перомъ, подражатель Мочалову въ чтеніи стиховъ, самъ стихотворецъ, другъ поэта Полежаева, страстный любитель театра, самъ пробовавшій свои силы на императорской сценѣ въ драмѣ „Жизнь игрока",—этотъ человѣкъ велъ бездомную, скитальческую жизнь и кончилъ дни свои въ больницѣ. Ни одного его стиха не было напечатано, но въ рукописи они были распространены. Особенно нравилось его посланіе къ друзьямъ изъ больницы. Привожу нѣсколько стиховъ:

За безгрѣшность житья
На больничную я
Попалъ койку,—
Гдѣ смекаютъ умомъ
Въ организмѣ моемъ
Перестройку.
И ударъ былъ, друзья,
Отъ хмѣльного питья—
Съ перепою.
День и ночь я, друзья
Былъ свиньею свинья
Отъ настою.
Больше всѣхъ экономъ
За больничнымъ столомъ
Смотритъ строго.
Съ нимъ инструкція есть,
Чтобъ по формѣ всѣмъ ѣсть,
Ѣсть немного.
А ужъ сколько сортовъ
Мнѣ втираютъ спиртовъ
Все снаружи.
Но ихъ въ тѣло втирать,
Чѣмъ въ утробу вливать
Много хуже.
и т. д.

Одно время онъ пребывалъ у Меркли [писалъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ" подъ псевдонимомъ Іеронима Южнаго]. Матушка Меркли получила изъ своего имѣнія балыковъ. Дьяковъ обращается съ такимъ посланіемъ:

Вчера изъ Харькова балыкъ
Остановился въ домѣ Меркли,
А тотъ балыкъ ужъ такъ великъ,
Что даже очи всѣхъ померкли.
Вчера изъ Харькова балыкъ
Пріѣхалъ въ древнюю столицу,
А тотъ балыкъ ужъ такъ великъ,
Что могъ прельстить бы и царицу.

Но я не царь и не царица,
А просто Алексѣй Дьяковъ,
Пришлите-жъ не смотря на лица
Намъ на закуску балыковъ.

А вотъ еще обращеніе его къ Фебу:

О, Фебъ, къ тебѣ я обращаю
Съ молитвой чистой голосъ мой,
Но не китайскаго я чаю,
Прошу съ больною головой,
Не жирныхъ рябчиковъ въ причудѣ—
Съ салатомъ, свѣжимъ огурцомъ,—
Не стерлядь пышную на блюдѣ,
Роскошно свернуту кольцомъ.
Мое желанье не роскошно,
Не прихотливое оно:
О, Боже, Боже, какъ мнѣ тошно,
Щемитъ въ груди моей давно...
О, Фебъ, вѣдь только лишь семь гривенъ
На водку пѣнную прошу,
А семь копѣекъ, что ты дивенъ,
На твой я жертвенникъ вношу.

Переводъ Леонидова въ Петербуръ не былъ особымъ счастьемъ для артиста, а скорѣе окончаніемъ его артистической карьеры. При полномъ развитіи своего таланта и сценической опытности онъ не нашелъ себѣ [на петербургской сценѣ] репертуара [напр. въ новомъ произведеніи Кукольника „Ермилъ Костровъ“ первенствовалъ В. В. Самойловъ, который сталъ также играть Шекспира]. Со смертью Каратыгина и Брянскаго репертуаръ Шекспира заглохъ, давали одного Гамлета, котораго игралъ А. М. Максимовъ. Блестящая роль Людовика XI [„Заколдованный домъ“], въ которой былъ великъ Каратыгинъ, хотя была по плечу и въ средствахъ возвратившемуся „во своя“ артисту, но свои его не пріяша: эту роль тоже и крайне неудачно сыгралъ А. М. Максимовъ, который изъ водевильнаго актера и любимаго перваго любовника превратился въ неудачнаго трагика *. Почтенному артисту пришлось доѣдать объѣдки, оставшіеся отъ „многопестротной трапезы“

---

* Петербургъ любилъ этого артиста. Въ водевиляхъ онъ игралъ необыкновенно весело и развязно, за то эту веселость и развязность онъ переносилъ и на серьезныя роли, напр. Хлестакова, который являлся въ его исполненіи лицемъ водевильнымъ, даже съ примѣсью шаржа. Въ роляхъ первыхъ любовниковъ онъ являлся необыкновеннымъ франтомъ, и недостатокъ воодушевленія возмѣщалъ часто крикомъ. И это франтовство онъ переносилъ на роли, которыя этого совсѣмъ не требовали, напр., въ роли Чацкаго онъ выходилъ во фракѣ, фалды котораго были изъ бѣлаго атласа, а крикъ его въ послѣднемъ актѣ „Горе отъ ума“, я увѣренъ, видѣвшіе его въ этой роли, до сихъ поръ помнятъ.

„Бѣгу нне... огля-нусь, пойду искать ппа-свѣту“, и т. д.

— Не играетъ, а реветъ — сказалъ одинъ разъ про него А. Ѳ. Писемскій.

Впрочемъ я, можетъ, ошибаюсь, мѣряя на свой московскій аршинъ. Мнѣ многое казалось нехорошо, чему публика рукоплескала.

Критика того времени не замѣчала почтенному артисту этихъ недостатковъ, а можетъ быть это было во вкусѣ времени: рѣдко кого такъ радушно и весело встрѣчала и провожала публика.

Каратыгина, т. е. сѣсть на старый, совершенно заигранный репертуаръ [„Жизнь игрока“, „Параша Сибирячка“, „Скопинъ-Шуйскій“ и т. п.]—репертуаръ, который быстро вытѣснялся новымъ бытовымъ репертуаромъ. Были уже сыграны: „Бѣдная невѣста“, „Не въ свои сани“, „Бѣдность не порокъ“, потомъ явилась пьеса изъ народнаго быта А. А. Потѣхина „Чужое добро въ прокъ нейдетъ“, въ которой Мартыновъ проявилъ всю силу геніальнаго таланта. А тутъ появился гр. Соллогубъ со своимъ благороднымъ чиновникомъ, крикнувшимъ со сцены на всю Россію, что пришла пора „искоренить зло съ корнями!“. А потомъ чиновникъ Львова [„Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“] простоналъ „тяжела жизнь бѣднаго чиновника“.

Публикѣ такъ понравились эти пьесы, что послѣднюю изъ нихъ она просмотрѣла болѣе двадцати пяти разъ сряду. Затѣмъ явилась піеса Чернышева „Не въ деньгахъ счастье“; затѣмъ „Гроза“ Островскаго, въ которыхъ Мартыновъ окончательно убилъ всѣ пріемы старой Каратыгинской школы, и каратыгинскому репертуару отведено было мѣсто въ воскресныхъ спектакляхъ, въ бенефисы инвалидамъ, даваемыхъ военнымъ кавалерамъ.

Я нѣсколько отвлекся отъ послѣдовательнаго разсказа.

Я сказалъ, что послѣ трехъ піесъ новаго автора на сценѣ сдѣлался крутой поворотъ въ другой репертуаръ. Этотъ поворотъ тотчасъ отразился и на провинціи, гдѣ царила и переводная и доморощенная трагедія и драма.

Въ знаменитой „Бѣлой залѣ“ [въ гостинницѣ Барсова противъ Малаго театра], въ которую великимъ постомъ съѣзжались актеры со всего лица земли русской, антрепренеры стали искать между сценическими дѣятелями уже не Гамлета, а Любима Торцова, отстраняли Силина Сиротинку, а требовали Бородкина.

Вслѣдъ за послѣдней піесой, Александръ Николаевичъ сѣлъ за новую—„Не такъ живи, какъ хочется“. Писалъ онъ ее долго, съ большими перерывами. Въ то время я жилъ у него и слѣдилъ за процессомъ его творчества. Писалъ онъ обыкновенно ночью,—не знаю, какъ въ послѣдствіи. На полулистѣ бумаги было сначала небрежно написано что-то въ родѣ конспекта. Привожу его въ точности.

Божье крѣпко, а вражье лѣпко.

Это зачеркнуто, а сверху написано:

Не такъ живи, какъ хочется.

Лица:

Старикъ.
Старуха.
Чуетъ мое сердце, недоброе оно чуетъ.

Монастырь.

Настали дни страшные. Опомнись!

Широкая масляница.

Груша. Дѣвушки.
Вася.
Ну, піяй! ты меня піять хочешь.

Еремка—олицетвореніе дьявола.

Ужъ я ли твому горю помогу,
Помогу, могу, могу.

Ночь.

Прорубь на рѣкѣ. Ударъ колокола.

[Входитъ старикъ].

[Балалайка].

Сирота ты моя, сиротинушка!
Ты запой, сирота, съ горя пѣсенку.

Посѣтившему его артисту Корнилію Николаевичу Полтавцеву Александръ Николаевичъ разсказалъ пространно, съ мельчайшими подробностями содержаніе піесы, но изъ подъ пера вышло не то, что онъ разсказывалъ [по разсказу сюжетъ былъ гораздо шире],—можетъ быть оттого, что въ это время онъ очень болѣлъ глазами, а піесу нужно было окончить къ бенефису.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть писать, Александръ Николаевичъ обыкновенно долго ходилъ по комнатѣ или раскладывалъ пасьянсъ, который онъ раскладывалъ и во время писанія.

— Надо освѣжить голову, говорилъ: потруднѣе какой-нибудь пасьянсъ разложить.

Но если вообще онъ писалъ долго, то бывали піесы, которыя онъ справлялъ очень скоро. Напримѣръ „Воспитанницу“ онъ написалъ, гостивши въ Петербургѣ, въ три недѣли; „Василису Мелентьевну“ тоже въ Петербургѣ, въ сорокъ дней. Процессъ писанія этой піесы онъ называлъ „искушеніемъ отъ Гедеонова“. Директоръ Императорскихъ театровъ С. А. Гедеоновъ передалъ написанную піесу Ал. Ник., который, оставивши въ неприкосновенности сюжетъ, написалъ собственную піесу, не воспользовавшись ни одной сценой, ни однимъ стихомъ изъ творенія Гедеонова.

Лѣто 1854 года въ политическомъ отношеніи было мрачное. Извѣстія въ Москвѣ съ театра войны получались въ то время не съ такой быстротой, какъ теперь, т. е. извѣстія оффиціальныя. „Столбовые“ англійскаго клуба знали все, и „дверемъ затвореннымъ“ разсуждали, не стѣсняясь, о военныхъ неудачахъ, „Алминскомъ побоищѣ“, порицали главнокомандующаго кн. Меньшикова. Разсужденія ихъ урывками попадали въ уши клубной прислуги, та переносила ихъ въ трактиръ, а трактиръ распространялъ ихъ по всей Москвѣ.

— Измѣна!—заговорило захолустье,—и пошло!

Въ Сыромятники пришло извѣстіе, что французъ уже тронулся и идетъ къ Бородину. Въ Рогожской стали говорить, что какихъ-то двухъ значительныхъ англичанъ, скованныхъ, провели ночью черезъ Рогожскую заставу въ Сибирь; что какой-то купецъ одѣлялъ сопровождавшую ихъ команду калачами, чтобъ не упустили. На улицѣ стали попадаться раненные офицеры. Прошелъ слухъ о новомъ наборѣ, о государственномъ ополченіи, которое поведетъ въ бой „испытанный трудами бури боевой“ старый генералъ Ермоловъ. На сценѣ появилась патріотическая пьеса петербургскаго актера Григорьева „За вѣру, царя и отечество“. Уличныя шарманки и валы трактирныхъ органовъ и оркестріоновъ заиграли пѣсню Лейбрека, положенную на музыку капельмейстеромъ петербургской русской оперы Константиномъ Лядовымъ объ англичанѣ, раззорившемъ лайбу бѣднаго чухонца. Пѣсню эту съ огромнымъ успѣхомъ исполнялъ въ то время на сценѣ Александровскаго театра В. В. Самойловъ.

Знаменитая кофейная Печкина продолжала еще существовать. Я въ ней бывалъ. Постоянными посѣтителями ея были: профессоръ Рулье, А. И. Дюбюкъ, П. М. Садовскій и многіе другіе. Темою разговоровъ и споровъ была разумѣется война. Провъ Михайловичъ, патріотъ до мозга костей, спорилъ до слезъ.

— Побьютъ насъ!—сказалъ Рамазановъ.

— Провъ Михайловичъ вскочилъ, ударилъ кулакомъ по столу и съ пафосомъ воскликнулъ.

— Побьютъ, но не одолѣютъ.

— Золотыми литерами надо напечатать вашу фразу,—произнесъ торжественно П. А. Максинъ:—побьютъ, не одолѣютъ. Превосходно сказано. Семенъ, дай мнѣ рюмку водки и на закуску что-нибудь патріотическое, напримѣръ малосольный огурецъ.

— Изволите видѣть, Иванъ Федоровичъ,—сказалъ Провъ Михайловичъ мнѣ послѣ: – какъ татары-то разсуждаютъ!...

— Какіе татары?

— А Рамазановъ—то! Вѣдь онъ татаринъ, хоть и Санктъ-Петербургскій, а все-таки татаринъ... Рамазанъ!...

Московскіе купцы, посѣщавшіе кофейную, всѣ группировались около Прова Михайловича и слушали его страстныя рѣчи.

Петръ Алексѣевичъ Максинъ былъ отставной актеръ и бывалъ въ кофейной Печкина каждый день съ утра до ночи. Онъ служилъ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ, которыя вызывалъ самъ. Напримѣръ входитъ онъ въ залу:

— Откуда, Петръ Алексѣевичъ?

— Съ печальной церемоніи: былъ на погребеніи.

— У кого?

— Признаться сказать, въ настоящее время я не знаю. Я былъ неожиданно приглашенъ къ столу знакомымъ мнѣ отцомъ дьякономъ. Сидѣлъ рядомъ съ прекраснѣйшимъ и ученѣйшимъ протоіереемъ отъ Сергія въ Рогожской и получилъ отъ него совѣтъ, на счетъ моего ревматизма. Относительно свѣжей икры могу сказать, что она нарочно была выписана изъ Нижняго. Необыкновенная!—Поставь пирамиду и подай рюмку водки!

— Эхъ, Петя, сразилъ тебя рижскій бальзамъ!—воскликнулъ онъ, потерявши равновѣсіе и падая на диванъ.

— Бальзамъ принадлежитъ къ числу сильно дѣйствующихъ средствъ, Петръ Алексѣевичъ. Неужели вы этого не знали—сказалъ Карлъ Францовичъ Рулье.

— Не зналъ, потому что его всегда отпускаютъ изъ ренсковыхъ погребковъ безъ рецепта—отвѣчалъ Максинъ, тотчасъ обращаясь къ Бабаеву, очень талантливому ученику Дюбюка, но тоже человѣку, отъ хмѣля невоздержному, и весьма серьезно и торжественно произнесъ:

— Бабковъ, брось ты свою пьяную компанію,—перейди въ нашъ благородный кругъ.

Я уже не засталъ кофейную въ лучшее ея время, когда она была центромъ представителей литературы, сцены и другихъ искусствъ. Она въ то время падала, и ее посѣщали немногіе.

Въ это время репертуаръ моихъ разсказовъ значительно расширился. Александръ Николаевичъ поощрялъ меня и двигалъ впередъ. Я сталъ постояннымъ его спутникомъ всюду, куда онъ ни выѣзжалъ. Разсказы мои сдѣлались извѣстными въ Москвѣ: объ нихъ заговорили. Провъ Михайловичъ, самъ превосходный разсказчикъ, которому я не достоинъ былъ разрѣшить ремень сапога, относился ко мнѣ съ величайшею нѣжностью и вывозилъ меня, какъ онъ выражался, „на показъ“.

— Мы завтра, Иванъ Федоровичъ, будемъ васъ показывать у Боткина.

Домъ Боткиныхъ принадлежалъ къ самымъ образованнымъ и интеллигентнымъ купеческимъ домамъ въ Москвѣ. Въ немъ сосредоточивались представители всѣхъ родовъ художествъ, искусства и литературы, а по радушію и привѣтливости хозяевъ ему не было равныхъ. Всякій чувствовалъ себя какъ бы въ своемъ домѣ. Сергѣй Петровичъ Боткинъ, нѣжный, ласковый, молоденькій студентъ собирался въ то время ѣхать врачомъ въ Севастополь. Одинъ изъ братьевъ Боткиныхъ, Иванъ Петровичъ, любилъ Садовскаго до обожанія и мы съ Провомъ Михайловичемъ бывали у него каждую субботу. Александръ Николаевичъ тоже бывалъ часто. Добрѣйшее существо былъ этотъ Иванъ Петровичъ, а съ покойнымъ Павломъ Петровичемъ мы были связаны узами самой тѣсной и крѣпкой дружбы. Этотъ, хотя и не выдѣлялся, какъ братья его какими-либо талантами, но Богъ далъ ему одинъ талантъ—голубиную чистоту. До сихъ поръ я питаю къ этому дому мою сердечную привязанность и сохранилъ объ немъ лучшія мои воспоминанія.

Потомъ мы бывали у Алексѣя Александровича Корзинкина. Жилъ онъ въ своемъ домѣ на Покровскомъ бульварѣ. У него собирались музыкальные художники и составлялись квартеты. Самъ хозяинъ былъ артистическая натура, игралъ на скрипкѣ и другъ Александра Николаевича по рыбной ловлѣ [Александръ Николаевичъ былъ въ то время страстный рыболовъ и зналъ всѣ подмосковные рѣчки и ручейки]. М. С. Щепкинъ бывалъ на корзинкинскихъ собраніяхъ каждый разъ, разсказывалъ малороссійскіе анекдоты и читалъ стихи.

Бывали мы также у С. В. Перлова, у котораго былъ свой оркестръ, составленный изъ его приказчиковъ и мальчиковъ. Оркестръ этотъ на тѣхъ же началахъ существуетъ и по нынѣ. Его поддерживаетъ сынъ покойнаго Перлова, Василій Семеновичъ.

Бывали на скромныхъ интимныхъ собраніяхъ у К. Т. Солдатенкова, которыя посѣщались художниками и профессорами Московскаго Университета.

Бывали на вечернихъ бесѣдахъ у А. И. Хлудова, составителя рѣдчайшей въ Россіи старовѣрческой библіотеки.

И много въ то время было купеческихъ домовъ, двери которыхъ широко отворялись для принятія съ почетомъ всякой умственной и художественной силы.

Бывали и такіе дома, которые „для сатирическаго ума“ представляли обильный матеріалъ для наблюденія. Нарисую одинъ. *

Былъ богатый купецъ X. Большой домъ у него былъ въ одномъ изъ московскихъ захолустій, старинный, барскій, съ колоннами, принадлежавшій въ концѣ прошлаго столѣтія какому-то генералъ-аншефу. Жилъ онъ по старымъ отеческимъ преданіямъ и капиталъ имѣлъ „темный“, т. е. никто не могъ дать приблизительное предположеніе, какой у него капиталъ.

— Несчитанный—говорили: весь въ серіяхъ. И самъ онъ пожалуй, своего капиталу не знаетъ.

Помѣщался онъ съ сыномъ внизу, а безчисленный женскій полъ ютился въ верхнемъ этажѣ окнами въ огромный заросшій садъ. Никто изъ обывателей живущаго тамъ женскаго люда не видалъ. Изрѣдка отворятся вѣчно запертыя ворота, вывезетъ толстый жеребецъ крытую пролетку, въ кузовъ которой, какъ въ узкій корсетъ, втиснуть необыкновенно толстое, почти безформенное существо въ черномъ платьѣ, съ покрытою чернымъ платкомъ головой. И если бы не виднѣющійся изъ подъ платка кусочекъ носа и часть отвислаго подбородка, можно было подумать, что вывезли какую-нибудь кладь. Это выѣхала „сама“, по направленію въ Рогожскому кладбищу. Самъ старикъ никогда свою единственную лошадь не безпокоилъ: ходилъ пѣшкомъ или пріискивалъ такого рванаго извощика, на котораго садятся только изъ крайней необходимости. Сынъ извѣстенъ былъ въ околодкѣ, какъ сынъ богатѣйшаго купца. Онъ нигдѣ не учился, ничего не дѣлалъ, полавливаль иногда въ окрестныхъ садахъ синицъ и чижей, да удилъ въ Яузѣ рыбу. Вздумалъ было разъ прочесть Юрія Милославскаго, — семинаристъ одинъ, товарищъ по ловлѣ синицъ, посовѣтовалъ,—да при чтеніи очень сонъ одолѣвалъ—бросилъ: „опять же, коли бы все настоящее было, а то все выдумки“. По мѣрѣ того, какъ родитель приближался къ оставленію „мірскаго мятежа и временной сея жизни“, кругозоръ Ивана Гавріиловича расширился: ужъ къ его услугамъ стоялъ у трактира лихачъ—извозчикъ, уже онъ сидѣлъ по вечерамъ „подъ машиной“ московскаго трактира, выслушивая мотивъ изъ „Роберта“, „Аскольдовой могилы“, „Вотъ на пути село большое“, и другихъ оперъ; уже онъ позналъ всю прелесть увеселительныхъ притоновъ Дербеновки, Козихи и Доброй Слободки; уже онъ всѣмъ сердцемъ прилѣпился къ цыганской пляскѣ, къ остроумію торбаниста,—однимъ словомъ сдѣлался вполнѣ готовымъ, по полученіи отцовскаго наслѣдія, мгновенно распуститься во всю ширь своей натуры. Сынъ онъ былъ почтительный и любилъ отца; его только безпокоила люстриновая сибирка съ крючками, да стѣсняли сапоги

---

* Описаніе этого дома съ нѣкоторыми измѣненіями напечатано въ журналѣ „Русская Мысль“ уже послѣ смерти Горбунова, подъ названіемъ „Отжившіе типы“. *Прим. ред.*

бутылями; обстановка, костюмъ, безъ котораго, по мнѣнію родителя, нельзя было достигнуть пути въ царство небесное. Но вотъ въ одну ночь раздается въ домѣ плачъ и рыданіе: старикъ скончался; житія было шестьдесятъ девять лѣтъ, три мѣсяца и одиннадцать дней. Тучный прахъ его заключили въ огромную дубовую колоду „ржевскаго дѣла“, снесли на кладбище; нищую братію накормили и одѣлили деньгами. Шесть недѣль раздавались въ домѣ заунывное женское пѣніе и чтеніе псалтыря. Затѣмъ „время плачу и рыданію преста“: старухи удалились на два года въ одинъ изъ Керженскихъ скитовъ, и, по возвращеніи оттуда, не нашли въ домѣ того благочестія, въ какомъ онѣ его оставили; даже вывѣтрился тотъ специфическій запахъ—смѣсь ладану, воску, деревяннаго масла—который составлялъ его необходимую принадлежность. Въ залѣ, гдѣ, подъ гнусавое пѣніе начетчицъ, вызывались изъ груди вздохи, обращенные къ древняго письма иконѣ, и „отбрасывались“ по лѣстовкѣ земные поклоны,—ставились по вечерамъ ломберные столы; гдѣ пѣли демественные большіе стихи изъ праздниковъ и тріодей „драгія вещи со всякимъ благочиніемъ“, раздавалась ухарская пѣсня пѣвца Бантышева:

Ахъ, шли наши ребята
Изъ Нова-города.

Фиміамъ кадильный замѣнила „злосмрадная и богоненавистная воня, еже отъ травы выспрь прозябающей и нарѣчется тая трава табака“.

Иванъ Гавриловичъ ужъ оставилъ, по его словамъ, „невѣжество“, т. е. снялъ прежній костюмъ, хотя, по его говору [оттеда; покеда], онъ совсѣмъ подходилъ къ нему,—и одѣлся по модному, завелъ коляску, позировать въ которой училъ его одинъ изъ танцовщиковъ московскаго театра. Съ этимъ танцовщикомъ онъ никогда не разлучался. Кромѣ способности пить вино, какое угодно и въ какое угодно время, быть готовымъ въ „отъѣздъ“ [такъ назывались загородные кутежи] въ Царицыно, въ Марьину рощу и т. п., по первому требованію, онъ зналъ нѣсколько фразъ по-французски и, хотя не могъ поддерживать, но могъ сказать нѣсколько выраженій съ большой развязностью. Этого было совершенно достаточно, чтобы пригласить француженку выпить стаканъ шампанскаго. Къ француженкамъ Иванъ Гавриловичъ чувствовалъ большое влеченіе за ихъ, какъ онъ выражался, „нѣжность“ и способность, не мигнувши глазомъ осадить бутылку шампанскаго.

— Мадамъ,—поставлено!—обращался онъ къ ней, указывая на стаканъ. Алеша, переведи чтобы кушала.

— Madame, prenez—переводилъ танцовщикъ.

— Ah, merci, monsieur!—отвѣчала француженка, выпивая стаканъ залпомъ.

— Люблю!—восклицалъ Иванъ Гавриловичъ, поглаживая ея руку.

— Que ce qu'il dit?—быстро справлялась француженка.

— J'aime—переводилъ танцовщикъ.

— Et moi aussi! — весело подпрыгнувъ, воскликнула француженка.

— Это на счетъ чего?—спрашивалъ Иванъ Гавриловичъ.

Переводчикъ не понялъ фразы и отвѣчалъ:

— Да ужъ хорошо! Помалкивай!

— Можетъ деньгами хочетъ попользоваться? Такъ можно немножко... три синенькихъ ежели...

Когда же француженка начинала болтать, переводчикъ не терялся, а на вопросъ Ивана Гавриловича: „на счетъ чего говоритъ?“—отвѣчалъ безъ запинки:

— Шампанскаго еще проситъ.

— Вели подавать! — разрѣшилъ Иванъ Гавриловичъ.

Долго жилъ Иванъ Гавриловичъ въ „этомъ направленіи“: безсонныя ночи, постоянныя „засидки“ и „отъѣзды“ стали сокрушать его кованную натуру. Нечистая сила, такъ называемые „чортики“ уже являлись ему въ видѣ шмелей, жуковъ, раковъ; наконецъ, въ самый разгаръ Нижегородской ярмарки, его, въ одномъ веселомъ притонѣ въ Кунавинѣ, мгновенно обвилъ зеленый змѣй и обдержалъ его три дня.

— Вѣришь-ли ты, — разсказывалъ онъ послѣ: змѣй, вотъ какъ на паперти, на Страшномъ Судѣ нарисованъ,—зеленый братецъ ты мой!

— Не съ того-ли времени идетъ поговорка: „напится до зеленаго змія?“

Зеленый змій сильно подѣйствовалъ на Ивана Гавриловича. Онъ одумался, или, по его выраженію, „всѣмъ пренебрегъ“, и, вспоминая минувшіе дни, говорилъ:

— Ежели перелить по бутылкамъ все, что я выпилъ, можно бы погребокъ открыть и торговать въ немъ года три.

Старуха-мать предлагала ему жениться и невѣсту нашла съ „большими деньгами“, но Иванъ Гавриловичъ разсудилъ такъ:

— Ежели, матушка, жениться мнѣ изъ своего общества, такъ ужъ я съ малыхъ лѣтъ не на тотъ фасонъ себя опредѣлилъ; а ежели Матильду какую [Матильдами онъ называлъ женщинъ некупеческаго круга] въ нашъ домъ пустить, такъ она порядковъ вашихъ не выдержитъ—уйдетъ. Лучше я поѣду—посмотрю, какъ въ чужихъ земляхъ люди живутъ.

И, прихвативши еврейчика-студента въ качествѣ переводчика, уѣхалъ за границу. Былъ въ Египтѣ, воздымался на пирамиды, восходилъ на Везувій, былъ въ Римѣ, „кружился“ [по его выраженію] два мѣсяца въ Парижѣ, „все тамъ произошелъ“, даже „полюбопытствовалъ — какъ одного разбойника казнили“, и вернулся въ Москву въ широкой соломенной шляпѣ, красномъ галстухѣ, клѣтчатой жакеткѣ и въ необыкновенно узенькихъ брюкахъ. Засмѣялось захолустье, полетѣли во франта колкости и остроты отъ фабричныхъ. Прошелъ даже слухъ, что его вызывалъ Оберъ-Полицiймейстеръ Цинскій и внушалъ ему, чтобы онъ не срамилъ своего роду, и одѣвался бы какъ надо, а онъ не токма что не послушался, а напротивъ того—сталъ по Сокольникамъ верхомъ ѣздить. По смерти матери Ивану Гавриловичу окончательно никто не мѣшалъ жить, какъ его душѣ угодно. Всѣ ютившіяся около самой въ верхнемъ этажѣ стариннаго дома старицы, начетчицы и читалки отрясли прахъ отъ ногъ и разошлись питаться около другихъ благодѣтелей. Да онъ и самъ остепенился; ему опротивѣла дикая жизнь. И хотя по вечерамъ у него и собирались прежніе бражники, но уже угощеніе бывало „на благородный манеръ“. За ужиномъ явилось menu, которое подавалъ гостямъ поваръ въ бѣлой курткѣ и колпакѣ. Всякій гость зналъ что за ужиномъ будетъ „шиврель съ дикой козы“, „судакъ овамблямъ“ и т. п. Самъ хозяинъ за столъ не садился, а важно, въ коротенькомъ пиджакѣ и бѣломъ жилетѣ, расхаживалъ по столовой и распоряжался.

— Подай, братецъ, — обращался онъ къ лакею: на тотъ конецъ еще сексу. Ты видишь, что тамъ бутылку разверстали, ну, и не задерживай.

Или:

— Иванъ Петровъ, обнеси, братецъ, шато-лафитомъ. Опосля говядины завсегда шато-лафитъ требуется.

Въ музыкѣ Иванъ Гавриловичъ ничего не смыслилъ, но въ домѣ у него иногда бывали квартеты, которые ему устраивалъ извѣстный въ то время въ Москвѣ скрипачъ И. К. Фришманъ и капельмейстеръ Саксъ. Разъ участники квартета сѣли ужинать за отдѣльнымъ столомъ въ гостиной. Во время ужина входитъ въ столовую лакей и очень развязно говоритъ:

— Иванъ Гавриловичъ! музыканты шампанскаго требуютъ: прикажете подавать?

Иванъ Гавриловичъ вскочилъ:

— Да развѣ это музыканты?!... Что ты одурѣлъ что-ли?... По свадьбамъ что-ли они играютъ?... Куракъ! На поминкахъ тебѣ служить, а не въ такихъ домахъ.

Мѣстный полицiймейстеръ былъ другомъ Ивана Гавриловича, катался съ нимъ часто въ коляскѣ и присутствовалъ у него на всѣхъ пирушкахъ. Иванъ Гавриловичъ относился къ нему съ почтительною нѣжностью.

— Полковникъ, ты бы стаканчикъ выкушалъ.

Или:

— Господинъ Полковникъ, вамъ за столомъ первое мѣсто, какъ вы есть начальникъ всей нашей окружности. Пожалуйте!

Штатъ-физикъ Гульковскій былъ постояннымъ его докторомъ и прописывалъ ему цѣлительные порошки, имъ самимъ изобрѣтенные.

— Порошки эти цѣлительные, говорилъ онъ, я ихъ и въ практикѣ употребляю, и семейству своему даю, и самъ принимаю, когда мнѣ скучно, потому — цѣлительные.

Изъ артистовъ у него бывали: Садовскій и Живокини. Уваженіе имъ было великое.

— Вѣрите, Провъ Михайловичъ, я плакалъ—говорилъ Иванъ Гавриловичъ по поводу Любима Торцова. Ей Богу, плакалъ! Какъ подумалъ я, что со всякимъ купцомъ это можетъ случиться... страсть! Много у насъ по городу ихъ такихъ ходитъ,—ну подашь ему, а чтобы это жалѣть... А васъ я пожалѣлъ, именно говорю. Думаю: Господи, самъ я этому подверженъ былъ, ну, вдругъ! Вѣрьте Богу, страшно стало. Домъ у меня теперь пустой, одинъ въ немъ существую, какъ перстъ. И чудится мнѣ, что я ужъ и на паперти стою и руку протягиваю!... Спасибо, голубчикъ! многіе которые изъ нашихъ, можетъ, очувствуются. Я теперь, братъ, ничего не пью, будетъ. Все выпилъ, что мнѣ положено!... Думаю такъ, — богадѣльню открыть... Которые теперича старики въ Москвѣ... много ихъ... пущай грѣются. Вотъ именно мнѣ эти ваши слова: „какъ я жилъ, какія я дѣла выдѣлывалъ!“ Ну, честно̀е мое слово! — слезы у меня пошли.

А на богатаго купца „изъ русскихъ“, Ивана Васильевича Н., Садовскій въ роли Тита Титыча такъ подѣйствовалъ:

— Ну, Провъ Михайловичъ, такое ты мнѣ, московскому первой гильдіи купцу Ивану Васильевнчу Н — у уваженіе сдѣлалъ, что въ ноги я тебѣ долженъ кланяться. Какъ вышелъ ты, я такъ и ахнулъ! Да и говорю женѣ — увидишь, спроси ее — смотри, я говорю: словно бы это я!.. Борода только у тебя покороче была. Ну, все какъ есть, вотъ когда я пьяный. Это, говорю, на меня критика. Даже стыдно стало. Ну, само собой, пьяный и ударишь кто подъ руку подвернется, и покричишь... Вотъ намедни въ Московскомъ трактирѣ полового Гаврилу оттаскалъ,—двѣ красненькихъ отдалъ. Да ты что! Сижу въ ложѣ то, да кругомъ и озираюсь: не смотрятъ ли, думаю, на меня. Ей Богу!.. А ужъ какъ заговорилъ ты про тарантасъ, я такъ и покатился! У меня тоже у Макарья случа̀й съ тарантасомъ былъ...

И онъ разсказалъ, какъ онъ съ Нижегородской ярмарки, возвращаясь въ Москву, три дня не вылѣзалъ изъ тарантаса.

— Въ домѣ Ивана Гаврилыча мы бывали часто. Фигура Ивана Гаврилыча была представительная: высокій, стройный, одѣтый безукоризненно; лице важное, сѣрые на выкатѣ глаза, тщательно расчесанная на обѣ стороны борода... Ну, просто, англійскій лордъ, членъ парламента, когда молчитъ, а заговоритъ—такъ и отдаетъ московскимъ ткачемъ: „оттеда“, „покеда“, „коли ежели я, значитъ“, „ежели я, напримѣръ, теперича, такъ будемъ говорить“, и проч. Я одинъ разъ слышалъ, какъ онъ разсказывалъ о своемъ восхожденіи на пирамиду Хеопса.

— Три тысячи годовъ строили, пойми изъ этого!

— Много выше Ивана Великаго? — спросилъ одинъ собесѣдникъ.

— Какія твои пустыя слова! Не то, что Иванъ Великій, а, можетъ... даже удивительно! жара, братецъ ты мой!.. Ну, сейчасъ, этакія палки большія, чтобы, значитъ, ловчѣй было идти... Ну, Египетъ, братецъ ты мой, самъ понимаешь! Только бедуинъ одинъ подошелъ къ намъ, черной этакой: ежели въ лѣсу гдѣ у насъ такой попадется — въ ногахъ у него наваляешься: пусти душу на покаяніе. И глаза̀ такіе, — сейчасъ зарѣжетъ... Подошелъ къ намъ, а съ нами бутылочки три портеру было на случай—въ Александріи взяли... Опять же, надо сказать, агличане эти тамъ, какъ вѣкши, по камнямъ бѣгаютъ...

И все въ томъ же родѣ. Никакихъ впечатлѣній о пирамидахъ передать онъ не могъ.

По субботамъ часть нашего кружка собиралась у Константина Александровича Булгакова, сына московскаго почтъ-директора, внука знаменитаго Якова Ивановича Булгакова, Екатериненскаго посла, который былъ заключенъ въ Константинополѣ въ Семибашенный замокъ. Константинъ Александровичъ былъ отставной гвардеецъ. Въ Петербургѣ ходили чуть не легенды объ его шалостяхъ, на которыя тогдашнія начальства, даже самъ великій князь Михаилъ Павловичъ, смотрѣли снисходительно. Я не буду объ нихъ разсказывать здѣсь, не буду поминать грѣхи его юности и невѣдѣнія. Больной тѣломъ [онъ не могъ ходить и передвигался по комнатѣ въ креслѣ на колесахъ], но бодрый и здоровый духомъ, отлично образованный, прекрасный рисовальщикъ, музыкантъ, безъ голосу обаятельно передававшій суть страстныхъ романсовъ Глинки, онъ заставлялъ любить и жалѣть себя. Любить — за необыкновенно доброе сердце, жалѣть—за растрату Богомъ данныхъ ему даровъ. Въ Петербургѣ, по художественной части, онъ принадлежалъ къ обществу Брюллова, Глинки, Кукольника и Яненко, или, какъ онъ выражался, къ обществу „невоздержныхъ“.

Онъ жилъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ въ почтамтѣ. Стѣны небольшаго кабинета его были сплошь увѣшаны портретами бывшихъ и настоящихъ его друзей; небольшое піанино, диванъ, столъ и нѣсколько стульевъ. Садовскій посѣщалъ его чуть не каждый день, а Максинъ иногда пребывалъ у него отъ зари и до зари: придетъ, справится о здоровьѣ и уйдетъ; потомъ опять появится, опять уйдетъ, — и такъ цѣлый день.

Субботніе посѣтители назывались „субботниками“. Для нихъ былъ заведенъ альбомъ, въ которомъ они, при поступленіи въ субботники, собственноручно вписывали свои фамиліи [у меня одинъ альбомъ сохранился]. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій значился въ числѣ субботниковъ. Проѣздомъ черезъ Москву онъ бывалъ у Булгакова. М. Н. Лонгиновъ, остроумный Борисъ Алмазовъ, Рамазановъ и Дюбюкъ были постоянными субботниками и оставили въ альбомѣ много стиховъ. Каждый изъ субботниковъ непремѣнно долженъ былъ что-нибудь написать въ альбомъ. Вечера были веселые. Живой, остроумный разговоръ, музыка, пѣніе и застольныя бесѣды, часто до утра. Нерѣдко Михаилъ Семенычъ Щепкинъ являлся сюда что-нибудь прочитать.

Большимъ утѣшеніемъ для общества служилъ Максинъ. Иногда онъ, среди оживленнаго разговора, вдругъ задавалъ вопросъ, совершенно не вытекающій изъ темы бесѣды. Напримѣръ:

— Карлъ Францовичъ Рулье вчера въ кофейной говорилъ, какой-то Фейербахъ написалъ замѣчательное сочиненіе, сколько я могъ понять, противъ религій...

— Ну, а тебѣ что за дѣло?—спокойно замѣтилъ Булгаковъ.

— Странно, какъ цензура могла пропустить, — важно отвѣчалъ Максинъ.

— А васъ религія, Петръ Алексѣичъ, интересуетъ?

— И очень даже!

Прерванный разговоръ продолжался снова.

Во время музыки или чтенія Максинъ становился въ важную позу, дѣлалъ серьезную мину и являлъ изъ себя видъ знатока, прерывая иногда чтеніе замѣчаніемъ.

Одинъ разъ собралось насъ нѣсколько человѣкъ у Булгакова въ воскресенье утромъ. Въ этотъ день отецъ его былъ именинникъ. Мардарій [слуга Булгакова] докладываетъ, что у Александра Яковлевича сидитъ графъ Закревскій.

— А мнѣ, чертъ его возьми!—отвѣчалъ Булгаковъ: не ко мнѣ онъ, старый бз...., пріѣхалъ.

Только что онъ произнесъ послѣднюю фразу, въ дверяхъ показался графъ. Мы всѣ вскочили, Максинъ прилипъ къ стѣнѣ, опустилъ руки по швамъ, вперилъ глаза въ графа и замеръ... замеръ, какъ замираетъ воинъ во фронтѣ, когда раздается команда: „смирно!“

Графъ, едва замѣтнымъ движеніемъ головы, отвѣтилъ на наши почтительные поклоны.

— Здравствуйте, ваше сіятельство,—встрѣтилъ его Булгаковъ, слегка двинувшись въ креслѣ.

— Сиди, сиди, не безпокойся,—предупредилъ его графъ, опуская свое тучное тѣло на подвинутый ему Мардаріемъ стулъ.

— А ты все боленъ?—обратился графъ.

— Напротивъ: очень здоровъ!—весело отвѣтилъ Булгаковъ.

Визитъ продолжался не болѣе трехъ минутъ. Графъ посовѣтовалъ хозяину вести себя осторожно, слушаться наставленія врачей,—и всталъ. Булгаковъ снова ерзнулъ колесами креселъ; графъ опять попросилъ его не безпокоиться,—и вышелъ.

— Однако, я въ первый разъ имѣлъ счастье такъ близко видѣть его сіятельство господина московскаго военнаго генералъ-губернатора,—произнесъ Максинъ, по уходѣ графа.

— Что же тебѣ лучше стало?—засмѣялся Булгаковъ.

— Не лучше, а все-таки... высшее правительственное лице въ государствѣ... и съ бланками.

— Съ какими бланками?

— Бланки имѣетъ. Одинъ только генералъ-губернаторъ во всей Россіи ихъ имѣетъ.

— Зачѣмъ ему бланки?—загорячился Булгаковъ.

— А вотъ зачѣмъ,—внушительно и авторитетно отвѣчалъ Максинъ: по этимъ бланкамъ онъ можетъ въ Сибирь сослать.

— Такъ онъ тебя и безъ бланковъ сошлетъ. Скажетъ: Петръ Алексѣевичъ, надоѣлъ ты всѣмъ въ Москвѣ,—ступай ко всѣмъ чертямъ! Ты и пойдешь...

— Ну, не говорите!

— Да и у Иверской есть такое заведеніе, такъ тамъ безъ всякихъ бланковъ сошлютъ.

— Вѣрно, сошлютъ! Но тамъ съ проволочкой. Судить будутъ, а этотъ подмахнетъ бланкъ—завтра ты ужъ на этапѣ. Мнѣ одинъ знакомый чиновникъ изъ управы благочинія сказывалъ, что недавно такой случай былъ...

Кончался вечеръ, сонный лакей Мардарій провожалъ гостей и въ „Субботникъ“ заносятся слѣдующіе стихи [Б. Н. Алмазова]:

У Щученко въ домѣ,
Въ часъ заката звѣздъ,
Въ память по Содомѣ
Былъ великій съѣздъ.
Трезвый и степенный
Собирался людъ.
Былъ тутъ Келль почтенный
Максинъ и Шервудъ,
Петя Безобразовъ,
И толстякъ Борисъ,
И Борисъ Алмазовъ—
Всѣ перепились.
Лонгиновъ Михайло
Капли не бралъ въ ротъ,
Видно онъ......
Потихоньку пьетъ.....
А Алмазовъ Борька
И Садовскій Провъ
Водки самой горькой
Выпили полштофъ.
Костя ключъ отъ шкафа
Часто доставалъ,
И издѣлья Яффа
Пилъ и одобрялъ.
Максинъ отъ коньяку
Вовсе не былъ пьянъ,—
Спиртоваго лаку
Требовалъ стаканъ...
Михаилъ Ефремычъ,
Русскій соловей,
Врачевалъ ихъ немочь
Пѣсенкой своей.
И подъ звуки арій,
Отягченъ виномъ,
Между тѣмъ Мардарій
Спалъ глубокимъ сномъ.

Очень жаль, что стихи изъ „Субботника“, какъ имѣющіе частный характеръ, не могутъ быть напечатаны, а есть прекрасные.

Къ осени Александръ Николаевичъ окончилъ новую піесу „Не такъ живи, какъ хочется“ и прочелъ ее въ первый разъ „Кружку“ у себя дома. Этотъ вечеръ останется мнѣ памятенъ до конца моихъ дней. Послѣ чтенія Провъ Михайловичъ мнѣ сказалъ, что получено изъ Петербурга разрѣшеніе дебютировать мнѣ въ его бенефисъ въ піесѣ М. Н. Владыкина „Образованность“. Не только поступленіе на сцену, но и дебюты были тогда обставлены большими затрудненіями, и если мнѣ позволили дебютировать, то только во вниманіе къ просьбѣ Прова Михайловича.

Я думаю, ни одинъ дебютантъ не въ состояніи отчетливо передать тѣхъ чувствъ, которыя овладѣваютъ имъ при первомъ выходѣ на сцену. Какой-то особенный страхъ, рябитъ въ глазахъ,—

руки дѣлаются совершенно лишними, лучше когда бы ихъ на этотъ разъ не было. Все это я испыталъ въ полной мѣрѣ, не смотря на то, что роль зналъ какъ „Отче нашъ", и готовилъ ее подъ руководствомъ всего нашего кружка.

— Что это у васъ, милый человѣкъ, лихорадка, что ли? подошла ко мнѣ Софія Павловна Акимова, игравшая въ піесѣ мою мать.—Смѣлѣй, голубчикъ!

— Жутко, дружокъ! У насъ съ тобой тоже поджилки тряслись, замѣтилъ С. В. Васильевъ.—Съ Богомъ!

Александръ Николаевичъ въ самый моментъ выхода пожалъ мнѣ руку и пожелалъ счастья.

Я на сценѣ. Дѣйствительно затряслись поджилки, задрожали губы... Трудно передать то ощущеніе, которое я испыталъ въ этотъ вечеръ. Какъ юница, трепетно стоявшая подъ вѣнцомъ, не можетъ, въ день своей золотой свадьбы, передать подробности совершившагося надъ ней торжественнаго акта, а надо мной тоже совершился торжественный актъ—я вступилъ въ новую жизнь, невѣдомую мнѣ сферу дѣятельности, о которой я никогда не мечталъ и къ которой не былъ приготовленъ.

Къ дебютантамъ въ то время публика относилась очень благосклонно; благосклонно отнеслась она и ко мнѣ, вызвавши въ продолженіи піесы пять разъ. За кулисами меня привѣтствовали, но я чувствовалъ вполнѣ свое ничтожество.

— Окунулся, дружекъ. Теперь плыви смѣло, сказалъ мнѣ С. В. Васильевъ.

— Поплывемъ, Богъ милостивъ! Сердечно улыбаясь поддакнулъ Провъ Михайловичъ.

Газетныхъ отзывовъ дебютантамъ тогда нечего было бояться, да и газета-то была одна, которая почти не занималась театромъ, хоть и имѣла для экстренныхъ отзывовъ репортера, князя Назарова. Князь былъ человѣкъ образованный и чистоплотный, не похожій на большинство современныхъ репортеровъ, часто мѣшающихъ сценическимъ дѣятелямъ спокойному отношенію къ ихъ обязанностямъ. Бояться тогда можно было строгихъ приговоровъ самихъ артистовъ.

Въ теченіе моей долгой службы въ театрѣ, я неоднократно былъ свидѣтелемъ слезъ, истерикъ и нервнаго раздраженія у своихъ товарокъ и товарищей, вызванныхъ площадными ругательствами газетныхъ репортеровъ, не имѣющихъ за собою ни нравственнаго, ни образованнаго ценза. Что ежели бы собрать во едино все то сквернословіе, которому подвергался русскій театръ въ продолженіи четверти вѣка въ разныхъ листкахъ и газетахъ! Богатѣйшій матеріалъ для будущей исторіи театра. Одно время отзывы о театрѣ и его дѣятеляхъ въ одной газетѣ доходили до бѣшенства и изступленія ума. Начальника репертуара и жену его печатно называли взяточниками; актрисамъ придавали эпитеты „нюня, плакса, горничная"; про актеровъ и говорить нечего. На нѣкоторыхъ изъ нихъ наложена была печать проклятія; другихъ просто оскорбляли кучерской бранью. Наконецъ, первый русскій театръ былъ лишенъ своего почетнаго наименованія „Императорскій Александринскій театръ“. Его стали называть печатно „казеннымъ театромъ“ или „Александринкой“. Давай намъ частные театры. Сначала потихоньку, подъ клубными флагами завелись эти театры, а потомъ послѣдовало разрѣшеніе строить частные театры. Много недоучившихся мальчиковъ побросалось со школьныхъ скамеекъ на зовъ клубной Мельпомены; много милыхъ дѣвицъ вскочили на театральные подмостки... *

Появились лекціи по драматическому искусству, руководства для изученія драматическаго искусства. Первое руководство предложилъ режиссеръ русскаго драматическаго театра—Вороновъ—книжечку въ два вершка длины и два миллиметра толщины. За нимъ послѣдовали и другіе, тоже руководства. Наконецъ парикмахеръ отъ Пяти Угловъ обнародовалъ для актеровъ правила гриммировки:

Даже ты, Варсонофій Петровъ,
Околъ вывѣски „дѣлаютъ гробы“,
Изготовилъ желѣзные скобы
И другіе снаряды гробовъ **.

И любопытно: отлично образованный, многоязычный, даровитый романистъ и публицистъ, драматическій писатель, театральный критикъ—чего еще? Можетъ-ли онъ похвастаться хоть однимъ ученикомъ [онъ имѣлъ свои драматическіе классы въ Петербургѣ и Москвѣ], про которыхъ можно было-бы сказать: „вотъ актеръ и актриса—ученики Боборыкина [не въ отрицательномъ смыслѣ]? Гдѣ ученики Воронова? [Онъ училъ въ театральномъ училищѣ]. Я ужъ не говорю о тѣхъ учителяхъ и руководителяхъ, которые, порицая актера въ роли Чацкаго „на казенной сценѣ“, сами играютъ ее въ клубѣ въ присвоенной имъ Господомъ Богомъ кучерской бородѣ и съ лакейскими манерами, даже во фракѣ, въ которомъ не вышелъ бы служитель къ барскому столу, слуга Чацкаго. Вѣдь эти учители существуютъ 25 лѣтъ,—могли же они приготовить хоть одного, если не выдающагося, то хоть замѣтнаго дѣятеля драматическаго искусства.

Теперь образовались въ Петербургѣ Драматическое общество, Общество любителей искусства. Давай имъ Богъ успѣха!

---

* Народился новый анекдотъ:
Стоитъ за кулисами нянька и плачетъ.
— О чемъ ты плачешь?
— Барышня пляшетъ: жалко. Изъ хорошаго семейства... И. Г.

** Некрасова „Сатиры“ И. Г.

Бѣлая зала.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія сборнымъ пунктомъ пріѣзжавшихъ въ Москву провинціальныхъ актеровъ была такъ называвшаяся Бѣлая зала, въ гостинницѣ купца Барсова, на площади Большого театра. Собирались въ ней актеры обыкновенно въ теченіе великаго поста, получали здѣсь ангажементы и расходились до слѣдующаго поста по всему лицу россійскаго государства. Рѣдкій актеръ того времени, вступая на сцену, не переступалъ порога Бѣлой залы.

Вотъ что мы помнимъ, что мы видѣли въ этой Бѣлой залѣ.

На послѣднихъ дняхъ первой недѣли великаго поста входитъ въ залу солидный, высокій мужчина, лѣтъ шестидесяти, въ черномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ. Это „благородный отецъ“ изъ Ярославля.

Половой Гаврила, страстный любитель театра и преданнѣйшій слуга всѣхъ актеровъ, съ особенною радостію встрѣчаетъ пріѣзжаго гостя.

— Давно изволили пожаловать въ нашу столицу?

— Вчера, братецъ, утромъ. Былъ у Иверской. А сегодня къ своему угоднику и покровителю зашелъ. Обласкалъ, заплакалъ.

— Кто же это, Тимофей Николаевичъ?

— Михаилъ Семеновичъ..... Кто же еще [1].

— Ахъ, а я и не домекнулъ... По зимѣ какъ-то уху у насъ кушали, съ какимъ-то профессоромъ. Чудесный старикъ... добрый, обходительный... Я, говоритъ, самъ крѣпостной былъ... понимаю ваше положеніе.

— Послѣ Павла Степановича [2] два угодника у насъ осталось: Михаилъ Семеновичъ, да Провъ Михайловичъ [3]. И къ нему сейчасъ заходилъ: прилегъ, говорятъ, послѣ обѣда отдыхаетъ. А у Сергѣя Васильевича [4] вчера былъ: сидитъ, на гитарѣ играетъ. Всѣхъ обошелъ... Живокини велѣлъ сегодня въ купеческій клубъ приходить.

— А гдѣ изволили остановиться?

— Въ Челышахъ, братецъ, гдѣ же больше-то...

---

[1] Щепкинъ. [2] Мочаловъ. [3] Садовскій. [4] Васильевъ. И. Г.

— На что лучше, самое центральное мѣсто.

„Челышевскіе номера“ на площади Большого театра были обыкновеннымъ пристанищемъ заѣзжихъ въ Москву провинціальныхъ артистовъ. Удушливый, спертый воздухъ, полный микробовъ, видимыхъ невооруженнымъ глазомъ, отсутствіе какихъ-либо удобствъ, грязные, неосвѣщенные корридоры, оборванная прислуга составляли спеціальность этого актерскаго пріюта.

— А что ужъ подъѣзжаютъ наши? Слетъ еще не начинался?

— Не предвидится, вы первые. Чѣмъ прикажете просить?

— Дай мнѣ, по обыкновенію, графинчикъ добраго русскаго, бѣлаго, простого, очищеннаго вина, да пирогъ въ гривенникъ.

— Слушаю-съ.

Вотъ вошли еще два артиста – одинъ въ клѣтчатомъ, коротенькомъ пиджакѣ, въ красномъ галстухѣ; другой—въ полуфракѣ, съ гладкими свѣтлыми пуговицами, съ тщательно завитыми волосами. Первый — комикъ изъ Тулы, второй — первый любовникъ изъ Курска. Комикъ началъ съ водки, любовникъ сѣлъ на коньякъ.

На третьей недѣлѣ Бѣлая зала была уже полна пріѣзжими провинціальными сценическими дѣятелями. Съѣхались и антрепренеры: Борисъ Климычъ изъ Орла, Смальковъ изъ Нижняго, Васька Смирновъ изъ Ярославля, Григорьевъ изъ Тамбова, Херувимовъ изъ Екатеринбурга, Червончикъ изъ Тулы, директоръ симбирскаго театра — баринъ, прожившій солидное состояніе на любви къ театру, Звѣревъ изъ Севастополя и многіе другіе. Съѣхались они въ Москву обновлять свои труппы, заказывать костюмы, парики и т. п. Знаменитые того времени актеры всѣ на лицо: Милославскій изъ Казани, Рыбаковъ изъ Харькова, Челикинъ изъ Тамбова, Медынцевъ изъ Вологды, Яковлевъ изъ Ростова на Дону, Кириллъ Ермаковъ и др. Юркіе комики перебѣгаютъ отъ стола къ столу, любовники ведутъ бесѣду о московскихъ портныхъ, благородные отцы, по своему солидному положенію въ репертуарѣ, состоятъ при трагикахъ.

Вотъ одинъ комикъ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ съ директоромъ симбирскаго театра, вдругъ просіялъ — это онъ получилъ ангажементъ, или на театральномъ жаргонѣ „кончилъ“. [Получить ангажементъ—значитъ „кончить“. Я кончилъ въ Казань, я кончилъ въ Рыбинскъ и т. п.].

— Въ Симбирскъ? спрашиваетъ его одинъ изъ товарищей.

— Въ Симбирскъ.

— Городъ хорошій. Я тамъ два сезона игралъ.

— Главное—дворянскій, поддакиваетъ комикъ. Настрадался ужъ я въ Ярославлѣ-то у Васьки Смирнова. Ты знаешь, онъ меня, съ моимъ-то ростомъ, заставилъ разъ Ляпунова играть.

— Что же, игралъ?

— Нѣтъ, жандармскій полковникъ заступился. Я, говоритъ, не позволю тебѣ безобразничать. А Юстиніана въ „Велизаріи“ игралъ и, вмѣсто сандалій, резиновыя галоши надѣвалъ. То есть такой срамъ былъ—смерть! А ты посмотри, что это за антрепренеръ—баринъ, въ Шевалдышевой гостинницѣ остановился.

— А сколько?

— Семьдесятъ пять, два полубенефиса, парики его, двѣ пары лаковыхъ сапогъ, шляпа...

— Чего жъ тебѣ еще!

— Ахъ, какъ я доволенъ! Гаврила, давай рябиновки. Губернаторъ, говорятъ, отличный человѣкъ; губернаторша почти и изъ театра не выходитъ; откупщикъ то же баринъ, на благородныхъ спектакляхъ Фамусова играетъ, за бенефисъ двадцать пять даетъ... То есть какъ я доволенъ!..

Трагикъ Хрисанфъ пререкается съ однимъ изъ антрепренеровъ.

— Ну, какой ты антрепренеръ? Что ты понимаешь въ великомъ искусствѣ? Ты буфетъ въ театрѣ держалъ! Ну что ты смыслишь?

Орловскій антрепренеръ въ тоскѣ: онъ не можетъ подыскать актера, который бы сыгралъ Любима Торцова въ комедіи „Бѣдность не порокъ“, только что въ то время появившейся въ репертуарѣ.

— Въ Коренной ярманкѣ купецъ собирается со всего свѣта, пьеса нравоучительная, купеческіе пороки выведены въ совершенствѣ... Хоть самъ играй!

Ввязывается Смальковъ.

— Я въ Нижнемъ ставилъ. Некрасовъ игралъ чудесно!

— Какой же онъ Любимъ Торцовъ? Онъ маленькій, его отъ земли не видать!

— Толщину надѣвалъ, отлично игралъ.

— Я тоже въ Рыбинскѣ ставилъ, вмѣшивается Смирновъ.

— Это у себя въ курятникѣ-то? возражаетъ Хрисанфъ:—ты бы молчалъ лучше. Знаешь-ли ты, что играть Любима Торцова...

— Что же въ немъ особеннаго? Обыкновенный пьяный купецъ...

— Особеннаго? Я съ тобой и разговариватъ не хочу! Да я съ тебя полтораста Ляпуновыхъ за этого пьянаго купца не возьму. Вѣдь эту роль долженъ трагикъ играть, а онъ мальчишку нарядилъ. Понятіе!

— У насъ на югѣ эту пьесу не поймутъ, у насъ въ ходу больше помпезныя пьесы, вступаетъ въ разговоръ содержатель севастопольскаго театра.

— Подите вы съ своимъ югомъ-то! У васъ Гамлетъ, въ сценѣ съ матерью, съ папироской вышелъ!

— Пьяный былъ, заступается содержатель.

— А король Лиръ звѣзды съ кавалерійскаго вальтрапа на себя надѣваетъ—тоже пьяный? Играйте вы тамъ своихъ „Багдадскихъ пирожниковъ“, „Принцевъ съ хохломъ, горбомъ и бѣльмомъ“. Настоящій репертуаръ вамъ не по плечу. Да и многихъ онъ врасплохъ засталъ. Теперь не то! Теперь „Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ“! Налей мнѣ, Петръ Михайловичъ, рябиновки. Разозлилъ онъ меня! Вотъ ты — обращаясь къ молодому актеру, — первогодочекъ, только что начинаешь нашу скитальческую жизнь, вотъ ты знай, у кого ты будешь въ лапахъ. Они всѣ здѣсь, эти губители талантовъ. Закались заранѣе. Да что у тебя страсть къ театру, или тебѣ жрать нечего?

— Страсть, Хрисанфъ Николаевичъ.

— Ну, коли страсть—выдержишь, а если изъ-за куска хлѣба идешь—пропадешь. Кончилъ куда-нибудь?

— Въ Иркутскъ.

— Бывалъ тамъ. Ты какъ пріѣдешь, сходи къ соборному протодьякону, отцу Іоанну—не знаю, живъ-ли онъ — великій мнѣ другъ и пріятель, превосходно оду „Богъ“ читалъ. Ты въ немъ найдешь второго отца и всю жизнь меня благодарить будешь. Явись къ нему и скажи: отъ Хрисанфа—и довольно! Эхъ, Петръ Михайловичъ! Тугія времена для театра приходятъ. Материки актеры старѣютъ и умираютъ, столица ихъ тоже подбираетъ, репертуаръ идетъ новый, молодые люди не занимаются, да не отъ кого и поучиться-то. Вѣрь мнѣ, скоро жидъ полѣзетъ на сцену. Вонъ сидитъ съ Васькой Смирновымъ — это жидъ изъ аптеки, у аптекаря составлять мази учился, а теперь предстанетъ передъ рыбинской публикой. Талантливый шельма! Вчера Васька въ Челышахъ его экзаменовалъ — по-собачьи онъ ему лаялъ, ворону представлялъ, двѣ аріи на губахъ просвистѣлъ... Не знаю, какъ говорить будетъ, а эти жидовскія штуки дѣлаетъ чудесно! Купцы въ Рыбинскѣ затаскаютъ его по трактирамъ. Въ Ирбитской такому тоже молодцу одинъ шуйскій купецъ шубу соболью подарилъ. Сидитъ, бывало, компанія и онъ съ ними. Пьютъ. Придетъ ему фантазія —„ты бы, Абрамчикъ, полаялъ маленько, видишь компанія скучать начинаетъ“. Тотъ и начнетъ, ну, и долаялся до шубы. Разъ спросили его, какъ это ему Богъ такой талантъ открылъ? Въ острогѣ, говоритъ. Сидѣлъ онъ въ острогѣ въ секретной камерѣ. Отъ скуки, говоритъ, сталъ по вечерамъ прислушиваться къ собачьему лаю, сталъ подражать и достигъ въ этомъ искусствѣ до совершенства. Отъ собаки не отличить. Повѣрь мнѣ милый человѣкъ, Петръ Михайловичъ, я то ужъ не доживу, а ты увидишь — скоро актеры на сценѣ будутъ по-собачьи лаять и пьесы такія для нихъ писать будутъ.

Смѣсь водки съ коньякомъ, лиссабонскимъ, гобарзакомъ и и другими жидкостями разстроили нервы Хрисанфа: онъ впалъ въ меланхолію.

— Ступай, милушка, ступай на этотъ узкій путь, говорилъ онъ только что начинающему актеру, поглаживая его по головѣ.

— Хочу попробовать, Хрисанфъ Николаевичъ.

— Это, братъ, дѣло не пробуютъ. Въ это дѣло какъ окунешься, такъ на дно и пойдешь — ужъ не выплывешь. Тебѣ который годъ?

— Девятнадцатый.

— Въ тебѣ искорка есть, я это по глазамъ твоимъ вижу. Ты знаешь, гдѣ скрывается талантъ у актера?

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

— Гдѣ-съ?

— Въ глазахъ! Посмотри когда-нибудь въ глаза Садовскому!. А у Мочалова какіе глаза-то были! Я имѣлъ счастіе играть съ этимъ великимъ человѣкомъ въ Воронежѣ. Онъ игралъ Гамлета, а я—Гильденштерна.

— Сыграй мнѣ что-нибудь.

— Я не умѣю, принцъ.

Онъ уставилъ на меня глаза — все существо мое перевернулось. Лихорадка по всему тѣлу пробѣжала. Какъ кончилъ я сцену—не помню. Вышелъ за кулисы—меня не узнали.

— „Ты хочешь играть на душѣ моей, а не можешь сыграть на простой дудкѣ“.

Губы у Хрисанфа затряслись и хлынули изъ глазъ слезы.

— Это былъ геній!

— А, говорятъ, Каратыгинъ выше его былъ.

— Ростомъ выше. Каратыгинъ! Конечно талантливѣе всѣхъ насъ, грѣшныхъ, но до Мочалова ему гораздо дальше, чѣмъ намъ до него. Царство тебѣ небесное, великій артистъ!

Хрисанфъ перекрестился и немного подумавъ:—ну, Богъ тебя благословитъ! Можетъ, посчастливится, будешь знаменитымъ актеромъ, меня ужъ, разумѣется, тогда не будетъ, такъ ты меня тогда вспомни. Да, путь нашъ узкій, милый человѣкъ, и много на немъ погибло хорошихъ людей. Мельпомена-то бываетъ безсердечна: выведетъ тебя на сцену въ плащѣ Гамлета, а сведетъ съ нея четвертымъ казакомъ въ Скопинѣ Шуйскомъ. Старайся! Не свернись! Вышелъ на сцену—забудь весь міръ! Ты служишь великому искусству! Если ты понимаешь, что я тебѣ говорю, то продерешься чрезъ эту чупыгу, черезъ нашъ узкій путь, окончилъ Хрисанфъ, восторженно хлопнувъ ладонью по столу.

Узкій путь! Имъ начинается исторія нашего театра. Впервые вступили на него праотцы наши драматическіе художники „Подъячишка Васька Мешалкинъ съ товарищи. По твоему великаго государя указу, вопятъ они царю Алексѣю Михайловичу, отослали насъ, холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу для изученія комидійнаго дѣла къ магистру Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и нынѣ мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему, магистру, и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапоженками обносились, а пить ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденной кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комидійнаго дѣла, голодною смертію не умеретъ *. Этимъ путемъ, при полномъ нравственномъ угнетеніи, достигалъ своего величія слава и гордость русской сцены—Щепкинъ **. Этотъ путь прошелъ Садовскій, разыгрывая въ Лебедяни передъ пьянымъ трактирщикомъ пьесу за порцію щей и кусокъ говядины *. На этомъ пути страдала знаменитая драматическая художница Косицкая, пока судьба не доставила ей случая поцѣловать ручку директора театровъ Гедеонова **.

---

* П. О. Морозовъ. „Исторія русскаго театра“, стр. 138. И. Г.

** Записки Щепкина. И. Г.

Хрисанфъ былъ прекрасный человѣкъ и прекрасный актеръ-трагикъ. Онъ имѣлъ слабость корчить изъ себя отставного военнаго человѣка: носилъ усы, вытягивалъ впередъ грудь, ходилъ военной поступью, въ разговорѣ намекалъ, что онъ принадлежалъ къ военному сословію, хотя по генеалогіи своей онъ къ этому сословію не принадлежалъ, а только родился въ бобруйской крѣпости, отъ комисаріатскаго чиновника и дѣтство провелъ среди военнаго элемента. Боковыя ложи театра онъ называлъ флангами, среднія и раекъ — центромъ, суфлерскую будку — амбразурой и т. п.

Онъ былъ поэтъ въ душѣ и въ возбужденномъ состояніи такъ правдоподобно разсказывалъ небывалыя съ нимъ происшествія, что всѣ его заслушивались. Онъ разсказывалъ, что дѣдъ его чуть не взялъ въ плѣнъ Наполеона, что онъ на льдинѣ, во время ледохода, проплылъ отъ Симбирска до Самары, что на Волгѣ, въ Жигуляхъ, отстрѣливался отъ разбойниковъ и двоихъ убилъ и т. п. Обыкновенно скромный относительно своихъ сценическихъ дарованій, въ возбужденномъ состояніи онъ начиналъ хвастаться.

— Вотъ какой со мной былъ случай, начиналъ онъ: — пріѣхалъ я въ Нижній, вышелъ въ первый разъ въ своей коронной роли, въ Гамлетѣ. Ну, что тутъ говорить! Лѣвый и правый флангъ биткомъ. Центръ — голова на головѣ; смотрю въ амбразуру—частный приставъ съ Митькой суфлеромъ жену свою посадилъ. Только показался—залпъ со всѣхъ батарей... и пошло, и пошло!.. Офелію мнѣ дали какого-то заморыша, хоть и съ огонькомъ дѣвка, вице-губернатора потомъ гдѣ-то такъ смазала... Прямо изъ губернскаго правленія подъ вѣнецъ свела. Какъ я своимъ шепоткомъ-то—здѣсь шепчу, а въ Таганкѣ слышно.

— „Удались отъ людей"!—

Офелія моя скорчилась, дрожитъ, поблѣднѣла... Въ театрѣ шумъ... Жену солянаго пристава вынесли... А ужъ какъ:

— „Оленя ранили стрѣлой!"—

Губернаторъ высунулся изъ ложи и замеръ; полиціймейстеръ, кажется, ужъ, по должности своей, каменный человѣкъ — реветъ; Митька въ амбразурѣ книжку бросилъ и держитъ за плечи жену частнаго пристава; а публика... ужасъ! Чувствую — у меня-то у самого волосы на головѣ подымаются. Славу Богу, кончилъ! Во второй спектакль я доложилъ графиню „Клару д'Обервиль", въ третій—„Велизарій"—отбою нѣтъ отъ публики. Послѣ пятаго спектакля узнаю, что во время Макарьевской ярманки я буду атакованъ: въ тылу у меня Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, онъ въ то время въ Казани былъ, а съ флангу надвигается изъ Москвы Мочаловъ... Ну, думаю, съ двумя, пожалуй, не сладишь. Я къ

---

* Біографія Садовскаго, „Русскій Вѣстникъ", 1872 г. № 7, стр. 435. И. Г.

** Записки Косицкой, „Русская Старина", 1878 г. кн. I, II, IV. И. Г.

Архипу Ивановичу—разойдемся, говорю. Нѣтъ, говоритъ:—Павелъ Степановичъ отказался: у васъ, говоритъ, тамъ Хрисанфъ, что я съ этимъ чортомъ буду дѣлать. Не поѣду. Кланяйтесь ему отъ Павла. Отступилъ безъ выстрѣла!

До шестой недѣли великаго поста сдѣлки у содержателей театра съ актерами все продолжались. Звѣревъ накупилъ на Ильинкѣ подержаныхъ шляпъ и лаковыхъ сапогъ для любовниковъ, заказалъ полдюжины комическихъ париковъ, ангажировалъ двухъ комиковъ. Борисъ Климычъ „нанялъ“ на Коренную ярмарку тамбовскаго трагика, сманилъ у Смалькова перваго любовника и у Смирнова комическую старуху, а Смальковъ перебилъ у него жидка лающаго по-собачьи. Другіе содержатели тоже пополнили и измѣнили свои труппы. Кириллъ Ермаковъ, съ открытіемъ навигаціи, долженъ отплыть по Волгѣ въ Астрахань; Яковлевъ кончилъ въ Нижній, и, прощаясь съ товарищами, восторженно говорилъ: „давно я лелѣялъ мысль сыграть Минина на мѣстѣ его родины. Тамъ я изучу Кремль, Соборную площадь, на которой онъ говорилъ съ народомъ, и, можетъ, Богъ поможетъ показать Минина какъ слѣдуетъ. Игрывали! Не знаю! Самъ * хвалилъ когда-то, даже говорилъ: готовься ко мнѣ въ преемники! Медынцевъ тронулся въ Кострому, съ предположеніемъ выступить для перваго дебюта въ роли Ивана Сусанина, въ драмѣ „Костромскіе лѣса“. На первыхъ любовниковъ былъ спросъ большой и пріѣхавшіе всѣ почти ангажированы; со вторыми любовниками была заминка. Съ комиками, къ концу поста, стало тихо. Этимъ воспользовались Смирновъ и Червончикъ и они пошли за безцѣнокъ: одинъ комикъ, Лилеевъ-Обносковъ съ своими париками, пошелъ къ Червончику за двадцать рублей и одну четверть бенефиса. Остался безъ приглашенія одинъ первый любовникъ, Райскій, за слишкомъ невыгодныя предложенія, которыя онъ дѣлалъ содержателямъ театровъ. По изящному костюму—онъ постоянно ходилъ во фракѣ и брюкахъ съ лампасами, — по манерамъ и круто завитымъ волосамъ, онъ рѣзко выдѣлялся изъ массы актеровъ, посѣщавшихъ Бѣлую залу. Когда онъ скрѣпя сердце, обратился съ предложеніемъ къ Борису Климычу, котораго онъ ненавидѣлъ и презиралъ за его грубость и невѣжество, тотъ сказалъ ему: „Намъ попроще надо“. Никакія убѣжденія, что онъ играетъ роль Чацкаго не такъ, какъ другіе играютъ: послѣдній монологъ:

Не образумишь! Виноватъ!

весь, отъ начала до конца, какъ глубоко оскорбленный человѣкъ, говоритъ адскимъ шопотомъ и нервно вскрикнувъ:

Карету мнѣ, карету!

въ дверяхъ падаетъ; что на роль Хлестакова онъ смотритъ со-

---

* Такъ онъ называлъ трагика Каратыгина. И. Г.

всѣмъ не такъ, какъ другіе: въ его исполненіи Хлестаковъ является изнѣженнымъ и избалованнымъ баричемъ, что онъ встрѣчаетъ Городничаго въ голубомъ шелковомъ халатѣ, а не въ жакеткѣ; показывалъ адресы, поднесенные ему разными городами съ выраженіемъ благодарности за доставленные восторги, за высокое художественное наслажденіе въ теченіе сезона; показывалъ серебряный портсигаръ, полученный отъ купцовъ въ Ельцѣ; показывалъ перстень съ жемчужиной, на футлярѣ, котораго вытиснено золотыми буквами: „артисту Райскому слеза за пролитыя слезы отъ благодарной публики“—ничего не помогло: Борисъ Климычъ, дуя въ блюдечко съ чаемъ, говорилъ одно:„—Не требуется, напрасно вы только себя безпокоите“.

Какъ дѣлались соглашенія съ актрисами—неизвѣстно, потому что договоры съ ними содержателей театровъ происходили въ Челышахъ. Въ концѣ поста дѣлалось извѣстнымъ, что такая-то въ Полтаву, такая-то въ Курскъ; Червончикъ говорилъ, что онъ пригласилъ актрису на роли grande dame, съ французскими фразами; Смальковъ—двухъ „субретокъ“, изъ которыхъ одна съ танцами, а другая „съ голосенкомъ“, можетъ играть „Материнское благословеніе“. Борисъ Климычъ пригласилъ еще „бытовую старуху“ и „молодого актерика на комильфотныя роли“. Актеры Выходцевъ и Завидовъ рѣшили отправиться на свой страхъ, безъ приглашенія, первый—въ Аккерманъ, второй—въ Рыбинскъ. Бѣлая зала все пустѣла и пустѣла. Заходили только несчастные суфлеры, самые необходимые и самые горькіе и многострадательные люди въ труппѣ, да актеръ Райскій. Сначала онъ ходилъ „при часахъ и при цѣпочкѣ“, потомъ при однихъ часахъ, безъ цѣпочки, потомъ совсѣмъ безъ часовъ, наконецъ, и жемчужная слеза его скатилась, гдѣ-то на Грачевкѣ, въ витрину Абрама Моисеевича Левинсона.

— Фортуны вамъ нѣтъ, Иванъ Степановичъ, говорилъ ему Гаврила:—которые вотъ даже пьющіе, всѣ по мѣстамъ разошлись, а отъ васъ мы, окромя благородныхъ поступковъ, ничего не видали, а вы безъ мѣста остались.

— Ничего, Гаврила, выдержимъ!

— Вотъ этотъ хохлатенькій-то, въ клѣтчатомъ сертучкѣ, по-собачьи-то лаялъ: за семь пироговъ не заплатилъ... слопать-то слопалъ, а денегъ не заплатилъ... Буфетчикъ съ меня вычелъ.

— Сколько?

— Семь гривенъ, да три подливки особенно, по гривеннику—рубль.

— А ты зачѣмъ подавалъ?

— Помилуйте, какъ же! Приходитъ человѣкъ съ полнымъ апетитомъ, говоритъ, давай! Скушаетъ—за мной!

— Деньги небольшія. Вѣроятно, онъ забылъ. На, получи. Я плачу за него. Все-таки онъ товарищъ мнѣ по искусству.

— Именно, какъ вы есть благороднѣйшій человѣкъ, хоша и сами въ стѣсненномъ положеніи... Покорнѣйше благодаримъ... человѣкъ я бѣдный...

— Поправимся... Прощай. Я, братецъ, никогда не унывалъ!

— Это ужъ послѣднее дѣло. Надо стараться, чтобы все въ лучшемъ видѣ... окончилъ Гаврила, провожая гостя до лѣстницы.

Дѣла Райскаго, послѣ Святой недѣли, дѣйствительно поправились... Онъ доплелся кое-какъ до Харькова, втерся за ничтожную плату въ театръ, сошелся со студентами тамошняго университета, сталъ посѣщать ихъ бесѣды, на которыхъ ему открылся совершенно новый міръ. Молодые люди разъяснили ему, что такое Чацкій, что такое Хлестаковъ и вообще что такое драматическое искусство.

— Ну, скажите, пожалуйста, наставлялъ его одинъ студентъ, зачѣмъ вы въ Чацкомъ кричите монологи до самозабвенія, даже до одурѣнія?

— Для эфекту, робко возражалъ Райскій.

— Развѣ сценическій эфектъ въ неистовомъ крикѣ? А зачѣмъ вы пропускаете знаки препинанія въ монологахъ? Впрочемъ, вообще знаки препинанія для васъ больное мѣсто. Не дальше, какъ вчера, въ сценѣ у фонтана съ Мариной Мнишекъ, вамъ нужно было сказать:

Царевичъ я. Довольно! Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться...

А вы прокричали:

Царевичъ я. Довольно стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться.

— „Довольно стыдно мнѣ“ не можетъ сказать царевичъ: это фраза гостинодворца.

— И мнѣ позвольте вамъ замѣтить, вмѣшивается другой студентъ: — Зачѣмъ вы во всѣхъ роляхъ выходите съ завитыми волосами: Чацкій у васъ завитой, Хлестаковъ—завитой, Скопинъ-Шуйскій—завитой, Самозванецъ—завитой...

— А вотъ это ужъ совсѣмъ не хорошо талантливому артисту, заключаетъ молодой адъюнктъ-профессоръ: играя Полонія въ „Гамлетѣ“, вы надѣваете красную куртку, съ гусарскимъ шитьемъ, накидываете сверху синій плащъ, подбитый краснымъ, въ видѣ мантіи, на головѣ у васъ голубая ермолка съ зеленой кисточкой, а на ногахъ ботфорты. Это ужасно не хорошо, неестественно и не вѣрно.

— Ну, такъ что же, господа, восклицалъ уничтоженный Райскій: научите меня, какъ надо играть?

— Научить васъ, какъ *надо* играть—мы не можемъ, а вотъ какъ *не надо* играть—можемъ, отвѣчалъ адъюнктъ.

Возвращаясь домой, Райскій предавался унынію, плакалъ, сознавалъ свое безсиліе и на другой день опять шелъ на бесѣду къ студентамъ. Бесѣды эти сильно подѣйствовали на его впечатлительную натуру: онъ сталъ слушать совѣты, сталъ совершенствоваться. Не малую тоже услугу ему оказалъ одинъ богатый харьковскій помѣщикъ, страстный театралъ, гордившійся личнымъ знакомствомъ съ французскимъ актеромъ Аланъ, не признававшій Гоголя и Островскаго, предпочитавшій имъ Кукольника и Полевого и преклонявшійся предъ величіемъ трагика Каратыгина, котораго онъ называлъ „генералъ-адъютантомъ въ искусствѣ“. Сидя въ театрѣ, высказывалъ рѣзко свои сужденія о піесѣ и объ игрѣ актеровъ вслухъ, во время дѣйствія. Напримѣръ:

— Пора спускать занавѣсъ—ничего не выходитъ.

Или:

— Вотъ такъ Офелія! Это кислота какая-то...

Про актеровъ:

— Если бы мой крѣпостной человѣкъ, я бы его... и д. т.

Актеры не обращали на его выходки вниманія, потому онъ былъ добрѣйшій человѣкъ и необыкновенный хлѣбосолъ. Драматическіе дѣятели находили у него роскошный обѣдъ безъ всякаго приглашенія.

— Очень радъ, встрѣчалъ онъ гостя:—у меня сегодня супъ изъ хвостовъ, севрюра малосольная, спаржа пріѣхала, да каплунъ съ трюфелями... Не знаю, будете ли сыты. А вы вчера, мой дражайшій, прескверно играли. Извините! А ужъ какъ этотъ игралъ... вашъ товарищъ... Какъ его фамилія?

— Рубцовъ...

— Если бы онъ былъ мой крѣпостной человѣкъ, я бы ему такихъ рубцовъ... Чортъ знаетъ что!

Въ это время входитъ Рубцовъ.

— А, здравствуйте! Мы васъ, дражайшій, бранимъ. Вы вчера были отвратительны до невозможности! Если бы были мой... Помилуйте, такъ нельзя. Во второмъ дѣйствіи монологъ отлично прочитали... Хвалю!...

— Ваше превосходительство, это роль то...

— Не оправданіе! Гете сказалъ: нѣтъ дурныхъ ролей. Не оправданіе! Мнѣ покойный Аланъ говорилъ... вы понимаете по-французски?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Жалко! Онъ мнѣ говорилъ... Разговоръ перебиваетъ вошедшая актриса.

— Ахъ, Марья Ивановна, позвольте поцѣловать вашу ручку. Вы вчера заставили меня плакать. Если бы проѣзжала черезъ Харьковъ Арну Плесси...

— Что вы, ваше превосходительство...

— Нѣтъ ужъ, извините, я даромъ не хвалю. Вотъ они оба играли вчера скверно—я сказалъ прямо, что скверно.

За столомъ его всегда можно было встрѣтить двухъ-трехъ человѣкъ изъ предержащихъ властей, нѣсколько проѣзжихъ черезъ Харьковъ помѣщиковъ, актрисъ, актеровъ и непремѣннаго гостя всѣхъ обѣдовъ, отставнаго пѣхотнаго маіора Нестеренко, который не признавалъ никакихъ винъ, кромѣ водки, и пилъ ее въ неограниченномъ количествѣ. Въ его діалогѣ были только три фразы: когда хозяинъ приглашалъ къ водкѣ, онъ говорилъ: „сердечная моя признательность вашему превосходительству“; вторая—„совершенно вѣрно изволите говорить, ваше превосходительство“ и третья—„нда-съ! объ этомъ надо подумать“.

Послѣ обѣда, гостепріимный хозяинъ, pour la bonne bouche, приглашалъ гостей въ кабинетъ, гдѣ ставились ликеры, шампанское, зельтерская вода, фрукты и т. п. и прочитывалъ что-либо изъ драматическихъ произведеній Кукольника или Полеваго. Власти, нагипнотизированныя уже прежде чтеніемъ хозяина, поспѣшно удалялись; оставались только помѣщики, несчастные актеры и маіоръ Нестеренко.

Вводя всѣхъ въ кабинетъ, почтенный любитель драматическаго искусства говорилъ: „ну-съ, господа, теперь позвольте мнѣ, старику, показать вамъ свое искусство. Мы вѣдь не учились ему, а только потерлись около моего друга Аланъ, около Каратыгина—Мочалова не признаю, хоть и знакомъ съ нимъ былъ—и кое-что отъ драматическихъ вельможъ позаимствовали. Я вамъ сегодня прочту нѣсколько сценъ изъ „Скопина Шуйскаго“, Нестора Васильевича Кукольника... На дняхъ будетъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники... и давно пора... Патріотъ-поэтъ! Петька!

Входитъ маленькій слуга-казачекъ.

— Принеси мнѣ маленькій кинжалъ...

Весьма важный акссесуаръ въ сценѣ Ляпунова съ Екатериной.

Петька приносилъ небольшой кинжалъ. Всѣ усаживались по мѣстамъ; маіоръ не садился—слушалъ стоя, заложивши палецъ за пуговицу военнаго сюртука.

— Ну-съ, я готовъ. Прочту сцену юродиваго съ Екатериной.

„Здравствуй, Катерина, пока Господь даетъ тебѣ здоровье“,

начиналъ онъ протяжнымъ, заунывнымъ голосомъ, отъ звуковъ котораго, по третьему стиху, испустила пискливую ноту лежавшая подъ диваномъ собака.

— Петька! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы кобеля убирать. Запорю! Ужасно нервный кобель... Извините...

„Здравствуй, Катерина, пока Господь даетъ тебѣ здоровье.
И веселись, пока съ тобой веселье...
Но прійдетъ часъ, его же знаетъ небо,
Восплачется весь міръ и сердце наше Богу обнажится“.

— Какіе превосходные стихи!

— Совершенно вѣрно изволите говорить, ваше превосходительство.

Въ серединѣ длиннаго монолога чтецъ съ неудовольствіемъ обратился къ одному изъ слушавшихъ помѣщиковъ.

— Петръ Миронычъ, ты бы шелъ въ садъ. Ты привыкъ у себя на хуторѣ послѣ обѣда отдыхать.

— Я ничего, ваше превосходительство.

— Какъ ничего? Храпишь!...

— Это вамъ такъ показалось. Я слушаю съ великимъ удовольствіемъ.

Дойдя до сцены Ляпунова съ Екатериной, онъ вскакивалъ со стула, бросалъ книгу, схватывалъ кинжалъ и кричалъ, подражая трагику Каратыгину:

Пей подъ ножемъ Прокопа Ляпунова,
Пей подъ анаѳему святого царства!..

— И эти стихи какой то Островскій вложилъ въ уста пьяному купцу въ своей комедіи. И какъ это просмотрѣло третье отдѣленіе — недоумѣваю? Пьяному купцу, которыхъ мы встрѣчаемъ около виннаго погреба Костюрина. Я, разумѣется, написалъ объ этомъ въ Петербургъ.

Послѣ чтенія пили шампанское и шла бесѣда о драматическомъ искусствѣ. Говорилъ одинъ хозяинъ.

— Вотъ если вы мнѣ сдѣлаете честь, пожалуете ко мнѣ въ четвергъ, я вамъ прочту „Горе отъ ума“ и разскажу вамъ кое-что, чего вы не слыхали. Вѣроятно вы не знаете, что Фамусовъ списанъ съ моего дяди, Филатъ Матвѣича, извѣстнаго декабриста... Конечно, это между нами... А Репетиловъ... ну, да это до четверга.

Истомленные чтеніемъ гости, выпивши по нѣсколько бокаловъ шампанскаго, расходились.

Вотъ къ этому то учителю и попалъ Райскій. Мучилъ онъ его чуть не каждодневно, въ продолженіи цѣлаго сезона, закармливалъ его роскошными обѣдами, называлъ его своимъ дорогимъ ученикомъ, дѣлалъ ему подарки и окончательно научивъ его, какъ играть не надо, вселилъ въ него полное отвращеніе къ его прежнимъ сценическимъ пріемамъ. Райскій сдѣлался отличнымъ актеромъ.

Послѣ Святой недѣли, драматическихъ художниковъ больше не было видно въ Бѣлой залѣ; всѣ они двигались по предназначеннымъ имъ пунктамъ: кто плылъ по Волгѣ, кто переваливалъ Уральскій хребетъ, кто кочевалъ въ степи, направляясь къ южнымъ городамъ, кто стремился къ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, кого забрасывала судьба на конечный пунктъ Россійскаго государства — на устье Сѣверной Двины. И все это двигалось, совершая какъ бы предопредѣленіе. Ничто не останавливало — ни дальность пути, ни скудость средствъ при передвиженіи, ни перспектива разныхъ сценическихъ неудачъ — равнодушіе публики, которую актеру часто приходится смѣшить „сквозь незримыя ей слезы“ и другихъ случайностей. Впередъ, въ храмъ славы, въ храмъ искусства, въ храмъ восторговъ и самообольщенія, въ храмъ злобы и зависти! Впередъ, въ міръ сплетень, въ міръ нескончаемыхъ интригъ, въ міръ озлобленнаго самолюбія и коварства!

Теперь уже не существуетъ Бѣлой залы, не существуетъ и прежнихъ актеровъ; актеры новой формаціи собираются въ ресторанѣ Ливорно, о которомъ впереди будетъ мое слово.

Изъ моего дневника.

1855 годъ.

По прiѣздѣ моемъ въ Петербургъ, 9-го апрѣля 1855 года, я въ тотъ же день отправился къ Алексѣю Θеофилактовичу Писемскому, съ которымъ познакомился въ Москвѣ. Я засталъ его за работой: онъ писалъ свой романъ „Тысяча душъ". Душевная моя любовь и привязанность къ Островскому и Алексѣю Потѣхину — его землякамъ — расположили его ко мнѣ, онъ полюбилъ меня и сталъ мнѣ „въ отца мѣсто". Я просиживалъ у него цѣлые дни и весь его романъ написанъ на моихъ глазахъ и нѣсколько главъ первой черновой рукописи находятся у меня. Онъ писалъ очень скоро, но передѣлывалъ написанное очень долго; иныя главы переписывались имъ по нѣскольку разъ.

Черезъ день или два по моемъ прiѣздѣ Д. В. Григоровичъ и онъ вывезли меня въ литературный свѣтъ, на вечеръ къ А. А. Краевскому, гдѣ Писемскiй долженъ былъ читать свой разсказъ „Плотничья артель". Здѣсь я встрѣтилъ всѣхъ свѣтилъ тогдашней русской литературы, которыхъ я зналъ только по хрестоматiи Галахова. Мнѣ въ первый разъ приходилось услышать чтенiе Писемскаго, чтеца, которому въ то время не было равныхъ, хотя отличныхъ чтецовъ было и не мало. За круглымъ столомъ, доска котораго была расписана рукою знаменитаго художника Орловскаго, размѣстились слушатели: Жихаревъ, Лажечниковъ, Никитенко, Е. П. Ковалевскiй, Ив. А. Гончаровъ, только что вернувшiйся изъ кругосвѣтнаго плаванiя, Мей, Дружининъ, Григоровичъ, Галаховъ, Майковъ.

Писемскiй развернулъ тетрадь, испещренную какими-то каракулями [покойникъ писалъ отвратительно, хуже его никто не писалъ и надъ пишущими хорошо всегда подтрунивалъ], и предпославъ нѣсколько словъ о своемъ разсказѣ, началъ читать. Это было не чтенiе, а высокая сценическая игра; каждое лицо выходило, какъ живое, съ своимъ тономъ, съ своимъ жестомъ, съ своей индивидуальностью. Художественное наслажденiе было полное, всѣ были въ неописанномъ восторгѣ, кромѣ одного словесника, которому не только чтенiе не понравилось, но онъ нашелъ, что такихъ шаршавыхъ мужиковъ нельзя пускать въ литературу, а при изображенiи таковыхъ, нужно брать за образецъ мужиковъ, написанныхъ Гнѣдичемъ въ его идилiи „Рыбаки“.

Послѣ Писемскаго я въ первый разъ выступилъ въ качествѣ разсказчика сценъ изъ народнаго быта и былъ привѣтствованъ литературнымъ ареопагомъ.

Въ то время былъ трауръ по покойномъ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ; театры были закрыты; лѣто жаркое; война; скука невыносимая. Алексѣй Ѳеофилактовичъ каждое утро пересматривалъ, что написалъ вчера, читалъ мнѣ исправленное и знакомилъ съ будущимъ изложенiемъ романа.

— Ну что, А. Ѳ., на чемъ остановились? спрашиваю я.

— А я теперь князя Ивана въ острогъ посадилъ. Теперь онъ у меня со смотрителишкомъ разговариваетъ. Вотъ я сейчасъ прочту.

И начиналъ изображать въ лицахъ князя Ивана и смотрителя тюрьмы.

Очень часто по вечерамъ, а иногда и днемъ мы отправлялись съ нимъ куда-нибудь на чтенiе. Мы сдѣлались извѣстными чтецами и вошли въ моду, насъ приглашали въ самое высшее общество.

— Мы съ тобой точно дьячки, сказалъ онъ одинъ разъ:— намъ бы попросить митрополита, чтобы разрѣшилъ стихари надѣть.

Разъ, въ началѣ iюня, я, по обычаю, пришелъ къ Алексѣю Ѳеофилактовичу и засталъ его встревоженнымъ.

— Что съ вами?—обратился я къ нему.

— Какъ, братецъ, развѣ не знаешь? Посмотри.

И онъ указалъ мнѣ на письмо отъ князя Д. А. Оболенскаго. Изъ него я узналъ, что мы завтра въ два часа должны съ нимъ прибыть на казенный пароходъ, стоявшiй на Невѣ, который насъ доставитъ на фрегатъ „Рюрикъ“, къ Великому Князю Константину Николаевичу.

— Такъ что-же?—сказалъ я.

— Какъ—что? По морю-то плыть не по Волгѣ!

— Да далеко-ли тутъ!

— У тебя нервъ нѣтъ! Въ шхерахъ-то тамъ налетишь...

— Да какiе тамъ шхеры!..

Цѣлый день онъ волновался, а вечеромъ мы отправились на пароходъ, на которомъ должны были плыть въ Кронштадтъ, и намъ любезно дозволили войдти въ него и осмотрѣть. Алексѣй Ѳеофилактовичъ успокоился.

— Это пароходъ серьезный, утѣшалъ онъ себя, хотя пароходъ былъ очень маленькiй.

Въ назначенное время мы были на пристани и ровно въ два часа отошли въ Кронштадтъ. Черезъ полчаса А. Ѳ. освоился съ моремъ, бояться пересталъ, а интересовался только знать — видѣнъ-ли, будетъ непрiятельскiй флотъ.

Вотъ показался Кронштадтъ... Все ближе... ближе... Яснѣе... вотъ наши суда.

— „Стопъ машина“, раздалась команда. Подъ пароходомъ забурлило. Съ фрегата „Рюрикъ" донеслись черезъ рупоръ какія-то слова, отвалилъ катеръ и направился къ нашему пароходу; взявъ насъ, пошелъ обратно къ фрегату. На фрегатѣ мы были представлены начальствующимъ лицамъ. Великій Князь находился въ каютѣ: у него былъ докладъ.

— Не угодно-ли вамъ осмотрѣть нашъ фрегатъ, обратился командиръ капитанъ Баженовъ.

Писемскій молча повиновался и пошелъ, я послѣдовалъ за нимъ. Намъ показали орудія, ядра, картечи и наконецъ пригласили на марсъ, откуда простымъ глазомъ видны были мачты непріятельскаго флота, а посредствомъ трубъ мы узнали, что непріятель сушитъ бѣлье. Новость впечатлѣнія была очень сильна. Писемскій съ уваженіемъ смотрѣлъ на пушки, но подходить къ нимъ близко не рѣшался и даже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, когда я внимательно осматривалъ одно орудіе.

— Отойди, замѣтилъ онъ строго.

При входѣ въ каюту мы были представлены молодому Великому Князю, который такъ милостиво и любезно встрѣтилъ насъ, что заставилъ позабыть всякое смущеніе.

— Я съ удовольствіемъ читалъ ваши сочиненія, сказалъ онъ Писемскому;—и очень радъ, что услышу ваше чтеніе. Мнѣ говорили, что вы мастерски читаете. Потомъ обратился ко мнѣ:

— А вы еще юноша...

— Только что начинаетъ, замѣтилъ Писемскій нѣжнымъ отеческимъ тономъ.

Сѣли на палубѣ за длинный столъ, подали чай, началось чтеніе. Писемскій сначала зачиталъ робко, вяло, но скоро возобладалъ собой и полилися „изъ устъ его рѣчи сладчайшія меда". Его высочество неоднократно останавливалъ чтеніе и выражалъ автору свое удовольствіе. Разсказъ былъ уже близокъ къ концу, вдругъ... глухой пушечный выстрѣлъ!.. Писемскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, другой... третій... четвертый...

— Начали? произнесъ онъ простодушно, робко окинувъ всѣхъ глазами. Ему представилась бомбардировка.

— Это салютъ. Къ непріятелю идетъ пароходъ съ моря, успокоили его.

Пальба продолжалась и Писемскій не раньше ея окончанія приступилъ къ чтенію, но началъ читать двумя тонами ниже, такъ его поразила эта неожиданность. Послѣ чтенія я разсказалъ весь бывшій тогда у меня репертуаръ. Обласканные вниманіемъ Великаго Князя, въ 11 часовъ вечера мы поплыли тѣмъ же порядкомъ обратно. На пути насъ встрѣтилъ туманъ и мы ощупью шли до Петербурга. Алексѣй Ѳеофилактовичъ всѣхъ истерзалъ. Ему представлялись подводные камни, мели, а въ устьѣ Невы померщились мины.

— Туманъ, братецъ, говорилъ онъ мнѣ:—наткнешься и полетишь.

Однако Богъ насъ помиловалъ: мы пришли благополучно.

Передъ лицомъ графа Закревскаго.

[Изъ моей автобіографіи].

Во дни оны...

Это было въ 1857 году. Давать въ то время великимъ постомъ публичные, литературные вечера не позволялось, хотя первенствующіе тогда артисты М. С. Щепкинъ и К. Н. Полтавцевъ почитывали въ залѣ купеческаго клуба, но безъ афишъ; да и при выборѣ пьесъ для чтенія комическій элементъ изгоняли. Такъ Щепкинъ читалъ изъ „Полтавы“ Пушкина, Полтавцевъ „Клермонтскій соборъ“ Майкова и т. п., даже нагольный комикъ — буфъ В. И. Живокини и тотъ долженъ былъ читать „Свѣтлану“ Жуковскаго, что выходило, помимо его воли, ужасно смѣшно.

Въ Москвѣ гостилъ знаменитый французскій комикъ Левасcеръ, давалъ онъ представленія въ Маломъ театрѣ. Графиня Л. А. Нессельроде, дочь графа А. А. Закревскаго, пригласила меня на одинъ изъ своихъ интимныхъ вечеровъ, на которомъ былъ и Левассеръ. Репертуаръ моихъ разсказовъ былъ въ то время очень не великъ и выступать на турниръ съ Левассеромъ мнѣ казалось страшнымъ. П. М. Садовскій, флегматически понюхавъ табаку, ободрилъ меня: „Ничего-съ, Иванъ Федоровичъ, валяйте смѣло! Графъ, если онъ тамъ будетъ, такъ онъ этого Левассера и не пойметъ... А вы ему изобразите квартальнаго [сцена въ канцеляріи квартальнаго надзирателя, первый по времени мой разсказъ[и чудесно будетъ!.. Очень доволенъ останется.“

Въ назначенный часъ я вошелъ въ гостиную графини и былъ ей представленъ М. П. Лярскимъ, блестящимъ гвардейскимъ полковникомъ.

— Очень рада, сказала мнѣ графиня.—Вы его слышали?

— Слышалъ въ Петербургѣ.

— Я очень рада!.. Онъ прекрасно!... Онъ сейчасъ будетъ Bon homme пѣть... А вы поете?

— Нѣтъ.

Живая, бойкая, молодая, веселая графиня Лидія Арсеньевна засыпала меня вопросами и представила меня своей графинѣ матери, которая привѣтствовала меня съ величайшей любезностью.

— Много я слышала объ васъ, батюшка, сказала она:—жалко, что графъ не можетъ быть сегодня, ну, да вы послѣ доставите ему удовольствіе васъ слышать.

Мысленно я огорчился, что графъ былъ въ отсутствіи. Мнѣ очень хотѣлось поближе посмотрѣть сподвижника Александра Благословеннаго, покрытаго

Славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Цвѣтъ московскаго высшаго общества занималъ гостиную графини. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ левассеровскихъ куплетовъ. Левассеръ исполнялъ ихъ превосходно и гримъ былъ необыкновенный, чему не мало способствовала подвижность его личныхъ мускуловъ. Онъ оставилъ у насъ по себѣ много подражателей, былъ, такъ сказать, насадителемъ у насъ куплета.

Изъ мужчинъ первенствовали въ гостиной графини М. Н. Лонгиновъ, А. Л. Потаповъ, тогда флигель-адъютантъ, и Б. М. Маркевичъ, камеръ-юнкеръ.

Отворилась дверь изъ сосѣдней съ гостиною комнатой, вышелъ съ сіяющей улыбкой Маркевичъ, а за нимъ Левассеръ, загримированный старичкомъ, въ камлотовой шинели, въ кругленькой шляпѣ, подъ зонтикомъ, это—Bon homme. Сдержанный хохотъ раздался въ гостиной.

Левассеръ имѣлъ полный успѣхъ. Восторгу не было конца. Наступила моя очередь. Неуклюже и застѣнчиво вышелъ я на средину гостиной и началъ разсказывать. М. Н. Лонгиновъ передалъ Левассеру по-французски суть моихъ разсказовъ. Я тоже имѣлъ успѣхъ. Особенно разсказы мои понравились графинѣ-матери.

— Отъ души, я, батюшка, посмѣялась, сказала она мнѣ при прощаньи:—французъ хорошъ, а вы лучше...

Угрюмый А. Л. Потаповъ вторилъ графинѣ, Лонгиновъ наговорилъ мнѣ много любезностей, а Маркевичъ прочиталъ мнѣ поученіе.

— Та среда, говорилъ онъ, изъ которой вы берете ваши разсказы, для гостинной не годится. Замѣтили вы,—Левассера всѣ поняли, а васъ нѣтъ, хотя вы очень хорошо передаете. Согласитесь сами: напримѣръ, княгиня Щербатова никогда не бывала въ канцеляріи квартальнаго надзирателя... Какой ей интересъ въ вашемъ разсказѣ? Вы въ Петербургѣ сдѣлались салоннымъ разсказчикомъ и въ Москвѣ вамъ предстоитъ тоже... Я слышалъ, что васъ хотятъ приглашать многіе. Мы съ вами поговоримъ. Я вамъ подскажу, что нужно для гостиной. Вамъ нельзя идти на хвостѣ у Островскаго—онъ свою пѣсню спѣлъ... Вамъ нужно... мы съ вами поговоримъ... Отчего вы не обратитесь къ Тарновскому [переводчику водевилей]? Онъ для васъ напишетъ, наконецъ — я вамъ напишу... Мы поговоримъ...

Левассеръ такъ взглянулъ на мои разсказы: онъ сравнилъ меня съ своимъ соотечественникомъ Henry Monnier и сказалъ, что если онъ моихъ разсказовъ не понялъ, то прочувствовалъ и крѣпко пожавши мою руку, назвалъ меня camarad'омъ.

Графиня Нессельроде спросила меня, отчего я не прочту своихъ разсказовъ въ Маломъ театрѣ.

Я отвѣчалъ, что это постомъ запрещено.

— А какъ же Левассеръ.

— Иностранцамъ позволено.

— Какой вздоръ! Графъ вамъ разрѣшитъ. Я ему скажу.

На другой день я получилъ записку, которую прочитавъ, выразумѣлъ, что я долженъ явиться къ графу Закревскому въ восемь часовъ утра, и не съ главнаго подъѣзда, а со двора.

По узкой лѣстницѣ взобрался я во второй этажъ и очутился въ длинной передней. Передняя проявляла кипучую дѣятельность. Нѣсколько паръ сапогъ со шпорами отражали отъ себя ослѣпительный блескъ, а одна пара готовилась къ воспринятію блеска. Казачекъ-лакей смазывалъ ее ваксой, входилъ по ней густой щеткой, дышалъ на нее и т. п. Сюртукъ съ густыми бѣлыми эполетами гордо распростерся на длинной вѣшалкѣ, около него стоялъ длинный лакей съ вѣникомъ. На диванѣ сидѣлъ въ вицъ-мундирѣ чиновникъ со Станиславомъ на шеѣ, рядомъ съ нимъ какой-то купецъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ меня толстенькій старичекъ въ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ.

— Мнѣ нужно къ графу...

— По какому дѣлу?

— Графу извѣстно, что я къ нему приду.

— Этого невозможно! Возразилъ старичекъ, осматривая меня съ ногъ до головы. Если прошеніе какое...

— Нѣтъ, вы просто доложите. Я назвалъ свою фамилію.

— Все это я очень хорошо понимаю и фамилію вашу мнѣ сказать не трудно, но только этого никакъ нельзя. Иванъ Дмитріевичъ, обратился онъ къ чиновнику: объясните имъ.

Чиновникъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ.

— У васъ, можетъ, письмо есть?

— Нѣтъ.

— Трудно!

— Да вы отчего же сказать не хотите? спросилъ меня снова старичекъ.

— Можетъ, живописецъ, процѣдилъ сквозь зубы лакей, стоявшій у мундира.

Нѣсколько секундъ раздумья.

— Извольте, я доложу, только бы... чего не случилось. Извольте снять пальто.—Я снялъ. Вѣникъ ерзалъ по мундиру, щетка сверкала по сапогу. Чиновникъ пристально смотрѣлъ на дверь, въ которую ушелъ старичекъ.

— Пожалуйте! послышалось изъ двери, но уже тономъ ласковымъ. Пожалуйте! Графъ сейчасъ выйдетъ.—Мы вошли въ обширную комнату, въ которой стояло два огромныхъ письменныхъ стола.

— Вотъ вы обождите здѣсь..., заговорилъ старичекъ шопотомъ—Графъ вонъ оттуда выйдетъ...Вы ему и доложите все, что вамъ нужно. Онъ добрѣйшій человѣкъ, и любитъ, чтобъ съ нимъ смѣло говорили.

Въ дверяхъ показалась въ халатѣ крупная, важная, плѣшивая, величавая фигура графа Закревскаго.

— Здравствуй! сказалъ онъ рѣзкимъ хрипловатымъ голосомъ.

Я почтительно поклонился.

— Да ты совсѣмъ молодой... Ты мальчикъ... Очень радъ для тебя сдѣлать все... Мнѣ графиня объ тебѣ говорила. Садись. Что тебѣ нужно?

Я изложилъ свою просьбу, что желаю прочесть свои разсказы передъ публикой.

— Хорошо. Подожди здѣсь. Придетъ Федоръ Петровичъ, онъ тебя устроитъ *.

Съ этими словами графъ вышелъ и воротился черезъ полчаса въ сюртукѣ безъ эполетъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ Федоръ Петровичъ.

— Вотъ, Федоръ Петровичъ, въ чемъ его просьба. Онъ проситъ...

— Мнѣ графиня говорила, ваше сіятельство... Я думаю, можно въ частной залѣ, а не въ театрѣ... Вѣдь это рѣшительно все равно... Графиня ужъ и зало нашла.

— Прекрасно. Только ты, обратился онъ ко мнѣ, съѣзди къ Верстовскому [Управляющій Московскихъ театровъ] и скажи ему, что я согласенъ.

Маститый маестро Верстовскій изъявилъ полное свое согласіе и пожалѣлъ, что онъ не можетъ дозволить въ театрѣ.

Первый мой литературный вечеръ данъ былъ на Тверской, въ залѣ А. А. Волкова. Вся московская знать почтила меня своимъ присутствіемъ.

На другой день я былъ приглашенъ къ графу на вечеръ, на которомъ долженъ былъ участвовать Левассеръ и М. С. Щепкинъ. Вечеръ былъ блестящій. Михаилъ Семеновичъ съ чувствомъ и одушевленіемъ прочелъ стихотвореніе Пушкина „Полководецъ“ и произвелъ на участниковъ двѣнадцатаго года сильное впечатлѣніе. Старецъ комендантъ Стааль прослезился. Левассеръ понравился барынямъ и молодому поколѣнію. Антрактъ. Подали мороженое. Графъ подозвалъ меня къ себѣ и шутливо-повелительнымъ тономъ произнесъ: „зарѣжь его! [т. е. Левассера] Я вышелъ на эстраду и имѣлъ большой успѣхъ, даже удостоился рукопожатія отъ графа и отъ древняго старика Стааля.

— Вѣдь онъ нашъ, Михаилъ Семеновичъ, здѣшній... Московскій, обратился графъ къ Щепкину.

Михаилъ Семеновичъ прослезился и поцѣловалъ меня въ лобъ.

---

* Ф. П. Корниловъ, членъ Государственнаго Совѣта, въ то время былъ правителемъ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора. И. Г.

Воспоминаніе о П. И. Якушкинѣ.

Я немного могу прибавить къ тому, что уже сообщено здѣсь * знавшими покойнаго П. И. Якушкина. Въ шестидесятыхъ годахъ его можно было встрѣтить вездѣ: и въ редакціяхъ журналовъ и газетъ, и въ трактирѣ Палкина и въ роскошныхъ салонахъ графа Кушелева-Безбородко, и въ какой-нибудь грязной пирожной лавченкѣ. Денегъ у него почти никогда не бывало, но домъ его былъ вездѣ: то приткнется въ какомъ-нибудь номерѣ подъ лѣстницей въ гостиницѣ Belle Vue, то свернется на ночь на диванѣ у кого-либо изъ пріятелей. Онъ былъ человѣкъ совершенно особенный, ни на кого не похожій, ни по манерамъ, ни по поступкамъ, ни по костюму. Ему дозволялось всякое уклоненіе отъ общепринятыхъ приличій. На него не сердились, когда онъ начиналъ всѣмъ надоѣдать. На литературныхъ вечерахъ, когда ему приходилось участвовать, какъ автору своихъ разсказовъ, онъ не стѣснялся произносить съ эстрады такія слова, отъ которыхъ, какъ говорится, уши вянутъ. И все это ему, за простоту его, съ рукъ сходило.

Уловленный силой вина несказанной

— Тезка, пощадите! — сказалъ ему одинъ разъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, тоже принимавшій участіе въ чтеніи.

— Самъ слышалъ, ей Богу! У Калужскихъ воротъ въ кабакѣ,— отвѣтилъ наивно Якушкинъ.

На похоронахъ покойнаго Мартынова, когда поставили гробъ на погребальную колесницу, Павелъ Ивановичъ предложилъ выпрячь лошадей и везти прахъ великаго артиста на рукахъ. Предложеніе его было принято.

— Ваше превосходительство, земно вамъ кланяемся, обратился онъ къ оберъ-полиціймейстеру генералу Потапову: разрѣшите намъ—всей землей на рукахъ везти тѣло Мартынова!

Генералъ разрѣшилъ и колесницу повезли на рукахъ сквозь несмѣтные толпы народа.

---

* Сочиненія Павла Якушкина, съ его біографіей и товарищескими о немъ воспоминаніями. Спб. 1884 г., стр. LXXXVIII.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Павла Ивановича наканунѣ того дня, въ который онъ долженъ былъ оставить Петербургъ.

— Городничій чего то освѣдомляется,—сказалъ онъ мнѣ совершенно спокойно.

— Какой городничій?

— Полковникъ. Велѣно явиться. Прощай! Больше, можетъ, не увидимся. Вотъ она штука то!

У Егорія копытки ободралъ,
Съ колокольни ревуна спихнулъ:
Дѣло то не большое, а судъ то строгій,

окончилъ онъ, надѣвая поддевку.

Дьявольское навожденіе.

Одно лѣто я жилъ на Волгѣ, въ деревнѣ у покойнаго Н. А. Некрасова, верстахъ въ двѣнадцати отъ Ярославля. Большую часть времени мы проводили на охотѣ. Мѣста въ той сторонѣ живописныя и для охоты необыкновенныя. Покойный Николай Алексѣевичъ былъ страстный охотникъ и отличный стрѣлокъ. На охотѣ онъ не зналъ устали. Случалось такъ, что мы выходили на восходѣ солнца и возвращались домой около полуночи. Обыкновенно хмурый и задумчивый, на охотѣ онъ былъ неузнаваемъ: живой, веселый, разговорчивый, съ мужиками ласковый и добродушный. Мужики его очень любили. Про собаку его, Оскара [я никогда не видывалъ такого умнаго пса], ходили слухи, что она прислана какимъ то королемъ „значительному въ Петербургѣ генералу", что тотъ подарилъ ее Некрасову и назначилъ ей по смерть семьсотъ рублей пенсіону.

Охотились мы по обѣимъ сторонамъ Волги и оставляли домъ иногда дней на десять, переночевывая въ разныхъ селахъ и деревняхъ. Кромѣ весьма удобнаго, приспособленнаго къ охотѣ, тарантаса, съ нами шла верховая арабская лошадь.

Пріѣздъ нашъ въ какую-либо деревню для ночлега для мужиковъ былъ праздникъ.

Въ избѣ толпа. Кто разбираетъ вещи, кто любуется ружьями, а кто, по бывшимъ примѣрамъ, ожидаетъ угощенія.

— Давно ужъ, сударь, въ нашихъ мѣстахъ не бывали, заговорилъ кто то изъ толпы:—дичи у насъ теперь такая сила, что кажется...

Выступилъ впередъ Можжуха, мужикъ-охотникъ, постоянно сопровождавшій Некрасова на охотѣ. Лицо его было завязано тряпицей.

— Что это у тебя ликъ то перекосило?

— Все это моя охота, сударь, Миколай Алексѣичъ! Все она! Поползъ я третьеводни въ осоку... въ заводинкѣ утки сидѣли. Выползъ, почитай, на самую наружу — сидятъ. Думаю: подожду маленько—пущай скучатся. Ждалъ, ждалъ, да, признаться, надоѣло... Приложился—бухъ! Индо перевернулся!

— Зарядъ великъ положилъ?

— Не мѣрялъ, только много. Мнѣ влетѣло, но ужъ и уткамъ я уваженіе сдѣлалъ... Какъ горохъ посыпались... Подбиралъ, подбиралъ...

— А куда мы завтра пойдемъ?

— Спервоначалу, Миколай Алексѣичъ, на озеро. Тамъ теперича этого бекасу!.. А опосля тетеревьевъ...

— Куда?

— Туда, сударь, къ Чудинову, гдѣ въ запрошломъ году ваншлеповъ били. Тамъ охота разчудесная!.. Становой только тамъ маленько балуетъ, до онъ вѣдь стрѣлять не умѣетъ, на нашу долю много еще осталось.

— Становой теперича не ходитъ, замѣтилъ одинъ мужикъ.

— Видѣлъ его, возразилъ Можжуха.

— Мы вѣрно знаемъ, что не ходитъ: онъ своей собакѣ задъ отшибъ.

— За что?

— Не можемъ знать. Изъ перваго ствола по птицѣ ударилъ, а изъ лѣваго по ей. Собака ихняя не дѣйствуетъ, это вѣрно.

— Ну, что-жъ, братцы, четверти то, пожалуй, вамъ мало будетъ?

— Много довольны, сударь! отозвался одинъ мужикъ:—бабы не пьютъ, а намъ хватитъ.

— А полведерочка ежели пожалуете, ваше благородіе, заискивающимъ тономъ вмѣшался другой:—такъ и оченно даже... за ваше здоровьеце... Можетъ и бабы которыя пригубятъ. Есть тоже баловницы то...

— Ну, ступай, пейте.

Рано утромъ мы были на озерѣ. Дѣйствительно всякой дичи оказалось многое множество. Закатъ солнца засталъ насъ въ Чужиновскомъ лѣсу. Тьма, тишина, благоуханіе сосноваго лѣса и только что скошенной травы!

— Тутъ мы и жить будемъ, воскликнулъ Некрасовъ: разводи огонь.

Затрещалъ костеръ. Одинъ мужикъ разыскалъ тарантасъ и поставилъ его на просѣкѣ. Сладили изъ вѣтвей большой шалашъ. Изъ тарантаса принесли самоваръ и ужинъ.

Какъ обыкновенно бываетъ, темнота располагаетъ человѣка къ разговору о страшныхъ происшестіяхъ, о таинственномъ; такъ и теперь это случилось.

— Подижъ ты вотъ, заговорилъ Можжуха: — въ канпаніи ежели въ лѣсу—ничего; одинъ ежели—жутко.

— Чертей что ли боишься?

— Что ихъ бояться то; мы ихъ видали. У насъ въ селѣ свой есть.

— Какъ свой?

— А старшина нашъ Иванъ Петровъ—чортъ какъ есть. Рога ежели ему приставить—такъ точно и будетъ.

— Строгій человѣкъ?

— Чортъ — одно слово.

— Тѣснитъ?

— Не дай Богъ!

— А что, сударь, осмѣлюсь я вамъ доложить, началъ одинъ очень скромный мужичекъ: я однова видѣлъ его явственно.

— Страшный?

— Спервоначалу то я не понялъ, опосля ужъ это мнѣ...

— Видѣлъ ты! возразилъ Можжуха: видѣть его невозможно. Вотъ въ Алешинѣ колдунъ, кажется ужъ...

— Да онъ не взаправду колдунъ.

— Онъ то? Настоящій! Онъ у насъ въ селѣ семь душъ испортилъ. Петровна то у него въ ногахъ валялась, чтобъ снялъ. Потерпи, говоритъ. Меня, говоритъ, онъ самого давно не посѣщалъ; какъ посѣтитъ, въ тѣ поры сниму. Ребята спрашивали: какъ онъ есть такой? Я, говоритъ, самъ его никогда не вижу, а мнѣ, говоритъ, приказано.

— Ну, а ты какъ же его видѣлъ?

— Батюшка упокойникъ билъ меня оченно, чтобы я въ Москву шелъ, а я въ тѣ поры только годъ женимши былъ, дѣтенокъ у меня народился—оченно мнѣ не желалось, а онъ бьетъ. Тятенька, говорю, помилосердуй. За что ты меня бьешь? Схватилъ за волосья, трепалъ, трепалъ... Жена взвыла. Тятенька, кричитъ: руки на себя наложу, коли ты мужа бить будешь. Терпѣлъ я, терпѣлъ— не вмоготу стало, думаю: утоплюсь. И сейчасъ мнѣ легче стало. Жена, все одно, хоть бы ее не было; на дѣтенка посмотрѣлъ— словно бы онъ не мой. Только одно въ умѣ содержу: утоплюсь. И такая мнѣ радость, только и жду поскорѣй бы ночь пришла, что ужъ не жить мнѣ. Поужинали. Батюшка заперъ калитку, опять въ избу пошелъ, а я въ сараѣ легъ. Всталъ ночью, вышелъ на дворъ, смотрю — калитка маленько отворена. Что за оказія! Самъ видѣлъ, какъ батюшка запиралъ. Пришелъ на рѣку, снялъ сапоги, перекрестился, а мимо меня словно пролетѣло что... черное.

— Что значитъ крестъ то! многодумно замѣтилъ одинъ мужикъ.

— Дрожь меня прохватила, оченно дѣтенка стало жалко.

— Онъ тебѣ, значитъ и калитку то отворилъ...

— Какъ домой оборотилъ не помню. Черезъ три года батюшку Господь прибралъ. Теперь ты меня обложи золотомъ — на рѣку ночью одинъ не пойду.

— Ну, а вотъ которые не крещенные?...

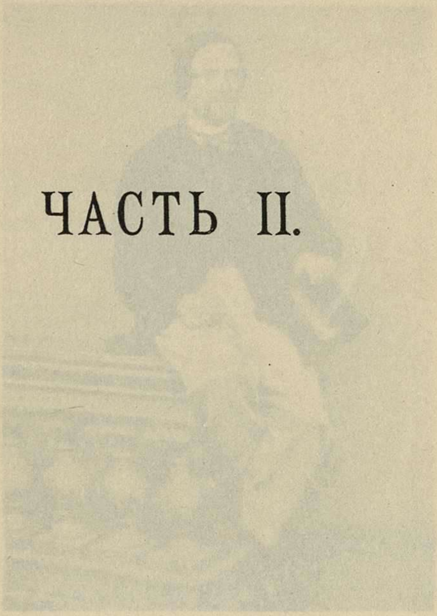
— Заговоръ, можетъ, какой есть...

Долго на эту тему продолжалась бесѣда.

А. Н. Островскій, А. А. Потѣхинъ,
И. Ѳ. Горбуновъ.

Роль И. Ѳ. Горбунова- [illegible]

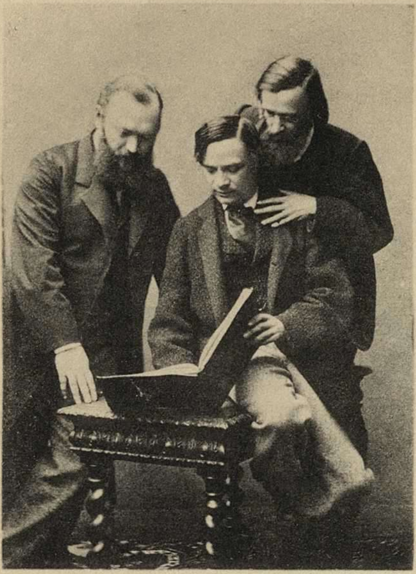
ЧАСТЬ II.



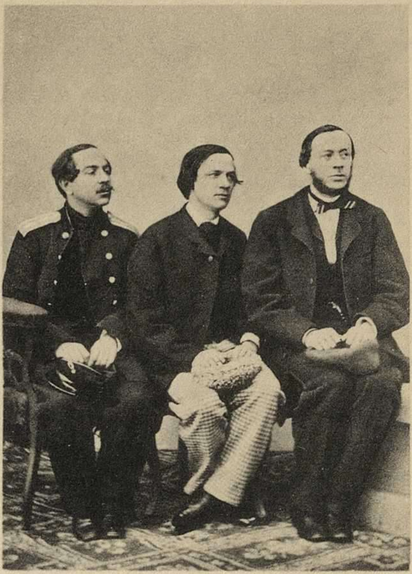
И. Ѳ. Горбуновъ.

И. Ѳ. Горбуновъ.

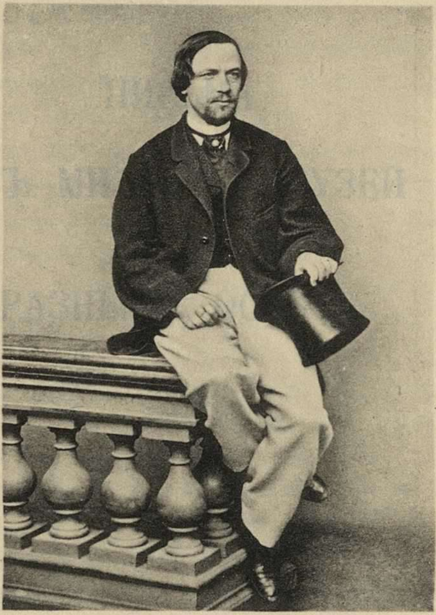
И. Ѳ. Горбуновъ. Роль.



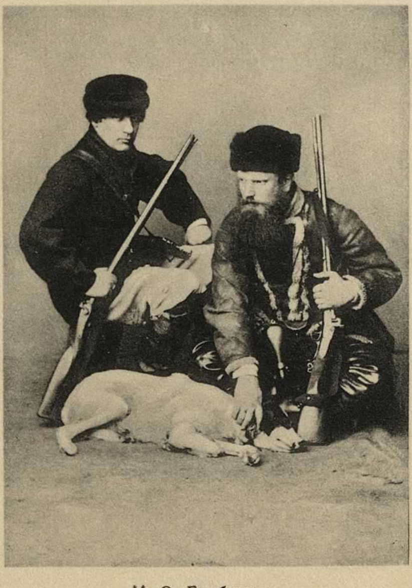
А. Н. Островскій. А. А. Потѣхинъ.
И. Ѳ. Горбуновъ.



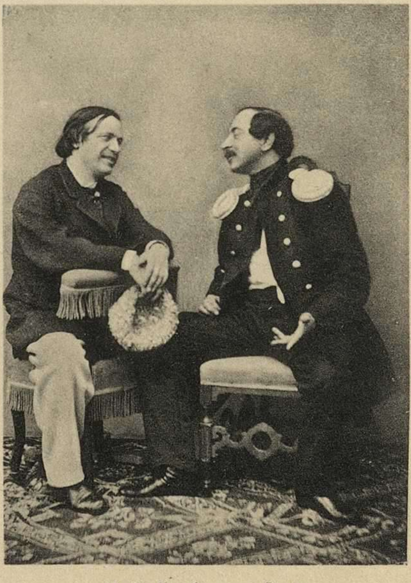
Рюль. И. Ѳ. Горбуновъ. Заешниковъ.



И. Ѳ. Горбуновъ.



И. Ѳ. Горбуновъ.



И. Ѳ. Горбуновъ. Рюль.

ПИСЬМА ОТЪ МИЛЫХЪ ДРУЗЕЙ И РАЗНЫХЪ ОСОБЪ.

Печатаемыя письма найдены частью среди бумагъ покойнаго С. В. Максимова и переданы сыномъ его М. И. Писареву, который въ свою очередь доставилъ эту корзину писемъ въ распоряженіе настоящаго изданія. Другая часть писемъ доставлена А. А. Бахрушинымъ, изъ пріобрѣтенной имъ у семьи И. Ѳ. Горбунова части его писемъ. И. Ѳ. Горбуновъ не любилъ вообще писать писемъ и ихъ поэтому сохранилось мало. Нѣсколько писемъ помѣщено въ матеріалахъ для его біографіи. Весьма возможно, что найдутся со временемъ еще его письма. Гораздо больше сохранилось писемъ къ нему. Они сохранялись имъ бережно, распредѣленныя по алфавиту въ конвертахъ. На однихъ его рукой отмѣчено: „Отъ милыхъ друзей и разныхъ особъ“, на другихъ: „Семейныя“. Многія изъ нихъ не имѣютъ года, часто числа и мѣсяца. Большинство писемъ друзей. Множество приглашеній посѣтить домъ, участвовать въ благотворительныхъ концертахъ, множество обращеній по дѣламъ, множество безчисленныхъ просьбъ. Написавшій пьесу проситъ прочитать ее и дать заключеніе, или хлопочетъ за рукопись въ цензурѣ и проситъ помочь въ этомъ, провинціальный любитель театра обращается за совѣтомъ, что поставить для спектакля, авторъ проситъ помѣстить рукопись въ журналъ. Наконецъ, просятъ опредѣлить дочь въ пріютъ, устроить дѣло въ Комитетѣ о раненыхъ, опредѣлить на мѣсто, что-нибудь выхлопотать „посредствомъ знакомства съ сильными міра сего“, или просто просятъ работы. Такого рода просьбами полны письма къ И. Ѳ. Горбунову.

1.

Милѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ!

Спѣшу увѣдомить васъ о моемъ репертуарѣ, читанномъ во дворцѣ.

1. Гарибальди.
2. Наполеонъ.
3. Революція 48 года.
4. [не разборчиво] *.

И все въ скромномъ видѣ.

Кланяйтесь всѣмъ знакомымъ. Любящій васъ

П. Садовскій.

2.

20 августа.

Ваше Превосходительство,
Милый Генералъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Я заявилъ для своего бенефиса комедію, напечатанную въ Отечественныхъ запискахъ—*Сельская Школа*, переводъ съ итальянскаго Г. Курочкинымъ. Сія комедія, одобрена комитетомъ и пропущена цензурой; которую покорнѣйше прошу скрѣпить и выслать мнѣ. Что слѣдуетъ денегъ немедленно вышлю.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью остаюсь Вашего Превосходительства вѣрный слуга

П. Садовскій.

Москва.

---

* По мнѣнію сына Прова Михайловича Садовскаго, Михаила Петровича, артиста Императорскаго Московскаго Малаго театра, это должно быть „Складчина на ложу". Прим. ред.

Стервецъ!

Мнѣ нужно съ вами повидаться для толку о дѣлѣ и для полученія отъ васъ разныхъ сплетенъ для второй статьи о театрѣ, которая готова должна быть у меня къ субботѣ.

Вашъ

А. Григорьевъ *.

По болѣзни г. Мочалова я не могу пріѣхать къ тебѣ, а мнѣ бы нужно повидаться съ нѣкіимъ И. Ѳ. Горбуновымъ, занимающимся актерствомъ и, какъ дошли до насъ слухи, проживающимъ у тебя. Скажи же ему отъ меня:

„Отъ чего, де, Искра не даетъ мнѣ денегъ ни за Зарайскъ, ни за графиню Сальясъ — деньги небольшія для нея, а для меня пребольшія и великія. — У меня есть еще для нихъ стихотвореніе большое и довольно генеальное на счетъ анадырской губы, но хозяинъ, — молъ, — въ долгъ не отпускаетъ.

Любезный Б. Алмазовъ **.

P. S. Ежели будешь въ нашихъ сторонахъ, заверни въ манежъ, что противъ Университета: тамъ выставка домашнихъ животныхъ и Сальясъ прислалъ туда очень рѣдкаго, породистаго и хорошо откормленнаго Ѳеоктистова.

Любезный другъ Иванъ Ѳедоровичъ!

Пріѣзжай пожалуйста ко мнѣ завтра, т. е. въ середу вечеромъ, часовъ въ 7-мь у меня собираются кое-кто изъ моихъ знакомыхъ. Попроси и Александра Николаевича, если онъ здоровъ, то пріѣзжалъ бы.

Твой Писемскій ***.

1.

Добрый и уважаемый Иванъ Ѳедоровичъ.

Со вчерашняго дня я въ гниломъ Петербургѣ; нынчѣ первымъ дѣломъ для меня узнать мѣсто вашего жительства; видѣть Васъ для меня настолько же необходимо какъ и дышать свѣжимъ воздухомъ. Не откажите, отецъ мой, написать нынче же по городской почтѣ, гдѣ и когда могу васъ...

А. Потѣхинъ ****.

---

* † Апол. Александ. Григорьевъ, критикъ.

** † Бор. Ник. Алмазовъ, поэтъ.

*** † Ал. Ѳеоф. Писемскій, писатель.

**** † Ал. Ант. Потѣхинъ, писатель. Прим. ред.

2.

Милый другъ, Иванъ Өедоровичъ.

Не огорчи же ты моего прiятеля, Гаврюшку: прiѣзжай завтра, въ пятницу, въ клубъ художниковъ, гдѣ обѣщался быть и читать весь нашъ трiумвиратъ...

Цѣлую тебя Твой
А. Потѣхинъ.

17 января
1880.

1.

Любезнѣйшiй Иванъ Өедоровичъ.

Поклонитесь отъ меня Павлу Степановичу[*] и передайте ему, что я всѣми силами стараюсь окончить пiэсу поскорѣе и что обо всемъ, что касается до этой пьэсы, я уже писалъ на дняхъ къ Директору.

Вашъ А. Островскiй.

4-го или 5-го мая я ѣду въ Щелыково[**].

2.

Любезнѣйшiй Иванъ Өедоровичъ.

Къ Өедорову я написалъ только сегодня. Я пишу ему, что совершенно отказываюсь отъ сцены. Я не писалъ такъ долго потому, что не имѣлъ оффицiальнаго извѣстiя, я его и теперь не имѣю. Вы отдали пьэсу Өедорову, вы и должны были прислать ее обратно. Сдѣлайте это хоть теперь; пьэсу отдайте брату, а заключенiе комитета спишите и пришлите ко мнѣ. Напомните о моемъ существованiи Максимову, поклонитесь Курочкину, Васильеву и всѣмъ знакомымъ и скажите имъ о моемъ твердомъ рѣшенiи оставить театръ. Черезъ мѣсяцъ я буду въ Петербургѣ съ Мининымъ[***].

Вашъ А. Островскiй.

Ежели Горбуновъ у тебя, скажи ему, что я никакъ не пойму за что онъ меня знать не хочетъ.

Л. Толстой[****].

---

[*] † П. С. Өедоровъ, начальникъ репертуара. М. П.

[**] Усадьба А. Н. Островскаго, Костромской губернiи, на Волгѣ, гдѣ онъ похороненъ. М. П.

[***] Трагедiя Островскаго, напечатанная въ Современникѣ въ 1862 году П. И. Мельниковъ называлъ ее „акафистомъ“. М. П.

[****] Записка Графа Льва Ник. Толстого А. Н. Островскому. Прим. ред.

Любезный другъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Душевно тебѣ благодаренъ за память обо мнѣ и за стихи Б. Алмазова.

Алмазовъ, коего комическое пѣнье
На „Искру“ вылилось минуя „Развлеченье“,

мнѣ всегда очень нравился. Въ Развлеченіи кажется, только и бываютъ его стихи порядочные. Посылаю 20 рублей за стихи, они напечатаны въ 15 №. Мнѣ обѣщалъ его сотрудничество Погодинъ, еще въ 1858-мъ году, когда я впервые увидѣлъ ученаго мужа и по странному [не разборчиво] стихи Алмазова являются въ одномъ № съ приличною отповѣдью публицисту съ Рогожской.

Очень пріятно было бы если бы Вы, милостивый Государь, и въ Петербургѣ не забывали старыхъ пріятелей, хоть изрѣдка вырываясь изъ водоворота вашей свѣтской и артистической жизни.

Алмазову потрудитесь передать, разумѣется въ тѣхъ выраженіяхъ къ которымъ Вы пріобыкли, вращаясь въ избранномъ петербургскомъ обществѣ, что мнѣ было бы очень пріятно, если бы онъ почаще присылалъ свои стихотворенія.

Александру Николаевичу земной поклонъ.

На Ѳоминой я уѣзжаю на два, на три мѣсяца за границу.

Farewell, and if for ever,
If for ever farewell. [sic]

До свиданія. Душевно тебѣ преданный
В. Курочкинъ *.

P. S. Если по пріѣздѣ въ Петербургъ уже не застанешь меня благоволи обращаться къ брату, какъ со своими твореніями, такъ и своею особою.

1.

Я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой, добрѣйшій Иванъ Федоровичъ, окажите пожалуйста протекцію служившему прежде у меня человѣку вольноотпущенному Николаю Степанову Мигулину, человѣку во всѣхъ отношеніяхъ отличному непьющій и необыкновенно честный, теперь онъ хочетъ поступить въ бутафоры Маріинскаго театра и помѣщеніемъ его на это мѣсто Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе.

Душевно Вамъ преданный
В. Слѣпцовъ.

28 Ноября 65 года.

---

* † Вас. Ст. Курочкинъ, поэтъ. Прим. ред.

2.

Вы мнѣ сказали, что на 2-й день Праздника, т. е. въ Четвергъ, вы свободны вечеромъ, по этому случаю, я разсчитывая на вашу доброту, назначилъ въ этотъ день чтеніе. Если вы не пріѣдете, то погубите насъ. Чтеніе будетъ у насъ. Читать будутъ: Салтыковъ, С. В. Максимовъ, Курочкинъ, вы и я. Кромѣ того, играть будутъ Сѣровъ съ женою.

Вашъ Слѣпцовъ [*].

3.

Голубчикъ Иванъ Федоровичъ!

У меня есть къ вамъ дѣло: дѣло въ томъ, что просятъ васъ прочесть въ одномъ домѣ завтра вечеромъ съ благотворительною цѣлію. Впрочемъ цѣль,—объясню послѣ. Не можете ли вы сегодня вечеромъ, или когда хотите, хоть завтра утромъ что ли, только пораньше дать отвѣтъ.

Вашъ В. Слѣпцовъ.

1.

Любезнѣйшій Иванъ Θеодоровичъ, мнѣ нужно *нѣчто* сообщить Вамъ, не терпящее отлагательства. Поэтому, потрудитесь заѣхать ко мнѣ завтра или послѣ завтра. Дома я утромъ, а еще вѣрнѣе къ обѣду. Пожалуйста, если же не успѣете завтра, то не позже вторника.

Преданный Вамъ
Н. Некрасовъ [**].

28 Февраля
1871.

2.

Любезнѣйшій Иванъ Θеодоровичъ!

Мы съ Холшевниковымъ сговорились ѣхать сегодня на охоту въ 5-ть часовъ. Присоединитесь къ намъ. — Ждемъ васъ къ завтраку.

Вашъ Н. Некрасовъ.

Суббота.

3.

Любезнѣйшій Иванъ Θеодоровичъ.

Пожалуйста завтра [т. е. въ воскресенье] въ 2 часа пріѣзжайте ко мнѣ кушать блины непремѣнно.

Вашъ Н. Некрасовъ.

Суббота.

---

[*] † Вас. Алекс. Слѣпцовъ, писатель и разсказчикъ сценъ изъ народнаго быта.
[**] † Ник. Алекс. Некрасовъ, поэтъ. Прим. ред.

4.

Любезнѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ.

Непремѣнно нужно мнѣ съ Вами поговорить — завтра въ 5 час. я буду ожидать Васъ обѣдать. Будутъ еще нѣсколько пріятелей, которые Васъ желаютъ видѣть и между прочимъ А. А. Абаза*. Пожалуйста пріѣзжайте.

Вашъ Н. Некрасовъ.

5.

Любезнѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ, пожалуйста будьте не позднѣе 7-ти часовъ въ залъ Бенардаки. Это необходимо или приходите ко мнѣ сегодня въ 4-мъ часу и отправимся вмѣстѣ.

Вторникъ. Вашъ Н. Некрасовъ.

6.

Иванъ Ѳедоровичъ!

Мнѣ необходимо Зарево на 1 №, да сверхъ того разыщите, гдѣ комедія Островскаго „Банкиръ“. Я ее до сей поры не имѣю. Островскій велѣлъ взять ее у Васъ.

Въ 5 ч. всегда меня найдете дома.

Весь Вашъ
28 Декабря. Н. Некрасовъ.

7.

Иванъ Ѳедоровичъ!

Ужо вечеромъ, т. е. [во вторникъ, въ 8 ч.] Егоръ Петровичъ Ковалевскій** проситъ Васъ къ себѣ.

Преданный Вамъ
Понедѣльникъ. Н. Некрасовъ.

8.

Иванъ Ѳедоровичъ!

Въ середу ѣдемъ. Готовьтесь. — Завтра приходите обѣдать къ 5-му.

Н. Некрасовъ.

Зовите обѣдать Бурдина.

9.

Четвергъ.

Горбуновъ, Сегодня.... Генеральный безъ васъ невозможно.— Ждемъ.

Вашъ Н. Некрасовъ.

---

* † Ал-др. Агг. Абаза, бывшій министръ финансовъ, предсѣдатель Департамента Экономіи.

** † Ег. Петр. Ковалевскій, писатель и путешественникъ, авторъ книги „Графъ Блудовъ и его время“. Прим. ред.

Помня Ваше обѣщаніе, многоуважаемый Иванъ Ѳедоровичъ, доставить для „Современника“ разсказъ, я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой: не найдете ли возможнымъ прислать намъ этотъ разсказъ для Ноябрьской книжки, которая скоро начнетъ уже печататься. Если бы Вы доставили къ 1-му числу Ноября, то весьма бы обязали преданнаго Вамъ

М. Салтыкова[*].

Жительство имѣю близъ Александровскаго театра, домъ Афанасьева.

Завтра, т. е. въ понедѣльникъ, въ 4½ часа, мы собираемся обѣдать у Донона [Пѣвческій мостъ, трактиръ Обрена], мы, т. е. Некрасовъ, Салтыковъ, я, Унковскій и пр. приглашаемъ Васъ быть тамъ непремѣнно. Пріѣзжайте пожалуйста. Очень и очень Васъ ждемъ[**].

Будьте такъ добры: не откажитесь исполнить Ваше обѣщаніе, прочтите что нибудь на литературномъ и, разумѣется, не оффиціальномъ вечерѣ, устраиваемомъ въ пользу безплатной школы, находящейся подъ завѣдываніемъ П. В. Михайлова и помѣщающейся на углу Кабинетской и Звенигородской улицъ. Вечеръ назначенъ въ понедѣльникъ, на третій день праздника, въ залѣ Алекс. Ив. Европеусъ: на Бассейной улицѣ, домъ № 26, входъ съ Бассейной, кв. А. И. Европеусъ. Начало въ 8 часовъ, но мы Васъ можемъ ждать хоть до 12-ти. Если Вамъ почему нибудь нельзя, исполнить эту просьбу, то увѣдомьте меня объ этомъ письменно; мой адресъ: на Гребецкой улицѣ, домъ Тулякова, кв. № 52.

П. Ткачевъ[***].

Съ будущаго года С.-Петербургскія Вѣдомости переходятъ въ мои руки и подвергнутся коренному преобразованію. Желая придать этому журналу дѣйствительное достоинство и значеніе, новая редакція намѣрена, между прочимъ, обратить вниманіе на фельетонъ и совершенно измѣнить его составъ. По новому ея плану, въ фельетонъ войдутъ кромѣ еженедѣльныхъ отчетовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ петербургской общественной жизни—чисто-литературныя произведенія русскихъ и западныхъ писателей. Я говорилъ объ этомъ, между прочимъ, съ А. Н. Островскимъ, который обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе и даже уполномочилъ меня объявить печатно Ваше имя въ числѣ будущихъ сотрудниковъ газеты. Но я не могу не обратиться къ Вамъ прямо съ покорнѣйшей просьбой объ этомъ. Слова А. Н. Островскаго убѣдили меня, что я не получу отказа. Между тѣмъ, Ваши очерки или разсказы могли въ значительной степени способствовать успѣху фельетона въ его новомъ составѣ. Въ случаѣ Вашего согласія участвовать въ СПБ. Вѣдомостяхъ съ 1863 года, я буду убѣдительно просить Васъ — доставить мнѣ одинъ или нѣсколько разсказовъ въ Декабрѣ, для первыхъ №№ газеты послѣ Новаго года.

---

[*] † Мих. Евг. Салтыковъ-Щедринъ, писатель.

[**] Подпись неразборчива.

[***] † Петръ Никит. Ткачевъ, писатель. Прим. ред.

Вал. Коршъ*.

1.

Спѣшу васъ увѣдомить, многоуважаемый Иванъ Өедоровичъ, что я ѣду завтра не утромъ, какъ я Вамъ говорилъ, а вечеромъ. Если есть какое-нибудь порученіе,—я къ Вашимъ услугамъ.

Преданный Вамъ
Пятница. Ө. Достоевскій **.

2.

Выручайте, добрѣйшій Иванъ Өедоровичъ, изъ бѣды; И. С. Тургеневъ заболѣлъ, если и Вы не будете—скандалъ, выручайте.

Ор. Миллеръ.
Ө. Достоевскій.

Милостивый Государь
Иванъ Өедоровичъ.

Вчера я отправилъ къ Вамъ съ разсыльнымъ „Идіота“, томъ 2, гдѣ на стр. 208—220 находится тотъ разсказъ генерала, который по совѣту В. П. Буренина, выбрали мы для Васъ. Твердо вѣруемъ въ то, что Вы сдержите слово. Покойный Ө. М. Васъ такъ любилъ. Почтите же его вечеръ. Чтеніе въ Городскомъ Кредитномъ въ 8 часовъ. Ваше—во 2-й половинѣ. И такъ на вѣрное до свиданія.

Вамъ преданный
Ор. Миллеръ ***.

Вы завтра не играете—значитъ отговорки нѣтъ.

Прибѣгаю къ Вамъ, многоуважаемый Иванъ Өедоровичъ, какъ къ скорому помощнику и молитвеннику. Потрудитесь разузнать, что дѣлается съ моимъ „Дупелемъ“, я его отправилъ

---

* † Вал. Өед. Коршъ, журналистъ и историкъ литературы.

** † Өед. Мих. Достоевскій, писатель.

*** † Орест. Өед. Миллеръ, проф. Спб. университета, историкъ литературы.

Прим. ред.

15 Ноября въ Литературно-театральный комитетъ и не имѣю никакихъ извѣстій. Писалъ Федору Алексѣевичу, но отъ него до сихъ поръ нѣтъ отвѣта. Нынче сезонъ коротенькій. Надо торопиться ставить. Потрудитесь... и написать мнѣ двѣ, три строчки! Скоро ли онъ вылетитъ изъ цензуры? Я сегодня читаю его въ артистическомъ клубѣ. Вчера у меня былъ Островскій и Вамъ поручилъ поклониться. Кланяйтесь всѣмъ низко и отъ меня многогрѣшнаго. Въ ожиданіи вашихъ строкъ жму вамъ крѣпко руку. Да и о Самозванцѣ узнайте. Онъ разрѣшенъ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати.

Н. Чаевъ [*].

Москва
4 Декабря
1865 г.

Иванъ Федоровичъ,

Живъ или мертвъ будьте у меня завтра 31-го въ пятницу вечеромъ. Васъ требуютъ дамы, дочь моя Сабурова, Княгиня Гагарина, Гр. Клейнмихель и пр. — я живу на углу Мал. Садовой и Итальянской на Манежной площади, домъ Васильева 27, на дворѣ кв. № 18.

Если, чего Боже сохрани, вы не будете, все между нами кончено.

Крестный Соллогубъ [**].

30 октября.

Многоуважаемый Иванъ Өедоровичъ, очень сожалѣю, что не засталъ Васъ, я надѣялся тоже, что увижу Васъ на репетиціи. Если Вы не дали никому обѣщанія, не пожалуете ли Вы къ намъ сегодня вечеромъ часовъ въ 10-ть. Вы этимъ сдѣлали бы большое удовольствіе

Искренно преданному Вамъ
Гр. Ал. Толстой [***].

Адресъ:
Гагаринская пристань,
домъ Княгини Гагариной.

1.

Дорогой Иванъ Өедоровичъ,

Очень бы мнѣ не хотѣлось, признаться сказать, къ Коршу ѣхать; далеко; и дождь льетъ. Но ужъ если компанія соберется — то я можетъ и поѣду, потому что для компаніи жидъ удавился и архіерей женился, какъ говорятъ. Безобразный Павловъ хотѣлъ нынче зайти и не зашолъ. Богъ его знаетъ гдѣ онъ. Вы бы сдѣлали мнѣ большое удовольствіе, еслибъ зашли ко мнѣ; заходите теперь же; напились бы чаишку. Иванъ Васильевъ можетъ бы подошелъ. Да и на счетъ завтрашняго дня сговорились бы. Я нынче ночью было прихворнулъ опять и струсилъ шибко.

---

[*] Ник. Алдр. Чаевъ, драматургъ.

[**] † Графъ Влад. Алдр. Соллогубъ, писатель.

[***] † Графъ Алекс. Конст. Толстой, поэтъ. Прим. ред.

Жду васъ. Я еще имѣю васъ спросить кое о чемъ. Звали меня куда то читать, гдѣ и вы будете. Я не далъ слова; полагаю, что и вы надуете по обыкновенiю.

Вашъ А. Плещеевъ*.

2.

Любезный Иванъ Федоровичъ.

Не съ тобой ли я обмѣнялся шубой; въ моей переплетенный томъ Жуковскаго. Въ твоей тоже томъ Жуковскаго и ключъ.

Твой А. Плещеевъ.

3.

Любезный другъ Иванъ Өедоровичъ.

Въ Четвергъ, 30 Сентября, будетъ торжественное засѣданiе въ Пушкинскомъ кружкѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ. Мнѣ поручена литературная часть и такъ какъ члены Комитета сказали мнѣ, что ты далъ имъ позволенiе разсчитывать на тебя, въ случаѣ чтенiй, то я помѣстилъ тебя въ программѣ. Сдѣлай милость, голубчикъ, не отказывайся—хоть для меня.

Читаютъ: Полонскiй, Пальмъ, Вейнбергъ, я, и др. — Кромѣ того будетъ музыка и пѣнiе. Это приходится наканунѣ Покрова и въ театрѣ ты занятъ быть не можешь. Надѣюсь на твою любезность и лобызаю тебя трижды.

Твой
А. Плещеевъ.

4.

Любезный другъ Иванъ Өедоровичъ!

Во вторникъ, 19 Октября, въ день Лицейской Годовщины, въ Пушкинскомъ кружкѣ будетъ опять торжественное собранiе и исключительно изъ Пушкинскихъ вещей. Всѣ члены, имѣющiе литературное имя, обязательно должны принять въ немъ участiе. Разсчитываемъ на тебя. Не будешь ли добръ прочесть „Гусара“. Я поручился за тебя, что ты читать во всякомъ случаѣ будешь; если не хочешь Гусара, то сообщи поскорѣй на мое имя, что прочтешь.

Весь твой
А. Плещеевъ.

14 сентября: четвергъ.

Троицкiй переулокъ 27/2 кв. 25.

---

* † Алекс. Ник. Плещеевъ, поэтъ. Прим. ред.

Согласно обѣщанію Твоему, милый другъ Иванъ Ѳедоровичъ, напоминаю, что ты обязался обѣдать у меня въ среду, въ 5 часовъ. Жду тебя непремѣнно.

Твой А. Апухтинъ *.

Итальянская, № 67.

---

25 Сентября 1864 г. Мыза Першутино.

Любезный другъ
Иванъ Ѳедоровичъ!

Написалъ я драму подъ заглавіемъ „Помѣшанные“, которую, желая выразить сочувствіе вашему таланту, посвятилъ вамъ и взялъ эпиграфію изъ одного вашего разсказа. Судьба пьесы такова: одинъ экземпляръ ея у Аполлона Филипповича Головачева [Секретаря, кажется, редакціи журнала „Современникъ“, а второй списокъ въ Театрально-Литературномъ Комитетѣ, олицетворяемомъ, теперь, какъ я слышалъ, однимъ Павломъ Степановичемъ Федоровымъ. При чтеніи пьесы въ Комитетѣ, если такое чтеніе еще производится, мнѣ бы хотѣлось просить того, кто будетъ читать „Помѣшанные“ пропускать все то, что относится къ актеру, т. е. то, что стоитъ вслѣдъ за именемъ дѣйствующаго лица. Эти скобки, которыхъ не избѣгать я имѣлъ свои причины, охлаждаютъ слушателя и зловредно дѣйствуютъ на уши. Вотъ покуда все, что я хотѣлъ сказать Вамъ. Кланяйтесь всѣмъ помнящимъ меня и въ особенности Л. Л. Л.** и И. И. Сосницкому. Лихачевыхъ не видалъ давно; въ заключеніе Борисъ меня обыгралъ рублей на 50; а я его, впрочемъ, рублей на 100. Кланяется вамъ Балкашинъ и Кожинъ.

Весь вашъ
Хавскій.

1.

Любезный Иванъ Федоровичъ,

Посылаю Вамъ прилагаемыя стихотворенія для передачи ихъ, согласно обѣщанію Вашему, въ редакцію Отечественныхъ Записокъ. Считаю нужнымъ добавить, что, въ данномъ случаѣ, я сдѣлалъ выборъ только изъ однихъ лирическихъ стихотвореній и что, если редакція не найдетъ возможнымъ ихъ напечатать, я просилъ бы сообщить мнѣ почему именно, чтобы на будущее время знать ея требованія. Позвольте поблагодарить Васъ за любезное обѣщаніе и надѣяться на его успѣхъ.

Уважающій Васъ Перфильевъ ***.

3 Мая 1878 г. Москва.

Адресъ: Москва, Прѣсня. Домъ Перфильевыхъ Федору Василь. Перфильеву.

---

* † Алекс. Ник. Апухтинъ, поэтъ.

** † Леониду Леонид. Леонидову.

*** † Фед. Вас. Перфильевъ, сынъ † московскаго губернатора, Вас. Степ. Перфильева, поэтъ. Прим. ред.

2.

Какъ авторъ сильно я тоскую,
И знать желалъ бы я отъ Васъ—
Меня пошлютъ ли на Парнасъ,
Иль много ближе прямо къ ...

Любезный Иванъ Федоровичъ, будьте добры черкните два слова о дальнѣйшей судьбѣ моихъ стихотвореній и которыя одобрили. Меня это, конечно, весьма интересуетъ, въ особенности, если нѣкоторыя могутъ быть напечатаны.

Уважающій Васъ
Ф. Перфильевъ.

1.

Я третій день нездоровъ и не могъ лично справиться у Васъ, многоуважаемый Иванъ Федоровичъ, будете ли Вы у меня завтра въ субботу вечеромъ [послѣ 8—9 часовъ, хоть въ 12—1 ч.], какъ я Васъ приглашалъ не позже недѣлю назадъ, памятуя, что Вы въ субботу свободны? Не откажите извѣстить будете ли? Моя жена и дѣти давно жаждутъ Васъ видѣть у насъ. А кромѣ того мнѣ будетъ дорого особенно видѣть Васъ завтра у насъ, такъ какъ мы за-просто въ бесѣдѣ съ друзьями, разопьемъ бокалъ въ память, между прочимъ, XXX лѣтней литературной, безпорочной службы моей. Надѣюсь, что Вы оцѣните просьбу стараго добраго пріятеля Вашего. Ждемъ Васъ.

10 фев. 78
пятница.

Вамъ преданный Г. Данилевскій*.

2.

Глубокоуважаемый
Иванъ Өедоровичъ!

Если Вы свободны на четвертый день праздниковъ, *въ среду вечеромъ*, пріѣзжайте въ знакомую Вамъ, старую мою квартиру [уголъ Вашей Николаевской и Всевленой, ходъ съ Всевленого, д. № 69, кв. № 3],—хоть и позднѣе [мой—домъ съ 9 ч. вечера]. Встрѣтите кое-кого изъ общихъ нашихъ друзей. [Совершенно запросто].

Вашъ искренно преданный
Г. Данилевскій.

$\frac{24}{\text{XII}}$ 88

---

* † Григ. Петр. Данилевскій, романистъ. Прим. ред.

8 ноября.

Дорогой Иванъ Θеодоровичъ!

Не удивляйтесь моему письму, но оно сочинено вдругъ; вчера вечеромъ моими родными рѣшено праздновать съ бокаломъ шампанскаго 78-й день рожденія моей старушки матери у меня. Много ли намъ, сыновьямъ, праздновать съ нею? Хотѣлось бы повеселѣе, а для этого: кто-же какъ не Вы дорогой Генералъ. Я не достаточно богатъ чтобы угощать такихъ высокихъ художниковъ, какъ Вы, но я думаю что если Вы свободны сегодня 8-го числа въ 10 ч. вечера, то осчастливьте меня. Если нѣтъ, такъ нечего дѣлать. Простите и вѣрьте искренной привязанности.

К. Случевскій *.

Милый Иванъ Θедоровичъ,

Посылаю Вамъ пьесу. Это произведеніе моего хорошаго знакомаго Дмитрія Каменскаго. Прочтите и скажите свое мнѣніе.

Я ставилъ условіемъ только отдать роль Натальи Савиной и Дарьи Хлѣбниковой [Н. Е].. Прочтите, какъ нибудь на дняхъ заѣду и узнаю Ваше мнѣніе.

Примите увѣреніе въ совершенномъ
почтеніи и преданности.
Вашъ покорный слуга
В. Немировичъ **.

Н. Л. Тибленъ *** и А. Н. Пыпинъ **** были въ 1-хъ чтобы посѣтить васъ а во 2-хъ чтобы попросить завтра вечеромъ къ Тиблену на Васильевскій Островъ на 8 линію возлѣ части, домъ Задлера. Можно пріѣхать съ 8-ми до какого угодно времени.

---

6 ноября.

Препровождаю къ Вамъ многоуважаемый Иванъ Θедоровичъ V томъ моего Альбома и усердно прошу исполнить обѣщаніе: впишите 3—4 и болѣе страницъ, что признаете подходящимъ изъ богатаго запаса Вашей памяти...

Душевно преданный
М. Семевскій *****.

---

* † Конст. Конст. Случевскій, поэтъ.

** Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, писателъ.

*** Н. Л. Тибленъ, издатель.

**** † Алдр. Ник. Пыпинъ, академикъ, историкъ литературы.

***** † Мих. Ив. Семевскій, издатель „Русской Старины“. Въ изданномъ имъ въ 1888 году Альбомѣ, подъ заглавіемъ „Знакомые“ И. Θ. Горбуновымъ записана краткая его біографія въ нѣсколько строкъ, кромѣ того нѣсколько подражаній старинной письменности. Прим. ред.

СПБ. 15-го Ноября 1884.

Лукавый и непокорный
Иванъ Өедоровичъ!

Если у Васъ имѣется хоть капля желанія загладить Ваши многія противъ меня преступленія, то приходите ко мнѣ сегодня въ 5 часовъ откушать. У меня обѣдаетъ Дмитрій Ивановичъ Иловайскій. Бесѣда обѣщаетъ быть хорошею, ибо будетъ и А. М. Робушъ.

Въ надеждѣ и т. д. Преданный Вамъ
П. Полевой *.

Сестрица съ братцемъ напоминаютъ, что въ воскресенье у нихъ ботвинья въ 5 ч.,—средство антихолерное, испытанное.

апр. 17. 1893. Суббота. П. П. Гнѣдичъ **.

Многоуважаемый Иванъ Өедоровичъ!

Не позволите ли Ваше сообщеніе о русскомъ театрѣ, о которомъ Вы мнѣ говорили, назначить на будущій понедѣльникъ—18 числа—для открытія нашихъ собраній—очень бы обязали и доставили бы намъ большое удовольствіе. — Не откажите черкнуть словечко отвѣта не позже среды.

Преданный Вамъ
П. Исаковъ ***.

Добрѣйшій Иванъ Өедоровичъ!

„Русская Портретная Галлерея“ вся распродана до послѣдняго экземпляра и сдѣлалась библіографической рѣдкостью. Отдѣльныхъ портретовъ нѣтъ ни одного. Чтобы угодить вамъ, я взялъ у П. Я. Дашкова оригиналы портретовъ: 1. Головина, 2. Асенковой, 3. Елагина, 4. Семеновой, 5. Милорадовича [рисованъ съ натуры экварелью П. А. Каратыгинымъ въ его альбомѣ] и велѣлъ сдѣлать съ нихъ фотографіи, которыя и посылаю вамъ. Кромѣ того, посылаю портретъ Храповицкаго, оттискъ съ гравюры Панемахера для „Исторіи Екатерины II“.

Остальные портреты буду разыскивать и которые изъ нихъ удастся найдти, пришлю вамъ.

Искренно вашъ
Шубинскій ****.

---

* Петр. Ник. Полевой, писатель, историкъ литературы.

** Петр. Петр. Гнѣдичъ, писатель.

*** Петр. Ник. Исаковъ.

**** Серг. Ник. Шубинскій, редакторъ „Историческаго Вѣстника“.

Прим. ред.

Милѣйшій и многоуважаемый Иванъ Федоровичъ,

Сибиряки поручили завести Вамъ билетъ и просить Васъ не отказать посѣтить нашъ вечеръ. Я лично заѣзжалъ къ Вамъ, но къ сожалѣнію не засталъ.

Во всякомъ случаѣ вы бы доставили намъ присутствіемъ своимъ большое удовольствіе и встрѣтите то уваженіе и радушіе, какое всегда окружаетъ Васъ за Вашъ талантъ, но еще болѣе за Вашу душевность. Мое дѣло присоединить свою товарищескую просьбу къ общему желанію.

Посылаю приглашеніе если не застану и милѣйшему Сергѣю Васильевичу Максимову.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубокомъ уваженіи

Н. Ядринцевъ*.

28 ноября 1888.

1.

Милѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ!

Я подписалъ Ваше имя зная, *кто Вы!* Простите. Устраивается дѣло изданія литературнаго Альманаха въ пользу голодающихъ представителей литературы *всѣхъ партій* и художниковъ! Сегодня собраніе у В. П. Гаевскаго, въ 8 часовъ вечера, Литейная, 48. Умоляю пріѣзжайте. Вотъ имена: Щедринъ, Полонскій, А. Майковъ, Некрасовъ, Гончаровъ, Маркевичъ, Лѣсковъ, Погодинъ, А. Островскій, Т. Филипповъ, А. Градовскій, Страховъ, Достоевскій и т. д. Сегодня будетъ дѣло, и выборы редакціонной Коммиссіи. Крѣпко жму Вашу руку.

Вашъ к. В. Мещерскій **.

Суббота.

2.

Дорогой Иванъ Ѳедоровичъ,

Хоть Вы согрѣшили противъ меня *недружбою,* но я консерваторъ и въ убѣжденіяхъ, и въ друзьяхъ; мнѣ дороги старыя убѣжденія, и старые друзья. А потому напоминаю Вамъ о своемъ существованіи, очень прошу сдѣлать мнѣ сердечное удовольствіе и пріѣхать въ субботу, 1-го Октября, ко мнѣ обѣдать въ 6 часовъ запросто. Это первая годовщина Газеты, которой годъ назадъ Вы обѣщали честь Вашего участія. Пріѣзжайте и вѣрьте дружбѣ.

Вамъ преданный

В. Мещерскій.

Караванная, 18.

---

* † Ник. Мих. Ядринцевъ, писатель, авторъ книги „Сибирь какъ колонія".

** Князь Вл. Петр. Мещерскій, издатель „Гражданина". Прим. ред.

3.

Многоуважаемый Иванъ Өедоровичъ!

Спасибо прежде всего за *сдержанное* обѣщаніе дать „*Гражданину*“ разсказъ, въ доказательство дружбы къ его издателю.

А во-вторыхъ, очень прошу Васъ пріѣхать въ среду ко мнѣ выпить за здоровье *Давыдова*. Понятно, надѣюсь, что Вы хоть этимъ докажете мнѣ, что не совсѣмъ Вамъ чужой.

Вамъ преданный
Понедѣльникъ.
В. Мещерскій.

4.

Ваше Превосходительство,

Безъ Васъ праздникъ не праздникъ, а потому отъ сердца стараго пріятеля зову Васъ сегодня ко мнѣ на ужинъ послѣ спектакля. Обидно будетъ и больно обидно коли откажете

Васъ любящаго
Караванная, 18.
К. В. Мещерскаго.
Понедѣльникъ.

1.

Любезнѣйшій Иванъ Өедоровичъ,

Виноватъ, что у Васъ не былъ, а извѣстно, что, не посѣтивъ больного — не войдешь въ Царствіе Небесное. Въ Москвѣ у Островскаго вспоминали о Васъ, при чемъ супруга его сказала: „Пусть полежитъ, это ему полезно“, а супругъ сказалъ: „Полезно-то полезно, а худо если болѣзнь долго протянется. Онъ актеръ, вѣдь ему ноги-то надобны“. Обѣщаются къ 10-му Декабря въ Питеръ прибыть.

„Записной книжки“ не напечаталъ. Знаете что, ей Богу, этотъ тонъ скученъ и однообразенъ. Его можетъ хватить на разсказъ, на одинъ очеркъ, но долго имъ руководствоваться нельзя. Для разсказа онъ чудесенъ, но именно для разсказа, для извѣстнаго случая, который, будучи переданъ этимъ языкомъ, можетъ быть прекраснымъ, ибо онъ, этотъ языкъ, душу разсказчика выскажетъ и его отношеніе къ случаю, къ подробностямъ случая. Извините, что я Вамъ это пишу. Я пишу отъ искренняго желанія быть Вамъ если не полезнымъ, то по крайней мѣрѣ не вреднымъ. Любой фактъ можно взять, любой случай изъ газетъ, изъ судебной хроники и разсказать его этимъ тономъ, этимъ языкомъ. Будетъ, увидите, хорошо. А примѣнять его къ разнымъ явленіямъ — натянуто. Вы вотъ этимъ языкомъ къ Рождеству мнѣ разсказикъ пожалуйте. Можетъ, соберусь къ Вамъ, но желаю Вамъ скорѣй встать, однако выздоровѣвши совсѣмъ, однако сказываютъ, что эта болѣзнь скверная болѣзнь, если не вылежаться основательно. Ужъ очень чувствительна эта чашечка. Вашъ министръ навѣрное уходитъ къ новому году и въ Вашемъ мірѣ навѣрное произойдутъ разные перестановки. Хотѣлось бы кое-что передать Вамъ, но писаніе для сего случая не весьма удобное средство. Вѣрьте искренней моей привязанности.

А. Суворинъ[*].

Актрисѣ in spe[**]—крѣпкое рукопожатіе.

3-го Декабря 83.

2.

Иванъ Ѳедоровичъ,

Посылаю Вамъ цензурный экземпляръ, который Вы и дайте Нильскому для прочтенія, сказавъ ему, во-первыхъ, что другіе еще не готовы, и что, во-вторыхъ, противъ этого цензурнаго экземпляра есть значительныя перемѣны во многихъ мѣстахъ; есть сцены вновь написанныя, которыми замѣнены эти. Это совершенная правда и такой экземпляръ есть только у Потѣхина. Въ роли Креона, впрочемъ, никакихъ примѣчаній нѣтъ, кромѣ двухъ-трехъ стиховъ. Я прошу Васъ объ этомъ потому, что Нильскій, конечно, пойдетъ состязаться съ Соколовымъ, а тотъ, несмотря на то, что она въ продажу не поступала, начнетъ заволакивать.

Я на дѣло смотрю такъ, что піеса тогда только вполнѣ готова, когда она пройдетъ чрезъ нѣсколько репетицій и обчистится вслѣдствіе замѣчаній актеровъ и тѣхъ не удачныхъ сценъ и стиховъ, которые самъ замѣтишь. Я вовсе не хочу, чтобы Соколовъ имѣлъ право говорить это все со своими замѣчаніями заставивъ то и то передѣлать. Но я говорю, что уже много передѣлано въ томъ числѣ послѣднихъ сценъ. Пожалуйста же, сохраните у себя тотъ экземпляръ, а цензурный передайте.

Вашъ А. Суворинъ.

Вотъ еще что: пожалуйста не выдумайте настаивать. Хочетъ брать — беретъ, не хочетъ не надо. Мнѣ достаточно того, что дирекція поставитъ и тотъ же — можетъ и лучше выйдетъ.

А тутъ въ двѣ недѣли скомандовать піесу чортъ знаетъ изъ какого быта, и къ которому актеры и не привыкли—страшно.

---

[*] Алекс. Серг. Суворинъ, издатель „Новаго Времени“.

[**] † Татьяна Ивановна, старшая дочь Горбунова. Прим. ред.

Октября 2. 1887.

Многоуважаемый и Добрѣйшій
Иванъ Ѳедоровичъ,

Согласно Вашего обѣщанія, позволяю себѣ безпокоить Васъ, пожалуйста похлопочите у Ѳеоктистова за меня, а то безъ протекціи, сами знаете, откажутъ. Суть моей просьбы * прилагаю при семъ отдѣльно. Пожалуйста, многоуважаемый Иванъ Ѳедоровичъ, не откажите, заслужу, видитъ Богъ, заслужу! У насъ все то же, новаго ничего — при скверной погодѣ бездѣйствуемъ и хандримъ. Поклонъ отъ Праведникова. Прося еще разъ извиненіе за безпокойство.

Остаюсь преданный Вамъ
И. Новиковъ *.

---

19 Марта 1879.
Понедѣльникъ.

Милостивый Государь
Иванъ Ѳедоровичъ!

22 Марта въ четвергъ въ пользу Петровской женской гимназіи устраивается спектакль. Идетъ „Ревизоръ“. Не откажитесь посѣтить этотъ спектакль. Затѣмъ позвольте дать Вамъ нѣкоторыя разъясненія. Дѣло состоитъ въ томъ, что я гимназистъ Ларинской гимназіи, по фамиліи Чернышевскій, а живу у дяди Ал-дра Никол. Пыпина. Третьяго дня дядя мнѣ и говоритъ: „А вѣдь ты забылъ послать билетъ одному высокопоставленному лицу“. — „Кому это?“ „Да его Превосходительству!“ — „Какому Превосходительству?“ — „Да генералу Дитятину!“ — „Ахъ, говорю, да!“ — Адреса Вашего я не зналъ, а потому догадался зайди къ В. П. Острогорскому, который мнѣ и объяснилъ гдѣ Вы живете. Результатомъ всего этого было это нѣсколько странное посланіе. Что касается до меня, то я играю роль Хлестакова и Гибнера.

Готовый къ услугамъ
Мих. Чернышевскій.

P.S. Дядя Вамъ кланяется.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ.

Будьте милы, черкните, что Вы намѣрены прочесть на нашемъ чтеніи, которое предполагается недѣли черезъ двѣ? Будутъ

---

* Переименовать издаваемый „Самарскій Справочный Листокъ“ въ „Поволжье“ съ выпускомъ въ свѣтъ не ежедневно, а разъ въ недѣлю. Прим. ред.

читать произведенія Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Кольцова и гр. Толстого, а участіе обѣщали: Савина, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій, Случевскій, гр. Голенищевъ-Кутузовъ и пр. Пора хлопотать о разрѣшеніи, и потому жду отъ Васъ скораго отвѣта.

Весь Вашъ
В. Гаевскій*.

Литейная, 40.

1880. Октября 29.

Любезнѣйшій
Иванъ Θедоровичъ!

Чтеніе о которомъ мы говорили съ Плещеевымъ въ клубѣ устроено и объявлено во вторникъ 21-го апрѣля, въ восемь часовъ вечера въ домѣ Шепелевыхъ за Яузкомъ, заходите нарочно, чтобы напомнить Васѣ, пожалуста не забудьте; участвуютъ: Достоевскій, Θ. М., Плещеевъ, Слѣпцовъ.

Вашъ слуга покорный
А. Ушаковъ**.

---

21 сентября.

Сообщаю обѣщанную Вашему Превосходительству справку: въ Краледворской рукописи, какъ и вообще въ чешскомъ языкѣ, нашему лѣсъ соотвѣтствуютъ les? Это можно видѣть изъ слѣдующаго двустишія:

Ach vy lesi, tmavi lesi,
lesi Miletinsti!

Вѣрно.

[Краледворская рукопись изд. Некрасова 1872, стр. 129].

Донъ-Педро изъ Рязани***.

Многоуважаемый
Иванъ Θедоровичъ!

Завтра будутъ готовы 2 экземпляра моей піесы и я заѣду къ Вамъ въ часъ пополудни — очень нужно Васъ видѣть и переговорить.

Искренно Васъ уважающій
Николай Соловьевъ****.

Декабря 6-го, 1880.

---

* † Вик. Павл. Гаевскій, писатель.

** Адр. Серг. Ушаковъ, писатель.

*** † Петр. Андр. Гильтебрандтъ — бывшій правитель дѣлъ Императорской Археологической комиссіи, составитель „Справочнаго и объяснительнаго словаря къ Новому Завѣту“.

**** Ник. Як. Соловьевъ, драматургъ, авторъ „Женитьбы Бѣлугина“ и „Дикарки“. Прим. ред.

Иванъ Ѳедоровичъ!

Согласно Вашей доброй готовности всегда помочь неимущему юношеству и Вашего личнаго согласія, мы помѣстили Васъ чтецомъ на 21-е января, т. е. въ будущее воскресенье, два раза въ концѣ 1-го и 2-го отдѣленія [3-го да избавитъ Богъ]. Чтеніе будетъ по прежнему въ 1-й Гимназіи. Ужъ какъ-нибудь урвите для насъ времячко; вѣдь Вы, такъ сказать, состоите у насъ на службѣ. Программа составлена добропорядочно, все лица Вамъ знакомые: Лавровъ, Майковъ, Некрасовъ, Лохвицкій, Успенскій и Василій Степановичъ Курочкинъ и проч.

Въ надеждѣ Васъ видѣть въ будущее воскресенье.

Остаюсь преданный Вамъ
В. Водовозовъ *.

1.

Ноября 5-го.

Глубоко благодаренъ Вамъ, многоуважаемый Иванъ Федоровичъ, за радушное участіе къ „Утру" нашихъ педагогичекъ. Дѣло идетъ пока хорошо, и сводится къ слѣдующему: первая часть [литераторовъ]: 1. А. Н. Плещеевъ, 2. И. Ф. Горбуновъ, 3. С. И. Турбинъ [сцены изъ новой его комедіи „Примирительница"], 4. А. А. Потѣхинъ, 5. П. И. Вейнбергъ, 6. В. П. Острогорскій [или изъ ком. Островскаго „Волки и овцы", если позволитъ] или свои сцены „на однѣхъ сѣняхъ". Музыкальныхъ: 1. Сакетти [двѣ пьесы на віолончели], 2. Пѣніе [прошены Скальковскіе и буду просить Петрова], 3. Фортепьяно.

Не откажите теперь еще въ слѣдующей просьбѣ: такъ какъ Вамъ, вѣроятно, случалось устраивать подобные вечера и утра самимъ, напишите мнѣ подробно отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) кого именно просить о разрѣшеніи и должны ли быть представлены всѣ рукописи? 2) не можете ли попросить о скорѣйшемъ разрѣшеніи утра у Трепова [Плещеевъ говоритъ, что будто Вы знаете Христіановича, и можете сотворить все это очень легко]? 3) Можно ли напечатать афиши [напечатаютъ даромъ] и разсылать ихъ при театральныхъ? Кому представлять на цензуру афиши и билеты? Всѣ эти свѣдѣнія надобно доставить Осинину, который и будетъ хлопотать. Простите, что Васъ безпокою.

Весь Вашъ
В. Острогорскій **.

Адресъ мой:

Вас. О-въ, 7-я линія между Большимъ и Среднимъ проспектами домъ № 36, на дворѣ подъѣздъ противъ воротъ вверхъ.

---

* † Вас. Ив. Водовозовъ, педагогъ, писатель, авторъ „Разсказовъ изъ Русской исторіи".

** † Викт. Петр. Острогорскій, педагогъ, писатель. Прим. ред.

2.

Среда 26 Ноября 1875.

Добрѣйшій Иванъ Федоровичъ!

Утра нашего не разрѣшаютъ безъ представленія въ цензуру попечителя разсказовъ, которые Вамъ будетъ угодно прочитать, поэтому обращаюсь къ Вамъ съ всепокорнѣйшею просьбою прислать возможно скорѣе черезъ дочь оригиналъ рукописей или печатный, который и передамъ Н. Т. Осинину, хлопочащему о разрѣшеніи. Начальницѣ Педагогическихъ Курсовъ всѣ остальные рукописи [Плещеевъ, А. А. Потѣхинъ, Вейнбергъ и я уже представлены]. Да и утро откладывается до одного изъ слѣдующихъ Воскресеній, о чемъ Васъ заблаговременно и увѣдомляю, въ полной увѣренности, что не откажете намъ въ Вашемъ участіи къ дѣлу курсовъ.

Весь Вашъ

В. Остроговскій.

3.

1880. Октября 23.

Многоуважаемый

Иванъ Өедоровичъ!

23 Ноября въ Воскресенье въ 1 ч. пополудни я, по примѣру прошлаго года, устраиваю утро въ пользу общества нуждающихся учениковъ Ларинской гимназіи. Участвуютъ: Достоевскій, Плещеевъ, вѣроятно А. А. Потѣхинъ, Григоровичъ. Не откажите Вашимъ участіемъ помочь доброму дѣлу. Буде согласны, въ чемъ, впрочемъ, зная доброту Вашу не сомнѣваюсь, соблаговолите увѣдомить, что именно будете разсказывать, чтобы просить о разрѣшеніи кн. Волконскаго [попечителя].

Вашъ В. Острогорскій.

4.

Дорогой Иванъ Өедоровичъ,

30-го Декабря во Вторникъ [на праздникахъ] въ часъ дня въ залѣ Кредитнаго общества устраиваютъ большое музыкально-литературное утро въ память ... лѣтъ Ларинской гимназіи. Изъ литераторовъ, кромѣ Плещеева, Потѣхина, Вейнберга, я прошу непремѣнно тебя, какъ по обѣщанію твоему [я говорилъ тебѣ о юбилеѣ], такъ и по всегдашней твоей готовности радушно помогать своимъ талантомъ нашимъ Ларинцамъ въ вечерахъ, въ которыхъ ты всегда принималъ участіе, за что гимназія и принесла тебѣ признательность на твоемъ 30 лѣтнемъ юбилеѣ.

Твой Викторъ Острогорскій.

Милостивый Государь
Иванъ Ѳедоровичъ,

Еще разъ осмѣливаюсь напомнить Вамъ о литературномъ вечерѣ, въ пользу бѣдныхъ студентовъ, который имѣетъ быть сегодня въ залѣ Первой Гимназіи. Мы еще разъ просимъ Васъ прочесть сцену изъ народнаго быта, или все, что Вамъ будетъ угодно.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

Вашъ покорнѣйшій слуга
Вас. Шемякикъ, отставной студентъ.

2 января 1862 г.

Милостивый Государь
Иванъ Ѳедоровичъ!

Вы имѣете доброе сердце, а поэтому не откажитесь отъ участія въ концертѣ, въ пользу сироты мальчика, сына покойнаго доктора Новицкаго. Податель сего письма Конст. Павл. Новицкій— есть тотъ горемыка о которомъ идетъ рѣчь. Въ концертѣ участвуютъ: г-жи Абаринова, Каменская и г-да Орловъ, Карловъ, Цабель, Григоровичъ, Главачъ и другіе. Публика будетъ самая отборная. Мѣста почти всѣ разобраны. Но не достаетъ Васъ, именно Васъ. Вотъ это-то обстоятельство и заставляетъ обратиться къ доброму сердцу Вашему и просить Васъ о благосклонномъ участіи въ этомъ концертѣ, назначенномъ 9 сего Марта въ 8 часовъ вечера въ залѣ придворной пѣвческой капеллы. Этимъ Вы сдѣлаете великое дѣло и заставите обожать Васъ. Хотя одинъ разсказъ, хотя одну сценку, благоволите прочитать, чѣмъ доставите истинное наслажденіе публикѣ, а бѣдному сироткѣ нѣсколько лишнихъ сотенъ рублей. Когда выростетъ этотъ горемыка и кончивъ курсъ сдѣлается общественнымъ дѣятелемъ, то со слезами благодарности явится къ просвѣщенной особѣ Вашей. Будьте же великодушны, прибавьте къ своему неувядаемому вѣнку еще одинъ лавръ, спасите бѣднаго мальчика.

Надѣясь на Ваше благосклонное участіе въ этомъ концертѣ я почтительно прошу Васъ почтить меня увѣдомленіемъ, что угодно будетъ исполнить Вамъ и въ какомъ отдѣленіи. Извините за безпокойство и примите увѣреніе въ моемъ полнѣйшемъ обожаніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть Вашъ, Милостивый Государь,

Покорный слуга
Иванъ Чернышевъ.

P.S. Карета за Вами явится въ назначенное Вами время.

1876.

Уважаемый Иванъ Ѳедоровичъ,

Оставьте для меня залу на 17 ноября и повѣсьте сегодня въ клубѣ аншлагъ: Артистическій вечеръ съ участіемъ: Давыдова, Вурма, Лешетицкаго, Глѣба Успенскаго, Марка Вовчекъ, Стелла-Колласъ, Майкова, Филица, Васильева, Шиле и Аристова. Себя поставьте во главѣ насъ всѣхъ. Завтра начну печатать билеты.

Буду у Васъ въ субботу утромъ въ 10 часовъ.

Искренно преданная Вамъ

1868 г. 31 октября. Аделаида Шиле.

Сердечный другъ Иванъ Ѳедоровичъ, ты обѣщалъ пріѣхать на одну изъ нашихъ репетицій, помочь добрымъ совѣтомъ. Если можешь, пріѣзжай въ Четвергъ 25-го въ 8 часовъ вечера. День представленія, не забудь, 28-го Октября, въ Воскресенье. Начало въ 9½ часовъ; но такъ какъ 3 акта продлятся конечно до 11-ти часовъ, то ты ни въ какомъ случаѣ не опоздаешь, если бы даже [чего Боже сохрани] игралъ въ этотъ день. Прости, что еще не былъ у тебя, все это время такъ было скверно на улицѣ, что никуда не ѣздилъ и все возился съ моими артистами и декораціями.

Старый и преданный тебѣ другъ

В. Познанскій.

20 Октября
1879.

---

27 Февраля 1870.

М. Я. Ржевская, къ которой я позволилъ себѣ обратить Васъ нѣсколько времени тому назадъ, передавала мнѣ, что со свойственною Вамъ готовностью доставитъ удовольствіе людямъ, цѣнящимъ Вашъ талантъ, Вы устроитесь такъ, что удѣлите намъ одинъ вечеръ приблизительно на третьей недѣлѣ поста. У нашихъ любителей и благотворителей идетъ теперь самая горячая подготовка къ живымъ картинамъ. Картины хотятъ соединить съ Вашими разсказами. Передайте мой душевный поклонъ Николаю Алексѣевичу когда увидите.

М. Кахановъ*.

---

* † Мих. Сем. Кахановъ, впослѣдствіи предсѣдатель особой комиссіи для составленія проэктовъ мѣстнаго управленія. Прим. ред.

Умоляю васъ всѣмъ, что только есть для васъ святого, дать намъ знать сегодня о Майковѣ, намъ надо печатать билеты, и мы въ такой неизвѣстности. Пожалуйста будьте такъ добры исполните мою просьбу, чѣмъ много обяжете все наше семейство.

Votre toute devouée

Е. Телешова.

Вы насъ увѣрили, что Вы и Майковъ будете участвовать. Ради Бога употребите все ваше вліяніе на поэта.

1.

8 Января 1878.

Милостивый Государь

Иванъ Ѳеодоровичъ,

Т. И. Филипповъ извѣстилъ меня, что вы согласны принять участіе въ устраиваемомъ мною денномъ Концертѣ въ пользу Пріюта Св. Ксеніи для трудящихся дѣвицъ. Этотъ концертъ по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ имѣетъ быть не 22 Января, а 5 Февраля въ 12 час. въ залѣ Городской думы. Не знаю какъ благодарить васъ, Милостивый Государь, что вы обѣщали намъ ваше высокочтимое содѣйствіе и позволили украсить намъ афиши вашимъ всепритягательнымъ именемъ. Весь Комитетъ проситъ меня быть его уполномоченнымъ въ выраженіи вамъ его благодарности.

Такъ какъ день нашего концерта еще далекъ, я напомню вамъ еще о вашемъ обѣщаніи до выхода въ свѣтъ афиши.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Графиня Л. Ростопчина.

Бассейная д. Кабата № 27.

2.

Спѣшу извѣстить васъ, что всѣ мои хлопоты и труды пропали даромъ черезъ злобу извѣстной вамъ особы, которая поспѣшила помѣшать намъ: у меня руки опустились, не знаю что придумать и какъ помочь дѣлу. Благодаримъ васъ за вашу готовность быть намъ полезнымъ и будемъ уповать, что не все вѣчно на землѣ и что намъ удастся будущей зимою что-нибудь устроить помимо злого рока.

Графиня Ростопчина.

Нижеподписавшіеся Михаилъ Яновскій и Николай Экичъ, пріѣзжали, отъ лица всѣхъ бывшихъ студентовъ М. Х. и В. М. Академіи, просить глубокоуважаемаго и любимаго Ивана Ѳедоровича, раздѣлить съ ними, по примѣру прежнихъ лѣтъ, нашъ товарищескій обѣдъ. 18-го Декабря с. 1893 г. При семъ почетный билетъ принадлежащій И. Ѳ. Горбунову.

М. Яновскій.
Н. Экичъ.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Вы позволили обратиться къ вамъ съ просьбою, если захотимъ послушать васъ. Мы всегда хотимъ, но помнимъ, что на хотѣнье есть терпѣнье. Теперь надо признать за нами достоинство, что мы долго терпѣли, а потому обращаюсь къ вамъ съ убѣдительною просьбою отъ старыхъ, молодыхъ и малыхъ пріѣхать къ намъ въ Воскресенье 12-го, чтобы вашимъ разсказомъ умудрить насъ. За вашимъ смѣхомъ всегда слезы, но слезы плодотворныя.

Съ искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ
М. Ольхина[*].

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Давно мнѣ хотѣлось написать Вашъ портретъ; но рѣдкія наши встрѣчи не могли помочь мнѣ исполнить свое желаніе. Въ настоящее время я рѣшился за него приняться, если только Вы мнѣ въ томъ поможете и дадите сеансы, тѣмъ болѣе, что я недавно имѣлъ разговоръ по этому поводу съ московскимъ любителемъ П. М. Третьяковымъ и мы оба рѣшили потревожить Васъ. Если Вы не найдете никакого препятствія со своей стороны осуществить наше общее желаніе, то буду очень радъ отъ Васъ получить о томъ увѣдомленіе.

Примите выраженіе моей почтительности и уваженія.
И. Крамской[**].

16 Декабря 84.

Адресъ мой: В. О. Биржевой пер., домъ Елисѣева, кв. 5.

---

[*] Начальница Маріинскаго Института.

[**] † Ив. Ник. Крамской, живописецъ, портретистъ. Къ большому сожалѣнію всѣхъ поклонниковъ обоихъ художниковъ портретъ этотъ такъ и не былъ написанъ. Въ слѣдующемъ 1885 году въ своемъ дневникѣ И. Ѳ. Горбуновъ отъ 9 Ноября, отмѣтилъ одинъ только сеансъ у Крамскаго. Прим. ред.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Завтра въ Пятницу, 5-го Марта, Великій Князь Владиміръ Александровичъ посѣтитъ нашъ кружокъ въ Академіи и намъ всѣмъ очень хотѣлось бы имѣть счастіе и удовольствіе видѣть и Васъ въ числѣ нашихъ гостей. Надѣюсь, что здоровье Ваше позволитъ Вамъ предпринять столь длинное путешествіе [верстъ пятокъ слишкомъ пожалуй будетъ] и что Вы его благополучно совершите и тѣмъ осчастливите всѣхъ Васъ глубокоуважающихъ и съ нетерпѣньемъ ожидающихъ друзей-художниковъ!

Жму Вамъ крѣпко на-крѣпко руку и остаюсь
Васъ искренно любящій
Альбертъ Бенуа[*].

На углу Могилевской улицы и Екатериненскаго канала д. Лейхтфельдъ.

Вотъ наконецъ наступила минута, голубушка Иванъ Ѳедоровичъ, когда ты можешь высказать свою дружбу. Вотъ въ чемъ дѣло: я не прошу тебя придти къ намъ, а если ты хочешь уважить меня до конца, то пріѣзжай завтра вечеромъ, т. е. въ четвергъ въ $6^1/_2$ часовъ въ трактиръ Шухордина. Будешь?

Крѣпко жму твою милую ручку, Амальѣ Ивановнѣ низко кланяюсь и отъ души желаю ей скораго выздоровленія и быть ей такой веселой и милой, какъ она была во время визита нашего съ Максимовымъ къ ней.

Жду.
Весь твой до костей
В. Якушкинъ.
31 Января
1862.

Ваня! если, ты, сегодня не пріѣдешь къ Сергѣю Афонасьевичу! Ей Богу и не показывайся лучше—что же это такое всякій разъ обманываешь.

Пожалуйста пріѣзжай.
Лобызаю тебя
С. Рюль[**].

1.

Завтра, милый кумъ Ванюша, завтра, т. е. въ пятницу, дядя будетъ читать, а Христіановичъ, Турчаниновъ, Грицевичъ, Языковъ, А. Потѣхинъ и прочія братія будетъ слушать, съ 9 часовъ, новую драму, столь Тобою расхваленную. Довожу о семъ до Твоего, дорогой другъ, свѣдѣнія, ибо безъ Тебя, мой Другъ, постеля холодна, одѣялышко заиндевѣетъ.

Въ чемъ и свидѣтельствую
С. Максимовъ[***].

---

[*] Альб. Никол. Бенуа, акварелистъ.

[**] Близкій пріятель И. Ѳ. Горбунова, большой юмористъ и комикъ.

[***] † Сергѣй Вас. Максимовъ, писатель, авторъ „Бродячей Руси", и „Года на Сѣверѣ". Прим. ред.

2.

Въ четвертокъ сея седмицы празднуется Православною церковію память Добродѣтелей Подвижника иже, Яко истинный воинъ Христа Бога, на страсти вельми подвизался, а посему, Истинный другъ мой и золотой кумъ: помяни стадо его же соберу заутра мудрѣ и не забуди, яко же обѣщался еси посѣщая друзей твоихъ, да подвижемся на пѣнія, на вечернее бдѣніе, но не пощеніе, зане убо празникъ мой единый въ году, спразднствовати празднственными чиньми, по чину отъ вѣковъ положенному весьма желаю. Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна. Младшаго кума тезоименитаго преподобному звалъ уже и обѣщаніе отъ него пріялъ.

Часъ посѣщенія съ тобою, да не пребуду азъ безъ Тебя.

Нижепоименованный
Сергій.

3.

На субботу задумалъ соборной кутежъ у Павла Гурьяновича * подъ предсѣдательствомъ Петра отца Гагарина и въ сослуженіи отца Арія Христіановича, отца Сергія начертающаго писаніе Сицево и Іоанна Турчанинова. Будетъ также и мати Игуменія Ольга съ послушницею своею Екатериною. Отецъ Іоаннъ присоединяетъ празднованіе свое по случаю награжденія орденскими знаками и арендою. Трапеза уготовляется отцомъ Петромъ на 5 часовъ пополудни въ обители Малоярославской и на тебя отче архидіаконе Іоанне! А посему велѣніемъ всечестнаго и освященнаго Собора повѣщаю тебя о мѣстѣ уготованномъ, дабы не пришелъ иной кто и не предвосхитилъ желаніе наше: егда ми таковое сбывается, отрѣкися.

Прими грѣховное мое благословеніе.

Смиренный Епископъ Костромскій и Парѳентьевскій
Сергій **.

7 часовъ пополудни
12 апрѣля 1873.

4.

Отецъ Іерохимонахъ Петръ велѣлъ сегодня къ 12 часамъ постановочку сдѣлать. Сдѣлаешь. Хорошо бы селяночку состряпать. Приходи-ка! „Теперь послѣ бенефиса-то всѣ загуляли"—сказалъ Петръ и доказалъ. Приходи, станемъ говорить о послѣдствіяхъ онаго дѣла. Да и надо Тебѣ передать нѣчто о Тебѣ полученное мною вчера вечеромъ.

Сергій.

---

* Содержатель петербургскаго трактира „Малый Ярославецъ".

** Сер. Вас. Максимовъ былъ родомъ изъ заштатнаго города Парѳентьева, Костромской губерніи. М. П.

5.

Ванюша!

Алексѣй и Геннадъ, по самому важному дѣлу, просятъ Тебя прибыть сегодня, воскресенье 27-го декабря, къ Алексѣю послѣ театра. Да вѣдь я не шучу: серьезно слѣдуетъ прибыть Тебѣ, опрокинувши всѣ столы, ежели уже Тебѣ сегодня пріуготованы гдѣ-нибудь.

За безграмотствомъ Алексѣя Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Сергѣй Васильевъ сынъ Максимовъ руку приложилъ.

6.

Дорогой Другъ,
а того пуще Кумъ!

Жена наказала съ вечера заявить Тебѣ, что она очень безпокоится о томъ: будутъ ли сегодня у насъ вечеромъ всѣ Твои и Ты съ ними? Отъ малыхъ сихъ собирается народъ многъ отъ всея Іудеи Іерусалима и Поморіе Тирска и Сидонска. Хотимъ повеселиться дюжей и, самимъ, глядя на нихъ, порадоваться. Совѣтую и Тебѣ не лишать себя этого удовольствія. О чемъ весьма даже просимъ всѣхъ Васъ всѣ мы, а такъ же и Весь Твой

С. Максимовъ.

7.

Сердечный Другъ
и Милый Кумъ.

Пріѣхалъ Иловайскій. Очень желаетъ Тебя видѣть. Завтра уѣзжаетъ и проситъ къ себѣ въ Знаменскую гостинницу къ 3-мъ часамъ сегодня, такъ какъ утро занятъ съ оріенталистами. Какъ повелишь поступить и гдѣ Тебя найти къ тому времени, чтобы вмѣстѣ отправиться. Повторяю, если можно я сейчасъ одолжусь и приду переговорить.

Весь Твой
С. Максимовъ.

8.

Приказъ
Артисту Горбунову

Быть Тебѣ сего числа въ приличномъ часу вечера [хотя и поздно] въ Николаевской улицѣ у Г. В. Лермонтова въ собственномъ домѣ. Я рѣшился, оставивъ всѣ многосложныя дѣла мои, быть тамъ. Усердно прошу быть моимъ обратнымъ попутчикомъ непремѣнно.

Весь Твой
С. Максимовъ,
приложилъ руку.

Свидѣтельствую и текстъ одобряю
Мировой Судья Лермонтовъ.

1.

Голубчикъ Иванъ Ѳедоровичъ,

Сегодня изъ газетъ я узналъ, что Вы въ Варшавѣ. Не имѣя возможности придрать въ сей градъ, какъ видите, пишу. Если Славянскій, который съ Вами — Арбеньевъ и поетъ: „Ахъ зачѣмъ, Голубка Маша“, то я его знаю и кланяюсь. Быть можетъ, что и онъ меня помнитъ по Харькову. Чортъ знаетъ какъ бы мнѣ хотѣлось повидаться съ Вами и поболтать отъ души. Да би: близокъ локоть, да не укусишь; недалеко до Варшавы, да не доѣдешь. Мнѣ смерть хочется слышать Вашъ разсказъ „Блонденъ“, но вѣроятно придется отложить попеченіе. Ну да только гора съ горой не сходится, а мы съ Вами еще столкнемся и потому до свиданія.

Весь Вашъ
С. Турбинъ*.

Если желаете разодолжить въ пухъ, прахъ и дребезги, то отвѣчайте Люблинской губерніи въ г. Гарволинъ подполковнику Галицкаго пѣхотнаго полка [имярекъ].

9 марта.
Рыки.

2.

Голубчикъ Иванъ Ѳедоровичъ,

Сегодня я прочиталъ въ „Нов. Вр.“ извѣстіе о твоемъ бенефисѣ и взалкалъ вожделѣніемъ быть въ ѳеатрѣ. Что же, дѣло самое простое: идти и куплю произвести. Но ахъ и увы! У меня по народному выраженію, освященному А. Н. Островскимъ: „Купило притупило“ и потому обяжешь по гробъ жизни снабдивши талисманомъ для входа въ мѣста за креслами.

Для вящаго удобства посылаю конвертъ съ адресомъ.

Весь твой
14 января.
С. Турбинъ.

1.

Многоуважаемый Наставникъ!

Подъ Вашимъ руководствомъ, въ юныхъ лѣтахъ, вкусилъ я первый плодъ познанія россійской грамоты; сѣмена, брошенныя Вами, упали на плодородную почву: изучивъ въ достаточной мѣрѣ отечественныхъ писателей, я, уже на закатѣ дней моихъ, покусился стать въ ряды россійскихъ драматурговъ и написалъ драматическое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Душа — потемки“. Каковое направлено мною въ Вашу сѣверную Пальмиру для прохожденія черезъ всѣ мытарства, коимъ должна подвергаться всякая піеса такъ же неотразимо, какъ новорожденный младенецъ подвергается прививкѣ оспенной лимфы.

---

* Серг. Ив. Турбинъ, писатель и драматургъ. Прим. ред.

Зная, что Вы многоуважаемый Наставникъ, состоите въ числѣ просвѣщенныхъ цѣнителей драматическихъ сочиненій, обращаюсь къ Вамъ съ нижеслѣдующей просьбой: взгляните окомъ снисхожденія на первородное дитя моей бѣдной фантазіи, а ежели оно скажется достойнымъ Вашего просвѣщеннаго вниманія, то обратите на него вниманіе и прочихъ господъ, сказавъ при семъ: „Се плодъ пера моего выученика!“

Рукопись находится у Патріарха россійской драматургіи А. Н. Островскаго, коего я просилъ похлопотать о прочтеніи вышеозначеннаго творенія въ ближайшую субботу.

Вашъ почтительный и благодарный ученикъ
Михайло Садовскій*.

Голубчикъ, прости за болтовню и порадѣй, чѣмъ можешь!

2.

Любезный мой другъ и наставникъ
Иванъ Ѳедоровичъ!

Одновременно съ сими строками послана въ Александринскій театръ на имя Н. Ѳ. Сазонова моя драматическая тварь для разсмотрѣнія въ Комитетѣ; такъ какъ вопросъ о ея постановкѣ на нашей сценѣ зависитъ отъ наискорѣйшаго разрѣшенія Комитета, то я и прошу тебя слезно: посодѣйствуй, сколько можешь и сколько позволитъ твоя природная лѣнь. Прости, мой добрый другъ, что безпокою, — у меня въ Петербургѣ есть только знакомые, а изъ близкихъ людей одинъ ты.

Ежели ты мое дѣло оборудуешь въ скорости, такъ я тебя и въ поминанье запишу, и молебенъ объ твоемъ здравіи отпою вмѣстѣ съ чады, которые тебѣ, съ матерью во главѣ кланяются.

Твой неизмѣнно вѣрный
М. Садовскій.

3.

Мой добрый другъ и
Наставникъ
Иванъ Ѳедоровичъ!

Внемли прошенію твоего ученика и не откажи „Техникамъ“ въ своемъ участіи; ихъ концертъ въ Воскресенье 3-го Апрѣля. Дѣло идетъ о существованіи нѣкоторыхъ, ибо вечеръ дается въ пользу тѣхъ, кто платить не въ состояніи. Сдѣлай хорошое дѣло.

Твой преданный душой и
тѣломъ ученикъ
М. Садовскій.

---

* Мих. Пров. Садовскій, актеръ Императорскаго Московскаго Малаго театра, писатель. Прим. ред.

4.

О, прелюбезный Наставникъ!

Что я тебѣ говорилъ о пирогѣ, то вѣрно: завтра [т. е. въ субботу] оный въ половинѣ второго часа пополудни будетъ готовъ. Ожидаю. Если не будешь—Богъ накажетъ.

Твой
М. Садовскій.

5.

1884. Ноябрь.

Любезный мой другъ и наставникъ
Иванъ Ѳедоровичъ!

Во первыхъ здравствуй. Во вторыхъ ты конечно прочиталъ въ Октябрской „Русской Старины“ записки Н. В. Берга и увидалъ, чего онъ нагородилъ про отца, про дѣдушку Сергѣя Семеныча * и вообще, что онъ наплелъ о лицахъ того времени, котораго ты есть истинный историкъ. Прошу тебя [зная, что ты къ Семевскому близокъ], не полѣниться и сдѣлать надлежащія исправленія. То время и лица, я думаю, тебѣ дороги такъ же, какъ и мнѣ.

Вотъ тебѣ нѣкоторыя мои замѣчанія на путаницу Н. В. Отецъ появился не во второй половинѣ 40 годовъ, а въ 1839 году. До появленія своего въ Москвѣ онъ игралъ въ разныхъ городахъ, но въ Ярославлѣ отъ роду не бывалъ. Постояннаго пребыванія среди мѣщанства не имѣлъ,—ибо по 13-му году пошелъ на сцену.

Дѣдушку Сергѣя Семеныча никто, сколько мнѣ помнится, „Орломъ“ не нарекалъ и подъ его огромными ручищами увѣсистые тюки не летали. Этимъ, какъ тебѣ извѣстно, занимался Иванъ **. Изъ Москвы отецъ въ провинцію ѣздилъ вовсе не часто: одинъ разъ былъ у дяди Якова въ Рыбинскѣ и два раза въ Твери, вотъ и все.

Рыбаковъ до зеленаго змѣя напился не съ Карабановымъ, а съ Солеником ***— это я слышалъ отъ него самого. Жена его [недавно скончавшаяся Полина Герасимовна] никогда не была робкимъ, забитымъ существомъ, напротивъ, она обладала величественной наружностью и держала Николая Хрисанфовича въ величайшемъ решпектѣ. Въ Москвѣ Рыбаковъ игралъ Нино [Уголино].

Все вышесказанное можетъ быть тебѣ извѣстно, а кромѣ этого и многое еще. Черкни пожалуйста и докажи дружбу.

Искренно преданному Тебѣ
М. Садовскому.

---

[*] Кошеверовъ, Серг. Сем. Смотри письма къ нему въ матерьялахъ для біографіи И. Ѳ. Горбунова. Прим. ред.

[**] Приказчикъ.

[***] Знаменитый Харьковскій актеръ. М. П.

У М. П. Садовскаго сохраняются слѣдующія отвѣтныя письма И. Ѳ. Горбунова: *

1.

22 Ноября 1884.
Четвергъ, четыре часа пополудни.

Сейчасъ, мое сердце, получилъ твое письмо и отвѣчаю. 26 Февраля этого года, Н. В. Бергъ прислалъ мнѣ въ рукописи свою статью и письмо, въ которомъ просилъ меня замѣтить ему что въ статьѣ не такъ. Я ему написалъ очень подробно, почтительно и откровенно. Замѣчаніями моими онъ пренебрегъ и приказалъ печатать статью какъ есть. Въ первой книгѣ Русской Старины 1885 года будутъ печататься мои воспоминанія и тамъ все будетъ исправлено. Я еще лѣтомъ хотѣлъ накинуться на эту статью, да лѣнь помѣшала, а что онъ нагородилъ про Ромазанова... страсть!

Какъ вы поживаете? Какъ ценопифарисъ? Что Володя Макшеевъ? Гдѣ вашъ притонъ? Мы завтра разыгрываемъ блудъ Аверкіева **. Душевный привѣтъ Ольгѣ Осиповнѣ и дѣткамъ.

Крѣпко цѣлую,
Твой душевно
И. Горбуновъ.

Лажу сорваться денька на три на Святкахъ, да не знаю удастся ли. Мои воспоминанія я пришлю тебѣ въ корректурѣ. Что найдешь не такъ — замѣть.

2.

Михаилъ московскій.

Вѣдомо намъ учинилось, что докторы съ химикусомъ смотрѣли твоей м..и, и смотрѣвъ м..у ону похвалили, что есть м..а у тебя добрая и почки добрыя-жъ и тебѣ бы пить вино попрежнему, а съ дѣвками обходиться бережно и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты пей безъ сумнѣнія и намъ о твоемъ пьянствѣ отписывай. Писана въ С.-Петербургѣ лѣта отъ сотворенія міра... отъ рождества Бога слова въ 1881, скоморошества нашего въ 27.

Іоаннъ Сыромятницкій ***.

3.

Г-ну Артисту Императорскихъ театровъ
Михаилу Садовскому,

Съ полученіемъ сего имѣете Вы съ первою отходящею почтою сообщить мнѣ адресъ Артиста Писарева [Модеста] или, опросивъ его подробно о мѣстѣ жительства и пребыванія Литератора Василія Алексѣевича Слѣпцова, прислать мнѣ немедленно точнѣйшія свѣдѣнія о семъ Литераторѣ. Если бы, паче чаянія, означенные господа стали уклоняться отъ дачи показаній, внушить имъ, что эта справка находится въ связи съ ихъ интересами. Если бы кого-либо изъ вышеназванныхъ не было въ Москвѣ, привлеките къ опросу Артистку Стрепетову.

---

* Помѣщаются здѣсь для связи. Прим. ред.

** Драма Аверкіева „Столичный слетокъ". М. П.

*** Отъ московской церкви „Троицы въ Сыромятникахъ", близъ которой жилъ одно время Горбуновъ. Прим. ред.

Въ полной увѣренности, что Вами это будетъ исполнено въ самоскорѣйшемъ времени, ибо это дѣло не терпитъ отлагательства, остаюсь къ Вамъ доброжелательнымъ.

Пансіонеръ Горбуновъ.

А что въ 9-й строчкѣ по зачеркнутому написано „не терпитъ", то вѣрно.

Петербургъ, Фонтанка, 113, кв. 7.

4.

Минчикъ,

Стихи я нашелъ въ бумагахъ покойнаго Григорьева и сравнивъ рукопись съ имѣющимися у меня письмами покойнаго твоего родителя, призналъ ее за несомнѣнно принадлежащую ему. Поправлять теперь ошибку печатно не стоитъ, пусть будетъ такъ. У насъ тоже скверно. Крѣпко васъ всѣхъ, т. е., твое семейство цѣлую.

Твой душой
И. Горбуновъ.

Ой, какъ у насъ въ театрѣ нехорошо!

1.

Милый другъ,
Иванъ Ѳедоровичъ!

Все выбиралъ времячко самъ принести Вамъ лично свой должекъ, вмѣстѣ съ поздравленіемъ въ успѣхѣ какъ денежномъ, такъ и авторскомъ; да поди на выбери! Къ изумленію моему, слышу, что Вы нѣкоторое испытываете, по поводу піесы Вашей, смущеніе; если это правда, то отбросьте его далеко. Я не успѣлъ удосужить своего ума, чтобы обдумать, какова Ваша піеса въ цѣломъ, а для сцены она такъ весела и разыгрывается до того хорошо [кто объ эвтимъ можетъ понимать], что я былъ въ полнѣйшемъ удовольствіи, а я на это мужикъ характерный [что-съ? характерный!]. Отъ искренняго сердца желаю Вамъ, на всѣхъ путяхъ жизни Вашей, великаго рода успѣховъ. Довольно хорошо! Такъ ли я говорю?

Вамъ неизмѣнно преданный
24 Сентября. Т. Филипповъ*.

---

* † Тертій Ив. Филипповъ, бывшій Государственный контролеръ. Прим. ред.

2.

Любезный и прiятный
Иванъ Θедоровичъ!

Отъ всей души благодарю Васъ за удовольствiе, доставленное мнѣ и моимъ дѣвочкамъ вчерашнимъ вечеромъ, и тоскую только о томъ, что не имѣю никакихъ средствъ къ возмездiю. Остается, подражая Сергѣю Арсеньевичу, повторять: „Ужъ и не знаю, чѣмъ мнѣ будетъ вашу любовь платить? Поздравляю съ успѣхомъ. „На рѣкѣ“ прошло очень недурно: не говоря про Васъ, мѣщанинъ „дѣлалъ“ ловко, крошечку бы только умѣрить; гитарка была прелесть. „Не шумитетко“ тоже вышла. Только при подхватѣ слѣдовало бы немножечко пообождать: на самую малость подхватывали ранѣе должнаго. У Арди тожъ ничего; при вниманiи и при умномъ руководствѣ, можетъ дойти до точки. Если будете еще репетировать „На рѣкѣ“, нельзя ли меня захватить? Нонѣ говорятъ строго стало! Цѣлую Васъ, дорогой Иванъ Федоровичъ, и какъ-нибудь да ужъ выдумаю Вамъ любовь платить.

18 Декабря 1876. Вашъ Т. Филипповъ.

3.

Любезный другъ
Иванъ Θедоровичъ!

Я обѣщалъ Ивану Петровичу Корнилову за Васъ и за себя, что Вы непремѣнно будете у него въ эту Субботу, и утвердилъ это своимъ честнымъ словомъ, которое, я надѣюсь, Вы во что-нибудь оцѣните. Жду Васъ къ себѣ кушать въ Субботу: если угодно, заходите за мной въ контроль, въ четвертомъ часу, хоть въ половинѣ; мы сдѣлаемъ послѣ службы маленькiй проминашъ *, а потомъ можемъ составить порядочное комильфо. Прошу меня успокоить повторенiемъ Вашего обѣщанiя: ибо я имъ насказалъ, что ужъ кончено... Онъ де мнѣ особенный другъ и духовный прiятель! А ну какъ Вы вдругъ... Куда моей головушкѣ будетъ дѣться! Такъ-то-съ!

Цѣлую Васъ крѣпко
6 Октября. Вторникъ. Вашъ Т. Филипповъ.

4.

Дорогой и прелюбезный
Иванъ Θедоровичъ!

У насъ затѣянъ въ эту Пятницу Костюмированный вечеръ — такъ, по состоянiю! Будутъ и полишинели разнаго рода; одинъ изъ нихъ будетъ Сережа. Слышалъ я, что Вы какъ-то въ арти-

---

* Отъ глагола проминать. Прим. Т. И. Филиппова.

стическомъ клубѣ наряжались мужикомъ съ бѣлой бородой, какіе на Царицынскомъ лугу бываютъ. Не можете ли доставить намъ особенную радость, явившись въ такомъ видѣ у насъ 18 числа, какъ бы поздно ни было: хушъ, въ часъ ночи! Жена и дѣти умоляютъ.

Вашъ присный

15 Января. Т. Филипповъ.

5.

Любезнѣйшій Иванъ Өедоровичъ.

Былъ одинъ ахтеръ, Горбуновъ прозваніемъ и [отсюда изъ древней лѣтописи] той бѣ ложь и во истинѣ не столже, но произлиха прилежаше много нестрашнымъ лѣтамъ, яко не возмогу и ему ниже слова изрещи, во еже бы истинствовати... Обѣщалъ мнѣ этотъ самый Горбуновъ побывать у Сазонова и попросить онаго, чтобы онъ участіе принялъ взрѣлищѣ устрояемомъ гр. Ростопчиною. При семъ же съ клятвою обѣщалъ „о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ“. Самъ-то онъ обѣщалъ содѣйствовать, а о Сазоновѣ молчитъ. Симъ приглашается онъ немедленно, по полученіи сего, явиться къ Управляющему Р. К—сіею Тайн. Сов. Филиппову для личныхъ объясненій.

А что доздѣ писано, то все въ шутку.

Цѣлую и обнимаю

1 Декабря Т. Филипповъ.

[Память Св. Филарета Милостиваго].

6.

Безцѣнный мой
Иванъ Өедоровичъ!

Вы любить-то меня любите, а ходить, — такъ не ходите. Нельзя ли Вамъ завтра вечеромъ къ намъ заѣхать? Нужды нѣтъ, если и поздно, хотя бы послѣ представленія, если только Вы играете. Будьте такъ любезны, поощрите меня хоть разокъ. Вѣдь не мерзавецъ же я въ своей жизни; я чувствую свою дѣятельность.

Суббота 22 Февраля. Вашъ Т. Филипповъ.

Нельзя ли меня во всякомъ случаѣ увѣдомить да или нѣтъ?

Чтобъ не ныло мое сердце
По немъ кажиный часъ.

7.

Голубчикъ Иванъ Өедоровичъ!

Милости просимъ завтра въ Пятницу значитъ 13 числа пожалуйте-съ! Цѣлую Васъ. Безъ обману пріѣзжайте: будетъ Павловъ, Уньковскій, можетъ быть Балакиревъ и которые значительные графы [т. е., думаю, что Михаилу Николаевичу будетъ возможно].

12 Августа. Вашъ Т. Филипповъ.

Государь мой Иванъ Ѳедоровичъ, здравствуйте на множество лѣтъ! И не забывайте, что посѣщенія Ваши всегда доставляютъ отмѣнное удовольствіе тѣмъ, кто сопричисляетъ себя къ особливымъ Вашимъ доброжелателямъ *.

Петербургъ. Фонтанка, 34.

1.

Иванъ Ѳедоровичъ! Саша здѣсь со вчерашняго числа, а вы къ намъ не зайдете? Что сіе означаетъ?

Любящій Васъ
6 Декабря. М. Островскій **.

2.

Вотъ въ чемъ дѣло, дорогой Иванъ Ѳедоровичъ! Завтра, въ Понедѣльникъ, обѣщали пріѣхать ко мнѣ на дачу [съ $4^{1}/_{2}$ часовымъ поѣздомъ] Гончаровъ и Маковскій. Пріѣзжайте пожалуйста и Вы. Вамъ нечего говорить до какой степени всѣ Васъ любятъ и какое удовольствіе доставитъ всѣмъ намъ Ваше присутствіе. Докажите же и Вы, что хоть немно́жко, но и Вы насъ любите и не откажитесь завтра съ нами пообѣдать. Надѣюсь, что семейныя Ваши дѣла улучшились и что съ этой стороны Вы не встрѣтите препятствія къ тому, чтобы на нѣсколько часовъ оставить Петербургъ.

Жду удовлетворительнаго отвѣта на это письмо, жду завтра Васъ самого и остаюсь

Любящій Васъ
5-го Августа. М. Островскій.
Воскресенье.

1.

По просьбѣ моего брата [Ив. П.] посылаю Вамъ, Многолюбезный Иванъ Ѳедоровичъ, его книгу объ Иннокентіѣ, которую онъ проситъ Васъ принять въ воспоминаніе добропамятнаго вечера [6 Января], проведеннаго нами на Фонтанкѣ, подъ гостепріимнымъ и страннопріимнымъ кровомъ древняго боярина. Надѣюсь, что Вы отнесетесь съ сочувствіемъ къ этому труду, совершенному не по заказу, не на случай и не изъ корыстолюбивыхъ цѣлей, а по душевной потребности, вызванной привлекательною личностью знаменитаго Святителя, сказавшаго нѣкогда: *Богъ видитъ, какъ тяжело мнѣ читать, или слышать, когда меня за что-либо хвалятъ, и особенно, когда сдѣланное другими или по крайней*

---

* Записка графа Серг. Дм. Шереметева.

** † Мих. Ник. Островскій, братъ драматурга, бывшій Министръ Государственныхъ Имуществъ. Прим. ред.

мѣрѣ, не мною однимъ, приписываютъ мнѣ одному. И я искренно желалъ бы, чтобы сказано было обо мнѣ такъ же какъ, напримѣръ, въ предисловіи къ Евангелію, переведенному на Якутскій языкъ, т. е. что это сдѣлано при такомъ-то преосвященномъ: лучше, проще и справедливѣе этого по моему быть не можетъ. „А какъ же“, спросятъ меня, „какъ же говорить или писать о вашихъ путешествіяхъ? Тутъ никакъ не приходится „при“. Какъ? Очень просто! Возили или перевозили — ну, много переѣхалъ оттуда туда-то и только: потому что и въ самомъ дѣлѣ, всѣ мои путевые подвиги состоятъ именно только въ томъ, чтобы двинуться съ мѣста, т. е. рѣшиться сѣсть въ повозку или на судно, а тамъ—если бы и захотѣлъ воротиться, да ужъ нельзя.

Согласитесь, что не много найдется людей тако мыслящихъ и глаголющихъ.

Весь Вашъ

Н. Барсуковъ *.

12 Января 1884.

С.-Петербургъ.

2.

Являлся къ Вамъ, многоуважаемый Иванъ Ѳедоровичъ, чтобы напомнить Вамъ о 6-мъ Декабрѣ, въ онь же день, вечеромъ, Вы благосклонно обѣщались посѣтить наши смиренныя келіи [Большая Морская, домъ Тура, № кв. 35], которыя, считаю долгомъ предупредить Васъ, вознеслись отъ земной юдоли на сто слишкомъ ступеней. Будутъ Саваитовъ и пр., которыхъ Вамъ будетъ пріятно видѣть.

Н. Барсуковъ.

4 Декабря 1896.

3.

Дражайшій,

Завтра [т. е. въ воскресенье] у насъ ранній обѣдецъ въ 2 часа. Очень бы утѣшили пожаловавъ.

Весь Вашъ

Н. Барсуковъ.

Суббота.

4.

Спѣшу Васъ увѣдомить, Многоуважаемый Иванъ Ѳедоровичъ, что Георгій Ѳедоровичъ съ большимъ удовольствіемъ готовъ познакомить Васъ съ Святѣйшимъ Патріархомъ Никономъ ** и для сего ждемъ Васъ завтра, въ субботу, 24 Декабря, съ 12-ти до 3-хъ по полудни. Штендманъ живетъ въ домѣ Половцева, а входъ къ нему съ Мойки.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Н. Барсуковъ.

23 Декабря 1877.

С.П.Б.

---

* Ник. Плат. Барсуковъ, историкъ авторъ „Жизни и трудовъ“ П. М. Строева и М. П. Погодина.

** Геор. Ѳедор. Штендманъ, бывшій секретарь Императорскаго Русскаго Историческаго общества, издатель дѣла Патріарха Никона въ Археографической Комиссіи.

Прим. ред.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Возвращаемъ съ глубочайшею признательностью походную кухню. За неимѣніемъ подходящихъ словъ для выраженія нашего восторга, прикладываемъ лѣвыя руки къ сердцу, а правыми даемъ подписку въ томъ, что любезнѣе, добрѣе и почтеннѣе Васъ и съ фонаремъ не отъищешь.

Ваши искренніе почитатели:
Николай Барсуковъ.
Александръ Барсуковъ.
15 мая 1885. Михаилъ Барсуковъ.

Дражайшій Иванъ Ѳедоровичъ,

Съ самоваромъ или безъ самовара въ Бозѣ почившей Императрицы извольте къ намъ пожаловать въ засѣданіе, въ *пятницу*, 29 ноября, въ какой часъ хотите, разумѣется не позже 12-ти.

Вашъ покорнѣйшій доброжелатель и завистникъ

28 ноября 1885. Н. Барсуковъ.
Четвергъ.

1.

Въ Бозѣ почившая Елисаветъ вѣщала тако: аще ти зоветъ сусѣдъ—гряди скороспѣшно; аще ти зоветъ другъ альбо благопріятель,—риньса любовью на стрѣчу.

Забытый Петербургскій справщикъ по архивнымъ дѣламъ и искренній почитатель

А. Барсуковъ*.

2.

Глубокоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ!

Ради Христа, прошу Васъ, разъ навсегда, не обращайте рѣшительно никакого вниманія на мою неключимость. Вѣдь Вы дѣйствительный и дѣйствующій членъ Патріаршей Палаты. А по штату, положено быть въ оной по Воскресеньямъ, къ обѣденному столу. Вопросъ, слѣдуетъ ли Вамъ каждый разъ ждать особаго приглашенія отъ какого-либо изъ членовъ Палаты? Предоставляю отвѣтъ на это Вашему собственному сердцу. Оно навѣрно скажетъ: нѣтъ, не слѣдуетъ и не слѣдовало бы. И такъ, потруди-

---

[*] Александръ Плат. Барсуковъ, историкъ, авторъ „Рода Шереметевыхъ“.
Прим. ред.

тесь оштрафовать себя: въ возмѣщеніе пропущеннаго воскресенія, пожалуйте въ Казанскую [во вторникъ, 22-го], къ раннему обѣду, т. е. къ двумъ часамъ.

Крѣпко обнимаю Васъ и прошу быть снисходительнымъ къ неключимому рабу Александру.

20 октября 1891.

Не нахожу словъ, какъ выразить Вамъ, душевно-уважаемый Иванъ Ѳедоровичъ, мою благодарность за Ваше милое и сердечное вниманіе къ моему семейству. Только Вы одни могли придумать такъ любезно привѣтствовать новорожденнаго. Отъ всего сердца жму Вашу руку и очень, очень благодарю. Ваша прелестно составленная реляція и два письма убраны въ витрину, какъ драгоцѣнная память. Ай да счастливецъ Михаилъ Ивановичъ, никому изъ дѣтей не пришлось получить такого привѣтствія. За что же Вы, добрѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ, въ концѣ Вашей милостивой реляціи разсердились на меня, даже присудили къ ссылкѣ. Чѣмъ же виноватъ Тѣстовъ? Пощадите его. Дѣло это надо поправить, какъ-нибудь позавтракать у него. Супругѣ Вашей и всему Вашему семейству припишу сердечное привѣтствіе.

Душевно Вамъ преданный
Иванъ Барсуковъ*.

Москва.
21 января
1890.

Императорское Русское
Историческое Общество
Спб.
5 января 1891.
№ 2.

Милостивый Государь
Иванъ Ѳедоровичъ,

Не имѣя возможности собрать болѣе точныхъ извѣстій о лицахъ, поименованныхъ въ прилагаемой запискѣ, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, если у Васъ имѣются объ этихъ лицахъ болѣе подробныя свѣдѣнія, отмѣтить о томъ на самой запискѣ и возвратить ее мнѣ въ возможно непродолжительномъ времени, такъ какъ въ настоящее время Общество уже приступило къ печатанію Словаря и статьи на первыя буквы сданы въ типографію.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Георгій Штендманъ.

---

* Ив. Плат. Барсуковъ, историкъ, авторъ жизнеописаній митрополита Иннокентія и графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Прим. ред.

1.

27 января 1878.

Обращаюсь къ Вамъ почтеннѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ, съ покорнѣйшею просьбою пріѣхать ко мнѣ завтра вечеромъ [т. е. въ Субботу], хотя бы и поздно. У меня будетъ Ив. Вас. Павловъ. Если можно пригласите Серг. Вас. Максимова.

Не знаю его адреса.

Преданный Вамъ
А. Унковскій. *

2.

Мой мальчикъ сильно заболѣлъ, и еще неизвѣстно чѣмъ. Поэтому спѣшу увѣдомить, чтобы Вы сегодня не пріѣзжали.

Такая тоска, что ужасъ.

Преданный Вамъ
А. Унковскій.

3.

Батюшка Иванъ Ѳедоровичъ! Не откажите завтра пріѣхать пораньше вечеромъ. Всѣ мои уже здѣсь, и у меня первая пятница. Нельзя ли и С. В. Максимова Вамъ привлечь. Я не знаю №№ его дома и квартиры. Много бы одолжили. Хочется съ милыми людьми душу отвести и потолковать о современныхъ событіяхъ. Компанія будетъ таже. Нельзя ли для Сербіи хорошимъ Церковно-Славянскимъ языкомъ сочинить молитву приблизительно такого содержанія: Господи, избави мя отъ друзей моихъ [и въ особенности отъ друга моего, собирающаго въ Петроградѣ, по Литейной, пятаки за дурацкія телеграммы], а съ врагами Турками я самъ справлюсь, аще друзья мои мнѣ не помѣшаютъ и т. д. Настоящее время подсказать такую молитву, ибо Сербскій Митрополитъ, повидимому, затрудняется, чего просить у Бога, да и самъ Милашка того не знаетъ.

Преданный Вамъ

9 Сентября 1876.

А. Унковскій.

1.

Не забудьте пожалуйста Иванъ Ѳедоровичъ, что сегодня Пятница, вы обѣщали быть у насъ; для солянки у меня все готово, осетрина и все что вы мнѣ заказывали. Сегодня бенефисъ Монахова, можетъ послѣ, вы у него будете праздновать; такъ все-таки успѣете отъ насъ къ нему; пожалуйста только пріѣзжайте сегодня къ намъ.

Будемъ всѣ ждать.

1875 года.
17 Октября. Пятница.

А. Унковская.

---

* † Алексѣй Мих. Унковскій, бывшій Тверскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства въ 1857—59 годахъ. Прим. ред.

2.

Добрѣйшій
Иванъ Ѳедоровичъ,

Не свободны-ли Вы завтра, 22 числа, Понедѣльникъ, пріѣзжайте къ намъ обѣдать, мнѣ бы очень хотѣлось Васъ видѣть. Когда-то очень давно этотъ день Вы были у насъ съ покойнымъ В. П. Гагаринымъ. Вы же сами обѣщали мнѣ какъ-нибудь къ намъ пріѣхать. Мужъ Вамъ очень кланяется и тоже Васъ проситъ пріѣхать.

Забытая Вами, Ваша знакомая
Анастасія Унковская.

Нашъ адресъ: Литейная, 32, к. 7.

---

18 Декабря 1886.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

На случай если Васъ не застану,—что постоянно бываетъ, беру съ собой эту записку, въ которой отъ своего имени и отъ имени жены, излагаю слѣдующую покорнѣйшую просьбу: Въ Четвергъ 18 числа у меня обѣдаютъ: Д. Ѳ. Кобеко [котораго я уже просилъ передать Вамъ настоящую просьбу], два брата Барсуковы, Есиповичъ [*], Унковскій и Штендманъ. Будьте такъ добры, не откажите пожаловать и Вы. Нечего говорить, что доставите своимъ присутствіемъ всѣмъ намъ великое удовольствіе. Прошу, конечно, совсѣмъ запросто въ 5 часовъ; но Васъ подождемъ до 5$^{1}/_{2}$ и даже позже.

Искренно преданный
Н. Ратынскій [**].

---

8 мая 1884.

Дамы семейства Н. А. Ратынскаго просятъ добрѣйшаго и многоуважаемаго Ивана Ѳедоровича принять коверъ ихъ работы для успокоенія его больной ноги и въ воспоминаніе пріятныхъ вечеровъ проведенныхъ вмѣстѣ.

А. Ратынская [***].

Дорогой мой Иванъ Ѳедоровичъ!

Въ эту Пятницу нашъ общій другъ и ругатель Николай Платоновичъ будетъ читать у меня своего „Погодина“ [1823 годъ].

---

[*] Сенаторъ.

[**] † Ник. Ант. Ратынскій.

[***] Урожденная Шеншина. Прим. ред.

Отъ его имени и отъ своего бьемъ Вамъ челомъ [со хозяйкою] соберитесь къ намъ, какъ обѣщали. Начало чтенія—8 часовъ вечера. Обрадуйте—пришлите въ отвѣтъ „да“.

Вашъ истинный почитатель „во всѣхъ смыслахъ“.

$18\frac{2}{\text{III}}88$ Н. Султановъ*.

Бассейная, 34, кв. 1.

1.

90. IV. 12.

Дорогой Иванъ Ѳедоровичъ,

Позвольте препроводить для Вашего музея два рѣдкостныхъ портрета — Каратыгина и Дюръ, изъ „Репертуара“ Песоцкаго за 1841 годъ.

Вашъ А. Кони**.

2.

84. IX. 14.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

По извѣстнымъ книгамъ судьбы мнѣ очевидно суждено удручать Васъ подношеніями, касающимися незабвеннаго Мартынова. Вотъ и теперь я посылаю Вамъ его бюстикъ, очень рѣдкій въ настоящее время, работы извѣстнаго Степанова. Видѣлъ я въ альбомѣ М. И. Семевскаго Ваше посланіе на мое имя и даже написалъ росписку въ прочтеніи онаго, но въ душѣ всплакнулъ, что не имѣю у себя ни одной строчки этого милаго произведенія Вашего несравненнаго таланта. Если бы Вы мнѣ дали чернячекъ, я бы списалъ себѣ копію... „Я и тѣмъ буду довольна!“ какъ поется въ старинной пѣснѣ...

Вашъ преданный
А. Кони.

3.

85. IX. 1
Стремянная, № 6.

Дорогой Иванъ Ѳедоровичъ,

Продолжая мои разысканія въ бумагахъ отца, я нашелъ прилагаемую книжечку, принадлежавшую, въ 20-хъ годахъ, какъ видно, Дюру, одной изъ извѣстностей русской сцены. Нѣкоторыя изъ записей, въ ней содержащихся, характеризуютъ нравы того времени. Позвольте, по обыкновенію, поднести ее Вамъ. Нашелъ я также фотографическіе портреты [50-хъ годовъ, начала] Максимова и Григорьева. Интересуютъ ли они Васъ? Если да!—то я Вамъ ихъ доставлю.

Искренно преданный Вамъ
А. Кони.

---

* Ник. Влад. Султановъ, археологъ, архитекторъ.

** Анат. Ѳед. Кони, сенаторъ, писатель. Его статья объ И. Ѳ. Горбуновѣ помѣщается ниже. Прим. ред.

4.

92. III. 5.

Дорогой Иванъ Ѳедоровичъ,

Въ субботу, въ 8 часовъ вечера въ Соляномъ городкѣ, я читаю о врачѣ филантропѣ Ѳ. П. Гаазѣ. Мнѣ было бы очень пріятно видѣть Васъ въ числѣ слушателей. Позвольте, по этому, поднести Вамъ билетъ на это чтеніе.

Душевно Вамъ преданный
А. Кони.

5.

87. IX. 28.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Вотъ Вамъ въ Ваше собраніе по исторіи театра собраніе писемъ Козловскаго, бывшаго режиссера Московскаго театра въ $^1/_2$ 30-хъ годовъ. Можетъ быть письма эти имѣютъ какое-нибудь значеніе

Преданный Вамъ
А. Кони.

6.

83. X. 5.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Позвольте поднести Вамъ прилагаемый альбомъ Мартынова съ двумя его рисунками. Пусть онъ послужитъ слабымъ выраженіемъ искренной преданности и глубокаго расположенія къ Вамъ

А. Кони.

7.

84. XI. 15.

Спѣшу самымъ сердечнымъ образомъ поблагодарить Васъ, дорогой Иванъ Ѳедоровичъ, за вчерашнюю присылку. Нечего и говорить Вамъ, какъ она мнѣ дорога и какъ будетъ мною хранима... Только зачѣмъ было ее такъ изящно переписывать. И за черновую я „сирота твой“ билъ бы челомъ.

Душевно преданный Вамъ
А. Кони.

Другъ Иванъ Ѳедоровичъ,

Не забудь, что сегодня вечеромъ тебя будутъ ожидать Сергѣй Филипповичъ Христіановичъ, съ которымъ ты пріѣдешь ко мнѣ.

Преданный тебѣ съ головы до пятокъ
Макаръ.

$18\frac{15}{I}77.$

1.

Я хотѣлъ бы получить подарокъ для новаго года отъ тебя—увѣренность: любишь ли меня паче сихъ? Я тебя давнымъ давно люблю съ Москвы еще. И знаешь почему мнѣ думается, что я не пропащій человѣкъ, что я познакомился и былъ увлеченъ къ этой театральной карьерѣ особами истиннаго дарованія—Тобой, А. Н. Островскимъ, П. М. Садовскимъ и Дюбюкомъ. Обществомъ лучшимъ изъ всей матушки Россіи. Да будетъ славно и мощно, аки Соломонъ царствующій. Въ Парижѣ меня любятъ такіе же талантливые люди — Россини, Мейерберъ, Вортепъ. Бездарность коварствуетъ напрасно во всѣхъ родахъ и видахъ. Она наказывается сама собою. Для новаго года хотѣлъ бы я тебѣ стихъ написать, а въ Рождество у тебя Христа прославить, но

Давнымъ давно забыта лира
И стынетъ, стынетъ въ сердцѣ кровь,
Среди не ласковаго міра
Нѣтъ на душѣ игривыхъ словъ.
Размѣнены мечты былыя
На прозаическій удѣлъ:
Нѣтъ лиры той, съ которой пѣлъ
Свои надежды золотыя.

Пл. Радонежскій *.

2.

Іюля 10 Новочеркасскъ 1867.

Милѣйшій и многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Съ пріѣздомъ! Какъ счастливъ, что я тебя увижу и нынѣ. Давно мнѣ хотѣлось встрѣтить образъ истый настоящаго артиста. Тебѣ былъ бы я очень радъ, если бы ты былъ мнѣ тоже радъ по лѣтошнему.

Всей душой твой
Пл. Радонежскій.

Въ Понедѣльникъ я буду въ Ростовѣ. Павелъ Викторовичъ Трунинъ хотѣлъ передать тебѣ лично мой поклонъ.

14-го Августа 1861 г.
Кронштадтъ.

Милый Иванъ Ѳедоровичъ!

Полагая, что ты въ Нижнемъ, рѣшилъ къ тебѣ писать, дѣло вотъ въ чемъ: я получилъ порученіе отъ Почетнаго Директора Кронштадтскаго театра, составить на зимній сезонъ хорошую труппу арти-

---

* † Пѣвецъ басъ [1826—1873], прекрасный исполнитель Сусанина въ „Жизни за Царя“ и мельника въ „Русалкѣ“. М. П.

стовъ, съ нѣкоторыми я уже заключилъ контракты [они большею частію тебѣ знакомы], но главныхъ трехъ персонажей я покамѣстъ еще не имѣю въ виду, именно: драматурга, перваго комика [Стрѣкаловъ есть, но —] и актрисы на роли старухъ. Нѣтъ ли тамъ Платонова, Барышовой и Браво, если они или кто-либо изъ нихъ пожелали бы на выгодныхъ условіяхъ поѣхать въ Кронштадтъ, то я 4-го или 5 числъ сентября буду непремѣнно въ Нижнемъ и могу съ ними покончить. Обращаюсь къ тебѣ въ полной увѣренности, что ты не откажешься быть въ этомъ отношеніи полезнымъ во вниманіе будущихъ моихъ заслугъ. Всѣ знакомые тебѣ кланяются, Ликъ въ особенности. Теперь у насъ спектаклей нѣтъ, идетъ усиленная работа; окраска и передѣлка, словомъ облагображиваемъ театръ насколько это возможно.

Весь твой
В. Цѣхановичъ.

Не зная гдѣ ты тамъ, адресуешься въ театръ.

Уважаемый и любезный
Иванъ Θедоровичъ,

Въ началѣ Января я писалъ тебѣ, но такъ какъ не получилъ отвѣта, то предполагаю, что ты моего письма не получилъ. Обращаюсь вторично съ моею просьбою. Въ городѣ, въ которомъ я служу, образовалось общество любителей драматическаго искусства, я выбранъ распорядителемъ и режиссеромъ. На масляницѣ было три спектакля. Послѣ Святой предположено дать еще три. Будь такъ добръ, пришли мнѣ списокъ пьесамъ. Условія выбора при семъ прилагаю. Выборъ нашъ былъ при первыхъ трехъ представленіяхъ слѣдующій: 1 представленіе: Гувернеръ [я Дорей]. Утка и стаканъ воды [я Заборскій]. 2 представленіе: Въ чужомъ пиру похмѣлье [я Ивановъ]. Дядюшкинъ фракъ и Тетушкинъ капотъ [я Сморчковъ]. Жилецъ съ Тромбономъ [я Бѣлоножкинъ]. 3 представленіе: Жертва за жертву [я Вельскій]. А и Ф. [я Мордашевъ] Охота пуще неволи.

По этому выбору ты легко можешь судить объ составѣ нашего общества, о моемъ амплуа. Будь же такъ добръ исполнить мою просьбу, не знаю никого, кто бы лучше тебя могъ дать мнѣ хорошій совѣтъ и помочь мнѣ. Прошу также поторопиться отвѣтомъ и написать, гдѣ могу я достать выбранныя тобою пьесы. До свиданья. Рвусь въ Петербургъ, да не пускаютъ. Если же пріѣду, конечно увидимся. Мой амплуа: Шумскаго, Самарина, Берга, Вильде, Рѣшескаго и Музиля. Петербургскихъ артистовъ не называю, не знаю кто теперь у Васъ.

Выбери пожалуйста для меня очень драматическую роль.

Тебѣ преданный и готовый къ услугамъ
Князь Александръ Хилковъ*.

Г. Новосиль.
Марта 11-го дня
1875 года.

---

* Князь Алекс. Дмитр. Хилковъ, Новосильскій уѣздный воинскій начальникъ.
Прим. ред.

1.

Кіевъ 5 февраля.

Любезный другъ
Иванъ Ѳеодоровичъ!

Гдѣ это записать и въ какихъ газетахъ публиковать, что наконецъ ты откликнулся?! Радъ я до смерти, что увижу тебя и Ѳедьку Коммисарова и приложу всѣ старанія, чтобы устроить вашъ концертъ. Хоть видимся мы и рѣдко, но ты знаешь, что такихъ пріятелевъ какъ ты, да Коммисаржевскій, у меня не много и потому видѣть Васъ будетъ для меня большимъ праздникомъ. Гдѣ и какъ устрою для Васъ залу,—еще самъ не знаю; письмо твое только что получилъ и еще ничего сообразить не успѣлъ. Постараюсь устроить въ театрѣ если не заломятъ баснословно дорогую цѣну, а то въ другомъ мѣстѣ, однимъ словомъ сдѣлаю, какъ лучше. Между прочимъ сообщу тебѣ курьезъ: я весь зимній сезонъ подвизался на Кіевскихъ подмосткахъ въ качествѣ актера и конечно пріобрѣлъ не малое количество враговъ, изъ коихъ же первый есть—Яковлевъ, вообразившій, что я ему желаю перебить дорогу какъ режиссеру. Онъ остался на лѣто режиссеромъ и вѣроятно меня не пригласитъ. Ну, да чортъ съ ними! Кромѣ актерства, я еще именовался режиссеромъ народныхъ спектаклей, вотъ какъ у насъ. Народные спектакли давать по праздникамъ, утромъ. Пишу все это во 1-хъ потому, что можетъ тебя интересуетъ, что я дѣлаю, а во 2-хъ, и это главное, чтобы показать тебѣ какъ у меня много было обязательныхъ занятій и вслѣдствіе этого причина для безобразно-долгаго молчанія; особенно передъ Коммисаржевскимъ я виноватъ и не заслуживаю даже снисхожденія; съ нимъ стряслась бѣда, переломилъ ключицу, а я ему ни словечка не черкнулъ; собирался каждый день и, какъ это всегда бываетъ, прособирался до сего часа. Покажи ему это письмо и обними его. Жена обоимъ Вамъ жметъ руки; я тебя крѣпко обнимаю, и мы оба ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ. Если узнаю что-либо положительное о мѣстѣ для концерта, то немедленно напишу. Если выѣдешь изъ Питера, то извѣсти куда писать. Будь здоровъ.

Твой В. Рокотовъ.

2.

Дорогой другъ Иванъ Ѳеодоровичъ,

Вчера хотѣлъ послать тебѣ цыдулку, но помѣшали, дѣлаю это сегодня. Въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, послѣ твоего отъѣзда, все обстоитъ благополучно, хотя не безъ курьезовъ. Шумскій пріѣхалъ раньше, чѣмъ ожидали и дирекція сокрушается немало пригласивъ Додонова съ платою по сту рублей за спектакль, тогда какъ Шумскому приходится сидѣть въ бездѣйствіи, — вотъ „не было ни гроша—вдругъ алтынъ!“

Дебютъ Шумскаго предполагается въ Воскресенье, 6 числа. Додоновъ имѣетъ успѣхъ, но весьма слабый, хотя сборы недурные; за что публика его вдругъ не взлюбила—Богъ вѣсть; апплодируютъ похабнымъ артистамъ въ пошлѣйшихъ драмахъ, а онъ изъ кожи лѣзетъ и въ публикѣ гробовое молчаніе.

Былъ я на имянинахъ жены Велинскаго и попалъ въ компанію нашихъ великихъ комедіантовъ: Милославскаго, Рейтчи и иныхъ; первый на чемъ свѣтъ стоитъ ругалъ Шумскаго какъ артиста, говоря, что онъ ни одной роли не можетъ съиграть какъ слѣдуетъ если обстановка не совсѣмъ хороша; вчера въ Château слышу тотъ же Милославскій громко расхваливаетъ Шумскаго. Я оглянулся и увидѣлъ причину: Шумскій неподалеку сидѣлъ и завтракалъ. О хамы! Испанскій дворянинъ Милославскій былъ подлъ; ломался, говорилъ въ носъ, словомъ былъ по моему никуда не годенъ.

Въ Питеръ приготовлю тебѣ много матерьяловъ изъ рѣчей Осипа моего. Обнимаю и цѣлую въ уста сахарныя; жена очень кланяется. Пиши ради Бога.

Весь твой

2-го Іюля. В. Рокотовъ.

3.

Грѣхъ тебѣ, голубчикъ, что не отдѣлался. Все общество и особенно мы, молодые, умоляемъ пріѣхать хотя послѣ обѣда. Можно нанять извощика и взять въ провожатые моего человѣка, рекомендую его какъ большого комика, изъ разговора съ которымъ Ты можешь почерпнуть не мало матеріала для разсказовъ.

Еще знай, что я думаю что Ты хорошій человѣкъ, везу съ собою вышитую рубашку, которую имѣю искреннее желаніе подарить моему хорошему пріятелю.

20-го мая. В. Рокотовъ.

4.

Голубчикъ Иванъ Федоровичъ!

Сегодня послѣ театра Демидовъ, Комиссаржевскій и я съ барынями умоляемъ тебя быть у Martin. Ради Бога.

Твой

6-е февраля. В. Рокотовъ.

---

16 Октября 1866.

Добрѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ! во вторникъ 18 Октября у насъ послѣднее засѣданіе въ старомъ помѣщеніи. Если можете, пріѣзжайте—и пожалуйста къ этому дню доставьте имена всѣхъ артистовъ оперныхъ русскихъ, итальянскихъ и французскихъ. Повѣстки же будутъ напечатаны. Пора ихъ разослать. До пріятнаго свиданія—дружески жму Вамъ руку.

А. Щедринъ.

1.

Добрѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ,

Прежде всего позвольте благодарить Васъ за телеграмму, присланную мнѣ въ тотъ вечеръ, когда Полина Антоновна играла у васъ въ Питерѣ „Судьбину“, въ которой я къ великому моему сожалѣнію не могъ принять участія.

Вторая благодарность за Стрепетову. Вы были такъ внимательны и любезны къ ней въ оба ея пріѣзда, какъ можетъ быть внимателенъ только самый расположенный человѣкъ или искренній другъ.

Извините, мой дорогой, что пишу мало. Москва не богата новостями, а наша домашняя жизнь такъ скучна и однообразна, что не можетъ дать ничего, на чемъ можно бы было остановить вниманіе и рѣшительно не представляетъ никакого интереса.

И такъ до свиданія въ Петербургѣ, куда я думаю прибыть въ непродолжительномъ времени. Пока жму вашу руку и желаю всего, всего хорошаго.

Искренно Вамъ преданный

М. Писаревъ*.

2.

12 октября.

Дорогой другъ Иванъ Ѳедоровичъ!

О Мартыновѣ у Бѣлинскаго такъ малъ отрывокъ, что все имѣющееся въ 12-ти томахъ я выписалъ и прилагаю. Мартыновъ въ то время только что начиналъ сценическую карьеру и потому хотя и обратилъ на себя вниманіе критика задатками своего геніальнаго таланта, но въ качествѣ молодого, неопытнаго артиста не могъ еще вызвать такихъ восторженныхъ статей, какія писалъ Бѣлинскій о Мочаловѣ и Щепкинѣ. Тѣмъ не менѣе замѣчательно уже и то, что отъ зоркаго глаза великаго критика не только не ускользнуло присутствіе огромнаго таланта въ покойномъ Мартыновѣ — таланта развившагося впослѣдствіи до необычайныхъ размѣровъ—но даже самая многосторонность его содержанія. Бѣлинскій первый указалъ на патетическую сторону въ дарованіи Мартынова и содѣйствовалъ ему позаботиться о ея развитіи. Такое указаніе становится тѣмъ болѣе знаменательнымъ, если принять въ соображеніе, что весь репертуаръ Мартынова состоялъ тогда преимущественно изъ однихъ только водевилей и фарсовъ; въ комедіяхъ ему поручались роли почти выходныя, судить по которымъ о степени талантливости артиста не представлялось никакой возможности.

Твой М. Писаревъ.

---

* † Модестъ Ив. Писаревъ, актеръ Императорскаго Спбургскаго Александровскаго театра. Подъ его наблюденіемъ вышло послѣднее изданіе сочиненій А. Н. Островскаго. Прим. ред.

3.

Дружище Иванъ Өедоровичъ!

Передаю тебѣ первымъ дѣломъ поклонъ отъ Александра Николаевича, который обязалъ меня взять у тебя „Ревизоръ“ и немедленно съ кондукторомъ передать ему. Пришли пожалуйста если можно сегодня, я переправлю въ Москву.

Твой М. Писаревъ.

4.

Ваня! Мы ждемъ—не томи—приходи!

М. Писаревъ.

1.

Ваня! мнѣ нужно крайне тебя видѣть, дѣло вотъ въ чемъ: Князь Имеретинскій звалъ сегодня къ себѣ въ Царское село; тебѣ непремѣнно надо со мной ѣхать, за то что будетъ весело, я ручаюсь, общество будетъ большое.

А. Нильскій*.

22 Іюля 1863.

2.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Өедоровичъ, если ты хочешь мнѣ доставить удовольствіе, то не откажи сегодня послѣ спектакля пріѣхать ко мнѣ ужинать. Завтра день моихъ имянинъ, но завтра я не имѣю возможности видѣть моихъ друзей.

Твой
А. Нильскій.

11 Декабря.

Добрый другъ
Иванъ Өедоровичъ!

Ты предложилъ мнѣ записаться на полученія суворинскаго „Полнаго собранія сочиненій Пушкина“. Я буду расчитывать на твое предложеніе и самъ пріобрѣтать не буду. Прошу тебя сберечь для меня еще 10 томовъ, я обѣщалъ ихъ свату Полтавцеву. Не забудь пожалуйста.

Твой П. Свободинъ**.

24 января 87.

---

* † Актеръ Императорскаго Спбургскаго Александровскаго театра, авторъ „Закулисной Хроники“.

** † Актеръ Императорскаго Спбургскаго Александровского театра.

Прим. ред.

Добрѣйшій и милѣйшій
Иванъ Ѳедоровичъ!

Не нахожу словъ какъ васъ благодарить за память объ насъ и за окорокъ. Я все это время не совсѣмъ здорова. Наши всѣ вамъ кланяются. Желаю вамъ полнѣйшаго успѣха въ вашихъ предпріятіяхъ и главное здоровья. Пріѣзжайте поскорѣе въ Петербургъ и не забывайте любящую васъ.

Струйская [*].

1.

Полагая, что Вамъ небезъинтересно имѣть свѣдѣнія о Вашей піесѣ помимо газетныхъ рецензій и облыжныхъ газетныхъ показаній желаю Вамъ оныя сообщить, многоуважаемый мой Иванъ Ѳедоровичъ. Не смотря ни на предварительныя ругательства, распущенныя актерами, піесу все-таки смотрѣли и смотрятъ и вызываютъ послѣ каждаго акта. Если бы она шла тверже и была разыграна внимательнѣе, — понятно было бы лучше. Скажу Вамъ откровенно, что въ Самодурѣ это сцены, которыя представляютъ на незатѣйливой темѣ рядъ положительно живыхъ и типичныхъ лицъ. Слѣдовательно: задачи актеровъ — передать эти лица такъ, какъ далъ ихъ авторъ — и представьте же, что за исключеніемъ можетъ быть 4-хъ, много 5-ти лицъ — остальные давали зрителю только десятую долю того, что давалъ авторъ; что я хочу сказать—выражусь яснѣе, актеръ вмѣсто того, чтобы передать лицо, какое представляется воображенію при чтеніи, является только самой блѣдной тѣнью этого лица — почти всѣ исполнители, за исключеніемъ очень немногихъ — въ знаніи ролей превзошли всякую возможность — но можете вполнѣ утѣшиться піеса идетъ— гонорарій получается и послѣдующія представленія — будутъ лучше, такъ я сужу по сравненію 1, 2 и 3-го. Первый шагъ сдѣланъ и слава тебѣ Господи. Акимова была хороша, но не та, что Вы написали, мало этого ерничества, пронырство было, но не такое сладкое. Линская навѣрно была лучше. Тиманова такъ и была, какъ Вы написали—и тонъ вѣренъ и лицо. Садовскій игралъ не того—но близко къ Вашему—роли не зналъ ничего—а теперь знаетъ. Піеса сверхъ ожиданія Никифоровъ опять по своему—но забавенъ. Азъ—съ успѣхомъ—Дмитровскій—кислота—, ищи тамъ... да всѣхъ не сочтешь.

Опытъ приводитъ меня къ слѣдующему заключенію: бѣдовое дѣло нашему брату актеру ставить свои піесы. У всякаго актера, какъ бы онъ прочно и высоко не стоялъ скрытъ тамъ, гдѣ то далеко червякъ [не тотъ, который позываетъ на завиство, но сценической дѣятельности]—и оный червякъ дѣлаетъ всякую піесу актера не сварливой, ни переносной ни для кого изъ актеровъ-собратовъ, такъ было и съ Вашей—обозлены, не только умѣющіе хоть сколько-нибудь читать и писать, но и русской грамотѣ не обученные,—впрочемъ это невѣрное опредѣленіе,—не то чтобы обижаться, а въ родѣ какъ обижены или такъ ихъ за сердце сосетъ—зачѣмъ они лѣзутъ! совсѣмъ это не актерское дѣло! [не въ нашемъ столѣ]. Актеръ играй, все это—самолюбіе, все имъ мало и проч.—вотъ что даже у насъ говориться по поводу всякой піесы актера, а что должно быть у васъ то и умомъ не придумаешь. Годуновы мои даютъ вотъ ужъ 5-й разъ полный сборъ—но что я вынесъ, пока не поставилъ наконецъ на своемъ,—вы себѣ и представить не можете. На репетиціяхъ ролей не знаютъ, играютъ чортъ знаетъ какъ,—то что эффектно нарочно смазываютъ, ругаютъ во всѣхъ ушахъ,—словомъ ставятъ всевозможныя бревна и рогатины. Первое представленіе начали на 40 минутъ позднѣе, спектакль до 1 часа играли ужасно—и всетаки каждая картина сопровождалась вызовами, исключая 3-го акта [гдѣ Марфа], который Слутскій провалилъ [Сем. Годун.] и все-таки авторъ былъ вызванъ 3 раза. На второе представленіе я сдѣлалъ сокращенія и 3-й актъ измѣнилъ, закончивъ его Марфой—тутъ уже былъ шумящій успѣхъ, авторъ вызванъ 6 разъ, вызовы каждую перемѣну и проч.—такъ и пошло дѣло, ну и присмирѣли, играютъ себѣ показно, роли знаютъ [видятъ что піеса сильно идетъ]. Но все-таки изъ подъ полы распускаютъ такія штучки: что этого играть нельзя, что тутъ противъ царской власти будто бы что то есть и проч., да это ужъ не беретъ—дорого, я вамъ скажу, это обошлось мнѣ, ну да за битаго двухъ не битыхъ даютъ,—безъ этого нельзя.

---

[*] Актриса Императорскаго Спбургскаго Александровскаго театра. Прим. ред.

Надѣюсь, что мое письмо, написанное только для Васъ—такимъ и останется и не попадется случайно никому въ руки. Лучше всѣхъ были Васильева [Марфа], затѣмъ Самаринъ, только кисловатъ онъ былъ—что дѣлать. Затѣмъ моя барыня, затѣмъ Садовскій и всѣ народныя роли,—а остальныхъ бы помеломъ, исключая впрочемъ Аленки [Талановой].

Вотъ вамъ краткіе отчеты о Вашей и моей піесѣ. Затѣваю сказку и комедію о которой я кажется Вамъ говорилъ, не знаю что выйдетъ. Могу почти вамъ поручиться, что Самодуръ еще пройдетъ разъ 5 по малой мѣрѣ, ловко составленъ спектакль, въ которомъ онъ идетъ.

Напишите мнѣ, мой многоуважаемый, что-нибудь въ отвѣтъ на этотъ цѣлый почти листъ.

Весь Вашъ Ѳедотовъ *.

2.

Многоуважаемый мой
Иванъ Ѳедоровичъ,

Я сегодня получилъ письмо изъ редакціи Вѣстника Европы, что піесы моей они еще не получали. Пожалуйста будьте такъ добры, доставьте ее туда въ теченіи 2-хъ или 3-хъ дней не болѣе, со дня полученія моего письма [если уже не пристроена куда-нибудь]. Вы этимъ очень меня обяжете. Поздравляю Васъ съ

---

* Актеръ Императорскаго Московскаго Малаго театра. Прим. ред.

успѣшнымъ бенефисомъ, мнѣ подробно разсказывалъ Ѳ. Г. Соловьевъ. Впередъ желаю таковыхъ же.

Скажите мнѣ на милость, справедливы ли мои подозрѣнія, что вы должно быть не успѣете писать? Не имѣете Вы чернилъ и бумаги? Что же значитъ, что я вотъ мѣсяцъ ожидаю отъ васъ какого-нибудь письма и не получаю? Я ужъ собирался Васъ стихомъ пробрать, въ стихахъ Вамъ изобразить мои надежды, огорченія и ожиданія. Но отложилъ до успѣшнаго окончанія дѣла [во что я еще вѣрую] и тогда уже намѣриваюсь излить Вамъ чувства благодарности.

Вполнѣ надѣясь, что эта моя просьба будетъ исполнена Вами безъотлагательно и что можетъ быть когда-нибудь Вы почтите насъ бѣдныхъ Вашимъ письмомъ—жму Вашу руку и остаюсь

Весь вашъ
А. Ѳедотовъ.

3.

Леонтьевскій переулокъ
д. Мамонтовыхъ.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ!

Снова напоминаю Вамъ о Вашемъ обѣщаніи, исполненіемъ котораго Вы глубоко обрадовали бы меня. Если книжка есть у Васъ, то отдайте ее пожалуйста посланному моему.

Уважающій Васъ
А. Ѳедотовъ.

P. S. Прошу книжку съ надписью.

1.

5 октября 1869. Москва.

Мой милый дорогой Иванъ Ѳедоровичъ!

Надѣясь на Вашу доброту и всегдашнюю любезность, я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой: будьте другомъ, вышлите мнѣ пожалуйста пьесу: „Брантмейстеръ“, только ради Бога поскорѣй, мой бенефисъ 24, чтобъ не опоздала, да нѣтъ ли еще въ 1 актъ хорошенькой комедіи или водевиль для конца, чѣмъ премного обяжете, мой хорошій, милый Иванъ Ѳедоровичъ. Дальше что будетъ слѣдовать, передамъ Вамъ лично, если не удастся чрезъ недѣлю, то послѣ бенефиса непремѣнно пріѣду въ Петербургъ, я было теперь собралась, да Скобѣевъ помѣшалъ. Да, вотъ что еще я Васъ попрошу, нѣтъ ли у Васъ знакомыхъ въ Комитетѣ или въ цензурѣ, поторопите пожалуйста чтобы пьесу Тайна пер. поскорѣй присылали она уже давно послана, но никакого отвѣта. На пьесѣ было написано къ 15 октябрю, но и это нисколько не помогло, ради Бога, милый, хорошій Иванъ Ѳедоровичъ, исполните насколько можете мою просьбу. До скораго свиданія, прощайте, мой дорогой милый Иванъ Ѳедоровичъ, не забывайте любящую преданную Вамъ всей душой Н. Димитріевну

Никулину*

P. S. Не пишу много потому, что скоро увижу Васъ и ужъ вдоволь наговоримся. Напишите хоть строчку буду ждать съ нетерпѣніемъ. Грѣшно обманывать, отъ чего, когда ѣхали въ Саратовъ, не исполнили своего обѣщанія? Сестра и мужъ свидѣтельствуютъ Вамъ свои поклоны.

2.

Вторникъ 16 Декабря 1869.

Голубь мой милый!

Тысячу разъ благодарю за Ваши хлопоты и любезности. Въ пятницу въ 3 ч. буду въ Петербургѣ и принесу лично Вамъ мою благодарность. Если не будете играть и будетъ у Васъ свободное время, прѣзжайте на желѣзную дорогу.

Преданная Вамъ всей душой
Н. Димитріева Никулина.

3.

25 ноября 1873.

Милый дорогой Ваня!

Будь другъ устрой, чтобы Курочкинъ отдалъ мнѣ свою піесу [Сестра или сиротка Терца въ бенефисъ]. У насъ ее заявила Медвѣдева, но если онъ напишетъ, что отдаетъ мнѣ и желаетъ, чтобы роль играла я, то она не возьметъ этой пьесы. Она вѣдь все больше для Ермолаевой старается. Мнѣ это Островскій посовѣтовалъ тебѣ написать, зная что ты хорошъ съ Курочкинымъ, Если она пропущена цензурой, я могу пораньше недѣлей промѣняться съ кѣмъ-нибудь бенефисомъ [мой 10 января], а Медвѣдевой въ февралѣ или 29 января. Радость моя, если это возможно, то умоляю тебя, ради всего на свѣтѣ, обдѣлай это мнѣ не откладывая ни минуты. У насъ главные уважаются желанія автора, какъ онъ пожелаетъ, такъ и тамъ будетъ. Ваня я надѣюсь на тебя. Разумѣется если роль по моимъ средствамъ, то нужно его письмо вотъ и все тутъ. Коля пріѣхалъ благополучно. Благодарю тебя мой милый за всѣ твои хлопоты, спѣшу на репетицію, занятій по горло, напиши скорѣй отвѣтъ. Поцѣлуй всѣхъ своихъ крѣпко на крѣпко.

Твоя на всю жизнь
Надежда Димитріева.

4.

Мой милый Иванъ Ѳедоровичъ, сейчасъ была у Гедеонова, онъ мнѣ велѣлъ отправиться къ Министру немедля, и настойчиво просить его о контрактѣ. Я не могу отправиться безъ Вашего совѣта мой дорогой другъ, если можно, будьте такъ добры, забѣгите я Васъ буду ждать и скажите какъ мнѣ дѣйствовать.

Преданная Вамъ по гробъ
Н. Никулина.

---

* Актриса Императорскаго Московскаго Малаго Театра. Прим. ред.

5.

13 декабря.

Милый другъ Ваня,

Я очень тронута твоей любезностью пріѣхать читать ко мнѣ на юбилей; но пожалуй тебѣ будетъ много хлопотъ, брать отпускъ. Я должна афишу выпустить съ тобой и здѣсь мнѣ нужно разрѣшеніе. Я конечно очень счастлива буду если ты пріѣдешь, напиши пожалуйста все подробно, что мнѣ нужно продѣлать здѣсь и кому сказать, у меня полный бенефисъ съ разрѣшенія Министра. Я даю Сомородонъ и жена Сократа 26 декабря. Что подѣлываетъ Таточка? Здоровы ли всѣ? Цѣлую крѣпко и жду отвѣта. Коля, Душа, дѣти тоже цѣлуютъ и кланяются.

Твоя по гробъ Надежда.

P. S. Наталію Ивановну, дѣтей тоже крѣпко, крѣпко цѣлую.

1.

Приглашается Иванъ Ѳедоровъ завтра, 30-го марта, въ кухмистерскую, что на Николаевской, въ качествѣ кухоннаго мужика, по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Маріи Савишны*. И. С. Тургеневъ будетъ обѣдать, а Иванъ Ѳедоровъ долженъ изготовить паровую осетрину, за что [въ случаѣ удачи] будетъ позванъ къ столу. Уважь меня, другъ, для дня рожденія. Н. Н.** у насъ совсѣмъ спятилъ: по цѣлымъ днямъ принимаетъ сельтерскую воду съ молокомъ. 27 числа было ихъ рожденіе [а Вы не пришли] Такъ они вмѣсто соленыхъ огурцовъ молокомъ спасаются. Къ Бобу пріѣхала цыганка изъ Москвы и мы его въ конокрады записали. Пропалъ совсѣмъ. Обѣдъ будетъ на 6 персонъ и въ 6 часовъ. Надѣюсь и жду!!! Вся твоя Авдотья.

P. S. Сожгите это письмо не читая.

Бендеры
29 Марта
1717 года.

Извѣсная Вамъ Авдотья.

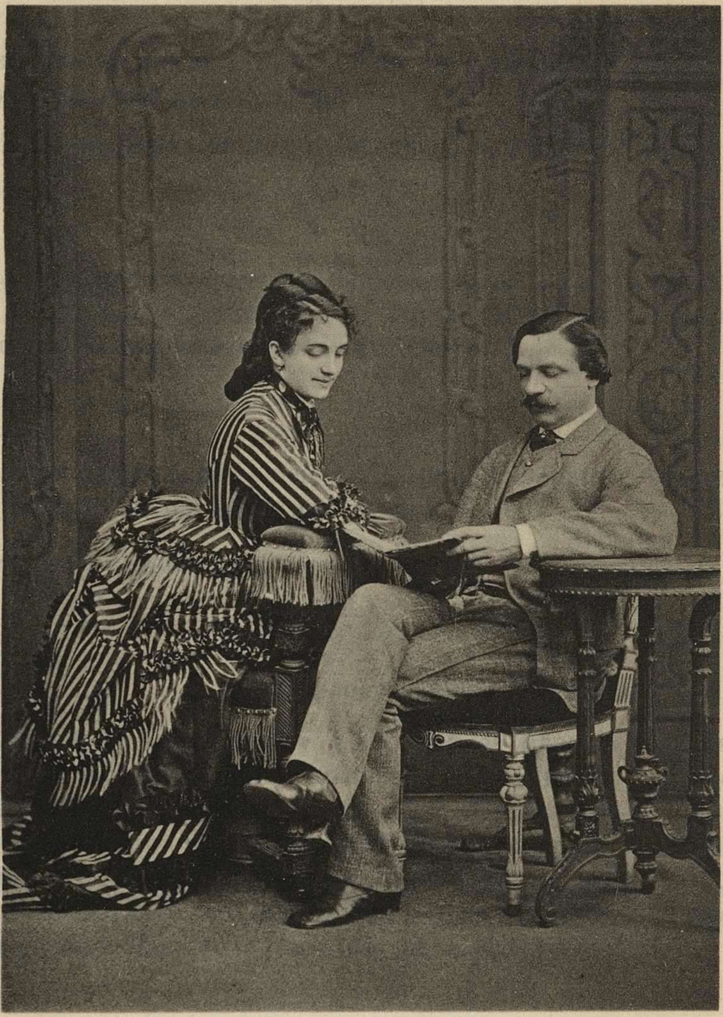
2.

Есть ли въ Васъ Богъ, Иванъ Ѳедоровичъ?! Я получила піесу сегодня въ 6 часовъ: роли нѣтъ и достать негдѣ. Завтра репетиція бенефиса Соловьева, а вечеромъ играю Маіоршу. Остается Пятница, Суббота и Воскресенье. Когда же репетировать? Роль огромная и выучить ее нѣтъ физической возможности въ такой короткій срокъ. Петръ Петровичъ сказали, что кто-то игралъ въ клубѣ. У меня есть новая маленькая сценка, почти готовая и ее я съиграю съ удовольствіемъ. Надѣюсь, что Вы взойдете въ мое

---

* Актриса Императорскаго Спбургскаго Александровскаго театра Мар. Гавр. Савина.

** † Никита Никит. Всеволожскій. Прим. ред.



Н. А. Никулина. И. Ѳ. Горбуновъ.

положеніе и поймете мое искреннее желаніе услужить по мѣрѣ силъ. Вы очень огорошили меня Вашей [простою] небрежностью: можно ли такъ мало заботиться о своемъ бенефисѣ? Если найдете возможность поставить со мною „Не все коту масляница“, я буду очень рада.

Жду Васъ завтра на репетицію въ 3 часа ко мнѣ.

М. Савина.

3.

Очинна Васъ просютъ разбудитца съ крикомъ этава питуха* а на шчетъ лекипажа разпоряжено

Извэсные Вамъ Марея и Разуфина изъ Питербурга.

4.

Указано кухонному мужику Ванькѣ готовить завтра хорошее кушанье для обѣда съ генералами. Приди Ванюшка - помоги и утѣшь насъ, а за провизіей дѣло не станетъ.

5.

Изъ Перми прислали ершей въ ½ аршина. Приди, батюшка, пораньше спроси Петра, какъ ихъ отварить.

Савишна.

Обѣдъ въ половинѣ шестого.

Милостивейшая государыня**,

Марья Гавриловна и прашу я васъ милая марья Гавриловна когда вы будити загранитцой и купите вы мне какую нинаѣсть вищіцу заграничнаю или что нибудь изни кітушкинова*** платья спинжичокъ или избрючкахъ подаритѣ мнѣ душиньки и я притпристоломъ господа Бога умолять буду обвашимъ добрамъ здоровьи и ежили обедать впонидельникъ я приду и налимчика самца смалоками сделаю Известная вамъ Матрена Кубариха.

1.

Поздравляю съ Ангеломъ и цѣлую, милаго дядю Ваню. Собиралась быть сама послѣ комитета да нашла у себя цѣлый домъ гостей и должна представлять хозяйку.

Надежда со Стоженки****.

---

[*] На карточкѣ съ изображеніемъ петуха. Прим. ред.

[**] Письмо Ив. Фед. Горбунова отъ 1885-го года на мое приглашеніе обѣдать. Очень часто онъ готовилъ сюрпризомъ „Налимчика“, причемъ являлся въ столовую въ фартукѣ моей кухарки. Пр. М. Г. Савиной.

[***] Моего мужа Н. Н. Всеволожскаго. Пр. М. Г. Савиной.

[****] Актриса Императорскаго Спбургскаго театра Н. Васильева. Прим. ред.

2.

Спасибо за подарокъ, дядя Ваня, но только некогда придти завтра помогать справляться съ „рабенкомъ то“. Не придетъ ли и Амалія Ивановна повинтить? Бью Вамъ челомъ — приходите!

Таню цѣлую. Ваша Н. Васильева.

А. театръ. 10 ч. вечера.

Поздравляю тебя, дорогой Ваня, съ бенефисомъ! Ал. Ал. Огневъ заявилъ, что бумага уже готова.

Весь твой
И. Сазоновъ *.

Александринскій театръ
10 часовъ вечера.

Дорогой и многоуважаемый Иванъ Ѳедоровичъ, я боюсь рисковать занять Васъ въ піесѣ „Женитьба Бѣлугина“, ибо весьма возможно, что если въ театрѣ будетъ Государь, то придется гнать спектакль и, такимъ образомъ, Вы пожалуй опоздаете. Еще прошу Васъ увѣдомьте меня, пожалуйста, поскорѣй, цензуровали ли Вы свой разсказъ, и что именно Вы будете разсказывать?

Готовый къ Вашимъ услугамъ
Ѳ. Ѳедоровъ.

P.S. За Васъ будетъ играть Г. Ивановъ.

17 Января 1880.

Пятигорскъ 29 Апрѣля.

Милѣйшій дружище Ваня!

Въ бытность въ Питерѣ я такъ рѣдко видѣлъ тебя, что не успѣлъ съ тобой и поговорить, какъ слѣдуетъ. Дѣло идетъ о твоей сестрѣ Капитолинѣ Федоровнѣ. Гдѣ она? Что подѣлываетъ? У меня есть въ виду очень хорошее мѣсто и у отличныхъ людей, если она желаетъ, то это бы устроилось. Напиши не полѣнись. Буду ждать твоего отвѣта. Мы живемъ здѣсь и благодушествуемъ, только не знаемъ куда дѣваться отъ африканскихъ жаровъ, результатомъ которыхъ является сильная засуха, предвѣщающая участь Самарцевъ. Не соберешься ли ты къ намъ на лѣто. Это было бы недурно для твоего романа. Будь здоровъ, дружище. Передай поклонъ женѣ. Смотри же не лѣнись и дай отвѣтъ.

Твой старый пріятель
Погожевъ.

Адресъ: въ г. Пятигорскъ, Ставропольской губерніи П. И. Погожеву.

---

* † Актеръ Императорскаго Спбургскаго Александровскаго театра. Прим. ред.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Помня Ваше любезное обѣщаніе, обращаюсь съ моей покорнѣйшей просьбой. Будьте добры увѣдомьте объ участи моей піесы. Подходитъ вторая суббота. Наступитъ ли, въ этотъ съѣздъ Комитета, очередь до нея? Извините ради Бога мою назойливость; но Вы знаете положеніе поступающаго и отнеситесь безъ порицанія. Если Васъ не затруднитъ, то увѣдомьте съ первой почтой разсматривали ли, если да, то послана ли въ Цензурный Комитетъ. Во всякомъ случаѣ прошу піесу выслать [при неудачѣ] мнѣ, адресъ: Петровка, меблированныя комнаты Левенсона № 45 Петру Михайловичу Невѣжину. При разрѣшеніи: въ Театральную контору. Расходы за пересылку немедленно будутъ возвращены. Не буду говорить, что я за удовольствіе сочту когда-нибудь быть Вамъ полезнымъ. Въ ожиданіи отвѣта и удовольствіи увидѣть Васъ по пріѣздѣ Вашемъ въ Москву. Имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга
17 Января Москва. П. Невѣжинъ *.

Любезный другъ
Иванъ Ѳедоровичъ,

Если Вы пробѣжали мою рукопись: „Палецъ", то потрудитесь мнѣ ее возвратить, съ Вашимъ отзывомъ, годится ли она на что-нибудь или не годится и какъ сдѣлать ее пригодною къ дѣлу?

Готовый къ услугамъ
15 Февраля 1877. А. Поповъ.

Вы скоро уѣдете, прошу до Вашего отъѣзда мнѣ отвѣтить.

---

14 Сентября
1890.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Смѣю Васъ покорнѣйше просить принять мое скромное поздравленіе со днемъ Вашего Тезоименитства и желаю Вамъ добраго здоровія и всего лучшаго и святого, и, въ самомъ лучшемъ настроеніи и въ душевномъ спокойствіи встрѣтить счастливый день 35-лѣтія Вашего служенія Русской драматической сценѣ. Юбилей, который долженъ напомнить намъ старымъ театраламъ то счастливое время, которое давала прежняя труппа славнаго русскаго театра! и воспитывала въ насъ зрителяхъ чувство справедливости и честнаго настроенія и понятія жизни семейной, нравственной и

---

* Петръ Мих. Невѣжинъ, драматургъ, авторъ комедіи „Блажь", написанной въ сотрудничествѣ съ А. Н. Островскимъ и драмы „Вторая молодость". М. П.

общественной!? Дай Вамъ Богъ прожить еще много лѣтъ на пользу святому дѣлу, которое Вы начали въ блистательное время, когда храмъ былъ священнымъ храмомъ!

Онъ заставлялъ каждаго зрителя въ театрѣ чувствовать, молиться и понимать все и выносить изъ театра лучшее впечатлѣніе и изъ театра выходить всегда обновленнымъ!?! Молю Бога продлить дни Вашей жизни на пользу театра и будемъ надѣяться, что Богъ дастъ опять театръ Русской насадитъ ту среду артистовъ, которыя приникнутся святымъ чувствомъ и будутъ жить на сценѣ духомъ Мартынова, Максимова и др.

Искренно и глубоко Васъ уважающій Вашъ поклонникъ

Аф. Петровъ.

---

31 Декабря. Бердянскъ.

Съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ теплую статейку о твоемъ праздникѣ и порадовался душевно—желанію хорошо отнестись къ тебѣ хотя по моему, можно было сказать и по справедливѣе—за что забили они тебя въ Щедринскую да въ Островскаго колодки? „Ну ужъ въ этомъ не согласенъ“. А все же добро.

„Съ Новымъ годомъ и новымъ счастьемъ Иванъ Ѳедоровичъ“—вспомни и нашего брата бродягу—такъ горячо и искренно десятки лѣтъ тебя любящаго. Дай Богъ тебѣ здоровья и казны безъ дна. Мы все въ Мелитополяхъ да въ Бердянскихъ колотимся—податнымъ, вѣдь я самъ помнишь. И богатая же сторонушка и море [хотя гнилое], и Днѣпръ, и винограды и фрукты, а пшеницы-то пшеницы безъ мѣры—прошлое лѣто урожай былъ—повѣрите ли ѣдешь день, ѣдешь два и куда не глянь безъ промежутковъ почти—все она и она какъ море океанъ колосится—Не думаю чтобы гдѣ на свѣтѣ было что подобное—я видѣлъ другіе степи—такъ пустыри есть—баранъ тамъ бродитъ—а тутъ лѣто 200 верстъ одна пашня одно поле—и выноситъ же эта земелька такое насилованье.—Попало мужику въ лапы и не даетъ пардону, „на отдыхѣ ни сроку“ валютъ валомъ и знать ничего не хочетъ—въ двухъ моихъ уѣздахъ подъ урожаемъ было 1,200,000 десятинъ? Земелька дала 8—9 милліоновъ четвертей всякаго хлѣба? На одной Руси только это быть можетъ и хотя бы что нибудь тутъ кто помогъ—и дорогъ и не то что чего другого нѣтъ!—Гдѣ есть на Руси уѣзды что-бы безъ недоимокъ гдѣ кончали. Два уѣзда казнѣ милліонъ рубликовъ отвалили а пьемъ-то-пьемъ, какъ не горимъ только диво.—Да одно сказать можно—народъ и сытъ и пьянъ—слѣдовательно счастливъ во всю.

Да ниспошлетъ тебѣ Господь всякую благодать, а мы здѣсь порадуемся сердечно, а коли Богъ велитъ свидѣться, то и выпьемъ на славу.

Будь-же благополученъ и не забывай твоего почитателя

Чашникова.

1.

Либава 17-го Сентября 1872.

Милостивый Государь
Иванъ Өедоровичъ,

Книги мы получили 14-го Сентября. Теперь они подбираются; но въ шкафы были поставлены тотчасъ. Я тотчасъ не увѣдомилъ Васъ, многоуважаемый Иванъ Өедоровичъ, потому, что далъ слово написать о впечатлѣніи, произведенномъ на остзейскихъ патріотовъ. Къ сожалѣнію слабая моя наблюдательность замѣтила только, что они игнорируютъ до сихъ поръ эту библіотеку, какъ будто не видятъ, что извѣстные Вамъ шкафы, стоявшие до 14 числа пустыми, теперь съ книгами. Замѣтилъ я, что одинъ изъ закоренѣлыхъ, проходя, по той комнатѣ, гдѣ книги, взглянулъ на Вашу библіотеку изъ подлобья! Взглядъ этотъ былъ далеко не дружелюбнымъ. Вчера Ник. Ис. не утерпѣлъ, заговорилъ съ двоими изъ нихъ о присланной Вами библіотекѣ. На ихъ лицахъ ничего не отразилось. Одинъ сказалъ: а, вотъ та библіотека, для которой приготовлены такіе блестящіе шкафы; другой же увѣрялъ, что наши ученики и нѣмецкихъ книгъ не читаютъ, а въ русскую едва ли заглянутъ; между тѣмъ ученики справляются, когда можно будетъ получать книги и, повидимому, съ удовольствіемъ ждутъ дня раздачи. Разговоровъ въ городѣ я еще не слыхалъ. А интересно, что заговорятъ о водвореніи русской библіотеки въ Либавской гимназіи. Не безъинтересно будетъ, полагаю, и Вамъ, виновнику ея, знать объ этомъ. Оставляя за собой сообщить впослѣдствіи Вамъ суть мнѣній, съ своей стороны позволяю принести русское спасибо за тѣ хлопоты, которыя Вы приняли на себя по устройству русской ученической библіотеки для либавскихъ гимназистовъ. Ник. Ис. уже донесъ объ этомъ попечителю и, кажется, проситъ наименовать ее Вашимъ именемъ и проситъ также довести о Вашемъ пожертвованіи до Высочайшаго свѣдѣнія.

Съ глубокимъ уваженіемъ и искренною преданностью имѣю честь быть Вашъ покорный слуга.

Ив. Полиловъ.

P. S. Катя, моя дочь, цѣлуетъ и кланяется всѣмъ милымъ ея товаркамъ—Вашимъ дѣтямъ.

2.

Городъ Либава. 26 сентября 1872.

Многоуважаемый
Иванъ Өедоровичъ!

Письмо Ваше отъ 14 Сентября получилъ.... Книги еще не всѣ подобраны; сегодня пойду въ гимназію и окончу; да тѣмъ начнется раздача. Желающимъ читать, кажется достаточно. Теперь отвѣтъ на вопросы, предложенные Вами. Какъ только берлинское свиданіе было рѣшено по газетамъ, одинъ изъ руссоѣдовъ высказалъ мнѣ, что пришлютъ къ нимъ второго Муравьева или Потапова. Это навело меня на мысль, откуда сіе, что за причина подобнаго разговора? Пришелъ я, по этому поводу, къ слѣдующимъ заключеніямъ. Одна изъ цѣлей берлинскаго свиданія—удержать status quo, т. е. остановивши завоевательныя намѣренія, устроиться внутри. Нѣмцы же, да и русскіе ожидали послѣ Парижскаго погрома претензій Пруссіи и на прибалтійскія провинціи. Этого не скрывала даже наша печать. Составлялись, кажется, планы будущей войны и чуть ли не читались публичныя лекціи въ этомъ родѣ. Наши нѣмцы, ожидающіе, что пруссаки, подъ вліяніемъ своей непобѣдимости, кстати ужъ запоютъ пѣсню и о прибалтійскихъ провинціяхъ, и мы, какъ французы, со срамомъ побѣжимъ съ поля и отдадимъ все, что имъ нужно, вдругъ видятъ русскаго Императора въ Берлинѣ, заключающимъ трактатъ о сохраненіи status quo владѣній. Иначе русскій Государь не поѣхалъ бы. На языкѣ прибалтійскихъ нѣмцевъ это приблизительно значило: вотъ тебѣ и клюква! Мы думали, хоть, можетъ быть, Пруссія и не отниметъ насъ отъ Россіи, что, пожалуй и не особенно для насъ выгодно, но по крайней мѣрѣ мы будемъ жить на особомъ положеніи: прогонятъ отъ насъ проклятый русскій языкъ, русскихъ чиновниковъ, какіе есть, и вообще все, наполняющее собою эту варварскую страну; мы думали жить постарому, т. е. гнуть латыша и эста въ бараній рогъ, не давать ему возможности опомниться. Приблизительно подобнаго рода мысли роились въ моей головѣ въ это время. Самъ откровенно скажу, рѣдко теперь заглядываю въ газеты, — свободнаго времени мало; но слышу отъ Ник. Исаевича, что въ газетѣ напечатанъ разговоръ Мольтке съ Петербургскимъ нѣмцемъ-патріотомъ, заключающійся въ слѣдующемъ: нѣмецъ патріотъ спросилъ у Мольтке о будущей судьбѣ прибалтійскихъ губерній. Какихъ прибалтійскихъ губерній, гдѣ они находятся, кому принадлежатъ, сказалъ Мольтке. Отвѣтъ нѣмца, объясняющій географическое положеніе этихъ губерній. Мольтке заключилъ: пусть они тамъ и находятся.

Принимая все это вниманіе и видя, что наши нѣмцы, ожидающіе изгнанія всего русскаго и обманувшіеся въ своихъ ожиданіяхъ, какъ будто помягчали, я высказалъ въ своемъ письмѣ свое личное мнѣніе о присмирѣніи нѣмцевъ и о заглогшемъ deutchstuhm'ѣ. Позволяю себѣ быть увѣреннымъ и теперь, что наше Правительство воспользуется настоящимъ временемъ и приметъ во вниманіе прусскіе уроки въ Эльзасѣ, для приведенія въ исполненіе русскихъ цѣлей въ Эсто-Латышскомъ краѣ; `думаю Правительство наше, заручённое, по всей вѣроятности, невмѣшательствомъ Пруссіи, не пропуститъ времени закрѣпить русскій элементъ въ прибалтійской окраинѣ. По моему личному мнѣнію настоящее время — самое удобное для этой операціи: Пруссія занята онѣмеченіемъ Эльзаса и Лотарингіи и заботится отнять у Франціи возможность возмездія, у Австріи своего дѣла вдоволь; другимъ дѣла нѣтъ до 150,000 нѣмцевъ, которые управляютъ 4-хъ милліоннымъ населеніемъ латышей и эстовъ, обиженныхъ остзейскими баронами до послѣдней крайности. Какъ мнѣ кажется, нѣмцы того же мнѣнія, хотя ни одинъ изъ нихъ не высказался. Не знаю, удовлетворитъ ли Васъ мой отвѣтъ. Другого результата я не вижу для прибалтійской окраины.

Продолжаю уже вечеромъ. Библіотека разобрана, завтра начнется выдача книгъ. На дняхъ былъ у насъ педагогическій совѣтъ, на которомъ Ник. Исаев. предложилъ, между прочими вопросами, выразить Вамъ отъ совѣта чувства благодарности за пожертвованіе. Нужно было видѣть физіогноміи сидящихъ и слышать ихъ краснорѣчивое молчаніе! Одинъ только съ трудомъ произнесъ: конечно, слѣдуетъ благодарить; остальные же молчаніемъ подтвердили сіе. Новаго у насъ мало, все по старому, живемъ движемся и есмы.

Искренно расположенный къ Вамъ
И. Полиловъ.

Надежда Алексѣевна, общій другъ нашъ, передала мнѣ, что ты, дорогой мой, сильно сомнѣваешься въ точности опредѣленія Мишей Садовскимъ дня своего юбилея, а между тѣмъ оно, опредѣленіе это, вполнѣ безошибочно. Первая піеска моя „Нѣмой по неволѣ“ представлена была на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ танцовщика Герино, передъ балетомъ „Морской разбойникъ“, въ первый разъ—12-го сентября 1841 года [Зри „Моск. Вѣдом.“]. Не сомнѣвайся, а лучше помоги старому товарищу, на сколько можешь, и словомъ, и дѣломъ.

Крѣпко лобызаю
Тарновскій.

20 Августа 1891.
Тверской бульваръ, д. Толстой.

Ноября 28.
82.

Дорогой Иванъ Ѳедоровичъ,

Въ двухъ словахъ вотъ въ чемъ дѣло: наслѣдники Великой Княгини Маріи Николаевны хотятъ продать ея дворецъ; обратить его въ какой-нибудь кабакъ нельзя, да и не позволятъ; устройство же въ немъ русскаго театра не только дозволятъ, но вѣроятно, и поощрятъ. По крайней мѣрѣ я такъ думаю. Какъ только эта мысль влѣзла въ мою голову, я порѣшилъ, что необходимо потолковать объ этомъ съ Вами и съ другими компетентными людьми, въ родѣ напримѣръ Островскаго, не министра разумѣется, а драматурга. Если моя мысль окажется осуществимой, тогда только я начну разсуждать о томъ, какимъ способомъ пріобрѣсть дворецъ, хлопотать ли о казенномъ театрѣ или остановиться на частной антрепризѣ и т. д. Если моя идея не покажется Вамъ прямо несбыточной фантазіей, то не откажите повидаться со мной, чтобы потолковать объ этомъ дѣлѣ, близкомъ Вашему сердцу. Я бы пріѣхалъ къ Вамъ, но вѣдь Васъ никогда дома нѣтъ, поэтому усердно прошу Васъ черкнуть мнѣ наканунѣ пару словъ: пріѣду въ такой-то день, въ такомъ-то часу; конечно не днемъ, я занятъ въ Министерствѣ. Когда пріѣдетъ графъ Ник. Алекс. [*] мы разумѣется привлечемъ его къ этому дѣлу — онъ намъ очень можетъ пригодиться.

Крѣпко жму Вашу руку
Весь Вашъ
П. Штернъ.

---

11 Февраля 1883 г.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Сдѣлай одолженіе, пріѣзжай завтра въ Субботу 12 февраля ко мнѣ ужинать. Будетъ Вашъ Министръ [**] и мнѣ ты доставишь большое удовольствіе своимъ присутствіемъ. Пріѣзжай не ранѣе 12 часовъ даже въ 12½ часовъ у насъ засѣданіе въ Государственномъ Коннозаводствѣ и мы ранѣе половины перваго не кончимъ засѣданіе.

Пожалуйста сообщи мнѣ будешь или нѣтъ.

Искренно преданный
Танѣевъ [***].

---

7 Января 1873. Воскресенье.

Сегодня вечеромъ у насъ маскарадное дурачество; обѣщали быть всѣ хорошіе знакомые: Максимовъ, Христіановичъ и пр. Безъ тебя не можетъ обойтись такое веселье; а потому всѣ Потѣхины до единаго убѣдительно просятъ тебя пріѣхать ко мнѣ [Пантелеймонская, 14] хотя бы послѣ спектакля, если ты занятъ, въ костюмѣ или въ своемъ платьѣ, какъ заблагоразсудишь. Братъ Алексѣй будетъ костюмированъ; хорошо, еслибъ и ты сдѣлалъ ему компанію въ видѣ начальника, такъ какъ онъ станетъ изображать офицера. Словомъ, какъ хочешь, а пріѣзжай.

Искренно преданный
Павелъ Потѣхинъ [****].

Среда 5 Января 83 г.

Если только ты меня еще не разлюбилъ и помнишь о моемъ существованіи, милый дружокъ Иванъ Федоровичъ, то не откажешь посѣтить меня завтра, т. е. въ Субботу вечеромъ.

Искренно и душою преданный
К. Хартулари.

Пятница
30 Января.

---

[*] † Гр. Н. А. Адлербергъ.

[**] Министръ Императорскаго Двора Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

[***] Пав. Ив. Танѣевъ, присяжный повѣренный.

[****] Пав. Ант. Потѣхинъ, присяжный повѣренный. Прим. ред.

1.

Разсукинъ Вы сынъ Ваше Превосходительство: приготовилъ я для Васъ лично ужинъ и подходящую компанію, а Вы надули.

2.

Завтра иду на утокъ на взморье. Прилетѣло множество гусей, утокъ, лебедей и турухтановъ. Если ѣдешь, то дай знать.

3.

У тебя моя машинка для дѣланья патроновъ Лефоше. Сдѣлай милость, пришли сейчасъ, мнѣ нужно набивать патроны картечью, потому что охота будетъ на волковъ и лисицъ. Пріѣзжай утромъ къ 7½ ч. ко мнѣ, ѣдемъ вмѣстѣ въ каретѣ. Воротимся непремѣнно къ 5 или 5½ час., потому что у меня въ 6 час. консиліумъ.

Твой

И. Тарновскій *.

Благодѣтель!

Одинъ изъ горячихъ поклонниковъ таланта Вашего Превосходительства, весьма юный, заявилъ мнѣ дерзкое желаніе имѣть фотографическій снимокъ особы Вашей, но съ тѣмъ, чтобы на немъ была и подпись Ваша. Осмѣливаюсь всенижайше просить, Ваше Превосходительство, объ исполненіи этого желанія и о присылкѣ мнѣ Вашей карточки съ собственноручною Вашею подписью: Сергѣю Яковлевичу Утину отъ И. Ѳ. Г — а, если только ничто не затруднитъ Васъ въ этомъ.

Съ отличнымъ уваженіемъ и глубочайшею преданностью имѣю честь именоваться Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя моего покорнѣйшимъ слугою

Рѣпинскій **.

---

27 августа 1876 года.

Да будетъ извѣстно Вашему Превосходительству, что въ Царскомъ Селѣ на новыхъ мѣстахъ [сирѣчь въ 5 минутахъ ходьбы отъ станціи ж. д.] проживаетъ купно съ Мусорскимъ тотъ, кому Ваше Превосходительство выказывали нѣкогда свое благоволеніе; для воспоминанія сихъ блаженныхъ временъ присовокупляю, что рядомъ со мною живетъ и М. С. Кахановъ. Хорошо еслибъ въ самомъ дѣлѣ ты въ свободную минутку собрался и уѣхалъ къ намъ Новыя мѣста дача Жедковскаго № 7. Вѣдь давно обѣщалъ!

Твой П. Наумовъ.

P. S. Если нельзя скоро, то извѣсти о своемъ пріѣздѣ вѣрно и точно.

---

* Иппол. Мих. Тарновскій, гинекологъ.

** Сенаторъ. Прим. ред.

1.

Ваше Превосходительство!

Простите съ великодушіемъ душѣ Вашей свойство имѣющей, въ той немалой продерзости письмомъ онымъ выражающейся.

Понеже Зевсу угодно было днесь на Ваше Превосходительство новое испытаніе послать и силы Ваши по интендантской части военнаго промысла прокормленіемъ нѣкотораго числа истинныхъ друзей Вашихъ извѣдать, — того для нарождается самъ собою вопросъ? Какъ и что?! Ибо для питанія кого бы-то ни было, а кольми паче друзей, провіантъ нуженъ, что отмѣнно положено и въ популярномъ сочиненіи сослуживца Вашего Превосходительства, не менѣе важнаго чиномъ русскаго барона Затлера. А какъ со свойственнаго Вамъ военною хитростію Вы, запечатлѣвъ уста свои молчаніемъ, до сихъ поръ оныя не распечатали, а между тѣмъ день кормленія наступилъ и время обремененія желудковъ приближается, то не знаю какого качества, какое количество, а главное что именно должно быть договорено съ поставщиками, симъ смѣлость имѣю просить не только все это привести себѣ на память, но и отписаніемъ, о томъ, что изобразиться въ мозгахъ Вашихъ, уваженіемъ поставить.

Вашего Превосходительства
всенижайшій рабъ и любовникъ
Л. Ераковъ *.

А какъ наслышанъ я что всѣ Высокія особы имѣютъ обыкновеніе прогуливать себя раннимъ утромъ, то подозрѣваю и въ Васъ сіе обыкновеніе, осмѣливаюсь изъ далека намекнуть, не сочтете ли Вы возможнымъ, проводя себя по 1-й ротѣ, для отдыхновенія ногъ своихъ благовременно завернуть въ домъ Тарасова.

2.

Милѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ, А. Г. Рубинштейнъ даетъ завтра въ Воскресенье въ 2 часа музыкальное утро, на которомъ будутъ, кромѣ его, участвовать Вержбиловичъ, Пикель, Давыдовъ и разные музыкальные знаменитости. Онъ очень желалъ бы, чтобы въ числѣ гостей своихъ были и Вы, и потому, не зная Вашего адреса, просилъ меня передать Вамъ его просьбу и приглашеніе. Поѣздъ изъ Петербурга отходитъ въ 10 часовъ, и если Вы могли бы быть свободнымъ, то сдѣлали бы прекрасное дѣло направляясь предварительно въ Ораніенбаумъ оттуда вмѣстѣ поѣхали бы къ Рубинштейну.

Вашъ душою
Суббота. Л. Ераковъ.

---

* Левъ Алекс. Ераковъ, проф. Института Инженеровъ Путей Сообщенія. † 1885.

Записочку Вашу, искренно чтимый Иванъ Өедоровичъ, получили. Не желая нисколько Васъ стѣснять, выборъ дня и часа предоставляемъ Вамъ, лишь бы это было послѣ 12-го числа, т. е. въ Пятницу, Субботу и т. д.

Примного обяжете, если наканунѣ избраннаго дня, Вы предупредите записочкой или телеграммой.

Сердечно Вамъ преданный
Левъ Свѣшниковъ.

8 Декабря 1885.
Галерная улица, 16.

Уважаемый Иванъ Өедоровичъ!

Завтра проситъ Васъ на обѣдъ къ 5-ти часамъ на дачу Мечниковъ. Вы съ нимъ знакомы по Харькову. Поѣдемъ вмѣстѣ въ 4 часа на бульваръ.

Весь Вашъ
А. Потоцкій.

Александръ Александровъ тоже будетъ.

Добрѣйшій Иванъ Өедоровичъ!

Не будете ли Вы свободны и если такъ, то не сдѣлаете ли удовольствіе пожаловать вечеркомъ на Васильевскій Островъ къ отцу[*], въ 7 линію, домъ Академіи Наукъ, гдѣ также обѣщался быть Радонежскій.

Преданный Вамъ
В. Перевощиковъ.

Дорогой мой Иванъ Өедоровичъ,

Пріѣхалъ вчера домой и узналъ, что жена моя пригласила на сегодня молодежь и людей нашего возраста повеселиться.

Вы мнѣ дали крѣпкое и дружеское обѣщаніе побывать у насъ осенью на дачѣ. Осень наступила, такъ нельзя ли обѣщаніе это выполнить сегодня. Какъ было бы хорошо если бы оказалось возможнымъ и какую уру я прокричалъ бы Вамъ при встрѣчѣ.

Будемъ ждать Васъ непремѣнно съ 5 часовымъ поѣздомъ къ обѣду, если же почему-либо въ этотъ часъ Вамъ выѣхать нельзя, то перенесемъ ожиданіе на вечеръ.

Крѣпко жму Вамъ руку и до свиданія.
С. Третьяковъ[**].

Пріѣзжайте совсѣмъ запросто — въ сюртукѣ.

3 сентября, понедѣльникъ.

---

[*] Профессоръ Московскаго университета, астрономъ, академикъ. М. П.

[**] Серг. Мих. Третьяковъ, бывшій Московскій Городской голова, имѣлъ дачу въ Петергофѣ. Прим. ред.

1.

14 Сентября 1877.

Дорогой мой другъ
Иванъ Ѳедоровичъ!

Только что прибыли на бивуакъ, окончивъ наше долгое путешествіе съ 24 Августа по желѣзнымъ дорогамъ всевозможныхъ К⁰; настоявшись на дневкахъ подъ Кіевомъ, Кишиневомъ, Яссами и т. п.; теперь весь полкъ изъ эшелоновъ собрался, послѣ дневки выступаетъ уже цу-фусомъ подъ Зимницы и получивъ благословеніе Августѣйшаго шефа Нашего Батюшки Царя, мы черезъ нѣсколько дней разсчитываемъ уже понюхать Турецкаго порохового дыма, если не ружейнаго, то пушечнаго. Сегодня день твоего Ангела, я помню это твердо и поминалъ тебя въ кругу товарищей Егерей. Депеши не шлю, не откуда, и когда она придетъ Богъ вѣсть. Для дня Твоего Ангела, что ли, но съ бивуака нашего мы и видѣли и слышали перестрѣлку между Рущукомъ и Журжево. На бивуакѣ у одного изъ товарищей читали твои произведенія.

А. Насвѣтевичъ *.

2.

Позиція на Шипкѣ.
12 Октября 1877.

Дорогой дружище
Иванъ Ѳедоровичъ!

Какъ видишь я пишу тебѣ съ Шипки, около горы Св. Николая, гдѣ полкъ, которымъ имѣю честь командовать [54 Минскій пѣхотный], заявившій себя на переправѣ черезъ Дунай и здѣсь на Шипкѣ.—Я принялъ его 1 Октября.—Съ 24 Августа по 24 Сентября былъ въ походѣ съ Л.-Егерями, а 24-го на парадѣ въ Горномъ Студнѣ Его Величество поздравилъ меня и я въ тотъ же день, распростясь съ Л.-Егерями, гдѣ служилъ 21 годъ, тотчасъ же покатилъ къ полку Минскому. Отъ Тырнова совершилъ поѣздку вмѣстѣ съ Вас. Вас. Верещагинымъ, который въ моей землянкѣ на Шипкѣ прожилъ до 6-го Октября. Что будетъ дальше Богъ знаетъ, но до сей поры еще живъ и здоровъ. Первое огненное крещеніе произошло 20 Октября. Принимая полкъ, мнѣ пришлось обходить вокругъ траншеи, здороваться съ людьми, передавать имъ Царское Спасибо. Ген. Мольскій, мой преемникъ, посвящалъ меня въ эти прелести.

Насъ провожали буквально вслѣдъ пули, пока мы подымались въ гору отъ 3 батальона въ свои логовища. На другой день вмѣстѣ съ Верещагинымъ и Мольскимъ съ батареи Гофмана получили крещеніе гранатами — съ Лысой. Счастливо отдѣлались, одна изъ гранатъ ударила въ 4—5 шагахъ и забросала насъ землей и фотографическую карточку жены и дѣтокъ моихъ лежавшихъ на сто-

---

* Генералъ-маіоръ Насвѣтевичъ, фотографъ. Прим. ред.

ликѣ у орудія гдѣ мы сидѣли и изъ котораго „Голушко“ — Георгіевскій кавалеръ и наводчикъ цѣлилъ по Турецкой батареи. Когда я явился къ ген. Радецкому, корпусному командиру, онъ мнѣ сказалъ, что Минскій полкъ въ глубокомъ резервѣ—но что же этотъ резервъ.

Насъ обстрѣливаютъ съ трехъ сторонъ — изъ Никол. изъ дальнобойныхъ орудій, и съ Лысой и 9 глазой справа и слѣва. О пуляхъ и рѣчи нѣтъ даже, а они бьютъ до 3 тысячъ шаговъ, а мы молчимъ, наши пули не долетаютъ. Ежедневно отъ 6—8 человѣкъ выбываетъ убитыхъ и раненыхъ въ полку, а въ депешахъ пишутъ:

„Въ Балканахъ и на Шипкѣ все покойно“.

Хорошъ покой! Здѣсь такъ сжились съ этимъ, что и не говорятъ даже, бомбардировка ежедневная, когда сильнѣй, когда слабѣй, 2 и 11 очень было сильно. Я пишу, а черезъ головы наши съ 9-ти глазой, по Мортирной батареи что на Шоссе—стрѣляютъ тамъ, Самойло отстрѣливается. Два мѣсяца стоитъ полкъ все бы хорошо, еслибъ было теплое платье, да вдоволь сухарей [хлѣба давно не видѣли]. Хорошо наше проклятое Интенданство и всѣ эти агенты. Здѣсь снѣгъ, морозы и люди зябнутъ страшно. Корреспондентовъ никого не пускаютъ на Шипку.

Чѣмъ-то все это окончится. Но какъ человѣкъ такая скотина, что можетъ и долженъ ко всему привыкнуть то и у насъ все обстоитъ, что называется благополучно. Послѣ бомбардировки даже наши солдатики — это, я тебѣ скажу, безотвѣтные святые люди—пѣсни поютъ. Здѣсь Поповъ въ дивизіи славнаго Мих. Ив. Драгомирова, это его школы солдаты. Мѣсто его занимаетъ Мих. Ѳом. Петрушевскій. Мы съ нимъ видимся почти ежедневно, или онъ у насъ на позицію зайдетъ посмотрѣть и поговорить о дѣлахъ, то мы являемся къ нему въ штабъ. Тамъ послѣ незатѣйливаго ужина, куска мяса, или баранины, попиваемъ коньякъ, глинтвейнъ изъ „братушкинскаго“ вина, но впрочемъ не обходится и безъ шампанскаго—такъ когда В. В. Верещагинъ былъ исключительно пили за его здоровье, чему В. В. не мало отнѣкивался и конфузился. Я несказанно доволенъ, что, наконецъ, познакомился съ В. В. Верещагинымъ. Это замѣчательный человѣкъ и какъ личность и какъ художникъ. Итакъ М. Ѳ. Петрушевскій въ первый же мой визитъ къ нему вспомнилъ какъ иногда бываетъ— зимой вмѣстѣ съ тобой и М. Ѳ. пили шампанское въ клубѣ, нашемъ миломъ [что онъ, я думаю совсѣмъ поколѣлъ], а теперь на Шипкинскомъ перевалѣ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ убитъ былъ Дерожинскій, М. Ѳ. поручилъ сказать тебѣ, котораго мы такъ часто поминали, что, молъ, скажите Ивану Ѳедоровичу: что мы стоимъ здѣсь *въ лучшемъ видѣ,* что я охотно и исполняю.

Я здѣсь съ 1 Октября и крѣпко надоѣло уже, хотя и постоянно подъ выстрѣлами. Хоть бы впередъ скорѣй. Кончали бы дѣло подъ Плевной, а то вѣсти неутѣшительны. Взяли редутъ подъ Плевной да вечеромъ же отдали назадъ.

Неизмѣнный другъ твой
Несвѣтевичъ.

1.

30 Марта 1878.

До меня дошли странные слухи, что ты ругаешься Иванъ Ѳедоровичъ, что я не пишу. Напрасно, я писалъ изъ Тифлиса, почти 2 мѣсяца тому назадъ. Вѣроятно письмо мое мучается въ завалѣ на Гудаурѣ. Ну ужъ братъ Кавказъ! Это вѣрно, что онъ губительный, или погибельный. Нужно имѣть 5 лошадиныхъ силъ, чтобы остаться живымъ. Вплоть до 15 Марта холодище страшный, а живя въ саклѣ, гдѣ топятъ говномъ, т. е. кизяками, а натопишь только до 3-хъ градусовъ. Пища тоже хорошая: мясо такое, что не прожевать, не проглотить! Изъ Александрополя возятъ мнѣ окорока — этимъ и питаюсь. Можетъ быть оттого и здоровъ до сихъ поръ и не заразился тифомъ, что просоленъ насквозь. Живу 5500 футовъ надъ уровнемъ моря. Воздухъ разрѣженъ сильно, такъ что является одышка. Дѣла ужасно много, все канцелярское, не поспѣваю отписываться отъ разныхъ требованій и отчетовъ. Горы подлецы не привѣтливы, грубы и угрожающи. На грузинской дорогѣ завалы и заносы, а дальше Тифлиса къ Александрополю черезъ Далижанскій перевалъ дороги скверныя, того и гляди угодишь въ обрывъ. Когда-то Богъ поможетъ увидать опять Россію и матушку Москву. Я даже и боюсь мечтать объ этомъ счастіи. Жилъ недѣлю въ Карсѣ. Городъ грязный, но весьма интересный. Видъ крѣпости великолѣпенъ. Если бы я увидалъ теперь, не говорю городъ, но деревенскую избушку россійскую, я бы разревѣлся отъ радости. Да, братъ, не на розахъ сплю. Я, цѣлый день работаю, какъ песъ. Не очень скучаю, потому только, что некогда скучать, а то того и гляди, что что-нибудь пропустишь. Жалованье мнѣ платятъ огромное около 600 р. въ мѣсяцъ. Кланяйся Христіановичу, Максимову, Тарновскому и всѣмъ кто меня помнитъ. Адресъ: на Кавказъ, Главному врачу № 1 военно-временнаго госпиталя черезъ Александрополь въ Кюрюкъ-Дара.

Преданный другъ
А. Робушъ *.

2.

9 Сентября.
Александрополь.

Что съ тобою случилось, любезный другъ Иванъ Ѳедоровичъ, что ты ни разу не отвѣтилъ на мои письма. Я, честнымъ образомъ, написалъ тебѣ три письма изъ разныхъ мѣстъ моего пребыванія въ Азіи. Изъ газетъ знаю, что ты былъ и за границей и рыскалъ по Россіи, но все же... Да зачѣмъ, впрочемъ, объ этомъ говорить, я неспособенъ отсюда изъ Азіи сердиться на Европейцевъ.

Теперь война кончена, госпитали оканчиваютъ существованіе свое печальное, надѣюсь скоро возвратиться въ Питеръ и облобызать Васъ всѣхъ. Въ ожиданіи освобожденія сижу въ госпиталѣ Александропольскомъ въ 3 верстахъ отъ города и скучаю. Поду-

---

* Докторъ Робушъ, близкій другъ И. Ѳ. Горбунова. Прим. ред.

май что я способенъ отъ скуки застрѣлиться изъ моего постояннаго спутника заряженнаго револьвера, лежащаго у меня и теперь на столѣ. Нѣтъ, я даже и въ другихъ изъ него не стрѣлялъ. Разъ, вечеромъ часовъ около 12-ти, когда я возвращался изъ прекраснаго клуба Александропольскаго, домой въ госпиталь, какая-то шельма Армяха, изъ подъ качана капусты выстрѣлилъ въ меня, но не попалъ и хорошо сдѣлалъ, умирать въ Азіи не хочется, хотя и есть здѣсь холмъ чести, на которомъ, говорятъ, лежать почетно и пріятно. Плохо было зимой нашему брату бороться и противъ холода въ саклѣ и противъ голода, а еще хуже съ эпидеміей, тифъ былъ по хуже Петербургскаго, а, теперь ничего, больныхъ надо съ фонаремъ искать по наметамъ. Впрочемъ много калѣкъ, не столько отъ вражьихъ пуль, сколько отъ мороза подъ Эрзерумомъ. Поздравляю съ именинами, я вѣдь помню, что тебя зовутъ Вздвиженьемъ. Вспомни тогда обо мнѣ и выпей за меня стаканчикъ зелена, зина вина! Между прочимъ, мнѣ ужъ давали въ Азіи 2 обѣда, собираются дать 3-й при прощаніи здѣсь. Обѣды не отличались гастрономическими блюдами, но Кахетинскаго сквернаго вина и подлѣйшаго коньяку выпито было много. Бѣдный желудокъ и кишки, что въ нихъ попадало въ эти 9 мѣсяцевъ и какъ это они справлялись съ этой гадостью. Знаю теперь туземныя кушанья: чихирму, пловъ съ бараниной, курицей и изюмомъ, шашлыкъ и еще какое-то блюдо, похожее на видъ, на кусочки говна и почти такого же запаха. Вино издаетъ тоже такой запахъ, что бѣдному носу, невольному участнику въ попойкахъ, приходится судорожно сокращаться. Въ Питерѣ много поумирало знакомыхъ. Жаль, все хорошіе люди, отсутствіе ихъ мнѣ будетъ ощутительно. Ну довольно, пора спать. Утро вечера мудренѣе. Будь уменъ и здоровъ. Кланяйся женѣ, поцѣлуй дѣтей и ужъ хоть немножко припомни, что есть у тебя хорошій

Пріятель А. Робушъ.

Писать мнѣ не трудись, потому что не могу дать тебѣ адреса скоро отсюда уѣду.

Книги тебѣ готовы. П. Шумахеръ* и В. С. Перфильевъ** очень просили тебя съ ними свести и съ этою цѣлью пріѣдутъ ко мнѣ завтракать, завтра въ воскресенье въ часъ. Буду ждать и тебя.

Твой Сергѣй Яковлевъ***.

---

* † Петръ Вас. Шумахеръ, поэтъ.

** † Вас. Степ. Перфильевъ, бывшій Московскій губернаторъ.

*** Серг. Петр. Яковлевъ, предсѣдатель Человѣколюбиваго общества.

Прим. ред.

Moscou. Miasnitskaja.
Maison de Meck.

Добрѣйшій Иванъ Ѳеодоровичъ, по очень спѣшному дѣлу долженъ уѣхать въ 11 часовъ. Не откажи, голубчикъ, пріѣхать къ намъ въ 5 часовъ обѣдать. Если любишь, то конечно исполнишь просьбу. Вечеромъ отправимся на площадь.

Твой другъ
В. К. фонъ-Меккъ.

Дорогой
Иванъ Ѳеодоровичъ,

Завтра въ субботу 22 Сентября назначено засѣданіе Театрально-Литературнаго Комитета, ровно въ 12 час. пополудни, на которое покорнѣйше прошу непремѣнно пріѣхать, такъ какъ безъ Васъ, за отсутствіемъ П. Д. Боборыкина, засѣданіе не можетъ состояться.

Любящій и преданный Вамъ
А. Шталь *.

Пятница
21 Сент. 84.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳеодоровичъ,

Вы мнѣ позволили выбрать время, когда намъ повидаться; я заѣзжалъ къ Вамъ просить Васъ не отказать мнѣ удѣлить вечеромъ въ Среду, Четвергъ или Пятницу. Теперь—когда время мое выкроено окончательно—позвольте Васъ покорнѣйше просить пожаловать ко мнѣ 17-го, въ Четвергъ часовъ въ 8—9 вечера, а чтобы мнѣ знать достовѣрно, что письмо это Вами получено Вы не отказывайте моей просьбы, не откажите протелеграфировать: близь Пречистенскихъ воротъ, Гагаринскій переулокъ, домъ Оболенской, квартира Добрякова, генералу Петрушевскому. Очень обяжете, когда отвѣтите: „буду Четвергъ вечеромъ непремѣнно“.

Вашъ всегда
М. Петрушевскій.

15 Апрѣля.

Послѣ спуска Гангута, на который я послалъ тебѣ уважаемый Иванъ Ѳеодоровичъ билеты, у меня вечеромъ соберутся пріятели пить водку, надѣюсь что и ты не откажешь мнѣ въ этомъ удовольствіи. Будутъ москвичи.

Твой Скрыдловъ **.

---

* Дѣлопроизводитель Театрально-Литературнаго Комитета.

** Вице-адмиралъ Ник. Ил. Скрыдловъ. Прим. ред.

Милый Ваня! жду тебя завтра вечеромъ. У меня будетъ Макаровъ, и можно порисовать и подобрать.

Твой Митя Скалонъ.

Моховая, домъ № 26, кв. № 15.

Дорогой Ваничка!

Завтра, 29-го къ 12-ти часамъ, я непремѣнно собираюсь къ В. С. Кудрину. Согласно уговора, сообщаю Тебѣ о семъ.

28/XII Душевно Твой

Н. Веселаго.

---

9 Января. Пятница.

Многоуважаемый

Иванъ Ѳедоровичъ,

Прошу я и Бельгардъ Васъ, сдѣлать намъ удовольствіе, сегодня послѣ спектакля провести вечеръ въ Преображенскомъ полку на Миллiонной, гдѣ будетъ собрано почти все общество г.г. Офицеровъ, которые Васъ глубоко уважаютъ и чтутъ.

Искренно Васъ любящій А. Чичеринъ.
Искренно Васъ любящій В. Бельгардъ
и Всеволожскій.

Телеграмма изъ Царскаго Села.

Льстимъ себя надеждою видѣть васъ завтра поѣздомъ пять обѣдать Царское, Стессельская, домъ Фролова.

Князь Гагаринъ,
Дурасовъ.
Комстадіусъ *.

Многоуважаемый

Иванъ Ѳедоровичъ,

Былъ у Васъ, къ сожалѣнію не засталъ дома. Теперь письменно обращаюсь къ Вамъ съ просьбою сдѣлать намъ удовольствіе пріѣхать къ намъ обѣдать въ Среду въ 6 час., разумѣется въ сюртукѣ. Если этотъ день Васъ не устраиваетъ, то сами назначьте намъ другой день, мы всю недѣлю дома, исключая вторника и жена и я мы будемъ очень рады Васъ видѣть.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
и преданностью
А. Бильдерлингъ **.

---

* Офицеры лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка.

** Бывшій начальникъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища. Прим. ред.

„А посему .... Григорьевъ!
Приготовь мнѣ селедку съ яблоками“.
16 ноября 1859.

Глубокоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ!

Недѣлю тому назадъ сидѣлъ [а не „стоялъ“] я на рѣкѣ на Кушкѣ и невольно вспомнилъ: 1) 16 Ноября 1884 г., съ „отпиской воеводы Комарова“; 2) 15 Января 1891 г.— именины покойнаго П. М. Свободина, гдѣ я имѣлъ удовольствіе впервые познакомиться съ Вами [помните казака кавказскаго, съ которымъ Вы остались вдвоемъ когда не только всѣ разошлись, но и хозяева спать легли] и 3) что 16 Ноября будущаго года исполнится 40 лѣтъ блестящаго служенія Вашего родному искусству. Позвольте же мнѣ, съ далекой окраины, привѣтствовать Васъ, пожелать Вамъ здравія и долгоденствія, а себѣ — явиться на Вашъ юбилей, что— буду живъ—исполню непремѣнно.

Вашъ
И. Еглевскій *.

Сел. Кахка.
Закаспійская область
10 Декабря 1893.

---

21 марта 1878.

Милостивый Государь
Иванъ Ѳедоровичъ,

Позвольте Вамъ напомнить объ себѣ, какъ объ старомъ Вашемъ знакомомъ и почитателѣ и вмѣстѣ слезно просить Васъ пріѣхать къ намъ въ четвергъ вечеромъ 23 с. м. [адресъ мой Большая Морская 49]. Дѣло въ томъ, что дочь моя никогда Васъ не слыхала и мнѣ бы хотѣлось ее утѣшить въ эти неутѣшительныя времена.

Надѣюсь не откажете и примете благодушно дружеское рукопожатіе.

Искренно Вамъ преданный
Кн. Дм. Друцкой-Соколинской **.

Любезный другъ
Иванъ Ѳедоровичъ!

У насъ начало ярмарки 12 іюня, и я полагаю, что если ты пріѣдешь 14, то надо надѣяться, что если 15 или 16 дашь концертъ, то будетъ удаченъ. Весьма буду радъ тебя видѣть и всѣ твои пріятели также.

Душевно твой А. Свѣчинъ.

Я ѣду въ Москву гдѣ пробуду до 10 іюня. Мой адресъ: Арбатъ, Спасопесковскій переулокъ домъ Львовой.

26 мая.

---

* Ив. Род. Еглевскій, командиръ 4-й Кубанской батареи.

** Кн. Дм. Вл. Друцкой-Соколинскій, Мокшанскій уѣздный предводитель дворянства. Прим. ред.

Милостивый Государь
старый знакомецъ.

Желалъ бы очень и даже весьма съ вами повидаться. Будьте столь добры, зайдите ко мнѣ на минуточку, когда будете свободны. Я всегда дома отъ 10-ти до 12-ти утра и вечеромъ отъ 8 до 10-ти. Живу у Владимірской церкви, Большая Московская улица, домъ Ремесленной Управы, третій подъѣздъ отъ площади, кв. № 50,

Крайне обяжете
готоваго къ услугамъ
Графъ Растопчинъ *.

1.

Душка, ангелъ, отецъ родной, пріѣзжай къ Гурину сейчасъ. Толстой тоже тутъ. Живу въ гостинницѣ „Францiя". Завтра ѣду на службу.

Твой Ар. Сатинъ.

2.

Жаль что не могу остаться. Пріѣзжай къ намъ въ Тамбовъ. Вѣдь ты насъ надулъ прошлый годъ. Мы всѣ ждемъ [на десятую лучше]. Телеграфируй заранѣе, или напиши. Цѣлую тебя

Твой Ар. Сатинъ.

P. S. Адресуй Арк. Дмит. Сатину. Тамбовъ [знаютъ какъ пеструю сабаку].

3.

Господинъ Горбуновъ
Иванъ Ѳедоровичъ!!!

Прибудьте къ 12 часамъ ночи въ Кавалергардскій Е. В. полкъ къ ужину. Отвѣчать, Господинъ, будете. Васъ на веревкѣ въ участокъ, а меня къ барину Новикову въ 8 Экипажъ, только. Всѣ умоляютъ.

Душею твой
Ар. Сатинъ.

1.

Что же ты безпутный обѣщался поговорить съ Мельниковымъ и съ Комиссаржевскимъ, и до сихъ поръ не далъ мнѣ ни слова отвѣта. Ради Бога устрой и отвѣчай скорѣе.

24/XI 77.

Адлербергъ **.

---

* † Гр. Андр. Ѳед. Растопчинъ, сынъ Гр. Ѳед. Вас. Растопчина, московскаго губернатора 1812 года и мужъ поэтессы". М. П.

** Гр. Н. А. Адлербергъ, † въ 1904. Прим. ред.

2.

Другъ мой Иванъ Ѳедоровичъ, завтра даемъ мы въ 12 час. разводъ и слѣдственно на 24 часа я запряженъ въ караулъ, но если у тебя будетъ минуточка свободная завтра отъ $2^1/_2$, до другого дня 12 час. утра, то зайди навѣстить несчастнаго заключеннаго. Я стою въ Ордонансъ-Гаузѣ, на углу Малой Садовой и Итальянской; спросишь караульнаго офицера.

Весь твой

Суббота вечеромъ. Адлербергъ.

Любезный

Иванъ Ѳедоровичъ,

Не знаю помнишь ли ты меня, но мы хорошіе знакомые изъ Яхтъ-Клуба. Ты мнѣ обѣщалъ однажды, что если мнѣ придется тебя пригласить что ты, если возможно примешь мое приглашеніе. Вслѣдствіи твоего обѣщанія я обращаюсь къ тебѣ съ просьбою, придти сегодня вечеромъ ко мнѣ ужинать. У меня будетъ холостая компанія и, между прочимъ, Его Высочество Сергѣй Максимильяновичъ Лейхтенбергскій, который очень доволенъ будетъ тебя видѣть. Если ты не можешь придти рано, то приди хоть въ 12 часовъ. Ужинать мы будемъ во второмъ часу.

Въ надеждѣ тебя видѣть у себя остаюсь твой преданный

Евгеній Фелейзенъ *.

Мой адресъ:

По Галерной улицѣ на противъ новаго Адмиралтейства № 77, входъ съ канавы въ ворота.

1.

Податель настоящаго письма Владиміръ Григорьевичъ Чертковъ, главный дѣятель и основатель склада „Посредникъ“, въ которомъ Левъ Николаевичъ ** принимаетъ такое горячее участіе и которому Вы обѣщали свое дорогое содѣйствіе.

Мнѣ помнится, что Вы говорили въ Москвѣ, что Вами написанъ разсказъ [во время поѣздки въ Кіевъ] и что Вы хотѣли только еще разъ просмотрѣть его. Дорожа Вашимъ участіемъ, Владиміръ Григорьевичъ хочетъ повидаться съ Вами лично и получить отъ Васъ разсказъ или опредѣленныя о немъ свѣдѣнія. Я же пользуюсь случаемъ напомнить о себѣ и объ обѣщаніи прислать мнѣ Ваши сочиненія; при семъ бью челомъ честнымъ стопамъ Вашимъ и цѣлую въ уста сахарныя. Будьте здоровы и не забывайте меня, Васъ любящаго.

Мих. Стаховичъ ***.

Москва
21 мая 1886.

---

* † Баронъ Евг. К. Фелейзенъ.

** Графъ Левъ Ник. Толстой.

*** Мих. Ал-др. Стаховичъ, Орловскій губернскій предводитель дворянства.

Прим. ред.

2.

3 мая 1887.
Пальня.

Что за благодать у насъ теперь! Два дня шелъ почти непрерывный дождь, но на воздухѣ отъ него не было сыро или холодно, а душисто и тепло. Сегодня день лучезарный, и Боже, что за красота! Сморщенные листки лопнувшихъ почекъ тянутся и расправляются почти на глазахъ. Трава все густѣетъ и все ярче стелется и уже начинаетъ пестрѣть кое-гдѣ цвѣтами. А сколько звуковъ, я Вамъ и перечислить не съумѣю. Лягушки неумолчно радуются и квакаютъ съ утра до ночи [я люблю ихъ]. Бѣдные соловьи силятся ихъ перекричать и съ досады все дальше отлетаютъ отъ рѣки, все ближе къ дому и кругомъ облегли мой балконъ; жаворонки то и дѣло вылетаютъ кверху и хлопая крыльями, какъ ребенокъ передъ елкой, заливаются серебрянымъ звономъ. Всякая тварь хвалитъ Господа, говоритъ мой старый поваръ Сикритычъ, собирая червячковъ и собираясь идти удить... Да не съумѣю я Вамъ всего описать какъ слѣдуетъ. Пріѣзжайте, посмотрите. Обнимаю васъ крѣпко. Мих. Стаховичъ.

---

32 Милліонная. 23 мая 86.

Иванъ Ѳедоровичъ,

Стаховичъ вручилъ мнѣ прилагаемое письмо для васъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ меня, что васъ очень трудно застать дома. А потому рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ просьбою, не соблаговолите ли вы назначить мнѣ день и часъ, когда я могу повидаться съ вами. Вы сами понимаете какъ мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ вами послѣ того, что слышалъ отъ Л. Н. Толстого и Стаховича о вашемъ сочувствіи дѣлу нашего изданія.

И такъ буду ожидать вашего отвѣта. Я бываю дома отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ и отъ $7\frac{1}{2}$ до $8\frac{1}{2}$ вечера. В. Чертковъ*.

СПБ. 16 декабря 1886.

Дорогой Иванъ Ѳедоровичъ!

Если тебѣ завтра свободно время утромъ, то Дашковъ** очень радъ будетъ тебя видѣть и показать кое-что. Поэтому пріѣзжай ко мнѣ между 11 и 12 час. утра, пойдемъ вмѣстѣ къ моему домохозяину и семейно проведемъ время. Это лучшее время, ибо вечеромъ иногда тебѣ нельзя, да кромѣ того вечеромъ не такъ хорошо все видно.

Твой преданный
А. Хвощинскій.

---

* Влад. Григ. Чертковъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, основатель изданій „Посредникъ“.

** Пав. Як. Дашковъ, владѣлецъ извѣстнаго собранія гравюръ. Прим. ред.

Его Превосходительству

Генералу Дитятину, а въ мірѣ Милому Ивану Ѳедоровичу наше почтеніе!

Льщу себя надеждою добрѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ, что ты не откажешь сдѣлать намъ удовольствіе пожаловать завтра 7-го сего января въ каютъ-компанію 8-го флотскаго экипажа съ Татьяной Ивановной, которая пусть малость потанцуетъ, а мы съ тобой и прочею компаніей покалякаемъ по душѣ и изопьемъ немного какой-либо жидкости. Билетовъ не посылаю, а передамъ ихъ прямо при входѣ, а ты съ барышней валяй прямо. Очень рано не торопись, потому что завтра у насъ собираются часовъ около 10-ти.

Жму твою руку и желаю здравія

Твой—душою
Кн. Николавра *.

Любезный Иванъ Ѳедоровичъ.

Я былъ сего дня два раза у Васъ, но не имѣлъ удовольствія застать Васъ дома. Оставилъ карточку, на которой написалъ мою просьбу, но такъ какъ не знаю дошла ли она до Васъ, то рѣшаюсь писать къ Вамъ. Дѣло вотъ въ чемъ: сегодня маленькій семейный праздникъ у тестя моего Логина Логиновича Миллера и всѣ, главнымъ образомъ дамы, жаждутъ удовольствія Васъ послушать, я обѣщалъ сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, а потому и прибѣгаю съ просьбою и не откажите побывать въ нашемъ обществѣ [которое все Вамъ болѣе или менѣе знакомо] послѣ театра хоть на часъ. Г-нъ Миллеръ живетъ по Гороховой улицѣ въ домѣ Таля у Краснаго моста.

Если откажете, то я пропадшій человѣкъ!!

И такъ въ ожиданіи благосклоннаго отвѣта. Пребываю преданный Вамъ

Баронъ К. Фелейзенъ.

Среда
8 февраля 1878.

Живу Грандъ-Отель, очень боленъ, но желаю ужинать; если свободенъ, пріѣзжай, милый другъ, послѣ своей комедіи, ко мнѣ, употребить хорошее красное вино. Завтра меня повезутъ въ Орелъ·

9 Января 78 г.

А. Нарышкинъ.

1.

20 Декабря 93.

Другъ Иванъ.

Налимы положены за окно. Отсрочили вверженіе въ утробы на завтра къ завтраку къ часу. Просимъ и бьемъ челомъ, Васъ къ намъ завтра вторникъ къ полудню чтобы уродовъ заготовить.

Цѣлую друга, твой Микита **.

Отвѣтъ дайте нельзя ли Вамъ будетъ пріѣхать.

---

* Кн. Ник. Серг. Путятинъ.

** † Никита Никит. Всеволожскій. Прим. ред.

2.

Иванъ, Иванъ, два налима передъ тобой трепещутъ и часамъ къ семи желаютъ быть ввергнуты въ мою утробу и въ утробы моего племянника Алексѣя Маслова, что пишетъ въ Новомъ Времени и потому слѣдуетъ тебѣ безпремѣнно пребыть на Торговую ранѣе срока, чтобы запарить уродовъ и намъ ихъ подать. Не откажи и обнимаю.

Микита.

Consulat de Portugal
à St. Pétersbourg.

7 апрѣля 1893.

Любезный Иванъ Ѳедоровичъ,

Прилагая при семъ мой адресъ, покорнѣйше прошу позавтракать у меня въ будущее воскресенье 11 апрѣля въ 1 ч.

Уважающій тебя
А. Бауеръ.

Многоуважаемый
Иванъ Ѳедоровичъ,

Много лѣтъ не имѣлъ удовольствія Васъ видѣть у себя; а потому не будете ль добры въ Пятницу 23-го числа пожаловать ко мнѣ по Московски попить чайку, чѣмъ меня душевно порадуете.

Душевно Вамъ преданный
Протодіаконъ Ильинскій.

21 апрѣля
1893 года.

ЧАСТЬ III.

И. Ѳ. Горбуновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И СТАТЬИ
ОБЪ И. Ѳ. ГОРБУНОВѢ.

Изъ давнихъ воспоминаній.

См. +

[По поводу первой годовщины смерти И. Ѳ. Горбунова].

> Открываю завѣсу сѣдой старины,—
> И Громвала я вижу на добромъ конѣ...

т. е., говоря проще, на сценѣ Александринскаго театра, лишь только открылся занавѣсъ, у самой рампы, какъ сейчасъ вижу могучую фигуру знаменитаго петербургскаго трагика Василія Андреевича Каратыгина перваго [былъ и второй, его родной братъ; онъ переводилъ и передѣлывалъ водевили и самъ въ нихъ игралъ, острилъ стихами, въ подражаніе московскому Ленскому, но далеко не съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ]; не любилъ Гоголя, а созданную имъ такъ называемую „Натуральную школу“ вовсе не признавалъ и даже пытался осмѣять ее въ своемъ водевилѣ подъ этимъ названіемъ, не имѣвшимъ однако никакого успѣха.

И ростъ, и посадка трагика поражаютъ внушительнымъ величіемъ: до сихъ поръ такихъ богатырей по внѣшнему виду ни на одной русской сценѣ еще не бывало. Голосъ его какъ будто нарочно созданъ для театральныхъ залъ, и былъ самыхъ обширныхъ размѣровъ: сидя въ райкѣ, по студентской бѣдности, мы превосходно слышимъ не только каждое слово, но замѣчаемъ самые тонкіе переливы тоновъ и можемъ любоваться необыкновенной ихъ выработкой. Изумительною кажется эта приспособленность голоса къ сценѣ, и притомъ такого качества, что, казалось, онъ могъ бы съ равнымъ успѣхомъ срывать громы подобныхъ же рукоплесканій, если бы вздумалъ исполнять любую оперную партію своимъ „глубокимъ“ басомъ. Довольны мы на своихъ „верхахъ“ также и тѣмъ, что съ гимназической скамьи твердо, до-слова помнимъ это обѣщанное афишей стихотвореніе и можемъ слѣдить за каждымъ стихомъ, какъ онъ будетъ толковаться со сцены и какъ слѣдуетъ его понимать въ самой сути.

Трагикъ стоитъ передъ нами въ монументальной позѣ статуи командора: наклонилъ свою красивую, курчавую голову и сложилъ руки классически, по Наполеоновскому образцу. Когда раздались первые звуки его голоса, оказалось, что онъ дѣйствительно во-очію вознамѣрился собою изображать Великаго Петра въ тотъ моментъ, когда „на берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ“. Стоялъ нашъ чтецъ задумчиво, неподвижно и вдругъ неожиданно воскликнулъ, приподнялъ голову, надвинулъ брови, взмахнулъ правой рукой и показалъ, какъ глядѣлъ Петръ вдаль и какъ передъ нимъ рѣка неслась настолько широко, на такомъ раздольномъ пространствѣ, какое лишь можно было обозначить движеніемъ распростертой руки,—и все той же правой.

Это Каратыгинъ,—въ антрактѣ на своемъ бенефисѣ, послѣднемъ въ его жизни,—повторялъ одну изъ своихъ, такъ называемыхъ „фрачныхъ ролей“ и, дѣйствительно, былъ во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и перчаткахъ, но на этотъ разъ безъ цилиндра въ рукѣ,—ей предстояло много работы впереди. Обѣ руки у него обязаны были дорисовывать то, что, по его мнѣнію, не досказано поэтомъ и казалось нужнымъ для поясненія стиховъ; права этого отъ великаго поэта самолично онъ не получалъ, но воспользовался имъ чрезъ сторонняго посредника, а именно—черезъ опальнаго друга Пушкина. То былъ П. А. Катенинъ, упомянутый въ одной изъ строфъ „Евгенія Онѣгина“, какъ „воскресившій Корнеля геній величавый“. Каратыгинъ цѣлое лѣто прогостилъ у него въ Чухломской усадьбѣ, носившей названіе „Бореева“. Здѣсь, въ большомъ залѣ стараго барскаго дома, актеръ совершенствовался въ декламаціи у этого прославленнаго мастера, ловко овладѣвшаго французскою манерою читать на-распѣвъ чужіе хорошіе и свои плохіе стихи*. У малосильныхъ трагиковъ этотъ пріемъ получилъ видъ нытья-вытья, вызывавшаго у иныхъ зрителей и слушателей зубную боль. Каратыгинъ, по возвращеніи отъ учителя, манеру его облагородилъ или, лучше сказать, смягчилъ въ тонахъ своего сильнаго, но гибкаго голоса, въ такую мѣру, что его умиленно слушали, не вскакивая и не убѣгая съ мѣстъ, а безропотно наслаждались, сидя смиренно и въ упоеніи, сіявшемъ во взорахъ.

Вотъ онъ, прославленный трагикъ, перейдя на высокія ноты, загремѣлъ, когда пошла рѣчь о томъ, что „отсель грозить мы будемъ шведу“. Правая рука показала даже и это мѣсто въ оркестрѣ, немного вправо отъ будки, въ которой, конечно, сидѣлъ, беззаботно понюхивая табачекъ, суфлеръ, совсѣмъ не нужный актеру на все это время.

„Здѣсь будетъ городъ заложенъ“,—и таже правая рука указываетъ новый пунктъ, гораздо дальше и уже влѣво. Она же тотчасъ потрясается,—это угрожающій знакъ того, что городъ выстроенъ „на зло надменному сосѣду“, и она же, разсѣкая воздухъ сверху внизъ, не медлитъ назнаменовать тотъ способъ, какимъ будетъ прорублено окно въ Европу. Слѣдомъ за тѣмъ, и также нимало не медля, движеніемъ ногъ объяснено было намъ, насколько твердою пятою встанемъ у моря и запируемъ на просторѣ. Трагикъ въ этомъ мѣстѣ поэмы съ особымъ разсчетомъ затягивалъ послѣднія слова, чтобы, размахивая обѣими руками и потряхивая плечами, успѣть сдѣлать три-четыре шага въ бокъ. Веселой улыбкою, быстро сложившеюся на лицѣ, и какъ бы хвастливо настроенными мотивами въ голосѣ, чтецъ, повидимому, имѣлъ намѣреніе показать слегка, какъ бы могли пировать съ Петромъ его птенцы на ассамблеяхъ, если ясно и образно представить себѣ теперь это веселое занятіе.

---

* Какъ извѣстно, Павелъ Александровичъ Катенинъ, офицеръ Преображенскаго полка, былъ до того страстнымъ любителемъ театра, что даже пострадалъ изъ-за него: онъ былъ высланъ изъ Петербурга, безъ права въѣзда даже въ губернскій городъ и съ правомъ выѣзда лишь въ тѣ два городка, въ уѣздахъ которыхъ находились его большія вотчины: въ Чухлому и Кологривъ, Костромской губерніи. Пострадалъ онъ изъ-за трагической актрисы Семеновой [„Семенихи“], не сойдясь во мнѣніяхъ о ней съ графомъ Милорадовичемъ, и водворенъ на мѣстѣ родины также и по той причинѣ, что вскорѣ дознано было о дружбѣ его со многими декабристами и о его связяхъ съ главнѣйшими изъ нихъ.

Прим. С. В. Максимова.

Еще одинъ моментъ,—и снова обѣ руки быстро сложились на груди крестомъ, потому что проходятъ тѣ сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ темныхъ лѣсахъ, на болотныхъ топяхъ горделиво выросталъ пышный городъ. Мы глазомъ не успѣли мигнуть, какъ снова приподнята была голова, раскинуты обѣ руки и на мужественное и строгое лицо была приглашена торжествующая, самодовольная и сладкая улыбка спокойнаго наслажденія,—должно быть, видомъ юнаго града, „полнощныхъ странъ красы и дива“. Слово „пышно“ вылетѣло изъ устъ, подобно колечку дыма, какія пускаютъ умѣлые курильщики, а слово „горделиво“ было сказано съ головой, откинутой слегка назадъ, и густой октавой.

Само собою разумѣется, что все предыдущее и послѣдующее говорилось, какъ велятъ дѣлать клироснымъ пѣвцамъ [въ церковно-служебныхъ книгахъ]: „косно, со сладкопѣніемъ, не борзяся“. Намъ казалось, что этотъ пріемъ такъ и останется выдержаннымъ до конца, но не тутъ-то было.

Стихъ, начинающійся словами: „Гдѣ прежде финскій рыболовъ“, чтецъ неожиданно рубилъ отчаянной скороговоркой: думалось, что онъ спѣшитъ проскользнуть мимо, стремясь, должно быть, добѣжать до конца, но мы грубо ошиблись. Вся тайна такого чтенія зависѣла отъ желанія показать, насколько не стоитъ этотъ чухонецъ такого вниманія, чтобъ о немъ пѣть, да еще и величать, говорить, да еще и растягивать,—довольно съ него и легкаго презрительнаго тона въ голосѣ. Такимъ именно тономъ и былъ онъ, себѣ въ полное огорченіе, награжденъ въ словахъ „печальный пасынокъ природы“; при этомъ даже правая рука, опущенная внизъ, слегка шевелясь, старалась что-то дополнить и объяснить. Небрежный тонъ и быстрое чтеніе, очевидно, подгонялись, чтобы доказать и показать, какъ нынѣ тамъ,

По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли,
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.

Всю эту строфу актеръ постепенно доводилъ до необычайнаго крика, и особенно забезпокоился, когда набѣжалъ голосомъ на эти самые корабли и на нихъ заоралъ такъ, что какъ-будто бы на самомъ дѣлѣ онъ вдругъ увидѣлъ неисчислимое, въ ужасъ приводящее ихъ множество, и притомъ собравшимися сюда дѣйствительно изъ всѣхъ даже неизвѣстныхъ странъ свѣта. На самомъ послѣднемъ стихѣ онъ, однако, и самъ стихъ вдругъ, неожиданно и круто и пустилъ его на глухой октавѣ, такъ какъ, очевидно, желалъ показать, что суда находятся въ тихой и надежной пристани, гдѣ очень удобно и спокойно стоять на якорѣ.

Въ своемъ мѣстѣ, дальше, предъявлено было, какъ мосты повисли надъ водами [правая рука показала ихъ горбатыми, какъ рисуются они на картинкахъ китайскихъ садовъ] и какъ темнозелеными садами покрылись острова въ гранитъ одѣтой Невы; при чемъ краснорѣчивая правая рука шевелилась такимъ медленнымъ образомъ, точно успокоившійся чтецъ гладилъ въ это время жирнаго кота вдоль спины.

И опять руки сложены крестомъ на груди, и опять потуплены глаза и наклонена голова, даже на этотъ разъ гораздо ниже, чѣмъ прежде. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, рѣчь дошла до очень серьезнаго обстоятельства,—съ матушкой-Москвой содѣялось великое злосчастье: сбита у нея спѣсь и сломлена гордыня; волей-неволей пришлось ей смириться и покориться, склонивъ свою сѣдую и золотую голову передъ младшею столицей. А въ этой послѣдней уже довольно давно очень охотно, съ полнымъ восторгомъ слушаютъ этого своего дѣланнаго излюбленнаго трагика. Не даромъ онъ въ старой столицѣ испыталъ на сценѣ полное паденіе въ первый же свой наѣздъ туда; тамъ раньше наслушались и досыта налюбовались подлиннымъ и великимъ трагикомъ Мочаловымъ, до котораго петербургскому далеко, какъ до звѣзды небесной. Великую истину сказалъ про него самый остроумный и высоко-талантливый русскій писатель:

„Щепкинъ страшно работалъ и ничего не оставлялъ на произволъ минутнаго вдохновенія, но роль у него не была результатомъ одного изученія. Онъ такъ мало былъ похожъ на Каратыгина, этого лейбъ-гвардейскаго трагика, у котораго все было до того заучено, выштудировано и приведено въ строй, что онъ по темпамъ закипалъ страстью, зналъ церемоніальный маршъ отчаянія и, правильно убивши кого-нибудь, мастерски дѣлалъ на погребеніе. Каратыгинъ удивительно шелъ своему времени“.

Смѣемъ увѣрить, что одинъ изъ нашихъ товарищей, за-компанію слушавшій трагика во „фрачной роли“, тотчасъ же по выходѣ изъ театра, тутъ же на площади, съ поразительнымъ сходствомъ передалъ все то, что увидѣлъ и услышалъ. Всѣ тона и жесты соблюдены были имъ въ точности: секретъ актера былъ ловко и быстро угаданъ. Вся эта надуманная фальшь до того оказалась поверхностною, что, какъ тонкій листокъ сусальнаго золота, не успѣвшаго плотно пристать къ сухой поверхности самаго предмета, можно было снять цѣликомъ и развѣ лишь немножко помять. Для каррикатуры, впрочемъ, вся эта наружно оглаженная стряпня оказалась очень подходящею, особенно въ томъ мѣстѣ декламаціи, гдѣ самодовольный чтецъ уже прямо дошелъ до пѣнія. „Красуйся, градъ Петровъ, и стой“—расчленилъ онъ по слогамъ и провелъ ихъ послѣдовательно по нотной азбукѣ, отъ верхняго ut до нижняго, а послѣднія два слова: „непоколебимо, какъ Россія“,—сверхъ всего, въ довершеніе всѣхъ эффектовъ, съ особеннымъ рокотомъ. Звуки замерли въ октавныхъ тонахъ ровно передъ тѣмъ, какъ уже оставалось только раскланяться.

По сущей справедливости и въ самомъ дѣлѣ, что это такое: дурное ли домашнее воспитаніе или доведенная до излишества поющая французская манера, противная русскому вкусу и непріятная для слуха? Принята ли она на вѣру, и притомъ не изъ первыхъ рукъ, или, по щучьему велѣнью и своему хотѣнью, приноровлена къ привычнымъ слушателямъ? Во всякомъ случаѣ, здѣсь оказался конецъ всѣмъ этимъ обманнымъ поддѣлкамъ трагическаго закала. Это были послѣдніе вздохи героя, съ совершеннымъ уходомъ котораго со сцены, понемногу стали навсегда смолкать звуки трагическаго рева. Л. Л. Леонидовъ, вызванный изъ Москвы, по чрезвычайному и особому назначенію, на мѣсто Каратыгина, при всей своей добросовѣстности и полномъ усердіи, ничего уже не могъ сдѣлать: отошло время. Стали уходить въ преданіе эти смѣшные пріемы и увели вмѣстѣ съ собою во тьму забвенія и тѣ ложно-классическія и лживо-патріотическія издѣлія Нестора Кукольника, которыми до сихъ поръ вдохновлялись. Довольно было вздутыхъ обмановъ, натянутыхъ позъ, накрахмаленныхъ чувствъ и фразъ! Видимо, вдоволь наслушавшіеся и впрямь пожелали отдохнуть и стали протирать глаза, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребовали чего-нибудь новаго и, по мѣрѣ возможности, веселаго и развлекающаго.

Однимъ изъ первыхъ догадался объ этомъ,—хотя и неудачно,— В. В. Самойловъ. Онъ твердымъ шагомъ выступилъ изъ-за кулисъ на то же мѣсто на сценѣ, гдѣ еще такъ недавно стоялъ накрахмаленный Каратыгинъ; онъ въ тѣ же антракты выдумалъ показывать это самое „новое“. Ревнуя воинственному азарту воеводы Пальмерстона и завидуя легко добытой славѣ и необычайно быстрому распространенію извѣстной пѣсенки о немъ, Самойловъ, неуклюжей походкой, совершенно неузнаваемымъ, при мастерской гримировкѣ, вышелъ на сцену и запѣлъ, т. е. сталъ разсказывать, какъ „лайба былъ моя не пустъ, когда плылъ на Тавасгустъ,—и вѣтеръ былъ, и лайба плылъ, и я ошень рада былъ... А теперь пропалъ весь грузъ, какъ пришла англо-францусъ“ и т. д. Пѣсенка въ то напряженное время, когда стоялъ Непиръ съ англійскимъ флотомъ подъ Кронштадтомъ, была оцѣнена и удержалась на короткое время въ требованіи на рынкѣ. Поетъ онъ о большомъ своемъ горѣ: цѣлую лайбу съ салакой англичане взяли, какъ военный призъ,—поетъ и плачетъ, а самъ приплясываетъ. Возникало, однако, недоумѣніе: зачѣмъ понадобилось Самойлову изъ бархатныхъ панталонъ герцога Ришелье переряжаться въ сермяжные штаны чухонца? Стоило ли, вмѣсто шапки московскихъ царей, хотя бы и „малаго наряда“, нахлобучивать шляпу, нарочно лишь для этого исключительнаго случая купленную костюмеромъ на Толкучемъ рынкѣ? Чухонецъ стоялъ на сценѣ живьемъ: и съ коротенькой трубкой, и съ небритымъ подбородкомъ,—вотъ точно тотъ самый, который сегодня утромъ приносилъ на кухню масло или на дорогѣ въ театръ продавалъ съ возу березовыя дрова. Самойловъ передразнилъ чухонца превосходно: charge вышелъ перваго сорта, настоящій французскій, — совсѣмъ, какъ у Левассера.

Однако, вскорѣ же оказалось, что публикѣ не того надо. Чухонецъ, правду сказать, нѣсколько возбудилъ ее, хотя тутъ уваженія къ изящному искусству, къ отечественной сценѣ и къ этой самой русской и почтеннѣйшей публикѣ и на пару салакушекъ не оказывалось. Видимо, всѣ зрители встрепенулись, даже пришли въ очевидный азартъ: стучатъ стульями. Изъ ложъ и партера доносятся ясно выраженныя и громко высказанныя требованія.

— На надо балагана, да не надо и классическихъ ходульныхъ героевъ: Севастополь показалъ въ-явѣ такихъ, какихъ не видывали съ самыхъ далекихъ миѳическихъ Троянскихъ временъ. Давайте правду, ту голую правду, которая хотя и колетъ глаза, но хороша и любопытна тѣмъ, что отлично ихъ прочищаетъ; позволяетъ она разглядѣть и разобраться въ тѣхъ домашнихъ недостаткахъ, которые до сей поры почему-то прятали за спинами небывалыхъ героевъ. Видите сами, теперь настало время покаянія и исправленія, всѣ начали чиститься и охорашиваться,—такъ покажите и вы намъ способы и дайте орудія. Не даромъ же у васъ на сценѣ гостили и Грибоѣдовъ, и Гоголь, и вотъ выступилъ новый, не менѣе ихъ сильный, Островскій. Давайте же эту голую правду,—мы ея теперь уже совсѣмъ не боимся! А то вотъ стоятъ съ глупымъ, тупымъ взглядомъ и разинутыми ртами коренные русскіе люди изъ московскихъ мастеровыхъ и не знаютъ, какъ и чѣмъ лучше зарядить противъ англичанина пушку: ядромъ или бомбой.

— Горбунова! Браво, Горбуновъ, бисъ-бисъ!—Всѣ увлеклись такъ, что забыли всякое чувство сострадания и деликатности, доводя артиста до изнеможенія. И снова „бисъ“, пока у самихъ не перехватитъ въ горлѣ и станетъ больно кричать и пока не потушатъ люстры и внушительно не посовѣтуютъ расходиться. Можно уйти до завтра, до послѣ-завтра и такъ далѣе въ безконечность, въ теченіе болѣе сорока лѣтъ артистической жизни нашего незабвеннаго и несравненнаго разсказчика,—и все-таки слушать его и не наслушаться.

— Вѣдь это настоящій, живьемъ взятый, квартальный надзиратель, посаженный за столъ и приступившій къ утреннимъ занятіямъ; онъ послѣ вчерашняго перегула приказалъ вѣстовому приготовить себѣ селедку съ яблоками.

— Вотъ это вѣрно: узнаемъ своихъ и самихъ себя. Спасибо за то, что сквозь скрытыя, непоказныя слезы продолжаютъ учить насъ честному, здоровому смѣху. Не отнимайте зеркала: не станемъ пенять на него, ежели у насъ крива рожа.

Появленіе Горбунова съ необыкновеннымъ успѣхомъ на первыхъ же порахъ на сценѣ, въ тѣхъ же антрактахъ, было въ самомъ дѣлѣ очень знаменательно. Оно благопріятно совпало съ эпохою всенароднаго покаянія, очищенія и всевозможныхъ преобразованій. Горбуновъ счастливъ былъ именно тѣмъ, что выступилъ на ту же дорогу, которую широко и надежно проторилъ учитель его—А. Н. Островскій; онъ же былъ и покровителемъ этого необыкновеннаго самобытнаго таланта, невиданнаго и неслыханнаго образца.

Ничто не помѣшало его быстро возраставшему успѣху съ первыхъ словъ и начальныхъ шаговъ. Французъ Левассеръ, съ мастерской гримировкой и быстрыми переодѣваньями, лишь укрѣпилъ и узаконилъ частыя появленія на сценѣ новаго особеннаго комика, дѣйствовавшаго и безъ гримировки, и безъ переодѣваній. Не могла сломить успѣховъ и затмить славу и явившаяся вскорѣ за нимъ, изъ тѣхъ же странъ, заѣзжая гостья, беззаботно-веселаго нрава, съ вызывающе-дерзкой улыбкой, безстыжая оперетка. Волчкомъ, съ гуломъ и визгомъ, ворвалась она и загудѣла по театральнымъ заламъ; но вскорѣ спохватилась, какъ бы устыдившись того, что ошиблась заломъ и не туда попала. Однако, шалунья немало начудила и много надурачилась [напримѣръ, Садовскаго одѣвала въ шутовской костюмъ аркадскаго принца]. Во всякомъ случаѣ, шутя и лукаво подсмѣиваясь, она съумѣла окончательно изломать въ щепы театральныя ходули, оставила заразу беззавѣтнаго веселья и научила безобидному смѣху. И эта неожиданная случайность подоспѣла во-время и удачно угодила на-руку, усиливъ успѣхи новаго комика: ему привелось дѣйствовать именно въ это время, когда еще не соскользнула у всѣхъ съ устъ улыбка и въ глазахъ искрилось доброе и веселое настроеніе.

Горбуновъ явился на Петербургской сценѣ послѣ того, какъ успѣлъ уже очистить свое самородное дарованіе отъ Самойловскихъ шаржей и соблазновъ Каратыгинскими ловкими поддѣлками въ высшей московской школѣ кружка „Москвитянина“. Въ центрѣ его стоялъ Островскій, а рядомъ съ нимъ—высоко-талантливый его исполнитель, артистъ Садовскій. Первый пригласилъ его тотчасъ же къ себѣ жить; второй, своимъ своеобразнымъ способомъ проявленія сочувствія и дружбы, попросилъ коротко:

— Приходите ко мнѣ каждый день.

„И сталъ я къ нему ходить каждый день“,—благодарно вспоминалъ Горбуновъ впослѣдствіи.—„Привязался я къ этому рѣдкому человѣку и геніальному артисту всей душой и пользовался его взаимной любовью до конца его дней“.

П. М. Садовскій, хотя прямымъ путемъ и непосредственно былъ ученикомъ М. С. Щепкина и самымъ передовымъ послѣдователемъ его школы, въ свою очередь, внесъ также въ игру новыя начала. Онъ показалъ, что можно и обязательно слѣдуетъ передавать характеры во всей ихъ цѣлости и истинѣ, не прибѣгая ни къ какому искусственно сценическому оживленію своей роли. И Горбуновъ, слѣдуя этому завѣту, былъ такимъ же строгимъ и безкорыстнымъ исполнителемъ этихъ новыхъ требованій искусства, благодаря именно вліянію Садовскаго. Литературный и художественный кружокъ Островскаго былъ,—какъ выразился одинъ изъ его членовъ,—„хранительною школою, которая развила и утвердила въ добрыхъ навыкахъ рѣдкое и въ своемъ родѣ единственное дарованіе Горбунова". Выдающеюся чертою кружка была любовь къ русскому народу, полная уваженія къ величію его внутренняго духовнаго образа и къ родному, собственно народному, языку, со всѣми его безконечно разнообразными и своеобразными оттѣнками. Второю, весьма важною для Горбунова, чертою кружка, была его непримиримая ненависть къ фарсу и шаржу, т. е. ко всякому излишеству и нарушенію мѣры; третьею же—почти повальное остроуміе, остроуміе самое тонкое, неистощимое и разнообразное. Пока еще онъ свѣжъ и живъ у всѣхъ въ памяти, говорить многаго не приведется, такъ какъ желательно лишь напомнить о такой крупной театральной утратѣ.

Когда подводились итоги 25-ти-лѣтней сценической дѣятельности Горбунова [21 ноября 1880 года] и опредѣлялась цѣнность его художественнаго таланта, Т. И. Филипповъ, одинъ изъ искреннихъ его друзей и одинъ изъ самыхъ раннихъ свидѣтелей его творческихъ опытовъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

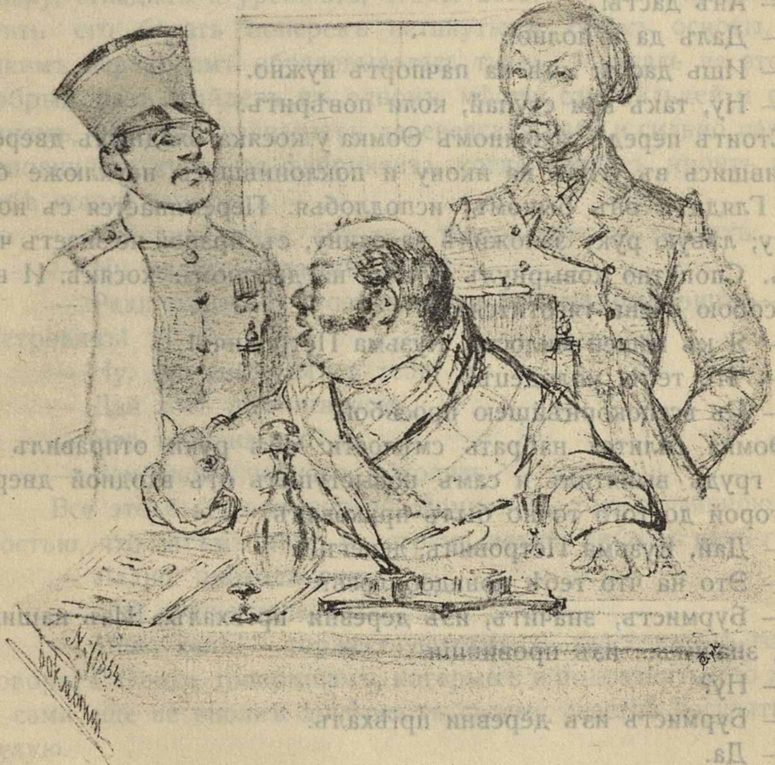
„Онъ—плодъ того же дерева, онъ—кость отъ кости того кружка и плоть отъ плоти его. Въ немъ, какъ въ превосходно избранной особи, проявились всѣ лучшія черты рода. Развѣ есть художникъ, который способенъ тоньше его постигнуть всѣ неуловимые изгибы русской народной рѣчи? Я разумѣю тутъ не одну бытовую рѣчь, которая составляетъ вещество его безподобныхъ разсказовъ и которою онъ владѣетъ и распоряжается съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ. Нѣтъ!—ему въ равной степени открыта тайна недосягаемой прелести идеальнаго художественнаго языка русской пѣсни. И языкъ нашихъ древнихъ памятниковъ ему свой. Кому не извѣстны слаженныя имъ на древне-русскомъ языкѣ донесенія боярина XVII вѣка царю о путешествіи его въ Эмсъ, которыя сбили съ толку изслѣдователей старины, недоумѣвавшихъ, какимъ образомъ въ XVII вѣкѣ могла существовать въ Европѣ рулетка? Затѣмъ, развѣ есть на свѣтѣ художникъ болѣе Ивана Ѳедоровича строгій въ соблюденіи чувства мѣры? Развѣ кто-нибудь слышалъ когда-либо исшедшій изъ устъ его фарсъ? Что касается остроумія, то Ивана Ѳедоровича можно безъ разговоровъ признать его олицетвореніемъ. Всѣ его безконечно разнообразные разсказы, исполненные высшей юмористической прелести и давшіе каждому изъ слушавшихъ его такую бездну художественнаго наслажденія, отъ начала до конца, отъ перваго слова до послѣдняго составляютъ развитіе одной сплошной массы остроумія, веселаго, свободнаго, тонкаго, неотразимаго, все себѣ подчиняющаго".

Другой изъ близкихъ къ нему людей сказалъ, между прочимъ, какъ бы въ дополненіе:

„Вы до того проникнуты народнымъ духомъ, до того вы, плотью и кровью,—русскій человѣкъ, что безъ всякаго труда овладѣваете типичнымъ языкомъ древней русской жизни и входите въ тайники ея міросозерцанія. Не однимъ изученіемъ древнихъ письменъ русскихъ вы достигли этого: многое подсказано тѣмъ инстинктивнымъ чувствомъ, тѣмъ чутьемъ, которое присуще всякому человѣку, носящему въ груди своей свѣточъ генія своего народа. Этотъ свѣточъ, при вашемъ талантѣ, придаетъ поразительную правду и силу вашимъ произведеніямъ. Къ вамъ болѣе, чѣмъ къ кому-либо, примѣняется русская поговорка: „сказалъ, что узломъ завязалъ“,—такъ много мѣткости, такая сила и крѣпость затянутаго узла во всемъ томъ, что выходитъ изъ-подъ пера вашего или, въ формѣ разсказовъ, изъ устъ вашихъ! И если несомнѣнно, что народныя пѣсни и сказки, народныя поговорки и пословицы составляютъ ту сокровищницу, на днѣ которой хранятся безцѣнныя нравственныя и умственныя богатства каждаго народа, то несомнѣнно также и то, что своими разсказами и литературными трудами вы пріумножили богатства этой родной нашей сокровищницы, сослуживъ тѣмъ немалую службу своей родинѣ“.

Эти привѣтственныя слова, обращенныя къ живому, радостно ликовавшему на своемъ, по достоинству заслуженномъ, праздникѣ, вызванныя теперь памятью изъ давняго прошлаго,—пусть на этотъ разъ зачтутся надгробнымъ словомъ! 24-го декабря минувшаго года исполнилась первая годовщина со дня потери этого незамѣнимаго художника слова и вѣрнаго, не притворнаго или случайнаго, но истиннаго и честнаго служителя изящнаго искусства, по прямому избранію и несомнѣнному призванію.

С. Максимовъ.



Максимов

См. +

Неподражаемый разсказчикъ.

[По воспоминаніямъ объ И. Ѳ. Горбуновѣ].

— Слышь, братъ—ребята! Пойдемъ въ Осударевъ Садъ смотрѣть, какъ пузыри будутъ пущать.

— Чего тамъ не видали?

— Ужъ очень, братцы, любопытно! Придѣлаютъ, знашь, эдакъ къ пузырю лодочькю: баринъ съ барыней сядутъ и полетятъ. Очень это — сейчесы умереть! — любопытно!

— Ну, такъ что-жъ? Поди просить у хозяина.

— Что-жъ ты думаешь, не попрошусь, что ли?

— Поди-ко намырнись,— онъ тѣ дастъ!

— Анъ дастъ!

— Далъ да и полно!

— Ишь дастъ: мнѣ на пачпортъ нужно.

— Ну, такъ ври ступай, коли повѣритъ.

Стоитъ передъ хозяиномъ Ѳомка у косяка входныхъ дверей, помолившись въ уголъ на икону и поклонившись неуклюже бокомъ. Глядитъ онъ быкомъ, исподлобья. Переминается съ ноги на ногу; лѣвую руку заложилъ за спину, съ правой не знаетъ что дѣлать. Спопутно ковырнулъ сучокъ на дверномъ косякѣ. И вообще собою очень тяготится.

— Я къ вашей милости, Кузьма Петровичъ!

— Что тебѣ, молодецъ?

— Съ всепокорнѣйшею просьбой.

Ѳомка силится набрать смѣлости: обѣ руки отправилъ за спину, грудь выпятилъ и самъ повыступилъ отъ входной двери, къ которой до того точно былъ прикованъ.

— Дай, Кузьма Петровичъ, денегъ.

— Это на что тебѣ понадобилось?

— Бурмистъ, значитъ, изъ деревни пріѣхалъ... Изъ нашихъ мѣстъ, значитъ... изъ провинціи.

— Ну?

— Бурмистъ изъ деревни пріѣхалъ.

— Да.

— Давай, говоритъ, денегъ. А не то, такъ...— на чугунку.

Повернулъ правую ногу, и оглядываетъ на сапогѣ закоблучье.

— Либо-де денегъ... бурмистъ-отъ...

— Слышалъ я это отъ тебя.

— А либо-де... на чугунку.

На послѣднее слово особенно напираетъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ является уже и виноватымъ и приговореннымъ къ высылкѣ изъ веселой столицы въ скучную деревню,—можетъ быть даже и по этапу.

— А ужъ вы, Кузьма Петровичъ, не сумлѣвайтесь, — заслужимъ вашей милости.

И голосъ какъ будто дрожитъ отъ подступающей и непрошенной слезы.

— Много ли тебѣ нужно?

— Дай десять цалковенькихъ.

— Ладно, — приходи завтра утречкомъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, Кузьма Петровичъ.

Встряхнувъ волоса на лобъ,—поклонился. Вдругъ осмѣлѣлъ: сдѣлалъ еще два шага впередъ; обѣими руками подбоченился и заговорилъ смѣлѣе и громче.

— Кузьма Петровичъ!

— Ну, что еще? Уходи,— надоѣлъ.

— Что ты мнѣ вечоръ утòкъ-отъ далъ: ужъ и этакая-то рвань! Я, значитъ, его подвязалъ да натянулъ покрѣпче. Основу-ту, значитъ, проклеилъ: теперь хорошо будетъ.

Выхвастываясь сметкой своей, обѣими руками показывалъ, какъ онъ эту самую нитку — утокъ, намотанную на шпульку или цѣвку, огладилъ и уровнялъ, чтобы вставить въ челночокъ и пустить его бѣгать поперекъ натянутыхъ нитокъ основы, чтобы такимъ переборомъ образовывалась ткань. Миткаль на этотъ недобрый разъ выйдетъ въ одномъ мѣстѣ съ гнильцей и съ изъянцемъ, неистово взвизгнетъ деревенская баба и сильно изругаетъ неповиннаго купца за фабриканта, когда начнетъ кроить и шить себѣ новый сарафанъ.

— Не сумлѣвайся, хозяинъ: теперь хорошо сойдетъ.

— Ну, ладно, — спасибо тебѣ!

— Ради стараться твоей милости, Кузьма Петровичъ.—Кузьма Петровичъ!

— Ну, что еще тамъ у тебя?

— Дай хоть полтинничекъ.

— Это тебѣ на что?

— Земляковъ чайкомъ похолить.

Все это было выговорено Ѳомкой съ тою отчаянною рѣшимостью, что затѣмъ либо въ стремя ногой, либо въ пень головой.

— Ладно: приходи ужо.

— Дай лучше тепереча.

— Ишь, далъ! — торжествующимъ и хвастливымъ голосомъ говоритъ Ѳомка товарищамъ, которымъ и подразнить его хочется, и сами еще не вполнѣ довѣряютъ своему счастію погулять не въ сухую.

— Далъ, да и полно!

— А вишь онъ!

Въ раскрытомъ кулакѣ правой руки и наглядное доказательство предъявлено на лицо.

Въ то время, когда въ Москвѣ серебряные полтинники были не въ диковину, какъ въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ потомъ, монета этого сорта попадалась совсѣмъ истертая, слѣпая; поцѣльнѣе обращались только полновѣсные цѣлковые и между ними попадались нерѣдко старинные „крестовики“ съ отчеканеннымъ большимъ крестомъ матушки царицы Екатерины. Обращались въ народной массѣ и крупные четвертаки съ надписью „полуполтинникъ“. Двугривенные и пятиалтынные различались, сверхъ величины своей, еще четырьмя или тремя точками по ободкамъ монетъ. Разгуливали они, впрочемъ, по всѣмъ базарамъ въ такомъ истертомъ до неузнаваемости видѣ, что только на взаимномъ довѣріи двухъ сторонъ принимались въ свою цѣну. Однакоже оставалось обширное поле для недоразумѣній и пререканій у покупателей съ торговцами, у сѣдоковъ съ городскими извозчиками: возьмешь голый пятиалтынный, отдавай его за гривенникъ, либо приглашай болѣе зрячаго и опытнаго, но и такой зачастую махалъ рукой и отходилъ прочь, не разрѣшивъ мудренаго вопроса. Сверхъ всего ходила эта голая монета въ большомъ количествѣ съ просверленными дирочками, наплывала она изъ-за Волги, черезъ Нижегородскую ярмарку, отъ инородцевъ, у которыхъ служила головнымъ и шейнымъ украшеніемъ женщинъ.

Тѣмъ не менѣе и совсѣмъ голый полтинникъ стоилъ не 50 копеекъ нынѣшнихъ, а оцѣнивался въ рубль семьдесятъ пять копеекъ. Давно уже былъ введенъ и узаконенъ курсъ на серебро, но Москва, а за ней и вся Русь еще долго вела счетъ на ассигнаціи. За мѣдный пятакъ давали большой калачъ; пара чаю въ харчевняхъ и трактирахъ стоила мѣдную гривну, и въ самыхъ лучшихъ трактирахъ собирали за 25 копеекъ ассигнаціями того же чаю три пары: подавали шесть кусковъ сахару и чайнаго настоя на цѣлый часъ времени для питья и разговоровъ. 25 копеекъ—четвертая часть рубля—давала право вымыться въ чистыхъ „дворянскихъ“ баняхъ, по этой причинѣ обычно называвшихся четвертными; въ Егоровскомъ трактирѣ, въ Охотномъ ряду, на тѣ же 25 копеекъ можно было получить цѣлую дюжину горячихъ и вкусныхъ блиновъ и со снятками, и съ рублеными яйцами. Во всякомъ случаѣ полученный Ѳомкой отъ хозяина полтинникъ обезпечивалъ впереди много удовольствій не для него одного, но и для всѣхъ трехъ его товарищей. Честь ему молодцу и хвала, что умѣлъ молодецъ говорить съ хозяиномъ и на него потрафить!

Такими жизненными и правдивыми картинками началъ И. Ѳ. Горбуновъ свои, столь всѣмъ извѣстныя, характеристики московскихъ купцовъ и фабричныхъ. Съ цѣльнымъ разсказомъ о „гулянкѣ“ ребятъ, для котораго приведенныя двѣ сценки служили лишь вступленіемъ,—явился нашъ незабвенный, незамѣнимый и неподражаемый разсказчикъ на судъ знаменитаго русскаго драматурга А. Н. Островскаго въ 1853 году. Надо было много рѣшимости для скромнаго и безвѣстнаго молодого человѣка, жившаго въ темной долѣ и приниженной средѣ, чтобъ отдать себя оцѣнкѣ и остановить на себѣ вниманіе такого знатока московской жизни, который успѣлъ уже къ данному времени предъявить и изумительную наблюдательность, и силу художественнаго таланта, даже въ самыхъ первыхъ небольшихъ сценахъ, каковы „Картина семейнаго счастія“, напечатанная въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“ въ 1847 г. [№ 60]. Похвалъ и одобреній своего кружка для полной увѣренности въ себѣ было недостаточно для начинающаго, — довольно того, что настойчивыя убѣжденія товарищей и требовательныя настоянія ближайшихъ изъ нихъ поддержали рѣшимость. Все остальное далось просто и желаемое осуществилось въ полную мѣру.

Оказалось изумительнымъ мастерство быстро измѣнять тоны голоса и попадать именно въ тотъ, который наиболѣе обыченъ у изображаемаго лица. Въ особенности поразительно было искусство вести цѣлыя разговорныя сцены одного человѣка за многихъ и притомъ такъ, что изъ сосѣдней комнаты обманчиво казалось, что бесѣдуютъ между собою нѣсколько лицъ. Обаяніе измѣнчивою мимикою и гибкою декламаціей, какъ основнымъ свойствомъ этого артистическаго дарованія, было полное. Интересъ возрасталъ по мѣрѣ того, какъ разсказчикъ, уведя своихъ фабричныхъ на гулянку, неожиданно ставилъ ихъ въ различныя положенія, наталкивая ихъ на разнообразныя встрѣчи, большею частію неудачныя, но для Москвы того времени обычныя и законныя.

Вотъ эти бойкіе и задорные гуляки съ полтинникомъ въ карманѣ на всю братію, передъ воротами „Осударева сада“, того изрѣженнаго и запущеннаго сада на одной изъ дальнихъ окраинъ [за Яузой и Нѣмецкой слободой], примыкающаго къ зданіямъ бывшаго Головинскаго дворца, гдѣ помѣщается теперь 1-й московскій кадетскій корпусъ. Въ то далекое время допускались здѣсь различныя представленія, преимущественно полеты воздушныхъ шаровъ-аэростатовъ.

Ворота по этому исключительному случаю, конечно, заперты, но огромная толпа безплатныхъ зрителей увѣренно разсчитываетъ на наслажденіе рѣдкостнымъ зрѣлищемъ даровымъ способомъ. Ее устраиваютъ, усмиряютъ и осаживаютъ, но неунывающіе ребята фабричные привычнымъ опытомъ не только не слушаются, но отчаянно напираютъ. Ѳомка находитъ даже достаточно смѣлости въ себѣ, чтобы производить по сторонамъ наблюденія, дѣлать замѣчанія и задирать сосѣдей.

— Глянь-ко, Теренька, какой у барина картузъ: козырь-то словно лопата.

Подхваченное дружнымъ смѣхомъ замѣчаніе услыхалъ этотъ баринъ изъ того множества чудаковъ, которые разгуливали на московскихъ улицахъ въ оригинальныхъ костюмахъ: въ венгеркахъ, поддевкахъ и проч. Они принадлежали къ различнымъ классамъ общества, включительно до извѣстнаго всей Москвѣ врача-филантропа, дѣйствительно выдѣлявшагося необыкновеннымъ головнымъ уборомъ.

Осмѣянный баринъ разсердился: пообѣщалъ раскроить всю рожу, а потомъ стащить въ Басманную часть и попросить тамъ выпороть. Надо было оправдываться, отыгрываться, главное — пятиться прочь, потому что могло обѣщаніе сбыться.

— Мы ничего-съ. Вы не сумлѣвайтесь.

— Мы не про васъ, судырь!

— Какой, братцы, капрызной!

— Ужъ оченно, ребята, больно серьезной! — отшучивались гуляки, однако значительно осадивъ назадъ и въ сторону отъ задѣтаго и обидѣвшагося. Къ счастію ихъ, сейчасъ же наступилъ и ожидаемый моментъ начала зрѣлища.

— Ѳомка, летитъ!

— Ишь ты, какъ высоко!

— Ѳомка, „мѣрютъ“!

То-есть мѣряютъ или, проще, начали дѣйствовать казаки нагайками, разрѣжая навалившуюся на садовыя ворота кучу зѣвакъ, беззаботно и страстно увлекшуюся удавшимся взлетомъ шара съ людьми, который потомъ началъ плавно и ровно подниматься къ облакамъ.

— Ѳомка, чортъ, мѣрютъ.

Но онъ уже зазѣвался, не слыхалъ товарищескаго предупрежденія и получилъ такое воздаяніе, что вмѣсто „очень высоко“ вынужденъ былъ, отчаянно схватившись за спину, закричать во все горло: „ужъ очень, братъ, больно“.

Товарищи успокоиваютъ:

— Вѣдь, говорили тебѣ, кажется.

Сосѣди громко гогочутъ:

— Глядите-ко, у парня на спинѣ какой рубецъ казакъ вырѣзалъ!...

Послѣ того тѣ же гуляки очутились въ новомъ положеніи и оказались на другомъ мѣстѣ, совершенно въ противоположномъ концѣ,—у Чудова монастыря. Здѣсь ожидается архіерейская служба. На крыльцѣ передъ входною дверью разыгрываются обычныя въ этомъ случаѣ сцены: производится полицейскій распорядокъ. Частный приставъ говоритъ своему подручному изъ городовыхъ. извѣстныхъ въ Москвѣ подъ общимъ названіемъ „фараоновъ“:

— Кондратьевъ! Пока владыка не пріѣдетъ, чтобъ ни одинъ каналья здѣсь не проходилъ.

Разгулявшійся Ѳомка все это ясно слышитъ, но и тутъ не унываетъ и, подъ вліяніемъ обычнаго бойкимъ фабричнымъ бахвальства, опять готовъ лѣзть на бѣду: имѣетъ много къ себѣ довѣрія, по опыту прежнихъ уличныхъ схватокъ, требующихъ особой находчивости и ловкости. Хвастливымъ тономъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, говорилъ Ѳомка и на этотъ разъ:

— Какъ я мимо жандарма пройду, такъ вы всѣ за мной гуськомъ и ступайте.

— Поди-ко намырнись, онъ теѣ фонарь-то подставитъ. Онъ, братъ, знаетъ въ какое мѣсто лучше угодить.

— Ничего: я намеднясь проходилъ.

Бахвалъ увлекся такъ, что вовсе не сознавалъ, какъ вообще это трудно сдѣлать, а въ особенности теперь, когда, по приказу самого частнаго, городовой Кондратьевъ заскорузлой и опытной въ бояхъ рукой, ухвативъ огромную, жесткую, какъ лубокъ, форменную рукавицу жандарма съ раструбами, сдѣлалъ сильную цѣпь. Не обращалъ Ѳомка никакого вниманія и на то, какъ всѣ мольбы и просьбы о пропускѣ въ церковь грубо и упрямо отклонялись. Купецъ, очистивши себѣ пузомъ дорогу, напрасно пробовалъ размягчать сердце острасткой, указывая на свое право почетнаго гражданства.

— Да мнѣ хоть самъ графъ будьте, коли не велѣно, не пущу.

Подъ нарицательнымъ именемъ графа разумѣлось собственно одно лицо, на всю столицу грозное по старинѣ, немилостиваго воеводы града Москвы тѣхъ строгихъ временъ. Голая, какъ ладонь, голова его, какъ острили исподтишка рядскіе молодцы, съ лысиной до пятъ, и гладкое лицо, подобное истертому полтиннику тѣхъ же временъ, возбуждая страхъ и трепетъ, заставляли стремительно обнажать головы всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Всякій останавливался и, подхвативъ животъ обѣими руками, кланялся въ поясъ, вовсе не разсчитывая получить отвѣтный кивокъ головы: только самые именитые благотворители иногда его удостоивались.

Почетный гражданинъ на глазахъ ребятъ стоитъ на своемъ. Пререканія продолжаются, но Ѳомка и знать о томъ не хочетъ.

— Нельзя. Никакъ невозможно, коли высшее начальство не позволяетъ. Я бы и самъ у казарму ушелъ, да не приказано.

Только одинъ разъ умягчилась стража въ силу особаго распоряженія частнаго пристава въ пользу беззубой и сгорбленной старухи, которая не столько шамшаньемъ, сколько слезливыми глазами вымолила себѣ разрѣшеніе, и то не сразу:

— Нельзя, старуха, нельзя, — хрипѣлъ самъ приставъ, не то надорваннымъ, не то простуженнымъ голосомъ, но ласково, мягко и успокоительно. И потомъ вдругъ и неожиданно уступилъ:—Пропустите старуху, пусть за моихъ дѣтей Бога молитъ.

— Проходи, старуха, вонъ на самый на верхъ. Видишь тамъ большой образъ налѣво, молись за его высокоблагородіе! — объяснялъ жандармъ съ малороссійскимъ акцентомъ въ говорѣ.

Это исключеніе передъ прочими дало Ѳомкѣ смѣлость: когда солдатъ разрушилъ цѣпь, освободилъ руку, чтобы показать старухѣ на паперти тотъ самый большой образъ, съ изображеніемъ Страшнаго суда, Ѳомка призналъ самымъ удобнымъ моментомъ для пролаза. Съ наклоненной головой, какъ козелъ въ дракѣ, и въ надеждѣ на лобъ, ринулся парень къ живой цѣпи, но она успѣла уже снова сомкнуться, именно въ этомъ несокрушимомъ своемъ звенѣ. Здѣсь неожиданно и быстро — глазомъ не успѣлъ мигнуть! — получилъ онъ подъ правый глазъ такой ударъ, что изъ него посыпались искры и изготовилось мѣсто для обиднаго синяка.

— Нынче больно строго стало!—пробовалъ было Ѳомка изловчиться оправданіемъ въ своей неудачѣ, когда протискался назадъ къ товарищамъ. За плюхой онъ не гонялся,—такъ ей и быть слѣдовало,—а вотъ не удалось выхвастаться: хуже этого ничего быть не могло.

— Нынче порядки другіе: вовсе строго стало!

— Да и лѣтось такъ же было!—вылетѣла изъ толпы та всегда готовая къ услугамъ неизмѣнно-безжалостная насмѣшка, которая ради краснаго словца всегда готова на кончикѣ языка и срывается съ него неожиданно и быстро. На это въ особенности досужлива, находчива и искусна была орава зазывальщиковъ въ Ножовой линіи Гостинаго двора.

— Вонъ у него какой здоровый фонарь-то выгорѣлъ!

— Пойдемъ, ребята, отсюда. Пойдемъ на Иванѣ Великомъ слова читать.

— Ну, да оно теперь тебѣ съ фонаремъ-то видно будетъ!— снова влетѣло въ ухо изъ толпы новое замѣчаніе, острое, какъ шило, и ядовитое теперь, какъ пчелиное жало.

Словъ на колокольнѣ Ивана Великаго, конечно, не прочитали: и высоко, подъ самою главой, написано, и слѣпо кажется, лучше узнать по готовому въ печатной книжкѣ. Впрочемъ, не въ этомъ собственно заключался вопросъ. Мирная прогулка наладилась,— не хочется ее такъ скоро кончать: надо еще походить и поглазѣть, хочется еще при случаѣ прихвастнуть и побахвалить. Вотъ по пути на Красной площади, передъ наглухо-запертымъ Гостинымъ дворомъ, стоитъ памятникъ Минину и Пожарскому, а на гранитномъ пьедесталѣ свѣтится золотая надпись.

— Ну-ка, Ѳомка, читай, что тутъ написано.

— Я, братъ, очень превосходно знаю, что тамъ написано-то.

— Коли подлинно знаешь, скажи намъ.

— Чего сказать? Я читалъ.

— Знаемъ мы, какъ ты читалъ. Ну-ко, Теренька, прочитай за него.

Долго глядитъ Теренька на надпись, долго шевелитъ губами, бурчитъ про себя и мѣстами вслухъ; разъ высморкался, разъ смахнулъ со щеки правою рукой словно бы муху, надвигался впередъ, заглядывалъ сбоку и наконецъ прочиталъ:

— Гражданскому Мину... и князю Пожарному благородная Расея... лѣтомъ.

Обнаружился такимъ образомъ такой грамотей, который у ткацкаго станка началъ терять секретъ установки всѣхъ буквъ кряду, не проглядѣвъ ни одной и опредѣляя всѣ и каждую на свое мѣсто. Остался одинъ выходъ, чтобы перехвастать Ѳомку и не осрамиться передъ товарищами: пройтись съизнова въ третій и четвертый разъ по верхамъ и удариться посмѣлѣй и возможно поскорѣй въ догадку. Арабскія цифры въ цѣльной тысячѣ уже только пестрѣли въ глазахъ въ раздробь и каждая сама по себѣ, и изъ нихъ никакого слова не обозначилось.

На этомъ и конецъ похожденіямъ по улицамъ, оконченнымъ, конечно, въ трактирѣ за чаемъ.

Разсказъ, какъ видитъ читатель, относится къ тѣмъ временамъ, когда еще господствовало крѣпостное право, и хотя оно уже изживало послѣднія 5—6 лѣтъ, однако еще опиралось на многія вѣковыя полусгнившія сваи. Между ними не изъ послѣднихъ, какъ памятно всѣмъ, торчала вбитою въ народную почву здоровая дубовая свая въ формѣ и видѣ всесильнаго старосты изъ крестьянъ, котораго поставляли помѣщики отъ себя для управленія вотчинами и называли чужимъ именемъ, съ нѣмецкаго образца, бурмистромъ.

На этотъ разъ и въ свою очередь можно и намъ покончить съ комментаріями, вызванными собственно тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ разсказъ И. Ѳ. Горбунова былъ изъ починныхъ, первою его пѣсенкой, которую, по мѣткому пословичному выраженію, зардѣвшись поютъ. Начальный тонъ запѣвки схваченъ смѣло и вѣрно, но голосъ еще не совсѣмъ налаженъ и не разошелся, мѣстами срывается и фальшивитъ, хотя ясно обнаруживаетъ свою силу, гибкость и красоту. Чего-то еще недостаетъ и что-то слышится лишнее. На широкой канвѣ вышиты разнообразные узоры въ разсчетѣ представить цѣльную картину: въ общемъ видна и новизна композиціи, и счастливый замыселъ, и ловкіе пріемы въ наложеніи красокъ, но мѣстами выдѣлялись не къ мѣсту наложенные колера, и выходило пестро, хотя и очень ярко. Полной художественной картины нѣтъ. Это, впрочемъ, хорошо понималъ и самъ художникъ: картины своей онъ на публику не выставлялъ, а оставивъ ее у себя на дому, прикрылъ ее еще сверхъ всего густою занавѣской: въ Петербургѣ никто этого разсказа отъ самого автора не слыхалъ; въ сборникѣ своихъ сочиненій онъ его не помѣщалъ; безплодны были всѣ наши дружныя усилія упросить его вспомнить и передать.

Возстановляю его теперь по той записи, которая сдѣлана мною въ свое время по горячимъ слѣдамъ, хотя и съ чужихъ словъ, но отъ лица, владѣвшаго способностью очень точнаго подражанія и поразительною памятью. Какъ прекрасный этюдъ, какъ посмертное произведеніе предъявляю его по слѣдующему поводу. Имѣю намѣреніе собрать и сохранить многое изъ забытаго покойнымъ или небрежно брошеннаго за недосугомъ, въ постоянной спѣшкѣ жить и наблюдать и по инымъ причинамъ, составляющимъ тайну, унесенную имъ въ гробъ. На память его многихъ друзей и многочисленныхъ почитателей заношу и этотъ запоздалый, полузабытый авторомъ разсказъ, цѣня въ немъ то значеніе здороваго зерна, брошеннаго счастливою и удачливою рукой въ подходящую почву. Изъ сочнаго ядра вышли крѣпкіе корешки и стали одинъ за другимъ выступать, весело зеленѣя, молодые и свѣжіе побѣги.

Эта же самая прогулка фабричныхъ ребятъ по Кремлю привела нашего мастера и на то мѣсто, которое стало особенно знаменательнымъ на его начальномъ артистическомъ поприщѣ. Того же хвастунишку, попавшаго подъ тяжелую руку жандарма, того пустого человѣка, изъ котораго никакого проку не выйдетъ, несмотря на то, что онъ пыжится при всякомъ случаѣ забирать верха надъ товарищами фальшивымъ превосходствомъ, поставилъ Иванъ Ѳедоровичъ прямо противъ дула Царь-пушки. Ловкимъ ударомъ мастерского штриха заклеймилъ онъ этотъ повсюдный до докучливости типъ самохвала. Съ этою цѣлью завелъ онъ тутъ между товарищами споръ о томъ, чѣмъ лучше зарядить эту большую пушку, которая зіяетъ своимъ дуломъ, какъ черная яма: ядромъ или бомбой. Въ виду безсилія разрѣшить столь важный во мнѣніи праздныхъ гулякъ безплодный вопросъ, послалъ разсказчикъ нашъ всѣхъ ихъ къ чорту.

Счастливо задуманный, а главное съ недоступнымъ для подражанія искусствомъ передаваемый, разсказъ этотъ въ артистической судьбѣ Горбунова занялъ большое мѣсто и сыгралъ крупную роль. На всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ постоянно и неослабно онъ имѣлъ неслыханный успѣхъ и послужилъ сильнымъ толчкомъ къ началу той всероссійской извѣстности, каковою авторъ вскорѣ широко воспользовался. Разсказъ былъ подхваченъ различными добровольцами и, какъ реклама, помимо воли и всякаго участія извѣстнаго своею скромностью автора, разнесенъ былъ по всѣмъ городамъ обширнаго царства. Шепелявые молокососы изъ недоучившихся гимназистовъ, скитальцы, перелетныя птицы, изъ неудавшихся и потерянныхъ провинціальныхъ актеровъ лѣзли съ этимъ выигрышнымъ разсказомъ на подмостки увеселительныхъ заведеній, которыя въ серединѣ 50-хъ годовъ выростали, какъ грибы. Невзирая на то, что подражатели безсовѣстно, изъ слѣпого стремленія къ вящшему успѣху, уродовали коротенькій разсказъ самодѣльными вставками и безобразно растягивали до томительной скуки, онъ всегда производилъ большое впечатлѣніе. Стало даже казаться, что какъ будто и эти самые досчатые и скрипучіе подмостки сколачивались и прилаживались въ веселыхъ и шумливыхъ залахъ именно для этой самой „пушки“. Когда она была новизной и на столичныхъ сценахъ въ антрактахъ, иногда для разъѣзда каретъ, благосклонно предоставлялось небывалому феноменальному разсказчику нѣсколько минутъ времени, публика не расходилась. Когда же самъ авторъ своею неувѣренною, неровною и характерною походкой появлялся изъ-за кулисъ и подходилъ къ рампѣ, у всѣхъ были, что называется, ушки на макушкѣ. Напряженное вниманіе, выражавшееся готовно-налаженными улыбками, разрѣшалось цѣлою бурей рукоплесканій. Если авторъ недогадливо не предъявлялъ своей пушки, ее деспотически требовали и затѣмъ неистово вызывали повторенія съ тѣмъ трескомъ, который и до сихъ поръ у многихъ памятливыхъ свидѣтелей несомнѣнно раздается въ ушахъ.

Съ этою сценой изъ похожденій фабричныхъ, выдѣляемою отъ прочихъ въ самостоятельный разсказъ, одновременно предсталъ Иванъ Ѳедоровичъ передъ А. Н. Островскимъ и окончательно поразилъ его превосходною сценой, которую развернулъ онъ въ конторѣ квартала, поставивъ на первомъ планѣ самого квартальнаго надзирателя, еще не протрезвившагося отъ вчерашняго перегула. Очумѣлымъ онъ производитъ неправедный судъ свой и пристрастное разбирательство дѣла по иску почетнаго гражданина и фабриканта противъ рабочаго, укравшаго срѣзку и имѣвшаго дерзость объявить, что онъ квартальнаго не боится.

За этими двумя крупными разсказами охотливо предложены были вниманію Островскаго и множество мелкихъ въ этотъ же счастливый часъ, когда, обогрѣтый ласковымъ пріемомъ и искреннимъ поощрительнымъ смѣхомъ, нашъ молодой художникъ осмѣлѣлъ, развернулся и, говоря его же привычнымъ выраженіемъ, „разсказывалъ въ полную силу“. Неслыханный и самобытный талантъ ярко свѣтился священнымъ огнемъ — Божьимъ даромъ, удѣляемымъ лишь избранникамъ, а въ такомъ своеобразномъ видѣ отпущеннымъ ему одному, этому новому и неизвѣстному.

На опытный глазъ въ немъ, однако, оказалось многое на лицо для самаго требовательнаго вкуса. Прежде, впереди всего другого, необычная скромность,—одна изъ чертъ, принадлежащихъ истинно-талантливымъ натурамъ, не избалованнымъ чрезмѣрными похвалами и чуждымъ убійственнаго и мертвящаго таланты самомнѣнія. Ярко выступали милыя черты характера мягкаго, общительнаго, живого и ласковаго. Потомъ и тотчасъ не укрылась и смѣлая, ловкая схватка самаго существеннаго въ изображаемыхъ лицахъ, превратившихся въ цѣльные типы, несомнѣнно изученные до корня, потому что главныя черты вырисовывались легко и свободно. Мелкія изъ нихъ, неуловимыя всякимъ другимъ наблюдательнымъ глазомъ, казалось, сами напрашивались, не требуя никакихъ хлопотъ и напряженій, подобно тому игривому признанію, которое сдѣлалъ нашъ безсмертный поэтъ, что съ нимъ „риѳмы запросто живутъ: двѣ сами придутъ, третью приведутъ“.

Наскоро и какъ будто мимоходомъ захваченныя фигуры дышатъ, однако, изумительною правдой, не возбуждающей ни малѣйшихъ сомнѣній и не нуждающейся въ провѣркѣ. Слегка намѣченные въ „Гулянкѣ фабричныхъ“ неясные облики выростали въ цѣльные образы живыхъ знакомыхъ лицъ, съ которыми, не дальше какъ вчера, произошла встрѣча и имѣлось даже столкновеніе. Въ дальнѣйшихъ разсказахъ Горбунова такъ и случалось, что уличная мелкота, случайно попавшаяся на глаза, превращалась потомъ въ общественные типы: квартальный въ сдѣлкѣ со старухой у Чудова монастыря, квартальный у себя дома при разбирательствѣ хозяина съ работникомъ. Типъ изъ фабричныхъ гулякъ, у котораго всѣ поползновенія выразились бахвальствомъ, со временемъ выродился въ жениха-мастерового, съ легкимъ и безшабашнымъ взглядомъ на жизнь, задумавшаго посвататься къ сосѣдкѣ-дѣвушкѣ, живущей при отцѣ на фабрикѣ. Слушалъ онъ въ теченіе долгаго времени игру ея на гитарѣ и пѣніе романсовъ, разговаривалъ съ ея отцомъ-ундеромъ про войну, много съ нимъ сладкой водки выпилъ, а потомъ всю эту канитель бросилъ. Когда затѣмъ, вернувшись въ деревню, онъ окончательно тамъ никуда не погодился и возвратился вспять на прежнюю фабрику, — здѣсь опять, либо „за гульбой пойдетъ“, либо снова начнетъ старую игру въ жмурки, отыскивая съ затуманенными глазами способы и средства пристроиться женитьбой къ чужому денежному сбереженію въ видѣ приданаго. Если же на этотъ разъ попадетъ тутъ на рожонъ такъ ловко, что нельзя ему съ него сорваться иначе, какъ женившись, и вкуситъ онъ плодовъ супружества,—судьба его останется все такою же неудачною и жалкою, а сама жизнь безобразною. При всемъ честномъ народѣ, въ бойкій праздничный день, въ сильномъ подгулѣ, онъ выкрикнетъ на всю толпу праздныхъ фабричныхъ гулякъ, безсвязнымъ языкомъ: „прощайте, православные, отъ жены топиться иду!“ И въ самомъ дѣлѣ, на виду у всѣхъ, хладнокровно наблюдающихъ предложенное вниманію шутовское представленіе черезъ рѣку Яузу,— куриное перебродище,— перейдетъ мокрымъ на другой сухой берегъ. Оттуда покажетъ увѣсистый кулакъ и внушительно потрясетъ имъ въ угрозу своей спутницѣ жизни, которая все время реветъ въ толпѣ „на двѣнадцать голосовъ“ [любимое выраженіе Ив. Ѳед.], но такъ же притворно, какъ и муженекъ ея побрелъ топиться. Подобнымъ же образомъ впослѣдствіи изъ той же, слегка намѣченной сцены у Осударева сада развилась широкая картина и обставилась истинно-художественными деталями въ другомъ случаѣ, когда надували шаръ и выдѣлился точно такой же, популярный человѣкъ [на этотъ разъ портной съ Покровки], приготовившійся летѣть подъ облака. Безжалостные праздные скалозубы изъ толпы успѣли уже на этотъ случай возрости, воспитаться, превратившись жизненнымъ опытомъ въ степенныхъ, лукаво мыслящихъ, непрошеныхъ добровольцевъ, резонеровъ, всегда готовыхъ подслужиться безъ всякой нужды и призыва. „И какъ это возможно [хотя бы и потерявшемуся портному] безъ начальства летѣть?“

Горбуновъ былъ счастливъ именно тѣмъ, что прежде всѣхъ явился на судъ къ Островскому. Привело его сюда чувство благоговѣйнаго восторга передъ крупнымъ талантомъ, обычно создающимъ почитателей и привязывающимъ поклонниковъ, а удержала его здѣсь очаровательная сердечность, при необыкновенной простотѣ отношеній. Вскорѣ поставилось дѣло такъ, что невѣдомый добровольный пришелецъ въ гостепріимномъ домѣ сталъ не только желаннымъ гостемъ, но и своимъ человѣкомъ. Изъ купеческаго семейства, гдѣ Ив. Ѳед. жилъ домашнимъ учителемъ, онъ переѣхалъ жить на квартиру Алекс. Ник. Съ той поры оба сдѣлались неразлучными, тѣсно связанными симпатіями, несмотря на то, что судьба потомъ разбросила ихъ географически въ разныя стороны.

Около Островскаго въ то далекое теперь время успѣли сгруппироваться молодыя литературныя силы Москвы, имена и работа которыхъ сдѣлались достояніемъ исторіи русской литературы подъ названіемъ „Молодой редакціи Москвитянина“. Въ эту-то среду настоящихъ и строгихъ цѣнителей изящнаго въ искусствѣ и словѣ удалось попасть Горбунову сразу и укрѣпиться здѣсь на прочныхъ основахъ. Здѣсь и его начальные шаги къ извѣстности и вскорѣ къ славѣ; здѣсь же, въ этой высшей школѣ, и даровые уроки въ направленіи къ дальнѣйшему развитію таланта и его окончательному совершенству. На это и указалъ въ своемъ сердечномъ некрологѣ одинъ изъ тѣхъ пятерыхъ главныхъ, бывшихъ, такъ сказать воспріемниками народившагося таланта, быстро возраставшаго въ силу и мужество. Онъ остался вѣрнымъ и неизмѣннымъ другомъ Горбунова и за могилой, какъ былъ и при жизни его добрымъ совѣтникомъ и строгимъ оцѣнщикомъ его необыкновеннаго дарованія. И такъ длилось болѣе сорока лѣтъ до послѣдняго рокового дня 24 декабря 1895 года. Онъ пишетъ, между прочимъ, въ „Новомъ Времени“*: „Разумѣется, ничье вліяніе не оградило бы Ивана Ѳедоровича отъ этого слишкомъ распространеннаго порока [наклонности къ шаржу ради дешеваго успѣха], еслибъ въ собственной природѣ его дарованія не было залоговъ строгой художественной трезвости. Но едва ли можно поручиться, что онъ, хотя бы на время, не впалъ въ этотъ грѣхъ, еслибъ вмѣсто Островскаго и Садовскаго, онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности, попалъ подъ руководство, напримѣръ, Самойлова“.

Дѣйствительно, если въ первыхъ разсказахъ Горбунова, при ясно выраженной наклонности къ юмору, мѣстами проскальзывали порывы къ каррикатурѣ, то послѣдніе были прямымъ слѣдствіемъ вліянія среды, въ которой воспитался и вращался наблюдатель. Недостатки эти явились послѣдствіемъ неумѣлой оцѣнки, требовавшей именно грубоватыхъ мазковъ твердой и сочной, но шаловливо-разыгравшейся кисти. Впрочемъ, этотъ посторонній налетъ, въ видѣ невинныхъ и невольныхъ прегрѣшеній противъ законовъ эстетики, покрывалъ самоцвѣтный природный камень легкимъ слоемъ, и опытныя руки мастеровъ дѣла легко и скоро могли очистить и даже отшлифовать, при желаніи, по всѣмъ правиламъ изящнаго искусства.

Согласно налаженный и тѣсно связанный живыми литературными интересами кружокъ А. Н. Островскаго или, какъ онъ привыкъ называть его, „наша компанія“, находился еще въ полномъ составѣ, когда Горбуновъ обратилъ на себя его вниманіе. Ни житейскія невзгоды однихъ, ни перемѣны служебнаго положенія прочихъ, не нарушали его цѣлости, и тотъ, посторонній и случайный центръ, около котораго объединились сами по себѣ всѣ эти молодые даровитые люди, еще существовалъ: Москвитянинъ Погодина, хотя съ томительнымъ и безпричиннымъ запаздываніемъ, продолжалъ неисправно выходить въ свѣтъ съ критическими статьями А. А. Григорьева, Т. И. Филиппова, Е. Н. Эдельсона, съ стихотвореніями Б. Н. Алмазова и проч.

Въ кружкѣ этомъ И. Ѳ. Горбуновъ былъ также, само собою разумѣется, принятъ радушно и обласканъ дружески, а насколько онъ поддался его вліянію, — на это будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

Здѣсь, въ приходѣ Николы въ Воробинѣ, какъ и тамъ у Троицы въ Сыромятникахъ, въ купеческой семьѣ, также свободно могъ продолжать Ив. Ѳед. наблюденія надъ тихою, полусонною и скучною жизнью обывателей столичныхъ захолустьевъ, съ которою онъ такъ образно знакомилъ насъ потомъ, сохраняя изумительную точность, воспринятую молодою артистической душой и сохраненную феноменальною памятью. Насколько бы ни были мимолетны и иногда легковѣсны бытовыя картинки, попавшіяся на глаза наблюдателя случайно или на поискахъ, насколько бы онѣ сами ни напрашивались своими забавными комическими сторонами на легкую или злую насмѣшку, — вездѣ проглядывало теплое чувство любви къ родному городу и открытыхъ симпатій къ его бытовымъ особенностямъ. Не всякому петербургскому жителю возможно было оцѣнить въ полную мѣру всю правдивость характеристическихъ чертъ во всей ихъ цѣльности. Наибольшая часть красотъ и достоинствъ для него исчезала, и когда приходилось принимать все обрисованное въ разсказѣ на вѣру и въ невѣдѣніи, все исключительное и мѣстное возбуждало лишь безучастный и легкомысленный смѣхъ. Цѣнность разсказовъ упадала на добрую половину и это одно изъ прискорбныхъ неудобствъ къ полному разумѣнію силы творческаго таланта автора, и одна изъ причинъ легкомысленныхъ сужденій и критическихъ приговоровъ. Къ крайнему удивленію, зачастую доводилось слышать такія мнѣнія, что разсказчикъ единственно стремится къ возбужденію легковѣснаго смѣха и исключительно къ легкомысленному осмѣянію всего, что становилось предметомъ его поверхностныхъ наблюденій. Изъ этихъ судей наиболѣе довѣрчивые и простодушные доходили въ своихъ критическихъ отзывахъ даже до того, что начали считать за авторомъ лично присущій ему тотъ порокъ, который онъ искусно и образно изображалъ въ лицѣ своихъ подвыпившихъ или совершенно опьянѣвшихъ героевъ разсказовъ. На это обстоятельство съ глубокимъ огорченіемъ неоднократно жаловался самъ виновникъ подобныхъ мистификацій, умѣвшій, однако, строго выдерживать себя среди соблазновъ и искушеній, всегда готовый на службу, утромъ и вечеромъ, и въ глубокую полночь, и исполнительный при многочисленныхъ, безпощадныхъ и утомительныхъ приглашеніяхъ.

---

* Ст. Т. И. Филиппова: Памяти И. Ѳ. Горбунова.

И въ явныхъ недостаткахъ, и подлинныхъ несовершенствахъ изученныхъ имъ особенностей московской жизни, смягченная и уравновѣшенная скрытою любовью наблюдательность отыскивала и находила, однако, такія черты, изъ которыхъ легко складывались цѣльные художественные образы и создавались талантливые бытовые очерки, цѣнные сами по себѣ, какъ литературныя произведенія. Таковъ, между прочимъ, наилучшій разсказъ, навѣянный въ тѣхъ же темныхъ уголкахъ своеобычнаго коренного русскаго города, „Затменіе солнца“ и всѣ прочіе за малыми исключеніями. А такихъ сценъ такъ много, что нѣтъ возможности за всѣми услѣдить и всѣ перечислить. Иные не могли попасть въ печать по цензурнымъ условіямъ, не включая тѣхъ, которые настойчиво вызывались и усиленно требовались въ заключеніе веселыхъ ужиновъ и разсказывались избраннымъ любителямъ при закрытыхъ дверяхъ. Такова шаловливая сцена между проходящимъ мимо мастеровымъ съ бутылью скипидара на фабрику и дворникомъ, сидящимъ у воротъ въ томительно-жаркій день. И эта сцена, однакоже, правдиво и ярко рисовала безвыходную скуку бездѣлья темнаго замоскворѣцкаго люда, попорченнаго столичнымъ баловствомъ и фабричнымъ образованіемъ. Таковъ также и господинъ, не допросившійся квасу, чтобы утолить мучительную жажду, и т. п. Иные разсказы, разсчитанные лишь на мастерство и живость искуснаго пересказа, на гибкость тоновъ голоса, для печати не годились уже потому, что теряли въ ней всю соль и образность. Таковы, между прочими передавшимися съ театральныхъ подмостковъ: пѣсня проѣзжаго мужика, беззаботно развалившагося на своемъ возу, задѣвшаго за шлагбаумъ и не свернувшаго съ дороги для встрѣчной почтовой тройки,—и другая пѣсенка скучающей дѣвицы, картаво распѣвающей „канареечку“, посаженную въ „злую клѣточку“, подслушанная [яко бы] въ тѣхъ же, тоскливо живущихъ московскихъ захолустьяхъ,—„въ домѣ-крошечкѣ, что на всѣхъ глядитъ въ три окошечка“, и т. п.

Во всякомъ случаѣ, наибольшую долю влiянiя къ дальнѣйшему художественному развитiю, а вскорѣ затѣмъ и къ успѣхамъ въ обществѣ получилъ Горбуновъ именно у Островскаго по многимъ исключительнымъ обстоятельствамъ.

Горбуновъ имѣлъ возможность слышать изъ устъ самого автора „Не въ свои сани не садись“ артистическое чтенiе его комедiи, а равно живое и образное чтенiе другихъ авторовъ, являвшихся на товарищескiй судъ съ новыми, изготовленными для помѣщенiя въ журналахъ, произведенiями. Среди всѣхъ особенно блистательнымъ мастерствомъ, и каждый въ своемъ родѣ, выдѣлялись переселившiеся въ Москву изъ Костромы: Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскiй и Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ—первый съ романами, второй съ повѣстью и драмой „Судъ людской — не Божiй“.

Подъ влiянiемъ кружка, и въ полномъ согласiи съ нимъ, знаменитый артистъ-комикъ Провъ Михайловичъ Садовскiй съ присущимъ ему замѣчательнымъ талантомъ и художественностью исполненiя не отставалъ отъ прочихъ, соревнуя имъ на сценѣ передъ публикою чтенiемъ „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“ Гоголя и другими же его сценами, каковы „Игроки“ и „Тяжба“. Увлекся этимъ и король сцены, первоклассный артистъ, знаменитый Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Послѣ классическихъ произведенiй, какъ пушкинскiй „Скупой рыцарь“ и въ особенности „Полководецъ“ [У русскаго царя въ чертогахъ есть палата], онъ нашелъ своевременнымъ и обязательнымъ, въ ревнивое соперничество съ Садовскимъ, превосходно читать гоголевскую сцену Чичикова у генерала Бетрищева.

Всѣ предшественники Горбунова, конечно, послужили главнѣйшею и высшею школой, какъ наилучшiе образцы, указывающiе пути къ выработкѣ изящнаго вкуса въ созданiяхъ и развивающiе его выдающееся дарованiе именно въ этомъ прямомъ направленiи. Даруемыя охотно и беззавѣтно впечатлѣнiя, попадая на готовую почву уже владѣвшаго опытомъ своего рода мастера, могли лишь его вдохновлять и приблизительно указывать на новые пункты наблюденiй, ближайшiе и почти однородные, какъ, напримѣръ, деревенская жизнь и крестьянскiй бытъ для позднѣйшихъ и такихъ поэтическихъ произведенiй, какъ „Лѣсъ“ и „На рѣкѣ“ и такихъ прелестныхъ, какъ „Постоялый дворъ“, „Утопленникъ“, „На большой дорогѣ“. Во всякомъ случаѣ, воспринимавшiй новыя впечатлѣнiя не могъ успокоиться на слѣпомъ подражанiи имъ. Самъ будучи творцомъ и хозяиномъ-собственникомъ съ полными и безраздѣльными правами на благопрiобрѣтенное, могъ только улучшать и расширять свое достоянiе. И въ самомъ дѣлѣ, даже на старыхъ разработанныхъ темахъ онъ часто доходилъ до вдохновенныхъ импровизацій, поражая еще невиданными картинами и внезапно на глазахъ у всѣхъ вспыхивавшимъ новымъ яркимъ освѣщеніемъ старыхъ лицъ, знакомствомъ съ которыми ему же были лично обязаны.

Съ замираніемъ сердца, въ молчаливомъ восторгѣ, не смѣя проронить слова, не разъ приходилось намъ наслаждаться тѣмъ, какъ блестки остроумія разсыпались щедрою рукой изъ невидимаго, но понятнаго источника, и, казалось, не было имъ конца. Несомнѣнно осталось ихъ такое же обиліе про запасъ и на новый случай прилива вдохновенія и на новый поводъ развернуться передъ такими слушателями, которыхъ онъ признавалъ подлинными и заслуженными оцѣнщиками, желающими эстетическихъ наслажденій, а не одного лишь пріятнаго препровожденія досужаго времени съ прибавкою смѣха для удобства пищеваренія. Родникъ этого смѣха, какъ всѣ это очень хорошо знали, былъ неистощимъ, и струя изъ него, найдя широкій выходъ и готовое русло, лилась вполнѣ свободно, не переставая и не уставая.

Еще сверхъ всего владѣя секретомъ повторять свое старое безъ утраты въ немъ свѣжести, Горбуновъ, конечно, для закрѣпленія наибольшей извѣстности и подкраски впечатлѣній не нуждался въ чужихъ разсказахъ [напримѣръ, Садовскаго, Павлова и друг.]. Если онъ и помнилъ ихъ, какъ прекрасные образчики, и любовался многими, то повторялъ ихъ только въ крайнихъ случаяхъ настойчивыхъ просьбъ, въ дружескихъ близкихъ кружкахъ, когда заходила объ нихъ рѣчь къ слову. Происходило это не изъ ревниваго чувства зависти—довольно и даже съ избыткомъ обычнаго въ средѣ сценическихъ дѣятелей; этого недобраго свойства всего менѣе было отпущено природою на долю Горбунова,—происходило же это по простой причинѣ: чужое или костюмное платье было излишнимъ, когда свое обиходное пригнано по мѣркѣ, прочно сшито и, видимо для всѣхъ, плотно и красиво сидитъ на плечахъ. Едва ли не этою же самою чертой характера слѣдуетъ объяснять отчасти и причину того, что, будучи неподражаемымъ исполнителемъ своего, онъ былъ неловокъ и даже застѣнчивъ при исполненіи ролей чужого вымысла. Вообще на сценѣ театровъ онъ всегда казался временнымъ и случайнымъ гостемъ, чрезвычайно пріятнымъ, очень всѣми желательнымъ, веселымъ и развязнымъ, но никогда не могъ сдѣлаться хозяиномъ-владѣльцемъ ея. Въ любомъ частномъ домѣ, въ каждой публичной залѣ стоило ему лишь подхватить, по усвоенной привычкѣ, стулъ, поставить его передъ собой и опереться на ручку,—и его сцена готова безъ рампы, безъ декораціи—именно та его собственная сцена, на которой онъ чувствовалъ себя совершенно дома. Не много можно указать такихъ ролей, гдѣ бы онъ попадалъ и выдерживалъ весь цѣликомъ заданный авторомъ тонъ. Разсказчикъ отлично забылъ и никогда потомъ не возвращался даже къ тѣмъ пьесамъ, которыя имъ же были вызваны и для него же лично изготовлялись,—каковы, напримѣръ, роли съ переодѣваньемъ, бывшія въ модѣ, а Горбуновымъ доведенныя до окончательнаго совершенства,—такъ, что не было уже нужды возобновлять этотъ балаганный родъ пьесъ, эти арлекинады. За то въ этомъ немногомъ изъ чужихъ созданій ярко выступаетъ и никогда не забудется удалой и ловкій парень Кудряшъ. Эту роль, не безъ явнаго намѣренія придать еще больше ходу и славы, авторъ охотно довѣрилъ Горбунову [въ „Грозѣ"],—самъ авторъ заботился объ его успѣхахъ на сценѣ.

Въ воробинскомъ укромномъ уголкѣ Москвы, И. Ѳ. Горбуновъ въ не менѣе значительной степени былъ удачливъ и счастливъ тѣмъ, что встрѣтился глазъ на глазъ съ знаменитымъ артистомъ Императорской сцены П. М. Садовскимъ, который въ то же время самъ былъ замѣчательнымъ и прославленнымъ разсказчикомъ.

— Слышали ли вы, Иванъ Парамоновичъ, что за моремъ-то дѣлается?—услышалъ здѣсь впервые отъ самого Прова Михайловича разсказъ, въ тонѣ купца, начитавшагося газетъ и, по своему доморощенному разумѣнію, перетолковавшаго на свой особый ладъ недавнюю по тому времени смѣну французскаго правительства вслѣдъ за отреченіемъ Людовика-Филиппа. Разсказъ этотъ, не противорѣчащій современнымъ цензурнымъ требованіямъ, къ сожалѣнію, не появлялся въ печати и, кажется, совершенно забытъ даже тѣми, кто слышалъ въ точной передачѣ, со словъ знаменитаго московскаго артиста-комика, Ив. Ѳед. Горбуновымъ. Сохранились и могутъ быть возстановлены полностію другіе разсказы, менѣе удачные и наиболѣе отличающіеся искусственною поддѣлкою подъ уродства гостинодворскаго говора. Таковы: второй разсказъ Садовскаго о впечатлѣніяхъ купца, побывавшаго на представленіи драмы Полевого „Смерть или честь"; третій—о томъ, какъ довольный собой мужикъ сумерничалъ, глядя съ полатей на семью свою; четвертый—„Объ вундеръ-офицерѣ службы военной", и наконецъ самый извѣстный, наиболѣе прочихъ распространенный и даже до нѣкоторой степени затасканный—„О Наполеондерѣ", покорившемъ подъ свой ноготокъ всю Европію, а затѣмъ „разгромившемъ первопрестольный градъ Москву". За это, по совѣту хитраго малаго—Аглича, выпросившаго себѣ въ награду сто рублевъ золотомъ, онъ сосланъ былъ „на островъ святыя Олены, гдѣ нѣтъ ни неба, ни земли,—одна зыбь поднебесная. Здѣсь онъ и животъ свой скончалъ, бывъ положенъ въ дванадесять гробовъ", и проч.

По большей части молчаливый, какъ будто на самомъ дѣлѣ необщительный и глубоко-сосредоточенный въ себѣ, П. М. Садовскій сохранилъ чистую русскую душу съ рѣзкимъ оттѣнкомъ московскаго закала. Во всей внѣшней обстановкѣ жизни, до мелкихъ деталей ея, въ основномъ своемъ міросозерцаніи и коренныхъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, онъ оставался на всю жизнь настоящимъ москвичемъ, желая и стараясь быть въ то же время истинно-русскимъ человѣкомъ. Онъ былъ таковымъ по данному себѣ обязательству, хотя, въ примѣненіи на практикѣ, иное, противъ воли, доводилъ до крайностей, которыя, будучи искренними, на глазахъ легкомысленныхъ и недоброжелательныхъ людей казались странными или даже смѣшными. Въ самой сущности эта крѣпкая и слѣпая привязанность къ городу, гдѣ выросла его слава, зародилась къ нему нелицемѣрная общая любовь, доказывалась художественнымъ проникновеніемъ въ самую суть тѣхъ характеровъ изъ купеческаго и чиновнаго люда Москвы, которые были созданы Островскимъ и увѣренно поручены имъ на судъ и творческое одухотвореніе на сценѣ Садовскимъ. Одновременно съ Горбуновымъ [но еще не подозрѣвая объ его существованіи] мы были свидѣтелями, какъ началъ дѣлить успѣхи и славу съ самимъ драматургомъ Садовскій, сначала одинъ, а вскорѣ съ Сергѣемъ Васильевымъ, неожиданно заявившимъ громадный запасъ силъ чисто-художественнаго комизма, до тѣхъ поръ безплодно расточавшагося въ мелочахъ водевильныхъ шаржей. Мы были свидѣтелями также и того, какъ всѣ прочіе артисты, увлеченные примѣромъ и образцами этихъ двухъ сценическихъ силачей, дружными усиліями помогали доводить исполненіе пьесъ до небывалой высоты и полнѣйшаго совершенства. И какъ можно было не разгорѣться около такого жаркаго огня человѣку, способному воспринимать теплоту: Садовскому около Щепкина, Васильеву около Садовскаго и т. д.—бѣгло записалъ себѣ на память Горбуновъ на лоскуткѣ, сохранившемся въ его бумагахъ.

Коренной москвичъ сказался въ Садовскомъ и въ томъ между прочимъ, что онъ не любилъ Петербурга и при всякомъ случаѣ съ нескрываемымъ недовольствомъ и остроумными находчивыми насмѣшками относился къ особенностямъ петербургскихъ характеровъ и всего склада жизни по-иноземному. И это отчужденіе, можетъ быть, и страннымъ образомъ, но съ полною искренностью выражалось и въ его упорномъ нежеланіи играть на александринской сценѣ, несмотря на всѣ настоянія друзей. Когда же, по желанію и требованію начальства, онъ вынужденъ былъ явиться на первыя гастроли, то замкнулся въ маленькій кружокъ своихъ старыхъ московскихъ знакомыхъ. Изъ номера, занятаго въ меблированныхъ комнатахъ Толмазова переулка, почти никуда не ходилъ, кромѣ театра, Петербургомъ не интересовался и никакихъ осмотровъ его не производилъ, стараясь проводить дни и часы въ своихъ московскихъ привычкахъ. Будучи вызванъ сюда во второй разъ, уединенно жилъ въ квартирѣ своего стараго пріятеля [С. И. Турбина], изрѣдка лишь интересуясь посѣщеніями небольшого кружка знакомыхъ по особымъ настойчивымъ приглашеніямъ. Являлся всюду въ своемъ неизмѣнномъ костюмѣ, вродѣ поддевки оригинальнаго покроя, усвоеннаго имъ уже съ давнихъ поръ. Вообще же продолжалъ чувствовать себя здѣсь какъ бы въ докучномъ и непріятномъ плѣну, подобно птицѣ въ клѣткѣ, и изъ Москвы оба раза пріѣзжалъ съ друзьями-провожатыми, и между прочимъ съ А. Н. Островскимъ [въ первый разъ]; этому своеобразному патріоту-москвичу принадлежитъ и извѣстное выраженіе генерала Дитятина. Садовскій, отвѣчая на вопросъ объ его мнѣніи относительно исхода войны, сказалъ: „Насъ побьютъ, но не одолѣютъ“.

Такой-то цѣльной и своеобразной натурѣ на судъ и оцѣнку, между прочими своими пріятелями, представилъ тотчасъ же Ив. Ѳед. Горбунова Ал. Ник. Островскій. Сразу понялъ высокоталантливый комикъ молодую, робко выступавшую, но уже ясно опредѣлившуюся силу. Молчаливо любуясь, но не осыпая его излишкомъ похвалъ, онъ съ отеческою нѣжностью отнесся къ нему тотчасъ же, какъ только прослушалъ первые разсказы. Артистическою душой, конечно, сразу почувствовалъ, что въ нихъ нѣтъ ничего насильно-притянутаго, искусственно сочиненнаго, ради усиленія смѣха неестественною рѣчью, изуродованными учеными или книжными словами, чѣмъ достаточно грѣшатъ всѣ его вышеупомянутые разсказы отъ имени купцовъ. Съ появленіемъ Горбунова онъ даже сталъ примолкать. Кажется, въ послѣдній разъ онъ выступилъ съ разсказомъ о судьбѣ Лудовика Филиповича, удостоившись счастья разсказать въ Кремлевскомъ дворцѣ въ Бозѣ почившему Царю-Освободителю въ дни коронаціонныхъ празднествъ. Уступая свое мѣсто вновь наступающей силѣ, онъ дѣлалъ это охотно, съ полною готовностью и искренностью. Благодарно вспоминая объ этихъ первыхъ своихъ встрѣчахъ съ Провомъ Михайловичемъ и его товарищескихъ услугахъ, поощреніи и покровительствѣ, любовно вспоминалъ о тѣхъ также своеобразныхъ пріемахъ съ какими московскій патріотъ къ нему относился. Такъ, наприм., въ силу особыхъ своихъ соображеній, всегда вѣрный себѣ, Провъ Михайловичъ призналъ необходимымъ перемѣнить Ив. Ѳед. прическу. Съ этою цѣлью самъ свезъ его въ свою парикмахерскую на Садовой у Ермолая на Козихѣ, самъ указывалъ цирюльнику, какъ перемѣнить густую шевелюру послушнаго молодого человѣка, чтобы вышло по-русски въ кружокъ и даже въ скобку. При этомъ серьезно и простодушно увѣрялъ онъ новичка, что такъ непремѣнно нужно сдѣлать, что безъ этого нельзя, что такъ будетъ хорошо: и приличнѣе и подходящѣе. Затѣмъ развозя его по знакомымъ купеческимъ домамъ, которыхъ находилъ заслуживающими этой чести и „способными понимать, въ чемъ тутъ главная суть заключается“, съ простодушною заботливостью и предупредительными комментаріями спѣшилъ давать ходъ тѣмъ разсказамъ, которые находилъ наиболѣе лучшими и эффектными. Тяжело завалившись въ уголокъ дивана, глубокихъ покойныхъ креселъ, обычно понюхивая табачокъ, Провъ Михайловичъ ободрительно и хвастливо показывалъ слушателямъ съ веселою и доброю улыбкой кивками головы на разсказчика, иногда съ короткимъ приговоромъ:

— Да-съ, такъ вотъ тутъ въ чемъ сила: въ такихъ молодыхъ лѣтахъ небывалое дѣло-съ.

Когда потомъ обращались къ нему съ просьбою, чтобъ онъ разсказалъ что-нибудь изъ своего, Садовскій бралъ Горбунова за плечи, становилъ его передъ собой, говорилъ:

— Вотъ просите его-съ. Онъ лучше можетъ. Разсказывайте, Иванъ Ѳедоровичъ. Все, что ни скажете, чудесно будетъ.

И снова заваливался въ уголъ дивана, молча слушалъ и наслаждался.

Для Садовскаго то уже было дорого, что Горбуновъ подлинный москвичъ „нашъ“: въ Москвѣ родился, въ ней воспитывался, любитъ ее такъ, что вотъ и разсказываетъ все про нее, и въ ней же впервые предъявилъ свой крупный талантъ, весь посвященный бытовымъ картинамъ все того первопрестольнаго города. И замѣчательно, что подъ вліяніемъ Садовскаго, и Горбуновъ по пріѣздѣ въ Петербургъ все примѣрялъ сначала на московскую мѣрку, а объ этомъ завѣтномъ и добромъ времени трогательно вспоминалъ не иначе, какъ со слезами въ глазахъ: и такъ всегда, во всю свою жизнь и при всякомъ случаѣ, уносившемъ его мысли въ милое прожитое и незабвенное прошлое.

Въ самомъ же дѣлѣ Горбуновъ не былъ уже очень молодымъ, но замѣчательную, рѣзко бросающуюся въ глаза моложавость сохранялъ онъ очень долгое время. Да отправившись въ вѣчность, не имѣлъ на головѣ ни одного сѣдого волоса, несмотря на то, что ему уже стукнуло за 60 лѣтъ. 23-хъ лѣтъ онъ выступилъ впервые въ Москвѣ на сцену, благодаря все тому же дружескому участію Садовскаго, который выхлопоталъ ему разрѣшеніе на дебютъ въ свой бенефисъ въ 1854 г. Очень доволенъ былъ его успѣхомъ, а въ особенности вызовами за роль купеческаго сына гуляки въ комедіи „Образованность". На память съ надписью „дебютанту моему" подарилъ впослѣдствіи [въ 1859 г.] портретъ во весь ростъ въ роли Расплюева,—портретъ, который благодарно держалъ этотъ „дебютантъ" всегда на глазахъ повѣшеннымъ надъ письменнымъ рабочимъ столомъ.

Послѣ этого перваго и единственнаго дебюта на московской сценѣ Малаго театра въ начальное время театральной карьеры Горбунова, и Садовскій началъ поговаривать:

— Вамъ непремѣнно-съ надо ѣхать въ Санктъ-Петербургъ. Тамъ вамъ будетъ лучше и объ этомъ слѣдуетъ всякими способами стараться.

Впрочемъ, эти хлопоты давно уже предполагались въ кружкѣ и были даже приняты кое-какія доступныя мѣры. Между прочимъ, расчитывали на помощь Леон. Льв. Леонидова, незадолго переведеннаго на петербургскую сцену на роли умершаго трагика Каратыгина. Леонидовъ обѣщалъ обезпечить гостя на первое время столомъ и квартирой. Вскорѣ надежды усилились, когда появился,— сначала дворникъ, Иванъ Михайловъ, онъ же и швейцаръ, такъ какъ входъ былъ безъ звонка, по-просту, въ калитку черезъ дворъ. Къ тому же Иванъ Михайловичъ предсталъ хотя и въ обычномъ подгулѣ, но съ испуганнымъ лицомъ:

— Батюшка-отецъ! — съ привычнымъ привѣтомъ обратился онъ къ Александру Николаевичу—Тамъ внизу большой баринъ просится къ тебѣ пройти,—Тургеневымъ сказывается. Пущать ли?

Озадаченъ былъ и этотъ Михайлычъ, непривычный къ докладамъ, необычнымъ порученіямъ снизу, полученнымъ отъ незнакомыхъ, смущенъ былъ не меньше его и самъ хозяинъ мыслью о томъ, что почетному и пріятному гостю доводится ждать на дворѣ и на лѣстницѣ.

Не малый переполохъ и замѣшательство произвело это неожиданное извѣстіе о посѣщеніи Тургенева и между присутствовавшими, среди которыхъ находился и Иванъ Ѳедоровичъ. Хорошо помнилъ онъ, какъ сконфузился и самъ скромный хозяинъ, застегивая воротъ коротенькой поддевки на крючки, стыдливо оглядываясь на простоту своей повседневной обстановки. Она не совсѣмъ соотвѣтствовала вкусу и отвѣчала надлежащему достойному пріему такого гостя, который былъ и богатымъ человѣкомъ, и чуть не аристократомъ, но во всякомъ случаѣ уже крупною извѣстностью, передовымъ послѣ Гоголя писателемъ. Обѣ знаменитости русской литературы до тѣхъ поръ не были лично между собою знакомы. Островскій, несмотря на открытую уже Николаевскую дорогу, въ Петербургѣ не бывалъ, не имѣя въ томъ никакой надобности. Ив. Серг. Тургеневъ, заботливо и внимательно слѣдившій за всякимъ новымъ журнальнымъ произведеніемъ, горячимъ сердцемъ принималъ и оцѣнивалъ всякій живой проблескъ литературнаго дарованія, даже незначительнаго, но хотя бы что-либо обѣщающаго. Такое же блестящее дарованіе, которымъ сразу прославился Островскій, Тургеневъ, конечно, успѣлъ оцѣнить въ полную силу и мѣру и, очутившись на короткое время въ Москвѣ проѣздомъ изъ своихъ орловскихъ деревень, счелъ своимъ святымъ долгомъ разыскать въ трущобѣ Воробина восходящее литературное свѣтило. И вотъ онъ первымъ пришелъ ему поклониться. И самъ застѣнчивый хозяинъ [сохранившій эту характерную черту во всю свою жизнь], и его гости, довольные случаемъ видѣть во-очію знаменитаго автора „Записокъ охотника“, посѣщеніемъ остались вполнѣ довольны. Простою, привѣтливою по обычаю бесѣдою его всѣ были очарованы, несмотря на предвзятыя предубѣжденія противъ петербургскихъ людей, общія не одному лишь Садовскому, но и большой части всего кружка. Ко всему относились недовѣрчиво, но многое было совсѣмъ ненавистно: красныя груди гвардейцевъ, пенснэ и монокли статскихъ людей, ихъ нескрываемая брезгливость ко всему московскому и высоко-поднятыя головы съ презрительнымъ взглядомъ и многое прочее, чего въ Москвѣ совсѣмъ нельзя было встрѣтить.

— Ошиблись во взглядахъ,—объяснялъ Садовскій:—вы думали, что я дуракъ, а я думалъ, что вы умный.

Посѣщеніемъ Тургенева воспользовались также и для того, чтобъ ускорить или подвинуть дѣло о помѣщеніи Горбунова на Александринскую сцену: имѣлось въ виду давнишнее знакомство Тургенева съ начальникомъ репертуара П. С. Ѳедоровымъ и вообще его обширныя литературныя и иныя связи. Кстати, по московскому же обычаю „пользоваться оказіей“, на него возложены были и другія порученія. Благодушный, исполнительный, готовый на услуги и всегда памятливый на просьбы, И. С. Тургеневъ не замедлилъ письменнымъ отвѣтомъ. Въ этомъ отношеніи онъ прославился своею аккуратностью, доведенною даже до маленькой слабости. Такъ, наприм., отъ корреспондентовъ своихъ онъ требовалъ такого же точнаго обозначенія даты,—числа и года отправленія,—и всегда жаловался на тѣхъ изъ нихъ, кто этого не дѣлалъ. Онъ не только выучилъ забывчиваго и разсѣяннаго Писемскаго исполнять этотъ обычай, но рѣдкому изъ виноватыхъ въ такомъ упущеніи не указывалъ на него въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ. Отвѣтами Тургеневъ не замедлялъ; въ вынужденномъ молчаніи заботливо оправдывался.

На просьбы А. Н. Островскаго онъ отвѣчалъ изъ Петербурга слѣдующимъ письмомъ отъ 10 февраля 1855 года:

„Милостивый государь Александръ Николаевичъ.

„Вы можетъ быть уже знаете, что я на другой день послѣ моего посѣщенія у васъ въ Москвѣ занемогъ и цѣлую недѣлю сидѣлъ дома. Потомъ я попалъ въ тотъ несчастный поѣздъ желѣзной дороги, который трое сутокъ слишкомъ былъ задержанъ метелью; а прибывши наконецъ сюда, я опять занемогъ, и опять не выхожу изъ комнаты. Этому непріятному стеченію обстоятельствъ слѣдуетъ приписать, что я до сихъ поръ ничего не могъ вамъ написать о г-нѣ Горбуновѣ, потому что не видѣлъ еще Ѳедорова, но какъ только выздоровѣю, тотчасъ пойду къ нему и подробно напишу вамъ результаты нашего свиданія. Теперь же, по порученію редакторовъ „Современника“, обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ: не хотите ли вы помѣстить послѣднюю комедію у нихъ въ журналѣ. Они примутъ ее съ радостью и предлагаютъ вамъ за нее 250 руб. сер. Если вы согласитесь, то можете выслать ее на мое имя, и поскорѣе, потому что они хотѣли бы помѣстить ее въ мартовской книгѣ. Также я попросилъ бы васъ, если это возможно, прислать ко мнѣ нѣсколько рисунковъ г. Боклевскаго [если не къ „Бѣдность—не порокъ“, то хотя другія]: я пока бы ихъ здѣсь показывалъ людямъ со вліяніемъ и это могло бы послужить въ пользу г. Б., произведенія котораго очень бы нужно было вывести на свѣтъ. Прошу васъ отвѣтить на оба мои запроса, чѣмъ весьма меня обяжете. Я видѣлъ Писемскаго, который велѣлъ вамъ кланяться. Онъ уже поступилъ на службу и дѣла его на хорошей дорогѣ. Нечего говорить, что рисунки г. Боклевскаго будутъ возвращены въ совершенной цѣлости и исправности. Прошу поклониться Садовскому, гг. Горбунову и Эдельсону [надѣюсь, что здоровье его супруги поправилось]. Желаю вамъ здоровья и дѣятельности и остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ преданный вамъ Ив. Тургеневъ“.

Нѣсколько оффиціальный, дѣловой тонъ письма, вызваннаго извѣстными порученіями и написаннаго вскорѣ послѣ мимолетнаго знакомства и перваго свиданія, вовсе не характеризуетъ взаимныхъ отношеній обоихъ писателей. Рѣдкія встрѣчи, обусловленныя дальними разстояніями, когда одинъ почти безвыѣздно жилъ въ Москвѣ, а другой также почти постоянно за границей, дѣйствительно не установили тѣхъ желательныхъ, близкихъ дружескихъ отношеній между Островскимъ и Тургеневымъ, какія, наприм., существовали у послѣдняго съ Писемскимъ. Писемскій нѣсколько лѣтъ кряду жилъ въ Петербургѣ, когда и Тургеневъ надолго здѣсь оставался, навѣщалъ Тургенева за границей и очень охотливо велъ съ нимъ оживленную переписку.

Несмотря на авторитетное содѣйствіе Тургенева, на хлопоты другихъ лицъ, въ числѣ которыхъ первымъ слѣдуетъ упомянуть А. А. Краевскаго, Горбунову довелось пройти за кулисы и въ театральную уборную мимо многихъ мытарствъ и натолкнуться на серьезныя препятствія со стороны тогдашняго директора театровъ Гедеонова. Привелось, между прочимъ, выслушать отъ него нелѣпое, въ чиновничьемъ вкусѣ, предложеніе поступить предварительно сцены въ театральное училище,—довелось, однимъ словомъ, долго ждать и наконецъ дожидаться давленія свыше, чтобы получить право дебюта въ „Ночномъ“ — сценахъ Стаховича, и устроиться на Александринской сценѣ.

Какъ бы то ни было, но Иванъ Ѳедоровичъ въ концѣ зимы 1855 года переѣхалъ на житье изъ Москвы въ Петербургъ.

У Аничкова моста, въ домѣ Степанова [рядомъ съ Екатерининскимъ институтомъ], въ первомъ этажѣ направо, въ небольшой квартирѣ И. С. Тургенева, въ его пріемномъ залѣ, изящно-убранномъ портьерами и широчайшей оттоманкой, Горбуновъ разсказывалъ въ кружкѣ „Современника“ корифеямъ тогдашней молодой петербургской литературы. Разсказывалъ онъ, между прочимъ, ту свою сцену, которую въ печати, въ собраніи своихъ сочиненій, онъ назвалъ „Визитомъ“. Главное дѣйствующее лицо названо имъ тѣмъ именемъ, которое для барскихъ лакеевъ обращалось въ насмѣшливое или бранное. Какъ всякій ученый медвѣдь—Михайло Потапычъ, и всякій калмыкъ—Иванъ Иванычъ, такъ точно и каждый лакей—Алексѣй Алексѣичъ [молодой лакей Алешка] и все это блаженной памяти испорченное до отвращенія племя, вмѣстѣ взятое, „уксусъ“, „язычкомъ тарелку прошибъ“, „три сажени пыли проглотилъ“ и т. п. Супруга Алешки, Елена Дмитріевна—ломака, побывавшая съ барыней за границей, въ особенности привела въ восторгъ Ив. Сергѣевича жизненною правдивостью, напомнивъ ему знакомое домашнее и недавнее. Онъ тотчасъ же изъ своихъ наблюденій дворянскаго быта сразу начертилъ легкій мастерски-художественный набросокъ, мимоходомъ и не для печати, который и сейчасъ стоитъ живымъ у меня передъ глазами.

Въ тотъ памятный вечеръ и тутъ я впервые встрѣтился и познакомился съ Горбуновымъ. Знакомство наше вскорѣ, какъ-то вдругъ и незамѣтно, перешло въ ту близкую и тѣсную дружбу, которая не омрачилась и не ослабѣвала во всю послѣдующую нашу жизнь. По русскому обычаю, эта взаимная пріязнь закрѣпилась для насъ кумовствомъ и сватовствомъ и въ такомъ незабвенномъ для меня лично видѣ сберегалась цѣльно и бережно въ теченіе ровно сорока лѣтъ*.

С. Максимовъ.

---

* Было напечатано въ „Русской Мысли“, декабрь 1898 года. Прим. ред.

Т. Филиппов

См. +

Памяти И. Ѳ. Горбунова*.

Скорбная вѣсть о кончинѣ И. Ѳ. Горбунова пронесется по всей Россіи до отдаленнѣйшихъ ея концовъ и вызоветъ всюду искреннюю печаль объ утратѣ высокаго художника родного слова и неподражаемаго живописца быта и нравовъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Не будетъ, безъ сомнѣнія, недостатка въ сочувственныхъ отзывахъ, какъ о его общественной дѣятельности, такъ и о рѣдкихъ свойствахъ его души, чему начало уже положено въ петербургскихъ современныхъ изданіяхъ; какъ дань общей заслуженной признательности, принесутся ему согласныя и достойныя его заслугъ хвалы; могутъ быть изысканы, предложены и приняты различныя мѣры къ увѣковѣченію его свѣтлой памяти. На этомъ можно было бы, пожалуй, мнѣ и успокоиться и незамѣтно присоединиться къ многочисленному хору сочувственныхъ голосовъ.

Но мои особенныя отношенія къ почившему не дозволяютъ мнѣ молча проводить его въ могилу и повелительно требуютъ слова. Какъ свидѣтель всего пройденнаго имъ пути, какъ послѣдній за его смертію членъ того литературнаго кружка „молодого Москвитянина“, въ которомъ онъ получилъ свое художественное воспитаніе, я погрѣшилъ бы и противъ его братской ко мнѣ дружбы, и противъ его близкихъ и почитателей, если бы въ минуту земной съ нимъ разлуки остался безмолвнымъ и не послалъ бы ему прощальнаго привѣта.

Мы познакомились съ Иваномъ Ѳедоровичемъ въ 1853 году, въ Москвѣ у А. Н. Островскаго, который жилъ тогда у Николы въ Воробинѣ; его простота, любезный открытый нравъ, замѣчательная скромность съ перваго раза привлекли меня къ новому знакомому; а выслушанный мною разсказъ „Утро квартальнаго надзирателя“ далъ мнѣ понять, что я вижу передъ собою истиннаго художника, бриліантъ чистой воды.

Съ той поры Иванъ Ѳедоровичъ усвоенъ былъ кружкомъ „молодого Москвитянина“ и, по распаденіи кружка, оставался со всѣми бывшими его членами въ неизмѣнныхъ дружескихъ отношеніяхъ.

---

* Первоначально напечатано въ „Новомъ Времени“, 28 декабря 1895 года № 7123, а затѣмъ въ „Сборникѣ Т. Филиппова“, посвященномъ „Непорочной памяти Ивана Васильевича Кирѣевскаго“. Спб. 1896 года, стр. 294. Прим. ред.

А. Н. Островскій и П. М. Садовскій въ той области искусства, въ которой собирался дѣйствовать Иванъ Ѳедоровичъ были два гиганта недосягаемой высоты и несоизмѣримой силы: ихъ постоянному наблюденію и вліянію И. Ѳ. былъ обязанъ тѣмъ тонкимъ чувствомъ мѣры, которымъ отличаются всѣ его разсказы, и полною свободою отъ того, что французы зовутъ charge и что обыкновенно соблазняетъ начинающихъ художниковъ легкостію дешеваго успѣха. Разумѣется, ничье вліяніе не оградило бы И. Ѳ. отъ этого слишкомъ распространеннаго порока, если бы въ собственной природѣ его дарованія не было залоговъ строгой художественной трезвости. Но едва ли можно поручиться, что онъ хотя бы на время не впалъ бы въ этотъ грѣхъ, если бы, вмѣсто Островскаго и Садовскаго, онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности попалъ подъ руководство, напримѣръ, Самойлова. Общеніе и съ другими членами „молодого Москвитянина“ не осталось безъ пользы для развитія въ И. Ѳ. общаго литературнаго вкуса и силы его природнаго юмора: Е. Н. Эдельсонъ и Б. Н. Алмазовъ должны быть упомянуты здѣсь на первомъ мѣстѣ.

Въ 1853 году у И. Ѳ., кромѣ „Утра квартальнаго надзирателя“, разсказа превосходнаго, но немного грубоватаго, было нѣсколько маленькихъ разсказовъ изъ быта московскихъ фабричныхъ, тонко отдѣланныхъ и чрезвычайно забавныхъ, но сравнительно съ позднѣйшими плодами его творчества незначительныхъ.

Между произведеніями его зрѣлой поры внимательный взоръ можетъ отмѣтить не мало такихъ, которымъ, сверхъ ихъ художественнаго совершенства, нельзя отказать и въ важномъ общественномъ значеніи. Напримѣръ, когда бѣднягу портного изъ Гусева переулка взяли въ участокъ за его невинное намѣреніе летѣть съ нѣмцемъ въ воздушномъ шарѣ и когда изъ народа раздается голосъ: „и какъ это возможно безъ начальства летѣть?“ мысль не останавливается на забавномъ смыслѣ этого частнаго случая, но простирается далѣе его, къ болѣе важнымъ общественнымъ явленіямъ.

Разсказъ о засѣданіи „Общества прикосновенія къ чужой собственности“, вмѣстѣ съ взрывомъ неудержимаго хохота, вызываетъ [увы! вызывалъ] и взрывъ негодованія и унынія своимъ сходствомъ съ дѣйствительными нравами нашихъ общественныхъ дѣятелей, которые нимало не стѣсняются тѣмъ, что „грабить не приказано“.

Разсказъ „о кражѣ брюкъ“ есть правдивое и живое изображеніе изнанки быта судебныхъ учрежденій, взывающее объ исправленіи зла.

Въ числѣ разсказовъ Ивана Ѳедоровича есть и такіе, въ которыхъ сквозь комическую оболочку проступаетъ замѣтная поэтическая жилка и живое чувство природы и подъ которыми не усомнился бы подписать свое имя первоклассный художникъ, таковы: Лѣсъ, Безотвѣтный.

Иванъ Ѳедоровичъ зналъ въ совершенствѣ языкъ древнерусскій и могъ поддѣлываться подъ него съ неподражаемымъ искусствомъ. Составленное имъ описаніе поѣздки древняго русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже опытныхъ археологовъ къ крайнее недоумѣніе. Думая, что это подлинный статейный списокъ XVII столѣтія ученый П. И. Савваитовъ долго не могъ придти въ себя отъ удивленія, вообразивъ, что рулетка существовала уже въ XVII вѣкѣ.

Равнымъ образомъ Иванъ Ѳедоровичъ былъ знакомъ и съ языкомъ церковно-славянскимъ и могъ писать на немъ свободно шутливыя привѣтственныя слова и поздравленія по разнымъ случаямъ. Такая переписка происходила неоднократно и между нами.

Многія части нашего богослуженія онъ зналъ наизустъ и не могъ насытиться дивною красотою и велелѣпіемъ священныхъ твореній богодухновенннаго греческаго генія, переданныхъ въ чудотворномъ церковнославянскомъ переводѣ. Въ свои предсмертные дни онъ съ наслажденіемъ слушалъ чтеніе Цвѣтной Тріоди.

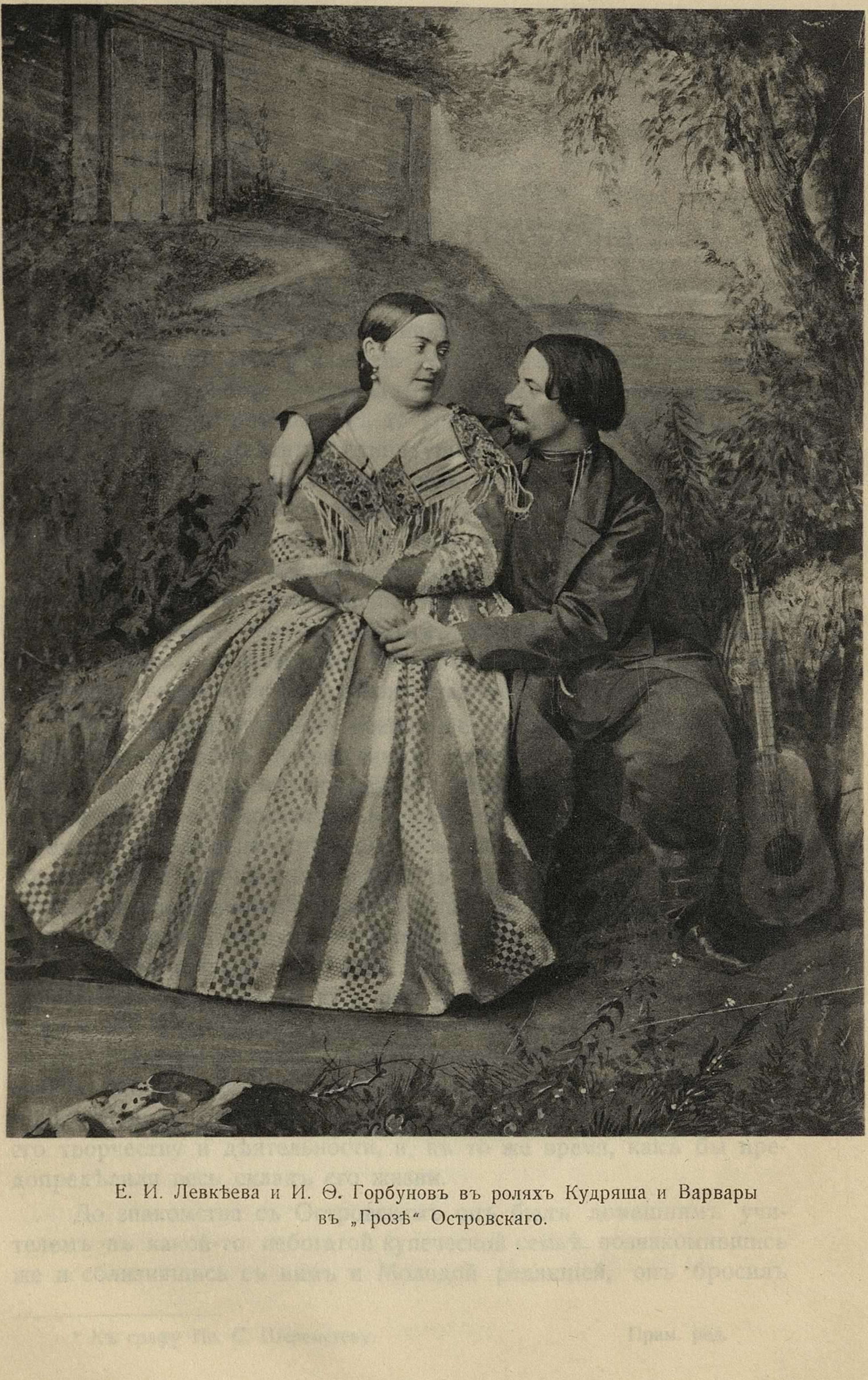
Языкъ русской пѣсни и ея напѣвы были ему знакомы, какъ рѣдко кому.

Наконецъ, начитанность его въ нашей новой литературѣ была поразительна; и нельзя надивиться количеству стихотвореній нашихъ великихъ, среднихъ и даже малыхъ поэтовъ, которое удерживалось въ его изумительной памяти.

Этими бѣглыми, наскоро набросанными, замѣтками о тѣхъ составныхъ частяхъ, изъ которыхъ сложилось умственное и художественное образованіе Ивана Ѳедоровича я долженъ поневолѣ на этотъ разъ ограничиться; думаю, впрочемъ, что и въ нихъ достаточно ясно опредѣляются основныя черты его внутренняго образа и его отношенія къ тому, что составляетъ душу нашего народа: къ его вѣрѣ, языку, пѣснѣ и вообще его словесному творчеству. Въ силу сихъ отношеній ему по праву принадлежитъ имя *народнаго* русскаго художника.

Благословеніями провожая его въ неизбѣжный всѣмъ намъ таинственный путь, мы смѣемъ выразить упованіе, что дѣтское незлобіе его свѣтлой души, которое привлекало къ нему общую любовь здѣсь, и тамъ исходатайствуетъ ему милость прощенія, въ которой одной онъ и имѣетъ теперь нужду.

Т. Филипповъ.



Е. И. Левкѣева и И. Ѳ. Горбуновъ въ роляхъ Кудряша и Варвары
въ „Грозѣ“ Островскаго.

Сп. 7

Изъ письма А. А. Потѣхина*.

...Съ Ив. Ѳ. Горбуновымъ я познакомился въ 1853 году, когда сталъ сотрудничать въ Москвитянинѣ и сблизился съ такъ называемой Молодой его редакціей. Членами этой редакціи были: Аполлонъ Григорьевъ, Эдельсонъ, Алмазовъ, Т. И. Филипповъ и А. Н. Островскій. Всѣ они, въ то время, еще совсѣмъ молодые люди, составляли дружный, единодушный кружокъ, къ которому, какъ близкіе люди, примыкали писатели: М. А. Стаховичъ и М. Н. Владыкинъ, артистъ Малаго театра П. М. Садовскій и художникъ Боклевскій. Кружокъ этотъ часто собирался для дѣловой и дружеской бесѣды, и преимущественно у Эдельсона, который, будучи болѣе другихъ матеріально обезпеченъ, отличался, вмѣстѣ со своею женою, необыкновеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Здѣсь я и встрѣтилъ въ первый разъ Ивана Ѳедоровича Горбунова, введеннаго въ кружокъ, кажется, А. Н. Островскимъ.

Въ то время это былъ очень еще юный, молодой человѣкъ, скромный, ласковый, привѣтливый, сдѣлавшійся, съ перваго появленія своего, общимъ любимцемъ. Онъ явился въ кружокъ со своими первыми разсказами о московскихъ фабричныхъ рабочихъ, сразу былъ оцѣненъ кружкомъ и завоевалъ его симпатію. Необыкновенная жизненная правдивость и художественность его разсказовъ, тонкая наблюдательность, способность имитаціи, гибкость голоса, мимика, остроуміе и оригинальность творчества, создали о немъ представленіе не только, какъ о необыкновенномъ, феноменальномъ разсказчикѣ, но и какъ о будущемъ большомъ актерѣ и писателѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что близость къ А. Н. Островскому и постоянное пребываніе въ кружкѣ Молодой редакціи способствовали развитію таланта Ивана Ѳедоровича, раздвинули его міросозерцаніе, обогатили его умъ и дали извѣстное направленіе его творчеству и дѣятельности, и, въ то же время, какъ бы предопредѣлили весь складъ его жизни.

До знакомства съ Островскимъ онъ былъ домашнимъ учителемъ въ какой-то небогатой купеческой семьѣ, познакомившись же и сблизившись съ нимъ и Молодой редакціей, онъ бросилъ свою педагогическую дѣятельность, жилъ почти постоянно у Островскаго, или гостилъ у другихъ членовъ кружка. Не знаю, годъ или болѣе прожилъ онъ такимъ образомъ безъ опредѣленныхъ занятій, кромѣ изобрѣтенія, или импровизации новыхъ разсказовъ, наконецъ съ помощію А. Н. Островскаго и П. М. Садовскаго получилъ дебютъ и былъ принятъ на сцену Малаго театра въ Москвѣ. Здѣсь, на сценѣ, онъ пріобрѣлъ популярность, какъ разсказчикъ, и вскорѣ былъ переведенъ въ Петербургскій Александринскій театръ.

---

* Къ графу Пв. С. Шереметеву. Прим. ред.

Относительно фотографической группы, о которой Вы спрашиваете, у меня не осталось опредѣленныхъ и точныхъ воспоминаній, но помню, что въ 50-хъ годахъ, я часто пріѣзжалъ въ Москву, и при возникшихъ у меня дружескихъ отношеніяхъ съ А. Н. Островскимъ и И. Ѳ. Горбуновымъ, все время моего пребыванія въ Москвѣ, иногда цѣлые дни, проводилъ вмѣстѣ съ ними, втроемъ. Въ память объ этихъ дняхъ, вѣроятно, и была снята фотографическая наша группа...

Алексѣй Потѣхинъ.

3-го Сентября
1903 года.

См. +

Воспоминаніе М. П. Садовскаго[*].

...И. Ѳ. Горбуновъ появился въ нашемъ домѣ въ качествѣ моего учителя русской грамотѣ, когда мнѣ шелъ шестой годъ; отецъ мой встрѣтилъ его у А. Н. Островскаго, при которомъ онъ находился, кажется, въ качествѣ переписчика; весьма вѣроятно, что приглашеніе Ивана Ѳедоровича ко мнѣ въ наставники было вызвано не столько его педагогическими способностями, сколько желаніемъ моего отца оказать въ благопристойной формѣ матеріальную поддержку нуждающемуся молодому человѣку, ушедшему изъ 2-й гимназіи раньше окончанія курса. Ученье мое у И. Ѳ. было непродолжительно и у меня объ этомъ времени въ памяти не осталось почти ничего; но мой бывшій наставникъ до конца дней своей жизни, не смотря на мои сѣдые волосы, называлъ меня „Минчикомъ“, тѣмъ ласкательнымъ именемъ, которымъ въ раннемъ дѣтствѣ звали меня родители; при позднѣйшихъ встрѣчахъ со мной онъ съ любовью вспоминалъ, какъ линовалъ для меня тетрадки, какъ училъ писать „палки“ и какъ моя бабушка Авдотья Васильевна, мать отца, передъ началомъ урока таинственно отзывала его къ шкафу, доставала оттуда графинъ и, поднося ему рюмку водки, настоенной на травахъ звѣробоѣ и душицѣ, говорила:

— „Ты ужъ его, Минчика, очень-то не принуждай“.

Разсказывалъ мнѣ Иванъ Ѳедоровичъ, какъ мой отецъ его возилъ въ первый разъ въ качествѣ разсказчика къ фабрикантамъ Носовымъ; дебютантъ имѣлъ успѣхъ; когда послѣ хорошаго ужина гости разъѣзжались, гостепріимный хозяинъ вышелъ провожать ихъ въ прихожую и при прощаніи сунулъ въ руку Ивана Ѳедоровича золотой; растерянный и удивленный И. Ѳ. въ первую минуту не нашелся ничего сказать и уже сидя на извозчикѣ съ волненіемъ сообщилъ о полученномъ презентѣ отцу, на что тотъ, понюхавъ табаку, спокойнѣйшимъ тономъ отвѣтилъ:—„Спрячьте, пригодится“.

Съ этой поры Иванъ Ѳедоровичъ сталъ пріобрѣтать извѣстность какъ разсказчикъ народныхъ сценъ; послѣдовали частныя приглашенія во многіе дома, но приходилось-ли ему въ это время выступать въ какихъ-нибудь концертахъ и литературныхъ вечерахъ,—не знаю. Тотъ кружокъ литературной и художественной интеллигенціи, въ которомъ вращался Иванъ Ѳедоровичъ весьма цѣнилъ его дарованіе и тонкую наблюдательность и вздумалъ открыть ему болѣе широкій горизонтъ, т. е.—сдѣлать изъ него актера; намѣреніе это было приведено въ исполненіе моимъ отцомъ, устроившимъ Ивану Ѳедоровичу дебютъ въ свой бенефисъ въ комедіи М. Н. Владыкина „Образованность". Помнится мнѣ, что этотъ дебютъ вызывалъ въ нашей семьѣ не мало разнаго рода волненій и разговоровъ; на спектакль возили и меня, но въ памяти моей удержалось только то явленіе, когда И. Ѳ. вбѣжалъ на сцену пьяный, сбросилъ на полъ плащъ и сталъ ломать замокъ у комода.

---

[*] Изъ письма къ графу Пв. С. Шереметеву. Прим. ред.

Вскорѣ послѣ московскаго дебюта Иванъ Ѳедоровичъ поступилъ на петербургскую сцену и мы видались только при его пріѣздахъ великимъ постомъ. Пасху И. Ѳ. всегда встрѣчалъ въ Москвѣ и въ теченіи многихъ лѣтъ мы съ нимъ христосовались на площадкѣ между кремлевскими соборами.

При встрѣчахъ нашихъ мы предавались воспоминаньямъ о быломъ и о дорогихъ намъ людяхъ, уже сошедшихъ съ земного поприща; въ этихъ воспоминаніяхъ не было ничего цѣльнаго, это была пестрая мозаика всякихъ мелочей, отдѣльныхъ черточекъ, отрывистыхъ фразъ и словъ, понятныхъ только однимъ намъ. Мнѣ особенно трогательно было благоговѣйное отношеніе Ивана Ѳедоровича къ памяти моего отца, сохраненное имъ до послѣднихъ минутъ; Иванъ Ѳедоровичъ не разъ съ восторгомъ говорилъ мнѣ какъ этотъ глубоко-русскій человѣкъ подогрѣвалъ въ немъ любовь къ народу и какъ много способствовалъ его развитію; онъ съ необыкновенной любовью разсказывалъ мнѣ, какъ однажды отецъ, ѣдучи куда-то съ нимъ, вдругъ велѣлъ извозчику остановиться около цирульни и обстригъ И. Ѳ. „въ скобку"; когда по прошествіи нѣсколькихъ дней, Иванъ Ѳедоровичъ осмѣлился сказать своему Амфитріону, что надъ его прической многіе смѣются, отецъ серьезно и спокойно возразилъ: „—Ничего они, дураки, не понимаютъ,—прекрасное лицо!"

Въ послѣдніе годы нѣжное отношеніе къ прошлому проявилось у Ивана Ѳедоровича особенно ярко; было-ли это общей слабостью всѣхъ старѣющихъ людей или предчувствіемъ недалекаго разсчета съ жизнію—не знаю, но самое послѣднее наше свиданіе оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе: мы сидѣли въ Славянскомъ базарѣ и я съ грустью видѣлъ, что крѣпкій организмъ И. Ѳ. проявилъ явные и жестокіе признаки разрушенія; онъ попросилъ меня прочитать стихи Б. Н. Алмазова къ моему отцу, начинающіеся словами: „Хвала тебѣ, художникъ русскій славный!"

Я сталъ читать, а Иванъ Ѳедоровичъ слушалъ меня съ дѣтской улыбкой на лицѣ, смотря куда-то въ даль:

Хвала тебѣ, художникъ русскій славный,
Позволь отъ имени поклонниковъ твоихъ
Твоимъ друзьямъ за чашею заздравной
Сказать тебѣ внушенный сердцемъ стихъ.

Хвала тебѣ, художникъ честный, строгій
Святую цѣль искусства ты постигъ,
Къ ней твердо шелъ тернистою дорогой,
Не отступивъ отъ правды ни на мигъ.
Ты не гнался за суетнымъ успѣхомъ
И вкусу грубому толпы не потакалъ,
Не веселилъ невѣждъ дешевымъ смѣхомъ,
Дешевыхъ слезъ у нихъ не покупалъ.
Да, ты постигъ по сметкѣ самородной,
Что слава лишь тогда искусство озаритъ,
Когда оно въ священный бытъ народный
Свои ростки глубоко вкоренитъ.
Что всякій типъ народностью лишь крѣпокъ,
Что лишь она даруетъ жизнь ему,
Что безъ нея онъ мертвый, ломкій слѣпокъ
Съ безвѣстнаго лица, не нужный никому.

Когда я дошелъ до стиха:

И ты слился душой съ народомъ воедино,
Родную старину съ любовью вопрошалъ,
Всѣмъ сердцемъ, всей душой любилъ простолюдина
И сердце русское узналъ и разгадалъ...

глаза моего слушателя усиленно заморгали и на щекахъ набѣжали крупныя слезы; не отирая ихъ, онъ сидѣлъ нѣсколько времени молча съ опущенной головой, потомъ вдругъ поднялся, крѣпко поцѣловалъ меня и ушелъ...

Въ заключеніе—небольшой анекдотъ: въ годъ смерти Ивана Ѳедоровича лѣтомъ я былъ съ семьей въ Петербургѣ и поѣхалъ въ Александро-Невскую Лавру съ цѣлью отслужить панихиду на его могилѣ, но найти ея не могъ; я обратился къ сторожамъ съ вопросомъ, гдѣ находится могила артиста Горбунова? Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ незнаніемъ и почему-то рекомендовалъ мнѣ посѣтить могилу господина Ломоносова, а другой объявилъ: „ежели артистъ, такъ ищите на Смоленскомъ, тамъ ихъ множество“.

М. Садовскій.

Иванъ Өедоровичъ Горбуновъ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Немного лѣтъ прошло со смерти И. Ө. Горбунова, а столь обычное у насъ забвеніе начинаетъ уже вступать и по отношенію къ нему въ свои права. Образъ его тускнѣетъ, расплывается въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ, рисуется въ невѣрныхъ очертаніяхъ. Имя его почти ничего уже не говоритъ тѣмъ, кто не зналъ или не слышалъ его лично. И уходитъ, такимъ образомъ, изъ памяти общества замѣчательный по своему дарованію русскій человѣкъ, умѣвшій воплощать въ сжатыхъ и яркихъ формахъ типическія черты нашей бытовой жизни. Уходитъ—не оставивъ, въ виду своеобразности своего творчества, и преемника. Пока еще не изсякли личныя о немъ воспоминанія, пока еще помнятся, болѣе или менѣе „съ подлиннымъ вѣрно“, нѣкоторые его нигдѣ не напечатанные разсказы,—необходимо постараться задержать его, не дать ему уйти совсѣмъ, необходимо попробовать отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое былъ въ своей художественной дѣятельности Горбуновъ. Это тѣмъ болѣе нужно, что въ представленіе о немъ закралось много ложнаго, что обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ и мимолетныхъ, иногда совсѣмъ непродуманныхъ выводовъ и непровѣренныхъ впечатлѣній создало такой образъ Горбунова, который не соотвѣтствуетъ ни его душевному складу, ни дѣйствительному, внутреннему содержанію его произведеній. Многіе думаютъ и говорятъ о немъ, судя по единичнымъ встрѣчамъ, какъ о веселомъ собесѣдникѣ, о застольномъ увеселителѣ, о *забавникѣ*. Взрывы смѣха зрительной залы въ театрѣ, когда, въ чей-нибудь бенефисъ, добрый и обязательный Горбуновъ выступалъ съ новою „сценою изъ народнаго быта“,—хохотъ сотрапезниковъ, которымъ, „entre poire et fromage“, кажется очень смѣшнымъ то, что разсказалъ имъ Горбуновъ,—веселое настроеніе какого-нибудь интеллигентнаго кружка, восхищеннаго тѣмъ, „какъ *это* тонко подмѣчено!“ или „какъ *оно* мѣтко схвачено!“---представляются многимъ правильною оцѣнкою и опредѣленіемъ всего смысла творчества Горбунова. Но тѣ, кто думаетъ такъ, не знаютъ и не понимаютъ его. Они видятъ во внѣшнемъ, бьющемъ въ глаза, результатѣ—выраженіе сокровенной душевной работы художника,—и глубиною пониманія слушателей опредѣляютъ глубину проникновенія послѣдняго въ свойство и значеніе изображаемыхъ имъ явленій.

Этотъ близорукій и поверхностный взглядъ особенно неправиленъ относительно Горбунова. Извѣстность выдающагося актера, разсказчика и вообще воплотителя житейскихъ и поэтическихъ образовъ—имѣетъ одну завидную особенность. Она не сопряжена съ нравственною отвѣтственностью. Она не влечетъ за собою ни строгаго осужденія прозрѣвшаго человѣчества, ни суда исторіи, ни угрызеній совѣсти, напоминающей о средствахъ, которыми иногда куплена слава полководца, политика, властителя. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, временна и непрочна. За извѣстнаго дѣятеля на поприщѣ другихъ искусствъ или въ области государственной говорятъ — неприкосновенная цѣлость ихъ трудовъ, безчисленныя историческія и житейскія послѣдствія ихъ дѣлъ. Лютеръ, Наполеонъ и Петръ, „чей каждый слѣдъ—по словамъ кн. Вяземскаго—для сердца русскаго есть памятникъ священный“,—постоянно напоминаютъ о себѣ; Рембрандтъ будетъ вѣчно говорить со своихъ удивительныхъ холстовъ; Пушкинъ—со своихъ вдохновенныхъ страницъ. Не такова судьба сценическаго дѣятеля. Его извѣстность поддерживается почти исключительно живыми свидѣтелями того, какъ прочно и глубоко вліялъ онъ на зрителей или слушателей; совокупность ихъ однородныхъ впечатлѣній и воспоминаній—создаетъ конкретный обликъ артиста. Но когда они уходятъ, а за ними слѣдуютъ и тѣ, кому они передали свои непосредственныя ощущенія,—живое представленіе объ артистѣ начинаетъ быстро сглаживаться, теряя свою яркость, и громкія имена людей, потрясавшихъ сердца,—имена Кина, Гаррика, Тальмы—ничего яснаго и опредѣленнаго не говорятъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Извѣстность носителей этихъ именъ принимается на вѣру,—такъ сказать, въ кредитъ. Ссылаясь на нее, приходится, по большей части, jurare in verba magistri, не обращаясь къ критикѣ источниковъ и оставляя въ сторонѣ *современныя* требованія, предъявляемыя и къ сценическимъ произведеніямъ, и къ пріемамъ и способамъ ихъ исполненія. *Имя* артиста переживаетъ его *дѣла;* въ другихъ областяхъ нерѣдко дѣла переживаютъ имя. Хотя значительная часть разсказовъ Горбунова и была напечатана, но существовали, однако, многіе варіанты и дополненія къ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ сценъ, никогда не видѣвшихъ печати и не записанныхъ даже самимъ авторомъ. Все это, вмѣстѣ съ оригинальною формою, въ которую они были облечены, и со свойственными Горбунову средствами исполненія, грозитъ кануть въ „пропасть забвенія“. Наконецъ, и то, что было когда-то напечатано и нынѣ вновь перепечатано,—въ виду своей отрывочности и обособленности, только тогда можетъ дать вѣрное понятіе о Горбуновѣ, когда будетъ подвергнуто нѣкоторому анализу и группировкѣ по своему содержанію. Для этого надо попытаться изъ отдѣльныхъ эпизодовъ разныхъ разсказовъ, изъ сверкающихъ въ нихъ вспышекъ юмора и звучащихъ въ нихъ звуковъ грустнаго раздумья составить нѣчто по возможности цѣльное, нѣчто въ родѣ мозаическихъ изображенiй изъ различныхъ цвѣтныхъ кусочковъ Такая работа была бы достойна памяти народнаго русскаго художника, какимъ былъ Горбуновъ.

Далекiй отъ мысли представить, въ настоящемъ очеркѣ, подобную работу, я хотѣлъ бы лишь намѣтить нѣкоторыя ея стороны и прiемы, необходимые, по моему мнѣнiю, для выясненiя личности и творческой дѣятельности Горбунова. Feci quod potui, faciant meliora potentes...

Какъ бы сложны, разнообразны и даже противорѣчивы ни были требованiя, предъявляемыя къ художнику, между ними есть, однако, такiя, на которыхъ сходится большинство. Наличность ихъ выполненiя служитъ доказательствомъ сознательности творческой его дѣятельности. Эта наличность существовала, и притомъ въ высшей степени—у Горбунова. Онъ вносилъ въ свои произведенiя самого себя, онъ чувствовался въ нихъ. Изображая избранный имъ предметъ тѣмъ или другимъ способомъ, въ той или другой формѣ, истинный художникъ невольно вкладываетъ въ это изображенiе и свое отношенiе къ тому, что онъ изображаетъ. Это отношенiе выражается въ настроенiи, почвою для котораго часто служитъ сужденiе художника о предметѣ своего труда. Безстрастное воспроизведенiе видѣннаго и слышаннаго, безъ внутренняго смысла, безъ вкладыванiя въ него своей души, а лишь съ заботою, иногда доходящею до болѣзненности, о технической отдѣлкѣ, никогда не оставитъ глубокаго впечатлѣнiя, не произведетъ сильнаго дѣйствiя. Объективная безсодержательность произведенiя можетъ вызвать лишь мимолетный эффектъ, но не создастъ въ зрителѣ или слушателѣ прочнаго воспоминанiя о прочувствованномъ, какъ бы силенъ ни былъ холодный блескъ техническаго исполненiя. Во всѣхъ родахъ искусства—умѣнье проникнуться извѣстнымъ настроенiемъ и передать его, путемъ творчества, другимъ—составляетъ главную задачу и проявленiе дѣятельности художника. Знатокъ въ дѣлѣ пониманiя искусства, И. А. Гончаровъ, не разъ высказывалъ эту мысль. Между прочимъ, въ „Литературномъ вечерѣ“ онъ говоритъ, устами одного изъ выводимыхъ имъ лицъ: „духъ, фантазiя, мысль, чувство художника должны быть разлиты въ произведенiи, чтобы оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданiе какого-то безличнаго чародѣя. Живая связь между художникомъ и его произведенiемъ должна чувствоваться зрителемъ и читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувствъ автора получаютъ возможность наслаждаться сами“... Исходя изъ такого же взглядя, Брюнетьеръ [„L'art et la nature“] проводитъ мысль, что произведенiе искусства является проводникомъ или посредникомъ между душевнымъ настроенiемъ художника и его слушателей, зрителей или читателей.

Несмотря на поразительную жизненность изображенiй въ сценахъ и разсказахъ Горбунова, дающую имъ вполнѣ объективный характеръ, онъ постоянно чувствуется въ нихъ, не равнодушный и спокойный, а съ чутко настроенною душою, умѣющею переживать то, что онъ изображаетъ. Поэтому за житейскою правдоподобностью, за тѣмъ, что французскiе критики называютъ crédibilité, у него вездѣ видно его отношеніе къ описываемому. Оттого его разсказы—кромѣ самыхъ первоначальныхъ, не нашедшихъ себѣ даже и мѣста въ его изданіяхъ, возбуждаютъ не одинъ смѣхъ, не одно удивленіе предъ его наблюдательностью. Они приводятъ, въ своей совокупности, къ невольному, но неизбѣжному выводу нравственнаго или общественнаго характера. Изъ интереснѣйшаго въ бытовомъ отношеніи содержанія ихъ звучитъ отношеніе автора къ добрымъ и темнымъ, печальнымъ и примирительнымъ сторонамъ нашего народнаго быта и къ отдѣльнымъ явленіямъ нашей общественной жизни. Съ точки зрѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, что чистая художественность должна отличаться совершеннымъ отсутствіемъ нравственнаго или утилитарнаго начала, Горбуновъ, конечно, не былъ служителемъ чистаго искусства, но тѣмъ ближе и понятнѣе онъ намъ, тѣмъ глубже западали въ память создаваемые имъ образы. Онъ былъ вполнѣ народнымъ художникомъ. Умѣвъ стать въ своихъ изображеніяхъ въ тѣсную связь съ народомъ и отразить въ нихъ міросозерцаніе послѣдняго, онъ осуществлялъ завѣтъ Эмерсона, требующаго, чтобы истинный художникъ былъ „le délégué intellectuel du peuple“, т.-е., чтобы онъ былъ „un homme, dont les éléments constituants existent à l'état diffus dans tous les membres de la société, au milieu de laquelle il a pris naissance“. Онъ бралъ содержаніе для своихъ сценъ преимущественно изъ жизни крестьянъ, мастеровыхъ, купцовъ, духовенства и мелкаго чиновничества и рѣдко касался другихъ слоевъ общества,—но вѣдь эти-то люди и составляютъ громадное, подавляющее большинство русскаго народа. При этомъ надо замѣтить, что Горбуновъ всегда умѣлъ схватить общенародные типы и мотивы, придавая имъ лишь бытовую или сословную окраску. Если въ его разсказахъ почти не встрѣчается представителей свѣтскаго общества, то это потому, что, по условіямъ и обстановкѣ своей жизни, по ея, такъ сказать, космополитическому складу, это общество утратило, въ обыденныхъ обстоятельствахъ, свой народный характеръ и въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе обезцвѣчивается. Русскаго человѣка, имъ описываемаго и выводимаго, Горбуновъ глубоко понималъ и любилъ горячо, безъ фразъ и подчеркиваній, любилъ потому, что жалѣлъ. Жалость эта сквозитъ во всѣхъ его сценахъ, гдѣ чувствуется, какъ различныя условія народной жизни или свойства характера не даютъ богатой природѣ этого человѣка пробиться къ свѣту и широко расправить крылья своихъ способностей или толкаютъ ее на ложный и темный путь. У простого русскаго человѣка *жалѣть*—синонимъ *любви*, и на вопросъ: „любишь ли?“—простая женщина нерѣдко отвѣчаетъ: „извѣстно, жалѣю!“. Такъ любилъ народъ и Горбуновъ, не идеализируя его и не замалчивая его недостатковъ.

Дѣлясь съ публикою своимъ творчествомъ, Горбуновъ никогда, какъ и подобаетъ истинному художнику, не поддѣлывался подъ ея подчасъ низменные вкусы. Онъ былъ нравоописатель, но не льстецъ своихъ слушателей, не слуга ихъ преходящихъ и измѣнчивыхъ вкусовъ, не соискатель дешеваго успѣха дешевыми и не всегда опрятными средствами. Его своеобразные, подчасъ возбуждавшіе неудержимый смѣхъ, разсказы—чужды пошлости и низменнаго характера. Въ нихъ нѣтъ ничего банальнаго, подражательнаго, избитаго. Чуткій художникъ, онъ не изображалъ лицъ и положеній смѣшныхъ лишь съ внѣшней стороны, по формѣ, а не по существу. Поэтому въ его разсказахъ нѣтъ дѣйствующихъ лицъ чужой національности, съ ихъ неправильнымъ и комическимъ выговоромъ русскихъ словъ, съ особенностями ихъ произношенія, съ ихъ жаргономъ,—нѣтъ нѣмцевъ, чухонъ, евреевъ, армянъ,—нѣтъ, однимъ словомъ, попытки вызвать грубою насмѣшкою надъ человѣкомъ другого племени смѣхъ, котораго потомъ нерѣдко стыдится человѣкъ развитый, и который ничего свѣтлаго не вноситъ въ нравственное настроеніе и пониманіе человѣка неразвитаго. Нѣтъ сомнѣнія, что при талантѣ Горбунова, при его умѣньѣ овладѣвать вниманіемъ аудиторіи, такія изображенія могли бы ему очень удаваться. При несомнѣнномъ пониженіи уровня вкусовъ общества за послѣдніе годы,—этимъ изображеніямъ всегда обезпеченъ успѣхъ, а при средствахъ Горбунова онъ былъ бы громадный. Но онъ ни разу имъ не соблазнился, и если „нѣмецъ“ два раза и мелькаетъ у него въ разсказахъ [„Воздушный шаръ“ и „Блонденъ“], то лишь для того, чтобы двумя-тремя рѣзкими штрихами обрисовать отношеніе къ нему *русскаго* человѣка.

Господствующій тонъ произведеній Горбунова есть юморъ, безъ оскорбительной насмѣшки и безъ ядовитой ироніи. Когда онъ попробовалъ однажды писать въ лично-насмѣшливомъ и ироническомъ родѣ—это ему совершенно не удалось [„Записная книжка“]. Лишь роль, взгляды и иногда цѣлое міровоззрѣніе дѣйствующихъ лицъ служатъ содержаніемъ его разсказовъ, но никогда не личность, въ осмѣяніи ея бытовыхъ или племенныхъ особенностей. Поэтому въ томъ, что онъ повѣствуетъ и что онъ такъ неподражаемо разсказывалъ — полное отсутствіе анекдотичности. Улыбку и раздумье, видимый смѣхъ и подчасъ невидимую скорбь возбуждаетъ въ немъ, а черезъ него и въ слушателяхъ не *смѣшной случай*, не искусственное сплетеніе комическихъ положеній и неожиданныхъ обстоятельствъ, а, если можно такъ выразиться, *кусокъ жизни*, выхваченный изъ дѣйствительности или вѣрнаго ея подобія и показанный съ милымъ и безобиднымъ юморомъ, который искрится и бьетъ черезъ край. Этотъ юморъ, въ устахъ Горбунова, возбуждалъ иногда смѣхъ до слезъ, до невозможности въ теченіе нѣкотораго времени слушать продолженіе разсказа. Но когда послѣдній бывалъ оконченъ, когда дѣйствующія лица, благодаря своей яркой образности, рѣзко запечатлѣлись въ памяти слушателей, засѣвъ въ ней прочно и надолго,—когда возникалъ самъ собою итогъ разсказаннаго, то подводимая въ немъ картина русской жизни вызывала нерѣдко въ глубинѣ души слушателей и, благодаря удивительному таланту Горбунова,—почти-что очевидцевъ—далеко не радостные звуки. Въ лицѣ Горбунова юмористъ, передававшій съ особымъ искусствомъ и правдивостью бытовыя черты изъ книги скорбей и радостей народной жизни, умѣлъ наводить на серьезные вопросы всякаго, кому дорого нравственное развитіе народа, кому народъ близокъ и интересенъ, а не забавенъ только, какъ предметъ смѣхотворныхъ застольныхъ анекдотовъ.

И съ точки зрѣнія *мастерства*, т.-е. формы и способа исполненія, Горбуновъ былъ истинный художникъ. Трудно видѣть въ немъ импровизатора, готоваго наскоро, умѣлыми руками набросать оригинальный разсказъ, сцену, бытовую картинку. На всѣхъ его произведеніяхъ и на всемъ, что онъ передавалъ устно, лежитъ печать продуманности. Она являлась необходимою—для разсказовъ съ историческимъ оттѣнкомъ, для полученія котораго требовалось предварительное и внимательное изученіе историческихъ матеріаловъ,—для сочиненій на старомъ русскомъ языкѣ, гдѣ одно неудачное и несвоевременное выраженіе портило бы цѣлостность общаго впечатлѣнія, звучало бы рѣзкимъ диссонансомъ. Но и кромѣ того, Горбуновъ вообще стремился сжать свои произведенія до крайнихъ размѣровъ, устранивъ изъ нихъ все излишнее и ненужное. А это требовало обдумыванья и неоднократныхъ, хотя бы только и мысленныхъ, передѣлокъ и перекроекъ. Онъ дѣйствовалъ какъ бы по программѣ другого большого художника—Ѳедотова, который говаривалъ: „въ дѣлѣ искусства надо дать себѣ *настояться*; художникъ-наблюдатель—то же, что бутыль съ наливкой: вино есть, ягоды есть—нужно только умѣть разливать во-время...“ Такъ и онъ, безъ сомнѣнія, „настаивался“, и лишь выработавъ вполнѣ и всесторонне то, чѣмъ хотѣлъ подѣлиться съ публикою, пускалъ это въ обращеніе. Однажды, въ 1878 году, въ Москвѣ, Горбуновъ изложилъ мнѣ фрагменты будущаго разсказа объ открытіи перваго русскаго парламента,—разсказа, полнаго самаго захватывающаго интереса,—объясняя, что *все это* надо еще отдѣлать и кое-что переработать. Лѣтъ черезъ десять, на просьбу дать возможность выслушать этотъ разсказъ, онъ отвѣчалъ: - „да все не готово:—не клеится что-то!.. хочется посерьезнѣе сдѣлать...“ —и неизвѣстно, не осталось ли это произведеніе лишь „im Werden“, какъ говорятъ нѣмцы. Онъ не считалъ возможнымъ остановиться на отдѣльныхъ отрывкахъ, связавъ ихъ намеками или искусственными нитями, и признавалъ себя въ правѣ пустить въ обращеніе свое произведеніе только тогда, когда оно было обработано до той ясности, съ которою оно возникло въ его душѣ. Оттого-то онъ и произвелъ сравнительно довольно немного. „En fait d'art,— говоритъ Жоржъ Зандъ,—il n'y a qu'une règle, qu'une loi: montrer et émouvoir“. Но, для того, чтобы успѣшно и цѣлесообразно *показывать* и *трогать* необходимо устранить все, что затемняетъ образъ или цѣлую картину, созданные художникомъ, что мѣшаетъ ихъ „показать“ столь выпукло и ярко, чтобы они произвели опредѣленное и цѣльное душевное движеніе въ слушателѣ или созерцателѣ. Это устраненіе излишняго—l'élimination du superflu, по удачному выраженію одного русскаго живописца;—усматривается во всемъ, созданномъ Горбуновымъ. Онъ былъ до крайности сжатъ и кратокъ, держалъ на привязи чужое вниманіе и умѣлъ заставить его, ничѣмъ не развлекаясь, почти сразу направиться на самый жизненный нервъ своего разсказа, не связаннаго никакою предвзятою формою, никакими условными правилами. Слушатель захватывался имъ съ первыхъ же словъ и слѣдилъ за нимъ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Такъ именно совѣтуетъ Лессингъ поступать художнику: „не впадай въ непростительную ошибку,—не оставляй насъ ни на минуту равнодушными, интересуй насъ и дѣлай затѣмъ съ правилами искусства – маленькими и механическими—что хочешь!“.

Вслѣдствіе этого, у Горбунова выработались особые пріемы повѣствованія. Въ большинствѣ случаевъ, онъ не дѣлалъ никакого вступленія; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно было неизбѣжно, онъ ограничивался двумя-тремя словами. Разсказчикъ спѣшилъ стереться и отойти въ сторону, предоставивъ самой жизни, которую онъ изображалъ, говорить за себя, очевидно находя, что вступленіе излишне тамъ, гдѣ, съ первыхъ словъ дѣйствующихъ лицъ, предъ слушателемъ, мало-мальски знакомымъ съ русскою дѣйствительностью, сама собою возникаетъ живая обстановка и условія, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе.—„Скоро полетитъ?—Не можемъ знать, сударь. Съ самыхъ вечеренъ надуваютъ: раздуть, говорятъ, невозможно.—А чѣмъ это, братцы, его надуваютъ?—Должно, кислотой какой... безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь“...—такъ начинается одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Горбунова, и картина рисуется сама собою, безъ всякаго предваренія слушателя...—„Вы обвиняетесь въ томъ, что въ гостинницѣ „Ягодка“ вымазали горчицею лицо трактирному служителю...—Бушевали мы—это точно...“-- начинаетъ Горбуновъ, и обстановка возстаетъ невольно предъ слушателемъ. Онъ видитъ мирового судью и людей, которые „бушевали“, и даже самый характеръ ихъ „бушеванья“ ясенъ изъ первыхъ же словъ судьи.—„Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь,—начинаетъ, бывало, Горбуновъ вкрадчивымъ голосомъ,—что, напримѣръ, ежели что у мирового—сейчасъ вы можете человѣка оправить...“—и не нужно говорить, что дѣло происходитъ въ кабинетѣ адвоката и притомъ спеціалиста по практикѣ у мировыхъ судей... Иногда разсказъ начинался пѣніемъ чувствительнаго романса о „кинареечкѣ“, и фигура перезрѣлой замоскворѣцкой барышни съ картавымъ голосомъ тотчасъ рисовалась передъ слушателемъ и предвѣщала общій тонъ будущаго разсказа; иногда сиплый голосъ, напѣвающій съ ожесточеніемъ: „спрятался мѣсяцъ за тучи“—изобличалъ самъ собою молодого гуляку, размаху широкой натуры котораго положенъ предѣлъ какимъ-нибудь неизбѣжнымъ, но тѣмъ не менѣе непріятнымъ обстоятельствомъ...

Горбуновъ любилъ разсказывать стоя. Только въ качествѣ генерала Дитятина, о которомъ рѣчь будетъ ниже, онъ обыкновенно сидѣлъ. Ставъ въ естественную, непринужденную позу, онъ, если это было въ частномъ собраніи, брался за спинку стула, откидывалъ со лба нависавшую прядь волосъ и глядѣлъ передъ собою въ пространство, слегка прищуренными, живыми глазами, взоръ которыхъ по ходу и смыслу разсказа становился съ удивительною легкостью то посоловѣлымъ, то комически томнымъ, то лукавымъ, то испуганнымъ. Живая, непередаваемая игра физіономіи Горбунова,—выраженіе его губъ, то оттопыренныхъ, то растянувшихся въ сладкую или ехидную улыбку, то старчески отвислыхъ, то презрительно сжатыхъ,—его, рѣдкій вообще, жестъ съ растопыренными пальцами или выразительный ударъ могучаго кулака въ грудь,—наконецъ, удивительно-тонкіе оттѣнки его, небогатаго самого по себѣ, голоса, его шопотъ, всхлипыванья, взволнованная скороговорка, выразительныя паузы—все это населяло его разсказы массою лицъ, обрисованныхъ яркими, типичными чертами, различныхъ по темпераменту, развитію, настроенію и одинаковыхъ по своей реальности, по своей тѣсной связи съ своеобразными сторонами русской жизни и натуры. Подобно началу разсказа, и конецъ бывалъ простъ и естествененъ. Многіе разсказы кончались эпически, вдругъ, неожиданно, обрываясь, когда все, что составляло ихъ внутренній смыслъ, уже было сказано. Дальнѣйшее ихъ продолженіе являлось бы лишь развитіемъ послѣдствій того или другого положенія, представлять себѣ которыя скупой на слова Горбуновъ предоставлялъ самому слушателю.

II.

Передать, хотя бы въ общихъ чертахъ, *содержаніе* разсказовъ Горбунова—очень трудно. Не говоря уже о богатствѣ и разнообразіи этого содержанія, оно такъ тѣсно и органически связано съ формою и съ особенностями выполненія ея Горбуновымъ, что излагать своими словами это живое воспроизведеніе русской дѣйствительности, блещущее юморомъ и талантомъ, было бы задачею, смѣлость которой равнялась бы ея безплодности. Горбунова нужно было слышать, его слѣдуетъ читать серьезно и вдумчиво; говорить же о его произведеніяхъ возможно лишь намѣтивъ главные ихъ мотивы и освѣщая ихъ небольшими отрывками, изложенными подлинными словами автора.

Русская жизнь и русскій человѣкъ представлены имъ въ самыхъ разнородныхъ сочетаніяхъ, всегда однако не только правдоподобныхъ, но поражающихъ своею вѣрностью во всѣхъ отношеніяхъ. Горбуновъ вообще скупъ на описанія и не любитъ рисовать картины. Его интересуетъ самъ человѣкъ, а не фонъ, на которомъ вырисовывается житейская обстановка, среди которой онъ дѣйствуетъ. Тѣмъ не менѣе у него нашли себѣ яркое изображеніе—унылое однообразіе великорусскаго села съ неизбѣжнымъ „заведеніемъ“; тоскливая тишина и незамѣтно ползущая жизнь уѣзднаго города общаго средне-русскаго типа, съ обычнымъ гостинымъ дворомъ, какъ двѣ капли схожимъ по архитектурѣ, вывѣскамъ и даже по запаху со всѣми другими гостиными дворами другихъ уѣздныхъ же городовъ; московское „захолустье“, гдѣ фонари освѣщаютъ лишь свой собственный столбъ и ночной сторожъ протяжно кричитъ: „посма-а-атривай!“, хотя именно посматривать-то и некому; постоялый дворъ въ посадѣ при монастырѣ, гдѣ „теперича клопъ со всего свѣту собрался, потому богомольцевъ-то какая сила!“. Но набросавъ такое изображеніе, Горбуновъ спѣшитъ перейти къ людямъ,—столь близкимъ ему и понятнымъ русскимъ людямъ, „среднимъ“ и „молодшимъ“, какъ говорилось въ старину, вращающимся среди обычныхъ мотивовъ и элементовъ своей несложной, хотя подчасъ и очень своеобразной жизни. Ихъ повѣрья и обычаи, ихъ доброта и ихъ слабости, проявленія ихъ душевной теплоты, а подчасъ и нравственнаго паденія, ихъ отношенiе къ власти, къ суду, къ церкви и наукѣ,—будни и праздники, скорби и трагедiи ихъ существованiя, смѣняя другъ друга и переплетаясь между собою, проходятъ въ пестрой картинѣ предъ каждымъ, кто перечтетъ и припомнитъ разсказы Горбунова.

Любовь къ этому русскому человѣку, несмотря на трезвый взглядъ на его слабости и недостатки, теплится и сквозитъ въ большинствѣ того, что повѣствуетъ Горбуновъ. Не закрывая глазъ на неприглядныя стороны родной жизни, рѣзко оттѣняя тѣ внутренніе диссонансы и „безобразiя“, которыми иногда проявляетъ себя русскiй человѣкъ, Горбуновъ не забываетъ про тяжелыя историческiя и бытовыя условiя, оставившiя, даже и отойдя въ область прошедшаго, свой слѣдъ на нравственномъ складѣ и многихъ сторонахъ „поведенiя“ этого человѣка. Крѣпостное право, дореформенное безсудье на ряду съ стремительностью и непосредственностью начальственной расправы, тяжкая, обрывающая всѣ личныя связи, многолѣтняя военная служба и мракъ невѣжества, не только не разсѣеваемый, но, подчасъ, и любовно оберегаемый, мелькаютъ въ разсказахъ Горбунова, внося темные тоны въ ихъ, въ общемъ, свѣтлую и веселящую взоръ ткань.

„Вся-то жизнь наша—слезы,—говоритъ, въ „Медвѣдѣ“, лежащiй на печи старикъ,—родимся мы въ слезахъ и помремъ въ слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ, и сказать нельзя! Бывало хоть въ некрутчину: и мать-то воетъ, и отецъ-то воетъ, а у жены у некрутиковой изъ глазъ словно смола горячая капаетъ“... Эта „некрутчина“, наводившая ужасъ на разрушаемую ею семью, вызывала ее иногда на крайнее напряженiе силъ, выражавшееся въررнаймѣ „охотника“—и среди разсказовъ Горбунова былъ одинъ, героемъ котораго являлся такой охотникъ, гуляющiй на счетъ нанявшихъ и всячески безвозбранно надъ ними надмывающiйся. Въ порывистыхъ жестахъ его, въ окрикахъ на нанятаго имъ музыканта: „дѣлай! дѣлай!“, въ его пьяныхъ вопляхъ и слезахъ слышалось глубокое, безъисходное отчаянiе загубившаго себя человѣка. Отголоски этой же некрутчины звучатъ и въ словахъ кухарки на „постояломъ дворѣ“ — о мужѣ, котораго „угнали на Кавказъ, такъ что и слуховъ объ емъ нѣтъ... должно къ австрiякамъ попалъ“. — и въ простодушныхъ разсказахъ Прохора, въ „Лѣсѣ“, объ отведенномъ имъ „для порядку“ къ становому бѣглому солдатѣ, котораго онъ не испугался, потому что „на войнѣ ежели, вѣстимо убьетъ, а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ, въ лѣсу ему ѣсть нечего... ягоды—да ягодой, или корешкомъ какимъ ни на есть, сытъ не будешь, ну и отощалъ человѣкъ, силу, значитъ, забрать не можетъ, опять же и ружья этого при емъ нѣтъ“.

Слезы „некрутиковой жены“ невольно напоминаютъ горькое, пришибленное положенiе, которое часто выпадаетъ въ удѣлъ простой русской женщины въ крестьянской средѣ, а подчасъ и въ той, гдѣ владычествуетъ, не препятствуя своему нраву, „господинъ купецъ“. За комической растерянностью и смѣшными по своей трусливой узкости житейскими взглядами обывательницъ захолустья, описываемыхъ Горбуновымъ, видится ихъ непрестанный трепетъ передъ домашнимъ произволомъ, неожиданность и безпричинность проявленій котораго нагоняютъ невольный страхъ постояннаго ожиданія какой-нибудь домашней бури. Стоитъ вдуматься въ источникъ этихъ взглядовъ, и трагическая дѣйствительность сотретъ ихъ веселыя краски. Не даромъ одна изъ жительницъ захолустья признаетъ, что сынъ былъ правъ, когда „убёгъ“ съ молодою супругою изъ родительскаго дому, такъ какъ „не втерпёжъ жить, потому что не всякая *можетъ* по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить; и прежде у насъ въ домѣ карамболь былъ, а теперь хоть святыхъ вонъ неси,—продолжаетъ она,—самъ-то лютѣй волка сталъ, день-денской ходитъ, не знаетъ, на комъ злость сорвать?...—„За что̀ же я должна за старика идти?“ спрашиваетъ молодая дѣвушка отца. „Не твое дѣло!... Значитъ, такъ нужно для моихъ дѣловъ,—отвѣчаетъ отецъ:—что̀ я приказываю—кончено. Не мерзавецъ я въ своей жизни и чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего“. Этотъ гнетъ заглушаетъ мало-по-малу естественныя чувства и логику, и изъ устъ запуганныхъ существъ раздаются сентенціи неожиданнаго свойства. Мать, понимавшая сына, который „убёгъ“ съ женою, говоритъ однако послѣдней: „другая бы хорошая баба на твоемъ мѣстѣ въ ногахъ досыта навалялась, а ты фыркаешь“... Въ отвѣтъ на слезы дочери, выдаваемой за старика, слышится материнское удивленіе: „что̀ ты, Богъ съ тобой,—за маіора за военнаго выходить да скучно? да другая на твоемъ мѣстѣ такъ бы носъ вздернула да хвостъ растопырила!“ Тяжкія картины семейной обстановки даже и во снѣ давятъ на мысль. У одной изъ выводимыхъ Горбуновымъ купчихъ „вся душенька выболѣла отъ страшнаго сна: будто бы стою я, матушка, на горѣ, а мужъ-то, Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный внизу стоитъ, да на меня эдакъ пальцемъ грозитъ“. Печальная судьба русской „бабы“, этой—по выраженію Некрасова—„вѣковѣчной печальницы“, выступаетъ эпизодически у Горбунова. Тяжело ей бываетъ съ пьянымъ и драчливымъ мужемъ. „Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ—говорятъ про зажиточнаго мужика,—ужъ на что баба, и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни будь, а ужъ все ей влетитъ, либо съ сердцовъ, либо съ пьяну“... Не менѣе тяжело и въ безпріютномъ сиротствѣ и вдовствѣ.—„Это что такое?“—кричитъ на собравшихся для облавы на медвѣдя крестьянъ пріѣхавшій изъ Петербурга богатый охотникъ, замѣтивъ среди нихъ бабу съ ребенкомъ на рукахъ.—„Бабёночка, сударь, наша...—Что-жъ она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ?—Мужъ, сударь, у ней замерзъ, такъ, значитъ, кормится, въ чужихъ людяхъ живетъ...—Ничего, сударь, мы привычные“,—робко говоритъ бабенка.

Начатый великимъ Петромъ „смѣлый посѣвъ просвѣщенья“, воспѣтый Пушкинымъ, шелъ медленно, съ остановками, захватывая лишь высшіе классы общества, причемъ имѣлись въ виду преимущественно служебныя цѣли. Настоящая систематическая забота о народномъ образованіи появляется у насъ лишь послѣ крымской войны, но и до сихъ поръ мы, по достигнутымъ въ этомъ отношеніи результатамъ, находимся почти на вершинѣ извѣстной выставочной пирамиды, изображавшей грамотность въ европейскихъ странахъ. Время ранней молодости Горбунова, изъ которой онъ вынесъ многія впечатлѣнія на всю свою творческую дѣятельность, совпало съ господствовавшей въ провинціальномъ бюрократическомъ строѣ недоброжелательностью къ „учэнымъ“ и „сочинителямъ“, какъ презрительно называли окончившихъ курсъ въ университетѣ, чему рѣзкіе примѣры приводилъ еще недавно на страницахъ „Русской Старины“ въ своихъ воспоминаніяхъ о срединѣ пятидесятыхъ годовъ Ф. Я. Лучинскій. Скупости въ просвѣщеніи массъ соотвѣтствовали, особливо подальше отъ столицъ, за немногими свѣтлыми исключеніями, самые пріемы преподаванія и слабое развитіе педагогической литературы, чрезвычайно затруднявшее попытки къ самообразованію. Не даромъ вспоминалъ Горбуновъ урокъ „диктовки“ изъ древней исторіи и учебникъ математики Войтяховскаго, бывшій въ частомъ употребленіи еще въ сороковыхъ годахъ. „Начнемъ,—говоритъ учитель,—исторію мидянъ. Пишите: исторія... исторія... мидянъ, ми-дянъ. Написали? Точка. Подчеркнуть!—Начало исторіи мидянъ... Написали? Точка. Подчеркнуть.—Ну, теперь: исторія мидянъ темна... те-мна и—написали? и—непонятна. Точка. Конецъ исторіи... исторіи... мидянъ. Точка. Подчеркнуть!“—Не лучше, въ своемъ родѣ, были и задачи Войтяховскаго о цѣнности вещей въ чемоданѣ „нововъѣзжей французской мадамы“, и о „смѣшеніи вещей въ коронѣ сиракузскаго царя Іерона“. Благодаря этому, въ средѣ, описываемой Горбуновымъ, просвѣщеніе „обрѣтается не въ авантажѣ“, съ трудомъ просачиваясь между враждебными ему взглядами, суевѣріями, наивными завѣтами старины и неохотою утруждать себя ученьемъ дальше самыхъ элементарныхъ свѣдѣній и болѣе чѣмъ сомнительнаго правописанія. „Вотъ, все прочиталъ,—заявляетъ управляющій изъ крѣпостныхъ, Никита Николаевъ, закрывая книгу Эккартсгаузена „Ключъ къ таинствамъ натуры“,—а въ голову забрать ничего не могу—не обученъ,—если бы меня съ малолѣтства обучали, я бы до всего дошелъ“.—„Вы господамъ служили,—отвѣчаетъ ему жена,—а господину зачѣмъ ваша наука? Науки вашей ему не нужно. Вотъ хотя бы по вашей, по лакейской части, ученья вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла, кто книжки читаетъ“...

Не любили чтенія книжекъ и въ томъ Замоскворѣчьѣ, нравы котораго описывалъ Горбуновъ. Тамъ полагали, что если „все въ книжку глядѣть“, такъ можно „зачитаться“ какъ Дёмушка [„Смотрины“], стать „чудны́мъ“ какъ Егорушка, или начать прохожимъ кланяться въ ноги, какъ старичокъ, называемый, несмотря на свои сѣдые волосы, Володею, у котораго *отъ книжки* и отъ долгаго сидѣнья въ долговомъ отдѣленіи „растопилось сердце“ и „помутился разумъ“ [„Самодуръ“]. Не даромъ „нашъ лекарь сказывалъ“, что даже блины—вредъ для тѣхъ, „кто ежели мозгами часто шевелитъ, значитъ по книгамъ доходитъ или выдумываетъ“. Если въ той средѣ, откуда бралъ свой матеріалъ Горбуновъ, неграмотность не составляла бѣды или не грозила особыми стѣсненіями въ жизни, то съ другой стороны безграмотность, какъ всякое полуобразованіе, съ увѣренностью въ себѣ и самодовольствіемъ выставляло себя на показъ. Достаточно припомнить московскія вывѣски, остановившія на себѣ вниманіе Горбунова и постепенно вытѣсняемыя изъ столицы въ провинцію. „Кофейная справомъ входа для купцовъ и дворянъ“, существовавшая въ Грузинахъ, въ Москвѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, уступила мѣсто уѣзднымъ: „Въ новь открытой бѣлой харчевнѣ Русскій піръ“ и трактиру „Константинъ Нополь“;—московской вывѣскѣ: „Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія господъ врачей въ семъ залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ пьявочную, баночную и жильную, прическа невѣстъ, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужскаго туалета, по желанію на домъ по соглашенію экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы“ — соотвѣтствуютъ: „С.-Петербургской колоніально-бакалейный магазинъ съ продажѣю всехъ предметовъ химической лабораторіи и прочиго“, „Постоялый дворъ и при немъ лавка съ продажею хомутовъ, кнутовъ, веревокъ и прочихъ съѣсныхъ припасовъ“. „Magazin mod e rob Mosci“ и т. п. Не лучше и объявленія, въ родѣ: „съ разрѣшенія начальства, въ непродолжительномъ времени пѣвцы *братья* Мальчугины, изъ коихъ одна сестра будутъ имѣть честь и т. д.“.

Медленнымъ распространеніемъ образованія и даже грамоты— объясняется взглядъ Горбуновскихъ дѣйствующихъ лицъ на науку и на природу. Съ презрѣніемъ относятся они къ первой, съ ужасомъ—къ естественнымъ явленіямъ послѣдней. „Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? а кучеръ-то, дуракъ, и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... сырой-то женщинѣ!..—такъ та и покатилась! домой подъ руки потащили“... „Зашелъ онъ въ трактиръ,—разсказываетъ у Горбунова замоскворѣцкій дѣятель—и сталъ это свои слова говорить. Теперь, говоритъ, земля вертится, а Иванъ-то Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?“... Не однимъ людямъ страшны явленія природы. Опасны онѣ и для лѣсовиковъ, которые очень боятся, напримѣръ, грозы, гоняющей ихъ по лѣсу и бьющей „молоньею, которая какъ зубомъ перекуситъ, потому стрѣла у ей очень тонкая“. Хотя „дворянинъ одинъ, въ Калугѣ“, и отрицаетъ существованіе лѣшаго, „но много онъ знаетъ—дворянинъ-то“, когда „кого хошь спроси“ лѣшій есть, да только показывается не всякому, а „кого ежели оченно любитъ“, и видъ притомъ имѣетъ совершенно опредѣленный:—„одна ноздря у него, а спины нѣтъ“... Этимъ онъ отличается отъ людоѣдовъ-одноглазыхъ, „по чьему закону *все* можно“, которыхъ излюбленные Замоскворѣчьемъ странники за окіянъ-рѣкою *видѣли*, причемъ этому и „описаніе есть въ книжкахъ“... Впрочемъ, „все можно“ не однимъ людоѣдамъ,—но, почему-то, и англичанамъ, которые весь постъ ѣдятъ говядину — потому, что „по ихъ вѣрѣ все возможно“, ибо они „вѣруютъ въ пѣтуха“, о чемъ съ полною увѣренностью заявляетъ въ московскомъ захолустьѣ дворникъ дома, хозяйка котораго, со вздохомъ и усиліями истребляя блины на масляной, на заявленіе внука, что онъ сбился со счета, сколько съѣлъ, говоритъ: „грѣхъ, батюшка, считать-то,—кушай такъ, во славу Божію“. За то жизнь въ этомъ захолустьѣ полна вѣщими снами и слышимыми въ ночи „трубными звуками“,—зато жительницы его, отправившись слушать провозглашеніе „анаѳемы“, всхлипывая отъ жалости и умиленія, разсказываютъ, что видѣли, подъ потрясающіе возгласы церковнаго баса, и ее, самую анаѳему, съ сѣденькою бородкою и трясущеюся головою „въ бралiантахъ“...

Больная человѣческая природа тоже вызываетъ къ себѣ въ этомъ мірѣ особое отношеніе. „Какъ здоровье, матушка?“—спрашиваетъ одна богомольная старушка другую.—„О-о-охъ! голубка—мѣстами! мѣстами болитъ, мѣстами подживаетъ!“ Сверхъ такого общаго недомоганья чаще всего одолѣваетъ человѣка бѣлая горячка,—у простого человѣка „сердце чешется“,—а у купеческой вдовы по ночамъ подъ сердце подкатываетъ—„словно бы этакое забвеніе чувствъ, и вдругъ эдакъ... знаете... даже удивительно! и такъ, знаете, вздрогнешь...“. Если случится утопленникъ—его откачиваютъ, и чѣмъ шибче, тѣмъ лучше, лишь бы при этомъ не разговаривать, „не пужать его“;—если грозитъ повальная болѣзнь, отъ нея защищаются крестами, сдѣланными мѣломъ надъ косяками оконъ и дверей. Иногда дѣйствуютъ по правилу similia similibus curantur. „Да что доктора,—говоритъ одинъ охотникъ, помятый медвѣдемъ,—да что-жъ эти доктора! Для господъ они, можетъ, хороши, а намъ они ни къ чему... Нашу натуру они не знаютъ, порошки ихніе на мужика не дѣйствуютъ. Жена меня лечила. Медвѣдемъ же и лечила, саломъ его, значитъ, медвѣжьимъ прикладывала. Отощалъ я въ тѣ поры оченно, на ѣду не тянуло. Глазомъ пищу-то берешь, а нутро-то не примаетъ. Ну, ничего—выправился“.

Однако „выправиться“ приходится не всегда, особливо если дѣло идетъ о соленой рыбѣ, съѣденной безъ предосторожностей, не предусмотрѣнныхъ, впрочемъ, никакими врачами... „Маленько и поѣли-то ее,—и отчего бы это, кажись? Оно точно—начальство не велитъ ее сырую ѣсть, да развѣ удержишься, если эпекитъ пришелъ. Конечно—спервоначалу надо бы ее порохомъ вытереть хорошенько, а не то въ щелокъ окунуть—тогда ничего“... Иногда, впрочемъ, душевное и тѣлесное недомоганье является вполнѣ естественнымъ, предвидѣннымъ и, такъ сказать, узаконеннымъ послѣдствіемъ свято соблюдаемаго обычая.—„Блины изволили кушать?—Да я крещеный человѣкъ, аль нѣтъ? Эхъ ты—образованіе!“... Въ виду этого, „кушать блины“ становится своего рода священною обязанностью, которая выполняется въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ рвеніемъ, что „инда въ глазахъ мутится“—и такъ какъ это продолжается цѣлую недѣлю, то „на послѣднихъ-то дняхъ одурь возьметъ,—постомъ-то не скоро на истинный путь попадешь“, ибо „послѣ хорошей масляницы человѣкъ не вдругъ очувствоваться можетъ, и ликъ исказится, и все“... Понятно, послѣ этого, почему старожилъ московскаго захолустья, съ восторгомъ вспоминая, какъ „въ старину, бывало, идешь по улицѣ и чувствуешь, что она, матушка [масляница], на дворѣ: воздухъ совсѣмъ другой, такъ тебя и обдаетъ, такъ и обхватываетъ“, замѣчаетъ: „а вотъ посмотрю я на *господъ*—какіе они къ блинамъ робкіе: штуки четыре съѣстъ и сейчасъ отстанетъ...“—„Кишка не выдерживаетъ!“—авторитетно замѣчаетъ собесѣдникъ. Сверхъ исключительныхъ способовъ леченія отъ недуговъ, помощи ищутъ преимущественно въ наговариваніи, нашептываніи на корочку и въ совѣтахъ какого-нибудь Филиппа Іоновича, который „отъ сорока-восьми недуговъ знаетъ лечить—только черепа подымать не можетъ...“, причемъ, надо думать, что его лекарство дѣйствуетъ успѣшнѣе, чѣмъ средство, употребленное противъ таракановъ, которыхъ „и морили сударь, и морозили,—и изъ С.-Петербурга былъ какой-то, мазью смазывалъ, но, между прочимъ, куры всѣ передохли, а тараканы остались“.

Едва ли нужно напоминать разсказы Горбунова изъ купеческаго быта, изображающіе гульбу на ярмаркѣ въ Нижнемъ, различныя семейныя сцены и т. п. Все это чрезвычайно характерно, выпукло, но, представляя разработку тѣхъ же типическихъ особенностей этого быта, которыя такъ ярко очерчены въ комедіяхъ А. Н. Островскаго, не превосходитъ послѣднія ни по мастерству, ни по богатству оттѣнковъ и языку. Болѣе оригинальны картины изъ жизни выводимыхъ Горбуновымъ мѣщанъ, фабричныхъ и вообще городского населенія. Въ нихъ такъ и брызжетъ юморъ, тонкая наблюдательность и умѣнье нѣсколькими штрихами обрисовать цѣлое положеніе.—Поразительно жизненны были также въ устныхъ разсказахъ Горбунова особо-излюбленныя имъ лица духовнаго званія. Но чиновничій бытъ и такъ называемая интеллигенція, затрогивались имъ мало и мелькомъ, обыкновенно съ довольно явною струйкою насмѣшки. Въ этомъ отношеніи особенно выдержанъ разсказъ „Медвѣжья охота“, гдѣ забава скучающихъ баръ переплетается со споромъ мужиковъ изъ-за обложеннаго одними изъ нихъ и перешедшаго на землю другихъ звѣря. Предъ слушателемъ—рядъ типичныхъ лицъ, начиная съ мужичка-охотника, который заряжаетъ ружье, перевязанное около курка веревкою, выдергивая паклю для пыжа изъ шапки, и кончая франтоватымъ молодымъ человѣкомъ, со стеклышкомъ въ глазу, изъ Петербурга, облеченнымъ въ черкесскій костюмъ, съ кинжаломъ и разными затѣйливыми принадлежностями. Охота идетъ неудачно, несмотря на суетню загонщиковъ и отборную брань пріѣзжаго полковника,—что, повидимому, особенно огорчаетъ господина въ черкесскомъ костюмѣ. Всѣ ѣдутъ обратно. Черкесъ, при въѣздѣ въ деревню, убиваетъ въ упоръ пѣтуха, говоря съ озлобленіемъ: „тебѣ этого, что-ль, хотѣлось?“—Очень характерна, напримѣръ, и столичная штатская генеральша тепличнаго воспитанія, впервые пріѣхавшая въ уѣздный городъ. Исправникъ показываетъ ей требующую немедленной помощи телеграмму о горящемъ лѣсѣ, угрожающемъ желѣзнодорожной станціи, и съ отчаяніемъ восклицаетъ: „А съ чѣмъ я поѣду? двѣ трубы только, и то одна безъ рукава!“—„Какъ безъ рукава?“—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ генеральша.—„То-есть, попросту сказать: безъ кишки“. Но тепличная дама и этого не понимаетъ, и съ еще большимъ недоумѣніемъ взглядываетъ въ глаза исправнику...

III.

Область личныхъ отношеній и различныхъ бытовыхъ явленій частной жизни, несмотря на все свое разнообразіе, не могла, однако, дать исключительное содержаніе разсказамъ Горбунова. Изображаемые имъ люди выходятъ, а иногда, помимо своей воли, выводятся изъ узкихъ рамокъ личной жизни—семейной или одинокой—въ круговоротъ жизни общественной. Сходясь въ дѣловыхъ общественныхъ собраніяхъ, собираясь для публичныхъ празднованій, отыскивая развлеченія, русскій человѣкъ имѣетъ случай проявлять свою общительность, свои взгляды на общіе интересы и задачи, и все своеобразіе своей природы, поставленной въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣми или другими сочетаніями людей. Все это не могло, конечно, ускользнуть отъ наблюдательности Горбунова. Обратилъ онъ и особое, вполнѣ заслуженное вниманіе на отношеніе изображаемаго имъ русскаго человѣка ко *власти* вообще и къ *суду* въ особенности. Сложившіеся вѣками, подъ вліяніемъ условій и причинъ, имѣющихъ корни въ нашемъ историческомъ прошломъ, взгляды народа на власть и ея представителей, на неизбѣжныя свойства ихъ и наконецъ на то, какъ надо къ нимъ относиться, имѣютъ оригинальную форму и особенный, соотвѣтственный той или другой средѣ колоритъ. Изученіе этихъ взглядовъ могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ выводъ цѣлаго ряда ходячихъ въ народѣ житейскихъ, неписанныхъ правилъ о томъ, какъ понимать власть и какого „поведенія“ надлежитъ съ нею придерживаться. Если отбросить подчасъ комическую сторону этихъ правилъ, ихъ явное несоотвѣтствіе разумному соотношенію различныхъ элементовъ гражданскаго строя и ихъ, такъ сказать, фаталистическую непреложность, то въ нихъ можно увидѣть цѣлое *правосозерцаніе*, надъ которымъ нельзя не задуматься.

Ближайшая власть, съ которой приходится имѣть дѣло народу—полицейская. Ея представители и агенты составляютъ почти неизбѣжный элементъ его общественной жизни. Водвореніе порядка, ближайшая помощь и защита, предварительное разбирательство всякихъ житейскихъ столкновеній—все это въ рукахъ мѣстной полиціи. „До Бога высоко—до царя далеко“,—говоритъ народная пословица,—и въ то время, когда носитель верховной власти живетъ въ сознаніи народа, какъ недосягаемый, свѣтлый и всемогущій представитель правды и справедливости, которыя лишь вопреки его волѣ не осуществляются въ обыденной жизни исключительно и постоянно,—главный обиходъ отношеній народа къ государству, не считая воинской повинности, замыкается въ тѣсную дѣятельность ближайшихъ къ нему чиновъ полиціи и органовъ суда. Посредствующія звенья, іерархическія ступени, на которыхъ стоятъ облеченныя властью лица, ихъ разнообразныя функціи, права и обязанности—все это представляется народу въ неясныхъ и по большей части невѣрныхъ очертаніяхъ, все тонетъ въ одномъ и общемъ туманномъ понятіи о *начальствѣ*. Близокъ и понятенъ городовой, околоточный, становой, мировой судья—

и, быть можетъ, земскій начальникъ, смѣнившій, но не замѣнившій послѣдняго; съ ними—и особливо съ первымъ—стоитъ народъ лицомъ къ лицу, они осуществляютъ предъ нимъ волю той неопредѣленной, но осязательной силы, называемой „начальствомъ“, критиковать которую безполезно, не повиноваться которой въ концѣ концовъ невозможно. Правда, строгое раздѣленіе властей, къ которому одно время стремилось наше законодательство, постепенное смягченіе нравовъ, медленное, но все-таки чувствуемое развитіе просвѣщенія и связаннаго съ ними правосознанія — понемногу начали создавать болѣе правильное пониманіе значенія, круга и законныхъ способовъ дѣятельности ближайшихъ къ народу представителей власти. Но это—пріобрѣтеніе и притомъ довольно еще шаткое, недавняго времени, а повѣствовательная дѣятельность Горбунова беретъ свое начало еще изъ тѣхъ годовъ, когда знаменитый и въ своемъ родѣ популярный квартальный надзиратель, соединявшій въ своихъ рукахъ всѣ мѣстныя проявленія судебной и административной власти, былъ альфой и омегой общественной жизни обыкновеннаго обывателя. Какъ „deus ex machina“, являлся онъ разрѣшителемъ всякихъ необычныхъ положеній и непривычныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ жизни... Когда злополучный портной уже собирается садиться въ шаръ вмѣстѣ съ „нѣмцемъ“, происходитъ слѣдующій краткій разговоръ: „Ты что за человѣкъ?—Портной...—Какой портной? — Портной отъ Гусева, съ Покровки,—предупредительно поясняетъ одинъ изъ присутствующихъ,—купцы его летѣть наняли...—Летѣть!.. Гриненко, сведи его въ часть!—Помилуйте!..—Я те полечу!.. Гриненко... Извольте видѣть! Летѣть!.. Гриненко, возьми...“—И окружающіе, еще недавно сочувствовавшіе портному, сразу становятся на сторону того, кто такъ энергично проявилъ свою власть, уже въ самомъ фактѣ его вмѣшательства усматривая, безъ долгихъ разсужденій, доказательство неправильности и предосудительности дѣйствій портнаго, получившихъ заслуженное осужденіе. „Полетѣлъ голубчикъ!“—„Да за этакія дѣла“... „Народъ-то ужъ оченно избаловался, придумываетъ, что чуднѣй!..“—слышится въ толпѣ, —и на вопросъ прохожаго—не вора ли это повели, и что такое онъ укралъ—ему отвѣчаютъ: „нѣтъ, сударь... онъ, изволите видѣть... бѣдный онъ человѣкъ... и купцы его наняли, чтобы, значитъ, сейчасъ въ шару летѣть,—ну, а *квартальному это обидно* показалось...“—„Потому—безпорядокъ“, прибавляетъ одинъ изъ присутствующихъ. „И какъ это возможно безъ начальства летѣть?!“—безапелляціонно и укоризненно заключаетъ другой... и правосозерцаніе—въ силу котораго все, что дѣлается не съ разрѣшенія начальства, есть безпорядокъ, составляющій притомъ личную обиду для представителя этого начальства—возникаетъ предъ слушателемъ какъ основаніе цѣлой системы взаимныхъ отношеній.

Эти отношенія были особенно сложны въ то время, когда квартальный—или, какъ его называли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „коммисаръ“—обязанъ былъ разбирать и маловажныя дѣла, идущія нынѣ судебнымъ порядкомъ. Являясь и судьею, и защитникомъ, онъ, подобно римскому претору, тутъ же творилъ свое неписанное право, понятное уму и сердцу обывателя. Въ рядѣ сценъ Горбунова проходитъ онъ предъ нами, начиная съ ранняго утра, проводимаго имъ въ канцеляріи, когда трещитъ голова и требуется „селедка съ яблоками“, и когда просителю-купцу, встрѣченному лаконическими словами: „что за человѣкъ?“ — говорится ласково: „прошу васъ садиться... въ чемъ ваше дѣло?“ — послѣ того какъ тотъ высказалъ не на словахъ, а на дѣлѣ теплое участіе къ домашнему обиходу квартальнаго,—и кончая ужиномъ въ купеческомъ домѣ, гдѣ бутербродъ съ густымъ слоемъ свѣжей икры запивается тенерифомъ братьевъ Зміевыхъ. День „коммисара“ наполненъ трудомъ на пользу общества. Ему часто приходится принимать на себя высокія обязанности примирителя. „Иванъ Семенычъ, да помирись ты съ этою анаѳемой; вѣдь тебѣ же хуже будетъ, если она направитъ дѣло въ управу благочинія“,—говоритъ онъ.—„Обидно это мнѣ очень, обидно мириться-то, вѣдь я по первой гильдіи.—Ну, дай ты ей *пятнадцать* цѣлковыхъ... — Ну, такъ и быть, получи! только нельзя ли ее хоть дня на три въ часть посадить.—Ужъ сдѣлаемъ, что можно“. Пріемы примиренія очень просты, хотя и неожиданны.—„Позвольте узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло?—спрашиваетъ, подходя къ столу, среднихъ лѣтъ женщина.—Вы Анна Клюева? вдова сенатскаго копіиста?—Да-съ.—Тэкъ-съ! А вы давно кляузами изволите заниматься?—Помилуйте, какія же это кляузы, когда онъ на паперти меня прибилъ...—А свидѣтели у васъ есть? А докторъ васъ свидѣтельствовалъ?—Помилуйте...—Вы насъ, матушка, помилуйте! И безъ васъ у насъ дѣла много. Вы женщина бѣдная, возьмите *пять* рублей и ступайте съ Богомъ. А то мы васъ сейчасъ должны будемъ отправить къ частному доктору для освидѣтельствованія нанесенныхъ вамъ побоевъ, тотъ раздѣвать васъ будетъ... Что хорошаго, вы—дама“. Просительница начинаетъ всхлипывать.—„А какъ тотъ съ своей стороны, озлится, да приведетъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что его въ этотъ день не только въ церкви, а и въ Москвѣ не было, такъ васъ за облыжное-то показаніе...—Помилуйте, прерываетъ просительница.—Позвольте, дайте мнѣ говорить... Вы не бывали на Ваганьковскомъ кладбищѣ? — Мой мужъ тамъ схороненъ.—Стало быть, мимо острога проѣзжали. Непріятно вѣдь вамъ будетъ въ острогѣ сидѣть.—Я правду говорю! Неужели за правду...—Полноте, возьмите *пять* рублей. Василій Ивановичъ, возьмите съ г-жи Клюевой подписку, что она дѣло прекращаетъ миромъ. Вамъ напишутъ, а вы подпишите.—Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Богъ съ нимъ!—Ну, какъ хотите!“ Выступаетъ онъ и въ роли защитника угнетенныхъ, съ примѣненіемъ тѣхъ упрощенныхъ пріемовъ, въ цѣлесообразность и воспитательное значеніе которыхъ до сихъ поръ не хотятъ, по упорству, вѣрить нѣкоторые теоретики, пропитанные кабинетными идеями. „Батюшка, ваше благородіе, защити ты меня, отецъ родной! — голоситъ, валяясь въ ногахъ у него, старуха. — Все пропилъ...—Кто пропилъ?—грозно вскрикиваетъ онъ.—Сынъ, батюшка, родной сынъ... Защити ты меня...—Это ты?—обращается квартальный къ молодому, щеголевато одѣтому мастеровому.— Я! — отвѣчаетъ нахально мастеровой. — Ты кто такой? — Цеховой кислощейнаго цеха.—То-то у тебя и рожа-то кислая!... Ты знаешь божью заповѣдь: „Чти отца твоего и матерь твою“...—Бацъ! Цеховой летитъ въ стѣну.—Ты знаешь, что твоя мать носила тебя въ своей утробѣ сорокъ недѣль?—Зн...—Бацъ!—Ваше благородіе...— Ступай съ Богомъ! На первый разъ съ тебя довольно. Василій Ивановичъ, возьмите съ него *подписку*, что впредь онъ будетъ оказывать матери сыновнее почтеніе“.—Являлся онъ, наконецъ, и въ роли блюстителя народнаго здравія и охранителя чужихъ имущественныхъ правъ. „Что это ты, братецъ,—говоритъ онъ купцу,— весь кварталъ заразилъ?“. — „Мнѣ и самому тошно, — отвѣчаетъ тотъ,—да что жъ дѣлать-то! Три года не выкачивали. Капуста, милый человѣкъ, дѣйствуетъ! Заходи ужо — портфеинцу по рюмочкѣ выпьемъ“.—„Шуба соболья!“ выкрикиваетъ при описи имущества несостоятельнаго должника охранитель. Писарь записываетъ. „Что ты, въ первый разъ, что ли, на описи-то?—говоритъ тихо коммисаръ,—пиши: *мѣховая*“.—„Ложекъ серебряныхъ“... возглашаетъ охранитель... Писарь записываетъ. „Да *металлическихъ*! чортъ тебя возьми! *металлическихъ*... я такого дурака еще не видывалъ!.

Быстрота и самоувѣренная беззастѣнчивость распоряженій, примѣры которыхъ приводитъ Горбуновъ, не давая обывателю ни времени, ни привычки къ критической оцѣнкѣ, къ любознательности о томъ, гдѣ тотъ законъ, на который онѣ опираются, держала, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣка не только въ спасительномъ, но даже и суевѣрномъ страхѣ. Особено сильно наводилъ его, въ до-реформенное время, Становой, какъ изслѣдователь всякихъ происшествій, могшихъ таить въ себѣ слѣды преступленія. Возможность огульнаго обвиненія или, во всякомъ случаѣ, заподозрѣнія, неслась предъ Становымъ Приставомъ, какъ вѣтеръ предъ грозою, совсѣмъ пригибая къ землѣ привыкшія жить въ трепетѣ души. „Вотъ когда Становой пріѣдетъ!“ — говорятъ около трупа убитаго молніей мальчика. „Что-жъ становой?.. становой ничего...“— „Становой-то ничего?!“ — „Мужички почтенные, — становой ежели пріѣдетъ — мы ничего не знаемъ...“ „А что, его потрошить будутъ?“—„Само собою:—*не по закону умеръ*, потрошить“. „Становой! становой!“—слышатся крики—и окружающіе обращаются къ ни въ чемъ неповинному парню и, чувствуя, что необходимъ виновный, говорятъ ему: „Петрунька! голубчикъ, не погуби! прими все на себя!“ — и, не ожидая отвѣта, спѣшатъ на встрѣчу Становому съ заявленіемъ: „Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ не причинны“... Когда, въ „Утопленникѣ“, вытащившіе трупъ, при звукахъ колокола, ударившаго въ далекомъ монастырѣ къ заутрени, крестятся и говорятъ:—„упокой, Господи, душу раба твоего,—отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ!“—наступившую благоговѣйную тишину прерываетъ заявленіе:—„Что-жъ, ребята, теперь ступай къ Становому,—объявить надо—такъ и такъ“.— „Затаскаютъ, насъ, братцы, теперича“. — „Да, не помилуютъ!“ — „Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина братцы, говори все одно, не путайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя, Становой скажетъ: „вотъ братецъ, человѣка вы утопили,—сказывай, какъ дѣло было?“—Ничего молъ, ваше благородіе, этого я не знаю,—а что собственно услыхамши мы крикъ и теперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ,—отвязали мы, значитъ, лодку... А насчетъ того, что откачивали—молчи, потому скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь?..—Я, молъ, какъ свѣча горю предъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни надо мною поджигать—я ничего не знаю. „Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это ваше дѣло“. Говори одно—какъ вашей милости угодно будетъ, я этому дѣлу не причиненъ“.

Очевидно, что говорящіе *такъ* смотрѣли на представителей мѣстной власти, какъ на стихійную силу, противъ которой одно средство спасенія—все отрицать, терпѣливо и упорно. Резоновъ она не принимаетъ и налетаетъ съ предвзятымъ и твердымъ рѣшеніемъ. Безполезно опровергать его, это пустая трата словъ,—все равно не повѣрятъ, да и слушать не станутъ. Надо запираться во всемъ—вотъ и все. Система запирательства, выработанная вѣками безсудья [недаромъ и о раскладываніи огней говорится въ безсознательномъ переживаніи судебныхъ ужасовъ XVII и даже XVIII столѣтій]—эта система приходитъ въ голову простому человѣку едва лишь ему довелось быть случайнымъ свидѣтелемъ смерти отъ несчастнаго случая или даже пытаться спасти утопленника. Возможность того, что „затаскаютъ“ и „въ острогъ влетишь“—слишкомъ реальна и основана на горькомъ опытѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь увернуться отъ осуществленія этой возможности, изображаемый Горбуновымъ простой русскій человѣкъ далекъ отъ желанія не только разбирать, но даже и объяснять себѣ основанія и поводы дѣйствій представителей мѣстной власти. Должно быть, все, что она предпринимаетъ, такъ и надо,—такъ неизбѣжно и до такой степени само собою разумѣется, что даже и говорить объ этомъ не стоитъ. „Пожалуй—въ острогъ влетишь“,—говоритъ продрогшій парень, вытащившій на берегъ утопленника.—„Хитрого нѣтъ!“—отзывается другой.—„За что?“—спрашиваетъ третій. „А за то“.—„За что—за то?“—„Тамъ уже опосля выйдетъ разрѣшеніе“,—заключаетъ успокоительно первый... Этому благодушному примиренію съ неизбѣжнымъ и ненуждающимся въ какомъ-либо основаніи „разрѣшеніемъ“ часто соотвѣтствуетъ представленіе о какихъ-то особыхъ правахъ, составляющихъ принадлежность всякаго сколько-нибудь „значительнаго“ человѣка. Хотя брань на вороту не виснетъ, по пословицѣ, и мужики, собравшіеся для медвѣжьей охоты, благодушно замѣчаютъ: „шибче полковника никому не изругаться, такъ обложитъ—лучше требовать нельзя“... но и ихъ благодушію есть предѣлъ.—„Возилъ я нынче купца петербургскаго, трактирщика,—разсказываетъ крестьянинъ-ямщикъ,—ужъ оченно ругается... Такъ ругается—нѣтъ никакой возможности! Предъясняетъ, что въ Петербургѣ онъ очень значительный. Я, говоритъ, при своемъ капиталѣ кого хошь въ острогъ посажу“.—„А вы и вѣрите?“—„Да какъ же не вѣрить? Можетъ, права такія имѣетъ. Мы этого не знаемъ. С.-Петербургъ отъ насъ далеко"... Вотъ почему въ былые годы исполненіе требованій властнаго человѣка, даже и не вытекающихъ никоимъ образомъ изъ его должности или положенія, считалось мірскимъ дѣломъ, повинностью, несомою всѣми за одного и однимъ за всѣхъ, во избѣжаніе разныхъ непріятностей. Старый слѣпой дѣдъ, лежащій на печи, услышавъ стукъ старосты въ окно, переговоры вполголоса и крикливое возраженіе дѣвушки, призываемой для особой услуги къ наѣхавшему чиновнику: „да что это, въ самомъ дѣлѣ, точно другихъ дѣвокъ на селѣ нѣтъ?! третьяго дня къ одному посылали, вчерась къ другому требовали, а нынче, нàкось, и къ третьему иди! не пойду я!"—говоритъ ей наставительно: „полно, полно, Матреша,—послужи міру-то"...

Рядомъ съ этимъ, готовность обращаться къ полицейской власти по всякому случаю — часто живописуется въ разсказахъ Горбунова. Русскій человѣкъ любитъ видѣть вмѣшательство полиціи, призываетъ ее и относится къ ней съ сочувствіемъ не какъ участникъ, но какъ зритель, играя, въ составѣ толпы, иногда роль хора античныхъ трагедій. — „Нѣтъ, вы про затменіе докажите! вы только народъ въ сумнѣніе приводите", — говоритъ кто-то изъ толпы астроному-добровольцу, собравшемуся смотрѣть въ одномъ изъ за-москворѣцкихъ переулковъ на солнечное затменіе — и, не дожидаясь отвѣта, при общемъ сочувствіи, кричитъ:—„Городовой!" городовой!"—„Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!"—одобрительно говорятъ въ толпѣ. „Да! нашъ городовой никого не помилуетъ". —„Что это за народъ собравши?—Да вотъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактира, наставилъ трубочку на солнышко, говоритъ—затменіе будетъ...—Да гдѣ жъ городовой-то?—Чай пить пошелъ.—Надо бы въ часть вести.—Сведутъ, ужъ это безпремѣнно.—За такія дѣла не похвалятъ"... Самимъ говорящимъ неясно—въ чемъ состоитъ дѣло, за которое *похвалить нельзя*, и за что *не помилуетъ городовой*, но ясно и непреложно одно: необходимъ городовой. Онъ разрѣшитъ натянутое положеніе и успокоитъ напряженіе нервовъ. Не даромъ къ нему даже обращаются съ вопросами о томъ, „какъ понимать эту самую „фру-фру", обозначенную въ театральной афишѣ". Вотъ и онъ! увѣренный въ себѣ и солидарный съ толпою во взглядахъ на свои задачи. Онъ сразу становится на высоту своего оффиціальнаго положенія, и первое его слово, обращенное къ жадно ждущей его толпѣ — „осади назадъ!". Но толпа дорожитъ даровымъ зрѣлищемъ, гдѣ она и зритель и дѣйствующее лицо вмѣстѣ, она лѣзетъ, напираетъ, спѣшитъ „излить мольбы, признанья, пени"... и ея страстный говоръ постоянно прерывается окриками: „не наваливайте!—которые"... и „осадите назадъ!"—„Сейчасъ выручитъ!" —радостно говорятъ среди окружающихъ.—Иванъ Павлычъ, ты—нашъ тѣлохранитель, выручи"...—обращаются къ нему. И онъ выручаетъ, самъ вѣроятно не зная—*кого* и изъ *чего*. Услышавъ выраженіе: „вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ",—онъ говоритъ: „почтенный, вы за это отвѣтите!"—„За что?"—„А вотъ за это слово ваше нехорошее!"—„Сейчасъ затмится".—„Можетъ, и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя“...—„Какъ возможно!“—убѣжденно замѣчаютъ въ толпѣ...

IV.

Судебная реформа внесла новыя начала въ нашу народную жизнь. Она пробудила въ обществѣ силы, не находившія себѣ дотолѣ достаточнаго примѣненія, она послужила нравственной школою народу и съ такою систематическою настойчивостью стала вызывать въ обществѣ стремленіе къ истинному правосудію и уваженіе къ человѣческому достоинству, что составленное Горбуновымъ шуточное филологическое изслѣдованіе о *розгословіи, брадоиздраніи, власоисхищеніи и прочемъ*—стало казаться безвозвратно отошедшимъ въ область прошлаго. Знаменитый „коммисаръ“ потерялъ, какъ говоритъ Горбуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, свой престижъ. „Онъ не имѣлъ уже прежняго значенія въ купеческихъ домахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбѣ. Уже его не подводилъ хозяинъ подъ-руку къ закускѣ, съ упрашиваніемъ выкушать на доброе здоровье, а предлагалъ ему просто, мимоходомъ: — Ермилъ Николаевичъ, ты бы водки выпилъ. Настойка тамъ есть“... Мировой судья сдѣлался, черезъ мѣсяцъ послѣ своего появленія на свѣтъ, популярнымъ учрежденіемъ и попросту сталъ называться *мировымъ*. Мѣсто стихійности понемногу, увѣренною въ себѣ стопою, стала стараться заступать законность, а гласное разбирательство представило обширное поле для наблюденій надъ жизнью, такъ сказать, захваченною врасплохъ и раскрываемою безъ искусственнаго освѣщенія, умолчаній и прикрасъ. Рядомъ съ этимъ судъ присяжныхъ, еще не обратившійся въ предметъ различныхъ обвинительныхъ литературныхъ упражненій, сдѣлалъ народъ, въ качествѣ представителей общественной совѣсти, не пассивнымъ участникомъ и не празднымъ зрителемъ, а окончательнымъ разрѣшителемъ судебной драмы. Засѣданія этого суда въ первое время были полны захватывающаго интереса и не столько съ юридической точки зрѣнія, сколько со стороны бытовой. Жизнь приливала къ стѣнамъ суда шумными волнами, и эти волны выбрасывали на берегъ—въ лицѣ свидѣтелей, подсудимыхъ, потерпѣвшихъ, а иногда даже и участниковъ суда, обвинителей, защитниковъ и самихъ присяжныхъ — такихъ разнородныхъ и разновидныхъ представителей всѣхъ слоевъ общества и всѣхъ условій бытовой обстановки, что романистъ, художникъ и изслѣдователь народной жизни, съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ юристъ, могъ считать залу суда мѣстомъ для плодотворныхъ наблюденій и изученій. Ниже мы будемъ говорить объ отношеніи Горбунова къ новому суду, но здѣсь не можемъ не указать, что въ его разсказахъ суду этому было отведено видное мѣсто. Горбуновъ умѣлъ уловить всѣ его особенности, выхватить изъ него рядъ живыхъ и содержательныхъ сценъ, съ чрезвычайною наблюдательностью изобразивъ тѣ комическія положенія, которыя создавались столкновеніемъ между теоретическими предписаніями закона, имѣющаго въ виду отвлеченную личность, и живымъ лицомъ, приносившимъ въ судъ всѣ особенности своихъ бытовыхъ и правовыхъ воззрѣній.—„Не угодно ли вамъ дать ваше заключеніе въ качествѣ эксперта о достоинствѣ шампанскаго, въ продажѣ котораго подъ извѣстною и пользующеюся довѣріемъ чужою иностранною маркою обвиняется подсудимый?—обращается предсѣдатель къ „свѣдущему человѣку“, благообразному старому негоціанту, вызванному въ судъ, какъ опытный знатокъ въ винахъ. „Свѣдущій человѣкъ“ истово беретъ бокалъ съ только-что откупореннымъ шампанскимъ, прикладывается къ нему губами, вытираетъ ротъ фуляровымъ платкомъ, смотритъ вино на свѣтъ и молчитъ. „Ваше заключеніе?“—„Чего-съ?“—Ваше заключеніе?“—То-есть—это о чемъ же?“—„Соотвѣтствуетъ ли испробованное вами шампанское по своимъ качествамъ вину той марки, подъ названіемъ которой оно пущено въ продажу подсудимымъ?“—Негоціантъ снова пробуетъ вино, вытираетъ ротъ и молчитъ.—„Какое же ваше заключеніе?“—„Мое-съ?“—„Ну да! конечно ваше“,—нетерпѣливо говоритъ предсѣдатель. Свѣдущій человѣкъ переступаетъ съ ноги на ногу, задумывается, потупляется и вдругъ, поднявъ голову, рѣшительно, тономъ непоколебимаго убѣжденія, говоритъ: „покупатель выпьетъ!“...

Въ разсказахъ Горбунова судебное засѣданіе оживало со всѣми своими дѣйствующими лицами, — съ публикою и свидѣтелями. Жеманная барышня, картавящая, говорящая скороговоркою и прерывающая вопросы защитника восклицаніемъ: „ахъ! что вы!“;—пришепетывающая и захлебывающаяся отъ волненія старушка; — говорливый приказчикъ; — испуганный свидѣтель „изъ простыхъ“, никакъ не умѣющій выбраться изъ рокового круга словъ: „значитъ“, „то-есть“, „выходитъ“ и т. п., и цѣлый рядъ прямо выхваченныхъ изъ жизни лицъ, очерченныхъ кратко, но чрезвычайно мѣтко,—населяли тѣ придуманныя Горбуновымъ заданія, вымышленность которыхъ исчезала за ихъ яркою житейскою правдоподобностью. Особенно удаченъ былъ его большой разсказъ о судѣ по очень важному дѣлу. Усердный посѣтитель судебныхъ засѣданій, убѣжденный и, какъ онъ самъ выражался, „радостный“ поклонникъ новаго суда, Горбуновъ умѣлъ подмѣтить и нѣкоторыя его, извинительныя въ большинствѣ случаевъ, слабыя стороны. Отъ него не ускользнули — кое-какой излишекъ торжественности въ обстановкѣ, непонятная простымъ зрителямъ условность иныхъ судебныхъ дѣйствій, приподнятый тонъ и высокій слогъ, которыми вооружались „для пущей важности“ въ первое время нѣкоторые, весьма впрочемъ почтенные, предсѣдатели,—запутанность юридическихъ опредѣленій преступныхъ дѣйствій, вызванныхъ привитіемъ къ корявому стволу устарѣлаго уложенія молодыхъ черенковъ судебныхъ уставовъ, за которою подчасъ исчезали дѣйствительныя житейскія черты преступленія,—и, наконецъ, излюбленныя и далеко на всегда оправдываемыя обстоятельствами дѣла ссылки на невмѣняемость... Съ тонкимъ юморомъ указывая на это, Горбуновъ былъ, однако, далекъ во всѣхъ своихъ судебныхъ разсказахъ отъ недоброжелательной насмѣшки надъ судомъ. Онъ понималъ, что новыя формы, внезапно возникшія среди стараго бытового и общественнаго строя, могли естественно создавать, особливо въ первое время, неловкія и неожиданныя положенія, ошибки и затрудненія, способныя вызвать улыбку и смѣхъ, но не злорадство, ибо за ними чувствовалась чистота и высота наполнявшаго ихъ принципіальнаго содержанія.

Слушаніе процесса по очень важному дѣлу откладывается довольно долго, за невозможностью разыскать главнаго свидѣтеля—цехового Прокофьева. Но вотъ онъ найденъ—и вмѣстѣ съ нимъ, надо полагать, найденъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ могущихъ возникнуть по дѣлу сомнѣній. Назначенъ день слушанія. Публика съ ранняго утра наполняетъ зданіе суда, терпѣливо ожидая интереснѣйшихъ разоблаченій. Предсѣдатель, чувствуя себя главнымъ руководителемъ давно ожиданнаго процесса, рѣшается „стать на высоту положенія“ и съ особою торжественностью открываетъ засѣданіе. Молодой секретарь, быть можетъ впервые выступающій публично, читаетъ обвинительный актъ, смущаясь, торопясь, глотая слова и не соблюдая паузъ. Слова слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерывовъ, съ неумѣлыми передышками, сливаясь въ однотонномъ и быстромъ чтеніи, изъ котораго лишь по временамъ вырываются, нарушая его общее гипнотизирующее и усыпляющее вліяніе „страшныя слова“ въ родѣ: *оказалось, показалъ, не признавая, на основаніи*, *предусмотрѣно*, *предается* и т. п. Обвиняемыхъ двое, молодые люди, мужчина и женщина. Предсѣдатель, многозначительно обращаясь къ первому изъ нихъ, говоритъ: „Подсудимый—студентъ технологическихъ наукъ Сидоровъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что 30-го февраля [sic!] сего года, на Лиговкѣ, имѣли съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и умысломъ, продолжительный разговоръ о предметахъ, суду неизвѣстныхъ?“—Нѣтъ не признаю!“—мрачно отвѣчаетъ тотъ. Предсѣдатель, съ еще большею многозначительностью:—„Подсудимая, окончившая курсъ кулинарныхъ предметовъ Иванова, признаете ли себя виновною въ томъ, что въ то самое время, когда Сидоровъ имѣлъ упомянутый разговоръ, вы, тоже съ умысломъ, находились въ Гороховой, съ цѣлью покупки себѣ шерстяныхъ чулокъ?“—Подсудимая, срываясь съ мѣста, стремительно отвѣчаетъ:—„Да! призною, на я была *въ состояніи аффекта*...“ [иногда Горбуновъ дѣлалъ варіантъ, и подсудимая у него отвѣчала, послѣ нѣкотораго размышленія: „*Въ фактѣ*—да!“]. Предсѣдатель торжественно и вмѣстѣ любезно:—„Садитесь!“—Начинается приводъ къ присягѣ свидѣтелей, неподражаемо изображавшійся Горбуновымъ. Лицо, названное предсѣдателемъ—„святымъ отцомъ“ и неожиданно для себя застигнутое обязанностью сдѣлать свидѣтелямъ внушеніе, говоритъ довольно сбивчиво, съ внезапными повышеніями голоса и сильно напирая на *о*, и кончаетъ заявленіемъ, что не *токмо* законъ гражданскій, до *даже* и небесный судъ наказываютъ за ложное показаніе. Свидѣтели присягаютъ каждый по-своему. Дворникъ, размашистымъ жестомъ съ силою ударяетъ въ лобъ, плечи и грудь; франтъ поношеннаго вида и неопредѣленныхъ занятій со снисходительною улыбочкою небрежно болтаетъ пальцами надъ подбородкомъ; городовой бляха № 999 смотритъ все время на предсѣдателя, даже и прикладываясь, и потому чуть не попадаетъ мимо... Наступаетъ пауза, свидѣтели мнутся съ ноги на ногу, а затѣмъ предсѣдатель, обращаясь къ судебному приставу, говоритъ взволнованнымъ голосомъ: — „Удалите свидѣтелей!“ — многозначительно прибавляя: — „останется цеховой Прокофьевъ“... Прокофьевъ стоитъ посреди залы. На немъ старый сюртукъ, застегнутый на одну уцѣлѣвшую пуговицу, и очень короткіе брюки, съ оттопыренными буфами на колѣняхъ. Признаковъ бѣлья не имѣется. Всѣ обращаются въ слухъ. — „Господинъ Прокофьевъ, доложите суду въ связномъ и послѣдовательномъ разсказѣ все, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу... или, быть можетъ, вы предпочтете *подвергнуть себя* перекрестному допросу?“ — Напряженіе общаго вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Прокофьевъ обводитъ сидящихъ передъ нимъ глазами, перебираетъ привычно-трясущимися руками борты засаленнаго и порыжѣлаго сюртука, и вдругъ плаксивымъ голосомъ заявляетъ: — „Ваше сіятельство... я человѣкъ пьяный...“

Интересуясь всѣми выдающимися процессами, Горбуновъ по-своему отзывался на нихъ, заключая иногда тонкую иронію въ юморъ выхваченнаго изъ жизни разсказа. Многимъ памятно надѣлавшее столько шуму дѣло Мироновича, обвинявшагося въ задушеніи Сарры Беккеръ. Въ кулачкѣ несчастной дѣвочки, при открытіи этого темнаго злодѣянія, найденъ зажатымъ клокъ волосъ, очевидно принадлежавшій тому, къ кѣмъ ей пришлось бороться за свою жизнь. Волосы были бережно вынуты, сложены на бумагѣ и положены на подоконникъ, но когда, по окончаніи протокола осмотра трупа и мѣста совершенія преступленія, — при чемъ въ комнату входили и выходили изъ нея разные люди, — хватились волосъ — ихъ уже не оказалось, а съ ними исчезла весьма важная улика, которую надо было потомъ возмѣщать рядомъ болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній и смѣлыхъ догадокъ. Какъ извѣстно, дѣло разбиралось два раза, чрезвычайно занимая и даже волнуя общество, раздѣлившееся по вопросу о виновности Мироновича на лагери. Въ первый разъ Мироновичъ былъ обвиненъ, во второй — оправданъ. Дѣло прошло, оставивъ неразъясненнымъ вопросъ о совершителѣ и о мотивахъ загадочнаго преступленія — и лишь представивъ во всемъ неприглядномъ своемъ блескѣ образъ *психопата*, самое названіе котораго, впервые заявленное учеными экспертами во всеуслышаніе на судѣ, пріобрѣло себѣ съ тѣхъ поръ право гражданства въ нашемъ житейскомъ обиходѣ. Вскорѣ послѣ этого Горбуновъ сталъ разсказывать о приказчикѣ, который, побывавъ съ товарищемъ въ Зоологическомъ саду и сдѣлавъ „честь-честью“ все, что *полагается*, т.-е. поклонившись Михайлу Ивановичу [медвѣдю], предоставивъ яблочко обезьянамъ, покормивъ слона булочкою и *подразнивъ* льва, отправился на Крестовскій островъ и дорогой вздумалъ выпить бутылочку „попутнаго“. Въ погребкѣ, послѣ предложенія посѣтителямъ прейсъ-куранта, „по которому имъ пить невозможно“, ихъ соблазняютъ разсказомъ о томъ, что недавно „фундаментъ перекладали“ и въ немъ нашли замуравленными три бутылки, которымъ, поэтому, должно быть не менѣе 80 лѣтъ. Когда откупориваютъ одну изъ такихъ дорогихъ —

потому что рѣдкостныхъ — бутылокъ, изъ нея вылетаетъ муха. „Какъ же это ты, такой-сякой,—говоритъ Иванъ Ѳедоровъ, товарищъ разсказчика,—увѣряешь, что вину 80 лѣтъ, когда въ ёмъ живая муха?!“—„Что же,—отвѣчаетъ сидѣлецъ,—муха завсегда въ спирту жить можетъ“.—„Ну, *натурально*,—продолжаетъ разсказчикъ,—Иванъ Ѳедоровъ его сейчасъ въ ухо... Поднялся это крикъ, пришелъ городовой, привели околоточнаго, бутылку взяли, составили актъ, насъ записали, *муху къ дѣлу припечатали*... Теперь не миновать подъ арестъ. Мировой засудитъ! Одна надежда: коли ежели эта муха пропадетъ—оправдаютъ!!“

Понятно, что мировое судебное разбирательство, непосредственно касающееся явленій повседневной народной жизни, должно было давать Горбунову краски и мотивы для самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Нѣтъ возможности не только перечислить, но даже и припомнить всѣ его повѣствованія о происходящемъ въ камерахъ мировыхъ судей и у тѣхъ мелкихъ ходатаевъ, которые преимущественно принимаютъ на себя защиту у послѣднихъ. Своеобразный взглядъ на свое положеніе и обязанности, на отношеніе къ правамъ другихъ и къ условіямъ житейскаго поведенія у дѣйствующихъ лицъ этихъ разсказовъ тѣсно связанъ со страхомъ отвѣтственности и въ особенности огласки. Безобразные розмахи широкой натуры какъ-то странно переплетаются тутъ съ этимъ страхомъ и уживаются вмѣстѣ. При всей пестротѣ этой картины, въ ней чувствуются вѣрныя дѣйствительности краски, не исчезнувшія подъ внѣшнимъ лоскомъ поверхностной и наносной культуры. Въ силу этихъ особенностей, напр., два приказчика изъ Апраксина двора, не отрицая того, что они *бушевали* въ трактирѣ „Ягодка“, разбили зеркало и вымазали горчицею лицо трактирному служителю,—тѣмъ не менѣе рѣшительно не признаютъ себя ни въ чемъ виновными потому, что „за все за это заплочено и мальчишкѣ дадено, что слѣдуетъ, а ежели и смазали маленько—бѣды тутъ большой нѣтъ, вотъ ежели бы скипидаромъ смазали, опять же за это и деньги заплочены“. По тѣмъ же основаніямъ и хозяинъ пекарни, гдѣ найдена масса всякой нечистоты и таракановъ и гдѣ подмастерья спятъ въ повалку на столахъ, на которыхъ дѣлаютъ хлѣбы, отказывается понять, за *что* его хочетъ присудить къ штрафу мировой судья, такъ какъ „гдѣ человѣкъ, тамъ и тварь всякая водится, и не дол́женъ же онъ своимъ рабочимъ *диваны* покупать“; а когда судья ему не внемлетъ, то замѣчаетъ сокрушенно: „теперича я, значитъ, за кажиннымъ тараканомъ съ палкою ходить долж́онъ!?“. Иногда дѣло не доходитъ до отрицанія вины, но предъявляются резоны, въ силу которыхъ наказаніе по всей справедливости должно быть смягчено. Подсудимый, признавая себя виновнымъ въ томъ, что два раза смазалъ кого-то въ дракѣ, возникшей въ „Орфеумѣ“ вслѣдствіе замѣчанія какого-то „не то господина, не то писаря“—относительно „необразованія“ кутящей компаніи, на что одинъ изъ нея—„какъ свиснетъ его: вотъ, говоритъ, какое наше образованіе!“—узнаетъ отъ защитника, что придется сидѣть въ тюрьмѣ недѣли три, и удивленно спрашиваетъ: „все равно какъ простой человѣкъ? съ арестантами?“, прибавляя затѣмъ:—„а ежели я купецъ, напримѣръ, гильдію плачу?“—и услышавъ, что „вдобавокъ въ газетахъ обозначатъ“, справляется:—„а ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадѣльню или куды?“

Такимъ обвиняемымъ нерѣдко соотвѣтствуютъ и надлежащіе защитники ихъ невиновности. Горбуновъ, понимая необходимость защиты въ уголовныхъ дѣлахъ, зналъ, что присяжная адвокатура сослужила русскому судебному дѣлу большую службу, способствуя развитію правопониманія въ обществѣ и во многихъ случаяхъ безкорыстно содѣйствуя суду въ отысканіи истины. Но онъ нашелъ для себя богатый матеріалъ въ дѣятельности представителей низшихъ слоевъ адвокатуры, уцѣлѣвшихъ отчасти изъ контингента дореформенныхъ ходатаевъ, строившихъ свой успѣхъ часто на незнаніи закона тѣми, кто къ нимъ обращался. На этомъ поприщѣ состязанія корысти и невѣжества имъ выведено нѣсколько яркихъ фигуръ.—„Прежде проще было,—жалуется попавшій „къ мировому“ буянъ,—я у квартальнаго раза три судился: дашь, бывало, письмоводителю и кончено; а теперича и дороже стало, и страму больше; — сейчасъ, вотъ, былъ тоже у одного адвоката—три синенькихъ отдалъ за разговоръ. Я, говоритъ, твое дѣло выслушаю, только ты мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать рублей и деньги сейчасъ. Ну, отдалъ, разсказалъ все какъ сдѣдуетъ... Уповай, говоритъ, на Бога! и ничего больше. Уповай, говоритъ, и шабашъ!“. Это—*до-судебная* помощь. Но и помощь *на судѣ* можетъ оказаться не лучше.—„Г. мировой судья!—восклицаетъ защитникъ сотворившихъ „смазь“ горчицею,—чистосердечное раскаяніе, принесенное въ судѣ, на основаніи новаго законоположенія, ослабляетъ... законъ разрѣшаетъ по внутреннему убѣжденію...“ — „Позвольте! — прерываетъ судья,—вы въ какомъ видѣ?“ — „Чего-съ?“— Судья повторяетъ вопросъ, на который слѣдуетъ наивно-вопросительный отвѣтъ: „Въ какомъ съ?“—„Я васъ штрафую тремя рублями. Извольте выйти вонъ“.—„Скоро, справедливо и милостиво!“—заплетающимся языкомъ и силясь гордо взглянуть посоловѣлыми глазами восклицалъ Горбуновъ, дѣлая видъ, что захлопываетъ толстую книжку судебныхъ уставовъ... Не даромъ, поэтому, обыватель, подлежащій явкѣ къ мировому, не всегда благосклонно относится къ вопросу о вознагражденіи за будущую защиту.—„Ищу адвоката,—говоритъ купецъ, допустившій по отношенію къ бѣдной дѣвушкѣ-переводчицѣ „безобразіе бабушки“ и собственное „малодушіе“,—былъ у одного, да не пондравился: чѣмъ, говорю, прикажете васъ вознаграждать?—всталъ, эдакъ, выпрямился:—мнѣ кажется, говоритъ, что опосля изобрѣтенія денежныхъ знаковъ вашъ вопросъ совершенно лишній...“

V.

Въ области общественной службы, публичныхъ развлеченій и общественныхъ торжествъ творчество Горбунова и его способность подмѣтить въ юмористической формѣ, выдающіеся внутренніе моменты—находили себѣ обильную пищу. Почти во всѣхъ этихъ его разсказахъ и сценахъ изъ-за отдѣльнаго, яркаго и жизненно-правдиваго эпизода выступаетъ проницательное и прочувствованное изображенiе *отношенiя* русскаго человѣка къ различнымъ сторонамъ и вопросамъ жизни,—того отношенiя, которое присуще именно русскому человѣку, составляя оригинальное проявленiе свойствъ его природы и условiй его культурнаго развитiя. Въ ряду такихъ сценъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало, въ словесномъ изложенiи Горбунова, фантастическое засѣданiе уѣзднаго земскаго собранiя, въ которомъ разрѣшается вопросъ о назначенiи дополнительнаго содержанiя отъ земства становому приставу приходящему по своей дѣятельности въ частое соприкосновенiе съ земскими дѣлами и повинностями. На вопросъ предсѣдателя собранiя о томъ, принимаетъ-ли оно предложенiе о прибавкѣ, встаетъ рядъ гласныхъ, произноситъ рѣчи и дѣлаетъ заявленiя. Ораторы обрисованы Горбуновымъ съ неподражаемымъ и незабываемымъ мастерствомъ. Къ сожалѣнiю, разсказъ этотъ не напечатанъ и передать его въ подробности не представляется возможнымъ. Представитель крупныхъ землевладѣльцевъ спрашиваетъ небрежнымъ тономъ, какъ о вещи, ясной сама по себѣ:—„это по той же *прерогативѣ*, какъ было сдѣлано въ Казани?“—и получивъ успокоительный отвѣтъ: „да, по той же“, говоритъ кратко:—„Я согласенъ!“—Гласный изъ купцовъ переспрашиваетъ, какая сумма, и узнавъ, что 100 рублей въ годъ, заявляетъ:—„Чтожъ, коли ежели дѣйствительно имъ въ томъ надобность, то можно безъ сумлѣнiя, потому при нашемъ капиталѣ это дѣло возможное“.—Третiй гласный,—священникъ, говорящiй на ò и витiевато, испросивъ разрѣшенiе „слово отрыгнуть“, начинаетъ словами:—„О чемъ рѣчь?—О прибавкѣ!—Кому?—Господину становому.—За что?—За труды!—Однако же уповательно...“—и неожиданно предъявляетъ требованiе объ ассигнованiи и ему, и его сослуживцамъ такой же суммы, поясняя это тѣмъ, что безъ ихъ участiя многiя существенныя событiя въ жизни обывателя обойтись не могутъ.—„Да вѣдь это не относится къ настоящему дѣлу“,—останавливаетъ его предсѣдатель.—„То-есть по-о-звольте, господинъ предсѣдатель,—возражаетъ гласный,—какъ же это не относится, когда я имѣю с́емь душъ дѣтей женскаго пола, которыя всѣ требуютъ пищевого довольства!?—„Все-та́ки не относится“,—упорствуетъ предсѣдатель.—„Прошу занести въ протоколъ“,—обиженно говоритъ гласный, надъ горькимъ и зависимымъ матерiальнымъ положенiемъ котораго невольно заставляетъ призадуматься Горбуновъ, умѣвшiй въ его комическое по формѣ заявленiе вложить нотку, идущую изъ настрадавшагося сердца.—„Господинъ предсѣдатель,“—встаетъ, играя золотымъ pince-nez, рѣдкiй и случайный гость собранiя, прiѣзжiй гласный, изысканно-одѣтый и брезгливо осматривающiйся кругомъ, молодой господинъ изъ Петербурга,—„позвольте э-э-э... мнѣ э-э-э слово“...—и начинается безсвязная, тягучая, наполненная нечленораздѣльными звуками и легкимъ мычанiемъ рѣчь, съ неожиданными модуляцiями голоса, то повышаемаго, то доходящаго до многозначительнаго шопота, въ которой, повторяя съ недоумѣвающимъ и какъ бы обиженнымъ видомъ слово „становой“ петербургскiй франтъ силится выжать изъ себя какой-то вопросъ или упрекъ собранiю. „Да что вы заладили одно и то же!— нервно восклицаетъ одинъ изъ гласныхъ, ожесточенный „канителью“ оратора и сверканіемъ его крутящагося около пальца pince-nez,—вы скажите—ассигновать или отказать?!“—„Господинъ предсѣдатель,—презрительно оглядываясь, говоритъ ораторъ,—я просимъ бы—э-э-э—пригласить... э-э-э... господъ... э-э-э—не перебивать теченіе моихъ мыслей... Я продолжаю. Я говорю...“—и наконецъ послѣ долгихъ потугъ и повтореній одного и того же названія должности, онъ разрѣшается заявленіемъ, что сто рублей—столь малая сумма, что едва-ли становой захочетъ ее взять... Но едва произнесено имъ предположеніе, какъ гласный отъ крестьянъ, преодолѣвъ навѣянную рѣчами дремоту и внезапно оживившись, восклицаетъ съ твердою и почти радостною увѣренностью и одушевленіемъ:—„Онъ возьметъ! онъ *все* возьметъ!“...

Верхомъ совершенства въ смыслѣ тонкой наблюдательности и яркости изображенія является разсказъ Горбунова о засѣданіи „общаго собранія общества прикосновенія къ чужой собственности“,—въ которомъ юмористическая форма прикрываетъ содержаніе, выхваченное изъ дѣйствительной жизни. Тотъ, кому по личному горькому опыту или по хроникамъ уголовнаго суда знакомы недостатки нашего недавняго акціонернаго законодательства, частыя злоупотребленія голосами и подставныхъ акціонеровъ и тщетная борьба дѣйствительныхъ владѣльцевъ акцій съ произвольными дѣйствіями правленій, поддерживаемыхъ искусственно созданнымъ большинствомъ, найдетъ, что Горбуновъ въ своемъ вымыслѣ вовсе не далекъ отъ проявленій дѣйствительности, одно время столь частыхъ, что онѣ чуть не обратились въ общее правило съ рѣдкими изъ него исключеніями. Открывая засѣданіе, предсѣдатель „имѣетъ честь предложить обсужденію милостивыхъ государей“ *первый* и главный вопросъ объ увеличеніи содержанія тремъ директорамъ, *второй*—о сложеніи съ кассира невольныхъ прочетовъ, *третій*—о преданіи забвенію, въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія, неблаговиднаго поступка одного члена правленія, *четвертый*—о назначеніи пенсіи супругѣ лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ состоянія кассира, и *пятый*—о расширеніи правъ правленія по личнымъ позаимствованіямъ изъ кассы. Совершенно неожиданно раздается чье-то: „ого!“. Но предсѣдатель твердо сидитъ въ своемъ сѣдлѣ, поддерживаемый безгласнымъ и безличнымъ большинствомъ.—„Что значитъ это „ого“?—прошу взять назадъ это „ого“! я не могу допустить никакого „ого“! — восклицаетъ онъ. — Выступаетъ болѣе краснорѣчивый ораторъ. „Прошу слова,—говоритъ онъ.—Какъ ежели директоръ, хранитель нашего портфеля, обязанный, напримѣръ, содѣйствовать... и все прочее... а мы, значитъ, съ полнымъ уваженіемъ... и ежели теперича директоръ, можно сказать, лицо... Я къ тому говорю: по нашимъ коммерческимъ оборотамъ, когда напримѣръ, затрещалъ скопинскій банкъ...“—„Вы задерживаете пренія и ставите ихъ на отвлеченную почву,—прерываетъ предсѣдатель,—нельзя-ли вамъ просто выразиться, такъ сказать реально: да или нѣтъ“...—„Когда, напримѣръ, разнесли скопинскій банкъ, ограбили вдовъ и сиротъ... можетъ и теперь сиротскія-то слезы не обсохли...“—„Все это вѣрно, но эти слезы—область поэзіи. Правленію нѣтъ никаго дѣла до сиротскихъ слезъ. Позвольте вамъ повторить мое предложеніе стать на реальную почву“.—„Мы не знаемъ этой вашей почвы, а грабить не приказано“.—„Стало быть, мы грабили?—обиженно спрашиваетъ предсѣдатель и обращается, отъ лица правленія, съ протестомъ къ общему собранію, которое реветъ: „вонъ! вонъ его!“. Является однако миротворецъ и, обращаясь къ „милостивымъ государямъ“, вкрадчиво говоритъ:—„Я позволилъ бы себѣ такъ понять это столкновеніе: почтеннѣйшій членъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ предложеніе предсѣдателя, не понялъ, такъ сказать...“—„Какъ не понять! Я говорилъ насчетъ грабежу“... Начинается шумъ, баллотируется выраженіе порицанія оратору, слышатся воззванія къ ревизіонной коммиссіи... „Въ Милютиныхъ лавкахъ устрицы ѣстъ ваша ревизіонная коммисія“, —кричитъ кто-то въ толпѣ.—Пошумѣвъ въ интересахъ правленія, общее собраніе переходитъ, по требованію одного изъ присутствующихъ, къ ознакомленію съ *неблаговиднымъ поступкомъ* одного изъ членовъ правленія.—„Съ юридической точки зрѣнія,—объясняетъ предсѣдатель,—поступокъ этотъ... наша юстиція очень рѣзко разграничиваетъ дѣянія, совершенныя...“—„Стащилъ, вотъ тебѣ и *естюція*“... слышится голосъ... „совершенныя по злой волѣ... Принимая во вниманіе семейное положеніе...“—„Ну стащилъ! это вѣрно!“—„Въ терминологіи нашей юстиціи нѣтъ слова: стащилъ...“—„Ну можно нѣжнѣе сказать—укралъ...“—Засѣданіе кончается баллотировкою вопроса объ увеличеніи содержанія директорамъ.—„Отдай имъ сундукъ съ деньгами, а они туда тебѣ, замѣсто ихъ, бронзовыхъ векселей наворотятъ... Чудесно!..“ — восклицаетъ прежній протестантъ.—„Бронзовые векселя, какъ вы изволили выразиться,—перебиваетъ предсѣдатель,—нисколько не отягощаютъ кассу... Позвольте мнѣ докончить!.. Позвольте васъ остановить!.. Вопросъ исчерпанъ, ставлю его на баллотировку!“

Не разъ изображалъ Горбуновъ и общественныя обѣденныя собранія по разнымъ поводамъ. Проявленія развившейся у насъ за послѣдніе годы маніи къ юбилейнымъ обѣдамъ нашли себѣ въ немъ остроумнаго изобразителя, со всѣми своими комическими сторонами,—съ юбиляромъ, узнающимъ впервые и съ изумленіемъ изъ обращенныхъ къ нему рѣчей о своихъ необыкновенныхъ заслугахъ предъ вѣдомствомъ, государствомъ и даже человѣчествомъ, и не знающимъ хорошенько, тонко ли смѣются надъ нимъ или грубо ему льстятъ,—съ вынужденнымъ его отвѣтомъ, при чемъ „виновникъ торжества“ обыкновенно „не находитъ словъ...“ и признаетъ этотъ, далеко не безопасный для его желудка, день „лучшимъ въ своей жизни“,—и съ тѣмъ, наконецъ, психологическимъ моментомъ, когда шипучее вино развязываетъ языкъ и туманитъ голову, когда всѣ начинаютъ говорить вмѣстѣ, забывая иногда цѣль собранія и выбалтывая истинныя чувства, скрытыя дотолѣ подъ юбилейною условностью рѣчи,—однимъ словомъ, когда становится возможнымъ конецъ одного изъ такихъ „юбилейныхъ“ разсказовъ Горбунова, въ которомъ одновременно, съ одного конца стола, изъ-подъ облака нависшаго надъ нимъ сизаго табачнаго дыма, слышится нестройное „ура!“, а съ другого несется сиплое: „бей его!“...

Между торжественными обѣдами и чествованіями, описываемыми Горбуновымъ, видное мѣсто по мастерству разсказа занималъ обѣдъ, будто бы даваемый въ Москвѣ „нашимъ заатлантическимъ друзьямъ“. Во время дипломатическихъ осложненій 1863 года, когда западная Европа стала грозить Россіи вмѣшательствомъ въ „старый споръ славянъ между собою“, разсчитывая повліять на нее совокупнымъ воздѣйствіемъ великихъ и даже малыхъ державъ, нѣсколько судовъ русскаго флота, подъ командою адмирала С. С. Лесовскаго, зашли въ Нью-Іоркъ и другіе главные порты С.-А.-С.Штатовъ, и были тамъ, въ память сочувственнаго отношенія русскаго правительства къ сѣверянамъ въ ихъ тяжелой и священной борьбѣ за уничтоженіе невольничества, восторженно приняты. Чѣрезъ нѣкоторое время, въ 1866 году, предъ Кронштадтомъ появился броненосецъ новаго тогда типа, носившій индѣйское названіе „Міантономо“, подъ командою капитана Фокса, пришедшій „отдавать визитъ“. Американцы сдѣлались сразу популярными и чествованіе ихъ подчасъ принимало гомерическіе размѣры. Изъ Петербурга они уѣхали въ Москву, и тамъ имъ пришлось узнать, что кромѣ обыкновенныхъ, знакомыхъ имъ морей, въ „сердцѣ Россіи“ существуетъ еще особенное „разливанное море“, при плаваніи по которому настоящее море, несмотря на свое грозное величіе, начинаетъ становиться „лишь по колѣна“. Объ одномъ изъ пиршествъ на берегу такого моря и разсказывалъ Горбуновъ.—Съѣзжающіеся гости освѣдомляясь, кто будетъ говорить рѣчи, не могутъ дождаться начала обѣда, и смягчаютъ томительность ожиданія предварительной пробою винъ. „А не попробовать ли хересу?“ — спрашиваютъ одни. — „Что-жъ, попробуйте, — отвѣчаютъ другіе, — вы пробуйте, а мы подъ васъ подражать будемъ“... Въ срединѣ обѣда начинаются рѣчи „заатлантическихъ друзей“. Въ этихъ рѣчахъ Горбуновъ превосходилъ самого себя. Онъ не зналъ по-англійски — а между тѣмъ рѣчи и довольно длинныя, говорились имъ именно на этомъ языкѣ. Въ нихъ, кромѣ обращенія къ слушателямъ, не было почти ни одного *слова* англійскаго— но были всѣ англійскіе *звуки*—и притомъ связанные между собою и переданные сообразно тепераменту говорящихъ. — „Ladies and gentlemen!“ — начиналъ свою рѣчь капитанъ Фоксъ, и говорилъ серьезнымъ тономъ, со сдержанною энергіею, съ паузами, вводными предложеніями и съ поднятіемъ голоса въ концѣ, при предложеніи тоста. — „Ladies and gentlemen!“ — срывался съ своего мѣста молодой лейтенантъ американскаго флота,—и его быстрая, живая, веселая рѣчь лилась неудержимо, пересыпанная вопросами себѣ, отвѣтами на нихъ, радостными восклицаніями и оканчиваемая бурнымъ финаломъ, который *долженъ* былъ вызывать рукоплесканія собравшихся на пиръ, при чемъ большинство изъ нихъ не понимало, конечно, что̀ именно говоритъ этотъ гость съ типичною американскою бородкою, но чувствовало, что говоритъ онъ отъ полноты души и что самъ онъ—„милый человѣкъ“...

А между тѣмъ предварительная проба, въ связи съ тѣмъ, что̀ полагалось по обѣденному питейному обиходу, производила свое дѣйствіе и вызывала приливъ особой любви къ новымъ друзьямъ, которые такъ задушевно заявляютъ что-то, должно быть, очень хорошее. Въ такомъ настроеніи все кажется возможнымъ и достижимымъ, всѣ реальныя очертанія дѣйствительности сливаются и смѣшиваются, а затѣмъ и самая дѣйствительность въ видѣ яснаго сознанія мѣста и времени исчезаетъ. Поэтому въ отвѣтъ гостямъ слышится восторженное воззваніе: „Господа американе!—какъ теперича мы друзья,—коли будетъ Высочайшее повѣленіе—при нашемъ капиталѣ—мостъ черезъ Антлантическій океанъ—въ три дня!—въ лучшемъ видѣ! Господа американе—ура!“. Поэтому, послѣ еще нѣсколькихъ тостовъ, встаетъ, несмотря на оживленное противодѣйствіе сосѣдей, силящихся удержать его за фалды сюртука, одинъ изъ участниковъ обѣда и съ опасностью потерять равновѣсіе, протягивая бокалъ Фоксу, вскрикиваетъ: — „Выпьемъ п-п-патріотическій т-т-тостъ отъ русскаго сердца“...—и на отвѣтное движеніе гостя, неожиданно заявляетъ: —„За здоровье... за здоровье Преосвященнаго! ура!...“

Въ сценахъ, имѣющихъ предметомъ народныя развлеченія, особое, непосредственное отношеніе къ нимъ простого народа и отдѣльныхъ, близкихъ ему по кругозору, личностей, у Горбунова изображается выпукло и чрезвычайно колоритно. Стоитъ припомнить его „Блондена“ или „Травіату“. Дѣйствующимъ лицамъ этихъ сценъ „хоть что хошь представляй“,—и за мѣстами они не гонятся, избирая „которыя попроще“ и „выше чего быть невозможно“, но пусть только будетъ именно то, что „въ афишѣ обозначено, на чести, безъ подвоху“... Поэтому и Сара Бернаръ аттестуется такъ: „насчетъ тѣлеснаго сложенія, говорятъ, не совсѣмъ, а что игра — на совѣсть!“. Содержаніе представляемаго зрители уже сами себѣ уяснятъ по-своему и даже, гдѣ нужно, дополнятъ. Вслѣдствіе этого имъ *кажется*, что они слышатъ, какъ нѣмецъ „какъ есть настоящій, и человѣкъ, надо полагать, степенный“, котораго долженъ нести на спинѣ по канату знаменитый акробатъ, говоритъ ему: „батюшка, господинъ Блонденъ, — пусти душу на покаяніе!“ — на что тотъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, Карла Иванычъ, сиди, а то уроню, — намъ публику обманывать не приказано: вишь, квартальный стоитъ!“. Поэтому, видя, что „тальянскіе эти самые актеры дѣйствуютъ, сидятъ, примѣрно, за столомъ и закусываютъ“, такіе зрители *слышатъ*, какъ тѣ поютъ, что имъ „жить очинно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя“. И всѣ дальнѣйшіе разговоры переводятся ими на языкъ и понятія своей среды, при чемъ, благодаря удивительной русской способности пониманія сущности дѣла или предмета по мимолетнымъ и разрозненнымъ его признакамъ, остовъ содержанія происходящаго предъ ними, хотя бы и на чуждомъ языкѣ, схватывается ими вѣрно. Оказывается, что г-жа Патти подноситъ г-ну Канцеляри [Кальцолари] стаканчикъ красненькаго, со словами: „выкушайте, милостивый государь“, и, услышавъ отъ него признаніе въ любви, говоритъ ему: „извольте идти куда вамъ требуется, а я сяду и подумаю объ своей жизни, потому наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно“; оказывается, затѣмъ, что, выйдя съ отцомъ героя, пришедшимъ, „имени, отчества ея не зная“, просить „турнуть запутавшагося парнишку“,—въ садъ, ибо „на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе“, она обѣщаетъ исполнить его желаніе, заявляя, что сама „баловства терпѣть не можетъ“... Отсюда становится понятнымъ, почему одинъ изъ зрителей, на вопросъ другого: „къ чему клонитъ?“, увѣренно отвѣчаетъ: „парнишка пришелъ прощенья въ своемъ невѣжествѣ просить: „я ни въ чемъ не причиненъ, все дѣло тятенька напуталъ“, при чемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится несомнѣннымъ, что Патти „между прочимъ, помереть должна“, вслѣдствіе чего она „попѣла еще съ полчасика, да Богу душу и отдала“... Пытливый взоръ слушателей и безъ пониманія ими чуждаго языка умѣетъ наслаждаться сценическимъ движеніемъ и по-своему объяснить себѣ его внутренній смыслъ. „А какая у нихъ игра,—предлагается вопросъ о Сарѣ Бернаръ,—куплеты поютъ, или что?“—„Игра разговорная. Очень, говорятъ, чувствительно дѣлаетъ. Такіе поступки производитъ—на удивленіе!.. Ты то̀ возьми: разъ по двѣнадцати въ представленіе переодѣвается...“

VI.

„Руси есть веселіе пити“, сказано было на зарѣ историческаго существованія русскаго народа. Среди многихъ неприглядныхъ сторонъ жизни простого русскаго человѣка, въ его тяжелой, не всегда умѣлой и часто неблагодарной борьбѣ съ суровою природою, при отсутствіи систематической заботы о его просвѣщеніи и о доставленіи ему здоровыхъ развлеченій, при развращающемъ вліяніи фабрики и окружающихъ ее соблазновъ,—„зелено-вино“ сдѣлалось для него не только главнымъ развлеченіемъ, но и утѣшеніемъ, потому что доставляетъ забвеніе. И такъ какъ, чѣмъ дольше не чувствуется сѣрая и гнетущая дѣйствительность, тѣмъ легче становится на душѣ, то русскій человѣкъ привыкъ набрасываться на это забвеніе безъ чувства мѣры, мирясь съ его неизбѣжными результатами... Не вкусовыхъ ощущеній, даже не скоро-преходящаго веселаго настроенія (да и всегда-ли веселаго?) привыкъ искать онъ въ винѣ, а того особаго, приподнятаго отношенія къ окружающему, благодаря которому мимолетное ощущеніе принимаетъ видъ чего-то реальнаго и прочнаго, а горе-злосчастіе отходитъ на отдаленный, едва видный планъ... „А добрый сонъ пришелъ— и узникъ зритъ себя царемъ...“—говорится въ „Русскихъ женщинахъ“ Некрасова. „А добрый хмель пришелъ“—можно бы сказать, пародируя эти слова и прибавивъ къ нимъ краткую характеристику искусственно—счастливаго самоощущенія пьянаго. По вѣрному, подтверждаемому научными изслѣдованіями, замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ менѣе иностраннаго, да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе, и напивается гораздо чаще противъ иностраннаго. Много духовной силы надо, чтобъ устоять предъ могущественнымъ хмелемъ, говоритъ онъ. Потому-то и поетъ народная пѣсня: „пей, забудешь горе“, и старинная лубочная картина, изображающая хмель, имѣетъ подпись: „азъ есмь хмель высокая голова, болѣ всѣхъ плодовъ земныхъ,—силенъ и богатъ, а добра у себя никакого не имѣю; ноги мои тонки, а утроба прожорлива,—руки же обдержатъ всю землю“. Вѣроятно вслѣдствіе этого свойства нашего родного опьяненія—въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ крайняго безобразія, русскій человѣкъ относится къ пьяному не съ брезгливымъ и тревожнымъ отвращеніемъ, какъ это дѣлается на Западѣ, а съ участіемъ, часто съ сочувствіемъ и иногда даже съ нѣкотораго рода завистъю. Не даромъ Некрасовъ, хорошо знавшій наши бытовыя особенности, въ предсмертные свои годы, когда становилось очевиднымъ, что поэма его „Кому на Руси жить хорошо“ не будетъ окончена, на недоумѣвающіе вопросы: „кому-жъ живется весело, вольготно на Руси?“—отвѣчалъ своимъ глухимъ, разбитымъ голосомъ:—„пьяному!“. Нельзя, однако, обобщать причину пьянства безусловно, и приходится признать, что, поднимаясь отъ низшихъ слоевъ населенія вверхъ, въ кругъ большаго развитія и образованія, пьянство постепенно, за исключеніемъ случаевъ проявленія болѣзни, переходитъ изъ области слабости и несчастія въ область чувственныхъ излишествъ и порока.

Горбуновъ,—искренній изобразитель родной жизни,—не могъ не отвести пьяному виднаго мѣста въ своихъ разсказахъ, между которыми, однако, нѣтъ ни одного, гдѣ пьяный былъ бы центральною фигурой, дающей содержаніе и окраску всему разсказу... Горбуновъ слишкомъ любилъ русскаго человѣка, чтобы глумиться надъ этою его слабостью и указывать какъ на общее явленіе на тѣ почти патологическіе случаи, когда она одна наполняетъ все его бытіе. Но онъ не закрывалъ глаза на дѣйствительность — и потому *пьяный* проходитъ во множествѣ его разсказовъ, то оставляя цѣлостное впечатлѣніе, то лишь мелькая, какъ неизбѣжная житейская принадлежность общаго фона картины. „Одинъ полетитъ—или съ человѣкомъ?“—спрашиваютъ изъ толпы, въ чудесномъ разсказѣ его „Воздушный шаръ“.—„Нѣтъ! съ человѣкомъ... Нѣмецъ полетитъ—и съ имъ портной...“—„Пьяный?!“—„Нѣтъ, тверёзый“, и т. д. Кто слышалъ этотъ разсказъ въ превосходномъ исполненіи Горбунова, конечно помнитъ, что слово „пьяный (пьянай!?)“ онъ произносилъ съ оттѣнкомъ особаго восхищенія въ голосѣ спрашивающаго.—Торжество „хмеля—высокой головы“ въ русской деревнѣ видится въ яркихъ сценахъ разныхъ мѣстъ большого разсказа „Изъ деревни“.—„Подобно мы, теперича,—говоритъ мужикъ,—какъ бы, напримѣръ, пчелы къ колодкѣ, такъ и мы къ кабаку: — онѣ со сластью, а мы за сластью“... Сласть эта покупается не въ одномъ кабакѣ, но и въ трактирахъ, харчевняхъ, откуда несутся несвязныя рѣчи и слышатся крики, гдѣ спорятъ и поютъ, цѣлуются и дерутся...—„Не я пью—горе мое пьетъ... Горе мое горецкое!“—декламируетъ съ паѳосомъ хохлатый, съ разстегнутымъ воротомъ, босой мужикъ, стоя на порогѣ бѣлой харчевни.—„Какое твое горе?“—Горе? Хуже быть невозможно: погорѣлъ! По той причинѣ, *были всѣ выпимши*... Вишь ты! Но только, между прочимъ...“

Вотъ она!—та горящая деревня, такими грустными и рѣзкими чертами описанная Чеховымъ въ его „Мужикахъ“. Но Горбуновъ знаетъ, что хмельной человѣкъ далеко не *весь* русскій человѣкъ, и что за его подчасъ звѣровидной отъ опьянѣнія оболочкой есть стороны трогательныя, глубокія. — „Я къ тому, главная причина,—понимать моей души никто не можетъ, какая есть она у меня душа. Вотъ что!“—бормочетъ пьяный мужикъ.—„Въ кабакѣ вся ваша душа-то мужицкая!“—рѣзко замѣчаетъ толстая лавочница.—„Напрасно! матушка, Прасковья Петровна! Ты, голубушка, за нашей душой въ кабакъ не ходи, вотъ я тебѣ что скажу! Въ кабакѣ мы только блажимъ, а душа наша у насъ въ грудяхъ заросла... не доберешься ты даже...“—Но кабакъ завладѣлъ имъ сильно... Дай Богъ, чтобы общественнымъ начинаніямъ, вызваннымъ къ жизни казенною винною продажею, удалось хоть отчасти изгладить послѣдствія вѣкового вліянія кабака и дать народу другія развлеченія и отвѣты на запросы его „заросшей“ души!—„Хозяинъ твой теперича,—утѣшаетъ фабричный Слёзкинъ плачущую бабу, указывая на кабакъ,—такъ будемъ говорить... окромя эвтаго мѣста ему негдѣ быть...“, и когда мужъ ея при этихъ словахъ выходитъ изъ кабака, прибавляетъ: „вишь ты! ужъ это значитъ такъ точно!“

Рядами проходятъ у Горбунова пьяные люди разнаго званія: крестьяне и мѣщане, купцы, пѣвчіе, причетники, актеры и всякіе „запойные люди“. Всѣми ими признается, что быть пьянымъ не только не зазорно, но и вполнѣ въ порядкѣ вещей; всѣмъ имъ хмель отшибаетъ сознаніе... „Были мы у кума на именинахъ въ Прокшинѣ,—разсказываетъ Дёмка въ „Утопленникѣ“,—ну, *извѣстно*—напились. И такъ я этого хмелю въ голову засыпалъ—себя не помню. Кума прибилъ, теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ. Просто—сейчасъ умереть—лютѣй волка сдѣлался. И съ чего бы кажись:—окромя настойки ничего не пили. Кумъ-то: что-жъ ты, говоритъ, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое! И такъ мнѣ пьяному-то это обидно показалось!“... Выскочивъ въ окно и побѣжавъ во тьмѣ и подъ дождемъ „ровно очумѣлый, не зная куда“, Дёмка попадаетъ въ рѣку; отъ неожиданной холодной ванны хмель проходитъ, и утопающій кричитъ такъ, что „давай теперича тысячу рублевъ—такъ не крикнешь: два года опосля глотка болѣла“. Его вытаскиваютъ и приводятъ къ куму, гдѣ онъ опять „этой настойки выпилъ три стаканчика—согрѣлся“... „Къ концу-то ужина я уже дьякона не вижу, а только вижу руку наливающую,—повѣствуетъ „на ярмаркѣ“ купецъ,—да и думаю: рука его здѣсь, а самъ-то гдѣ отецъ дьяконъ? Какъ домой попалъ, не помню...“

Поэтому привычное пьянство, если и не составляетъ добродѣтели, то, во всякомъ случаѣ, является обстоятельствомъ, извиняющимъ многое, кладущимъ предѣлъ извѣстнымъ требованіямъ и создающимъ своеобразное положеніе въ обществѣ. Какъ у Островскаго молодой человѣкъ, на вопросъ о своемъ званіи, отвѣчаетъ спокойно и не смущаясь: „Я, сударыня, *празднолюбецъ*“,—такъ и у Горбунова, сосредоточившій на себя вниманіе публики и судебной власти свидѣтель говоритъ многозначительно: „я человѣкъ пьяный!“—характеризуя этимъ не свое состояніе въ данный моментъ, а свое, такъ сказать, личное общественное положеніе, властно освобождающее отъ всякихъ распросовъ, не достигающихъ цѣли. Такое положеніе и такое состояніе служатъ въ его глазахъ, да и въ глазахъ окружающихъ, достаточнымъ объясненіемъ его словъ и поступковъ. Во мнѣніи большинства состояніе опьяненія не есть ненормальное и постыдное явленіе, идущее въ разрѣзъ съ обычнымъ строемъ жизни человѣка, напротивъ, оно есть какъ бы законное и естественное проявленіе этой жизни. Когда наступаютъ неизбѣжныя послѣдствія хроническихъ состояній опьяненія и кто-нибудь изъ человѣка пьянаго обращается уже въ „пьянаго человѣка“, о немъ говорятъ съ извѣстною нѣжностью, что онъ „ослабѣлъ“, и его слабость, особливо если онъ „смиренъ во хмелю“, считается вполнѣ понятнымъ укладомъ жизни, почти столь же естественнымъ, какъ и разные другіе. Подъ вліяніемъ такого благодушнаго отношенія окружающихъ развивается и у самого „пьянаго человѣка“, и по отношенію къ нему особая, своеобразная логика. Горбуновъ рисуетъ сцены и разговоры въ Бѣломъ залѣ московскаго трактира Барсова, великимъ постомъ, между антрепренерами провинціальныхъ театровъ и ищущими ангажемента актерами. „Первый любовникъ“, садясь къ столику, требуетъ у полового дать ему *по обыкновенію* графинчикъ добраго, русскаго, бѣлаго, простого... *очищеннаго вина* и пирогъ въ гривенникъ; за другимъ столикомъ, антрепренеръ, выслушавъ укоризненное указаніе „трагика“ на то, что въ содержимомъ имъ театрѣ актеръ, игравшій Гамлета, въ знаменитой сценѣ съ матерью, вышелъ съ папироскою въ зубахъ, отвѣчаетъ коротко и вразумительно: „Ну, что-жъ — *пьяный былъ*“... Невольно вспоминается при этомъ слышанный много отъ покойнаго А. Д. Градовскаго разсказъ о господинѣ, который, въ жаркій лѣтній день, войдя на рѣчной пароходъ, придерживаясь за поручни, сталъ сильно терять равновѣсіе и, устремивъ мутный взоръ на свободное мѣсто на кормѣ, стремительно двинулся къ нему, толкая встрѣчныхъ, наступая на ноги сидящимъ и опираясь на нихъ руками. Когда публика стала роптать, онъ, усѣвшись наконецъ на намѣченномъ мѣстѣ, снялъ фуражку съ краснымъ околышемъ, вытеръ лысину, улыбнулся доброю и виноватою улыбкою и сказалъ: — „Извините... я, когда надо ѣхать на пароходѣ... всегда... немножко... *потому—не стоитъ*!“—Въ виду всего этого понятно изумленіе окружающихъ при видѣ пѣвчаго-октавы, не пьющаго водки при закускѣ въ купеческомъ домѣ. — „Это даже удивительно, — говорятъ ему, — такой видный человѣкъ и не пьетъ. — Прежде былъ подверженъ, — отвѣчаетъ октава, — въ больницѣ разъ со второго этажа въ окошко выскочилъ: докторъ не приказалъ...“

Особенно рѣзкимъ образомъ проявляется привычное служеніе хмелю на почвѣ самодурства, развитого сознаніемъ своей денежной силы. Много разъ, — преимущественно въ сложныхъ бытовыхъ сценахъ, происходящихъ „На ярмаркѣ“, или же въ разныхъ перипетіяхъ „Женитьбы“, Горбуновъ обращался къ купеческому самодурству, принимающему, подобно хамелеону, то покрытыя легкимъ лоскомъ образованности, болѣе утонченныя, но грубыя въ существѣ и даже жестокія формы, — то къ откровенному и поразительному въ своемъ непризнаніи никакихъ условій мѣста и времени. Таковъ, напримѣръ, у него образъ купеческаго сынка Дмитрія Даниловича, посланнаго отцомъ въ чужіе края по машинной части, въ сопровожденіи переводчика, и настряпавшаго такихъ бѣдъ, натворившаго такихъ чудесъ, что даже въ газетахъ распечатали... „Пріѣхали они, матушка ты моя, въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али прынецъ онъ, что-ли, какой,—феверики приготовили. У Дмитрія-то Даниловича въ головѣ должно быть *было*: зажигай, говоритъ, скорѣй! А тамъ и говорятъ: погодите, почтенный, пока прынецъ пріѣдетъ. Я, говоритъ, московскій купецъ, за все плачу. Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ феверку-то и сунулъ, — такъ все и занялось! *Самъ*-то ужъ просьбу подалъ, чтобы по этапу его оттуда сюда предоставили...“

Выводимые Горбуновымъ типы и разновидности пьяныхъ людей такъ же разнообразны, какъ и изображаемыя имъ явленія и сцены русской жизни. Перечислить ихъ нѣтъ возможности. Длинною и пестрою вереницею проходили они передъ слушателемъ и будутъ проходить предъ читателемъ, начиная съ купеческаго племянника, привозящаго къ почти незнакомымъ людямъ на рыбную ловлю „троичку ледерцу“, прося окунуть бутылки „на полчасика въ родничокъ:—живо озябнутъ!..“ и кончая трагическою фигурою спившагося съ кругу стараго московскаго студента, восклицающаго: „чѣмъ я занимаюсь?—пью! да, пью! Утромъ пью, и днемъ пью, и ночью пью!“ и, отдавшись затѣмъ воспоминаніямъ о славномъ прошломъ своего университета и московской сцены, о Грановскомъ, Крыловѣ, Садовскомъ, горько плачущаго отъ сознанія, что „промоталъ свои идеалы!“

Въ изображеніи пьяныхъ Горбуновъ былъ неподражаемъ. Не говоря уже объ удивительномъ разнообразіи въ игрѣ лица, интонаціяхъ голоса и въ особенности въ выраженіи глазъ, свойственныхъ различному темпераменту и степени опьяненія того или другого лица, онъ умѣлъ почти неуловимыми чертами нарисовать предъ слушателями картину постепеннаго перехода въ настроеніи пьянѣющаго отъ условной сдержанности къ разговорчивости и полной откровенности, съ потерею, подчасъ, сознанія окружающей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляется его разсказъ, въ которомъ переплетались Wahrheit und Dichtung, разсказъ о томъ, какъ, охотясь съ Некрасовымъ и очень озябши, они заходятъ отогрѣться въ село къ священнику, живущему въ домикѣ-особнякѣ, и угощаютъ его чаемъ съ обильно подливаемымъ ромомъ, при чемъ хозяинъ, очень сдержанный въ разговорѣ сначала, постепенно хмелѣетъ и начинаетъ развертывать передъ гостями повѣсть своихъ отношеній къ благочинному и къ предпоставленнымъ лицамъ и учрежденіямъ. По мѣрѣ развитія разсказа окружающая дѣйствительность уходитъ изъ его сознанія, и онъ, вмѣсто двухъ охотниковъ, видитъ передъ собою кого-то, кому можно повѣдать *все:* и то, какъ на требованіе „даровъ“ съ указаніемъ на то, что у него хорошія куры, онъ отвѣчалъ многозначительно: „въ какое время—и какія куры“, и на то какъ жена его „смотритъ эдакъ косвенно...“ Но вотъ хмель уступаетъ, сквозь облако самозабвенія проглядываютъ лица чуждыхъ гостей—и старикъ, еще заплетающимся языкомъ, говоритъ: „только по-о-жалуйста это м-между нами!“

Не одна водка сокрушаетъ слабаго человѣка. Не менѣе сильно выбиваютъ его изъ сѣдла вина „собственнаго розлива“, кашинская мадера и шипучее, такъ называемая „купеческая погибель“, особливо когда оно фигурируетъ подъ названіемъ красныхъ, золотыхъ и др. головокъ и значится въ нарочито заманчивыхъ прейсъ-курантахъ подъ фантастическими этикетами въ родѣ поражающаго пріятелей, прикосновенныхъ къ „дѣлу о мухѣ“, шампанскаго „свадебное — пли!“, съ примѣчаніемъ: „пробка съ пружиною, — просятъ опасаться взрыва“. Пьющіе эти вина сами сознаютъ ихъ вредныя, одурманивающія свойства, но пьютъ по привычкѣ и „для восторга-съ!...“ Разскзывая о книжкѣ, гдѣ обозначено, какого званія Сара Бернаръ, по какимъ землямъ ѣздила и какое вино кушаетъ, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ: „нашего, должно быть, не употребляютъ, потому отъ нашего одна меланхолія, а игры настоящей быть не можетъ“...—„Этотъ хересъ помягче будетъ, — говоритъ чиновникъ приказчику, — а третьяго дня, вѣрите-ли, всю внутренность сожгло. — Мудренаго нѣтъ, — отвѣчаетъ ласково приказчикъ:—не та бутылка попалась, спирту, должно быть, перепущено. — Ужъ я не знаю тамъ что̀, только поутру руки трясутся, а тутъ привели двоихъ арестантовъ... — Ну, такъ, תеперичe вѣрно. Это—который хересъ для подрядчика слѣдуетъ, вамъ отпустили. Хересъ онъ дивный, только къ нему надо приспособиться.—Да, этотъ много мягче... сравненія нѣтъ.“

VII.

Таковы, въ существенныхъ чертахъ, картины быта излюбленной Горбуновымъ среды. Нельзя сказать, чтобы онѣ были особенно утѣшительны. Возбуждая въ отдѣльныхъ случаяхъ смѣхъ, отъ котораго трудно удержаться, онѣ въ общемъ, въ связи одна съ другою, вызываютъ вовсе не веселое настроеніе. За яркими вспышками юмора разсказчика слышится и чувствуется печальное раздумье, — и переходъ отъ смѣха къ грусти совершается въ душѣ читателя или слушателя невольно и самъ собою. „Какъ это смѣшно! — восклицаетъ онъ въ первыя минуты. — Какъ это вѣрно, какъ глубоко захвачено!“ — говоритъ онъ себѣ затѣмъ... „Но что же это, однако, такое? зачѣмъ же *это* такъ?“—спрашиваетъ онъ себя нерѣдко, вдумавшись въ смыслъ разсказа, когда на фонѣ изображенной талантливымъ художникомъ картины начинаютъ вырисовываться тѣ свойства нашей жизни, которыя характеризуются знаменитыми „авось!“, „ничего!“, „сойдетъ!“, „наплевать!“ и укладываются въ употребленный княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ терминъ: „рукавоспустіе“,—когда изъ глубины картины выступаетъ наше обычное безволіе, отсутствіе характера и взаимно чередующіяся хвастливое самомнѣніе и смиреніе, граничащее съ приниженностью, — когда подъ шуточками надъ окружающими и надъ самими собою сквозятъ поверхностное отношеніе къ жизни, не принимаемой „въ серьёзъ“, и отсутствіе не только вчерашняго, но даже и завтрашняго дня.

Было бы, однако, несправедливо указывать только на эту сторону разсказовъ Горбунова. И въ грустномъ выводѣ изъ совокупности рисуемыхъ имъ сценъ есть элементъ, въ нѣкоторой степени примиряющій со многимъ въ нихъ. Это — доброта, несомнѣнная, трогательная доброта и незлобивость русскаго человѣка. Она составляетъ, въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, *положительную* сторону этихъ разсказовъ. Широко разлиты въ нихъ черты, указывающія на гостепріимство, безразсчетливое и радушное, одинаково присущее всѣмъ описываемымъ Гонбуновымъ слоямъ. Накормить и отогрѣть чужого человѣка въ нуждѣ, не критикуя его и не резонируя надъ причинами этой нужды, не только удовольствіе, но и непрекаемый долгъ для русскаго человѣка; если достатокъ позволяетъ, то это удовольствіе усиливается еще и возможностью „поднести“. Рядомъ съ этимъ свойствомъ, ставящимъ человѣческія и сочувственныя отношенія между людьми выше матеріальныхъ соображеній, идетъ любовь къ дѣтямъ и заботливость о сиротахъ. Вездѣ, гдѣ у Горбунова является среди взрослыхъ ребенокъ—отношеніе къ нему всегда шутливо-нѣжное, при чемъ въ грубыя формы облекаются ласка и подчасъ трогательная заботливость. Нѣкоторыя Горбуновскія сцены, въ которыхъ участвуютъ дѣти, могутъ, по сжатости и теплотѣ, стать на ряду съ чудеснымъ разговоромъ Митрича во „Власти тьмы“ съ Анюткою о „дѣтосѣкѣ“. Доброе отношеніе къ „ребяткамъ“ до такой степени представляется русскому человѣку естественнымъ, что онъ приписываетъ его даже и тому, кого вообще онъ осуждаетъ. „Въ старину въ нашей сторонѣ, — говоритъ Потапъ въ „Утопленникѣ“, — тоже разбойникъ жилъ. И грабилъ какъ... страсть! проѣзду не было. Дѣдушка-покойникъ сказывалъ, — онъ еще махонькій въ тѣ поры былъ: — бывало, говоритъ, соберетъ маленькихъ ребятишекъ къ себѣ, въ лѣсъ — и ничего, не трогаетъ; не то, чтобы, къ примѣру, билъ, или что, ничего... Ходи, говоритъ, ребята, завсегда“. Весь дальнѣйшій разговоръ Потапа съ мальчикомъ Микиткою, а также длинная бесѣда Дементія съ малолѣтними Степкою и Серегою на „Постояломъ дворѣ“ преисполнены душевной теплоты, несмотря на то, что на послѣднихъ такъ и сыплются названія „чертенка“, „дурашки“ и „паршиваго“... „И гдѣ такой воръ парень родился,—говоритъ съ нѣжностью Потапъ, тщательно укрывая засыпающаго мальчика армякомъ,—въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ“?— „Сироты теперича много, говоритъ старикъ-купецъ въ холерный годъ, — столько теперича этой сироты — и куда пойдетъ она, кто ее вспоитъ-вскормитъ, одѣнетъ-обуетъ... и должно, значитъ, чувствовать сиротское дѣло; — самъ куска не ѣшь — сиротѣ отдай, потому она, сирота, ни въ чемъ неповинная“... И на почвѣ этихъ разсужденій выростаетъ рѣшимость набрать въ домъ сиротъ и создается затѣмъ цѣлое убѣжище съ училищемъ для нихъ...

Любитъ русскій человѣкъ природу и съ чуткою наблюдательностью относится къ ней. Въ рядѣ разсказовъ Горбунова упоминается объ этой любви, о тихомъ восторгѣ предъ „божьимъ творенiемъ“. Рѣка и въ особенности лѣсъ и „пустыня“, воспѣтая еще въ „Асафѣ Царевичѣ“ манятъ къ себѣ „разнаго званія“ людей, населяя, лишь только ночь раскинетъ надъ ними свое покрывало, ихъ фантазію таинственными образами. „Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью, — говоритъ Калина Митричъ въ превосходномъ очеркѣ *„Безотвѣтный“*,—первое это мое удовольствіе! Выду я въ лѣсъ, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Духъ такой здоровый!.. Мать ты моя родная, какъ я лѣсъ люблю!“... На ряду съ любовнымъ отношеніемъ къ природѣ идетъ, конечно не безъ наивно-жестокихъ исключеній, любовь къ животнымъ. Вѣрный правдѣ въ своихъ разсказахъ, Горбуновъ иногда вставлялъ въ свои картины жизни московскаго захолустья слѣдующій эпизодъ:— Знойный полдень. Все спитъ во дворѣ замоскворѣцкаго дома,— куры, лошади, собаки, люди, — даже подсолнечники въ палисадникѣ — и тѣ какъ будто спятъ. Дремлющій у воротъ и широко зѣвающій дворникъ спрашиваетъ проходящихъ: — вы маляры будете?—и получивъ утвердительный отвѣтъ, говоритъ:—а можете вы нашему кобелю... подъ брюхомъ скипидаромъ смазать?—А *гдѣ онъ?* отвѣчаютъ ему, „ничтоже сумняся“, маляры. Дворникъ зоветъ злополучную собаку, сладко спавшую на самомъ припёкѣ. — Держите! — говорятъ маляры. — Что-о! завертѣлся! — восклицаетъ восхищенный дворникъ,—не любишь!?!—Очень *вами* благодарны! прощайте...“ и снова все погружается въ дремоту... Но это — исключеніе, а вообще доброе отношеніе къ „животинѣ“ преобладаетъ. Особенно ярко проявляется любовь и даже восторженное отношеніе — къ птицѣ. „Это такой соловей, — отвѣчаетъ на предложеніе продать соловья „горькій человѣкъ“, проторговавшійся и нѣсколько лѣтъ томившійся въ „ямѣ“ (т.-е. долговомъ отдѣленіи) купецъ Дятлевъ,—что, кажется, умереть мнѣ легче, чѣмъ его лишиться. Вчера онъ, батюшка, какъ пошелъ это вечеромъ орудовать, думаю — не въ царствѣ-ли я небесномъ? вотъ это какой соловей! Птицу, сударь, ее любить надо, надо понимать ее. Скворецъ у меня говорилъ все одно какъ человѣкъ и любилъ меня, какъ отца родного... Будилъ меня. Утромъ, бывало, сядетъ на подушку: — вставай, Петровичъ, вставай, Петровичъ!“ Эту горячую любовь къ пѣвчей птицѣ русскій человѣкъ не только чувствуетъ самъ, но всю силу ея признаетъ и за другими. „Дочь у меня родами мучилась, письмо написала: тятенька, помоги! — продолжаетъ одушевившійся при разсказѣ о птицахъ старикъ, — всю ночь я проплакалъ, утромъ всталъ, взялъ его, голубчика, закрылъ клѣтку платкомъ, да и понесъ въ Охотный рядъ. Несу, а у самого слезы такъ въ три ручья и текутъ, а онъ оттуда, изъ клѣтки-то — куда ты меня несешь, куда ты меня несешь?— да таково жалобно“... Бѣдному старику, сѣвшему на тумбочку и „ревущему какъ малый ребенокъ“, не приходится, однако, разстаться со своимъ, быть можетъ, единственнымъ въ жизни утѣшеніемъ. Кто-то, узнавъ, въ чемъ дѣло, покупаетъ у него скворца за двѣ синенькихъ, и отдавъ деньги, говоритъ: „неси его съ Богомъ домой!..“

Любовь къ пѣнію птицъ можетъ быть разсматриваема какъ одно изъ проявленій любви русскаго человѣка къ пѣнію вообше. Онъ поетъ на работѣ,—поетъ въ одиночествѣ,—подъ звуки „дубинушки“ общими усиліями поднимаетъ и опускаетъ тяжести; онъ „въ томленіи“, какъ выражается Горбуновъ, и, постепенно одушевляясь, слушаетъ пѣсню и сопровождающую ее музыку... „Дѣлай! ухъ! — кричитъ купецъ Наконечниковъ пѣвцу-гитаристу. —На зелененькую! на всю!.. Подсинимъ! Катай! катай! Старайся! отъ насъ забытъ не будешь...“ Особенно трогаетъ слушателей церковное пѣніе. Оно возвышаетъ душу и наводитъ раздумье на самыя забубенныя головы. У Горбунова есть превосходное, богатое типическими чертами, изображеніе пѣнія хора „прокофьевскихъ пѣвчихъ“ въ купеческомъ домѣ, въ присутствіи сына—широкой натуры, который привыкъ „чертить“, и его матери, худой, высокой старухи въ темномъ платьѣ и черномъ платкѣ, съ выговоромъ на ò. „Пѣвчіе размѣстились по порядку: басы назади, тенора на правомъ крылѣ, альты на лѣвомъ, дисканты впереди. Прокофьевъ, сѣдой, почтенный, строгой наружности старикъ, вынулъ камертонъ, куснулъ его зубами, подставилъ къ уху... еще разъ... погладилъ по головѣ гладко выстриженнаго маленькаго мальчика-дисканта, нагнулся къ его уху и промычалъ ему нотку, затѣмъ оборотился къ басамъ:—соль-си-ре-си...—потомъ громогласно сказалъ:—„Покаянія отверзи ми двери“. - Хоръ шевельнулъ нотами и запѣлъ очень стройно. Изрѣдка слышалось только дребезжаніе старческаго голоса самого регента, но оно тотчасъ же покрывалось басами. Кончили. Басы откашлялись, тенора поправили волосы, альты завертѣли нотами, регентъ закусилъ камертонъ, опять послышалось:—ля-до-ми—и торжественный концертъ Бортнянскаго: „Кто взыдетъ на гору Господню“, огласилъ не только залу, но и улицу, и близлежащіе переулки. Мальчишки съ улицы прислонились къ окнамъ и приплюснули къ стекламъ свои носы. Сильно подѣйствовала на душу „матушки“ пропѣтая пѣснь. Она обтерла рукой увлажившіяся слезами глаза и посмотрѣла на сына. Сынъ глубоко вздохнулъ и, покачавъ головой, сказалъ: - „Да!“

Конечно, и въ любви къ пѣнію не обходится безъ крайностей. Между цѣнителями церковнаго пѣнія есть особые любители, для которыхъ главное—сила голоса поющаго, и для нихъ, по свидѣтельству Горбунова, свадьба не въ свадьбу, если не будетъ „пущена октава“.—„Ты ужъ, Николай Ивановичъ, приготовься,—упрашиваютъ „октаву“,—то возьми во вниманіе: одна дочь, опять же и родство большое... Голубчикъ, грохни“.—„У Егорья на всполье,—отвѣчаетъ октава,—на прошлой недѣлѣ вѣнчали, худенькая такая невѣста, на половинѣ апостола сморщилась, а какъ хватилъ я: „а жена да боится своего мужа“, такъ она такъ на шафера и облокотилась...“—„Нѣтъ, наша выдержитъ! Наша даже до пушекъ охотница... Вотъ когда въ царскій день палятъ... А ужъ ты дѣйствуй во всю, сколько тебѣ Господь Богъ голосу послалъ“.

Выдается въ разсказахъ Горбунова русскій человѣкъ своею отвагою, къ сожалѣнію, по большей части, совершенно безцѣльною, своимъ равнодушіемъ къ элементарнымъ условіямъ безопасности, своимъ, чуждымъ страха или рисовки, простымъ отношеніемъ къ несчастію и къ смерти. Блистая находчивостью, легкостью усвоенія и остроуміемъ, его богато одаренная натура, такъ долго не имѣвшая правильнаго и достаточнаго выхода для своихъ способностей, сквозитъ какъ лучъ свѣта среди сгущенной тьмы невѣжества и нищеты или нездоровыхъ сумерокъ фабрично-городской „образованности“. У Горбунова то-и-дѣло попадаются „словечки“, очевидно, прямо выхваченныя изъ жизни, и образныя выраженія, сдѣлавшіяся ходячими. Таковъ, напр., „мужчина сѣдой наружности“. Есть и много проявленій тонкой народной ироніи по отношенію къ стѣснительнымъ для него порядкамъ. Такъ, напр., старуха стряпуха въ „Медвѣжьей охотѣ“ говоритъ: „медвѣдь не по пачпорту вѣдь ходитъ,—вольный звѣрь, гдѣ захочетъ, тамъ и ляжетъ“. Наконецъ, иногда мелькаетъ въ этихъ разсказахъ чистый огонекъ твердой и трогательной вѣры. „Эхъ, господинъ честной,—говоритъ одинъ изъ вытащившихъ трупъ утопленника и задумавшійся надъ возможностью „влетѣть въ острогъ“,—хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое надѣлало“.—„Ничего!—отвѣчаетъ другой—Богу *тамъ* за насъ помолитъ“.

Пытаясь въ краткомъ и далеко не полномъ очеркѣ дать хоть нѣкоторое понятіе о внутреннемъ смыслѣ произведеній Горбунова, нельзя, въ заключеніе, не отмѣтить его тонкихъ психологическихъ наблюденій и умѣнья въ вызывающіе улыбку образы вложить указаніе на тяжелыя, а подчасъ и трагическія стороны жизни. Въ первомъ отношеніи стоитъ припомнить хотя бы изображеніе заразительности страха и свойственнаго всякому робѣющему желанія убѣдить другихъ въ отсутствіи опасности и въ ихъ спокойствіи почерпнуть поддержку противъ сжимающаго сердце ощущенія. Ямщикъ Никита, везущій купца, приближается къ мѣсту, гдѣ „шалятъ“, и, по разнымъ примѣтамъ, чуетъ недоброе... „Душу бы намъ свою здѣсь не оставить...“,—говоритъ онъ купцу, поддаваясь первому приливу боязни.—„Что ты, дуракъ, меня пугаешь,—отвѣчаетъ купецъ и, едва-ли самъ себѣ вѣря, прибавляетъ успокоительно:—кому наша душа нужна?“—„Садись, сударь, со мной на козлы, не такъ жутко будетъ“,—говоритъ ямщикъ. Купецъ, уже подпавшій заразѣ страха, безпрекословно исполняетъ это предложеніе,—а самъ „ровно бы вотъ листъ трясется“. Теперь ужъ ямщикъ начинаетъ его ободрять. „Чего же такъ, ваша милость,—замѣчаетъ онъ,—робѣть намъ нечего, коли ежели что, насъ двое!..“—„А у самого-то у меня, братецъ ты мой,—передаетъ онъ впослѣдствіи,—духъ захватило, руки отымаются...“

Изученіе психическихъ настроеній и процессовъ съ отдѣльнаго человѣка перешло, какъ извѣстно, въ послѣднее время на случайную совокупность людей—толпу и на сплоченную историческими, этнографическими и территоріальными условіями массу—націю. Послѣдователи уголовно-антропологической школы—Тардъ (Les crimes des foules) и Сигеле (La foule criminelle), а также Густавъ Лебонъ (La psychologie des foules), Обри (La contagion du meurtre) и др.—стараются опредѣлить тѣ общія начала, къ которымъ можетъ быть сведена психологія толпы, и изучить вліяніе психологическихъ факторовъ на представленія и настроеніе толпы, опредѣляющія, въ концѣ концовъ, ея собирательную волю и ея совокупныя дѣйствія. Альфредъ Фулльé, въ недавнихъ своихъ оригинальныхъ трудахъ, пробуетъ изслѣдовать душу цѣлаго народа и подмѣтить внутренніе процессы, происходящіе въ ней. Западная литература представляетъ произведенія, по которымъ, шагъ за шагомъ, можно прослѣдить образованіе и развитіе душевныхъ движеній толпы. Стоитъ указать на полныя захватывающаго интереса сцены съ участіемъ толпы въ „Ткачахъ“ Гергарда Гауптмана. И въ нашей литературѣ мы имѣемъ не одно изображеніе постепеннаго наростанія впечатлѣній, на почвѣ которыхъ создается настроеніе толпы, часто складывающееся въ порывистую волю, „безсмысленную и безпощадную“, по выраженію Пушкина. Первое, безспорно, мѣсто между ними принадлежитъ удивительному разсказу графа Л. Н. Толстого объ убійствѣ, въ 1812 году, Верещагина въ Москвѣ. Эта же тема затронута и у Горбунова въ его „Забытомъ домѣ“, гдѣ одинъ изъ представителей возжаждавшей жертвы толпы, оборванный мастеровой съ воспаленными глазами, кричитъ: „мы сейчасъ пойдемъ на трехъ горахъ сражаться... всѣ кабаки уничтожимъ, всѣ!.. нѣтъ, погоди! Купецкій сынъ вздумалъ бушевать—сейчасъ графъ разделюцію ему сдѣлалъ... я те, говоритъ, побушую! ребята, говоритъ, возьмите! Сейчасъ наши мѣщане растеребили! Потроху не осталось!.. Отецъ его стоялъ въ воротахъ—плакалъ... Ничего не подѣлаешь—приказано! Бей, говоритъ, въ мою голову!..“ Толпа часто выступаетъ въ разсказѣ Горбунова то въ видѣ цѣлаго, охваченнаго однимъ чувствомъ, мыслью, стремленіемъ, какъ напр., въ „Московскомъ захолустьѣ“, гдѣ происходитъ такъ называемый холерный бунтъ, то въ видѣ выхваченныхъ изъ нея мнѣній, замѣчаній и восклицаній, ярко рисующихъ преобладающія въ ней и быстро смѣняющіяся настроенія противоположнаго характера. Таковы, напр., „Медвѣжья охота“, „Воздушный шаръ“ и др. Въ послѣднемъ разсказѣ съ большимъ искусствомъ намѣчается переходъ толпы отъ спокойнаго созерцанія происходящаго („Шаръ, сударь, надуваютъ... съ самыхъ вечерень надуваютъ и никакъ его раздуть невозможно!—А чѣмъ его надуваютъ? — Кислотой! — Да! — безъ кислоты тутъ не обойдешься!“)—къ живѣйшему участію въ немъ, когда оказывается, что вмѣстѣ съ нѣмцемъ полетитъ портной, который „завертѣлся—ну, и летитъ“, потому что „отъ хорошей жизни не полетишь“. Хотя одинъ изъ пьяныхъ купцовъ, нанявшихъ его, и увѣряетъ, что „если онъ оттёда упадетъ“, то онъ, наниматель, „его не позабудетъ“, но толпа начинаетъ чувствовать сожалѣніе и сочувствіе къ тому, чья судьба ужъ такая, чтобы „ему, значитъ, летѣть“. И это сочувствіе ростетъ, захватываетъ окружающихъ. Раздаются добродушныя предостереженія на случай, „ежели этотъ пузырь вашъ лопнетъ“,—обращенія къ чувствамъ портного—„пустой ты человѣкъ, выходитъ: мать старуха плачетъ, а ты летишь...“, просьбы „кланяться тамъ!“ и совѣты—„милый, ты бы подпоясался, тебѣ легче будетъ...“—„Сажаютъ, сажаютъ!..“—въ восхищеніи говорятъ въ толпѣ. Еще минута—шаръ плавно подымется, и, быть можетъ, радостное, сочувственное ура огласитъ воздухъ... Но вдругъ—грозный вопросъ:—„ты что за человѣкъ“? и резолюція: „я те полечу! Гриненко, возьми его...“—Настроеніе сразу мѣняется и толпа раздѣляетъ чувство квартальнаго, которому „это обидно показалось“...

Мы уже говорили, какъ въ заявленіи гласнаго въ „Земскомъ Собраніи“ о томъ, что у него семь душъ дѣтей женскаго пола, требующихъ пищевого довольства, Горбуновъ приподымаетъ уголокъ завѣсы надъ картиною нужды сельскаго священника оставленнаго своимъ общественнымъ положеніемъ между случайнымъ и неопредѣленнымъ заработкомъ и обязанностью служить возвышеннымъ потребностямъ человѣческаго духа. Этотъ пріемъ, подсказанный ему его теплымъ сердцемъ, повторяется у него нерѣдко. Въ чрезвычайно живомъ и полномъ юмора разсказѣ повѣствуется о молодомъ купцѣ, изъ строгой и благочестивой семьи, получившемъ на выставкѣ извѣстной картины „Нана“, принадлежащей къ особому роду откровеннаго искусства, совѣтъ прочитать одноименный романъ Зола̀, гдѣ „всѣ обстоятельства обозначены во всю и слова на ихъ счетъ такія, что и пропечатать на нашемъ языкѣ невозможно, а надо по-французски“. „И сказали мнѣ,—говоритъ купецъ,—что въ Казанской улицѣ живетъ съ матерью дѣвица и французскимъ языкомъ орудовать можетъ. Къ ней. Блѣдная, худая, волосы подрѣзаны въ скобку; мать тоже старуха старая, слѣпая... Видно, что дня три не ѣли... Грусть на меня напала! Вотъ, думаю, обдѣлилъ Господь. Можете, говорю, перевести на нашъ языкъ французскую книжку? Посмотрѣла. Извольте, говоритъ. Что̀ это будетъ стоить? Семьдесятъ пять рублей. Это, говорю, мы не въ силахъ... За пятнадцать рубликовъ нельзя-ли? Она такъ глаза и вытаращила, а глаза такіе добрые, чудесные... инда мнѣ совѣстно стало. Вы, говорю, не обижайтесь: мы этимъ товаромъ не торгуемъ, цѣнъ на него не знаемъ. Я, говоритъ, съ васъ беру очень дешево, и то потому, что намъ съ мамашей ѣсть нечего, а по щекамъ слезы, словно ртуть, скатились. Жалко мнѣ ее стало, чувствую этакой переворотъ въ душѣ. Извольте, говорю, только чтобъ переводъ былъ сдѣланъ на чести, чтобы всѣ слова и обстоятельства... Покончили. Зашелъ какъ-то черезъ недѣлю навѣдаться, смотрю—сидитъ, строчитъ. Матери не въ зачетъ рубль далъ на кофій. Покончила она все это дѣло, да, не дождамшись меня, на Калашникову пристань и приперла. Вошла въ калитку-то, собаки какъ зальются—чужого народу къ намъ не ходитъ... А бабушку въ это время въ экипажъ усаживали, въ баню везти, бобковой мазью оттирать... Что за человѣкъ? Зачѣмъ? Къ кому? По какому случаю?... Все дѣло-то и обозначилось“.

Какая драма чувствуется за этимъ простымъ, повидимому, эпизодомъ! Какая жестокая дѣйствительность, разрушающая здоровье и грубо оскорбляющая душу, видится въ этомъ подыскиваніи дѣвушкою „съ добрыми глазами“ русскихъ выраженій для передачи словъ, которыми „всѣ обстоятельства обозначены во всю“, и въ этомъ рублѣ „на кофій“! Какъ невольно останавливается мысль — не на злополучномъ купчикѣ, котораго стала пилить бабушка, бросившая въ огонь и книжку, и тетрадку,—терзать дядя и „точить“ приглашенные для наставленія благочестивые старцы, изъ которыхъ „одинъ-то еще ничего—пьетъ, а другой, окромя кровоочистительныхъ капель, ничего не трогаетъ“,— а на одной изъ картинъ скорбной жизни столичнаго образованнаго пролетаріата. И когда представишь себѣ эту дѣвушку на глухомъ дворѣ старозавѣтнаго молчаливаго дома, окруженную лающими собаками, предъ чинящею допросъ бабушкою, предъ кучеромъ и прислугою, довольными неожиданнымъ зрѣлищемъ,— когда представишь себѣ формы и выраженія этого допроса, становится вовсе не смѣшно... Нѣтъ! не становится смѣшно... Не меньшая драма слышится въ отдѣльныхъ эпизодахъ „Женитьбы“ и въ простомъ, но характерномъ разсказѣ лихача о томъ, какъ бѣдная дѣвушка, которую онъ возилъ на тройкѣ, когда ее въ первый разъ путемъ обольщенія, а быть можетъ и насильственно, окунули въ житейскую грязь,—съ его легкой руки „жить пошла“... Ямщикъ-лихачъ стоитъ какъ живой, со всѣми ухватками своей профессіи,—кажется, что морозный бодрящій воздухъ вѣетъ въ лицо и что гармонично позвякиваютъ бубенчики его гостепріимной тройки,—но когда разсказъ конченъ прозаическою просьбою „на чаекъ“,—рисуется нѣчто иное, и разбитая жизнь, втоптанная въ развратъ, среди бездушной столичной суеты, взываетъ къ сердцу слушателя...

VIII.

Особнякомъ отъ созданныхъ Горбуновымъ типовъ и фигуръ стоитъ знаменитый отставной генералъ Дитятинъ, всѣми своими корнями сидящій въ томъ общественномъ строѣ, который сложился на Руси въ послѣднія десятилѣтія предъ крымскимъ погромомъ и былъ пересозданъ, а отчасти и вовсе разрушенъ реформами Александра II. Горбунову пришла счастливая мысль дать живое изображеніе человѣка этого времени, окаменѣвшаго въ своемъ міросозерцаніи, прочно остановившагося въ своихъ, на половину безсознательныхъ, взглядахъ и чувствахъ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ измѣнившеюся дѣйствительностью, на шумъ и брызги которой ему невольно приходится отзываться по своему. Задача изображенія такой личности должна была въ своемъ фактическомъ осуществленіи стать, и стала, неисчерпаемою. „Довлѣетъ дневи злоба его“, и каждый новый моментъ общественной жизни, каждое внѣшнее или внутреннее событіе, каждый всплывавшій на поверхность чѣмъ-либо замѣчательный человѣкъ, стали давать матеріалъ для выраженія своеобразныхъ сужденій оригинальной личности, задуманной Горбуновымъ. Постепенно создался образъ, разработанный съ особою любовью, съ тончайшею наблюдательностью и необыкновенною находчивостью тѣмъ, кто стоялъ за нимъ, почти органически съ нимъ сливаясь... Мало-по-малу, генералъ Дитятинъ сдѣлался неизбѣжнымъ посѣтителемъ всѣхъ кружковъ и собраній, въ которыхъ Горбуновъ чувствовалъ себя хорошо и свободно. Рѣшительныя резолюціи и отрывистыя характеристики генерала, его тонъ—презрительный по отношенію къ настоящему и подчасъ возбужденный или восхищенный по отношенію къ прошедшему,—его добродушный, отзывавшійся приближеніемъ „второго дѣтства", смѣхъ,—его довольно разнообразная начитанность, съ неожиданными изъ нея выводами, его тусклый взоръ и отвисшая нижняя губа, его добрая, безпомощная улыбка и глухой старческій голосъ,—наконецъ, его всегдашняя готовность отвѣчать „ничтоже сумняся" на почтительные вопросы собесѣдниковъ—остались, безъ сомнѣнія, въ памяти всѣхъ, кто разставался съ разговорившимся генераломъ, сожалѣя, что бесѣдѣ насталъ конецъ.

Создалась, по отрывистымъ отвѣтамъ Дитятина, и его біографія. Онъ самъ не зналъ хорошенько года своего рожденія, то относя его къ восшествію на престолъ Павла Петровича въ 1796 году, то вспоминая о своемъ участіи въ штурмѣ Праги, при Суворовѣ, въ 1774 г. Наивное самообольщеніе, побуждавшее его „пристегнуться" къ Суворову, отнюдь не слѣдовало, однако, понимать, какъ выраженіе сочувствія взглядамъ великаго полководца на военное дѣло и на отношеніе къ солдатамъ. Онъ, напротивъ, всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія одного изъ высокопоставленныхъ мирныхъ героевъ войны, находившаго, что „война портитъ солдатъ, пачкаетъ мундиры и разрушаетъ строй". Солдатъ, по мнѣнію Дитятина, существуетъ, такъ сказать: „an und für sich", и созданъ не для пагубнаго безпорядка войны, а для караульной службы, для вытяжки, маршировки и для необходимаго ихъ условія—муштровки. Неизбѣжныя при этомъ, по его мнѣнію, зуботычины, были гораздо нужнѣе, чѣмъ выдуманная „мальчишками" грамотность и другія нововведенія, которыми „увлекся" военный министръ Милютинъ, по адресу котораго Дитятинъ не скупился на краткіе, но выразительные эпитеты. Эти нововведенія, а особливо общая воинская повинность, приводили его сначала въ негодованіе, а потомъ въ мрачное уныніе, не лишенное, впрочемъ, надежды, что „*тамъ*, наконецъ, образумятся". Послѣднимъ изъ военныхъ администраторовъ, на которомъ со снисходительною благосклонностью считалъ онъ возможнымъ остановиться, былъ генералъ Сухозанетъ, который къ нѣкоторымъ реформамъ въ русскомъ военномъ строѣ, осуществленнымъ впослѣдствіи, относился скептически, „сумлѣваясь штопъ..." и признавая ихъ за „ѳимъ" [т.-е. миѳъ]. Было, впрочемъ, время, когда Дитятинъ преодолѣлъ свое отвращеніе ко „всему этому разврату" и даже предложилъ свои услуги для службы въ новыхъ военныхъ судахъ. Въ непринятіи этихъ услугъ онъ видѣлъ величайшую несправедливость, но вообще не любилъ распространяться о причинахъ отказа, ограничиваясь лишь словомъ: „...мерзавцы!" неизвѣстно, къ кому относившимся и произносимымъ съ непередаваемымъ брезгливымъ презрѣніемъ. Изрѣдка, впрочемъ, онъ рѣшался быть въ этомъ отношеніи вполнѣ откровеннымъ и съ неподдѣльнымъ изумленіемъ сопоставлялъ послѣдовавшій отказъ съ блистательно выдержаннымъ экзаменомъ, во время котораго, на предложеніе разсказать „о системѣ и мѣрѣ наказаній по Миттермайеру“,—онъ отвѣчалъ: „да! какже, помню, былъ у насъ въ полку, въ моей молодости, капитанъ Миттермайеръ,—система у него была, какъ и у всѣхъ, а мѣра... да мѣры онъ не соблюдалъ, а всыпалъ столько, сколько душѣ угодно,—какже! помню!“

Дитятинъ не былъ чуждъ и литературѣ. Онъ охотно цитировалъ Ломоносова и Державина; любилъ декламировать „красоты“ изъ сочиненій Дмитріева и снисходительно ссылался на басни Крылова. Къ Пушкину его отношеніе было двоякое. Долгое время онъ находилъ его „легкомысленнымъ юношею“, который злоупотреблялъ добротою и „непонятною слабостью“ графа Бенкендорфа, не зажавшаго ему ротъ. Но, будучи, какъ всегда, желаннымъ гостемъ въ собраніяхъ пишущей братіи, Дитятинъ поддался общему восторженному отношенію къ Пушкину въ Москвѣ, при открытіи памятника поэту въ 1880 г., и послѣ торжественнаго обѣда неожиданно высказалъ свои симпатіи къ нему. Онъ сдѣлалъ это, впрочемъ, съ оговорками, строго осудивъ многія его произведенія, но припомнивъ, однако, съ похвалою, нѣкоторыя воинственныя его стихотворенія и указавъ слушателямъ, что даже фамилія „Пушкинъ“ звучитъ пріятно для уха стараго служаки.

И къ Тургеневу отнесся онъ довольно благосклонно. Когда, въ 1880 году, знаменитому русскому писателю давали литературный обѣдъ въ Петербургѣ, Дитятинъ сказалъ, къ общему удовольствію, рѣчь, полную цѣнныхъ указаній на свое пониманіе исторіи и истиннаго положенія нашей литературы. „Милостивые государи,—сказалъ онъ,—вы собрались сюда чествовать отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Я противъ этого ничего не имѣю! По приглашенію господъ директоровъ, я явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности“... Выразивъ, затѣмъ, желаніе говорить, Дитятинъ нашелъ, однако, что это сдѣлать очень трудно, какъ „по разницѣ взглядовъ и по своему оффиціальному положенію“, такъ и по присущей людямъ его эпохи осторожности, ибо „ихъ учили болѣе осматриваться, чѣмъ всматриваться, больше думать, чѣмъ говорить; однимъ словомъ, учили тому, чему, милостивые государи, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь“. Бросая затѣмъ ретроспективный взглядъ на нашу литературу 30-хъ и 40-хъ годовъ, ораторъ сказалъ, между прочимъ: „Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій былъ обруганъ. Были приняты мѣры... Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерской тройки... Стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были „Записки Охотника“, принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Въ простотѣ сердца, я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника. Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: „Я знаю“. Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ сказалъ: „Это дѣло администраціи, а не мое“. Я сообщилъ митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это—„вѣяніе времени“. Я увидѣлъ что-то странное. Я понялъ, что мое дѣло проиграно, и посторонился. Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю: „хорошо!“. Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ, а только взводные киваютъ съ усмѣшкой головой. Я кончилъ, и пью за здоровье отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева...“

Доживая свой вѣкъ въ отставкѣ, Дитятинъ слѣдилъ за мимо бѣгущей жизнью и о каждомъ ея явленіи составлялъ себѣ совершенно опредѣленное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкъ самый многосторонній, всегда стоявшій съ готовою „резолюціей“ по вопросамъ, интересовавшимъ или волновавшимъ общество. Онъ, между прочимъ, почиталъ, но не любилъ Бисмарка,—находилъ, что Макъ-Магонъ „сплоховалъ“ во время своего президентства,—о Гамбеттѣ выражался презрительно: „хе! хе!—воздухоплаватель“...; строго осуждалъ назначеніе министромъ финансовъ человѣка, происходившаго изъ духовнаго званія; негодовалъ на Шопенгауэра за „прекращеніе человѣческаго рода“ и желалъ лично „вразумить его“... Прочитавъ въ русскомъ переводѣ сочиненія Лассаля, котораго онъ называлъ „Лапсалемъ“, Дитятинъ рѣшительно заявилъ: „я на это не согласенъ“. Увѣренность въ безусловной справедливости своихъ взглядовъ и брюзжаніе Дитятина—не мѣшали ему, однако, быть пріятнымъ и въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ. Едва раздавался его голосъ—всѣ присутствующіе обращались въ слухъ, при чемъ нѣкоторые спѣшили вызвать на подробныя объясненія старика, который, несмотря на свою нравственную осиротѣлость среди чуждыхъ ему поколѣній, обойденный ушедшею впередъ жизнью и болѣзненно пережившій крушеніе воспитавшаго его строя, умѣлъ оставаться незлобивымъ, довѣрчивымъ и подчасъ даже веселымъ.

Строгая выдержанность этого образа представляла собою блестящее доказательство творческой силы Горбунова. Дитятинъ былъ живой человѣкъ. Онъ дѣйствительно существовалъ между нами. Скончавшись, вѣроятно отъ старческаго маразма, одновременно съ Горбуновымъ, онъ оставилъ навсегда пустое мѣсто. Съ чутьемъ тонкаго психолога, Горбуновъ, вкладывая въ его уста удивительныя по своей архаичности сужденія, умѣлъ дать почувствовать доброе, въ сущности, сердце старика. Есть фотографія, изображающая Горбунова въ мундирѣ, со сложенными на груди руками, въ армейской каскѣ со старомоднымъ орломъ, держащимъ въ лапахъ перуны и вѣнки. Экземпляры этой фотографіи очень рѣдки. Извѣстно, между прочимъ, что на экземплярѣ, поднесенномъ одному лицу, есть надпись, сдѣланная старческимъ, дрожащимъ почеркомъ: „J'y suis, j'y reste — фраза, украденная у меня Макъ-Магономъ. Генералъ-маіоръ Дитятинъ 2-й“. При взглядѣ на этотъ оригинальный портретъ невольно чувствуется, что таковъ именно, въ своей непреклонности и добродушной строгости, и долженъ былъ быть незамѣнимый и незабвенный генералъ Дитятинъ...

Дитятинъ являлся однимъ изъ типическихъ представителей цѣлаго періода нашей общественной жизни. Изображая его, Горбуновъ заходилъ въ область нашей исторіи, которую изучалъ вдумчиво и съ любовью. Разсмотрѣніе его разсказовъ на исторической подкладкѣ и ознакомленіе съ его подражаніемъ старой письменности убѣдятъ насъ въ томъ.

IX.

Живая наблюдательность Горбунова и его способность всматриваться во внутреннее содержаніе того или другого явленія русской жизни, влагая его въ яркое изображеніе—не могли ограничиться однимъ настоящимъ. Какъ истинный художникъ, онъ умѣлъ представлять себѣ и прошлое въ выпуклыхъ и жизненныхъ образахъ.

Изучая нашу старую исторію, вдумываясь въ событія и общественный складъ XVII, XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка, онъ въ рядѣ произведеній оставилъ очерки эпохъ, строя жизни и господствовавшихъ въ то или другое время воззрѣній на коренныя условія общественныхъ отношеній. Имъ захвачены и давно прошедшіе — и недалекіе сравнительно годы, отрѣзанные отъ насъ и нашихъ взглядовъ широкою и благотворною бороздою реформъ шестидесятыхъ годовъ. Поэтому онъ является авторомъ бытовыхъ сценъ на исторической подкладкѣ, причемъ его необыкновенное умѣнье усвоить себѣ особенности и характерныя свойства языка въ различные періоды русской жизни даетъ ему возможность возсоздавать прошлое съ особенною правдоподобностью. Знатокъ родной исторіи чувствуется въ оригинальной формѣ его произведеній изъ области старой письменности, и ихъ шуточное подчасъ содержаніе заключаетъ въ себѣ нерѣдко мѣткія и сжатыя указанія на цѣлый порядокъ вещей, отошедшій въ вѣчность.

Но и помимо произведеній въ этомъ послѣднемъ родѣ, въ очеркахъ, изложенныхъ преимущественно въ видѣ воспоминаній и дневниковъ [„Изъ московскаго захолустья“, „Мысли на парадномъ подъѣздѣ“, „Забытый домъ“, „Дневникъ дворецкаго“ и др.], проходятъ предъ нами въ разномъ освѣщеніи, дающемъ въ своей совокупности цѣльный и—судя по обнародованнымъ за послѣднія тридцать лѣтъ матеріаламъ—исторически вѣрный образъ, такія фигуры, какъ, напримѣръ, архимандритъ Фотій, графъ Закревскій и многіе другіе. Проходятъ исчезнувшіе типы приживалокъ изъ захудалыхъ родовъ [„княжна съ флюсомъ и княжна безъ флюса“] и величавыхъ генераловъ александровскаго времени, украшенныхъ иностранными орденами „святой Марiи Тверезiи“ и „святого Парамерита“ [pour le mérite], по объясненiю швейцара, дежурящаго на парадномъ подъѣздѣ, — проходитъ рядъ людей, живьемъ взятыхъ изъ прошлаго.

Есть у Горбунова цѣлый историческiй разсказъ: „Царь Петръ Христа славитъ“, съ эпиграфомъ: „они [дьяки] учинили то дуростью своею негораздо и такого не бывало, чтобы его государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, которые отъ него Христа славить ѣздятъ во дворъ къ себѣ не пущать и за такую ихъ дерзость и безстрашiе быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно и никакихъ имъ почестей и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать...“ Вотъ какъ отмѣчаетъ Горбуновъ раздвоенiе между Москвою и ея молодымъ государемъ, вызванное началомъ переворота, произведеннаго этимъ „грознымъ властелиномъ судьбы“, стянувшимъ „бразды рукой желѣзной:“ „Тяжелое время переживали москвичи въ послѣднiй годъ XVII столѣтiя. Пять мѣсяцевъ съ ужасомъ натыкались они на стрѣлецкiе трупы, висѣвшiе на стѣнахъ Бѣлаго и Земляного города и валявшiеся на Красной площади... „Блудозрѣлищное неистовство“ являли собою въ глазахъ благочестивыхъ людей обритые, въ венгерскихъ кафтанахъ, бояре. Кремлевскiй дворецъ, дворъ великаго государя московскаго, былъ запертъ. Святѣйшiй патрiархъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Великiй государь не показывался больше народу, подобно его предкамъ, во всемъ блескѣ и величiи „царскаго сана“, въ большомъ царскомъ нарядѣ, въ сопровожденiи родовитыхъ бояръ „въ золотыхъ ферезяхъ“: въ селѣ Преображенскомъ онъ стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ иноземнаго покроя во главѣ своего лейбъ-регимента, салютуя князю Кесарю“...

Не менѣе рельефна и полна жизни картина Москвы въ 1812 г., наканунѣ ея взятiя французами, когда „народъ со всѣхъ концовъ тронулся“, ряды войскъ все напираютъ, напираютъ, стискиваются, останавливаются, съ трудомъ разступаясь, чтобы дать дорогу „Владычицѣ“ въ дорогой ризѣ, и священникъ Маргаритовъ, увидавъ въ оторопѣвшей толпѣ своего прихожанина, протискивается къ нему, кропитъ его святой водой и дрожащимъ отъ волненiя голосомъ говоритъ: „зрите и мужайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, обаче и тогда не кончина“... Таково же и описанiе Москвы разоренной послѣ пожара, когда, послѣ ухода французовъ, слуга оставленный при покинутомъ домѣ, получаетъ наконецъ возможность написать своему господину: „при семъ рабски имѣю честь вашему превосходительству присовокупить, что по головѣ меня гладили... только словъ я ихнихъ разобрать не могъ; при семъ взяли часы изъ угловой гостиной“... Воспоминанiя объ этомъ „забытомъ домѣ“ представляютъ характерныя черты смѣны поколѣнiй и ихъ взглядовъ въ старомъ московскомъ дворянскомъ гнѣздѣ. Какъ въ молодомъ организмѣ вслѣдъ за тяжкою болѣзнью чувствуется приливъ свѣжихъ силъ и особое жизнерадостное настроенiе, такъ и въ барской Москвѣ патрiотическiй подъемъ духа, вызванный войною и ея бѣдствiями, смѣняется усиленной жаждой удовольствій и, за отсутствіемъ общественной дѣятельности, учащеннымъ біеніемъ пульса жизни частной. Но и это настроеніе проходитъ; раскаты грома и шумъ отдаленной петербургской бури 14-го декабря, холера тридцатаго года и разныя внѣшнія обстоятельства кладутъ свой отпечатокъ на московскую жизнь. Раны, нанесенныя войною, забыты одними, отходящими, — не испытаны другими, вновь пришедшими,—а Западъ манитъ къ себѣ разными сторонами своей жизни. Барскіе дома, несмотря на затрудненія, которыми обставлена отлучка за границу, начинаютъ подолгу пустовать, и стѣны ихъ говорятъ краснорѣчиво о прошломъ лишь неотлучнымъ свидѣтелямъ пережитаго—старымъ и вѣрнымъ слугамъ исчезнувшаго нынѣ типа. Для этихъ слугъ настоящее еще полно своеобразныхъ впечатлѣній и выводовъ изъ прошлаго. Когда въ „забытомъ домѣ“ молодые господа, равнодушные къ покидаемому гнѣзду, шумно снимаются съ якоря, надолго уѣзжая на „теплыя воды“, въ чужіе края, дворецкій Михаилъ Егоровичъ въ тяжеломъ недоумѣніи трое сутокъ приводитъ домъ въ порядокъ, закрываетъ мебель и занавѣшиваетъ хмурые лики генераловъ двѣнадцатаго года. „Платова онъ закрылъ особенно тщательно, промолвивъ: „муха–вѣдь она дура, вѣдь она и тебя, батюшку, не пожалѣетъ“... Блюхера онъ оставилъ открытымъ“.

Переживая, вмѣстѣ съ выводимыми имъ лицами, прошлыя времена, Горбуновъ не могъ, конечно, пройти молчаніемъ крѣпостного права, бросавшаго почти на всѣ явленія русской жизни свою мрачную тѣнь. Въ дневникѣ дворецкаго, посвященномъ изо дня въ день описанію, подъ угломъ зрѣнія престарѣлаго слуги, распутной и расточительной жизни молодого знатнаго барина, не умѣющаго съ достоинствомъ носить свое старое имя и соблюдающаго лишь внѣшнимъ и поверхностнымъ образомъ домашнія традиціи предковъ, есть эпизоды, рисующіе созданныя крѣпостною зависимостью отношенія. Баринъ недавно достигъ совершеннолѣтія. „По случаю рожденія его сіятельства, исполнилось двадцать четыре года, былъ въ нашемъ домѣ молебенъ съ водосвятіемъ,—записано въ дневникѣ,—вечеромъ были танцы съ дѣвицами, а цыганскій таборъ пѣлъ пѣсни, кончили забавляться съ солнышкомъ“. Но предъ его волею склоняется масса дворовыхъ и челядинцевъ, и по пословицѣ: „гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость“, на нее возлагаютъ они свои житейскія упованія, отъ нея ждутъ гнѣва и безропотно принимаютъ его. Но какъ много нелѣпаго произвола и безсознательной, можетъ быть, жестокости и въ этомъ гнѣвѣ, и въ этой милости! Лакея Лаврушку, котораго въ субботу пришлось отпаивать квасомъ, послѣ того, какъ онъ, паря вчетверомъ барина въ Суконныхъ баняхъ, повалился замертво, въ понедѣльникъ приказано наказать въ оранжереѣ, но должно быть на его строптивый нравъ это не дѣйствуетъ, и въ слѣдующую субботу ему велѣно „забрить лобъ“, но онъ бѣжитъ, и когда черезъ пять недѣль является изъ бѣговъ, то неожиданно встрѣчаетъ смягченіе кары: приказано вновь наказать его въ оранжереѣ и выдать ему паспортъ. Поѣхавъ къ Яру, молодой хозяинъ „душъ“ остается тамъ цѣлый день, вслѣдствіи чего кучеръ Глѣбъ отмораживаетъ себѣ носъ, по словамъ доктора— „безвозвратно“, почему и въ больницу идти не желаетъ. Ему черезъ нѣсколько дней выдается вольная, ибо „безъ носу — не кучеръ“... „Былъ у племянницы своей на Поварской улицѣ, — говорится въ дневникѣ,—услыхалъ, что господа ея отправляются по веснѣ на теплыя воды, а ее отдаютъ замужъ за выѣздного Родіона Михайлова, а ея есть желаніе, по нелюбви къ нему, выкупиться на волю. Плачетъ. Совѣтовалъ господамъ покориться. Противъ моихъ словъ говорила—лучше утоплюсь. Она дѣвица молодая, красивая, а онъ кривой. Вся причина въ барынѣ: желаетъ, чтобъ ея господскаго приказанія слушались“. Чрезъ недѣлю въ дневникѣ записано: „племянница моя и крестная дочь Любовь Ивановна отъ грозящей ей неминуемой бѣды быть замужемъ за Родіономъ, проглотила три булавки и скончалась въ судорогахъ, въ чемъ священнику на духу и покаялась... Упокой, Господи, душу ея въ селеніяхъ праведныхъ! Вчера цѣлый день плакалъ. Мать ея, сестру мою Надежду, свезли въ больницу: чувствуетъ приближеніе живота“... Въ другомъ мѣстѣ дневника, отмѣчая, что умеръ скоропостижно отъ угара камердинеръ покойнаго графа, Григорій Никитинъ, старый дворецкій прибавляетъ: „жену приказано отправить на скотный дворъ, а малолѣтнихъ раздать въ ученье. Квартальному за хлопоты десять рублей и сукна на брюки“... Ученью подвергаются, впрочемъ, не одни малолѣтніе. Приходится обучаться по новому и старому человѣку. Одна изъ владѣтельницъ „забытаго дома“ проситъ повара генерала Барканова взять поучить ея стараго повара Дмитрія, которому, по мнѣнію генеральскихъ поварятъ, „по божьему-то въ богадѣльню пора“... „Воля господская,—говоритъ имъ со вздохомъ старикъ,— ихняя воля... велятъ и фалеторомъ сядешь;—кто-жъ имъ можетъ въ кушаньѣ потрафить: то имъ съ перцемъ давай, то зачѣмъ перецъ кладешь; — заварные левашники ужъ какъ я умѣю: положишь на блюдо-то— воркуетъ, словно живой, а онѣ кушать не могутъ. Да все!.. возьмите вы галантиръ — оттянешь его чище зеркала, причесываться можно, а они говорятъ: ты меня какъ собаку кормишь; такой въ себѣ капризъ имѣютъ, что ни одинъ поваръ на нихъ угодить не можетъ“... Но бываютъ и добрые дни. На пасху баринъ „христосовался со всѣми, по три раза, денежное положеніе роздано, какъ при покойномъ графѣ: по три рубля; тремъ семействамъ дворовыхъ людей объявили вольную, повару Герасиму, камердинеру Владиміру и старой горничной покойной графини — Егоровнѣ. И могутъ они вольными жить въ нашемъ домѣ и служить его сіятельству по прежнему. А на повара, — прибавляетъ въ своемъ дневникѣ дворецкій,—разставляла зубы Марья Алексѣевна, хотѣла его вымѣнять у графа на садовника Филиппушку: Богъ не попустилъ“!

Несмотря однако на возможность и даже на тогдашнюю закономѣрность такихъ проявленій барской воли, въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ проявленій крайней жестокости, люди, рожденные въ крѣпостной зависимости, молчаливо мирились съ условіями послѣдней, создававшими своего рода „consortium omnis vitae“ для помѣщиковъ и для тѣхъ, кто составлялъ ихъ „крещеную собственность“. Долгіе годы преемственнаго терпѣнія, мягкость и добродушіе русской натуры выработали такимъ образомъ типъ старыхъ слугъ, преданность которыхъ господамъ и вѣрность ихъ интересамъ кажется нынѣ почти легендарною. У слуги стараго времени радости и скорби семьи, гдѣ онъ жилъ, были его скорбями и радостями; онъ ревниво оберегалъ честь дома и болѣлъ сердцемъ, видя ея умаленіе. Онъ не могъ не цѣнить значенія вольной, но, несмотря на горькія подчасъ условія своей жизни, нерѣдко даже гордился своею принадлежностью опредѣленному лицу, съ судьбою котораго была связана и его судьба. „Я прирожденный камердинеръ, а не мѣщанинъ какой-нибудь,—говоритъ слуга въ „Утрѣ молодого человѣка“—и всѣми силами и умѣньемъ оберегаетъ своего барина отъ увлеченій и мотовства. Въ разгарѣ спора между крѣпостнымъ и вольнонаемнымъ лакеями о преимуществахъ соціальнаго положенія каждаго изъ нихъ, старикъ слуга, выходя изъ себя, кричитъ: „это вы—холопъ, а я—природный лакей! Моя душа барская, а ваша окладная, потому вы несчастный мѣщанинъ. Я коли какой непорядокъ на улицѣ сдѣлаю, должны меня къ моему барину съ будочникомъ предоставить, а васъ на веревкѣ въ часть поведутъ; вы на запяткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ завсегда въ комнатахъ“.—„Что вы выражаетесь!?—восклицаетъ окладная душа...—Я не выражаюсь, а правду говорю! Вы холопъ а не я!“—отрѣзываетъ барская душа.

Какъ изображеніе чувствъ, отношеній и міросозерцанія такого стараго слуги—особенно интересенъ уже упомянутый дневникъ дворецкаго, съ надписью: „Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства графа Павла Павловича дворовому его человѣку Емельяну Дыркову. Пріобрѣтена покупкою пятьдесятъ копѣекъ ассигнаціями. Описаніе жизни въ домѣ его сіятельства. Описывалъ собственноручно крѣпостной дворовый его человѣкъ своею охотою. Емельянъ Дырковъ. 1847 году“. Въ этомъ дневникѣ нарисованъ искусною рукою и самъ авторъ, и его господинъ, сдѣлавшійся обладателемъ повидимому огромнаго состоянія и ведущій самую безшабашную жизнь въ домѣ, гдѣ еще недавно все было чинно, истово и строго... Онъ возвращается на разсвѣтѣ, встаетъ въ четыре часа дня, пропадаетъ по двое сутокъ въ цыганскомъ таборѣ, гдѣ самъ пляшетъ, — то чревоугодничаетъ, то обуревается внезапными аппетитами къ моченымъ яблокамъ и т. п., занимается по цѣлымъ часамъ стрѣльбою изъ пистолета въ оранжереѣ, пѣніемъ романсовъ, игрою на гитарѣ и „разрисовываніемъ птицы въ клѣткѣ“, пробуетъ силу, тягаясь на палкѣ съ кучерами и разрубая пополамъ живую собаку, устраиваетъ у себя, несмотря на „выговоры доктора Топорова“, оргіи, причемъ „прислугѣ быть не приказано“, — ведетъ крупную азартную игру и лишь иногда въ постели читаетъ „смѣшную книжку“. На службу не ходитъ, хотя ему и „присылаютъ чинъ, какъ онъ значится по канцеляріи“. По временамъ имъ овладѣваетъ внѣшнее благочестіе, онъ ѣздитъ въ Лавру, простаиваетъ подолгу на молитвѣ, читаетъ

„четь-минею“, служитъ у себя молебны съ знаменитыми и дорогими пѣвчими и принимаетъ многочисленное духовенство и знатныхъ особъ. Но эти промежутки становятся все рѣже и рѣже,— въ домѣ появляются темныя личности, — наконецъ надвигается, при угрозѣ со стороны родныхъ взятіемъ въ опеку и подачею „на высочайшее имя, чтобы на Кавказъ“—матеріальное разореніе и наступаетъ трагическая развязка уголовнаго характера.

Болитъ отъ всего этого сердце стараго, искренно-вѣрующаго и добраго слуги. Сначала онъ отмѣчаетъ лишь факты, въ ихъ краснорѣчивой неприглядности, но потомъ начинаетъ выражать тревогу. „Большихъ денегъ стоитъ графу эта цыганка“; „великій былъ шумъ у насъ сегодня въ домѣ,—славу Богу, что графъ не былъ въ игру замѣшанъ,—великое будетъ несчастіе, коли графъ себя не сократитъ“ отмѣчаетъ онъ разновременно въ дневникѣ.

Чаще и чаще рисуются ему въ воспоминаніяхъ и сновидѣніяхъ прежнія времена домашняго порядка и общаго почета его господамъ. „Тошно жить становится, — пишетъ онъ,—Господи! какъ вспомнишь, что нашъ за домъ былъ! пожалуй, что ниже предводителя и господъ-то у насъ не бывало! Никто къ намъ изъ знакомыхъ не ѣздитъ, и подобный нашъ домъ сталъ обыкновенному дому, если не хуже... Помяни, Господи, во царствіи твоемъ раба твоего графа Павла и рабу твою графиню Софію. Большіе господа были!“ Но онъ продолжаетъ строго надзирать за барскимъ добромъ и, презирая въ душѣ новыхъ гостей барина—цыганъ, игроковъ и людей подозрительной профессіи, тѣмъ не менѣе тщательно записываетъ, на сколько персонъ былъ сервированъ столъ и что̀ было подано. Здоровье его, однако, слабѣетъ, и несмотря на оставшійся послѣ покойнаго графа лекарственный порошокъ „кремартакторъ“, принимаемый имъ съ большою для себя пользою,—онъ начинаетъ чувствовать „отягченіе ногъ“. Записавъ видѣнный имъ сонъ, въ которомъ Любушка—умершая отъ проглоченныхъ булавокъ дѣвушка—приходила къ нему въ кисейномъ платьѣ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ и двумя херувимами въ рукахъ,—спрашиваетъ онъ себя: „не зоветъ ли это она меня къ себѣ?“ Несмотря на ликующій вокругъ него грѣхъ, вѣра его тверда. Какъ трогательно частое обращеніе старика отъ картинъ житейской грязи и злобы къ величавымъ словамъ молитвъ и пѣснопѣній! „Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія!—Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!—О, дивное чудо! Невидимыхъ Содѣтель за человѣколюбіе плотію пострада!“— восклицаетъ онъ въ разныхъ, особо тягостныхъ для него по содержанію, мѣстахъ дневника. За то какою наивною гордостью звучитъ въ началѣ дневника запись, когда случилось такъ, что на одинъ день въ домѣ повѣяло былою торжественностью. По настоянію тетокъ, молодой графъ даетъ балъ „при полномъ освѣщеніи всего дома, съ ужиномъ на шестьдесятъ человѣкъ, при прислугѣ въ новыхъ ливреяхъ и хорѣ музыкантовъ за тюлевою занавѣсью въ малой гостиной“. Старому слугѣ, при видѣ барина, танцующаго съ княжною, думается, „не намѣчають ли ему княжну въ невѣсты?“ „Все въ руцѣ Божьей—восклицаетъ онъ въ упованіи на новые побѣги родословнаго древа и восхищаясь разговоромъ генералъ-губернатора къ генеральшею, замѣняющею хозяйку, причемъ они „другъ другу противъ сказанныхъ словъ выговаривали“, замѣчаетъ: „знатные люди! высокаго чину! Подумаешь, до какой высокой степени Богъ можетъ вознести человѣка!“

Какъ характеренъ, наконецъ, для изображенія воззрѣній и способа дѣйствій тогдашней административной юстиціи—эпизодъ съ оскорбленнымъ купцомъ! „Вчерашняго числа,—записано въ дневникѣ,—графъ въ театрѣ одному купцу далъ плюху. Хочетъ судиться. Потребовали графа къ военному губернатору, но онъ не поѣхалъ, по болѣзни, а отправилъ съ теткою просьбу къ губернатору: проситъ отъ купца защиты“. Дальнѣйшія распоряженія напоминаютъ знаменитый совѣтъ комендантши Бѣлогорской крѣпости въ „Капитанской дочкѣ“:—графа сажаютъ на Ивановскую гауптвахту, а купца забираютъ въ тверскую часть. „Купца заставили помириться,—говоритъ затѣмъ дневникъ,—приходилъ квартальный, отбиралъ отъ графа подписку, что онъ впредь драться не будетъ и купца прощаетъ. Дано три рубля“. Трагическій эпизодъ, на которомъ прерывается дневникъ, имѣетъ уже прямое отношеніе къ уголовной юстиціи сороковыхъ годовъ. Съ самаго начала записей Емельяна Дыркова—въ эпическую ткань его описаній вплетается, какъ красная нить, нѣкая Вѣра Аѳанасьевна и ея отецъ, имѣющіе какую-то прикосновенность къ театру. Они, повидимому, уже довольно давно знакомы съ графомъ, который ужинаетъ съ отцомъ до разсвѣта и играетъ съ дочерью на фортепіано. Мало-по-малу отецъ Вѣры Аѳанасьевны, сначала благодарящій за то, что имъ не гнушаются, дѣлается persona grata въ домѣ. Его принимаютъ въ постели, пьютъ съ нимъ чай, онъ читаетъ „Апостолъ“ во время молебна и сопровождаетъ графа въ Лавру, куда тотъ ѣдетъ прямо съ гауптвахты, послѣ того, какъ „простилъ купца,“—его „допускаютъ“ на балу сидѣть съ музыкантами, причемъ онъ тайно уноситъ съ собою ананасъ. Подарки ему идутъ crescendo. Сначала лягавый кобель, потомъ пѣнковая трубка, которая „была съ покойнымъ графомъ подъ Бородинымъ, а ему подарена фельдмаршаломъ“, наконецъ, къ еще большему сокрушенію стараго слуги, графская соболья бекешь и шляпа... Въ дневникѣ оказываются вырванными болѣе половины страницъ, относящихся къ цѣлому лѣту, такъ что продолженіе его начинается съ переноса... „а она склонности къ нему не имѣетъ и какъ по замѣчанію хочетъ себя соблюсти и выговаривала на счетъ жизни и что въ карты играетъ, а онъ на колѣнкахъ плакалъ и божился цыганскій духъ изъ дому вывести и образокъ покойной графини цѣловалъ, а она его по головѣ гладила и какъ бы сама прослезилась“... Все, однако, какъ видно, остается по прежнему, только отецъ Вѣры Аѳанасьевны забираетъ все бо̀льшую силу. Къ концерту, въ которомъ его дочь будетъ играть, модный портной шьетъ ему, за счетъ графа, новый коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и бѣлый жилетъ; пріѣхавъ пьяный на лихачѣ и не будучи допущенъ, въ отсутствіе графа, въ его кабинетъ, онъ буянитъ и требуетъ денегъ на извозчика. „Обругалъ насъ всѣхъ, прирожденныхъ дворовыхъ графскихъ слугъ, холуями,—записано въ дневникѣ,—а Владиміра налаживался бить, но только тотъ присутствія духа не потерялъ и сказалъ: „тронь!“ Послѣ концерта всѣ поѣхали къ Яру, а оттуда пріѣхали въ домъ въ два часа ночи. „Вѣру Аѳанасьевну графъ и его пріятель Линевъ ввели на лѣстницу подъ руки—она хохотала и била, какъ бы въ шутку, Линева вѣеромъ,—говорила, что у нея голова кружится, что она пьяная, и дѣйствительно, какъ мною замѣчено, глаза у нея помутились. Приказано въ шампанское налить мараскину. Графъ стоялъ на колѣняхъ и цѣловалъ у нея руки, а она—то расхохочется, то заплачетъ. Все спрашивала—гдѣ отецъ? А Герасиму приказано возить его, пьянаго, по всей Москвѣ и изъ саней не выпускать. На рукахъ снесли въ желтую гостиную и заперлись. Какъ ударили къ заутрени, вырвалась изъ гостиной развращенная, металась по всему дому, кричала и кусала руки. Графъ былъ въ безчувствіи. Бросилась въ переднюю, хотѣла бѣжать на улицу: прислуга не допустила. Линевъ съ кучерами завернулъ ее въ салопъ и велѣлъ кучеру Трофиму везти домой, а тотъ пьяный, не понявши дѣла, свезъ ее въ Екатерининскую больницу“.—Это происходитъ во вторникъ,—въ воскресенье „объ случаѣ въ нашемъ домѣ говоритъ вся Москва“, а въ понедѣльникъ „Вѣра Аѳанасьевна скончалась въ Екатерининской больницѣ и, какъ полагаютъ, отъ какихъ-то порошковъ“.—Чрезъ недѣлю дневникъ обрывается окончательно слѣдующею записью: „Графа свезли на гауптвахту. Завтра весь домъ пригонятъ къ присягѣ. Упокой, Господи, раба твоего графа Павла и рабу твою Софію,—сестру мою рабу Надежду, и дочь ея Любовь, и меня грѣшнаго совокупи! Глаза бы на свѣтъ не глядѣли...“. Разсказывая объ участи „Вѣры Аѳанасьевны“, дневникъ не только передаетъ правдоподобное и вполнѣ возможное по условіямъ мѣста и времени „описаніе жизни въ домѣ его сіятельства“, но содержитъ въ себѣ указаніе на дѣйствительное событіе, рисующее собою, между прочимъ, и высоту нашихъ до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ. Это разбиравшееся въ Москвѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ московскихъ театровъ Аршининой, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному молодому человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка была возвращена домой лишь на третій день, съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ и въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе судьи того времени нашли справедливымъ и непостыднымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ—и присужденіемъ отца жертвы за *потворство разврату* [*?*] *дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы...

Составленіе историческихъ разсказовъ имѣетъ одну особенность, отмѣченную еще Монтескьё. Авторамъ ихъ приходится вплетать въ свой трудъ вымышленные факты, основанные однако на фактахъ вѣрныхъ или естественно изъ нихъ вытекающіе. Выходя за предѣлы простой и безцвѣтной хроники событій и изслѣдуя ихъ общую связь, причины и послѣдствія, автору, желающему въ живыхъ образахъ и краскахъ представить, какъ именно произошло или совершалось то или другое и какъ проявлялъ себя тотъ или другой дѣятель—приходится возсоздавать это путемъ фантазіи и психологическаго анализа человѣческой природы и однородныхъ отношеній. Быть можетъ, дѣйствительность была и нѣсколько иная; быть можетъ, на пути психическаго развитія описываемой личности были существенныя отклоненія отъ теоретически намѣченнаго авторомъ; но если настоящіе, не подлежащіе спору факты и свѣдѣнія таковы, что даютъ право на сдѣланнные выводы, которые, въ конечномъ результатѣ, приводятъ къ тому же, чтò было и въ дѣйствительности, то у произведенія нельзя отнимать названія историческаго, ибо оно правдоподобно передаетъ смыслъ и значеніе былого... Даже строгій историкъ не всегда можетъ вытравить изъ себя художника и оградить свое изслѣдованіе отъ возсозданія. Достаточно припомнить Маколея и Костомарова и въ особенности Шерра въ его „Menschliche Tragikomödie», или Карлейля въ его „Исторіи французской революціи“. Не даромъ Эдмондъ Гонкуръ говоритъ: „l’histoire est un roman qui a été,—le roman c’est l’histoire qui aurait pu être“.

Мы видѣли у Горбунова изображеніе домашняго строя, имѣющее полную житейскую достовѣрность и опирающееся въ существенной своей части, въ послѣдовательномъ заключительномъ аккордѣ, на фактъ, занесенный на темную страницу исторической хроники нашего суда. Но есть у него и явно вымышленный разсказъ, который тѣмъ не менѣе имѣетъ историческую правдоподобность, благодаря яркому и вѣрному воплощенію существовавшихъ личностей, - и въ которомъ чувствуется долгое и внимательное изученіе дѣйствительныхъ и непререкаемыхъ историческихъ данныхъ. Это сказаніе „о нѣкоторомъ зайцѣ“. Въ немъ какъ живой, со своимъ особымъ, полу-мистическимъ, дѣланнымъ слогомъ, встаетъ архимандритъ Фотій, зловѣщій лицемѣръ, то раболѣпно, то назойливо вопіявшій въ „мечу свѣтскому“ и умѣвшій ловко приспособиться къ жестокости оффиціальнаго смиренномудрія начала двадцатыхъ годовъ;—нѣсколькими словами тонко очерчено отраженіе вліянія Фотія на министрѣ духовныхъ дѣлъ и исповѣданій—князѣ А. Н. Голицынѣ и на мѣстныхъ „правительствахъ“ поставленныхъ между невольною боязнью доносовъ юрьевскаго архимандрита и страхомъ предъ мрачными фигурами графа Аракчеева и его любовницы—крестьянки Настасьи Минкиной, о которой тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Кампенгаузенъ писалъ временщику: „дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей имениннице й вашей!“—„Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія,—пишетъ Фотій князю Голицыну,—въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своима и вѣждома своима дреманіе. И се гласъ нечеловѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопросить—какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человѣкъ, подобіемъ миѳологическій центавръ, отвѣтствовалъ—якобы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ [писано бо есть: „камень прибѣжище зайцемъ"] и кормилъ я его руками своими и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая псица старцу Досиѳею рясу, подаренною Анною, изорвала. Защити, другъ великій!"—Князь Голицынъ очевидно боится быть невнимательнымъ къ просьбѣ своего „друга", который, въ случаѣ надобности, съумѣетъ, конечно, обратиться и въ ядовитаго недруга. Онъ спѣшитъ написать новгородскому губернатору и, довольно двусмысленно отвѣчая Фотію, что очень грустить, что „нарушили безмолвіе" послѣдняго, „необходимое для спасенія души", тутъ же поддѣлывается подъ его тонъ находя, что „врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и нѣсть, яже укрыться отъ него"... Новгородскій губернаторъ оказывается, однако, человѣкомъ довольно наивнымъ, хотя и исполнительнымъ. По собраннымъ имъ лично свѣдѣніямъ, заяцъ затравленъ дворовыми Аракчеева „по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны, для ея стола и сданъ повару Порфирію". Эти же дворовые застрѣлили трехъ частныхъ гусей дьякона Островидова и изжарили крестьянскую овцу, дѣлая все это именемъ Анастасіи Ѳеодоровны... Дѣло начинаетъ принимать скверный оборотъ, ибо такимъ образомъ обнаруживается, что „врагъ темный и оскверненный"—не кто иной, какъ наложница всемогущаго временщика, даже заочно называемая не иначе, какъ только по имени и отчеству... Но находчивый и еще болѣе исполнительный капитанъ-исправникъ—въ два-три хода разыгрываетъ запутанную партію, чреватую послѣдствіями. „Получивъ словесное повелѣніе вашего превосходительства,—рапортуетъ онъ губернатору, о разслѣдованіи затравленнаго зайца,—оный заяцъ по негласнымъ свѣдѣніямъ и присяжнымъ показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по поймании онаго, будетъ доставленъ отцу архимандриту. Касательно гусей, то отецъ дьяконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ".

Дѣло покончено—и въ томъ, *какъ* оно покончено, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Если вдуматься, то за дьякономъ, вынужденнымъ признать своихъ гусей перелетными, и за „влетѣвшими въ острогъ" владѣльцами овцы—нарисуется цѣлая картина раболѣпной суматохи и всякаго насилія, предпринятаго для „замазанья" дѣла. И картина эта едва ли даже преувеличена. Стóитъ вспомнить хотя бы приводимые Ровинскимъ, въ его рѣчи къ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году, примѣры того, какъ производились слѣдствія во времена его молодости, т.-е. уже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Эти крестьяне, высланные въ Москву изъ рязанской губерніи по этапу для отобранія отъ нихъ подписки, что они представятъ украденные у нихъ тулупъ и поддевку для оцѣнки, забытой при возвращенiи имъ вещей;—эти купцы, жалующiеся на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей и попадающiе, совершенно неожиданно, сами подъ слѣдствiе о томъ, откуда они этихъ сельдей взяли и имѣютъ ли право торговать ими; — этотъ мѣщанинъ, томящiйся въ острогѣ по обвиненiю въ *праздной ѣздѣ* по улицамъ,—конечно, мало чѣмъ уступятъ дьякону съ гусями и крестьянамъ съ овцою...

Видѣвъ лично и переживъ ту тьму, которую смѣнилъ свѣтъ преобразованiй Александра II, Горбуновъ съ душевной радостью рисуетъ признаки обновленiя, совершавшагося у него на глазахъ. Не разъ въ своихъ позднѣйшихъ произведенiяхъ съ глубокою благодарностью обращается онъ къ памяти Освободителя. Но движенiе впередъ и измѣненiе сложившагося строя не можетъ, несмотря на свою желательность и историческую неизбѣжность, не имѣть и тѣневыхъ сторонъ. Городская жизнь, чрезвычайно развившаяся въ послѣднiе годы, съ ея фабриками, отхожими промыслами и нездоровыми приманками—дѣйствуетъ на деревню въ своемъ родѣ опустошительно, внося разложенiе въ ея нравственные и бытовые устои. Горбуновъ, со свойственной ему правдивостью, отмѣчаетъ это влiянiе. „С.-Петербургъ отъ насъ далеко, говоритъ у него „Въ дорогѣ“ крестьянинъ-извозчикъ, — которые вотъ съ нашей стороны живутъ тамъ въ половыхъ, или по мастерству по какому — придетъ въ деревню и сейчасъ себя такъ означаетъ, что съ нашимъ мужицкимъ разговоромъ и не подступишься. Куцую штуку надѣнетъ—спинжакъ, что ли, по-ихнему, и такъ онъ понимаетъ, что въ спинжакѣ въ этомъ вся сила... Бѣда эти санктъ-петербургскiе спинжаки. Другой горечь, а доказываетъ!“— „Не по закону ты жить сталъ“,—говоритъ старуха записавшемуся въ мѣщане.—„Тетушка Матрена,—отвѣчаетъ тотъ,—надѣнь спинжакъ-то, и ты по другому заживешь. Въ деревнѣ за сохой ничего не обучишься,—соха — она соха и есть. Простой кто ежели человѣкъ“... „Что-жъ ты соху-то позоришь?—прерываетъ его старый крестьянинъ,—соху-то намъ Богъ въ руки далъ!... „Матушка, Ѳекла Семеновна, одинъ вѣдь разъ живемъ,—восклицаетъ купецъ привыкшiй „чертить“,—одинъ разъ живемъ!.. Помремъ—все останется... Вѣдь не въ лаптяхъ ходимъ, голубушка, есть на что̀“...— „Что̀ ты про лапти говоришь,—отвѣчаетъ богатая старуха-купчиха,—я сама въ лаптяхъ хаживала. Ты лапти не кори“.—„Я не къ тому“. — „То-то не къ тому! Покойникъ сертукъ-атъ надѣлъ, когда весь свой полный капиталъ скопировалъ, да и то, бывало, говоритъ: неловко, Семеновна, давай опять поддевку надѣну — поддевка-то, говоритъ, насъ съ тобой выкормила...“

X.

Не одна разговорная великорусская рѣчь, въ ея видоизмѣненiяхъ сообразно общественному положенiю изображаемыхъ лицъ, была искуснымъ орудiемъ въ умѣлыхъ рукахъ Горбунова. Знатокъ бытовой исторiи древней Руси, онъ превосходно владѣлъ языкомъ различныхъ перiодовъ XVII и XVIII вѣка. Этимъ языкомъ писалъ онъ письма къ прiятелямъ, на немъ излагалъ многіе свои разсказы и представлялъ оцѣнку разныхъ событій, бытовыхъ явленій или оффиціальныхъ порядковъ. Но не въ одномъ выработанномъ внимательнымъ изученіемъ источниковъ языкѣ состояла художественная особенность Горбунова. Онъ умѣлъ всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ переселяться въ эпоху, соотвѣтствующую языку, понимать и улавливать ея особенности и говорить о томъ или другомъ современномъ намъ явленіи, оставаясь въ предѣлахъ міросозерцанія этой эпохи и общественной среды, въ которой принадлежалъ пишущій или говорящій. Онъ пренебрегалъ нетрудною, при извѣстномъ знаніи языка, задачею—изобразить мысли и взгляды нынѣшняго человѣка словами и оборотами стариннаго языка; у него за безупречною точностью этого языка всегда слышался и современный языку человѣкъ, въ томъ видѣ, въ какомъ намъ представляютъ его историко-бытовыя изслѣдованія Соловьева, Забѣлина, Костомарова, Пыпина, Тихонравова и др. Поэтому, когда какая-нибудь грамота или письмо Горбунова переносятъ читателя въ давно-прошедшее время, яркими чертами рисуя тогдашнюю дѣйствительность, передъ нимъ встаютъ — воевода на далекой границѣ русскаго царства, — посланный за западный „рубежъ“ бояринъ, — подъячіе, приказные, подсудимые,—московскіе „запойные и заблудные“ люди, — и наконецъ самъ „верховой [т.-е. придворный] скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ“, какъ любилъ называть себя И. Ѳ. Горбуновъ.

Замѣчательнымъ доказательствомъ глубокаго искусства, съ какимъ владѣлъ старымъ русскимъ языкомъ Горбуновъ, служитъ, между прочимъ, указаніе Т. И. Филиппова на то, что составленное имъ описаніе поѣздки русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже книжныхъ археологовъ въ недоумѣніе, такъ что ученый знатокъ старины П. И. Савваитовъ счелъ это описаніе за копію съ подлиннаго статейнаго списка XVII вѣка и удивился, что уже и въ то время за границею существовала рулетка. Точно также ввелъ многихъ компетентныхъ лицъ въ заблужденіе относительно своей подлинности, благодаря своему выдержанному языку, и составленный Горбуновымъ указъ царя Алексѣя Михайловича о нѣмцахъ и еретикахъ.

Рядъ шуточныхъ привѣтствій и наставленій, написанныхъ Горбуновымъ на церковно-славянскомъ языкѣ, показываетъ, что и съ нимъ онъ былъ знакомъ основательно и могъ бы, пожалуй, не уступить въ этомъ знаніи Костомарову, оставившему много превосходныхъ писемъ на этомъ языкѣ, образчикомъ которыхъ можетъ служить недавно опубликованное письмо къ Н. П. Барсукову отъ „недостойнаго и паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшаго старца Николая еже на рѣцѣ Невѣ суща“, отъ 24 ноября 1862 года. Вотъ, напримѣръ, „статьи, како увѣщевати глаголемаго лампописта“,— т.-е. москвича, излюбившаго приготовляемый въ лучшихъ московскихъ трактирахъ особый напитокъ изъ пива, сахару, лимона и поджареннаго хлѣба, называемый Лампопо [пополамъ]. „Рци ми, о ломпописте, коея ради вины къ душепагубному и умопомрачающему напою — алемански же речется лампопо̀—присталъ еси? Не вѣси ли, о лампописте, егда ти сущу въ пьянственномъ пребываніи вси бѣси великаго града Москвы, со слободы и посады, ликоствуютъ и гласомъ радованія восклицаютъ: се, книжникъ лампопистомъ содѣяся и сыномъ отца нашего Вельзевула учинися; руками плещутъ, очима помизаютъ. Оле, твоего безумія лампописте! Не имаши тайнаго зрѣнія и не разумѣваеши, яко въ бѣлыхъ ризахъ, окрестъ тя стоящіе, не слузи гостинника Тѣстова, а бѣси ярославскіе, отъ нихъ же главоболѣзненные напои пріемлеши; не вѣси, нерадѣнія твоего ради, яко дымъ, исходящій изъ сосуда — дыханія Вельзевуловы суть".

Я говорилъ уже о томъ, какъ интересовала Горбунова судебная реформа. Видѣвши во всей красѣ простоту и стремительность стараго административнаго суда въ московскихъ захолустьяхъ, отправляемаго полицейскимъ коммисаромъ, онъ описалъ свои впечатлѣнія, по поводу воспоминаній о рѣдкой раскольничей рукописи, будто бы озаглавленной „о нѣкоторомъ коммиссарѣ, како стяжалъ и о купцѣ", въ которой якобы говорится: „не Богъ сотвори коммиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую". Немногимъ лучшія впечатлѣнія вынесъ онъ и изъ знакомства съ общими судами и тѣми паразитами, которые ютились около нихъ, благодаря формальнымъ узамъ, опутывавшимъ преисполненное всякаго рода затяжекъ и отсрочекъ судопроизводство, не имѣвшее дѣла съ живымъ человѣкомъ, а лишь съ ворохомъ бумагъ. Въ разсказахъ его мелькаютъ яркія фигуры иверскихъ юристовъ-дѣльцовъ и вѣдомыхъ лжесвидѣтелей, засѣдавшихъ въ Охотномъ ряду въ трактирѣ „Шумла", гдѣ „вѣдалось ими и оберегалось всякое московскихъ людей воровство, и поклёпы, и волокита". Любящая народъ душа Горбунова почуяла всю важность судебнаго преобразованія не только въ смыслѣ водворенія правосудія, но и въ смыслѣ поднятія народной нравственности. Онъ сталъ посѣщать суды, живо интересуясь не однимъ исходомъ дѣлъ, но и самымъ ихъ процессуальнымъ движеніемъ, вникая во всѣ его особенности. Ему чрезвычайно былъ дорогъ въ особенности судъ присяжныхъ. Исходъ и самое возбужденіе такихъ дѣлъ, какъ напр. дѣло властнаго милліонера Овсянникова, обвинявшагося въ поджогѣ мельницы, или дѣло опиравшейся на обширныя связи игуменьи Митрофаніи, немыслимыя при старыхъ судебныхъ порядкахъ и связанныхъ формальною рутиною дѣятеляхъ, радовали его несказанно и служили матеріаломъ для разнообразнѣйшихъ варіантовъ въ его разсказахъ въ дружескомъ кругу.

Живая мысль его переносилась въ далекое прошлое и рисовала судъ присяжныхъ въ рамкахъ и условіяхъ этого прошлаго.

Результатомъ этого явился въ 1878 году указъ тогдашнему предсѣдателю петербургскаго окружного суда „отъ государя, царя и великаго князя окольничему нашему, Анатолію Ѳедоровичу".

„Били намъ челомъ всякихъ чиновъ люди, — говорилось въ указѣ, — емлютъ де съ нихъ въ разбойномъ приказѣ подъячіе деньги не малыя, волочатъ и убытчатъ безъ разсудку. И намъ бы, великому государю, ихъ пожаловати — велѣти для сыску татинныхъ и разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ быти человѣку доброму, кому бъ въ такихъ дѣлѣхъ можно было вѣрить. И мы, великій государь, всякихъ чиновъ людей пожаловали, велѣли тебѣ, Анатолію, сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія татинныя и разбойныя дѣла вѣдати. И кому грѣшною мѣрою учинится смерть, или который человѣкъ удавится или, вина опився, сгоритъ или кто межъ собою подерется хмельнымъ дѣломъ и убьетъ, и про то сыскивать подлинно—и которые людей волочатъ и убытчатъ, и тѣхъ людей вѣдати и оберегати и расправу промежъ всякими людьми чинити безволокитно — и въ поклепныхъ искѣхъ, и въ подметѣ, и въ бою, и въ грабежу, и кто крадетъ, и разбиваетъ, и до смерти людей убиваетъ, и въ какой сварѣ зубомъ ухватитъ и носъ отъястъ,— и женскій полъ и дѣвичъ, которыя, по насердкѣ, на всякихъ чиновъ людей блядню сказываютъ для своей бездѣльной корысти потому жъ сыскивати нàкрѣпко всякими сыски. И кто въ городѣ корчму держитъ и татинною рухлядью промышляетъ,—и мнишецкаго чину и гостиной сотни запойныхъ людей и чаровницъ и которыя дѣвки въ скоморошествѣ оголяются, глазами помизающе, сквернаго ради смѣшенія — сыскивати подлинно. А какова вора или татя или убійцу изымаютъ и приведутъ и видоковъ ставить къ кресту къ цѣлованію. А учнутъ видоки показывать подлинно и у него дворы и животы описывати и сажати въ тюрьму до указу. И будетъ воровство его и въ какихъ причинахъ онъ бывалъ сыщется до пряма, вынявъ изъ тюрьмы, судити въ разбойномъ приказѣ при всенародномъ множествѣ, а въ помочь ему ставити подъячаго добраго, который бы вины его очищалъ. Да для сидѣнья жъ въ разбойномъ приказѣ пожаловали мы, великій государь, велѣли выбирать судей по двѣнадцати человѣкъ да по два изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, добрыхъ, небражниковъ, которые бъ были душою прямы и всѣмъ людямъ любы. И тѣхъ людей приведчи къ крестному цѣлованію, а доводчику велѣти воровы вины честь. А какъ доводчикъ вины его прочтетъ и тебѣ, Анатолію, ставити его съ видоки на очи и допрашивати нàкрѣпко. А какъ подъячій учнетъ воровы вины очищать и противъ того подъячаго потому жъ говорить. А слушавъ вашихъ рѣчей, выборные судьи пойдутъ въ другую палату, за приставы, чтобъ сговору какого промежъ ихъ съ народомъ не было. А пришедъ въ палату судятъ сопча боевой часъ и больши, чего воръ доведется. И будетъ вышедчи скажутъ, что за воромъ вина есть и тебѣ судити по уложенію. А будетъ учинишь ты не по уложенію, а тотъ воръ или тать или убойца или корчемникъ ударить челомъ въ нашу царскую думу, что учинилъ ты не по уложенію и того вора судити вдругорядь иными судьи. А тебѣ, Анатолію, будетъ учинилъ ты не по уложенію съ простоты—вины нѣтъ; а будетъ учинилъ ты по нàсердкѣ та того вора, или татя, или убойцу, или корчемника — наша царская опала съ записью въ разрядной книгѣ“.

Къ этого же рода удивительнымъ — по правдивости языка, по стилю и по краскамъ—документамъ относится написанная въ семидесятыхъ годахъ, во время возникновенія въ Петербургѣ обширнаго дѣла о скопческой ереси, челобитная самого Горбунова, будто бы вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля по подобному же дѣлу въ концѣ XVII вѣка [когда и самой скопческой ереси еще не существовало] съ разсказомъ о томъ, какъ и о чемъ онъ былъ допрашиваемъ. Къ сожалѣнію многія существенныя ея части, заключающія тонкую сатиру на одностороннюю оцѣнку доказательствъ въ подобныхъ дѣлахъ, неудобны для печати. Приходится ограничиться лишь небольшими выписками изъ этой жалобы Ивашки Ѳедорова, который „бьетъ царю челомъ“, и повѣствуетъ, что „изыманъ я приставы и волоченъ пѣшъ до губныя избы и великія отъ того ихъ волоченія мнѣ, сиротѣ твоему, чинены убытки: однорядку вишневую, твое государево жалованье, изодрали всю безъ остатка и однорядочка къ свѣтлому дню у меня нѣтъ. И губной староста, да подъячій учали меня бить и за волосья таскать и истерзавъ довольно стали говорить распросныя рѣчи съ пристрастіемъ: „на Москвѣ живучи, Ивашка, ты лихихъ людей знавалъ ли и за пьянствомъ съ нимъ ходилъ ли? и будетъ ты лихихъ какихъ людей знавалъ и еретичество ихъ вѣдалъ, съ Гуріемъ на блядню ходилъ ли? и ходючи съ нимъ у него .... видѣлъ ли? Слѣдующіе за тѣмъ вопросы поразительны по своей неожиданности,—художественны въ своей непосредственной наивности и въ то же время вполнѣ соотвѣтствуютъ сущности преступленія, въ которомъ обвиняется впавшій въ ересь Гурій. Допросъ оканчивается требованіемъ сказать: „и онъ Гурій убоину ѣлъ ли и смердящую бѣсовскую богоненавистную табаку пилъ ли? Да онъ же Гурій на Москвѣ живучи, ежедень скрывался—и то тебѣ, кто скрывалъ и норовилъ ему вѣдомоль?“—Но усердіе тогдашняго слѣдователя, не смотря на энергическіе и чувствительные аргументы, предшествовавшіе допросу Ивашки, не исторгаетъ ничего полезнаго для дѣла по существу, ибо „я, сирота твой, памятуючи страшный судъ, противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей сказалъ прямо вправду: на Москвѣ живучи въ скоморохахъ—лихихъ людей не зналъ; всякихъ заблудныхъ, и зерщиковъ, и скомороховъ, и мнишецкаго чина и гостиной сотни запойныхъ людей зналъ довольно — и за пьянствомъ съ ними ходилъ и составныя затѣйныя слова говаривалъ, а кто Гурія легчилъ и гдѣ нынѣ тѣ .... то мнѣ невѣдомо, а онъ, Гурій, человѣкъ смирный“...

Если приведенная выше грамота соотвѣтствовала идеальному для своего времени судопроизводству, то челобитная эта соотвѣтствовала печальной дѣйствительности, когда свидѣтель мало чѣмъ отличался отъ подсудимаго. Стоитъ припомнить Котошихина, житіе Аввакума и т. п. Вообще трудно жилось русскому человѣку въ XVII вѣкѣ. Съ востока и запада враждебно окружали его иноземцы, возбуждая его крайнее недовѣріе,—чуждые ему по вѣрѣ, по образу жизни, по языку,—всегда могущіе то угрожать силою, то дѣйствовать хитростью и коварствомъ. Противъ всѣхъ надо было быть настороже. Но зорко слѣдя за ними издалека, не мѣшало узнать и поближе, что они за люди и какимъ обычаемъ живутъ. И вотъ изъ-подъ пера Горбунова выливается сначала письмо изъ

Эмса, а потомъ, въ 1885 г., донесеніе царскаго воеводы о битвѣ на Кушкѣ. „Въ нынѣшнемъ 377 году,—такъ начинается письмо,—прислана мнѣ твоя, великаго государя, грамота. Написано:—ѣхать тебѣ, Ивану, въ разные города нѣмецкаго государства и смотрѣть тѣхъ городовъ люди и намъ, великому государю, отписывать... и ѣхавъ землями нѣмецкаго государства не грабить, не пьянствовать и съ нѣмцы разговорныя слова говорить и отвѣтъ держать примѣрившись, съ вымышленіемъ, бояся нашея опалы и жестокаго истязанія безо всякія пощады. А будетъ который начальный нѣмецкій человѣкъ спроситъ — какія ради нужды посланъ? говорить: посланъ для его великихъ государевыхъ дѣлъ. А даровъ ему не давать. А прилучится который нѣмчинъ прошать будетъ, и тому дать кормы небольшіе да деньгами на пиво, по три алтына на человѣка". Нашъ XVII-й вѣкъ въ своей рѣчи и воззрѣніяхъ такъ и глядитъ со всѣхъ строкъ письма! Оказывается, что „городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ вода живая, а та вода шипитъ... и у котораго человѣка нутро болитъ, али утинъ, али порча, али ина хворь, и дохтуры тоя болѣзнь своимъ дохтурствомъ смотрятъ и ту живую воду велятъ пить и голымъ въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе"... Затѣмъ идетъ описаніе рулетки, столь смутившее Савваитова отпечаткомъ правдивости, положеннымъ на него искусною рукою Горбунова. „Палата построена каменная,—повѣствуетъ бояринъ, — большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и *вралетку вертитъ и прыгунца пущаетъ* — бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчины народное множество—и иныхъ государствъ люди, и жиды, и езовиты, и женки, и дѣвки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди — и кладутъ тому нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту".

Если царскому боярину пришлось увидать много интереснаго за границею, то царскому воеводѣ [генералъ-лейтенанту Комарову, разбившему афганцевъ на Кушкѣ и занявшему городъ Пенде 18-го марта 1885 г.] пришлось пережить тревожныя минуты, требовавшія стойкости и большой рѣшительности.

Онъ стоялъ съ „великаго государя ратными, пѣшими и конными людьми на Кушкѣ рѣкѣ, и вѣдомо ему учинилося, что англинскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобы со своими татары съединячась къ злому воровству ихъ присталъ и противъ твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей, учинилъ бой, и мурза, предався въ неискусенъ умъ, тѣхъ рѣчей слушалъ"... Желая кончить дѣло миролюбиво, воевода ссылается съ мурзою, но тотъ указываетъ, что ему велѣно слушать англичанъ, при чемъ „королевинъ англинскій капитанъ" [серъ Чарльзъ Уетъ] посылаетъ письмо воеводѣ, который отправляетъ своего уполномоченнаго [подполковника Закржевскаго] говорить съ англичанами. „И сшедчись говорили. Англинскіе люди говорили: вы де въ Индею идете. А полуполковникъ съ товарищи говорилъ: мы де въ Индеи будемъ, когда нашъ великій государь похочетъ. А таперьво мы въ Индею не идемъ,—а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ великому государю, чтобъ быть имъ со всѣми людьми подъ его высокою рукою. — А будетъ государь вашъ похочетъ и вы въ Индею пойдете-ли?—Коли великій государь, его пресвѣтлое царское величество похочетъ, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею пойдемъ того жъ числа, какъ указъ будетъ. — А зачѣмъ-де вамъ итти въ Индею: у вашего государя земли довольно? — У государя нашего земель много, и въ умъ не вмѣстится, а въ Индею намъ итти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ и прочимъ королевинымъ англинскимъ людямъ надъ московскимъ государствомъ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Индеи и вамъ то будетъ за страхъ, а московскому государству утѣшеніе. — И пивъ боевой часъ ренское, разошлись". Вопросъ остался открытымъ и на утро мурза ударилъ съ татарами на государевыхъ людей, но они бились „крѣпкостоятельно", такъ что татары, „видя надъ собою великаго государя ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ и пожарное разореніе—побѣжали розно, а англинскіе люди, снявъ порченки, тожъ побѣжали и городъ Пинжа отъ татаръ и англинскихъ людей очистился, а мурза англинскаго королевина капитана за бороду дралъ: въ своей-де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводить смуту". „А городъ Пинжу [Пенде] я взялъ для прицѣпленія онаго къ твоему великодержавному скиѳетру"—кончаетъ воевода свое донесеніе, пріобрѣтающее, благодаря Горбунову, почти эпическій характеръ по содержанію и по выдержанности языка.

Излишне доказывать вѣрность этого языка и тона, господствующаго въ всѣхъ приведенныхъ произведеніяхъ Горбунова. Каждый, читавшій различныя бумаги конца XVII вѣка оцѣнитъ бытовую и стилистическую ихъ близость къ несомнѣннымъ подлинникамъ и даже законодательнымъ актамъ, вродѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Достаточно привести хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла 1692 года: „да онъ же Дмитрій Тверитиновъ, будучи перегибателенъ не токмо духомъ, но и тѣломъ и утѣшно-вѣжливо говоря и мастеря совратился въ люторову ересь — и другихъ соврати"... или часть челобитной ушедшаго изъ турецкаго плѣна стрѣльца. „И шелъ я, — говорится въ ней, — холопъ твой Ивашка, съ товарищи своими черезъ многія земли нагъ и босъ, и во всякихъ земляхъ призывали насъ на службу и давали жалованье большое, и мы, холопи твои, христіанскія вѣры не покинули, и въ иныхъ земляхъ служить не хотѣли, и шли мы, холопи твои, на твою государскую милость. Милосердый государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи! пожалуй меня, холопа твоего, съ моими товарищи за наши службишка и за полонское нужное терпѣніе своимъ царскимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ праведному и милосердому государю объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ", при чемъ на оборотной сторонѣ челобитной имѣется помѣта думнаго дьяка: „751 г. іюня въ 20 день государь пожаловалъ тому стрѣльцу... велѣть дать корму по 2 алтына, а достальнымъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ по 8 денегъ, казакамъ по 7, пашеннымъ крестьянамъ по 6 денегъ, для того, что освободились безъ окупу и отослать подначало къ патріарху для исправленья, для того, что у папы пріимали сакраментъ". Или, наконецъ, можно привести челобитную царю Алексѣю Михайловичу отъ первыхъ русскихъ актеровъ, подъячаго Василія Мѣшалкина съ товарищи, — „по твоему великаго государя указу, отослали насъ, холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу для изученія комидійнаго дѣла къ магистру Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и нынѣ мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему, магистру, и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапоженками обносились, а пить, ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденный кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комидійнаго дѣла, голодною смертію не умереть".

Способность свою переноситься въ XVII вѣкъ, становясь въ способахъ выраженія и самомъ міросозерцаніи своемъ человѣкомъ этого вѣка, Горбуновъ примѣнялъ не только къ очерку порядка вещей или событій болѣе или менѣе значительной важности. Онъ любилъ излагать такимъ образомъ иногда мелкія происшествія своей жизни и вообще сноситься съ пріятелями, при чемъ его юморъ усугублялся челобитнымъ тономъ. Такъ, въ альбомъ покойнаго Михаила Ивановича Семевскаго онъ записалъ цѣлый шутливый разсказъ о путешествіи своемъ съ товарищемъ своимъ Бурдинымъ по Волгѣ и Камѣ, для совмѣстнаго участія въ спектакляхъ и чтеніяхъ. „Бьетъ челомъ,—пишетъ онъ,—сирота твой государевъ, потѣшнаго приказа скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ. Жалоба мнѣ, государь, того же приказа на скомороха на Ѳедьку Алексѣева. Въ нынѣшнемъ году сошелъ я на стругѣ внизъ по Волгѣ рѣкѣ до Перми великія для своихъ сиротскихъ промыслишковъ"... Описавъ, какъ къ нему на стругъ [пароходъ] вышелъ у Работокъ на встрѣчу товарищъ и „крестъ цѣловалъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ и что Божьей помощью испромыслимъ дѣлить на двѣ стороны ровно, а ему чтобы развратныя рѣчи не говорить и не ругаться; а мнѣ, Ивашкѣ, ѣдучи съ нимъ, съ Ѳедькою, Камою рѣкою, на берегъ и въ лѣса не сбѣжать", — Горбуновъ жалуется, что „нынѣ тотъ Ѳедька, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, умышляетъ дурно: въ разсчетахъ творитъ хитрость, а себѣ корысть, ѣстъ псину и мертвечину и иное скаредное и пьетъ почасту; да онъ же, Ѳедька, рейтарскаго строя съ маеоромъ играетъ въ зернь и отъ той его игры сталъ онъ безъ портокъ. Царь-государь! смилуйся,— восклицаетъ онъ,—пожалуй, чтобы мнѣ отъ того Ѳедьки не придти въ конечное разореніе!"—Такъ, въ 1890 году, Горбуновъ написалъ посланіе въ Москву, начинающееся словами: „вѣдомо намъ учинилося" и содержащее въ себѣ великолѣпный и подробный разсказъ о томъ, какъ въ бѣлокаменной, во всѣхъ бражныхъ станахъ и у „нѣмчина Яра" въ мясопустную седьмицу пьянство преумножается и въ какихъ дѣйствіяхъ оно выражается. Разсказъ этотъ, по характеру дѣяній „бражниковъ" совершенно невозможенъ для передачи въ печати, ибо описываетъ недвусмысленнымъ и любящимъ точность языкомъ XVII столѣтія тѣ безобразныя сцены, которыми сопровождается обычный въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества и въ народѣ масляничный разгулъ и „чревонеистовство“, доводящее до разбирательства у мировыхъ судей и выражающееся, между прочимъ, въ томъ, что „въ мясопустную седьмицу на Москвѣ всѣ убогіе дома и бражныя тюрьмы полны увѣчными, избитыми, опившимися и умопомраченными“. Посланіе кончается такъ: „и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бы заказывали накрѣпко, чтобы московскіе люди отъ горькаго пьянства отстали и во всю мясопустную седьмицу въ домѣхъ своихъ сидѣли и во всякомъ благочестіи пребывали, а кому, по нуждѣ, сидѣть не можно и тѣ бы мимо бражныхъ становъ не ходили, а случится идти мимо бражныхъ становъ, шли бы не озираючись, памятуючи жену Лотову. А которые боярскіе дѣти не послушаютъ и по бражнымъ станамъ ходить будутъ и тѣхъ изъ бражныхъ становъ выбивать силою и сапоженки сымать и платьишко отбирать до указу“...

Въ началѣ XVIII вѣка, въ образный и цѣльный по своему источнику русскій языкъ, особливо въ языкъ оффиціальный, вторглась масса иностранныхъ словъ, замутившихъ его чистоту и придавшихъ ему новый, странный и очень часто несимпатичный характеръ. Однимъ изъ свойствъ его сдѣлалась изломанность и дѣланность, съ которыми потомъ пришлось бороться до XIX вѣка, причемъ настоящій русскій языкъ постепенно завоевывалъ свои одно время поруганныя права и наконецъ сталъ снова на высоту, вызвавшую трогательную просьбу Тургенева: „берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ числѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ,—обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно способно совершать чудеса“...

Еще при Петрѣ, въ распоряженіяхъ, указахъ и законодательныхъ актахъ, въ его письмахъ слышится прекрасный старый языкъ нашъ. „Не суетный на совѣсти нашей возъимѣли страхъ“, пишетъ онъ по поводу духовнаго регламента. „Не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою и не плѣняясь страстями“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Письма его, изданныя академикомъ Бычковымъ, полны оборотовъ и выраженій конца XVII вѣка, но иностранныя слова уже часто внѣдряются среди нихъ и сплетаются съ ними, по временамъ безъ всякой нужды, не имѣя себѣ оправданія даже и въ нѣкоторой бѣдности стараго языка для выраженія отвлеченныхъ понятій. „Воюя тайнымъ коварствомъ на истину въ образѣ правды“,—пишетъ Петръ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ своей великой и многотрудной жизни—и въ то же время увѣковѣчиваетъ въ одномъ изъ указовъ, вставляемыхъ, по его повелѣнію въ зерцало, такія выраженія, какъ „чинить мины подъ фортецію правды“... Но послѣ Петра нашъ оффиціальный языкъ, проникающій все болѣе и болѣе сверху внизъ, портится гораздо сильнѣе, особливо при Аннѣ Іоанновнѣ и въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны. Въ указахъ говорится о „дѣлахъ штатскаго теченія“, являются названія „парадная бета“ [ложе], „каструмъ долорисъ“ [при похоронахъ], „драдорная [drap d’or] матерія“, „синтура [ceinture] фунеральная“ и т. п. Можно бы привести множество подобныхъ выраженій, указывающихъ ничѣмъ неоправдываемое пренебреженіе къ родному языку, но это не имѣетъ отношенія къ предмету настоящаго очерка. Упоминать о языкѣ XVIII вѣка приходится лишь для того, чтобы сказать, что и онъ былъ знакомъ Горбунову, хотя имъ онъ пользовался гораздо рѣже. Такъ *исторія о нѣкоторомъ зайцѣ* начинается со слѣдующаго письма Петра Великаго, въ которомъ въ точности соблюдена даже орѳографія государя: Мингеръ графъ.— Зазаеца благодарствую і тово заеца немешкаѳъ на асамблеи с ели і івашку хмельницкава многажды неленосно тревожили понеже заецъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ зело чіненъ чаели и животу не быть да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшего Кѵра живы сущі и ѳ здравіі пребываемъ і отомъ подлино вамъ отъ пісываю“. Даря М. И. Семевскому рѣдкій литографированный портретъ цесаревича Константина Павловича съ подписью: „Константинъ первой, императоръ Всероссійскій“, бывшій въ продажѣ лишь самое короткое время и затѣмъ изъ нея изъятый послѣ оглашенія отреченія великаго князя отъ престола, Горбуновъ пишетъ; „прилагаемая при семъ персона [такъ въ первой половинѣ XVIII в. назывался портретъ] сукцессора въ надлежащей конфиденціи у васъ находиться имѣетъ, и никому генерально оную не объявлять и отъ подлыхъ [т.-е. отъ простонародья] всячески скрывать надлежитъ, дабы какой бездѣльный человѣкъ малоуміемъ своимъ сатисфакціи не учинилъ и въ тайную канцелярію о семъ не донесъ; а я милостивцу впредь служить готовъ“... Въ одной изъ своихъ милыхъ и продуманныхъ письменныхъ шутокъ, которую онъ любилъ разсказывать и на память, Горбуновъ послѣдовательно разработываетъ одинъ и тотъ же предметъ на языкѣ трехъ столѣтій, съ тонкою обрисовкою перехода отъ добродушнаго индивидуализированія, свойственнаго распоряженіямъ старины, къ формалистическимъ пріемамъ, любимымъ бюрократической практикой настоящаго.

„Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твой, государевъ, разбойнаго приказа писчикъ Павликъ,—начинается челобитная XVII вѣка, въ которой „писчикъ“ объясняетъ, что приказано ему сидѣть въ приказѣ безотступно, получая половинное жалованье противъ другихъ подъячихъ, да сапоги, да однорядку и шапку,— но такъ какъ первые поистлѣли, а вторая износилась, отчего „въ приказъ ходить нудно: пальцы прихватываетъ и ногамъ тягота великая“—то и проситъ велѣть себя, сиротишку, обуть. На челобитной оказывается помѣта: „объявлено государево жалованье: дать однорядку, да сапоги, да шапку“.

Иная уже резолюція на челобитной XVIII вѣка. Просителю приказано его сіятельствомъ генералъ-аншефомъ, генералъ-адъютантомъ и преображенскаго полка бригадиромъ быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока, а затѣмъ отъ той же коллегіи послѣдовало распоряженіе—отъ оной коллегіи отставить „А мнѣ, нижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи невозможно. А посему...—пишетъ онъ, и добивается неожиданнаго распоряженія—„опредѣлить ея императорскаго величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою“. Нетрудно замѣтить тонкую разницу въ характерѣ и языкѣ этихъ ходатайствъ. Писчикъ Павликъ—при несложности правительственной машины своего времени обращается къ власти, такъ сказать, непосредственно, ссылаясь лишь на то, что „онъ, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоемъ великаго государя дѣлѣ радѣлъ“... Дворцовые перевороты средины XVIII в. и развитіе служебнаго механизма сказываются во второмъ ходатайствѣ. Уже считается необходимымъ сослаться на то, что проситель опредѣленъ на службу по приказанію сильнаго человѣка и быть можетъ временщика, въ родѣ Бирона—и на то, что онъ, нижайшій, служилъ „интересу“ своей повелительницы. Очевидно, что между этимъ нижайшимъ и сиротишкою XVII вѣка не даромъ протекло цѣлое столѣтіе воспоминаній и наблюденій. Пришлось сдѣлаться не простымъ просителемъ, а дипломатомъ. И какъ умѣлъ Горбуновъ придать послѣдней челобитной надлежащую окраску! Какъ невольно видится за нею цѣлый періодъ исторіи, про который графъ Никита Панинъ докладывалъ Екатеринѣ II: „сей эпокъ заслуживаетъ особое примѣчаніе, въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ“, и когда не только просители изъ „сиротъ“ обращались въ „нижайшихъ“, но когда даже сенаторы подписывались „всеподданнѣйшіе и природные В. И. В. рабы“, а генералъ и оберъ-прокуроры называли себя, въ оффиціальномъ рапортѣ 1744 года, „по присяжной всеподданнической рабской должности и вѣрности всепослѣднѣйшими рабами“.

Прошеніе XIX столѣтія, — склоннаго вообще стушевывать личность предъ государственными или даже фискальными требованіями,—не потребовало много времени на прочтеніе. „Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ,—пишетъ проситель,—и не имѣя возможности, при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса“... „По непредставленію марокъ оставить безъ послѣдствій“,—отвѣчаетъ ему резолюція надлежащаго начальства...

XI.

Отношеніе И. Ѳ. Горбунова къ театру и сценѣ было двоякое. Онъ былъ, въ рядѣ своихъ изслѣдованій—историкомъ русскаго театра. Онъ былъ съ 1854 года артистомъ на сценѣ императорскаго театра—сначала въ Москвѣ, а потомъ, съ 1855 года—въ Петербургѣ.

Роль театра въ Россіи была съ половины XVIII вѣка очень видная. Его вліяніе на наши нравы несомнѣнно, и бывали періоды, когда онъ являлся настоящею, просвѣтительною, въ широкомъ смыслѣ слова, школою для общества. Не даромъ въ воспоминаніяхъ современниковъ о сороковыхъ годахъ, когда лучшіе представители и наиболѣе яркія проявленія благородныхъ сторонъ общественнаго развитія сосредоточивались преимущественно въ Москвѣ, мысль о сценѣ Малаго театра почти неразрывно сливается съ памятью о московскомъ университетѣ—и имена Грановскаго, Иноземцева и Крылова—переплетаются съ именами Мочалова и Щепкина. Нельзя, быть можетъ, сказать, чтобы русское общество было жадно на театральныя зрѣлища, но что оно всегда было воспріимчиво къ тому, что̀ ему даетъ сцена—это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Такая сознательная воспріимчивость, рождающая строгую оцѣнку и критику, помогла русскому театру, несмотря на его, сравнительно съ западной Европой, недавнее существованіе, стать на надлежащую, а въ нѣкоторые годы даже и на завидную высоту. Еще при Екатеринѣ II, всего чрезъ сто лѣтъ послѣ проникновенія къ царскому двору представленій въ родѣ *интерлюдей* или „малой прохладной комедіи о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ“—мы уже имѣемъ національную сцену съ прекрасными исполнителями и собственнымъ репертуаромъ. Неизмѣримая пропасть лежитъ между пониманіемъ публики, посѣщающей театръ во второй половинѣ XVIII вѣка, и наивнымъ взглядомъ посла московскаго царя къ флорентійскому двору—Лихачева, который писалъ въ 1658 году: „комидій было при насъ во Флоренскѣ три игры разныхъ“, при чемъ его заинтересовало вовсе не содержаніе и исполненіе пьесъ, а то, что „объявилися палаты—и бывъ палата, и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; да спущался съ неба на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица; а аргамачки подъ коретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ“...

Вотъ почему исторія нашего театра достойна глубокаго и внимательнаго изученія. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени и исторія господствующихъ въ обществѣ настроеній и вкусовъ. Но изслѣдованіе ея можетъ быть производимо съ троякой точки зрѣнія. Можно направить трудъ на систематическое изложеніе введенія и упроченія театра въ Россіи, правительственныхъ мѣръ къ этому и постепеннаго развитія въ театральномъ дѣлѣ частнаго почина. Это будетъ, такъ сказать, *внѣшняя исторія* театра. Можно сосредоточить изученіе на проявленіяхъ вліянія театра на народъ и на значеніи его, какъ одного изъ факторовъ развитія общественнаго самосознанія и художественнаго пониманія, изобразивъ постепенное измѣненіе репертуара и, если можно такъ выразиться, взаимодѣйствіе сцены и зрительной залы. Это будетъ *внутренняя исторія* театра. Можно, наконецъ, обратиться къ жизни и личнымъ свойствамъ представителей сценическаго искусства, къ особенностямъ ихъ дарованія, къ ихъ способамъ исполненія—и въ рядѣ живыхъ образовъ показать, какъ понимались и истолковывались подлежащія сценической передачѣ произведенія искусства въ разные періоды существованія у насъ театра. Это будетъ въ сущности самая трудная, но и самая интересная *критико-біографическая исторія* сцены. Нѣтъ сомнѣнія, что полная исторія русскаго театра должна заключать въ себѣ всѣ три рода изслѣдованій. Но такой исторіи, требующей громаднаго труда, знанія и личныхъ свѣдѣній, у насъ еще нѣтъ. Есть лишь рядъ чрезвычайно почтенныхъ ученыхъ изслѣдованій Тихонравова, Морозова и др., преимущественно по внѣшней исторіи театра, — есть интересные опыты изученія внутренней исторіи его. Но критико-біографическая часть разработана сравнительно гораздо меньше. Отдѣльныя воспоминанія и записки современниковъ слишкомъ отрывочны и субъективны, историческіе матеріалы для точныхъ выводовъ еще недостаточны и не всегда строго провѣрены—и въ попытки критико-біографической исторіи театра иногда вносится, быть можетъ невольно, значительный элементъ фантазіи. Между тѣмъ, славныя имена русской сцены—Волковъ, Плавильщиковъ, Резанцовъ, Шушеринъ и др. — заслуживаютъ серьезныхъ біографій. Горбуновъ со строгою разборчивостью и кропотливостью археолога собиралъ точныя данныя для такихъ біографій, тщательно провѣряя ихъ достовѣрность и отмечая, не безъ боли, какъ онъ самъ сознавался, разныя позднѣйшія украшенія и сочувственные вымыслы. Изъ его рукъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и преимущественно въ нашихъ историческихъ журналахъ, стали выходить фрагменты цѣльной и вѣрной біографической исторіи театра. Онъ занимался этимъ дѣломъ очень усердно, и былъ очень строгъ къ себѣ, лишь послѣ долгой провѣрки выпуская въ свѣтъ свои статьи или читая ихъ въ „русскомъ литературномъ обществѣ“. На ряду съ этимъ онъ собиралъ воспоминанія о русскихъ артистахъ, ихъ портреты, письма, старыя афиши, оффиціальныя бумаги, до нихъ относившіяся, и т. п. Изъ этихъ предметовъ, изъ этихъ вещественныхъ воспоминаній о прошломъ составилось цѣнное собраніе, помѣщенное имъ въ фойе Александринскаго театра.

Горбуновъ охотно отдавался воспоминаніямъ о прошломъ русской сцены, которую любилъ искренно, и горячо желалъ видѣть всегда на неизмѣнной высотѣ. Онъ благоговѣлъ предъ именами Садовскаго и Мартынова. Садовскій разбудилъ въ немъ талантъ разсказчика. Встрѣчаясь съ Горбуновымъ въ „молодой редакціи Москвитянина“, онъ имѣлъ на него большое вліяніе. Будучи самъ превосходнымъ разсказчикомъ, владѣя въ совершенствѣ даромъ говорить вызывающія неудержимый смѣхъ вещи съ самымъ серьезнымъ лицомъ, Провъ Михайловичъ далъ своими разсказами первый толчокъ вдумчивому юмору Горбунова. Послѣдній однако не былъ его подражателемъ, а пошелъ своею дорогою, не переставая чтить и прославлять своего „пробудителя“. У Садовскаго было, повидимому [къ величайшему сожалѣнію, разсказы его не собраны, и тѣ, кто ихъ слышалъ лично, постепенно сходятъ въ могилу], больше соли, но и больше сочиненности въ томъ, что онъ передавалъ въ дружеской бесѣдѣ. Его повѣствованія о французской революціи, о Наполеонѣ на островѣ

Эльбѣ, при чемъ слово Эльба передѣлывалось болѣе, чѣмъ своеобразно, и другіе разсказы были полны захватывающаго юмора. Стоитъ припомнить описаніе острова, на которомъ заточенъ великій полководецъ: „ни воды, ни земли,— одна мгла поднебесная и союзный часовой ходитъ!“ Несомнѣнно, что *такъ* могъ говорить простой русскій человѣкъ, поставленный въ исключительное положеніе разсказчика историческаго эпизода и передающій его по-своему, но у Горбунова этотъ русскій человѣкъ, представленный въ условіяхъ своей обыденной жизни, проще и глубже. У Садовскаго— особенность языка, картинъ и выраженій; у Горбунова — не только это, но и особенность міросозерцанія и отношенія къ жизни. Русскій человѣкъ у Садовскаго намъ забавенъ, у Горбунова—намъ близокъ и понятенъ...

Когда въ очеркахъ Горбунова говорится о театрѣ, въ нихъ, напримѣръ въ „Бѣлой залѣ“, въ „Рыбной ловлѣ“ и др., постоянно упоминается съ чувствомъ благодарнаго уваженія имя Садовскаго. „Ты знаешь ли, гдѣ скрывается талантъ у актера?“—спрашиваетъ новичка старый провинціальный актеръ, Хрисанфанъ Николаевичъ, и отвѣчаетъ: „въ глазахъ! Посмотри когда-нибудь въ глаза Садовскому... А у Мочалова какіе глаза-то были! Я имѣлъ счастіе играть съ этимъ великимъ человѣкомъ въ Воронежѣ. Онъ игралъ Гамлета, а я—Гильденштерна.—„Сыграй мнѣ что-нибудь. — Я не умѣю, принцъ“. Онъ уставилъ на меня глаза — все существо мое перевернулось. Лихорадка по всему тѣлу пробѣжала. Какъ кончилъ я сцену—не помню. Вышелъ за кулисы—меня не узнали. — „Ты хочешь играть на душѣ моей, а не можешь сыграть на простой дудкѣ!“ — и губы стараго актера дрожатъ, а глаза наполняются слезами...

Садовскій и Мочаловъ не даромъ сливаются въ памяти Хрисанфа Николаевича. Самъ Садовскій разсказывалъ, что когда, послѣ многихъ мытарствъ, онъ поступилъ, наконецъ, въ 1839 году на московскую сцену, дебютировавъ въ водевилѣ „Любовное зелье или Цирюльникъ-стихотворецъ“—ему пришлось играть маленькую комическую роль послѣ представленія „Короля Лира“. Занавѣсъ надъ умершимъ страдальцемъ-королемъ опустился, театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій. Вполнѣ уже одѣтый, Садовскій встрѣтился за кулисами съ Лиромъ — Мочаловымъ, шедшимъ въ уборную,—и тотъ взглянулъ на него такъ, что Садовскій совершенно потерялся. Предъ нимъ стоялъ вовсе не Мочаловъ, а настоящій король, — „король отъ головы до ногъ“, — и столько было огня, душевной муки и глубины въ его взорѣ, все еще какъ будто устремленномъ на Корделію, что у будущаго знаменитаго артиста почти подкосились ноги. Образъ Садовскаго сливался у Горбунова съ воспоминаніемъ о собственномъ его дебютѣ въ Москвѣ, въ 1854 году, который совершился подъ руководствомъ и съ благословенія Садовскаго, въ бенефисъ послѣдняго, причемъ Горбуновъ игралъ роль молодого купца въ пьесѣ Владыкина „Образованность“.

Образъ другого знаменитаго артиста, служителя и воплотителя жизненной правды на сценѣ, А. Е. Мартынова, дорогой и близкій

Горбунову, былъ у него, по его личнымъ заявленіямъ, неразлученъ съ постановкою на петербургской сценѣ „Грозы“, Островскаго, въ которой Горбуновъ игралъ свою лучшую роль — Кудряша. Горбуновъ благоговѣйно собиралъ все, что относилось къ памяти о Мартыновѣ, и часть добытыхъ имъ матеріаловъ о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ его помѣстилъ въ „Русской Старинѣ“. Тѣ, кто видѣлъ этого по истинѣ великаго русскаго артиста, не забудутъ, не въ состояніи забыть его — и непередаваемые звуки голоса молодого Кабанова предъ трупомъ жены: „это вы ее убили, маменька, вы!“—конечно часто звучатъ въ ихъ ушахъ при мысли о Мартыновѣ. Тяжела была судьба этого богато одареннаго человѣка... Поступивъ, благодаря совершенной случайности, въ театральное училище въ Петербургѣ, онъ былъ предназначенъ быть „первымъ танцовщикомъ“, затѣмъ готовился въ декораторы и, наконецъ, былъ выпущенъ на сцену на комическія роли. Онъ исполнялъ ихъ мастерски. Не даромъ извѣстный итальянскій пѣвецъ Лаблашъ, самъ выдающійся комикъ, на вопросъ—чему онъ смѣется, глядя на игру Мартынова на невѣдомомъ ему русскомъ языкѣ, отвѣчалъ: „по-русски я не понимаю ни слова, но я понимаю Мартынова“. Но комизмъ былъ не исключительною и не главною чертою таланта Мартынова. Въ смѣхѣ русскаго человѣка почти всегда есть нота затаенной скорби. „Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся“! Была эта нота и у Мартынова, и какая нота! Медленнымъ и тяжелымъ путемъ вела его судьба, заставляя смѣшить заразительно и неудержимо, въ то время, когда подъ его „видимымъ смѣхомъ“ давно уже накипѣли „незримыя міру слезы“. Эти слезы пробились, наконецъ, благотворною и возвышающею душу струею въ строго драматическихъ ролахъ Мартынова въ пьесѣ Чернышева: „Не въ деньгахъ счастье“, и въ особенности въ „Грозѣ“, Островскаго. На мѣстѣ актера, одно появленіе котораго еще недавно, въ какомъ нибудь нелѣпомъ водевилѣ въ родѣ „Донъ Ранудо де-Калибрадосъ или что и честь, коли нечего ѣсть“ [sic!], возбуждало громкій, заранѣе готовый, смѣхъ зрительной залы,—внезапно выросъ человѣкъ, властно и могущественно заглядывающій въ самую глубину потрясеннаго сердца зрителей, и силою своего генія дѣлающій его лучше, чище, добрѣе... Роль молодого Кабанова была апогеемъ славы Мартынова, она же была и его лебединой пѣснью. Въ августѣ 1860 года его не стало. Воспріимчивое общество шестидесятыхъ годовъ почувствовало свою потерю, и похороны тѣла высокаго художника, привезеннаго изъ Харькова, были первообразомъ того, что пришлось впослѣдствіи видѣть на похоронахъ Достоевскаго и отчасти Тургенева. „Гроза“ была поставлена образцово во всѣхъ отношеніяхъ. Линская была удивительная Кабанова. Холодомъ вѣяло отъ нея. Снѣткова создала поэтическій и цѣльный образъ Катерины, а сцена свиданія Кудряша-Горбунова съ Варварою-Левкѣевой была проведена имъ съ такою жизненною правдою и эстетическимъ чутьемъ, что заставляла забывать, что находшься въ театрѣ, а не притаился самъ, теплою весеннею ночью, на нависшемъ надъ Волгою берегу, въ густой листвѣ, въ которой свиститъ и щелкаетъ настоящій соловей.

Горбуновъ дебютировалъ на петербургской сценѣ 16 ноября 1855 года, въ бенефисѣ Леонидова, въ пьесѣ Стаховича „Ночное“, и вслѣдъ за тѣмъ выступилъ публично разсказчикомъ сценъ изъ народнаго быта. Въ этой послѣдней роли являлся онъ преимущественно и всего охотнѣе во все время своей сценической службы. Здѣсь онъ былъ самимъ собою, не стѣсненный въ своемъ творчествѣ заранѣе данными рамками и задачею. Онъ вступилъ на сцену въ счастливую эпоху перерожденія театральнаго репертуара. Герои мелодрамъ и трагедій, которымъ приходилось, напримѣръ, предлагать злодѣю пить ядъ не только подъ „ножомъ Прокопа Ляпунова“, но даже и „подъ анаѳемой святого царства“—уступили мѣсто представителямъ такъ называемыхъ „фрачныхъ ролей“ и тонкій художникъ, какъ В. В. Самойловъ, не былъ болѣе вынужденъ изображать чухонца и пѣть ломанымъ языкомъ якобы патріотическіе куплеты, въ родѣ: „лайба плылъ моя не пустъ, какъ я шелъ на Тавастгусъ“... Сцена приблизилась къ жизни и драматургія наша, подъ вліяніемъ Островскаго, Потѣхина, Чернышева и др., стала проще, и выше и серьезнѣе. Въ бытовыхъ роляхъ комедій Островскаго Горбуновъ бывалъ нерѣдко очень хорошъ. Мы уже говорили о Кудряшѣ, въ лицѣ котораго онъ изобразилъ памятную и типическую фигуру. Не менѣе хорошъ былъ онъ въ Аѳонѣ [„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“] и въ Гришѣ [„Воспитанница“]. Но вообще говоря, онъ былъ актеромъ посредственнымъ. Нѣкоторыя мелкія подробности въ гримировкѣ, въ одеждѣ — иногда бывали у него чрезвычайно удачны и поражали бытовою правдивостью, но въ общемъ его исполненіе въ комедіяхъ современнаго репертуара, написанныхъ на тему той или другой злобы дня, совсѣмъ не выдѣлялось надъ общимъ уровнемъ. И это оттого, что онъ самъ былъ вполнѣ самостоятельный художникъ, самъ творецъ, а не только истолкователь содержанія чужихъ произведеній. Его самобытная и творческая натура, чуждая условныхъ и предвзятыхъ пріемовъ и способовъ, вовсе не была склонна къ простому, хотя бы и талантливому выполненію даннаго рецепта. Поэтому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пришедшихся ему вполнѣ по душѣ ролей, предъ зрителемъ всегда стоялъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, а не представляемое имъ, выведенное авторомъ лицо. Но такъ какъ авторъ не всегда имѣлъ въ виду изобразить именно Ивана Ѳедоровича, то видѣвшій Горбунова на сценѣ часто и не выносилъ изъ игры его какого-либо яркаго впечатлѣнія, подобнаго выносимому изъ сценъ, передаваемыхъ имъ въ качествѣ разсказчика.

Не представляя ничего выдающагося какъ актеръ, Горбуновъ, однако, глубоко понималъ сценическое искусство и любилъ его сознательно, тревожась за его судьбу всегда, когда оно, по его мнѣнію, уклонялось отъ своего настоящаго пути... Любилъ онъ и его представителей, съ ихъ трудными шагами въ началѣ, съ ихъ тернистымъ, несмотря на успѣхи, путемъ — позже. Въ его очеркахъ есть полныя теплаго участія картины быта провинціальныхъ актеровъ. Жизнь многихъ изъ нихъ, полная лишеній, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, тягостныхъ отношеній съ антрепренерами, трагикомическихъ встрѣчъ съ „меценатами“, разочарованій въ себѣ на ряду съ болѣзненнымъ самолюбіемъ и самообольщеніемъ, проходитъ предъ читателями этихъ очерковъ.

„Ну, Богъ тебя благословитъ, — говоритъ старый актеръ Хрисанфъ Николаевичъ молодому человѣку, начинающему свою артистическую карьеру,—можетъ, посчастливится, будешь знаменитымъ актеромъ... Да, путь нашъ узкій, милый человѣкъ, и много на немъ погибло хорошихъ людей. Мельпомена-то бываетъ безсердечна: выведетъ тебя на сцену въ плащѣ Гамлета, а сведетъ съ нея четвертымъ казакомъ въ „Скопинѣ Шуйскомъ“. Старайся! Не свернись! Вышелъ на сцену — забудь весь міръ. Ты служишь великому искусству!“

Въ этихъ же очеркахъ встрѣчаются очевидно выстраданныя замѣчанія очевидца тѣхъ перемѣнъ во вкусахъ и настроеніи публики, которыя невольно переживала наша сцена. Горбуновъ отмѣчаетъ, какъ лѣтописецъ, цѣлыя эпохи въ исторіи современнаго сценическаго искусства въ Россіи. Онъ описываетъ публику низшаго уровня въ смыслѣ развитія, и впечатлѣніе, произведенное на нее, когда въ половинѣ 60-хъ годовъ „съ обнаженными чреслами“ показалась на сценѣ „la Belle Hélène“, отчего встрепенулись и молодое поколѣніе, и старцы, „и охватила, — говоритъ Горбуновъ съ горечью, — оперетка все мое любезное отечество „даже до послѣднихъ земли“. Гдѣ не было театровъ, она располагалась въ сараяхъ, строила на̀спѣхъ деревянные павильоны, эстрады въ садахъ и т. п. Появились опереточные антрепренеры изъ актеровъ, изъ прожившихся помѣщиковъ, изъ артельщиковъ, былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, одинъ лакей и т. п. Бросились въ ея объятія достойныя лучшей участи дѣвушки, повыскакивали со школьной скамьи недоучившіеся молодые люди... Актеры всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ были „поверстаны“ въ опереточные пѣвцы... Даже слава и гордость русскаго театра,—продолжаетъ онъ съ негодованіемъ,—П. М. Садовскій, уступая не духу времени, а требованію начальства, долженъ былъ напялить на себя дурацкій костюмъ аркадскаго принца“. Когда, такимъ образомъ, драма была вынуждена,—по выраженію Горбунова,—„посторониться“, что обошлось не безъ борьбы, на помощь опереткѣ вдругъ появился куплетъ. „Въ одинъ прекрасный вечеръ, выскочилъ на сцену въ черномъ фракѣ, — повѣствуетъ Горбуновъ,—*куплетъ* и запѣлъ:

Денегъ въ Россіи нѣтъ — смѣло
Каждый готовъ произнесть.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло —
На безобразіе есть!

— Браво!—закричали поврежденные нравы и задумались.

— Правда! Чудесно!—закричалъ Назаръ Ивановичъ, поглядывая на Ивана Назарыча:—расчесывай, расчесывай хорошенько!“ И сталъ куплетъ расчесывать поврежденные нравы. И распространился тоже по всему лицу земли русской и засѣлъ не только въ театрѣ, но и въ клубахъ, и въ трактирахъ, даже на открытомъ воздухѣ... Почтительно отошелъ въ сторону и далъ дорогу куплету веселый водевиль, много лѣтъ царившій на сценѣ“...

XII.

Мой бѣглый и далеко не полный очеркъ творческой дѣятельности вполнѣ народнаго художника законченъ. Остается добавить къ нему краткія свѣдѣнія и воспоминанія о личности И. Ѳ. Горбунова.

Приходится поступить вопреки обычному правилу французскихъ авторовъ, которые ставятъ впереди „l'homme“, а затѣмъ изучаютъ „l'oeuvre“. Быть можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ и его дѣло не сливаются между собою органически, или гдѣ извѣстныя части того, что онъ произвелъ, не могутъ быть достаточно ясно поняты и оцѣнены безъ знанія свойствъ его ума и характера и особенныхъ условій его жизни — такой пріемъ и необходимъ, облегчая задачу изслѣдователя и трудъ читателя. Но это нужно далеко не всегда. Часто въ практической дѣятельности человѣка, въ его творческой работѣ высказываются сами собою такія свойства его личности, что существенныя и достойныя сохраненія отъ забвенія черты его духовнаго образа выступаютъ сами собою, свободныя притомъ отъ излишнихъ подробностей. Развѣ въ борьбѣ Ровинскаго съ дореформенными судебными порядками, въ его работѣ по созиданію судебныхъ уставовъ и въ его изслѣдованіяхъ въ области русскаго искусства не чувствуется его нравственный и художественный обликъ? Развѣ д-ръ Гаазъ, вопіющій въ тюремномъ комитетѣ, провожающій далеко за Москву идущія по этапу партіи арестантовъ и грозящій губернатору „ангеломъ Господнимъ“, который ведетъ „свой статейный списокъ“—не виденъ въ этомъ со всею своею глубоколюбящею и гнѣвною за людей душою? Такъ и Горбуновъ смотритъ изъ совокупности того, что онъ писалъ и разсказывалъ, всею своею личностью. Для внимательно перечитавшаго его разбросанныя сцены, припомнившаго его разсказы и вдумавшагося во все это, должно становиться яснымъ, *что* и *какъ* чувствовалъ и думалъ Горбуновъ, т.-е. долженъ раскрываться душевный складъ, составляющій главное въ личности человѣка.

Поэтому можно ограничиться немногими дальнѣйшими свѣдѣніями о Горбуновѣ. Онъ родился въ 1831 году, въ семьѣ служившаго при копнинской фабрикѣ [московской губерніи и уѣзда] двороваго человѣка помѣщицы Баташевой, Ѳедора Тимоѳеевича Горбунова. Къ отцу и къ матери сохранялъ онъ всю жизнь нѣжное уваженіе. Очень не любя переписки вообще, онъ сообщалъ имъ, однако, подробно о всѣхъ своихъ шагахъ въ Петербургѣ, въ началѣ своей артистической карьеры. Въ трудныя минуты онъ просилъ мать помолиться за него и высказывалъ увѣренность, что благодаря этому все кончится прекрасно. „Материнская молитва,— говоритъ онъ въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1855 г., — со дна моря вынимаетъ“, и подписывается „покорнымъ сыномъ и преданнымъ другомъ“. Религіозное чувство не покидало его никогда. Оно сильно привлекало его и къ проявленіямъ своего внѣшняго выраженія. Онъ зналъ „писаніе“ и многія части нашего богослуженія наизусть,—любилъ читать памятники церковной письменности и въ предсмертные свои дни съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ чтеніе „Цвѣтной Тріоди“. Онъ не только любилъ простой русскій народъ, но онъ имѣлъ радость сливаться съ нимъ въ одномъ чувствѣ безъискусственной и нелицемѣрной вѣры. Учился и воспитывался онъ въ Москвѣ, въ училищѣ, учрежденномъ при Набилковской богадѣльнѣ, основаніе которой описалъ впослѣдствіи въ разсказѣ о холерномъ бунтѣ въ Замоскворѣчьѣ. Затѣмъ онъ былъ ученикомъ второй и третьей московскихъ гимназій.

Время его ученья не оставило въ немъ хорошихъ воспоминаній. „Бываютъ минуты,— говоритъ онъ въ письмахъ другу въ іюлѣ 1855 г.,—когда я вспомню „лѣта моей юности, лѣта невозвратно минувшаго счастья“, — вспомню о своихъ бездарныхъ и тупоголовыхъ учителяхъ и вѣчно нетрезвыхъ надзирателяхъ, вспомню своего чадолюбиваго инспектора, который, для болѣе вящшаго поощренія насъ въ наукахъ, хотѣлъ замѣнить розги какимъ-либо болѣе чувствительнымъ инструментомъ, — вспомню и покойнаго директора, который заставлялъ насъ насильно читать въ свободное время Макробіотику Гуфеланда“.

Онъ вышелъ изъ шестого класса и былъ, слѣдовательно, въ смыслѣ формальнаго багажа знаній, недоучкою. Но недоучка этотъ проникалъ на лекціи въ университетъ, водился со студентами и, несмотря на свою крайнюю бѣдность и необходимость бѣгать по урокамъ въ Замоскворѣчьи, учился живому знанію родной исторіи и родного слова самостоятельно, упорно и плодотворно, удивляя впослѣдствіи разнообразіемъ своихъ свѣдѣній. Свѣжее и тонкое критическое чувство помогало ему разобраться во всей массѣ жадно прочитываемаго, а огромная память прочно забирала въ себя все недостойное забвенія. Такъ выработался изъ него человѣкъ съ достаточнымъ общимъ образованіемъ и спеціалистъ въ области русской словесности, имѣвшій опредѣленные и серьезно обоснованные литературные вкусы и взгляды.

Отсутствіе опредѣленнаго общественнаго положенія заставляло, однако, окружающихъ долго смотрѣть на молодого Горбунова „свысока“, и ему жилось тяжело. „Помните, — пишетъ онъ въ 1856 г. въ Москву своей знакомой С. И. И., объясняя, почему считаетъ ее своимъ искреннимъ другомъ, — помните, когда меня отнесли къ числу людей никуда негодныхъ, когда я, не видя никакого исхода, прозябалъ въ Сыромятникахъ,—вы однѣ протягивали мнѣ руку и говорили со мною по душѣ“.

Знакомство въ началѣ пятидесятыхъ годовъ съ „молодою редакціею Москвитянина“ — и, слѣдовательно, съ Островскимъ, Садовскимъ, Писемскимъ, Аполлономъ Григорьевымъ, Алмазовымъ, Эдельсономъ, Т. И. Филипповымъ и А. А. Потѣхинымъ — имѣло большое вліяніе на развитіе Горбунова. Кружокъ молодой редакціи распозналъ въ скромномъ разсказчикѣ „Утра квартальнаго надзирателя“ и сценъ изъ быта фабричныхъ—настоящаго художника и, по выраженію Т. И. Филиппова, „усвоилъ себѣ“ Горбунова. Поощряемый новыми знакомыми, послѣдній сталъ вдумчивѣе и серьезнѣе относиться къ своимъ разсказамъ и записывать ихъ. Такъ приготовилъ онъ для печати нѣсколько своихъ сценъ. Въ это же время онъ сталъ „грѣшить“, какъ самъ выражался, стихами. Одинъ его романсъ былъ положенъ на музыку извѣстнымъ Дюбюкомъ. Въ письмѣ къ С. И. И., отъ 18 февраля 1855 г., онъ приводитъ свой перифразъ стиховъ Григорьева для пѣнія, „Гитара“, посвященный ей. Вотъ ихъ начало:

„Говори хоть ты со мной,
Душка семиструнная!
Грудь моя полна тоской...
Ночь такая лунная...

„Видишь—я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую!
Ты допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую!“

Въ началѣ 1855 года, Тургеневъ, имѣвшій случай слышать въ Москвѣ разсказы Горбунова, и Писемскій, жившій въ это время въ Петербургѣ, стали усиленно звать Горбунова въ Петербургъ. Весною того же года онъ, не безъ большой тревоги о томъ, какъ устроится его жизнь, пріѣхалъ на ихъ зовъ и сталъ появляться въ обществѣ, какъ разсказчикъ сценъ изъ народнаго быта. Новизна у насъ того рода искусства, представителемъ котораго былъ Горбуновъ, и отсутствіе въ петербургскомъ обществѣ первой половины пятидесятыхъ годовъ настоящаго и живого интереса къ бытовой жизни народа, быть можетъ, могли бы долго не давать возможности проявиться въ истинномъ свѣтѣ и продолжать развиваться далѣе его таланту. Городъ, въ которомъ, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, „улицы постоянно мокры, а сердца постоянно сухи“, могъ запугать и лишить энергіи молодого артиста въ новомъ, мало знакомомъ дотолѣ родѣ творчества. Трудно было ожидать и серьезной оцѣнки, и поддержки, со стороны тогдашней *эстетической* критики, размѣнявшейся, по смерти Бѣлинскаго, на мелкую и стертую монету общихъ мѣстъ и близорукихъ сужденій. Самъ Горбуновъ вынесъ изъ ближайшихъ встрѣчъ съ нѣкоторыми представителями тогдашней печати не особенно выгодное о нихъ мнѣніе. „Съ петербургской литературой,—пишетъ онъ отцу своему,—я познакомился: купцы, а не литераторы!“ Не всѣ, однако, были купцы и среди нихъ свѣтился кроткимъ и согрѣвающимъ огонькомъ высокоразвитой князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Его познакомили съ Горбуновымъ, пріютившимся въ это время у драматическаго актера старой школы и прекраснаго, по общимъ отзывамъ, человѣка—Леонидова, въ старинномъ петербургскомъ домѣ Жако-Шамо, у Чернышева моста. Одоевскій, глубокій знатокъ искусства, оцѣнилъ талантъ молодого разсказчика и значеніе его сценъ изъ народнаго быта. Приглашенный на знаменитыя субботы Одоевскаго, при чемъ хозяинъ умѣлъ съ любовью и свойственной ему тихою восторженностью дать ему случай проявить свое дарованіе какъ слѣдуетъ, Горбуновъ завоевалъ себѣ симпатіи слушателей и, благодаря этому, предъ вступленіемъ на петербургскую сцену уже пользовался извѣстностью и нѣкоторою поддержкою въ обществѣ. Это придало ему, какъ видно изъ его писемъ того времени, бодрости и энергіи. Но Одоевскій пошелъ дальше. Онъ представилъ Горбунова одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, посланныхъ судьбою Россіи—великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Чуткая душой, богато одаренная и глубоко образованная, сильная волей и умомъ, игравшая большую роль въ начинаніяхъ преобразовательнаго царствованія, великая княгиня любила отыскивать, приближать къ себѣ и поддерживать талантливыхъ людей во всѣхъ областяхъ знанія и дѣятельности. Одоевскій зналъ, что она оцѣнитъ и дарованіе Горбунова, и что ея проницательному пониманію не будутъ чужды сцены изъ быта того народа, которому — мыслью и словомъ — она служила такъ, какъ служатъ своему родному. Онъ не ошибся, и Горбуновъ нашелъ въ Еленѣ Павловнѣ не только усердную слушательницу своихъ разсказовъ, но и покровительницу, предстательство которой открыло ему врата петербургской казенной сцены, что, въ свою очередь, помогло ему упрочиться въ Петербургѣ.

Въ этомъ Петербургѣ провелъ онъ затѣмъ тридцать лѣтъ, сдѣлавшись однимъ изъ популярнѣйшихъ въ немъ людей. Но ни его извѣстность, ни общепризнанность его таланта, ни связи и отношенія съ самыми разнообразными общественными сферами, не имѣли вліянія на его душевный складъ и на отношенія его къ людямъ. Онъ неизмѣнно оставался человѣкомъ простымъ и скромнымъ, добрымъ и неразсчетливымъ. Его жизнь вовсе не была свободна отъ терній. Онъ извѣдалъ на своемъ вѣку и клевету, и зависть,—онъ постоянно долженъ былъ заботиться о заработкѣ,—онъ зналъ горечь безусловной подчиненности и, подобно Садовскому, вынужденъ былъ играть Меркурія въ „Орфеѣ въ аду“. Его разсказы очень часто, если можно такъ выразиться, расхищались и обезцвѣчивались неумѣлымъ исполненіемъ и произвольными, иногда пошлыми вставками. Подъ его именемъ издавались сборники фальсификацій, въ которыхъ, употребляя выраженіе Тургенева, знаніе народнаго быта „и не ночевало“.

„Иванъ Ѳедоровичъ“, иначе „Ванюша Горбуновъ“ — былъ желаннымъ гостемъ по всюду. „На него“ приглашали, его пребываніемъ у себя хвастались, встрѣчу съ нимъ въ гостяхъ, въ собраніи, въ дорогѣ — считали счастливымъ и завиднымъ случаемъ. И это потому, что ему всегда было радостно доставить кому-либо удовольствіе. Отсюда вытекала его широкая готовность служить своимъ талантомъ, и служить щедро, безъ всякихъ ломаній и необходимости упрашиванія. Когда онъ появлялся среди гостей, преимущественно за трапезою, всѣ уже были увѣрены, что само собою сдѣлается то, что вдругъ среди собесѣдниковъ окажется генералъ Дитятинъ, или что Иванъ Ѳедоровичъ, улыбнувшись нерѣшительно и обведя всѣхъ глазами, начнетъ какой-нибудь изъ своихъ безподобныхъ разсказовъ. Онъ бывалъ не въ силахъ отвѣчать на общія ожиданія молчаніемъ, въ спокойной увѣренности, что его имя и извѣстность уже „сдѣланы“. Его простой и ласковой душѣ претило разсчетливо и постепенно снисходить на просьбы. Какъ электрическая банка, онъ былъ всегда заряженъ живыми образами и давалъ блестящую искру при первомъ прикосновеніи. Но бывали случаи, когда онъ долженъ былъ страдать глубоко. Проснувшійся въ немъ, иногда не взирая на обстановку, глубокій артистъ и художникъ болѣлъ душою отъ окружающаго его непониманія. Очень часто гостепріимные и любезные собесѣдники, въ отдѣланной „въ стилѣ“ столовой, или въ изящномъ салонѣ, восхищались лишь тѣмъ, *какъ* онъ разсказывалъ, не проникая въ то, *что* онъ разсказывалъ, или, уловивъ одну внѣшнюю сторону, ложно истолковывали смыслъ и значеніе слышанной сцены. Годами установившіяся отношенія, нежеланіе „огорчить“, добродушіе и терпимость, переходившія въ значительной мѣрѣ въ слабость характера, дѣлали то, что у Горбунова не хватало силы ограничить кругъ своихъ слушателей лишь тѣми, кто его дѣйствительно понималъ, и понималъ притомъ правильно. Съ другой стороны, его художественная натура пріобрѣла потребность высказываться, дѣлиться своимъ богатствомъ и, мечтая о *пониманіи*, часто довольствоваться однимъ лишь общимъ *вниманіемъ* окружающихъ. Французская поговорка: „qui a bu — boira“ примѣнима не къ однимъ любителямъ хмеля. Для артиста, для художника становится необходимымъ то, что итальянцы выражаютъ словомъ „ambiente“‘ которое обозначаетъ одновременно и привычную среду, и условія, и обстановку. Нуждался въ этомъ „ambiente“, хотя бы и неполномъ и неудовлетворяющемъ его самолюбіе художника, и Горбуновъ. Этимъ злоупотребляли часто, и такъ какъ по чрезвычайной своей скромности онъ не умѣлъ „импонировать“ и дать, гдѣ нужно, почувствовать свою цѣну, то въ нѣкоторыхъ кружкахъ, преимущественно въ такъ называемомъ „свѣтѣ“, сложился тотъ взглядъ на него, о которомъ я говорилъ въ началѣ настоящаго очерка.

«Забавникъ» всегда разсказывалъ прекрасно, но когда среди смѣха и рукоплесканій, въ концѣ обѣда или ужина, приведенные въ веселое настроеніе гости забрасывали „генерала Дитятина“ нелѣпыми вопросами, или приставали къ Ивану Ѳедоровичу съ просьбами о такихъ разсказахъ, въ которыхъ игривая форма преобладала надъ содержаніемъ, или самое содержаніе было нецензурно, его глаза смотрѣли грустно и на губахъ появлялась мимолетная горькая складка. Быть можетъ въ шумномъ одобреніи окружающихъ ему слышалось въ эти минуты безжалостное: «смѣйся, паяцъ!» итальянскаго композитора... Мнѣ передавали, что разъ, послѣ одного изъ такихъ ужиновъ, гдѣ разсказанныя по настойчивой просьбѣ присутствующихъ сцены особаго рода, построенныя на воспоминаніяхъ о молодомъ „кипѣньи крови и силъ избыткѣ“, были приняты гораздо болѣе восторженно, чѣмъ глубокія сцены изъ народного быта,—Горбуновъ, возвращаясь поздно ночью на извозчикѣ, сталъ съ горечью говорить своему молодому спутнику о замѣченномъ имъ оттѣнкѣ въ одобреніяхъ. Въ его голосѣ слышались слезы обиды за себя и за искусство, и вдругъ, круто перемѣнивъ тему разговора, взволнованный и разгоряченный, онъ съ умиленіемъ сталъ говорить о русской литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ, и о томъ, что „они не умрутъ“. Извѣстенъ, впрочемъ, случай, гдѣ, не зная какъ отдѣлаться отъ назойливыхъ приглашеній свѣтской дамы, желавшей непремѣнно „видѣть своимъ гостемъ Ивана Ѳедоровича“, онъ пріѣхалъ, былъ чрезвычайно „корректенъ“ въ своемъ бѣломъ галстухѣ и фракѣ, и, проскучавъ ужасно весь вечеръ, уѣхалъ, не разсказавъ ничего...

Если свѣтскій и бюрократическій Петербургъ не щадилъ подчасъ души художника, то хлѣбосольная Москва, гдѣ онъ всегда бывалъ желаннымъ гостемъ, не щадила и его здоровья, выражая свою симпатію къ нему непрерывными пирами и неотступными угощеніями, вредно вліявшими на него и, въ виду его слабаго характера, создававшими поводы къ преувеличенному представленію о его привычкахъ и наклонностяхъ. Но Москву любилъ онъ нѣжно, и въ ней ему дышалось легче, чѣмъ въ Петербургѣ. Всѣ лучшія воспоминанія молодости и первыхъ опытовъ творчества влекли его къ ней. Каждый годъ онъ непремѣнно бывалъ въ Москвѣ великимъ постомъ и оставался до Ѳоминой недѣли. Когда наступала пасхальная заутреня и надъ чутко затихшимъ городомъ, съ ярко освѣщенными, безчисленными церквами раздавались первые могучіе удары колокола Ивана Великаго, когда торжественно настроенная толпа на Кремлевской площади зажигала свѣчи, а въ дверяхъ старинныхъ соборовъ показывались хоругви крестныхъ ходовъ,—Горбуновъ уже былъ тутъ, внимательно вглядывающійся и вслушивающійся во всѣ проявленія народнаго настроенія на великомъ праздникѣ. Его плѣняли московскій говоръ, московская старина, гдѣ „вѣдь каждый камень говоритъ“. — Онъ зналъ исторію московскихъ улицъ и урочищъ, изучилъ своеобразные обычаи Замоскворѣчья старыхъ лѣтъ, повѣрья и привычки московскаго простонародья. Ему были знакомы московскія „заведенія“ со всѣми особенностями не только ихъ кухни, но и ихъ привычныхъ посѣтителей. Онъ изучилъ на практикѣ, что̀ такое „воронины блины“, — сошедшіе нынѣ со сцены „пироги подъ скрипкою“ на Тверской и— знаменитая когда-то, незамѣнимая столовая въ „Сундучномъ ряду“. Коренной москвичъ просыпался въ немъ, снисходительный къ недостаткамъ Бѣлокаменной, цѣнитель ея скрытыхъ достоинствъ, ревнивый поклонникъ ея старины, восторженный почитатель незабвеннаго прошлаго московскаго университета, предъ которымъ этотъ „недоучка“ преклонялся. Недаромъ, познакомясь въ Петербургѣ съ молодымъ студентомъ и полюбивъ его, Горбуновъ принесъ ему въ подарокъ портретъ Грановскаго и просилъ беречь его *какъ святыню*. Новое, выхваченное изъ нѣдръ Москвы, выраженіе или просто отдѣльдѣльное словечко внушало ему, бывало, дѣтскую радость. Однажды, попавъ случайно, при посѣщеніи пріѣзжаго пріятеля, въ незнакомое московское семейство, онъ, обреченный судьбою слышать обыкновенно правильную, но безцвѣтную русскую рѣчь петербургскихъ образованныхъ дамъ и дѣвицъ, былъ такъ восхищенъ оригинальными, живыми оборотами разговора молодой москвички, выросшей среди традицій стараго московскаго дома, что остался, разговорившись съ нею и прислушиваясь къ ея умной, чисто-русской, колоритной и образной рѣчи, цѣлый вечеръ, далеко за полночь, заставивъ напрасно поджидать себя въ другихъ мѣстахъ. „Вѣдь какъ она меня за сердце застегнула! какъ застегнула!“—говорилъ онъ на другой день пріятелю, восхищаясь языкомъ своей мимолетной знакомой.

Нѣжный, заботливый семьянинъ, нетребовательный къ жизни, умѣвшій понимать чужое горе, расточительно щедрый, когда у него были деньги, Горбуновъ былъ чуждъ эгоистической замкнутости или унылаго настроенія духа. Онъ слишкомъ любилъ для этого людей вообще. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда готовъ на услугу, постоянно привѣтливъ и весело шутливъ. Не любя оставаться безъ занятія, онъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ или серьезныхъ собраніяхъ, прислушиваясь къ происходящему, излагалъ свои подчасъ скептическіе выводы въ письменныхъ подражаніяхъ [иногда на старинномъ языкѣ], неожиданныхъ стихотворныхъ пародіяхъ, или въ другихъ шуткахъ... „Же доръ, тю доръ, иль доръ и т. д.“,—написалъ онъ однажды на клочкѣ бумаги, отвѣчая на вопросительный взглядъ сосѣда въ концѣ чтенія ученаго изслѣдованія, которое не отличалось ни ясностью, ни живостью. „Сидящоу же честно̀му сѵноду и сладце дремлюще внимающе гласоу ярости исходящоу изъ оустъ и т. д.“,—изобразилъ онъ полууставомъ, съ украшенной завитками первой буквою, сидя въ одномъ изъ ученыхъ сборищъ. Какъ истинный русскій человѣкъ, онъ любилъ шутить и надъ самимъ собою и разсказывать разныя недоразумѣнія, случавшіяся съ нимъ, конечно вслѣдствіе необыкновенной простоты, съ которою онъ себя держалъ. Не разъ вспоминалъ онъ, какъ однажды, на охотѣ съ Некрасовымъ и его друзьями, они расположились закусывать; онъ пошелъ открывать консервы, и когда проголодавшійся и нетерпѣливый Некрасовъ крикнулъ ему: „ну, Ванюша, поскорѣе!“ то одинъ изъ загонщиковъ, видя его простое русское лицо, подбѣжалъ къ нему и тономъ приказанія сказалъ: „слышь, Ванька,—поживѣе! вишь господа требуютъ!“ Разсказывая о первыхъ своихъ артистическихъ шагахъ въ Москвѣ, онъ передавалъ, съ необыкновенной образностью и живостью, свое первое свиданіе съ всевластнымъ въ Москвѣ графомъ Закревскимъ, который зачѣмъ-то его потребовалъ. Молодого человѣка провели во „внутренніе покои“ генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ камердинеръ, чистившій въ уборной комнатѣ, черезъ которую пришлось проходить, графскія рейтузы, посмотрѣлъ на него съ внушительнымъ презрѣніемъ. Закревскій обошелся съ нимъ привѣтливо, проводилъ его до дверей кабинета и, въ знакъ особой ласки, приложилъ свою гладко-выбритую щеку къ его щекѣ, произведя на воздухъ звукъ поцѣлуя. Камердинеръ это видѣлъ и, когда юноша Горбуновъ проходилъ мимо, подскочилъ къ нему, захлебываясь отъ умиленія, произнесъ: „графъ васъ полюбили!!“—и чмокнулъ его въ плечо.

Живой юморъ не покидалъ Горбунова и тогда, когда онъ повѣствовалъ о своихъ невзгодахъ. Описывая, напримѣръ, свою артистическую круговую поѣздку съ извѣстнымъ пѣвцомъ Мельниковымъ онъ помѣщаетъ, въ качествѣ эпиграфа къ письму, выписки изъ краткихъ описаній Воронежа по географіямъ Гейма, Арсеньева, Ободовскаго и др., и отрывки якобы изъ частныхъ писемъ—гимназиста и актера: „мамаша, если вы не возьмете меня изъ воронежской гимназіи — я удавлюсь!"..и — „сборовъ никакихъ! На „Птички пѣвчія" было 18 рублей. Я такого подлаго города еще и не видывалъ"... „То-есть, я вамъ доложу!—пишетъ Горбуновъ далѣе извѣстной петербургской артисткѣ—такъ намаяться, какъ мы съ Мельниковымъ намаялись, не дай Богъ никому! Прислушайте, голубка... Въ оба эти спектакля термометръ показывалъ 4°. Выходя на сцену, я физически находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ каждогодно на масляницѣ пребываютъ балконные комики. Въ Казани, 22 мая, Господь Богъ послалъ снѣжку съ сѣвернымъ вѣтеркомъ и чуть-чуть не заставилъ насъ отказать концертъ. Мы поспѣшили въ Саратовъ, думая тамъ укрѣпиться. Погода благопріятствовала: было жарко, даже душно. По выходѣ въ свѣтъ нашей афиши, народъ тронулся за билетами. *Баба* шла на Мельникова а *дворянство* и *купечество* на Горбунова... Нужно вамъ сказать что концертъ нашъ давался на Волгѣ, въ лѣтнемъ помѣщеніи дворянскаго собранія. Начала собираться публика, начали собираться и тучи. „Я помню чудное мгновенье"... — началъ нѣжно Мельниковъ, а на Волгѣ заоралъ американскій пароходъ... „Передо мной явилась ты", ...а подъ окошкомъ завизжала собака... „Проходимъ мы это съ приказчикомъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ"... началъ Горбуновъ,—грянулъ ливень, засвистали пароходы, забѣгали по террасѣ гуляющіе. Такъ вся наша обѣдня... Пріѣхали въ Тамбовъ — тамъ лошадиная ярмарка и лошадиные вкусы. У всякаго въ рукахъ кнутовище, говорятъ только о лошадяхъ и посѣщаютъ только циркъ. Что̀ намъ здѣсь Богъ пошлетъ,—ужъ и не знаю"...

Въ интереснѣйшихъ личныхъ воспоминаніяхъ о былыхъ литературныхъ и сценическихъ дѣятеляхъ, и въ особенности въ воспоминаніяхъ о Писемскомъ, Горбуновъ былъ неистощимъ. Оригинальная, чрезвычайно талантливая, „неладно скроенная, но плотно сшитая" личность извѣстнаго писателя, какъ живая вставала передъ слушателями и въ обстановкѣ частной жизни, и на литературныхъ чтеніяхъ, и въ визитахъ исключительнаго свойства. Въ послѣднемъ отношеніи воспоминанія Горбунова о поѣздкѣ съ Писемскимъ, отличавшимся чрезвычайною трусостью, на корабль генералъ-адмирала великаго князя лѣтомъ 1855 года, въ виду непріятельской эскадры, стоявшей предъ Кронштадтомъ, имѣли глубококомическій, несмотря на свою правдивость, характеръ. Около этого же времени Писемскій, писавшій тогда такую замѣчательную вещь, какъ „Тысяча душъ", угрюмо сказалъ Горбунову о начинающемъ „великомъ писателѣ земли русской" по поводу „Севастопольскихъ разсказовъ", отрывки изъ которыхъ онъ только-что прослушалъ:— „этотъ офицеришка всѣхъ насъ заклюетъ! хоть бросай перо"...

До конца жизни любилъ Горбуновъ молодежь. Онъ возлагалъ на нее большія надежды, не смущаясь временными и преходящими явленіями. Ему доставляло удовольствіе приходить бесѣдовать съ молодыми людьми, знакомить ихъ съ русской жизнью, съ ея реальными условіями, чаяніями и невзгодами, и рисовать передъ ними поучительныя картины прошлаго. „Насъ, батюшка,— говаривалъ онъ,—чаще спрашивайте, все разскажемъ, ничего не утаимъ“...

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ здоровье Горбунова сильно и замѣтно пошатнулось. Его чаще стали видѣть задумчивымъ и иногда даже раздражительнымъ. Упорный діабетъ подтачивалъ его крѣпкій и выносливый организмъ. Онъ сталъ разсѣяннымъ и, упорно отрицая свою болѣзнь, какъ будто внутренно „махнулъ рукою“ на будущее, не желая серьезно лечиться. Но одинъ разъ въ году, 14 сентября, празднуя день своихъ имянинъ и собирая къ себѣ — по давно заведенному обычаю — на кулебяку друзей и добрыхъ знакомыхъ, онъ оживлялся по-старому, разсылая свои приглашенія на старинномъ языкѣ разныхъ эпохъ и поднося гостямъ остроумное меню строго обдуманной трапезы. „Худородный рабъ твоего благородія, зовомый Иванецъ, Ѳедоровъ сынъ, Тимоѳеевича,—пишетъ онъ въ одномъ изъ такихъ приглашеній,—много челомъ бьетъ и извѣствуетъ, что онъ Иванецъ, въ Воздвиженье честнаго и животворящаго креста Господня прилучился быть имянинникъ. И тебѣ бы, государю, меня, Иванца, пожаловать моего хлѣба соли покушать и впредь меня, Иванца, въ своей милости держать до скончанія моего живота, а я тебѣ, государю, рабъ и служебникъ съ женишкою своею и съ дѣтишками. А будутъ къ ѣствѣ сослужебникъ твоего благородія Николай Степановичъ, да царскія казны оберегатель [да не имутъ царское] Тертій Ивановичъ... А ѣства будетъ московская и иныхъ городовъ, и съ Дону и отъ рѣки великія“. — „Высокородный господинъ, — пишется въ другомъ приглашеніи, — случился я, нижайшій, 14 сентября, въ часъ пополудни, имянинникъ и соберутся ко мнѣ, нижайшему, нѣкоторые гости, и будетъ трактаментъ пирогомъ съ грибами и разною конфетюрою и Вашему Высокородству, меня, худороднаго и худоумнаго, пожаловать не презрить моей хлѣбъ-соли, а я нижайшій и т. д.“. На изящномъ меню, нарисованномъ покойнымъ Богдановымъ къ 14 сентября 1891 года, значились между прочимъ: ветчина московская, городская—*жамбонъ,*—марсала *на манеръ настоящей,* телятина—*лево,* —лафитъ *серпуховской,* высокій, *тревье* и т. д.

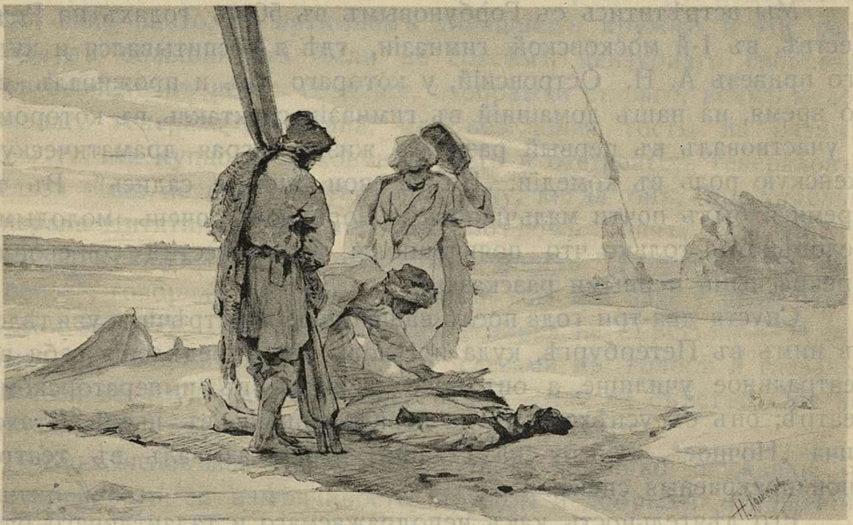
Съ утра въ радостномъ и приподнятомъ настроеніи, съ довольною улыбкой на устахъ, цѣлуясь троекратно со своими посѣтителями, Горбуновъ сердечно наслаждался тѣмъ, что у него собрались люди, которыхъ онъ любилъ и въ искренность которыхъ онъ вѣрилъ, а быть можетъ, и тѣмъ, что, тоже любя и цѣня его, никто изъ нихъ не смотритъ на него съ нетерпѣливымъ любопытствомъ и не ждетъ отъ него какого-нибудь, якобы увеселительнаго, разсказа...

Въ 1894 году онъ отпраздновалъ этотъ день въ послѣдній разъ. Здоровье окончательно подломилось весною 1895 г., а къ зимѣ на организмъ, уже подточенный разрушительнымъ недугомъ, налетѣло воспаленіе легкихъ, и 24 декабря Ивана Ѳедоровача не стало. Онъ встрѣтилъ смерть спокойно и съ вѣрою—и скончался безъ особыхъ страданій. Русское общество лишилось рѣдкаго художника, въ трудѣ котораго сочувствіе къ народу и знаніе народа переплетались неразрывно. Тѣ, кто лично узналъ его и умѣлъ его понимать, потеряли еще больше. Они могли по мѣсяцамъ и болѣе не видѣть Горбунова, но имъ было отрадно сознавать, что онъ *есть*, что существуетъ еще среди нихъ этотъ милый и живой изобразитель народнаго юмора и представитель, въ своеобразной формѣ, раздумья надъ русскою жизнью. Теперь это сознаніе исчезло... Но память о Горбуновѣ живетъ въ душѣ его знавшихъ. Ей не слѣдуетъ изгладится и на страницахъ исторіи русскаго искусства и литературы.

Если мнѣ удалось немного оживить эту память и хотя бы самыми слабыми и несовершенными штрихами дать выглянуть изъ-подъ коры поверхностныхъ сужденій и предвзятыхъ взглядовъ образу *настоящаго* Горбунова—моя цѣль достигнута...

А. Ѳ. Кони.

3 іюля 1898 г.
Дубельнъ.



Воспоминанія А. А. Нильскаго.

Кто изъ русской публики не только въ Петербургѣ или въ Москвѣ, но по всей широкой Руси не зналъ или не слыхалъ объ Ив. Ѳед. Горбуновѣ? Онъ былъ самый популярный и талантливѣйшій авторъ и разсказчикъ сценъ изъ народнаго быта и, прослужа болѣе 40 лѣтъ актеромъ императорскаго петербургскаго театра, былъ изъ близкихъ и старинныхъ моихъ пріятелей. Я говорю—старинныхъ, потому что познакомился съ нимъ въ Москвѣ, еще задолго до его поступленія на Александринскую сцену.

Мы встрѣтитись съ Горбуновымъ въ 50-хъ годахъ на Рождествѣ, въ 1-й московской гимназіи, гдѣ я воспитывался и куда его привезъ А. Н. Островскій, у котораго онъ и проживалъ въ то время, на нашъ домашній въ гимназіи спектакль, въ которомъ я участвовалъ въ первый разъ въ жизни, играя драматическую женскую роль въ комедіи: „Не въ свои сани не садись“. Въ то время я былъ почти мальчикомъ, а Горбуновъ очень молодымъ человѣкомъ, только что появившимся въ обществѣ со своими прекрасными первыми разсказами.

Спустя два-три года послѣ нашей первой встрѣчи, я увидѣлся съ нимъ въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ для опредѣленія себя въ театральное училище, а онъ уже служилъ въ императорскомъ театрѣ; онъ съ успѣхомъ тогда игралъ Ваньку въ пьесѣ Стаховича „Ночное“, „Сцену на станціи“ и разсказывалъ въ театрѣ свои прекрасныя сцены.

Его дѣятельность, какъ неподражаемаго и талантливаго разсказчика, слишкомъ извѣстна всѣмъ и каждому, чтобы долго распространяться о ней. Я началъ говорить о Горбуновѣ, чтобы воскресить нѣкоторыя черты его характера и талантливой натуры и разсказать мое послѣднее съ нимъ прощаніе передъ его кончиной.

Какъ ни странно, но Ив. Ѳед. Горбуновъ, несмотря на свое огромное дарованіе, какъ разсказчика, несмотря на свою наблюдательность, умъ, начитанность и хорошее литературное образованіе, вращаясь всю свою жизнь въ обществѣ первѣйшихъ актеровъ, авторовъ и ученыхъ, никогда не могъ достигнуть способности быть хорошимъ актеромъ на сценѣ, какимъ онъ считалъ себя самъ.

Не разъ онъ брался за самыя благодарныя и, казалось, совершенно подходящія къ его способностямъ, какъ разсказчика, бытовыя роли, въ родѣ, напримѣръ, „Подхалюзина“ въ „Свои люди сочтемся“, Бородкина въ „Не въ свои сани не садись“, пьесахъ своего протектора и самаго интимнаго изъ друзей А. Н. Островскаго; но всѣ эти роли ему никогда и нигдѣ не удавались. Онъ не только не могъ играть ихъ удовлетворительно, но даже никогда не умѣлъ справится на сценѣ ни съ движеніями или соотвѣтственными жестами, ни гримировкой изображаемаго лица. Зато Горбуновъ въ обществѣ былъ вездѣ желаннымъ и любимымъ гостемъ, начиная съ самыхъ высокопоставленныхъ домовъ до послѣдняго трактира или ресторана. Большинство его знакомыхъ величали его Ваней, а онъ чуть не со всѣми былъ на ты.

Онъ прослужилъ шутя свои 40 лѣтъ на императорской сценѣ, при чемъ большую часть каждаго года, т. е. лѣто и великій постъ, уѣзжалъ давать свои вечера по всѣмъ городамъ Россіи, часто въ обществѣ со многими оперными пѣвцами. Много разъ путешествовалъ за границу и ежегодно встрѣчалъ пасху въ Москвѣ. Ролей отвѣтственныхъ ему никогда не поручали, да онъ и не былъ особеннымъ охотникомъ ихъ учить и бывалъ большею частью занятъ на сценѣ, разсказывая свои сцены изъ народнаго быта, на сочинительство которыхъ былъ также очень лѣнивъ.

Лучшіе свои разсказы онъ импровизировалъ, и надо замѣтить, какъ никто, въ интимномъ домашнемъ кружкѣ, и эти разсказы въ большинствѣ были не совсѣмъ цензурнаго свойства. Онъ возвелъ въ перлъ созданія, изображая стараго, всѣмъ недовольнаго генерала Дитятина, или возглашая тосты на разныя темы устами купцовъ, духовныхъ лицъ и отставныхъ генераловъ. Нельзя было не покатываться со смѣху, когда онъ, представляя генерала Дитятина, говорящаго за обѣдомъ спичъ, возглашалъ его старческимъ голосомъ извѣстный девизъ: „Honni soit qui mal y pense“, говорилъ за него: — „Honni soit qui mal y pense“ по-русски значитъ: „Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ!!!“ — И потомъ, проговоривъ эту фразу, со слезами въ голосѣ и глазахъ, бія себя въ грудь, кричалъ энергично:—„Да!! не съѣстъ!! Она не съѣстъ!!. Не съѣстъ!!“.

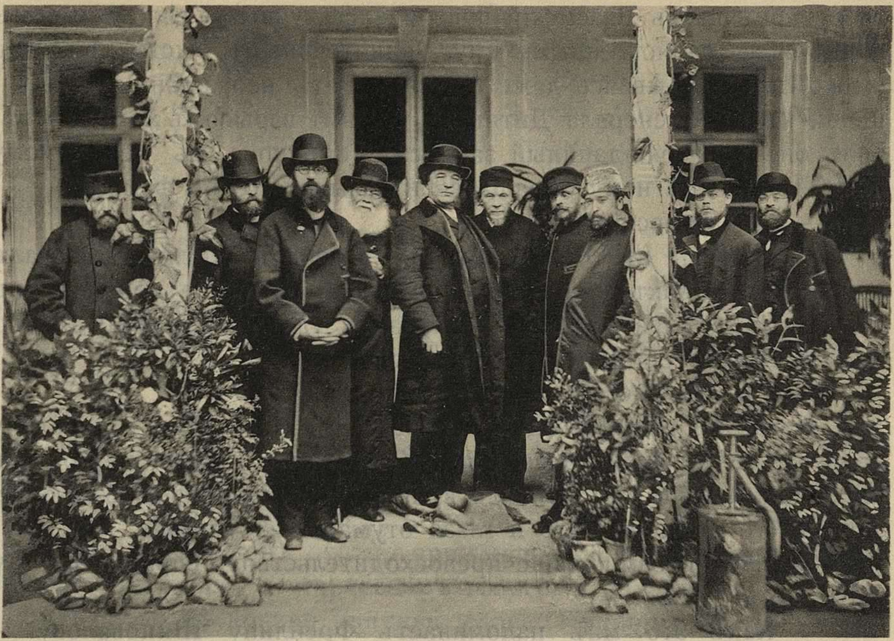
Какъ человѣка, Ив. Ѳед. Горбунова нерѣдко осуждали за неискренность, за измѣнчивость дружбы и добрыхъ отношеній, но для большинства его знакомыхъ онъ до своей смерти оставался добрымъ пріятелемъ. Я принадлежу къ этому большинству и, сохранивъ самыя дружескія съ нимъ отношенія, разскажу въ заключеніе, какъ онъ прощался со мной дня за два до своей кончины.

Узнавъ, что онъ тяжко боленъ и близокъ къ смерти, я пріѣхалъ къ нему утромъ часовъ въ десять и засталъ его сидящимъ въ большомъ креслѣ, въ кабинетѣ. Онъ меня узналъ, но ничего не говорилъ, блуждая только мутными глазами и дѣлая нервныя движенія лицомъ. Пришла его жена, Амалія Ивановна, и мы въ его присутствіи повели нашу грустную бесѣду. Онъ все время молчалъ, изрѣдка вскрикивая отъ нетерпѣнія и томящей его тоски. Наконецъ пришло время мнѣ проститься и уходить; встаю, приближаюсь къ больному, протягиваю ему руку; вдругъ вижу, онъ начинаетъ мнѣ улыбаться, ласково и сознательно смотритъ мнѣ въ глаза и совершенно неожиданно для меня выставляетъ обѣ руки ладонями вверхъ и тихо, едва слышно начинаетъ какъ бы пѣть:

„Спасибо... спасибо тебѣ.
Ты помогъ моей бѣдѣ“.

Я чуть не со слезами поцѣловалъ его и вышелъ. Черезъ дня два или три его не стало, и всѣ съ грустью провожали его на кладбище.

А. Нильскій.



Ив. П. Барсуковъ. А. П. Барсуковъ. П. И. Савваитовъ. Я. В. Байковъ. Голубиный охотникъ Л.
Ив. В. Помяловскій. И. Ѳ. Горбуновъ. Н. П. Барсуковъ.
Гр. С. Д. Шереметевъ. Хр. М. Лопаревъ.

Воспоминанія объ И. Ѳ. Горбуновѣ.

„Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся“.

Къ тому, что уже извѣстно объ И. Ѳ. Горбуновѣ, къ сожалѣнію, могу прибавить только не многое. Первое мое знакомство съ нимъ, относится ко временамъ полковой моей службы, когда не разъ видалъ я его на сценѣ театровъ Красносельскаго и Александринскаго. Сближеніе состоялось гораздо позднѣе—въ первые годы возникновенія Общества Любителей Древней Письменности. Особенно памятенъ мнѣ первый вечеръ, имъ проведенный у насъ на Фонтанкѣ, когда онъ изображалъ генерала Дитятина и ужиналъ у насъ, вмѣстѣ съ княземъ П. П. Вяземскимъ и Владиміромъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ. Послѣднему какъ то особенно удавалось возбудить въ немъ охоту и воодушевить своимъ умѣньемъ давать ему „реплику“, бесѣдуя съ нимъ, какъ бы съ генераломъ. Владиміръ Алексѣевичъ мастерски входилъ въ роль и заставлялъ генерала Дитятина быть особенно словоохотливымъ. Присутствіе же князя Павла Петровича и его мощная фигура производили на Горбунова, вполнѣ его понимавшаго, сильное впечатлѣніе, генерала же Дитятина подзадоривало къ изліяніямъ своего благороднаго негодованія. Съ какимъ то особеннымъ, неподражаемымъ оттѣнкомъ, словно почитая его своимъ единомышленникомъ и современникомъ, генералъ становился необыкновенно смѣлъ въ выраженіяхъ порицанія...

Съ особенною строгостію относился онъ къ властямъ военнымъ и къ современнымъ генераламъ; по мѣрѣ оживленія я видѣлъ, какъ князь Вяземскій покачивался тучнымъ тѣломъ своимъ и заливался свойственнымъ ему, удивительнымъ, чисто дѣтскимъ смѣхомъ, захлебываясь даже до слезъ отъ неожиданныхъ обращеній къ нему генерала Дитятина. Какимъ взрывомъ хохота отвѣтилъ онъ на неожиданнный запросъ Горбунова къ невѣдомому лицу, громко къ нему обращаясь и называя его по фамиліи.

— „Отлукавскій!“

Чуть ли не въ тотъ же вечеръ, генералъ Дитятинъ, началъ разсказывать, какъ ему было дано дипломатическое порученіе въ Нассау. Когда князь Вяземскій выразилъ удивленіе, почему именно туда, генералъ обидѣлся и повторилъ:

— Да, въ Нассау!

Когда въ разгарѣ одного разсказа, неожиданно заиграли у насъ куранты, какой то напѣвъ XVIII-го вѣка, Горбуновъ тотчасъ же замолкъ, лицо его приняло крайне сосредоточенное выраженіе, затѣмъ его стало дергать и глаза отуманились слезой.

— Что съ вами, ваше превосходительство?—спрашиваютъ у него.

— Какъ это мнѣ напоминаетъ Фрейлину Шиповалову! — говоритъ онъ съ грустью.

И умиленіе не покидало его, пока не замолчали куранты.

Однажды, я помню, на вечерѣ у Н. А. Ратынскаго, его стали просить поясненія словъ: „осматриваться“ и „всматриваться“. Внезапно онъ воодушевился и прочелъ цѣлое наставленіе, обращаясь какъ бы къ молодымъ людямъ, вступающимъ на служебное поприще.

Въ теченіи многихъ годовъ проводилъ онъ каждое лѣто въ Можайскомъ селѣ Красновидовѣ, у безпредѣльно хлѣбосольнаго Владиміра Карловича фонъ-Меккъ. Свидѣтели тамошнихъ гомерическихъ пировъ еще на лицо; тамъ было разливанное море шампанскаго и всякихъ напитковъ, тамъ гремѣла музыка и соперничали цыгане. Широкое гостепріимство Владиміра Карловича не знало удержу, въ трескѣ и громѣ всевозможныхъ хоровъ и оркестровъ. Среди одного изъ этихъ кутежей, обратились къ Ивану Ѳедоровичу съ просьбою, что нибудь разсказать. Недовольнымъ взглядомъ окинулъ онъ неумѣстнаго вопросителя и съ досадою произнесъ:

— Ничего не выйдетъ: одна дрызга!

Вообще многіе думали, что необходимо было почему то побуждать его пить, въ чемъ особенно отличалось купечество.

И пивалъ же Иванъ Ѳедоровичъ со всякимъ народомъ и во всѣхъ положеніяхъ, но въ особенности съ такъ называемыми имъ „материками“. Замѣчательно какъ видоизмѣнялись его разсказы въ зависимости отъ слушающей его среды. Чутко схватывая, куда именно направляется извѣстное сочувствіе, или наоборотъ, и въ этихъ оттѣнкахъ и переходахъ отъ одного къ другому и никогда не переступая черезъ край, — онъ выказывалъ изумительную находчивость, удивительную выдержку и отмѣнное художество.

Однажды обѣдали мы съ нимъ въ гостинницѣ „Малый Ярославецъ“; онъ былъ не въ духѣ и чѣмъ то озабоченъ. Даже послѣ обѣда, онъ нисколько не разгулялся; напротивъ того, вдругъ услыхавъ какую то фразу, ему что то напомнившую, схватилъ онъ стулъ и со всего размаху разбилъ его объ полъ! Когда я подошелъ, чтобы успокоить его, онъ двумя словами далъ мнѣ понять все то, что тогда угнетало его. Таковымъ я его видѣлъ только однажды.

Его пріѣзды въ Кусково [въ восьмидесятыхъ годахъ] какъ то особенно свѣтло и ярко запечатлѣлись въ памяти. На него подѣйствовала обстановка; старый домъ сохранившійся съ XVIII-го вѣка, зеркальная зала, скудно освѣщенная двумя лампами, свѣтъ отъ которыхъ отражался на хрустальныхъ люстрахъ... а тамъ, за стриженными аллеями стараго сада — воздушный театръ, всегда особенно привлекавшій Горбунова, вмѣстѣ съ преданіями о бабушкѣ моей Прасковьѣ Ивановнѣ и со всѣмъ, что имѣло отношеніе къ Кусковскому театру и его прошлому. Когда бывало вокругъ его пѣвали, онъ охотно присоединялся къ поющимъ, какъ генералъ Дитятинъ и старческимъ голосомъ подпѣвалъ: „Я васъ любилъ“... но нѣсколько измѣняя слова Пушкина, своими собственными, генеральскими... Помню, какъ однажды генералъ неожиданно, восторгаясь музыкой, восхвалялъ Глинку за его оперу: „Жизнь за Государя Императора“.

Особенно памятенъ онъ мнѣ въ Кусковской залѣ, около стоявшихъ въ углу фортепіанъ. Вокругъ него играютъ и поютъ и самъ онъ съ различными оттѣнками голоса и выраженія распѣваетъ безконечную и пошлѣйшую пѣсню:

Ахъ, скажите ради Бога
Гдѣ Смоленская дорога
Ахъ, какъ тошно, невозможно...
Дайте ножикъ, дайте вилку
Я зарѣжу маво милку...
Ахъ, какъ тошно, невозможно...
А машина свистомъ, свистомъ
А сама пойду къ артистамъ, и. т. д.

Встрѣчи мои съ нимъ были довольно разнообразны. Незадолго до его кончины, за большимъ ужиномъ у Принца Ольденбургскаго, въ присутствіи многочисленныхъ гостей, сидѣвшихъ за цѣлымъ рядомъ столиковъ, неожиданно появился Горбуновъ. Сначала онъ какъ бы замялся, взглянувъ вопросительно... Быстрый взоръ, ласковый и ободряющій воодушевилъ его, отовсюду раздались сочувственные голоса, между ними громкіе басовые. Мигомъ подхвативъ настроеніе, Горбуновъ началъ разсказывать и превзошелъ себя. Не чувствуя никакого стѣсненія, рѣчи его лились потокомъ и дружный неудержимый хохотъ раздавался безъ конца. Когда мы встрѣтились потомъ, онъ самъ сознавался, что на этотъ разъ—былъ собою доволенъ.

Въ числѣ слушавшихъ Горбунова были такіе, которые легко обижались, стѣсняясь даже присутствіемъ такого, по ихъ мнѣнію, не изящнаго представителя грубой Россіи. Но были и другіе, которые глубоко цѣнили его дарованіе, чутко отвѣчая Горбунову своими русскими струнами... Самъ онъ былъ необыкновенно воспріимчивъ по отношенію къ слушателямъ, замѣчая всѣ оттѣнки, до самыхъ мельчайшихъ и почти неуловимыхъ; достаточно было для него одного, или двухъ лицъ, ему истинно сочувствующихъ, чтобы быть въ ударѣ, но бывали и лица, при которыхъ онъ во все не былъ въ состояніи разсказывать. Въ семьѣ нашей такимъ подзадоривающемъ его лицомъ былъ Владиміръ Алексѣевичъ Шереметевъ. Помню, однажды разсказывалъ онъ у насъ въ Петербургѣ, въ большомъ кабинетѣ и изображалъ человѣка, взволнованнаго винными парами. Въ самый разгаръ разсказа, неожиданно входитъ въ комнату одна дама, на столько чуждая Россіи, что она находила для себя неприличнымъ назвать городъ Тетюши, находя самый этотъ звукъ — неприличнымъ. И вотъ, передъ ней предсталъ Горбуновъ. Озадаченная и ничего не понимая, она приняла его за невозможнаго гостя, потерявшаго всякое понятіе о свѣтскомъ приличіи. На лицѣ ея изобразился ужасъ; она быстро шмыгнула въ сосѣднюю комнату, заперла за собою дверь и уже оттуда не возвращалась.

Горбуновъ имѣлъ обыкновеніе въ послѣдніе годы пріѣзжать всегда къ намъ въ деревню въ Михайловское къ храмовому празднику 6 сентября. Не разъ читалъ онъ тогда шестопсалміе и читалъ хорошо. Его встрѣча съ игумномъ Махрищскаго монастыря, была особенно характерна. Игуменъ этотъ, былъ старецъ коренастый, съ ярко рыжей бородой, очень подвижной и себѣ на умѣ; голосъ у него какъ изъ трубы и глаза неспокойные... Горбуновъ разговаривалъ съ нимъ прищуря глазъ и видимо наслаждался. Нравился ему и священникъ отецъ Глѣбъ Архангельскій, большой юмористъ и острословъ. Горбуновъ ему мѣшалъ. Однажды вошелъ онъ въ то время, когда Горбуновъ разсказывалъ. Высунувшись въ дверь и показывая на него пальцемъ, онъ промолвилъ:

— Небось, все каламбуры отпускаетъ?

Тотъ же О. Глѣбъ на вопросъ, долго ли онъ священствуетъ отвѣтилъ Горбунову:

— Скоро 50 лѣтъ, какъ барабаню!

Горбуновъ и прозвалъ его „барабанщикъ“.

Въ эти пріѣзды онъ особенно бывалъ въ ударѣ и въ своихъ импровизаціяхъ неистощимъ. Даже и тогда, когда садился въ экипажъ, чтобы ѣхать обратно въ Москву, любилъ онъ на прощанье отпускать какое нибудь колѣнце. Такъ однажды, когда тройка его уже отъѣзжала отъ Михайловскаго, онъ стремительно привсталъ въ колясқѣ и обращаясь въ сторону провожавшихъ его у подъѣзда крикнулъ:

— Невскій, 105! т. е. сообщалъ намъ свой Петербургскій адресъ.

Въ другой разъ, садясь въ коляску, онъ потребовалъ портфель, говоря что ѣдетъ на ревизію—и голосъ его звучалъ какъ у сановника, отправляющагося по важному дѣлу.

Горбуновъ былъ тонкій знатокъ нашего церковнаго богослуженія и понималъ красоты церковнаго обряда. Особенное значеніе придавалъ онъ появленію Архіерея, по окончаніи службы при выходѣ въ мантіи на амвонъ, откуда осѣнялъ онъ присутствующихъ при пѣніи „Исполла“...

Вообще, онъ церковную службу зналъ хорошо и любилъ ее какъ истинно Русскій человѣкъ.

Въ Кусковѣ онъ былъ неподражаемъ въ тотъ день, когда прибыли туда неожиданно и одновременно, князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ и Индѣйскій Магараджа Дулипъ-Сингъ. Вообще, князя Долгорукова онъ изображалъ отмѣнно, подражая звуку его голоса и его манерѣ; и Долгорукій ему сочувствовалъ.

— Что жъ, я всегда,—повторялъ Горбуновъ свой неизмѣнный припѣвъ на разныя привѣтствія въ роли „юбиляра“...

Разсказъ „о домикѣ крошечкѣ въ три окошечка“, имъ передѣланъ изъ первоначальнаго, совсѣмъ не цензурнаго, въ которомъ описывались похожденія его, Горбунова съ Аполлономъ Григорьевымъ въ Московскомъ захолустьѣ. Потомъ изъ него вышелъ разсказъ для публики подъ названіемъ „Кинареечка“.

Горбуновъ не разъ говаривалъ и всегда добродушно, какъ многіе злоупотребляли его довѣріемъ, какъ являлись самозванные Горбуновы, мало того, какъ изрѣченія выдавали не рѣдко за свои. Самъ же онъ всегда подчеркивалъ, когда разсказъ принадлежалъ не ему, а Прову Мих. Садовскому.

Особенно друженъ онъ былъ съ артисткой Н. А. Никулиной, которую часто посѣщалъ въ Москвѣ. Превосходно подражалъ онъ Писемскому, какъ говорили, его помнившіе и любилъ ему подражать, равно и Садовскому, съ его неизмѣннымъ движеніемъ руки, вынимающей щепотку табаку и подносящей ее къ носу: я помню Садовскаго и сходство было дѣйствительно изумительное.

Удивительна была Горбуновская мимика. То являлось совершенно старушечье лицо, то генеральское, то монашеское и такъ безъ конца...

Помню, какъ подходилъ онъ къ закускѣ у Тертія Ивановича Филиппова; тотъ обратился къ нему, какъ къ „отцу Амфилохію“. Это былъ двойникъ генерала Дитятина, но гораздо менѣе его извѣстный. Отецъ Амфилохій сохранился ли у кого въ памяти? Я только мелькомъ услыхалъ его отвѣты Филиппову.

Бывало, у насъ на Фонтанкѣ вечеромъ совсѣмъ тихо, гостей нѣтъ никого и горятъ всего лишь двѣ-три лампы въ большомъ и темномъ кабинетѣ. Часу въ десятомъ, иногда отворялась дверь и слышались медленные шаги: то входилъ И. Ѳ. Горбуновъ своей обычною походкой, неторопливой и съ развалкой; глаза его сіяли привѣтливо и улыбка не сходила съ лица; на немъ галстухъ съ неизмѣнной булавкой изображавшей орла на сферѣ—подарокъ Императрицы Евгеніи.

Первые признаки его послѣдней болѣзни показались въ Москвѣ, когда Иванъ Ѳедоровичъ, случайно остановившись на Воздвиженкѣ, ночевалъ у насъ въ домѣ. На другое утро прислуга сообщила мнѣ, что ночью съ Горбуновымъ приключился припадокъ. Съ нимъ былъ обморокъ и словно судороги. На вопросъ, что было? Горбуновъ отвѣтилъ отрицательно, — что не помнитъ ничего.

Прошло еще нѣкоторое время. Горбуновъ обѣдалъ въ Странопріимномъ домѣ у Бориса Сергѣевича Шереметева и долженъ былъ въ тотъ же вечеръ ѣхать въ Петербургъ. Помню, какъ всталъ онъ изъ за стола, со всѣми простился, совершенно спокойно и медленно, какъ всегда, вышелъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ вбѣгаетъ человѣкъ и говоритъ, что съ Горбуновымъ сдѣлался припадокъ. Я тотчасъ же выбѣжалъ въ переднюю, гдѣ уже на рундукѣ увидалъ и лежащаго безъ чувствъ Ивана Ѳедоровича. Врачи признали тогда, что болѣзнь серіозна и мы рѣшили положить его тутъ же на койку въ больницу Странопріимнаго Дома. С. М. Клейнеръ сталъ его лѣчить, а въ Петербургъ дали знать и вызвали его старшую дочь Татьяну Ивановну.

Такъ пролежалъ Горбуновъ нѣсколько недѣль до возврата въ Петербургъ. Тамъ еще держался онъ нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ пошло все хуже и хуже... Всѣ сознавали что болѣзнь неизлѣчима и что силы его покидаютъ. Мы навѣщали его. „До свиданія“, говорю ему, чуть ли не въ послѣдній разъ. „Прощайте!“ сказалъ онъ громко, пристально глядя въ глаза.

. . . .

Любилъ онъ приглашать къ себѣ обѣдать и былъ очень хлѣбосоленъ. Самъ онъ готовилъ иныя блюда очень удачно и любилъ ими подчивать. За обѣдомъ у него бывало большое оживленіе; всегда кто нибудь изъ интересныхъ лицъ, либо пріятель его С. В. Максимовъ, либо художникъ баронъ Клодтъ, или кто-нибудь еще; бывалъ и Т. И. Филипповъ, по старой дружбѣ московскаго времени редакціи Москвитянина.

Помню его на своеобразныхъ и интересныхъ вечерахъ Т. И. Филиппова, [на Мойкѣ], гдѣ бывало много народу; тамъ играла музыка и пѣлъ хоръ Контрольскихъ пѣвцовъ; тамъ же появлялся съ своею гитарою „Де-Лазари“...

Встрѣчались мы и за городомъ въ различныхъ обстановкахъ и всегда Горбуновъ былъ вѣренъ себѣ, все тотъ же былъ онъ тактичный, сдержанный и многосторонній. Любопытно бывало прислушиваться къ разговорамъ его съ различными лицами, различныхъ слоевъ и положеній.

Между цыганками была одна, даровитая и музыкальная, дочь извѣстнаго Ивана Васильева—Маша,—Марья Ивановна, по прозванію „цыпка“. Ей особенно сочувствовалъ Иванъ Ѳедоровичъ, который былъ ея воспріемникомъ, по старой дружбѣ съ ея отцемъ.

Сядетъ бывало Марья Ивановна съ гитарою въ рукахъ и перебираетъ напѣвы, а Иванъ Ѳедоровичъ около нея и отечески ведетъ съ нею рѣчь, подстрекая и придавая всему веселое и стройное настроеніе.

Вообще же Горбуновъ пристально слѣдилъ за событіями. У него была большая опытность въ людяхъ и сужденія его были всегда мѣтки и своеобразны. Одною чертою изобразитъ человѣка. Когда бывало сообщишь ему хорошее извѣстіе, онъ радовался, какъ юноша. Такъ, въ Славянскомъ базарѣ, сообщена ему была новинка о Кушкинскомъ боѣ. Онъ сразу воспламенился и затѣмъ прислалъ мнѣ тотъ разсказъ, что напечатанъ. По его желанію, разсказъ этотъ переданъ былъ Императору Александру III. Въ дорогѣ бывало, помнится мнѣ, по пути въ Псковъ онъ поражалъ своею наблюдательностью и удивительнымъ здравымъ смысломъ въ разнообразнѣйшихъ сужденіяхъ иногда и „о матеріяхъ важныхъ“.

Какъ хлопоталъ онъ о „фойѣ“ Александринскаго театра, превращеннаго имъ въ своего рода музей, съ портретами артистовъ и съ другими воспоминаніями.

Какъ хорошо подражалъ онъ старику Сосницкому „дѣдушкѣ“, какъ всѣ они его называли. То былъ единственный Репетиловъ, голосъ у него былъ особенный, мягкій, котораго нельзя было забыть и онъ какъ живой являлся въ подраженіи Горбунова, забавно разсказывавшаго о его старческой разсѣянности и забывчивости.

Любилъ Горбуновъ останавливаться на серіозныхъ вопросахъ жизни и пытливымъ умомъ своимъ стремился въ „горняя“. Его знаніе Россіи и русскаго человѣка было по истиннѣ изумительное. Прошлое Русскаго театра, конечно его сильно занимало и вообще все интересное былое, историческое и бытовое, ему не могло быть чуждо.

Съ П. В. Шумахеромъ они въ сущности не сходились, хотя и признавали взаимно свой талантъ. Шумахеръ даже называлъ его—„Горбуновъ единственный“!

. . . .

Однажды, [это было въ послѣднюю его зиму], пришелъ онъ къ намъ мрачный, больной, сидѣлъ молчаливо и ничѣмъ нельзя было его ни развеселить, ни разсѣять. Грустно было на него глядѣть при видѣ полнаго разрушенія могучаго здоровья и чувствуя близость конца... Подали ужинъ. Горбуновъ почти къ нему не прикасался и по прежнему сидѣлъ мрачный и угрюмый. Всѣ сидѣли за тѣмъ же столомъ и разговоръ долго не налаживался. Но вотъ случайно и внезапно кто то заговорилъ о пѣтушиныхъ бояхъ за Москвой рѣкой... Горбуновъ сталъ прислушиваться и вдругъ глаза его сверкнули, онъ встрепенулся и ожилъ. Нежданно, негаданно полились его рѣчи. Откуда взялись и сила и воодушевленіе, разсказъ за разсказомъ, воспоминаніе за воспоминаніемъ и все о птицахъ пѣвчихъ, о соловьяхъ различныхъ, скворцахъ, голубяхъ и пѣтухахъ, столь цѣнимыхъ Москворѣцкими знатоками и любителями; чѣмъ болѣе онъ оживлялся, тѣмъ воодушевленнѣе были его рѣчи...

Что это была за импровизація, что за изумительное художество!

Никогда „такимъ“ и въ такомъ ударѣ, не слыхалъ я Горбунова. До того было неподражаемо хорошо все то, что онъ припоминалъ о различныхъ чудакахъ Московскихъ, всяческихъ любителяхъ птичьяго пѣнія и пѣтушинаго боя... Такія дивныя, полныя жизни и правды картины рисовались въ его разсказахъ, что мнѣ стало даже страшно, до того онъ былъ тогда неподражаемо и необычайно хорошъ; невольно у меня промелькнула мысль — ужъ не лебединая ли это его пѣсня?..

Увы, предчувствіе сбылось: мы дѣйствительно слышали его тогда—въ послѣдній разъ!..

. . . .

Когда ушелъ отъ насъ Горбуновъ, мы долго еще оставались всѣ вмѣстѣ, припоминая этотъ неожиданный и чудный вечеръ, но и со страхомъ повѣряя другъ другу впечатлѣнія того невыразимаго восторга, отъ котораго становилось даже жутко, до того сильно было ощущеніе могучаго таланта, явно насъ готовящагося покинуть навсегда... И долго сидѣли мы въ раздумьѣ и обмѣнивались впечатлѣніями, стараясь не останавливаться на тяжкой мысли о томъ, что дни И. Ѳ. Горбунова, уже явно были сочтены..

Замѣчалъ я не разъ, какъ непріятно всегда бывало Горбунову, когда иные изъ слушателей его, прямо обращались къ нему съ просьбой разсказать что либо неприличное, чего нельзя сказать громко. Его всякій разъ болѣзненно коробило отъ такихъ словъ, обличавшихъ полное непониманіе сущности его таланта и такое же отсутствіе чутья. Конечно, у него не мало было разсказовъ очень не скромныхъ, но суть ихъ заключалась въ художественномъ остроуміи, а не въ простомъ и грубомъ неприличіи. Горбуновъ, при большомъ навыкѣ, рѣзко отдѣлялъ слушателей по разрядамъ. Въ сущности слушать и понимать Горбунова какъ слѣдовало, какъ желалъ бы того самъ художникъ, было совсѣмъ не такъ легко; а для „реплики“ нужно было самому быть нѣсколько опытному, чтобы выдерживать съ нимъ бесѣду. Онъ не разъ говаривалъ, что если бы умѣли ему возражать, возбуждая къ отвѣтамъ, то онъ иначе бы и развернулся, а Дитятинъ особенно нуждался въ оживленіи, въ разговорѣ, въ ободреніи.

Помню, какъ нравилась ему надпись на могилѣ Гоголя: „Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся“... и даже желалъ бы себѣ таковую. Когда же къ нему относились какъ къ балаганному скомороху или шуту, каковымъ почитали его иные, то онъ глубоко огорчался; точно также цѣнилъ онъ всегда, когда замѣчалъ сочувствіе и пониманіе. Иной разъ, даже трудно было схватить истинное значеніе случайно сказаннаго и только потомъ гораздо позднѣе раскусишь настоящій смыслъ. Иной разъ, случайно брошенное имъ слово могло быть разъяснимо различно. И Горбуновъ умѣло владѣлъ этимъ обоюдоострымъ оружіемъ.

Приходилось присутствовать не разъ при громкомъ смѣхѣ лицъ надъ тѣмъ, что имъ казалось только смѣшнымъ и не замѣчавшихъ, что они, по гоголевскому выраженію „надъ собою же смѣялись“.

Большого и тонкаго ума былъ Горбуновъ и притомъ добраго сердца, отзывчивый и признательный.

Его пріѣздъ въ Кусково передъ свадьбой былъ истиннымъ событіемъ. Вижу большую, просторную столовую Кусковскаго дома, уставленную столами для семьи и многочисленныхъ гостей и между ними генерала Дитятина съ сіяющимъ лицомъ и говорящаго рѣчь. Не хохотъ, а стонъ стоялъ во время его изумительныхъ импровизацій, отъ совершенно невозможныхъ положеній и— высокаго комизма достигавшаго истиннаго великаго художества. Кто при этомъ присутствовалъ, тотъ не забудетъ этого вечера... Онъ давно такъ не воодушевлялся, не изсякая къ общему оживленію всѣхъ присутствовавшихъ, хохотавшихъ до упаду, до боли и до слезъ...

Жаль, что весь блескъ истраченнаго тогда остроумія, не остался въ памяти и переданъ быть не можетъ.

Еще въ Кусковѣ генераломъ Дитятинымъ былъ взятъ девизъ:

„Не свирѣпствуетъ, но непреодолимъ"...

Помню случай на острову, близъ устья р. Великой на озерѣ Псковскомъ. Забрались мы туда, прибывъ на маленькомъ пароходѣ изъ Пскова. Чудная была эта поѣздка, полная сильныхъ и отрадныхъ впечатлѣній. Мы плыли по р. Великой и мимо насъ тихо скользили берега, съ ихъ рощами и селеніями, съ обителью Снѣтогорской, изобилующей снѣтками и до самаго озера, широко раскинувшагося, конца которому не было видно...

Вотъ мы причалили къ плоскому песчаному островку, думая отдохнуть на немъ и закусить на просторѣ; что то въ родѣ свайныхъ построекъ показалось на озерѣ. Мы уже расположились на этомъ островкѣ, когда неожиданно подошла кучка какихъ то странныхъ мужиковъ. Лица ихъ не внушали довѣрія. Одинъ изъ нихъ произнесъ что то дерзское, по адресу Горбунова и насъ всѣхъ. Вижу: произошло что то быстрое, какъ мгновеніе. Съ искаженнымъ лицомъ и не своимъ голосомъ обратился Горбуновъ къ толпѣ съ однимъ только возгласомъ, но такимъ уже „уснащеннымъ" и приправленнымъ такимъ наикрѣпчайшимъ словцомъ, что всѣхъ приковалъ къ мѣсту. Тѣмъ временемъ мы успѣли отчалить.

Москву любилъ онъ пламенно, глубоко и разумно. Не было въ немъ ничего квасного и приторнаго. Чутьемъ историческимъ и художественнымъ онъ вѣрно все понималъ и чувствовалъ. Но трудно было ему и не любить Москвы. Здѣсь прожилъ онъ дѣтство и молодость, здѣсь же, первые шаги его и успѣхи; доброе и сильное участіе Закревскаго, дорогіе наставники, театръ и самъ Садовскій.

Здѣсь же молодая редакція Москвитянина, юныя свѣтлыя упованія и надежды, первыя радости, воодушевленіе, и даже разгулъ,—словомъ, многообразная и многосложная Московская жизнь, вся пережитая имъ, здѣсь и перечувствованная.

Позднѣе онъ перешелъ въ Петербургъ, гдѣ новыми связями расширился кругъ его...

Въ теченіе многихъ лѣтъ можно было встрѣтить Ивана Ѳедоровича въ такъ называемой „Патріаршей Палатѣ", въ домѣ Тура на Большой Морской, у давнихъ жильцовъ этого дома, братьевъ Николая Платоновича и Александра Платоновича Барсуковыхъ. Тамъ, у него за трапезой, было свое опредѣленное мѣсто, во главѣ стола. По сторонамъ садились гости, и съ своего мѣста, Горбуновъ, какъ съ кафедры, слѣдилъ за развитіемъ бесѣды, за гостепріимною трапезою хозяевъ. Разсказовъ тутъ не было, но генералъ Дитятинъ отъ времени до времени проявлялся, особенно когда разговоръ касался злобы дня.

Отсюда уѣзжалъ Преосвященный Алексій, Архіепископъ Литовскій на пріемъ въ Аничковскій дворецъ... Это было въ присутствіи Горбунова, который помогалъ ему расправлять рясу и вообще относился къ нему съ глубокимъ душевнымъ уваженіемъ, со времени встрѣчи въ Кусковѣ и разсказовъ въ его присутствіи.

Бывалъ Горбуновъ у старика Гамазова, Матвѣя Авелича, который былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Некрасовымъ. Горбуновъ припоминалъ какіе то не совсѣмъ цензурные стихи, по поводу Гамазова, чуть ли не Некрасовскіе.

Его можно было встрѣтить у Смурова, въ столь знакомой многимъ лавкѣ, гдѣ столько воспоминаній временъ еще старика хозяина, всегда угощавшаго какою то особенною настойкой, необыкновеннаго вкуса.

Духовенство изображалъ онъ въ совершенствѣ, отлично зная нравы его и бытъ. Вообще нужно отмѣтить, что чувство порядочности, всегда удерживало Ивана Ѳедоровича отъ перехода черезъ край. Онъ смѣялся надъ недостатками, смѣшными сторонами лицъ и явленій, но никогда не насмѣхался надъ сущностью, надъ вѣрованіями, не доходилъ до кощунства... И здѣсь, опять-таки, не всѣ его понимали, а намекали на послѣднее, что его коробило. Можно полагать, что всего менѣе записаны его разсказы изъ быта духовенства и монашества. Они могли быть и не цензурны, но лишь съ общей точки зрѣнія—и не болѣе. Монашескіе голоса, различные „возгласы“ старцевъ — странниковъ, монахинь, юродовъ и всякихъ темныхъ людей, передавались имъ въ изумительномъ совершенствѣ, а также голоса старухъ, странницъ, салопницъ постоянно вздыхающихъ и духъ въ себя забирающихъ—изображалъ онъ мастерски, видоизмѣняя и безпредѣльно на всѣ лады, все разнообразіе голосовъ и ужимокъ всевозможныхъ типовъ захолустной и бродячей Руси.

И сколько такихъ старухъ проходило въ его разсказахъ, далеко не однообразныхъ...

До чего убѣдителенъ былъ Горбуновъ въ передачѣ своей роли, [будь онъ Дитятинъ, или кто другой],—мнѣ случалось видѣть, присутствуя при томъ, какъ собесѣдники его съ нимъ спорили, иногда принимая имъ разсказываемое за дѣйствительное событіе. Они спорили тогда не съ И. Ѳ. Горбуновымъ, а съ тѣмъ лицомъ, кого онъ изображалъ, нисколько не замѣчая недоразумѣнія.

Иногда являлся онъ въ медицинской средѣ и сбивалъ тѣмъ, будто онъ самъ старый медикъ, которому въ жизни не повезло, причемъ разсказывалъ онъ подробно о началѣ своей [небывалой] медицинской карьеры. Я зналъ врачей, которые со мною спорили, говоря, что знаютъ давно Горбунова, что онъ внѣ сомнѣнія былъ медикомъ и началъ свою дѣятельность именно врачемъ. Такъ и не могъ я убѣдить, что это все одно лишь Горбуновское измышленіе.

Въ Псковѣ случилось мнѣ быть съ нимъ въ женскомъ монастырѣ, гдѣ онъ пилъ чай у Игуменіи, окруженный монахинями.

Видѣть его серіознымъ и сосредоточеннымъ среди монахинь, было необычайно по комизму... Зная и помня его, изображающимъ даже движенія различныхъ старицъ мантейныхъ и иныхъ расправляющихъ мантіи—трудно было удерживаться отъ смѣха.

О встрѣчѣ съ Преосвященнымъ Геннадіемъ въ Желтиковскомъ монастырѣ—уже говорено ранѣе. *

Всѣмъ, помнящимъ Горбунова, хорошо долженъ быть извѣстенъ его разсказъ о свадьбѣ, со всѣми подробностями входа гостей, Толкачева и Кирпичева и всего послѣдующаго во время бракосочетанія. Подобный же, по подробностямъ, разсказъ мнѣ пришлось слышать отъ него по поводу похоронъ. Все имъ изображено и до самаго конца съ изумительною правдивостью, словами не передаваемыми.

Особенно любилъ онъ чтеніе книгъ историческихъ и таковой же переписки, дорожа всего болѣе письмами великаго „юмориста“ Петра Великаго, передъ которымъ преклонялся съ восхищеніемъ. Всѣ его „понеже“ и пр. приводили его въ умиленіе. Всю литературу былинъ, заговоровъ, сказокъ и пр. онъ зналъ въ совершенствѣ и искусно всему подражалъ.

— „Пой Карамзинъ!“ вдругъ восклицалъ онъ, „въ тебѣ слышится гласъ Соловьинъ“...

Какъ то вспомнили о старинныхъ пѣсняхъ и романсахъ и хвалили Алябьевскаго „Соловья“; Горбуновъ тотчасъ же разсказалъ о какомъ то дьячкѣ, который такъ истово и умильно читалъ молитвы, что слушавшая его старушка, отъ избытка чувствъ, не могла не воскликнуть, вздыхая и кладя крестное знаменіе:—„Соловей мой, соловей“...

. . . .

Великъ былъ Горбуновъ въ подражаніи графинѣ Нессельроде, дочери графа Закревскаго; онъ начиналъ тогда какъ то особенно картавить. Она была любимица своего отца, походившаго по выраженію Горбунова на—„стертый полтинникъ“.

Однимъ изъ ближайшихъ его пріятелей [послѣдняго времени] былъ С. В. Максимовъ, который по таланту своему и свѣдѣніямъ былъ драгоцѣннымъ союзникомъ Горбунову; его область тѣсно соприкасалась съ областью Ивана Ѳедоровича и служила источникомъ для его вдохновенія. Къ сожалѣнію, Максимовъ не долго пережилъ своего пріятеля.

Изъ всего, что когда либо разсказывалъ Горбуновъ, мнѣ кажется, выше ничего не можетъ быть его разсказа: Лѣсъ...

Это картина удивительной красоты, правды и никогда ее не забудешь.

Каждое слово Горбуновскаго разсказа, врѣзалось въ память, каждый оттѣнокъ его голоса. Передать ихъ невозможно, нужно было самого его прослушать, чтобы прочувствовать всю глубину этого чуднаго разсказа.

На вопросъ о грозѣ,—отвѣтъ—„Люблю“. Но какъ это было сказано! Слышу еще эти звуки и вижу выраженіе его лица. Стоитъ

---

* См. „Желтиковскій монастырь“.

онъ какъ живой передъ нами, волоса въ безпорядкѣ, руками держится онъ за спинку стула, а глаза горятъ и полны воодушевленія.

„Бѣжинъ Лугъ“—Тургенева и „Лѣсъ“—Горбунова это двойники. Отъ нихъ вѣетъ чистой и свѣжей какъ весеннее утро—народной поэзіей...

Не забыть никогда Горбунова...

Общеніе съ нимъ служило отрадою и утѣшеніемъ многимъ его поклонникамъ, почитавшимъ въ немъ великаго Русскаго художника и дорогого человѣка, память котораго перейдетъ „въ родъ инъ“—доколѣ стоять будетъ земля Русская...

Г. С. Ш.

12 Сентября 1902 г.
Михайловское.

Изъ воспоминаній М. И. Писарева.

Большую помощь изданію сочиненій Горбунова безкорыстно принесъ покойный Модестъ Ивановичъ Писаревъ, о чемъ помянуто въ предисловіи. Къ сожалѣнію онъ не успѣлъ, какъ хотѣлъ, написать своихъ воспоминаній о Горбуновѣ и въ 1904 году по этому поводу писалъ: „За послѣднее время я такъ упорно занятъ редактированіемъ сочиненій Островскаго, что положительно не имѣю часа свободнаго для другой работы, поэтому никакъ не могу обѣщать, успѣю ли для III тома Горбунова написать хотя что нибудь, даже самое короткое. Повѣрьте, мнѣ самому это чрезвычайно грустно, но что же дѣлать, если обстоятельства такъ отвратительно сложились. Издатели Островскаго запоздали и теперь торопятъ. Корректуры такъ и летятъ цѣлыми пакетами. А тутъ еще надо уѣзжать за границу—просто бѣда“.

Грустно, что воспоминанія эти такъ и остались не записанными, но въ вечера, проводимые большею частью за ужиномъ, послѣ работъ по нашему изданію, Модестъ Ивановичъ, вспоминалъ разныя случаи изъ жизни Горбунова и его друзей, которыя и приводятся ниже.

Самъ М. И. Писаревъ родился въ Тульской губерніи въ 1844 году и происходилъ изъ старой дворянской семьи, приходясь дальнимъ родственникомъ Д. И. Писареву, уроженцу той же губерніи. Въ молодости своей онъ имѣлъ близкія отношенія къ пріятелю Горбунова, Аполлону Григорьеву, который давалъ ему уроки и у котораго онъ одно время жилъ. О немъ у М. И. Писарева было много воспоминаній. Онъ велъ жизнь весьма безпутную и многое изъ того, что вспоминалъ Писаревъ не возможно для печати. Но безобразія Григорьева чередовались съ упорнымъ литературнымъ трудомъ и религіозными порывами. Однажды тринадцатилѣтній Писаревъ возвращается домой и застаетъ наставника своего въ необыкновенно странномъ видѣ. Въ комнатѣ необычайный хаосъ, вещи раскиданы и самъ Григорьевъ сидитъ на полу совершенно голый. На вопросъ, что съ нимъ, Григорьевъ отвѣчалъ:

— Я Нибелунгъ, стерегу свое богатство.

Въ другой разъ Писаревъ проѣзжаетъ на извозчикѣ мимо Иверской, смотритъ: кто то лежитъ ницъ на мостовой передъ папертью и молится. Всматривается и узнаетъ Аполлона Григорьева.

Юношей Писаревъ помѣстилъ большую статью по поводу перваго представленія „Грозы“ Островскаго въ газетѣ подъ названіемъ „Оберточный листокъ“.

О Сергѣѣ Семеновичѣ Кошеверовѣ, другомъ пріятелѣ И. Ѳ. Горбунова, Писаревъ разсказывалъ, что онъ былъ весьма любимъ всѣми членами молодого Москвитянина и считался своимъ человѣкомъ. Звали его „дядюшка“. Онъ всегда заботился объ угощеніи, о томъ, чтобы былъ „хорошій постановъ“. Если кто нибудь спрашивалъ, напримѣръ, почему мадеры нѣтъ, Кошеверовъ говорилъ:

— Не всѣ предметы поставлены.

И продолжалъ распоряжаться закуской, отдавая направо и налѣво приказанія:

— Дмитрій, кроши! Василій, рѣжь!

Однажды докторъ прописалъ кому то изъ пріятелей пить Виши и прибавилъ: комнатной температуры. Больной не разобралъ и думалъ, что ему прописано особое питье подъ названіемъ „Комнттемпературъ“. Съ тѣхъ поръ Кошеверовъ и всѣ въ домѣ всегда называли Виши „Комнттемпературъ“.

Неизмѣнно бывалъ въ томъ же обществѣ и Ив. Ив. Шанинъ, личность замѣчательная, по своему знанію народной рѣчи. По свидѣтельству М. И. Писарева, „разсказы Шанина, человѣка бывалаго, опытнаго, умнаго, наблюдательнаго, вышедшаго изъ самыхъ нѣдръ Замоскворѣчья, коренного Московскаго купца—дали Островскому обильный матеріалъ, изъ котораго между прочимъ много выпало характернаго и для Любима Торцова“.

Съ Горбуновымъ М. И. Писаревъ познакомился въ 1856 году, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и игралъ въ „Грѣхъ да бѣда“. Горбуновъ передъ спектаклемъ далъ ему совѣтъ:

— Здѣсь нельзя играть по-московски. Играй по-петербургски. Въ третьемъ актѣ жеребятинки подпусти!

Когда въ другой разъ Горбуновъ выступилъ на сценѣ не сбривъ себѣ усовъ, онъ сказалъ Писареву:

— Бога ради не говори Островскому, что я игралъ съ усами.

Горбуновъ подмѣчалъ смѣшныя стороны и въ самомъ Островскомъ. Однажды дни стояли жаркіе и Островскій обстригся. Заставши его передъ зеркаломъ, Горбуновъ нашелъ, что Островскій былъ совершенный Аполлонъ. Въ другой разъ Горбуновъ смѣялся надъ Островскимъ, который вдругъ вообразилъ, что похожъ на Виктора Гюго и носился съ его портретомъ.

Деревня Островскаго была сельцо Щелыково Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда, на берегу Волги.

Первое время отношенія Островскаго къ Горбунову были очень хороши. Вмѣстѣ они въ 1862 году путешествовали за границей. Вмѣстѣ были въ Лондонѣ и посѣтили тамъ Герцена. Посѣщеніе это Горбуновъ часто разсказывалъ. По свидѣтельству М. И. Писарева, Островскій очень робѣлъ и все боялся, что по возвращеніи въ Россію его притянутъ за этотъ визитъ. При свиданіи съ Герценомъ онъ спросилъ, есть ли у нихъ шпіоны русскіе. Герценъ съ большой похвалой отозвался о „Грозѣ“. Познакомившись съ Горбуновымъ и узнавъ, что это тотъ самый Горбуновъ, о которомъ онъ слышалъ, онъ просилъ его разсказать. Горбуновъ исполнилъ желаніе Герцена и разсказалъ нѣсколько сценъ. Герценъ хохоталъ и Островскому очень хвалилъ Горбунова. Кажется, въ тотъ вечеръ въ Лондонѣ съ Островскимъ и Горбуновымъ случилось приключеніе. Они возвращались домой поздно и, не зная англійскихъ обычаевъ, не взяли съ собой ключа отъ квартиры. Пришли домой, стучатъ —никто не выходитъ. На дворѣ ночь, холодъ, изморозь, совершенно Петербургъ осенью. На улицѣ никого, только полисменъ ходитъ. Къ нему. Островскій ни на одномъ языкѣ ни звука. Горбуновъ по англійски также ни слова. Они ничего не могли объяснить. Тогда Островскій съ сердцемъ замѣтилъ:

— Иванъ Ѳедоровичъ, что же вы по нѣмецки не говорите? Вѣдь у васъ жена нѣмка!

Наконецъ Горбуновъ, озлобленный, начинаетъ ругать полисмена русской трехъ-этажной бранью. Островскій не на шутку испугался:

— Иванъ Ѳедоровичъ, что вы дѣлаете? Вы не за Москвой рѣкой. Васъ сейчасъ потащатъ.

Горбуновъ отвѣчалъ:

— Вѣдь онъ ничего не понимаетъ.

Но Островскій стоялъ на своемъ:

— Да вѣдь онъ звуки то слышитъ...

Въ 1863 году А. Н. Островскій писалъ свою драму „Сонъ на Волгѣ“. Горбуновъ однажды заночевалъ у него, прилегъ на диванъ и заснулъ. Островскій сидѣлъ и писалъ свою драму. Вдругъ Горбуновъ слышитъ сквозь сонъ, какъ Островскій вскочилъ и начинаетъ его будить. Горбуновъ просыпается. Видитъ: Островскій стоитъ и испуганнымъ голосомъ:

— Иванъ Ѳедоровичъ! Послушайте, что я написалъ...

И начинаетъ читать съ жаромъ:

По хоромамъ старымъ
Я давно брожу...

Стихотвореніе это пришло ему неожиданно, вдругъ. Онъ самъ удивился и въ волненіи не могъ не разбудить Горбунова, и писать въ эту ночь бросилъ.

Съ Некрасовымъ Горбуновъ сблизился съ конца 50-хъ годовъ и особенно былъ близокъ въ 58, 59 и 60 годы. И позднѣе онъ ѣзжалъ къ нему въ деревню. Имѣнія Некрасова были: Грешнево Ярославской губерніи, впослѣдствіи проданное, и Карабиха въ 12 верстахъ отъ Ярославля. Горбуновъ часто здѣсь охотился. Мѣста были чудныя. Горбуновъ очень любилъ Некрасова, говорилъ, что у него много враговъ и завистниковъ, что карточная игра была его слабостью, а слухи, очень разспространенные, о томъ, что онъ былъ подозрительный игрокъ, всегда упорно отвергалъ.

Былъ цѣлый разсказъ, какъ однажды Горбуновъ съ Некрасовымъ были на охотѣ. Ихъ засталъ дождь и они спѣшили укрыться въ ближайшемъ жильѣ. Попали въ какой то поселокъ. Это оказалось не село, а только церковные дома. Подходятъ къ одному дому. Видятъ сидитъ священникъ на заваленкѣ, не совсѣмъ въ порядкѣ, говоритъ самъ съ собой. Начало разговора не слыхали, попали въ середину. Слышны отдѣльныя слова относящіеся къ недавнему разговору съ благочиннымъ:

...Вхожу къ нему... стоитъ она... глядитъ это косвенно... Почемъ куры? — Какое время и какія куры — ему... А она подлая стоитъ...

Очевидно священникъ имѣлъ какой то весьма непріятный разговоръ. Онъ долго бормоталъ что то про себя. Наконецъ совсѣмъ разсердился:

— А я ему во фіолетовую накладу.

Жаль что сцена эта такъ мало сохранилась. Это одна изъ лучшихъ мелкихъ сценъ Горбунова по живости звуковъ и образности фигуры на фонѣ русскаго пейзажа.

Горбуновъ былъ однажды въ Астрахани, прожилъ тамъ двѣ недѣли. Остановился у Писарева. Игралъ и особенно разсказывалъ. Писаревъ проводилъ его на пароходъ. Съ Волги пришло отъ него письмо. Горбуновъ писалъ, что ѣдетъ съ очень веселой компаніей два купца, кокой то волжскій житель и другіе. Волжскій житель все разсказывалъ о замѣчательныхъ мѣстахъ по Волгѣ, о Стенькѣ Разинѣ, гдѣ онъ жилъ, располагался станомъ и прочее. Вышло большое письмо четыре листа кругомъ мелко написаны. Было множество намековъ, точекъ, словомъ цѣлое произведеніе. Къ сожалѣнію письмо это пропало слѣдующимъ образомъ. Въ Свіяжскѣ у Писарева, по распоряженію Казанскаго губернатора Скарятина, сдѣлали обыскъ, продержали 10 часовъ. Это было въ связи съ дѣломъ доктора Португалова. Частный приставъ, производившій обыскъ, обратилъ вниманіе на письмо Горбунова. Напрасно Писаревъ объяснялъ, что это произведеніе извѣстнаго Горбунова, это не помогло и письмо все таки взяли. Позднѣе Модестъ Ивановичъ наводилъ справки, желая вернуть это письмо и другія бумаги, а также фотографическую офицерскую карточку, но такъ ничего не добился.

М. И. Писаревъ былъ секретаремъ театральнаго общества. Много актеровъ обращалось за пособіемъ, но многимъ приходилось отказывать и они обращались уже къ секретарю. Однажды онъ получаетъ письмо отъ одного актера съ изложеніемъ его біографіи. Сначала этотъ актеръ служилъ, потомъ ушелъ со службы, скитался, въ острогѣ сидѣлъ, обвиненный будто бы въ кражѣ часовъ. Изъ письма выходило что онъ дѣйствительно укралъ часы. Писаревъ принялъ это письмо за дѣйствительную просьбу.

На другой день, при встрѣчѣ съ Горбуновымъ, разсказываетъ, какое онъ получилъ преинтересное письмо.

— Не отъ актера ли?

— Да.

— Въ острогѣ сидѣлъ?

— Сидѣлъ.

Только тогда открылось, что это письмо выдумалъ Горбуновъ. Къ сожалѣнію и это письмо пропало.

Много пропало произведеній Горбунова не только разсказовъ, никѣмъ не записанныхъ, но и готовыхъ произведеній. Былъ напримѣръ написанный самимъ Горбуновымъ небольшой разсказъ „Красная площадь“, съ изображеніемъ народныхъ сценъ. Къ сожалѣнію разсказъ этотъ попалъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“, которая его не напечатала и всѣ позднѣйшие поиски М. И. Писарева въ редакціи этого журнала оказались напрасными. По свидѣтельству М. И. Писарева разсказъ этотъ былъ очень не большой, но любопытный.

Былъ у Горбунова еще разсказъ о студентѣ перваго курса, у котораго передъ экзаменомъ стучатъ въ головѣ билліардные шары.

Собирался Горбуновъ съ Писаревымъ издать особую хрестоматію подъ заглавіемъ: „Какъ писать не надо“. Для этого они собирали матеріалы изъ повременныхъ изданій, подбирая наиболѣе типичные образцы порченнаго русскаго языка, къ сожалѣнію столь распространеннаго въ такъ называемой „прессѣ“, но и это собраніе исчезло.

Не сохранились и подготовительные труды по дальнѣйшей исторіи русскаго театра, предпринятой И. Ѳ. Горбуновымъ. М. И. Писаревъ видѣлъ у него множество карточекъ съ краткими свѣдѣніями о жизни актеровъ, но все это исчезло безслѣдно...

Характеристики актеровъ у Горбунова бывали мѣткія.

Такъ о Бурдинѣ отзываясь не сочуственно и очень не любя его напыщенности и самолюбія, онъ говорилъ:

— Дарованіе самое коротенькое, а въ геніи лѣзетъ.

Дружественныя отношенія Писарева съ Горбуновымъ продолжались неизмѣнно до послѣдняго дня. Когда онъ спрашивалъ:

— Чѣмъ васъ угощать Иванъ Ѳедоровичъ?

Онъ всегда отвѣчалъ:

— Лаской.

Однажды И. Ѳ. Горбуновъ обѣдалъ у М. И. Писарева вмѣстѣ съ П. И. Вейнбергомъ и Де-Лазари. Неожиданно они устроили любопытную сцену, которая была замѣчательно разыграна. Горбуновъ изображалъ пьянаго купца, Вейнбергъ еврея, а Де-Лазари грека. И будто эти три человѣка затѣяли споръ, какая нація изъ трехъ лучше. Импровизаціи были блестящія. Въ другой разъ Горбуновъ импровизировалъ иначе. Де-Лазари отлично игралъ на гитарѣ. Горбуновъ подъ аккомпанементъ гитары сталъ изображать пьянаго рекрута, который продался въ солдаты и напился въ кабакѣ. Рекрутъ бьетъ себя въ грудь, плачетъ и поетъ. Сцена была очень драматическая. Неожиданный переходъ отъ слезъ къ

„Барынѣ“ производилъ большое впечатлѣніе. Сцена слажена была очень хорошо.

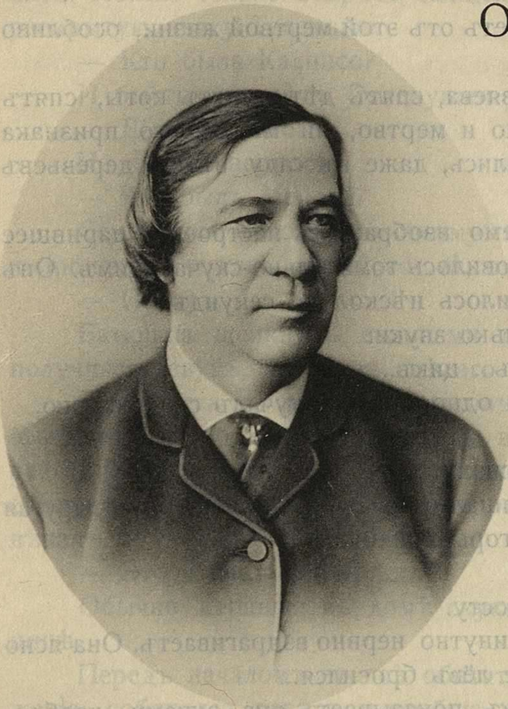
У М. И. Писарева сохранилась рѣдкая юмористическая фотографія Горбунова, которую онъ доставилъ въ распоряженіе настоящаго изданія. Горбуновъ, снимаясь, скорчилъ преуморительное лицо.

По поводу дневника Горбунова, Писаревъ писалъ: „Мы, знавшіе близко покойнаго, интересуемся этимъ дневникомъ потому, что умѣемъ многое читать въ немъ между строчками, а врядъ ли всякому обыкновенному читателю представитъ онъ такой же интересъ. Использовать же его въ біографіи хотя будетъ дѣломъ кропотливымъ и продолжительнаго труда, но за то вполнѣ цѣлесообразнымъ“.

Уѣзжая за границу и сообщая свой адресъ, онъ писалъ: „Охотно воспользовался бы вашимъ болѣе чѣмъ любезнымъ приглашеніемъ и прискакалъ бы къ вамъ на крыльяхъ вѣтра — но, къ великому прискорбію, врядъ ли буду въ состояніи это сдѣлать... Вы не можете себѣ вообразить, съ какимъ бы наслажденіемъ я провелъ у васъ денекъ, другой, на лонѣ природы, въ пріятной бесѣдѣ и воспоминаніяхъ о дорогомъ другѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ. Но, кажется, эта мечта неосуществимая“.

Незадолго до своей кончины онъ писалъ: „Не забудьте приложить къ III тому общее алфавитное оглавленіе всѣхъ трехъ томовъ. Это необходимо. Иначе выйдетъ такое же досадное неудобство, какое получилось у Ефремова въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина... Здоровье мое такъ плохо, что я рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать. Слава Богу, что удалось довести до конца редакцію Островскаго и выпустить послѣдній томъ до начала того страшнаго упадка силъ, какой начался теперь. Физическихъ силъ—никакихъ. Голова отказывается работать, словомъ мерзко! Написать о Иванѣ Ѳедоровичѣ не буду въ состояніи, даже продиктовать не могу, такъ все спутано въ головѣ и такъ безсильна память“.

П. Шереметевъ.



Отзвуки разсказовъ Горбунова.

> Пушкинъ неизмѣнно втеченіи всей своей жизни утверждалъ, что все, что возбуждаетъ смѣхъ — позволительно и здорово.
>
> Кн. Павелъ Вяземскій.

I.

Начало художественной дѣятельности Горбунова принадлежитъ Москвѣ, а потому, какъ не начать съ обрывковъ изъ Московскаго захолустья, нравы котораго изучилъ онъ съ такой любовью и въ такомъ совершенствѣ. Въ знаменитомъ *домѣ* московскаго захолустья, въ томъ домѣ, который обыкновенно представлялся чѣмъ-то таинственнымъ и гдѣ ворота были всегда заперты, окна закрыты и занавѣски спущены, въ одну ночь произошло, очевидно, что-то необыкновенное. Внутри дома все пришло въ движеніе, забѣгали огоньки въ окнахъ, тѣни зашевелились на занавѣскахъ, къ дому подъѣзжали чьи-то дрожки, словомъ, должно было дѣйствительно произойти что-то странное. На утро сосѣди, обитатели захолустья, узнали, что народился сынъ Семенушка... Чтó же это былъ за домъ? Жили тамъ три бабушки: одна по хозяйственной части, другая по педагогической, а третья не вставала съ постели и лежала цѣлый день. Дѣдушка все больше держался на печкѣ. Была въ домѣ еще Вѣра Дмитріевна съ подвязанной щекой, неизвѣстное существо, вѣроятно, дальняя родственница, имѣвшая романъ въ молодости съ секретаремъ магистрата, который пропилъ все ея состояніе и „на всю жизнь оставилъ одну меланхолію...“. „Бѣдная я женщина, говорила она, но во мнѣ столько благородства, хотя и купеческаго, что я никому не позволю“.

Въ изображеніи Горбунова оживали цѣлые міры...

...Старинный домъ съ колоннами, большой садъ съ піонами, калуферомъ, божьимъ деревомъ, бархатцами, шапочками, анютиными глазками, яблонями бѣлаго наливу, кустами крыжовника и смородины. Внутри тяжелая красная мебель, раззолоченныя кіоты съ образами, часы съ боемъ, канарейка въ клѣткѣ... Чувствовался даже запахъ дома и та тишина, обличающая издревле заведенный порядокъ.

...Какъ въ прошломъ году на святкахъ ставили мѣломъ на дверяхъ кресты, такъ и въ этомъ году будутъ ставить; какъ въ прошломъ году 9 марта пекли изъ тѣста жаворонковъ, такъ и въ этомъ будутъ печь ихъ...

Удручающей скукой вѣетъ отъ этой мертвой жизни, особливо въ послѣобѣденное время.

...Все спитъ. Спятъ хозяева, спятъ дѣти, спятъ коты, спятъ куры. На улицѣ жарко, тихо и мертво, ни малѣйшаго признака жизни, даже птицы попрятались, даже въ саду вѣтки деревьевъ не колышатся.

Горбуновъ неподражаемо изображалъ настроеніе, царившее внутри дома. Лицо его становилось томительно-скучающимъ. Онъ молчалъ, и это молчаніе длилось нѣсколько секундъ.

Затѣмъ слышались только звуки:

— Цикъ... цикъ... Цикъ... цикъ...

Это маятникъ уныло и однообразно стучалъ свою пѣсню.

Тоска...

Начинали говорить о снахъ.

Одной бабушкѣ прислышался во снѣ „звукъ трубный“, другая видѣла во снѣ, что ее „съ горы спихнули“.

Кто-то увѣряетъ:

— Это, бабушка, къ росту.

Вѣра Дмитріевна ежеминутно нервно вздрагиваетъ. Она ясно видѣла во снѣ, какъ на нее лёвъ бросился...

— Вотъ такъ, вотъ такъ, показываетъ она руками, изображая лапы хищнаго звѣря, готоваго на нее броситься.

Среди этихъ обитателей дома предстояло воспитываться Семенушкѣ. Основы этого воспитанія въ точности неизвѣстны. Его, кажется, больше кормили и занимались этимъ цѣлый день, приговаривая:

— Ѣшь, Семенушка, ночью не дадутъ.

И Семенушка ѣлъ и откармливался на славу. Лицо у него становилось круглое, лоснящееся, тупое и напоминало цыферблатъ круглыхъ часовъ. Глаза мутные, безсмысленные. Онъ долго не могъ произнести ни слова—только мычалъ, положа палецъ въ ротъ.

— Баушка, а баушка, подходитъ однажды Семенушка къ постели той изъ бабушекъ, которая лежитъ, и толкаетъ ее въ бокъ.

Та издаетъ въ отвѣтъ неясные стоны.

— Баушка, снова начинаетъ внучекъ, что́ сегодня за обѣдомъ будетъ, солонина, али что́?

Бабушка снова стонетъ отъ удара въ бокъ...Его останавливаютъ:

— Да что пристаешь къ бабушкѣ?!

Онъ оправдывается:

— Она сама дражнится.

Наконецъ, пришла пора учиться, ибо необходимость просвѣщенія проникла какъ-то и въ захолустье. Чему учили Семенушку, неизвѣстно, только та изъ бабушекъ, что́ была „по педагогической части“, услыхавъ однажды урокъ географіи, пришла въ ужасъ:

— Страсти какія, прости Господи: Мадридъ при рѣкѣ Мансанаресѣ... Или уже совсѣмъ нехорошія слова: „Аранхуецъ“... „Бабельмандебскій проливъ“...

Мало и плохо учили Семенушку.

Однажды былъ приглашенъ на домашній экзаменъ мѣстный батюшка, но въ чемъ состояло испытаніе—не сохранилось въ памяти. Помню только вопросъ священника, увидавшаго на столѣ раскрытую книгу Телемака:

— Кто была Калипсо?

И быстрый отвѣтъ Семенушки:

— Дьячкова собака.

На другой вопросъ:

— Кто былъ Моисей?

Семенушка, положа, по своему обыкновенію, палецъ въ ротъ и произнося *т* какъ англійское *th*, отвѣчалъ:

— Потопъ.

Батюшка щелкнулъ пальцами по Семенушкиной головѣ и получился „звукъ, какъ изъ спѣлаго арбуза“.

Семенушка не любилъ уроковъ. Любимымъ его занятіемъ было ходить по саду и „георгины выворачивать“, или орошать растущіе въ клумбахъ піоны, а когда его заставали за этимъ послѣднимъ занятіемъ и спрашивали, что онъ дѣлаетъ, то онъ отвѣчалъ:

— Это я лакъ навожу...

Обычно царящая въ домѣ скука исчезала только на масляницѣ.

Передъ началомъ ея всѣ обитатели дома приходили въ броженіе, собирался совѣтъ и сообща обсуждали на немъ, какъ и что ѣсть. Закупались массами лещи и другая провизія. Въ понедѣльникъ назначались блины, во вторникъ—блины, въ среду—тоже блины, въ четвергъ—оладьи, въ пятницу—опять блины, въ субботу—блины и оладьи.

— А лещи каждый день пойдутъ, вставлялъ кто-нибудь, съ чѣмъ всѣ соглашались: само собой, что ихъ жалѣть-то!.

Каждый ѣстъ по-своему, какъ ему удобнѣе. Дѣдушка на печкѣ, откуда онъ уже не слѣзаетъ, ѣстъ безъ ножа и вилки, а опустивъ блинъ въ сметану и масло, подбрасываетъ его рукой и хватаетъ на-лету, на подобіе собаки, ловящей муху, издавая при этомъ странные звуки, а масло и сметана текутъ по рукамъ.

По всему дому начинаетъ носиться какой-то особенный „блинный запахъ“...

Коты замурлыкали, даже въ щеляхъ тараканы зашевелились.

Шарикъ сидитъ на кухнѣ и, облизываясь, поглядываетъ на кухарокъ. Дворникъ его привѣтствуетъ:

— Блиновъ, старый чортъ, дожидаешься?

Подъ конецъ недѣли, когда никто уже ѣсть не можетъ, всѣхъ „разобрало“ и весь домъ „одурѣлъ“, сидятъ молча и только вдругъ по временамъ слышно чье-нибудь громкое иканіе, послѣ чего тотчасъ крестятъ ротъ съ возгласомъ:

— Боже, очисти мя грѣшнаго...

Или Семенушка воскликнетъ:

— Манька! я забылъ, сколько съѣлъ...

Запасовъ однако еще остается много, такъ что подъ конецъ стали бросать собакамъ, но „и тѣ не берутъ“.

Наконецъ проходитъ масляная недѣля, наступаетъ великій постъ. Вмѣсто блиннаго настроенія и обжорства, наступаетъ тяжелое время вздоховъ, поста и молитвы...

Но не такъ легко справиться съ только-что прошедшими праздниками и наладиться на постъ. Чувствуется страшная тоска...

Колокола не звонятъ, а охаютъ:

— Ингъ... энгъ... Ингъ... энгъ...

— У Сампсонія ударили!.. всхлипываетъ, крестясь, одна изъ бабушекъ.

Тоска!

Шарикъ лаять пересталъ и лежитъ, свернувшись въ воротахъ: „лещемъ подавился“.

Угнетенное настроеніе сказывается и на дворникѣ дома, сидящемъ у воротъ на скамейкѣ. Онъ молчитъ и только по временамъ икаетъ...

Проходитъ по улицѣ человѣкъ, неся на плечѣ бутыль съ какою-то жидкостью.

Дворникъ спрашиваетъ:

— Милый человѣкъ, что это вы несетя?

— Скипидаръ.

— А намажьте нашей собакѣ ж...?!

— Давайтя...

— Мажтя!

— Шарикъ, Шарикъ... фью, фью, свиститъ дворникъ, довольный своей идеей и предвкушающій веселое удовольствіе.

— Шарикъ, хопъ на грудку!

Собака довѣрчиво подбѣгаетъ на зовъ, но въ это время опрокидывается бутыль съ скипидаромъ, Шарикъ взвизгиваетъ и съ воемъ хочетъ вырваться изъ рукъ держащаго его дворника, но тотъ не пускаетъ.

— Что-о! Не лю-ю-бишь? Су-у-кинъ сынъ..

— Ого-го-го... вотъ забрало когда... съ азартомъ вскрикиваетъ дворникъ.

— Завертѣ-ѣ-лси!..

— Не лю-ю-бишь?

— Су-у-кинъ сынъ...

А колокола продолжаютъ между тѣмъ свое грустное оханье:

— Ингъ... энгъ... Ингъ... энгъ..., напоминая о наступленіи тяжелыхъ дней поста и молитвы...

Отъ великопостныхъ забавъ обитателей дома въ захолустьѣ вернемся снова къ главному его герою.

Семенушка сталъ выростать и приближаться къ тому возрасту, когда онъ началъ находить удовольствіе „тереться около кухарки“.

Кутежи его, скитанія по разнымъ темнымъ мѣстамъ, гдѣ одинъ посѣтитель однажды вздумалъ рѣзать подушки и пускать по комнатѣ пухъ, испортилъ фортепіано и учинилъ другія безчинства, за что ему былъ поданъ соотвѣтствующій счетъ хозяйкой, все это изображено живо и образно, но не совсѣмъ удобно для печати.

Любопытны, напримѣръ, звуки, слышавшіеся по временамъ изъ сосѣднихъ комнатъ этихъ притоновъ за стѣнами, напримѣръ чей-то умоляющій голосъ:

— Анжелика, квасу...

Рисуя однако грязь жизни, Горбуновъ сказывался всегда, какъ художникъ, знавшій чувство мѣры.

Но вотъ Семенушку надумали женить, разумѣется, черезъ сваху. Хороша сцена объясненія его съ невѣстой. Оба долго молчатъ. Наконецъ, Семенушка прерываетъ молчаніе и рѣшается спросить о лежащей передъ нимъ рукодѣльной работѣ:

— Это вы кошечку вышивали?

А потомъ, истощивъ, очевидно, весь свой запасъ новостей, неожиданно сообщаетъ:

— А у насъ сегодня ночью караулъ кричали!

Невѣста тоже изъ купеческой среды. Это одна изъ тѣхъ замоскворѣцкихъ дѣвицъ, которыя поютъ чувствительные романсы въ родѣ слѣдующаго: „Какой пріятный зе́фиръ вѣетъ“... Или:

Ахъ! скажи зачѣмъ,
Милый, не могу я
Слить лобзанія струю
Въ пламя поцѣлуя?

По ея поводу дьяконъ церкви, кажется Спаса въ Наливкахъ, въ которой ей предстоитъ вѣнчаться, бесѣдуя съ шаферомъ, на просьбу послѣдняго погромче прочитать апостолъ, выражаетъ опасеніе:

— Да на одной свадьбѣ я какъ гаркнулъ: „а жена да боится своего мужа“, такъ она на шафера и покатилась, только подхватили...

— Нѣтъ, успокаиваетъ шаферъ невѣсты: *наша выдержитъ:* вотъ когда въ царскій день изъ пушекъ палятъ, такъ гулять туда водятъ, любитъ, ничего...

Настаетъ, наконецъ, день вѣнчанія Семенушки. Церковь наполняется народомъ.

Семенушка прибылъ съ двумя шаферами: одинъ Толкачевъ, другой Кирпичевъ, оба во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, въ штанахъ съ виноградными лампасами и оба въ меланхолическомъ настроеніи, какъ потерпѣвшіе неудачу въ сватовствѣ.

Въ ожиданіи невѣсты шафера стоятъ впереди, небрежно крестятся, болтая руками и разсѣянно глядятъ по сторонамъ, а изрѣдка на иконы.

Стоящая сзади нихъ набожная старушка приходитъ въ ужасъ отъ ихъ поведенія и дѣлится въ своемъ негодованіи съ сосѣдкой:

— Одному угоднику мигнетъ, другому кивнетъ, а третій самъ догадается.

На клиросѣ хоръ пѣвчихъ, которому регентъ задаетъ тонъ:

— Соль-си-ре...

При этомъ онъ подымаетъ камертонъ къ уху, кладетъ лѣвую руку на голову дисканта и щелкаетъ его по временамъ ею.

Теноръ, въ красномъ галстукѣ, утромъ проглотилъ два сырыхъ яйца, для голоса, и запилъ рюмкой кюмеля, для прочистки горла.

Наконецъ басъ, „октава за полтинникъ“, временно приглашаемый; у него такой голосъ, что приходится ставить его за нѣсколько шаговъ назадъ.

При входѣ жениха хоръ поетъ:

— Во̆с...по̄й...тӗ, лю̄...ў...ў...ді-е̄-е̄...

Когда, наконецъ, разносится ожидаемая съ минуты на минуты вѣсть, что невѣста пріѣхала, регентъ еще разъ задаетъ тонъ, и раздаются звуки концерта.

— Гряды... гряды... гряды...

Теноръ начинаетъ съ страшно высокой ноты:

— О̄-о̆-тъ Лӣ-й-ва̄-ӑ-на̄-ӑ не̄-ӗ-вѣ̄-ѣ̆-сто̄... выводитъ онъ, опускаясь ниже и ниже.

— Са̄мъ бо̆ гряде̄тъ во̄-о сла̄вѣ̆... томно входятъ альты.

— Во́ славѣ, во́ славѣ... Во́ славѣ, во́ славѣ... подхватываютъ, чередуясь, громкіе басы и крикливые дисканта.

— Э-э-э... реветъ „октава за полтинникъ“.

Домой молодые отправляются съ вѣнцами на головахъ. У входа въ домъ, едва они переступаютъ порогъ двери, ихъ встрѣчаетъ оглушительный трескъ барабаннаго боя: въ дверяхъ поставленъ барабанщикъ для выбиванія дроби, такъ что даже генерала, шедшаго съ лентой черезъ плечо, передернуло; онъ не выдержалъ, и отъ неожиданности шарахнулся въ сторону.

Послѣ свадьбы обѣдъ. Кажется, здѣсь выведена хозяйка дома, встрѣчающая гостей соотвѣтственно ихъ положенію и чину. Столъ, уставленный яствами, передъ нимъ хозяйка. Входятъ наиболѣе уважаемые гости:

— Не уго-одно ли кому е-ежели? учтиво и кланяясь предлагаетъ хозяйка.

— Подходите... которые прочіе, едва бросаетъ она, черезъ нѣкоторое время, робко дожидающимся очереди остальнымъ гостямъ, принадлежащимъ вѣроятно къ безчисленному родству.

Цѣлая картина рисовалась и по поводу похоронъ въ томъ же захолустьѣ.

Вотъ рядъ нищихъ, ютящихся около дома; одинъ во фризовой шинели, другой въ длинномъ, истрепанномъ халатѣ, третій въ истасканномъ вицъ-мундирѣ...

Дворникъ весьма недоволенъ всей этой разношерстной толпой.

— Экой рвани-то, рвани-то что понаперло, пушкой не прошибешь!

На что ему отвѣчаютъ изъ толпы:

— Кормимся, почтенный, кормимся: ты думаешь, лестно ходить по Москвѣ-то...

Кучеръ, сидящій на козлахъ, ввертываетъ по этому поводу свое замѣчаніе:

— Безъ нихъ и кабаки бы не стояли.

Нищій огрызается, и происходитъ перебранка:

— Тебѣ, жирному чорту, хорошо тамъ сидѣть-то...

— Мнѣ чудесно. Лучше требовать нельзя.

— Ну, такъ и сиди, тебя не трогаютъ!

— Еще бы тронулъ. Я те такъ трону... Тпру! Балуй!..

Послѣднее уже относится къ лошади.

* * *

Дальнѣйшая судьба Семенушки неизвѣстна; она теряется въ разсказахъ Горбунова, соединяясь, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ обществомъ ему подобныхъ героевъ, членовъ „Общества прикосновенія къ чужой собственности", участниковъ обѣда на нижегородской ярмаркѣ въ честь американцевъ, любителей „Тенерифа" и арфистокъ.

Хорошъ былъ типъ такого любителя, мелькнувшій однажды у Ивана Ѳедоровича, выведенный въ Стрѣльнѣ, или гдѣ-то загородомъ. Онъ сильно разошелся, въ восторгѣ отъ исполненія хоромъ пѣсни, и только виднѣлась посреди цыганъ размахивающая руками фигура и слышались его пьяные крики:

— Дѣлай! дѣлай!

Семенушка съ товарищами представляетъ изъ себя не разъ отмѣченный литературой полупросвѣщенный слой русскаго купечества, вкусившій отъ прелестей цивилизаціи.

Онъ, вѣроятно, побывалъ и за границей, по крайней мѣрѣ одинъ изъ ему подобныхъ, будучи за границей, *бралъ уроки, какъ сидѣть по діагонали въ открытой коляскѣ...*

Было также упоминаніе, какъ одинъ купецъ „кружился" въ Парижѣ и въ Египтѣ „на Хеопса лазилъ".

Подъ конецъ жизни снова выплываетъ, очевидно, тотъ же Семенушка, котораго Горбуновъ проводилъ въ городскіе головы и неподражаемо передавалъ сцену обѣда въ его честь, рѣчи и отвѣтъ растроганнаго юбиляра, который тупо бормоталъ одно только:

— Я всегда... господа... Я всегда...

Ничего другого у него не выходило, да и собравшіеся чествовать своего уважаемаго большею частью были заняты угощеніемъ самихъ себя, такъ что не удивительно, что въ концѣ обѣда вмѣстѣ съ пьяными криками ура можно было услыхать голоса:

— Бей его!

* * *

Міръ московскаго купечества былъ одной изъ наиболѣе знакомыхъ областей Горбунову. Онъ любилъ разсказывать о немъ и оставилъ въ нѣсколькихъ печатныхъ разсказахъ безподобныя изображенія среды.

Вотъ, напримѣръ, обрывокъ, впрочемъ почти совершенно непередаваемаго изображенія Горбуновымъ разсказа городского головы о посѣщеніи Императоромъ Александромъ II его дома во время коронаціи.

Хозяинъ страшно взволнованъ, говоритъ быстро и начинаетъ объяснять вошедшимъ гостямъ, которые приходили его поздравить. Прерывающимся голосомъ онъ разсказываетъ все по порядку, какъ все было происходило.

— Невступно въ такомъ-то часу... всѣ собрались, красное сукно... Закричали: Ѣдутъ!..

Но едва разсказывавшій доходилъ до того мѣста, гдѣ онъ объяснялъ, какъ кто стоялъ и входилъ въ подробности, въ эту минуту появлялся новый гость, спѣшившій съ поздравленіями и хозяинъ кидался къ нему и начиналъ съ начала:

— Невступно въ такомъ-то часу... красное сукно... ѣдутъ. Вотъ такъ мы стояли, здѣсь я стоялъ, и онъ бѣжалъ указывать мѣсто, а затѣмъ опять все начиналось съизнова по случаю слѣдующаго прихода кого-нибудь изъ новыхъ гостей.

Въ печатныхъ разсказахъ Горбунова разбросано много мѣткихъ чертъ, рисующихъ бытъ купечества, которое, особенно въ прежніе годы, отличалось широкимъ размахомъ жизни.

Въ тѣ времена „въ ярмарку-то отъ самой Москвы вплоть до Нижняго стонъ стоялъ. Купецъ, бывало, всю душу выкладываетъ: на, говоритъ, смотри, какая она есть... Ѣдешь по дорогѣ — тамъ лошадь замучена, тамъ лошадь замучена — значитъ, купецъ дѣйствовалъ“...

Да и самыя особенности кутежей чрезвычайно любопытны; напримѣръ, однажды цѣлая компанія въ Кунавинѣ „пухъ изъ подушекъ на улицу выпущали... большое стеченіе публики было“, разсказываетъ одинъ трактирный служитель.

Въ другой разъ одинъ купецъ „два раза у себя въ палатѣ монахомъ облачался и бороду себѣ спалилъ“, а сибирякъ какой-то „въ трактирѣ, въ акваріи утонулъ — стерлядей хотѣлъ полюбопытствовать. Утромъ смотрятъ — торчатъ его ноги купеческія“...

Иногда, однако, эти дѣйства оканчивались поистинѣ трагически и въ Лебедяни, напримѣръ, разыгралась драма: купецъ бушевалъ въ трактирѣ—бутылкой прикончилъ, „долбанулъ“ цыганку Катю, ту, которая такъ удивительно пѣла „искры изъ глазъ сыпала“...

Иногда разсказывалось, что и самые кутежи происходили отъ трагическихъ причинъ. Таковъ, напримѣръ, разсказъ „Обидно“, монологъ купца, гдѣ-то въ загородномъ ресторанѣ, посреди хора цыганъ.

Хорошъ и самый пріѣздъ купца.

Морозъ крещенскій, никого не ждутъ, огни потушены, повара разошлись, цыгане спятъ...

Вдругъ вваливается шуба и раздается громкій окрикъ:

— Огня!

Лакей вскакиваетъ и подноситъ свѣчку. Купецъ уже пьянъ, у него въ глазахъ троится. Онъ цѣлится и не можетъ закурить.

— Въ которую? Тутъ три!

Лакей догадывается:

— Извольте въ среднюю, надежнѣе...

Купецъ сбрасываетъ шубу и требуетъ цыганъ.

Послѣ этого начинается самый разсказъ, вошедшій въ печать, какъ онъ претерпѣвалъ за любовь къ какой-то барышнѣ, высунувшейся изъ окна въ то время, какъ онъ шелъ довольно равнодушно по улицѣ и какъ съ этой минуты его обуяла страсть, „словно она кипяткомъ ошпарила“...

Тотчасъ онъ сталъ по три раза въ день ходить въ цырюльню—завиваться и завелъ знакомство. Все шло прекрасно и можно было ожидать благополучнаго конца сватовства, потому что приняли его отлично, и даже маменька приказала домъ въ голубую окрасить:

— Очення я, говоритъ, нѣжный цвѣтъ люблю...

Сомнѣнія въ успѣхѣ не было ни малѣйшаго.

— Что этой слякоти сродственниковъ повылѣзло — все на мой счетъ, продолжаетъ разсказчикъ.

— Жри! купецъ заплатитъ...

Но дѣло не выгорѣло: во время отлучки его въ Нижній, на ярмарку, оказалось, что невѣсту за повѣреннаго выдали.

И купецъ пошелъ чертить „двѣ недѣли безъ просыпу“...

Въ печатный разсказъ не вошло, но Горбуновъ вставлялъ отъ лица пострадавшаго:

— На фабрикѣ два дня орудовалъ... Изъ Москвы смотрѣть съѣзжались... Всѣ стекла выбилъ... за поминъ души тятеньки... Давно я эту мысль въ своей головѣ держалъ...

Должно быть, дѣйствительно кутежъ былъ сильный, потому что у него „отъ коньяку шею свело... два протокола составили... въ тюрьмѣ сидѣлъ за безобразіе... въ сѣромъ пальто ходилъ“.

И чтобы разсѣять тоску—одно только теперича и осталось, и онъ обращается къ хору:

— Фараоны, въ линію! Конокрады по мѣстамъ!

И самъ запѣваетъ пьянымъ, сквозь слезы, голосомъ:

Спрятался мѣсяцъ за ту-учку
Больше не хочетъ гулять...

Родственная по духу среда встрѣчала и американскихъ гостей прибывшихъ вмѣстѣ съ Фоксомъ на кораблѣ „Міантономо“.

Все угощеніе было устроено въ семи залахъ.

Одинъ купецъ помѣстился въ первой залѣ. Къ такимъ обѣдамъ онъ еще не привыкъ и потому смотритъ въ одну точку: „боится расплескаться“...

Его товарищъ сѣлъ въ седьмой залѣ, но у нихъ было „сродство душъ“, и они знали, когда слѣдуетъ подыматься.

Богатая закуска была подана на отдѣльныхъ столахъ. Въ ожиданіи прибытія почетныхъ гостей участники ходятъ вокругъ столовъ и облизываются, у нихъ текутъ слюни...

— Каковы объекты? обращается одинъ къ другому.

— Вотъ такъ ракъ! произноситъ третій, дѣлая стойку надъ омаромъ, какъ пойнтеръ въ болотѣ надъ бекасомъ.

— Эта закуска ба-альшой водки требуетъ, убѣжденно говоритъ еще кто-то.

Наконецъ, Фоксъ и остальные его товарищи прибыли.

— Кто говорить будетъ? спрашиваетъ одинъ купецъ сосѣда.

— Катковъ!

— Катковъ загне-е-тъ... Онъ этого дѣла такъ не оставитъ.

Наконецъ пришло съ нетерпѣніемъ ожидаемое время рѣчей.

Поднялся Фоксъ. Разомъ водворилась тишина...

Лакеи съ рябчиками застыли въ дверяхъ и соусъ закапалъ съ блюдъ на ихъ рукава...

Горбуновъ поразительно воспроизводилъ эти англійскіе звуки, и притомъ вовсе не зная англійскаго языка. Но передать эту рѣчь Фокса нѣтъ никакой возможности. Звуки ея были настолько чисто англійскіе, что не разъ ошибались даже англичане, издалека принимая ее за рѣчь соотечественника.

Въ началѣ ея слышалось: *Gentlemen...* Потомъ по временамъ долетали другія отдѣльныя слова: *America... Emperor of Russia... St.-Petersburg...*, но въ общемъ это былъ сплошной англійскій гулъ. Посреди рѣчи былъ перерывъ и какъ-то особенно выдѣлялся какой-то звукъ „*antwashen*“..., который вѣроятно означалъ: *and Washington...* Иногда казалось, что слышишь даже что-то въ родѣ *Daily News* и *Soda water...*

Потомъ капитанъ корабля, всклоченный, съ прядью нависшихъ на лобъ волосъ, яростно прокричалъ пьянымъ голосомъ свое привѣтствіе, напоминавшее отрывистый лай собаки...

Когда рѣчи на минуту стихли, купецъ толкнулъ сосѣда, давно уже порывавшагося внести и свой ораторскій вкладъ, со словами:

— Миша, говори!

— Милост... Милостив..., рванулся Миша.

Но съ другой стороны кто-то дернулъ его за фалды:

— Что ты, Миша!

Но онъ нетерпѣливо отдергивается отъ непрошеннаго укротителя и снова хочетъ привлечь всеобщее вниманіе:

— Милостивые госуд...

Но неотвязчивый сосѣдъ снова хватаетъ его за платье съ укоризненными словами:

— Миша, срамъ, что Европа скажетъ!..

— Поди ты къ чорту съ Европай, огрызается упрямый ораторъ и, наконецъ, привлекаетъ вниманіе, поднявшись съ полнымъ бокаломъ въ рукѣ:

— Милостивые государи! Господа американе!

Затѣмъ идетъ рѣчь:

— Какъ ежели... мы таперича... друзья... Экономически... политически... Основаніе... Хлопчато-бумажная... пром-мышленность... Алексѣй Иванычъ... Х-х-лудовъ и прочіе...

И вдругъ:

— Ежели... Его Императорскому Величеству... мостъ въ Америку-у... апосля-завтра готовъ... буди-итъ...

И съ этими словами Миша лѣзетъ цѣловаться чуть ли не съ самимъ Фоксомъ.

Закричали ура...

Купецъ, заснувшій послѣ „большой водки“ въ седьмой залѣ и проспавшій тамъ весь обѣдъ, проснулся отъ шума, съ глазами какъ у варенаго окуня...

Онъ срывается съ мѣста и зычнымъ голосомъ выпаливаетъ:

— За здо-ро-вье Пре-ос-вя-щен-наго!!!

Описанный пріѣздъ американскихъ гостей породилъ цѣлую серію угощеній, имѣвшихъ неисчислимыя послѣдствія. Американцевъ возили повсюду, показывали достопримѣчательности древней столицы. Слѣды этихъ посѣщеній видны, напримѣръ, изъ слѣдующей сцены между двумя пріятелями:

— Ваничка, что это у тебя глазокъ?

— Вчерашняго числа съ американцами въ Соболевомъ ошибся!

Американцевъ возили и въ Нижній.

Особенное вниманіе обратилъ на себя боцманъ, оказавшійся человѣкомъ необыкновенной силы по части вина. Его всячески пробовали уложить, но это никакъ не удавалось ни въ одномъ городѣ. Все купечество пришло въ движеніе... Но вотъ, наконецъ получается телеграмма изъ Нижняго отъ одного изъ участниковъ: „Вчера его на зеленомъ шартрезѣ положилъ. Гриша“.

Было продолженіе этого разсказа, именно прогулка по Волгѣ, гдѣ выводились боцманъ и машинисты и ихъ похожденія.

Времяпрепровожденіе людей, принадлежащихъ къ только-что упомянутому обществу, нигдѣ, кажется, такъ хорошо не отразилось, какъ въ разсказѣ „Тенерифъ“, который художникъ влагаетъ въ уста одного изъ участниковъ загородной прогулки.

— Зашли мы это разъ за Москва-рѣку въ трактиръ. Иванъ Семеновъ взялъ прейсъ-курантъ, читаетъ:

„Давно желанное сліяніе интеллигенціи съ капиталомъ въ настоящее время, уже, совершается:

Интеллигенція идетъ на встрѣчу къ капиталлу; капиталъ, въ свою очередь, не остается чуждъ взаимности.

Въ этихъ видахъ наша фирма настоящаго русскаго шампанскаго и прочихъ виноградныхъ винъ, къ предстоящей масляницѣ изготовила новую марку шампанскаго, не бывалую еще въ продажѣ, отличающуюся своею стойкостью и некторальнымъ вкусомъ:

Москворѣцкій монополь. № 1 — игристый.

№ 2 — самый игристый, пробка съ пружиной, при откупориваніи просятъ остерегаться взрыву.

№ 3 „Пли!“—свадебное.

Нижегородскій монополь съ краснымъ отливомъ. Высокій.

Въ нашемъ же складѣ продаются слѣдующія иностранныя вина:

Борисоглѣбская мадера съ утвержденнымъ этикетомъ.

Хересъ Кашинскій, Аликантъ, старый, братьевъ Зміевыхъ, въ кувшинахъ.

Ромъ ямайскій, тройной, жестокой.

Тенерифъ купца Зайцева“...

Вотъ мы на Тенерифъ-то и приналегли... И такъ это, братецъ ты мой, лики свои растушевали, такіе на нихъ колера навели, что Иванъ Семеновъ всталъ и говоритъ:

— Долженъ я константировать, что по этому пресъ-куранту пить намъ больше никакъ невозможно, а должно искать другого убѣжища. А самъ плачетъ...

Мы испугались, а приказчикъ:

— Не сумлѣвайтесь, говоритъ, это отъ Тенерифу, эту марку немногіе выдерживаютъ, потому онъ въ чуство вгоняетъ человѣка...

Вышли мы, тройку взяли, да и взвились поперекъ всей Москвы...

По сторонамъ народъ такъ и мечется, городовые свистятъ, околоточные озираются...

А Иванъ Семеновъ плачетъ навзрыдъ... Вали, говоритъ, прямо къ мировому, потому все одно завтра силой потащутъ...

Пріѣхали въ Стрѣльну... и сдѣлали тамъ вѣрно что-нибудь не хорошее. Не помню, что дальше было, помню только какъ въ туманѣ... шумъ былъ. Арфистка плакала... Околоточный протоколъ составлялъ...

И точно. Не прошло недѣли—повѣстка. Пожалуйте!

Мировой, солидный чело-э-къ, сѣдой наружности... Господа, говоритъ, стрѣленскіе, пожалуйте къ столу, разскажите, какъ дѣло было, все по порядку.

Публика, срамъ!

— Не могу, говорю, ваше степенство, разсказывать, потому въ пьяномъ восторгѣ находился, да и разсказывать нѣтъ никакой пріятности.

Сталъ свидѣтелей спрашивать.

— Швейцаръ! разскажите все, какъ было.

Тотъ сейчасъ на Иванъ Семенова показываетъ „они, говоритъ, то сдѣлали, что при публикѣ сказать невозможно, а мнѣ, говоритъ, ухо укусили“.

— Правда это? спрашиваетъ меня.

— Правда, говорю, ваше степенство. Потому это отъ „Тенерифу“.

— А почему, спрашиваетъ, вы этотъ „Тенерифъ“ пьете?

— А почему, говорю ваше степенство, начальство этотъ „Тенерифъ“ въ продажу допущаетъ? Потому отъ его не токмà что ухо укусить, а и человѣка вовсе загрызть можно...

Потомъ писать началъ. Писалъ, писалъ; потомъ:

— Прошу, говоритъ, встать...

Всѣ встали.

— По Указу Его и проч...

Да на двѣ недѣли и посадилъ!

— Ну а ежели, говорю, ваше степенство, у меня двѣ медали?

Товарищъ вставляетъ:

— Онъ съ ними и въ баню ходитъ.

— Жалко, что вы мнѣ раньше не сказали: я бы васъ на мѣсяцъ посадилъ.

— Что значитъ „Тенерифъ!" Изъ-за пустого дѣла и какой срамъ вышелъ.

Въ одной мимолетной сценкѣ изобразилъ Горбуновъ другой случай изъ жизни московскяхъ шалуновъ.

Двое молодыхъ людей возвращаются домой уже подъ утро, но пылъ у нихъ еще не унялся и имъ хочется предпринять еще что-нибудь. Фантазія разыгрывается и они задумываютъ выпить шоколаду. Но гдѣ достать въ такой часъ, когда все заперто? Они рѣшаются все-таки направиться въ ресторанъ, думая, что еще открыто. Останавливаются и сходятъ, но ихъ встрѣчаетъ заспанная фигура швейцара, который объявляетъ имъ, что ресторанъ давно запертъ.

Друзей однако не такъ-то легко унять, и одинъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ, не обращая вниманія на швейцара предлагаетъ, плохо выговаривая по-французски:

— Michel! allons en haut...

Но ихъ тамъ встрѣчаетъ кто-то очень не гостепріимно и спускаетъ внизъ по лѣстницѣ... И Мишель, въ крылаткѣ, затрепыхался по ступенямъ...

По другому варіанту, подобная сцена друхъ пріятелей происходила въ Петербургѣ, на лѣстницѣ ресторана Палкина.

Въ поэтическомъ разсказѣ „Кинареичка" также схвачены черты изъ жизни гулящихъ людей.

Въ изустной передачѣ разсказъ производилъ художественное впечатлѣніе, въ виду того особенно, что стихи о кинареичкѣ пѣлись и живо переносили слушателей къ открытому окну, изъ котораго неслись эти слова и звуки.

Но вотъ самый разсказъ.

Улица...

У палисадника остановился человѣкъ, погруженный въ меланхолію отъ произведеннаго недавно имъ скандала и слушаетъ, а въ окнѣ деревяннаго дома поетъ дѣвушка, сильно картавя:

А-а-ди-нокъ сто-итъ
До-микъ куо-шеч-ка,
Онъ на всѣхъ ги-дитъ
Въ три-и око-шеч-ка.

— Чудесно!.. вырывается у остановившагося.

Голосъ продолжаетъ:

На одномъ изъ нихъ
За-навѣ-сочка,
А за ней ви-ситъ
Съ пти-и-и-чкой кьѣ-то-чка...

— Опера!

— Что, Гаврюшенька! мечтаешь? обращается въ эту минуту встрѣчный пріятель, чуть ли не самъ Аполлонъ Григорьевъ, къ замѣчтавшемуся.

— Да вотъ заслушался... Опять къ мировому...

— Опять?!

— Опять!

— Уголовный?

— А чортъ его знаетъ! Подъ какой подведетъ...

А дѣвица продолжаетъ свою пѣсню:

Чья-то рручка тамъ
Держитъ ли-и-чку-у
Знать водой паитъ
Ки-наре-ичку...

— Да какъ дѣло-то было?

— Да зашли мы это съ приказчикомъ, съ Иваномъ Семеновымъ, въ Зоологическій садъ, все обошли честь-честью, какъ полагается...

Облизьянамъ по яблочку пожертвовали... Иванъ Семеновъ льва подразнилъ... Слона погладили...

Дама благотворительную лотарею разыгрываетъ...

— Давай, говоритъ, Иванъ Семеновъ, на наше счастье кинемъ: можетъ, что и выиграемъ...

Семь серебра прокидали: резинчатую калошу выиграли...

— Зайдемъ, говоритъ, въ погребокъ, разгонную бутылочку выпьемъ.

Зашли...

— А тамъ приказчикъ,—у насъ, говоритъ, хозяинъ фундамѐнтъ перекладалъ, такъ три бутылки нашли, въ стѣнѣ заложены; должно, говоритъ, восемьдесятъ годовъ лежали... Вино дивное! Словно бы, говоритъ, на манеръ Амонтилады, только по эфектнѣе, подушистѣе. Такъ не прикажети ли?

— Давай, говоримъ.

Приноситъ бутылку — вся въ грязи...

— Извольте, говоритъ, видѣть, въ какомъ она положеніи.

— Тащи!

Только откупорилъ, вдругъ оттедова живая муха такъ и дрыгаетъ...

Иванъ Семеновъ вскочилъ...

— Ты, говоритъ, честной народъ обманывать?

— Помилуйте, говоритъ, фундамѐнтъ перекладали... восемьдесятъ годовъ...

— А муха?

— А муха, говоритъ, ничего... потому она въ спирту живетъ.

— Ну, натурально: хлясь!

Шумъ, крикъ, свистокъ, околоточный...

Протоколъ составили...

Бутылку взяли, насъ записали...

Муху къ дѣлу припечатали...

— Ну, какъ же дѣло теперь?

— Адвокатъ говоритъ, коли ежели, на ваше счастье, муху утеряютъ, такъ оправдаютъ...

А гуазокъ, гуазокъ
Ни-забу-дочка
Для нео-пытныхъ
Зуа-а-я у-у-дочка.

— Да не пой ты, не терзай мою душу!

Его оправдали...

II.

Въ обоихъ разсказахъ предыдущей главы слегка затронутъ судъ, но кромѣ нихъ у Горбунова былъ еще цѣлый рядъ разсказовъ изъ судебнаго міра, изъ которыхъ многіе нигдѣ не записаны. Живые образы обвиняемыхъ, судей, адвокатовъ, свидѣтелей и другихъ лицъ ярко въ нихъ запечатлѣны.

Образцомъ ихъ можетъ служить разсказъ о брюкахъ украденныхъ съ плеча у торговца старымъ платьемъ.

Разборъ дѣла происходитъ въ залѣ петербургскаго окружнаго суда.

Засѣданіе открыто.

Предсѣдатель:

— Господинъ секретарь, прочтите обвинительный актъ!

Секретарь читаетъ скороговоркой, глотая слова:

— Тысяча восемьсотъ... мѣсяца... числа... на одной изъ деревянныхъ галлерей Александровскаго рынка... обвиняемый... похитилъ у торговца старымъ платьемъ, потерпѣвшаго Кондратія Ильина... съ плеча продаваемый имъ товаръ—брюки... и, похитивъ, бросился бѣжать... но былъ задержанъ... городовой бляха № 784... представилъ въ участокъ.

— Обвиняемый, признаете ли себя виновнымъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Садитесь. Введите свидѣтелей.

— Свидѣтельница Дарья Гаврилова, изложите все, что вы знаете по этому дѣлу.

— Никогда я, батюшка, по этимъ мѣстамъ не хаживала... Только мы съ плюмянникомъ товаръ разложили, слышимъ: „держи, держи!“ больше ничего я не знаю...

— Вы хорошенько посмотрите, это ли лицо, похитившее брюки, или, можетъ быть, другое?

— А кто-жъ его узнаетъ, батюшка: по галдареѣ ходитъ народъ все образованный, гдѣ-жъ намъ ихъ узнать.

— Такъ, значитъ, вы ничего не можете сказать?

— Ничего, батюшка... По галдареѣ народъ ходитъ все образованный...

— Больше ничего не имѣете сказать?

— Да вотъ еще: у насъ изъ участка ходятъ, брюки обираютъ, я плюмянниковы и отдала.

— Хорошо, садитесь! Потерпѣвшій, Кондратій Ильинъ, этотъ ли человѣкъ похитилъ у васъ продаваемый вами товаръ, брюки?

— А кто-жъ его знаетъ, ваше благородіе... вотъ товаръ, — указываетъ на лѣвое плечо, — значитъ, весь на плечѣ... Это, какъ дерганётъ, значитъ... какъ вдарится по галдареѣ...

— Да вы вглядитесь, онъ?

— Кто-жъ его, ваше высокоблагородіе, узнаетъ, вѣдь вотъ товаръ-то ...значитъ, какъ дерганётъ...

— Не онъ?

— Кто-жъ его узнаетъ, какъ дерганётъ...

— Садитесь! Городовой бляха номеръ 784, этотъ ли человѣкъ похитилъ у Кондратія Ильина брюки?

— Не могу знать, ваше благородіе. Потому мы стоимъ собственно какъ для безпорядку... Я какъ только смѣнился... крикнули: „держи, держи!“ Я сейчасъ и задержалъ и предоставилъ въ участокъ.

— Его?

— Не могу знать, ваше благородіе, потому я какъ только смѣнился.

Защитникъ:

— А не было ли какого поврежденія?

— Не могу знать, ваше благородіе... Это онъ, значитъ, упирался; такъ, можетъ, какъ въ участокъ вели, не было ли тутъ помятія какого...

Предсѣдатель:

— Онъ?

— Не могу знать, ваше благородіе, потому я какъ только смѣнился...

— Садитесь!

Защитникъ:

— Я желалъ бы еще разъ допросить свидѣтельницу Дарью Гаврилову.

Обращаясь къ ней, съ разстановкой:

— Свидѣтельница Дарья Гаврилова! Скажите пожалуйста, вы башмаками торгуете?

— Башмакамъ, миленькай, башмакамъ.

Предсѣдатель, къ защитнику:

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Садитесь!

Свидѣтели опрошены. Слѣдуетъ обвинительная рѣчь.

— Господа присяжные засѣдатели! Въ данномъ случаѣ миссія моя не сложна. По мѣткому выраженію свидѣтельницы Дарьи Гавриловой, по галлереѣ Александровскаго рынка ходитъ народъ все образованный... Такъ вотъ-съ, одинъ изъ этихъ „образованныхъ“ людей похитилъ у торговца старымъ платьемъ, потерпѣвшаго Кондратія Ильина, продаваемый имъ товаръ брюки и, похитивъ, бросился бѣжать... но былъ задержанъ и т. д. А потому, на основаніи статьи... и примѣчанія къ статьѣ...

Рѣчь защитника:

— Мы укрылись въ крѣпкую цитадель, куда не долетаютъ выстрѣлы господина прокурора: они лопаются у ея стѣнъ и не причиняютъ намъ ни малѣйшаго вреда... Мы обвиняемся въ томъ, что похитили съ плеча брюки у торговца старымъ платьемъ Кондратія Ильина. Но гдѣ же, мм. гг., эти брюки? Ихъ нѣтъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ... Великая Екатерина сказала: лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго, а потому я полагаю...

Присяжные удаляются въ совѣщательную комнату. Старшина опрашиваетъ мнѣнія.

— Вамъ что угодно сказать?

— Нѣтъ, не виновенъ.

— Вамъ что угодно?

— По-моему, не виновенъ.

— Вамъ?

— Извините я въ первый разъ...

— Вамъ что угодно?

— По-моему, виновенъ: сейчасъ, къ примѣру, пять часовъ, мы его выпустимъ, а въ восемь часовъ онъ на чердакъ за бѣльемъ полѣзетъ...

— Судъ идетъ, прошу встать!

Всѣ встали.

Присяжные выносятъ оправдательный приговоръ.

Предсѣдатель, распахивая сюртукъ и отдуваясь, обращается къ обвиняемому:

— Вы свободны, можете идти!

Тотъ низко кланяется и молча садится на свое мѣсто.

Адвокатъ съ радостнымъ лицомъ:

— Вы свободны!

Поклонъ.

Молчаніе...

Жандармъ, вкладывая со свистомъ саблю въ ножны, басомъ:

— Свободенъ... ступай!

Глубокій поклонъ.

Молчаніе...

За рѣшеткой два купца разговариваютъ:

— Что же онъ не идетъ? Его оправдали...

— Да онъ и не пойде-е-тъ.

— А что?

— Да ему аттедова таперь уйтить нельзя... Его аттедова таперь клещами не вытащишь. Онъ таперь до утра просидитъ... Вотъ хозяинъ ходитъ, дожидается... Потому онъ сейчасъ въ евоновыхъ брюкахъ и сидитъ...

Въ разсказѣ „Политическій процессъ“, также затрогивающемъ судъ, изображаются мытарства нѣкоего мѣщанина, привлеченнаго по весьма серьезному дѣлу. Разсказъ начинается въ Аккерманѣ. Толпа рабочихъ вколачиваетъ сваи и поетъ. Тутъ же стоитъ какой-то встрепанный человѣкъ съ рѣденькой бородкой, оборванный и тоже дергаетъ съ прочими за веревку.

Проходитъ начальство:

— Ты что за человѣкъ?

— Сваи бьемъ-съ.

— Паспортъ!

. . . . .

— Квартира гдѣ?

— Т... тамъ...

Его забираютъ и отправляютъ въ Астрахань. Изъ Астрахани еще куда-то. Возятъ его по всѣмъ городамъ, вездѣ онъ болѣетъ, но такое даровое содержаніе ему очень пріятно и онъ передъ самымъ отпускомъ рѣшается продлить его.

Онъ неожиданно объявляетъ:

— Я поли*с*тическій...

Судебный слѣдователь, новой формаціи, поспѣшно подставляетъ стулъ:

— Садитесь!

Въ виду такого оборота дѣла Конъ Никоновъ попадаетъ въ Петербургъ и требуетъ прокурора.

Прокуроръ, молодой человѣкъ изъ правовѣдовъ, является съ портфелемъ подъ мышкой. Конъ Никоновъ не вѣритъ и думаетъ, что это „сынъ прокурора“.

Съ таинственнымъ мѣщаниномъ начинаютъ обходиться весьма внимательно, стараясь узнать что-нибудь, но ничего добиться отъ него не возможно.

Посылаютъ въ камеру священника. Онъ приходитъ, надѣваетъ эпитрахиль, при чемъ Горбуновъ поразительно дѣлалъ этотъ жестъ, долго сидитъ съ глазу-на-глазъ.

При выходѣ изъ дверей къ нему кидаются:

— Ну, что̀, батюшка?

Священникъ отвѣчаетъ:

— Птица! Держи да держи, а то и одинъ хвостъ въ рукахъ останется... Это сфинскъ какой-то...

На вопросъ, что же онъ говорилъ, отнѣкивается:

— Не м*о*гу, не м*о*гу...

Наконецъ, выяснилось, что это вовсе не астраханскій мѣщанинъ, а кронштадтскій мѣщанинъ, и не политическій преступникъ, а свидѣтель по преступленію. Тѣмъ не менѣе его показанія должны были быть очень существенными и едва ли не рѣшающими, ибо дѣло не разъ откладывалость вслѣдствіе его неявки.

Наконецъ, засѣданіе назначено.

Предсѣдатель:

— Господинъ секретарь, прочитайте обвинительный актъ!

Секретарь читаетъ:

— Тысяча восемьсотъ... обвиняемые студентъ Башмаковъ и дѣвица Скворцова...

Предсѣдатель:

— Подсудимый, студентъ технологическихъ наукъ Башмаковъ! Признаете-ли себя виновнымъ въ томъ, что 30 Февраля сего года вы разговаривали въ Александровскомъ скверѣ съ нераскрытымъ слѣдствіемъ лицомъ о предметахъ суду неизвѣстныхъ?

Башмаковъ мрачно, отряхивая прядь длинныхъ волосъ:

— Нѣтъ, не признаю. Я вообще протестую.

Предсѣдатель:

— Садитесь!

Торжественно:

— Подсудимая дѣвица Скворцова! Признаете-ли вы себя виновною въ томъ, что когда Башмаковъ разговаривалъ въ Александровскомъ скверѣ о предметахъ суду неизвѣстныхъ, вы покупали себѣ на углу Гороховой и Адмиралтейской площади, башмаки?

Дѣвица Скворцова, срываясь съ мѣста:

— Въ фактѣ—да!

Варіантъ:

— Да, признаю. Но я была въ состояніи аффекта...

Предсѣдатель, торжественно и любезно:

— Садитесь! Введите свидѣтелей.

Входятъ свидѣтели. Предсѣдатель, обращаясь къ священнику:

— Святой отецъ, благоволите привести свидѣтелей къ присягѣ, сдѣлавъ соотвѣтственное внушеніе о ея святости.

Священникъ, говорящій на *о* съ разстоновкой и неожиданными повышеніями голоса:

— Господа свидѣтели! Совѣтую вамъ говорить лишь истину, потому... какъ... вообще не надо забывать, что не токмо законъ гражданскій, но даже и Господь нашъ Іисусъ Христосъ строго наказуетъ за ложное показаніе...

Свидѣтели присягаютъ каждый по своему.

Дворникъ крестится широкимъ крестомъ.

Молодой франтъ снисходительно улыбается и цѣлуетъ евангеліе, болтая пальцами.

Городовой бляха № 5548 смотритъ все время на предсѣдателя въ упоръ, даже когда прикладывается, а потому едва не попадаетъ мимо.

Свидѣтели мнутся съ ноги на ногу. Предсѣдатель, обращаясь къ судебному приставу:

— Удалите свидѣтелей! Останется одинъ Конъ Никоновъ.

Въ виду важности его показаній всѣ обращаются въ слухъ.

Предсѣдатель:

— Господинъ Никоновъ, изложите суду въ краткомъ и сжатомъ разсказѣ все, что вы знаете по настоящему дѣлу! Помните, что вы должны говорить одну только правду. Или, можетъ быть, вы предпочитаете быть подвергнуты перекрестному допросу?

Конъ Никоновъ обводитъ сидящихъ передъ нимъ мутными глазами, дѣлаетъ какія-то неопредѣленныя движенія и... молчитъ.

Предсѣдатель повторяетъ свой вопросъ.

Напряженіе общаго вниманія усиливается.

Конъ Никоновъ молчитъ.

Предсѣдатель снова повторяетъ вопросъ уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

Всѣ обращаются въ слухъ.

Онъ снова молчитъ.

Наконецъ вдругъ:

— Ваше сіятельство!! Я человѣкъ пьяный...

Горбуновъ весьма близко изучилъ суды и судебные нравы.

Были у него выведены чуть не-ли въ этомъ же разсказѣ два типа судебныхъ слѣдователей, старой и новой формаціи. Были типы прокуроровъ. Былъ споръ судей о статьяхъ во время засѣданія.

Общественная жизнь привлекала вниманіе Горбунова и въ другихъ сторонахъ своихъ. Нравы „Общества прикосновенія къ чужой собственности“, споры членовъ его о „вдовьихъ и сиротскихъ слезахъ“, о „реальной почвѣ“ и „области поэзіи“ памятны всѣмъ слышавшимъ этотъ разсказъ.

Вотъ еще небольшая сцена.

Въ городской думѣ баллотируется вопросъ, какую поднести икону по какому-то торжественному случаю.

Гласные спорятъ, предлагая каждый свое. Были кажется и противъ всякаго подношенія. Наконецъ вопросъ рѣшается голосованіемъ. Въ сосѣдней залѣ съ любопытствомъ осаждаютъ выходящаго изъ дверей засѣданія гласнаго:

— Ну что?

— Владычицу забаллотировали, а Мирликійскій прошелъ тремя голосами.

Вспоминаю разсказъ „Земское собраніе“, на засѣданіи котораго обсуждается вопросъ о прибавкѣ жалованья уѣздной полиціи и привожу его, какъ онъ запомнился.

Предсѣдатель ставитъ на очередь слѣдующій вопросъ:

— О прибавкѣ... становымъ приставамъ жалованья въ размѣрѣ не свыше двадцати пяти рублей. Имѣетъ ли кто возразить?

Крупный землевладѣлецъ небрежно:

— Это по той же прерогативѣ, какъ въ Казани?

— Да, по той же.

— Я согласенъ.

Гласный изъ купцовъ:

— Что-жъ... ежели дѣйствительно имъ въ томъ надобность, то можно безъ сумленія, потому при нашемъ капиталѣ это дѣло возможное...

Священникъ, съ выговоромъ на *о*, не разслышавъ что обсуждается:

— О чемъ рѣчь?

— О прибавкѣ.

— Кому?

— Становымъ приставамъ.

— Позвольте, господинъ предсѣдатель, въ такомъ случаѣ и мнѣ отрыгнуть слово... По моему мнѣнію цѣлесообразнѣе озаботиться улучшеніемъ быта духовенства. Благовременно полагаю возбудить вопросъ... Діаконъ... одиннадцать душъ дѣтей... женскаго пола... свояченица... уповательно...

Предсѣдатель, перебивая:

— Да вѣдь это... не относится къ настоящему дѣлу...

Въ эту минуту кто-то входитъ.

Слышно:

— Ваше превосходительство, пожалуйте...

Предсѣдатель продолжаетъ:

— Вопросъ идетъ о прибавкѣ становымъ приставамъ жалованья въ размѣрѣ не свыше двадцати пяти рублей.

— То-есть позвольте, господинъ предсѣдатель, какъ же не относится: одиннадцать душъ дѣтей... женска-о пола... достойнѣйшій...

— Все-таки не относится.

— Прошу занести въ протоколъ. Я своевременно обращусь.

Секретарь подходитъ къ предсѣдателю и шепчетъ ему что-то. Тотъ нетерпѣливо отвѣчаетъ:

— Да, знаю, знаю...

Предсѣдатель, обращаясь къ одному изъ гласныхъ:

— Что вы хотѣли сказать?

Тотъ:

— Я... ничего...

Потомъ еще кто-то говоритъ. Слышны только отрывочные звуки:

— Ихъ превосходительство... Лявонтій Борисычъ...

Потомъ неожиданно раздается мнѣніе одного изъ гласныхъ, перебивающаго ходъ преній:

— Намъ школъ не надо...

Гласный изъ Петербурга, брезгливо осматриваясь и играя цѣпочкой часовъ, говоритъ, съ особенными подергиваніями рта:

— Милостивые Государи! Я поуа-а-гаю... по моему мнѣ-ѣ-нію... господинъ становой приставъ, какъ иддиви-и-дуумъ, какъ полицейская еди-ни-и-ца... Я поуагаю... по моему мнѣнію... какъ индивидуумъ...

Одинъ изъ гласныхъ перебиваетъ:

— Да что вы заладили одно и то же! Ассигновать или отказать?

— Господинъ предсѣдатель! Я просилъ бы пригласить... э-э-э... не перебивать теченіе моихъ мыслей и нап-о-о-мнить господамъ гласнымъ свои обязанности... Я продолжа-а-ю... Я говорю... Господинъ становой приставъ, какъ инвидуумъ... какъ полицейская едини-ица... Наконецъ, эта сумма... по своей кол-л-и-и-чественности... такъ ничто-о-о-ожна, такъ можно сказать ми-ни-мальна, что врядъ ли кто-нибудь изъ господъ становыхъ приставовъ... эту ничтожную сумму и возьме-е-етъ?..

Гласный отъ крестьянъ:

— Батюшка!! Становой? Становой возьметъ... Становой все возьметъ!

Земское собраніе не разъ привлекало вниманіе Горбунова. Было изображеніе другого засѣданія, гдѣ предсѣдатель постоянно обрывалъ одного гласнаго, который все время возвращался къ одной фразѣ:

— Правительство должно идти на встрѣчу общества!

Предсѣдатель:

— Иванъ Ивановичъ, напоминаю вамъ.

Тотъ не унимается:

— Правительство должно идти.

— Иванъ Ивановичъ, лишаю, васъ слова.

Въ другой разъ предсѣдатель обращается къ одному изъ крестьянъ:

— Агаповъ?

— Агаповъ, батюшка, Агаповъ! Три дня не ѣлъ, Агаповъ...

Сцена въ вагонѣ III-го класса. Въ вагонъ набилось множество простого народа. Входитъ дама, въ сопровожденіи носильщика съ багажемъ. Невольно втянувъ воздухъ, вдругъ стремительно поворачивается назадъ, зажимаетъ носъ платкомъ и говоритъ носильщику:

— Неси вещи. Не сюды... не сюды...

Варіантъ съ жеманной интонаціей въ голосѣ:

— И когда это народъ русскій станетъ образованнѣе?

Входитъ протодіаконъ съ подушкой и чайникомъ... Отыскиваетъ себѣ мѣсто и медленно садится. Черезъ нѣсколько секундъ басомъ:

— Однако!

Купецъ въ чуйкѣ садится на свободное мѣсто, добродушно посмѣивается и обращается къ мужикамъ:

— Ну, братцы, и начадили же вы!

Вотъ нѣсколько сценъ изъ крестьянскаго быта.

Пріемъ у врача. Является мельникъ. У него ломота въ поясницѣ. Онъ надорвался, подымая тяжесть.

— Хозяинъ приказываетъ: ребята, подымайте жорновъ... Охъ!.. схватывается онъ за поясницу.

Кромѣ того у него сердце чешется...

— Хозяинъ говоритъ ребята подымайте жорновъ Охъ!.. Онъ снова хватается за поясницу.

Докторъ:

— Вотъ тебѣ трава. Ты ее вскипяти, перелей въ бутылку, да и пей!

— Траву?

— Да, траву. Только смотри, чтобы въ бутылкѣ чего не было посторонняго, купороснаго масла, или дряни какой тамъ. Понялъ?

— Понялъ.

Черезъ нѣсколько часовъ мельникъ приходитъ совершенно пьяный и справляется, въ какую бутылку перелить вскипяченную траву.

— Съ купороснымъ масломъ, али безъ него?

Приходитъ старуха.

— Что у тебя болитъ?

Женщина всхлипываетъ:

— Мястами, батюшка, мястами... Гдѣ болитъ, гдѣ подживаетъ... Всѣмъ невредима, батюшка. У меня, такъ будемъ говорить, утинъ стоитъ... Онъ не бьетъ тебя, не ломаетъ, а такъ стоитъ...

Приносятъ младенца. Женщина, которая его принесла:

— Очень онъ плохъ. Ужъ мы его и такъ и этакъ пробовали. И золой поили и яичко давали съ толченымъ кирпичикомъ, солдатъ приказывалъ...

Пробуетъ свои силы по части лѣченія народа и жена врача. Она занимается гомеопатіей.

Быку она давала „Аписъ“.

Приходитъ кучеръ.

Она картавитъ:

— У тебя лихор-радка?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Нѣтъ, это ты нарочно, у тебя навѣрное лихор-р-адка... Вотъ тебѣ пузыречекъ... аррсеникумъ... тридцатое дѣленіе...

На другой день оказывается, что кучеръ проглотилъ все ему данное и дама въ ужасѣ кидается къ мужу:

— Ахъ, Боже мой! Michel! Онъ отравился!

III.

Поэтичный разсказъ „Лѣсъ“, особенно нравился, по словамъ самого Горбунова, Тургеневу. Онъ разсказывался съ необыкновенной любовью и производилъ чарующее впечатлѣніе.

— Лѣсъ, Лѣсъ... разскажите „Лѣсъ“, часто обращались къ Горбунову слушатели его и онъ, какъ волшебникъ, приковывая всеобщее вниманіе, вдругъ переносилъ воображеніе на лѣсную луговину къ горящему костру и ясно чудилась ночная тьма, и вспыхивающій огонь, и взлетающія кверху искры, и виднѣлись около огня люди, занятые подкладываніемъ хвороста, и слышалась ихъ тихая бесѣда:

— Ночь-то какая!.. Тихо!..

— Тихо!..

— Время чудесное!.. Эко, братцы, это лѣсъ!.. Чего въ ёмъ нѣту: и трава всякая, и птица разная!

— Божье произволенье!..

— И кладъ, ежели когда попадется—все въ лѣсу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладомъ.

Станетъ копать—все уходитъ; пойдетъ домой—опять покажется. Такъ и не дался.

— Брать, значитъ, не умѣла!..

Наступаетъ молчаніе.

— Соловьи-то пѣть перестали. Оченно я люблю, коли ежели когда соловей поетъ.

— Синица лучше.

— Гдѣ-жъ синицѣ!.. Синицѣ супротивъ соловья не сдѣлать.

— Сдѣ-ѣ-латъ...

— Невозможно!.. Да ты соловьевъ-то слыхалъ-ли?

— Гдѣ слыхать! У насъ ихъ на мельницѣ тьма тьмущая, и домики такіе для нихъ понадѣланы.

— Это скворцы!..

— То бишь скворцы... Все одно, и скворцы поютъ.

— Соловей, ежели теперича, когда пѣть ему, онъ сейчасъ. фіу, фіу...

Въ эту минуту вдали раздается свистъ.

— Чего свистишь-то! обращается другой, прислушиваясь къ звукамъ, раздавшимся изъ лѣсу.

— А что?

— Погоди!.. молчи!.. останавливаетъ онъ и всѣ внимательно прислушиваются.

Свистъ раздается снова.

Всѣ молчатъ. Чувствуется что-то неладное. Всѣмъ не по себѣ, видимо вструхнули.

— Разгуляться вышелъ, таинственно заявляетъ тотъ, который видѣлъ соловьевъ въ скворешникахъ.

— Кто?

— Кто? Извѣстно кто...

— Теперича, ежели табунъ гдѣ близко, весь табунъ угонитъ.

— Ничего, стороной пройдетъ.

— Да что вы, черти, это сычъ!

— Похожа!

— А то нѣтъ... Эхъ вы!..

— Коли свиститъ—ничего, а иной разъ ровно малое дитя плачетъ... какъ есть ребенокъ.

— У насъ лѣтось подъ самый Успленьевъ день весь табунъ угналъ.

— Ну,ври подъ пятницу-то!

Къ сидящимъ у огня подходитъ лѣсникъ. Его тотчасъ встрѣчаютъ извѣстіемъ:

— Самъ сейчасъ откликался.

Съ подошедшимъ завязывается разговоръ о грозѣ и лѣшихъ.

— А и, братцы, это гроза! Насъ однова̀ въ лѣсу застала, дрова мы рубили... страсть! Какъ ударила молонья въ сосну, вотъ надо бы зубомь дерево-то перекусила.

Другой вставляетъ:

— Потому стрѣла у ей оченно тонкая... у молони-то!.. И никуда ты отъ ей не уйдешь. И ежели тебѣ отъ грозы помереть нужно, такъ ты отъ грозы и помрешь.

— Лѣшему-то теперича смерть!

— А что?

— Оченно онъ грозы не любитъ. Ужъ онъ теперь подъ деревомъ жмется.

— Она его теперича по лѣсу-то гоняетъ.

Въ другомъ разсказѣ Горбунова одинъ мужикъ спрашиваетъ бабу:

— Ты тетушка, лѣшихъ-то не видала-ли?

— Гдѣ ихъ батюшка, видѣть.

— Мы разъ видѣли: одна ноздря у него, а спины нѣту... Только показывается не всякому.

— А мнѣ, братцы, дворянинъ въ Калугѣ сказывалъ про лѣсовиковъ-то, говоритъ одинъ изъ сидящихъ у костра, ты, говоритъ, ничему этому не вѣрь: никакихъ лѣсовиковъ нѣтъ, это такъ зря болтаютъ.

Но это рѣшительное заявленіе возмущаетъ всѣхъ, а въ особенности лѣсника.

— Много знаетъ твой дворянинъ-то!

Увѣровавшій въ слова болѣе просвѣщеннаго человѣка продолжаетъ сомнѣваться:

— Ни лѣсовиковъ этихъ самыхъ, ни вѣдьмовъ — ничего, говоритъ, этого нѣтъ.

— Посадилъ бы я его ночи на двѣ въ сторожку, такъ онъ узналъ бы, какъ ихъ нѣтъ-то. Вотъ темныя ночи пойдутъ осенью пущай посидитъ. Нѣту!..

И лѣсникъ, чтобы отогнать всякое сомнѣніе, вспоминаетъ бывшій съ нимъ случай.

— Да вотъ какъ разъ трафилось, слушай. Знаешь Лапинскій оврагъ? Мы тамъ рошшу караулили... Дѣло близъ Покрова было. Объ эту пору ночи темныя бываютъ... Дожди пошли... Холодно... Смерть!.. Спимъ это мы... Часу въ двѣнадцатомъ, слышу, братецъ ты мой, словно кто около сторожки ходитъ. Походилъ, походилъ — пересталъ. Орелка была у насъ собака, просто, бывало, отца родного не подпуститъ... волка разъ затеребила... Орелка раза два тявкнула, замолчала. Думаю, должно, вѣтеръ. Только опять легъ, какъ Орелка завизжитъ, какъ завоетъ, вотъ надо бы кто ей задъ отшибъ. Такъ индо меня морозъ по кожѣ! Мартынъ проснулся.

— Выдь, говоритъ, посмотри.

Орелка прижалась къ косяку, сидитъ... Слышу, братецъ ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Такъ у меня волосья на головѣ поднялись...

— Дядя Мартынъ, говорю, у сторожки лошадь ржетъ, должно за лѣсомъ пріѣхали.

Заругался Мартынъ — мужикъ былъ хворый, сердитай:

— Убью, говоритъ, до смерти, кто попадется.

— Слышь, говорю, дя-я Мартынъ.

— Слышу, говоритъ, убью сейчасъ!..

Побѣжали мы...

Сталъ я Орелку уськать—не лаетъ, идетъ сзади. Что думаю за причина! Далъ разà въ бокъ,—только заскучала.

Съ полверсты мы прошли: топоръ близко, а на слѣдъ не попадемъ, потому темно.

Шли, шли... рядомъ шли...

— Дя-я Мартынъ, говорю...

Дядя Мартынъ голосу своего не подаетъ.

Что за оказія!

— Дя-я Мартынъ...

Слышу дядя Мартынъ *дале-е-че* вправо остался...

Я вправо взялъ, опять крикнулъ:

— Дя-я Мартынъ!..

А дя-я Мартынъ *дале-е-че* влѣво.

А топорища тяпъ да тяпъ... Завернулъ я къ нему на голосъ то, сталъ Орелку кликать, и Орелка пропала!.. Ну, думаю: пущай всю рошшу вырубятъ—пойду домой, потому страшно ужъ оченно стало, опять же и ознобъ... такъ продрогъ... смерть! Повернулъ назадъ, пошелъ. Иду да и думаю:

— *Самъ* не балуетъ-ли?..

И только это, братецъ ты мой я подумалъ, какъ по всему-то лѣсу:

— *Ого-го-го-го!!!*

Отродясь такого крику не слыхивалъ. Такъ у меня руки-ноги подкосились. Хочу крестъ на себя наложить—рученьки мои не владаютъ! Очувствовался—не знаю, куда идти.

— Батюшка, говорю, Серапіонъ-угодникъ, выручи!

Сотворилъ молитву, легче стало. Къ свѣту ужъ домой-то пришелъ: за пять верстъ онъ меня отъ сторожки угналъ, да въ самое бучило, въ оврагъ завелъ.

Ну, думаю; какъ приду домой, этого самаго дядю Мартына на части разорву.

Сталъ ему выговаривать, а онъ говоритъ:

— Ты, надо полагать, въ умѣ рехнумши. Я, говоритъ, всю ночь изъ избы-то не выходилъ.

Шесть недѣль опосля того я выхворалъ, всѣ волосья повылѣзли. Сама енеральша Пальчикова лѣчила, корочки съ наговоромъ давала, ничего не дѣйствовало.

Такъ вотъ, какъ *ихъ* нѣту-то.

Можетъ, дворянина-то онъ не трогаетъ, а нашему брату отъ его *шибко* достается...

Какъ передать и другую сцену „На большой дорогѣ“, также глубоко поэтическую...

Ночь...

По дорогѣ ѣдетъ мужикъ. Свезъ въ городъ сѣно и возвращается въ деревню.

Темно...

Парень сидитъ въ телѣгѣ и поетъ:

Ахъ ты, воля, моя воля...

Кто-то встрѣчный его окликаетъ:

— Пятрунька, съ Москвы, что-ли?

— Съ Москвы.

— Чаво?

— Ну ладно...

И ѣдетъ дальше.

Онъ такъ распѣлся, что наѣхалъ на шлагбаумъ.

— Тпрр...

Раздается сиплый малороссійскій голосъ сторожа, привѣтствующій его бранью.

Парень, миновавъ шлагбаумъ, снова затягиваетъ пѣсню.

Коли я те ни па ндраву,
Вазьми въ ручку писталетъ...

Въ ту минуту, когда онъ особенно распѣлся, слѣдующій встрѣчный, кучеръ верхомъ, увидавъ лежащаго на телѣгѣ мужика, вдругъ неожиданно, молча, вытягиваетъ его кнутомъ.

Первую минуту огорошенный парень только чешетъ себѣ спину, а потомъ продолжаетъ оборвавшуюся пѣсню:

Прострѣли ты мнѣ головку,
Порѣши ты жисть мою...

И только уже послѣ окончанія пѣсни, злобно грозитъ назадъ кулакомъ и кричитъ въ догонку озорнику:

— Чо-о-ртъ, л-ѣ-ѣ-шай! Сквозь полушу-у-бокъ прохвати-и-лъ...

Конечно, сцена эта безъ звуковъ пѣсни не передаваема...

Какъ передать и разсказъ „Безотвѣтный“, безъ звуковъ голоса...

Крестьянинъ, страстно любящій природу, поэтъ въ душѣ, дѣлится восторженно своими впечатлѣніями съ другимъ крестьяниномъ.

— Ты скажи мнѣ... Калина Митричъ... отчего я такъ много доволенъ?

— Можа выпилъ?

— Четвертушечку... Нѣтъ, ты скажи мнѣ, Калина Митричъ, отчего я такъ много *дово-о-ленъ?*.. Оттого я такъ много доволенъ, что хорошій я очекно человѣкъ. Такой я хорошій человѣкъ — по всей деревнѣ и людей такихъ нѣтъ! Чаю я не пью...

— А стаканчикъ?

— Впервой отъ роду. Силкомъ влили!.. Оттого я такъ много доволенъ, что я всѣхъ люблю!.. Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью, первое это мое удовольствіе!..

Мать ты моя родная, какъ я лѣсъ люблю... А особливо это въ грозу...

— Не боишься?

— Люблю...

— Какъ пойдетъ это гроза... сосны съ корнями *вывора-а-*

чивать, а опосля того *духъ* это... по всему лѣсу... и птица разная... на разные голоса!

Меня и пчела не кусаетъ... А какъ меня рыба уважаетъ! Какъ она меня уважаетъ!

Но только за мою эту охоту великое мнѣ наказаніе было. И какъ это, Калина Митричъ, обидно...

Сижу это я разъ въ оврагѣ, пѣночку наманиваю: фію... фію... А сзади откуда ни возьмись двое.

— Какой ты есть человѣкъ? По какому случаю?

— Я, говорю, пѣночку наманиваю.

— Что съ тобой разговаривать... Сейчасъ руки назадъ къ лопаткамъ скрутили, поволокли къ становому.

— Помилуйте, говорю, я ни въ чемъ не причиненъ...

— Ахъ, Калина Митричъ, какъ это мнѣ обидно!..

Вышелъ становой и сейчасъ меня обыскивать.

— Сознавайся, говоритъ, тебѣ легче будитъ: ты фальшивую монету дѣлалъ?

— Никакъ нѣтъ, говорю.

— За что вы его, ребята, взяли?

— Не можемъ, говорятъ, знать: въ оврагѣ сидитъ и взяли.

— Зачѣмъ ты, говоритъ, въ оврагѣ сидѣлъ?

— Я говорю, ваше благородіе, пѣночку наманивалъ...

— Вотъ тебѣ, говоритъ, двугривенный, ступай на всѣ четыре стороны...

— Вѣришь ты Богу, Калина Митричъ, какъ это мнѣ обидно!

— Иду мимо церквы; дай, думаю, двугривенный въ кружку опущу... Только протянулъ руку... а они опять какъ подойдутъ.

— Ты, говорятъ, кружки ломать?

Опять руки къ лопаткамъ скрутили...

— Пустите меня, голубчики. Сейчасъ меня *судили...* Становой двугривенный далъ.

— Помилуйте... Я въ кружку хотѣлъ опустить.

— А ну-ка, покажи!

Взяли двугривенный.

Ушли...

IV.

Знатокъ церковнаго обихода, Горбуновъ обильно черпалъ изъ этого источника и въ его разсказахъ проходилъ цѣлый рядъ церковнослужителей, монаховъ, богомольцевъ, старухъ, ютящихся на паперти нищихъ... Былъ разсказъ о купчихѣ подъ Андроньевымъ монастыремъ, разсказъ о потерѣ антиминса въ Перервинскомъ монастырѣ, гдѣ выводился пьяный дьяконъ и множество другихъ, никѣмъ не записанныхъ. Описывались и монастырскія гостинницы, „гдѣ теперича клопъ со свѣту собрался, потому богомольцевъ-то какая сила“. Къ этой же области относится и разсказъ „Кіевскія пещеры“.

Какъ въ Венеціи есть мостъ вздоховъ, такъ и тутъ есть „лѣстница вздоховъ“. По обѣ стороны ея, внизъ къ пещерамъ, расположились нищіе, хромые, слѣпые, изъ міра „Бродячей Руси“. Слышны разнообразные возгласы, крики, стоны, вздохи, перебивающіе одинъ другого, сопровождаемые разнородными, подчасъ уродливыми жестами:

— Храмому... подайте... батюшка...

— Сляпому...

— Томному чилавѣку...

— Подайте!..

У двери, ведущей въ самыя пещеры, группа посѣтителей: генералъ, можетъ быть Дитятинъ, господинъ съ женою, толпа богомольцевъ, монахъ, продающій свѣчи.

Дама, жеманная особа, выражаетъ неохоту спуститься внизъ, мужъ уговариваетъ. Происходитъ нѣмая сцена, неподражаемо передававшаяся Горбуновымъ: мужъ киваетъ головой по направленію къ двери, приглашая идти; жена дѣлаетъ видъ, что занята застегиваніемъ своихъ перчатокъ.

— Пойдемъ.

Молчаніе...

Супруга усиленно занята своими перчатками.

— Ну что же?

— Ахъ, тамъ па-а-хнетъ!

Монахъ успокаиваетъ:

— Нѣтъ, сударыня, тамъ очень пріятный запахъ...

Наконецъ, жена соглашается. Открывается дверь, генералъ дѣлаетъ движеніе пройти первымъ, но его опережаетъ куча старухъ, которыя швыряются внизъ по ступенькамъ. Генералъ выражаетъ неодобреніе и крякаетъ.

Впереди идетъ монахъ, указывая путь и называя почивающихъ угодниковъ; за нимъ слѣдуютъ остальные со свѣчами въ рукахъ. Монахъ говоритъ нараспѣвъ, тоненькимъ голосомъ:

— Алипій, угодничекъ Божій... Преподобный Даміанъ Цѣлебникъ.. Маркъ Гробокопатель... Никола Святоша...

Генералъ креститъ свой животъ, издаетъ неопредѣленные звуки, богомольцы набожно прикладываются, дама дѣлаетъ гримасу...

— Преподобный Агапитъ, врачъ безмездный... Іоаннъ Многострадальный... продолжаетъ монахъ.

— Брррр!..

— Преподобный Несторъ Лѣтописецъ...

— А! вотъ онъ!.. Брррр!..

— Оника воинъ... Онуфрій Молчаливый... Никонъ Сухой... Матѳей Прозорливый... Илларіонъ Схимникъ... Преподобный Стефанъ...

— Баторій?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Не могу сказать.

— Преподобный Меркурій Постникъ... Преподобный Иліа Муромецъ...

Генералъ, обращаясь къ монаху:

— Ну, а Соловья Разбойника нѣтъ?

Въ другомъ разсказѣ отъ лица скитающагося монаха разсказывается исторія о возникновеніи одного монастыря. Глядя исподтишка и щуря лѣвый глазъ, монахъ басомъ, съ выговоромъ на *о*, передаетъ сказаніе о томъ, какъ монастырь, бывшій крайне бѣднымъ, „раздышался“, благодаря особому обстоятельству:

— Вотъ, что я тебѣ, мать, скажу, а ты слушай. Монастыренко-то нашъ былъ бѣдненькій, ограда деревянная, братія скитающая, рваная, богомолецъ — человѣкъ темный, неимущій; кружки лѣтъ по семи безъ копѣйки стояли, хоть не отпирай...

Послѣ этого сказатель повѣствуетъ о томъ, какъ одинъ изъ братіи, отецъ Іона, обронилъ свой поясъ, а другой монахъ подвѣсилъ его къ воротамъ.

— Прошла старуш-о-о-нка, лизнула — онѣ все лижутъ — за ней другая... Народъ-то и заковылялъ...

Вскорѣ можно было поставить часовню и кружку соорудить:

Копеички-то и зака-а-а-пали! Жертвовать стали. Стала слава про поясъ проходить: *явленный*. Купца изъ Москвы привезли... опоясали — полегчало... На колокола пожертвовалъ... Церковь строить стали... А народъ все валитъ... Купчиху приво-з-или отъ родовъ, чрево опоясывали... Губернаторскую дочку привозили отъ блѣдной немощи... Откупщика безъ ногъ... Трактиръ открыли... Мозольный операторъ изъ жидовъ пріѣхалъ...

Только до Святѣйшаго Синода дошелъ слухъ... прослышали... Изъ Санктъ-Петербурга бумага пришла... Архіерей спрашиваетъ:

— Что у васъ за по-э-съ?.. По-э-сокъ-то пребери-и-тя... Какъ бы чего не вышло...

Но, очевидно, дѣло было уже сдѣлано, потому что монахъ съ торжествомъ заканчивалъ свою повѣсть:

— Поэсокъ-то прибрали, а монастырь возникъ!

Старуха, подперши руками подбородокъ, всхлипывая и вздыхая, передаетъ другой объ обрядѣ анаѳемы съ участіемъ митрополита Филарета:

— Была я, матушка, сегодня на проклятіи...

— На проклятіи?

— На проклятіи, матушка, на проклятіи.

— Впяхнули меня въ церковь Божію... Что народу... что людей... что всего прочаго, всякаго, разнаго... И свѣчи всѣ возженныя...

— Возженныя? перебиваетъ первую старуху вторая.

— Возженныя, матушка, возженныя! И болдуханіе такое... И вывели его, батюшку... Шапка у его камнямъ горитъ... И поставили на мѣсто... уготованное... И какъ начали его *проклинать*... Ужъ проклинали его, проклинали... Ужъ я плакала, плакала... А у его, у батюшки, только бородка сѣдинькая трясется...

Старухи у Горбунова были безподобны. Иногда онъ надѣвалъ на голову платокъ и разсказывалъ подперши подбородокъ рукой. И что за типы у него были! Одна старуха разсказывала какъ на одного угодника „жуки были напущены“...

Митрополитъ Филаретъ часто вызывался въ памяти Горбунова. Когда, читая о выборѣ другого апостола на мѣсто Іуды, чтецъ вмѣсто слѣдуемаго „и избраша два: Іосифа и Матѳія“, произнесъ „и избраша два Іосифа“... послышался тихій, но слышный шепотъ владыки:

— Дуракъ, одного.

Вотъ исповѣдь. Въ церкви за ширмами исповѣдуется дама. Вопросы священника чуть слышны, отвѣтовъ дамы не слыхать.

— Соблюдаете-ли чистоту брачнаго ложа?

. . . . . .

— Нѣтъ? Аманта имѣете?

. . . . . .

— Военный, или штатскій?

. . . . . .

— Тертій Ивановичъ??... Лестно! Очень лестно!.. Кланяйтесь его высокопревосходительству... Благоговѣйный мужъ.

Знатокъ церковной обрядности, Горбуновъ до тонкости изучилъ служителей ея и подмѣчалъ, порой добродушно, а иногда довольно зло, все достойное смѣха. Страсть русскаго купечества къ обрядовой сторонѣ церкви должна была особенно привлечь наблюдательность Горбунова и онъ, въ хорошую минуту, много могъ разсказать о московскихъ купеческихъ развлеченіяхъ, среди которыхъ общеизвѣстны колокола, голосистые діаконы и другія времяпрепровожденія.

Нерѣдко въ Москвѣ и по сіе время можно встрѣтить любителей, бьющихся объ закладъ, какой дьяконъ перещеголяетъ другихъ своимъ голосомъ. Голоса пробуются, а обладатели ихъ передъ рѣшительнымъ днемъ угощаются и очень старательно, такъ какъ русское купечество издавна славится особенною любовью къ голосистымъ дьяконамъ и нигдѣ нѣтъ такихъ голосовъ, какъ именно въ Москвѣ.

За подобнымъ вѣроятно угощеніемъ одинъ купецъ напился даже до того, что не могъ различить, гдѣ отецъ діаконъ: онъ видѣлъ только *руку наливающу*...

Но однажды лучшій дьяконъ спился, голосъ свой пропилъ. Купцы составили совѣтъ, что дѣлать и рѣшили дьякона перемѣнить и послать искать новаго въ Сибирь, такъ какъ лучшій дьяконъ всегда „идетъ изъ Сибири“. Искали долго, наконецъ нашли одного. Горбуновъ прибавлялъ въ шутку: „въ тайгѣ лежалъ“. Роста громаднаго, голосище страшный. Только ужъ выпить любилъ. А какъ выпьетъ, не подходи—звѣремъ становился. Однако и его укротители: продернули ему въ ноздри кольцо... и за ноздрю привели въ Москву... Посадили прямо на тройку повезли въ баню, а оттуда въ Успенскій соборъ...

А старый-то дьяконъ еще не уволенъ. Собрались купцы слушать новаго дьякона, бьются объ закладъ. Выносятъ евангеліе.

Вновь приведенный, какъ хватитъ конецъ высокой нотой, только окна задребезжали и рамы затряслись...

На клиросѣ купцы обступили стараго дьякона:

— Видишь говорятъ, не то, что ты...

— Ладно, говоритъ, я его на *рцемъ вси* смажу!

И смазалъ. Вышелъ изъ алтаря и глубокой октавой:

— Рцемъ вси отъ всея души...

По свидѣтельству С. В. Максимова, поводомъ къ этому разсказу послужилъ дѣйствительный случай: пріѣздъ въ Москву изъ Сибири новаго дьякона. Его выписали купцы и ожидали пріѣзда съ великимъ нетерпѣніемъ. Встрѣчу ему устроили особенную и приготовили обильное угощеніе. Везли на тройкѣ. Былъ поставленъ на видномъ мѣстѣ махальный, чтобъ дать знать, какъ только тройка покажется. Всѣ ждутъ. Наконецъ онъ взмахнулъ. Ѣдетъ... Привезли его прямо въ баню. Тамъ вымыли, выпарили, и повели ужинать. Угощеніе было богатое. Народу собралось множество. Каково было общее изумленіе, когда оказалось, что новый дьяконъ *не пьетъ*. Купцы все ходили около него. Наконецъ пришло время пробы голоса. Дьяконъ провозгласилъ: „Прости пріимше“... Голосъ оказался необыкновенный. Присутствовалъ здѣсь и старый дьяконъ, знаменитый Александръ Антоновъ. Онъ привѣтствовалъ новаго. Вновь прибывшій былъ тронутъ вниманіемъ старика и послѣ говорилъ:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Горбуновъ разсказывалъ, какъ въ пасхальную ночь на колокольнѣ Ивана Великаго хозяйничаютъ всякіе, забирающіеся туда спозаранку, оборванцы и пропойцы.

Лѣзетъ на колокольню купецъ. Одинъ изъ хозяевъ загораживаетъ ему дорогу.

— Намъ позвонить бы.

— Полтинникъ.

— У насъ и денегъ такихъ нѣтъ.

— А у насъ и колоколовъ такихъ нѣтъ.

Однажды Горбуновъ подошелъ къ закускѣ у Т. И. Филиппова. Хозяинъ предложилъ обратить вниманіе на саладъ изъ омаровъ. Горбуновъ разомъ измѣнилъ тонъ и превратился въ протодьякона:

— Омары? Опосаюсь...

Филипповъ тотчасъ подхватилъ:

— Почему же отецъ протодьяконъ?

— А вотъ намедни у отца настоятеля, тоже—были поданы... Схватилъ одного и проглотилъ. Оказался неочищенный... Въ нощи почувствовалъ ознобъ. Къ счастью жена догадалась: дала рвотнаго. Блевалъ, блевалъ и выблевалъ. Большая-то клешня ртомъ прошла, а маленькая ужъ носомъ...

Или вотъ разсказъ протодьякона, какъ онъ былъ въ одномъ домѣ на поминкахъ по богатомъ купцѣ:

— Пили мы пили... Выходимъ съ отцомъ дьякономъ въ переднюю... Смотримъ стоитъ бутылка. Отецъ-то дьяконъ и говоритъ:

— Дерябнемъ, говоритъ, отецъ протодьяконъ.

Ну и дерябнули...

Протодьяконъ съ скорбью въ голосѣ:

— Оказалось перцовка...

Слушатель тоненькимъ голосомъ съ любопытствомъ:

— Ну, и что же-съ, отецъ протодьяконъ?

— Ничего... Глазъ лопнулъ.

Иногда придуманное чередовалось съ дѣйствительными происшествіями. Горбуновъ разсказывалъ, какъ однажды онъ возвращался изъ села Михайловскаго вмѣстѣ съ пріѣзжавшимъ къ празднику Московскимъ протодьякономъ **. Дорогой Горбуновъ сталъ хвалить голосъ протодьякона и очень просилъ его повторить что нибудь изъ возгласовъ. Протодьяконъ согласился, но просилъ отъѣхать отъ деревни. Кругомъ тишина, можно не стѣсняться, а то, если кто услышитъ, неловко. Велѣли остановиться. Въ лѣсу протодьяконъ всталъ во весь ростъ, собрался съ духомъ и на весь лѣсъ заоралъ такъ, что страшно стало:

— Блаженни слышащіи слово Божіе и хра-ня-ще ё...

Только что звуки замерли, какъ вдругъ выскочила изъ лѣсу собака и у самаго экипажа отчаянно залаяла.

Протодьяконъ не ожидалъ, испуганно встрепенулся и разомъ упалъ въ пролетку. Лошади кажется дернули.

Горбуновъ любилъ храмы, особенно тѣ, гдѣ служба была особенно благолѣпна. Однажды, путешествуя по Волгѣ, онъ зашелъ наканунѣ большого праздника въ соборъ одного губернскаго города. Пробрался на клиросъ. Передъ началомъ всенощной въ храмѣ воцарилась тишина въ ожиданіи начала службы. Изъ алтаря вышелъ дьяконъ, косая сажень ростомъ, въ плечахъ ширина-во! Волосы рыжіе. Горбуновъ затаилъ дыханіе, думая услышать глубокую октаву. Вдругъ тоненькій тенорокъ:

— Благослови владыко...

И Горбуновъ, разсказывая объ этомъ, прибавлялъ:

— Отчаянное положеніе...

Въ описаніи монастырскихъ нравовъ Горбуновъ однажды нарисовалъ такую картину отъ лица одного іеромонаха:

— Отецъ настоятель позвалъ на копусту. День былъ постный. Ну мы грѣшнымъ дѣломъ сёмушки постригли... А братія на горохъ приналегла. Въ нощи монастырь-то и затрещалъ... Отецъ Іоиль какъ выскочитъ въ коридоръ, — а коридоръ-то былъ со сводами, Никоновскаго строенія,—какъ *ахнетъ!* А отецъ Михаилъ на встрѣчу:

— Ну, говоритъ, миѳологическая эолова арфа...

Неподражаемая игра лица у Горбунова, звукъ и оттѣнки его голоса навсегда унесены художникомъ въ могилу и многія изъ его образныхъ сценъ теряютъ въ передачѣ. Возможно ли изобразить словами слѣдующую сцену? Въ церкви генералъ „изъ штатскихъ“ усердно возноситъ молитвы, шепчетъ что-то и глядитъ на иконы; перекрестится, вознесетъ очи горѣ, потомъ покажетъ рукой на свою шею и повторяетъ эти движенія; потомъ вдругъ толкнетъ стоящаго передъ нимъ мальчика, своего сынка въ голову, покажетъ ему на шею и прикажетъ молиться, вымаливая себѣ такимъ способомъ крестъ „на шею“...

Въ другой разъ фантазія Горбунова унесется въ тѣсную келью монастыря и онъ выведетъ цѣлое общество монаховъ, разсуждающихъ о Ренанѣ. Онъ изъ нихъ вдругъ вставитъ:

— А что, братіе, Ренанъ... Онъ у-у-мный!..

А какія фигуры выступали при описаніи пріѣзда митрополита Филарета въ церковь Троицы на Листахъ близъ Сухаревой башни и посѣщеніи имъ дома священника! Не помню совершенно подробностей, но вижу ясно матушку, безчисленное количество толкающейся родни, о которыхъ хозяйка говоритъ: „мало ли ихъ у насъ всякой слякоти“, да еще какую-то дѣвицу, которая въ племянницахъ жила, подносящую владыкѣ блины, пришепетывая при этомъ:

— Сама пякла-съ.

Да здѣсь еще кухонныя приготовленія передъ пріѣздомъ владыки, заботы объ изготовленіи пирога, который обмахивали салфеткой, взятой за кончики, и какъ, провертѣвъ въ тѣстѣ дырочку, приговаривали:

— Пусть вздохнетъ.

Въ церкви одного захолустнаго села священникъ читаетъ евангеліе во время молебна. Въ числѣ обступившихъ его міряне ближе всѣхъ старушка, особенно свѣдующая въ св. писаніи. При чтеніи священникъ вдругъ останавливается на словахъ: „изшедъ изъ Ка...“ На этомъ мѣстѣ оборванъ уголъ страницы. Священникъ старается припомнить и повторяетъ: „изъ Ка... изъ Ка...“ Старушка снизу изъ подъ евангелія тихо подсказываетъ:

— Изъ Каны Галилейской.

Но священникъ продолжаетъ:

— Изъ Ка... изъ Ка...

Потомъ вдругъ, вспомнивъ, складываетъ пальцы въ кукишъ, тычетъ имъ въ носъ старушки и съ торжествомъ произноситъ:

— Изъ Ка...пернаума.

Горбуновъ въ своихъ разсказахъ никогда не оскорблялъ религіознаго чувства слушателей. Онъ любилъ красоту церковныхъ обрядовъ, которые зналъ въ совершенствѣ. Онъ самъ иногда за всенощной читалъ шестопсалміе и читалъ съ большимъ чувствомъ. Перелистывая богослужебныя книги, онъ любилъ пѣть вполголоса каноны, напримѣръ пасхальный.

У него былъ созданъ цѣлый типъ, „о. Амфилохій,“ паралельно съ генераломъ Дитятинымъ, но типъ этотъ безслѣдно изчезъ, никѣмъ не записанный...

Вспоминаются и другія лица изъ церковнаго міра. Вотъ дьячокъ старческимъ голосомъ поетъ гдѣ-нибудь въ московскомъ приходѣ изъ пасхальнаго канона: „Еже прежде солнца, солнце зашедшее“...

Это типъ безголосаго дьячка. Онъ остался безъ мѣста въ одной церкви и „присосался къ лѣвому клиросу“. Его пѣніе Благовѣщенскаго канона было неподражаемо. Были тутъ и другіе голоса но его голосъ, выдѣлялся. Онъ пѣлъ: „О другини пріидите“...

Или вотъ церковный сторожъ Благовѣщенскаго собора, снимающій нагаръ со свѣчей и поющій на ходу „Христосъ Воскресе“.

Вотъ мантейная монашенка, правой рукой ставитъ свѣчку, а лѣвой расправляетъ рясу...

И сколько такихъ образовъ, безслѣдно погибшихъ!

Въ воспоминаніи графа С. Д. Шереметева о поѣздкѣ въ Тверской Желтиковскій монастырь, находящійся въ трехъ верстахъ отъ Твери, такъ описано посѣщеніе преосвященнаго Геннадія.

...„Доброта отражалась на лицѣ его. Древнія стѣны Желтикова монастыря съ своими преданіями, казалось, ожили. Рѣчь старика необычная, отрывистая и пылкая, въ уединенной келіи полузабытаго монастыря была особенно выразительна. Со стѣнъ ея словно глядѣли на насъ выразительные лики іерарховъ, и между ними внушительно выдѣлялся Арсеній Мацѣевичъ, Желтиковскій постриженникъ, съ высоко поднятымъ трикиріемъ... Далеко отъѣхали мы отъ Желтикова монастыря; опять передъ нами сосновый лѣсъ, опять тотъ же свѣжій чистый воздухъ, при ясномъ закатѣ солнца но долго еще передъ нами былъ старецъ Геннадій, и все звучала его своеобразная и тревожная рѣчь. Въ другой разъ мы посѣтили его вмѣстѣ съ И. Ѳ. Горбуновымъ. Встрѣча была странная. Преосвященный Геннадій поднялъ руку къ глазамъ и окинулъ его строгимъ, пытливымъ взглядомъ съ ногъ до головы. Горбуновъ, на этотъ разъ какъ-то особенно небрежно одѣтый и растрепанный, также пристально и упорно взглянулъ на него, и долго они оба молчали“...

Самъ же Горбуновъ, разсказывая объ этой встрѣчѣ, образно представлялъ, какъ преосвященный, поднявъ руку къ глазамъ, устремилъ на него испытающій свой взоръ. И Горбуновъ объяснялъ этотъ взглядъ:

— Прозрѣлъ лицедѣя.

V.

Въ разсказахъ Горбунова проносился цѣлый міръ учителей. Живьемъ схваченные, они переносили къ временамъ прошедшимъ и, быть можетъ, имѣли и нѣкоторое біографическое значеніе. Законоучитель, живой крикунъ французъ, мрачный математикъ, бросающій короткія фразы, учитель русской словесности, географъ, заставляющій долбить свой предметъ, наконецъ, добродушный историкъ, диктующій ученикамъ свои записки—всѣ эти школьные мастера, каждый со своими особенностями, живо глядѣли изъ-подъ кисти художника.

Законоучитель медленно входилъ въ классъ, его тотчасъ обступали и подходили подъ благословеніе. Протоіерей крестилъ прежде всего сторожа-солдата, тихо произнося:

— Стражъ храмины сея Ѳаддей...

Потомъ нагибался къ дѣтямъ, крестя ихъ и приговаривая:

— Маленькія, маленькія...

Но когда подходила долговязая фигура одного изъ застарѣвшихъ учениковъ, батюшка высоко вскидывалъ благословляющую руку и торжественно выговаривалъ:

— Господинъ Шишкинъ! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Иногда былъ варіантъ:

— Князь Голицынъ! Во имя Отца и Сына...

Потомъ онъ снималъ камилавку и со вздохомъ клалъ ее на столъ:

— Усталъ, братіе! А древніе подвижники... Какая вѣра! Какая любовь!

Послѣ этого начинался урокъ. Онъ открывалъ евангеліе и читалъ:

„И вопроси его нѣкій князь, глаголя: учителю благій, что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдствую?.. Рече... вся елика имаши, продаждь и раздай нищимъ... Онъ же слышавъ сіе, прискорбенъ бысть: бѣ бо богатъ зѣло“.

Законоучитель сочувственно прибавлялъ:

— Какова, братіе, загвоздка? Поди-ка, продай имѣніе и раздай нищимъ!

Въ другой разъ, замѣтивъ, что на задней лавкѣ двое учениковъ не слушаютъ его объясненій, а занимаются чѣмъ-то постороннимъ, онъ нѣсколько разъ проходитъ мимо нихъ и видитъ, что они играютъ въ шашки; тогда, потерявъ всякое терпѣніе, но не останавливая своего разсказа, какъ „приведоша къ нему дѣтей“, онъ съ ироніей восклицаетъ:

— Развиваетъ умъ!

Замѣтилъ однажды законоучитель, что и долговязый Шишкинъ что-то читаетъ. Оказалось, что Лермонтова. Законоучитель съ укоромъ замѣчаетъ:

— Не хорошо, господинъ Шишкинъ!

— Почему же, батюшка? Что тутъ нехорошаго?

— Шишкинъ, ты погибнешь!

— Почему, батюшка?

— Ты погибнешь потому, что въ тебѣ духъ противорѣчія.

Шишкинъ старается оправдаться:

— Батюшка, да здѣсь у Лермонтова молитва есть.

— Молитва? Покажи!

Ученикъ подаетъ книгу.

Законоучитель надѣваетъ очки, раскрываетъ томъ стихотвореній и читаетъ:

„Сочиненія Лермонто̀ва... Дозволено цензурой. По отпечатаніи представить узаконенное количество экземпляровъ“...

Затѣмъ онъ читаетъ указанную „Молитву“, выговоромъ на *о* и дѣлая особенныя ударенія, въ родѣ слѣдующаго:

> Въ минуту жизни трудную, тѣснится ль
> Въ сердцѣ грусть одну
> Молитву чудную твержу я наизусть...

— Братіе! А что это за молитва? неожиданно вопрошаетъ законоучитель весь классъ.

Ученики наперерывъ стараются отгадать, но все неудачно.

— Нѣтъ, братіе, все это это не то. Это молитва, которую нужно читать въ минуту жизни и трудную, и легкую, и тяжелую, во всякую—эта молитва: „Боже Царя храни“.

И когда ученики спрашиваютъ, почему Лермонтовъ разумѣлъ именно эту молитву, законоучитель разъясняетъ:

— Онъ офицеръ былъ.

Французъ вбѣгалъ въ классъ съ громкими возгласами, поправляя на ходу часть своего туалета и былъ стремительно подвиженъ. Урокъ начинался съ чтенія молитвы передъ ученіемъ. Дежурный, чтобъ оттянуть время, обыкновенно начиналъ читать слишкомъ протяжно, возносилъ очи горѣ, часто крестился и умилительно произносилъ слова:

— Пре...бла...гій Господи..., нис...пос...ли намъ бла...го...дать...

Французъ крѣпился долго и, наконецъ, едва дождавшись конца, быстро сажалъ ученика слѣдующими словами:

— Богомульный!—Zéro!

Затѣмъ начинался урокъ:

— Chichkine, lisez! обращался учитель къ тому же великовозрастному дѣтинѣ, сидѣвшему на задней скамейкѣ.

Шишкинъ подымался и, отчаянно ломая языкъ, начиналъ съ первой страницы творенія Фенелона: Calipso ne pouvait se consoler du départ d'Oulisse...

Онъ произносилъ:

— Телемакве... Калипсо не пуваитъ се консолеръ дю депаръ дулиссе...

— А-а-а! вскрикивалъ французъ, корчась какъ бы отъ боли— Chichkine, тебѣ шишка!

Потомъ слѣдовало объясненіе по грамматикѣ именъ существительныхъ. Французъ выкрикивалъ примѣръ:

— Pierre occupe la première place de la classe. Les substantifs: Pierre, place, classe...

Затѣмъ онъ пояснилъ, что они бываютъ одушевленныя и неодушевленныя.

— Существительныхъ два: одинъ живой,—муа... par exemple французъ... храбръ... живой... Птицъ на небо... лета...етъ... И при этомъ онъ размахивалъ руками.

Другой — стулъ... Онъ ни мöжтъ... Онъ мальшитъ... онъ ни мöжтъ... Онъ мальшитъ... *онъ ни мöжтъ*, — еще разъ кричалъ, напрягая свой голосъ, учитель, видимо силясь доказать неодушевленность стула, за спинку котораго онъ держался.

Откуда былъ онъ и какъ попалъ въ Москву—не помнится, но весьма вѣроятно, что онъ былъ остаткомъ Наполеонова нашествія и происходилъ изъ солдатъ. Это предположеніе невольно приходитъ въ голову потому, что при словахъ: „муа... французъ храбръ“, Горбуновъ на мгновеніе становился въ позу колющаго штыкомъ.

— Сравнительныхъ три, продолжалъ кричать учитель: карошъ лушь et le troisième—ravissant!

Учитель математики мрачно входилъ въ классъ, говорилъ зло, отрывисто, низкимъ басомъ.

— Шышкинъ! вызываетъ онъ все того же ученика, ступай къ доскѣ, возьми мѣлъ, пиши:

„Мать купила для дѣтей вишенъ... Дѣтей было семь... Одному дала одну вишню, другому и т. д. Спрашивается: сколько послѣднему“.

— Записалъ?.. Ну, рѣшай!

Шишкинъ исписываетъ всю доску алгебраическими знаками и бормочетъ: „иксъ... игрекъ... иксъ“, но, очевидно, не можетъ рѣшить задачу.

За спиной учителя ученики съ заднихъ скамеекъ пытаются подсказать жестами и знаками.

— Ну, что же, разсказывай? злобно прерываетъ учитель.

Молчаніе...

Наконецъ Шишкинъ пробуетъ открыть ротъ:

— Одина... одинак... одинаковые члены... сокращаются? вопросительно выговариваетъ онъ, глядя съ тоской на учителя.

Математикъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ:

— Ну и пускай ихъ сокращаются. Мнѣ что за дѣло.

— Подобные члены... подобные...

— Чтò подобные-то, что подобные? нетерпѣливо и раздраженно бросаетъ учитель—гроза всего класса.

— Подобные... члены... можно от... от... бросить...нерѣшительно лепечетъ трехъаршинный, перепуганный тупица.

Учитель стоитъ, отвернувшись въ сторону и невозмутимо рѣжетъ:

— Бросай, только окно не расшиби—казенное. Садись!

Учитель географіи требовалъ знанія наизусть географическихъ именъ, а о смыслѣ своей науки мало заботился. Примѣромъ долбни можетъ служить отвѣтъ одного изъ учениковъ, сплеча рубившаго выученный урокъ. Передать выраженіе лица ученика и характеръ рѣчи на бумагѣ невозможно, но нѣкоторое представленіе получится, если послушать этотъ отвѣтъ.

Ученикъ съ разбѣга перечисляетъ рѣки, такъ что названія едва слышны:

— Волга, Днѣпръ, Донъ, Ду...

— Стой! неожиданно перебиваетъ учитель, отвлеченный чѣмъ-то въ сторону. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, освободившись, командуетъ:

— Дальше!

Ученикъ продолжаетъ рубить:

— най, Висла, Западная Двина...

Учитель русской словестности мало остался въ памяти. Помню только, какъ онъ заставлялъ разучивать стихи и быстро рубилъ:

И Терекъ... прыгая... какъ львица...
Съ косматой... гривой... на хребтѣ...

Или воспоминалъ прозу Марлинскаго:

„Дико — прекрасенъ гремучій Терекъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Индѣ свѣтелъ и прямъ“.

Кажется это онъ объяснялъ ученикамъ преимущество французскаго языка передъ латинскимъ.

— Человѣкъ по латынѣ: homo — жестко. А по французски нѣжно: ломъ. Душа по латынѣ: anima. А по французски: ламъ мягко и благозвучно!

Учитель исторіи входилъ въ классъ и ласково улыбался. Онъ говорилъ:

— Ну, дѣти, возьмите вставочки, откройте тетрадки, пишите:

— Исторія мидянъ... Исторія... мидянъ... точка и подчеркнуть...

— Съ новой строки:

— Введеніе въ исторію мидянъ... Введеніе... въ исторію... мидянъ... введеніе...

— Написали?

— Точка и подчеркнуть... точка и подчеркнуть...

— Съ красной строки:

— Исторія... мидянъ... Исторія мидянъ... Исторія...

— Написали?

— Исторія мидянъ... темна... Исторія мидянъ темна...

— Написали?

— Исторія мидянъ темна и... непонятна.

— Съ красной строки:

— Конецъ... исторіи мидянъ. Конецъ... исторіи мидянъ.

— Написали?

— Точка и подчеркнуть...

— Конецъ исторіи мидянъ.

Есть вѣроятія, что педагоги эти взяты Горбуновымъ изъ живого прошлаго. Міръ прежнихъ учителей не разъ привлекалъ его вниманіе. Черты воспитанія могутъ быть найдены и въ описаніи нравовъ Захолустья и въ другихъ его разсказахъ.

Говорятъ, были у него и типы изъ міра профессорскаго, но они остаются никѣмъ не записанные.

Слышался голосъ стараго московскаго профессора О. П. Бодянскаго:

— Экс-пло-а-тація!

Были и другіе старые бытовые типы московскаго университета.

VI.

Трудно объединить всѣ отдѣльные клочки поэтическаго творчества Горбунова, случайно рождавшіеся подъ вліяніемъ минуты. Они такъ, отрывочны, но для полноты слѣдовало бы сдѣлать въ этомъ отношеніи все возможное и, насколько позволяетъ память, записать, хотя бы безъ особой связи, всѣ маленькія сценки срывавшіяся порой въ разговорѣ. Разговорная рѣчь Горбунова была весьма своеобразна. Она искрилась юморомъ и, чередуясь съ серьезной бесѣдой, незнакомаго человѣка приводила порой въ недоумѣніе.

Горбуновъ на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ. Отходитъ поѣздъ и медленно удаляется вагонъ съ генералъ-губернаторомъ того времени, княземъ В. А. Долгоруковымъ, стоящимъ у окна.

Раздается возгласъ:

— Хорошо имъ, высокопоставленнымъ, а каково намъ, низкopоложеннымъ!

Изъ толпы кто-то отвѣчаетъ:

— Вѣрно!

Однажды, уѣзжая самъ съ поѣздомъ, Горбуновъ вдругъ обращается къ кому-то изъ провожавшихъ его, когда поѣздъ уже трогался, съ неожиданнымъ возгласомъ, яко бы отъ замоскворѣцкой особы:

— Ключи на окошкѣ!

Взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на это напоминаніе.

На той же Николаевской желѣзной дорогѣ Горбуновъ разыгралъ шутку съ Владиміромъ Соловьевымъ, о которой я слышалъ отъ самого покойнаго Владиміра Сергѣевича. На станціи, кажется въ Любани, они оба сѣли за одинъ столъ. Горбуновъ обращается вдругъ къ Соловьеву и тихо говоритъ ему:

— А какой я сейчасъ про васъ разговоръ слышалъ! И указываетъ на сидящихъ неподалеку отъ нихъ двухъ офицеровъ.

Одинъ офицеръ будто бы говоритъ другому:

— Посмотри! это Соловьевъ. Философъ, а тоже ѣстъ.

Не могу не вспомнить здѣсь, какъ сочувственно отзывался Соловьевъ о талантѣ Горбунова и какъ смѣялся своимъ высокимъ звонкимъ смѣхомъ, который и по сейчасъ стоитъ въ ушахъ, даже при моихъ слабыхъ попыткахъ читать вслухъ разсказы Горбунова.

Горбуновъ ловко подмѣчалъ смѣшныя стороны людей. На вопросъ, что это сдѣлалось съ однимъ господиномъ послѣ служебнаго повышенія; почему онъ, обычно простой, вдругъ сталъ важнѣе, онъ, не задумываясь, отвѣчалъ:

— Генералину хватилъ!

Иногда онъ усваивалъ, подслушанныя имъ, чужіе выраженія. Среди нихъ ему особенно нравилось выраженіе митрополита Іоанникія, который, глядя изъ окна Св. Сѵнода на происходившее на Сенатской площади ученіе и, не понимая кавалерійскаго ученія „пѣшее по конному“, спросилъ у присутствующихъ:

— Что симъ достигается?

Любилъ Горбуновъ вступать въ бесѣду съ разнаго рода незнакомцами. Онъ бесѣдовалъ однажды на станціи Подольскъ московско-курской желѣзной дороги съ газетчикомъ о Бисмаркѣ, а въ другой разъ разговорился съ однимъ гробовщикомъ. На вопросъ, какъ идутъ дѣла, гробовщикъ отвѣчалъ:

— Теперь худо, а вотъ весной, когда младенецъ шелъ, тогда было лучше.

И невольно пришла въ голову присутствующимъ русская поговорка: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“.

И сколько такихъ случаевъ, вѣроятно, было у наблюдательнаго художника, много поѣздившаго на своемъ вѣку.

М. П. Садовскій сообщилъ Горбунова дѣйствительно происходившую сцену, которую онъ разсказывалъ:

Москва...

По улицѣ быстро несется коляска къ кѣмъ-то, очевидно, очень важнымъ. Мелькаютъ мундиры. Въ толпѣ разносится шумъ, но никто не кричитъ. Вдругъ одинъ изъ толпы начинаетъ во весь голосъ кричать:

— Отецъ! отецъ!.. Ура!!

Его обрываютъ.

— Чего орешь?... Не нашъ... Персидскай!

Разоравшійся мигомъ стихаетъ, а вслѣдъ затѣмъ въ воздухѣ громогласно виснетъ по адресу промчавшагося тройное россійское привѣтствіе...

Въ уста простой женщины Горбуновъ вложилъ опредѣленіе разницы въ житейскомъ положеніи мужчины и женщины. Женщина жалуется на свою горькую, женскую долю:

— Ваше дѣло что! говоритъ она, обращаясь къ слушающему ее собесѣднику. Встряхнулся и пошелъ, а намъ-то каково...

Отношеніе русскаго человѣка къ *праву* въ изображеніи Горбунова было весьма своеобразно. Однажды въ одной лавкѣ, чуть ли не самъ онъ, спросилъ торговца, что это у него за дипломы развѣшаны на стѣнѣ подъ стекломъ, въ рамахъ. Торговецъ съ великимъ презрѣніемъ отвѣчалъ:

— Права!

И тутъ же пустилъ по ихъ адресу одно изъ тѣхъ выразительныхъ словечекъ, какими любитъ выражаться русскій человѣкъ.

Два купца сидятъ въ трактирѣ и пьютъ чай. Происходитъ слѣдующій разговиръ:

— Аномнясь у Покрова мужикъ замерзъ.

— Ну чтожъ?

— Оттаялъ.

Вотъ разговоръ въ телефонъ, вскорѣ послѣ того, какъ телефоны стали входить въ употребленіе.

Одинъ купецъ, изъ пріѣзжихъ, никогда не видалъ устройства телефона. Его товарищъ объясняетъ новинку и предлагаетъ сейчасъ поговорить изъ ресторана, гдѣ они сидѣли, съ его домомъ.

— Сейчасъ самъ услышишь.

Соединяютъ.

Слышатся какіе-то звуки: „кх..рр.х...х“...

Купецъ вызываетъ жену и говоритъ ей, чтобъ она ждала къ обѣду гостя.

— Да вотъ, слушай, она сама сейчасъ будетъ говорить.

Пріятель съ любопытствомъ прикладываетъ ухо, ожидая отвѣта.

Въ трубку раздается возгласъ:

— Охота тебѣ всякую сволочь приглашать!

Купецъ спрашиваетъ:

— Слышишь? Ея голосъ?

— *Ея, ея,* увѣренно отвѣчаетъ пріятель.

Разсказывалъ Горбуновъ, какъ онъ ѣхалъ однажды по Астрахани на извозчикѣ и видитъ, идетъ татаринъ, шатается. Онъ удивленно спрашиваетъ извозчика, тоже татарина:

— Что это онъ шатается? Магометанинъ. У васъ пить запрещено.

Извозчикъ всматривается въ пьянаго:

— Это хрещеный.

Горбуновъ очень любилъ пугать въ шутку. П. И. Щукинъ разсказывалъ, что однажды у Боткиныхъ, когда подавали къ закускѣ икру, онъ замѣтилъ, что икры было не особенно много. Онъ взялъ лопаточку и приподнялъ весь слой икры съ самаго дна и сдѣлалъ видъ, что хочетъ наложить себѣ все. На лицѣ подававшаго буфетчика выразился невыразимый испугъ. Горбуновъ только этого и хотѣлъ. Подержавъ немного руку, онъ опустилъ ее, взявъ себѣ немножко. Буфетчикъ вздохнулъ свободно.

Былъ у Горбунова не оконченный разсказъ о какихъ-то нѣмцахъ. Сидитъ отецъ нѣмецъ и пять сыновей, все нѣмцы, сидятъ подъ рядъ, одинъ другого меньше. Всѣ съ трубками. Пускаютъ изо рта клубы дыма и говорятъ хоромъ какіе то стихи:

— Henrich der Fierte sagte ein mal...

Если Горбуновъ встрѣчался съ пополнѣвшимъ господиномъ, онъ обыкновенно говорилъ:

— Въ сѣмена пошелъ.

При чьей-либо неудачѣ:

— Не въ классѣ.

Про тонкаго человѣка:

— Сквозь ребра кишки видно.

Было и такое выраженіе:

— Кишка тонка.

Вотъ клочекъ изъ разговора двухъ пріятелей послѣ того, какъ они „по одиннадцатой хлопнули:“

— Я тебѣ говорилъ: вотъ тебѣ линія, иди по этой линіи, доходи до точки и обдѣлывай дѣла...

Однажды Горбуновъ изобразилъ стачку рабочихъ на одной фабрикѣ. Подробностей не упомню. Была здѣсь толпа рабочихъ и агитаторъ съ отвратительнымъ выраженіемъ лица. Потомъ слышался топотъ лошадей. И какъ при появленіи отряда, рабочіе сразу смирились.

Въ другой разъ агитаторъ изображался въ деревнѣ и какъ онъ проповѣдывалъ крестьянамъ. Мужики отнеслись къ нему весьма не благосклонно:

— Царя не надо? Бога не надо?

И сейчасъ руки назадъ къ лопаткамъ скрутили и поволокли къ становому.

На вопросъ, какое направленіе у газеты „Московскій Листокъ“, Горбуновъ говорилъ:

— Кормится.

А вотъ шутка. На Невѣ подъ Петербургомъ—тоня. Рыбаки тащатъ сѣти. Тащатъ съ трудомъ, очевидно обильный уловъ. Кругомъ толпа съ любопытствомъ слѣдитъ за зрѣлищемъ, перекидываясь словечками:

— Должно, осетеръ,—увѣренно замѣчаетъ чей-то голосъ.

Наконецъ, подошли къ берегу, тянутъ тяжелыя сѣти, но вмѣсто ожидаемой рыбы неожиданно вытаскиваютъ „чиновника въ вицъ-мундирномъ фракѣ съ металлическими пуговицами“...

Толпа остритъ:

— Вотъ такъ осет-е-е-ръ!

Позднѣе Горбуновъ говорилъ, что чиновникъ былъ въ „мундирѣ и при шпагѣ“.

Тяжелый трудъ мелкихъ чиновниковъ не разъ привлекалъ вниманіе Горбунова.

О жизни ихъ онъ говорилъ:

— Утромъ пишетъ, пишетъ, пишетъ... Вечеромъ пляшетъ, пляшетъ, пляшетъ...

Въ разсказахъ съ изображеніемъ быта старинныхъ чиновниковъ есть и такіе перлы:

У одного чиновника была шуба „когда-то енотовая“, но она уже „не грѣла, а только кололась“.

Вотъ обрывокъ изъ разговора, кажется, министра:

— Я вамъ дѣло говорю, а вы мнѣ все законы тычете.

По свидѣтельству же М. П. Писарева, выраженіе это подлинное и принадлежало С.-Петербургскому генералъ-губернатору князю Суворову.

VII.

У Горбунова была привычка посылать иногда своимъ знакомымъ письма и записки, вызванныя текущею жизнью, въ которыхъ онъ своеобразнымъ слогомъ дѣлился мыслями по поводу переживаемаго времени. Иногда эти письма писались отъ имени генерала Дитятина, иногда отъ имени архимандрита Фотія, иногда отъ самого Ивана Ѳедоровича Горбунова. Иногда рождалось неожиданно цѣлое произведеніе съ законченнымъ содержаніемъ, какая-нибудь челобитная, письмо слогомъ прошлаго столѣтія, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Совершенно случайный поводъ вызвалъ цѣлое произведеніе въ письмахъ, историческаго характера, гдѣ изъ нѣсколькихъ строчекъ возсоздается цѣлая картина нравовъ минувшаго времени. Это дѣло „О нѣкоторомъ зайцѣ“. Поводъ къ написанію былъ слѣдующій: вернувшись изъ Гатчины съ охоты, я отправилъ Ивану Ѳедоровичу, по его просьбѣ, въ видѣ охотничьяго приношенія, зайца,—убитаго на царской охотѣ покойнаго Государя Александра III. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ передалъ мнѣ нижеслѣдующія „копія со старинныхъ писемъ“. Первое какъ бы отъ имени Петра Великаго:

Min Her граѳъ.

Зазаеца благодарствую і тово заеца немешкаѳъ на асанблеи съ ели і івашку хмельницкова многажды неленосно тревожыли понеже заецъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ зело чіненъ чаели и жывоту небыть да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшаго Кѵра жывы сущі і ѳ здравіі пребываемъ і отомъ подлино вамъ отъ пісываю.

Piter.

Послѣ такого вступленія шла переписка между цѣлымъ рядомъ лицъ: архимандритомъ Фотіемъ, оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода княземъ А. Н. Голицынымъ и другими:

Фотій князю А. Н. Голицыну.

Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія, въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своими и вѣждома своима дреманіе. И се гласъ не человѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопросить—какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человѣкъ, подобіемъ миѳологическій центавръ, отвѣтствовалъ — яко бы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ [писано бо есть: „камень прибѣжище заяцемъ"] и кормилъ я его рукама своима, и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая псица старцу Досиѳею рясу подаренную Анной изорвала. Защити, другъ великій.

Кн. А. Н. Голицынъ Фотію:

На письмо Вашего Высокопреподобія имѣю честь отвѣтствовать, что я не преминулъ написать новгородскому губернатору о семъ крайне огорчившемъ меня происшествіи. Очень грущу, что нарушили ваше безмолвіе, необходимое для спасенія души, но врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и нѣсть иже укрыться онъ него, а я

Есмь и пр...

Новгородскій Губернаторъ кн. А. Н. Голицыну.

На письмо Вашего Сіятельства высокопочтительнѣйше имѣю честь отвѣтствовать, что по собраннымъ мною свѣдѣніямъ вышеупомянутаго зайца затравили дворовые люди Его Сіятельства, Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны, для ея стола и сдали его повару Порфирію. Они же застрѣлили въ Волховѣ трехъ частныхъ гусей, принадлежащихъ села Взгорья діакону Островидову, и разложивъ въ полѣ огонь изжарили и съѣли крестьянскую овцу и все то дѣлали именемъ Анастасіи Ѳеодоровны. Вмѣстѣ съ тѣмъ мною поручено исправнику, подъ личной его отвѣтственностію, произвести строжайшее разслѣдованіе.

Съ глубочайшимъ и пр...

Капитанъ Исправникъ Новгородскому губернатору.

Получивъ словесное повелѣніе Вашего Превосходительства о разслѣдованіи затравленнаго зайца, оный заяцъ, по негласнымъ свѣдѣніямъ и присяжнымъ показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по пойманіи онаго, будетъ доставленъ отцу Архимандриту. Касательно гусей, то отецъ діаконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ.

Исправникъ...

4 Января 1890 года Императорское Общество Любителей Древней Письменности посѣтилъ будучи Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Государь Императоръ. Въ числѣ присутствующихъ находился, какъ членъ корреспондентъ Общества И. Ѳ. Гор-

буновъ. Послѣ того, какъ весь „Складъ“, какъ называется помѣщеніе музея Общества, былъ осмотрѣнъ, выступилъ съ разсказомъ Горбуновъ и сказалъ статейный списокъ, извѣстное письмо изъ Эмса о рулеткѣ, слогомъ XVII вѣка. Послѣ того онъ разсказалъ еще: „Исторію о двухъ королевичахъ“. Къ сожалѣнію никто не помнитъ этого разсказа. Исторія излагалась стариннымъ языкомъ и кончалась такими словами:

„...Ходятъ тѣ королевичи волочась, честь у нихъ велика, а ѣсть имъ нечего... И теперь тѣ королевичи остались безъ мѣстъ...

Горбуновъ любилъ и зналъ русскую литературу, древнюю и новую. Однажды я присутствовалъ при разборѣ имъ старой библіотеки XVIII вѣка. Какихъ только удивительныхъ мѣстъ не откапывалъ онъ среди потемнѣвшихъ книгъ въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ, какихъ теперь уже не дѣлаютъ. Русскую переводную литературу того времени онъ зналъ превосходно. Зналъ прекрасно и травники, лѣчебники и прочіе сборники домашнихъ рецептовъ.

Вотъ переносящая къ XVIII вѣку надпись на билетикѣ, какіе въ прежнее время вставлялись въ обложку леденца:

Среди прекраснѣйшихъ долинъ
Свершилъ любви я пантонимъ.

Слѣдующій случай, обличаетъ его богатыя познанія въ древне русской письменности и вѣрный его глазъ долженъ быть отмѣченъ въ виду важности сдѣланнаго имъ открытія. Во время посѣщенія въ 1890 году Псково-Печерскаго монастыря при обозрѣніи рукописей монастырской библіотеки, Горбуновъ обратилъ вниманіе на отрывокъ одной рукописи, поразившей его своей красотой, о чемъ и сказалъ спутникамъ. Рукопись была тотчасъ передана присутствовавшему здѣсь Хр. М. Лопареву, который списалъ этотъ отрывокъ, оказавшійся по его изслѣдованію памятникомъ XIII вѣка. Это было Слово о погибели русской земли...

Сидя однажды въ засѣданіи Общества Любителей Древней Письменности и слушая какое-то скучное сообщеніе, наводящее тоску по своей безцвѣтности, Горбуновъ передалъ мнѣ записанное имъ на клочкѣ бумаги слѣдующее заключеніе:

Же доръ
Тю доръ
Иль доръ
Ну дормонъ
Ву дорме
Иль...

Вотъ нѣсколько строкъ, написанныхъ имъ однажды на другомъ ученомъ засѣданіи. Докладчикъ упомянулъ о благодѣтельныхъ сторонахъ того времени, когда помѣщики и крестьяне „одно цѣлое составляли“. Горбуновъ взялъ карандашъ и на клочкѣ бумаги набросалъ слѣдующій указъ:

„А воровъ и лѣнтяевъ брать въ контору и сѣчь ж... безъ всякаго милосердія. А за бабами и дѣвками строго смотрѣть, чтобы б...... не заводили, а виновныхъ сѣчь, а также сѣчь и соблазнителей“.

По свидѣтельству графа Н. Е. Комаровскаго, была у Горбунова мимолетная сцена, относящаяся къ изображенію времени отмѣны крѣпостного права. Возстановить ее можно только намекомъ, но въ живомъ изображеніи его вся картина представлялась, какъ на яву. Наступаетъ 19-ое февраля 1861 года. Манифестъ читается всюду съ волненіемъ. Въ одной изъ залъ Московскаго Англійскаго клуба сидятъ нѣсколько членовъ и слушаютъ чтеніе. Изобразить позы и типы слушателей невозможно теперь, но ясно видится одна согнувшаяся старческая фигура въ креслѣ, съ длинной трубкой. Старикъ слушаетъ съ большимъ вниманіемъ, видимо не сразу понимая смыслъ манифеста. Онъ накрылъ правой рукой глаза, какъ дѣлаютъ, когда смотрятъ вдаль противъ свѣта и потянулся впередъ. Глаза его впились въ чтеца. Но вотъ смыслъ разобранъ и неожиданно изъ угла, гдѣ онъ сидѣлъ, разносится восклицаніе:

— Тьфу!

И затѣмъ другое, крѣпкое русское слово, не передаваемое въ печати, „въ колѣнѣ восходящемъ“, по адресу ихъ.

Въ своихъ печатныхъ разсказахъ Горбуновъ упоминалъ о крѣпостномъ правѣ и въ разсказѣ „Медвѣдь“ вывелъ одного старика, бывшаго Аракчеевскаго крѣпостного, вспоминавшаго о быломъ времени и о своемъ „большомъ господинѣ“, какихъ „нынче и господъ-то нѣтъ, да и въ тѣ поры, пожалуй что, не было“...

— Строгой былъ человѣкъ, горя нашего не чувствовалъ... Лютой былъ человѣкъ, попилъ нашей крестьянской крови вволю... А жить намъ за нимъ было хорошо: страхъ былъ, баловства не было, пьянства этого, кабаковъ... Мужикъ былъ сытый.

Съ этимъ замѣчаніемъ соглашается и другой крестьянинъ, находившій, что „мужикъ былъ въ тѣ поры форменный... какъ есть...“, а теперь „народъ горькій, всѣ пропимшись... теперича только пьютъ, да на погорѣлое мѣсто собираютъ“.

VIII.

Вотъ нѣсколько личныхъ воспоминаній о Горбуновѣ. Въ первый разъ мнѣ пришлось видѣть его въ 1883 году. Это было у насъ на Фонтанкѣ на дѣтскомъ домашнемъ спектаклѣ. Живо помню настроеніе за кулисами, когда намъ сказали, что въ числѣ зрителей находится извѣстный артистъ Горбуновъ. Помню его стоящимъ позади стульевъ недолеко отъ входа. Бывалъ Горбуновъ у насъ въ Кусковѣ и позднѣе въ Михайловскомъ, куда ежегодно пріѣзжалъ къ храмовому празднику, а зимой бывалъ почти каждую среду по вечерамъ. Помню, послѣ одного вечера, онъ подвезъ меня на извощикѣ до дому и дорогой оживленно бесѣдовалъ о впечатлѣніи, оставленномъ послѣ проведеннаго вечера. Онъ признался, что не любитъ, когда къ нему слишкомъ пристаютъ съ просьбами разсказать что-нибудь особенно неприличное. Потомъ разговоръ перешелъ на русскую литературу. Онъ заговорилъ о Пушкинѣ и Гоголѣ, о тѣхъ писателяхъ которые *не умрутъ.*

Однажды возникло предположеніе вмѣстѣ проѣхаться по столь знакомой ему Волгѣ, гдѣ онъ много изучилъ народныхъ сценъ и подслушалъ разговоровъ. И онъ дѣйствительно могъ похвалиться знаніемъ русскаго народнаго быта, какъ однажды и выразилъ:

— Насъ, батюшка, больше спрашивайте, все разскажемъ.

Припоминаю еще 14-го сентября въ Петербургѣ праздникъ Вздвиженія, день его ангела, когда къ нему собирались его друзья и гдѣ за столомъ самъ хозяинъ, отличавшійся особеннымъ хлѣбосольствомъ и самъ великолѣпный знатокъ въ изготовленніи различныхъ блюдъ, радушно угощалъ своихъ гостей, принадлежащихъ ко всѣмъ слоямъ общества. Въ 1892 году въ этотъ день былъ провозглашенъ хозяиномъ, среди многочисленнаго общества собравшихся друзей, тостъ въ память И. И. Лажечникова, столѣтняя годовщина со дня рожденія котораго какъ разъ въ этотъ день приходилась.

Не разъ зазывалъ Горбуновъ посмотрѣть на устроенный имъ музей въ Александринскомъ театрѣ и я однажды въ указанный день отправился, но засталъ его въ необыкновенно мрачномъ расположеніи духа. Онъ водилъ по комнатамъ, показывалъ портреты артистовъ и лицъ, причастныхъ къ исторіи русскаго театра и помню, какъ съ особенной гордостью говорилъ, указывая на портреты актеровъ:

— Крестьянинъ, крестьянинъ... и это крестьянинъ...

За столикомъ, тутъ же въ музеѣ, онъ потребовалъ пива, но мрачное разположеніе его не покидало и онъ высказалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній о невниманіи къ музею и всеобщемъ равнодушіи къ памятникамъ исторіи и ея духу... Кажется музея этого, въ томъ видѣ какъ его устраивалъ Горбуновъ, уже не существуетъ. Онъ, говорятъ, разобранъ и сложенъ въ кладовую. Для насъ впрочемъ, такое варварство не удивительно...

Не могу забыть также и частыхъ застольныхъ бесѣдъ у Н. П. и А. П. Барсуковыхъ, гдѣ на Большой Морской въ „Патріаршей палатѣ“ гдѣ у Горбунова было свое особое мѣсто во главѣ стола, за которымъ много разъ сыпались, сверкая искрами, блестки его остроумія, мимическаго таланта и поразительной наблюдательности.

Помню Ивана Ѳедоровича часто и въ Москвѣ въ „Славянскомъ Базарѣ“ и его любопытныя замѣчанія о блюдахъ и какъ однажды онъ распространился о томъ, какъ надо дѣлать кулебяку, такую, „чтобъ дышала“.

Застольныя замѣчанія Горбунова бывали превосходны; таково восклицаніе одного купца послѣ того, какъ онъ только что опрокинулъ рюмку листовки, настоянной на листу черной смородины.

Запахъ настойки обдалъ его ароматомъ и онъ восхищенный съ умиленіемъ произноситъ:

— Садъ...

Если наливка была удачна, Горбуновъ съ особеннымъ ударенiемъ говорилъ:

— Хо-ро-шà.

Или:

— Необыкновенная.

Это слово онъ очень любилъ.

Однажды онъ прислалъ мнѣ приглашенiе къ себѣ отобѣдать въ видѣ слѣдующаго произведенія: Ода пригласительная на обѣдъ нѣкоего молодого графа съ его друзьями:

На щи зову тебя со кашей
Къ семи часамъ. О, приходи!
Отъ всей семьи прошу я нашей.
Исполни просьбу, угоди!

* * *

И се тебя солянка срѣтитъ,
Съ парной свининой, колбасой,
. . . .
Съ приправой изъ британскихъ сой.

* * *

Покрыты пѣнкою творожной,
Ватрушки будутъ на столѣ.
Вкушай ихъ нѣжно, осторожно,
Съ печатью думы на челѣ.

* * *

Вкушай и мни: сіи ватрушки
Тебѣ въ угоду спечены
Трудами дряхлыя старушки.
О, вы, отечества сыны!

* * *

О, ты, студентъ еще недавный.
О, ты, нашъ Пушкинъ-Мусинъ графъ!
Окончивъ курсъ наукъ исправно,
Со титломъ кандидата правъ,

* * *

Ты вѣчной славою покрылся.
Тая въ душѣ священный жаръ,
Въ Петрополь снова ты явился,
Презрѣвъ Никитскій булеваръ.

* * *

О, вы, о, братья Барсуковы
Во древность разумъ свой вперивъ,
Отторгли свѣтскія оковы
Со дерзновеньемъ... Тенерифъ

* * *

Руками дѣвъ младыхъ нальется
. . . .

[Не окончена].

Къ строкѣ, начинающейся *Вкушай и мни...* авторомъ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „*Мни* — выходитъ какъ бы мни ватрушки, а значитъ *думай,* повелительное наклоненіе отъ глагола *мнитъ*, а не *мять*. Какой трудный русскій языкъ! Примѣчаніе Ломоносова“.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось воспользоваться этимъ приглашеніемъ: это было время государственныхъ экзаменовъ, вышло недоразумѣніе и я не попалъ на обѣдъ, не предупредивъ даже хозяина...

Кромѣ письменныхъ даровъ, Иванъ Ѳедоровичъ подарилъ мнѣ еще двѣ своихъ фотографическихъ карточки. На одной, изображающей генерала Дитятина, надпись сдѣлана дрожащей рукой — автографъ Дитятина... Еще принесъ онъ мнѣ въ даръ портретъ Грановскаго старую литографію, по его словамъ, рѣдкую.

Горбуновъ не скрывалъ, что не любилъ разсказывать въ театрѣ передъ публикой, а предпочиталъ болѣе тѣсный кругъ цѣнителей. Можно сказать съ увѣренностью, что онъ много зависѣлъ отъ аудиторіи и не разъ замѣчаемо было, что если онъ видѣлъ, что аудиторія не та, или есть кто-нибудь, вносящій холодъ, или вообще настроеніе не то, онъ совсѣмъ иначе разсказывалъ, или даже умолкалъ. Особенно не любилъ онъ, чтобы его перебивали. Онъ говорилъ, что въ присутствіи одной строгой дамы онъ былъ совершенно не въ состояніи разсказывать. Кромѣ того, онъ замѣчательно былъ чутокъ въ пониманіи той среды, которая его слушала, а потому для болѣе широкаго круга и болѣе тѣснаго у него была огромная разница. Обладалъ онъ въ чрезвычайной степени тактомъ. Никогда никто не слыхалъ, чтобъ у него, хотя бы нечаянно, сорвалось что-нибудь нескромное въ присутствіи дамъ или дѣвицъ.

Терпѣть не могъ онъ когда къ нему навязчиво приставали съ вопросами: „разскажите, Иванъ Ѳедоровичъ, да разскажите“...

Когда дѣлалъ это кто-нибудь особенно навязчиво и грубо, онъ, несмотря на всю свою безконечную доброту, начиналъ сердиться и у него вырывалось:

— Что я органъ, машина?

Къ сожалѣнію, у нѣкоторыхъ была именно такая манера.

Однажды одинъ изъ близкихъ друзей Горбунова, послѣ излишнихъ возліяній пришедшій въ состояніе возбужденное, началъ вдругъ нападать на него и попрекать за его безалаберную жизнь „шута“.

— Вѣдь ты шутъ. Ну, потѣшай, потѣшай!

Горбуновъ сначала не обращалъ вниманія, но когда пьяная рѣчь друга не прерывалась все въ томъ же направленіи, онъ не выдержалъ... заплакалъ и всталъ изъ-за стола.

Не забуду никогда впечатлѣнія, вынесеннаго послѣ одного обѣда въ его квартирѣ въ Петербургѣ на Невскомъ, когда онъ неожиданно унесся воспоминаніями въ давно прошедшія времена своихъ первыхъ шаговъ артистической дѣятельности. Это случалось съ нимъ рѣдко и не часто приходилось присутствовать при подобномъ воскрешеніи людей отшедшихъ.

Въ воспоминаніяхъ о людяхъ прошлой эпохи, писателяхъ и артистахъ по преимуществу, Горбуновъ, обладая богатою памятью и умѣньемъ въ яркихъ образахъ возсоздавать прошлое, изображалъ, бывало, и что особенно дорого, сохраняя при этомъ интонацію говорившихъ, цѣлые сцены и разговоры съ давно умершими людьми. Въ такія рѣдкія минуты Иванъ Ѳедоровичъ былъ неподражаемъ... А. Н. Островскій, Аполлонъ Григорьевъ, Б. Н. Алмазовъ, Провъ Садовскій и другіе артисты Малаго театра, вообще кружокъ „Молодого Москвитянина“, а также М. С. Щепкинъ, А. Ѳ. Писемскій, А. И. Герценъ, И. С. Тургеневъ, Н. А. Некрасовъ и многіе другіе вызывались въ памяти Горбунова и производили на имѣвшихъ счастіе слушать его въ эти минуты неотразимое впечатлѣніе воскрешенія замѣчательныхъ людей, уже давно сошедшихъ со сцены. Ярко и выпукло рисовалась въ воспоминаніяхъ о старой московской жизни своеобразная фигура знаменитаго генералъ-губернатора графа А. А. Закревскаго съ плѣшью на головѣ, напоминавшей, по выраженію Горбунова, „стертый полтинникъ“.

Вотъ эти-то историческіе образы и сцены мнѣ всегда особенно хотѣлось записать, хотѣлось занести на бумагу иногда вскользь брошенное слово, мѣткую характеристику, цѣлую картину, освѣщающую прошедшее.

Горбуновъ вообще любилъ вспоминать Закревскаго. Онъ разсказывалъ, что однажды въ классъ Московскаго Училища живописи и ваянія, гдѣ онъ и самъ одно время учился, вошелъ графъ Закревскій. Ученики рисовали съ модели. Генералъ-губернаторъ подошелъ къ одному ученику и спросилъ, что онъ рисуетъ. Тотъ отвѣчалъ:

— Торсъ.

Закревскому почему-то это слово очень не понравилось и онъ крикнулъ:

— Я тебѣ задамъ... торсъ!

Путешествуя за границей, Горбуновъ, будучи въ Лондонѣ, видѣлся тамъ съ Герценомъ, поразившимъ его силою своего таланта и тѣмъ „дьявольскимъ остроуміемъ“, которымъ онъ, по словамъ Горбунова, отличался. Въ свою очередь и Горбуновъ, послѣ двухъ-трехъ разсказовъ, среди которыхъ, кажется, былъ „Квартальный“, завоевалъ всѣ симпатіи Герцена. Послѣдній пришелъ въ неописанный восторгъ, горячо обнялъ Горбунова и расцѣловалъ его. И Горбуновъ говорилъ: „онъ помянулъ меня въ своихъ сочиненіяхъ“.

Герценъ, разставаясь, подарилъ Горбунову свою фотографическую карточку, на которой онъ снялся вмѣстѣ съ Огаревымъ и надписалъ: „alter ego“

Во время бесѣды разговоръ вращался вокругъ темы о готовившемся освобожденіи крестьянъ. Носились слухи о будто бы безземельномъ освобожденіи, которые не могли не волновать Герцена. Горбуновъ передавалъ сцену: Герценъ посреди разговора вдругъ съ размаху ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ:

— Нѣтъ! крестьяне *будутъ* освобождены и съ землей!

Путешествіе свое заграницу Горбуновъ не разъ вспоминалъ

Помню изображенія качки на морѣ и какъ больнымъ выжимаютъ на уста лимонъ, слышу растянутое пѣніе процессіи монаховъ въ Римѣ: salve...

Очень высоко цѣнилъ Горбуновъ Писемскаго, какъ писателя и говаривалъ:

— Прочтите, батюшка, *настоящій*...

Помню, онъ расказывалъ, какъ въ Петербургѣ послѣ одной литературной вечеринки, на которой читалось вслухъ одно изъ только-что вышедшихъ произведеній начинающаго гр. Л. Н. Толстого, кажется „Севастопольскіе разсказы“, Горбуновъ поздно вечеромъ возвращался домой вмѣстѣ съ Писемскимъ, который былъ угрюмъ и молчалъ. Талантъ Толстого видимо произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Вдругъ Писемскій останавливается у панели и раздраженно произноситъ:

— Этотъ всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ, хоть бросай перо! Офицеришко всѣхъ заклюетъ.

Не разъ вспоминалъ Горбуновъ и о своихъ еще надавнихъ посѣщеніяхъ графа Л. Н. Толстого, очень цѣнившаго „художественную природу“ Горбунова, что мнѣ однажды лично пришлось услыхать отъ графа Льва Николаевича.

Много воспоминаній было и о Провѣ Садовскомъ.

Много воспоминаній приводилъ Горбуновъ о Некрасовѣ и у него былъ цѣлый рядъ разсказовъ объ охотахъ съ поэтомъ. Облавы на медвѣдя, лосей, дорожные эпизоды, происшествія на привалахъ и ночевкахъ, словомъ, цѣлая вереница образовъ, сценъ, шутокъ, разговоровъ...

Однажды оба охотника стояли на лосиномъ кругу. Загонщики уже стали приближаться къ линіи, а лосей все не было. Легко было предположить, что они вышли изъ круга.

Некрасовъ пересталъ ждать и громко крикнулъ съ своего номера:

— А не приложиться ли къ мадерѣ?

Горбуновъ слѣдуетъ совѣту, но въ эту минуту показывается лось. Онъ бросаетъ фляжку, быстро вскидываетъ штуцеръ и стрѣляетъ на вскидку, „какъ по бекасу“.

Раздается выстрѣлъ... Лось падаетъ... Подбѣгаютъ... Лосиха!

Въ другой разъ расположились на привалѣ. Горбуновъ, какъ знатокъ дѣла, возился около закуски. Охотники стали торопить и кто-то крикнулъ:

— Ну, Ванюша, поскорѣе!

Одинъ изъ окружавшей толпы, желая услужить, вставилъ отъ себя:

— Слышь, Ванька, поскорѣе, господа требуютъ.

И Горбунова долго съ тѣхъ поръ приводило въ умиленіе это восклицаніе. А „господа“ были Некрасовъ и адмиралъ К. К. Краббе.

С. В. Максимовъ разсказывалъ, что былъ совершенно подобный случай въ одномъ домѣ, гдѣ кухарка, будучи въ полной увѣренности, что говоритъ также съ прислугой, начала цѣлый разговоръ, спрашивала, „по чемъ живете“, и Иванъ Ѳедоровичъ, не выдавая себя, съ особеннымъ удовольствіемъ поддерживалъ эту бесѣду.

Мнѣ вспоминается другой случай, также приведшій въ восторгъ Горбунова, когда нашъ приходскій священникъ, нынѣ покойный о. Глѣбъ Архангельскій, освѣдомлялся, будетъ ли пріѣхавшій Горбуновъ „каламбуры отпускать“ и какъ самъ Иванъ Ѳедоровичъ умилялся этому вопросу.

И какъ другой священникъ, проходя мимо дома, гдѣ проводилъ лѣто Горбуновъ, и видя его пишущимъ у себя на балконѣ, замѣтилъ:

— Трудетесь, господинъ литераторъ?

Однажды М. И. Семевскій обратился къ Горбунову съ довольно неожиданнымъ поощрительнымъ восклицаніемъ:

— А вы небезъ юмора!

Горбуновъ отвѣчалъ:

— Этимъ торгуемъ.

Очень любилъ Горбуновъ давать прозванья своимъ знакомымъ. Однажды, ѣдучи изъ нашей деревни, села Михайловскаго, на желѣзную дорогу, онъ нагналъ Я. П. Полонскаго, у котораго сломался экипажъ. Полонскій стоялъ въ полѣ съ своимъ костылемъ, дожидаясь починки экипажа. Горбуновъ разсказывалъ потомъ: „стоитъ Яковъ Петровичъ въ полѣ какъ аистъ на одной ногѣ“.

Ив. Ив. Мусина-Пушкина Горбуновъ звалъ грибоѣдовскимъ именемъ: „Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ“. А про археолога-архитектора Н., весьма небольшого ростомъ, говорилъ: „а этотъ маленькій на ножкакъ журавлиныхъ“. Двухъ братьевъ, Б. и А. Ш-хъ, тогда юнкеровъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, называлъ: „Левонъ и Боринька, чудесные ребята“. Двухъ студентовъ Московскаго университета Д. Ш. и В. П., появлявшихся одно время въ Петербургѣ вмѣстѣ, называлъ: „Теодоръ и Адольфъ“. Про одно многочисленное семейство, въ которомъ было нѣсколько дѣвицъ, говорилъ: „сколько груздей“. Баса Маріинской оперы, артиста В. Я. Майбороду, называлъ „Іюньусы“. Пѣвицу г-жу Пиккалугу,—„Червитула“. Одного литератора называлъ „Васинька безпутный“, а другого, театрала „тоска мущина“. Одна артистка Императорскаго Александровскаго театра называлась „тараканья моща“. Много было и другихъ прозваній.

Имена для своихъ героевъ Горбуновъ также выбиралъ весьма мѣтко. Перезрѣлая захолустная дѣвица съ подвязанной щекой „Вѣра Дмитріевна“; торговка Александровскаго рынка „Дарья Гаврилова“; обдерганый, рваный политическій преступникъ „Конъ Никоновъ“; степенный крестьянинъ „Калина Митричъ“; герой Тенерифа и Кинареички, прикащикъ „Иванъ Семеновъ“; одинъ изъ среды земскаго собранія „ихъ превосходительство Лявонтій Борисычъ“— все это въ разсказахъ Горбунова были живые люди и сколько ихъ еще у него было...

Ужасно любилъ онъ выраженія „послѣ дождичка въ четвергъ“, „съ бухты барахты“, „благимъ матомъ“. Было у него излюбленное выраженіе „безумна голова не дастъ ногамъ покою“, „треба погибати“ и много другихъ.

Разныя наименованія давалъ онъ и себѣ. Подписывался онъ и „Верховный скоморохъ“, и „Скоморохъ Потѣшнаго Приказа“, и „Гудошникъ Ивашка“, и „Иванецъ“, и просто „Иванъ Ѳедоровичъ“, или „Jean Gorbounoff“, а въ Итали былъ кажется, „Jiovanni Gorbini“.

IX.

Любопытная сцена происходила на одномъ вечерѣ въ Зимнемъ дворцѣ, куда и Горбуновъ былъ приглашенъ, такъ какъ покойный Государь Александръ II очень любилъ его слушать. По свидѣтельству графа А. Н. Ламздорфа, это было такъ. Императрица Марія Александровна однажды затѣяла живыя картины изъ „Колокола“ Шиллера. Она хотѣла доставить удовольствіе Государю. Программа была строго и подробно обдумана. Въ перерывахъ должны было исполняться музыкальныя произведенія Сѣровымъ. Императрица хотѣла сдѣлать Государю сюрпризъ. Когда весь обработанный планъ вечера былъ сообщенъ Государю, онъ вдругъ объявилъ, что хотѣлъ бы въ перерывахъ также Горбунова. Это было неожиданно и Императрица, вообще сочувствовавшая Горбунову, кажется, была не совсѣмъ довольна, ибо это не шло къ программѣ. Наступилъ вечеръ. Картины чередовались. Сѣровъ умилялъ всѣхъ своимъ pianissimo. Вдругъ послѣ поэтическихъ образовъ Шиллера и звуковъ музыки, развалась звонкая рѣчь Горбунова. Переходъ къ Тенерифу былъ рѣзокъ и Императрица качала головой. За то Государь отъ души смѣялся. Здѣсь же Горбуновъ пустилъ сцену двухъ старухъ и жалобныя причитанья одной изъ нихъ на то, что проявилась новая, злая болѣзнь и что недавно генералъ одинъ отъ нея померъ и когда собесѣдница со страхомъ стала разспрашивать, отъ какой такой страшной болѣзни померъ генералъ, старуха съ ужасомъ произнесла:

— Отъ инфантеріи, матушка, отъ инфантеріи...

Кончивъ разсказывать, Горбуновъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ былъ буфетъ и подошелъ къ столу. Въ эту минуту Ѳ. Ѳ. Треповъ кинулся къ нему съ слѣдующими словами:

— Пожалуйста, отъ буфета подальше... Потомъ! Потомъ! — думая, что Государь можетъ еще разъ вызвать Горбунова. Государь, дѣйствительно, еще разъ вызвалъ его.

По свидѣтельству А. И. Горбуновой, въ день совершеннолѣтія сына французскаго Императора у французскаго посла Lourier былъ вечеръ, на которомъ присутствовалъ Государь Императоръ Александръ II. Государь былъ въ дурномъ расположеніи духа. Горбуновъ неожиданно для всѣхъ выступилъ съ совершенно новымъ разсказомъ. Это была „Травіата“. Государь разразился неудержимымъ смѣхомъ. Успѣхъ былъ полный. Послѣ этого вечера прислали отъ Наполеона III и Императрицы Евгеніи медаль и булавку. Булавка изображала орла, сидящаго на сферѣ, изъ черной жемчужины. Онъ очень берегъ эту булавку. Амалія Ивановна разсказывала, что однажды, когда наступилъ день имянинъ старшей дочери ихъ Танечки, денегъ не случилось, а этотъ день Иванъ Ѳедоровичъ привыкъ всегда справлять. Поэтому онъ рѣшился продать жемчужину, какъ это ни было ему тяжело. Такъ онъ и сдѣлалъ и теперь жемчугъ подставной. Вообще, по ея словамъ, въ деньгахъ онъ ничего не понималъ. Не любилъ ихъ и ничего не берегъ.

Когда Императрица Марія Александровна была тяжело больна и никто не могъ ее вылѣчить ни Гартманъ, ни Карель, ни Здекауеръ, пригласили С. П. Боткина. Боткинъ очень удачно вылѣчилъ Императрицу и по этому радостному случаю Горбуновъ сочинилъ цѣлую службу молебенъ съ акаѳистомъ „преподобному Сергію", которую читалъ нараспѣвъ въ домѣ Боткина. Вмѣсто благословенія хлѣбовъ было:

„Самъ, Господи, благослови тріи сіи: cali bromatum, argentum nitricum и chininum muriaticum и умножи ихъ въ царствующемъ градѣ семъ и во всемъ мірѣ твоемъ"...

Читалось на-распѣвъ евангеліе объ исцѣленіи жены Кесаря: „Во время оно пріиде во градъ святаго Петра человѣкъ нѣкій именемъ Сергій. И бѣ той отъ Москвы. И заболѣ жена кесаря страны тоя. Тефтонстіи же волсви не можаше исцѣлити ю. И призва кесарь Сергія и повелѣ исцѣлити ю. И водвори Сергій жену кесаря во страны Таврическія. И исцѣлѣ жена кесаря. Тефтонстіи же волсви посрамлени быша. И проиде слава о немъ объ онъ полъ Волги и иныхъ..."

Однажды у насъ въ Кусковѣ произошло удивительное сочетаніе. Были: Московскій генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, Индійскій Магараджа Дулипъ-Сингъ, прибывшій изъ Англіи, гдѣ у него испортились отношенія, и И. Ѳ. Горбуновъ. Это было весьма необыкновенно. Между прочимъ Горбуновъ разсказалъ обѣдъ американцамъ съ англійскими рѣчами капитана корабля и шкипера. Магараджа сначала пытался понять смыслъ, но, узнавъ, что Горбуновъ не говоритъ по англійски, страшно смѣялся. Князю Владиміру Андреевичу Горбуновъ разсказалъ нѣсколько особенныхъ сценъ, усадивъ его въ сторонѣ отдѣльно и князь очень смѣялся. Потомъ неожиданно Горбуновъ, улучивъ минуту, когда князь Долгоруковъ ушелъ, надѣлъ его конногвардейскую фуражку и изобразилъ выраженіе его лица, сложивъ какъ у него „губы бантикомъ".

Подобную рѣчь на англійскомъ языкѣ Горбуновъ однажды произнесъ въ Царскомъ Селѣ въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскомъ полку въ присутствіи пріѣхавшихъ изъ Англіи и гостившихъ въ то время въ Петербургѣ представителей полка Scotch-Greys. Это было въ 70-хъ годахъ. По свидѣтельству А. Ѳ. Безобразова, рѣчь была произнесена въ самомъ концѣ вечера, а потому произвела сильное впечатлѣніе. Гости были убѣждены, что ихъ привѣтствуютъ на родномъ языкѣ.

Въ дневникѣ Горбунова есть упоминаніе, что однажды въ лагерѣ онъ „разсказывалъ солдатамъ". Такой, случай былъ, по словамъ Б. М. Петрово-Соловово, и въ Гусарскомъ полку. Когда послѣ обѣда въ дежурной комнатѣ, и послѣ того какъ, по заведенному обычаю, пѣсенники въ числѣ прочихъ гостей, качали и его, онъ, вмѣсто того, чтобы дать имъ на водку, сказалъ: „Я, братцы, вамъ, что могу...“ и тутъ же въ кругу столпившихся солдатъ разсказалъ нѣсколько сценъ, вызывая общій неудержимый ихъ смѣхъ.

Часто бывая въ Москвѣ, Горбуновъ основалъ тамъ подъ своимъ предсѣдательствомъ „Общество лампопистовъ“. Общество состояло изъ нѣсколькихъ членовъ, среди которыхъ были: Л. И. Пальминъ, И. А. Вашковъ, Л. Г. Граве, А. Ф. Ивановъ-Классикъ, философъ П. Е. Астафьевъ, актеры Л. И. Градовъ-Соколовъ и Лошивскій [Шиловскій]—Григоровскій, историкъ древне-русской литературы Е. В. Барсовъ, Ф. Н. Плевако и др. „Лампопо“—это напитокъ изъ пива, приготовлявшійся самимъ Горбуновымъ. Само названіе указываетъ на соединеніе веществъ пополамъ, откуда и произошло обратное: лам-попо. По старымъ рецептамъ пиво соединялось вмѣстѣ съ медомъ. Рецептъ приготовленія былъ слѣдующій. Взять горбушку чернаго хлѣба, чтобы былъ пропеченъ, внимательно осмотрѣть ее. Горбушку изжарить на жару, сжигая до черна. Въ стеклянную вазу, обложенную льдомъ, влить пива, положить нѣсколько кусковъ сахару и кожу съ лимона, которую Горбуновъ называлъ „цедрой“. Раскаленный хлѣбъ опустить въ холодное пиво и крѣпко закрыть сосудъ. Черезъ нѣсколько минутъ напитокъ готовъ. Къ этому то обществу лампопистовъ и относится посланіе Горбунова „къ московскимъ людямъ“ и „увѣщаніе глаголемаго лампописта“.

Секретарь этого общества Ѳ. К. И-въ, разсказывая о Горбуновѣ, вспоминаетъ слѣдующій случай. Однажды компанія лампопистовъ отправилась изъ Москвы въ Кусково, гдѣ въ это время былъ у насъ Горбуновъ. Въ нашъ домъ была послана записка, вѣроятно изъ сада „Гай“, гдѣ есть ресторанъ, въ которой они звали Горбунова придти къ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что никакъ придти не можетъ. Тогда Н. А. Вашковъ написалъ и отправилъ въ домъ, слѣдующее письмо стихами:

Много гроздій виноградныхъ
На брегахъ цвѣтущихъ По;
Мы же здѣсь, въ мѣстахъ прохладныхъ,
Пьемъ родное лампопо.
Вечеръ теплый,—это ново,
Мы свободны въ этотъ часъ...
Не хватаетъ Горбунова,
Приходите,—ждемъ мы Васъ.

Черезъ четверть часа Горбуновъ явился, тронутый словомъ.

Была у Горбунова одна очень образная сцена, къ сожалѣнію трудно передаваемая безъ жестовъ и звуковъ голоса, изъ міра актеровъ прежняго времени. Кто-то стоитъ за билліарднымъ столомъ съ кіемъ въ рукѣ и цѣлится въ шаръ. Рядомъ идетъ какой-то разговоръ. Спрашиваютъ играющаго, тотъ продолжаетъ цѣлиться, но затѣмъ небрежно поворачиваетъ въ сторону вопрошающихъ голову и бросаетъ:

— Я вообще въ Бога не вѣрую...

И тутъ же:

— Желтаго въ уголъ!

При этомъ онъ дѣлаетъ движенie впередъ, откидываетъ правую ногу, съ размаху ударяетъ шаръ и... киксуетъ.

Подобный разсказъ былъ еще объ актерѣ Максинѣ, зашедшемъ въ одинъ московскiй трактиръ, въ которомъ сидѣли купцы, возвратившiеся отъ службы въ Великую Пятницу. Купцы съ благоговѣнiемъ бесѣдовали о службѣ самого владыки Филарета. Максинъ сидѣлъ тутъ же съ длинной трубкой, вмѣшался въ эту бесѣду и неумѣстно замѣтилъ:

— А я вообще не вѣрую...

Купцы спросили:

— Во что?

— Въ евангелiе...

— Вонъ его!!!

Вернулся однажды одинъ артистъ домой въ нетрезвомъ состоянiи и очень опасался, какъ бы жена его, которая уже спала, не замѣтила его прихода. Поэтому, войдя въ комнату, онъ началъ потихоньку и осторожно раздѣваться. Раздѣвшись совершенно благополучно, онъ сталъ молиться передъ кiотомъ съ образами, какъ вдругъ со стороны кровати слышится кислый, укоризненный голосъ:

— Алексѣй Михайловичъ, вы бы шляпу-то сняли!

Онъ молился совершенно раздѣтый, но... въ шляпѣ.

Въ задней комнатѣ московскаго трактира, за столомъ, уставленнымъ напитками, подвыпившiй купецъ играетъ въ карты съ актеромъ—и проигрываетъ.

Потомъ не только отыгрываетъ свой проигрышъ, но еще и выигрываетъ у актера. Спрашиваетъ деньги.

— Чего-съ?

— Деньги подавай, что проигралъ!

— Извините-съ, мы—театральные-съ...

Разсказывалъ Горбуновъ кажется о Мартыновѣ, о томъ, какъ онъ иногда являлся на спектакль, вовсе не готовясь. Спрашивалъ, что идетъ, какая его роль и выходилъ, увѣренный въ себѣ. Разъ онъ появился въ такомъ видѣ, что играть казалось ему будетъ не возможно. Надо было выходить вмѣстѣ съ нимъ и Горбунову. Горбуновъ подходитъ къ нему и говоритъ, что сейчасъ ихъ выходъ. Мартыновъ лежитъ въ уборной на диванѣ, не совсѣмъ понимая, что происходитъ кругомъ. Горбуновъ уговариваетъ его встать и выражаетъ опасенiе, что онъ не будетъ въ состоянiи играть въ такомъ видѣ какъ слѣдуетъ, но Мартыновъ воскликнулъ:

— Ваня! Я Мартыновъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, цѣпляясь за кулисы, онъ вышелъ на сцену и свою роль сыгралъ великолѣпно.

Вспоминалъ въ другой разъ Иванъ Өедоровичъ разные комическiе случаи изъ жизни артистовъ: незнанiе роли и необходимость суфлера, только чтобы знать, что „тутъ онъ батюшка сидитъ“

и довольно для спокойствія, или комическія обмолвки артистовъ въ родѣ:

— Эхъ, братъ Иванъ! И на твоей слезѣ щека повисла.

Или:

— Выпьемъ чару велена зина... зина велена...

Или какъ однажды кто-то пустилъ нечаянно вмѣсто пили чай—„чилипяй“, а вмѣсто перо и чернила, „черо и пернила“.

А одинъ трагикъ вмѣсто фразы: „Умри подъ ножомъ Прокопа Ляпунова!“ заоралъ:

— Пей подъ лякомъ Нажопа Пропунова!

Хорошо было также изображеніе сцены у фонтана изъ „Бориса Годунова“. Актеръ, игравшій Лжедимитрія, послѣ объясненія съ Мариной, встаетъ съ колѣнъ и вмѣсто извѣстнаго: „Довольно! Стыдно мнѣ предъ гордою полячкой...“, съ аффектаціей произноситъ:

— Довольно стыдно мнѣ предъ гордою полячкой унижаться!

Это въ родѣ ошибки того дьячка, который у Горбунова вмѣсто словъ: почтися погибаемъ... пѣлъ: „почти что погибаемъ...“

Вотъ еще обмолвка актера, игравшаго сторожа темницы.

— Ну, теперь я спокоенъ: ключи заперты, двери въ карманѣ.

Одинъ артистъ, игравшій Чацкаго, хотѣлъ послѣ заключительныхъ словъ: „Карету мнѣ, карету“! непремѣнно упасть. Удивленный режисеръ спрашиваетъ: „Для чего это“? Тотъ отвѣчаетъ: „Для эффекта“. И упалъ...

Вспоминалъ Горбуновъ также, какъ одинъ актеръ очень любилъ завиваться. Чацкій у него былъ завитой, Хлестаковъ завитой, Скопинъ-Шуйскій завитой, Самозванецъ завитой.

Другой актеръ, играя Гамлета, въ сценѣ съ матерью „съ папироской вышелъ“, а въ роли короля Лира, надѣвалъ на себя „звѣзды съ кавалерійскаго вальтрапа“.

Горбуновъ не выносилъ дѣланности и аффектаціи на сценѣ и очень мѣтко высмѣивалъ подобную интонацію, къ сожалѣнію, не передаваемую на бумагѣ. Особенно удачно выходило у него восклицаніе одного артиста по поводу чьей-то смерти:

— Умярла...а...

Театральный міръ былъ близко знакомъ Горбунову. Онъ разсказывалъ, будто одно лицо, имѣвшее прикосновеніе къ театру, офиціально высказалось однажды по поводу какой-то пьесы. Черезъ нѣкоторое время на представленіи присутствовалъ Государь и выразилъ сужденіе, какъ разъ обратное. Тогда это лицо въ офиціальной бумагѣ пишетъ...

— Что касается до мнѣнія моего, выраженнаго тогда то, то оно симъ уничтожается.

Присутствуя однажды на урокѣ танцевъ у насъ въ домѣ, Горбуновъ умилялся манерами извѣстнаго въ Петербургѣ учителя танцевъ, покойнаго Н. П. Троицкаго, говоря, что у него „одинъ поворотъ сто цѣлковыхъ“.

Вспомнилъ однажды Горбуновъ и первую репетицію „Власти Тьмы“ на Александринскомъ театрѣ и какъ въ сценѣ дѣвочки съ итричемъ одна молодая артистка тронула его „до слезы“.

Этотъ отзывъ напоминаетъ другое опредѣленіе чувствъ, которое Горбуновъ однажды высказалъ по поводу продолжительнаго сосѣдства за обѣдомъ съ однимъ скучнымъ господиномъ:

— Натосковалъ!

Если же кто надоѣдливо приставалъ, напримѣръ въ прогулкѣ, Горбуновъ говорилъ: „во еже прицѣплятися“.

Любилъ часто Горбуновъ разсказывать про „Наполеондру“, и при этомъ всегда пояснялъ, что разсказъ этотъ не его, а Прова Садовскаго. Привожу разсказъ этотъ по памяти и со словъ сына поэта, почтеннаго К. Б. Алмазова:

„Собрались это однажды короли-императоры въ одной горенкѣ, примѣрно мы съ вами и толкуютъ промежъ себя, куда бы имъ дѣть этого самаго умнѣющаго человѣка, злокачественнаго мошенника, Наполеондру. Покорилъ подъ свой ноготокъ всю Европію и разгромилъ первопрестольный градъ Москву. Терпятъ отъ него народы муки мученскія, денегъ и казны потрачено множество, крови пролито бездна, имъ королямъ-императорамъ спокою не даетъ.

А блаженныя памяти Императоръ Александръ Павловичъ, въ Бозѣ почивающій, проходимши мимо это горенки и услыхамши шумъ:

— Анъ, говоритъ, зайду.

Взошелъ.

— Что вы тутъ, говоритъ, дураки, орете?

И могъ онъ имъ евтакую штуку сказать!

Тутъ всѣ короли-императоры съ своихъ мѣстъ повскакали:

— Такъ и такъ, говорятъ, Ваше Императорское Величество, толкуемъ мы промежъ себя, куда бы дѣть намъ этого самаго умнѣющаго человѣка, злокачественнаго мошенника, Наполеондру. Покорилъ подъ свой ноготокъ всю Европію и разгромилъ первопрестольный градъ Москву. Терпятъ отъ него народы муки мученскія, денегъ и казны потрачено множество, крови пролито бездна, намъ королямъ-императорамъ спокою не даетъ.

— Кто жъ у васъ тутъ по эвтому дѣлу смыслитъ?

— Аглечинъ.

— Позвать аглечина!

Пришелъ аглечинъ.

— Здравствуй, любезный аглечинъ!

— Здравія желаю Ваше Императорское Величество!

— Любезный аглечинъ, встань, говоритъ, такъ къ стѣнкѣ. Вотъ, говоритъ, любезный аглечинъ, собрались короли-императоры и толкуютъ промежъ себя, куда бы имъ дѣть этого самаго умнѣющаго человѣка, злокачественнаго мошенника, Наполеондру. Покорилъ подъ свой ноготокъ всю Европію и разгромилъ первопрестольный градъ Москву. Терпятъ отъ него народы муки мученскія, денегъ и казны потрачено множество, крови пролито бездна, имъ королямъ-императорамъ спокою не даетъ. Можешь ли ты этого злокачественнаго мошенника изловить?

— Могу, говоритъ, съ великимъ удовольствіемъ.

— А сколько ты за это возьмешь?

— Ужъ пожалуйте тысячу рублевъ.

— А какъ тебѣ, золотомъ, или ассигнаціями?

— Пожалуйте золотомъ.

Отсчитали.

Для аглечина тысячу рублевъ деньги, а для блаженныя памяти Императора Александра Павловича, въ Бозѣ почивающаго, плевое дѣло.

— А куда, говоритъ, этого злокачественнаго мошенника, умнѣющаго человѣка Наполеондру, посадить?

— А есть, говоритъ, у насъ на морѣ, на окіанѣ, островъ святыя Алёны. Тамъ нѣтъ ни неба, ни земли, ни воды, одна зыбь поднебесная. Часовой ходитъ. Туды и сослать.

Туды и сослали.

Снарядили корабликъ, посадили въ него этого самаго умнѣющаго человѣка, злокачественнаго мошенника, Наполеондру и пустили по волнамъ.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, подъѣзжаютъ къ этому самому острову святыя Алёны.

Туда его и ссадили.

Тамъ и животъ скончалъ.

Тамъ нѣтъ ни неба, ни земли, одна зыбь поднебесная... Часовой ходитъ...

Горбуновъ всегда оканчивалъ на этомъ мѣстѣ, но у Садовскаго было продолженіе разсказа, какъ Наполеондра былъ „положёнъ во двѣнадесять гробовъ“ и какъ черезъ нѣсколько лѣтъ французы рѣшили перевести прахъ его въ Парижъ, въ „Пантеонъ“ и какъ, открывая гробъ, увидали его „аки въ живѣ лежаща“. Только „волосиками поистерся, носками поизносился и ноздри провалились.“

Вѣнецъ творчества Горбунова это созданный имъ историческій типъ, генералъ Дитятинъ. Памятный образъ стараго служаки, чувствующаго себя обойденнымъ, отразившій въ себѣ черты отшедшаго времени. Недовольный новыми порядками, и вмѣстѣ добродушный, воспитанный въ старой суровой школѣ, но умѣвшій всматриваться въ чуждую ему новую жизнь, онъ не пропускалъ ни одного выдающагося событія, чтобы не сдѣлать своихъ замѣчаній, исполненныхъ глубокаго остроумія. Личность Дитятина замѣчательна была своею жизненностью. Это былъ живой человѣкъ, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ отъ иной эпохи. Онъ говорилъ нѣсколько охрипшимъ голосомъ, басомъ и въ звукахъ его рѣчи можно было услыхать грустныя ноты. Одинокій старикъ, не желавшій примириться съ новымъ поколѣніемъ, появлялся не часто и не вездѣ. Онъ любилъ тѣсное общество сверстниковъ, да и тамъ иногда нужно было особое настроеніе, чтобы онъ начиналъ говорить. Его короткія, отрывистія фразы и мѣткія изрѣченія рождались всегда экспромтомъ, вызванныя большею частью кѣмъ-либо изъ собесѣдниковъ, особенно искусныхъ поддерживать разговоръ генерала. Немногіе умѣли вести съ нимъ такую бесѣду и потому не часто приходилось слышать его, вотъ почему такъ мало извѣстно о генералѣ Дитятинѣ.

Генералъ-майоръ Дитятинъ 2-й былъ братъ генералъ-майора Дитятина 1-го. Судьба старшаго брата, по разсказамъ младшаго, была самая печальная. Онъ также не былъ любимъ въ высшихъ военныхъ сферахъ, вѣроятно за то же нескрываемое озлобленіе противъ новыхъ вѣяній. Генералъ Дитятинъ 1-й гулялъ однажды по городу и неожиданно былъ „убитъ кирпичемъ“, упавшимъ съ крыши ненавистнаго ему военнаго министерства, мимо котораго ему случилось проходить. Это не могло, конечно, способствовать примиренію брата его генерала Дитятина 2-го съ существующимъ строемъ и водворившимися при Д. А. Милютинѣ порядками.

У генерала Дитятина были заслуги. Онъ гордился дарованнымъ ему правомъ носить георгіевскія помочи, которыя получилъ по завѣщанію отъ своей крестной матери, нѣжно имъ чтимой Марьи Савишны Перекусихиной.

Онъ любилъ сочинять проекты, писалъ иногда спеціальныя сочиненія, напримѣръ, одно: „О преимуществахъ кремневаго ружья“.

Помню, какъ однажды незабвенный генералъ увѣрялъ, что имъ поданъ проектъ, въ виду экономическихъ соображеній, „кормить солдатъ прессованными костями“.

Разъ развивалъ какой-то стратегическій планъ, кажется, изъ временъ походовъ Дибича и разсказывалъ, какъ нужно было „окопаться“.

Онъ впрочемъ не ограничивался одной военной областью. Однажды онъ предложилъ „вводить православіе посредствомъ пироговъ“.

Въ другой разъ придумалъ новое косвенное обложеніе: „налогъ на пуговицы“.

Иронія Дитятина была порой ядовита. Подойдя однажды къ закускѣ, онъ налилъ себѣ рюмку очищенной водки и, высоко поднявъ ее, какъ бы предчувствуя винную монополію, съ серьезнымъ лицомъ воскликнулъ:

— Симъ побѣдиши!

Дитятинъ слѣдилъ за наукой. Съ какимъ презрѣніемъ отзывался онъ о новой наукѣ о нравственности и удивлялся, почему она новая и кому она нужна.

— Что это за новая наука... етика... Мы знали эту науку...

Генералъ Дитятинъ зналъ немного греческій языкъ и иногда любилъ повторять слова: τῶν ἀποΧμηλεῶν...

Онъ произносилъ всегда „Дамокле́евъ мечь“ и „Гордѣевъ узелъ“, говорилъ не миѳъ, а „ѳимъ“, не Квириналъ, а „Кривиналъ“.

Посѣщалъ онъ и ученыя общества. На одномъ изъ медицинскихъ съѣздовъ, или гдѣ-то въ кругу врачей, онъ даже сказалъ цѣлую рѣчь: „Нѣчто о повязкѣ Листера“.

Всегда принималъ онъ участіе на медицинскихъ обѣдахъ въ Петербургѣ, разсказывая изъ области медицины и чередуя современныя выраженія съ старинными выраженіями дѣлъ аптекарскаго приказа.

Онъ интересовался новыми судами и часто любилъ произносить, растягивая:

— Миттер...ма...а...еръ.

Онъ былъ и философъ и однажды удивилъ всѣхъ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Въ день имянинъ генерала-фельдцейхмейстера не полезно ли подумать о самоуглубленіи?

Генералъ Дитятинъ слѣдилъ и за общественными теченіями и не ему ли принадлежитъ изрѣченіе, что въ Россіи всякое движеніе впередъ начинается всегда „съ лѣвой ноги", но „съ равненіемъ направо".

Слѣдилъ онъ и за внѣшней политикой и даже ѣздилъ однажды къ Бисмарку. Не помню какъ и по какому поводу это случилось, но впечатлѣніе отъ свиданія было вынесено неблагопріятное. Когда генерала Дитятина спрашивали:

— Ну что Бисмаркъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Посредственность.

Бисмаркъ, по его словамъ, не сказалъ ровно ничего особеннаго и только произнесъ:

— Алле меншенъ муссенъ штербенъ.

Одно время генералу Дитятину ужасно понравилась фамилія германскаго имперскаго канцлера и онъ часто ни съ того ни сего повторялъ:

— Монтекукули!

Королеву Викторію онъ называлъ Виг-торія, объясняя ея имя изъ соединенія двухъ партій, виговъ и торіевъ, которыхъ она примирила.

Однажды Горбуновъ уѣзжалъ по Николаевской желѣзной дорогѣ. Когда поѣздъ тронулся, изъ окна раздался возгласъ генерала Дитятина по адресу строителя дороги:

— Молодецъ Клейнмихель!

По разсказу С. С. Боткина, Горбуновъ уѣзжалъ изъ Карлсбада. Войдя въ вагонъ, онъ началъ говорить рѣчь нѣмецкими звуками. Вокругъ провожающихъ стала собираться толпа. Одинъ господинъ такъ былъ этимъ доволенъ, что побѣжалъ въ буфетъ досталъ двѣ кружки пива и, подавая одну Горбунову, сказалъ:

— Jch ferstehe nichts, aber das ist gut!

Въ это время поѣздъ тронулся и генералъ Дитятинъ, махая шляпой, кричалъ:

— Прощайте нѣмцы!

Иногда Дитятинъ впадалъ въ меланхолическій тонъ и уносился воспоминаніями въ далекое прошлое своихъ юныхъ лѣтъ. Онъ сидѣлъ какъ-то у насъ въ домѣ на Фонтанкѣ, когда вдругъ неожиданно заиграли старые часы съ музыкой, относившіе къ XVIII-му столѣтію. Разговоръ сразу оборвался. Горбуновъ исчезъ, а всталъ генералъ Дитятинъ, подошелъ къ часамъ и, умиленный знакомыми звуками, можетъ быть особенно ему памятнаго вечера, сталъ вспоминать фрейлину Шаповалову.

Иногда, что впрочемъ случалось очень рѣдко, онъ пѣлъ романсы подъ аккомпаниментъ фортепьяно. Одно такое пѣніе я слышалъ въ Москвѣ, когда онъ съ чувствомъ пѣлъ извѣстное „Я васъ любилъ“ подъ аккомпаниментъ самого автора романса, Бориса Сергѣевича Шереметева.

Иногда Дитятинъ своеобразно замѣнялъ слова въ пѣснѣ. Напримѣръ, вмѣсто слѣдуемыхъ словъ: „тучи черныя мой горизонтъ покрыли“, онъ произносилъ по военному:

Тучи черныя
Мой гарнизонъ покрыли...

Когда кто-нибудь жаловался на свои лѣта, Дитятинъ всегда острилъ:

— Лѣта? L'état c'est moi.

А если подавался къ столу копченый сигъ, генералъ Дитятинъ неизмѣнно повторялъ:

— Sic transit gloria mundi!

Не разъ снимался генералъ Дитятинъ у фотографа и, даря свои портреты, любилъ дѣлать краткія надписи; напримѣръ, на одной фотографіи, подаренной М. П. Садовскому, онъ послѣ своей подписи дрожащей рукой вывелъ: „слапъ сталъ“. Въ другой разъ, даря свой портретъ, онъ надписалъ: „отъ стардца Дитятина“.

На другой, подаренной И. П. Барсукову, вспомнивъ надпись прошлаго столѣтія въ Кусковѣ, вокругъ изображенія льва, онъ примѣнилъ ее къ самому-себѣ, усвоивъ девизомъ и надписалъ:

— Не свирѣпствуетъ, но непреодолимъ.

На другой карточкѣ онъ надписалъ другой девизъ.

— J'y suis j'y reste. Frase qui ma été volée par Mack Mahon

Не разъ и самъ пробовалъ онъ рисовать портретъ Дитятина, но должно сказать, что фотографіи были удачнѣе.

Одинъ портретъ генерала Дитятина нарисовалъ художникъ Лебедевъ, но цензура не пропустила его и перечеркнула краснымъ карандашемъ. На вопросъ, почему цензура не пропустила его, генералъ Дитятинъ сказалъ: „такъ какъ нѣкоторые неблагонамѣренные люди силились помѣстить портретъ въ одномъ сатирическомъ сборникѣ, то цензоръ нашелъ, и весьма основательно, неудобнымъ помѣстить портретъ генерала въ юмористическомъ изданіи“. Въ такомъ видѣ отвѣтъ этотъ былъ переданъ покойнымъ Н. П. Барсуковымъ Вл. А. Шереметеву, который справлялся объ этомъ во исполненіе порученія Императора Александра III.

Быстрота, съ которой рождались у генерала Дитятина неожиданные, полные юмора, экспромты, ярко видна изъ слѣдующаго примѣра. У насъ въ деревнѣ какъ то вечеромъ вокругъ фортепьяно столпилось нѣсколько человѣкъ. Поютъ, играютъ. Тутъ же въ комнатѣ Горбуновъ, какъ всегда одушевленный въ обществѣ молодежи. Кто то только что спѣлъ арію. Вдругъ стоявшій рядомъ съ фортепьяно огромный кустъ степного ковыля, отъ слишкомъ близкаго сосѣдства со свѣчею, вспыхнулъ. Разомъ, въ одно мгновенье, вся комната озарилась яркимъ пламенемъ, какъ на пожарѣ. Никто въ первую минуту не разобралъ въ чемъ дѣло и не понялъ, что горитъ. Раздались восклицанія. Но испугъ длился одно мгновенье. Черезъ секунду ковыль потухъ, ослѣпительный свѣтъ исчезъ и въ комнатѣ стало опять полутемно.

Не успѣла потухнуть послѣдняя искра, какъ вдругъ посреди всеобщаго молчанія раздался голосъ генерала Дитятина:

— Такъ я сжегъ Браиловъ!

Участвовалъ онъ и въ Турецкую войну, былъ на Балканахъ и чуть ли не былъ въ сраженіи при Шипкѣ.

Когда его просили разсказать, что онъ объ этомъ помнитъ, онъ только говорилъ:

— Кусты, кусты...

Иногда онъ вступалъ въ споръ съ кѣмъ-либо изъ присутствующихъ генераловъ и неодобрительно отзывался о ввѣренныхъ имъ частяхъ:

— Что ваша дивизія!

Въ Подольскѣ на станціи графъ А. В. Бобринской пріѣхалъ одновременно съ Горбуновымъ и П. И. Савваитовымъ. Подходятъ къ закускѣ. Вдругъ Дитятинъ съ рюмкой хинной водки въ рукѣ обращается къ графу Алексѣю Васильевичу съ восклицаніемъ:

— А Сергѣй то Шереметевъ Александра Невскаго схватилъ. Меня конечно обошли...

По свидѣтельству В. К. Истомина, однажды за столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ и среди нихъ поэтъ П. В. Шумахеръ и Горбуновъ.

Шумахеръ читалъ свои стихи и между прочимъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе „Груша“:

Когда я былъ еще Петрушей,
Забрался я къ сосѣду въ садъ
И влѣзъ на дерево, за грушей,
За что мнѣ выпоронъ былъ задъ.
Съ тѣхъ поръ видъ грушъ мутитъ мнѣ душу
Я вижу зада пестроту
И, если лазяю на грушу,
То ужъ конечно не на ту...

Едва успѣлъ Шумахеръ кончить, какъ раздался голосъ генерала Дитятина:

— Весьма хорошо, господинъ Шумахеръ. Возьмите апельсинъ!

Иногда генералъ Дитятинъ входилъ въ комнату и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ хозяевъ. Не здоровается, только смотритъ сурово.

Иногда передъ закуской, когда кто-нибудь нальетъ себѣ водки и только что собирается опрокинуть, вдругъ Дитятинъ чуть не силой выхватываетъ рюмку изъ рукъ и раздраженно произноситъ:

— Это моя рюмка.

За обѣдомъ человѣкъ обноситъ воду и дойдя до Горбунова спрашиваетъ:

— Воды не прикажете?

Генералъ Дитятинъ не ожидалъ воды и обрываетъ:

— А мыла нѣтъ?

Однажды на вечерѣ Вержбиловичъ плѣнялъ всѣхъ своей игрой на віолончели. Онъ кончилъ и къ нему стали подходить слушавшіе съ выраженіемъ своихъ чувствъ. Подошелъ и генералъ Дитятинъ и покровительственнымъ тономъ произнесъ:

— Одобряю. Ты на корнетопистонѣ?

Вержбиловичъ отвѣчалъ:

— Такъ точно, Ваше Превосходительство.

Генералъ снисходительно замѣтилъ:

— Теперь гораздо легче... Мы на кремневыхъ играли...

Генералъ Дитятинъ былъ не чуждъ литературы. Про Державина онъ выражался не иначе, какъ:

— Славный въ лирикахъ Державинъ.

Говоря однажды о Демонѣ, онъ неожиданно высказалъ:

— Я бы запретилъ его.

А когда у него стали спрашивать объясненіе, онъ напомнилъ:

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.

При этомъ онъ сталъ доказывать, что Демонъ вещь политическая, потому что подъ „изгнанникомъ рая“ Лермонтовъ, конечно, разумѣлъ Алексѣя Петровича Ермолова.

Рѣчь, сказанная имъ на Пушкинскомъ торжествѣ по поводу открытія памятника въ Москвѣ въ 1880 году во время обѣда, до сихъ поръ не находится, но надо надѣяться, что она была записана и когда нибудь отыщется.

Дитятинъ нашелъ, что самая фамилія—Пушкинъ, происходя отъ слова „пушка“, звучитъ по военному и уже одно это сближаетъ его съ поэтомъ. Онъ благоволилъ къ нему, хотя находилъ, что „камеръ-юнкеръ Пушкинъ иногда увлекался“.

На юбилейномъ обѣдѣ Д. В. Григоровича Дитятинъ также сказалъ рѣчь. Отрывокъ ея былъ записанъ однимъ изъ участниковъ обѣда. Онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ была тоже литература. И хорошая литература... Литература доставляла высокія минуты наслажденія и успокоенія даже, когда она касалась простого народа, котораго принято было называть „поселянинымъ“, или „добрымъ пахаремъ“. Всѣ мы знали, что поселянинъ трудился на своей нивѣ, а покончивъ дневные труды, возвращался къ своему очагу, въ нѣдра любящей семьи, гдѣ ждалъ его простой, но сытный столъ и тихая, дружеская бесѣда. И вдругъ явился господинъ Григоровичъ и все спуталъ... Изъ поселянина онъ сдѣлалъ мужика; изъ дневныхъ трудовъ — непосильную работу; вмѣсто простого сытнаго стола — подсунулъ хлѣбъ съ лебедой, да съ осиновой корой, а вмѣсто дружеской бесѣды полились горючія слезы“...

Говорилъ Дитятинъ рѣчь и на юбилеяхъ А. Н. Майкова и Айвазовскаго, но они кажется не сохранилась, равно какъ и рѣчь на собраніи артистовъ въ ресторанѣ „Медвѣдь“, гдѣ были многіе изъ французской труппы и гдѣ Дитятинъ произнесъ рѣчь: La critique. На балу у артистовъ французскаго театра онъ также произнесъ цѣлую рѣчь по-французски.

Рѣчь его „о свободѣ“ напечатана въ второмъ томѣ настоящаго изданія.

Рѣчь на обѣдѣ въ честь Тургенева, сказанная въ ресторанѣ Бореля въ 1878 году особенно замѣчательна.

Очевидцы передавали, что послѣ многочисленныхъ рѣчей произошло нѣсколько непріятныхъ объясненій между И. С. Тургеневымъ и Ѳ. М. Достоевскимъ. Положеніе сдѣлалось неловкимъ. Тогда, кажется, Д. В. Григоровичъ подтолкнулъ Горбунова сказать нѣсколько словъ и сгладить непріятное впечатлѣніе, въ отвѣтъ на что онъ произнесъ отъ имени Дитятина эту свою извѣстную рѣчь, которая сразу возстановила у всѣхъ пріятное расположеніе духа.

Рѣчь была своевременно напечатана, но не совсѣмъ удачно. Обычно Горбуновъ дѣлалъ нѣкоторыя измѣненія.

Генералъ Дитятинъ сказалъ:

— Милостивые государи, вы собрались здѣсь чествовать литератора сороковыхъ годовъ, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

Я противъ этого ничего не имѣю...

И по приглашенію господъ директоровъ я явился сюда неприготовленнымъ встрѣтить такое собраніе россійскаго ума и образованности.

Хотѣлось бы говорить, но говорить, находясь среди васъ, трудно: во-первыхъ, разница нашихъ взглядовъ, во-вторыхъ, свойственная людямъ моей эпохи осторожность.

Насъ учили больше осматриваться, чѣмъ всматриваться, больше думать, чѣмъ говорить, словомъ, насъ учили тому, чему, къ сожалѣнію, теперь, уже болѣе, не учатъ.

Милостивые государи, вы слишкомъ молоды! Среди васъ нѣтъ ни одного, кто былъ бы свидѣтелемъ того перелома и треска въ литературѣ, коего я былъ свидѣтелемъ.

Объясняюсь...

Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ былъ внезапно обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ.

Подняли шумъ...

Критикъ скрылся...

Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической повѣсти 12-го года, Михайловскій-Данилевскій былъ обруганъ.

Были приняты мѣры...

Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъ-егерской тройки...

Стало тихо.

Но на почвѣ, удобренной и усѣянной мыслителями тридцатыхъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были „Записки Охотника“, принадлежавшія перу чествуемаго вами нынѣ отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

Въ простотѣ солдатскаго сердца, я взялъ эти „Записки“, думая найти въ нихъ записки какого-либо военнаго охотника.

Оказалось... что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому.

Графъ сказалъ:

— Я знаю.

Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну.

Онъ сказалъ:

— Это дѣло администраціи, а не мое.

Я сообщилъ митрополиту Филарету.

Владыка мнѣ отвѣтилъ:

— Это вѣяніе времени.

Я увидѣлъ что-то странное.

Я понялъ, что мое дѣло проиграно и... посторонился.

Теперь, милостивые государи, я стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей и мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, но я всѣмъ говорю: хорошо!

Но мнѣ уже никто, какъ бывало, не отвѣчаетъ „рады стараться, ваше превосходительство“, а только взводные съ усмѣшкой киваютъ головой.

Я кончилъ...

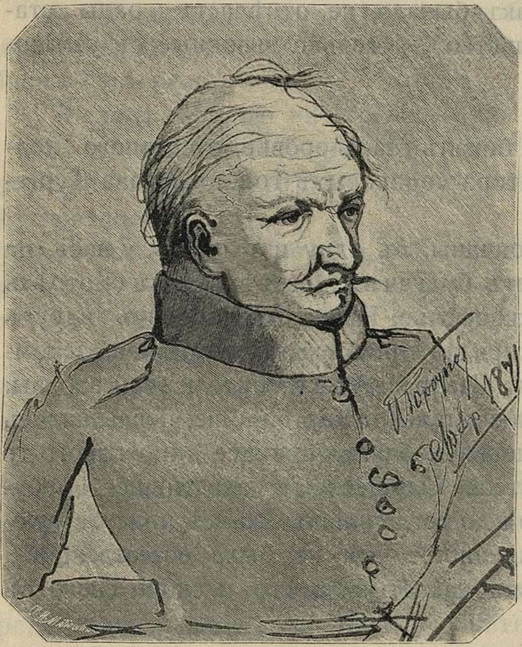
И еще разъ подымаю бокалъ за здоровье отставного коллежскаго секретаря, литератора сороковыхъ годовъ, Ивана Тургенева“.

Незадолго до своей кончины, въ одну изъ средъ, у насъ, на Фонтанкѣ, услыхавъ, что братъ, будучи въ Москвѣ, ѣздилъ смотрѣть пѣтушиные бои въ Замоскворѣчье, Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ сталъ припоминать цѣлый рядъ типовъ изъ этого міра; вспомнился ему какой-то „пѣтухъ Лазоревый“ и любители этой забавы. Потомъ онъ перешелъ на любителей птицъ вообще, послышались голоса птицъ, щелканье соловья и благоговѣющее лицо какого-то страстнаго знатока и любителя. Одушевленіе, охватившее Горбунова, было въ этотъ вечеръ до того сильно, что всѣ присутствующіе замѣтили, что возбужденность эта не была естественной... Дѣйствительно, уже болѣзнь захватывала его и скоро свела въ могилу...

На этомъ кончаю свои отрывочныя воспоминанія. Сознаю, что они далеко не совершенны, а порой, можетъ быть, переданы и не съ безусловной точностью, но я надѣюсь, что даже эта внѣшняя оболочка разсказовъ Горбунова будетъ не излишня. Талантъ его проявлялся сильнѣе всего въ живой, изустной рѣчи а потому невозможно вызвать всю сопутствовавшую ей неуловимую игру лица и голоса, которые составляли истинную душу и несравненную прелесть его разсказовъ. Въ этомъ отношеніи повторить ихъ уже нельзя и не слыхавшіе Горбунова навсегда лишены возможности ясно представить себѣ всю силу его замѣчательнаго, чисто русскаго, единственнаго таланта.

Гр. Павелъ Шереметевъ.

Изъ воспоминаній объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Горбуновѣ.



Генералъ Дитятинъ. Рисунокъ И. Ф. Горбунова. 1871.

Сколько разъ послѣ интереснаго разговора, или вечера, проведеннаго въ бесѣдахъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ, собирался я записать его разсказы, экспромты, остроты, только что имъ сказанные въ интимномъ кружкѣ друзей за веселою трапезою, т. е. занести на бумагу многое множество того, что не вошло ни въ одинъ сборникъ, ни въ одно изданіе его сочиненій; но все какъ-то не удавалось... А между тѣмъ года шли за годами и масса интереснаго матеріала кануло въ лету,—масса ни съ чѣмъ ни сравнимаго остроумія...

А не записывалось слышанное и видѣнное не отъ лѣни, пожалуй,—а болѣе отъ того, что надѣялся на свою память—успѣю молъ еще—точно расчитывалъ, что И. Ѳ. Горбуновъ вѣкъ проживетъ..., но главнымъ образомъ являлось, да и является трудным передать его разсказецъ или экспромтъ, гдѣ главную роль часто играла его безподобная мимика, иногда самая обстановка, вызывавшая ту или другую остроту.

Передастъ другой просто, безъ упомянутой обстановки, безъ его дикціи и мимики, разсказъ терялъ свою прелесть—и являлся заурядным...

Наружность Ивана Ѳедоровича, когда онъ, напримѣръ, входилъ въ роль имъ созданнаго генерала Дитятина, была такова, что мы невольно передъ собой видѣли стараго дореформеннаго генерала, какихъ встрѣчали не разъ въ клубѣ, брюзжащаго на все новое, распекающаго всѣхъ и рѣдко довольнаго новыми порядками... Такъ, читая Щедрина, вы невольно узнавали въ его помпадурахъ знакомые вамъ типы. Генералъ Дитятинъ 2-й былъ доведенъ Горбуновымъ до совершенства. Часто въ обществѣ, гдѣ вращался Горбуновъ, многія лица вступали въ серьезные споры съ генераломъ Дитятинымъ и выходила бесѣда чрезвычайно интересная, т. к. Горбуновъ входилъ вполнѣ въ роль стараго генерала, но опять-таки эти разговоры трудно поддавались перу—такъ какъ мимика и обстановка играли роль первостатейную.

— Какъ Ваше Превосходительство думаете на счетъ нашего столкновенія съ авганцами и англичанами на Кушкѣ... возможенъ конфликтъ? вопрошаетъ напримѣръ особа. Генералъ Дитятинъ 2-й, скрестивъ руки на груди à la Napoleon I, принимаетъ многозначительный видъ и отвѣчаетъ:—„Уповаю, какъ всегда уповалъ на доблесть нашихъ войскъ, и на мудрость Королевы".— „Какой Королевы?" спрашиваетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ особа.—„Конечно Датской королевы", говоритъ генералъ Дитятинъ, уже недовольный: точно для него мнѣніе другой королевы, кромѣ Датской, можетъ имѣть значеніе.

Разнообразность разсказовъ Горбунова была безконечная и самыя простыя вещи передавалъ онъ съ такимъ юморомъ, что, вспоминая о нихъ, хотя бы теперь, послѣ многихъ лѣтъ невольно разсмѣешься. При томъ до чего серьезно онъ передавалъ самую смѣшную вещь—невообразимо.

Сказать, когда я познакомился съ Иванъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ—право затрудняюсь, помню его, сколько себя помню; но сошелся съ нимъ ближе въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Тулу, въ 70-хъ годахъ, когда онъ произвелъ фуроръ своимъ разсказомъ о банковыхъ дѣятеляхъ—о выгодѣ этого занятія... Послѣ этого, я ужъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ всюду гдѣ бы ни встрѣчалъ Ивана Ѳедоровича — съ нимъ засиживался въ дружеской бесѣдѣ.

Горбуновъ постоянно великій постъ проводилъ въ Москвѣ и почти ежедневно приходилъ въ Славянскій Базаръ и мы постоянно завтракали тамъ съ нимъ — вечеръ же по большей части проводилъ онъ въ купеческомъ клубѣ.—Когда менѣе всего ждешь, у Горбунова выходилъ удивительный разсказъ, или сцена. Такъ однажды я завтракалъ въ Славянскомъ Базарѣ съ двумя провинціальными купцами, молодыми, но страшно толстыми и неуклюжими. Горбуновъ ихъ не зналъ, но откуда ни возьмись, онъ подсѣлъ къ большому сосѣднему столу и на ухо сталъ мнѣ нашептывать — спрашивать, что это за типы? Затѣмъ изобразилъ изъ себя лицо старой няньки, которая, подперши одной рукой подбородокъ, слезливо указывая на купчиковъ, начала мнѣ разсказывать, какъ она этихъ голубчиковъ-купчиковъ воскормила, воспоила, отъ четырехъ коровушекъ молока на нихъ не жалѣла, однимъ словомъ вышелъ цѣлый біографическій очеркъ въ лицахъ купеческой семьи.

Горбуновъ помѣстился отъ меня еп $^3/_4$, такъ что купчики не видали его всего; и онъ какъ-то такъ ловко суфлировалъ мнѣ свой экспромптъ, что все я слышалъ и видѣлъ; до того реально болтала старая нянюшка въ лицѣ его, что мнѣ стоило неимовѣрныхъ усилій, чтобы не разразиться громкимъ хохотомъ. Купчики же мои не могли понять, что со мной дѣлается, не подозрѣвали они, что рѣчь шла именно объ нихъ.

Къ семьѣ гр. Ш—ыхъ Иванъ Ѳедоровичъ питалъ не только глубокое уваженіе и любовь, но былъ преданъ гр. С. Д. можно сказать безпредѣльно... Я никогда не забуду волненіе и гнѣвъ, съ какимъ передовалъ мнѣ онъ, что у гр. С. Д. случилась покража семейныхъ иконъ, которыми гр. С. Д. очень дорожилъ, но для вора не представлявшихъ ровно ничего, такъ что куски ризъ находили на огородѣ. „Поймай я этого негодяя, я кажется удавилъ бы его, задушилъ бы своими руками“, говорилъ Иванъ Федоровичъ и я рѣдко видѣлъ его такимъ озлобленнымъ.

Особенно любилъ онъ и молодыхъ гр. Ш., хотя вообще любилъ онъ молодежь, говоря, что она самый благодарный элементъ всегдашнихъ его слушателей, быстро и живо оцѣнивающій его разсказъ, встрѣчая его дружнымъ смѣхомъ, а то другіе вѣдь черезъ нѣсколько минутъ... поняли... да ужъ поздно, а молодежь всегда сразу... Однажды, разсказываетъ Иванъ Ѳедоровичъ, сидимъ мы въ Кусковѣ передъ домомъ графа С. Д. въ огороженномъ для владѣльца и его семьи саду, такъ какъ весь садъ былъ въ распоряженіи сотенъ дачниковъ, живущихъ на Кусковскихъ дачахъ. Слышу и вижу, что въ этотъ огороженный садъ ломится какой-то субъектъ, должно быть саврасъ, выпившій изрядно. Садовникъ останавливаетъ, не пускаетъ. Я и подошелъ къ калиткѣ на помощь садовнику—урезониваю, уговариваю: „Поймите, говорю, вѣдь весь садъ и паркъ предоставленъ къ вашимъ услугамъ для гулянья, этотъ одинъ лишь уголокъ оставленъ себѣ и семьѣ“. Ничего не хочетъ слышать — оретъ, рвется впередъ и кричитъ: „Я сынъ тайнаго совѣтника“! А я ему: „Какъ должно быть будетъ стыдно вашему папенькѣ, тайному совѣтнику, когда онъ узнаетъ про васъ что вы дѣлаете, что у него такой сынъ, ай, ай, ай!..“

Комизмъ, съ которымъ Горбуновъ передавалъ этотъ пустяшный инцидентъ—неподражаемъ. А ужъ если онъ кого любилъ, то крѣпко и вѣрно—и ужъ не выдастъ, а при случаѣ и заступится. Это я зналъ по себѣ. Когда на меня посыпались всякія несчастія и невзгоды посѣтили меня, а сильные міра сего въ 1881 году задумали потопить меня изъ личныхъ интересовъ и видовъ, Иванъ Ѳедоровичъ сталъ ко мнѣ еще внимательнѣе, старался всячески сдѣлать мнѣ пріятное: онъ разгонялъ невольно нашедшее на меня мрачное настроеніе, навѣщая меня; а онъ, кажется, способенъ былъ мертваго разсмѣшить. Я уѣзжалъ за границу въ 1883 году и выѣхалъ на одну изъ станцій Московско-Брестской ж. д. отъ родныхъ своихъ—и заѣзжалъ еще прощаться со знакомыми. Пришлось ждать поѣздъ нѣсколько часовъ на ст. Можайскъ. Усталый, я заснулъ на одномъ изъ длинныхъ обитыхъ бархатомъ дивановъ въ I классѣ вокзала—и ночью около 3-хъ часовъ—сквозь сонъ слышу что входитъ цѣлая веселая компанія въ ту же комнату. Узнаю въ числѣ другихъ В. К. фонъ-Мекка и Ив. Ѳед. Горбунова. Компанія довольно шумно располагается ужинать въ ожиданіи поѣзда на Москву [я же ждалъ на Варшаву, поѣзда скрещивались въ Можайскѣ]—всѣ они ѣдутъ изъ имѣнія фонъ-Мекка. Вижу и Горбуновъ на меня поглядываетъ, должно быть узнаетъ. Я поднялся съ дивана и Горбуновъ меня сразу узналъ и бросился обнимать меня; послѣ привѣтствія онъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и, взявъ за руку, говоритъ: „Ну, какъ я радъ! Да вы молодцомъ, а то я думалъ ужъ что мой князекъ захирѣлъ, захудалъ отъ всѣхъ невзгодъ, а онъ вотъ глядь, какъ огурецъ на грядѣ свѣжій лежитъ“... Я такъ и прыснулъ отъ смѣха, куда и сонъ дѣвался, отъ такого вѣрнаго сравненія—коего и не ожидалъ въ эту минуту. Дѣйствительно, эта длинная узкая скамейка напоминала собою гряду на огородѣ, а я на ней, будучи небольшого роста да еще клубкомъ лежащій, конечно изображалъ нѣчто похожее на огурецъ, что Горбуновъ немедленно и подмѣтилъ. Веселый нашъ разговоръ за столомъ длился довольно долго, до прихода поѣзда, такъ что остатокъ ночи я провелъ очень пріятно. В. К. фонъ-Меккъ сидѣлъ съ нами—это былъ милѣйшій и благороднѣйшей души человѣкъ. Онъ очень поддерживалъ Горбунова въ минуты невзгодъ, но за то Иванъ Ѳедоровичъ уважалъ и дорожилъ имъ и любилъ его. Тутъ же за столомъ произошелъ пресмѣшной казусъ. Пили мы прекрасное шампанское, чуть ли не Mumm Sec. По счету оказалось, что оно стоитъ 6 рублей. „Какъ это можетъ быть, сказалъ фонъ-Меккъ—я плачу за это изъ первыхъ рукъ — 7 рублей за бутылку?“ А Горбуновъ сталъ между тѣмъ допытываться отъ подававшаго лакея, откуда вино и что, и какъ и тотъ пренаивно сообщилъ: „здѣсь вблизи живетъ очень богатый помѣщикъ фонъ-Меккъ—у него молъ тьма и вотъ молъ дворецкій иногда, когда у насъ не хватаетъ и продаетъ намъ вино съ уступочкой“... Несчастный и не подозрѣвалъ, что самъ Меккъ за столомъ и узналъ продѣлку своего дворецкаго.

Какъ я выше сказалъ, Горбуновъ былъ вѣрный другъ своихъ друзей. Разъ сидѣла у Кюба компанія частью финансистовъ, частью изъ высшаго общества, изъ чиновничьяго міра. Всѣ любили имѣть Горбунова собесѣдникомъ и ему ставили это иногда въ упрекъ что онъ частенько, на чужой счетъ кушаетъ дорогой завтракъ, обѣдъ; но это не вѣрно: Горбуновъ не ронялъ никогда своего достоинства. Такъ случилось и этотъ разъ. Зашла рѣчь о В. К. фонъ-Меккѣ, что онъ тяжело болѣнъ, что дѣла не въ порядкѣ и т. д... и одна важная особа замѣтила съ пренебреженіемъ: „Меккъ, какой это дѣлецъ, Меккъ кутила, пьетъ“... и еще что-то. Взорвало Горбунова и онъ, сдѣлавъ какъ-то ехидную фигуру и лицо, обратился къ оной персонѣ и сказалъ: „Какой же онъ дѣлецъ? Меккъ нѣтъ, куда ему, вотъ вы ему должны столько лѣтъ 240.000 рублей и онъ не только ихъ не требуетъ, но изъ деликатности даже не говоритъ о нихъ? А ему иногда ухъ какъ эти деньги нужны! Да!“... Картина такъ рѣзко измѣнилась что персона, не вытерпѣла, ушла, не докушавъ завтрака. Вѣроятно лицо Горбунова стало непріятно!?

— Да, разсказывалъ Горбуновъ любилъ Владиміръ Карловичъ покутить и я съ нимъ кучивалъ, у Яра, въ Стрѣльнѣ, всюду съ нимъ бывалъ, ночи цѣлые просиживалъ—все продѣлывали: и хоры слушали, и пляску смотрѣли, и оркестрами дирижировали все сами, фортепіано свои на тройкахъ привозили. Все это было—и пили доколь солнышко взойдетъ. Ѣдемъ мы на Ечкинскихъ тройкахъ, четверкахъ домой—ужъ люди на работу идутъ, а мы шумной компаніей мчимся по городу! Вдругъ: „стой, стой, стой"! кричитъ фонъ-Меккъ, „поворачивай въ такой-то переулокъ"!—Куда это еще? спрашиваю, а Меккъ только командуетъ куда ѣхать и наконецъ у какого-то домика останавливается. Выходитъ изъ коляски, звонитъ и начинаетъ шарить у себя по карманамъ и достаетъ откуда-то мятую 100 рублевку, оставшуюся отъ кутежа изъ разсованныхъ цыганамъ, музыкантамъ и пр..—„Да кого же вы ищите?" Оказывается, здѣсь живетъ старикъ-пріятель фонъ-Мекка. „Я ему забылъ вчера послать 100 р., такъ вотъ завезъ". И достучавшись, Меккъ отдаетъ какому-то старику, удивленному такимъ раннимъ визитомъ, 100 р., который пріемлетъ ихъ съ радостью и слезами.

Но и въ Горбуновѣ доброты было масса. Такъ онъ мнѣ разсказывалъ весьма добродушно, что въ родныхъ захолустьяхъ матушки Россіи появились то тамъ, то сямъ самозванцы Горбуновы, разчитывавшіе, что Иванъ Ѳедоровичъ не попадетъ именно туда съ ними одновременно. Однако два раза ему пришлось встрѣтить таковыхъ и прочитать въ мѣстныхъ объявленіяхъ, что извѣстный Ив. Ѳед. Горбуновъ будетъ сегодня тамъ-то разсказывать—ну и репертуаръ его. Онъ и пошелъ посмотрѣть себя—конечно похожаго на себя не увидалъ. Но каковъ былъ конфузъ Самозванца, когда послѣ разсказа онъ къ нему подошелъ, сказавъ: „Какъ я радъ, что я наконецъ слышалъ настоящаго Горбунова". Его мнимый Горбуновъ узналъ конечно, и на его лицѣ изобразился такой испугъ, что Ивану Ѳедоровичу его просто жаль стало—и онъ его же успокоилъ, сказавъ что не выдастъ его. Ну а другой субъектъ разсердилъ его своимъ нахальствомъ. „Я подсѣлъ къ нему въ антрактѣ и говорю: вѣдь не совсѣмъ ловко-то брать чужое имя и пользоваться имъ?" А тотъ конечно тоже узналъ меня, вскочилъ и грубо такъ прорычалъ:—„Жрать нечего"...—„Какой же это резонъ? Вѣдь есть другія занятія!"

Горбунова приглашали и на царскую охоту, на медвѣдя, такъ какъ покойный Императоръ Александръ II любилъ охоту и любилъ слушать разсказы Иванъ Ѳедоровича. У меня въ памяти осталась коротенькая сцена. Сидитъ Горбуновъ въ компаніи охотниковъ утромъ гдѣ-то въ избѣ у оберъ-егермейстера кажется графа Ферзена въ ожиданіи завтрака или, какъ выражаются при Дворѣ, Высочайшаго фриштака, предъ выѣздомъ на самую охоту. Тутъ же сидитъ егермейстеръ чуть ли не Скарятинъ и унтеръ-егермейстеръ Ратаевъ.—Входитъ придворный камеръ-лакей, или егерь и, принявъ глубокопочтительную позу и поклонившись, вкрадчиво докладываетъ оберъ-егермейстеру:—„Ваше сіятельство, Государь Императоръ проситъ васъ пожаловать къ фриштыку".—Обращаясь къ егермейстеру, лакей почтительно продолжаетъ:—„ваше превосходительство, пожалуйте фрыштыкать".—Къ унтеръ-егермейстеру уже менѣе почтительно: — „Фрыштикъ готовъ" — А къ простому смертному—къ Горбунову, уже почти кричитъ ему очень внушительно: „Фрыштикать"!!—Въ лицѣ Горбунова, вы эту сцену видите какъ живую, когда оберъ-егермейстеръ, наклоняя слегка важно голову, получивъ приглашеніе камеръ-лакея и нѣкоторый испугъ простого смертнаго, которому лакей закричалъ: „фрыштикать"! Всѣ лица проходятъ какъ живыя, и если вы знакомы съ ними лично, то немедленно узнаете ихъ по голосу и по манерамъ—такъ умѣлъ Горбуновъ въ одномъ лицѣ изобразить многихъ.

У него всего удачнѣе всегда выходили импровизированныя сцены воспоминаній. Его, еще молодого человѣка, неизвѣстнаго артиста, отличалъ Графъ Закревскій, для многихъ грозный когда то московскій генералъ-губернаторъ, но въ сущности добрякъ и доступный человѣкъ. Уже въ началѣ 50-хъ годовъ Графъ Закревскій съ удовольствіемъ слушаетъ разсказы молодого Горбунова, который ходитъ къ нему запросто, рано утромъ, когда только что Графъ выходитъ къ утреннему чаю. А погулять любилъ и частенько вечера за полночь кутилъ онъ съ московскими купцами, у коихъ особенно въ старые годы было разливанное море. Особенно извѣстенъ былъ своимъ хлѣбосольствомъ замоскворѣцкій купецъ Смирновъ, большой оригиналъ. Въ дореформенное время онъ былъ членомъ магистрата, или думы и завѣдывалъ, имѣлъ смотрѣніе, за пожарнымъ инструментомъ, чуть ли не Пятницкой части и любилъ ѣздить мимо части, такъ какъ пожарные, увидѣвъ его, обыкновенно выстраивались и кричали ему: здраве желаемъ, ваше степенство, — и онъ важно дѣлалъ имъ подъ козырекъ своей древнѣйшаго фасона фуражки и оглядывалъ искоса ѣдущаго съ нимъ Горбунова, дабы видѣть какое впечатлѣніе произведетъ на него этотъ неимовѣрный для купца почетъ, результатомъ коего была обыкновенно раздача всѣмъ пожарнымъ по двугривенному. И довольный купецъ мнилъ себя чуть ли не генераломъ и вечеръ кончался пирушкой, гдѣ немало выпивалось вина. Все это Закревскій зналъ и когда бывало послѣ попойки Горбуновъ являлся утромъ причесанный, примазанный къ утреннему чаю графа, тотъ пристально смотрѣлъ на него, такъ сказать пронизывалъ его взглядомъ и строго спрашивалъ: „Гдѣ былъ вчера?"—„У купца Смирнова ужиналъ вчера, ваше сіятельство"—„Не пей!" внушительно говорилъ Графъ, ибо зналъ, что безъ этого вечеръ не обошелся. И это „не пей!" Горбуновъ передавалъ такъ, какъ вѣроятно Графъ Закревскій въ самомъ дѣлѣ выговаривалъ или распекалъ—голосомъ не терпящимъ возраженія.

Хорошо передавалъ Иванъ Ѳедоровичъ сцены ожиданія купчика въ пріемной Графа. Купчикъ накуралесилъ и въ страхѣ томится въ ожиданіи выхода генералъ-губернатора. Онъ пугается всякаго чиновника изъ кабинета, появляющагося въ пріемной. Купчикъ вызванъ черезъ полицеймейстера и не знаетъ что его ждетъ—извѣстно что у Графа Закревскаго бланки Государя Императора Николая Павловича; вѣдь Графъ можетъ за этотъ самый дебошъ купчика въ тартары отправить. Но послѣ долгаго томленія и комическихъ разговоровъ въ коихъ купчикъ выспрашиваетъ, что его ждетъ отъ дежурныхъ чиновниковъ, его отпускаютъ благополучно домой — и, набравшись страха онъ даетъ клятвенное обѣщаніе никогда ничего подобнаго не выкидывать.

— Хоть и тяжелое было время, прибавлялъ Горбуновъ, ну а проще было да и добрѣе въ сущности,—жилось легче!

Легкаго свойства анекдоты Горбуновъ иногда разсказывалъ— грязныхъ никогда; чаще всего подмѣчалъ онъ отличительныя черты людей, смѣшныя и грустныя стороны русской народной жизни, цѣлыя эпохи и передавалъ все это съ удивительно характерными и выдающимися оттѣнками и юморомъ. Передавать его общеизвѣстные разсказы незачѣмъ. Кто ихъ не знаетъ? Кто ихъ не читалъ? Но его простые разговоры, сценки, острословіе, не менѣе занимательны и интересы были. Такъ Иванъ Ѳедоровичъ видѣлъ какъ горѣлъ Московскій большой театръ, какъ извѣстный Маринъ снялъ съ крыши погибшаго человѣка, взобрашись по водосточной трубѣ. Говоръ публики, замѣчаніе народа, перебранка съ полиціей передавались такъ мѣтко, что, слѣдя за его разсказомъ, живо себѣ представляешь и пожаръ и толпу и какъ эта толпа съ нетерпѣніемъ ждала, когда же наконецъ рухнетъ Аполлонъ съ конями, дольше всего державшійся въ своей колесницѣ на колоннахъ фронтона театра. Наконецъ съ громомъ и трескомъ обрушился фаэтонъ съ конями и правящимъ ими Аполлономъ, и какъ ахнула многотысячная толпа—какъ одинъ человѣкъ. Громкимъ русскимъ словцемъ огласилась площадь...

Какъ то недолго ужъ передъ смертью встрѣтились мы въ Славянскомъ Базарѣ, гдѣ онъ любилъ завтракать.—„Что же, по хересамъ“ предложилъ я Горбунову—т. е. позавтракать и выпить хересу—„Конечно по хересамъ, а у меня для васъ—разсказъ рубль фунтъ“, весело отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ—и мы усѣлись. Онъ говорилъ такъ „рупь фунтъ“, когда подмѣчалъ что-нибудь удачное, т. е. цѣнное. — „Я весь вниманіе“ и мы усѣлись за столикомъ и онъ съ большимъ удовольствіемъ разсказалъ мнѣ анекдотъ, случившійся почти наканунѣ съ семьей графа Ш., который ѣздилъ въ свои В-скія имѣнія съ дѣтьми въ особомъ вагонѣ семейномъ. Въ губернскомъ городѣ остановка. Въ томъ же поѣздѣ, тоже въ особомъ вагонѣ, командующій войсками Графъ Бревернъ-Делагарди. Приходитъ поѣздъ въ В. рано. Губернаторъ ждетъ на вокзалѣ командующаго войсками—вагонъ котораго въ концѣ поѣзда— идетъ чрезъ всѣ платформу. Адъютантъ говоритъ: „Командующій почиваетъ и потому принять не можетъ“. Губернатору досадно, всталъ до свѣта—идетъ обратно, опять черезъ всю платформу недовольный и обращаетъ вниманіе на стоящаго въ сторонѣ гимназиста, налетаетъ на него, какъ коршунъ, принимая его конечно, за гимназиста В-й губернской гимназіи ввѣренной ему губерніи, и внушительно спрашиваетъ: „Ваши родители вамъ не приказывали мнѣ кланяться?“ Гимназистъ смущенно говоритъ, что нѣтъ. „Чему же васъ учатъ въ гимназіи? Вѣжливости учатъ? Почему же вы мнѣ не кланяетесь, не отдаете честь? еще внушительнѣе произноситъ губернаторъ. Развѣ я жуликомъ сюда пришелъ? гнѣвно кричитъ губернаторъ, и при этомъ картинно распахиваетъ пальто и откидываетъ красные отвороты, обнаруживаетъ грудь увѣшанную звѣздами и крестами. Губернаторъ подзываетъ полицеймейстера и велитъ узнать фамиліи гимназиста и донести—дабы соотвѣтственно увѣдомить начальство о его непозволительномъ поведеніи. Полицейскій грозно подлетаетъ и спрашиваетъ „кто вы такой“— И когда ему очень просто отвѣчаютъ: Ш—въ и самъ Графъ Ш. выходитъ изъ вагона узнать почему это пристаютъ, то картина сразу мѣняется и оторопѣлый полицейскій бѣжитъ догонять губернатора, доложить что гимназистъ Московскій гимназіи, родственникъ Гр. Ш. тоже Ш-въ, что это дѣти графа. Происходитъ комичная сцена—губернатору непріятный сюрпризъ, ибо у него серьезная просьба есть именно къ графу Ш., крупному землевладѣльцу В-ой губерніи и онъ самъ бы выѣхалъ встрѣтить если бы только зналъ... И всѣ эти сцены такъ чудесно передавались Горбуновымъ — что дѣйствительно выходило рубль за фунтъ да и дороже...

Да многое множество разсказовъ слышалъ я отъ Ивана Ѳедоровича, и еще разъ долженъ сказать, mea culpa, mea maxima culpa, что я не записывалъ ихъ своевременно. Хотя безъ дикціи, мимики, находчивости Горбунова эти разсказы изъ-подъ моего слабаго пера—не могли бы передать ни живости, ни того юмора, которыми отличались именно Горбуновскіе разсказы и составляли ихъ прелесть. У него изъ всякаго пустяка выходило что то такое удивительное.—Какъ то въ Славянскомъ Базарѣ подошелъ къ нему очень благообразный, должно быть еврей, агентъ какого то большого страховаго общества — страхованія жизни. Послѣ небольшого вступленія о величіи и дѣятельности Горбунова, котораго уже коробило—агентъ перешелъ къ дѣлу и предложилъ ему помогать ему вербовать страхователей, обѣщая крупный дивидентъ. Горбуновъ уже съ начала разговора кипѣлъ ненавистью и принялся такъ разносить агента, что тотъ не зналъ куда дѣваться.— „Да какъ вы смѣли со мною заговорить о подобныхъ дѣлахъ! Я ненавижу васъ“, кричалъ Иванъ Ѳедоровичъ, такъ что ужъ настоящій генералъ кричалъ въ Горбуновѣ на думавшаго сдѣлать дѣло жиденка. Насилу успокоили мы Горбунова, но долго онъ еще бранился, обращая брань по адресу агента.

Любилъ и я грѣшнымъ дѣломъ похересить съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, но всегда въ мѣру. Онъ любилъ въ Москвѣ Славянскій Базаръ, а въ Петербургѣ Милютины лавки. Какъ-то въ нихъ засидѣлся онъ съ актеромъ Н. Выпили много—наконецъ уже поздно собрались уходить. Н. захмелѣлъ, отчасти отъ коньяка и вышелъ изъ кабинета раньше Горбунова въ лавку, гдѣ и заболтался съ прикащикомъ фруктовщикомъ. Горбуновъ надѣлъ шубу и немного погодя подошелъ къ бесѣдовавшимъ въ лавкѣ. Захмелѣвшій Н. его не узналъ въ шубѣ и спрашиваетъ: „Съ кѣмъ имѣю честь“? — „Калужскій вице-Губернаторъ Ивановъ“, очень важно отвѣчаетъ Горбуновъ.—„Очень пріятно познакомиться, проговорилъ поднимая шляпу, Горбуновъ съ важностью кланяется и черезъ минуту откидываетъ воротникъ шубы и смѣясь говоритъ: „Нильскій что ты очумѣлъ, не узнаешь“.

Картина изъ самыхъ смѣшныхъ и оторопѣвшій только клянетъ вино—что поддѣло его—а важный вице-губернаторъ смѣясь уѣзжаетъ—и всѣ хохочатъ...

Весело было—хотя уже становилось все сложнѣе и сложнѣе жить!

Горбуновъ былъ и охотникъ ружейный по перу и очень любилъ это занятіе въ свободное время. Ему хотѣлось имѣть хорошее ружье съ центральнымъ боемъ и я заказалъ ему таковое на тульскомъ оружейномъ казенномъ заводѣ, который выдѣлывалъ прекрасныя охотничья ружья наравнѣ съ винтовками для арміи. При сдачѣ каждаго охотничьяго ружья, тульскій казенный заводъ выдаетъ офиціальное свидѣтельство о достоинствахъ изготовленнаго ружья, о дальнобойности его, сколько дробинъ попало въ цѣль, въ кругъ и т. д. и наконецъ кѣмъ ружье заказано—и для кого. Я не могъ себѣ отказать въ шуткѣ, которая кажется пришлась по сердцу Горбунову, а именно: при выдачѣ свидѣтельства на ружье, изготовленнаго на тульскомъ оружейномъ заводѣ для Ивана Ѳедоровича, въ канцеляріи, когда вписали мою фамилію заказчика—писарь спросилъ меня—а для кого? Я отвѣчалъ: „для генералъ-маіора Дитятина 2-го“. Такъ и вписали и такимъ образомъ имя незабвеннаго генералъ-маіора Дитятина 2-го попало въ офиціальный документъ—который я тогда же вмѣстѣ съ ружьемъ поднесъ И. Ѳ. Горбунову и кажется угодилъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ—ибо получилъ отъ Его Превосходительства ласковое „Балдарю“ и портретъ съ собственноручною подписью.

Князь Дм. Дм. Оболенскій.

1891.

Воспоминанія объ И. Ѳ. Горбуновѣ.

Чтеніе „Отзвуковъ разсказовъ Горбунова“ доставило мнѣ большое удовольствіе. Въ нихъ именно вѣрно передано „Горбуновское“ настроеніе и такъ какъ въ введеніи авторъ воспоминаній проситъ дополнить ихъ, то я рѣшился сообщить нѣсколько слышанныхъ мною разсказовъ и личныхъ воспоминаній.

Отъ Т. И. Филиппова я слышалъ разсказъ о томъ, какъ пріѣзжалъ изъ Москвы покойный артистъ Московскаго Малаго театра Провъ Михайловичъ Садовскій на гастроли въ Петербургъ. Провъ Михайловичъ, по словамъ Горбунова, не любилъ Петербурга и ему очень не хотѣлось туда ѣхать, но Дирекція Императорскихъ театровъ настояла и онъ поѣхалъ. Въ назначенный день Горбуновъ встрѣтилъ Садовскаго на Николаевскомъ вокзалѣ и повезъ его въ каретѣ въ меблированныя комнаты, находившіяся въ нынѣ не существующемъ Толмазовомъ переулкѣ, недалеко отъ Александринскаго театра. Садовскій былъ не въ духѣ, дорогой ворчалъ и усиленно бранилъ Петербургъ, говоря, что въ Москвѣ и улицы шире и дома больше. При въѣздѣ на Аничковскій мостъ, увидавъ статуи барона Клодта, онъ мрачно спросилъ Горбунова:

— Это что за кони? Зачѣмъ они?

— Для красы, Провъ Михайловичъ, робко отвѣчалъ Горбуновъ.

— Для красы? протянулъ Садовскій и вдругъ съ сердцемъ отчеканилъ, очевидно по адресу петербуржцевъ вообще:

— Ахъ вы сукины дѣти!

Вотъ что еще я слышалъ отъ Николая Александровича Чаева. При постановкѣ на Александринскомъ театрѣ пьесы его „Царь Василій Ивановичъ Шуйскій“, Горбуновъ игралъ въ ней какую-то маленькую, въ нѣсколько словъ, народную роль, причемъ въ сценѣ сверженія Самозванца, гдѣ толпа врывается въ Кремлевскій дворецъ, Горбуновъ находился на авансценѣ съ топоромъ въ рукахъ и вмѣстѣ съ другими кричалъ по адресу Самозванца: „бей, руби его, злодѣя!“ или что-то въ этомъ родѣ, доподлинно текста не помню. На этомъ оканчивался актъ.

На одномъ изъ первыхъ представленій пьесы присутствовалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, при чемъ въ этотъ день передъ началомъ спектакля режиссеръ замѣтилъ, что Горбунова въ театрѣ еще нѣтъ. Такъ какъ роль его была совсѣмъ незначительная, всего нѣсколько словъ, то режиссеръ, переговоривъ съ находившимся на сценѣ Н. А. Чаевымъ, рѣшилъ начать спектакль, не ожидая Горбунова. Въ началѣ акта, оканчивавшагося сценой сверженія Самозванца, пріѣхалъ Иванъ Ѳедоровичъ, задержавшійся, какъ оказалось, на какомъ-то обѣдѣ. Замѣтивъ, что Горбуновъ находился въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, Н. А. Чаевъ спросилъ его, не помѣшаетъ ли ему это играть. Горбуновъ отвѣчалъ: „Пустяки!“ Приходитъ сцена сверженія Самозванца. Толпа на сценѣ съ криками рвется во дворецъ. Горбуновъ съ воодушевленіемъ размахиваетъ въ толпѣ топоромъ, въ увлеченіи кричитъ свои слова: „Бей, руби, его злодѣя!...“ и вдругъ подъ опускающійся занавѣсъ заканчиваетъ эту фразу трехъ-этажнымъ русскимъ словомъ...

Актъ оконченъ, занавѣсъ опущенъ при громкихъ апплодисментахъ. Стоявшіе за кулисами Н. А. Чаевъ и режиссеръ, услыхавъ неожиданный экспромптъ Горбунова, въ смущеніи кинулись въ разныя стороны.

Въ слѣдующемъ затѣмъ антрактѣ на сцену пришелъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, хвалилъ пьесу и ея постановку, причемъ съ улыбкой замѣтилъ Н. А. Чаеву и режиссеру, что въ особенности живо поставлены народныя сцены...

Зная также сдержанность покойнаго Ивана Ѳедоровича, меня, сознаюсь, немного удивилъ этотъ случай, но, повторяю, я слышалъ про это лично отъ Николая Александровича Чаева.

Вотъ еще сцена Горбунова, слышанная мной отъ В. О. Ключевскаго.

Какъ-то зимой, поздно вечеромъ, пріѣзжаютъ къ доктору и просятъ его немедленно ѣхать къ опасно больному купцу. Докторъ ѣдетъ и застаетъ больного въ состояніи близкомъ къ апоплексическому удару—состояніи, происшедшемъ очевидно отъ злоупотребленія спиртными напитками. Догадавшись въ чемъ дѣло, докторъ спрашиваетъ больного:

— А что, батюшка, много ли вы въ день рюмокъ водки пьете?

Купецъ смотритъ на доктора совершенно соловыми глазами и послѣ нѣкотораго молчанія, съ трудомъ выговаривая слова, хриплымъ голосомъ, произноситъ:

— Лѣтомъ меньше...

Помню еще какой-то отрывокъ изъ разсказа, какъ одинъ запоздавшій гость приходитъ на вечеринку и видитъ, что бутылка съ его любимымъ виномъ—Лиссабонскимъ уже пуста. Онъ мрачно глядитъ на пустую бутылку и затѣмъ недовольнымъ голосомъ спрашиваетъ:

— А Лиссабонскаго уже нѣтъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаютъ хозяева,—все выпили.

— Кто же его пилъ?—мрачно продолжаетъ гость.

— Отецъ діаконъ кушали,—объясняетъ хозяйка.

— Что же онъ его изъ горла, что ли, пилъ!—раздраженно ворчитъ гость...

Сообщу теперь кое-что изъ личныхъ моихъ воспоминаній объ Иванѣ Ѳедоровичѣ.

Какъ-то въ началѣ лѣта мы сидѣли вечеромъ съ Горбуновымъ въ несуществующемъ уже нынѣ саду Эрмитажъ Лентовскаго, находившемся въ Москвѣ близь Самотеки. Въ это время мимо насъ проходитъ, въ настоящее время уже умершій, бывшій артистъ Коршевскаго театра Солонинъ, который, увидѣвъ Ивана Ѳедоровича, кидается къ ниму въ объятія. Горбуновъ встаетъ, трижды цѣлуется и между ними завязывается довольно продолжительный разговоръ, причемъ Солонинъ проситъ Горбунова пріѣхать къ нему втеченіе лѣта не помню въ какой городъ на бенефисъ. Иванъ Ѳедоровичъ обѣщаетъ „постараться“ и условливается, что о днѣ своего пріѣзда онъ извѣститъ Солоника телеграммой. Послѣ этого опять объятія,—три поцѣлуя и Солонинъ уходитъ. Горбуновъ садится на свое мѣсто и затѣмъ совершенно равнодушнымъ голосомъ спрашиваетъ меня: „Вы не знаете, кто это такой былъ?“ Я съ удивленіемъ смотрю на Горбунова, говорю ему: „Это Коршевскій актеръ Солонинъ“.—„И хорошій актеръ?“ продолжаетъ Горбуновъ.—„Да какъ же, Иванъ Ѳедоровичъ“, говорю я,—„вы съ нимъ такъ нѣжно цѣловались и почти обѣщали къ нему на бенефисъ пріѣхать, а теперь спрашиваете, кто это такой“. —„Да что же, батюшка“, отвѣчаетъ съ добродушною улыбкою Горбуновъ,—„развѣ всѣхъ упомнишь, а всякій разъ разбираться да отказываться отъ разныхъ приглашеній слишкомъ много времени на объясненіе уйдетъ“. Просидѣли мы въ саду Эрмитажѣ очень долго: было уже совсѣмъ свѣтло, когда мы направились домой. Утро было чудесное и Иванъ Ѳедоровичъ предложилъ мнѣ пройтись до Сухаревой Башни. Въ это время, когда мы поровнялись съ церковью Николы на Грачахъ на Садовой, къ намъ подъѣхалъ, плохенькой ночной извозчикъ съ рыжеватой бородой, съ трубкой въ зубахъ и съ обычнымъ предложеніемъ: „не поѣдете ли?“

Вдугъ Горбуновъ мгновенно преобразился въ генерала Дитятина и, повернувшись къ извозчику, строгимъ голосомъ кринулъ ему:

— Какъ ты смѣешь, рыжій чортъ, трубку курить? Я можетъ быть генералъ!

Извозчикъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на Горбунова и както нерѣшительно проговорилъ:

— Что-жъ, я вѣдь ничего...

Тогда Горбуновъ закричалъ на него страшно свирѣпымъ голосомъ:

— А ты Оберъ-Полицiймейстера Козлова знаешь?

А. А. Козловъ былъ тогда Оберъ-Полицiймейстеромъ въ Москвѣ.

Извозчикъ первую секунду какъ бы замеръ, а затѣмъ изо всей силы хлестнулъ лошадь и вскачь помчался отъ насъ внизъ по Садовой. Горбуновъ еще разъ крикнулъ ему въ догонку:

— Рыжiй чортъ!!!

А потомъ обернувшись ко мнѣ:

— Какъ я его, батюшка, напугалъ!

Вспоминаю еще случай. Въ день похоронъ Императора Александра III, послѣ того какъ печальная процессiя прослѣдовала по Невскому проспекту, я вышелъ на улицу и среди многочисленной толпы пошелъ по направленiю къ Адмиралтейству. Поравнявшись съ Пассажемъ, какъ разъ у того мѣста, гдѣ находится небольшой ресторанъ Карамышева, извѣстный у его частыхъ посѣтителей подъ названiемъ „Авганистана“, я увидѣлъ И. Ѳ. Горбунова, усиленно протискивающагося сквозь толпу ко входу въ ресторанъ. „Здравствуйте, Иванъ Ѳедоровичъ“, окликнулъ я его,—„куда это вы такъ спѣшите“?—„Здравствуйте батюшка“! отвѣтилъ онъ мнѣ и затѣмъ, мгновенно превратившись въ генерала Дитятина, голосомъ его и съ какимъ-то отчаянiемъ крикнулъ:

— Авганистанъ приступомъ беру!

И. Ѳ. Горбуновъ говорилъ мнѣ, что однажды, идя утромъ на репетицiю, онъ дорогой сѣлъ въ пустую извозчичью пролетку и велѣлъ ѣхать извозчику въ театръ. Извозчикъ спросилъ:

— Въ который?

Горбуновъ отвѣчалъ вопросомъ же и между ними завязался разговоръ:

— А развѣ здѣсь много театровъ?

— Много понастроили, отвѣчалъ извозчикъ.

— И во всѣхъ представляютъ? продолжалъ Горбуновъ.

— Во всѣхъ.

— Откуда же столько народу берутъ для представленiй?

— Да разный народъ... изъ портныхъ которые...

— Ну, а женщины?

— Да такъ, шлюхи разныя...

Прiѣхавъ въ Александринскiй театръ, Иванъ Ѳедоровичъ подъ впечатлѣнiемъ разговора съ извозчикомъ подходитъ къ одной стоявшей на сценѣ артисткѣ, съ которой онъ былъ въ большой дружбѣ и съ серьезнымъ лицомъ заявляетъ ей, что она шлюха. Артистка съ полнымъ недоумѣнiемъ спрашиваетъ, что это значитъ. Тогда Горбуновъ разсказываетъ ей свой разговоръ съ извозчикомъ.

Мнѣ разсказывалъ также артистъ Московскаго Малаго театра А. А. Ѳедотовъ, что однажды онъ, будучи въ Петербургѣ, ѣхалъ на извозчикѣ по Невскому. Его на извощикѣ же перегоняетъ Горбуновъ, который на ходу здоровается и кричитъ ему: „Куда ѣдете“?— „На Морскую“, отвѣчаетъ Ѳедотовъ. Горбуновъ, отъѣхавъ отъ Ѳедотова уже на нѣсколько саженей, вдругъ поворачивается къ нему въ саняхъ и во все горло страшно озабоченнымъ голосомъ кричитъ:—„Но ни на Малой, ни на Большой, капли нѣтъ воды

Морской“! И крикнувъ этотъ отрывокъ изъ куплета какого-то Каратыгинскаго водевиля, онъ мчится дальше.

Не разъ бывалъ Горбуновъ въ Москвѣ 23 февраля въ Странноприимомъ домѣ графа Шереметева при вынутіи жребіевъ бѣдными невѣстами. Однажды въ этотъ день послѣ обѣда онъ разсказалъ въ присутствіи протодіакона Московскаго Успенскаго собора Шаховцова, служившаго въ этотъ день за обѣдней въ церкви Странноприимнаго дома, о старомъ дьяконѣ, который смазалъ новаго сибирскаго „на рцемъ вси“. Протодьяконъ Шаховцевъ, нынѣ покойный, пришелъ въ восторгъ отъ этого разсказа и годъ спустя, встрѣтившись въ тотъ же день съ Иваномъ Ѳедоровичемъ въ Странноприимномъ домѣ, убѣдительно просилъ его повторить ему этотъ разсказъ, что тотъ и исполнилъ къ великой радости покойнаго протодьякона.

Вспоминается мнѣ еще одна маленькая сценка, которой я былъ свидѣтелемъ: одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ— въ то время маленькій кадетикъ, временно жившій у моихъ родителей, разорвалъ, играя въ саду, свои панталоны, за что очень разсердился на него присутствовавшій при этомъ его отецъ, и, въ наказаніе, запретилъ ему надѣть только что принесенную портнымъ лѣтнюю форменную рубашку, которая очень забавляла кадета, называвшаго ее „кителемъ“. Все это происходило при Горбуновѣ. Иванъ Ѳедоровичъ очень любилъ дѣтей. Онъ началъ утѣшать сконфуженнаго и огорченнаго мальчика и сталъ пѣть ему тутъ же сочиненные имъ куплеты на мотивъ распѣвавшейся тогда хорами въ московскихъ загородныхъ ресторанахъ безсмысленной пѣсни, каждый куплетъ которой оканчивался припѣвомъ: „Ахъ, какъ тошно, невозможно...“ Изъ этихъ экспромптовъ у меня сохранились въ памяти лишь двѣ строки:

„Всѣ кадетскіе оттѣнки,
Даже дырки на колѣнкѣ!
Ахъ, какъ тошно, невозможно,
Воротить дружка нельзя.
Вотъ надѣлъ бы теперь китель,
Да не хочетъ мой родитель!
Ахъ какъ тошно, невозможно... и т. д.

При общемъ смѣхѣ провинившійся кадетъ былъ прощенъ по просьбѣ Ивана Ѳедоровича и съ восторгомъ облачился въ свой „китель“.

Какъ то Иванъ Ѳедоровичъ обѣдалъ у моихъ родителей въ Москвѣ въ Странноприимномъ домѣ въ теченіе Рождественскихъ праздниковъ. Послѣ обѣда всѣ пошли на верхъ, къ фортепьяно, играли, пѣли. Горбуновъ подъ аккомпаниментъ отца спѣлъ его романсъ „Я васъ любилъ“. Затѣмъ, по случаю святокъ, кто то изъ насъ предложилъ нарядиться. Горбуновъ въ этотъ день былъ очень въ духѣ и сказалъ, что онъ тоже нарядится. Онъ надѣлъ на себя платье одной живущей у моихъ родителей старушки, повязалъ себѣ голову платкомъ и въ такомъ видѣ пришелъ въ залу. Здѣсь онъ сталъ изображать происходившее въ прежнее время гулянье въ Марьиной рощѣ въ Москвѣ и, подъ аккомпаниментъ отца на фортепьяно, тоненькимъ женскимъ голосомъ пѣлъ:

Я по травкѣ шла
Тяжелехонько несла
Коромысло да валекъ,
Еще милаго платокъ.
Я на камушекъ ступила
Чулокъ бѣлый замочила
Мнѣ не жалко туфелька,
Жалко бѣлаго чулка!

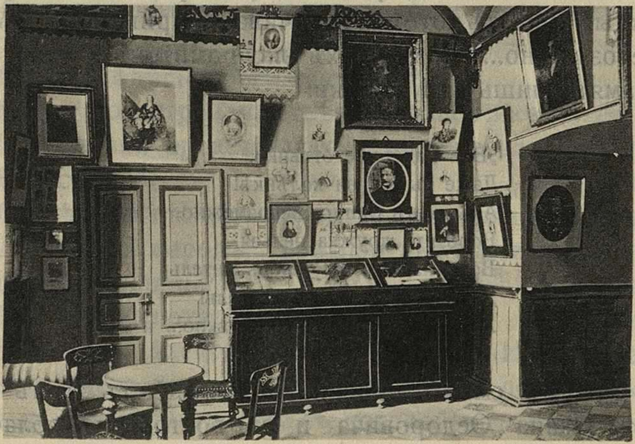
И вдругъ, совершенно неожиданно, мужскимъ голосомъ, подражая мастеровому:

Я съ хозяиномъ расчелся
Ничего мнѣ не пришлось!

Все это мнѣ какъ то особенно отчетливо припомнилось, прочтя книгу „Отзвуки разсказовъ Горбунова“. При чтенiи ея Иванъ Өедоровичъ ярко возстаетъ въ памяти и мнѣ лично сдѣлалось какъ то особенно грустно, что его больше уже нѣтъ...

Н. Шереметевъ.

Октябрь, 1901.
Москва.



Фойэ устроенное И. Ө. Горбуновымъ въ Александринскомъ театрѣ, нынѣ упраздненное.

Воспоминанія объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Горбуновѣ.

Первая моя встрѣча съ Горбуновымъ была въ 1857 году въ Красносельскомъ лагерѣ, гдѣ я стоялъ какъ офицеръ лейбъ-гвардіи Стрѣлковаго батальона Его Величества. Въ одномъ изъ спектаклей лагернаго театра, которымъ тогда завѣдывалъ П. Ф. Ушаковъ, офицеръ Преображенскаго полка, переводчикъ нѣсколькихъ небольшихъ театральныхъ пьесъ, выступилъ И. Ѳ. Горбуновъ съ своими разсказами изъ быта фабричныхъ русскихъ мужиковъ и сценъ въ конторѣ квартальнаго надзирателя. Новизна такихъ разсказовъ полныхъ тонкой наблюдательности и безобиднаго юмора придавали всякому участію артиста, отличавшагося еще непривычной на нашей сценѣ подвижностью мимики, особую прелесть и обезпечивали небывалый, громадный успѣхъ.

Послѣ одного изъ такихъ спектаклей своеобразный по таланту, прекрасный исполнитель ролей петербургскихъ хлыщей, Алексѣй Михайловичъ Максимовъ познакомилъ насъ за ужиномъ. Уже тогда Иванъ Ѳедоровичъ былъ душой такихъ веселыхъ бесѣдъ, хотя еще не выступалъ, ни въ роли генерала Дитятина, ни съ фривольными разсказами. Почерпая всю соль своихъ разсказовъ изъ личныхъ наблюденій, онъ тогда ограничивался сценами изъ народнаго быта.

Въ сезоны 1857 и 1858 годовъ онъ выступалъ на Александринскомъ и Михайловскомъ театрахъ, кромѣ разказовъ, и въ небольшихъ роляхъ; я его помню половымъ въ комедіи Островскаго „Не въ свои сани не садись“, въ сценахъ Стаховича и въ небольшихъ водевиляхъ съ переодѣваніемъ, которыя онъ самъ писалъ для себя.

Почти съ самаго поступленія на петербургскую сцену Иванъ Ѳедоровичъ сдѣлался любимымъ товарищемъ во всѣхъ театральныхъ кружкахъ, а ихъ было тогда много. Съ товарищами-актерами онъ стоялъ всегда на хорошей ногѣ: своеобразное положеніе его, обусловливаемое особенностями его дарованія, не давало мѣста столь обычной на сценѣ зависти, а его добросердечіе, готовность всѣмъ и каждому сдѣлать пріятное—удаляли всякую возможность столь частыхъ между актерами взаимныхъ непріятностей. Для не актеровъ онъ представлялъ особую привлекательность тѣмъ, что умѣлъ, при чрезвычайной скромности, отмѣтить художественность своего таланта, юморъ разсказа и почти неумолкавшую веселость.

Въ 1858 году я переселился въ Москву и здѣсь наши встрѣчи сдѣлались рѣже, обусловливались, или моими поѣздками въ С.-Петербургъ, или его пріѣздами въ Москву. У насъ было много общихъ знакомыхъ.

Въ семидесятыхъ годахъ Горбуновъ, горячо любившій не только всю Москву, но даже нѣкоторые въ ней закоулки въ особенности, принялъ за обычай встрѣчать и проводить въ Москвѣ праздникъ Пасхи. Въ Свѣтлое Воскресенье онъ веегда ходилъ на площадь въ Кремль и потомъ разговлялся чаще всего въ домѣ артистки Н. А. Дмитріевой-Никулиной, съ которой былъ всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, у В. К. фонъ-Мекка, въ семьяхъ А. Н. Островскаго, П. М. Садовскаго, Б. С. Шереметева. Всюду онъ былъ желанный гость, вносившій веселую радость и то братское ликованіе, которое такъ свойственно этому великому празднику.

Впослѣдствіи онъ привозилъ съ собой свою дочь Татьяну Ивановну и съ ней проводилъ нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ въ подмосковныхъ имѣніяхъ и дачахъ своихъ друзей.

Когда я былъ назначенъ предсѣдателемъ Московскаго попечительнаго комитета Императорскаго Человѣколюбиваго общества которому подчинено Набилковское училище, Иванъ Ѳедоровичъ особенно любилъ вмѣстѣ со мной ѣздить въ училище, въ которомъ воспитывался и о которомъ сохранилъ самую благодарную память. Особенно пріятно было ему получать приглашенія на годичные акты, что я дѣлалъ ежегодно, то есть посылалъ къ нему приглашенія. Иванъ Ѳедоровичъ являлся всегда съ кучей книгъ и надо было видѣть тотъ восторгъ, съ которымъ онъ раздавалъ награды, ласковой улыбкой ободряя каждаго отличившагося ученика.

Послѣ акта обыкновенно гости приглашались попечителемъ училища на трапезу. Здѣсь никѣмъ на то не вызываемый, Иванъ Ѳедоровичъ былъ неистощимъ въ воспоминаніяхъ о своей школьной жизни, объ отношеніяхъ къ воспитанникамъ учредителей училища Набилковыхъ, объ учителяхъ, особенно французѣ и математикѣ. Въ его передачѣ живо представлялся бытъ своеобразной по воспитанію школы, вставалъ образъ добродушнаго и въ то же время чванливаго купца-благотворителя; всѣ эти разсказы были пропитаны такою любовью къ своимъ наставникамъ, что казалось вся смѣшная сторона, вся узкость міровоззѣнія этихъ людей побѣждалась ихъ огромнымъ желаніемъ воспитать честныхъ, добрыхъ людей. Можно было, даже должно, находить систему этихъ педагоговъ вполнѣ неудовлетворительною, но нельзя было не проникаться убѣжденіемъ, что люди эти любили своихъ питомцевъ и были ими любимы. Немногому они научали, но относиться къ ближнему любовно они пріучали. Вліяніе такой школы отразилось на особенностяхъ таланта Горбунова.

Участники этихъ трапезъ, по большей части теперешніе педагоги Набилковскаго училища, всегда выносили изъ этихъ бесѣдъ самое отрадное впечатлѣніе, какъ бы подбадриваніе къ тому, что можно воспитывать порой безъ особыхъ знаній, но безъ любви нельзя.

Къ сожалѣнію, въ самомъ училищѣ не сохранилось никакихъ вещественныхъ воспоминаній о Горбуновѣ. Единственный замѣчательный въ этомъ отношеніи предметъ въ ученической библіотекѣ это Риторика Кошанскаго съ надписью:

Hic liber pertinet ad numerum librorum Gorbounoff. 1848.

Внизу надписи:

„Горбуновъ. Аннета Елагина“.

На оберточномъ листкѣ этой риторики сохранилась надпись:

27 Февраля, Воскресенье.

Страсть къ поэзіи развилъ мнѣ даровитый писатель Николай Васильевичъ Бергъ, который, я думаю, вполнѣ извѣстенъ своими сочиненіями. Онъ обадривалъ, поощрялъ меня, онъ снисходилъ ко всѣмъ моимъ ученическимъ погрѣшностямъ и прокладывалъ слѣды къ стихотворству, за что я ему весьма обязанъ и память поэта останется всегда въ моей памяти.

Тебѣ-же первому моя жертва принесется

Jean Gorbounoff“.

При каждомъ свиданіи Иванъ Ѳедоровичъ разспрашивалъ меня, нѣтъ ли чего новаго въ училищѣ, какъ директоръ относится къ ученикамъ и проч.

Желая сдѣлать ему пріятное я записалъ его въ члены Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и вслѣдъ за симъ къ Пасхѣ получилъ слѣдующую визитную карточку:

Article d'une Société
Impériale qui aime les hommes.

Другую оригинальную карточку получилъ я однажды по почтѣ, по поводу того, что не могъ къ нему заѣхать по его приглашенію. Подъ изящнымъ рисункомъ, изображащимъ дѣвочку съ цвѣтами было написано:

Сережа Ангелъ, какъ не стыдно!
Это слишкомъ вѣдь обидно:
Обѣщать и не придти.
1893.

Подъ стихами приклеенъ его силуэтъ въ профиль изъ черной бумаги.

Въ 1890 году въ С.-Петербургѣ праздновали юбилей сорокалѣтія со дня его дебюта на сценѣ. Я получилъ приглашеніе на этотъ праздникъ въ слѣдующей юмористической формѣ:

„Воображаю! 16 Ноября и я праздную третье тридцатипятилѣтіе. Первое—16 Ноября 1888—день перваго выступленія на эстраду на Собачьей Площадкѣ, въ домѣ Пановой. Второе—16 Ноября 1889—день дебюта въ Москвѣ, въ бенефисъ Садовскаго. И наконецъ третье—16 Ноября 1890 года,—дебютъ въ Петербургѣ и поступленіе на службу. Въ домѣ въ этотъ день будетъ душевная кулебяка для милыхъ друзей. Черкни милый, что Владиміръ Карловичъ. Всѣмъ душевный привѣтъ. Крѣпко тебя цѣлую. Также душевный привѣтъ супругѣ и дѣтушкамъ твоимъ. Если ты привезешь къ этому дню поросеночка—въ ножки поклонюсь при свиданіи. Я былъ боленъ ревматизмомъ—теперь исправился“.

На торжество это я не попалъ, ибо собирался тогда въ Харьковъ и звалъ съ собою Ивана Ѳедоровича. Онъ прислалъ мнѣ описаніе своего юбилея, въ видѣ вырѣзки изъ газетъ, при слѣдующемъ письмѣ:

„При сей вѣрной оказіи прилагаю тебѣ, моему душевному другу, описаніе юбилейнаго торжества и крѣпко цѣлую. Что касается до поѣздки въ Харьковъ, то... Mann kann nicht immer vas mann vill, а очень бы хотѣлось. P. S. По полученіи жалованья можетъ, не сорвусь ли денька на три“.

Поводъ, по которому я приглашалъ въ Харьковъ Горбунова, было тамъ новоселье основанной мною печатни въ новомъ обширномъ помѣщеніи. Горбуновъ таки вырвался изъ С.-Петербурга, пріѣхалъ въ Харьковъ и его участіе въ нашемъ праздникѣ доставило всѣмъ гостямъ рѣдкое наслажденіе. Иванъ Ѳедоровичъ былъ замѣчательно въ духѣ и за обѣдомъ импровизировалъ замѣчательно остроумную рѣчь объ успѣхахъ типографскаго дѣла, объ опасностяхъ и о пользѣ печатной работы. Сколько я помню, свою импровизацію заключилъ онъ обращеніемъ ко мнѣ „Смотри въ оба“, какъ наставленіе для достиженія успѣха.

Основанное мною Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“ раскинулось въ нѣсколькихъ городахъ и Иванъ Ѳедоровичъ доставлялъ намъ радость присутствовать на новосельяхъ въ Козловѣ и Екатеринославѣ, кромѣ Харькова. По поводу Екатеринославскаго новоселья онъ писалъ мнѣ:

„Очень радъ былъ бы быть дорогимъ гостемъ на русской хлѣбъ-соли въ городѣ Екатеринославѣ, но удерживаемый дальностію пути, а главное отсутствіемъ, при ограниченномъ содержаніи, матеріальныхъ средствъ къ совершенію онаго, поставленъ въ необходимость отъ почетнаго приглашенія уклониться. Но приглашеніе сіе запишу на скрижаляхъ моего сердца и оставляю за собой право 24 Марта жить душой въ Славянскомъ Базарѣ съ Высочайше утвержденнымъ Товариществомъ и пить здоровье представителя онаго Товарищества, почтеннѣйшаго Его Превосходительства Сергія Павловича, при чемъ не премину выразить вставаніемъ мое глубочайшее уваженіе къ памяти первыхъ типографщиковъ, первыхъ насадителей печатнаго дѣла на Никольской улицѣ—Ивана Ѳедорова, отца діакона Петра Мстиславца, Никифора Тарасіева и Андроника Невѣжи, доказавшихъ еще въ XVI столѣтіи, что:

Можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Отставной семенъ Дитятинъ, генералъ-маеоръ и орденовъ перскидскаго Льва и Солнца и Св. Нины кавалерь, имеющій знакъ

Краснаго Крѣста и Бронзовый жетонъ въ память открытія памятника тысячѣлетію Россіи и шпагу безнадписи за храбрость".

Марта 9 1891 года.

Обо всѣхъ этихъ поѣздкахъ у меня сохранилась, какъ память, участіе Ивана Ѳедоровича въ фотографической группѣ гостей, а въ Екатеринославѣ, гдѣ мы отдыхали нѣсколько дней, мы снялись съ Иваномъ Ѳедоровичемъ вдвоемъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Иванъ Ѳедоровичъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ деревню подъ Орломъ и гостилъ по нѣскольку дней. Эти посѣщенія всегда собирали нѣсколько человѣкъ гостей и время шло замѣчательно весело въ нескончаемыхъ разсказахъ, большею частью импровизированныхъ, не записанныхъ и потому лишь удержавшихся въ памяти не многихъ. Одинъ вечеръ тогда мы долго засидѣлись на балконѣ, генералъ Дитятинъ разсказывалъ про свои походы, про службу при Дибичѣ такъ живо, такъ интересно, что намъ не хотѣлось расходиться.

Случилось что на столѣ осталось три свѣчи. Генералъ началъ ворчать и приводить разные разсказы о примѣтахъ.

— А вы, ваше превосходительство, въ примѣты вѣрите?— спросилъ кто-то.

— Въ примѣты не вѣрю, а въ сны вѣрю.

— Развѣ были случаи, когда сны оправдывались?

— Были. Когда меня хотѣли произвести въ генералы—три ночи подъ рядъ видѣлъ во снѣ Благовѣщеніе.

Укажу еще на одну особенность въ частной жизни Горбунова: онъ былъ замѣчательный хлѣбосолъ и любилъ заявить себя знатокомъ кулинарнаго дѣла. Ежегодно въ день рожденія 14 Ноября у него была душевная кулебяка, на которую собирались всѣ его многочисленные друзья, особенно изъ среды писателей и журналистовъ. Вечеромъ въ этотъ день онъ давалъ балъ для барышень съ офицерами, и барышни эти были его три любимыя дочери, изъ которыхъ одна такъ рано и такъ скоро послѣ него скончалась.

У Горбунова были блюда, приготовленіемъ которыхъ онъ особенно любилъ хвастаться: яичница, окрошка и салатъ. И дѣйствительно, приготовлялъ онъ ихъ особенно вкусно.

Разъ ѣхавши съ нимъ ко мнѣ въ деревню, мы застали разливъ рѣки Оптухи, въ деревню попасть не могли и просидѣли цѣлый день на желѣзно-дорожной станціи Домнино, въ глуши, отдаленные отъ всего жилого, кромѣ дома, гдѣ жилъ начальникъ станціи. Иванъ Ѳедоровичъ принялся готовить кушанье и изъ курицы и картофеля сумѣлъ смастерить очень вкусный обѣдъ изъ нѣсколькихъ блюдъ.

На панихидѣ, которая была отслужена въ Набилковскомъ училищѣ ученикамъ были указаны причины популярности художественнаго таланта Горбунова. Онъ прозорливо наблюдалъ, угадывалъ слабости человѣческой природы и общія, и частныя, выставлялъ ихъ на показъ въ юмористическомъ видѣ, но вся эта художественная передача была согрѣта такою любовью къ ближнему, что никогда въ слушателѣ не возникало презрѣніе къ тѣмъ людямъ, съ которыми знакомилъ разсказчикъ. Онъ выставлялъ слабыя, смѣшныя стороны, но не дурныя наклонности, не злыя побужденія, косность, неразвитость, своеобразность воззрѣній, но не порочность убѣжденій, не злую волю.

Вотъ въ чемъ лежала причина всеобщей къ нему симпатіи. Вотъ почему память всѣхъ знавшихъ его сохранится съ любовью, заляжетъ въ сердцѣ.

Сергій Яковлевъ.

1903.

Письма о Горбуновѣ.

I.

П. В. Шумахера *.

Много теряю, не имѣя случая быть съ нимъ вмѣстѣ. Сколько за это время вылетѣло изъ него букетовъ, которые не оживятся вновь... Вся его сила въ находчивой, тонкой, умной и художественной импровизаціи. — Большинство хохочетъ и не у многихъ, иногда, сердце защемитъ. Горбуновыхъ не было и не будетъ.—„Государственный тр...ръ“. Два слова, а ихъ значеніе глубоко.—Въ Горбуновѣ, при его рѣдкомъ дарѣ, я удивляюсь—*чувству мѣры*: полслова лишняго нѣтъ, нѣтъ и недосказу.—Художникъ великій.

Сухарева келья. П. Шумахеръ.

II.

В. В. Шереметева **.

Познакомился я съ нимъ въ 1855-хъ годахъ при началѣ его дѣятельности. Тогда были извѣстны лишь его разсказы о „пушкѣ“ и о „вицмундирѣ квартальнаго“, который былъ „винъ у весь у пятнахъ“. Встрѣчалъ я его у моего товарища по Университету Дмитрія Дмитріевича Бибикова, гдѣ мы часто съ нимъ обѣдали и я помню, что его разсказы производили на меня впечатлѣніе небывалое и до сихъ поръ иногда я его сравниваю съ извѣстнымъ Кокеленъ и другими французскими разсказчиками и нахожу ту разницу, что у французскихъ разсказчиковъ надобно знать, когда нужно смѣяться, а у Горбунова смѣхъ нельзя было удержать съ начала до конца. Въ эту пору онъ былъ еще мало извѣстенъ. Мы тогда, какъ цѣнители его таланта, рекомендовали его другъ другу, но въ обществѣ онъ былъ весьма воздерженъ и даже стѣснялся. Въ наше время молодые люди мало думали о карьерѣ, а думали болѣе, какъ бы покутить. Въ этомъ онъ отъ насъ не отставалъ. Оттого всѣ мои товарищи того времени были съ нимъ на ты. Анекдотовъ о немъ тогда и не могло быть въ нашей компаніи. Тамъ ему часто приходилось насъ удерживать въ нѣкоторыхъ порывахъ à la Титъ Титычъ. На это онъ пускалъ въ ходъ шуточки и дѣло улаживалось.

---

* Къ гр. С. Д. Шереметеву.

** Къ гр. Пв. С. Шереметеву.

Что касается разсказа, о которомъ вы пишете, то наврядъ ли онъ удобенъ для печати, такъ какъ книги читаются и барышнями, а каково имъ будетъ прямо въѣхать въ .... Въ то время мы жили съ Горбуновымъ по простотѣ и по-товарищески, такъ что на его выраженія въ разсказахъ не обращали особеннаго цензурнаго вниманія, а въ этомъ разсказѣ, что ни слово, то .... Ну, какъ же это печатать? У насъ еще не найдено слово, замѣняющее это великолѣпное выраженіе, которое, особенно въ теперешнее время, можно примѣнить на каждомъ шагу. На всякій случай опишу Горбуновскую идилію.

„Зашли мы съ Иваномъ Терентьевичемъ по торговымъ дѣламъ въ трактиръ чай пить. Сидимъ и пьемъ. Приходитъ кавалеръ службы военной.

— Что вы, говоритъ, ... тутъ дѣлаете?

— Чай пьемъ.

— Почествуйте меня водкой.

— Что жъ, говоримъ, водка плевое дѣло.

Только графинъ поставили, выпишми рюмку, другую, третью, откуда воинскій духъ взялся.

— Вы, говоритъ, ... живодеры, дайте пятіалтынный на подметки.

— Пятіалтынный плевое дѣло, получай. Только .... куплетами больно одолжилъ.

— Я ему говорю, ты, кавалеръ службы военной, эти .... куплеты отставь и чеснѣющаго гражданина во обстоятельство не производи!

А онъ бацъ Ивана Терентьевича въ слухъ. Я его придержалъ во вкусъ. Онъ мнѣ въ обоняніе и расшибъ зрѣніе“.

Разсказъ этотъ былъ разсказанъ на маскарадѣ оберъ-полицеймейстеру Галахову. Горбуновъ подошелъ къ Галахову, который гоголемъ ходилъ по залѣ, и началъ. Сперва Галаховъ гнѣвно обернулся, но, увидавъ Горбунова, перешелъ на междометіе: ха! ха! ха! А съ Галаховымъ шутить было не выгодно: сейчасъ цапъ-царапъ. Настоящій былъ полицмейстеръ.

Былъ у него еще разсказъ, какъ „Императоръ Пэтръ сидѣлъ на балкончикѣ...“ не цензурный.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ я уѣхалъ изъ Петербурга и только потомъ разъ встрѣтилъ Горбунова и имѣлъ удовольствіе слышать его разсказъ, гдѣ онъ заслоненный портьерою, исповѣдовалъ старуху, а что это была за исповѣдь, то вы сами можете догадаться. Тутъ было нѣсколько дѣйствующихъ лицъ и разные голоса. Послѣ этого я его болѣе не видѣлъ, а уже встрѣтилъ у графа Сергѣя Дмитріевича, гдѣ я нашелъ въ немъ совершенно свѣтскаго кавалера и весьма набожнаго христіанина.

Очень сожалѣю, что свѣдѣнія мои столь ограничены. Это происходитъ отъ того, что въ самую лучшую пору успѣховъ Горбунова, я оставилъ Петербургъ и не могъ слѣдить за развитіемъ его таланта. Что дѣлать. La plus jolie fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a, говоритъ пословица...

1903. 10 октября
С. Тельча.

В. Шереметевъ.

3.

Память своеобразнаго художника нуждается въ живыхъ разсказахъ о немъ лицъ, близко его знавшихъ. Никакія записи его разсказовъ, даже принадлежащія собственному перу автора, не могутъ возстановить вполнѣ прелесть его устной рѣчи, сопровождавшей ее мимики и игры его физіономіи. Помню блестящіе его дебюты въ Москвѣ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Тогда можно было ожидать, что изъ него выработается либо замѣчательный писатель, либо первокласный актеръ. Но, къ наслажденію современниковъ и къ ущербу потомства, онъ на всю жизнь остался на грани между двумя искусствами... Готовящееся изданіе его сочиненій вполнѣ удовлетворитъ лишь тѣхъ, которые его видѣли и слышали. Для потомства же онъ останется любопытнымъ памятникомъ по исторіи нравовъ прошлаго вѣка и образцомъ для рѣдкихъ талантовъ Горбуновскаго пошиба. Отъ души желаю этому интересному изданію успѣха.

Татево, 18 Августа 1901.
С. Рачинскій.

4.

Интересный типъ русскаго человѣка олицетворенъ былъ въ Горбуновѣ и мнѣ думается, что вы и издатели его писаній оказываете большую услугу русскому просвѣщенію намѣреніемъ закрѣпить для потомства одного изъ тѣхъ своеобразныхъ русскихъ типовъ, подобные коему появляются и безслѣдно пропадаютъ у насъ нерѣдко. Конечно, Горбуновыхъ—и равныхъ ему немного.

1901. 21 Декабря
Москва.
Д. Хомяковъ.

5.

Горбунова отрадно вспоминать: его незлобивая правдивость заставляетъ вдумываться въ нашу невзрачную дѣйствительность безъ горечи и безъ злобы; а въ наше время такъ трудно обходиться безъ этихъ чувствъ!

24/XII 1901.
Н. Хомяковъ.

6.

Къ сожалѣнію, я слышалъ Горбунова только два раза: въ дѣтствѣ и въ студенческіе годы.

Помню разъ онъ упомянулъ о какомъ то банкѣ, о которомъ два года печаталось въ газетахъ, что онъ лопнетъ, и банкъ дѣйствительно лопнулъ.

Въ другой разъ онъ разсказывалъ объ одной крестьянской четѣ, явившейся къ мировому. Супруги, перебивая другъ друга, разсказывали, что они поссорились, потомъ подрались и наконецъ помирились.

— Что же вамъ угодно отъ меня?—спрашиваетъ мировой.

— А на чаекъ съ вашей милости, теперь уже вамъ не надо трудиться мирить насъ...

Омскъ.
6-го марта 1902 г.
Епископъ Сергій.

Иванъ Θеодоровичъ Горбуновъ*.

[Личныя воспоминанія].

Это было зимою 1858 года въ Кронштадтѣ. Мнѣ было 10 лѣтъ. Помню, какъ однажды мать вошла въ нашу дѣтскую и объявила мнѣ и двумъ моимъ сестрамъ, что, въ награду за хорошее поведеніе, повезетъ насъ вечеромъ въ Морское Собраніе на концертъ, гдѣ актеръ Горбуновъ будетъ разсказывать уморительныя вещи. Дѣтская радость наша проявлялась шумно и мы съ нетерпѣніемъ ждали вечера, когда разодѣтые по праздничному наконецъ поѣхали въ Собраніе. Обстановка залы, множество моряковъ: адмираловъ и офицеровъ, нарядныя дамы, все настраивало воображеніе къ чему-то необыкновенному... Кто-то игралъ на фортепіано, кто-то пѣлъ и вдругъ на возвышеніи появилась фигура молодого человѣка во фракѣ, встрѣченная громомъ рукоплесканій. Это былъ Горбуновъ. Я не могу вспомнить конечно его разсказовъ въ этотъ вечеръ, за исключеніемъ одного, уже тогда снискавшаго громкую славу его автору, знаменитое: „Кажинный разъ на этомъ самомъ мѣстѣ“, но помню, что послѣ каждаго разсказа, рукоплесканія росли, настроеніе присутствующихъ становилось веселѣе и мы, дѣти, начинали любить этого человѣка, котораго кругомъ насъ всѣ такъ любили.

Это было мое первое впечатлѣніе въ жизни отъ Ивана Θеодоровича Горбунова.

Въ послѣдующіе годы дѣтства и ранней юности я совершенно не помню, чтобы слышалъ или видѣлъ гдѣ-нибудь Ивана Θеодоровича. Встрѣтились мы съ нимъ и познакомились въ 1865 году, по производствѣ меня въ офицеры Преображенскаго полка. Въ полкахъ обыкновенно бываютъ особые любимцы изъ постороннихъ, преимущественно братья, или вообще родственники офицеровъ; но бываютъ и совсѣмъ посторонніе, почему-либо пришедшіеся по душѣ полковой семьѣ. Помню изъ таковыхъ двухъ лицъ, неизгладимо врѣзавшихся въ памяти; это былъ поэтъ Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ и И. Ѳ. Горбуновъ. Перваго сблизилъ съ полкомъ, если не ошибаюсь, тогда еще молодой любимецъ полка графъ Владиміръ Павловичъ Граббе. Кто сблизилъ второго—не знаю; вѣроятно, его затащилъ кто-нибудь вечеромъ въ дежурную комнату Таврическихъ казармъ случайно и затѣмъ онъ тутъ же сразу сдѣлался домашнимъ человѣкомъ.

---

* Статья эта появляется совершенно случайно. Передавъ графу Павлу Сергѣевичу Шереметеву, на его распоряженіе, два шуточныхъ письма, когда-то написанныхъ ко мнѣ Иваномъ Θеодоровичемъ Горбуновымъ, я, во исполненіе желаній графа, приступилъ къ написанію объяснительнаго примѣчанія къ этимъ письмамъ. Послѣдствіемъ чего и появились эти отрывочныя воспоминанія, составляющія, въ сущности, распространенное примѣчаніе.

В. К. И.

Старики любятъ время своей молодости и, можетъ быть, относятся къ нему пристрастно, не спорю, но мнѣ кажется, что время полковой жизни второй половины шестидесятыхъ годовъ было блестящимъ временемъ Преображенскаго полка. Полкъ жилъ тѣсною товарищеской жизнью, отдаваясь прямымъ своимъ обязанностямъ и посвящая досуги разнообразнымъ развлеченіямъ, среди которыхъ далеко не послѣднее мѣсто занимали интересы театра и литературы, а по вечерамъ шли безконечныя бесѣды за добрымъ стаканомъ краснаго вина, въ такъ называемой „Тавридѣ“. Вотъ тутъ-то, за этими бесѣдами, незамѣнимыми товарищами были упомянутые: Апухтинъ и Горбуновъ. Ихъ остроумію не было предѣловъ, и эти дружескія бесѣды подали мысль одному изъ соучастниковъ, офицеру полка Катенину, основать шуточное общество, подъ наименованіемъ „хлопальщиковъ“. По уставу этого общества, всѣ удачныя остроты награждались шиканіемъ, а неудачныя сопровождались апплодисментами. Сколько шиканій на собраніяхъ этого общества пришлось выслушать и Алексѣю Николаевичу, и Ивану Ѳеодоровичу! Тутъ же на одномъ изъ собраній выпили мы съ Горбуновымъ на „ты“ и оставались въ этой дружеской близости до самой его кончины. Лѣтомъ полковая жизнь особенно оживлялась въ лагерныхъ сборахъ и городскіе жители, не покидавшіе Петербурга, или его окрестностей, охотно пріѣзжали на разныя лагерныя празднества! Тутъ часто появлялась среди насъ личность въ высшей степени оригинальная, это былъ посланникъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Клей. Клей былъ немного ниже средняго роста, крѣпкаго сложенія съ мало-выразительными глазами; онъ, какъ дипломатъ, несомнѣнно говорилъ по-французски, но всему предпочиталъ свой родной языкъ, хотя добрая половина Преображенскихъ офицеровъ и не говорили по-англійски. Приглашаемый въ полкъ обыкновенно по случаю какихъ-либо праздниковъ, онъ съ удовольствіемъ садился за столъ, занимая почетное мѣсто, и скоро приходилъ въ состояніе возбужденности; офицерство съ нимъ чокалось, цѣловалось, пило на „ты“ и онъ съ удовольствіемъ всему этому подчинялся; господствующею страстью его было произнесеніе рѣчей; онъ нетерпѣливо выжидалъ конца оффиціальныхъ тостовъ и сейчасъ же приготовлялся къ произношенію спича; Клей, горячо жестикулируя, произносилъ одушевленную рѣчь, почти никому непонятную. Въ началѣ августа 1866 года въ Кронштадтъ пришла Сѣверо-Американская эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Фарагутта, прибывшая отъ американскаго народа поздравить Императора Александра II съ благополучнымъ исходомъ перваго злодѣйскаго покушенія на его жизнь. Офицеры эскадры осматривали лагерь и были чествуемы въ Преображенской офицерской артели; на этомъ чествованіи былъ, разумѣется, и посланникъ Клей, и И. Ѳ. Горбуновъ; тутъ-то онъ конечно слышалъ и рѣчь Клея, которая для насъ, уже привычныхъ къ подобнымъ рѣчамъ, прошла незамѣченною, но на него произвела неизгладимое впечатлѣніе и повела къ созданію несравненнаго разсказа о поѣздкѣ американцевъ въ Нижній-Новгородъ и объ обѣдѣ, данномъ имъ купечествомъ. Четверть вѣка спустя, въ сотый разъ слыша этотъ разсказъ отъ Ивана Ѳеодоровича, я, при произнесеніи имъ рѣчи на англійскомъ языкѣ, о которомъ кстати сказать онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, вспоминалъ рѣчистаго Клея, до такой степени умѣлъ Горбуновъ возсоздать его образъ и въ выраженіи лица, и въ интонаціяхъ голоса, и въ своеобразной жестикуляціи.

Съ Горбуновымъ за этотъ періодъ времени мы встрѣчались часто и всякая встрѣча съ нимъ доставляла живое удовольствіе. Въ его присутствіи никогда не было скучно, а главное всѣ бывали мирно и дружелюбно настроены. Особенность характера Горбунова проявлялась въ его необыкновенной способности сглаживать возникавшія недоразумѣнія.

Страннымъ кажется мнѣ теперь, что память совсѣмъ не сохранила мнѣ *актера* Горбунова. Какъ и многіе изъ товарищей, я былъ большой театралъ и часто посѣщалъ Александринскій театръ, но Горбуновъ со сцены ничѣмъ не поразилъ моего воображенія. Помню его смутно въ роли Кудряша въ „Грозѣ“ Островскаго и ясно въ маленькой роли шута въ „Смерти Іоанна Грознаго“, но послѣднее вѣроятно вслѣдствіе особенностей спектакля, въ которомъ онъ участвовалъ. Это было въ концѣ апрѣля, или началѣ мая 1867 года. Въ Петербургѣ, проѣздомъ, послѣ долгихъ переговоровъ, газетныхъ статей и всякихъ дипломатическихъ инцидентовъ, находились депутаты всѣхъ славянскихъ народностей, приглашенные въ Москву на Этнографическую выставку. Вотъ для этихъ-то депутатовъ всеславянскаго съѣзда, съ особенной торжественностью, въ Маріинскомъ театрѣ поставлена была трагедія графа А. К. Толстого. На представленіи присутствовалъ Государь, происходили восторженныя оваціи, общее настроеніе было сильно приподнято и отражалось, разумѣется, на игрѣ артистовъ. Роль Грознаго исполнялъ В. В. Самойловъ; роль Бориса—Нильскій; шутъ, появляющійся только въ послѣдней предсмертной сценѣ во время шахматной игры, соотвѣтствовалъ окружающей обстановкѣ; я и теперь еще слышу его дребезжащій смѣхъ, при произнесеніи словъ: „съ міру по ниткѣ, Нагому рубашка“. Вотъ и все, что осталось въ памяти отъ актера Горбунова. Немного! Теперь, анализируя это странное явленіе, я прихожу къ заключенію, что Горбуновъ, какъ актеръ, былъ несомнѣнно личностью мало выдающеюся и что происходило это отъ особенностей его необыкновеннаго таланта. Артистически воспитанный и взлелѣянный А. Н. Островскимъ, боготворившій своего учителя, И. Ѳ. Горбуновъ не укладывался въ рамки даже его творчества. Онъ не терпѣлъ насилія надъ своими личными душевными движеніями и поднимался до необычайной высоты только въ свободной импровизаціи. Его стѣсняло даже собственное творчество, какъ установившаяся форма; написанныя имъ сцены онъ повторялъ всегда съ какими-нибудь новыми подробностями и главное, прелесть его разсказовъ для слушателя заключалась именно въ томъ, что послѣдній внималъ не механическому исполненію, а всегда живому проявленію остроумной мысли, тонкому наблюденію и, поражающе, мѣткому слову.

Весною 1868 года я уѣхалъ изъ Петербурга и мы надолго разстались съ Горбуновымъ. Встрѣча наша произошла зимою 1880 года въ домѣ тогдашняго Московскаго губернатора Василія Степановича Перфильева. Вспоминая объ этой встрѣчѣ, поведшей, къ непрекращавшемуся уже общенію вплоть до самой кончины Ивана Ѳеодоровича, не могу не упомянуть о характерѣ Перфильевскаго дома, какъ той среды, въ которой произошло мое вторичное съ нимъ сближеніе. Василій Степановичъ Перфильевъ былъ человѣкъ весьма умный, разнообразно образованный, хорошо знакомый и съ жизнью русской деревни и родною и иностранными литературами. Онъ былъ женатъ на Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, дочери „знаменитаго американца“ графа Ѳеодора Ивановича Толстого; это была женщина весьма оригинальная, разносторонне образованная и даже прикосновенная къ литературѣ. Въ домѣ Перфильевыхъ сбирался кружокъ исключительно людей выдающихся по уму или по дарованію и во главѣ ихъ стоялъ колоссъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, родственникъ Прасковьи Ѳеодоровны и другъ дѣтства Василія Степановича. Изъ числа тогдашнихъ посѣтителей Перфильевскаго дома и участниковъ долгихъ бесѣдъ, по русскому обычаю уходившихъ далеко за полночь, большинства уже нѣтъ въ живыхъ, но уцѣлѣвшіе старики вспоминаютъ о нихъ съ особымъ удовольствіемъ и признательностью.

Въ этомъ-то домѣ встрѣтился я съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ и, кромѣ радости встрѣчи, сразу почувствовалъ, что ему здѣсь дышалось легко и свободно. Вяло играетъ артистъ среди публики мало развитой и непонимающей тонкости отдѣлки; скучно чувствуетъ себя умный человѣкъ среди глупцовъ, но стоитъ только тому или другому очутиться среди соотвѣтствующей обстановки и тотъ, и другой оживаютъ. Вотъ это-то оживленіе и овладѣвало всегда Горбуновымъ въ Перфильевскомъ домѣ. Появлялся онъ не часто, но изъ этихъ появленій отмѣчу два характерныхъ случая. Помню разъ, сидѣли мы въ столовой губернаторскаго дома, послѣ только что оконченнаго обѣда, за которымъ присутствовалъ и Горбуновъ; онъ уже блестѣлъ въ разговорахъ остроуміемъ „генерала Дитятина“, какъ вдругъ въ комнату вошелъ новый посѣтитель, человѣкъ уже немолодой, сутуловатый, съ желтизною лица и, какъ близкій знакомый, сталъ здороваться со всѣми сидѣвшими. Хозяинъ познакомилъ съ нимъ Горбунова. Это былъ графъ Сергѣй Николаевичъ Толстой, старшій братъ графа Льва Николаевича. Онъ съ удовольствіемъ началъ прислушиваться къ бесѣдѣ, и Горбуновъ, обрадованный приходомъ новаго слушателя, вспыхнулъ яркимъ пламенемъ своего таланта. Продолжая блестѣть разсказами, онъ перешелъ къ одному изъ нихъ, хорошо уже знакомому намъ, его поклонникамъ. Дѣло шло о какой-то невзгодѣ двороваго человѣка, въ которой несимпатичную роль игралъ его помѣщикъ. Всѣ мы испуганно встрепенулись, а хозяинъ знаками старался остановить разсказчика. Дѣло въ томъ, что между убѣжденіями графа Льва Николаевича и его старшаго брата лежала цѣлая пропасть; послѣдній былъ человѣкъ самыхъ консервативныхъ убѣжденій и, вслѣдствіе желчности, способный рѣзко выражать свое неудовольствіе. Но Горбуновъ какъ бы не замѣчалъ усиленныхъ подмигиваній Василія Степановича. Разсказъ лился съ неудержимою послѣдовательностью и вдругъ закончился такимъ великодушнымъ поступкомъ помѣщика, что привелъ въ восторгъ графа Сергѣя Николаевича. Всѣ слушатели, а насъ было человѣкъ десять, разразились громомъ рукоплесканій уже не хорошо знакомому разсказу, а замѣчательной находчивости его автора. Для Горбунова не нужно было усиленнаго подмигиванія, а достаточно было обыкновеннаго выразительнаго взгляда и онъ сразу понималъ въ чемъ дѣло, этому я много разъ былъ очевидцемъ.

Другой случай, можетъ быть, и не достоинъ вниманія, по его малозначительности; но не могу воздержаться отъ передачи его въ силу произведеннаго имъ впечатлѣнія на присутствовавшихъ. Весною 1881 года, наканунѣ свадьбы единственнаго сына Василія Степановича, въ домѣ отца, гдѣ проживалъ женихъ, происходилъ, такъ называемый, мальчишникъ, т. е. попросту говоря, большой званый ужинъ изъ пріятелей и сверстниковъ жениха и обычныхъ посѣтителей дома. Разнообразіе возрастовъ и малое знакомство между собою, сошедшихся вокругъ стола, отражалось на общемъ настроеніи. Было неоживленно и скучно. Присутствовавшіе за ужиномъ извѣстные тогда поэтъ-юмористъ Петръ Васильевичъ Шумахеръ и умный острякъ Николай Захаровичъ Воронинъ старались помочь хозяевамъ, овладѣвая бесѣдою, но И. Ѳ. Горбуновъ упорно молчалъ, или, уступая настойчивымъ просьбамъ, передавалъ какіе-нибудь хорошо знакомые разсказы, не оживляясь и не входя въ роль генерала Дитятина, что всегда служило признакомъ его хорошаго настроенія духа. Бесѣда попрежнему не клеилась, стали просить Шумахера прочесть одно изъ знакомыхъ его эротическихъ стихотвореній; желая помочь бѣдѣ, Шумахеръ согласился и прочелъ стихотвореніе съ рѣдкою выразительностью. Послышался смѣхъ, апплодисменты и снова все смолкло. Вдругъ среди тишины раздался старческій голосъ генерала Дитятина: „отмѣнно, господинъ Шумахеръ... возьмите апельсинъ“ *. Это было такъ неожиданно и сказано такъ покровительственно, что произвело положительный фуроръ. Долго не прекращались апплодисменты и смѣхъ и бесѣда уже не смолкала, зажигаясь то на одномъ, то на другомъ концѣ стола и сливаясь въ одинъ общій хоръ повышеннаго настроенія. Самъ Горбуновъ оживился, его разсказы перестали быть безцвѣтнымъ повтореніемъ извѣстнаго и стали по обыкновенію глубокосодержательны и остроумны. Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, ну что можно извлечь изъ такой малозначительной

---

* См. выше „Отзвуки разсказовъ Горбунова“. Ред.

фразы, какъ „отмѣнно... возьмите апельсинъ“, а между тѣмъ нѣсколько десятковъ людей вдругъ оживляются, приходятъ въ бодрое и веселое настроеніе и на долгіе годы сохраняютъ въ своей памяти такое ничтожное обстоятельство. Вотъ что значитъ настоящій талантъ. Весь характеръ генерала Дитятина выразился не только въ интонаціи голоса, но въ выраженіи глазъ, покровительственной улыбкѣ и приподнятыхъ плечахъ мгновенно преобразившагося Горбунова. Въ такія минуты онъ былъ по истинѣ неподражаемъ. Назвавъ генерала Дитятина, не могу не остановиться при этомъ имени. Конечно, не въ такихъ бѣглыхъ замѣткахъ, какъ настоящія, можно подробно разъяснить все значеніе столь сложнаго типа, но нельзя обойти его и молчаніемъ. Не помню совершенно, прибѣгала-ли Горбуновская фантазія къ авторитетному званію генерала уже въ концѣ 60-хъ годовъ; кажется, нѣтъ; но при нашей вторичной встрѣчѣ въ 80-мъ году, характеръ Дитятинскаго типа былъ вполнѣ разработанъ и Горбуновъ овладѣлъ имъ въ совершенствѣ. Это было лицо художественное, соединившее въ себѣ многосложныя черты, отошедшаго въ область преданій, вѣка. Жизненность Дитятинскаго типа заключалась въ томъ, что при всемъ глубокомъ юморѣ онъ былъ не каррикатуренъ, что генералъ Дитятинъ былъ олицетвореніемъ не однихъ отжившихъ мыслей, но и природнаго ума, наблюдательности и подъ часъ весьма разумной критики. Въ фантастическомъ образѣ генерала Дитятина перехвати Горбуновъ незамѣтную черточку, сказалась бы каррикатура, способная временно позабавить и исчезнуть безслѣдно. Интересно было наблюдать за слушателями и собесѣдниками Горбунова, когда онъ прибѣгалъ къ покрову созданнаго имъ лица. Одни находили Дитятина удивительно забавнымъ, другіе наблюдательнымъ, третьи остроумнымъ, а помню какъ однажды покойный Николай Платоновичъ Барсуковъ при краткомъ, заключавшемся чуть не въ одномъ словѣ замѣчаніи генерала Дитятина по поводу какого-то событія дня, восторженно воскликнулъ: „Каково! Вѣдь это цѣлая трагедія“. Вообще, впечатлѣніе этого типа бывало весьма различно; многіе относились къ нему насмѣшливо, но, кажется, никто непріязненно. Всѣ какъ будто чувствовали, что онъ уже безвреденъ, хотя иногда и не безполезенъ; всѣ помнили, что когда онъ здоровался, солдаты уже не отвѣчали ему: „рады стараться“, а только „взводные кивали головою“. Воскресить вполнѣ значеніе этого типа и передать потомству все имъ высказанное невозможно, также невозможно, какъ передать всѣ мысли и слова любого, когда-нибудь жившаго человѣка. Генералъ Дитятинъ былъ именно живой человѣкъ.

Зимою 1886 года я сталъ часто посѣщать домъ тогдашняго Московскаго Губернскаго Предводителя Дворянства графа Сергія Дмитріевича Шереметева и тутъ уже гораздо чаще началъ сталкиваться съ И. Ѳ. Горбуновымъ. Домъ этотъ носилъ своеобразный характеръ уходившаго стародворянскаго типа; это была усадьба, служившая средоточіемъ умственной жизни, охранявшая завѣты старины и мало дѣлавшая уступокъ времени. Сюда сходились рѣдѣвшіе литераторы, историки, ученые. Тутъ соблюдались всѣ порядки православнаго дома. Горбунову здѣсь было прямое раздолье. Къ нему относились не какъ къ артисту, или разсказчику съ требованіемъ постоянно забавлять публику, а какъ къ человѣку равному, дѣлавшему не только удовольствіе, но и честь своимъ присутствіемъ. Горбуновъ чувствовалъ, что его здѣсь не только цѣнятъ, но и любятъ всѣ: отъ старѣйшихъ хозяевъ дома до молодого поколѣнія, обычныхъ посѣтителей дома, до прислуги включительно; нигдѣ и никогда не видалъ я Ивана Ѳеодоровича въ такомъ благодушномъ настроеніи, какъ среди этой семьи, въ Москвѣ-ли то на Воздвиженкѣ, въ подмосковномъ-ли имѣніи Михайловскомъ, или въ Петербургскомъ домѣ на Фонтанкѣ. Надо сказать, что въ Москву собственно зимою Горбуновъ пріѣзжалъ не часто, развѣ только по какимъ-либо рѣдкимъ вызовамъ или для участія въ литературномъ вечерѣ, но неизмѣнно проводилъ въ Москвѣ Страстную и Свѣтлую седмицы. Иванъ Ѳеодоровичъ былъ искренній ревнитель богослуженія, знатокъ церковныхъ пѣснопѣній и большой начетчикъ; онъ любилъ читать на клиросѣ, а иногда даже и апостола. Говѣя на страстной недѣлѣ, онъ не сообщалъ своимъ близкимъ о храмѣ, въ который направлялся съ молитвою, чтобы избѣгать столкновенія со знакомыми и только, начиная съ четверговой службы, любилъ посѣщать кремлевскіе храмы и преимущественно Успенскій соборъ. Въ Свѣтлую ночь разгавливался онъ въ то время неизмѣнно у графа Шереметева, а въ остальное время появлялся рѣдко, посѣщая множество знакомыхъ домовъ и вездѣ угощаемый съ усиленною настойчивостью и старо-московскимъ гостепріимствомъ. Лѣтомъ въ Михайловскомъ Горбуновъ появлялся къ днямъ семейныхъ праздниковъ и неизмѣнно къ храмовому празднику домовой церкви, бывающему 6-го сентября. Въ эти пріѣзды Горбуновъ оставался по нѣскольку дней и, наслаждаясь деревенскою обстановкою, доставлялъ наслажденіе окружающимъ. Рѣдкимъ оживленіемъ отличался всегда храмовой праздникъ; къ этому дню въ Михайловское пріѣзжали близкіе друзья Горбунова, три брата Барсуковыхъ, уже упомянутый въ этихъ замѣткахъ, П. В. Шумахеръ и многіе другіе. Именно въ эти дни Горбуновъ былъ особенно привлекателенъ и неистощимъ въ разсказахъ. Нельзя было не удивляться разнообразію его фантазіи. Такъ шло безъ перемѣны нѣсколько лѣтъ. Тогда еще старшіе сыновья графа Сергія Дмитріевича учились въ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ и въ университетѣ и графъ не прямо послѣ зимы переѣзжалъ изъ города въ Михайловское, а май мѣсяцъ проводилъ въ знаменитомъ своемъ подмосковномъ селѣ Кусковѣ, откуда дѣтямъ легко было пріѣзжать въ Москву на экзамены. Въ самомъ началѣ іюня мѣсяца 1888 года графъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ въ Кусково московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова; къ этому обѣду приглашены были: графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринской, князь Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій, проживавшій тогда въ Москвѣ, Магараджа Лагора Дулипъ-Сингъ *, И. Ѳ. Гор-

---

* Магараджа Дулипъ-Сингъ, единственный наслѣдникъ Лагора, въ Индіи, былъ въ дѣтствѣ вывезенъ англичанами съ родины и получилъ образованіе въ

буновъ и я. Послѣ обѣда приглашенные гости съ хозяиномъ перешли на террассу и Горбуновъ началъ забавлять публику разсказами, доставляя удовольствіе всѣмъ, кромѣ бѣднаго Магараджи, ничего не понимавшаго. Желая доставить удовольствіе и ему, Горбуновъ перешелъ къ разсказу о поѣздкѣ американцевъ въ Нижній-Новгородъ. Хорошо владѣвшій англійскимъ языкомъ графъ А. В. Бобринской предварительно передалъ Дулипъ-Сингу о чемъ будетъ рѣчь. Тотъ слушалъ внимательно, все-таки ничего не понимая; но вдругъ встрепенулся при звукахъ родного говора. Горбуновъ, спустивши по обыкновенію прядь волосъ на лобъ и заложивши правую руку за бортъ фрака, быстро произносилъ свою англійскую рѣчь; было видно, какъ Дулипъ-Сингъ улавливалъ значеніе каждаго слова, но никакъ не могъ понять въ чемъ дѣло, а Горбуновъ говорилъ неудержимо быстро, съ выразительными интонаціей и мимикой и когда кончилъ, всѣ съ хохотомъ привѣтствовали его апплодисментами. Магараджа тоже апплодировалъ, но, вопросительно поглядывая на графа Бобринскаго, сказалъ, что несовсѣмъ хорошо понялъ торопливую рѣчь и, когда узналъ, что ораторъ говорилъ не членораздѣльно, а только звукоподражательно, ибо понятія не имѣлъ объ англійскомъ языкѣ, то расхохотался какъ ребенокъ и въ полномъ смыслѣ слова смѣялся до слезъ, держа въ рукахъ, поражавшій восточной роскошью, осыпанный рубинами и изумрудами мундштукъ.

Съ весны 1887 года, въ должности управляющаго канцеляріею Московскаго генералъ-губернатора, я по нѣсколку разъ въ годъ сопровождалъ князя В. А. Долгорукова въ его служебныхъ поѣздкахъ въ Петербургъ. Поѣздки эти нерѣдко пріурочивались къ высокоторжественнымъ днямъ и совпадали съ таковыми же поѣздками въ Петербургъ Московскаго губернскаго предводителя дворянства. Для меня, несмотря на всю скуку этихъ поѣздокъ,

---

Лондонѣ, гдѣ пользовался внѣшними знаками вниманія, но находился подъ строгимъ наблюденіемъ. Отъ англійскаго правительства ему назначена была крупная пенсія. Точно не знаю причинъ его ссоры съ англійскимъ правительствомъ, вслѣдствіе которой онъ даже неудержанный лишеніемъ пенсіи бѣжалъ изъ Англіи и появился неожиданно на жительство въ Москвѣ. Кажется, это было въ самомъ началѣ 1887 года. Русское правительство не отказало бѣдному Магараджѣ въ гостепріимствѣ и онъ, какъ сказано, появился въ Москвѣ, гдѣ скромно поселился въ „Славянскомъ Базарѣ", очевидно стѣсненный въ средствахъ. Единственнымъ предметомъ сказочной индійской роскоши былъ его парадный мундиръ, весь расшитый золотомъ и искусно гранеными драгоцѣнными камнями. По оцѣнкѣ ювелировъ этотъ мундиръ стоилъ свыше четырехъ сотъ тысячъ рублей. Князь В. А. Долгоруковъ основательно потребовалъ, чтобы во избѣжаніе соблазна Магараджа помѣстилъ свой мундиръ на храненіе въ Государственный банкъ; подчиняясь этому требованію, Магараджа оставилъ при себѣ только удивительной красоты брилліантовую звѣзду, которую и носилъ на черномъ сюртукѣ, когда рѣдко появлялся въ обществѣ, да свой великолѣпный мундштукъ. Въ концѣ мая 1887 году князь В. А. Долгоруковъ получилъ письмо отъ министра иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирса, съ порученіемъ обязать Магараджу прекратить его сношенія съ Индіею, на чемъ настаивало англійское правительство. За незнаніемъ англійскаго языка князь В. А. Долгоруковъ пригласилъ посредникомъ и переводчикомъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ проживавшаго тогда въ Москвѣ члена Государственнаго Совѣта графа А. В. Бобринскаго. Вотъ обстоятельства, сблизившія между собою лицъ, приглашенныхъ на обѣдъ графомъ С. Д. Шереметевымъ. В. К. И.

сопряженныхъ съ бѣготнею по министерствамъ и безконечнымъ количествомъ оффиціальныхъ визитовъ, они имѣли и свою привлекательную сторону. Благодаря имъ, я сблизился съ двумя даровитыми бытописателями и знатоками нашей отечественной исторіи, братьями Николаемъ и Александромъ Платоновичами Барсуковыми. Посѣщенія этихъ скромныхъ, но богатоодаренныхъ тружениковъ доставляло мнѣ истинное удовольствіе и я съ нетерпѣніемъ поджидалъ вечера, чтобы отправиться къ нимъ на отдыхъ. По средамъ и пятницамъ сбирались за обѣдомъ и по вечерамъ у графа С. Д. Шереметева; и тутъ и тамъ обычнымъ посѣтителемъ былъ И. Ѳ. Горбуновъ. О характерѣ его посѣщеній дома графа Шереметева уже сказано, а потому теперь отмѣчу характеръ его посѣщеній и братьевъ Барсуковыхъ. Послѣдніе вели жизнь какъ бы мірскихъ монаховъ; въ своей замѣчательной квартирѣ, составлявшей небольшой, но весьма богатый музей въ смыслѣ собранія книгъ и обильной коллекціи портретовъ русскихъ дѣятелей, преимущественно на литературномъ поприщѣ, они собирали людей, только цѣнившихъ эти предметы и потому сродныхъ по духу хозяевамъ. Въ квартирѣ этой была столовая, отличавшаяся крайнею своеобразностью, особенно для Петербурга. Именовалась эта комната „Патріаршею Палатою“, и по всѣмъ четыремъ стѣнамъ была увѣшана портретами замѣчательныхъ русскихъ іерарховъ и различныхъ дѣятелей на церковномъ поприщѣ. Тутъ то, за скромною, но радушно предложенною трапезою быстро протекало время среди оживленной и интересной бесѣды. Я особенно любилъ вечера, на которыхъ изъ постороннихъ посѣтителей былъ только одинъ И. Ѳ. Горбуновъ, иногда Леонидъ Николаевичъ Майковъ, да развѣ очень поздно и то на нѣсколько минутъ забѣгалъ ближайшій сосѣдъ, бывшій въ то время редакторъ „Русскаго Вѣстника“, Ѳ. Н. Бергъ. На этихъ вечерахъ Горбуновъ переставалъ совершенно быть лицедѣемъ, а становился обыкновеннымъ человѣкомъ, подобно собесѣдникамъ, занятый обсуждавшимися вопросами съ чисто своей Горбуновской точки зрѣнія. Знатоки отечественной исторіи, братья Барсуковы были вмѣстѣ съ тѣмъ знатоками церковно-славянскаго языка, а въ этомъ послѣднемъ отношеніи Горбуновъ не имѣлъ соперника. Для него церковно-славянскій языкъ былъ не мертвый, не застывшій въ могучихъ формахъ богослужебныхъ книгъ и пѣснопѣній; нѣтъ, для него это былъ языкъ живой, языкъ, на которомъ онъ могъ говорить и писать такъ же свободно, какъ на современномъ русскомъ. И сколько бывало испытываешь наслажденій, робко вмѣшиваясь, а главнымъ образомъ прислушиваясь къ остроумнымъ сопоставленіямъ, мѣткимъ опредѣленіямъ и неожиданнымъ откровеніямъ въ богатой области отечественнаго языковѣдѣнія. Тутъ, въ этихъ бесѣдахъ, древне-славянскій языкъ оживалъ во всемъ своемъ величіи и неистощимой красотѣ, слово соотвѣтствовало понятію и мысль начинала работать правильно, освобожденная отъ чуждыхъ, ничего не имѣющихъ общаго съ мыслью, наскоро принятыхъ и не принаровленныхъ къ родному языку изрѣченій и опредѣленій. Въ этой области языковѣдѣнія Горбуновъ былъ настоящимъ ученымъ, и русская Академія Наукъ не погрѣшила бы, избравъ его, наравнѣ съ иностранными знаменитостями, своимъ членомъ-корреспондентомъ, или своимъ почетнымъ членомъ. Въ этихъ бесѣдахъ всегда затрагивались дни минувшіе и воспоминанія прошлаго вставали предъ благодарною памятью. Трудъ старшаго изъ хозяевъ, т. е. Н. П. Барсукова, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, постоянно давалъ къ этому поводъ, и Горбуновъ любилъ переноситься памятью къ началу пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, ко временамъ своей ранней молодости, когда, только что окончивъ среднее образованіе въ Набилковскомъ училищѣ, онъ, подъ руководствомъ А. Н. Островскаго и старѣйшаго его по годамъ Т. И. Филиппова, приступалъ къ изученію купеческаго и народнаго быта; объ А. Н. Островскомъ Горбуновъ говорилъ не иначе, какъ съ восторженною любовью, а о Т. И. Филипповѣ всегда съ глубокою благодарностью за его не измѣнившееся отношеніе къ спутнику юности по московскимъ трактирамъ средняго разряда, несмотря на всю разницу ихъ общественныхъ положеній въ старости. Съ каждою поѣздкою въ Петербургъ отношенія наши становились все тѣснѣе, а вечера въ Патріаршей Палатѣ для всѣхъ участниковъ дороже.

Мысленно пробѣгая въ памяти то время, вспоминаю случай Горбуновской находчивости. Это было въ началѣ марта 1889 года; и Долгоруковъ, и графъ Шереметевъ возвращались въ одинъ и тотъ же день въ Москву послѣ пребыванія въ Петербургѣ по случаю дня рожденія Государя. Я сопутствовалъ князю Долгорукову и потому возвращался съ тѣмъ же поѣздомъ. Курьерскій поѣздъ отходилъ въ 9 часовъ вечера, и мы пріѣхали къ его отходу вскорѣ послѣ обѣда. Для князя В. А. Долгорукова былъ послѣднимъ прицѣпленъ особый вагонъ, а передъ нимъ помѣщался общій вагонъ I класса, въ которомъ случайно находилось купэ и графа С. Д. Шереметева, и мое. Передъ вагономъ еще не пріѣхавшаго князя Долгорукова, сплошною стѣною, образуя узкій проходъ по срединѣ, располагалась своеобразная публика любопытныхъ. Эта публика всегда провожала князя Долгорукова, почтительно кланяясь и желая ему благополучнаго путешествія; я никогда не могъ опредѣлить ея состава. Рядомъ у выходной двери изъ сосѣдняго вагона стоялъ графъ С. Д. Шереметевъ, бесѣдуя съ провожавшими его Барсуковыми и Горбуновымъ. Пріѣхалъ князь Долгоруковъ, ласково раскланялся съ публикой и прошелъ въ свой вагонъ. Раздался второй звонокъ, но публика не расходилась; наступило глупое выжиданіе третьяго звонка, когда никто не знаетъ, что ему говорить и дѣлать и всѣ нетерпѣливо ждутъ ухода поѣзда. Наступила тишина. Вдругъ неожиданно для всѣхъ Горбуновъ обратился къ публикѣ и, указывая рукой на оба стоявшіе передъ нею вагона, громко воскликнулъ: „хорошо имъ высокопоставленнымъ, а каково намъ низко положеннымъ!“. Мгновеніе недоумѣнія—и громкій хохотъ публики, узнавшей Горбунова. Къ счастью, послышался дребезжащій звукъ колокольчика, раздался свистокъ паровоза и, дрогнувъ на тормазахъ, поѣздъ быстро вынесся изъ-подъ крыши вокзала. Долго смѣялись мы съ графомъ Сергіемъ Димитріевичемъ этому неожиданно устроенному Горбуновымъ скандальчику.—Въ одно изъ послѣдующихъ посѣщеній Петербурга, помню ужинъ съ И. Ѳ. Горбуновымъ въ ресторанѣ Палкина на Невскомъ. Мы засидѣлись съ Горбуновымъ гдѣ-то въ гостяхъ и около часу ночи, уходя по домамъ, почувствовали голодъ. Зайдя къ Палкину, мы расположились въ общей залѣ, занявъ первый столикъ налѣво отъ входныхъ дверей. Мы сидѣли, въ ожиданіи заказаннаго блюда, какъ вдругъ за моей спиной я услышалъ голосъ: „Ба, кого вижу, Иванъ Ѳедоровичъ, здравствуйте!"—„Здравствуйте," голубчикъ" съ радостною улыбкою отозвался Горбуновъ, трижды цѣлуясь съ вошедшимъ.—„Кто это?" спросилъ я, когда пріятель Горбунова удалился.—„Не знаю, голубчикъ; встрѣчались гдѣ-нибудь". Я засмѣялся и мы продолжали бесѣдовать.—„Иванъ Ѳеодоровичъ! Васъ ли вижу!" снова послышался за моею спиною голосъ.—„А, вотъ ужъ подлинно гора съ горою не сходится, а человѣкъ..." и Горбуновъ заключилъ, обрадованнаго свиданіемъ съ нимъ, въ свои объятія.—„Ну что жена! Все ли благополучно дома"? спрашивалъ Горбуновъ. Собесѣдникъ отвѣчалъ подробно, а я, покуривая, наблюдалъ за этою новою сценою.—„Ну, а это кто?" спросилъ я.—„Никакого представленія не имѣю", отвѣчалъ Иванъ Ѳеодоровичъ.—„Да какъ же ты его спрашивалъ о женѣ?"—„Что жъ вижу на человѣкѣ обручальное кольцо, стало быть есть жена, а про дѣтей, если ты замѣтилъ, я изъ опасенія ни слова, спросилъ только: все ли благополучно дома?" И мы оба разсмѣялись. Такъ продолжалось все время покуда, мы сидѣли.—„Вотъ я поэтому и не люблю этихъ общихъ комнатъ, говорилъ Горбуновъ, никогда не дадутъ поѣсть спокойно. У меня вѣдь знакомыхъ полъ Россіи. Послушалъ гдѣ нибудь моихъ разсказовъ на вечерѣ, похлопалъ, а то подошелъ и похвалилъ, вотъ и знакомъ, а мнѣ гдѣ ихъ всѣхъ помнить?" И дѣйствительно кто только не зналъ Ивана Ѳеодоровича! Бывало идешь съ нимъ по улицѣ, въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ ли, а онъ то и дѣло шапку снимаетъ, ласково улыбается, или пожимаетъ руку, а то и цѣлуется.

Въ декабрѣ 1890 года умеръ главный редакторъ Правительственнаго Вѣстника Г. П. Данилевскій. Въ Петербургѣ, разумѣется, явились соискатели на его мѣсто и даже весьма вліятельные, но, совершенно неожиданно для кандидатовъ, это мѣсто было предоставлено мнѣ, что многихъ повергло въ изумленіе. Услыхавъ объ этомъ, И. Ѳ. Горбуновъ написалъ мнѣ, печатаемое ниже, письмо за подписью „Смиренный Іоаннъ, Патріаршей Палаты членъ". Это письмо можетъ служить образцомъ той легкости, съ которою Горбуновъ владѣлъ славянскою рѣчью *. Въ Петербургѣ однако мнѣ пришлось остаться недолго, ибо черезъ три мѣсяца я снова вернулся въ Москву, назначенный управляющимъ канцеляріею новаго Московскаго генералъ-губернатора, Великаго Князя Сергея Александровича. Грустно было намъ разставаться, тѣмъ болѣе, что

---

* Встрѣтившись съ В. К. Истоминымъ вскорѣ послѣ его назначенія, Горбуновъ привѣтствовалъ его и нашелъ, что Правительственный Вѣстникъ очень оживился, по его выраженію: „засіялъ".

Ред.

и графъ С. Д. Шереметевъ, оставивъ должность губернскаго предводителя дворянства, переѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ и уже не могъ служить въ Москвѣ центромъ нашего, тѣсно сплотившагося, кружка. Оставались опять только временные пріѣзды въ Петербургъ, да лѣтнія свиданія въ Михайловскомъ.

Въ декабрѣ того же года я получилъ отъ Горбунова второе шуточное письмо, уже за подписью „архимандрита Фотія", также печатаемое ниже. Забылъ сказать, что, въ кратковременное жительство мое въ Петербургѣ, я сталъ посѣщать самого Ивана Ѳеодоровича и познакомился съ его семействомъ, состоявшимъ изъ жены и трехъ взрослыхъ дочерей, изъ коихъ старшая уже поступила тогда на сцену Александринскаго театра. Жилъ Горбуновъ по Невскому проспекту, въ части его между Николаевскимъ вокзаломъ и Александро-Невскою Лаврою въ домѣ № 105. Квартира его помѣщалась въ третьемъ этажѣ большого каменнаго дома и состояла изъ просторныхъ высокихъ и свѣтлыхъ комнатъ, если не богато, то весьма основательно меблированныхъ. Мебели было немного, но вся она была солидная и весьма хорошаго качества, свидѣтельствовавшая о наклонностяхъ и вкусахъ хозяйки дома, нѣмки по происхожденію. Ни въ залѣ, ни въ столовой не было бездѣлушекъ, придающихъ комнатамъ красивый и изящный видъ, но за то наполняющихъ ихъ пылью и мѣшающихъ чистотѣ. Только въ кабинетѣ на большомъ письменномъ столѣ и по стѣнамъ были расположены многочисленные подарки, полученные Иваномъ Ѳеодоровичемъ въ продолженіи долгой артистической дѣятельности. Все сберегалось добросовѣстно и служило источникомъ жизненныхъ воспоминаній. Два раза пришлось мнѣ обѣдать у Ивана Ѳеодоровича въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ ему лицъ. Обѣды отличались широкимъ гостепріимствомъ и вкусными, большею частію русскими, блюдами, въ изготовленіи которыхъ принималъ дѣятельное участіе самъ хозяинъ, что несомнѣнно свидѣтельствовало о его кулинарныхъ способностяхъ. Интересно было узнать здѣсь Горбунова съ совершенно новой точки зрѣнія. Видя его постоянно на людяхъ, какъ то въ голову не приходила его внутренняя, личная жизнь и вотъ здѣсь она неожиданно раскрывалась предъ глазами наблюдателя и надо сказать, что и въ этой области Горбуновъ производилъ прекрасное впечатлѣніе. Онъ несомнѣнно былъ хорошимъ мужемъ и чадолюбивымъ отцомъ, это сказывалось и въ отношеніи его самого съ семейными и въ отношеніяхъ семейства къ нему, и надо сознаться, поражало неожиданностью.

Зная привычки Ивана Ѳеодоровича, какъ уже сказано, всегда проводившаго въ Москвѣ Страстную и Пасху, я, за переѣздомъ графа С. Д. Шереметева въ Петербургъ, пригласилъ его къ себѣ, но не для разгавливанія, такъ какъ по служебнымъ обязанностямъ возвращался въ эту ночь домой слишкомъ поздно, а вечеромъ въ Свѣтлое Воскресеніе. У меня никого не было званыхъ въ этотъ день и мы расчитывали провести время во взаимной бесѣдѣ. Какъ-то на Страстной недѣлѣ, послѣ завтрака у Великаго

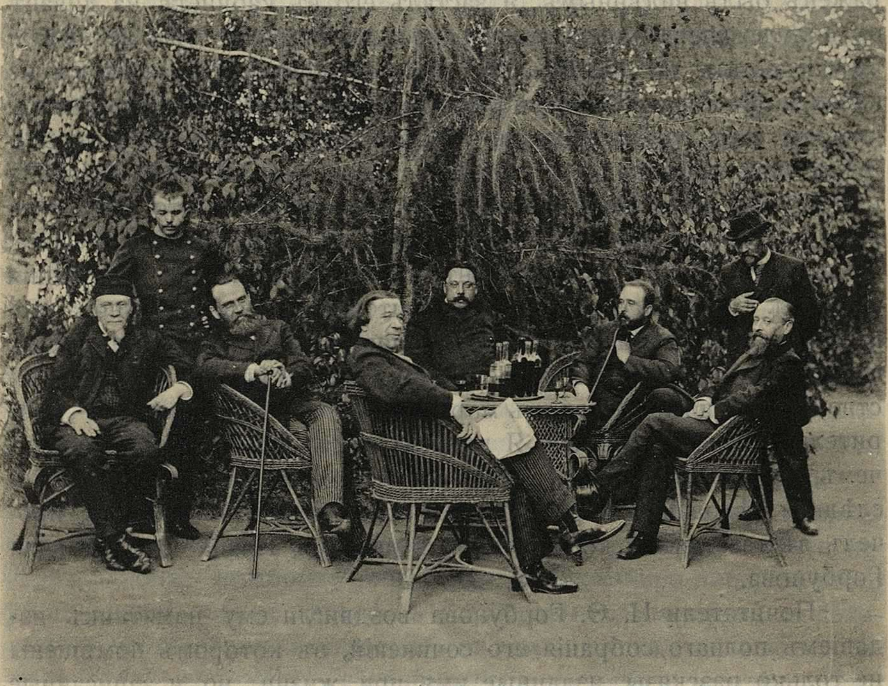
Князя Сергія Александровича, я разсказалъ ему о встрѣчѣ съ Горбуновымъ и о полученнымъ отъ него обѣщаніи посѣтить меня въ Воскресенье. Этотъ случайный разговоръ сохранился въ памяти Великаго Князя и онъ совершенно неожиданно пріѣхалъ ко мнѣ, если можно такъ выразиться, „на Горбунова". Онъ, конечно, хорошо зналъ Ивана Ѳеодоровича и десятки разъ въ жизни слышалъ его разсказы, но познакомился съ нимъ собственно только тутъ. Втроемъ просидѣли мы болѣе двухъ часовъ времени и затѣмъ еще столько-же за семейнымъ ужиномъ и всю первую половину вечера разговоръ шелъ самый обыкновенный. Великій Князь чрезвычайно любилъ историческія воспоминанія и съ любопытствомъ слушалъ разсказы Горбунова объ его молодости, проведенной въ Москвѣ, о встрѣчахъ и общеніи со знаменитостями того времени, а затѣмъ о службѣ въ театрѣ и близкомъ знакомствѣ съ современными актерами. Помню, предметомъ самыхъ подробныхъ воспоминаній служилъ извѣстный комикъ Мартыновъ, яркимъ свѣтомъ озарившій Александринскій театръ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. За ужиномъ Горбуновъ, желая позабавить молодежь, разумѣется, очаровывалъ всѣхъ разсказами и глубокомысленными замѣчаніями генерала Дитятина. Онъ былъ очень въ ударѣ въ этотъ вечеръ и произвелъ на всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе. На другой день Великій Князь восторженно говорилъ мнѣ о своихъ впечатлѣніяхъ.—„Нѣтъ, Горбуновъ это прелесть, какая умница и какъ разносторонне и основательно образованъ. Я совершенно не зналъ его съ этой стороны; надо повторить когда нибудь этотъ вечеръ"... Но это не такъ легко было сдѣлать, Горбуновъ уѣзжалъ изъ Москвы и самъ заранѣе не зналъ о времени своего пріѣзда. Мы постановили съ нимъ однако, что отнынѣ онъ всегда будетъ проводить у меня пасхальный вечеръ и это уже вошло въ порядокъ; но никогда не возобновлялось той интимной обстановки, каковая выдалась на первый разъ. Великій Князь пріѣзжалъ на эти вечера со своимъ штабомъ; приглашались ближайшія лица, словомъ установились званые вечера съ Горбуновымъ, памятные посѣтителямъ по веселому настроенію, въ нихъ господствующему. Но лично для меня менѣе сохранившіеся въ памяти сердца, чѣмъ этотъ скромный вечеръ втроемъ, когда я въ душѣ наслаждался впечатлѣніемъ, произведеннымъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ на Великаго Князя. Эти вечера повторились въ 1893, 94 и 95 годахъ. Кому приходило въ голову, что вечеръ 1895 года былъ послѣдній... Въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцахъ стали распространяться слухи о болѣзни Горбунова. Въ поѣздку свою въ Петербургъ съ Великимъ Княземъ къ 14-му ноября я видѣлъ Горбунова, правда, похудавшимъ и грустнымъ, но близкія ему лица объяснили это его огорченіями изъ-за нежеланія театральной дирекціи давать соотвѣтствующія роли его старшей дочери, что въ театральномъ мірѣ служитъ всегда источникомъ сильныхъ огорченій, страданій самолюбія и пр. Дочь волновалась, жаловалась отцу, любящій отецъ, быть можетъ, пристрастный къ дочери, безуспѣшно обивалъ пороги театральнаго начальства, волновался въ свою очередь и началъ страдать разлитіемъ желчи. Я еще видѣлъ его въ этотъ разъ въ Патріаршей Палатѣ Барсуковыхъ; онъ уже ни о чемъ не говорилъ, какъ только о неудачахъ „Танички“, былъ грустенъ, даже раздражителенъ. И странно, и больно было видѣть Горбунова въ этомъ настроеніи. Но, повторяю, никому изъ близкихъ не приходило и въ голову о надвигавшейся опасности. Всѣ предполагали, что пройдутъ невзгоды и снова оживетъ Горбуновъ, и снова станетъ „много доволенъ“. Но этимъ надеждамъ не суждено было оправдаться. По пріѣздѣ въ Петербургъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, я уже и въ домѣ графа Шереметева и отъ Барсуковыхъ услышалъ о печальномъ поворотѣ болѣзни. Объ исходѣ ея говорили уже не самоувѣренно, а съ сомнѣніемъ, но еще никому не хотѣлось, какъ это часто бываетъ, сознаваться въ дѣйствительности. Освободившись отъ обычныхъ занятій первыхъ дней пребыванія въ Петербургѣ, я поѣхалъ къ Горбунову и пораженъ былъ видѣннымъ. Я засталъ его въ кабинетѣ на диванѣ въ полулежачемъ положеніи; правда, одѣтымъ, но уже не пытавшимся встать на встрѣчу. Мы поцѣловались, но разговоръ не клеился. Я старался, конечно, ободрить больного, но чувствовалъ, что это мнѣ совершенно не удается. Иванъ Ѳеодоровичъ слушалъ невнимательно, устремившись глазами въ одну точку, и вдругъ перебилъ меня словами: „нѣтъ, голубчикъ, это все не то; я вѣдь хорошо понимаю свое положеніе; моя пѣсенка спѣта; жаль вонъ только ихъ“; и онъ указалъ рукою на внутреннія комнаты. Пѣсенка его была дѣйствительно спѣта. Горбунова уже не было. Уходившій человѣкъ отрѣшился отъ земли и заглянулъ въ мракъ открывшагося гроба. Мнѣ вспомнилось раннее дѣтство, вспомнился вечеръ въ морскомъ собраніи, вспомнился „уморительный разсказчикъ“! Я простился съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ, мы поцѣловались и оба почувствовали, что это было послѣднее цѣлованіе. Недѣли черезъ двѣ я уже въ Москвѣ прочелъ въ газетахъ о кончинѣ 24-го декабря Ивана Ѳеодоровича Горбунова.

Почитатели И. Ѳ. Горбунова воздвигли ему памятникъ изданіемъ полнаго собранія его сочиненій, въ которомъ помѣщены не только разсказы, изданные имъ при жизни, но и записанные по воспоминаніямъ послѣ его смерти людьми, горячо его любившими и восторгавшимися его талантомъ. Этотъ памятникъ вмѣстѣ съ тѣмъ и заслуга передъ потомствомъ: благодаря ему, оно не забудетъ своего даровитаго соплеменника, но какъ ни добросовѣстны издатели, они не въ состояніи воскресить вполнѣ навѣки ушедшаго образа. Собраніе сочиненій Горбунова будетъ, конечно, цвѣткомъ, но цвѣткомъ засушеннымъ; по этому цвѣтку можно будетъ ясно распознать его чашечку, количество его лепестковъ и даже окраску, но уже нельзя будетъ возстановить его благоуханія. Это свойство всѣхъ артистовъ, какъ бы ни было разнообразно проявленіе ихъ творчества. Мы, люди иного поколѣнія, вѣримъ на слово нашимъ предкамъ, восторженно говорящимъ о геніальной игрѣ Михаила Семеновича Щепкина или объ удивительномъ голосѣ Маріо. Пусть же и наши потомки повѣрятъ намъ о замѣчательныхъ дарованіяхъ Ивана Ѳеодоровича Горбунова, этого необыкновеннаго импровизатора, разсказчика, воплотившаго въ себѣ отличительныя черты великоросса: любовь, вдумчивую наблюдательность и широкій размахъ славянской души.

В. К. Истоминъ.

26-го февраля 1907 года.
Москва.

Михайловское, 6 Сентября 1902.



Гр. Пв. С. Шереметевъ. А. К. Варженевскій. Ив П. Барсуковъ.
Н. П. Барсуковъ. В. К. Истоминъ. И. Ѳ. Горбуновъ. Гр. С. Д. Шереметевъ. А. П. Барсуковъ.

Съ фотографіи Проф. Д. Н. Кайгородова.

Вольное подражаніе архимандриту Фотію.

Возлюбленный о дусѣ братъ.

Слышалъ! Графъ Сергій сказывалъ... радованіемъ исполнилась душа моя и Патріаршая возрадовалась: вино грузинское пили „тіи опяти были и падоша, мы же возстахомъ. Господи, спаси Царя“.

Отнынѣ „на дѣла своя и на дѣланіе свое“. Не оскудѣвай духомъ, не лѣностно вся совершаяй... „Калу воловію приложися, лѣнивый“. Духъ тьмы во градѣ, бурно дыханіе его. Не трепещи, яко нощію въ малодушествѣ пребывающіе. Словомъ благимъ отриновенна сотвори его и изчезнетъ [1]. Яко воня смолы и сѣры отъ духовенія аера. Ей реку: мужайся, да не смущается сердце твое. Аминь.

Генераловъ многихъ видѣлъ—молчатъ, а иніи глаголятъ суетная отъ слабости человѣческой. [Оле безуміе ихъ!] Сей человѣкъ [это про тебя] предуспѣлъ, говорятъ, и накладуютъ на лицо свое осклабленіе, еже по аллемански нарицается „иронія“. Кто сіе сотворилъ? вопрошаютъ и не имутъ отвѣщевающаго.

Паки и паки радуюсь и восклицаю гласомъ радованія: и что добро или что красно, еже жити намъ вкупѣ.

Смиренный Іоаннъ, Патріаршія Палаты членъ.

* * *

Слышалъ ли еси слово-да умретъ съ тобою, говоритъ въ Ветхомъ Премудрый. А словъ много къ слышанію: многіе и многое глаголятъ; но открывая ушеса къ слышанію—заградимъ уста къ глаголанію.

Велія молва о хлѣбѣ. Мука іудейская возсмердѣша и сгниша. Израиль плещетъ рукама своима, яко древле прешедъ Чермное. Одебелѣ сердце правящихъ градомъ, беззаконіе превзыдоша главы ихъ. Вопль и стенаніе отъ живущихъ во градѣ: овъ рыкаетъ отъ воздыханія сердца своего, овъ источаетъ слезы отъ очію, унынія преисполненъ. Нѣкій баронъ Корфъ, и той бѣ нѣмчинъ, отъ страны остзейскія, въ Синедріонѣ, инако рѣщи Дума, плакалъ яко древній историческій Марій на развалинахъ Карѳагена *, а подобный ему, тожъ нѣмчинъ, Шауманъ растерзалъ ризы своя и „буйствовалъ нелѣпо“ и бія въ перси требовалъ отъ синедріона влещіе Главу града аможе не хощетъ. Іудеи же на все сіе посмѣяхуся.

---

[1] Іисусъ, сынъ Сіраховъ, 2 гл. 22, ст. 2.

По сихъ, говорятъ о нашествіи иномысленныхъ: нѣмецкій въ Бѣлой залѣ, въ новый годъ, рѣчь говорилъ и обѣдню служилъ. Оле безуміе! Говорилъ мнѣ нѣкоторый утѣшникъ, что онъ къ сектѣ бѣгуновъ принадлежитъ и вѣру ихъ исповѣдуетъ. Мнитъ всѣмъ народамъ быти подъ нѣмецкимъ покровомъ. О царѣ вавилонскомъ не памятуетъ. Помнишь: „рече Господь на Царя вавилонска“, сегодня за молебномъ читали... Это такъ къ слову.

Пророчествуютъ о бытіи митавскому московскимъ. Графъ Сергій сокровенно сказывалъ. Радуюсь. Да сломится умерщвленія предѣлъ.

Миръ ти и духови твоему.

ФОТІЙ.

24 Декабря
1891.

Поздравляю драгоцѣннаго мнѣ человѣка со всей его семьей и крѣпко на крѣпко цѣлую.

---

* Зри „Краткую всеобщую исторію Кайданова“.

ЧАСТЬ IV.

ДНЕВНИКЪ.

1862.

Апрѣль [1].

Какъ Илья неожиданно былъ увлеченъ на небо, такъ и я неожиданно сѣлъ на чугунку...

Въ Псковѣ встрѣтилъ Россійскаго сочинителя Владиміра Рафаиловича Зотова, сына нашего извѣстнаго романиста Рафаила Михайловича. Въ нико... время слогъ его былъ весьма увлекателенъ.

Динабургъ. 1 день Пасхи. Туманъ. Сыро. Завязался разговоръ между пожилымъ и молодымъ человѣкомъ о воздухоплаваніи и незамѣтно перешелъ къ драматической актрисѣ Ристори.

Ногами и ухомъ я внемлю,
Что вступаю на Прусскую землю.

Нѣтъ чтобы телятинки подать, какъ у насъ, по душѣ съ картофелькомъ...

Офицеры провожали генерала хуже нашего, ничего не стоитъ, у насъ шире, въ плечо цѣлуютъ, тотъ плачетъ подставляетъ щеку, говоритъ, что онъ никогда ихъ не забудетъ, а тѣ, возвращаясь домой, говорятъ жалко старика, хоть и распекалъ иногда, но за то откровенно, публично и даже иногда справедливо. Вообще у насъ проводы бываютъ чувствительнѣе, опять же и купечества не было. Вообще не было картины. Ребятишки [прусачки] все чистенькіе... Кормятъ отвратительно вплоть до Берлина. Прислуга хуже нашей, гораздо хуже.

9. Въ Берлинѣ встрѣтили на желѣзной дорогѣ Шишко [2] и Островскій. Поѣхали ѣсть устрицы.

10. Были во дворцѣ, въ театрѣ Викторія. Обѣдали у Кроля. Изъ театра въ саду Admiral garten.

11. Музей. Комики кучера.

12. Выѣхали. Магдебургъ. Потсдамъ. Дворецъ. Фонтаны, отлично. Магдебургъ. Улица вродѣ Невскаго проспекта; полпивныя, солдаты, кокотки. Маленькія полспальныя постели. Улицы вымощены великолѣпно. Чистота на улицахъ поразительная. Геттингенъ. Студенты въ красныхъ и красивыхъ шапочкахъ. Зеленыя вышитыя серебромъ какъ ермолки. Кассель. Марбургъ. Франкфуртъ.

---

[1] На первой страницѣ маршрутъ: „Берлинъ, Магдебургъ, Майнцъ, Кобленцъ, Франкфутъ на Майнѣ, Дрезденъ, Прага, Вѣна, Тріестъ, Венеція, Миланъ, Римъ, Сіена, Флоренція, Ливорно, Генуя, Туринъ, Парижъ, Лондонъ“. Ред.

[2] М. И. Шишко, декораторъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, веселый и остроумный собесѣдникъ. М. П.

13. Статуя Аріадны. Еврейскій кварталъ. Жиды. Синагога. Похоже на Щукинъ дворъ. Памятникъ Гете и Гутенбергу. Въ Магдебургѣ и во Франкфуртѣ женщины ходятъ такъ просто, какъ у насъ не ходятъ—простоволосыя на улицахъ попадаются очень часто. Въ Берлинѣ женщины одѣваются очень просто.

14. Майнцъ. Крѣпость. Башня которая взорвана. Почти на каждомъ домѣ находится изваяніе Божіей Матери, Іосифъ. Ребятишекъ бездна. По Рейну. Дворецъ герцога Нассаускаго, не важный. Кобленцъ. Ну городъ! Все солдаты да ребятишки. Ни одной хорошенькой женщины... На шляпахъ у мальчишекъ золотые букеты. Смѣшно. Франкфуртъ: пьемъ все Гогеймеръ и пьемъ много, потому что не дѣйствуетъ... Во Франкфуртѣ ходятъ не спѣша. Кучера такіе же комики, какъ въ Берлинѣ.

17. Дрезденъ. Видъ съ террасы напоминаетъ наше Замоскворѣчье отъ Крымскаго брода. Театръ похожъ на Маріинскій. Обѣдали на террасѣ. Булгаковъ, Галаховъ, Данзасъ.

18. Прага. Башня. Широкія улицы. Былъ у профессора Избера чеха.

19. Пріѣхали въ Вѣну. Народъ толпами валилъ къ воротамъ, ведущимъ въ садъ. Экипажи. 1 мая Сокольники... Въ коляскѣ на гулянье. Кучеръ привезъ насъ въ садъ и оставилъ у какого то паршиваго кабачка... Вездѣ портреты Императора. Толпы народа. Не весело, нѣтъ разгулу, нѣтъ пѣсни. Огромныя кофейни безъ вина. Смѣшные билліарды.

20. Осматривали городъ. Шенбрунъ.

21. Къ вечеру выѣхали изъ Вѣны въ Тріестъ.

22. Воскресенье. Утромъ пошли въ Греческую церковь. Греки поютъ прекрасно. Послѣ обѣдни взяли антидору. Молъ. Красавцы мальчики и дѣвушки. Адріатическое море. Ночью матросы поютъ пѣсни. Груши на деревьяхъ. Розаны цвѣтутъ.

23. Венеція. Площадь Св. Марка. Мозаика обсыпалась, полъ покоробился. Соборъ старинный, напоминаетъ нашъ Успенскій. Разнощики. Крикъ, шумъ, пѣніе. Площадь ночью.

24. Улицы двоимъ пройти. Дворецъ Дожей. Зала Совѣта. Сенатъ. Совѣтъ десяти. Тюрьмы. Ponte Rialto. Palazzo Тальони. Рынокъ. Рыба. Молюски морскія-чернильницы. Продавцы воды. Лазарони. Улицы коридоры. Ночныя феи. Сводники. Каналы.

26. Выѣхали изъ Венеціи: Виценца. Крѣпость. Верона. Крѣпость. Опять осмотръ всѣхъ вещей. Безпокойство Александра Николаевича[1]... Миланъ. Hôtel des trois Suisses. Пошли въ Миланскій Соборъ. Исповѣдникъ. Способъ звонить, не влѣзая на колокольню. Въ театръ. Давали Балетъ Hic o flok. Танцовщицы и танцовщики противъ нашихъ ничего не стоятъ. Во второмъ дѣйствіи одна госпожа танцовала танецъ подъ музыку: „Не шей ты матушка“. Чертъ знаетъ что! Вышла въ коротенькомъ платьѣ съ распущенными волосами; потомъ танцовали тоже русскіе фигуранты, одѣтые въ красные черкесскіе костюмы. Въ Миланскую галлерею. Уваженіе къ памятникамъ... Въ церковь Амвросія Медіоланскаго... Отдѣлывается за ново.

---

[1] А. Н. Островскій. Ред.

27. Генуя. На лодкѣ къ пароходу. Отвалилъ въ 9-мъ. Облака повисли на горѣ и на цитадели. Вѣтеръ. Ожидали качки.

28. Проснулся утромъ въ 5 часовъ. Пароходъ стоялъ на якорѣ въ Ливорно... Островскій съ Шишко обѣдать не пошли, а я пообѣдалъ отлично. Во время обѣда началась качка. Непріятное чувство... Ночью два раза просыпался и разговаривалъ съ Островскимъ. Ночью качка была ужасная. Я ничего не слыхалъ, только снились непріятные сны. Шишко совсѣмъ истомился.

29. Въ 5 часова утра пріѣхали въ Чивита-Векіо и, взявши свои вещи, сошли на берегъ, потому дальше ѣхать было страшно... Досмотръ вещей ужасный... Дорога изъ Чивита-Векіо до Рима отвратительная. Вагоны 2 класса—наши 3 класса, если не хуже. Римъ. Остановились въ гостинницѣ Мискры. Обѣдали въ ресторанѣ. Хозяинъ революціонеръ. Прислуга. Николо. Вино Ovrietto. Пантеонъ. Улицы не совсѣмъ чистыя. Были въ Колизеѣ. Храмъ св. Петра. Французская военная музыка. Въ 10 часу мимо оконъ прошла вереница монаховъ парами, выстроились передъ образомъ Богоматери и читали нараспѣвъ молитву, въ родѣ нашей: святіи ангели, архангели молите о насъ грѣшныхъ...

30. Утромъ посѣтили насъ Боткинъ и Постниковъ. Отправились въ Ватиканъ. Осмотрѣли скульптуру. Площадь. Въ 12 часовъ завтракали у Лепре. Гуляли. Вечеромъ были у Боткина. Церковь Santa Suaba. Лѣстница, по которой шелъ Христосъ на Голгофу. Входятъ на колѣнкахъ. Въ церкви постоянно народъ молится.

Май.

1. Пошли въ картинную галлерею Ватикана. Преображеніе Рафаеля. Были опять въ храмѣ Петра. Завтракали у Лепре съ Кабановымъ и Боткинымъ. Посѣщали Maria Maggiore. Термы Діоклитіана, тамъ французы содержатъ солому. Моисей Микель Анжело. Speranza, Гвидо Рени. Термы Каракалы. На верхъ. Римскіе рынки утромъ. Женщинъ хорошенькихъ мало. Попы на каждомъ шагу. Попы съ закрытыми лицами. Простота въ ресторанахъ. Кушанье весьма плохое. Нищенство въ Римѣ невообразимое. Дерзость нищихъ. Какъ переѣхали папскую границу—нищихъ нѣтъ. Нельзя шагу сдѣлать, чтобъ не заплатить. Не дать—ругается. Вообще въ Венеціи, Миланѣ, Римѣ и Сіенѣ работаютъ на улицѣ. Вина Nostrolle, Orvietto бѣлое, красное сладковатое, душистое—Aleatico. На стѣнахъ въ Термахъ Каракалы выцарапаны слова Viva Victor Emanuel. Ресторанъ въ Римѣ расположенъ въ старинномъ домѣ, похоже на церковь. Вишни и землянику ѣдимъ съ Венеціи. Не смотря на просьбы Римъ со всѣми церквами об..цанъ. Во всѣхъ городахъ Италіи, начиная съ Тріеста на улицахъ с..ть свободно.

2. Поѣхали въ Тиволи. Старинная вилла, принадлежащая герцогу Моденскому. Фонтаны. Поѣхали на ослахъ. Спускались съ горы къ водопаду. Подземныя галлереи. Храмъ Сивиллы и Весты. Послали за виномъ и, сидя на ослахъ, выпили. Гротъ Нептуна и Сирены. Терасса Папы Григорія VI. Вилла Императора Адріана. Развалины. Библіотека греческая и латинская. Зала для морскихъ сраженій [1], подземные переходы. Вечеромъ пріѣхали домой. Писалъ дядюшкѣ письмо по-славянски. Въ гостиницѣ на стѣнѣ есть русскія надписи. На стѣнѣ изъ попугая сдѣланъ сенаторъ, съ надписью внизу: изъ губернаторовъ въ сенаторы.

3. Утромъ отправились въ Храмъ Св. Петра и лазили въ куполъ. Часть дня провели дома; вечеромъ были у Боткина.

4. Въ 5 часовъ утра выѣхали съ почтой въ Сіену. Ученье французскихъ солдатъ. Команда. Кабачки на станціяхъ. Нищіе. Нищенка красавица. Вымогательство денегъ. Назойливость нищихъ. Сидѣть было неловко, почти всю ночь не спалъ. Дорога идетъ горами. Были ужасныя крутизны. Везли пять лошадей и два вола. Виноградники. Утромъ облака на горахъ. Ночью до тосканской границы провожали жандармы.

5. Въ 11 часовъ утра пріѣхали въ Сіену. Нужно дожидаться отъѣзда поѣзда до 5 часовъ. Въ 2 часа пообѣдали и пошли гулять. Очень было скучно. Жара. Душно. На улицѣ почти никого нѣтъ. Городъ не привлекательный. На женщинахъ шляпы ужаснѣйшей величины. Сидѣли въ кондитерской. Сладкое вино, красное. Въ пять часовъ отправились во Флоренцію. Сады по дорогѣ. Свѣтляки. Вечеромъ этого дня были во Флоренціи.

6. Флоренція. Утромъ отправились гулять. Площадь Дукале. Палацо Веккіо [комнаты Медичисовъ], на которомъ прибита доска объ избраніи Виктора Эмануила королемъ Италіи—въ 11 часовъ 55 минутъ по полудни. Народъ весь на улицѣ. Мальчишка со скрипкой. Апартаменты Медичисовъ. Соборъ. Вечеромъ гуляли. Кофейни биткомъ набиты.

7. Утромъ были въ картинной галлереѣ. Первое собраніе картинъ. Форнарини Рафаеля. Скульпторы. Палацо Питти, бывшій королевскій дворецъ. Собраніе картинъ богатѣйшее. Святое семейство Рафаеля. Во всѣхъ галлереяхъ копируютъ художники. Дамы—художники. Церковь Анунціато. Фрески del Sarto. Заходили съ Островскимъ въ кабинетъ для чтенія. Вечеромъ гуляли. Свобода. Мальчики верхомъ на львѣ. Крикъ мальчишекъ.

8. Въ 11-мъ часу поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Ливорно, съ тѣмъ, чтобы оттуда ѣхать черезъ Геную въ Парижъ. Въ 10 часовъ снялись съ якоря. Погода была сѣрая. Вдали висѣли черныя тучи. До 11 часовъ сидѣли съ Александромъ Николаевичемъ на верху. Сдѣлалось вѣтрено. Пошли въ каюту и легли спать. Каюта находилась подъ кормой, а потому отъ движенія руля покачивало.

9. Проснулся въ 6-мъ часу. Пароходъ покачивало. Погода сѣрая. Вышелъ на палубу. Генуя была видна. По правому берегу тянутся на огромномъ пространствѣ дачи, расположенныя по горамъ. Въ таможнѣ осматривали крайне благородно. Узенькіе дома въ девять этажей. Арки въ морѣ. Когда мы въѣхали въ гавань — выстрѣлили изъ пушки. Напившись чаю, пошли гулять. Рынокъ. Рыба. Омары. Женщины большею частію въ бѣлыхъ вуаляхъ. Соборъ св. Лаврентія — мраморный. Церковь іезуитовъ св. Амвросія. Церковь Анунціаты—мраморныя колонны. Церковь Кариньяно. Всходили на галлерею. Были въ великолѣпной кофейной. Тропическія растенія. Лавровыя деревья. Сидѣли подъ пальмой и завтракали. Объѣхали крѣпость. Видъ на море удивительный. Прямая улица въ гору. Ученье солдатъ. Свобода въ шагистикѣ. Солдаты молодые, какъ наши кадеты. Желѣзная дорога идетъ по улицѣ. Александръ Николаевичъ испугался. На улицѣ кипитъ работа. Кухни на улицѣ. Пьяный. Матеоры подбѣгаютъ отворять коляску—съ тѣмъ чтобы получить нѣсколько сантимовъ. Въ Генуѣ показываютъ сосудъ, который былъ на Тайной вечери. Въ половинѣ четвертаго пополудни выѣхали въ Туринъ. Видъ на Генуую изъ вагона необыкновенный. Облака лежатъ на горахъ. На встрѣчу намъ попался поѣздъ съ солдатами, которые привѣтствовали нашъ поѣздъ возгласами. Дорога идетъ прекраснѣйшей мѣстностью, по сторонамъ горы. Растительность необыкновенная. Каждая станція окружена садикомъ, цвѣты. Дорога въ Туринъ сворачиваетъ въ сторону къ Александріи. Опять проѣзжали большой тонель. Рожь почти поспѣла. Было уже темно, когда мы подѣзжали къ Турину. Миріады свѣтляковъ, точно бриліантами усѣяно поле.

---

[1] См. рядъ писемъ Серг. Сем. Кошеверову, т. III, ч. 2. Ред.

10. Туринъ. Были въ картинной галлереѣ. Ничего нѣтъ особеннаго. Тутъ же и Сенатъ. Очень похожъ на театръ, только безъ сцены. Канцелярія. Въ 3 часа была встрѣча Виктору Эмануилу, который возращался изъ Неаполя. На площади Carlo выстроена кавалерія. По улицѣ, идущей къ желѣзной дорогѣ, развернулся фронтъ солдатъ. Нѣтъ ни давки, ни толпы. Ходятъ всѣ свободно, курятъ сигары, квартальныхъ и въ завѣтѣ нѣтъ. Король сидѣлъ въ коляскѣ въ партикулярномъ платьѣ; съ нимъ сидѣли двое штатскихъ и одинъ военный. Когда коляска въѣхала въ улицу, воздухъ огласился криками и аплодисментами; изъ окна начали бросать въ коляску букеты. Въ Туринѣ показываютъ полотно, которымъ обвито было тѣло Христа послѣ распятія. Въ 11 часовъ вечера выѣхали по чугункѣ въ Сузу, чтобъ слѣдовать оттуда въ дилижансѣ въ Женеву. Въ 1 часъ ночи пріѣхали въ Сузу и сѣли въ дилижансъ. Горы. Снѣга. Облака подъ нами. Везли дилижансъ 14 лошадей. Холодно. Дорога идетъ извилинами.

11. Въ 10 часовъ утра пріѣхали въ St. Michel, пересѣли въ вагоны и отправились въ Куилёзъ. Дорогой отдумали уѣхать въ Женеву. Въ Куилёзъ пріѣхали въ 3 часа по полудни. Обѣдали. Въ 6 часовъ выѣхали изъ Куилёза въ Парижъ въ 1-мъ классѣ. Ужинали въ Маконѣ.

12. Въ 6½ утра были въ Парижѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ, отправились на почту. Писемъ не получилъ и очень огорчился. Рынокъ. Пале-Рояль. Вечеромъ были на Елисейскихъ поляхъ и въ Мабилѣ. Стрѣляли. Тріумфальныя ворота. Письма получилъ.

13. Провели день въ гульбѣ. Были въ саду. Аклиматизація птицъ и животныхъ. Aujourd'hui Hippodrome.

14. Обѣдали съ Тургеневымъ и Кавелинымъ въ Пале-Роялѣ Изображалъ генерала. Кавелинъ былъ очень доволенъ. Утромъ былъ у Сабурова и въ Пале-Роялѣ завтракали. Вечеромъ были въ театрѣ. Фамъ Савантъ и Скупой Мольера. Мартыновъ игралъ несравненно лучше. Послѣ театра зашли съ Григоровичемъ и профессоромъ Соколовымъ въ кофейную.

15. Утромъ были у Боткина, а потомъ у Сабурова [1]. Завтракалъ со студентами въ Пале-Роялѣ. Были въ Луврѣ. Рубенсъ. Обѣдали на Елисѣйскихъ поляхъ. Боткины, Левицкій [2], его помощникъ. Ботвинья. Послѣ обѣда были въ Мабилѣ. Очень скучно. Стрѣляли.

16. Былъ у Сабурова. Ѣздили съ нимъ къ его племянницѣ. Завтракали въ Пале-Роялѣ. Гуляли на Итальянскомъ бульварѣ. Обѣдали на Елисѣйскихъ поляхъ. Вечеромъ былъ въ Кафе Паризьенъ. Народъ безъ сюртуковъ. Женщины.

17. Сбитеньщики. Были утромъ въ Нотръ-Дамъ. Домъ инвалидовъ. Могила Наполеона. Пантеонъ—могилы Вольтера, Руссо, сенатора Эхо. Инвалидъ, провожавшій въ склепъ. Обѣдали у Левицкаго. Вечеромъ смотрѣли живыя картины. Григоровичъ, Боткинъ.

18. Обѣдали на Елисѣйскихъ поляхъ. Утромъ были у Боткина. День прошелъ такъ-себѣ. Вечеромъ были у Левицкаго. Церковь противъ нашихъ оконъ. Музыка.

19. Утромъ къ намъ пришелъ Деляво. Отправился къ Кавелину. Былъ у него Муравьевъ-Амурскій [3]. Отъ Кавелина пошли къ Боткину. Встрѣтился съ Деляво. Разсказывалъ. Поѣхали съ Боткинымъ смотрѣть панораму Севастополь. Булонскій лѣсъ. Обѣдали съ Боткинымъ въ Булонѣ. Вечеромъ былъ съ Кавелинымъ у Тургенева—декабриста.

20. Островскій съ Шишко уѣхали утромъ въ Лондонъ черезъ Кале. Гулялъ на Итальянскомъ бульварѣ. Заходилъ къ Макрицкому. Встрѣтилъ у него Левицкаго и Писемскаго. Зашелъ проститься съ Боткинымъ. Погуляли въ Пале-Роялѣ, позавтракалъ и поѣхали на желѣзную дорогу, чтобы ѣхать въ Булонь. Въ 7 часовъ въ Амьенѣ обѣдали. Послѣ обѣда въ вагонѣ уснулъ. Проснулся въ Булонѣ въ 10 часу. Пересѣли въ дилижансъ и поѣхали на пароходъ. [Булонь проѣхали было темно]. Начинаю теряться отъ англійской рѣчи. Пью портеръ. Фосфорическое освѣщеніе. Легкій вѣтеръ. Что то Богъ дастъ къ утру.

21. Проснулся въ 6-ть часовъ. Ѣдемъ благополучно, качки никакой. Послѣ завтрака вышелъ на палубу. Утро свѣтлое и теплое. Не слыхалъ, какъ въѣхали въ Тамизу [Темза]. Рѣка—широкая. На пароходъ подъѣхалъ таможенный чиновникъ и осматривалъ вещи очень благосклонно. Проѣхали Гриничъ, весь затянутый дымомъ отъ каменнаго угля. Морской госпиталь. Королевскій госпиталь. Доки. Детфортъ. Въ 10 часовъ утра въѣхали въ Лондонъ. Шишко встрѣтилъ насъ на пристани. Были въ Кристальномъ Дворцѣ. Допотопныя животныя. Паркъ. Зоологическій садъ. Вечеромъ были у Carini. Публика. Ужинали въ лавочкѣ не нашей. Раки.

---

[1] Андр. Ив. Сабуровъ, директоръ Императорскихъ Театровъ, имѣлъ домъ въ Парижѣ.

[2] Серг. Льв. Левицкій, воспитанникъ сенатора Л. А. Яковлева, извѣстный фотографъ.

[3] Гр. Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій. Ред.

22. Дѣлали покупки. Отправились гулять. Архитектура. Американскіе фокусники на мосту. Обѣдали въ лавочкѣ. Омнибусы. Вечеромъ были въ Ковентъ Гарденъ театрѣ. Прогулка до 5 часовъ утра мимо квартиры. Обязательный полисменъ. Лавочка, гдѣ говорятъ по французски. Лондонъ ночью. Встаютъ рано.

23. Были утромъ на выставкѣ. Машины. Русское отдѣленіе. Вечеромъ гуляли.

24. Лондонъ во время дождя. Грязь. Неудобство зонтиковъ. Обязательность англичанъ. Опять полисмены. Полякъ въ почтамтѣ. Ужасъ отъ незнанія языка. Вечеромъ былъ у Woodins'a Недурно. Извѣстная сцена въ трактирѣ—ничего. Не зналъ куда идти. Извозчики спали. Русскій путешественникъ.

27. Въ 8 часовъ пріѣхали въ Берлинъ. Троицынъ день. Березки на улицахъ. Берлинъ въ праздникъ напоминаетъ Москву. Сегодня вечеромъ выѣзжаемъ въ Россію.

28. Ѣдемъ хорошо, не жарко. Въ 8 часовъ пріѣхали въ Вержболово. Досмотръ вещей. Мы въ Россіи. Солдатъ на границѣ.

1867.

Іюнь.

2. Пріѣхали въ Нижній. На пароходѣ „Князь“. Встрѣтилъ Кондратьева [1].

3. Изъ Казани на „Царѣ“.

4. Троицынъ день. Сызрань. Купецъ Сызранскій. Въ Хвалынскъ. [Дыру вертятъ].

6. Царицынъ. Калачъ.

7. Въ Цимлянской станицѣ. Купили цимлянскаго.

8. Старочеркасскъ. Соборъ, въ которомъ царскія двери изъ серебра, отбитаго казаками у французовъ. Вечеромъ въ Ростовъ. Гостинница С.-Петербургская.

9. Гостинница отвратительная. Клопы, мухи. Вечеромъ были въ театрѣ. Живость постановки и исполненія. Пригласили разсказывать. Актеръ Яковлевъ и Шелковъ.

10. Обѣдалъ въ Ротондѣ. Аптекарь изъ евреевъ.

11. Ростовское общество. Крестовниковъ.

12. Обѣдъ въ клубѣ съ рѣчами. Перетцъ. Журавлевъ. Мордовцевъ, Баташевъ и Амосовъ.

13. Обѣдалъ у Байкова. Видъ съ террасы на Донъ.

---

[1] Режиссеръ Императорскаго Московскаго Малаго Театра. Ред.

14. Въ Таганрогѣ.

15. Заходилъ въ домикъ Александра Благословеннаго. Обѣдалъ и вечеромъ у М-те Алфераки.

20. Одесса. Встрѣтилъ Алымова на бульварѣ. Очень обрадовался.

22—28. Купались.

24. Давалъ вечеръ въ Благородномъ собраніи. 603 р.

30. Читалъ въ театрѣ. Никитинъ и Славянскій.

Іюль.

2. Обѣдалъ у Кожухова.

3. Познакомился съ Елизав. Иван. Милорадовичъ.

4. Севастополь. Въ Ялтѣ.

5. Въ Василь-Сарай.

6. Въ Массандру. Читалъ въ клубѣ. Айвазовскій. Сковковъ.

7. Ѣздили къ Абазѣ верхами.

8. Въ Алупкѣ.

9. У г-жи Олешковичъ.

10. Въ Никитскій садъ. Читалъ въ клубѣ. Встрѣтилъ Колбасина.

11. Проводы. Лазаревъ. Прощай, Ялта!

12. Керчь.

13. Таганрогъ.

14. Ростовъ. Въ Лѣтнемъ театрѣ. Игралъ Милославскій испанскаго дворянина. Ужинали въ Ротондѣ. Воронинъ и Потѣхинъ.

15. Снялись на пароходѣ „Казакъ“. Стрѣлялъ съ парохода.

18. Царицынъ. Встрѣтилъ Яблочкина.

20. Пароходъ „Царица“.

22. Въ Самарѣ. Заѣзжалъ въ лавку Санина, купилъ стерлядь и раковъ. Персіане все играютъ въ карты. Грузинъ, переводящій Некрасова.

24. Въ Казани. Пріѣзжалъ Медвѣдевъ. Пересѣли на „Князя“. Полковникъ-либералъ.

25. Въ Нижнемъ.

26. Въ Москвѣ. Проводилъ Малюшу [1] и отправился обратно въ Нижній, чтобы ѣхать оттуда въ деревню къ Островскому [2].

1868.

Былъ въ Воронежѣ.

1869.

23 Мая. Выѣхалъ въ Нижній.

24. Въ Работкахъ.

25. Съ Бурдинымъ [3] были на охотѣ. Становой.

---

[1] Амалія Ив. Горбунова, жена Ив. Ѳ. Горбунова.

[2] Село Щелыково, Костромской губ.

[3] Горбуновъ билъ челомъ на актера Бурдина А Н. Островскому въ слѣдующемъ

26. Выѣхали въ Пермь на пароходѣ.
27. Казань. Выѣхали въ Каму.
28—29. Кама.
30. Пермь.
31. Кунгуръ.

Іюнь.

1. Черезъ Уральскій хребетъ.
2—7. Екатеринбургъ.
8. Черезъ Уральскій хребетъ.
9. Пермь утромъ.
10—11. Кама.
12. Волга.
13—24. Саратовъ.
25—26. Волга.
27—30. Въ Казани.

Іюль.

1. Въ Нижнемъ.
2. Въ Москвѣ.
3. Въ Петербургѣ.

1870 [1]

Февраль.

28. Ночевалъ въ дамской уборной.

Мартъ.

2 Въ Симферополѣ. Вечеромъ концертъ. Городской голова Ивановъ.

3. У Колбасина.

5. Вечеръ провели у Вульфа. Жена его аккомпанировала Коммисаржевскому. Встрѣтилъ доктора Клодницкаго.

8. Въ Харьковъ. Обѣдалъ въ клубѣ съ Алек. Петров. Филоновымъ.

9. Концертъ въ театрѣ съ огромнымъ успѣхомъ. Безобразіе райка. Утромъ былъ у князя Крапоткина. Заходилъ въ ложу къ кн. Крапоткиной. Въ театрѣ была Надежда Ильинична.

13. Кременчугъ. Тоска. Еврей съ предложеніемъ.

14. Тоска.

15. Тоска невыносимая.

16. Графъ Нgranted Нgranted

письмѣ: „Пароходъ „Молодецъ“. Суббота 31 мая. Государю батюшкѣ Александру Николаевичу. Бьетъ челомъ сирота государевъ Потѣшнаго Приказа скоморохъ Ивашко Федоровъ. Жалоба мнѣ, Государь, того-жъ Приказа на скомороха Федьку Алексѣева сына на Бурдина. Въ нынѣшнемъ 377 году сошелъ я, Государь, на стругѣ внизъ по Волгѣ рѣкѣ до Перми Великой для своихъ сиротскихъ промыслишковъ“ и т. д. См. т. II. Напечатано со списка челобитной, посланной А. Н. Чаеву.

[1] Года не обозначено, вѣроятно 1870.

[2] Гр. Ник. Евст.Ниродъ, командовалъ въ Кременчугѣ Харьковскимъ уланскимъ полкомъ, флиг. адъют. Императора Александра II, впослѣд. командиръ кирасиръ Его Величества и свиты ген. маіоръ. Ред.

20. Полтава. Обѣдалъ у Абазы. Вечеромъ концертъ. Сборъ огромный.

21. Вечеръ у Эльяшевича.

22. Вечеромъ у Кульжинскаго.

26. Встрѣтилъ Потоцкаго. Въ Елизаветградѣ сѣлъ Володя Казинъ; долго разговаривали.

27. Кишиневъ. Грязь изумительная.

28. Утромъ у Шмитова. Вечеромъ концертъ.

29. Въ Одессѣ.

30. Утромъ пришелъ Вейнбергъ. Встрѣтилъ Ивана Михайловича Сѣченова, долго разговаривали. Обѣдали съ Коммисаржевскимъ. Вечеромъ концертъ съ огромнымъ успѣхомъ.

Апрѣль.

1. Въ Кіевъ. Встрѣтилъ Рокотовъ.

2. Съ Щелкинымъ въ Лавру, сходили въ пещеры. Вечеромъ концертъ.

Май[1].

17. Выѣхалъ за границу.

19. Въ Берлинѣ. Акваріумъ...Суворинъ.

21. Утромъ въ Эмсѣ. Встрѣтили Шереметева. Остановился въ Hôtel de Russie.

22. Былъ представленъ Его Величеству.

24. Съ Антроповой въ Швейцеръ-Гаузѣ.

28. Вечеромъ съ Великимъ Княземъ. Гедеоновъ.

29. Вечеромъ съ Великимъ Княземъ. Министръ.

30. Вечеромъ сидѣлъ съ Великимъ Княземъ. Ужинали въ кафе Дивалъ. Шереметевъ, Бобринской. Разошлись поздно.

31. Троицынъ день. Былъ у обѣдни. Провожали Государя.

Іюнь.

5. Былъ съ Коссаговскимъ въ Нассау. Смотрѣлъ тюрьму

6. Въ Кобленцѣ.

7. Въ Висбаденѣ.

8. Въѣхалъ Прусскій король, встрѣчали. Вечеромъ съ Коссаговскимъ; Борисовъ, Сатинъ и Свѣчинъ на ослахъ въ Нассау. Барелла.

9. Эмсъ.

10. Въ Нассау въ банѣ съ Коссаговскимъ.

11. Въ Висбаденѣ. Пріѣхалъ Кирилинъ съ Макаровымъ. Гедеоновъ горячился въ рулеткѣ.

13. Франкфуртъ.

14. Съ Кирилинымъ въ Берлинъ. Въ вагонѣ напились жестоко.

15. Берлинъ. Обѣдали у Хиллера [2]. Вечеромъ въ театрѣ. „Какаду“ Оффенбаха.

17. Въ Орфеумѣ.

---

[1] Годъ обозначенъ—1870.

[2] Извѣстный ресторанъ въ Берлинѣ на Unter den Linden. Ред.

18. Въ картинной галлереѣ въ Ратушѣ.
19. Выѣхалъ изъ Берлина.
21. Въ Ригу.
22. Зябъ ужасно. Въ Либавѣ.

1871.

Май.

6. Выѣхалъ изъ Петербурга.
7. Москва. Встрѣтилъ Величковскаго.
8. Ужиналъ у Егорова въ трактирѣ.
12. Въ Сокольникахъ съ Величковскимъ.
13. Выѣхалъ въ Кіевъ. Познакомился съ Брадке.
15. Пріѣхалъ въ Кіевъ.
16. Троицынъ день. Былъ въ Лаврѣ. Жарко и людно.
17. Въ Кіевѣ. Вѣнчали Рокотова.
18. Читалъ въ театрѣ.
26. Ѣздилъ въ пещеры съ Будкевичемъ.
27. Выѣхалъ въ Одессу. Провожали Рокотовъ и Браво.
30. У Эрдели.

Іюнь.

1. Обѣдалъ у Новосельскаго.

3. Назначенъ былъ вечеръ. Вытащили изъ купальни и привезли въ Думу. Вечеръ отказалъ.

5. Вечеръ въ Биржевомъ залѣ—600 р. Къ Посохову.
8. На „Аргонавтѣ“ въ Николаевъ.
9. Былъ у Варвары Алекс. Сергѣевой, дочь А. Н. Даля.
12. Въ Одессу. Провожали Глазенапа. Встрѣтилъ Манна.
13. У Аммосова.
16. У Вейнберга.

17. Ѣздилъ съ актерами на „Ланжеронѣ“. Вечеромъ у Тетеревникова.

19. Въ Кишиневъ. Былъ у Челищева.
21. Бендеры.

22. Ждали поѣзда изъ Раздѣльной въ Кіевъ съ 5 час. утра до вечера. Встрѣтилъ приказчика Кожанчикова: ведутъ въ Сибирь [Коринѳянамъ, глава VII о бракѣ].

23. Въ Кіевѣ. Встрѣтилъ В. Д. Спасовича, вмѣстѣ до Орла.
25. Въ Витебскѣ. На станціи встрѣтилъ графа Буксгевдена.

1872.

Политехническая выставка въ Москвѣ. Былъ въ Тамбовѣ. Выѣхалъ ихъ Москвы въ Либаву 28 іюля. Провожала Никулина.

1873.

Съ Коммисаржевскимъ. Воронежъ. Пріѣзжали на желѣзную дорогу провожать барышни. Новочеркасскъ. Концертъ при отличномъ сборѣ.

Мартъ.

2. Обѣдали у П. Г. Макарова. Ѣздили въ степь стрѣлять въ цѣль.

4. Вечеромъ въ Курскѣ; дорога отвратительная; не нашли гостинницы—остановились на постояломъ дворѣ.

6. Обѣдъ у губернатора.

8. Концертъ. Сборъ отличный. Были оба въ ударѣ. Въ Кіевѣ Рокотовъ и Апухтинъ. Два концерта. Пріемъ превосходный. Одесса: огромный сборъ, съ приставными стульями.

22. Концертъ въ Елизаветградѣ. Въ Москву.

Апрѣль.

10. Выѣхалъ въ Петербургъ.

1874.

Февраль.

14. Выѣхали въ Варшаву.

16. У барона Фридерикса. Вечеромъ Н. П. Бергъ.

17. Концертъ.

20. Обѣдали у Крымова. Тесть его. Коммисаржевскій и офицеръ изъ Новогеоргіевска.

21. 2-й концертъ. Генералъ Циммерманъ. Провожалъ А. В. Федоровъ. Варшава ночью.

23. Въ Вильнѣ. Встрѣтилъ Пав. М. Капитоновъ.

24. Концертъ. Пили чай въ ложѣ у Потапова. Вечеромъ М. П. Цейдлеръ[1]. Изъ Вильны въ Одессу.

28. Концертъ.

Мартъ.

1. Былъ у Милославскаго[2].

7. Въ Харьковъ. Коммисаржевскій поѣхалъ въ деревню.

12. Концертъ съ огромнымъ успѣхомъ.

13. У Герценвитца. У Принтца. Въ собраніи съ Виленскимъ губернаторомъ.

14. Концертъ въ пользу бѣдныхъ. Князь Крапоткинъ.

15. Обѣдалъ у М. Ѳ. Петрушевскаго.

17. Концертъ въ Курскѣ. Сборъ неважный. Орелъ.

---

[1] Виленскій полицмейстеръ. О немъ стихи Лермонтова:

Русскій нѣмецъ бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальную страну...

[2] Ник. Карл. Милославскій, извѣстный провинціальный актеръ. М. П.

19. Большой вечеръ у Христiановича[1].

20. Концертъ. Волковъ[2]. Шереметевъ[3]. Послѣ концерта прямо во фракахъ на желѣзную дорогу.

Май.

5. Выѣхалъ изъ Петербурга.

7. Всталъ въ 6 часовъ. Былъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Красная площадь утромъ. Бабы у Минина.

8. У всенощной въ Успенскомъ и Архангельскомъ. Священникъ Богословскій. Гуляли въ Кремлѣ. Царь-Колоколъ.

9. Вознесенье и Николинъ день.

13. Выѣхалъ въ Астрахань.

15. Въ Царицынъ. Пароходъ „Царь“. Писалъ письмо къ Петѣ Гагарину.

17. Астрахань. Былъ у губернатора.

Іюнь.

5. Обѣдали на Волгѣ. Муренко, Галембовскій.

6. „Царица“ Приставъ-карьеристъ.

7. Пріѣхали въ Самару въ 2 часа. Обѣдалъ въ Жигуляхъ противъ Царева Кургана. Жигули во всей красотѣ. Ставрополь на закатѣ солнца. Художникъ Бенуа.

8. Казань.

9. Утромъ былъ у Медвѣдева. У губернатора сидѣлъ два часа. Послѣ обѣда былъ у Катерины Борисовны. Вечеръ провелъ у Хрисанфа Николаевича[4]. Интересные разговоры. Ужинать отправились въ „*соединенку*“. Профессоры Шпилевскій и Осокинъ. Изъ соединенки собрался и поѣхалъ на пароходъ въ 6 часовъ утра. *Переворотъ.* Пріѣхалъ Медвѣдевъ. Простились и разъѣхались.

11. Общество странное: полковникъ, директоръ гимназіи, священникъ и актеръ. Въ Нижній. Гулялъ по ярмаркѣ. Луна.

12. Переправа на паромѣ. Обѣдалъ у Никиты[5]. Встрѣтились съ Брылкинымъ. Лихачевъ, Логинъ.

13. Остановился въ Славянскомъ Базарѣ. Вечеромъ гулялъ въ Сыромятникахъ. Встрѣча съ священникомъ. Былъ въ народномъ театрѣ. Новиковъ, Загорскій.

14. Въ Либаву.

Іюль.

13. Выѣхали за границу.

15. Въ Берлинѣ. Вечеромъ съ Ватсономъ[6] у Кр.

---

[1] Ник. Фил. Христiановичъ. Товарищъ предсѣдателя окружнаго суда, прекрасный музыкантъ и музыкальный критикъ, авторъ очерковъ о Шопенѣ и Моцартѣ, братъ близкаго друга И. Ѳ. Горбунова, Сер. Фил. Христiановича. М. П.

[2] Орловскій губернаторъ.

[3] Алдръ Вас. Шереметевъ, Орловскій Губернскій предводитель Дворянства. Ред.

[4] Не ошибка ли? Извѣстный актеръ Рыбаковъ былъ Николай Хрисанфовичъ Ред.

[5] Сотрудникъ „Современника“.

[6] Извѣстный нижегородскій ресторанъ Никиты Егорова. М. П.

16. Утромъ въ Эмсѣ. Встрѣтилъ Гагаринъ и Газе. Н. А. Адлербергъ.

17. Воскресенье. Въ 9 часовъ вечера наткнулся на Государя.

20. Ѣздилъ съ Гагаринымъ въ горы.

23. Графъ Орловъ. Лярскій.

25. Графиня Орлова.

26. А. М. Салтыковъ.

27. Уѣхалъ Государь.

29. Были съ Лярскимъ и Орловымъ на горѣ. Вердеръ и Буска.

30. Утромъ съ грустью выѣхалъ изъ Эмса.

1875.

Въ Тамбовъ и Тулу два раза. Проводилъ все время съ Морицемъ Петровичемъ Деземъ. Ѣздилъ съ нимъ къ Троицѣ. Въ Харьковѣ гроза. Въ концѣ Іюня, по смоленской дорогѣ въ Либаву. Провожалъ Робушъ. Былъ въ Нижнемъ.

1876.

Мартъ.

6. Въ Москву.

17. У Хлудова. На шестой недѣлѣ ѣздилъ съ Павловымъ въ Калугу. На Святой въ Орлѣ.

Апрѣль.

18. Былъ у Островскаго. Обѣдалъ у Садовскаго [1]. Вечеромъ выѣхалъ въ Тифлисъ. Тоска мучительная.

20. Ростовъ. Остановился у Лосева.

21. У Посохова.

22. Бесѣда въ вагонѣ съ инженерами. Байковъ.

23. Обѣдали въ Казбекѣ. Замокъ Тамары. Терекъ. Снѣгами ѣхать было очень скучно. Пріѣхали ночевать въ Млеты. Княгинѣ Эристовой уступилъ мѣсто въ каретѣ.

24. Драка кондуктора съ ямщикомъ. Въ 7 часовъ вечера въ Тифлисѣ. Въ Артистическомъ кружкѣ встрѣтилъ Позена.

25. Въ театрѣ „Синяя борода". Очень скверно.

26. Ужинали съ Савонелли. Армянское общество.

27. Вечеромъ былъ у Лизы. Былъ докторъ. Спорили о женскомъ вопросѣ.

29. Жарко невыносимо. Тоска.

30. Былъ концертъ. Провожали Крузенштерна. Князь Орбельянъ.

Май.

1. Вечеромъ съ Савонелли были въ Лондонѣ. Грузины. Споръ.

2. Вечеромъ у Вестли. Милая барышня. Докторъ Никитинъ. Берже.

3. Выѣхалъ изъ Тифлиса. Вечеромъ въ Мисты.

---

[1] Архитекторъ и его жена поэтесса. М. П.

4. Утромъ изъ Мисты. Горы въ снѣгахъ. Обѣдали въ Гудаурѣ. Любовался Казбекомъ. Въ 6 часовъ вечера во Владикавказѣ. На поѣздѣ познакомился съ французомъ—училъ онъ меня грузинскій супъ варить.

6. Утромъ въ Ростовѣ. Остановился у Барыкова. Пошелъ въ театръ. Бурдинъ. Ростовъ. Съ Барыковыми [1].

11. „Не все коту масляница“.

14. Выѣхалъ въ Новочеркасскъ. Очень грустно было разставаться съ Барыковыми. Дорога изъ Ростова берегомъ Дона. Очень красиво.

15. Ѣздилъ съ Рокотовымъ на лошадиную ярмарку. Былъ въ окружномъ судѣ.

19. Утромъ въ Астрахани. Остановился у Мочалова [2].

20. Переѣхалъ къ Медвѣдеву.

23. Участвовалъ въ спектаклѣ.

26. Ѣздили верхомъ. Послѣ спектакля гуляли въ степи.

28. Гулялъ въ саду съ Савиной. Выѣхалъ во время спектакля. „Разбойники“, оперетка. На пароходъ пріѣхалъ Медвѣдевъ, Эйсберъ, Александръ Фомичъ, управляющій общества Меркурій, Вѣра Зорина, Поповъ актеръ.

29. Ночь. Ѣдемъ.

30. Царицынъ видно. Разговоръ съ лакеемъ.

Іюнь.

1. Купцы въ вагонѣ пьянствуютъ.

1877.

Мартъ.

24. Выѣхалъ въ Москву.

26. У Никулиной. Поѣхали къ заутрени, стояли на хорахъ въ Благовѣщенскомъ Соборѣ.

27. Вечеромъ у Петра Петровича Боткина. Большое общество. Пѣли Чудовскіе пѣвчіе.

31. Въ Орелъ. Апрѣль.

1. Въ Орлѣ. Волковъ принялъ очень привѣтливо. Концертъ. Послѣ отправился къ г-ну Ергольскому, а оттуда въ гостинницу Тотіена. Большой ужинъ. Иванъ Алексѣевичъ Нарышкинъ.

4. Москва. Пришелъ Ив. Ив. Шанинъ. Съ Шумскимъ.

8. Въ Дворянскомъ клубѣ. Скучно скверно.

9. Обѣдалъ съ Шумскимъ.

12. Манифестъ о войнѣ.

13. Былъ въ Архангельскомъ соборѣ, читали манифестъ. Кремль биткомъ. Встрѣтился съ Трутовскимъ, познакомился съ Анастасьевымъ.

22. Въѣздъ Государя. Смотрѣлъ изъ Московскаго трактира. Ночь.

---

[1] Богатый рыбный торговецъ. М. П.

[2] Близкій другъ Островскаго и Горбунова. Знатокъ купеческаго и народнаго быта. См. о немъ т. III, ч. II. Ред.

23. Парадъ, смотрѣлъ зъ Московскаго трактира. Поймали жулика.

28. Пріѣхалъ Коммисаржевскій. Ѣздили въ Сокольники.

29. Ѣздили въ Андроньевъ монастырь.

30. Пошли въ Казань на пароходѣ „Бенардаки“. Горѣла деревня. Вечеромъ въ Козмодемьянскъ. Сессія суда.

Май.

1. Проѣзжали мимо Сундыря. Утро прекрасное. Звонили къ обѣднѣ.

2. Казань. Былъ у губернатора. Обѣдалъ у доктора Ге.

3. Въ Казани. Концертъ съ большимъ успѣхомъ.

5. Второй—не въ расположеніи.

6. Въ Нижній. Движутся войска.

8. Въ Москвѣ.

10. Въ Минскѣ.

11. Былъ у губернатора. Необыкновеннаго видѣлъ чиновника.

12. Концертъ въ клубѣ.

14. Концертъ въ пользу Краснаго Креста.

15. Концертъ. Коммисаржевскій послѣ концерта уѣхалъ. Ник. Лук. Вернадскій, Ник. Ник. Голеневскій, мировой судья. Ужинали.

16. Въ Петербургъ. Вторникъ. Провелъ вечеръ у Ивана Сергѣевича Тургенева. Анненковъ.

Іюнь.

1. Выѣхалъ въ Москву. Былъ въ Останкинѣ съ М. Н. Островскимъ.

3. Выѣхалъ въ Кіевъ съ Сатинымъ[1].

5. Утромъ Сатинъ уѣхалъ въ дѣйствующую армію.

12. Въ Кіевѣ концертъ въ залѣ Думы. Сборъ 559. Украли много.

15. Участвовалъ въ спектаклѣ въ пользу Бѣгичева съ Савиной.

16. Въ Одессу.

22. Былъ съ Зеленымъ на Поповкѣ. Убило Сокольникова. Вечеромъ огромный ужинъ съ генералами.

23. Концертъ. 603 р.

25. У Вейнберга на дачѣ. Божественная ночь. Очаровательная ночь.

26. Второй концертъ.

27. Въ Николаевъ. Встрѣча съ Мельниковымъ. Вечеромъ проводы офицеровъ Весты.

30. Николаевъ. Концертъ съ большимъ успѣхомъ. Барцалъ.

Іюль.

4. Въ Либавѣ.

1878.

Мартъ.

31. Выѣхалъ съ Фетисовымъ за границу.

---

[1] Служилъ во флотѣ, управлялъ Обуховскимъ заводомъ. М. П.

Апрѣль.

2. Берлинъ. Катались въ Тиргартенѣ. Смотрѣли лошадей. Обѣдали у Хиллера, потомъ сидѣли на балконѣ въ ресторанѣ Бауера. Видъ чудесный.

Двѣ собачки впереди.
Два лагея позади.

Вечеромъ въ театрѣ—La belle Heléne. Не хорошо.

3. Утромъ былъ у Бауера [1] съ Карломъ Карловичемъ [2]. Чудесный нѣмецъ.

4. Въ Парижѣ.

6. Парижъ весь на улицѣ. Великій четвергъ. Всѣ въ черномъ.

7. Пятница великая. Въ церковь La Madleine. Проповѣдь.

8. Въ саду аклиматизаціи. Кормъ куръ и пѣтуховъ. Стрѣлялъ въ цѣль.

9. Свѣтлое Воскресенье. Былъ у Левушки... Очень обрадовались.

10. Разговоръ Левушки съ извозчикомъ о республикѣ. Масса публики въ Елисейскихъ поляхъ. Очень красиво. Нигдѣ ничего подобнаго не видалъ. Квартира Левушки. Обѣдали Жуковскій, его сестра [Фр...] съ мужемъ, Ермоловъ, Темирязевъ. Очень было весело. Послѣ обѣда Левушка свезъ меня домой.

11. Утромъ поѣхалъ на чугунку. Въ Кельнѣ хотѣли осматривать въ таможнѣ, но простили.

12. Въ Кенигсбергѣ. Пиво необыкновенное.

14. Дóма. Вечеромъ въ Москву съ Петромъ Васильевичемъ Шумахеромъ.

15. Великая суббота. Нигдѣ не былъ.

16. Чуть было не опоздалъ въ заутреню. Разговлялись у Нади [3]. Былъ Островскій. Обѣдалъ у Островскаго. Вечеръ провелъ у Боткина [4]. Пѣли Чудовскіе пѣвчіе.

18. Обѣдалъ у Дм. П. Боткина. Вечеромъ съ Дмитріевымъ въ Рязань. Концертъ въ пользу бѣдныхъ гимназистовъ.

19. Былъ въ соборѣ на архіерейскомъ служеніи. Послѣ концерта были трактованы ужиномъ. Въ ночь выѣхали въ Москву. Надя всю дорогу дурачилась.

22. Завтракали съ Плевако и Мочаловымъ [5] въ Троицкомъ [6].

23. Обѣдали у А. Н. Островскаго. Ночью былъ огромный пожаръ въ Красномъ Селѣ: горѣли деревянные дома и лѣсной дворъ.

---

[1] Кофейная въ Берлинѣ на Unter den Linden.

[2] Карлъ Карловичъ Маакъ, нѣкогда преподаватель училища правовѣдѣнія. Жилъ всегда въ Берлинѣ. Былъ замѣчательный лингвистъ. Зналъ 22 языка. Всегда съ величайшей охотой приходилъ на помощь русскимъ въ Берлинѣ. Скончался не такъ давно. Его знавали весьма многіе. По отзывамъ лицъ его знавшихъ, личность интереснѣйшая.

[3] Н. А. Никулина.

[4] П. П. Боткинъ. Ред.

[5] Мочаловъ, рыбный торговецъ Московскій, неизмѣнно присылалъ И. Ѳ. Горбунову на имянины рыбу и Горбуновъ имѣлъ обыкновеніе звать своихъ пріятелей на эту рыбу: „Мочаловъ прислалъ рыбы цѣлое звено“... М. П.

[6] Трактиръ въ Москвѣ на Варваркѣ. Ред.

24. Поѣхалъ на Вантѣевку[1]. Ночевалъ у священника. Боже мой, какъ скучно отъ холоду.

28. Бесѣдовалъ съ А. Ф. Кони. Пріѣзжалъ попъ.

29. Обѣдалъ съ А. Ф. Кони у Пустовалова. Послѣ обѣда проводилъ его на желѣзную дорогу.

Май.

2. Вечеромъ у Третьякова за Москвой рѣкой. Какъ трудно въ купеческомъ обществѣ!

3. Перфильевъ и графъ Сергѣй Николаевичъ Толстой[2].

6. Обѣдъ у Лопашева Росси. Рѣчи.

7. Въ театрѣ съ Трутовскимъ. Вечеръ у Ададурова. Познакомился съ Меккомъ[3].

8. Въѣздъ Шаха. Вмѣстѣ ѣздили съ графомъ Барановымъ[4] въ Андроньевъ монастырь.

14. Съ Островскимъ и Кашперовымъ[5], въ Сокольники.

16. Выѣхалъ въ Николаевъ.

18. Встрѣтилъ Максимова актера.

19. Былъ у Аркаса. Очень любезный генералъ.

20. Вечеръ провелъ у редактора „Николаевскаго Вѣстника“ Андр. Ник. Юрковскаго. Сидѣли на террасѣ. Чудная ночь. Дѣти у него прекрасные.

21. Концертъ. Былъ не въ особенномъ расположеніи.

22. Вечеръ провелъ у Андр. Ив. Баженова, стариннаго моего знакомаго. Онъ командовалъ на Рюрикѣ. Въ Одессу. Сидѣли на бульварѣ съ П. А. Зеленымъ[6].

24. Николаевъ. Скучно.

28. Въ Одессу. Большое собраніе на пароходѣ. А. М. Потоцкій.

30. У Милославскаго на дачѣ.

Іюнь.

3. У Кривцова. Сатинъ.

7. Концертъ. Вечеромъ долго сидѣлъ на бульварѣ. Профессоръ Волковъ. Князь Аргутинскій, Делазари. Сатинъ.

9. Въ Севастополь. Ѣздили съ Анастасьевымъ въ Георгіевскій монастырь.

11. Былъ у Коптева. Вечеромъ у Бларамберга[7].

12. Миночка Тарновскій пріѣхалъ.

13. Салгоръ-баба.

14. Концертъ. Днемъ ѣздили съ Анастасьевымъ по мечетямъ. Фанатикъ.

---

[1] Родина И. Ѳ. Горбунова, Московскаго уѣзда, близъ ст. Пушкино по Ярославской ж. д.

[2] Братъ Графа Л. Н. Толстаго. См. статью В. К. Истомина.

[3] Композиторъ, авторъ оперы „Гроза“.

[4] Вл. Карл. фонъ-Меккъ.

[5] Гр. Алекс. Павл. Барановъ, близкій другъ Горбунова.

[6] Одесскій городской голова.

[7] Композиторъ, соредакторъ „Русскихъ вѣдомостей“. Ред.

15. Смотръ войскамъ. Былъ съ Анастасьевымъ. Стояли на валу. Князь Воронцовъ [1].

16. Поѣхали съ генераломъ Дедюлинымъ въ лагерь. Разсказывалъ солдатамъ. Въ ставкѣ Князя Воронцева пили чай. Большое общество. Разсказывалъ. Пошли гулять по лагерю. Тревога. Второй концертъ.

17. Ѣздили съ Анастасьевымъ въ степь стрѣлять.

19. Севастополь. Ник. Ник. Ветцель [2].

20. Въ Одессѣ. Отправились съ Ящукомъ въ ванну.

24. Обѣдалъ съ Мих. Мих. Кирьяковымъ. Вечеромъ на желѣзную дорогу. Провожали Фанни, Кривцовы, Ящукъ и Любарскій.

24. Въ Либавѣ.

Въ этомъ году ѣздилъ въ Кіевъ. Концертъ въ театрѣ Форкатти, съ участіемъ Фанни Михайловской и Натальи Кривцовой.

1879.

Январь.

1. Былъ у Сергѣя Филипповича [3].

3. У Еракова [4].

8. Былъ дежурнымъ въ Клубѣ Художниковъ.

12. Правилъ корректуру Дневника Храповицкаго [5].

14. Воскресные классы рисованія въ Клубѣ.

24. Былъ въ судѣ. Процессъ Юханцева. Послѣ суда ужиналъ съ Унковскимъ [6] и княземъ Урусовымъ.

27. Игралъ въ Благородномъ Собраніи „На Ярмаркѣ“, послѣ у Михневича.

31. Вечеромъ съ Островскимъ былъ у Феоктистовыхъ. Григоровичъ говорилъ очень хорошо.

Февраль.

6. Въ клубѣ въ пользу М. И. Аристовой [7].

10. Спектакль въ клубѣ „Гроза“. Былъ И. С. Тургеневъ.

11. Выѣхалъ въ Москву. Въ Любани остановился до курьерскаго поѣзда. Ѣздилъ въ Померанье. Кабакъ.

12. Москва. Въ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ. Вечеромъ у Никулиной актерское собраніе.

13. У А. Н. Островскаго капуста.

14. Обѣдалъ съ Малютинымъ [8] въ Троицкомъ.

17. Утромъ у Бѣгичева [9]. Завтракалъ у Козлова. Обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ: Веселкинъ, Козловъ, Тургеневъ, Масловъ [1]. Послѣ обѣда разсказывалъ. С. М. Соловьевъ. Выѣхалъ въ Петербургъ. Энде.

---

[1] Князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ.

[2] Содержатель гостинницы въ Севастополѣ.

[3] С. Ф. Христіановичъ, Юристъ-Консультъ при С.-Петербургскомъ градоначальникѣ, большой другъ Горбунова. Ред.

[4] Адр. Ник. Ераковъ, пріятель Некрасова. М. П.

[5] Инспекторъ репертуара. Оставилъ дневникъ на афишахъ. Напечатанъ въ „Русской Старинѣ“. М. П.

[6] А. М. Унковскій бывшій Тверской губ. предводитель дворянства, присяжный повѣренный. Ред.

[7] Жена В. И. Аристова, дѣятеля Славянскаго общества. М. П.

[8] Коммерсантъ.

[9] Вл. П. Бѣгичевъ, начальникъ репертуара Московскихъ театровъ. М. П.

19. Вечеромъ участвовалъ въ концертѣ Манжана.

20. У Христіановича. Обѣдали съ нимъ у Свѣшникова.

21. Въ Зимнемъ Дворцѣ. Объявлено объ оставленіи на вторую службу.

23. Вечеромъ съ Христіановичемъ и Рюлемъ [2] у Болговской.

Мартъ.

2. Бенефисъ Назарова [3].

9. На выставкѣ въ Академіи. Встрѣча съ Наслѣдникомъ.

10. Обѣдалъ у маленькихъ татаръ [4].

11. Кончина П. С. Федорова.

13. Обѣдъ Тургенева у Бореля, говорилъ рѣчь [5]. Сочинялъ у Фанни [6].

17. Обѣдъ въ клубѣ въ честь Тургенева.

18. Вечеромъ у Петра Георгіевича принца Ольденбургскаго. Бесѣда съ Великимъ Княземъ Николаемъ [7].

21. Съ Левицкимъ у Плаутина.

22. Вступленіе Христіановича въ Судебную Палату.

29. Въ Москву.

30. У Плащаницы въ Успенскомъ. Обѣдалъ съ гр. Адлербергомъ и Барановымъ [8] у Тѣстова.

Апрѣль.

2. Обѣдалъ у Дондукова-Корсакова. Покушеніе на жизнь Государя.

4. Концертъ у Мекка. Чудный сборъ. А. Н. Островскій. Ишутины.

7. Ледъ на Москвѣ рѣкѣ. Собаки на льдинѣ. Вечеромъ къ Троицѣ.

9. Страшный разливъ Москвы рѣки. Смотрѣлъ изъ Кремля. Фонари не успѣли тушить.

12. Обѣдалъ у А. А. Козлова.

14. Былъ у Зориной [9].

20. Вечеромъ ѣздили верхомъ въ Тушино.

---

[1] Ив. Ил. Масловъ, управлялъ Московской удѣльной конторой, пріятель Тургенева, Писемскаго, Островскаго и Некрасова.

[2] Другъ Горбунова, юмористъ, разсказчикъ и фокусникъ. Былъ остроуменъ. Его очень любили.

[3] Режиссеръ Александрійскаго театра.

[4] Былъ ресторанъ за Полицейскимъ мостомъ. М. П.

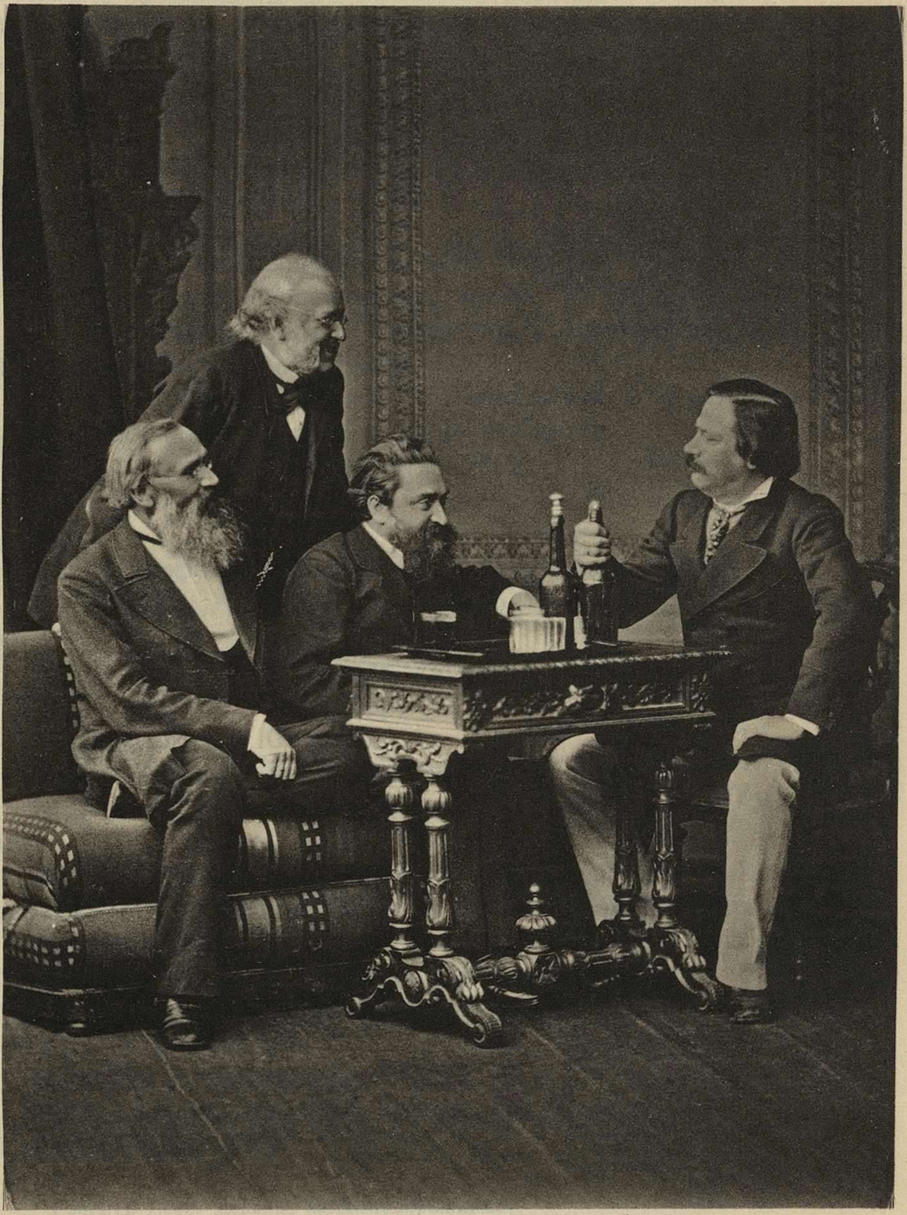
[5] Въ другомъ мѣстѣ отмѣчено: 13 марта. См. рѣчь во II-мъ томѣ. Ред.

[6] Фанни Авг. Веселаго, жена Ник. Гер. Веселаго. М. П.

[7] В. К. Ник. Ник. Старшій.

[8] Гр. А. П. Барановъ. Ред.

[9] Вѣра В. Зорина, оперная пѣвица, любимица Москвы. М. П.



С. В. Максимовъ. С. Л. Левицкій. С. Ф. Христіановичъ. И. Ѳ. Горбуновъ.

23. Выѣхалъ въ Орелъ. Остановился у Дезена [1]. Обѣдалъ у Топіена [2]. Концертъ.

25. Въ Москву. Былъ у Полтавцевой [3].

27. Въ Орелъ. Вечеромъ выѣхалъ въ Елецъ.

29. Въ 6 часовъ утра въ Ельцѣ. Поѣхалъ къ Бобиру, Ильѣ Матвѣевичу. Обѣдалъ у него. Большое общество. Вечеромъ концертъ. Ужинали въ клубѣ въ томъ же обществѣ.

30. Въ Орелъ.

Май.

1. Въ Полтавѣ. Концертъ.

2. Обѣдалъ у Абазы.

4. Концертъ.

6. Ѣздилъ на Шведскую могилу. Церковь. Священникъ.

7. Завтракалъ у Ильяшевича. Ѣздилъ съ нимъ въ деревню.

8. Въ Елизаветградъ. Остановился у Анастасьева. Былъ въ судѣ. Дѣло о фальшивой монетѣ.

11. Въ Кіевѣ. Встрѣтился съ Пивинскимъ и Аграмовымъ [4]. Вечеромъ разсказывалъ съ большимъ успѣхомъ.

12. Въ Лавру съ Аграмовымъ. Обѣдали съ графомъ Барановымъ въ Grand Hôtel. Вечеромъ заходилъ въ театръ Отелло. Чарскій плохъ.

13. Съ графомъ Барановымъ въ Софійскомъ соборѣ.

14. Игралъ: „Не все коту масляница“. Ужиналъ съ Куперникомъ [5].

15. Въ клубѣ разсказывалъ. Большой ужинъ.

16. Уѣзжала М. М. Глѣбова [6].

17. Выѣхалъ въ Кишиневъ.

18. Въ Веселомъ Кутѣ встрѣтилъ А. Н. Егуновъ.

19. Ѣздили съ Сашей [7] гулять. Деревня. Солдаты. Ужинъ. Кашица.

20. Жаръ. Были съ Сашей у архіепископа Павла. Владыко подарилъ мнѣ проповѣди. Обѣдали въ 6-й батареѣ. Жаръ.

21. Жаръ. Концертъ. Едва не опоздалъ на желѣзную дорогу. Выѣхалъ въ 12 часовъ 20 минутъ во фракѣ.

22. Въ Одессу. Встрѣтилъ Сатинъ. Встрѣтился съ Михаиломъ Фомичемъ Петрушевскимъ [8].

23. Былъ у Перелешина.

24. У Градоначальника [9]. Читалъ онъ записку о дворникахъ. У Кривцовыхъ на дачѣ.

---

[1] Робертъ Петр. Дезенъ, желѣзнодорожникъ.

[2] Ресторанъ.

[3] Ел. Пав. Полтавцева, вдова трагическаго актера Малаго театра, котораго Горбуновъ очень цѣнилъ и любилъ.

[4] Провинціальный актеръ и режиссеръ, бывшій актеръ С.-Петербургскихъ театровъ и мужъ знаменитой актрисы Линской.

[5] Извѣстный Кіевскій присяжный повѣренный.

[6] Провинціальная актриса. М. П.

[7] Ген. А. Насвѣтевичъ.

[8] Генералъ М. Ѳ. Петрушевскій, біографъ Суворова.

[9] Гейнсъ. Ред.

26. Обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ. Кидошенковъ, Черкасовъ, Скобелевъ, Имеретинскій, Гейнсъ. Разсказывалъ.

27. Въ Бендеры въ 3 часа ночи. Въ крѣпость. Обѣдалъ у Якимовскаго. Днѣстръ. Пловцы. Жучекъ на водѣ.

28. Въ Одессѣ.

29. Концертъ, великолѣпнѣйшая публика.

30. Прощались съ Михаиломъ Фомичемъ[1].

31. На „Тавридѣ“ въ Николаевъ. Обѣдалъ у Алекс. Ив. Бажанова. Вечеромъ на бульварѣ. Писаревскій. Ѣздили ночью въ Спалы.

Іюнь.

1. Утромъ у Аркаса. Обѣдалъ въ Морскомъ клубѣ. Командиръ „Ливадіи“ Краунъ.

2. Концертъ. Ужинали съ Сережей Писаревскимъ.

3. На пароходѣ „Аргонавтъ“. Въ Одессу. А. А. Башмаковъ.

4. Хотѣлъ ѣхать, но былъ задержанъ Я. М. Серебрянскимъ. Былъ на дачѣ у Горвица. Когенъ и ему подобные.

5. Сидѣлъ у Франкони[2]. Завтракалъ у Ящука[3]. Съ Над. Авг. Кривцовой. Разставаніе съ генеральствомъ. Чингизъ[4].

6. Въ Кіевѣ. Обѣдалъ съ Савиной и генераломъ Орловымъ въ Шато.

7. Въ дорогѣ. Въ Гомелѣ встрѣтилъ знакомыхъ незнакомцевъ. Принялъ отъ нихъ угощеніе и самъ угощалъ.

8. Утромъ на Вилейкѣ заѣзжалъ въ Вильно. Заходилъ къ Чиркину[5]. Провожалъ онъ меня на желѣзную дорогу. Привезъ меду литовскаго.

10—30. Либава.

Іюль.

6. Въ Красновидово.

10. Либава.

11. Обѣдалъ у Числовой[6].

12. Выѣхалъ въ Красновидово съ докторомъ Шершевскимъ. Очень весело и умно провелъ время.

15. Меккъ имянинникъ.

16. Ѣздили въ лѣсъ, готовили карасей.

18. Переѣздъ въ Можайскѣ черезъ Москву рѣку. Карета совсѣмъ въ водѣ.

20—30. Въ Либавѣ.

31. Большіе проводы.

---

[1] М. Ѳ. Петрушевскій.

[2] Кондитерская.

[3] Сѣверная гостинница. М. П.

[4] Чингизъ-Ханъ, флиг.-адъют. Императора Александра II. Ред.

[5] Орловскій помѣщикъ, отставной артиллерійскій офицеръ, другъ П. И. Якушкина. М. П.

[6] Актриса. Ред.

Августъ.

2. Былъ у Максимова, въ конторѣ и у Владиміра Курочкина [1]. Вечеромъ въ Ливадіи съ В. Львовымъ.

10. Обѣдали съ Ипполитомъ [2] въ Лѣтнемъ саду: С. Максимовъ, Лермонтовъ. Видѣлся съ Ив. А. Гончаровымъ.

18. Робушъ [3] задумалъ жениться.

21. Обѣдали въ Лѣтнемъ саду съ Кондратьевымъ [4].

27. Дѣти держали экзаменъ въ Екатерининской гимназіи.

28. Вечеромъ у Давыдова. Рубинштейнъ вывихнулъ палецъ.

29. У Надежды Карповны съ Жуковскимъ. Вечеромъ Потѣхинъ читалъ піесу у Савиной. Плоха.

31. Ночное [5] съ дебютанкой. Скверно.

Сентябрь.

5. Видѣлся съ Эвальдомъ, Галаховымъ и Стобеусомъ.

8. Рожденье Танички. Обѣдали у насъ Сережа [6] съ женой, Серега Жемчужниковъ. Вечеромъ съ Максимовымъ посѣщали больнаго Васильева [7]: ногу сломалъ.

12. Бенефисъ Струйской.

13. Былъ у насъ П. Н. Кузьминъ. Обѣдалъ у Савиной. Были: Апухтинъ, Чайковскій съ братомъ и Константиновъ [8]. Былъ у всенощной у Исаакія. День имянинъ 14 сентября. Были: Тертій Ивановичъ, Жемчужниковъ, Сатинъ. Было очень шумно.

15. Обѣдалъ съ Деревицкимъ у татаръ. Былъ В. Денисовичъ Давыдовъ [9].

19. Былъ у кумы Струйской.

21. Вечеромъ съ Н. Г. Дервизомъ, Меккомъ и Виттомъ катались за Нарвскую заставу.

28. Былъ у насъ Семевскій съ женой. Ѣздилъ къ Лукашевичу [10] для служебныхъ объясненій. Приходилъ Сережа Христіановичъ. Писалъ разсказъ „Медвѣдь". Вечеромъ былъ съ Феоктистовымъ у генерала Гурко. Графиня Саліасъ.

29. Открытіе клуба. Обѣдъ подъ предсѣдательствомъ Китары [11]. Рѣчи.

---

[1] Влад. Степ. Курочкинъ, братъ писателей Вас. и Ник. Степановичей Курочкиныхъ, содержатель типографіи. М. П.

[2] Докторъ Ип. М. Тарновскій.

[3] Д-ръ Робушъ, другъ Горбунова, жившій съ нимъ на одной квартирѣ 14 лѣтъ. Ред.

[4] Ген. Петр. Кондратьевъ управлялъ оперой Маріинскаго театра. М. П.

[5] Пьеса Стаховича.

[6] С. В. Максимовъ. Ред.

[7] Васильевъ І-й. Актеръ Александринскаго театра по прозвищу „Фурманщикъ".

[8] К. И. Делазари, по сценѣ Константиновъ.

[9] Сынъ партизана Дениса Давыдова.

[10] Управляющій Императорскими С.-Петербургскими театрами, назначенный послѣ смерти П. С. Федорова.

[11] Мод. Як. Китары, профессоръ Московскаго Университета. М. П.

30. Въ засѣданіи клуба и празднество Пушкина. Маковскій, Вейнбергъ, Зубаревъ, Забелло [1]. Открытіе Литейнаго моста. Встрѣча съ Перфильевымъ [2]. Вечеромъ Смерть Грознаго и разсказы.

Октябрь.

3. Съ Макаріемъ Шишко ѣли устрицы.

4—6. Писалъ.

7. У Христіановича. Были Розовъ и др. Споръ о чужихъ земляхъ. Обѣдалъ у Петра Веселаго.

10. Въ театрѣ, бесѣдовалъ съ Новиковымъ [3].

11. Въ Министерствѣ двора.

12. Вечеромъ у Самойлова [4].

13. Засѣданіе Общества Драматическихъ писателей. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у А. А. Потѣхина. Читалъ рукопись „Медвѣдь".

14. Вечеромъ у Суворина. Была Т. П. Пассекъ [5].

17. У Кузнецова читалъ „Медвѣдь".

18. У Струйской читалъ „Медвѣдь".

19. Вечеръ въ память Лицейской годовщины. Кн. Д. А. Оболенскій, Гротъ, Майковъ, Полонскій. Чудесная ночь—мѣсяцъ... Морозно.

20. Въ Кронштадтѣ. Обѣдалъ съ Черкасомъ. Концертъ. Показывалъ Черкасъ японскія вещи.

21. Читалъ у Суворина „Медвѣдь". Потомъ въ Палкиномъ съ Ге [6], Масловымъ и др.

22. Имянинникъ Кузнецовъ.

23. Смерть Іоанна Грознаго. Послѣ бесѣдовалъ съ Всеволожскимъ, Стебницкимъ [7], Бергомъ [8], Шубинскимъ [9] и Барсуковыми [10]. Читалъ и разсказывалъ.

25. Обѣдалъ у Савиной. Мирскій. Саломирскій. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ.

26. Обѣдалъ у Озерова, имянинникъ. Бенефисъ Зубова [11].

27. Вечеромъ у Арди [12].

28. Обѣдалъ у Заешникова. Вечеромъ былъ у В. Ю. Познанскаго.

29. Вечеромъ съ Христіановичемъ въ Лидеръ-Тафель. Былъ съ нами сенаторъ Марковичъ.

30. Бесѣдовалъ съ Крестовскимъ [13] и Бергомъ въ Ярославцѣ.

---

[1] Скульпторъ.

[2] Сынъ Московскаго губернатора Вас. Степ. Перфильева, поэтъ.

[3] Ник. Ив. Новиковъ, актеръ. Пробылъ недолго на Петербургской сценѣ.

[4] Вас. Вас. Самойловъ, актеръ. М. П.

[5] Тат. Петр. Пассекъ, р. Кучина, двоюродная сестра А. И. Герцена, авторъ воспоминаній „Изъ дальнихъ лѣтъ". Ред.

[6] Ив. Ник. Ге, братъ художника. М. П.

[7] Н. С. Лѣсковъ.

[8] Ѳ. Н. Бергъ.

[9] С. Н. Шубинскій, ред. „Истор. Вѣстника".

[10] Н. П. Барсуковъ, авторъ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина" и А. П. Барсуковъ, авторъ „Рода Шереметевыхъ".

[11] Ник. Ник. Зубовъ, актеръ СПБ. Императорскихъ театровъ.

[12] Ник. Ив. Арди, актеръ СПБ. Императорскихъ театровъ.

[13] Всев. Крестовскій, авторъ романа „Петербургскія трущобы". Ред.

Ноябрь.

6. Спектакль „Прелестная незнакомка“. Изъ театра къ А. Н. Островскому.

7. Открытіе Малаго театра [1]. Громадный успѣхъ.

9. Былъ у кумы [2] и бесѣдовалъ съ ней долго. Милый она человѣкъ. Игралъ въ Новомъ театрѣ. Послѣ съ Кондратьевымъ въ М. Ярославцѣ.

11. Обѣдалъ и Марушинскаго.

12. Обѣдалъ у Лейбъ-Гусаръ. Князья Лобановъ и Святополкъ-Мирскій [3].

13. Утромъ снимали съ Островскимъ портреты у Шапиро, заходилъ къ Сергѣю Львовичу [4]; показывалъ онъ мнѣ новое приспособленіе къ фотографіи. Островскій читалъ піесу „Сердце не камень“.

16. Праздновалъ 25 лѣтъ службы. Были: Островскій, Христіановичъ, Путилинъ, Робушъ, Рюль и др. Вечеромъ долго.

17. Обѣдалъ съ Островскимъ и Соловьевымъ [5] въ Палкиномъ. Заѣзжалъ съ Островскимъ въ „Magasin Etranger“. Вечеромъ у Стефаница балъ. Скучно.

19. Бесѣдовалъ съ Глѣбомъ Успенскимъ. Игралъ въ Маломъ театрѣ „Расточитель“ [6]. Бесѣдовалъ послѣ театра съ братьями Барсуковыми въ Ярославцѣ.

21. Бенефисъ Бурдина. „Сердце не камень“. Послѣ бенефиса къ Бурдину ужинать.

25. Смерть Іоанна Грознаго и разсказывалъ. Страшный пріемъ публики.

27. Ив. Ник. Поповъ разсказывалъ о крушеніи царскаго поѣзда.

28. Бесѣдовалъ съ Сатинымъ и сенаторомъ Жихаревымъ въ Медвѣдѣ. Послѣ обѣда былъ у Савиной. Былъ князь Суворовъ и Никита [7].

Декабрь.

5. Утромъ началъ писать воспоминанія.

6. Утромъ писалъ.

7. У Христіановича. Была теща. Объяснялись въ любви.

12. У Нильскаго [8], имянинникъ.

15. Вечеръ въ клубѣ — „Бѣдность не порокъ“ съ Писаревымъ [9].

---

[1] Дирекція Императорскихъ театровъ въ то время абонировала Малый театръ.

[2] Актриса Струйская. М. П.

[3] Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій, впослѣдствіи Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

[4] Серг. Львов. Левицкій, фотографъ. Ред.

[5] П. Я. Соловьевъ. Авторъ „Дикарки“ и „Женитьба Бѣлугина“.

[6] Пьеса Н. С. Лѣскова. М. П.

[7] Н. Н. Всеволожскій.

[8] Актеръ, авторъ „Закулисной хроники“.

[9] Вечеръ этотъ происходилъ по случаю пріѣзда въ Петербургъ М. И. Писарева, который выступилъ въ роли Любима Торцова. Горбуновъ игралъ Разлюляева, а Андреевъ-Бурлакъ Коршунова. На спектаклѣ присутствовалъ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. Ред.

18. Къ Суворину [1]—пригласилъ крестить.

21. Выѣхалъ въ Москву. Въ вагонѣ встрѣтился съ Андр. Фед. Карповымъ и Дубасовымъ-Тверскимъ [2].

22. Въ Славянскомъ базарѣ, встрѣтилъ Вейнберга. Обѣдалъ у Тѣстова. Поѣхалъ къ Николѣ въ Кобыльское [3]. Встрѣча. Ужиналъ у Семена.

23. Съ Фанни къ новому собору, въ Кремль и Замоскворѣчье. Проѣхали мимо дома Аполлона Александровича Григорьева [4].

24. У Ишутиныхъ.

25. Къ Садовскому. Съ нимъ къ А. Н. Островскому. Въ Петербургъ. Въ дорогѣ Скарятинъ, Сѣверцевъ.

26. Возвратился въ Петербургъ. Вечеромъ къ Якову Петровичу [5].

30. Въ Благородномъ собраніи въ пользу студентовъ читали: Ал. Потѣхинъ, Достоевскій, Григоровичъ, Вейнбергъ.

31. Встрѣтилъ Новый годъ неожиданно у Н. А. Новосельскаго, отъ него былъ у Бологовскаго.

1880.

Январь.

7. Съ Христіановичемъ у сенатора Марковича на музыкѣ. Былъ Ан. Рубинштейнъ, Давыдовъ и др.

24. У Куломзина. Большой вечеръ. Комитетъ министровъ въ полномъ составѣ. Кахановъ и др.

25. Бенефисъ. Неблагодушно смотрѣли актеры. Прошло съ успѣхомъ, подарокъ, вѣнокъ.

31. У Савиной. У ней былъ Тургеневъ.

Февраль.

6. Вечеръ въ пользу дешевыхъ квартиръ.

7. У генералъ губернатора Гурко.

8. У Т. И. Филиппова—сановники.

10. Читалъ въ пользу Петровской гимназіи.

12. Похороны Срезневскаго [6]. Обѣдъ у Бореля врачей. Разсказывалъ и рѣчь. Здекауеръ, докторъ Славянскій и др. Шумно.

15. Разсказывалъ въ клубѣ художниковъ въ пользу студентовъ.

20. Выстрѣлъ въ Лорисъ-Меликова. Вечеромъ гимнъ въ Александринскомъ и Маріинскомъ театрѣ.

Мартъ.

12. Заходилъ къ Лермонтову. Головачевъ.

28. Нездоровилось. Не могъ ѣхать къ студентамъ въ Благородное Собраніе.

29. Вечеромъ у Суворина, толковалъ объ изданіи книжки.

---

[1] А. С. Суворинъ, редакторъ „Новаго Времени“.

[2] Ѳед. Вас. Дубасовъ, адміралъ, впослѣдствіи Московскій генералъ-губернаторъ.

[3] Приходская церковь около стараго Курскаго вокзала. Ред.

[4] Домъ извѣстнаго критика А. А. Григорьева находился за Москвой-рѣкой на Малой Полянкѣ. М. П.

[5] Я. П. Полонскій.

[6] Академикъ Срезневскій. Ред.

Апрѣль.

3. Разсказывалъ въ клубѣ художниковъ для Аристова.

6. Въ пользу медиковъ.

9. Въ пользу армянъ.

11. Выѣхалъ въ Москву.

12. На Вербочкѣ. У А. Н. Островскаго.

13. Въ Мытищи. Бесѣдовалъ со старикомъ въ трактирѣ. Великая суббота: 11 часовъ вечера. Иду къ Божественному звону. Воскресеніе Христово. Въ Успенскомъ соборѣ. Прокуроръ—квартальный. Два архіерея.

23. Петербургъ. Вечеръ у князя Н. М. Голицына, читалъ.

30. Въ Москву.

Май.

1. Къ Троицѣ. Въ Виѳаніи. Ужиналъ съ попомъ въ старой гостинницѣ.

2. Заѣзжали за просвирами. Семинаристы. Въ Москвѣ съ Меккомъ на телячьей выставкѣ.

11. Въ Красновидово [1]. Вечеромъ сидѣли долго съ С. Г. Островскимъ въ рубашкахъ.

12. Въ Можайскѣ на съѣздѣ.

14. Въ Саратовъ. Концертъ.

22. Узналъ отъ губернатора о кончинѣ Императрицы.

23. Обѣдалъ у А. П. Коваленко. Ѣздили на катерѣ по Волгѣ, варили уху. На возвратномъ пути Коваленко упалъ въ воду.

26. Въ Москву.

28. У всенощной въ Донскомъ. Заходилъ въ Успенскій.

31. Встрѣтилъ Григоровича. Ходили въ соборы. Открытіе памятника Пушкину.

Іюнь.

5. Представленіе депутаціи въ думѣ. Завтракали въ Славянскомъ базарѣ съ Тургеневымъ, Анненковымъ и пр. Обѣдали съ тѣми же у Тѣстова. Читалъ и разсказывалъ. Вечеромъ въ Эрмитажѣ.

6. Открытіе памятника Пушкину. Въ Страстномъ монастырѣ. Въ Университетѣ. Обѣдъ въ Благородномъ Собраніи. Чтеніе въ Собраніи. Кончили вечеръ съ Таганцевымъ, Сергѣемъ и А. Потѣхинымъ въ Московскомъ.

7. Торжественное засѣданіе въ Благородномъ Собраніи Общества драматическихъ писателей. Обѣдъ въ Собраніи. Говорилъ рѣчь о Пушкинѣ [2]. Вечеромъ въ Эрмитажѣ. Очень холодно.

8. Утромъ былъ у архіерея. Въ Благородномъ Собраніи чтеніе. Обѣдали съ Суворинымъ у Тѣстова. Вечеромъ чтеніе въ

---

[1] Имѣніе В. К. фонъ-Мекка, Можайскаго уѣзда, Московской губеріи.

[2] Къ сожалѣнію, замѣтки Горбунова обычно кратки. Безъ сомнѣнія, онъ написалъ бы свои воспоминанія объ этихъ дняхъ, равно какъ и рѣчь свою отъ имени генерала Дитятина о Пушкинѣ, которая, сколько извѣстно, нигдѣ не сохранилась. О дняхъ этихъ Горбуновъ иногда разсказывалъ, напримѣръ, о столкновеніи Тургенева съ Катковымъ. Ред.

Благородномъ Собранiи. Читалъ сцену въ Корчмѣ. Ночевалъ въ Лоскутной. Ночью безпокоила мелкая пресса.

12. Выѣхалъ въ Тамбовъ. Два концерта. Ужинъ съ Величковскимъ, бесѣда съ Пятковскимъ о Пушкинскомъ днѣ, бесѣда съ Серг. Ст. Жихаревымъ.

23. Заходилъ къ Чичерину [1]. Нарышкинъ [2]. Губернаторъ Фридериксъ и др. Разсказывалъ.

26. Въ Москву. Завтракалъ изъ сундучнаго ряда.

29. Въ Либаву. Началъ купаться.

Iюль.

15. Красновидово. Иллюминацiя и балъ. Серг. Ген. Островскiй острилъ:

По какому мы тракту,
Какъ дѣло пойдетъ...

18. Въ Одессу.

26. Концертъ. Полный театръ.

28. Концертъ. Менѣе удачно. Обѣдалъ у генералъ-губернатора Дрентельна. На крейсерѣ „Москва". На катерѣ на „Турка".

Августъ.

1. Въ Бендеры. Ночевалъ у генерала М. Ф. Петрушевскаго. Вечеромъ разсказывалъ въ Подольскомъ полку. Въ Кiевѣ въ Лаврѣ. Безграмотные памятники. Встрѣтился въ Бахмачѣ съ художникомъ Забѣлло. Провели день чудесно.

7. Въ Либавѣ.

12. Въ Петербургъ.

19. Въ судѣ дѣло Корша.

20. Встрѣтился у Бореля съ Бабстомъ [3], Кокоревымъ и Третьяковымъ.

24. У Сергѣя Максимова жарили грибы. Былъ Семенъ Якушкинъ.

Сентябрь.

11. Бесѣдовалъ съ Ант. Ант. Арцимовичемъ.

14. Много гостей. Пѣли пѣсни. Запѣвалъ Тертiй Ивановичъ.

Октябрь.

6. Бесѣдовали съ Жемчужниковымъ [4] въ Маломъ.

18. Вечеромъ у А. М. Жемчужникова.

19 и 26. Въ Кредитномъ Обществѣ въ пользу Литературнаго фонда.

27. Въ „Лидеръ-Тафель". Разсказывалъ съ большимъ успѣхомъ [5].

31. Игралъ въ бенефисъ Леонидова [6].

---

[1] Вѣроятно, Борисъ Ник. Чичеринъ.

[2] Эмануилъ Дм. Нарышкинъ.

[3] Проф. Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ.

[4] Поэтъ Алекс. Мих. Жемчужниковъ.

[5] Этотъ нѣмецкiй кружокъ не разъ и позднѣе посѣщался Горбуновымъ.

[6] Леон. Львов. Леонидовъ, актеръ. Ред.

Ноябрь.

16. Въ Воскресенье праздновалъ 25-тилѣтній юбилей. Были: Островскій, Григоровичъ, Филипповъ, А. Потѣхинъ и много, много. Григоровичъ и Потѣхинъ говорили рѣчи. Было очень весело.

21. Обѣдалъ у Бореля. Были: Островскій, Филипповъ, Косаговскій, К. Оболенскій, Феоктистовъ, Потѣхинъ, Григоровичъ, Кидошенковъ.

30. У А. С. Суворина большой вечеръ [1]. Много было сказано рѣчей. Говорили: Суворинъ, Филипповъ, Потѣхинъ, А., и др. Пѣли. Было очень весело.

Декабрь.

1. Большой мнѣ привѣтъ въ Лидеръ-Тафель. Были: Христіановичъ, Рюль и др. Поднесли кружку.

4. Вечеромъ у А. А. Потѣхина.

6. Въ Петербургъ пріѣхалъ А. Н. Островскій.

10. Читалъ въ Благородномъ Собраніи „Телемахиду“.

16. Островскій читалъ пьесу для моего бенефиса. Послѣ театра къ Суворину. Сережа сорвался [2].

17. Утромъ у Гербеля.

20. Вечеромъ у Ипполита [3] вечеръ—празднованіе нашей двадцатипятилѣтней дружбы. Былъ Максимовъ.

23. Юбилей Арди.

1881.

Январь.

1. У М. И. Семевскаго. Засталъ въ звѣздѣ.

5. Въ армянской церкви на торжественномъ служеніи.

6. Читалъ въ Купеческомъ клубѣ въ пользу Чистякова.

9. Въ Преображенскомъ полку.

14. Взятъ Ахалъ Теке. Писалъ ночью сцену.

15. Вечеромъ у М. И. Драгомірова. Петрушевскій, Пржевальскій [4].

16. Бенефисъ. Послѣ отправились въ Ярославецъ. Сидѣли до утра.

23. Бенефисъ Нильскаго.

27. Бенефисъ Нади Васильевой.

28. Разсказывалъ въ Благородномъ Собраніи въ пользу бабокъ. Вечеромъ скончался Ф. М. Достоевскій.

31. Провожали Достоевскаго. Съ Максимовымъ и Минаевымъ заходили.

---

[1] Въ честь И. Ѳ. Горбунова.

[2] С. В. Максимовъ.

[3] Ип. М. Тарновскій.

[4] Извѣстный путешественникъ по Азіи. Ред.

Февраль.

1. Читалъ въ Благородномъ Собраніи въ пользу Вейнберга.

3. Писалъ съ меня портретъ Князевъ. Поднесъ книжки своихъ разсказовъ Государю Императору, Наслѣднику Цесаревичу и Герцогу Лейхтенбергскому.

13. Писалъ „Дневникъ дворецкаго“.

14. Разсказывалъ въ Университетѣ. Оттуда къ Серг. Петр. Боткину.

15. Обѣдалъ у Сазонова. Вечеромъ къ Суворину. Кумъ [1] былъ въ куражахъ.

16. Бенефисъ Жулевой.

17. Въ Смольномъ у Зинаиды Игнатьевны.

18. Бенефисъ Стрепетовой. Я не пошелъ.

19. Вечеромъ въ 12 часовъ къ гофъ-маршалу Великаго Князя Владиміра Александровича. Былъ Великій Князь съ Княгиней, Дондуковъ-Корсаковъ, Свѣчинъ, Шуваловъ, Святополкъ-Мірскій. Былъ очень почтенъ.

23. Въ Зимнемъ Дворцѣ. У Леонидова капуста.

25. Въ Варшаву. Встрѣтился съ Антроповымъ [2]. Варшава. Всеволожскій, Истоминъ, Бергъ, Андреевъ, Бутурлинъ, Паскевичъ, генералъ Дандевиль.

Мартъ.

1. Воскресенье. Утромъ пошелъ къ Всеволожскому. Ужасно холодно. Отъ него въ клубъ, побесѣдовалъ съ старшиной Ивлевымъ, выпили бутылку пива. Изъ клуба къ Шлоцеру, приглашать принять участіе въ концертѣ. Отъ него опять въ клубъ—почиталъ газеты и въ два часа отправился къ Истомину обѣдать. Угощеніе было прекрасное. Дорогое венгерское вино. Обѣдали его сыновья и начальникъ телеграфовъ полковникъ Воронцовъ-Вельяминовъ. Послѣ обѣда отправился домой и легъ спать. Въ 8 часовъ въ № вошелъ полковникъ Христіани и пригласилъ меня, отъ имени генералъ-губернатора, придти въ столовую, гдѣ обѣдали бывшіе пажи. Пока одѣвался, вошелъ генералъ Веймарнъ съ тѣмъ же предложеніемъ. Мы вмѣстѣ вышли изъ № и спустились по лѣстницѣ. Обѣдъ былъ въ залѣ подъ № 16. Мы вошли въ переднюю, наполненную солдатами, въ качествѣ швейцаровъ, и военными музыкантами. Лакей обратился къ намъ со словами: „получена депеша сію минуту и всѣ плачутъ“. Я подумалъ, что Государь скончался. Христіани вошелъ въ залу, а я остался въ передней. Черезъ полминуты вошелъ генералъ-губернаторъ Альбединскій весь въ слезахъ. Ему подали пальто. Я вошелъ въ залу. Христіани встрѣтилъ меня словами: „нашего Государя убили“. Я поздоровался съ генераломъ Панютинымъ и Паскевичемъ и поѣхалъ съ Христіани въ русскій клубъ, тамъ я встрѣтился съ Палибинымъ, съ генераломъ Дандевиль и Андреевымъ. Я въ жизни не испытывалъ такого тяжелаго

---

[1] С. В. Максимовъ.

[2] Л. Н. Антроповъ, авторъ „Блуждающихъ огней“. М. П.

чувства. Въ этотъ вечеръ былъ назначенъ въ клубѣ концертъ г-жи Щебальской и былъ отмѣненъ. Вечеръ мы провели у Истомина. Были: Христіани, Воронцовъ [1] и др.

2. Утромъ мгновенно собрался и выѣхалъ въ Петербургъ. Въ встрѣчномъ поѣздѣ, ѣхавшемъ за границу, не знали о смерти Государя. Я сообщилъ черезъ г-жу Эвальдъ. Въ Вильно узналъ подробности отъ жандармскаго полковника. Въ Петербургѣ мрачно. Въ Рябово на охоту.

14. У С. П. Боткина [2]. Разсказывалъ онъ о послѣднихъ минутахъ жизни Государя.

17. Писалъ „Забытый домъ“.

18. Хоронили въ Невскомъ Модеста Мусоргскаго [3]. Послѣ поминали его съ Кузмичемъ Рѣпинскимъ [4] въ Маломъ Ярославцѣ.

25. Читалъ „Забытый домъ“ у Семевскаго.

26. У А. А. Потѣхина.

22. Торжественное собраніе Славянскаго Комитета.

28. Въ конторѣ подписывали адресъ Государю.

Апрѣль.

2. Въ канцеляріи градоначальника смотрѣлъ арестованнаго господина.

3—5. Писалъ.

6. Читалъ „Забытый домъ“ у Феоктистовыхъ.

7. Сдалъ въ типографію.

10. Выѣхалъ въ Москву. Былъ въ Успенскомъ. Служили два архіерея. Огаревъ [5] поставилъ меня на хорошее мѣсто съ П. Лопашевымъ. Обѣдалъ съ Дмитріевымъ и Герардомъ у Оливье. Великая Суббота. Въ Успенскомъ соборѣ. Заутреню стоялъ въ Благовѣщенскомъ. Холодная звѣздная ночь. Зазвонили не во время и ракета пущена не во время. Чудный видъ на Москву рѣку.

13. Засѣданіе Общества Драматическихъ писателей. Съ А. Н Островскимъ, Кашперовымъ и др. ужинать въ Московскій трактиръ. Боборыкинъ шумѣлъ.

15. Островскій читалъ „Свои люди“. Былъ въ театрѣ [6].

17. На птичью выставку. Обѣдалъ съ А. Ф. Кони у Боборыкина.

18. Въ Сыромятники. Обѣдалъ съ Киселевскимъ и Петипа у А. И. Хлудова. Подарилъ ему книгу.

21. Ѣздилъ на Вантѣевку [7]. Остановились у Василья Савельева [8]. Были въ церкви.

25. Обѣдалъ въ Троицкомъ трактирѣ. Утромъ былъ Миша Веневцевъ.

---

[1] Воронцовъ-Веньяминовъ.

[2] Проф. Сер. Петр. Боткинъ. Ред.

[3] Композиторъ.

[4] Сенаторъ Григ. Куз. Рѣпинскій. М. П.

[5] Московскій Оберъ-Полицмейстеръ. Ред.

[6] Островскій читалъ „Свои люди сочтемся“ въ театрѣ близъ памятника Пушкина въ первой редакціи и самъ ставилъ свою комедію. М. П.

[7] Родина Горбунова, село Ивантѣево, Моск. уѣзда.

[8] Вѣроятно одинъ изъ вантѣевскихъ крестьянъ. Ред.

26. На мальчишникѣ у Перфильева.

28. Ѣздили съ Ватсономъ въ паркъ.

30. Съ нимъ же въ Купеческомъ клубѣ. Орловъ разсказывалъ анекдотъ о Лобковѣ и Лужинѣ. Пожарная команда. Выпрашиванiе денегъ. Возитъ съ собой купца полицiймейстеръ [1].

Май.

1. У кн. Долгорукова. Комическiй случай. Вечеромъ въ „Мавританiи“. Слушали Ильку Окай. Долго бесѣдовалъ съ А. Ив. Барановымъ.

2. Послѣ обѣда у кн. Д. Д. Оболенскаго, ходили на пожаръ въ Палашахъ [2].

3. Съ Вышнеградскимъ [3] и Майковымъ въ храмъ Христа Спасителя.

5. Утромъ хлопоталъ о концертѣ. Закусилъ ботвиньемъ у Лопашева. Вечеромъ концертъ. Огромный успѣхъ. Читала Танечка и Никулина. Мельниковъ [4] пѣлъ. Была блестящая публика. Послѣ ужинали въ Славянскомъ Базарѣ. Былъ Боборыкинъ.

7. Къ Троицѣ. Обѣдали въ старой гостинницѣ. Были въ ризницѣ, въ соборѣ. Послѣ отправились въ коляскѣ въ Хотьково. Прiѣхали ко всенощной. Были въ соборѣ. „Воспоимъ Iоанна Прелюбезнаго“.

10. Съ Мельниковымъ въ Тулу. Концертъ.

12. Большой ужинъ за городомъ. Бушевали Дмитрiевъ и Каншинъ.

14. Бесѣдовалъ у Натрускина [5] съ А. Н. Масловымъ [6].

15. Въ паркѣ игралъ Кудряша.

16. Обѣдалъ и ужиналъ у Гламо-Мещерской [7].

17. Съ Мельниковымъ въ Казань.

21. Концертъ.

23. Сѣли на пароходъ „Государыня“. Купецъ Блиновъ воротилъ пароходъ въ Тетюши. Ужасно холодно. На душѣ мракъ и тоска. Въ Саратовѣ. Генералъ, говорившiй стихами.

27. Концертъ. Сборъ полный. Зало скверное. Свистѣли пароходы, лаяли собаки, ругались за перегородкой офицеры [8].

Iюнь.

7. Въ Тамбовѣ. Былъ на бѣгу, а оттуда съ Лихачевымъ на ярмаркѣ. Сцены лошадей. Заходили въ трактиръ съ пѣвицами и цыганками. Вечеромъ былъ въ циркѣ.

9. Концертъ. Былъ въ ложѣ у Фридрихса, вспоминали „минувшiе дни“. Ужинали съ Серг. Степ. Жихаревымъ въ саду.

---

[1] Объ оберъ-полицiймейстерѣ временъ графа Закревскаго, Лужинѣ, ходило множество разсказовъ.

[2] И. Ѳ. Горбуновъ очень любилъ быть въ толпѣ на пожарахъ.

[3] Министръ Финансовъ. М. П.

[4] Извѣстный пѣвецъ Марiинской оперы.

[5] Ресторанъ „Мавританiя“. Ред.

[6] Управляющiй московской удѣльной конторой, прiятель Тургенева, Некрасова и Островскаго.

[7] Актриса.

[8] См. письмо М. Г. Савиной III т., ч. 2. М. П.

10. Встрѣтились на ярмаркѣ съ гр. Н. А. Адлербергомъ [1], провожалъ его на чугунку. Долго бесѣдовалъ съ нимъ объ отставкѣ его родителя, нашего министра.

15. Въ Воронежѣ. Концертъ съ большимъ успѣхомъ.

16. У священника, котораго жена акомпанировала Мельникову.

17. Концертъ съ небывалымъ успѣхомъ. Въ Ростовъ. Концертъ. Комета.

23. Бесѣдовалъ въ клубѣ съ людьми.

28. Въ Москвѣ. Утромъ былъ попъ и Гурій.

29. Въ Минскѣ. Ученая собака.

30. Въ Либавѣ.

Іюль.

6. 16 градусовъ. Волна. Послѣ купанья отправились въ лѣсъ. Варили супъ. Было очень весело. Пропалъ генералъ Басовъ.

10. 15 градусовъ. Необыкновенная волна. Началъ писать въ бесѣдкѣ.

11. 16 градусовъ. Тихо. Вечеромъ ужиналъ въ Кургаузѣ съ Бибиковымъ и офицерами — полковой праздникъ. Писалъ.

18. Поймали оригинальнымъ образомъ вора.

26. Выѣхалъ въ Москву.

28. Въ 7 часовъ утра выѣхалъ съ попомъ на Вантѣевку. Былъ у обѣдни. Пріѣхалъ домой съ послѣднимъ поѣздомъ. На чугункѣ встрѣтился съ Барановымъ [2] и Лагоріо [3].

31. Въ Нижнемъ. Ѣздили по ярмаркѣ и на откосъ. Вечеромъ большой музыкальный вечеръ у Баранова [4] съ ужиномъ. Заѣзжалъ въ театръ къ Киселевскому, оттуда на пароходѣ въ большомъ обществѣ поплылъ внизъ по Волгѣ.

Августъ.

1. Идемъ. Большую часть времени сидѣли на верху. Дмитріевъ, Малютинъ, Ржевскій, Загряжскій, Ададуровъ съ женой, Пустоваловъ, Извольскій и др.

3. Вечеромъ сдѣлали музыкально-литературный вечеръ. Пѣлъ Ададуровъ. Къ ужину принесли огромныхъ стерлядей.

4. Проснулся утромъ въ Жегуляхъ. Утро очаровательное, безъ малѣйшаго облачка. Наслажденіе полное. Изъ Самары въ Москву.

8. Въ Либавѣ.

18. Въ Петербургѣ.

24. У А. К. Кузнецова. Сговорились ѣхать на охоту въ Кривое Колѣно [5].

27. Въ Кривомъ Колѣнѣ. Цѣлый день охотились. Дупеля очень много. Погода очаровательная. Отдыхали подъ сосной. Ходилъ одинъ въ лѣсъ — сидѣлъ на пнѣ. Варили щи и судака. Вечеромъ на охоту я не ходилъ.

---

[1] Сынъ бывшаго Министра Императорскаго Двора.

[2] Асафъ Ив. Барановъ, комерсантъ.

[3] Извѣстный пейзажистъ.

[4] Нижегородскій губернаторъ.

[5] Дупелинное болото на рѣкѣ Волховѣ недалеко отъ Чудова вверхъ по Волхову. Въ началѣ 70-хъ годовъ, по словамъ И. Ѳ. Горбунова, на это болото ѣздили часто А. К. Кузнецовъ, адм. Краббе, поэтъ Некрасовъ и Горбуновъ. По совѣту послѣдняго, это болото арендовалъ гр. Д. С. Шереметевъ. Послѣдніе годы оно было въ арендѣ у кн. Гр. С. Голицына. Ред.

28. Вышли на охоту въ 8 часовъ. Въ 12 дома завтракали. Съ вечерней охоты воротились въ 9 часовъ. Зиновьевъ собралъ хоръ, который пѣлъ подъ нашими окнами. Пѣли всю ночь. Зиновьевъ ходилъ съ хоромъ на Волховъ. Ночь очаровательная, свѣтлая, теплая.

29. Въ 6 часовъ пошли пѣшкомъ на пароходъ. Мужики везли телѣгу съ багажемъ на рукахъ.

30. Анна Алексѣевна[1] подарила мнѣ стихотворенiе Некрасова.

Сентябрь.

5. Долго бесѣдовали съ Терпигоревымъ на балконѣ Палкина трактира. Ночью не спалось. Всталъ въ 4 часа, въ кабинетѣ окно было открыто — тепло, какъ лѣтомъ. Представлялись на сценѣ новому директору[2].

14. Утромъ былъ у Смурова за закусками[3]. Гости начали сходиться въ часъ. Было очень много. Велинбадовъ, Ераковъ, Савина, два Сергѣя и др. Пѣли Давыдовъ и Константиновъ. Представляли Вейнбергъ и Давыдовъ. Вечеръ провелъ у Потѣхина.

19. Обѣдалъ у Савиной. Ѣли грибы. Показывала она мнѣ свою переписку съ Тургеневымъ.

25. Вечеромъ у Демидова. Былъ у него министръ Игнатьевъ, графъ Толстой. Разсказывалъ. Вечеромъ къ Максимову на имянины. Было не особенно весело.

26. Большой обѣдъ у Савиной по случаю 10-лѣтней службы. Смѣшное меню.

27. Утромъ у Михаила Николаевича[4] въ министерствѣ былъ молебенъ, потомъ завтракъ. Празднованiе двухтысячнаго № „Новаго Времени“. Бесѣдовали съ Черняевымъ[5].

28. У Сатина блины. Вечеромъ былъ у Михаила Николаевича Островскаго. Были: Филипповъ, Кидошенковъ, Феоктистовъ. Заходилъ М. Н. Катковъ.

Октябрь.

3. Вечеромъ у Давыдова. Былъ Рубинштейнъ съ женой и др. Имѣлъ большой успѣхъ.

4. Вечеромъ былъ у Суворина. Григоровичъ былъ въ необыкновенномъ ударѣ. Очень хорошо разсказывалъ.

5. Вечеромъ у Потѣхина на имянинахъ. Было очень весело. Были Савина, Давыдовъ, Сергѣй Максимовъ.

9. Бесѣдовали съ Соболевскимъ у Осетрова. Обѣдалъ съ Ковалевскимъ[6] въ Европейской гостинницѣ. Были ректоръ Бекетовъ, Сѣченовъ, Спасовичъ и др.

---

[1] А. А. Буткевичъ, сестра Н. А. Некрасова.

[2] Ив. А. Всеволожскому. М. П.

[3] День имянинъ И. Ѳ. Горбунова.

[4] Генералъ Черняевъ.

[5] М. Н. Островскiй, Мин. Госуд. Имуществъ.

[6] Проф. Макс. Макс. Ковалевскiй. Ред.

10. Обѣдъ въ Эрмитажѣ Марковецкому.

15. Распустилась камелія. Въ первый разъ выѣхалъ въ шубѣ.

17. Обѣдали у насъ: Христіановичъ, князь Суворовъ, В. Н. Всеволожскій.

18. Вечеромъ у Суворина. Былъ Сережа, Григоровичъ, Лѣсковъ.

21. Вечеромъ получилъ телеграмму о смерти матушки.

22. Вечеромъ выѣхалъ въ Москву.

23. У Ишутиныхъ. У Веневцева. Панихида.

24. Похороны.

26. Хотѣлъ ѣхать подъ Бородино и уже доѣхалъ до Рахманова, но долженъ вернуться: мятель.

27. Въ Москвѣ. Вечеромъ читалъ газеты въ Англійскомъ клубѣ и бесѣдовалъ съ Дашковымъ [1] и Бюллеромъ [2].

28. Сидѣлъ у меня до двухъ часовъ Гурій. Выѣхалъ съ курьерскимъ въ Петербургъ.

29. Вечеромъ сидѣлъ у Алек. Ник. Островскаго. Читалъ ему свой разсказъ.

30. Обѣдалъ у Островскаго. Были: Тертій Ивановичъ, Григоровичъ, Феоктистовъ. Готовили уху.

Ноябрь.

2 нояб. У А. Н. Островскаго, отъ него въ Зимній дворецъ справляться о подаркѣ. Видѣлся съ А. М. Жемчужниковымъ и Бахметевымъ въ Маломъ.

6. На бенефисъ Нильскаго, а изъ театра къ А. Н. Островскому [3].

8. У Островскаго съ поздравленіемъ. Разсказывалъ въ Маломъ въ пользу курсистокъ. Обѣдалъ у М. Н. Островскаго. Были: Кидошенковъ, Филипповъ, Феоктистовъ и князь Ю. А. Оболенскій.

9. Вечеромъ разсказывалъ въ Александринскомъ театрѣ, а потомъ бесѣдовалъ съ Атавой [4] въ Палкиномъ.

10. Былъ у А. Н. Островскаго. Вечеромъ въ Маломъ „Ночное“.

13. У А. Н. Островскаго во время обѣда. Вечеромъ у Генерала Цимермана [5]. Были: Фаддѣевъ, Маркевичъ, Крестовскій, Скалонъ, Милюковъ и пр. Извѣстіе о Черевинѣ—въ него стрѣляли.

16. Ночью писалъ разсказъ для бенефиса.

18. Послѣ репетиціи къ А. А. Козлову. Обѣдалъ у Островскаго. Бенефисъ Бурдина. Послѣ въ Палкиномъ бесѣдовалъ съ Минаевымъ и Градовымъ-Соколовымъ.

---

[1] Директоръ Московскаго Румянцевскаго музея.

[2] Директоръ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[3] Въ это время А. Н. Островскій пріѣзжалъ въ Петербургъ и читалъ въ Высочайше утвержденной Коммиссіи для пересмотра законоположеній по всѣмъ частямъ театральнаго вѣдомства свою записку о театральныхъ школахъ. См. „А. Н. Островскій на службѣ при Императорскихъ театрахъ“, воспоминанія Н. А. Кропачева.

[4] С. Н. Терпигоревъ, авторъ „Оскудѣнія“. Ред.

[5] А. Э. Цимерманъ, участникъ Севастопольской кампаніи и войны 1877 года, писатель. М. П.

20. У Григоровича въ музеѣ.

21. Вечеромъ у В. К. Евгенія Максиміліановича. Былъ Сольскій съ женой, В. К. Алексѣй. Имѣлъ большой успѣхъ и прекрасный ужинъ.

22. Вечеромъ заходилъ къ Алексѣю Потѣхину, читалъ новый разсказъ; отъ него въ клубъ приказчиковъ — разсказывалъ въ пользу Алексѣевой. Ужиналъ въ Палкиномъ со Стрѣльскимъ, Киселевскимъ и Рудневымъ.

27. У А. Н. Островскаго. Вечеромъ у А. В. Самойловой. Были у нея художники Богдановъ, Каразинъ и Клеверъ. Клеверъ писалъ картину.

28. У А. Н. Островскаго. Былъ съ Мишей Садовскимъ въ Дирекціи. Обѣдалъ у Козловой. Вечеромъ у П. П. Штеръ.

29. У А. Н. Островскаго. Читалъ въ Благородномъ Собраніи въ пользу гимназіи. Окончаніе суда надъ Маровинскимъ.

Декабрь.

9. У князя Н. Голицына. Были Вел. Князья Николай и Михаилъ Михаиловичи. Имѣлъ большой успѣхъ. Ужиналъ въ Кавалергардской столовой.

11. Вечеромъ „Горькая Судьбина“ со Стрепетовой. Послѣ спектакля на имянины къ Санѣ Нильскому. Напечатанъ въ „Нов. Вр.“ фельетонъ: „Я у С. Бернаръ“.

12. М. Н. Медемъ угощалъ устрицами у Осетрова.

15. Пріѣхалъ вновь А. Н. Островскій.

16. Обѣдъ съ Меккомъ у Бореля. Были братья Пржевальскіе. Вечеромъ „Гроза“ со Стрепетовой. Успѣхъ огромный.

17. У Островскаго. Передавали о „Грозѣ“. Получилъ въ кассѣ деньги съ бенефиса [1.600 р.].

20. У Зиновьева на имянинахъ.

24. Въ Москву.

25. Къ А. Н. Островскому, потомъ къ Надѣ[1]. Отъ нея къ сестрамъ и къ Ишутинымъ. Обѣдалъ у Мекка. Елка. Выѣхалъ въ Петербургъ.

26. Вечеромъ у генерала Цимермана: было много генераловъ съ женами.

27. Вечеромъ бенефисъ Сазонова, игралъ и разсказывалъ „Сарра Бернаръ“. Послѣ театра къ А. Потѣхину.

28. Бесѣдовалъ въ Ярославцѣ съ Пав. Ив. Степановымъ.

29. Утромъ повтореніе бенефиса Сазонова. Вечеромъ „Гроза“. Бесѣдовалъ съ Рѣпинскимъ; а потомъ съ Бергомъ, Всеволодомъ Крестовскимъ въ Ярославцѣ.

30. Цѣлый день писалъ. Вечеромъ „На Ярмаркѣ“ въ Александровскомъ театрѣ. Бесѣдовалъ съ Ге въ Палкиномъ, потомъ въ типографіи—смотрѣлъ новую машину.

---

[1] Н. А. Никулина, актриса. Ред.

1882.

Январь.

1. Выдумалъ хорошее лицо Марка Ивановича.

4. У Семевскаго. Собраніе ученыхъ. Были: Кавелинъ, Костомаровъ, Бычковъ и др. Пріѣхалъ А. Н. Островскій.

5. У Исаакія у вечерни.

6. Вечеромъ у Феоктистовыхъ. Былъ у нихъ Катковъ.

9. Къ гр. Шереметеву. Дѣтскій спектакль. Въ Благородное собраніе въ пользу Сосновскаго, а оттуда ужинать къ Шереметеву. Были: Савваитовъ [1], кн. Вяземскій, Павелъ Петровичъ, Барсуковы и друг.

10. Спектакль въ пользу фонда. Большой успѣхъ.

18. Бенефисъ Струйской. Подносили вѣнки на сценѣ.

19. Вечеромъ въ Маріинскомъ спектакль. Подносили кумѣ Струйской подарокъ.

23. Были съ А. Н. Островскимъ у Ив. Ал. Гончарова. Послѣ у Веселаго. Шумный обѣдъ.

25. На вечерѣ у Кушелева.

30. Завтракали у насъ: Островскій, Максимовъ, Путиловъ, Терпигоревъ, Робушъ, Михневичъ. Были блины.

29. Читалъ въ залѣ Пушкинскаго кружка.

31. Бенефисъ Давыдова. Разсказывалъ съ успѣхомъ. Читать въ залу Кушелева въ пользу педагогичекъ.

Февраль.

1. Литературный вечеръ въ память Достоевскаго.

3. Сдалъ въ типографію „Нов. Врем.“ разсказъ „Съ широкой масляницей“.

5. Разсказывалъ въ Нѣмецкомъ клубѣ въ пользу Алексѣевой.

8. На капустѣ у Леонидова. Преніе объ адресѣ Островскому. Легонько поссорились.

11. Бесѣдовалъ въ Маломъ съ Макаровымъ и ген. Черняевымъ объ рѣчи Скобелевой.

12. За границу.

14. Въ Вѣнѣ.

15. Завтракали у Захера [2] — Стефанъ [3]. Оперетка „Веселая война“ отлично сыграна.

16. Венеція. Меккъ проѣхалъ прямо во Флоренцію. Сыро и темно. Затопили каминъ какими-то корешками.

17. Заѣхали въ тюрьмы. Не произвели онѣ на меня такого впечатлѣнія, какъ въ первую поѣздку.

18. Флоренція. Звонъ къ обѣднѣ. Зелень. Вилла Демидова [4].

20. Арно надувается.

22. Палаццо Уффици. Форнарина [5]. Портретъ русской боярыни. Павелъ III папа похожъ на Филарета. Въ монастырь на горѣ. Площадь. Колодезь. Заходили въ келью. Видъ изъ нея. Садикъ. Аптека, гдѣ приготовляютъ шартрезъ [1].

---

[1] Пав. Ив. Савваитовъ, археологъ.

[2] Лучшій ресторанъ въ Вѣнѣ.

[3] Bier halle.

[4] Pratolino близъ Флоренціи.

[5] Возлюбленная Рафаэля. Ред.

23. Въ Ниццѣ.

25. Ѣздили въ старый городъ, на горѣ. Видъ оттуда чудесный. Шумъ городской. Послѣ обѣда покатались по англійскому променаду [2]. Темно. Три звѣзды.

Мартъ.

1. Зашли съ Меккомъ въ Лондонъ-Гаузъ. Тутъ онъ погибъ. Князь Борисъ Федоровичъ Голицынъ.

2. Ѣздили въ Монте-Карло, гдѣ въ прекрасное общество примкнулъ пьяный Московскій купецъ К. Всю дорогу безпокоилъ меня.

4. Съ Дмитріевымъ во Флоренцію. Церковь Св. Марка. Келья Саванаролы. Церковь Св. Аннунціаты. Въ церкви Св. Марка. Христосъ съ медалями на шеѣ, нѣсколько часовъ и эполетъ. Палаццо Питти.

12. Въ Варшавѣ. Концертъ.

20. Въ Петербургъ. Дѣти обрадовались подарочкамъ.

22. Утромъ долго сидѣлъ у Сазонова.

24. Въ Москву. Великая Пятница. Въ Чудовѣ, въ Архангельскомъ. Съ Танечкой по Ножевой линіи. Вечеромъ у графини Толстой съ В. Соловьевымъ. Великая Суббота. Стояли въ Благовѣщенскомъ. Ударили въ колоколъ раньше, какъ прошлымъ годомъ. Познакомился съ его братомъ Николаемъ Павловичемъ.

Апрѣль.

10. Концертъ въ пользу гимназистокъ—большой успѣхъ.

11. Въ Екатерининскомъ Институтѣ. Большое собраніе у А. А. Потѣхина. Пѣлъ Прянишниковъ, мы съ Давыдовымъ. Было очень весело.

12. Ѣли уху съ Терпигоревымъ въ Палкиномъ.

14. Въ пользу слушательницъ высшихъ курсовъ—успѣхъ.

17. Въ залѣ Демута въ пользу Бѣленихина. Читала съ большимъ успѣхомъ Танечка.

21. Въ пользу Чистякова.

22. Съ Терпигоревымъ. Подарили мы другъ другу книжки.

24. Въ Москву. Дорогой бесѣдовалъ съ В. А. Дашковымъ и профессоромъ Ковалевскимъ.

26. На бѣгу. Въ Стрѣльнѣ. Графъ Гудовичъ [3] съ компаніей выдѣлывалъ колѣна.

Май.

2. Въ Рязань, съ Никулиной и Ермоловой. Спектакль.

4. Цѣлый день съ Аверкіевымъ.

---

[1] Монастырь Certosa.

[2] Promenade des anglais.

[3] Графъ Вас. Вас. Гудовичъ. Ред.

5. Съ Александромъ Ильичемъ и профессоромъ Карповымъ [1] въ Московскомъ.

13. Представлялся князю Долгорукому.

15. Пожаръ въ Челышахъ.

16. У обѣдни у Троицы въ Сыромятникахъ. Бесѣдовалъ въ Базарѣ съ М. Д. Скобелевымъ.

21. Максимовъ потерялъ деньги. Ѣздилъ ихъ отыскивать къ Яру.

25. Въ Петербургъ.

26. Завтракалъ у князя Суворова.

31. Назначеніе Толстого Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Іюнь.

1. Въ Москву.

8. У Троицы, оттуда на лошадяхъ въ Хотьковъ, тамъ встрѣтилъ Абаринову съ дочерью.

9. На Воробьевы горы. Пожаръ въ Москвѣ.

12. Въ Кусковѣ у графа Шереметева.

13. На лодкѣ на Воробьевы горы. Встрѣтилъ тамъ Левицкаго и Спасовича.

14. Погребеніе митрополита Макарія.

25. Красновидово. Узналъ въ саду о смерти Скобелева.

26. Служили въ Старомъ селѣ панихиду. Въ Красновидовѣ [2].

Іюль.

11. Къ Ильину въ с. Быково, по Рязанской желѣзной дорогѣ. Очаровательный домъ.

17. Въ Бородино. Разсматривалъ книгу посѣтителей.

26. Въ Петербургъ.

28. Въ Вантѣевку [3]. Выѣхалъ съ утра. Утро великолѣпное, жаркое. Изъ-за лѣсу слышался перезвонъ. Передъ обѣдомъ гулялъ по всему селу; былъ на плотинѣ, на рѣкѣ. Послѣ обѣдни у попа, у Буланова, у Сергѣя Герасимовича; у старшины. На фабрикѣ Ас. Ив. Баранова.

30. Дорогой съ ямщикомъ объ разбойникахъ.

Августъ.

8. Въ Петербургъ.

11. Вечеромъ въ таборѣ въ Самаркандѣ. Весь вечеръ бесѣдовалъ съ цыганкой, дочерью Ивана Васильевича. Много она сообщила мнѣ интереснаго о своемъ языкѣ и нравахъ [4].

---

[1] Ген. Ѳед. Карповъ, русскій историкъ.

[2] За время мѣсячнаго пребыванія въ Красновидовѣ и Можайскомъ уѣздѣ упоминаются: катанье на лодкѣ, на сѣнокосѣ, охота на тетеревей, рыбная ловля, шашлыки, пѣніе подъ гитару.

[3] Родина Горбунова.

[4] М. И. Соколова, дочь извѣстнаго гитариста Ив. Вас. Соколова, стараго цыгана, принадлежавшаго къ даровитой цыганской семьѣ Соколовыхъ, изъ которыхъ особенно былъ извѣстенъ въ Москвѣ Федоръ Соколовъ, была крестной дочерью И. Ѳ. Горбунова. Она сообщила, что Горбуновъ не разъ съ ней бесѣдо-

22. Съ дѣтьми на Бородинѣ. Въ Петербургъ.

27. Съ А. К. Кузнецовымъ въ Кривое Колѣно [1]. На Волховской пристани парохода не застали и поѣхали на лодкѣ лямкой.

29. Дупеля очень мало. Вечеромъ подъ окнами дѣвки и парни дѣлали представленіе. Въ пять часовъ, сопровождаемые пѣснями, пошли на пароходъ. На Волховѣ сѣли въ багажный вагонъ и доѣхали до Чудова. Въ Чудовѣ встрѣтилъ Бередниковъ.

Сентябрь.

4. Савина разсказала чудесный анекдотъ объ ящерицѣ.

25. У Максимова на имянинахъ. Говорилъ во всю силу.

Октябрь.

11. Началъ писать записки.

14. У Курочкина по поводу юбилея Маслова.

23. Вечеромъ у герцога Лейхтенбергскаго. Ошибкой проѣхалъ во дворецъ Ольденбургскаго, были: Евгенія Максимиліановна, графъ Перовскій, Великій Князь Алексѣй. Очень меня привѣтствовали.

Ноябрь.

4. Вечеромъ у Филиппова. Былъ Министръ Народнаго Просвѣщенія Деляновъ, Оберъ-Прокуроръ Побѣдоносцевъ, Бычковъ, графъ Шереметевъ.

15. У Минаева [2]. Вечеромъ бесѣдовалъ съ Барсуковымъ въ Маломъ. Онъ задумалъ трудиться надъ Погодинымъ.

17. Среда. Вечеромъ у графа Шереметева, С. Д. Было очень весело. Читалъ поддѣльный дневникъ [3]. Былъ Савваитовъ и др.

18. Карповъ [4] давалъ обѣдъ у Палкина. Были: братья Барсуковы, графъ Шереметевъ, Ратынскій и Штендманъ [5].

24. Вечеромъ къ принцессѣ Ольденбургской. Были: графъ Лорисъ-Меликовъ, сенаторъ Ковалевскій. Имѣлъ большой успѣхъ. Читалъ во второй разъ дневникъ. Послѣ бесѣдовалъ съ бр. Барсуковыми и Савваитовымъ въ Маломъ.

Декабрь.

5. Вечеромъ у Суворина, снесъ статью „Дневникъ Дворецкаго“.

14. У Михневича. Былъ Сережа Максимовъ, Плещеевъ, Вейнбергъ, Боборыкинъ и др.

валъ и однажды взялъ составленную отцомъ ея, Ив. Вас. Соколовымъ, „Цыганскую азбуку“, которую передалъ Григорьеву. Гдѣ эта азбука теперь, М. И. Соколова не знаетъ. Показывала она также гитару, подаренную ея отцу Булгаковымъ въ Москвѣ.

[1] Дупелинное болото см. выше, примѣч. на стр. 437.

[2] Поэтъ.

[3] Вѣроятно, это „Дневникъ дворецкаго“, см. т. II.

[4] Ген. Ѳед. Карповъ, русскій историкъ.

[5] Геор. Ѳед. Штендманъ, секретарь Русскаго Историческаго Общества.

Ред.

15. Въ Преображенскомъ полку. Были Великіе Князья Павелъ Александровичъ и Николай Михаиловичъ.

18. Торжественный обѣдъ въ Малоярославцѣ. Максимовъ утромъ прислалъ корректуру „Крещенье“.

23. Бесѣдовалъ съ Полѣновымъ архитекторомъ, въ Ярославцѣ.

24. Вечеромъ у Варламова всенощная на дому.

26. Были у насъ Корганова и Бравура.

30. Обѣдъ у Михаила Николаевича Островскаго въ честь Ѳеоктистова. Были: Григоровичъ, Филипповъ, Кидошенковъ. Правилъ корректуру „Мысли въ слухъ на парадномъ подъѣздѣ“.

31. Къ Суворину. Было очень весело.

1883.

Январь.

10. У С. П. Терпигорева. Ѣли соленыхъ утокъ.

12. Вечеромъ у П. И. Вейнберга. Были: Д. В. Григоровичъ и П. Д. Боборыкинъ; вспоминали домъ графа Кушелева-Безбородко.

20. У Семевскаго. Очень долго бесѣдовали о портретѣ генерала Дитятина. Обѣдалъ у Ратынскаго въ честь Барсукова. Были: Бычковъ и графъ Шереметевъ, бр. Барсуковы, Іонинъ, Штендманъ и др.

28. У князя Плат. Серг. Оболенскаго. Вся семья Оболенскихъ была у него.

30. Утромъ въ Академіи Наукъ на торжественномъ засѣданіи.

31. Бесѣдовалъ съ Максимовымъ и Лѣсковымъ въ „Маломъ Ярославцѣ“.

Февраль.

3. Въ Археографической комиссіи: бесѣдовалъ съ А. Ил. Тимофѣевымъ. Вечеромъ у гр. Сумарокова: бесѣдовалъ съ княземъ Юсуповымъ. Послѣ вечера со Стаховичемъ у Пивато.

5. Написалъ сцену для бенефиса Маруси Савиной. Читалъ въ комитетѣ. Слушали: Потѣхинъ, Григоровичъ, Зотовъ, Давыдовъ, Плещеевъ.

6. Бенефисъ Савиной. Разсказывалъ неудачно.

7. Обѣдъ у Додона. Были: принцъ А. П. Ольденбургскій, герцогъ Ю. М. Лейхтенбергскій, графъ Шереметевъ и египтянка.

8. На Петербургской сторонѣ въ клубѣ. Играли „Горе отъ ума“: очень скверно.

11. Обѣдалъ у кавалергардовъ.

12. Смотръ войскамъ. Обѣдъ медицинскихъ студентовъ. Шумно... Сорокинъ предложилъ за меня тостъ. Разсказывалъ со стула. Послѣ запѣвалъ: „Внизъ по матушкѣ“... Вечеромъ у доктора Робуша съ семействомъ.

14. Завтракали у С. Д. Шереметева въ подвалѣ. Были: Володя Шереметевъ, Борисъ Сергѣевичъ [1], Барсуковы, Черевинъ, Ратынскій. Пили драгоцѣнное вино.

---

[1] Б. С. Шереметевъ, авторъ романса „Я васъ любилъ“. Ред.

15. Вечеромъ у Ратынскаго. Были: Б. С. Шереметевъ, С. Д. Шереметевъ, А. Н. Похвисневъ. Графъ Голенищевъ читалъ свою поэму.

19. Читалъ въ залѣ Кредитнаго Общества въ пользу школы Достоевскаго, въ залѣ Кононова въ пользу высшихъ курсовъ, въ залѣ Благороднаго Собранія въ пользу Сосновскаго.

20. Утромъ у Христіановича читалъ разсказъ „Утро холостого человѣка“. Съ Никитой и Марусей въ балаганы. Смотрѣли пьесу „Вѣщій Олегъ“.

23. Читалъ въ Благородномъ Собраніи въ пользу одной дѣвицы. Изъ участвующихъ никто кромѣ меня не явился.

Мартъ.

1. Вечеромъ у Семевскаго. Были у него: П. П. Карцевъ, Самойловъ, генералъ Вороновъ [1], Градовскій, Ив. Тер. Оленинъ и др. Читалъ начало своихъ мемуаровъ.

4. Въ Москву.

9. У Вейдла на сборищѣ актеровъ. Боже что за собраніе!

15. Съ Музелемъ у Островскаго. Въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“. Разсказывалъ и имѣлъ громадный успѣхъ.

16. У Садовскаго завтракалъ, вечеромъ въ Русскомъ театрѣ. С. А. Бернаръ заставила почти силой разсказывать. Принятъ былъ великолѣпно, разсказывалъ средственно.

27. Вечеромъ читалъ въ пользу студентовъ въ Большомъ театрѣ. Большой пріемъ. Къ Хлудову. Читалъ въ пользу Чіампи [2].

30. Концертъ въ Славянскомъ Базарѣ. Необыкновеннаго слышалъ чтеца.

Апрѣль.

2. Въ Славянскомъ Базарѣ. Съ актерами. У Модеста Писарева „пельмени“.

4. Бесѣдовалъ съ Іонинымъ [3].

6. Въ Петербургъ.

12. Въ Москву.

15. Великая пятница. Въ Успенскомъ соборѣ. Служилъ Алексѣй: крестный ходъ съ плащаницей изъ Чудова. Іоанникій говориль проповѣдь.

16. Завтракалъ съ Садовскимъ у Чугуннаго моста. Къ заутренѣ. Кремль весь застроенъ. Грязно. Къ заутренѣ не попали и заутреню стояли въ манежѣ.

17. Къ Островскому. Встрѣтились съ Макшеевымъ и были съ нимъ у Вильде и у Садовскаго.

22. У Ададурова—его рожденіе. Вечеромъ: читалъ въ залѣ

---

[1] Комендантъ Динабургской крѣпости. М. П.

[2] Въ альбомахъ Горбунова сохранялся портретъ Чіампи съ слѣдующей подписью: Al grande Artisto Gorbounoff ricardo di Stima ad'Amicicia del suo affo amico G. Ciampi 1883.

[3] Посолъ въ Бразилии, авторъ книги „По Южной Америкѣ“. Ред.

Хлудова въ пользу Биженчи. Бесѣда съ Правдинымъ, Максимовымъ и др. въ Славянскомъ Базарѣ.

29. Красновидово. Меккъ спускалъ пароходъ.

Май.

3. Экзаменъ въ Красновидовской школѣ. Штатный смотритель.

5. Экзаменъ въ Набилковскомъ училищѣ. И. М. Гедеоновъ и все начальство. Разсказывалъ въ залѣ.

6 и **9.** Разсказывалъ въ Маломъ театрѣ.

10. Пошли смотрѣть въѣздъ Государя. Стояли у Василія Блаженнаго и все видѣли. Послѣ смотрѣли на движеніе у Москворецкаго моста.

11. Встрѣтился съ художникомъ Зичи. Ужиналъ съ Владиміромъ Петровичемъ Погожевымъ въ Московскомъ трактирѣ.

12. Завтракалъ съ Самаринымъ, Садовскимъ и Макшеевымъ у Егорова. Въ Кунцево къ Солдатенкову. Послѣ спектакля бесѣдовалъ съ княземъ Чингизомъ, Погожевымъ и др.

14. Бесѣдовали съ Ив. А. Грейгомъ, командиромъ Яхты „Держава“, Лазаревымъ и Шестаковымъ.

15. Воскресенье. Коронація. Небо сѣрое. На трибунѣ былъ половина седьмого. Невозможно описать торжества. Встрѣтились съ Т. И. Филипповымъ, С. Д. Шереметевымъ и др. Послѣ вышли въ Боровицкія ворота и Кремлевскимъ садомъ. Встрѣтилъ у Тѣстова художниковъ Боголюбова, Маковскаго, Богданова, Каразина, потомъ Бочарова. Заходилъ къ Потѣхину. Вечеромъ съ крыши Славянскаго базара смотрѣлъ иллюминацію и были въ саду Эрмитажъ. Встрѣтилъ тамъ Погожева, Садовскаго и др.

16. Обѣдалъ съ художниками въ Роше де-Конкаль. Были: Григоровичъ, братья Маковскіе, Клеверъ, Каразинъ, Крамской и др. Вечеромъ разсказывалъ въ Маломъ театрѣ. Въ Славянскомъ базарѣ съ Потѣхинымъ, Садовскимъ и Ленскимъ. Сцена у Арбатскихъ воротъ съ городовымъ.

18. Бесѣдовалъ съ Мордвиновымъ и Тихменевымъ о поѣздкѣ въ Новой Іерусалимъ.

19. Въ Славянскомъ базарѣ встрѣтился съ Черевинымъ, Дандуковымъ-Корсаковымъ, Борисомъ Фед. Голицынымъ, Тимашевымъ, Исаковымъ, кн. Голицынымъ-Прозоровскимъ. Угощали они меня кахетинскимъ.

20. Завтракали у Мельникова: Григоровичъ, Потѣхинъ, Чингисъ-Ханъ, Мишенька Скалонъ. Заходилъ Кохановъ. Ѣли паровую стерлядь. Чингисъ разсказывалъ о путешествіи покойнаго Государя.

21. На Ходынкѣ.

24. Вечеромъ былъ у кн. Голицына на Никитской. Большое общество. Были: Хитрово, князь Васильчиковъ.

29. Въ Красновидово. Сирень во всей силѣ, ландыши тоже. Купался. Шашлыкъ. Ловилъ рыбу. Соловей продолжаетъ пѣть.

Іюнь.

9. Въ Набилковское училище. Гулялъ съ воспитанниками въ саду.

17. Купался противъ Тайницкой башни. Выѣхалъ въ Воронежъ.

18. Концертъ, неудачный.

19. Въ монастырѣ. Черезъ Москву въ деревню.

25. Цѣлый день писалъ. Вечеромъ въ Рохманово пріѣхалъ Меккъ. Стрѣляли изъ пушекъ.

26. Загорѣлось Горѣтово. Поѣхалъ съ Варженевскимъ [1] на пожаръ. Меккъ уже былъ въ огнѣ со своими трубами и распоряжался отлично. Послѣ были у Бутакова. Отъ него къ Варженевскому и пробыли у него цѣлый день.

28. Въ Рязани. На Окѣ я въ первый разъ.

29. Берега веселые.

30. Подошли къ Касимову. Мечеть. Проѣхали по базару. Пили чай у Наставина. Съ Гекишемъ были въ колоніальной лавкѣ. Чудный купецъ. Въ 11 часовъ стали на якорь у Елатьмы. Писалъ въ каютѣ „Торбаниста“.

Іюль.

1. Утромъ въ Муромѣ. Прошли мимо Карачарова. Проѣхали отличное село. Ворсма, потомъ Павлово. Покупали ножи.

2. Въ Нижнемъ. На откосѣ. Вечеромъ въ Москву.

4. Въ Красновидовѣ. Липа въ полномъ цвѣтѣ—благоуханіе.

5. Писалъ.

13. Пускали воздушные шары.

15. Иллюминація въ саду.

16. Въ лѣсу жгли фальшфейеръ.

24. Выхлопоталъ священнику къ празднику подарокъ.

29. Въ Нижній.

Августъ.

1. Петербургъ.

2. Читалъ свой разсказъ „Бургезъ“ Буренину, очень понравилось.

3. Въ Москву. Съ Садовскимъ завтракали въ Охотномъ ряду въ трактирѣ Воронина.

5. Красновидово. На меня напалъ говорунчикъ и я былъ очень остроуменъ.

7. Въ Можайскъ. Крестный ходъ. Епископъ Мисаилъ.

9. Въ церкви въ Старомъ селѣ: разбирали утварь для освященія.

11. На бѣгунцахъ въ Бородино. Записалъ много интереснаго изъ книги для посѣтителей.

---

[1] Алекс. Конст. Варженевскій, Можайскій уѣздный предводитель дворянства, одно время предсѣдатель Можайской уѣздной земской управы. Ред.

14. Въ Можайскѣ на станціи бесѣдовалъ съ кн. Д. Д. Оболенскимъ [1].

15. Москва. У обѣдни въ храмѣ Христа Спасителя въ первый разъ по освященіи.

16. Къ Троицѣ.

17. Въ Троицкомъ соборѣ, въ Виѳанію, въ скитъ. Братія за трапезой. Пилъ чай у отца Александра въ келіи.

21. Въ Петербургъ.

23. Узналъ отъ Терпигорева о смерти Тургенева.

29. Панихида въ театральномъ училищѣ.

Сентябрь.

2. Въ Казанскомъ. Никакой торжественности не было.

10. Торжественная панихида въ Казанскомъ соборѣ по Тургеневѣ. Сидѣли съ Васей у Доминика, съ нами былъ Аркадій Сатинъ.

14. Было очень много гостей.

16. На кругломъ островѣ на охотѣ.

19. Напечаталъ фельетонъ V-й „Изъ деревни“.

25. Къ Сережѣ на имянины. Спорили все о Тургеневѣ.

27. Въ 8 часовъ на Варшавскую дорогу. Встрѣча Тургенева. Шелъ съ вѣнкомъ. Съ Максимовымъ и Михневичемъ поминали, бесѣдовали въ трактирѣ. Ѣли блины.

28. Литературный вечеръ въ память Тургенева.

30. Обѣдали у Лѣскова.

Октябрь.

3. У Давыдова. Читалъ скучную пьесу Ѳедотова.

6. Бесѣдовалъ съ Павл. Вас. Анненковымъ.

9. Съ Ив. Ив. Шанинымъ.

22. Въ Псковъ на концертъ. Ужиналъ у губернатора Прутченко.

25. Съ Сережей пили чай въ Толмазовомъ [2].

26. Къ Минаеву на имянины. Очень было скучно.

Ноябрь.

14. Правилъ корректуру „Птицеловъ“.

15. Утромъ приходили съ приглашеніемъ принцессы Ольденбургской, Евгеніи Максимиліановны.

19. Писалъ для „Новостей“.

22. Былъ флигель-адъютантъ Палтовъ. Звалъ 6 въ Экипажъ Гвардіи.

24. Послалъ краски театральныя въ Каргополь.

Декабрь.

1—8. Писалъ.

26. У Ратынскаго: Полонскій, гр. Шереметевъ, братья Барсуковы, Благовѣщенскій.

---

[1] См. выше воспоминанія кн. Д. Д. Оболенскаго.

[2] Трактиръ въ Толмазовомъ переулкѣ, нынѣ не существующій. Ред.

28. Былъ у насъ графъ С. Д. Шереметевъ.

31. Вечеромъ у Суворина. Было весело. Пріѣхалъ изъ Москвы Андреевъ-Бурлакъ и разсказывалъ. Былъ кумъ Сережа.

1884.

Январь.

1. Снѣжно и сугробисто. У М. Н. Островскаго на выходѣ.

5. Съ Васей Максимовымъ въ Армянскую церковь.

6. Вечеромъ у гр. Шереметева: былъ дѣтскій спектакль. Государь, Императрица, Наслѣдникъ, принцъ Ольденбургскій и Евг. Максимиліановна были. Разсказывалъ. Государь и Императрица очень меня привѣтствовали. Послѣ ужинали: Ратынскій, Толстой и др. Очень было весело. Домой поѣхали съ братьями Барсуковыми.

9. Бунтъ въ театрѣ по случаю адреса антрепренеру. Обѣдали у Донона. Были: пр. Ольденбургскій, герц. Е. М. Лейхтенбергскій и Г. М. Лейхтенбергскій, Влад. Ал. Шереметевъ, Черевинъ и египтянка.

13. Обѣдали со всѣмъ семействомъ у Веселаго.

14. У Мих. Ник. Островскаго. Былъ у него директоръ Азіатскаго департамента Зиновьевъ. У Христіановича, рожденіе его.

15. Съ Танечкой на костюмированномъ балу у Суворина. Было очень весело. Вечеръ шелъ оживленно. За ужиномъ сидѣли мы дружно. Домой воротились въ $^{1}/_{2}$ шестого. Танечка много танцовала.

24. Танечка въ первый разъ вышла на сцену.

28. Въ Казанскомъ соборѣ панихида по С. И. Турбинѣ. Поминки въ Коммерческой гостинницѣ.

29. У Христіановича. Было очень весело. Много явилось: Сережа, Вася, Герцогъ, Тимофѣевскій, Каргановъ. Лалошъ привезъ капусту. Былъ я въ большомъ расположеніи.

31. Бесѣдовали съ Сережей Максимовымъ въ Толмазовомъ.

Февраль.

2. Снесъ въ „Новое Время“ статью „Свои люди“.

6. Писалъ разсказъ для бенефиса Савиной. Снесъ его къ Потѣхину и у него обѣдалъ.

7. Вечеромъ собраніе у Михневича, блины.

8. Бенефисъ Савиной въ Большомъ театрѣ. Въ первый разъ послѣ болѣзни вышелъ на сцену съ палкой. Былъ Государь. Очень мнѣ апплодировалъ. Послѣ заходилъ къ Ѳ. Бергу. У него были: Майковъ, Милюковъ и В. Крестовскій.

9. Обѣдалъ у Миночки Тарновскаго по родственному.

10. Писалъ статью для Нов. Врем.—„Бѣдность не порокъ“. Вечеромъ засѣданіе Общества у графа Шереметева. Тамъ ужинали. Были: князь Вяземскій, профессоръ Помяловскій, Штендманъ, братья Барсуковы и др. Послѣ бесѣдовали съ Н. П. Барсуковымъ у Пивато—ѣли устрицы.

12. Обѣдъ у Бореля докторовъ. Разсказывалъ со стула и запѣвалъ.

13. Завтракалъ у С. Д. Шереметева въ погребѣ. Были: принцъ Ольденбургскій, С. А. Шереметевъ, Черевинъ, графъ Перовскій. Послѣ обѣдъ у Дононъ. Принцъ Ольденбургскій, С. А. Шереметевъ, С. Д. Шереметевъ, Черевинъ и двѣ египтянки.

14. Блины у Маруси Савиной. Б. Ѳ. Голицынъ, Шереметевъ и Черевинъ.

15. Проводилъ время на блинахъ у И. В. Рукавишникова. Вечеромъ у графа Шереметева. Былъ Як. Петр. Полонскій. Былъ я въ большомъ расположеніи. Долго разсказывалъ.

16. Завтракали у Пивато: братья Барсуковы, кн. Вяземскій и др.

18. Обѣдалъ у Дононъ. Были: принцъ Ольденбургскій, Георгій Максимильяновичъ, Николай Николаевичъ Младшій, гр. Шереметевъ и двѣ египтянки. Была гитара. Заѣзжалъ прощаться Сергѣй Алексѣевичъ Шереметевъ.

20. Капуста въ Коммерческой гостинницѣ. Была почти вся труппа. Разсказывалъ съ успѣхомъ.

22. Въ первый разъ пошелъ совершенно свободно.

23. Вечеромъ были я, два Сергѣя—у Самойлова.

26. Послалъ письмо Н. В. Бергу. Вечеромъ у Ѳеоктистовыхъ. Былъ у нихъ Гурко съ женой, М. Н. Островскій. Я разсказывалъ и читалъ свой очеркъ и имѣлъ большой успѣхъ.

Мартъ.

1. Писалъ четвертую статью изъ моего дневника.

2. Вечеромъ у Сережи Максимова. Были у него: Лѣсковъ, братья Потѣхины и др. Ѣли солянку изъ красной капусты.

3. Завтракали у Пинчера. Были: С. С. Жихаревъ, Аркадій Сатинъ, Ленстремъ.

5. А. Н. Островскій представлялся Государю.

7. Въ Москвѣ. Проѣхался черезъ Крымскій бродъ по Замоскворѣчью. Вечеръ провелъ у Ишутиныхъ.

10. Въ Красновидово.

11. Воскресеніе. Исповѣдывались и пріобщались.

14. Бесѣдовалъ съ Садовскимъ въ Славянскомъ базарѣ. Вечеромъ былъ въ Набилковскомъ, а потомъ у Ишутиныхъ.

17. Суббота. Обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ. Были: В. С. Перфильевъ, А. А. Козловъ. Послѣ бесѣдовали въ отдѣльной комнатѣ.

18. Въ Набилковскомъ училищѣ. Поднесли мнѣ хлѣбъ-соль.

22. Завтракалъ въ Славянскомъ базарѣ съ кн. В. В. Оболенскимъ. Вечеромъ заѣзжалъ къ Петру Ивановичу Бартеневу—не засталъ.

23. Обѣдалъ у В. С. Перфильева съ С. П. Яковлевымъ. Заходилъ навѣстить П. В. Шумахера, онъ живетъ на верху у Перфильева. Разсказывалъ въ Николаевскомъ институтѣ въ воспитательномъ домѣ. Были: почетные опекуны Уньковскій и Нейтгардтъ. Полный успѣхъ. Закусили послѣ въ Славянскомъ Базарѣ съ кн. Оболенскимъ.

24. Суббота. Обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ. Бесѣдовалъ съ В. А. Дашковымъ. Разсказывалъ.

25. У обѣдни въ Шереметевской. Стоялъ въ алтарѣ. Завтракалъ у Бориса Сергѣевича Шереметева. Обѣдалъ у Д. П. Боткина, отъ него къ Губонину. Взрывъ газа на Успенскомъ мосту.

27. Обѣдали съ Соболевскимъ у Тѣстова.

28. Обѣдалъ съ А. Г. Кузнецовымъ въ Эрмитажѣ. Были: М. П. Ѳедоровъ и Костя Маковскій. Были всѣ въ духѣ.

29. Завтракалъ у Минодоры Петровны.

30. Концертъ въ Рязани. Были: Надя, Волгинъ, Правдинъ и Грековъ. Полный успѣхъ. Послѣ ужинали въ гостинницѣ съ Рязанской интеллигенціей.

Апрѣль.

1. Обѣдъ въ Эрмитажѣ съ сотрудниками „Русскихъ Вѣдомостей“. Познакомился съ Муромцевымъ [1] и др.

2. Обѣдалъ у Влад. Ив. Танѣева. Былъ П. И. Танѣевъ.

4. Великая среда. У двѣнадцати евангелій въ Набилковской церкви; послѣ пили чай у директора училища.

6. У вечерни въ Успенскомъ. Служилъ Алексѣй. Вечеромъ у Садовскаго съ Ганешинымъ. Отъ него поѣхали къ заутрени въ новый соборъ. Служилъ митрополитъ.

7. Завтракалъ съ Садовскимъ у Чугуннаго моста. Былъ Губонинъ, Николай. Къ заутренѣ съ Володей. Холодно. Стояли съ Островскимъ въ Благовѣщенскомъ. Въ Набилковскомъ училищѣ. Бесѣдовалъ съ священникомъ. Ученики пѣли концертъ: „Пріидите новаго винограда“.

8. У Асафа Баранова, потомъ у Кузнецова въ новомъ домѣ.

9. Читалъ въ Дворянскомъ собраніи въ пользу какого-то общества, потомъ въ консерваторіи въ пользу Шумахера.

11. Въ Петербургъ.

12. Былъ у Христіановича. У него былъ Н. П. Розовъ. Очень весело провели время.

18. Цѣлый день писалъ о Флоренціи. Передъ вечеромъ чичиталъ въ дешевыхъ квартирахъ въ пользу не знаю чью.

21. Въ Невской лаврѣ: похороны В. А. Потѣхина.

22. Обѣдалъ у Поскочина.

23. Былъ въ окружномъ судѣ. Процессъ горной банды.

24. У Ратынскаго. Послѣдній его вторникъ въ этомъ сезонѣ.

25. Обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ у Солдатенкова.

26. Вечеромъ у Рѣпинскаго, было очень весело.

29. Дебютъ Свободина „Бѣдность не порокъ“.

Май.

2. Погода ужасная: снѣгъ, вѣтеръ. Очень тяжело.

4. Утромъ былъ у А. А. Краевскаго.

---

[1] Серг. Андр. Муромцевъ, проф. Ред.

5. У Потѣхина просилъ отпускъ. Обѣдалъ съ Перловымъ у Дюссо.

6. Въ клубѣ на Петербургской сторонѣ въ пользу актера Локтева.

7. Первый весенній день, тепло и свѣтло. Утромъ въ Академіи на выставкѣ.

8. Вечеромъ были у насъ: Ратынскій, графъ Шереметевъ, братья Барсуковы. Ратынскіе прислали мнѣ коверъ.

9. На имянинахъ у Веселаго и Арди. Вечеромъ у Веселаго на балу.

12. На цвѣточной выставкѣ.

13. На открытіи школы наборщиковъ. Вечеромъ у Семевскаго. Читалъ „Флоренція“ и др.

14. Обѣдалъ съ Н. П. Барсуковымъ въ Ярославцѣ.

22. Выѣхалъ съ Потѣхинымъ въ Кіевъ.

23. Въ Софійскомъ соборѣ, у Золотыхъ воротъ. Ходили по террасѣ у Андрея Первозваннаго.

24. Въ Лаврѣ, въ пещерахъ, у Варвары Великомученицы, на Подолѣ, въ Братскомъ монастырѣ. Встрѣтились у Дьякова съ Плат. Вас. Павловымъ. Были на диспутѣ въ университетѣ. Выѣхали въ Одессу.

25. Любовались моремъ.

27. Въ соборѣ. Служили два архіерея. Обѣдалъ у Кривцова на дачѣ.

28. Завтракалъ съ Потѣхинымъ у Ящука. Провожали его въ Севастополь. Пароходъ „Коцебу“.

29. Былъ у П. Косаговскаго. Съ полковникомъ Вишневскимъ въ Благородномъ собраніи.

30. Вечеръ въ лагерѣ въ столовой сапернаго батальона. Утромъ въ портѣ у Перелогина.

31. У генерала Луберроона.

Іюнь.

9. Концертъ. Съ полнымъ успѣхомъ.

12. Въ Николаевъ.

15. Концертъ отвратительный, совершенно пустой.

17. Въ Одессу. Бралъ ванны. Грязь. Писалъ.

Іюль.

11. Читалъ по просьбѣ больныхъ.

17. Читалъ въ пользу чью-то по просьбѣ прокурора Марковича.

25. Выѣхалъ въ Москву. Провожало семейство Кривцовыхъ и многіе.

31. Въ Петербургѣ.

Августъ.

12. Напечаталъ фельетонъ „Милая дѣвушка“.

25. Въ вокзалѣ въ пользу Артистической кассы.

30. Съ Танечкой на имянинахъ въ Смольномъ монастырѣ.

Сентябрь.

4. Вечеромъ былъ у Робуша. „Зашла бесѣда наша за ночь“.

7. Украшалъ свою комнату картинками.

16. На открытіи типографіи Суворина. Говорилъ рѣчь.

20. Утромъ съ Васей Максимовымъ на Черной рѣчкѣ у Атавы, тамъ и обѣдали.

22. Собраніе у художника Зичи, по случаю юбилея Самойлова. Послѣ съ Островскимъ и барономъ Клодтомъ въ Палкинѣ. Затменіе луны.

24. Получилъ изъ Каргополя семгу.

26. Посѣтилъ суда: „Стрѣльну“, „Африку“, „Онѣгу“.

27. Скончался Сергѣй Филипповичъ [1]. Дружба съ нимъ началась 4 Октября 1860 года.

Октябрь.

5. Юбилей Самойлова: въ театрѣ былъ герцогъ Лейхтенбергскій, Евг. Мак. Звали меня къ себѣ вечеромъ. На сценѣ я былъ гримированъ княземъ Тугоуховскимъ.

7. Обѣдъ въ квартирѣ Геинъ Наумовичу и Площанскому, были: Филипповъ, Стояновскій, Бычковъ, Сухомлиновъ, бр. Кирилловы и др. Говорилъ рѣчь и разсказывалъ. Послѣ съ Филипповымъ, къ Дуану на репетицію пѣнія.

14. У Суворина имѣлъ большой успѣхъ въ разсказахъ съ Латинскимъ цитатомъ.

16. Писалъ разсказъ для бенефиса Арди.

17. Въ бенефисѣ Арди разсказывалъ. Большой успѣхъ.

23. На спускѣ военнаго судна „Витязь“.

24. У Берга. Были: Майковъ, Маркевичъ и др.

26. У Островскаго. Пріѣхалъ Александръ Николаевичъ. Обѣдали у него: Ераковъ, Веневцевъ, братья Максимовы.

Ноябрь.

2. Вечеромъ были у насъ всѣ Струйскія. Обѣдалъ у насъ Заешниковъ и докторъ Вася.

3. Обѣдалъ у Дононъ. Были В. Кн. Алексѣй Александровичъ, Николай Младшій и принцъ Ольденбургскій. Агаряне были.

4. У Лейкина.

7. На Литературномъ вечерѣ въ пользу фонда: читали: Григоровичъ, Глѣбъ Успенскій, Потѣхинъ [двѣ главы изъ „Декабристовъ“ Толстаго] и Верещагинъ.

9. Съ А. Н. Островскимъ у Осетрова были и пили литки: продалъ онъ свои сочиненія книгопродавцу Мартынову. Онъ собирается ѣхать въ Батумъ.

17. Артистическое собраніе у Варламова. Очень весело.

23. Бенефисъ Абариной. Игралъ въ двухъ пьесахъ и разсказывалъ.

---

[1] С. Ф. Христіановичъ упоминается въ дневникѣ И. Ѳ. Горбунова очень часто; во избѣжаніе частыхъ повтореній сдѣланы сокращенія. Ред.

24. На именинахъ Е. Н. Жулевой, очень было шумно.

25. Въ гимназіи Гуревича.

26. Спектакль Георгіевскихъ кавалеровъ—разсказывалъ.

29. Утромъ у А. М. Жемчужникова. Вечеромъ бесѣдовалъ съ Н. Н. Голицынымъ о временахъ минувшихъ.

Декабрь.

✓ **5**. У графа С. Д. Шереметева Барсуковъ читалъ о Барскомъ.

6. На именинахъ у Барсукова большое собраніе ученыхъ мужей.

7. Обѣдъ у принца А. П. Ольденбурскаго. Принцъ дѣлалъ опыты Бишофа.

10. Былъ у насъ Жемчужниковъ, Александръ Михайловичъ.

11. Обѣдъ у сенатора Арцимовича. Были братья Жемчужниковы. Очень много разсказывалъ. Послѣ зашелъ въ „Ярославецъ“ и бесѣдовалъ съ братьями Барсуковыми и братьями Бергами.

13. Утромъ въ Александрійскомъ театрѣ разсказывали, что вчера министръ съ директоромъ ожидали моего разсказа.

✓ **31**. Въ Невской лаврѣ, на похоронахъ С. С. Шереметева.

1885.

Январь.

3. Цѣлый день писалъ очеркъ „Свой человѣкъ“.

5. У Острогорскаго, Викт. Петр.

24. Въ пользу Ларинской гимназіи въ собраніи на Петербургской сторонѣ.

✓ **25**. Въ засѣданіи общества Любителей древней письменности. Были: гр. Бобринской, кн. Вяземскій.

26. Провожалъ въ Москву А. Н. Островскаго. Бесѣдовали съ Модестомъ Писаревымъ и сыномъ Аполлона Григорьева.

Февраль.

1. Завтракалъ у насъ Модестъ Писаревъ. Читалъ я ему свой новый разсказъ.

2. Въ Пушкинскій кружокъ. Отвратительно.

3. Послѣ театра къ Суворину. Григоровичъ плясалъ Тарантеллу.

16. Въ Москву.

✓ **23**. Въ Шереметевской больницѣ невѣсты вынимали жребій. Служилъ обѣдню епископъ Алексѣй. Необыкновенный протодіаконъ [1].

---

[1] Вѣроятно Андрей Захарсвичъ Шаховцевъ, знаменитый протодіаконъ Московскаго большого Успенскаго Собора, родомъ изъ Воронежа, не такъ давно скончавшійся. Онъ обладалъ замѣчательнымъ голосомъ, сильнымъ и весьма обработаннымъ „съ бархатцемъ“. Былъ человѣкъ въ высшей степени привѣтливый, общительный и добрѣйшей души. Его знала вся Москва. Ред.

25. Ѣздилъ утромъ съ Елизаветой Пав. Шеншиной въ захолустью. Проѣхалъ мимо Новоблагословенной церкви.

26. Завтракалъ у С. П. Яковлева. Были братья Перфильевы. Меккъ пѣлъ по-цыгански, а Шумахеръ читалъ стихи.

Мартъ.

6. У графини Келлеръ. Большое собраніе.

7. Концертъ въ одиночку въ Славянскомъ Базарѣ. Отличный сборъ.

3. Похороны директора Набилковскаго училища Викт. Андр. Соколовскаго. Поминали въ училищѣ.

9. Въ Петербургъ.

13. На вербу въ Москву.

14. Обѣдалъ въ Дворянскомъ Собраніи. Получилъ серебряный портсигаръ.

23. Въ Кремлѣ.

24. Воскресенье. У генералъ-губернатора и оберъ-полиціймейстера, у Б. С. Шереметева, у Ишутиныхъ, у Баранова, у Островскаго. Обѣдалъ у П. П. Боткина, встрѣтился тамъ съ Фетомъ.

26. На представленіи Мейнингенской труппы. Бесѣдовалъ въ буфетѣ съ Юрьевымъ [1] и Чаевымъ.

28. С. П. Губонинъ пригласилъ участвовать вь концертѣ въ пользу Коммисаровской школы. Послѣ концерта въ Славянскомъ Базарѣ. Узналъ отъ гр. С. Д. Шереметева о взятіи Пенджаба [2].

30. Въ Петербургъ.

Апрѣль.

6. Въ Исаакіевскимъ соборѣ на празднествѣ Кирилла и Меѳодія. Встрѣтился со многими.

11. На похоронахъ Н. И. Костомарова. Вечеромъ у Д. А. Скалона. Были: Милюковъ, Ф. Бергъ, В. Крестовскій, Мельниковъ. Провели вечеръ въ разговорѣ о войнѣ.

14. Разговоръ все о войнѣ съ Англичанами.

17. Снималъ портретъ у Левицкаго.

23. Вечеръ у принцесы Ев. М. Ольденбургской. Были: пр. Таганцевъ, Алопеусъ, пр. Загорскій, Незеленовъ и др. Было мнѣ очень весело и разсказывалъ я отлично.

24. Въ Вильну. Дорогой бесѣдовалъ съ Ив. Алекс. Вышнеградскимъ.

25. У Ал. Мих. Жемчужникова, у него и обѣдалъ.

28. Концертъ. Все блестящее Виленское общество, начиная съ губернатора.

Май.

2. Въ Варшаву.

4. Гурко принялъ меня очень ласково.

6. Концертъ. Нельзя сказать, чтобы я былъ въ ударѣ.

---

[1] Основатель журнала „Русская мысль“.

[2] См. т. II разсказъ „Кушка“. Ред.

7. Въ Петербургъ.

9. Чествовали Варламова въ Александровскомъ театрѣ: исполнилось 10 лѣтъ его служенія.

14. У братьевъ Барсуковыхъ. Вкушали налима, мною приготовленнаго.

18. Въ Москву.

20. Съ Модестомъ Писаревымъ у Тѣстова. Въ Сокольникахъ.

24. Съ нимъ же путались цѣлый день.

28. Воскресенье. Утромъ былъ у меня Николай Борисовичъ Шереметевъ съ Барсуковымъ, звали въ Кусково. Поѣхалъ одинъ. Въ Кусковѣ служилъ обѣдню епископъ Алексѣй. Обѣдъ. Разсказывалъ. Епископъ наговорилъ мнѣ много любезностей.

Іюнь.

4. Въ Одессѣ.

11. Заѣхали за мной Мельниковъ и увезъ къ себѣ. Былъ у него почти весь судъ.

12. Въ лагерѣ у Вишневскаго. Большое собраніе съ генералами.

21. На маломъ Фонтанѣ. Саперы производили минные взрывы. Чуть было насъ не засыпали. Вечеръ въ офицерской столовой у саперъ.

27. Въ думѣ на выборахъ гласныхъ.

Іюль.

8. Завтракалъ съ принцемъ Ольденбургскимъ въ „Сѣверной“.

27. Концертъ. Полно, не хватило билетовъ.

28. Въ лагерѣ Стрѣлковаго баталіона. Офицеры милые люди, Шибкинскіе герои.

Августъ.

6. Въ Петербургъ.

22. На открытіи памятника Тургеневу.

Сентябрь.

2. У сосѣда Модеста Писарева. Перемывали бока театральному начальству.

Октябрь.

22. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Хоронили Левушку Еракова.

23. На имянинахъ у нашего библіотекаря Лобанова. Обѣдалъ у Минаева, тоже имянинникъ. Вечеромъ у Аверкіева, тоже имянинникъ.

Ноябрь.

4. Въ Соляномъ городкѣ. Тамъ собираются художники. Встрѣтилъ много старыхъ друзей.

5. Пріѣхалъ А. Н. Островскій. На обѣдѣ литературномъ въ Эрмитажѣ.

7. У художника Крамскаго. Хочетъ онъ съ меня портретъ писать.

9. На сеансѣ у Крамскаго. Вечеромъ читалъ въ пользу гимназистовъ. Ужиналъ съ В. П. Островскимъ и другими учителями въ Маломъ.

11. Съ Крамскимъ у фотографа Деннера снимали карточку.

13. У Модеста съ Давыдовымъ и Сережей Максимовымъ съ похоронъ Пальма.

16. Праздновалъ тридцатъ лѣтъ службы. Описано въ № 3493, „Новаго Времени". Сережа Максимовъ безобразничалъ.

18. Въ Судѣ въ Присяжныхъ засѣдателяхъ. Былъ старшиной.

29. Въ Обществѣ любителей древней письменности. Поднесъ обществу самоваръ.

30. На костюмированномъ балу музыкальныхъ художниковъ. Стоялъ съ Танечкой въ живой картинѣ.

Декабрь.

1. Вечеромъ у Суворина. Были А. Н. Островскій и Цукки.

3. У А. Н. Островскаго. Обѣдали у Дюссо: чествовали Плещеева.

6. На имянинахъ у Н. П. Барсукова. Были: Л. Н. Майковъ, Ягичъ, Фомичъ [1], Бергъ и др. Очень было весело.

10. У А. Н. Островскаго. Объявилъ онъ мнѣ о своемъ назначеніи начальникомъ Московскихъ театровъ.

13. Провожалъ въ Москву Островскаго. На проводахъ были Писаревъ, Давыдовъ и Арди.

14. У Боткина. Былъ у него градоначальникъ Грессеръ. Много разсказывалъ.

17. Къ Кавалергардамъ, большой ужинъ. Былъ Бишопъ, В. Кн. Николай Михайловичъ, братья Тимирязевы.

19. Въ каютъ-компаніи 8 Флотскаго Экипажа.

20. Обѣдалъ у И. А. Вышнеградскаго, а оттуда въ Общество любителей древней письменности. Былъ Костя Маковскій, князь Вяземскій ушелъ во время ужина.

21. У Д. Ф. Кобеко. Подарилъ онъ мнѣ автографъ Валуева. Были Г. Ѳ. Штендманъ, Татищевъ и Ратынскій. Зашла бесѣда наша за ночь.

24. Къ Варламову. Ужинъ съ духовенствомъ.

27. На обѣдѣ у Палкина. По случаю столѣтняго юбилея. Сидѣли рядомъ: Микѣшинъ, Лѣсковъ, Ал. И. Тимофѣевъ [2].

28. У директора канцеляріи Св. Синода просить о попѣ [3]. Въ Кавалергардскихъ казармахъ благодарить за подарокъ.

29. Литургія по С. С. Шереметевѣ. Поминали съ Барсуковыми устрицами у Елисѣева.

30. У братьевъ Барсуковыхъ. Были маленькіе Шереметевы.

31. У Суворина. Было очень шумно и весело и многолюдно.

---

[1] Дм. Ѳ. Кобеко.

[2] Правитель дѣлъ Императорской Археографической Комиссіи.

[3] Другъ Горбунова, священникъ Озерѣцковскій. Ред.

1886.

Январь.

21. У Семевскаго. Были у него Боборыкинъ, Верещагинъ, Ахшарумовъ и др. А. М. Жемчужниковъ читалъ свою поэму.

24. Въ Обществѣ древней письменности. Н. А. Ратынскій мѣшалъ говорить.

25. У Д. Ф. Кобеко. Братья Барсуковы. Разговоръ очень интересный о началѣ Турецкой войны и о пребываніи министра финансовъ въ Ливадіи.

26. У Суворина. Аверкіевъ шумѣлъ.

27. Въ театрѣ: „Болѣзни сердца“ Мещерскаго. Государь былъ въ театрѣ. Остался моимъ разсказомъ очень доволенъ. Два раза возвращался въ ложу.

29. Въ половинѣ двѣнадцатаго къ Великому Князю Алексѣю. Были у него Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій съ графиней Богарнэ, адмиралъ Головлевъ, кн. Шаховскій, Никита, П. А. Черевинъ. Ужинъ очаровательный. Много разсказывалъ и имѣлъ большой успѣхъ. Великій Князь былъ чрезвычайно любезенъ.

31. Въ Казанскомъ соборѣ на панихидѣ И. С. Аксакова. Послѣ съ генераломъ Гейнцомъ и Сережей Максимовымъ у Осетрова.

Февраль.

6. Обѣдалъ у Суворина, былъ у него Пеко Павловичъ, знаменитый черногорскій воевода.

7. Бенефисъ Савиной. Въ театрѣ былъ Государь. Разсказывалъ, но собой былъ не доволенъ. Ужинъ великолѣпный у Савиной.

12. Вечеромъ заѣхалъ къ Лермонтову, тамъ меня замучили.

24. Капуста въ Комерческой гостинницѣ. Скверно и скучно. Вечеромъ у Варламова шумно и не ладно.

28. 10-ти лѣтній юбилей газеты „Новое Время“. Завтракалъ въ погребѣ у графа С. Д. Шереметева. Были: оберъ-гофмаршалъ Трубецкой, принцъ А. П. Ольденбургскій, П. А. Черевинъ, графъ Перовскій, В. А. Шереметевъ, кн. Волконскій, докторъ Гиршъ, бр. Барсуковы.

Мартъ.

5. У А. А. Стаховича. Скучный великосвѣтскій раутъ. Очень меня привѣтствовалъ гр. Игнатьевъ.

8. Москва. Вечеромъ у матушки Вл. Ал. Шереметева. Были тамъ Сергѣй Дмитріевичъ со всѣмъ семействомъ и княгиня Волконская. Елена Григорьевна Шереметева была чрезвычайно любезна.

11. Хоронили Сережу Попова.

12. Вечеромъ у Ишутиныхъ, ужинали ботвинью. Былъ князь Мышецкій.

13. Съ Стаховичемъ у гр. Л. Н. Толстого. Много я у него разсказывалъ.

19. Выѣхали въ Курскъ.

22. Послѣ обѣда ко всенощной въ домовой церкви губернатора Косаговскаго. Концертъ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ въ моей жизни.

24. Въ Кіевъ.

27. Въ Москвѣ.

28. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у Льва Николаевича Толстого. Великій онъ человѣкъ.

30. Воскресенье. У Б. С. Шереметева. Обѣдалъ у Л. Н. Толстого. Вечеромъ у В. А. Шереметева. Пріятный вечеръ и бесѣда. Много разсказывалъ.

31. У оберъ-полиціймейстера А. А. Козлова. Душевно со мной встрѣтился. Ужинъ со Стаховичемъ и молодой знатью въ Славянскомъ базарѣ.

Апрѣль.

3. Концертъ. Были: гр. Шереметевъ, О. Н. Шереметева, генералъ-губернаторъ. Къ Яру слушать цыганъ. Графъ С. Д. Шереметевъ, Ф. Н. Шиповъ, Д. С. Сипягинъ.

4. Въ театрѣ Корша въ пользу Киселевскаго. Успѣхъ огромный.

5. У В. К. Мекка. У него были братья Ильины товарищи мои по училищу. Обѣдъ у Перфильева. Разговоръ съ Фанни Александровной о старинѣ. Почкой запахло.

9. Въ первый разъ на Поклонной горѣ. Видъ на Москву очаровательный.

13. Къ Б. С. Шереметеву. Послѣ обѣда Борисъ Сергѣевичъ игралъ на фортепьяно, Николай Борисовичъ на скрипкѣ и докторъ на гитарѣ: представляли Марьину рощу [1].

15. Утромъ у проф. Тихонравова.

17. Въ Петербургѣ. Ничего.

19. Торжественное засѣданіе Общества Любителей Сценическаго искусства. Читали Ор. Миллеръ и актеръ Давыдовъ о Гоголѣ.

26. У генерала штабъ-доктора Кудрина. Вечеромъ „Ревизоръ“, торжественный спектакль. На сценѣ были литераторы.

28. Въ пользу студентовъ читалъ „Лакейскую“ Гоголя. Вечеръ устраивалъ О. Ѳ. Миллеръ. „Разъѣздъ“ читали всѣ плохо.

30. Осматривалъ Зимній Дворецъ. Кабинетъ Николая Павловича. Постель, на которой онъ скончался.

Май.

9. У Н. Г. Веселаго на имянинахъ. Очень многолюдно и безтолково. Кумъ Сергѣй велъ себя неприлично. Проводилъ его домой и опять вернулся.

---

[1] См. выше воспоминанія Н. Б. Шереметева. Ред.

16. У Бойе въ Аракчеевскихъ казармахъ.

18. Въ Москву.

20. Цѣлый день въ Кусковѣ: были И. М. Гедеоновъ. Вечеромъ кн. П. П. Вяземскій, С. А. Шереметевъ, О. Н. Шереметева, И. П. Барсуковъ.

26. На Вантѣевкѣ у попа крестилъ дочку. Кума молодая поповна.

28. Въ Люблино къ Голофтѣеву.

Іюнь.

1. Въ Кусково на тройкѣ съ Ф. Н. Шиповымъ и Н. Б. Шереметевымъ. Показывалъ мнѣ Сергѣй Дмитріевичъ все Кусково. Вечеромъ пѣли, я много разсказывалъ [1].

3. Утромъ узналъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ о смерти А. Н. Островскаго.

4. Въ Андроньевомъ монастырѣ.

5. Концертъ въ Перловкѣ. Въ Москву на линейкѣ утромъ. Боже, какъ купцы пьютъ!

6. На панихидѣ по А. Н. Островскомъ въ церкви Дмитрія Солунскаго.

7. На Воробьевыхъ горахъ. Въ Донской монастырь, оттуда въ Успенскій соборъ.

10. Провели ночь на Воробьевыхъ горахъ. Встрѣтили восходъ солнца. Картина очаровательная. Были: графъ Барановъ, Архиповъ, Четуновъ.

11. Обѣдали на Воробьевыхъ горахъ съ гр. Барановымъ. Гроза надъ Москвой.

16. Въ Кусковѣ. Все Шереметевское родство, кромѣ Сергѣя Дмитріевича, въ сборѣ.

17. Въ Харьковъ.

21. У вице-губернатора Сипягина, а послѣ онъ у меня былъ.

23. Читалъ въ театрѣ. Успѣхъ выше средняго.

25. Въ Петербургъ.

Іюль.

3. Былъ у насъ Я. И. Утинъ.

12. Обѣдалъ у Далматова.

15. Въ Парголово на имянинахъ у Михневича. Нотовичъ, Градовскій, Гр., Немировичъ, Скабичевскій. На возвратномъ пути бесѣдовалъ съ В. В. Стасовымъ.

21. Обѣдъ у Я. И. Утина. Встрѣтилъ тамъ Кидошенкова, Неклюдова. Былъ Рубинштейнъ и много сановниковъ.

30. Въ столовой Павловскаго полка.

Августъ.

2. Ѣздилъ на море. Услыхалъ, что графъ Кутузовъ назначается на мѣсто А. Н. Островскаго. Дай ему Богъ! Думаю, что это отличный выборъ.

---

[1] См. выше воспоминанія гр. С. Д. Шереметева. Ред.

3. Обѣдалъ въ Ораніенбаумѣ у Еракова. У него былъ герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, сынъ великой княгини Екатерины Михаиловны, только что окончившій курсъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Въ честь его вечеромъ иллюминація и фейерверкъ на Красномъ прудѣ.

11. Обѣдалъ у Рубинштейна и долго оставался вечеромъ.

Сентябрь.

4. Изъ Петербурга съ Барсуковыми и Савваитовымъ въ Михайловское къ С. Д. Шереметеву. Пріѣхали къ ужину.

5. У обѣдни. Имянинница Елизавета Сергѣевна Делеръ. Въ саду Графъ Бобринской снялъ насъ фотографіей въ группѣ. Вечеромъ очень много разсказывалъ.

6. У обѣдни. Служили соборомъ.

7. Выѣхалъ въ Петербургъ.

11. Въ театрѣ. Великая тоска.

27. На Сиверскую.

Октябрь.

7. Былъ обѣдъ литераторовъ у Дюссо. Сцѣпка Аверкіева съ Полетикой.

11. Съ княземъ Ар. Ал. Суворовымъ у Палкина.

14. У Драгомирова. Сидѣлъ между ген. Радецкимъ и Петрушевскимъ. Были герои Шипки.

15. У Сережи Терпигорева на дачѣ. Привезъ домой рябины.

18. Въ обществѣ Сценическихъ дѣятелей читалъ записки Замоскворѣцкаго жителя Островскаго.

30. У М. Н. Островскаго. Были: наше высшее начальство, Н. С. Петровъ и Ив. А. Вышнеградскій. О внутренней политикѣ.

31. У Н. А. Богданова, онъ хочетъ рисовать мой портретъ.

Ноябрь.

4. Товарищескій обѣдъ у Дюссо. Не особенно весело. Послѣ зашелъ въ залу, гдѣ обѣдали художники. Встрѣтилъ тамъ Исаева, Айвазовскаго, старца Солнцева, Якоби, Шамшина и много другихъ. Встрѣтили они меня апплодисментами, очень почтили.

9. Заходили въ театръ. Мрачно.

18. На цыганскомъ безобразіи въ Аркадіи съ Меккомъ.

23. Поздравлялъ съ ангеломъ Ал. Ильича Тимофѣева. Были: братья Барсуковы, Труворовъ, А. Ѳ. Бычковъ, Л. Н. Майковъ.

25. На актѣ въ гимназіи Гуревича съ Модестомъ Писаревымъ читали. За ужиномъ много было разговору: говорили все педагоги.

29. У Сережи Максимова съ Модестомъ Писаревымъ съ редакторомъ „Русской Мысли“ Лавровымъ.

Декабрь.

2. На юбилейномъ обѣдѣ писателю Классику Иванову. Много было пустыхъ рѣчей.

6. Въ Экипажѣ Гвардіи. Были. В. Кн. Алексѣй, пр. А. П. Ольденбургскій, Ев. Макс. Лейхтенбергскій и весъ экипажъ. Кн. Дондуковъ-Корсаковъ угощалъ меня кахетинскимъ изъ рога.

9. Читалъ въ Кредитномъ обществѣ въ пользу Комитета Грамотности.

11. Игралъ въ „Милліонѣ“ кн. Мещерскаго. Къ автору ужинать.

18. Обѣдалъ у А. М. Ратынскаго. Были: А. И. Унковскій, дружки мои Барсуковы, Кобеко и др.

24. Въ Москвѣ.

25. Завтракалъ у гр. С. Д. Шереметева. Подарилъ дѣтямъ книжку и портретъ Генерала. Обѣдалъ у Б. С. Шереметева. Рядились, танцовали. Вечеръ кончили у И. П. Барсукова. Были всѣ грузны.

26. Юбилей Никулиной. Подносилъ на сценѣ адресъ и вѣнокъ. Въ антрактѣ читалъ. Успѣхъ огромный.

28. Въ Петербургъ.

29. Въ Царское Село. У В. Кн. Владиміра Александровича. Разсказывалъ. Былъ отличный ужинъ. Оставили меня ночевать во дворцѣ. Долго бесѣдовалъ послѣ съ Графомъ Перовскимъ.

30. Читалъ въ залѣ Кредитнаго Общества въ пользу Ларинской Гимназіи.

1887.

Январь.

1. Юбилейный обѣдъ у Дюссо издателю газеты „Новости“ Нотовичу. Сережа Максимовъ былъ нестерпимъ въ пьяномъ образѣ.

6. У Барсуковыхъ на милой бесѣдѣ.

11. Провожали въ Москву А. П. Барсукова. Ѣли у Елисѣева устрицы. Вечеромъ бесѣдовали въ патріаршей палатѣ съ Н. П. Барсуковымъ.

12. Вечеромъ были у насъ: Варламовъ, Писаревъ, супруги Веселаго, Вася Максимовъ и Левкеева.

14. Обѣдалъ у князя В. П. Мещерскаго. Ему исполнилось 48 лѣтъ. Были у него: градоначальникъ Грессеръ, А. Пав. Игнатьевъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Т. И. Филипповъ, Майковъ, Дурново, Ив. Ник. и др. Послѣ театра у Лермонтова.

16. Обѣдалъ у Суворина. Были: Болгаринъ Груевъ, свергнувшій Баттенберга, Кочетовъ [Странникъ], полковникъ Протоповъ изъ Константинополя. Игралъ. Печальное воспоминаніе о піессѣ „Свои люди“. Поставленъ бюстъ Островскаго.

17. Обѣдали у Ѳ. Н. Берга. Былъ графъ Кутузовъ и В. Крестовскій. Вечеромъ у С. П. Боткина. Прекрасная была бесѣда. Былъ Ипполитъ Тарновскій.

19. У П. И. Танѣева и А. А. Стаховича.

23. Былъ у Г. П. Лермонтова имянинный пирогъ. Былъ Сережа, А. М. Унковскій, Селифонтовъ. Послѣ съ Сережей у А. Потѣхина.

24. Въ Комитетѣ. Вечеромъ у Д. Ѳ. Кобеко. Были: Ратынскій, бр. Барсуковы. Засидѣлись долго.

25. Обѣдалъ у братьевъ Барсуковыхъ. Былъ Кобеко и сенаторъ Семеновъ. Сенаторъ много разсказывалъ о министрѣ юстиціи Панинѣ и директорѣ его Топильскомъ.

27. Обѣдалъ у насъ Вася Максимовъ. Вечеромъ у Ратынскаго. Были: Бычковъ, генералъ Кармалинъ, Кобеко, Тертій Ивановичъ, братья Барсуковы, проф. Помяловскій, Жедринскій. Довезъ меня домой Л. Н. Майковъ.

29. На панихидѣ въ Казанскомъ Соборѣ. Послѣ совершали поминовеніе блинами въ Толмазовомъ. Были съ Васей Максимовымъ на Каменномъ островѣ. Вечеромъ вѣнчали на сценѣ бюстъ Пушкина.

30. Бенефисъ Сазонова. Послѣ спектакля съ В. П. Мордвиновымъ. Пѣли догматики [1].

Февраль.

1. Утромъ на Каменномъ островѣ у Базилевскаго. Былъ тамъ Сер. Льв. Левицкій, снялъ съ меня портретъ. Заѣзжалъ по дорогѣ къ Аристову. Читали съ Танечкой на педагогическихъ курсахъ. Послѣ къ Ип. Тарновскому. Ѣздили кататься съ горъ.

2. Ничего. Вечеромъ въ пользу общества недостаточныхъ драматическихъ дѣятелей. Вечеръ довольно скучный.

3. На Обуховскомъ заводѣ, смотрѣли бессемерованіе стали. Обѣдали у Варгуниныхъ. Были Лермонтовы.

4. Заходилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія къ Барсукову. Обѣдалъ у него. Былъ профессоръ Карповъ.

7. Въ Комитетѣ. Вечеромъ у Сережи Максимова. Были братья Потѣхины, генералъ Кондратьевъ и Вася Максимовъ. Я много говорилъ.

12. Торжественный обѣдъ медиковъ: предсѣдательствовалъ Здекауеръ. Много встрѣтилъ знакомыхъ. Было очень шумно. Говорилъ рѣчь и разсказывалъ. Сидѣлъ съ Васильемъ Максимовымъ и докторомъ Эккъ. Послѣ обѣда пѣли и плясали.

13. Бенефисъ Варламова. Вышелъ на сцену безъ четверти часъ, но все-таки имѣлъ успѣхъ.

15. Воскресеніе [2]. У братьевъ Барсуковыхъ большой завтракъ. Были: гр. С. Д. Шереметевъ, княжна Вяземская, Этлингеръ [3] и Гамазовъ. Обѣдали съ Барсуковыми у В. П. Мордвинова. Послѣ обѣда пѣли „Помощникъ и покровитель". Подарилъ С. Дмитріевичу генеральскую карточку.

16. Актерская капуста не состоялась. Значитъ въ прошломъ году была послѣдняя.

18. Обѣдали у насъ: Н. А. Богдановъ, Свищевъ, А. И. Ивановъ и Е. И. Кузьминъ. Вечеромъ былъ у Барсуковыхъ.

---

[1] Сенаторъ Влад. Павл. Мордвиновъ, знатокъ церковнаго устава.

[2] Прощеный день.

[3] Кн. М. В. Эристова, р. Этлингеръ, ученица художника Зичи. Подписываетъ свои картины: Magy и Казакъ. Ред.

20. Въ Обществѣ Любителей Древней Письменности. Поднесъ раскольничій мѣсяцесловъ. Послѣ засѣданія ѣли у Осетрова устрицы: братья Барсуковы, Савваитовъ и Васильчиковъ.

21. Въ редакціи „Новаго Времени“, снесъ статейку о „Проклятіи“. Вечеромъ съ Танечкой у Варламова. Очень скучно и безолаберно.

25. Вечеромъ Т. И. Филипповъ читалъ въ Соляномъ Городкѣ „О преподаваніи славянскаго языка“.

26. У братьевъ Барсуковыхъ обѣдалъ. Былъ П. И. Бартеневъ.

Мартъ.

3. У генерала Асташова. Не видались съ нимъ 15 лѣтъ. Вечеромъ заходилъ на литературную бесѣду у Понсэ, споръ былъ о политикѣ.

4. Съ Еф. Ив. Кузьминымъ были у Терпигорева на Черной рѣчкѣ.

15. Обѣдалъ въ Грандъ-Отель у князя Амилахвари.

16. Утромъ были съ Н. П. Барсуковымъ у гр. С. Д. Шереметева. Подарилъ ему рукописи Островскаго [1].

17. Съ Барсуковыми у Милюкова.

18. Обѣдъ у Понсэ въ честь князя Амилахвари.

20. Бесѣдовалъ въ „Афганистанѣ“. Были: Терпигоревъ, Лѣсковъ, Шубинскій.

21. Вечеромъ у С. П. Боткина. Были: Сѣченовъ и Лермонтовъ.

23. Вечеромъ въ Палкиномъ. Собраніе Болгаръ. Были: Ламанскій, Панаевъ, Груевъ, Бендеровъ и всѣ Рущукскіе бѣглецы. Панаевъ говорилъ очень нескладно. Познакомился съ Ашиновымъ, вольнымъ казакомъ.

26. Обѣдалъ у Барсуковыхъ. Были: Васильчиковъ, Гамазовъ и кн. Вяземскій.

27. Выѣхалъ въ Москву.

28. Встрѣча у Тѣстова съ Комисаржевскимъ. Очень обрадовались.

30. Былъ у Троицы.

Апрѣль.

2. Былъ у С. Д. Шереметева. Завтракалъ у него. Бесѣда очень милая. Обѣдалъ съ Мих. А. Стаховичемъ въ „Московскомъ“. Сплетня про меня гр. Толстому по поводу „Власть тьмы“. У всенощной въ Набилковскомъ училищѣ. Бесѣдовали съ директоромъ въ Славянскомъ базарѣ.

10. Въ Петербургъ. На юбилеѣ Я. П. Полонскаго. Аверкіевъ безобразничалъ—ходилъ по столу.

11. Вечеромъ у Д. Ѳ. Кобеко. Спрыскивали Бѣлаго Орла.

---

[1] Въ архивѣ села Михайловскаго сохраняются слѣдующія рукописи А. Н. Островскаго: 1. Первоначальная рукопись драмы „Самозванецъ и Шуйскій“, карандашемъ, съ выписками изъ историческихъ источниковъ. Черновой набросокъ на 43 листахъ. 2. „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“. 3. Произведеніе безъ заглавія. Дѣйствующія лица: Михей Мих. Крутицкій, Фелицата Ант. Шаблова и др. Обѣ послѣднія рукописи чернилами. Ред.

12. Завтракъ у гр. С. Д. Шереметева. Были: Ахлестышевъ, Бахметевъ. Во время завтрака пришелъ К. П. Побѣдоносцевъ. Разговоръ былъ о Москвѣ.

16. Устраивалъ въ фойе Александрійскаго театра портретную галлерею.

17. Вечеромъ въ Обществѣ Любителей Древней Письменности. Перешли къ Сергѣю Дмитріевичу. Филипповъ, Т. И., братья Барсуковы, Васильчиковъ, Савваитовъ, Ратынскій и Боборыкинъ.

23. Разбиралъ бумаги А. Н. Островскаго [1].

28. Обѣдъ у Контана въ честь Гедеонова. Заходилъ привѣтствовать Ѳ. Берга. Ему дѣлали литературный обѣдъ у Донона.

Май.

9. Выѣхалъ въ Москву съ Медвѣдевымъ. Въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ со всей семьей Сергѣй Петровичъ Боткинъ и Анат. Ѳед. Кони.

11. Встрѣтился въ Славянскомъ базарѣ съ гр. С. Д. Шереметевымъ. Въ 4 часа отправились съ нимъ съ Воздвиженки на четверкѣ въ Кусково. Съ нами поѣхалъ д-ръ Эйсмонтъ. Въ Кусковѣ были: Сергѣй Алексѣевичъ Шереметевъ, пріѣхавшій съ Кавказа. Говорятъ, ему даютъ какой-то высшій постъ. Графъ А. В. Бобринской. Сергѣй Дмитріевичъ каталъ меня на лодкѣ. Меня просили разсказывать, что я со всѣмъ удовольствіемъ исполнилъ. Послѣ ужина съ главнымъ докторомъ Шереметевской больницы отправились въ шарабанѣ на желѣзную дорогу. По пріѣздѣ въ городъ, былъ въ Купеческомъ Клубѣ.

12. Былъ у Нади [2], гуляли съ ней въ саду. Начала распускаться сирень. Какая она прекрасная женщина. Обѣдали съ Медвѣдевымъ и разными провинціальными актерами у Тѣстова. Вечеромъ съ Медвѣдевымъ въ Казань.

17. Концертъ: участвовалъ Панаевъ на скрипкѣ. Сборъ не особенный, но привѣтъ отличный. Ужинали съ актеромъ Добровымъ на Черномъ озерѣ. Завтракалъ у доктора Ге. Была у него Казанская профессура. Милые и умные люди.

23. Выѣхалъ на пароходѣ. Встрѣтился съ Тихановымъ [3]. Пришли въ Симбирскъ. Тоска безъисходная.

24. Очень грустно было, что любимый мною праздникъ нахожусь въ дорогѣ. Очень холодно. Тоска мучаетъ.

25. Въ Самарѣ. Д-ръ Португаловъ, Кони, братъ Анатолія Федоровича, Карцевъ. Вечеромъ въ Струковомъ саду съ Тихановымъ.

26. У губернатора А. Д. Свербеева: не видались мы съ нимъ тридцать два года. Былъ у доктора Португалова. Обѣдалъ у Свербеева, послѣ ѣздили съ нимъ на дачу Анаева и провели вечеръ у м-мъ Раухфусъ [жена доктора]. Видъ съ террасы на Волгу восхитительный.

---

[1] То же и слѣдующіе нѣсколько дней почти ежедневно.

[2] Н. А. Никулина.

[3] См. „Историческій Вѣстникъ“ 1899, статью Тихонова. Ред.

27. Концертъ. Послѣ бесѣдовалъ у купца Калганова: купецъ новѣйшей формаціи.

29. Гроза. Разразился надъ моей головой ударъ грома, когда ѣхалъ къ Свербееву обѣдать. Второй концертъ горше перваго.

31. Въ Оренбургъ. Концертъ. Публики было достаточно, но кассиръ, надо полагать, отложилъ что нибудь себѣ.

Іюнь.

1. Концертъ въ Бузулукѣ. Исправникъ выслалъ за мной лошадей съ урядникомъ. Базарный день. Мужичья пропасть. Познакомился съ Дворянскимъ Предводителемъ Ждановымъ. Публика отличная, изъ дикихъ купцовъ былъ одинъ и тотъ пьяный. Самара. Въ Москву.

10. Цѣлый день въ Кусковѣ. Были крестины дочки князя Мирскаго.

11. Кусково: Былъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ и Индійскій Магараджа [1], а также П. И. Бартеневъ. Въ Москвѣ.

19. Обѣдалъ у Московскаго губернатора В. С. Перфильева. Были: Сергѣй Степановичъ, Ѳедоръ Степановичъ Перфильевы, докторъ Маклаковъ и Истоминъ, управляющій канцеляріей генералъ-губернатора.

27. Представлялъ Мекка М. Н. Островскому. Обѣдалъ съ редакціей Русскихъ Вѣдомостей: Были: Лукинъ, Гольцевъ, В. П. Безобразовъ.

30. Съ Костей Маковскимъ къ Троицѣ. Были въ ризницѣ, въ скиту, въ Виѳаніи.

Іюль.

5. Михайловское. Вечеромъ садъ былъ прекрасно иллюминованъ, на Пахрѣ сожженъ фейерверкъ. Были: Ив. Ив. Пушкинъ, флигель-адъютантъ Ершевъ, Ахлестышевъ, Салтановъ, Агаповъ, Святополкъ-Мирскій и др. Я много разсказывалъ.

14. Въ Синодальной типографіи. Румянцевъ обязательно показалъ мнѣ библіотеку и палату.

21. Въ Орелъ. Узналъ о смерти Каткова.

22. Въ Солнцево, на берегу Сейма.

25. Въ Москву.

28. На родину, въ село Вантеевку. Прибылъ во время перезвона. Послѣ обѣдни у Лыжина. Были Московскіе попы. Гуляли по селу.

29. Славянскій Базаръ. Видѣлъ Деруледа. Обѣдалъ въ „Мавританіи“ съ Власовскимъ и новымъ Московскимъ губернаторомъ кн. Голицынымъ.

31. Въ Петербургъ.

Августъ.

1. Былъ въ Зоологическомъ саду. Послѣ бесѣдовали въ Ярославчикѣ съ М. Гр. Черняевымъ и гр. А. А. Кутузовымъ.

---

[1] См. выше статью В. К. Истомина. Ред.

3. Ничего.

6. Давыдовъ игралъ нелѣпую роль въ пьесѣ „Кручина“ Шпажинскаго.

13. Бесѣдовалъ вечеромъ въ Малоярославцѣ. Были: М. Г. Черняевъ, Федоръ Бергъ, Всеволодъ Крестовскій и графъ Голенищевъ-Кутузовъ. Говорили о Катковѣ.

24. Долго бесѣдовали съ генераломъ Черняевымъ въ Ярославцѣ. Вечеръ провелъ у братьевъ Барсуковыхъ.

29. У Кости Маковскаго. Онъ пишетъ картину „Смерть Іоанна Грознаго“.

Сентябрь.

1. Выѣхалъ въ Москву.

5. Михайловское. Елизавета Сергѣевна [1] имянинница. Были у обѣдни. Пѣлъ на крилосѣ. Н. П. Барсуковъ читалъ мнѣ свои изслѣдованія о Погодинѣ. Вечеромъ былъ у всенощной.

6. Храмовой праздникъ, служили соборомъ. Большой обѣдъ. Много гуляли. Заходили въ училище. Прекрасно устроено. Вечеромъ сидѣли въ библіотекѣ. Много разсказывалъ. Послѣ ужина сидѣли наверху. Были: Усовъ, Можайскій предводитель Варженевскій. Барсуковъ читалъ мнѣ о Погодинѣ.

8. Возвратился въ Петербургъ. Обѣдали у насъ все семейство Максимовыхъ, молодой Лермонтовъ, Модестъ Писаревъ, Масловъ.

9. Ничего.

10. Украшалъ театральное фойе портретами.

12. Первое засѣданіе театральнаго литературнаго комитета, читали очень плохую пьесу Немировича-Данченко. Къ стыду пропустили. Мы съ П. И. Вейнбергомъ были противъ.

14. Имянинникъ. Большое было у насъ собраніе. Ив. Д. Путилинъ очень содѣйствовалъ оживленію общества.

24. Въ Канцелярію Попечителя за дипломами для Лизы и Сони [2]. Вечеромъ юбилей Мельникова въ Маріинскомъ театрѣ. Былъ депутатомъ, подносилъ вѣнокъ. Бесѣдовалъ весь вечеръ въ уборной съ пѣвцами. Встрѣтился съ Мих. Сем. Кахановымъ.

25. Вечеромъ у Сережи Максимова. Онъ имянинникъ. Очень было не весело. Ужъ очень пьяные надоѣдаютъ.

26. Въ Академіи Художествъ на юбилеѣ Айвазовскаго былъ депутатомъ отъ драматической труппы. Послѣ заходилъ къ проф. Клеверу. На обѣдѣ въ честь Айвазовскаго. Говорилъ рѣчь. Разсказывалъ.

27. Въ Петергофѣ обѣдалъ у Третьякова, вечеръ провелъ у А. Г. Рубинштейна.

Октябрь.

1. Завтракалъ у Ал. Аполлоновича Григорьева. Были: Писаревъ и Аверкіевъ.

4. У А. Ѳ. Кони. У Айвазовскаго.

---

[1] Баронесса Е. С. Дёлеръ, р. Шереметева.

[2] Дочери Ив. Ѳ. Горбунова. Ред.

6. Обѣдалъ у И. А. Вышнеградскаго. Были: Т. И. Филипповъ и Я. П. Полонскій.

7. Обѣдалъ на торжествѣ у Айвазовскаго, у Контана. Разсказывалъ.

15. Утромъ у М. И. Семевскаго. Вечеромъ у Барсуковыхъ. Мило и умно побесѣдовали.

16. Большой обѣдъ въ честь Айвазовскаго у Н. Н. Сущева. Были все сановники. Ив. Ал. Вышнеградскій все шутилъ насчетъ марокъ. За обѣдомъ я сидѣлъ съ В. П. Гаевскимъ.

18. Былъ у М. Н. Островскаго. У него были: министръ Деляновъ, Ѳеоктистовъ.

21. Послѣ театра у Ев. М. Ѳеоктистова. Софья Алек. необыкновенно была любезна. Былъ Любимовъ съ семействомъ и П. П. Архиповъ. Много разсказывалъ.

24. На литературномъ вечерѣ въ Педагогическихъ курсахъ. Имѣлъ большой успѣхъ. Былъ съ Лизой.

29. Разбиралъ бумаги А. Н. Островскаго. Послѣ спектакля былъ у Варламова. У него былъ секретарь Китайскаго посольства. Интересный китаецъ.

Ноябрь.

2. Былъ вечеромъ у Г. Вас. Лермонтова. Большое было собраніе. Довезъ меня домой Ал. М. Уньковскій.

6. Новая пьеса Крылова „Разладъ". Отвратительно.

8. Читалъ въ Маріинской гимназіи.

13. Разбиралъ бумаги Островскаго. Обѣдалъ въ Егерскомъ полку. Былъ Вел. Князь Михаилъ Михаиловичъ. Вечеромъ у Якова Петровича Полонскаго. Познакомился съ генераломъ Каульбарсомъ.

14. Въ Комитетѣ. Заходилъ во время обѣда къ Барсуковымъ. Вечеромъ былъ у гр. С. Д. Шереметева. Была княгиня Вяземская, графъ Ламздорфъ и дочери покойнаго Сергѣя Сергѣевича Шереметева.

18. Видѣлъ генерала Христіани, ѣдетъ онъ въ Бухару.

19. Миночка Тарновскій давалъ парадный обѣдъ врачамъ. Былъ вмѣстѣ съ Ипполитомъ Тарновскимъ.

23. Былъ приглашенъ въ ложу Е. И. В. Евгеніи Максимиліановны. Заходилъ поздравлять Ал. Ильича Тимофѣева съ ангеломъ. Уѣхалъ въ Новгородъ.

24. У Ек. П. Жулевой [имянинница]. Въ театрѣ получилъ приглашеніе къ В. Князьямъ Петру Николаевичу и Георгію Михаиловичу. Обѣдалъ съ ними у Контанъ. Были офицеры Уланскаго полка.

25. Читалъ въ гимназіи Гуревича. Вечеромъ у Гуревича. Большое собраніе педагоговъ. Очень меня чествовали.

27. Завтракалъ въ конной гвардіи. Былъ очень привѣтствованъ. Были: свѣтлѣйшій князь Голицынъ, Блокъ и др. Вечеромъ въ Москву.

29. Завтракалъ у Ал. Петр. Власова. Вечеромъ въ театрѣ— бенефисъ Медвѣдевой. Подносилъ адресъ отъ Петербургской труппы. Послѣ спектакля, бенефиціанткѣ устроили ужинъ въ Славянскомъ Базарѣ. Была вся труппа.

Декабрь.

2. Вернулся въ Петербургъ.

6. Обѣдалъ у имянинника Н. П. Барсукова. Былъ Л. Н. Майковъ. Вечеромъ въ экипажѣ гвардіи. Были Великій Князь Алексѣй и Евгеній Максиміліановичъ Лехтенбергскій.

7. Въ обществѣ любителей сценическаго искусства. Читалъ Полонскій, князь Цертелевъ и я. Послѣ ужинали въ Ярославцѣ: Ѳедоръ Бергъ, Катенинъ, гр. Кутузовъ и кн. Цертелевъ.

9. Вечеромъ былъ съ Танечкой у Лермонтова. За ужиномъ, когда ушли дамы, было пустословіе великое.

18. Обѣдалъ у врачей [годовой обѣдъ] у Палкина.

23. Вечеромъ у Н. А. Адлерберга. Были у него Ал. Влад. Адлербергъ, Катенинъ и др.

26. Вечеромъ былъ у С. П. Боткина.

29. Былъ въ гимназіи Таганцевой съ Танечкой. Оба читали. Послѣ въ театръ, бенефисъ Жулевой „Смерть Агриппины". Разсказывалъ.

30. Былъ съ Танечкой вечеромъ на собраніи артистовъ въ „Медвѣдѣ". Были многіе изъ французской труппы. Говорилъ рѣчь: La critique.

31. Вечеромъ съ Танечкой у Суворина.

1888.

Январь.

3. Былъ на молебнѣ въ новой редакціи Русскаго Вѣстника. Вечеромъ съ бр. Барсуковыми у княгини Вяземской. Барсуковъ читалъ воспоминанія о Погодинѣ.

8. Въ Кавалергардскомъ полку большое собраніе. Привѣтъ мнѣ былъ сердечный.

10. У М. Н. Островскаго. Разбирали бумаги вмѣстѣ съ Морозовымъ и Мишей Островскимъ.

11. Вечеромъ съ Сережей Максимовымъ разбиралъ бумаги А. Н. Островскаго. Былъ Морозовъ.

17. У Галяври на Васильевскомъ Островѣ, смотрѣлъ соколовъ и кречетовъ. Заѣзжалъ къ Мюнстеру.

28. Вечеромъ на художественномъ вечерѣ у Кости Маковскаго. Блестящее собраніе. Былъ Великій Князь Владиміръ.

25. Украшалъ фойе.

27. Въ первый разъ шла „Псковитянка" и имѣла огромный успѣхъ.

23. У Ѳ. Н. Берга большое собраніе. Скучно.

29. У Маковскаго. „Іоаннъ Грозный" подходитъ къ концу.

Февраль.

1. На Митрофаньевскомъ кладбищѣ панихида по Л. А. Меѣ.

2. Большой обѣдъ издателя Нивы—Маркса. Были: Полонскій, Зичи, Н. А. Богдановъ, Полевой, Айвазовскій и др. Получилъ на память акварель Богданова. По окончаніи спектакля, опять къ Марксу. Нѣмецкій актеръ Боккъ разсказывалъ.

3. Бенефисъ Сазонова. Шумная овація. Былъ въ театрѣ Государь и Великія Князья.

6. Нездоровилось. Были у насъ на блинахъ бр. Барсуковы, бр. Максимовы, Модестъ Писаревъ [1].

√ **24**. Обѣдали у насъ гр. С. Д. Шереметевъ, бр. Барсуковы, Эльпидифоръ Вас. Барсовъ и П. И. Бартеневъ.

26. Обѣдалъ у бр. Барсуковыхъ,—провожали Барсова. Вечеромъ у Буренина.

29. Заходилъ къ А. А. Краевскому. Большой обѣдъ въ редакціи Новаго Времени. Были всѣ сотрудники. Сидѣлъ съ М. Г. Черняевымъ. Говорили рѣчи. Лучше всѣхъ сказалъ генералъ Пузыревскій.

Мартъ.

2. У В. И. Асташева, отнесъ книгу Гурія.

7. На капустѣ у актеровъ. Скучно и грязно съ пьяными.

10. Большой обѣдъ въ Малоярославцѣ. Были: генералъ Драгомировъ, Петрушевскій, М. Ѳ., наше конторское начальство, полковникъ Ширинкинъ. Бесѣда была веселая.

11. Обѣдалъ съ М. И. Драгомировымъ и М. Ѳ. Петрушевскимъ въ Ярославцѣ.

12. Въ Москву.

18. Вечеромъ бесѣдовалъ съ архитекторомъ Салтыковымъ.

19. Бесѣдовали въ Славянскомъ базарѣ съ Глѣбомъ Успенскимъ и сотрудниками Русской Мысли.

24. Обѣдалъ съ картографомъ Ильинымъ.

25. У князя Голицына. Завтракалъ. Были П. Д. Ахлестышевъ и кн. Мышецкій. Обѣдъ юбилейный графу Сальясу въ Эрмитажѣ. Встрѣтился съ стариннымъ пріятелемъ Святскимъ. Назначенъ Московскимъ почтъ-директоромъ.

26. Обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ. Получилъ дорогой подарокъ. Бесѣдовалъ съ кн. Петр. Дм. Святополкъ-Мирскимъ.

√ **27**. У Бор. Сер. Шереметева. Вечеромъ семейный вечеръ у гр. С. Д. Шереметева. Пѣла Н. А. Александрова, дочь княгини Голицыной, аккомпанировалъ на гитарѣ цыганъ Соколовъ. Прекрасный вечеръ. Е. В. Барсовъ загулялъ.

---

[1] Нѣкоторое время Горбуновъ былъ боленъ. Отмѣчены посѣтившіе: актеръ Свободинъ, В. П. Мордвиновъ, братья Максимовы, братья Веселаго, Аркадій Сатинъ, М. И. Писаревъ. Къ этому же времени относится описаніе засѣданія Палестинскаго общества. Ред.

Апрѣль.

1. Вечеромъ бесѣдовалъ съ писателемъ Чеховымъ.

3. У писателя Чехова.

5. Вечеромъ у В. С. Перфильева были: С. С. Перфильевъ, Шумахеръ, докторъ, Истоминъ и др. Бесѣда была очень умная и веселая. Возвратился домой въ 5 часовъ утра.

7. Чествовали меня въ Купеческомъ клубѣ. Большой обѣдъ. Гр. А. П. Барановъ сказалъ привѣтственное слово. Поднесли подарокъ. Послѣ были съ Меккомъ у Яра. Ночь и утро совершенно лѣтнія.

9. Вечеромъ ѣздилъ въ Рогожскую, Таганку и другія улицы.

12. Вечеромъ въ засѣданіи общества драматическихъ писателей. Шумное собраніе. Обидѣли Виктора Крылова. Описаніе этому въ № 105 Московскаго Листка.

13. Вечеромъ читалъ въ клубѣ докторовъ въ пользу Безекирскаго.

15. Вечеромъ въ Консерваторіи, участвовалъ въ концертѣ въ пользу Петра Васил. Шумахера. Успѣхъ огромный. Встрѣтился съ проф. Муромцевымъ. Послѣ концерта къ С. Д. Шереметеву. Утромъ былъ у меня Ив. Ив. Шанинъ.

21. Великій четвергъ. Пріобщались въ селѣ Захарьинѣ. Прекрасный священникъ. Были: Полторацкій, Миша Поповъ, Воронецъ, Антоновичъ. Выѣхали въ 8 часовъ въ Москву. На станціи давка: мужикъ тронулся по домамъ.

23. Великая суббота. Къ заутренѣ въ Кремль. Такой очаровательной ночи не помню.

24. Свѣтлое Воскресеніе. День теплый, божественный. Былъ у Лыжина, у Асафа Баранова. Большое у него было собраніе. Спорили о современныхъ писателяхъ. Обѣдали съ Танечкой у П. Боткина.

25. У Ив. В. Щукина.

26. Завтракалъ у гр. С. Д. Шереметева. Предложилъ онъ мнѣ жить въ Кусковѣ. Въ Петербургъ.

30. На юбилеѣ А. Н. Майкова. Говорилъ рѣчь отъ Генерала Дитятина и разсказывалъ. Вечеромъ въ „Медвѣдѣ“ съ Аверкіевымъ, Писаревымъ и Н. П. Барсуковымъ.

Май.

4. Вечеромъ у Влад. Павл. Безобразова.

6. Разбирали съ П. Осип. Морозовымъ бумаги А. Н. Островскаго. Читали мою съ нимъ переписку.

9. Въ Москву.

17. Въ Кусковѣ у гр. С. Д. Шереметева. Обѣдали княжны Черногорскія. Послѣ обѣда разсказывалъ и поднесъ книгу. Былъ генералъ-губернаторъ В. А. Долгоруковъ.

18. Утромъ былъ въ Кремлѣ и на Москвѣ рѣкѣ, смотрѣлъ крестный ходъ на Іордань.

26. Съ Рененкампфомъ и его женой у Троицы. Были въ ризницѣ, въ Виѳаніи.

28. На экстренномъ поѣздѣ отбыли съ Меккомъ и Извольскимъ въ Рязань. Обѣдали у стараго моего знакомаго генерала Кладищева, Рязанскаго губернатора. Послѣ обѣда была бесѣда, я разсказывалъ. Встрѣтился съ генераломъ Павленковымъ, стариннымъ моимъ знакомымъ, служилъ онъ въ Гатчинскихъ кирасирахъ.

29. Погода весь май стоитъ отвратительная. Мракъ на душѣ.

Іюнь.

10. Переѣхали на дачу въ Кусково.

11. Вечеромъ бесѣдовалъ съ редакціей „Московскаго Листка“ въ саду Арефьева [1].

16. Кусково. Обѣдали у насъ: Борисъ Сергѣевичъ Шереметевъ съ сыновьями, докторъ Голубининъ, Ив. Пл. Барсуковъ. Гуляли въ Арефьевскомъ саду. Въ 11 часовъ выѣхалъ на станцію Вешняки, чтобы ѣхать съ Меккомъ на Оку. Поѣздъ прошелъ мимо.

22. Обѣдалъ у насъ Борисъ Сергѣевичъ со всѣмъ семействомъ. Вечеромъ всѣ были у Барсукова. Проводилъ Шумахера домой паркомъ, побесѣдовали съ нимъ о старинѣ. Возвращался паркомъ. Темно и жутко.

Іюль.

3. Въ Перловку. Читалъ тамъ.

5. У Троицы.

11. Былъ въ Москвѣ на имянинахъ у Ольги Ник. Шереметевой. Вечеромъ выѣхалъ по Нижегородской дорогѣ къ М. Н. Островскому.

12. Пріѣхалъ въ Щелыково въ два часа. Михаилъ Николаевичъ очень обрадовался. Вечеромъ гуляли въ лѣсу, были на мельницѣ.

13. Цѣлый день провели въ прогулкѣ. Катался на лодкѣ, были въ лѣсу. Вечеромъ долго бесѣдовали на террасѣ.

20. Москва. Былъ на крестномъ ходу у Ильи пророка на Воронцовомъ полѣ.

21. Съ Ольгой Николаевной Шереметевой ѣздили къ Николѣ на Угрѣшу. Были: Танечка, Соня и все семейство Шереметевыхъ.

22. Обѣдали съ П. Д. Ахлестышевымъ у кн. Вас. Вас. Оболенскаго за Люберцами.

23. Обѣдали у насъ: Б. С. Шереметевъ, П. Д. Ахлестышевъ, Н. Н. Усовъ, гр. А. П. Барановъ и П. В. Шумахеръ. Послѣ проводилъ ихъ на станцію Вешняки.

24. Читалъ у Арефьева.

28. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Крестный ходъ. Очень многолюдно. Митрополитъ едва двигался сквозь толпу.

Августъ.

1. Въ Петербургъ. Въ Царское Село. Обѣдалъ у В. П. Погожева. Читалъ онъ мнѣ свои проекты.

---

[1] Театръ въ Кусковѣ въ саду „Гай“. Ред.

4. Обратно въ Москву.

6. Въ Домнино къ С. П. Яковлеву. Пріѣхалъ Ив. Вас. Павловъ, съ которымъ я радъ былъ встрѣтиться.

7. Въ Ельцѣ. Смотрѣлъ элеваторъ. Обѣдалъ въ усадьбѣ Ив. А. Кошелева.

8. Вернулся домой.

9. Выѣхалъ въ Нижній.

10. Былъ у губернатора. Очень мнѣ онъ обрадовался. Обѣдъ у Никиты Егорова въ честь пріѣзжихъ сановниковъ. Были: Т. И. Филипповъ, директоръ министерства Внутреннихъ Дѣлъ Вишняковъ, Саблеръ и прокуроръ Муравьевъ.

12. У М. Н. Баранова, ѣли пельмени на Пескахъ. У Филиппа Шипова большое собраніе.

16. Разсказывалъ въ пустомъ театрѣ.

18. Вернулся въ Кусково.

19. Въ Донскомъ монастырѣ. У Каменнаго моста смотрѣлъ крестный ходъ. Умилительное и торжественное зрѣлище.

21. Въ Петербургъ.

29. Обѣдали съ Барсуковыми у Донона. Вечеромъ былъ въ Яхтъ-Клубѣ, встрѣтилъ тамъ почетнаго командира Познанскаго и съ нимъ бесѣдовалъ.

Сентябрь.

1. Въ Москву.

3. Въ Михайловское. Въ Молочномъ домѣ.

6. Обѣдня съ архіерейскимъ служеніемъ. [Епископъ Александръ]. Въ Петербургъ.

17. Вечеромъ съ генераломъ Бильдерлингомъ выѣхали въ Лугу, къ Ипполиту Тарновскому. Пріѣхали въ первомъ часу ночи. Два дня по озеру на лодкѣ. Цѣлый день охотились.

19. Возвратился въ Петербургъ. Былъ у Михневича на совѣщаніи по поводу юбилея Сергѣя Максимова. Были Микѣшинъ и Терпигоревъ.

23. На панихидѣ по графѣ А. В. Адлербергѣ.

Октябрь.

1. На похоронахъ графа В. А. Адлерберга, въ Сергіевской Пустынѣ. Встрѣтился со многими знакомыми. Обѣдъ у Понсэ въ память Помяловскаго и чтеніе его произведеній. И то и другое скучно.

2. Вечеромъ работалъ въ фойе Александровскаго театра.

5. Вечеромъ въ театрѣ, шла пьеса Маркевича. Былъ позванъ Его Высочествомъ Принцемъ Ал. П. Ольденбургскимъ въ ложу.

6. Въ фойе.

7. Въ Публичной библіотекѣ: дѣлалъ выборки о Щепкинѣ.

12. Обѣдалъ у начальника Кавалерійскаго училища генерала Бильдерлинга. Былъ генералъ-ад. Обручевъ. Оказалось, что мы знакомы съ нимъ съ Некрасовскихъ временъ.

14. Въ крѣпости на имянинахъ у Ник. В. Коруковскаго. Былъ Сережа Максимовъ.

17. Былъ у насъ вечеромъ Вл. Михневичъ и Ивановъ Классикъ, совѣщались о юбилеѣ Максимова.

18. Убиралъ фойе. Слухъ о крушеніи царскаго поѣзда.

19. Въ городѣ тоска и унылый говоръ.

20. Въ церкви театральнаго училища. Молебенъ о спасеніи Государя.

22. На Педагогическихъ курсахъ читалъ въ пользу бѣдныхъ ученицъ.

23. Большое утреннее собраніе у генералъ-штабъ-доктора Кудрина.

24. Вечеромъ въ обществѣ литераторовъ, читали князь Волконскій и Лихачевъ и оба плохо.

Ноябрь.

1. Обѣдъ литераторовъ у Понсэ.—Градовскій сказалъ весьма глупую, нескладную рѣчь.

2. Вечеромъ былъ въ клубѣ Атаманскаго полка.

6. Въ залѣ „Фантазія“ панихида по М. С. Щепкинѣ и чтеніе. Читалъ біографію Щепкина.

12. Въ артистическомъ собраніи у Медвѣдя. Гитри читалъ.

20. Юбилей Максимова. Былъ у него утромъ на квартирѣ, а послѣ у Понсэ на обѣдѣ. Было шумно.

23. Завтракали въ Маломъ Ярославцѣ. Вуколъ Мих. Лавровъ, С. Максимовъ, М. Писаревъ, Лѣсковъ, П. И. Вейнбергъ, Свободинъ.

24. Обѣдалъ у М. Н. Островскаго. Были: министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, директоръ Азіатскаго департамента Зиновьевъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, Ев. Мих. Ѳеоктистовъ, сенаторъ Ушаковъ.

25. Читалъ въ гимназіи Гуревича съ Писаревымъ, Давыдовымъ и Свободинымъ. Вечеромъ бесѣдовали съ В. П. Мордвиновымъ въ Афганистанѣ.

Декабрь.

1. Бенефисъ. Заходилъ къ намъ Серг. Мих. Третьяковъ. Послѣ спектакля ужинали у Понсэ. Были: В. К. Меккъ, Малюша, Танечка, Хвощинскій, И. Г. Островскій.

2. Вечеромъ съ братьями Барсуковыми на торжественномъ засѣданіи общества любителей древней письменности. Былъ архіепископъ Алексѣй. Послѣ у графа С. Д. Шереметева. Григоровичъ чудесно говорилъ.

3. Утромъ въ Комитетѣ. Врачи почтили меня обѣдомъ у Понсэ. Были: В. С. Кудринъ, И. М. Тарновскій, И. А. Неклюдовъ, И. Д. Путилинъ, Сережа Максимовъ и другіе. Вендрихъ говорилъ рѣчь.

5. Вечеромъ былъ у насъ Абрамъ Петровичъ Хвощинскій.

6. Поздравлялъ Н. П. Барсукова съ ангеломъ. Былъ у нихъ архіепископъ Литовскій Алексѣй. Обѣдалъ у имянинника Н. В. Іерусалимскаго. Онъ назначенъ главнымъ медицинскимъ инспекторомъ. Вечеромъ игралъ съ Танечкой „Грозу“. Послѣ большое собраніе у бр. Барсуковыхъ. Были: Тертій Ивановичъ Филипповъ, С. Д. Шереметевъ, А. Ѳ. Бычковъ и многое множество.

7. Товарищескій обѣдъ у Понсэ. Скучно.

12. Вечеромъ въ литературномъ обществѣ. Были: Майковы, Полонскій, Суворинъ и др. Читалъ Давыдовъ разсказъ Чехова.

13. У братьевъ Барсуковыхъ. Мирза Казимъ интересно разсказывалъ о Персіи.

14. Утромъ былъ у А. Ник. Куломзина. Вечеромъ на бесѣдѣ у кн. В. П. Мещерскаго.

17. Утромъ у М. Н. Островскаго. Вечеромъ у государственнаго секретаря Половцева. Были: Влангали, Сабуровъ, Абаза, Гр. Несельродъ и др. Послѣ бесѣдовали у братьевъ Барсуковыхъ.

18. На годовомъ обѣдѣ у медиковъ. Говориль рѣчь и разсказывалъ.

22. Обѣдалъ у М. Н. Островскаго. Были: Ив. А. Вышнеградскій, Н. С. Петровъ, Плеве, Ев. М. Ѳеоктистовъ и И. Н. Дурново. Вечеромъ у Султанова Н. П. Барсуковъ читалъ о Погодинѣ. Были: А. Ѳ. Бычковъ, Ив. В. Помяловскій, П. И. Савваитовъ и др.

24. Большая бесѣда у М. Ѳ. Петрушевскаго. Былъ М. И. Драгомировъ. Большое мнѣ привѣтствіе. Дома вечеромъ была елка.

28. Обѣдалъ у Нади Васильевой.

29. Утромъ былъ у насъ М. И. Драгомировъ. Вечеромъ привѣтствовали Мишу Бочарова съ двадцатипяти-лѣтіемъ службы въ Маріинскомъ театрѣ.

30. Обѣдали у М. И. Драгомирова. Были: Н. С. Таганцевъ, сенаторы Сальковъ и Отмарштейнъ, генералъ Любовицкій и др. Милая, чудная бесѣда.

31. Встрѣтили Новый Годъ съ Танечкой у Суворина. Было очень весело. Я разсказывалъ удачно.

1889.

Январь.

3. Тертій Ивановичъ справлялъ свои имянины. Большое собраніе сановниковъ. Изъ министровъ были: М. Н. Островскій, И. А. Вышнеградскій, Плеве. Очень много разсказывалъ.

6. Читалъ въ залѣ Думы въ пользу гимназистовъ. Устраивалъ Ан. Ник. Куломзинъ.

7. Вечеромъ была сердечная бесѣда у гр. С. Д. Шереметева. Были только бр. Барсуковы.

8. На завтракѣ у бр. Барсуковыхъ. Оживленная бесѣда. Были: княжна Ал. Павловна Вяземская, кн. Петръ Пав. Вяземскій, Сер. Ал. Шереметевъ и Гамазовъ.

10. Вечеромъ въ Соляномъ городкѣ было состязаніе проф. Ивановскаго съ старообрядцами. Связался чортъ съ младенцами

11. Въ Публичной библіотекѣ [1].

---

[1] То же, и въ слѣдующіе дни. Ред.

25. Занимался въ библіотекѣ бр. Барсуковыхъ. Вечеромъ былъ у Митрофана Ильича Горскаго, тамъ былъ Ив. Адр. Мельниковъ.

27. Ѣздилъ смотрѣть ледяной замокъ.

29. Вечеромъ были съ Г. В. Лермонтовымъ у А. М. Унковскаго.

Февраль.

1. Вечеромъ въ кавалергардскомъ полку. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Владиміръ. Очень былъ привѣтливо встрѣченъ и имѣлъ успѣхъ.

3. Вечеромъ у Викт. Петровича Буренина. Задумалъ съ Хохловымъ и Васильевымъ артистическое путешествіе.

8. Большое собраніе въ Царскомъ Селѣ у В. С. Кривенко.

10. Участвовалъ въ Александровскомъ въ бенефисѣ Давыдова. Разсказывалъ въ присутствіи Государя.

14. Получилъ очень сердечную телеграмму отъ гр. С. Д. Шереметева.

15. Обѣдалъ у Фед. Ник. Берга. Григоровичъ первенствовалъ въ разговорѣ и говорилъ очень хорошо. Были: гр. Кутузовъ, Буренинъ, Татищевъ и др. Вечеромъ у Гр. Петр. Данилевскаго.

16. Обѣдали у М. Н. Островскаго. Были: Ив. Ал. Вышнеградскій, Т. И. Филипповъ, Гюбенетъ, Ев. М. Ѳеоктистовъ, Н. Ст. Петровъ.

26. Обѣдалъ у Влад. Алекс. Шереметева. Разсказывалъ онъ мнѣ о крушеніи царскаго поѣзда. Вечеромъ у государственнаго контролера Д. М. Сольскаго. Были: принцъ и принцесса Ольденбургскіе, Тертій Ивановичъ, Ольга Ивановна Черткова, А. Н. Апухтинъ, А. Ег. Тимашевъ. Разсказывалъ съ большимъ успѣхомъ.

27. Съ Ген. Федор. Карповымъ былъ на рыбной выставкѣ.

28. На рыбной выставкѣ.

Мартъ.

1. На рыбной выставкѣ съ Абрамомъ Хвощинскимъ.

2. На рыбной выставкѣ. Обѣдалъ у Кюба по приглашенію Е. В. Принца А. П. Ольденбургскаго. Были Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ и Ал. П. Апухтинъ.

3. На рыбной выставкѣ.

4. Въ Комитетѣ. Вечеромъ у Д. Ѳ. Кобеки, его рожденіе. Были: Г. Ѳ. Штендеманъ, скучный и неудачный Петровъ.

14. Въ Москву.

18. Обѣдалъ въ Англійскомъ клубъ, послѣ на Ордынкѣ у Ген. Ѳед. Карпова. Были Барсовъ и проф. Ключевскій.

26. Читалъ въ Комисаровской школѣ и въ Несвижскомъ полку. Получилъ отъ офицеровъ полка серебряный портсигаръ.

29. Утромъ у Перлова. Обѣдалъ у Г. Ѳ. Карпова. Были: гр. С. Д. Шереметевъ, Барсовъ, профессоръ Ключевскій.

30. Читалъ въ залѣ Собашниковой, потомъ у князя Ник. Петр. Мещерскаго. Высшее московское общество. Послѣ къ Вас. Степ. Перфильеву на дачу. Были у него: гр. С. Д. Шереметевъ, Истоминъ, Шумахеръ, докторъ Маклаковъ и Щепкинъ.

31. Читалъ въ Консерваторіи въ пользу... не знаю чего.

Апрѣль.

4. Бесѣдовалъ съ Суворинымъ и Чеховымъ въ Славянскомъ базарѣ.

7. У вечерни въ Успенскомъ соборѣ. Встрѣтились тамъ съ Аврорипымъ. У заутрени съ Елиз. Мих. въ храмѣ Христа Спасителя.

8. Великая суббота. У заутрени въ Кремлѣ. Послѣ заутрени у Никулиной, отъ нея къ Мекку, а оттуда къ гр. С. Д. Шереметеву. Большое собраніе. Были: П. Д. Ахлестышевъ, В. К. Истоминъ, кн. Петр. Пав. Вяземскій.

10. Читалъ въ залѣ Консерваторіи въ пользу Петра Вас. Шумахера.

13. Пріѣхалъ въ Петербургъ. Заходилъ къ Писареву. Дома засталъ серебряный кубокъ отъ кавалергардовъ.

22. У бр. Барсуковыхъ. Заходилъ къ нимъ гр. С. Д. Шереметевъ и разсказывалъ много интереснаго о Дворѣ.

27. Обѣдалъ у М. Н. Островскаго. Были: Тертій Ивановичъ, Ив. А. Вышнеградскій, Н. С. Петровъ, Ѳеоктистовъ, Евг. Мих., Куломзинъ, Ан. Ник. Послѣ обѣда пріѣхалъ Ив. Ник. Дурново и объявилъ, что онъ назначенъ министромъ Внутреннихъ дѣлъ.

28. Были у меня П. О. Морозовъ и Модестъ Писаревъ. Морозовъ читалъ объ А. Н. Островскомъ.

Май.

2. На похоронахъ у М. Е. Салтыкова. Поминовеніе у Понсэ. Сонечка уѣхала къ Потоцкимъ въ деревню.

11. Были на встрѣчѣ Персидскаго Шаха. Сидѣли съ Митей Микѣшинымъ на балконѣ въ палкинскомъ трактирѣ [1].

13. Бесѣдовали съ Сергѣемъ Терпигоревымъ на поплавкѣ противъ лѣтняго сада.

16. Обѣдалъ съ брат. Барсуковыми у Ивана Петровича Хрущева.

18. Былъ у бр. Барсуковыхъ. Провожали въ Вильно преосвященнаго Алексѣя, архіепископа Литовскаго. Вечеромъ съ Танечкой въ Павловскѣ. Встрѣтили Ан. Ѳ. Кони и В. С. Кривенко.

20. Въ Москву.

21. Скончался Сухотинъ [2]. Въ Плещеево.

Іюнь.

11. Выѣхали съ гр. С. Д. Шереметевымъ въ Михайловское. Заѣзжали въ Остафьево. Въ числѣ рѣдкостей находится жилетъ Пушкина, въ которомъ онъ былъ на дуэли. Пріѣхали въ Михайловское вечеромъ.

12. Вечеромъ много разсказывалъ.

---

[1] Проѣздъ Персидскаго Шаха описанъ отъ имени генерала Дитятина. См. т. II.

[2] С. М. Сухотинъ. Записки его напечатаны въ Русск. Архивѣ. Ред.

14. Съ Гр. С. Дмитріевичемъ въ Вороново къ Истомину, у него обѣдали.

17. Москва. Холодъ. Дождь. Тоска. У Всенощной въ церкви Троицы въ Сыромятникахъ.

28. Въ Москвѣ. Встрѣтился съ К. Т. Солдатенковымъ и бесѣдовалъ съ нимъ.

30. Былъ въ Химкахъ у Ал. Гр. Кузнецова. Встрѣтился тамъ съ Володей Маковскимъ.

Іюль.

7. Москва. На похоронахъ Софьи Павловны Акимовой.

16. Черствые имянины Влад. Карловича.

18. Въ Нижній.

19. Буря. Крушеніе барокъ на Окѣ, у моста. Встрѣтился съ Н. М. Барановымъ на мосту. Ярмарка пустая.

20. Москва. Въ крестномъ ходу, у Ильи пророка. Вечеромъ читалъ въ Кусковскомъ театрѣ.

25. Рано утромъ гулялъ по бульварамъ. Заходилъ въ церковь Похвалы Богородицы.

28. На Вантѣевкѣ. Пилъ чай въ старомъ саду.

31. Вечеромъ былъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Августъ.

1. Выѣхалъ на Кавказъ съ Меккомъ.

4. Въ Владикавказѣ. Дивная ночь. Тополя. Хлопоталъ съ Ал. Ив. Петровымъ на станціи объ лошадяхъ. Поужинали въ лѣтнемъ клубѣ.

5. Въ половинѣ седьмого утра выѣхали по военно-грузинской дорогѣ. Погода прекрасная. Завтракали на станціи Казбекъ. Небо свѣтлое, но Казбекъ въ облакахъ.

6. Въ 2 часа ночи въ Тифлисѣ, остановились въ гостинницѣ Лондонъ. Отъ Мцхета до Тифлиса было очень холодно. Были съ Меккомъ у Сергія Алексѣевича Шереметева—не застали. Былъ въ восточной банѣ. Катались по городу. Всѣ магазины заперты.

7. Утромъ по Закавказской дорогѣ выѣхали въ Баку.

8. Были на нефтяныхъ промыслахъ. Вечеромъ съ начальникомъ желѣзной дороги ѣздили на вѣчные огни. Были въ буддійскомъ монастырѣ.

10. Возвратились изъ Баку. Встрѣтились въ ресторанѣ съ Н. А. Вагановымъ. Завтракали съ Сер. Ал. Шереметевымъ и провели съ нимъ весь день. Вечеромъ съ Ан. Ильичемъ Чайковскимъ были въ лѣтнемъ собраніи, встрѣтилъ тамъ Брюста.

11. Въ два часа ночи выѣхали по военно-грузинской дорогѣ. На станціи Гудауръ страшный дождь. Не доѣзжая Коби, попали въ каменный завалъ. Елиз. Мих. перенесли на рукахъ. Я очень ловко перешелъ по камушка̀мъ. Терекъ надулся и ревѣлъ. Чудная картина въ Дарьяльскомъ ущельѣ ночью.

12—14. Въ дорогѣ.

15. Въ Москвѣ на открытіи театра Корша. Шла „Бѣдная невѣста“.

17. Ѣздилъ въ Царицыно къ гр. Н. Ал. Адлербергу и провелъ у него весь день.

19. Суббота у всенощной въ Успенскомъ соборѣ.

21. Въ Петербургъ.

31. На дачѣ у Михаила Николаевича Островскаго обѣдалъ. Были: министръ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственный контролеръ, товарищъ министра государственныхъ имуществъ, управляющій кабинетомъ Его Величества. Тертій Ивановичъ довезъ меня до Караванной. Очень интересный разговоръ о назначеніи его государственнымъ контролеромъ.

Сентябрь.

2. Братья Барсуковы и Д. А. Чаплинъ у насъ завтракали. Въ Москву.

3. Обѣдали съ Н. П. Барсуковымъ въ Эрмитажѣ. Встрѣтился тамъ съ нашимъ управляющимъ В. П. Погожевымъ, В. Ив. Танѣевымъ и профессоромъ Склифасовскимъ. Очень душевно побесѣдовали.

4. Выѣхали въ Михайловское. Прибыли къ вечернему чаю. Вечеромъ очень много разсказывалъ.

5. Были у обѣдни. Пріѣхали Усовъ и Варженевскій. Чудеснѣйшіе люди.

6. Были у обѣдни. Храмовой праздникъ. Служили четыре священника и два дьякона. День проведенъ великолѣпно.

7. Въ Москву. Вечеромъ въ Петербургъ.

9—12. Въ Публичной библіотекѣ.

14. Имянинникъ. Былъ Тертій Ивановичъ и много милыхъ людей. Сергѣй Васильевичъ, по обыкновенію, былъ безобразенъ.

21 и **22**. Дѣлалъ выписки въ театрально-литературномъ комитетѣ.

25. На Митрофаньевскомъ кладбищѣ панихида по Ап. Алек. Григорьевѣ.

23. Проводилъ Васю Перлова за границу. Заходили съ Скрыдловымъ къ Коршу.

29. Былъ у Скрыдлова.

Октябрь.

15. На обѣдѣ въ честь Острогорскаго.

18. У гр. С. Д. Шереметева. Онъ долженъ былъ у насъ обѣдать, но передъ самымъ обѣдомъ получено извѣстіе, что его разбили лошади. Его снесли въ дворецъ принца Ольденбургскаго. Пробылъ у него весь вечеръ.

19. Все утро провелъ у гр. С. Д. Шереметева. Многіе его навѣщали. Бесѣдовалъ долго съ генералъ-адъютантомъ Стюрлеромъ.

29. Вечеромъ у Г. В. Лермонтова. Былъ А. М. Унковскій, Ф. А. Барыковъ и др.

Ноябрь.

7. Въ Невской Лаврѣ на похоронахъ княгини М. А. Вяземской.

12. Утренній спектакль. Танечка въ первый разъ выступила въ отвѣтственной роли: „Липочка“. Дай ей, Господи, продолжать наше трудное дѣло.

√ **18**. Вечеромъ былъ у бр. Барсуковыхъ. Чудные они люди.

23. Обѣдалъ въ Ярославцѣ съ А. И. Антоновичемъ, А. И. Петровымъ и Васей Назаровымъ.

25. Въ засѣданіи общества вспомоществованія сценическимъ дѣятелямъ. Читалъ въ гимназіи Гуревича ученикамъ. Вечеромъ въ высшихъ женскихъ курсахъ читалъ. Послѣ у Е. Н. Жулевой съ Малюшей [1] и Танечкой на балу.

ДЕКАБРЬ.

√ **6**. У Н. П. Барсукова — именинникъ. Были: А. Ѳ. Бычковъ, Д. Ѳ. Кобеко, Л. Н. Майковъ, П. И. Савваитовъ, гр. С. Д. Шереметевъ, Хрущевъ, И. Аф. Бычковъ, Маринъ и др. Очень было весело.

9. Въ Царскомъ Селѣ у В. С. Кривенко. Большое собраніе. Пѣли и говорили.

10. Малюша присоединена къ Православной церкви. Т. И. Филипповъ былъ воспріемникомъ.

11. Утромъ занимался въ архивѣ Мин. Нар. Просвѣщенія.

12. Занимался въ архивѣ Мин. Народ. Просвѣщенія. Былъ у бр. Барсуковыхъ. Разсказывалъ. Бенефисъ Сазонова.

√ **13**. Послѣ спектакля съ гр. С. Д. Шереметевымъ были у гофмаршала кн. Влад. Сер. Оболенскаго.

√ **17**. Утромъ по Балтійской дорогѣ выѣхалъ въ Гатчину. Встрѣча съ гр. С. Д. Шереметевымъ. День очаровательный. Осматривалъ дворецъ. Имѣлъ большой успѣхъ на сценѣ. Понравился разсказ „Земское собраніе“. Были у П. А. Черевина. Ужинъ былъ оживленный.

24. Дѣвушки мои дѣлали елку.

25. У Нади Васильевой. Былъ дѣтскій спектакль.

√ **28**. Обѣдали у Кюба. Были Вел. Кн. Алексій Александровичъ, Евгеній Максимильяновичъ, принцъ Ал. Петр. Ольденбургскій и гр. С. Д. Шереметевъ.

30. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Хоронили С. П. Боткина.

1890.

ЯНВАРЬ.

√ **4**. Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ музей общества древней письменности. Были: Бычковъ, Майковъ, Помяловскій. Прочелъ я ему статейный списокъ изъ Эмса.

√ **8**. Обѣдали у бр. Барсуковыхъ. Были: Ив. В. Помяловскій и Вас. Гр. Васильевскій.

ФЕВРАЛЬ.

1. Получилъ подарокъ изъ кабинета Его Величества. Получилъ пансіонъ. Былъ у братьевъ Барсуковыхъ.

---

[1] Амалія Ив. Горбунова. Ред.

2. У насъ были блины. Присутствовали: бр. Барсуковы, Ив. В. Помяловскій, П. И. Савваитовъ, В. П. Мордвиновъ и Д. А. Чаплинъ.

3. Съ Г. В. Лермонтовымъ и Сережей Максимовымъ были на Невской фабрикѣ у Варгунина.

5. Обѣдалъ у Влад. Ал. Шереметева. Были Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ съ братомъ Георгіемъ Александровичемъ, кн. Петр. Пав. Вяземскій, полковникъ Васильчиковъ и Ковалевъ.

17. Вечеромъ у Сергѣя Львовича Левицкаго.

18. Обѣдалъ у бр. Барсуковыхъ. Вечеромъ читалъ въ пользу педагогичекъ.

22. Обѣдалъ у насъ Алек. Никол. Масловъ. Читалъ я ему „Ливорно“.

25. У Н. Иллар. Скрыдлова.

26. Вечеромъ въ обществѣ литераторовъ читалъ свой новый разсказъ „Ливорно“. Имѣлъ большой успѣхъ. Послѣ чтенія разсказалъ нѣсколько сценъ. Ужиналъ въ Ярославцѣ. Были Бергъ, Немировичъ-Данченко, бр. Барсуковы и Влад. Конст. Истоминъ.

28. Утромъ былъ у В. К. Истомина. Вечеромъ у бр. Барсуковыхъ. Былъ у нихъ и Мирза Казимъ. Интересенъ разсказъ его о смерти Грибоѣдова.

Мартъ.

4. Въ Москву.

6. Объявился Гурій.

7. Прошелъ слухъ о безпорядкахъ въ Петровской академіи.

9. Завтракалъ у гр. С. Д. Шереметева. Послѣ былъ на студентской сходкѣ. Вечеромъ у гр. С. Д. Шереметева. Былъ В. К. Истоминъ. Говорили о причинахъ студенческой смуты.

13. Завтракалъ у Е. Е. Леве. Вечеромъ читалъ въ драматическомъ кружкѣ.

20. Вечеромъ у редактора журнала „Русская Мысль“ Лаврова.

22. Въ Набилковскомъ училищѣ у Пав. Петр. Аврорина.

23. Вечеромъ былъ у Гликерьи Николаевны Ѳедотовой. Большое собраніе.

24. На вербное гулянье. Смотрѣли изъ трактира Тѣстова. Были Василій и Николай Перловы, Власовъ, Фигнеръ, Медея-Мей.

25. Вечеромъ разсказывалъ у артистки Ермоловой.

26. Былъ вечеромъ у Ишутиныхъ. Утромъ въ патріаршей палатѣ на мѵроваренiи.

29. Въ Захарьинѣ пріобщались.

30. Въ Успенскомъ соборѣ у Плащаницы.

Апрѣль.

5. Выѣхалъ въ Петербургъ.

11. Обѣдали у насъ Модестъ, Глама-Мещерская и Петръ Медвѣдевъ.

12. Похоронили на Митрофаньевскомъ кладбищѣ Н. Ив. Арди.

13. Былъ у Лейкина, онъ справлялъ свой юбилей. Не всякому къ лицу юбилей.

16. У М. И. Пыляева.

18. Вечеромъ съ Н. Д. Бенардаки у П. П. Дурново. Были: главноначальствующій на Кавказѣ кн. Дондуковъ, командиръ Кавалергардскаго полка Тимирязевъ и много другихъ.

23. Въ Невской Лаврѣ на панихидѣ по княгинѣ Вяземской. Послѣ у Петра Пав. Вяземскаго.

26. На юбилеѣ Тимофѣя Стуколкина.

28. Цѣлую недѣлю стоитъ нестерпимо холодная погода. Получилъ телеграмму изъ Москвы отъ Голофтеева: скончался гр. А. П. Барановъ. Отъ дѣтства его былъ мой другъ. Познакомился я съ нимъ въ Твери, 1 августа 1862 года.

Май.

1. Обѣдали въ гостинницѣ „Франція“. Вечеромъ выѣхали въ Псковъ. Были: гр. Дмитрій Сергѣевичъ, А. П. Барсуковъ, Н. В. Султановъ и Х. М. Лопаревъ.

2. Утромъ пріѣхали въ Псковъ и отправились въ Псково-Печерскій монастырь. На станціи насъ встрѣтилъ отецъ архимандритъ. Осматривали ризницу, библіотеку, ходили въ пещеры, служили молебенъ, обходили кругомъ монастырь, завтракали у отца архимандрита. Были свѣжіе грибы. Во время всенощной поѣхали обратно въ Псковъ. Провожалъ архимандритъ.

3. Въ Псковѣ. Утромъ пришелъ мѣстный археологъ Князевъ и вице-губернаторъ. Отправились осматривать древности Пскова. Были въ соборѣ и другихъ церквахъ. Пошли на маленькомъ пароходѣ по рѣкѣ Великой до озера. Завтракали на берегу. Вечеромъ, въ 11 часовъ, выѣхали въ Петербургъ [1].

9. На имянинахъ у Н. И. Скрыдлова. Ѣздили на Балтійскій заводъ, осматривали яхту „Полярная Звѣзда“.

18. Въ Москву.

19. Вечеромъ былъ у всенощной у Мартына Исповѣдника.

20. У обѣдни въ Шереметевской церкви.

27. Утромъ въ Харьковѣ. Были на открытіи печатни С. П. Яковлева. Вечеромъ въ Коммерческомъ клубѣ.

28. Были на фаянсовомъ заводѣ М. С. Кузнецова. Провели тамъ весь день.

30. Въ Орлѣ встрѣтилъ насъ С. П. Яковлевъ. Провели у него день въ деревнѣ. Въ Плещеево.

Іюнь.

8. Выѣхали съ гр. Сергѣемъ Дмитріевичемъ въ Иваново-Вознесенскъ. Пріѣхали на другой день въ 7 часовъ утра. Ѣздили на хуторъ, тамъ и обѣдали на воздухѣ.

11. Праздновали скромнымъ образомъ 35-тилѣтній юбилей П. А. Черевина въ трактирѣ Тѣстова. Были: Меккъ, С. С. Перфильевъ.

19. Съ членами тюремнаго конгреса въ с. Большевѣ. Обѣдали въ Купеческомъ клубѣ.

21. Въ Пушкинѣ. Ѣздилъ по окрестности. Былъ на „Кругу“.

---

[1] См. выше воспоминанія гр. С. Д. Шереметева. Ред.

23. Провожалъ на кладбище Василья Степановича Перфильева.

24. На Вантѣевкѣ провелъ цѣлый день въ саду.

30. Выѣхалъ въ Петербургъ.

31. У бр. Барсуковыхъ — не засталъ, они уѣхали въ Ревель.

Іюль.

3. Вечеромъ прокатился на пароходѣ на острова. На Крестовскомъ встрѣтился съ С. Л. Левицкимъ и мило побесѣдовали.

6. У М. И. Пыляева.

8. Былъ въ Яхтъ-Клубѣ на гонкѣ судовъ.

14. Обѣдалъ съ Абрамомъ Хвощинскимъ въ Яхтъ-Клубѣ.

16. Съ бр. Барсуковыми у Н. И. Новикова въ Шуваловѣ.

21. Ѣздилъ на Сиверскую станцію, въ д. барона Фредерикса читалъ въ пользу не знаю чью. Читалъ А. Н. Майковъ, пѣла Славина и др.

22. Пошли на царской яхтѣ „Голубка“ въ Петергофъ съ адъютантомъ Главнаго Морского Штаба Н. Н. Хвостовымъ. Воротились съ дороги: яхту отъ сильнаго волненія стало заливать. Пріѣхалъ въ Петергофъ на чугункѣ. Были съ Лермонтовымъ на иллюминаціи. Очень хороша.

23. Съ Н. П. Барсуковымъ на Петровскій островъ взять воздуху.

25. Получилъ ночью телеграмму съ приглашеніемъ обѣдать въ 5-мъ эскадронѣ лейбъ-гусарскаго полка. Изъ Краснаго Села доѣхалъ въ коляскѣ къ мѣсту расположенія эскадрона. Хозяиномъ обѣда былъ ротмистръ князь Гагаринъ. Въ половинѣ восьмого прибыли Государь Наслѣдникъ и В. К. Николай Николаевичъ младшій. Послѣ обѣда перешли въ лѣсъ, тамъ была музыка, пѣсенники, полевые цыгане. Жгли костры, гусары на палашахъ готовили шашлыкъ. Пѣли „Чарочка моя“... Государь Наслѣдникъ оставилъ бесѣду въ шестомъ часу утра. На станціи въ Красномъ встрѣтилъ принца Петра Александровича Ольденбургскаго и бесѣдовалъ съ нимъ до Лигово.

29. Участвовалъ въ Красномъ Селѣ въ спектаклѣ и имѣлъ хорошій успѣхъ. Былъ Государь, Наслѣдникъ, Великій Князь Владиміръ.

31. Участвовалъ въ Красносельскомъ театрѣ и имѣлъ большой успѣхъ. Въ театрѣ былъ Государь, Наслѣдникъ, Великій Князь Владиміръ и другіе великіе князья.

Августъ.

3. Выѣхалъ въ Москву.

8. Въ Нижній.

13. Обѣдъ у Никиты Егорова въ честь Н. М. Баранова. Пѣлъ хоръ.

14. Въ Москву. Въ Кремлѣ. Успенскій соборъ освѣщенъ. Очень тѣсно.

15. Былъ въ Симоновомъ монастырѣ, заходилъ въ Новоспаскій. Вечеромъ выѣхалъ въ Петербургъ.

21. Проводили А. Н. Майкова въ Константинополь.

24. Утромъ былъ у П. И. Савваитова [1].

28. Въ засѣданіи общества вспомоществованія сценическимъ дѣятелямъ. Послѣ долго бесѣдовалъ съ П. М. Свободинымъ.

29. Получилъ подарокъ отъ лейбъ-гусаръ.

30. У Ал. Плат. Барсукова — онъ имениникъ. Были: П. И. Савваитовъ, Кобеко, Л. Н. Майковъ и др. Открытіе спектаклей. Пѣли съ Танечкой гимнъ въ Александровскомъ театрѣ.

Сентябрь.

1. Обѣдалъ съ бр. Барсуковыми у кн. Л. Н. Оболенскаго. Былъ С. Н. Шубинскій.

3. Въ Петергофѣ у С. М. Третьякова. Балъ. Ночевалъ у Третьякова.

5. Выѣхалъ въ Москву.

6. Проѣхалъ прямо на Курскій вокзалъ. Въ двѣнадцать съ половиной выѣхалъ въ Подольскъ. Въ Михайловскомъ въ три часа. Сергѣй Дмитріевичъ и всѣ очень обрадовались моему пріѣзду. Гуляю. Очень много разсказывалъ. Былъ въ духѣ. Жили съ А. К. Варженевскимъ въ Молочномъ домикѣ.

9. Въ Петербургъ.

14. Имениникъ. Праздновалъ по старому. Было очень много гостей.

22. Цѣлый день писалъ.

23. У генералъ-штабъ-доктора Кудрина. Н. И. Казнаковъ говорилъ очень хорошія вещи.

Октябрь.

13. Во время болѣзни меня посѣтили В. С. Перловъ, И. Хрущевъ, С. Власовъ и мн. др.

14. Вечеромъ у графа Шереметева, читалъ біографіи актеровъ.

21. Дома весь день: нездоровилось. Былъ у насъ Д. В. Григоровичъ.

22. Устраивалъ фойе. Вечеромъ игралъ, послѣ спектакля читалъ въ Маріинской гимназіи, въ пользу бѣдныхъ гимназистокъ.

26. Утромъ на юбилейномъ завтракѣ у П. Я. Степанова. Вечеромъ разсказывалъ въ Михайловскомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ. Ихъ Высочества принцъ А. П. Ольденбургскій и Евгенія Максимиліановна приглашали меня въ ложу.

24. Вечеромъ бесѣдовали у Свободина. Были Костя Варламовъ, Полтавцевъ.

28. Вечеромъ у Михневича читалъ біографіи драматическихъ дѣятелей.

31. Вечеромъ у насъ были гости. Интересныя вещи разсказывалъ Васинька Максимовъ объ открытіяхъ въ медицинѣ.

---

[1] Пав. Ив. Савваитовъ, археологъ, авторъ труда о старинномъ русскомъ оружіи и утвари и др. Ред.

Ноябрь.

7. Обѣдалъ у Ѳ. Н. Берга. Были: П. П. Карцевъ, Суворинъ, Любимовъ, Случевскій, Гнѣдичъ и др.

12. Актеровъ затерло льдомъ въ Кронштадтѣ. Читалъ о Плавильщиковѣ въ Литературномъ Обществѣ.

14. Послѣ спектакля у Гр. С. Д. Шереметева—его рожденье. Много разсказывалъ и читалъ источники для исторіи театра. Былъ Принцъ П. А. Ольденбургскій.

16. Праздновали дома 35-тилѣтіе дѣйствительной службы. Пріѣзжалъ поздравить Его Высочество Принцъ А. П. Ольденбургскій, Гр. С. Д. Шереметевъ, В. К. Истоминъ, бр. Барсуковы и мн. др. Много было получено телеграммъ и писемъ. Вечеромъ разсказывалъ.

21. Вечеромъ былъ у Графа С. Д. Шереметева. А. П. Барсуковъ читалъ нѣсколько главъ изъ своего сочиненія. Былъ Ив. Ив. Пушкинъ и княгиня Урусова съ дочерьми.

22. Былъ у М. И. Семевскаго, встрѣтилъ у него Н. Н. Ге.

23. Вечеромъ у П. П. Гнѣдича.

25. Читалъ утромъ въ гимназіи Гуревича.

26. Въ Литературномъ Обществѣ, читалъ матеріалы для русскаго театра [о Храповицкомъ].

30. Скандалъ въ Александринскомъ театрѣ по поводу отставки Стрепетовой.

Декабрь.

6. Поздравилъ Н. П. Барсукова. Обѣдалъ у М. Н. Островскаго. Были: Ив. А. Вышнеградскій, Т. И. Филипповъ, Е. М. Ѳеоктистовъ, товарищъ министра Плеве, Д. В. Григоровичъ. Вечеромъ въ Экипажъ Гвардіи. Были: Великіе Князья Алексѣй Александровичъ и Евгеній Максиміліановичъ Лейхтенбергскій. Разсказывалъ съ большимъ успѣхомъ.

11. У насъ обѣдали: Н. М. Медвѣдевъ съ дочерью, Ал. Ив. Шубертъ, Писаревъ и Давыдовъ.

12. Читалъ на высшихъ курсахъ. Послѣ у Гр. С. Д. Шереметева,

13. Послѣ спектакля въ Самаркандѣ. Были: Принцъ Ал. Петр. Ольденбургскій, С. А. Шереметевъ и В. А. Шереметевъ. Пѣли цыгане.

20. Обѣдалъ у М. Н. Островскаго. Были: А. Н. Куломзинъ Ев. М. Ѳеоктистовъ, П. И. Архиповъ, Н. С. Петровъ, Плеве.

22. Разбиралъ бумаги покойнаго А. Н. Островскаго.

23. Спектакль въ Гатчинѣ. Разсказывалъ.

26. Вечеромъ у Гр. С. Д. Шереметева. Получилъ пріятное извѣстіе о моемъ успѣхѣ въ Гатчинскомъ спектаклѣ.

28. Большой завтракъ у братьевъ Барсуковыхъ. Были С. А. Шереметевъ, Анна Ал. Шереметева, княжна А. П. Вяземская, Гамазовъ, Павелъ Сер. Шереметевъ. Послѣ спектакля у П. А. Черевина.

30. На балу у Кривенко въ Царскомъ Селѣ.

31. Встрѣчали съ Танечкой Новый годъ у А. С. Суворина, отъ него заѣзжали послѣ ужина въ Александринскій театръ на актерскій балъ, который былъ очень скученъ.

1891.

Январь.

7. Разбиралъ словарь Островскаго.

15. Вечеромъ у Свободина на имянинахъ.

16. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ похороны Заешникова. Сорокапятилѣтіе Е. Н. Жулевой. Послѣ спектакля былъ съ Танечкой у нея.

20. Вечеромъ у пр. Ильинскаго.

25. У М. Н. Островскаго. Вечеромъ у С. Д. Шереметева. Были гусли.

Февраль [1].

12. Имянинникъ поэтъ Классикъ. Былъ у него въ Новой деревнѣ.

14. Обѣдалъ у гр. С. Д. Шереметева. Былъ преосвященный Амвросій Харьковскій.

18. Разбиралъ словарь А. Н. Островскаго.

19. Окончилъ.

27. Вечеромъ у больного Серг. Алекс. Шереметева.

Мартъ.

3. Заговлялись съ бр. Барсуковыми у В. П. Мордвинова.

4. У насъ блины. Были: Писаревъ, Рудневъ, Варламовъ, Карповъ, Далматовъ, А. Н. Масловъ и Вишневскій [Черниговецъ].

5. Въ Михайловскомъ театрѣ—на балу у французовъ. Говорилъ рѣчь по-французски.

16. Поминовеніе у бр. Барсуковыхъ Куника [2].

17. Обѣдалъ въ d' Angleterre съ М. И. Семевскимъ. Были князь Куракинъ съ женой.

Апрѣль.

11. Москва. Во французскомъ ресторанѣ [Столешниковъ переулокъ] бесѣдовалъ съ актерами Малаго театра. Обѣдалъ съ Ф. А. Некрасовымъ въ Эрмитажѣ.

12. Обѣдалъ у Губонина.

13. У Истомина. Вечеромъ у Ишутиныхъ.

14. У Аврорина, у М. С. Кузнецова, обѣдалъ у Перловыхъ. Проводилъ Назарова на желѣзную дорогу.

15. Былъ съ Н. К. Голофтѣевымъ въ Люблинѣ.

18. Былъ въ монастырѣ на Перервѣ.

19. Пятница. Въ Успенскомъ соборѣ у плащаницы. У Ишутиныхъ. Красили яйца.

20. Суббота. Въ Кремль. Встрѣтилъ А. Ф. Кони и графа Кутузова. Стояли заутреню въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Разговлялись у Нади, потомъ былъ въ Набилковскомъ училищѣ, а послѣ у Б. С. Шереметева. Домой съ Е. В. Барсовымъ.

---

[1] Записи за февраль и мартъ безъ года, но безъ сомнѣнія это 1891 годъ.

[2] Академикъ.

21. Былъ у Лыжина, завтракалъ у Голофтѣева, обѣдалъ у П. П. Боткина.

24. Въ Петербургъ. Вечеромъ у гр. С. Д. Шереметева. Привезли тѣло Великаго Князя Николая.

25. Обѣдалъ у М. Н. Островскаго. Были: Плеве, Вышнеградскій, Ѳеоктистовъ, Арх...., Зиновьевъ, Петровъ.

26. Вечеромъ у Езова. Были: братья Барсуковы, Л. Н. Майковъ, А. Ф. Бычковъ, посолъ Зиновьевъ.

30. Утромъ въ архивѣ министерства Народнаго Просвѣщенія о покушеніи на жизнь Наслѣдника.

Май.

3. Вечеромъ былъ у Д. А. Чаплина, читалъ онъ свои „Воспоминанія о князѣ Вяземскомъ".

8. Разбиралъ бумаги А. Н. Островскаго въ музеѣ у министра.

9. Читалъ на именинахъ у Веселаго.

11. Въ Публичной библіотекѣ.

13. У В. В. Христіани.

12—27. Писалъ.

Іюнь.

4. Въ Невской Лаврѣ хоронили Д. А. Чаплина.

Сентябрь.

14[1]. Арбузы. Ветчина московская, городская, жамбонъ. Коньякъ высокій. Бѣлуга каспійская. Фрукты. Поросенокъ московскій. Сельди Соловецкія. Виноградъ Крымскій. Балыкъ Донской. Грибы разные. Марсала на манеръ настоящей. Сыръ швейцарскій. Пирогъ. Икра астраханская. Телятина московская, лево. Лафитъ серпуховской тре вье. Водки, наливки, чай, кахетинское, кофе, пиво, варенье.

1892.

Январь.

1. На юбилейномъ обѣдѣ въ редакціи газеты „Свѣтъ".

3. Вечеромъ у Лермонтова. Были Ѳ. Л. Барыковъ, А. М. Унковскій. Генералъ Шильдеръ читалъ письма Александра I къ Аракчееву.

4. Вечеромъ у М. А. Варгуниной большое собраніе.

7. Большой обѣдъ у бр. Барсуковыхъ. Были Гр. С. Д. Шереметевъ, П. Д. Ахлестышевъ, графъ Ламсдорфъ, гр. Павелъ и Борисъ Сергѣевичи Шереметевы, гр. В. В. Пушкинъ, Бартеневъ.

---

[1] Именины И. Ѳ. Горбунова.

8. Въ Александровскомъ театрѣ. Пусто и скучно.

10. На свадьбѣ [1] у Гр. С. Д. Шереметева. Передъ обѣдомъ, въ залѣ, почтенъ былъ привѣтомъ Цесаревича.

11. Съ Ген. Вас. Лермонтовымъ обѣдали за Невой у Варгунина.

12. Танечка именинница. Было очень много милыхъ людей и много шампанскаго. Были: Гр. Сергѣй Дм. и Пав. Сер. Шереметевы, Мусинъ-Пушкинъ, Гр. Гудовичъ, Вася Шереметевъ [2], М. Ѳ. Петрушевскій, Модестъ, Сережа Максимовъ, Веселаго, Костя Варламовъ, Надя Васильева, бр. Барсуковы и др. Очень было весело.

13. Правилъ корректуру. Кончина Великаго Князя Константина.

17. Смотрѣлъ на печальную церемонію изъ буфета Александровскаго театра. Вечеромъ у Ив. Пет. Хрущева. Н. П. Барсуковъ читалъ Погодина. Были: попечители округовъ—Кіевскаго, Вельяминовъ-Зерновъ, Виленскаго—Сергіевскій и др.

18. У бр. Барсуковыхъ завтракали: княжна А. П. Вяземская, Анна Ал. Шереметева, Гр. С. Д. Шереметевъ, Гр. П. С. Шереметевъ, графы Мусинъ-Пушкинъ и Гудовичъ.

20. Вечеромъ въ засѣданіи по устройству театральной выставки въ Вѣнѣ.

24. Выбирали въ фойе портреты для Вѣнской выставки. Послѣ спектакля у Гр. С. Д. Шереметева. П. И. Савваитовъ сталъ замѣтно ослабѣвать.

28. Вечеромъ у П. И. Вейнберга литературное собраніе. Былъ А. Ф. Кони. Читалъ я о Волковѣ.

30. Былъ у Ип. Тарновскаго и Васи Максимова—оба именинники. Послѣ спектакля у Митеньки Скалона. Домашній спектакль и большой ужинъ.

31. Бесѣдовалъ утромъ у Кюба съ П. А. Черевинымъ и Никитой. Вечеромъ выѣхалъ въ Москву съ С. П. Яковлевымъ.

Февраль.

1. Вечеромъ въ Славянскомъ базарѣ встрѣтился съ Сувориным и Чеховымъ.

2. Завтракалъ у Васи Перлова. Былъ на вѣнчаніи сына М. С. Кузнецова. Вѣнчали въ залѣ, по старому обряду. Большой былъ обѣдъ.

3. Выѣхалъ въ Петербургъ.

8. Вечеромъ у насъ былъ спектакль. Играли наши дѣвицы. Публики было полна зала. Былъ душевный мой другъ Д. А. Скалонъ. Актеровъ трактовали ужиномъ.

9. Большой завтракъ у бр. Барсуковыхъ. Были: княжна А. П. Вяземская, Сер. А. Шереметевъ, Гр. С. Д. Шереметевъ. Вечеромъ у молодого доктора Боткина, сына покойнаго Сергѣя Петровича. Послѣ въ маскарадъ въ пользу сценическихъ дѣятелей. Танечка продавала что-то въ кіоскѣ.

---

[1] Свадьба графа Дм. С. Шереметева и графини Ирины Ил. Воронцовой-Дашковой.

[2] Василій Василіевичъ Шереметевъ, Горбуновъ называлъ его своимъ „дружкомъ“. Ред.

12. Вечеромъ у Гр. С. Д. Шереметева. Читалъ онъ о Самозванцѣ.

13. На пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ у Н. М. Благовѣщенскаго. Бесѣдовалъ съ Бильбасовымъ и Гильтебрантомъ. Нездоровилось. Блины у М. И. Семевскаго.

14. Утромъ у Гильтебранта. Подарилъ онъ мнѣ свой словарь.

15. Блины у бр. Барсуковыхъ. Вечеромъ у Великаго Князя Владиміра Александровича. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, Великая Княгиня Марія Павловна, герцогиня Богарне, испанскій посланникъ, князь Платонъ Оболенскій съ женою и др. Разсказывалъ послѣ ужина и имѣлъ большой успѣлъ.

18. П. А. Черевинъ и М. И. Драгомировъ угощали меня завтракомъ у Кюба. Была капуста великопостная.

20. У П. А. Черевина завтракалъ. Были: М. И. Драгомировъ, Рязанскій губернаторъ Кладищевъ, генералъ Темирязевъ, В. А. Шереметевъ, Никита Всеволожскій, генералъ Гессе и др. Былъ паровой налимъ.

24. Получилъ жалованье. Внесъ въ Комитетъ голодающихъ деньги, вырученныя на нашемъ спектаклѣ.

25. Большой завтракъ у П. А. Черевина. Мы съ Никитой готовили налима въ паровой кастрюлькѣ. Были: генералъ Рихтеръ, баронъ Веліо, Гр. С. Д. Шереметевъ, Евгеній Максиміліановичъ герцогъ Лейхтенбергскій. Въ 7 часовъ на обѣдѣ въ соединенныхъ Морскихъ Экипажахъ. Былъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Бесѣдовалъ съ Лазаревымъ и Скрыдловымъ.

28. Утромъ заходилъ къ Надѣ. Вечеромъ у Графа С. Д. Шереметева. Читалъ онъ намъ свои изслѣдованія о Димитріи Самозванцѣ. Былъ П. И. Бартеневъ и бр. Барсуковы. Была музыка и пѣніе, я разсказывалъ.

29. Большое собраніе и обѣдъ у А. С. Суворина по случаю шестнадцатой годовщины „Новаго Времени". Читалъ въ гимназіи Таганцевой.

Мартъ.

1. Вечеромъ на репетиціи у графини Клейнмихель.

5. Вечеромъ у Гр. С. Д. Шереметева. Были балалаешники. Большое собраніе.

8. Выѣхалъ въ Москву.

13. Обѣдалъ у новаго оберъ-полиціймейстера.

18. Былъ утромъ у Сергѣя Алек. Шереметева. У нихъ завтракалъ. Были съ Голофтѣевымъ въ Люблинѣ.

19. У Маковскаго въ мастерской. Обѣдалъ съ Маковскимъ въ Эрмитажѣ. У Ишутиныхъ.

20. Бесѣдовалъ съ В. М. Соболевскимъ, Глѣбомъ Успенскимъ и Н. К. Михайловскимъ въ Славянскомъ базарѣ.

22. Вечеромъ читалъ въ Большомъ театрѣ въ пользу голодающихъ.

24. Обѣдалъ у Варв. Алек. Морозовой. Были: В. М. Соболевскій и докторъ Сутугинъ.

25. Участвовалъ въ Большомъ театрѣ въ концертѣ въ пользу голодающихъ.

Апрѣль.

1. Ѣздили съ Голофтѣевымъ, Вульфертомъ и Абакумовымъ въ Люблино. Былъ у всенощной въ Перервинскомъ монастырѣ.

5. Воскресеніе Христово. Вечеромъ я былъ у В. К. Истомина. У него неожиданно былъ Великій Князь Сергій Александровичъ. Бесѣдовали до трехъ часовъ.

7. Обѣдалъ у графа П. П. Шувалова. Читалъ въ большомъ театрѣ въ пользу сценическихъ дѣятелей.

8. Выѣхалъ въ Петербургъ.

10. Къ Великому Князю Александру Михаиловичу. Легкое недоразумѣніе. Былъ Великій Князь Николай Михаиловичъ. Пили чай.

12. Вечеромъ у Великаго Князя Александра Михаиловича. Много разсказывалъ и остался собой не очень доволенъ. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій Михаиловичъ и Сергій Михаиловичъ, Гр. П. С. Шереметевъ, Орловъ, кн. Долгоруковъ, кн. Барятинскій, гр. Б. С. Шереметевъ.

14. Обѣдалъ у Петра Александровича Черевина. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ, князь Дм. Борис. Голицынъ, генералъ Гессе, Влад. Алек. Шереметевъ, кн. Н. Д. Оболенскій, кн. Кочубей, полковникъ Николаевъ, Никита Всеволожскій.

15. Вечеромъ у Гр. С. Д. Шереметева. Были братья Барсуковы. Бесѣдовали у Гр. Павла Сергѣевича.

18. Съ Н. П. Барсуковымъ обѣдали въ Гатчинѣ у князя Дмитрія Борисовича Голицына.

19. Читалъ въ пользу......?

22. Неожиданно былъ приглашенъ Вел. Княземъ Александромъ Михаиловичемъ пріѣхать въ часъ ночи. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Александръ, Георгій и Сергій Михаиловичи, Гр. Пав. Сер. Шереметевъ и др.

26. Вечеромъ заходилъ въ театръ. Очень мрачно.

Май.

4. Получилъ талонъ на двѣсти рублей на устройство фойе.

6. Цѣлый день писалъ. Вечеромъ у Гр. С. Д. Шереметева. Были: В. Кн. Сергій Михаиловичъ, Сергій Алексѣевичъ Шереметевъ, бр. Барсуковы. Читалъ „Деревенскія сцены“. Графъ Павелъ Сергѣевичъ передалъ мнѣ приглашеніе Великаго Князя Александра Михаиловича.

7. Вечеромъ у Великаго Князя. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ, Анастасія Михайловна, Александръ, Георгій, Сергій, Алексій Михайловичи. Послѣ ужиналъ у Кюба. Были: Сергій Алексѣевичъ Шереметевъ, П. А. Черевинъ, Никита и Вася Назаровъ.

8. Вечеромъ послѣдній вечеръ у Шереметева. Простился до будущаго сезона. Были: С. А. Шереметевъ, Евдокія Борисовна Шереметева, Вел. Кн. Сергій Михайловичъ, графини Воронцовы, бр. Барсуковы.

15. Выѣхалъ въ Москву.

16. Завтракалъ въ Московскомъ трактирѣ. Были: И. А. Всеволожскій, Погожевъ, Молчановъ, Рюминъ, Пчельниковъ и др.

18. Былъ съ С. П. Яковлевымъ въ селѣ Большовѣ на экзаменахъ въ народныхъ училищахъ. Воротились въ 11 часовъ вечера. Страшный пожаръ на Бабьемъ городкѣ.

20. Обѣдалъ съ Молчановымъ у Бубнова. Были съ Молчановымъ вечеромъ у Н. С. Тихонравова.

22. Обѣдалъ у К. Т. Солдатенкова въ Кунцовѣ. Были: Вульфертъ, Абакумовъ и др. Вечеромъ въ Англійскомъ клубѣ.

24. Былъ на Вантѣевкѣ у обѣдни. Обѣдалъ въ Пушкинѣ у Пастухова.

27. Выѣхалъ въ Харьковъ.

28. Участвовалъ въ спектаклѣ.

29. Выѣхалъ въ Москву.

Іюнь.

4. Въ Сокольникахъ.

5. Въ Перловкѣ.

6. На Воробьевыхъ горахъ.

7. Въ Люблинѣ.

10. Былъ у меня Фигнеръ и Костя Маковскій. Завтракали съ Фигнеромъ у Перлова.

12. Въ Перловкѣ. Обѣдъ былъ сервированъ въ Château de Perles.

14. Обѣдалъ въ Люблинѣ у Голофтѣева. Были: Городской Голова Алексѣевъ, Вл. Сер. Абакумовъ и др. Я пускалъ въ ходъ свое остроуміе и очень удачно.

17. Съ С. П. Яковлевымъ въ Козловѣ.

18. Открытіе типографіи. Большой обѣдъ. Изъ Тамбова были губернаторъ и вице-губернаторъ Чоглоковъ, старинный мой другъ, Ив. Евгр. Ададуровъ, Минодора Петровна и очень много приглашенныхъ. „Въ столъ смотрѣлъ“ я. Послѣ обѣда выѣхалъ въ Москву.

19. Въ Пушкино.

20. Писалъ письмо гр. С. Д. Шереметеву.

22. Въ Славянскомъ базарѣ бесѣдовалъ съ генераломъ Бискупскимъ и княземъ Куракинымъ.

Іюль.

2. Въ Ахтыркѣ у Ив. Мих. Матвѣева. Въ селѣ храмовой праздникъ.

15. Въ Гирѣево къ Надѣ.

19. Утромъ выѣхалъ въ Тулу. Концертъ Фигнера. Разсказывалъ съ большимъ успѣхомъ. Ночью выѣхалъ въ Москву съ кн. Д. Д. Оболенскимъ.

20. Крестный ходъ у Ильи пророка.

22. Въ Петербургъ.

25. Обѣдалъ въ Петергофѣ у гр. Ар. А. Голенищева-Кутузова.

28. Въ Красномъ Селѣ, въ лагерѣ у гусаръ. Обѣдъ въ лѣсу, въ палаткѣ. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ и В. К. Николай Николаевичъ. Иллюминація, фейерверкъ, пѣсенники—гусары и итальянскіе пѣвцы. Домой пріѣхалъ въ 8 часовъ утра.

30. Писалъ цѣлый день. Погода все время стоитъ ужасная.

Августъ.

2. Въ Петергофѣ обѣдалъ у Лермонтова. Бесѣдовалъ съ Ал. Ник. Пыпинымъ. Въ саду у Ѳедосѣевыхъ была иллюминація—заходилъ къ нимъ.

4. Утромъ получилъ приглашеніе быть въ Красномъ Селѣ у Цесаревича.

6. Въ Красномъ Селѣ—въ деревнѣ Михайловкѣ у Наслѣдника Цесаревича. Обѣдъ въ офицерской столовой. До обѣда бесѣдовалъ съ Вел. Кн. Сергіемъ Михайловичемъ. Цесаревичъ и все общество артиллеристовъ приняли меня съ большимъ расположеніемъ. За обѣдомъ сидѣлъ рядомъ съ Вел. Кн. Сергіемъ Михаиловичемъ. Послѣ обѣда была иллюминація и пѣли цыгане. Домой возвратился утромъ.

9. Обѣдалъ въ Петергофѣ у Г. В. Лермонтова. Были А. Н. Пыпинъ и генералъ Шильдеръ.

10. Писалъ.

14. У всенощной въ Невской Лаврѣ. Обѣдалъ въ Купеческомъ клубѣ съ А. И. Петровымъ. Обѣдъ отличный и компанія чудесная. Заходилъ къ Контанъ, видѣлъ А. Н. Плещеева, съ которымъ не видался болѣе двухъ лѣтъ. Онъ былъ съ Давыдовымъ.

16. На пароходѣ въ Петергофъ къ Лермонтову, тамъ обѣдалъ. Былъ генералъ Шильдеръ. Интересный разговоръ о Екатеринѣ и Павлѣ. На Смоленскомъ кладбищѣ — панихида по А. Е. Мартыновѣ.

19. Въ четыре часа ночи прислали за мной изъ Бель-вю. Скончался В. С. Перловъ.

22. Выѣхалъ въ Москву.

23. Прямо съ дороги въ церковь Адріана и Наталіи. Провожали съ С. П. Яковлевымъ на кладбище въ Алексѣевскій монастырь. Обратно къ Перловымъ съ барономъ Медемъ. Послѣ обѣда отъ Перловыхъ къ Кузнецову. Сидѣли на балконѣ. Былъ у Ишутиныхъ.

24. Выѣхалъ въ Петербургъ.

30. Завтракалъ у именинника Ал. Пл. Барсукова. При дивной погодѣ крестный ходъ въ Лавру, мимо нашихъ оконъ.

Сентябрь.

3. Выѣхалъ въ Москву.

5. Михайловское. У всенощной. Читалъ шестопсалміе.

6. У обѣдни. Послѣ обѣда на террасѣ разсказывалъ при полномъ успѣхѣ.

7. Въ Москву.

8. Въ Петербургъ.

13. Воскресенье. Имянинныя хлопоты. У всенощной въ Исаакіевскомъ соборѣ. Ужасная тѣснота.

14. Имянинникъ. Были: Т. И. Филипповъ, А. Ф. Кони, Д. В. Григоровичъ, Е. Н. Жулева, М. Писаревъ, П. М. Свободинъ, М. И. Пыляевъ, А. П. Коломнинъ, Н. А. Богдановъ и многіе друзья, Никита Всеволожскій, Ив. Д. Путилинъ. Обиліе плодовъ земныхъ и съѣстныхъ припасовъ изъ Москвы. Много телеграммъ. Усталъ.

16. Чествовали Модеста Писарева на сценѣ утромъ. Послѣ спектакля на ужинѣ въ Палкиномъ трактирѣ. Чествовали Писарева.

19. Былъ вечеромъ у Петра Ис. Вейнберга. Григоровичъ прочелъ нѣсколько главъ изъ своихъ воспоминаній.

20. Цѣлый день просидѣлъ у П. М. Свободина. Былъ Вейнбергъ, Вася Максимовъ.

21—24. Въ Публичной библіотекѣ.

25. Завтракалъ у А. А. Лебедева, бывшаго Казанскаго головы. Вечеромъ съ Танечкой на имянинахъ у Максимова. Противъ прежнихъ годовъ тише было.

28. Былъ у насъ утромъ Левъ Петровичъ Стуколкинъ.

29. Въ Публичной библіотекѣ. Вечеромъ заходилъ въ театръ. Подносили Е. Н. Жулевой хлѣбъ-соль по случаю ея выздоровленія.

Октябрь.

2. Вечеромъ въ Академіи Художествъ въ Обществѣ акварелистовъ. Послѣ съ Н. А. Богдановымъ въ Маломъ Ярославцѣ. Ѣли мозги.

4. Обѣдалъ у В. М. Тарновскаго по поводу его 30-ти лѣтняго юбилея. Кромѣ врачей никого не было.

9. Писалъ. Вечеромъ долженъ быть разсказывать. Пріѣхалъ въ театръ въ половинѣ десятаго. Кончился второй актъ комедіи „Шутники“. Свободинъ очень эффектно въ дверяхъ упалъ. Я помогъ ему встать и далъ ему нѣсколько ягодъ винограду. Онъ три раза вышелъ на вызовъ и пошелъ къ себѣ въ уборную, гдѣ моментально скончался. Спектакль не былъ докончен. Послѣ былъ въ Академіи Художествъ у акварелистовъ.

10. Цѣлый день писалъ.

12. Похороны Свободина. Былъ на кладбищѣ. Поминали блинами въ гостинницѣ Европа. Были: Сережа Максимовъ, Модестъ Писаревъ и др. Вечеромъ заходилъ къ Н. К. Шильдеру.

14. Завтракалъ у насъ Модестъ Писаревъ, Ив. Петр. Киселевскій. Обѣдалъ въ Крѣпости у имянинника И. В. Коруковскаго. Въ Михайловскомъ театрѣ разсказывалъ съ большимъ успѣхомъ.

17. Обѣдъ въ залѣ театральнаго училища. Говорилъ рѣчь и разсказывалъ.

19. Былъ у гр. С. Д. Шереметева. Были съ нимъ въ Академіи Наукъ.

24. Обѣдалъ у П. П. Варгунина за Невой. Читалъ въ докторскомъ клубѣ. Послѣ ужинали съ А. А. Генвентомъ и др.

26. Утромъ былъ у Д. В. Аверкіева—онъ имянинникъ.

27. Заходилъ въ шахматный клубъ, познакомился съ Чигоринымъ.

30. Послѣ въ Академіи у акварелистовъ. Очень радушный пріемъ.

Ноябрь.

1. Обѣдалъ у А. П. Барсукова. Заходилъ къ Варламову, у него былъ П. И. Чайковскій.

6. Въ Обществѣ любителей древней письменности, первое засѣданіе. Читалъ Шляпкинъ [1].

7. Вечеромъ бесѣдовалъ съ кн. Д. Д. и Столыпинымъ у Кюба.

9. Годовой обѣдъ въ Коммерческомъ собраніи. Въ театрѣ все мрачнѣй и мрачнѣй.

11. Въ 12 часовъ утра, на сценѣ, былъ объявленъ выговоръ Володѣ Давыдову. Печальное событіе.

12. Въ 12 часовъ выѣхалъ въ Кронштадтъ на пароходѣ. Шли черезъ ледъ. Въ Морскомъ собраніи былъ концертъ. Участвовала Надя Васильева. Ужинали въ собраніи.

13. Въ 7 часовъ черезъ ледъ протолкались доОраніенбаума. Вечеромъ у гр. С. Д. Шереметева. Производилъ смѣхъ.

14. На гимнѣ. Обѣдалъ у гр. С. Д. Шереметева—его рожденіе. За обѣдомъ сидѣлъ рядомъ съ молодой графиней Ириной Илларіоновной Шереметевой.

15. Обѣдалъ у капитана Бирилева, вернувшагося изъ кругосвѣтнаго плаванія.

18. Среда. Вечеромъ у гр. С. Д. Шереметева. Сидѣли съ бр. Барсуковыми. Больше никого не было. Сергѣй Дмитріевичъ разсказывалъ о домашней жизни Государя крайне интересныя вещи.

19. Вечеромъ были у насъ: бр. Барсуковы, Вася Максимовъ съ женой, Мальшинскій и гр. П. С. Шереметевъ. Ужинали.

21. На генеральной репетиціи пьесы Модеста Ильича Чайковскаго. Читалъ въ Маріинской гимназіи въ пользу гимназистокъ. Вечеромъ у принца Ал. Петр. Ольденбургскаго. Представленіе Миссъ Абботъ. Было большое собраніе врачей. Послѣ ужинали. Говорилъ съ большимъ успѣхомъ и очень меня привѣтствовали. За ужиномъ принцъ посадилъ съ собой рядомъ. Домой въ три часа. Ѣхали съ Н. С. Таганцевымъ.

26. Завтракалъ съ Георгіевскими кавалерами у Кюба. Встрѣча душевная съ генераломъ Чайковскимъ, комендантомъ Ивангородской крѣпости, съ которымъ не видѣлись двѣнадцать лѣтъ.

28. Бесѣдовалъ съ Еф. Ив. Кузьминымъ въ Вѣнѣ.

Декабрь.

1. Вечеромъ въ театрѣ: спектакль въ память Фонъ-Визина. Утромъ въ Невской Лаврѣ на панихидѣ по Фонъ-Визинѣ. Получилъ отъ гусаръ подарокъ.

---

[1] Проф. Илья Ал. Шляпкинъ, авторъ монографіи „Св. Дмитрій Ростовскій и его время“ и др. Ред.

2. У Ив. Ал. Мельникова.

6. Обѣдалъ у бр. Барсуковыхъ. Николай Платоновичъ именинникъ. Вечеромъ въ гвардейскомъ экипажѣ. Изъ Великихъ Князей были: генералъ-адмиралъ, Александръ Михаиловичъ, Константинъ Константиновичъ и др., Ал. Петр. Ольденбургскій. Очень я всѣми былъ привѣтствованъ. Послѣ ужина были цыгане и Миссъ Абботъ.

7. Былъ у Сергѣя Степановича Жихарева съ Сергѣемъ Атавой.

9. Послѣ театра у бр. Барсуковыхъ. Вечеромъ въ съѣздѣ архитекторовъ. Встрѣтилъ много старыхъ друзей по клубу художниковъ. Ужинали въ Палкиномъ.

12. Лютый морозъ. Вечеромъ у гр. С. Д. Шереметева. Былъ Тертій Иванов. Филипповъ, Вержбиловичъ. Была музыка. Импровизировалъ генерала Дитятина.

15. Въ Гатчино у П. А. Черевина. Были: полковникъ Озеровъ, Никита, кн. И. М. Голицынъ и др.

26. Былъ у В. Павл. Мордвинова. Славили Христа.

1893.

Январь.

4. Игралъ. Въ театрѣ былъ Государь, Императрица, Наслѣдникъ, Великая Княжна Ксенія. Послѣ спектакля на именинахъ у Тертія Ивановича. Собраніе звѣздоносцевъ. Очень былъ привѣтствованъ.

7. Утромъ съ гр. С. Д. Шереметевымъ поѣхали поздравлять принца А. П. Ольденбургскаго. Пріѣхали во дворецъ къ молебну. Вечеромъ былъ у принца А. П. Ольденбургскаго и разсказывалъ во время ужина. Были: Императрица, Владиміръ, Алексій, Цесаревичъ, В. Кн. Константинъ Константиновичъ. Имѣлъ успѣхъ.

8. Днемъ у П. А. Черевина солянка. Обѣдалъ въ Преображенскомъ полку [1].

10. Вечеромъ въ Александровскомъ театрѣ. Споръ о современныхъ драматическихъ писателяхъ. Тяжко.

16. Завтракалъ у Конст. Карл. Рененкампфа.

20. Былъ утромъ у нашего министра, потомъ у директора по поводу своей книги. Обѣдалъ у А. Д. Свербеева.

21. У Жемчужниковой, жены Александра Михайловича.

22. Вечеромъ на юбилеѣ П. А. Мельникова, былъ въ депутаціи въ Маріинскомъ театрѣ.

---

[1] Объ этомъ Горбуновъ такъ писалъ гр. С. Д. Шереметеву: „По окончаніи ужина мы сошли въ аппартаменты молодого принца и были трактованы шампанскимъ. На трактаціи присутствовали: Молодой человѣкъ, Константинъ Константиновичъ, Фелейзенъ, Соломонъ, Апухтинъ, гр. Комаровскій, Николай Петровичъ. Трактація была малая, но разговоръ и пѣніе длились до восхода солнца. На другой день, въ пятницу, я былъ приглашенъ на обѣдъ въ Преображенскій полкъ. Разговоръ имѣлъ мѣсто за столомъ до 12 часовъ. Какъ у меня хватило силы — не понимаю. За обѣдомъ присутствовали Наслѣдникъ Цесаревичъ, В. К. Константинъ Константиновичъ и принцъ Петръ Александровичъ“. Ред.

23. Въ департаментъ удѣловъ у кн. Вяземскаго, просилъ о напечатанiи своей книги. Обѣдалъ у Донона съ Пермскимъ губернаторомъ Погодинымъ.

25. Обѣдалъ въ Коммерческомъ клубѣ. Вечеромъ блестящiй вечеръ у князя Плат. Серг. Оболенскаго. Имѣлъ большой успѣхъ. Послѣ заѣзжалъ въ Атаманскiй полкъ.

28. Стоятъ все сильные морозы. Становится скучно. Утромъ у гр. Сумарокова-Эльстонъ. Завтракалъ. Подарилъ онъ мнѣ для нашего фойе портретъ кн. Юсупова.

30. У Рязанскаго губернатора Кладищева въ Европейской гостинницѣ.

Февраль.

1. Съ гр. С. Д. Шереметевымъ обѣдали у новаго государственнаго секретаря Муравьева. Были: Плеве, генералъ Роопъ, сенаторъ Мордвиновъ, Неклюдовъ и др. Послѣ у всенощной въ церкви гр. Шереметева.

3. Вечеромъ у гр. С. Д. Шереметева пѣлъ Рябининъ.

8. Справляли дома капусту. Были: М. Писаревъ, Надя Васильева, Потоцкая и др.

10. Вечеромъ былъ у А. Д. Свербеева.

11. Завтракалъ у Кюба. Кн. Оболенскiй разсказывалъ мнѣ подробности происшествiя въ Отсу. Онъ былъ очевидцемъ.

12. У Иванова-Классика—его рожденiе.

16. Вечеромъ съ С. Степ. Жихаревымъ бесѣдовали въ Маломъ Ярославцѣ.

17. Вечеромъ у гр. С. Д. Шереметева. Печаль. Скончался Влад. Алексѣевичъ Шереметевъ, командиръ конвоя. Великiй мнѣ былъ другъ.

18. Вечеромъ былъ у М. И. Анненкова. Парадный вечеръ. Много разсказывалъ. Подарилъ онъ мнѣ чудесный бухарскiй халатъ.

19. Въ засѣданiи Общества любителей древней письменности. Читалъ о Сандуновѣ.

20. Выѣхалъ въ Варшаву.

26. Варшава. Обѣдалъ у А. К. Пузыревскаго. Милая бесѣда.

27. Были у Всеволода Крестовскаго.

28. Концертъ съ огромнымъ успѣхомъ.

Мартъ.

3. Завтракалъ у милѣйшаго генерала Николая Степановича Хрулева. Обѣдалъ у начальника артиллерiи Николая Петровича Сидорова.

4. Концертъ въ Новогеоргiевской крѣпости. Тамъ и ночевалъ.

5. Воротился утромъ изъ крѣпости. Вечеромъ участвовалъ въ концертѣ въ Русскомъ Кружкѣ.

7. Вечеромъ въ Петербургъ. На вечерѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

9. Завтракали у Тертiя Ивановича Филиппова. Получилъ портсигаръ отъ министра Внутреннихъ Дѣлъ Ив. Н. Дурново.

10. Извѣстіе объ убійствѣ Н. А. Алексѣева.

11. Вечеромъ у Леонида Николаевича Майкова.

14. Выѣхалъ въ Москву.

16. Погода ужаснѣйшая. Духъ отвратительный.

18. Обѣдалъ у Н. К. Голофтѣева. Были: А. А. Козловъ, С. С. Перфильевъ. Послѣ на милой бесѣдѣ въ Московскомъ трактирѣ. Были: профессоръ Ключевскій, И. П. Барсуковъ и др. Зашла бесѣда наша за ночь.

19. Семидесятилѣтній юбилей Человѣколюбиваго Общества. Торжественное засѣданіе.

21. Вербное воскресеніе. Обѣдали съ Султановымъ у Арсентьича.

26. Великая пятница. Въ Успенскомъ соборѣ у вечерни. Завтракалъ съ Авроринымъ [1] у Тѣстова. Вечеромъ у Ишутиныхъ красили яица.

27. Великая суббота. Вечеромъ у Нади. Были съ ней у заутрени въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Никогда не было столько въ Кремлѣ народу. Разговлялись у Нади, потомъ поѣхалъ къ Борису Сергѣевичу Шереметеву. Заѣзжалъ къ оберъ-полиціймейстеру.

28. Воскресеніе Христово. Утромъ у Кузнецова, у Н. Перлова, у Голофтѣева, у Ишутиныхъ. Вечеромъ у В. Конст. Истомина. Были: Великій Князь Сергій, С. С. Перфильевъ, Д. С. Сипягинъ, Стаховичъ, Гадонъ. Разсказывалъ до изнеможенія. Разошлись въ пятомъ часу утра.

29. Выѣхалъ въ Петербургъ.

Апрѣль.

2. Ночью скончался графъ Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ.

5. Вечеромъ въ театрѣ. Гамлетъ. Уснулъ, сидя въ креслахъ. Обѣдалъ съ А. И. Петровымъ въ Коммерческомъ клубѣ.

10. Вечеромъ у Т. Ив. Филиппова. Сидѣли вдвоемъ и вспоминали прошлое.

11. На Васильевскомъ Островѣ у Бауера. Вечеромъ у Дурдина большое собраніе купеческой интеллигенціи.

12. Обѣдалъ въ Царскомъ у В. С. Кривенки.

13. Обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ у Ник. Ник. Комстадіусъ. Гусары. Очень было весело.

16. Вечеромъ у гр. Екатерины Павловны Шереметевой. Читали письма Царя Алексѣя Михайловича.

18. Вечеромъ читалъ въ артистическомъ кружкѣ.

19. Обѣдалъ въ Царскомъ у кн. Васильчикова. Былъ князь Барятинскій.

26. Понедѣльникъ. У бр. Барсуковыхъ. Былъ только одинъ сенаторъ Семеновъ [2]. Ѣли корюшку.

30. Обѣдалъ у Чернова.

---

[1] Директоръ Набилковскаго училища.

[2] Н. П. Семеновъ, членъ редакціонной комиссіи, авторъ соч. „Освобожденіе крестьянъ“. Ред.

Май.

2. Читалъ въ клубѣ артистовъ.

4. Обѣдалъ у П. П. Варгунина. Осматривалъ бумажную фабрику.

7. Въ годовомъ засѣданіи Общества любителей древней письменности. Тертій Ивановичъ читалъ объ Арсеніи Маціевичѣ.

8. Обѣдали у насъ: Н. П. Барсуковъ и гр. Павелъ Серг. Шереметевъ. Выѣхалъ въ Москву съ пѣвцомъ Серебряковымъ.

9. Въ Москвѣ. Былъ у Бориса Сергѣевича Шереметева, у Н. Перлова. Обѣдалъ съ Тѣстовымъ въ трактирѣ по случаю именинъ Н. В. Султанова. Были: Опекушинъ, Жуковскій и Фигнеръ.

10. Въ Набилковскомъ училищѣ, снесъ книги для подарковъ. Вечеромъ выѣхалъ въ Нижній.

11. Сѣли на пароходъ Кавказъ и Меркурій „Новосельскій“ и пошли въ 3 часа въ Казань.

12. У губернатора, у Степы Теренина, у Саши Лебедева.

14. Хлопоты по концерту. Былъ въ земскомъ собраніи. Вечеромъ бесѣда у профессора Ге.

15. По кабану на лодкѣ.

16. Въ Казанскомъ монастырѣ обѣдалъ у А. А. Лебедева.

17. Вечеромъ концертъ съ большимъ успѣхомъ въ залѣ Дворянскаго собранія.

18. Въ Панаевскомъ саду. Прощальный ужинъ. Были: С. В. Дьяченко, Степа, А. А. Лебедевъ и К. А. Юшковъ. Заходилъ прощаться къ профессорамъ Ге и къ Корсакову.

19. Въ Самару.

21. Въ Саратовъ. Вечеромъ у Ѳ. Ѳ. Иванова, предсѣдателя Судебной Палаты.

22. Былъ у губернатора, князя Бориса Борисовича Мещерскаго, брата моего покойнаго друга Василья Васильевича.

24. Былъ утромъ у кн. Льва Львовича Голицына. Онъ дворянскій предводитель. Пили чай на Волгѣ, у Борыкина. Вечеромъ въ саду Очкиной. Ужинали въ павильо́нѣ. Были: губернаторъ кн. Б. Б. Мещерскій съ женой, графъ Нессельродъ съ дочерью. Пѣли цыгане.

25. Концертъ.

26. Завтракали въ гостинницѣ. Были гр. Нессельродъ, милый полиціймейстеръ Ульрихъ и др. Вечеромъ выѣхалъ.

31. Въ Большовѣ съ С. П. Яковлевымъ на экзаменѣ въ сельскомъ училищѣ.

Іюнь.

1. На актѣ въ Набилковскомъ училищѣ. Получилъ жетонъ.

2. Къ Троицѣ.

3. Выѣхалъ въ Петербургъ.

7. У Дашкова.

9. Прощальный дружескій обѣдъ П. А. Ефремову у Донона. Были: Гр. Коз. Рѣпинскій, П. Я. Дашковъ, Д. Ф. Кобеко. Занимался утромъ въ сенатскомъ архивѣ.

13. У А. Д. Свербеева большая бесѣда утромъ. Былъ А. А. Лопухинъ.

20. Обѣдали у насъ бр. Барсуковы и Л. Н. Майковъ. Кончина Михаила Ѳомича Петрушевскаго. Великій былъ мой другъ.

28. Выѣхалъ въ Москву.

29. Въ Михайловское на серебряную свадьбу.

30. Дивный день. Большой пиръ въ палаткахъ. Цыгане. Заболѣло горло, упалъ духомъ.

Іюль.

1. Михайловское. Утромъ сидѣлъ въ Молочномъ домѣ на террасѣ съ Яковомъ Петровичемъ Полонскимъ, говорили о современной литературѣ. Послѣ обѣда выѣхалъ въ Москву. Съ курьерскимъ выѣхалъ въ Петербургъ.

2. Въ Либаву.

13. Обѣдалъ у насъ Георгій Ѳедоровичъ Штендманъ. Вечеромъ бесѣда съ нимъ въ кургаузѣ [1].

19. Вечеромъ въ Кургаузѣ встрѣтилъ моряковъ съ корвета „Скобелевъ“.

20. Въ 10 часовъ утра пошли съ Танечкой на паровомъ катерѣ на фрегатъ „Скобелевъ“. Любезный пріемъ и угощеніе. Сняли кадеты съ насъ карточку. Великій Князь Алексѣй Михайловичъ былъ очень привѣтливъ и любезенъ. Разсказывалъ. По возвращеніи въ Либаву, ѣздили осматривать военную гавань. Обѣдали въ лѣсу.

Августъ.

1. Читали съ Танечкой въ кургаузѣ въ пользу Николаевскаго братства.

3. Обѣдалъ въ кургаузѣ со Свербеевымъ.

8. На кораблѣ „Александръ II“. Шли на паровомъ катерѣ. Испортилась машина. Насъ привелъ на буксирѣ Н. Н. Арцеуловъ. Адмиралъ угостилъ въ своей каютѣ обѣдомъ.

9. Концертъ въ кургаузѣ съ большимъ успѣхомъ.

11. На кораблѣ „Герцогъ Эдинбургскій“.

12. Пошелъ бродить по Либавѣ. На улицѣ большое движеніе. Въ 11 часовъ раздались выстрѣлы. Ровно въ три часа Государь съ Императрицей, Цесаревичемъ, В. К. Алексѣемъ прибыли въ церковь. Я стоялъ около паперти. Государь и Великій Князь удостоили меня привѣтомъ и разговоромъ.

13. Утромъ въ 8 часовъ на придворномъ поѣздѣ выѣхалъ въ Петербургъ. За станціей Можейка поѣздъ былъ возвращенъ обратно въ Либаву. Выѣхалъ въ Петербургъ въ 11 часовъ ночи.

Сентябрь.

5. Въ Михайловское. Читалъ шестопсалміе.

7. Послѣ обѣда выѣхали съ Иславинымъ въ Москву. На дорогѣ нашли Я. П. Полонскаго, у него упала въ канаву коляска [2]. Выѣхали въ Петербургъ.

---

[1] Тоже почти ежедневно.

[2] Горбуновъ разсказывалъ потомъ, что Я. П. Полонскій съ своимъ костылемъ какъ „аистъ“ стоялъ въ полѣ на одной ногѣ. Ред.

18. Приводилъ въ порядокъ труды по Исторіи театра.

20. Обѣдалъ съ Сем. Сем. Яковлевымъ у Донона.

22. Обѣдалъ на Васильевскомъ Острову у Н. В. Смирнова. Была вся театральная контора.

23. Вечеромъ былъ у насъ Н. А. Крашевскій.

24. Въ театрѣ „Горячее сердце“. Очень блѣдно и не хорошо.

Октябрь.

1. У художника Бенуа.

2. Сердечная радость по прочтеніи телеграммы изъ Тулона. Вечеромъ въ фойе собраніе актеровъ.

6. Проводилъ на Николаевскую дорогу прахъ А. Н. Плещеева. Знакомство наше началось въ 1860 году. Вечеромъ писалъ.

10. Завтракалъ у М. Н. Мосягина.

11. Рожденіе П. А. Черевина. Большой завтракъ. Были: князь Бор. Фед. Голицынъ, Ив. Мих. Голицынъ, кн. Тумановъ, полковникъ Кобылинъ, Дицъ и др.

12. Былъ въ нашемъ музеѣ кн. Оболенскій.

14. Обѣдалъ у Кюба съ А. И. Петровымъ. Были педагоги коммерческаго училища.

15. Въ Академіи Художествъ, въ обществѣ акварелистовъ. Пріемъ французскихъ актеровъ. Разсказывалъ.

18. Читалъ въ Литературномъ Обществѣ о Медоксѣ.

19. Завтракалъ съ Модестомъ въ Авганѣ.

20. Вечеромъ въ театрѣ. Послѣ спектакля бесѣдовалъ съ Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ у Лейнера. Какой милый человѣкъ этотъ Петръ Ильичъ!

24. Вечеромъ читалъ въ Маріинской гимназіи съ большимъ успѣхомъ.

25. Утромъ въ Гатчино. Завтракалъ у П. А. Черевина. Были Гофмаршалъ кн. Ив. М. Голицынъ, Никита, кн. Тумановъ, полковникъ Озеровъ. Въ эту ночь скончался Петръ Ильичъ Чайковскій. Дружба наша началась у Христіановича въ 1860 году осенью.

27. Подписывали адресъ Григоровичу.

28. Похороны П. И. Чайковскаго.

29. Къ Принцу Ольденбургскому. Очень былъ привѣтствованъ. Были: Ив. Н. Дурново, гр. Шереметевъ, Шостакъ. Цѣлый ужинъ разсказывалъ и имѣлъ большой успѣхъ.

30. Встрѣтился съ гр. С. Д. Шереметевымъ и старымъ княземъ Голицынымъ-Прозоровскимъ у Кюба.

31. На юбилейномъ обѣдѣ у Григоровича. Говорилъ рѣчь отъ генерала Дитятина—успѣхъ [1].

Ноябрь.

1. Вечеромъ юбилейный спектакль въ честь Григоровича. Игралъ. Во время спектакля посѣтили фойе: Ихъ Высочества Евгенія Максимиліановна, принцы Александръ и Петръ Ольденбургскіе, герцогъ Е. М. Лейхтенбергскій.

---

[1] См. выше „Отзвуки разсказовъ Горбунова“. Ред.

4. Обѣдалъ у Н. Ст. Таганцева. Были: А. Ф. Кони и Сережа Максимовъ.

8. Вечеромъ у бр. Барсуковыхъ. Были новый вице-президентъ Академіи Л. Н. Майковъ и др.

12. Вечеромъ въ Академіи Художествъ привѣтъ Д. В. Григоровичу. Большое собраніе. Имѣлъ большой успѣхъ.

16. Обѣдалъ у Скрыдлова, милаго адмирала.

17. Цѣлый день бесѣдовали у бр. Барсуковыхъ. Былъ П. Д. Ахлестышевъ, Тверской губернаторъ и разсказывалъ очень интересныя вещи.

19. Вечеромъ на пятницѣ въ Академіи Художествъ. Большой мнѣ привѣтъ отъ художниковъ, по случаю исполнившагося 16 ноября сорокалѣтія моего на сценѣ.

21. Воскресенье. Обѣдалъ у бр. Барсуковыхъ, вечеромъ у нихъ же. Былъ гр. Б. С. Шереметевъ.

23. Въ Царскомъ Селѣ, въ 1 эскадронѣ праздникъ. Былъ Цесаревичъ, В. К. Николай Николаевичъ. Завтракали. Пѣли „Чарочку“. Разсказывалъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ—въ Александровскомъ театрѣ, привѣтъ Дюжиковой.

25. Читалъ въ гимназіи Гуревича съ Писаревымъ.

27. Вечеромъ на черствыхъ именинахъ у Жулевой. Взрывъ въ Парижѣ въ Палатѣ депутатовъ.

28. Былъ у герцога Е. М. Лейхтенбергскаго, снесъ генеральскія карточки.

30. Утромъ заходилъ въ театръ. Боже! какая скука.

Декабрь.

2. Обѣдалъ у П. М. Зеленко. Большое собраніе. Были герцогъ Е. М. Лейхтенбергскій, П. А. Черевинъ, градоначальникъ Валь и др.

3. Обѣдалъ въ Лейбъ-Егерскомъ полку.

4. Поздравлялъ Вар. Пав. Тарновскую. Читалъ въ залѣ Думы въ пользу недостаточныхъ слушательницъ. Послѣ у Варвары Павловны Штиглицъ.

5. Вечеромъ у Суворина. Былъ Я. П. Полонскій.

6. Утромъ у бр. Барсуковыхъ. Обѣдалъ въ Экипажѣ Гвардіи. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ, генералъ-адмиралъ, В. К. Константинъ Константиновичъ и Евгеній Максимиліановичъ. Послѣ обѣда разсказывалъ въ гостиной, потомъ въ залѣ и имѣлъ большой успѣхъ. По возвращеніи домой, былъ вновь приглашенъ Цесаревичемъ. Было три часа ночи. Не чувствовалъ никакого утомленія.

8. Съ П. А. Черевинымъ и кн. Тумановымъ навѣщали больного Никиту Всеволожскаго.

9. Былъ у насъ полковникъ Вишневскій изъ Кіева. Привезъ мнѣ отъ М. И. Драгомирова карточку.

10. Вечеромъ у гр. С. Д. Шереметева. Были у него: Д. С. Сипягинъ, Шлиппе, Екатеринославскій губернаторъ, пр. П. А. Ольденбургскій.

12. Въ 6 съ 1/2 утра въ Твери. Павелъ Дмитріевичъ Ахлестышевъ выслалъ за мной экипажъ. Были съ Дубасовымъ у обѣдни.

Завтракали у Ник. Ник. Усова, обѣдалъ у Павла Дмитріевича. Концертъ. Получилъ отъ публики подарокъ. Послѣ концерта большой ужинъ у Павла Дмитріевича. Все высшее Тверское общество. Очень былъ привѣтствованъ. Въ два часа ночи въ Петербургъ, съ полковникомъ Дубасовымъ.

15. На юбилейномъ ужинѣ хирурга Павлова у Контана. Бесѣдовалъ съ профессоромъ Полотебновымъ.

22. Проводилъ покойнаго Алексѣя Михайловича Уньковскаго въ мѣсто упокоенія.

26. Воскресенье. Утромъ и вечеромъ у бр. Барсуковыхъ. Вечеромъ были Л. Н. Майковъ и Фуксъ [1]. Утромъ поздравлялъ Ефима Ивановича Кузьмина съ ангеломъ.

27. Съ Меранвиль у Никиты Всеволожскаго. Онъ все еще боленъ. Были у него Петръ Алек. Черевинъ, князь Борисъ Федоровичъ Голицынъ.

29. Обѣдалъ у В. С. Храповицкаго. Жена его милѣйшая барыня.

1894.

Январь.

12. Таничка именинница. Были: П. А. Черевинъ, Матвѣй Кузнецовъ, Надя Васильева и очень много гостей. Вечеромъ былъ приглашенъ В. К. Владиміромъ ужинать въ Яхтъ-Клубѣ. Были: В. К. Владиміръ, В. К. Марія Павловна, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Алексѣй и Павелъ, П. А. Черевинъ, графъ и графиня Шуваловы и др. Имѣлъ огромный успѣхъ, не бывалый.

13. Ужиналъ на дачѣ у А. П. Ольденбургскаго. Пѣли цыгане. По возвращеніи въ городъ съ Серг. Алекс. Шереметевымъ ѣли устрицы у Пивато.

15. Мрачно.

16. У бр. Барсуковыхъ. Вечеромъ у Сабуровой, дочери гр. Сологуба, на раутѣ. Имѣлъ большой успѣхъ. У А. Д. Свербеева.

17. Ноетъ сердце, падаетъ духъ. Вечеромъ у бр. Барсуковыхъ.

18. Обѣдалъ въ Царскомъ у лейбъ - гусаръ. Послѣ обѣда заходилъ къ княгинѣ Васильчиковой—жена командира полка.

19. Тяжело.

20. Вечеромъ на раутѣ у гр. Н. А. Адлерберга.

21. Завтракалъ у П. М. Зеленко. Вечеромъ въ засѣданіи Древней Письменности, и послѣ у гр. С. Д. Шереметева. Былъ въ расположеніи и говорилъ много и имѣлъ успѣхъ.

22. Были у Ив. В. Рукавишникова, подарилъ онъ мнѣ гравюры.

24. Вечеромъ въ театрѣ „Бѣдность не порокъ", сорокалѣтній юбилей пьесѣ.

26. У пр. А. П. Ольденбургскаго пѣли цыгане. Были: В. Кн. Николай Николаевичъ младшій, гр. С. Д. Шереметевъ, Д. С. Сипягинъ, П. А. Черевинъ, Фелейзенъ, Никита Всеволожскій.

---

[1] В. А. Фуксъ, преподаватель исторіи въ гимназіи Л. И. Полинова и затѣмъ директоръ Бѣлгородской мужской гимназіи. Ред.

28. У гр. С. Д. Шереметева. Были бр. Барсуковы и адмиралъ Арсеньевъ.

29. Рожденіе Петра Серг. Шереметева. Большой ужинъ. На юбилейномъ обѣдѣ Бергу.

31. У П. А. Черевина. Вечеромъ у принца П. А. Ольденбургскаго. Читалъ Григоровичъ свои воспоминанія. Собраніе не большое, ужинъ чудный.

Февраль.

1. Утромъ былъ у Гнѣдича. Былъ А. Ф. Кони.

3. На Невѣ. Были: принцъ П. А. Ольденбургскій, Д. С. Сипягинъ, баронъ Фелейзенъ, Никита, кн. Борисъ Федоровичъ Голицынъ, полковникъ Рейтернъ. Пѣли цыгане и венгерскіе музыканты.

Мартъ.

5. Вечеромъ у Н. Бор. Шереметева [Московскаго]. Были Н. П. Барсуковъ, Б. С. Шереметевъ и Евреиновъ.

13. У Тертія Ивановича раутъ по случаю 30-ти лѣтія его службы въ Контролѣ.

Апрѣль.

21. Утромъ у Георг. Федор. Штендеманъ. Пригласилъ онъ меня принять участіе въ словарѣ Императорскаго Историческаго Общества. Вечеромъ у бр. Барсуковыхъ.

28. Вечеромъ былъ у Л. Н. Майкова. Были академики.

29. Въ Патріаршей палатѣ завтракалъ. Были: гр. Екатерина Пав. Шереметева, Анна Сергѣевна, княжна А. Пав. Вяземская, гр. Пав. Серг. Шереметевъ, Таничка, кн. Святополкъ-Мирскій. Вечеромъ заходилъ въ театръ. Помраченіе.

Май.

5. Вечеромъ въ засѣданіи Древней Письменности. Помолвка гр. Анны Серг. Шереметевой. Ужинали.

6. Завтракалъ съ Серг. Ст. Перфильевымъ у Лейнера.

8. Похороны М. И. Филиппова въ Невской Лаврѣ. Встрѣча съ М. Н. Островскимъ. Изъ Лавры бр. Барсуковы у насъ завтракали.

10. Бесѣдовали съ Ильей Ильичемъ Ростовцевымъ у Донона.

13. Въ Красномъ Селѣ у Преображенцевъ. Былъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Ночевалъ.

20. Получилъ приглашеніе отъ гр. Ал. Дм. Шереметева на пожарное торжество въ Ульянку.

22. Архіерейское служеніе. Обѣдню стоялъ въ алтарѣ. Парадный обѣдъ. Освященіе пожарныхъ знаменъ. Вечеромъ фейерверокъ. Бесѣда за ужиномъ.

26. Въ Гатчинѣ у П. А. Черевина. Какой онъ отличный человѣкъ! Послѣ завтрака пѣли казаки.

29. Большой завтракъ у Кюба давалъ Сергѣй Петровичъ Дурасовъ Великому Князю Николаю Николаевичу. Послѣ завтрака у бр. Барсуковыхъ.

31. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у кн. Васильчикова, командира Гусарскаго полка, въ Царскомъ Селѣ.

Іюнь.

3. Заходилъ въ Невскую Лавру. Страшная тѣснота. Въ церковь не проникъ.

6. Цѣлый день разбиралъ матеріалы для исторіи театра. Вечеромъ былъ въ Новой деревнѣ у Штрауса на музыкѣ. На возвратномъ пути бесѣдовалъ съ Ге у Палкина.

19. Вечеромъ выѣхалъ съ П. А. Черевинымъ въ Москву.

20. Завтракалъ у Тѣстова. Были: оберъ - полицеймейстеръ Власовскій, Вася Назаровъ, Сергѣй Степ. Перфильевъ, Ф. Н. Шиповъ, кн. Тумановъ. Съ курьерскимъ въ Петербургъ.

22. Вечеромъ были у насъ бр. Барсуковы, Мирза Казимъ, Сережа Филипповъ и Петръ Дмитр. Погодинъ. Ужинали и играли въ карты. Послѣ ужина я читалъ свои поддѣлки подъ старую письменность.

26. Выѣхалъ въ Москву съ Васей Назаровымъ.

27. Въ Москвѣ встрѣтилъ въ Славянскомъ базарѣ принца Ал. Петр. Ольденбургскаго и многихъ друзей. Выѣхалъ на извозчикѣ въ Кусково. Пилъ въ Перовѣ чай. Дѣвичникъ съ пѣснями и пляской. Большой ужинъ [1].

28. Завтракалъ съ Петромъ Дмитріевичемъ Святополкъ-Мирскимъ въ Славянскомъ базарѣ. Выѣхалъ въ Кусково. Парадный ужинъ. Разсказывалъ о купеческой свадьбѣ. Былъ въ большомъ ударѣ. Послѣ ужина долго бесѣдовалъ въ оранжерейномъ домѣ у молодежи.

29. Отъ жары въ церкви, во время обѣдни стоять было невозможно. Ходили съ принцемъ А. П. Ольденбургскимъ по аллеѣ. Интересный разговоръ. Въ часъ вѣнчаніе гр. Анны Сергѣевны. Стояли съ бр. Барсуковыми на клиросѣ. Протодьяконъ Шеховцевъ читалъ Апостолъ. Въ три часа, въ большой залѣ обѣдъ. Въ 8 часовъ поѣхали съ С. Ст. Перфильевымъ къ Яру. Туда пріѣхали гр. Сергѣй Дмитріевичъ, принцъ Ал. Петр., губернаторъ Булыгинъ, Д. С. Сипягинъ. Пѣли цыгане.

Іюль.

1. Бесѣдовалъ съ милымъ моимъ генераломъ Кузьминымъ.

3. Въ $4^{1}/_{2}$ часа выѣхалъ въ Дубельнъ.

6. Писалъ. Встрѣтился съ Боборыкинымъ.

10. Обѣдали у насъ Сухотины. Вечеромъ бесѣда съ Боборыкинымъ и его женою на террассѣ у Брикмана.

15. Обѣдалъ въ Бильденрагенсгофѣ у Май Бороды.

16. Вечеромъ читалъ у Боборыкина о Сандуновой.

17. Концертъ въ кургаузѣ. Огромный успѣхъ. Ужиналъ съ гр. Келлеромъ, барономъ Будбергомъ и другими.

24. Участвовалъ въ концертѣ въ пользу бѣдныхъ, въ залѣ Горна.

---

[1] Свадьба Графини А. С. Шереметевой и А. П. Сабурова. Ред.

25. Обѣдалъ у насъ докторъ Розенбергъ и Сухотины. Былъ у обѣдни.

31. Писалъ. Вечеромъ читалъ у Боборыкина о Каратыгинѣ и Мочаловѣ.

Августъ.

2. Выѣхалъ въ Петербургъ.

4. Выѣхалъ въ Москву.

5. На Вантѣевку къ отцу Григорію.

7. Въ Нижнемъ. Былъ у губернатора Н. М. Баранова. Оставилъ онъ меня у себя жить.

9. У Н. М. Баранова. Раутъ. Разсказывалъ.

11. Съ Н. М. Барановымъ на вечерѣ у Бурмистрова, роскошный домъ, изумительный садъ, чудесный ужинъ. Провожали домой Ел. Ник. Руковишникову.

14. Въ Москвѣ.

15. Ѣздилъ на Вантѣевку къ Лыжину.

17. Въ Петербургъ.

25. На репетиціи въ Пѣвческой капеллѣ.

30. Провожали крестный ходъ до Казанскаго собора.

Сентябрь.

1. Выѣхалъ въ Москву.

3. Бесѣдовалъ въ Купеческомъ Клубѣ съ актерами, былъ Музиль и Рыбаковъ.

6. Помолвка княжны А. П. Вяземской за Сипягина.

9. Выѣхалъ въ Петербургъ.

14. Имянинникъ. Были А. Ф. Кони, А. Н. Майковъ, Н. Ил. Скрыдловъ, Сергѣй Максимовъ и многіе др., разошлись въ 8 часовъ.

24. Въ Петергофѣ обѣдалъ у Конныхъ Гренадеръ.

Октябрь.

1. Вечеромъ на имянинахъ у Полонскаго. Встрѣтился съ своимъ стариннымъ пріятелемъ Владиславлевымъ [1].

2. Завтракалъ на Васильевскомъ Островѣ у П. М. Зеленко.

3. Вечеромъ бесѣдовалъ у Мих. Ив. Пыляева.

5. Мрачныя слухи о здоровьи Государя. Въ Маломъ театрѣ разсказывалъ. Театръ совершенно пустой.

6. Вѣсти о здоровьи Государя все мрачнѣй и мрачнѣй.

7. Вѣсти все тѣже безотрадныя. Вечеромъ бесѣдовалъ у Лейнера съ Кузмичевымъ.

11. Обѣдалъ у Н. В. Султанова. Были П. И. Вейнбергъ и Немировичъ-Данченко.

14. Вечеромъ въ Академіи у Аквалеристовъ.

18. Телеграмма безнадежная.

20. Тревожныя слухи о Государѣ. Вечеромъ пошелъ въ театръ и узналъ о его кончинѣ. Прошелъ на сцену—мрачно.

---

[1] Теноръ Императорской оперы. Ред.

22. Присяга въ церкви театральнаго училица. Послѣ бесѣдовалъ съ Писаревымъ въ Авганистанѣ.

24. Завтракалъ у Модеста Писарева. Вечеромъ бесѣда у Тертія Ивановича Филиппова. Состояніе духа удручающее.

30. Невскій проспектъ убирается флагами. Вечеромъ проѣхалъ по Невскому. Тяжело на душѣ и мрачно.

31. Встрѣчалъ тѣло покойнаго Государя у церкви Знаменія [2].

Ноябрь.

4. Вечеромъ у гр. Серг. Дмитр. Шереметева. Очень интересный и грустный докладъ о кончинѣ Государя. Были бр. Барсуковы и Датскій посланникъ Муравьевъ.

6. Утромъ бесѣдовалъ съ Московскими депутатами, пріѣхавшими на погребеніе Государя.

8. Утромъ въ Петропавловскомъ соборѣ на панихидѣ. Пѣлъ хоръ русской оперы. Вечеромъ собраніе у бр. Барсуковыхъ. Были: гр. С. Д. Шереметевъ, В. К. Истоминъ, А. К. Варженевскій, кн. Д. Б. Голицынъ, гр. Ламсдорфъ, П. Д. Ахлестышевъ, Дмитрій, Петръ и Павелъ гр. Шереметевы.

16. Похороны Рубинштейна. По случаю моего юбилея обѣдали у насъ: гр. С. Д. Шереметевъ, бр. Барсуковы, В. К. Истоминъ. Вечеромъ у П. М. Зеленко. Были: П. А. Черевинъ, кн. Тумановъ, Вася Назаровъ.

17. Сорокалѣтній юбилей. Описаніе ему въ № 318 газеты „Новости“. Было шумно. Давыдовъ и Константиновъ пѣли съ гитарой. Послѣ обѣда пришелъ Фигнеръ. Получено, кромѣ писемъ, 42 телеграммы.

21. Вечеромъ у Т. И. Филиппова. Вечеръ съ пѣньемъ, разсказами и великолѣпнымъ ужиномъ. Пѣлъ Контрольный хоръ, В. Н. Давыдовъ и Константиновъ съ сыномъ.

22. Въ три часа крестили въ церкви у гр. С. Д. Шереметева внучку, дочь Д. С. Шереметева. Вечеромъ со всей семьей обѣдали у А. Ѳ. Козловой.

24. У обѣдни въ домовой церкви гр. С. Д. Шереметева. Графиня имянинница. Послѣ завтрака лейбъ-медикъ Гиршъ разсказывалъ о болѣзни покойнаго Государя. Былъ Л. Н. Майковъ. Былъ съ поздравленіемъ у Жулевой и у Черновой.

25. Утромъ читалъ съ Писаревымъ въ гимназіи Гуревича. Вечеромъ въ Академіи у Аквалеристовъ.

26. У Донона—обѣдъ беллетристовъ.

29. У Донона обѣдъ сотрудниковъ „Новаго Времени“.

30. У Михаила Поліевктовича Муравьева. Былъ генералъ-Штабъ-докторъ Кудринъ.

Декабрь.

4. Слухъ о студенческихъ безпорядкахъ.

6. У бр. Барсуковыхъ. Н. П. имянинникъ. Были протоіерей Исаакіевскаго собора, гр. Сергѣй Дмитріевичъ и Александръ

---

[2] За эти дни частыя отмѣтки „писалъ“. Ред.

Дмитріевичъ Шереметевы. Вечеромъ на вечерѣ у Фигнера. Блестящій вечеръ.

3. Вечеромъ у гр. С. Д. Шереметева. Онъ читалъ о гр. Орловѣ и Потемкинѣ.

9. У В. В. Андреева. Концертъ на балалайкахъ.

15. У гр. А. Д. Шереметева въ Ульянкѣ. Смотръ пожарной команды. Обѣдъ въ оранжереѣ.

17. Утромъ писалъ. Бесѣдовалъ въ Авганистанѣ съ Н. С. Таганцевымъ и Самарскимъ.

18. На обѣдѣ у медиковъ. Шумно было и весело.

19. На молебнѣ въ редакціи журнала „Нива“.

20. Бесѣдовалъ съ Бражниковымъ и Брюловымъ въ Авганистанѣ.

22. Утромъ у Т. И. Филиппова. Былъ Балакиревъ.

29. Былъ въ Собраніи Художниковъ у Егорнова. Получилъ въ подарокъ двѣ картины.

31. Встрѣтилъ Новый годъ у Суворина. Очень было весело. Разсказывалъ съ большимъ успѣхомъ.

1895.

Январь.

1. Завтракалъ въ Авганистанѣ съ В. В. Христіани. Онъ имянинникъ.

7. Читалъ у Аквалеристовъ, въ залѣ Павловой, получилъ въ подарокъ акварель.

9. На Волковскомъ кладбищѣ. Похороны Коровякова.

11. Вечеромъ у гр. М. А. Ламсдорфъ въ Зимнемъ дворцѣ. Были гр. С. Д. Шереметевъ съ графиней и родственниками.

29. Завтракалъ у гр. Сергѣя Дмитріевича въ погребѣ.

Февраль.

1. Читалъ басни Крылова въ Александровскомъ театрѣ утромъ.

9. Обѣдалъ у И. И. Ростовцева.

11. Вечеромъ были у насъ Д. А. Корсаковъ и Н. П. Барсуковъ.

17. Вечеромъ засѣданіе въ Древней Письменности, послѣ у гр. С. Д. Шереметева. Былъ профессоръ Казанскаго университета Д. А. Корсаковъ. Разсказывалъ съ большимъ успѣхомъ.

23. Былъ въ Гатчинѣ у полковника Кутепова, читалъ онъ 2-й томъ Царской охоты. Былъ князь Д. Б. Голицынъ съ женою.

Мартъ.

4. У А. А. Сабурова большое собраніе.

6. Въ Литературномъ обществѣ В. С. Соловьевъ читалъ о Тютчевѣ.

11. Выѣхалъ съ гр. С. Д. Шереметевымъ въ Москву. Провожали Танечка и Лиза.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ БІОГРАФІИ.

И. Ѳ. Горбуновъ.

Въ 1831 году, 10 сентября, въ селѣ Ивантѣевѣ, а Копнинѣ тожъ, Московской губерніи и уѣзда, у крестьянина, вольноотпущеннаго двороваго человѣка помѣщицы Баташевой, Ѳеодора Тимоѳеевича Горбунова и жены его Ольги Тимоѳеевны родился сынъ Иванъ. Воспріемниками при св. крещеніи были: московскій мѣщанинъ Игнатій Павловъ сынъ Губинъ и Копнинской бумажной фабрики приказчика Ивана Герасимова дочь, дѣвица Александра Иванова. Это и былъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ.

Село Ивантѣево, иначе Вантѣево, въ трехъ верстахъ отъ села Пушкина, на рѣкѣ Учѣ, на границѣ Московской и Владимірской губерніи, извѣстно еще въ XVI столѣтіи [1]. Оно лежитъ въ мѣстности издавна изобиловавшей фабриками, и въ серединѣ XVIII столѣтія принадлежало купцамъ 1-й гильдіи Ефремовымъ, содержателямъ полотняной фабрики. Въ XIX столѣтіи этой фабрикой стала владѣть помѣщица Баташева. Она то и отпустила на волю Ѳ. Т. Горбунова, отца будущаго разсказчика и писателя. Когда фабрика была продана новому владѣльцу Щекину, Ѳ. Т. Горбуновъ поступилъ къ нему конторщикомъ [2]. Здѣсь, въ нижнемъ этажѣ дома Щекина, занимаемомъ конторщикомъ фабрики, родился И. Ѳ. Горбуновъ [3]. Позднѣе отецъ Горбунова управлялъ фабрикой Глазунова, на которой выдѣлывались разныя бумажныя издѣлія изъ золотой и серебряной бумаги, дѣлались коробки. Въ концѣ 40-хъ годовъ онъ жилъ въ селѣ Солнышковѣ, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи, въ усадьбѣ Д. Н. Свербеева [4].

О дѣтскихъ годахъ И. Ѳ. Горбунова извѣстно очень мало. Со словъ Александра Дмитріевича Свербеева извѣстно только, что отецъ его прекрасно зналъ церковный уставъ и что слѣдовательно уже съ дѣтскихъ лѣтъ Горбуновъ былъ проникнутъ церковностью; а его мать, Ольга Тимофѣевна была домовитая русская хозяйка и особенно славилась приготовленіемъ разнаго рода пироговъ и печеній. Кромѣ сына Ивана, у родителей Горбунова былъ еще другой сынъ, Орестъ. Позднѣе онъ выступилъ, въ подражаніе брату, также съ разсказами изъ народнаго быта[1]. И двѣ сестры: Елизавета и Капитолина.

---

[1] Въ писцовой книгѣ записано: „Деревня Вантѣево на рѣкѣ на Учѣ, а владѣла тою деревнею съ пустошами на оброкѣ нѣмка Олена Яковлева, дочь Бородавкина: пашни паханые середнія земли 26 четьи, да лѣсомъ поросло 18 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 200 копенъ, лѣсу дровяного 8 десятинъ“. [Н. В. Калачевъ, Писцовыя книги XVI вѣка, Московскій уѣздъ, Боховъ станъ, стр. 69].

[2] Сообщилъ священникъ с. Вантѣева о. Станиславлевъ.

[3] Метрическая выпись церкви села Ивантѣева.

[4] Въ статьѣ за подписью П. В. Б. во „Всемірной Иллюстраціи“ упомянуто, что отецъ, Ив. Ѳ. Горбунова управлялъ также одно время имѣніемъ „Гриво“ А. А. Черевина, Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи. Ред.

Родину свою Горбуновъ неизмѣнно посѣщалъ въ теченіе своей жизни. Священникъ церкви села Вантѣева, о. Станиславлевъ, лично знавшій Горбунова, передаетъ, что еще недавно, во время своихъ пріѣздовъ, Горбуновъ бывалъ у крестьянъ, своихъ сверстниковъ, вмѣстѣ съ нимъ учившихся грамотѣ у мѣстнаго священника о. Никифора Ильича Путилина. О томъ же свидѣтельствуютъ и замѣтки дневника.

Въ началѣ 40-хъ годовъ Горбунова отдали въ Набилковское училище. О томъ, какъ его везли изъ деревни, Горбуновъ часто вспоминалъ. Было очень холодно. Его завернули въ большую шубу и такъ привезли въ Москву [2].

Набилковское училище было основано послѣ холеры московскимъ купцомъ Ѳ. Ѳ. Набилковымъ, который пожертвовалъ для этой цѣли свой домъ на Мѣщанской недалеко отъ Сухаревой башни Къ этому мѣсту своего воспитанія Горбуновъ до конца дней своихъ хранилъ теплыя и нѣжныя чувства.

Изъ училищныхъ товарищей Горбуновъ близко сошелся съ Викт. Ив. Ишутинымъ, а черезъ него съ сестрами его, Софьей Ивановной и Марьей Ивановной Ишутиными. Съ ними онъ поддерживалъ сношенія до самой своей кончины. С. И. Ишутина передавала намъ, что еще мальчикомъ, ученикомъ Набилковскаго училища, Горбуновъ часто у нихъ бывалъ. Уже тогда замѣтенъ былъ у него юморъ. Онъ шутилъ и любилъ смѣшить. Она же сообщила, что онъ охотно рѣшалъ товарищамъ задачи и вообще помогалъ имъ, за что они ему давали свои порціи завтрака.

По окончаніи Набилковскаго училища, Горбуновъ поступилъ въ гимназію. Онъ учился во второй и въ третьей Московскихъ гимназіяхъ, но курса не кончилъ, а вышелъ изъ шестого класса. Разсказы объ учителяхъ, которые Горбуновъ такъ любилъ передавать дѣтямъ, безъ сомнѣнія, навѣяны его собственными учителями. О своей ученической жизни онъ самъ вспоминалъ позднѣе, когда говорилъ „о своихъ бездарныхъ и тупоголовыхъ учителяхъ и вѣчно нетрезвыхъ надзирателяхъ“.

Годы юности были трудными для него годами. Онъ очень нуждался въ средствахъ и ему приходилось бѣгать по урокамъ. Объ этомъ сохранился слѣдъ въ дружеской его перепискѣ. Такъ онъ писалъ С. И. Ишутиной: „Помните, когда меня отнесли къ числу людей никуда негодныхъ, когда я не видя никакого исхода, прозябалъ въ Сыромятникахъ. Вы однѣ протягивали мнѣ руку и говорили со мной по душѣ“...

---

[1] И. Ѳ. Горбуновъ говорилъ про своего брата: „не за свое дѣло взялся“. Разсказы Ор. Ѳ. Горбунова были изданы въ одной книжкѣ.

[2] Со словъ А. И. Горбуновой. Ред.

Сохранилось извѣстіе, что Горбуновъ послѣ ученія хотѣлъ быть народнымъ учителемъ. Съ этихъ же поръ страстью его сдѣлалось ходить по разнымъ кабакамъ, трактирамъ и постоялымъ дворамъ, засиживаться у воротъ и прислушиваться къ народному говору, гдѣ онъ вбиралъ изъ первоисточника особенности живой и образной рѣчи русскаго народа.

Въ Горбуновѣ была еще жилка рисовальщика. Нѣкоторое время онъ даже думалъ сдѣлаться художникомъ и поступилъ въ Московское Училище живописи и ваянія на Мясницкой. Ученическій рисунокъ его, изображающій женщину съ ребенкомъ — сцена изъ исторіи избіенія младенцевъ Иродомъ,—сохраняется и донынѣ. Говорили, что, если бъ онъ продолжалъ рисовать, изъ него могъ бы выйти хорошій художникъ. Дѣйствительно, рисунокъ этотъ исполненъ хорошо. Онъ и потомъ дѣлалъ наброски и любилъ чертить. Сохранилось нѣсколько набросковъ его портрета Генерала Дитятина. Однимъ изъ преподавателей училища живописи того времени былъ Н. В. Бергъ. Онъ оставилъ воспоминанія объ этой эпохи жизни Горбунова и писалъ:

„Будучи мальчикомъ смѣтливымъ, тонкимъ, онъ скоро понялъ, что рисованіемъ глазъ и носовъ не дойдешь ни до чего существеннаго. Если даже переступить и высшіе пороги училища, что тамъ усматривается въ большинствѣ случаевъ? Голодуха. Портретисты, батальные живописцы, ландшафтныхъ дѣлъ мастера, иконописцы — постоянно безъ заказовъ, или съ заказами очень рѣдкими; сегодня густо, завтра пусто. Судьба высоко даровитаго художника Федотова, появлявшагося въ Москвѣ именно объ эту пору, о которой мы разсказываемъ, со своими картинами и бойкими стихами, въ особенности была поучительна для наблюдавшей его молодежи. Восхищаются, носятъ на рукахъ, приглашаютъ изъ дома въ домъ — и только... Мальчикъ, шедшій этимъ самымъ путемъ, въ комъ было хотя какое либо соображеніе спрашивалъ невольно: гдѣ же эти талантливые рисовальщики, ваятели, получившіе медали и поступившіе въ академію? Ихъ было такъ много. Объ нихъ говорили.... Отчего-жъ теперь не говорятъ? Отчего ихъ нигдѣ не видно? Точно, иной, какъ слышно, пробрался въ профессора — но только одинъ; куда же подѣлись десятки другихъ, шедшихъ не хуже этого одного? Гдѣ ихъ картины и статуи?.. И. Ѳ. Горбуновъ на лавкахъ училища, по счастію, отыскалъ себѣ другія способности, другое рисованіе: онъ дальше многихъ своихъ товарищей, если не сказать, формально всѣхъ, проникъ въ тайны русской литературы, чувствовалъ благоуханіе поэзіи, отдѣлялъ мѣткое отъ немѣткаго, художественное отъ нехудожественнаго, вѣрное отъ невѣрнаго. На ловца, какъ говорится, звѣрь бѣжитъ: когда другіе товарищи Ивана Ѳедоровича, писавшіе недурно портреты съ купцовъ и получавшіе за это малую толику на поддержку своего тяжкаго существованія, не знали и не вѣдали, что есть на свѣтѣ какая-то новая піеса „Банкрутъ“, написанная какимъ-то новымъ „живописцемъ“ Островскимъ,—Ивана Ѳедоровича нанесло на эту піесу особымъ вѣтромъ, который не для всѣхъ дуетъ“. Н. В. Бергъ передаетъ далѣе, что Горбунову „было предложено по дружески, въ простотѣ души, бросить рисованіе глазъ и носовъ и поступить на сцену. Задумываться, говоритъ Бергъ, долго было нечего... Бойкій составитель народныхъ разсказовъ изъ него образовался позже. Такъ сдѣлалось дѣло. Главную роль игралъ тутъ А. Н. Островскій. Оттого И. Ѳ. Горбуновъ и пристроился къ нему такъ прочно и задушевно“.

Въ переходѣ этомъ игралъ роль и самъ Н. В. Бергъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Горбуновъ говоритъ, что въ 1849 году въ декабрѣ ему, именно черезъ Н. В. Берга, удалось познакомиться съ Островскимъ, что встрѣча эта была для него драгоцѣнной и повліяла на всю его дальнѣйшую судьбу. Въ то время, вспоминалъ онъ, „я жилъ на окраинѣ Москвы, въ захолустьѣ и давалъ уроки въ небогатыхъ купеческихъ домахъ“.

Горбуновъ былъ страстный любитель театра. Въ Малый театръ онъ ходилъ одно время чуть не каждый день и всегда сидѣлъ съ однимъ пріятелемъ въ райкѣ вмѣстѣ съ студентами Московскаго университета. Онъ присутствовалъ на первомъ представленіи комедіи Островскаго „Не въ свои сани не садись“ и описалъ его въ своихъ воспоминаніяхъ.

Важнѣйшей эпохой въ жизни Горбунова было его знакомство съ редакціей такъ называемаго „Молодого Москвитянина“, гдѣ среди участниковъ ея укрѣпилъ онъ свое міросозерцаніе, основанное на началахъ глубокаго изученія русскаго языка и преданности православной церкви, такъ отличавшее его во все теченіе его дальнѣйшей жизни. Объ этой порѣ онъ и самъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Съ талантливымъ кружкомъ, гдѣ вращались Провъ Мих. Садовскій, Борисъ Ник. Алмазовъ, Аполлонъ Григорьевъ, Е. Н. Эдельсонъ и другіе познакомилъ его Островскій, и кружокъ, почуявъ въ Горбуновѣ мастера и художника русскаго слова, „усвоилъ“ себѣ его.

Горбуновъ самъ говорилъ, что разсказамъ своимъ онъ въ то время „не придавалъ никакого значенія“. У него ихъ было три: „Сцена у Квартальнаго Надзирателя“, „Сцена у пушки“ и „Мастеровой“. Однажды онъ пришелъ къ Островскому и разсказалъ ихъ одинъ за другимъ. Островскій похвалилъ. Аполлонъ Григорьевъ отнесся восторженно, ударилъ по плечу и воскликнулъ: „Вы нашъ!“

Черезъ два дня Горбуновъ тамъ же, у Островскаго, послѣ чтенія „Бѣдность не порокъ“, снова разсказывалъ. Успѣхъ былъ полный. Горбуновъ сталъ въ кружкѣ своимъ и Островскій сталъ выводитъ его въ свѣтъ. Вскорѣ онъ познакомился съ знаменитымъ Провомъ Садовскимъ и знакомство это имѣло на него огромное вліяніе: Садовскій, почуя въ Горбуновѣ художественную силу, сказалъ ему прямо: „Приходите ко мнѣ каждый день“. И Горбуновъ воспользовался этимъ приглашеніемъ: „и я сталъ ходить къ нему, вспоминаетъ онъ, каждый день; привязался я къ этому рѣдкому человѣку и геніальному артисту всей душой и пользовался его взаимной любовью до конца его дней“. Каждое воскресенье бывали собранія у Аполлона Григорьева, или собирались въ различныхъ трактирахъ и погребкахъ, среди которыхъ особенно посѣщали трактиръ Печкина. По субботамъ собирались у К. А. Булгакова.

О впечатлѣніи, которое производилъ своими разсказами Горбуновъ въ то время, видно изъ слѣдующаго воспоминанія одного—москвича.

„Припоминаю, говоритъ онъ, эпизодъ изъ далекаго дѣтства. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, однажды вечеромъ, въ гостинной нашего дома-особняка, на улицѣ Ордынкѣ, за Москвой-рѣкой, собрался кружокъ знакомыхъ моего отца. Войдя въ сосѣднюю съ гостинной комнату я, мальчикъ лѣтъ семи, услышалъ вдругъ съ крайнимъ недоумѣніемъ, что среди общей тишины, водворившейся въ собравшейся компаніи, раздавался громкій разговоръ какой то пискливой бабы съ человѣкомъ, судя по его грубому голосу, не имѣвшимъ ничего общаго со знакомыми и друзьями моего отца. Подойдя ближе къ дверямъ гостинной и заглянувъ въ глубину ея, я, однако, убѣдился, что тамъ нѣтъ ни бабы, ни ея простонароднаго собесѣдника, но на диванѣ передъ овальнымъ столомъ съ стоявшей на немъ большой лампой сидѣлъ опустивши на руку голову, со спустившимися при этомъ прядами густыхъ волосъ молодой человѣкъ и передавалъ слушателямъ на разные голоса слышанный мною разговоръ бабы. Искусный разсказчикъ этотъ былъ—Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Съ того времени я уже болѣе его не слыхалъ, а, между тѣмъ, разсказанный эпизодъ сдѣлалъ для меня его имя памятнымъ на всю остальную жизнь“ [1].

До поступленія на сцену, Горбуновъ игралъ на домашнихъ спектакляхъ. Напримѣръ въ домѣ С. А. Пановой на Собачьей Площадкѣ, у сына ея Н. Д. Панова въ ноябрѣ 1853 года онъ игралъ полового въ комедіи „Не въ свои сани не садись“, причемъ самъ Островскій игралъ Маломальскаго.

Въ первый разъ онъ дебютировалъ на сценѣ Малаго театра въ 1854 году, въ бенефисъ П. М. Садовскаго. Ему было 23 года. Съ глубокимъ душевнымъ волненіемъ выступилъ онъ въ піесѣ М. Н. Владыкина „Образованность“ и имѣлъ успѣхъ. Актеръ Алексѣевъ [2], въ запискахъ своихъ, вспоминаетъ этотъ бенефисъ Садовскаго и говоритъ: „этотъ бенефисный спектакль мнѣ памятенъ тѣмъ, что въ „Образованности“ выступилъ первый разъ И. Ѳ. Горбуновъ... Въ уборной Прова Михайловича я познакомился съ дебютантомъ.—„Теперь вы куда?“ спросилъ меня, между прочимъ, Садовскій.—„Въ Петербургъ“.—„А вотъ вамъ и попутчикъ“, указалъ онъ на Горбунова: „онъ тоже въ Петербургъ ѣдетъ. Дюбютировать тамъ будетъ и, вѣроятно, останется служить. Малый-то съ огонькомъ“.

Позднѣе Садовскій подарилъ Горбунову свой портретъ въ роли Расплюева съ надписью: „Дебютанту моему Ивану Ѳедорову Горбунову. Москва. 1859“. Портретъ этотъ всегда висѣлъ у Горбунова на стѣнѣ вмѣстѣ съ прочими портретами артистовъ и литераторовъ [1].

---

[1] Воспоминаніе неизвѣстнаго, присланное въ комиссію по изданію сочиненій Горбунова.

[2] А. А. Киленинъ, по театру Алексѣевъ, артистъ Императорской С.-Петербургской Драматической труппы † 1895. См. воспоминанія его въ журналѣ „Артистъ“ 1894, с. 130. Ред.

Послѣ дебюта въ Маломъ театрѣ, Садовскій сталъ особенно настаивать на поѣздкѣ Горбунова въ Петербургъ. Объ этомъ хлопотали и прочіе друзья Горбунова. Переходу весьма способствовало посѣщеніе Островскаго И. С. Тургеневымъ, который принялъ живое участіе въ Горбуновѣ и ѣздилъ къ начальнику репертуара Федорову. Дѣятельно помогъ и А. А. Краевскій.

Въ 1855 году впервые выступилъ Горбуновъ въ печати. Разсказъ его „Просто случай—сцена изъ купеческаго быта“ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ этого года.

Въ Петербургъ Горбуновъ пріѣхалъ 9 апрѣля и прямо отправился къ А. Ѳ. Писемскому, съ которымъ былъ знакомъ еще по Москвѣ. Другъ А. Н. Островскаго и А. А. Потѣхина, Писемскій сталъ для него, по словамъ самого Горбунова, „въ отца мѣсто“. Первый выѣздъ Горбунова въ Петербургѣ былъ къ А. А. Краевскому, гдѣ А. Ѳ. Писемскій читалъ свою „Плотничью артель“. Его повезли туда Писемскій и Д. В. Григоровичъ. Здѣсь же Горбуновъ встрѣтилъ впервые многихъ писателей, а когда выступилъ съ своими разсказами, то былъ „привѣтствуемъ литературнымъ ареопагомъ“. Превосходное чтеніе Писемскаго и разсказы Горбунова не могли не обратить на себя вниманія всѣхъ цѣнителей русской литературы и искусства, которыхъ въ обществѣ того времени было не мало. По словамъ самого Горбунова, они „вошли въ моду“ и приглашались въ высшее общество. Весьма много содѣйствовалъ распространенію успѣха Горбунова въ Петербургѣ Князь В. Ѳ. Одоевскій. Горбуновъ сталъ бывать на его субботахъ въ томъ избранномъ обществѣ, которое князь своею свѣтлою личностью неизмѣнно привлекалъ къ себѣ.

Въ Петербургѣ Горбуновъ остановился и первое время прожилъ у актера Леонидова, который, вспоминая 1855 годъ и пріѣздъ въ Петербургъ московскихъ артистовъ Ев. Ив. Климовскаго [2], тенора М. П. Владиславлева и Ф. А. Бурдина, писалъ: „въ тоже время прибылъ въ Петербургъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, юмористическій разсказчикъ, за годъ передъ тѣмъ выступившій на сценѣ московскаго театра. Осенью 16 ноября 1855 года онъ дебютировалъ въ моемъ бенефисѣ въ піесѣ Стаховича „Ночное“. И такъ, московскій кружокъ нашъ съ пребывающей молодежью увеличивался...“

Съ переѣздомъ въ Петербургъ, Горбуновъ вступилъ въ переписку съ близкимъ ему А. Н. Островскимъ. Первые шаги свои въ сѣверной столицѣ Горбуновъ такъ описалъ въ письмѣ къ нему отъ 14 апрѣля 1855 года:

---

[1] Къ сожалѣнію, многихъ портретовъ этихъ съ автографами не сохранилось. Ред.

[2] Авторъ музыки на стихи Кольцова „Хуторокъ“, провинціальный актеръ 50—60-хъ годовъ. М. П.

„Пріѣздъ мой въ Питеръ состоялся благополучно; но до сихъ поръ я не могъ Вамъ подать объ себѣ вѣсти, потому что не было ничего такого, объ чемъ бы стоило писать. Теперь же, когда накопилось въ волю разныхъ разностей—я пишу.

1 день. При самомъ въѣздѣ въ Петербургъ, я встрѣтилъ Леонидова, который растолковалъ мнѣ квартиру Бурдина. Съ Бурдинымъ мы отправились къ Стаховичу и потомъ къ Василько-Петрову.

2 день. Утромъ Василько-Петровъ представилъ меня Федорову. Федоровъ такъ ласково меня принялъ, что я совсѣмъ растерялся. Онъ обѣщался сдѣлать для меня все, что только отъ него зависитъ. Далъ мнѣ позволеніе ходить въ школьные спектакли и я уже былъ нѣсколько разъ.

3 день. Утромъ былъ у Писемскаго и просидѣлъ у него до вечера. Тутъ пришелъ Щербина, и разумѣется. . . . . Вечеромъ отправился на вечеръ къ Федорову. Гостей было бездна. Посадили меня разсказывать. Насилу я могъ исполнить это дѣло! Разсказалъ. Восторгъ былъ страшный! Жена Федорова встрѣчаетъ меня теперь не иначе какъ словами: „Очённо любопытно“! Женитьбу фабричнаго повторилъ три раза, квартальнаго два.

4 день. Встрѣтилъ на дорогѣ М. Н. [1], къ которому заходилъ три раза, не заставая дома, и вручилъ Ваше письмо. Вечеромъ былъ у Шубертъ [2]. Славная бабеночка!

5 день. Былъ на вечернемъ спектаклѣ и опять у Федорова. Барынямъ пропѣлъ со всѣми онерами „Сторона моя сторонушка“ и... получилъ разрѣшеніе дебютировать черезъ недѣлю, потому что дебютантовъ и — такъ нѣсть числа. Федоровъ самъ выбралъ мнѣ роли и хочетъ возобновить свой водевиль, въ которомъ, по его словамъ, есть для меня прекрасная роль. Не знаю какъ названіе этому водевилю. Первый мой дебютъ—Митя [3].

6 день. Провелъ цѣлый день у Леонидова, а вечеромъ былъ у Визгина—Индипинданъ Белгъ.

Каждый день бываю у Федорова; жена его очень меня полюбила. Къ Писемскому хожу часто, но застаю рѣдко. Мих. Ник. такъ занятъ, что я обѣщался бывать у него по воскресеньямъ только. Сегодня отправляемся всѣ обѣдать къ Левицкому, а оттуда къ Краевскому.

Со многими актерами и актрисами я успѣлъ познакомиться. Мнѣ наконецъ становится страшно: въ какой домъ не пріѣдешь, ужъ ты зарекомендованъ тамъ такимъ талантомъ, что святыхъ вонъ выноси. Дай Богъ оправдать эту рекомендацію. Послѣ этого письма напишу Вамъ кое-что интересное о здѣшнихъ великихъ людяхъ, съ которыми я имѣлъ столкновеніе. Куликовъ на вечерѣ у Федорова обѣщался написать для меня мужицкій разсказъ. Надъ этимъ всѣ смѣялись. Левицкій доставляетъ мнѣ случай разказать кое-что

---

[1] М. Н. Островскій, впослѣдствіи Министръ Государственныхъ Имуществъ. Ред.

[2] Александра Ив. Шубертъ, артистка Императорскихъ Театровъ, сестра водевилиста.

[3] „Бѣдность не порокъ“. М. П.

Великимъ Князьямъ. Очень страшно! Всѣ Вамъ кланяются: Писемскій, Стаховичъ, Бурдинъ, Леонидовъ, В. Петровъ. Прощайте. Заочно прошу Вашего сочувствія и благословенія на начатое дѣло; прошу также отъ Прова Михайловича. Я каждый день съ нимъ вижусь. Кланяюсь и цѣлую Агафью Ивановну, Аполлона Александровича, Евгенія Ник., Аркадія Николаевича и всѣхъ, всѣхъ. Адресъ мой: Въ Контору С.-Петербургскихъ театровъ, Фед. Ал. Бурдину, для доставленія мнѣ. Всей душой преданный и благодарный. Вашъ И. Горбуновъ. Съ Петр. Мих. Варенцовымъ мы видаемся часто. Какой прекрасный человѣкъ! Поклонитесь Дюбюку и Лидіи Федоровнѣ“.

Въ припискѣ черезъ два дня Горбуновъ прибавлялъ: „Былъ у Краевскаго. Вся петербургская литература была у него. Разсказы мои произвели большой восторгъ. У него я познакомился съ Меемъ, онъ Вамъ кланяется, Михайловъ также. Вчера былъ у графа Сологуба, а въ Воскресенье буду у человѣка съ большимъ вліяніемъ—у Вельегорскаго. Сегодня ужиналъ у Писемскаго, просидѣли мы съ нимъ до 2-хъ часовъ. Я читалъ ему Митю; онъ говоритъ, что я прекрасно сдѣлаю, если буду его играть. Однимъ словомъ, разсказы мои имѣютъ большой успѣхъ.

P. S. Писемскій будетъ писать Вамъ о довольно сурьезномъ дѣлѣ, о которомъ я покуда помолчу“.

Несмотря на успѣхи Горбунова и быстрое знакомство со многими, поступить на сцену было не легко и ему пришлось долго ждать. Директоръ театровъ А. М. Гедеоновъ даже предлагалъ ему поступить раньше сцены въ театральное училище. Наконецъ онъ получилъ дебютъ на Александровской сценѣ въ „Ночномъ“ М. А. Стаховича.

Актеръ А. А. Алексѣевъ, упоминая въ своихъ запискахъ о петербургскихъ первыхъ шагахъ Горбунова, говоритъ: „дебютировалъ онъ въ „Ночномъ“ [роль Вани] и въ „Охотникѣ-рекрутѣ“ [роль Емельяна] и что обѣ роли ему удались какъ нельзя лучше“ [1].

Подробно извѣщалъ Горбуновъ и родителей своихъ объ успѣхахъ. Въ сохранившихся письмахъ къ отцу, Горбуновъ подробно описываетъ первые шаги свои въ Петербургѣ, хлопоты за него сочувствующихъ людей, вечера, на которыхъ онъ сталъ принимать участіе, знакомство со многими новыми лицами петербургскаго литературнаго міра и общества, свои дебюты на сценѣ, приглашенія во дворцы. Сохранилось цѣлое собраніе этихъ писемъ за 1855 и 56 годы.

Свой пріѣздъ въ Петербургъ Горбуновъ такъ описалъ отцу въ письмѣ отъ 24 апрѣля 1855 года: „Милый и драгоцѣнный тятенька, начну описывать Вамъ подробно пріѣздъ мой въ Питеръ. Первымъ долгомъ по пріѣздѣ, я былъ представленъ театральному начальнику, который меня принялъ такъ ласково, что я совсѣмъ растерялся. Пригласилъ меня къ себѣ въ воскресенье на вечеръ, гдѣ я познакомился почти со всѣми артистами, и, главное, отрекомендовалъ себя весьма выгодно. Вечеръ кончился и я получилъ несчетное число приглашенiй ко многимъ весьма значительнымъ лицамъ. Теперь у меня почти нѣтъ дня свободнаго по милости обѣдовъ да вечеровъ. Впрочемъ, это очень хорошо, потому что составить въ Петербургѣ порядочное знакомство очень, очень трудно, а мнѣ оно дается даромъ. Это, видно, Богъ посылаетъ мнѣ за долгое терпѣнiе: „*толцыте и отверзится*". Со всей петербургской литературой я познакомился: купцы, а не литераторы! Теперь нѣтъ ни одного печатнаго имени, котораго бы я не зналъ лично. Теперь вотъ въ чемъ дѣло: я на недѣлѣ буду дебютировать; *Федоровъ* обѣщалъ для меня сдѣлать все, что отъ него, театральнаго начальника, зависитъ, *а отъ него все зависитъ.* Давно бы мнѣ догадаться ѣхать въ Петербургъ. Графъ Соллогубъ, который писалъ „Тарантасъ", возилъ меня въ одинъ важный домъ, въ которомъ мнѣ обѣщали доставить случай разсказать кое-что при Великихъ Князьяхъ. Покуда довольно. Въ Москву я прiѣду не знаю когда. Вотъ мой адресъ: Въ С.-Петербургъ, между Чернышевымъ и Аничкинымъ мостами, домъ Шамо-Жако, квартира Леонидова, № 12. Если что-нибудь случится особенное, сообщу Вамъ сейчасъ же. Прошу у Васъ и у маменьки благословенiя на большое и серьезное дѣло. Маменька помолится обо мнѣ Преподобному Сергiю и я увѣренъ, что дѣло кончится прекрасно. Матерняя молитва со дна моря вынимаетъ. Вашъ покорный сынъ и преданный другъ И. Горбуновъ".

---

[1] Воспоминанія А. А. Алексѣева, с. 131. Ред.

Въ припискѣ къ сестрамъ Горбуновъ писалъ: „Милыя сестры, обнимаю и цѣлую Васъ. Прямо изъ Петербурга прiѣду къ Вамъ, не останавливаясь на часъ въ Москвѣ. Пишите мнѣ скорѣй, все пишите. Только въ Петербургѣ я почувствовалъ, что значитъ не получать писемъ. Много бы вамъ написалъ, да до того отвыкъ писать письма... говорить совѣстно. Вашъ другъ и братъ И. Горбуновъ. Къ Аресту я писалъ".

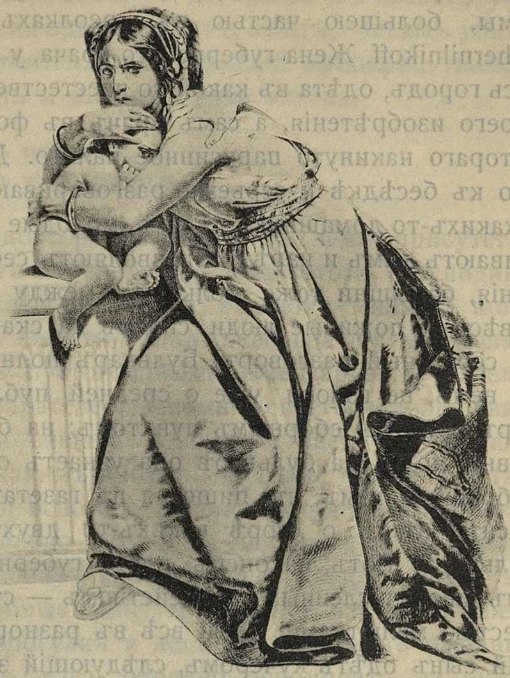
Въ маѣ того же 1855 года Горбуновъ писалъ отцу изъ Петербурга:

„Сей часъ только получилъ Ваше письмо и спѣшу отвѣчать Вамъ. Дѣла мои идутъ все лучше и лучше, репутацiя все растетъ больше и больше: литераторы всѣ на моей сторонѣ, журналисты также—въ сорочкѣ нужно родиться для этого: теперь, главное, остается опредѣлиться окончательно на службу; но Петербургъ такой городъ, въ которомъ все дѣлается не вдругъ и я долженъ подождать случая представиться лично министру. Этотъ случай, благодаря прекрасной обстановкѣ, скоро будетъ, объ этомъ хлопочутъ многiе сильные земли. Вчера я былъ у А. О. Смирновой, петербургской губернаторши. Она приняла меня ласково и обѣщалась содѣйствовать при поступленiи. Меня привезъ къ ней графъ Соллогубъ. Эта Смирнова родственница Свербеева. Такъ какъ эти люди, при всей своей добротѣ, любятъ покровительствовать съ высока, то и Смирнова сочла долгомъ освѣдомиться есть ли у меня отецъ и т. п. — „Есть". — „А гдѣ онъ живетъ?" — „У Свербеева". — „Ахъ, у Свербеева... я знаю"... И послѣ этого разговора она расположилась ко мнѣ еще болѣе. Въ послѣднее время я бываю въ такихъ домахъ, въ которыхъ страшно становится за себя. Краевскій хлопочетъ обо мнѣ изо всей мочи; и его содѣйствіе поможетъ мнѣ много. Піесу, которую я Вамъ, помните, читалъ, онъ взялъ у меня и помѣститъ въ запискахъ. Денегъ за нее я еще не получалъ. Такъ какъ я, можетъ быть, переѣду съ Писемскимъ на дачу, то Вы на будущее время пишите адресъ такъ: Въ С.-Петербургъ, на углу Садовой и Гороховой, домъ Жукова, Мил. Гос. Петру Михайловичу Варенцову, для передачи Ив. Ѳед. Горбунову. Не могу всего передать Вамъ письменно, потому что нужно для этого огромное количество бумаги и времени: передамъ лично. Пишите поскорѣй. Прилагаю Капѣ письмо графа Сологуба; пусть она спрячетъ его. Я ей привезу рукописи всѣхъ теперешнихъ литераторовъ. Еще прилагаю рукопись Краевскаго. Цѣлую всѣхъ: Маменьку, Лизу, Капу. У Маменьки цѣлую ручку. Да сохранитъ Васъ Господь. Помолитесь и я буду молиться Преподобному Сергію: много бо можетъ молитва праведника. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта. Не говорите Свербееву, что я былъ у Смирновой.

P. S. Что это Арестъ мнѣ не пишетъ? Я ему писалъ 3 письма, а онъ одно“.

Не преминулъ Горбуновъ подѣлиться впечатлѣніями о новой жизни и съ С. И. Ишутиной и писалъ ей 20 іюня 1855 изъ Петербурга:

„Наконецъ я нашелъ случай отнестись къ Вамъ съ моей рѣчью и поговорить съ Вами по прежнему, по бывалому—по душѣ. Конечно я виноватъ передъ Вами, что только теперь отвѣчаю на письмо Ваше отъ 27 марта; но вѣдь мы съ Вами визитами не считаемся, а живемъ по Божьему. А ежели Вы примите въ разсчетъ мое почти безвыходное положеніе въ Петербургѣ и происходящую отъ этого нравственную боль, то простите меня. Выпала мнѣ доля счастливая, лежитъ передо мной дорога широкая, на концѣ ея участь „завидная“. Не знаю, за что судьба вдругъ приласкала меня? За то ли, что я потерпѣлъ-то отъ нея много и она вздумала наградить меня, подобно барину, который щедро награждаетъ своего камердинера за то, что тотъ не морщась проглатываетъ его оплеухи; или за то, что я... Богъ знаетъ за что? Опишу Вамъ пріѣздъ мой въ Петербургъ. Я пріѣхалъ сюда уже готовый, т. е. зарекомендованный литераторами и т. п. Съ перваго же дня моего пріѣзда, меня стали таскать изъ дому въ домъ, наконецъ знакомства накопилось столько, что я не успѣвалъ бывать у всѣхъ. Въ недѣлю обо мнѣ всѣ узнали и говорили, что вотъ такъ и такъ, пріѣхалъ изъ Москвы jeune homme, очень не дурной наружности, который передаетъ очень хорошо сцены изъ народнаго быта, читаетъ какую комедію разными голосами, такъ что изъ другой комнаты узнать нельзя. Такая репутація меня много подвинула и дала мнѣ случай быть у Петербургскаго губернатора. Со мной обошлись очень ласково и чтеніе мое произвело восторгъ. Наконецъ вечеръ за вечеромъ, на которыхъ я потѣшалъ публику чтеніемъ, довели меня до того, что я убѣгалъ изъ дому, боясь приглашеній. Но, встрѣтивши такое сочувствіе въ публикѣ, я не встрѣтилъ ничего кромѣ гадостей въ театральномъ мірѣ. Если бы могли составить себѣ понятіе, что это за мірокъ! Это и заставляетъ меня страдать нравственно и жить въ Петербургѣ до открытія спектаклей. А ужъ жизнь петербургская! Не даромъ я проливалъ слезы, прощаясь съ Москвою. Въ настоящее время я нахожусь въ обществѣ литераторовъ; но главное лицо, около котораго я трусь какъ рыба, это театральный начальникъ. Такъ бы вотъ кажется и полетѣлъ въ бѣлокаменную, обнялъ бы крѣпко друзей и пріятелей, да и опять на Невскій бѣгать по раскаленному граниту“.



Ученическій рисунокъ И. Ѳ. Горбунова.
Къ стр. 513.

Вскорѣ Горбуновъ написалъ С. И. Ишутиной второе длинное письмо отъ 22 іюня слѣдующаго содержанія:

„Если Вы получили мое письмо отъ.... не помню котораго іюня, то, навѣрное, удивитесь, что вслѣдъ за нимъ получаете другое. Вы, можетъ быть, отнесете это къ тому, что я за что-нибудь мщу Вамъ и не выдумалъ для этого никакого другого способа, какъ надоѣдать вамъ своей болтовней. Нѣтъ, это я дѣлаю такъ, безъ всякой цѣли. Объясню Вамъ въ чемъ дѣло. На меня иногда находятъ странныя минуты; вспомню я, напримѣръ, какого-нибудь господина, съ которымъ мы въ юности сиживали на одной скамейкѣ, питались вмѣстѣ казенной снѣдью,—я и начну думать: гдѣ онъ теперь? Что съ нимъ дѣлается? Изгибается ли онъ передъ своимъ начальникомъ, надѣясь получить отъ него мѣсто столоначальника, или ужъ онъ столоначальникъ, обросъ бакенбардами, женился на дѣвицѣ изъ духовнаго званія, составилъ себѣ карьеру, обзавелся дѣтьми и живетъ припѣваючи; или онъ для составленія карьеры поѣхалъ въ провинцію, влюбился тамъ въ дочь губернскаго архитектора и ждетъ удобнаго случая предложить ей руку и сердце. И далеко меня уноситъ моя фантазія. Вотъ онъ идетъ по бульвару губернскаго города. Мимо его проходятъ группы барынь, барышень, кавалеровъ, всѣ они одѣты изящно, на столько, на сколько позволяетъ провинціальная прихоть: кавалеры въ длинныхъ пальто, а дамы, большею частью въ креолкахъ изъ магазина Madame Tchernilnikoff. Жена губернскаго врача, у которой беретъ выкройки весь городъ, одѣта въ какой-то неестественный бархатный костюмъ своего изобрѣтенія, а самъ врачъ въ форменномъ фракѣ, сверхъ котораго накинуто парусинное пальто. Дамы идутъ по направленію къ бесѣдкѣ и серьезно разговариваютъ съ молодыми людьми о какихъ-то домашнихъ дѣлахъ, молодые люди внимательно выслушиваютъ дамъ и изрѣдка позволяютъ себѣ дѣлать кой-какія замѣчанія, барышни тоже толкуютъ между собою, но объ чемъ, неизвѣстно; пожилые люди сидятъ на скамейкахъ и ведутъ какой-то серьезный разговоръ. Бульваръ полнѣетъ, вся городская знать на немъ, не говоря уже о средней публикѣ, для которой бульваръ служитъ сборнымъ пунктомъ: на бульварѣ она узнаетъ всѣ новыя моды, на бульварѣ она узнаетъ отъ депутата дворянскаго собранія о томъ, что пишется въ газетахъ, съ бульвара она приноситъ вѣсти о ссорѣ какихъ-то двухъ помѣщиковъ... все на бульварѣ! Вотъ, наконецъ, идетъ губернскій архитекторъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ — съ женой, съ дочерью, и шестью малютками. Дѣти всѣ въ разнородныхъ костюмахъ: старшій сынъ одѣтъ кучеромъ, слѣдующій за нимъ черкесомъ, а тамъ еще ополченцомъ, три дочери—Вѣра, Надежда и Любовь—одинаковаго роста и чрезвычайно похожія одна на другую, одѣты въ разноцвѣтныхъ платьицахъ: Любовь въ розовомъ—цвѣтъ пылкій, Надежда въ зеленомъ—цвѣтъ надежды, Вѣра въ палевомъ—вѣтренность. Чахоточная мамаша строго слѣдитъ за поведеніемъ своихъ юношей и поминутно относится къ старшему: finissez Basile! но сынъ не обращаетъ вниманія на замѣчанія строгой матери и продолжаетъ по прежнему бѣгать по куртинамъ, ломать сучья, несмотря даже на запрещеніе мѣстнаго начальства, которое посредствомъ доски, прибитой при входѣ на бульваръ, даетъ всѣмъ посѣщающимъ бульваръ, знать, что запрещается: рвать цвѣты, бѣгать по куртинамъ, имѣть съ собой животныхъ и ломать деревья.—Отецъ, напротивъ, очень доволенъ поведеніемъ сына и съ радостью говоритъ члену врачебной управы: какой малый-то! Огонь!

Мой господинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ учились, ждетъ съ нетерпѣніемъ появленія дочери губернскаго архитектора. Вотъ она идетъ... Боже мой!.. Подъ руку съ жандармскимъ офицеромъ!.. Все пропало!.. Въ эту минуту онъ готовъ былъ рѣшиться на все; онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ, яркими красками описать ей свои двухлѣтнія страданія, онъ уже было и бросился къ ней навстрѣчу... но разсудокъ побѣдилъ порывъ страсти, онъ сдѣлалъ постную физіономію и сталъ кашлять для возбужденія къ себѣ участія. Между тѣмъ дочь губернскаго архитектора подъ руку съ жандармскимъ офицеромъ проходитъ мимо скамейки, на которой сидитъ господинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ учились. „Здравствуйте, Марья Ивановна“, говоритъ онъ дрожащимъ голосомъ. „Bonjour m-r Г.“ „Ваше здоровье?“ „Merci, здорова“. Они идутъ дальше. „А папа?“ кричитъ имъ вслѣдъ мой знакомый господинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ учились. „Здоровъ“. Они скрылись въ толпѣ, а мой знакомый господинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ учились, стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Убитъ, совсѣмъ убитъ, думаетъ онъ:—короткіе отвѣты... жандармскій офицеръ... merci... И долго, долго стоитъ онъ и шепчетъ едва внятно:

Сколько лѣтъ тебя искалъ я,
Сколько лѣтъ тобой страдалъ я...

Вотъ онъ болѣнъ; докторъ находитъ въ немъ присутствіе чахотки... И много, много я передумаю объ этомъ господинѣ, съ которымъ мы вмѣстѣ учились. А то бываютъ минуты, когда я вспомню „лѣта моей юности, лѣта невозвратно минувшаго счастья“, вспомню своихъ пустоголовыхъ и бездарныхъ учителей и вѣчно нетрезвыхъ надзирателей; вспомню своего чадолюбиваго инспектора, который для вящаго поощренія насъ въ наукахъ, хотѣлъ замѣнить розги какимъ-нибудь другимъ, болѣе чувствительнымъ, инструментомъ; вспомню и покойнаго директора, который заставлялъ насъ насильно читать въ свободное время макробіотеку Гуфеланда и лечебникъ Енгалычева и говорилъ, что это полезно для насъ. Подобныя минуты пришли на меня теперь когда я возвратился съ прогулки и легъ на диванъ въ ожиданіи ужина. Вспомнилъ я [ахъ, какъ отрадно вспоминать на чужой сторонѣ прошлое!]... Вспомнилъ я свое житье-бытье въ Сыромятникахъ, да какъ мнѣ все живо представилось, будто я только вчера гулялъ по Безпаловскому проспекту. Будто бы я ходилъ съ вами, разговаривалъ о предстоящей вамъ ваканціи, о переводѣ словъ Кирилла Туровскаго, о походѣ къ Троицѣ, острилъ, читалъ стихи; съ нами ходила madame [въ то время еще была m-lle] Долгова и съ ироніей относилась къ молодымъ людямъ, пренебрегавшимъ ея достоинствомъ и талантами. Передъ глазами моими стояли жоржзандистъ Л. и братъ его, страстно влюбленный въ бѣлокурую дѣвушку нѣмецкаго происхожденія: тамъ въ саду юлилъ *добрый малый Ш.*, а тутъ сидѣлъ милый Ильичъ и хладнокровный Викторъ, труждаясь надъ усовершенствованіемъ какого-то огнестрѣльнаго снаряда. Вотъ вышелъ М. Ф. и сталъ расхаживать мѣрными шагами по двору, проповѣдуя молодымъ людямъ нравственныя идеи. Мало-по-малу всѣ гуляющіе собираются въ одну кучку—мы также подходимъ. Начинаются разговоры, всякій говоритъ посильный анекдотъ, или случай изъ его жизни. Мих. Фед. разсказываетъ какъ онъ былъ добръ для своихъ подчиненныхъ [!!!], К. Ф., какъ она въ младенчествѣ замѣчала наклонность старшаго сына къ наукамъ, а младшато къ изящнымъ искусствамъ; покойница Алекс. Ст., смотрѣвшая на жизнь съ матеріальной стороны, говорила, что въ послѣднее время все стало дорого; старшій Л. говоритъ о новомъ направленіи Жорзъ-Занда, а младшій проповѣдуетъ о томъ, что въ дворянскомъ собраніи надо непремѣнно быть *въ отличныхъ бѣлыхъ перчаткахъ*; Ш. толкуетъ о папиросахъ Фанни Эльслеръ, а мы вовсе ни объ чемъ не говоримъ, или говоримъ, да не свое... И долго, долго длятся эти пустые разговоры. Но вотъ всѣ расходятся ужинать. Мы сѣли за столъ и начинается между мной и Викторомъ споръ, и только каша съ молокомъ успокаиваетъ насъ—мы *разцѣпилися*. Идемъ домой, а на душѣ такъ легко, легко потому, что провелъ нѣсколько часовъ въ семействѣ, въ которомъ принимаютъ тебя за родного; ляжешь спать и забудешь свое безвыходное положеніе, и грязную квартиру, и . . . .

. . . .

Вотъ какія мысли пришли мнѣ теперь въ голову и я взялъ перо для того, чтобы поговорить съ вами по душѣ. Но объ чемъ я стану теперь говорить? Объ Москвѣ я ничего не знаю, потому что всѣми интересами связанъ съ Петербургомъ. Ужъ не поговорить ли намъ о Петербургѣ. Рѣшено! Рѣчь будетъ о Петербургѣ. Вашу руку и пойдемте путешествовать по длиннымъ, красивымъ улицамъ сѣверной столицы. Впрочемъ, что же я говорю? Вѣдь уже два часа ночи! Конечно, и теперь мы все увидимъ, потому что у насъ ночей нѣтъ *совершенно*, да. . . . . Нѣтъ, ужъ мы отложимъ наше путешествіе до завтра или до слѣдующаго письма. До свиданія.

30 іюня. Утро.

Вы, я думаю, замѣтили во мнѣ слабость быть не всегда исправнымъ въ обѣщаніяхъ, такъ и теперь: обѣщался пройти съ вами по Невскому, показать вамъ много замѣчательнаго; но не могу исполнить этого, потому что проспалъ и тороплюсь на почту. Ну, да за мной не пропадетъ. Прощайте, Софья Ивановна. Желаю вамъ здоровья, счастія, успѣха и всего, что можетъ пожелать человѣкъ, преданный вамъ за ваше сочувствіе. Если будете писать къ Виктору, попеняйте ему, что онъ рѣдко мнѣ пишетъ. Письма я посылаю на ваше имя, потому что у Виктора оно долго залежится. Еще повторяю мою просьбу: напишите нѣсколько строкъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, *я жду съ нетерпѣніемъ*. Не сочтите подчеркнутой фразы за комплиментъ, вы знаете, что я не мастеръ говорить ихъ. Читаете ли вы что-нибудь? Напишите, могутъ ли благополучно дойти книги на ваше имя? Нѣсколько словъ о себѣ. Если я изъ Петербурга не выѣду до сентября мѣсяца, то совсѣмъ не выѣду и останусь на службѣ при петербургскомъ театрѣ. А какъ хочется побывать въ Москвѣ! Надняхъ я былъ представленъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ [1]. Онъ принялъ очень ласково и пригласилъ къ себѣ обѣдать. Разсказы мои понравились [на сколько я могъ замѣтить] и это мнѣ послужитъ къ большой пользѣ. Актеры теперь со мной за пани брата".

Въ тотъ же день 29 Іюня Горбуновъ писалъ отцу:

„Долго не могъ я отвѣчать на Ваше письмо, потому что уѣзжалъ изъ Петербурга. Простите мня за мое молчаніе. На дняхъ я былъ представленъ Графомъ Толстымъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Бибикову. Министръ принялъ меня очень ласково, даже *очень,* пригласилъ къ себѣ обѣдать и послѣ обѣда я разсказывалъ и читалъ ему. Солько я могъ замѣтить, мои разсказы ему понравились, потому что онъ заставлялъ повторять одно и то же.

---

[1] Дм. Гавр. Бибиковъ, герой Бородина. Ред.

Въ настоящее время ищутъ все случая представить меня Великому Князю. Новаго въ Петербургѣ нѣтъ. Образованная нація стоитъ неподвижно у Кронштадта и будетъ стоять долго, покамѣстъ не соскучится. Странное чувство испытываешь подъѣзжая къ Кронштадту: такъ бы вотъ и кинулся на этихъ подлецовъ, которые распустили здѣсь свои флаги. Обидно становится, что они такъ близко стоятъ. По временамъ у нихъ происходитъ ученіе. Долго еще имъ придется учиться, что бы подойти только къ Кронштадту. Театральная моя карьера начнется съ августа мѣсяца, а теперь я прибираю для себя публику, безъ которой актеръ не существуетъ. Прилагаю при семъ письмо ко мнѣ Графа Толстого. Пріобщите его къ тѣмъ письмамъ, которые у Васъ. Этотъ графъ Толстой—зять министра".

Письмо это было слѣдующее:

„Милостивый Государь Иванъ Федоровичъ. Вы сказали мнѣ, что можете теперь располагать вашимъ временемъ; сдѣлайте же мнѣ удовольствіе, пріѣзжайте обѣдать ко мнѣ въ четвергъ, то-есть послѣ завтра, въ 5 часовъ. Я живу на Дворцовой Набережной, въ домѣ Бибиковой. Вашъ покорный слуга Графъ Дмитрій Толстой [1]. Вторникъ 21 іюня 1855".

3 іюля Горбуновъ писалъ отцу:

„Вы, кажется, отъ меня скрываете, что Вы больны; это я замѣчаю по нетвердости Вашей руки. Я не зналъ же что подумать и къ чему отнести Ваше долгое молчаніе и долженъ былъ переписать письмо, приготовленное на почту, въ которомъ я просилъ Васъ вывести меня изъ недоумѣнія. Да ниспошлетъ Вамъ Господь столько же силы тѣлесной, сколько онъ далъ Вамъ душевной. Это моя всегдашняя молитва. Въ концѣ этого мѣсяца, я, можетъ быть, побываю у Васъ. Въ Петербургѣ жара страшная; теперь только 11 часовъ, а ужъ 23 градуса въ тѣни. Просто, хоть не живи на свѣтѣ! По улицамъ почти ходить нельзя. Вечеромъ же большею частію бываютъ холода, такъ что уѣхавши изъ Петербурга на цѣлый день въ легкомъ пальто, на обратномъ пути можешь простудиться съ большимъ удовольствіемъ. Въ Духовъ день у насъ былъ снѣгъ при 4 градусахъ мороза. Правду говоритъ пословица: до Святого Духа не снимай кожуха. По воскресеньямъ мы ѣздимъ въ Кронштадтъ и любуемся этой твердыней, которая будетъ урезонивать Великобританію. Что это за крѣпость! Сотни кораблей въ дрызгъ разлетятся, если вздумаютъ на версту подойти къ Кронштадту: „Страшно мѣсто сіе!" Непріятельскій флотъ лежитъ въ виду Кронштадта, такъ что простымъ глазомъ легко разсмотрѣть корабли, а съ помощію хорошей трубы видно людей. Когда пароходъ равняется съ рейдомъ, матросы выходятъ на палубу и привѣтствуютъ насъ единодушнымъ ура! Что за картина! Представьте себѣ, что всѣ матросы молодецъ къ молодцу и можетъ быть не нынче завтра станутъ грудью отстаивать Петрополь. P. S. Орестъ напрасно на меня сердится. Я пишу ему вмѣстѣ съ Викторомъ, а особеннаго письма не посылаю ему потому, чтобы ему избѣжать хлопотъ. Вслѣдъ за этимъ письмомъ я посылаю письмо на имя Ореста для передачи въ Москвѣ одной барынѣ, которая дастъ ему денегъ. Отсюда мнѣ нельзя послать потому что это будетъ стоитъ дорого. Петербургъ вотъ какой городъ. Я вотъ прожилъ въ немъ только два мѣсяца, а ужъ 90 цѣлковыхъ истратилъ, имѣя квартиру и столъ готовые и не платя за это ни гроша. Эти шляпы, да перчатки, да всякіе пустяки совершенно раззоряютъ. А ужъ какъ платье дорого, страсть! Слава Богу, я теперь обзавелся немножко гардеробомъ. Теперь у меня въ виду деньги у Краевскаго. По полученіи ихъ, я возвращу Вамъ расходъ, который былъ у Троицы“.

---

[1] Графъ Дм. Андр. Толстой, былъ женатъ на дочери Дм. Гавр. Бибикова и Софіи Серг., рожденной Кушниковой; впослѣдствій министръ внутреннихъ дѣлъ. Ред.

Слава Горбунова достигла дворцовъ. 14 іюля 1855 года онъ былъ позванъ къ Великому Князю Константину Николаевичу, о чемъ писалъ 18 іюля отцу:

„14 числа я удостоился чести быть у Великаго Князя Константина Николаевича. Опишу Вамъ подробно, какъ все это случилось. Утромъ я получаю записку отъ Писемскаго, въ которой онъ пишетъ, что вечеромъ мы должны быть у Великаго Князя въ Кронштадтѣ. Въ 5 часовъ вечера мы сѣли на военный пароходъ, вмѣстѣ съ княземъ Оболенскимъ, который насъ представилъ Великому Князю, и понеслись къ Кронштадту. Съ нами также ѣхалъ князь Одоевскій [дѣдушка Ириней, писатель]. Черезъ два часа мы были уже въ виду Кронштадта. Пароходъ нашъ остановился. Смотрю, съ одного фрегата, подъѣзжаетъ къ намъ катеръ. Я думалъ, что мы въ катерѣ должны доѣхать до Кронштадта, но оказалось совсѣмъ другое: катеръ подъѣхалъ къ намъ для того, чтобы перевести насъ на фрегатъ „Рюрикъ“, на которомъ находился Великій Князь. Радость моя еще болѣе увеличилась. Мало того, что я увижу Великаго Князя, но я буду на кораблѣ, увижу его пушки, матросовъ, офицеровъ!.. Черезъ нѣсколько минутъ мы были на палубѣ „Рюрика“. Князь Оболенскій представилъ насъ свитѣ Его Высочества, которая въ то время была на палубѣ... Вышелъ Великій Князь. Мы были представлены. Въ минуту палуба была закрыта; мы сѣли вокругъ стола, Писемскій началъ читать Плотничью Артель. Во время чтенія мы пили чай, Великій Князь также пилъ и курилъ трубку. Въ 9 часовъ ударила заревая пушка, всѣ встали, началась вечерняя молитва. Спустя немного времени, Великій Князь сказалъ: пойдемте ужинать. Вся его свита и мы сѣли опять за тѣмъ же столомъ, меня посадили на концѣ стола, *рядомъ* съ Великимъ Княземъ. За ужиномъ я прочелъ нѣсколько сценъ изъ своей пьески, разсказалъ „Утро квартальнаго надзирателя“, „Безконечную пѣсню“, повѣсть объ Османъ-Пашѣ [1] и много кой-чего. Великій Князь хохоталъ и всѣ хохотали сильно. Когда я разсказалъ нѣсколько сценъ изъ крестьянской жизни, Великій Князь обратился ко мнѣ: „Гдѣ это Вы, насмотрѣлись этого? Вѣроятно, бывали въ деревнѣ“? — „Былъ“. — „Очень вѣрно, прекрасно". По окончанiи ужина, Его Высочество благодарилъ меня и Писемскаго, и простившись со всѣми, ушелъ въ каюту. Когда мы стали садиться въ катеръ, благодарность была подтверждена черезъ адъютанта Его Высочества. Было 11 часовъ, когда мы вошли на пароходъ „Мирный", который долженъ былъ привести насъ въ Петербургъ. Ночь была до того темна, а главное туманна, что на половинѣ пути капитанъ парохода велѣлъ бросить якорь, чтобы не наткнуться на мель, потому что уже начали сбиваться съ фарватера, который только пропускаетъ одинъ корабль. На якорѣ мы простояли до свѣта. Дѣдушка Иринеи все угощалъ насъ конфектами и портвейномъ. [Забылъ сказать, что за ужиномъ у Великаго Князя мы пили шампанское]. Не знаю, все ли я Вамъ разсказалъ-то? Ну, если, что вспомню, разскажу словесно, а писать-то, не то что разсказывать—труднѣй. Это обстоятельство сразу выдвинуло меня впередъ. Теперь у меня приглашенiе за приглашенiемъ; признаться сказать, попринадоѣло. Впрочемъ, это очень хорошо. Не знаю, чѣмъ кончится моя карьера, а начата такъ блестяще, что ни одинъ актеръ такъ не начиналъ своего поприща... да какое, актеръ... Изъ литераторовъ-то... Въ субботу былъ у князя Одоевскаго. Прямой дѣдушка Ириней! Доброты неестественной! Княгиня тоже, кажется, добрая женщина. У него я познакомился съ поэтомъ Тютчевымъ. Былъ у него Баронъ фонъ-Бруновъ, который до начала войны былъ посланникомъ въ Англiи. Барону особенно понравились разсказы объ французской революцiи, о Наполеонѣ [1]. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько комплиментовъ. Это очень много значитъ. Во вторникъ пригласила меня къ себѣ княгиня Урусова, которая найдетъ случай представить меня Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Она мнѣ обѣщала. О послѣдствiяхъ этого вечера напишу послѣ. Покуда все. Прощайте, милый мой тятенька. Пишите мнѣ почаще. Цѣлую маменьку, Лизу, Капитолиньку. Оресту протягиваю обѣ руки, но не для того, чтобы пожать ихъ, а схватить за уши за то, что онъ пишетъ ко мнѣ письма короче".

---

[1] Разсказъ П. М. Садовскаго. Ред.

Продолжая дѣлиться впечатлѣнiями съ отцомъ своимъ, Горбуновъ писалъ ему:

„Я сейчасъ вернулся отъ Князя Оболенскаго [2 часа пополуночи]. Ну, теперь я кажется, извѣстенъ всему высшему обществу, остается только смѣло ударять на штурмъ... виноватъ на дебютъ. Спектакли откроются въ августѣ мѣсяцѣ, а до тѣхъ поръ надо поучиться. Мало по малу я привыкъ къ высшимъ мiра сего и не стѣсняюсь читать, а прежде какъ страшно было, особенно у Смирновой... морозъ댈ралъ по кожѣ... У Оболенскаго было много гостей, все больше въ густыхъ эполетахъ, между прочимъ генералъ Мельниковъ, который велъ Московскую желѣзную дорогу. Писемскiй читалъ свой новый романъ, а я свою комедiю и еще кое-что. Восторгъ былъ страшный. Князь оставилъ у себя мой адресъ и сказалъ, чтобы я былъ готовъ... Господи, неужели это осуществится. При этомъ письмѣ прилагаю Вамъ [въ посылкѣ] стихотворенiя

---

[1] Разсказы П. М. Садовскаго. Ред.

А. Николаевича Майкова. Въ Питерѣ новаго нѣтъ ничего. Погода доходитъ до неистовства. 3-й день по 37 градусовъ жару; ночи туманныя. Поцѣлуйте ручку у маменьки. Капу и Лизу цѣлую. Что Орестъ? Жму ему руку и цѣлую. Не велите ему стрѣлять. На дняхъ [въ Казанскую] одинъ мой знакомый нечаянно застрѣлился у себя въ комнатѣ. Пуля прошла мимо сердца и остановилась подъ лопаткой. Слава Богу, что не задѣла сердца и есть надежда на выздоровленіе, впрочемъ, надежда гадательная. Но какое присутствіе духа: выстрѣливъ, самъ дошелъ до постели, кликнулъ человѣка, послалъ за священникомъ и не ахнулъ ни разу, когда ножъ хирурга сталъ входить въ спину, чтобы вынуть пулю. Повторяю свой адресъ: противъ Технологическаго Иститута, домъ Кузьмина, квартира Л. Л. Леонидова“.

Знакомство Горбунова все расширялось и онъ 24 іюля писалъ отцу:

„Въ понедѣльникъ я опять былъ у Князя Оболенскаго, во вторникъ у княгини Урусовой [1]. Къ княгинѣ мы пріѣхали съ дѣдушкой Иринеемъ [2] и пробыли у ней до 3-хъ часовъ. Я уже не стану говорить Вамъ о своемъ успѣхѣ... Въ понедѣльникъ [25 іюля] меня хотятъ везти къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; но это, можетъ быть, а не навѣрное. Говору въ Петербургѣ о моей особѣ много. Какъ трудно быть... Съ начальникомъ театра я въ большомъ ладу; бываю у него часто и принятъ по домашнему, т. е. въ сюртукѣ и т. п. Охъ ужъ мнѣ этотъ этикетъ!“

Въ слѣдующемъ письмѣ 28 іюля онъ писалъ:

„Спѣшу Васъ обрадовать мои драгоцѣнные, что я имѣлъ счастіе быть у Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны. Я пробылъ въ Ораніенбаумѣ три дня [24, 25, 26] и, возвратившись въ Петербургъ, получилъ приказаніе опять возвратиться въ Ораніенбаумъ. Послѣ опишу Вамъ все подробно [3], а теперь время нѣтъ, сейчасъ ѣду на пароходъ. Прилагаю здѣсь три записки, изъ которыхъ одной прилагаю переводъ [она писана къ княгинѣ Одоевской]: „Княгиня, дайте знать Горбунову, если онъ не уѣхалъ—чтобы остался; если же уѣхалъ — напишите ему, чтобы онъ въ четвергъ возвратился непремѣнно“! Это записка фрейлины Ея Высочества. Въ воскресенье я имѣлъ счастіе читать Ея Высочеству Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а въ понедѣльникъ Ея Высочеству Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ. Завтра [въ четвергъ] вѣроятно будутъ Великіе Князья. Какъ возвращусь изъ Ораніенбаума, тотчасъ напишу Вамъ“.

25 августа Горбуновъ писалъ: „Я попрежнему читаю въ гостинныхъ. Какой-то господинъ лестно отозвался обо мнѣ въ „С.-П. Вѣдомостяхъ“, этотъ № я Вамъ посылаю [4]. Дебютъ мой будетъ въ половинѣ сентября. Подробности объ Ораніенбаумѣ въ слѣдую-

---

[1] Сестра Кн. Оболенскаго. Князь былъ близокъ къ В. Кн. Константину Николаевичу.

[2] Князь Влад. Ѳед. Одоевскій.

[3] Къ сожалѣнію, описанія Ораніенбаумскаго пребыванія не сохранилось.

[4] См. ниже. Ред.

щемъ письмѣ. На дняхъ меня, можетъ быть, представятъ Великимъ Князьямъ; отъ Великой Княгини Елены Павловны мнѣ обѣщанъ подарокъ"...

11 сентября Горбуновъ писалъ отцу:

„Вы сегодня поздравляете меня съ ангеломъ, а я поздравляю Васъ съ общею для всѣхъ насъ радостью: я удостоился получить отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны брилліантовую булавку. Прилагаю Вамъ копію съ письма ко мнѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Подлинное же письмо пришлю послѣ; теперь мнѣ оно нужно. Булавку эту предназначаю Вамъ за Ваши неусыпныя попеченія обо мнѣ. Храните ее, какъ святыню".

Тѣмъ временемъ домашнія дѣла въ семьѣ Горбунова шли худо. Повидимому, отецъ его, Ѳед. Тим. Горбуновъ потерялъ мѣсто.

„Милый мой тятенька, писалъ Горбуновъ отцу 15 октября, грустно мнѣ было получить Ваше письмо въ то время, когда дѣла мои почти кончаются, или, по крайней мѣрѣ, близки къ концу. Но, что дѣлать! Воля Божья. Я ничего не могу Вамъ совѣтовать, потому я огорченъ этимъ обстоятельствомъ такъ, какъ только можетъ быть огорченъ искренно любящій Вашъ сынъ. Утѣшайте маменьку: на нее это, я думаю, сильно подѣйствовало... Впрочемъ, Богъ не безъ милости. Къ 1-му числу я буду непремѣнно въ Москвѣ. Знакомство мое въ Москвѣ можетъ много для Васъ сдѣлать, успокойтесь. Денегъ съ собой я привезу рублей 50 серебромъ—хватитъ переѣхать. Только, вообще, какъ Вы думаете, куда переѣхать и все прочее? Напишите мнѣ поскорѣй! Адресъ мой: Противъ Техн. Инст., домъ генерала Девитте, квар. Леонидова № 8. 25 числа дебютирую. Всѣхъ цѣлую и кланяюсь. Успокойте маменьку отъ моего имени. Авось, Богъ дастъ Вамъ за Ваше терпѣніе хорошее мѣсто".

30 октября Горбуновъ писалъ:

„Особеннаго ничего нѣтъ. Играю скоро. Былъ вчера у Меншикова. Причина моего долгаго молчанія была та, что я уѣзжалъ на недѣлю".

Сообщая черезъ нѣсколько дней о своей болѣзни, Горбуновъ 6 ноября писалъ: „Ради Бога, извините меня, что я до сихъ поръ не писалъ Вамъ. Я хотѣлъ было скрыть отъ Васъ, что я былъ тяжко боленъ; но... дѣло прошлое!.. Ваша молитва до Бога доходна: я выздоровѣлъ. Болѣзнь моя задержала дебютъ, который будетъ 14 ноября. По окончаніи дебюта, буду къ Вамъ. Вы расчитывайте на деньги, о которыхъ я Вамъ писалъ. Все идетъ хорошо. Цѣлую всѣхъ. На дняхъ я буду [это можетъ быть], у Великой Княгини Маріи Николаевны. Жду Вашего благословенія на дебютъ. Не сокрушайтесь Вашимъ положеніемъ, Богъ милостивъ".

Наконецъ, наступило время давно ожидаемаго дебюта и Горбуновъ писалъ 21 ноября отцу:

„Надѣюсь, Вы поймете причину, по которой я не писалъ къ Вамъ такъ долго: я былъ занятъ моимъ дебютомъ, который къ нашему счастію, прошелъ великолѣпно. Я уже сыгралъ 2 раза. Въ первое представленіе меня вызвали 2 раза, во 2-е четыре. Теперь я буду играть сегодня [въ понедѣльникъ] и въ среду. Завтра буду представленъ министру для окончательнаго рѣшенія. Если дѣла примутъ хорошій оборотъ, я дамъ знать въ Москву по телеграфу. Надежду поступленія я имѣю, впрочемъ, все въ рукахъ Божіихъ. У меня сердце замираетъ, когда я вспомню о Вашемъ положеніи. Потерпите еще немножко. Пріѣхавши въ Москву, я обращусь съ просьбой ко всему купечеству, которое меня любитъ. Черезъ письма съ этимъ народомъ нельзя дѣлать дѣла. При настоящихъ условіяхъ, имъ совѣстно будетъ отказать мнѣ. Что маменька-то? Напишите мнѣ всю правду. У сестеръ, я увѣренъ, хватитъ твердости. Богъ милостивъ, можетъ все это къ лучшему".

10 декабря Горбуновъ писалъ:

„Я, слава Богу, здоровъ. Къ святкамъ устрою окончательно всѣ дѣла и буду въ Москвѣ. Играю часто. Публика меня полюбила. Во всѣхъ журналахъ меня хвалятъ. Должно быть, у васъ тамъ дороги испортились, что письма со станціи приходятъ въ 10 дней! Замѣтьте это смотрителю. Извините меня, что я такъ давно не писалъ къ Вамъ, все какъ то... писать особенно нечего. Впрочемъ, я Вамъ, кажется, не сообщалъ, что я былъ у Принца Ольденбургскаго, у Великихъ Князей, Николая и Михаила Николаевичей. Въ настоящую минуту Петербургъ толкуетъ все объ мирѣ. Слухъ идетъ, что миръ ужъ рѣшенъ окончательно. Дай Богъ! Персія сдѣлала разрывъ съ Англіей. Что теперь Англія выиграла въ войнѣ? Позоръ, позоръ, позоръ вѣчный"!..

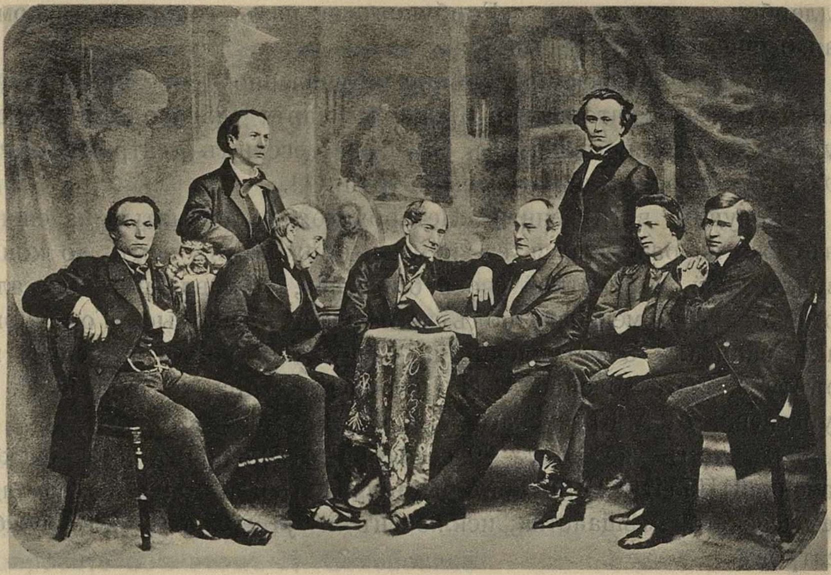
Наконецъ, наступилъ и послѣдній дебютъ Горбунова и онъ 18 февраля 1856 года сообщалъ объ этомъ отцу:

„17 февраля былъ мой третій и послѣдній дебютъ. 17 февраля день Вашего ангела и этотъ день останется навсегда мнѣ памятнымъ. Публика приняла меня громомъ рукоплесканій. Я пѣлъ русскую пѣсню и мнѣ почти за каждую фразу кричали „браво"! Объ вызовахъ ужъ я не говорю. Счастливъ я, что подарилъ Васъ въ этотъ день такимъ торжествомъ... Не задумывайтесь: мое торжество неразлучно съ Вашимъ. Послѣ спектакля я былъ въ одномъ домѣ, и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ [писатель], поздравивъ меня съ успѣхомъ, предложилъ тостъ за мои будущіе успѣхи. При выходѣ моемъ на сцену, А. Н. Островскій благословилъ меня, какъ сына. На масляницѣ я играю очень часто, а потому до Великаго поста мы съ Вами не увидимся. Прилагаю Вамъ афишу. Новостей никакихъ нѣтъ. Поцѣлуйте маменьку. Я пойду въ Воскресенье въ Невскій монастырь помолиться о ея здоровьѣ. Лизу и Капитолиньку цѣлую. Писать много, ей Богу, некогда, не сердитесь.

P. S. Скоро всѣ мои дѣла придутъ къ окончанію. Великій Князь Николай Николаевичъ говорилъ обо мнѣ директору. Это много значитъ... „Комедія на станціи" [1] сочинена мной.

---

[1] Эта пьеса нашлась въ театральномъ архивѣ, но она не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Это соединеніе извѣстныхъ его разсказовъ въ пьесѣ устроенной для сцены, гдѣ самъ Горбуновъ является на станціи въ роли проѣзжающаго. Ред.



А. А. Алексѣевъ. П. А. Каратыгинъ. И. Е. Чернышевъ.
А. М. Максимовъ. И. И. Сосницкій. П. И. Григорьевъ. И. Ө. Горбуновъ. Малышевъ.

Сообщая объ окончаніи дѣлъ, Горбуновъ писалъ отцу съ 12 на 13 марта: „Полночь. Дѣла приходятъ къ совершенному окончанію. Сегодня я давалъ литературный вечеръ. Публика была все знатная. Успѣхъ огромный. Хлопали почти за каждую фразу. Билеты продавались по 3 рубля серебромъ. Всего сбору около 800 рублей серебромъ. Теперь вы можете быть покойны: Я сейчасъ только воротился, а потому не могу писать много усталъ. Впрочемъ, подробно узнаете изъ газетъ. Не худо бы вамъ пріѣхать въ Москву и написать мнѣ оттуда: я вамъ тотчасъ вышлю на имя А. Н. Островскаго, отъ него вы и получите. Просто, пріѣзжайте въ Москву и дайте мнѣ по телеграфу слѣдующую фразу: „Я въ Москвѣ". Ө. Горбуновъ. Это будетъ стоить 3 рубля серебромъ. Сдѣлайте это на мой счетъ. Я, можетъ, тогда самъ пріѣду на минуточку".

Извѣщая о своихъ успѣхахъ С. И. Ишутину, Горбуновъ писалъ ей 21 марта 1856 года: „Меня одолѣваютъ обѣды и ужины... Какъ мнѣ эти концерты надоѣли".

Издатель „Русской Старины" М. И. Семевскій, говоря объ успѣхахъ Горбунова, останавливается на особенномъ сочувствіи къ нему Государя и пишетъ:

„Артистъ былъ принятъ на сцену съ Высочайшаго соизволенія. Императоръ Александръ Николаевичъ былъ первый цѣнитель таланта Горбунова, а Великая Княгиня Елена Павловна, столь горячо сочувствовавшая всему, что носило печать ума и дарованія въ Россіи, въ первые же годы по пріѣздѣ Горбунова въ Петербургъ, многократно приглашала его на свои вечера и здѣсь Иванъ Өедоровичъ былъ оцѣненъ представителями высшаго общества въ Петербургѣ. По ея предстательству, онъ принятъ и на сцену".

Весьма сочувственно относился къ Горбунову и графъ А. В.

Адлербергъ, о чемъ самъ Горбуновъ не разъ говорилъ, вспоминая бывшаго министра Двора.

По Высочайшему повелѣнію, объявленному въ предложеніи Министра Императорскаго Двора 19 марта 1856 года, И. Ѳ. Горбуновъ былъ опредѣленъ къ С.-Петербургскимъ театрамъ *актеромъ* въ Русскую драматическую труппу [1].

Радушно встрѣченный Петербургомъ и принятый на сцену, онъ уже не разставался съ нимъ и прожилъ въ немъ до конца своихъ дней. Въ краткой своей біографіи, составленной для альбома М. И. Семевскаго подъ заглавіемъ „Знакомые", Горбуновъ такъ записалъ о вступленіи на сцену: „поступилъ на сцену по совѣту и благословенію А. Н. Островскаго, при содѣйствіи И. С. Тургенева, А. А. Краевскаго и А. Ѳ. Писемскаго".

Въ томъ же году, 29 сентября, отношеніемъ Московской Казенной Палаты, Горбуновъ былъ уволенъ изъ подушнаго оклада Сергіевскаго мѣщанства исключенъ и утвержденъ по службѣ театровъ [2].

Въ первую же зиму 1855—56 года въ Петербургѣ Горбуновъ познакомился съ С. В. Максимовымъ, авторомъ „Бродячей Руси", „Года на сѣверѣ" и другихъ трудовъ. Объ этомъ знакомствѣ С. В. Максимовъ писалъ:

„У Аничкова моста, въ домѣ Степанова, рядомъ съ Екатерининскимъ институтомъ, въ первомъ этажѣ направо, въ небольшой квартирѣ И. С. Тургенева, въ его пріемномъ залѣ, изящно убранномъ портьерами и широчайшей оттоманкой, Горбуновъ разсказывалъ въ кружкѣ „Современника" корифеямъ тогдашней молодой петербургской литературы... Въ тотъ памятный вечеръ и тутъ я впервые встрѣтился и познакомился съ Горбуновымъ [3].

Съ водвореніемъ въ Петербургѣ, Горбуновъ постоянно увѣдомлялъ своихъ московскихъ друзей о томъ, что дѣлается въ столицѣ. Среди этихъ московскихъ пріятелей долженъ быть помянутъ Сер. Сем. Кошеверовъ, купецъ, державшій, по словамъ М. И. Писарева, писчебумажный магазинъ, добродушный хлѣбосолъ, человѣкъ не цивилизованный, но весьма интересный, приходившійся дядей Прову Мих. Садовскому, у котораго онъ постоянно бывалъ. Поэтому и въ кружкѣ друзей Горбунова онъ назывался „дядюшкой". На одной изъ группъ есть его портретъ. Къ нему Горбуновъ писалъ изъ Петербурга:

„Любезному дядюшкѣ Сергѣю Семеновичу отъ въ Петербургѣ на театральныхъ подмосткахъ состоящаго племянника вашего, поклонъ. И увѣдомляю я васъ, любезный дядюшка, что у насъ все хорошо и ровно и что бы этихъ загуловъ, никакихъ нѣтъ. Посылаемъ поклоны всѣмъ, какъ то: Яшѣ, Абушѣ, Ивану Ивановичу, которому фамилія Еремѣевъ, роднымъ братьямъ Ануфріевымъ, взысканному милостью Царскою Садовскому I-му и всѣмъ въ благодушіи время проводящимъ. Цѣлую васъ крѣпко".

---

[1] См. ниже Записку о службѣ И. Ѳ. Горбунова.

[2] Тамъ-же.

[3] См. выше „Неподражаемый разсказчикъ" С. В. Максимова.

Ред.

8-го сентября Горбуновъ писалъ ему-же:

„Милый мой Сергѣй Семеновичъ. Вышелъ вѣрнѣйшій случай засвидѣтельствовать Вамъ мое глубочайшее почтеніе. Пользуюсь этимъ. Здоровы ли Вы? Какъ провели лѣто красное? Гдѣ та черноокая, которая зажгла мое ретивое? Скажите ей, что по гробъ жизни буду помнить тотъ вечеръ, въ который мы вмѣстѣ сидѣли за ужиномъ, скажите ей, что я

Всякій мигъ и всякій часъ,
Въ день и ночь угрюмую,
Только знаю про нея,
Думушку все думаю.

Сегодня я получилъ брилліантовую булавку отъ Великой Княгини Елены Павловны. Дѣла идутъ славно, въ концѣ мѣсяца дебютирую. Поклонитесь отъ меня Алексѣю Семеновичу, Д. и Н. Семеновичамъ, равнымъ образомъ, С. В. Лепешкину и А. Н. Канышеву. Попросите объ этомъ Н. Семеновича“.

20 декабря Горбуновъ писалъ: „Изъ содержанія сего нашего письма Вы усмотрите, что мѣсяца декабря, въ одиннадцатый день, въ девять часовъ пополудни, въ аппартаментахъ Статскаго совѣтника Михаила Николаевича Островскаго, происходило чтеніе новой пьесы. Для сей оказіи приглашены были Тайные Совѣтники, Генералъ-Лейтенанты, Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, сочинители и иныхъ чиновъ люди, также изъ англиканской земли нѣкто, Нурокомъ имянуемый. Сіе Государства Россійскаго важныхъ персонъ собраніе въ превеликую пришло радость, что въ любезномъ отечествѣ нашемъ надлежащую отъ собранія аппробацію получила. Статскій совѣтникъ М. Н. Островскій предложилъ съ превеликимъ изяществомъ пріуготованный ужинъ и пили за полночь. На этомъ собраніи я не былъ, потому что былъ занятъ въ Благородномъ собраніи на музыкальномъ вечерѣ. Слышали мы, что Провъ Михайловичъ былъ у Государя и произвелъ фуроръ. Радуемся. У насъ новаго ничего нѣтъ. Погода сырая. Къ вечернѣ звонятъ каждый день“.

16 января Горбуновъ писалъ тому же Кошеверову: „У насъ тихо, „не слышно шума городского“, ночи темныя, погода скверная. Живемъ мы такъ скромно, какъ дай Богъ всякому иноку. Вспомнишь прежнюю-то жизнь, когда мы жили, „въ безднѣ грѣховной валяяся“, такъ, индо страшно станетъ. Боже, очисти насъ грѣшныхъ! Сейчасъ идемъ на вечеръ къ литератору Салтыкову, можетъ тамъ предадимся хмѣлю, да и то врядъ ли. Всей артели поклонъ“.

Въ то же время А. Н. Островскаго Горбуновъ извѣщалъ о дѣлахъ театральнаго комитета и 6 сентября 1856 года писалъ ему:

„Спѣшу Вамъ сообщить, Александръ Николаевичъ, обо всемъ, что дѣлается въ Петербургѣ. 1. Погода стоитъ лихорадочная, какъ и всегда. 2. 5-го числа было первое засѣданіе комитета, собраннаго для разсмотрѣнія пьесъ для столѣтняго юбилея. Вотъ и всѣ новости. Комитетъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Предсѣдатель С. П. Жихаревъ, который писалъ дневникъ студента. Члены:

Краевскій, Ротчевъ, Федоровъ, Никитенко, Ложечниковъ, Майковъ, Гончаровъ. Псаломщикомъ поставили вашего покорнаго слугу. Всѣхъ пьесъ представлено 21, изъ которыхъ, вѣроятно, 20 никуда не годятся, а одна, которая должна непремѣнно годиться, будетъ хуже всякой посредственности. Въ первое засѣданіе прочитано 3 пьесы, въ одной есть великолѣпное мѣсто о Гоголѣ. Пьеса Григорьева представлена безъ девиза и прочитана была первая. Такая дребедень, что уму непостижимо. Пьеса какого-то лавочника уложила публику окончательно. „Театръ представляетъ кладбище“ и т. д.“ На сценѣ Полевой, Брюловъ, Мочаловъ и др. Конецъ перваго акта: „Мочаловъ. Одначе, семь часовъ, пора чай пить. [Уходятъ всѣ въ могилы, музыка играетъ что-нибудь“]. О дальнѣйшихъ засѣданіяхъ буду сообщать. Что ваша нога? Неужели нѣтъ легче? Да сохранитъ Васъ Богъ. Поклонитесь Агафьѣ Ивановнѣ [1], Евгенію Николаевичу и Ап. Александровичу [2]. Майковъ и Гончаровъ Вамъ кланяются. У Михаила Николаевича одинъ разъ былъ, но не засталъ дома. А. Никитичу разсказы посылаю во вторникъ. P. S. Гурію Николаевичу низкій поклонъ“.

Въ слѣдующемъ письмѣ Горбуновъ писалъ тому же Островскому:

„Пьеса, данная въ бенефисъ Марковецкаго, принадлежитъ къ числу такихъ пьесъ, за которыя обыкновенно бьютъ по рожѣ: авторъ и бенефиціантъ получили это. Я Вамъ не писалъ своевременно объ этомъ, потому что не хотѣлъ растраивать васъ. Содержанія въ пьесѣ нѣтъ никакого, разсказанъ только въ лицахъ извѣстный анекдотъ о Горевѣ. Публика ошикала пьесу, а Великіе Князья, бывшіе въ это время въ театрѣ, сказали: „можно ли давать такой вздоръ?!“ Были, разумѣется, люди, которые порадовались этому пасквилю; вѣроятно, найдутся такіе же въ Москвѣ. [Пьеса идетъ въ бенефисъ Живокини]. Всѣ любящіе васъ, ваши друзья драматическіе, порѣшили межъ собой такъ: „послѣ представленія пьесы въ Москвѣ, вамъ не худо написать письмо къ Гедеонову и сказать ему, что поступать подобнымъ образомъ съ литераторомъ, который болѣе чѣмъ кто либо принесъ пользу дирекціи,—дѣло не честное. На публику пьеса не произвела никакого впечатлѣнія и разговоровъ даже объ ней не было, [съ начала разсказываетъ содержаніе пьесы]... Для сцены это нисколько не интересно, хотя въ натурѣ бывали и бываютъ, можетъ быть, подобные случаи. „На всякое чиханье не наздравствуешься“, говоритъ пословица, а потому это дѣло надо оставить втунѣ, сказалъ Писемскій. Въ Петербургѣ новостей нѣтъ. Писемскій боленъ не столько физически, сколько морально. Шетулинскій сказалъ, что у него болѣзнь нервная и лечить его должна сама натура. Пьеса Зотова, избранная комитетомъ, похоронена въ III Отдѣленіи, „Укрощеніе строптивыхъ“ не пропущена; „Лобазникъ“ [3] въ цензурѣ и, кажется, пройдетъ. Потрудитесь сказать объ этомъ Прову Михайловичу. На слѣдующей недѣлѣ я дамъ ему рѣшительный отвѣтъ. Прощайте, Александръ Николаевичъ, благодать Божья съ вами.

---

[1] Подруга А. Н. Островскаго.

[2] Ап. А. Григорьевъ.

[3] Пьеса Владыкина. Ред.

P. S. На дняхъ былъ бенефисъ Леонидова. Онъ давалъ „Ермака“ Полевого. Сборъ былъ очень хорошiй. На повторенiи бенефиса въ театрѣ сдѣлали скандалъ: кто-то закричалъ: „пожаръ“! Что это было... Я былъ въ это время на сценѣ. Вообразите крикъ, давка, трескъ... ужасъ! Мы начали со сцены уговаривать публику, сказали что это вздоръ, что никакого пожара нѣтъ. Мало-по-малу успокоились; нѣкоторые пришли обратно изъ корридора и тѣмъ убѣдили прочихъ въ несправедливости сказаннаго. Всѣ сѣли на мѣста и попросили кончить пьесу. Послѣ спектакля, при разборѣ шубъ, была другая исторiя, слѣдствiе первой: многiе ушли въ чужихъ шубахъ, а нѣкоторые должны были идти вовсе безъ шубъ“.

Въ письмѣ отъ 29 января слѣдующаго 1857 года Горбуновъ писалъ Островскому:

„Сообщаю Вамъ одно происшествiе, которое случилось въ субботу въ театральномъ комитетѣ. Петербургскiя новости, вѣроятно, уже дошли до Васъ, напримѣръ, что Борщевъ умеръ, что Самойловъ сошелъ со сцены, т. е. не совсѣмъ, но уже болѣе не играетъ [онъ проситъ 6 тысячъ рублей, но дирекцiя упирается]; что Леонидовъ женится, что въ настоящiй театральный сезонъ новаго на сценѣ ничего не было, а вотъ что для Васъ будетъ ново: Горевъ осчастливилъ насъ всѣхъ, открылъ свой псевдонимъ и представилъ, посредствомъ одного покровителя и почитателя своего таланта, свою комедiю „Сплошь да рядомъ“ въ комитетъ подъ именемъ Тарасенкова. Въ Комитетѣ засѣдали: Жихаревъ, Федоровъ, Никитенко, Майковъ, Ротчевъ, Гончаровъ, Дружининъ. Чтенiе началось въ 8 часовъ и кончилось около 12-ти. Мнѣ несчастному пришлось испытать такую муку, что Вы себѣ представить не можете. По прочтенiи составили, разумѣется, журналъ, изъ котораго выписываю нѣсколько строкъ... „Комитетъ мнѣнiемъ положилъ: пьеса Г. Тарасенкова „Сплошь да рядомъ“, по недостатку дѣйствiя, безцвѣтности характеровъ, растянутости и пошлому языку не можетъ быть принята на сцену“. Дружининъ говоритъ, что Краевскiй, подписывая журналъ, накладываетъ на себя руки. Впрочемъ, Краевскiй отказался отъ пьесы и говоритъ, что она дѣйствительно плоха; одинъ только Бурдинъ остается при своемъ мнѣнiи. Гр. Кушелевъ-Безбородко затѣваетъ журналъ [1]. О подробностяхъ этого сообщу Вамъ отдѣльно. Онъ меня просилъ написать Вамъ, но какъ, что и объ чемъ, узнаю сегодня. Рамазановъ былъ въ Петербургѣ [да и теперь не здѣсь-ли?], я съ нимъ видѣлся. Хавскiй въ Петербургѣ, квартируетъ у Леонидова. Мартыновъ въ понедѣльникъ игралъ Фамусова. Львовъ, начальникъ отдѣленiя Управы Благочинiя, написалъ очень недурную комедiю „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“. Врядъ-ли пройдетъ она“.

15 iюня 1857 года Горбуновъ писалъ:

---

[1] Журналъ Графа Кушелева-Безбородко „Русское Слово“ сталъ выходить съ 1859 года. Ред.

1856.

„Мнѣ совѣстно и за перо-то взяться, Александръ Николаевичъ. Я теперь стою передъ Вами въ такомъ же положенiи, какъ Андрей Титычъ передъ Брусковымъ: „на все воля ваша!“ Новостей въ нашемъ городкѣ рѣшительно нѣтъ. Объ Садовскомъ Вы, вѣроятно, прочитали въ „Современникѣ“. Эта самая нелицепрiятная статья объ немъ. Есть еще въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ „Музыкальномъ Вѣстникѣ“, въ „Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Сѣверной Пчелѣ“ двѣ, изъ которыхъ одна, съ подписью „Недикiй“, принадлежитъ Старому Пимену, въ мiрѣ Арапову [1]. „Журналы, вообще, остались довольны Садовскимъ, исключая „СПБ.-Вѣдомостей“, въ которыхъ театральную критику пишетъ *Вильде.* А такъ какъ вильде по нѣмецки означаетъ „дикiй“, то Араповъ написалъ опровержение на оную и подписался „Не дикiй!“. Въ этой статьѣ ничего нѣтъ. Статья Греча начинается такимъ дифирамбомъ, какимъ онъ не воспѣвалъ даже генералъ-адъютантовъ. По отъѣздѣ Садовскаго, театръ пребываетъ пустъ, несмотря на то, что Максимовъ, послѣ двадцати двухъ-лѣтней службы сдѣлавшiся новостью,—играетъ каждый день. Мартыновъ очень былъ боленъ, теперь, благодаренiе Богу, поправляется. Всѣ думали, что у него горловая чахотка, а кончилось это только гемороемъ. Самойловъ за границей; Бурдинъ поѣхалъ съ визитомъ въ Самару. Въ репертуарѣ новаго ничего нѣтъ. Вотъ и все театральное. Забылъ, впрочемъ: въ Питерѣ былъ Щепкинъ и благодарилъ со слезами Павла Степановича за Садовскаго. Въ литературномъ мiрѣ хоть шаромъ покати, ничего нѣтъ особеннаго. Недавно—да вчера—въ „СПБ.-Вѣдомостяхъ“ была выпущена мораль на „Молву“; тутъ и васъ задѣли самую малость. Должно быть, Князь Назаровъ сердитъ на Васъ. Графъ Кушелевъ-Безбородко издаетъ свои сочиненiя. Вчера былъ у меня поэтъ Смуровъ. Завтра я ѣду съ нимъ въ Гатчино къ Майкову. Кушелева въ настоящее время нѣтъ въ Петербургѣ. Я напишу ему письмо, можетъ быть, что-нибудь и будетъ. Къ Толстому я повезу его сегодня. Еще просилъ онъ меня справиться о „скатерти“, которая послана имъ Государю Императору. Я справлялся въ канцеляріи Министра—ни слуху ни духу. Надо будетъ толкнуться въ Московскую Дворцовую контору. Увидалъ онъ у меня Вашъ портретъ и такъ разошелся въ разговорѣ насчетъ Васъ, что я не успѣвалъ запоминать фразы, которыми онъ говорилъ,—одна другой лучше. „Вотъ онъ, батюшка-то! Народный-то нашъ...“ „Любите вы его“? „Кого?“ „Александра-то Николаевича?“ На чтожъ лучше. Вишь ты! И ручку за пазушку положилъ... Много онъ излилъ Святой Руси своихъ вдохновеньевъ“ и т. п. Не знаю, удастся-ли ему что-нибудь сдѣлать въ матеріальномъ-то отношеніи. То горе, что въ Петербургѣ-то никого нѣтъ. Кушелева-то я урезоню. Что бишь еще то? Да! Федоровъ проситъ у Васъ разрѣшенія отправить пьесу въ 3 отдѣленіе.

---

[1] Историкъ театра П. Н. Араповъ. Ред.

Про Петербургъ говорить нечего, онъ пустъ теперь. Вся его жизнь, со всѣми интересами сосредочивается за городомъ, на островахъ. За то, что на островахъ и дѣлается! страшно подумать что тамъ дѣлается, особливо въ праздничный день! Это я Вамъ доложу, такое пьянство, котораго древніе и вообразить не могли. Въ прошлое воскресенье, въ 11 часовъ, три парохода повезли пьяныхъ въ Петербургъ. На каждомъ пароходѣ помѣщалось, по крайней мѣрѣ, до 200 человѣкъ. А сколько еще полиція подобрала! По сказанію буфетчика, въ вечеръ выпито 227 бутылокъ коньяку. Купецъ К. выпилъ двѣ бутылки рому и 13 рюмокъ голландскаго джину, за что въ эту же ночь былъ пораженъ двумя ударами, изъ которыхъ одинъ лишилъ его удовольствія продолжать земное странствованіе: онъ отошелъ къ родителямъ. Излеръ, по прежнему продолжаетъ спаивать публику. Петровскій островъ... да однимъ словомъ все пьетъ.

Рамазановъ былъ въ Петербургѣ; сегодня, кажется, уѣхалъ. Желаю Вамъ добраго здоровья. Не будете ли въ Нижнемъ? Увидимся.

23-го іюня.

Письмо это должно было отправиться 15 числа, но Смуровъ поѣхалъ 23-го, а потому оно стало немного анахронизмомъ“.

Въ 1858 году Горбуновъ писалъ Островскому: „Извините, Александръ Николаевичъ. Я только сталъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ; совсѣмъ было... насилу я могъ вытащить у г. [1] деньги. Ему, разумѣется, никто не напоминалъ, онъ и забылъ. Увѣдомьте меня, получили ли Вы? Дѣло вотъ какого рода, отлагать нельзя. Нордштремъ призывалъ меня вчера въ III отдѣленіе и сказалъ, что есть большая надежда провести „Свои люди“. Вотъ какъ: Тимашева нѣтъ, пріѣзжайте въ Петербургъ, дѣла устроилъ насчетъ Долгорукова. А хорошо, если бы Строгановъ написалъ къ Долгорукову. Тогда конецъ. Нельзя ли къ Строганову-то посредствомъ Ю. Оболенскаго. Долгоруковъ-то не противъ пьесы, по словамъ Нордштрема. Щепкинъ играетъ слабо. Удалась одна только роль—Ревизоръ, а прочее плохо. Публика хлопаетъ, но не съ азартомъ. Школа женщинъ—совсѣмъ ослабѣла; Фамусовъ также. Кушелевъ 9 числа ѣдетъ въ деревню. Ради Бога, извините меня. Поцѣлуйте Агафью Ивановну".

---

[1] Вѣроятно графа, т. е. Кушелева-Безбородко.

[2] „Русская Старина“, сент. с. 637. Ред.

О томъ, въ какомъ обществѣ вращался Горбуновъ въ 1858 году, даетъ представленіе выдержка изъ письма В. И. Кельсіева въ позднѣйшихъ письмахъ къ Дм. Вас. Аверкіеву. Изъ с. Измаила въ Молдавіи [3] Кельсіевъ писалъ:

„Напиши, что дѣлаютъ наши старые петербургскіе знакомые временъ нашихъ поэтическихъ вечеровъ въ домѣ Юнкера, временъ блаженнаго 1858 года, моихъ медовыхъ мѣсяцевъ: Курочкинъ, Алексѣй Потѣхинъ, Кожанчиковъ, Максимовъ, Малиновскій, П...нъ, Шифнеръ, Люгебиль, Ф. Достоевскій, Горбуновъ, Островскій, Березинъ, проф. Васильевъ, проф. А....ни, Касаткинъ московскій".

На Пасхѣ 1858 года Горбуновъ былъ въ Москвѣ. Тогда же, 22 марта Мих. Петр. Владиславлевъ писалъ Горбунову:

„Графъ Арсентій Андреевичъ Закревскій желаетъ тебя слышать. Въ первый день воскресенія Графиня Несельроде имянинница: у ней маленькая вечеринка и она убѣдительно тебя проситъ къ себѣ гдѣ будетъ и графъ, ея отче. Приходи ко мнѣ часу въ 8-мъ и мы отправимся вмѣстѣ".

Вечеръ этотъ подробно былъ описанъ самимъ Горбуновымъ въ разсказѣ: „Передъ лицомъ графа Закревскаго".

3 октября 1859 года онъ писалъ А. Н. Островскому:

„Что я къ вамъ только что теперь пишу, за диво не почитайте. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я нашелъ Робуша [5] при смерти. Заботы и хлопоты около него оторвали меня отъ всѣхъ другихъ интересовъ. Теперь онъ, слава Богу, началъ поправляться. У него былъ тифъ. За просрочку мнѣ ничего не было. Я пришелъ къ Павлу Степановичу и сталъ въ залѣ съ просителями, для того, чтобы совсѣмъ разсмѣшить его. Онъ вышелъ, подошелъ къ одному, къ другому, наконецъ, увидалъ меня, хотѣлъ состроить строгую физіономію, но это у него не вышло. Сейчасъ, значитъ, къ Прасковьѣ Сергѣевнѣ, такъ и такъ и все это, остался у него обѣдать, ну и значитъ, конецъ... На срокъ явился. Благодѣтель! Новаго въ Петербургѣ, кромѣ Шамиля ничего нѣтъ. Былъ у Некрасова,—не засталъ; письмо оставилъ. Видѣлъ Панаева, кланяется Вамъ, Писемскій тоже. Григорьевъ въ отвратительномъ положеніи. Кушелевъ написалъ ему письмо, въ которомъ было сказано, чтобы онъ подчинился во всемъ Хмѣльницкому. Григорьевъ отказался и какими средствами живетъ не знаю. Хмѣльницкій вооружилъ всѣхъ его кредиторовъ и теперь, Богъ знаетъ, что будетъ. Онъ, повидимому, веселъ, но я не думаю, чтобы у него все кончилось благополучно. Marie состоитъ при особѣ. У директора былъ и получилъ поцѣлуй за исправную доставку посылки. Въ театрѣ было событіе слѣдущаго рода: Яблочкинъ взялся играть за Бурдина роль Ильюши [„Не въ деньгахъ счастье“] и былъ ошиканъ всѣмъ театромъ. Я такого позора еще не видывалъ. „Воспитанница“ въ Комитетѣ пропущена. Противъ пьесы были Жихаревъ и еще одинъ баринъ Ротчевъ. Мнѣ это передано по секрету [!!] и я вамъ передаю за секретъ [!!]. Не смѣю умолчать и о томъ, что пьеса поступила теперь въ отдѣленіе и, кажется, иждивеніемъ Іоанна Нордстрема будетъ запрещена. По крайней мѣрѣ, мнѣ онъ говорилъ, что онъ никакой надежды не полагаетъ. Въ понедѣльникъ обѣщался дать рѣшительный отвѣтъ. Ходятъ слухи, что Министръ снесся съ Долгорукимъ объ цензурѣ. Что то будетъ“.

---

[3] Въ 1864 году.

[4] Извѣстный Московскій теноръ 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

[5] Докторъ Робушъ, другъ Горбунова. Ред.

Сообщая объ удачномъ окончаніи дѣла по поводу комедіи „Свои люди сочтемся“ въ цензурѣ, Горбуновъ писалъ Островскому:

„Слава Богу! Слава Богу! Слава Богу! Очень радъ, что мнѣ первому пришлось сообщить Вамъ то, чего всѣ дожидались. „Свои Люди“ на дняхъ будутъ пропущены. Это вѣрно! Пишу Вамъ по приказанію Павла Степановича у него въ кабинетѣ. Онъ проситъ Васъ прислать распредѣленіе ролей поскорѣе. Подробно опишу завтра, а теперь въ кратцѣ скажу: Нордстремъ самъ вызвалъ и сказалъ П. Ст.: давайте поскорѣе пьесу, я теперь пропущу. [Тимашева нѣтъ]. Сейчасъ пошла къ Долгорукову отъ Сабурова записка съ пьесой. Когда Нордстремъ представитъ рапортъ о пьесѣ, Долгоруковъ уже будетъ объ ней извѣстенъ. П. Ст. сейчасъ велѣлъ прибавить: пришлите распредѣленіе. Отъ меня каждый день будутъ къ Вамъ письма. P. S. Объ этомъ, кромѣ меня и Федорова, никто не знаетъ. Не утерпѣлъ, сказалъ директору и Евгенію Николаевичу“.

Горбуновъ продолжалъ сообщать Островскому о судьбѣ другихъ его комедій. По поводу запрещенія Комитетомъ пьесы „Зачѣмъ пойдешь“, Горбуновъ въ 1861 году писалъ:

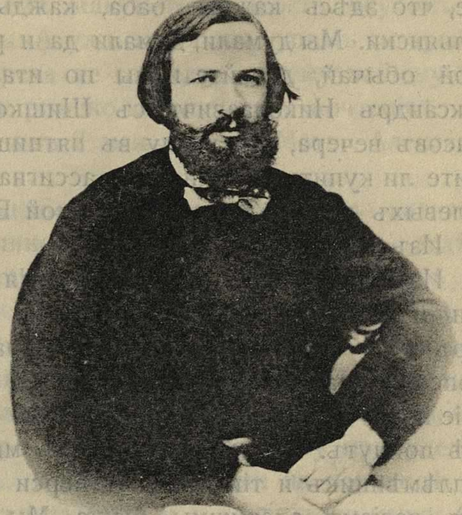
„Вотъ Вамъ, добрѣйшій Александръ Николаевичъ, точныя и положительныя извѣстія обо всемъ, что до васъ касается. Я пришелъ въ Комитетъ и сталъ просить Вашу пьесу для отсылки къ Вамъ; Федоровъ мнѣ отвѣчалъ, что пьеса будетъ мнѣ выдана послѣ прочтенія Вашего письма въ Комитетъ. Это было въ четвергъ на прошлой недѣлѣ. Я сталъ разговаривать съ Федоровымъ о Вашемъ письмѣ; онъ все жевалъ, говорилъ, что быть не можетъ, чтобы Вы ничего не дали на сцену и т. п. Я сталъ просить у него Ваше письмо для прочтенія, онъ мнѣ не далъ. Въ субботу собрался совѣтъ нечестивыхъ [эти свѣдѣнія сообщилъ мнѣ Яблочкинъ] и послѣ прочтенія разнаго вздору, Федоровъ передалъ предсѣдателю Ваше письмо, которое и было прочтено имъ во всеуслышаніе. Краевскій: Это письмо надо напечатать. Юркевичъ [предсѣдатель], П. Маль согласились съ Краевскимъ. Фроловъ началъ говорить за Васъ и говорилъ долго и хорошо. Съ нимъ никто не согласился. Каратыгинъ и Григорьевъ говорили противъ Васъ. Однимъ словомъ, письмо задѣло ихъ всѣхъ за живое и они озлились. Федоровъ въ настоящую минуту не знаетъ, что дѣлать: отвѣчать Вамъ, или нѣтъ. Я вчера сказалъ ему, что о поступкѣ Комитета заявятъ всѣ журналы, что В. Курочкинъ приготовилъ веселую статью [въ самомъ дѣлѣ, прекрасная будетъ статья], а Федоровъ боится статей, какъ чертъ ладану. Онъ мнѣ сказалъ, что отвѣтитъ Вамъ. Не вѣрьте ему. Онъ Вамъ напакостилъ при постановкѣ „Свои собаки“. Послѣ „Отца семейства“, дали какой то паршивый водевиль, а Вашу пьесу поставили въ конецъ; но, при всѣмъ его желанiи, пьеса не упала, мы ее играли уже три раза; во второе представленiе вызывали автора. Степановъ былъ въ Устрашиловѣ очень не дуренъ; Сваха — Воронина играла безподобно; Линская была изъ рукъ вонъ плоха; про себя я Вамъ скажу по совѣсти: — въ первый разъ я законфузился и игралъ не смѣло, во второй разъ, начиная съ чтенiя письма Устрашилова и до конца пiесы получалъ одобренiе. За первый актъ вызываютъ меня одного. За второй меня и Воронину. Ротчевъ заявилъ въ комитетѣ, что онъ напишетъ ругательную статью о первомъ представленiи. Статья еще не появлялась. Братья Курочкины подробно излагаютъ комитетское дѣло въ своихъ журналахъ. Яблочкинъ сказалъ мнѣ вчера, что „Вашихъ пьесъ комитетъ читать больше не будетъ, а представитъ Вамъ самимъ отвѣчать за нихъ передъ публикой“. Я сталъ его спрашивать, кто это подалъ такую прекрасную мысль и, къ несчастью, такъ поздно? Отвѣта не было. Григорьевъ вчера отказался отъ всего, что онъ говорилъ въ комитетѣ. Въ Журналѣ сказано: „пьеса была балотирована: за пьесу 3 голоса, противъ не помню сколько“... Это сообщено мнѣ Яблочкинымъ. Федоровъ, хотя два засѣданiя говорилъ противъ пьесъ, но заявилъ, что онъ кладетъ бѣлый шаръ. На дняхъ буду въ Москвѣ и сообщу Вамъ еще, что услышу. Пьеса послана въ Москву Федоровымъ безъ моего вѣдома“. P. S. В. Курочкинъ вамъ кланяется“.

Въ слѣдующемъ письмѣ Горбуновъ писалъ:

„До сихъ поръ, добрѣйшiй Александръ Николаевичъ, я не могъ Вамъ написать о судьбѣ Вашихъ пьесъ, потому что ждалъ окончательнаго приговора. Вотъ Вамъ всѣ подробности: во едину отъ субботъ [двѣ недѣли назадъ] распространился слухъ, что пьесы Ваши забракованы Литературнымъ Комитетомъ. Я обратился съ вопросомъ къ Федорову — онъ мнѣ ничего не сказалъ; къ тому, къ другому—то же самое. Я посовѣтовался съ Михаиломъ Николаевичемъ насчетъ того—писать ли Вамъ объ этомъ или подождать. Онъ мнѣ совѣтовалъ написать. Въ этотъ день, когда я хотѣлъ писать, распространился другой слухъ, что пьесы будутъ разсматриваемы вновь. Зная, что Васъ глубоко огорчитъ поступокъ Комитета, я сталъ ждать конца, не безпокоя Васъ прежде времени. Теперь все кончилось: одна пьеса пропущена, другая „Зачѣмъ пойдешь“ забалотирована. Противъ пьесы шли Краевскiй съ компанiей, за пьесы: Яблочкинъ, Василько Петровъ и Фроловъ. Зубровъ шелъ противъ и сердится на меня за то, что я ему замѣтилъ, что это съ его стороны не совсѣмъ честно. Григорьевъ, Каратыгинъ, Маль—противъ. Федоровъ и нашимъ, и вашимъ, какъ всегда. Сначала запретилъ обѣ пьесы, но Яблочкинъ съ Фроловымъ одну [„Свои собаки“] отстояли. Пренiя происходили три засѣданiя. Новаго у насъ довольно“.

Въ 1862 году Горбуновъ вмѣстѣ съ Островскимъ совершили путешествіе заграницу. Замѣтки дневника Горбунова, который онъ велъ, кратки, но вотъ нѣсколько писемъ его къ московскому пріятелю С. С. Кошеверову.

17 апрѣля онъ писалъ изъ Дрездена:



И. Ѳ. Горбуновъ.
1862?

„Любезный дядюшка Сергѣй Семеновичъ! Прежде всего позвольте сообщить Вамъ, въ отмѣну моего прежняго показанія, что водка нашлась самая лучшая, какой у насъ и въ Москвѣ нѣтъ. Совсѣмъ бы намъ ѣхать хорошо—тепло, скоро, города красивые, одно убійственно: товару подходящаго нѣтъ, сортовъ хорошихъ, за то такое винище пьемъ, какое у насъ на рѣдкость. А куда мы заѣхали-то... страсть! Волосъ дыбомъ становится! Были въ такихъ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ, кромѣ нѣмцевъ, никого нѣтъ, даже куры клохчатъ по-нѣмецки. Особенно насъ поразилъ городъ Кобленцъ на Рейнѣ: этакаго паршиваго народа во всемъ свѣтѣ нѣтъ. Женщины горбатыя, подслѣпыя, мальчишки криворотые, солдаты кривоногіе, чертъ знаетъ что за колекція! За то есть такіе города, напримѣръ Франкфуртъ, что не знаешъ какъ его описывать, какими словами восхваливать. Какъ есть красавецъ! Дрезденъ городъ хорошій, но немного мрачный, точно копченый. Цѣлую Васъ милый дядюшка. Поклонитесь Прову Михайловичу, Николаю Семеновичу, Дмитрію Семеновичу, Яшѣ и всей нашей артели. P. S. Устрицъ было потеряли, да опять сегодня на слѣдъ напали. Сейчасъ идемъ жустрить!“

Изъ Венеціи 24 апрѣля. „Дальше ѣхать некуда! Стоитъ городъ посреди моря великаго и пространнаго и въ этомъ городѣ нѣтъ ни мостовъ, ни тротуаровъ, какъ во всякихъ христіанскихъ городахъ, а пролита вода по всѣмъ улицамъ и переулкамъ и ѣздятъ по этимъ улицамъ въ лодкахъ. Съ пріѣздомъ въ Венецію—моціонъ мой прекращается, побѣгалъ бы, да нельзя. Впрочемъ, вчера мы походили довольно на площади св. Марка. Ну, дядюшка, это такое очарованіе эта площадь, не ушелъ бы. Вообразите, чѣмъ мы въ настоящую минуту занимаемся: Александръ Николаевичъ ѣстъ землянику, а Шишко кидаетъ изъ окошка портному брюки для починки. Портной возвращаетъ назадъ тоже черезъ окошко. Здѣсь насчетъ всего этого просто. Напишемъ Вамъ подробно со слѣдующей станціи, а теперь до свиданія. Цѣлую Васъ, поклонитесь нашей артели. P. S. Какіе мы всѣ красавцы стали. Вообразите, что здѣсь каждая баба, каждый работникъ говорятъ по итальянски. Мы думали, думали да и рѣшили: должно быть, здѣсь такой обычай, давайте и мы по итальянски. Такъ и сдѣлали: Александръ Николаевичъ съ Шишко заговорили 23 апрѣля съ 7 часовъ вечера, а я начну въ пятницу послѣ обѣда. Забылъ: не хотите ли купить австрійскихъ ассигнацій, на четвертакъ 3 десяти рублевыхъ даютъ. Ходятъ въ одной Вѣнѣ до заставы“.

Изъ Рима 2 мая онъ писалъ:

Изъ житія нашего. Мц҃а априлія въ ки день. Грѣхъ нашихъ ради и за умноженіе прегрѣшеній всего міра, пріиде на ны вѣтръ отъ странъ полуденныхъ, инако рѣщи отъ предѣловъ ефіопскихъ намъ же на морѣ сущимъ, и бысть судну нашему крушеніе веліе и убояся. Карабельщицы убояшася зѣло, да не въ морѣ пойдутъ. Бѣ же на кораблѣ многое множество людей отъ иноплѣмѣнникъ и тіи біяху въ перси своя и стеняху, занѐ блеваніемъ веліемъ одержимы быша. Мы же молитвъ ради вашихъ здравы пребывающе осклабляхуся, зряще на люди ихъ же дыханіе бурно возмути, скончавшуся же дню оному сниде на ны сонъ велій. На утріе же приста корабль нашъ ко Фряжскому граду Чивича-Веккіи, мы же снидохомъ на брегъ благая сотворше, зане освирѣпъ вѣтръ искій кого поглотити, и разверзеся утроба водная и зіяше бездна морская и пріидохъ здрави въ пречудный градъ Римъ, славяще и хваляще Бога, аминь.

Здравствуйте голубчикъ дядюшка, обнимаю и цѣлую Васъ. Изъ вышеописаннаго сказанія вы усмотрите, что намъ была трепка на пароходѣ и мы дальнѣйшій путь будемъ продолжать теперь въ делижансѣ, впрочемъ, только до Сіены, а тамъ опять по чугункѣ. Трепка, въ самомъ дѣлѣ, была настоящая, только мы съ Александромъ Николаевичемъ ничего не видали и не слыхали. Я въ пять часовъ пообѣдалъ, да до утра... Проснулся когда пароходъ стоялъ уже на якорѣ.

Объ Римѣ писать рѣшительно невозможно: надо писать о каждой церкви, о каждой развалинѣ. Все разскажемъ при свиданіи. Вотъ что насъ особенно поразило. Сидимъ мы въ воскресенье вечеромъ дома, вдругъ подъ нашими окнами раздается какое-то пѣніе, напоминающее нашу великопостную молитву „Владычица Богородице, моли о насъ грѣшныхъ“, „Не побѣдимая и непостижимая сила“ и т. д. Я къ окошку. Что жъ вы думали? Рядъ монаховъ выстроился передъ образомъ и каждый давай наяривать. Послѣ мы узнали, что ихъ нанимаютъ молиться о больныхъ. Монаховъ здѣсь множество, въ хорошей кухнѣ мухъ столько же бываетъ. Въ воскресенье намъ попалось процессій до 10-ти и въ бѣлыхъ костюмахъ и въ коричневыхъ и Богъ знаетъ въ какихъ попадались съ закрытыми лицами, какъ лошади въ попонахъ. Сегодня мы были въ Тиволи, верстъ за 20-ть отъ Рима. Смотрѣли водопады, вилы; путешествіе въ Тиволи было совершено на ослахъ. Вотъ умное-то животное—лезетъ по горамъ надъ пропастью, а ты сиди себѣ спокойно — не уронитъ. Подъ Александромъ Николаевичемъ оселъ два раза принимался плакать, видно что привыкъ возить итальянцевъ.

Водки опять нѣтъ. Пьемъ какую-то жидкость, вкусомъ похожую на киндеръ бальзамъ. А ужъ какія мы куримъ сигары! Въ Марьиной рощѣ такого курева не сыщешь... Всему нашему знакомству и всей артели наше римско-католическое почтеніе".

Изъ Флоренціи Горбуновъ 7 мая писалъ Матв. Александр. Кондыреву [1]:

„Въ контрольное отдѣленіе, въ бухгалтерію, въ казначейскую и всѣмъ господамъ чиновникамъ, управляющимъ отдѣльными столами и помощникамъ ихъ шлемъ нашъ привѣтъ изъ города Флоренціи. Послѣднее письмо было вамъ пущено изъ Венеціи. Послѣ того мы были въ Миланѣ, въ Римѣ, а вчера вечеромъ прибыли во Флоренцію. Подробное описаніе всего виденнаго нами сдѣлать невозможно, какъ по недостатку времени, такъ и потому, что мы сами скоро въ резиденцію нашу прибудемъ и все вамъ устно передадимъ. Когда мы пошли на пароходѣ изъ Ливорно въ Римъ, насъ застигла буря и мы испытали качку. Объ этомъ происшествіи прилагается здѣсь выписка изъ житія нашего: „Грѣхъ нашихъ ради" и т. д. Ожидаемъ вашего письма въ Парижѣ. Всей конторѣ крѣпко жму руку и остаюсь любящій и принадлежащій ей всѣмъ сердцемъ сынъ ея" [2].

Изъ Турина Горбуновъ писалъ Кошеверову:

„Ну, теперь прощайте! Будемъ живы либо нѣтъ. Ѣдемъ въ Парижъ!

Если только русскій
Ѣдетъ за границу:
Поѣзжай въ Палермо,
Въ Пизу или Ницу
Быть ему въ Парижѣ!

Прощайте, надо покоряться предопредѣленію. Артели нашей поклонъ".

Въ письмѣ изъ Парижа 14 мая тому же Кошеверову Горбуновъ писалъ:

„Въ Палѣ Роялѣ намъ попался купецъ изъ русскихъ и онъ съ утра былъ выпивши. „Вы кажется русскіе?" „Русскіе". „Я тоже русскій... въ Лондонъ ѣду. Да вотъ попалъ въ эту сторону-то... Вы меня спросите теперь: гдѣ я хожу? Вѣдь я не знаю. Все равно не пропаду. Куда нибудь да выйду. У меня вотъ адресъ записанъ". Ну, подумали мы съ утра, да еще въ Парижѣ!

Наконецъ-то мы добрались до Вавилона, алемандски же рѣщи до Парижа! Ну, дядюшка, кончено. Развѣ мертваго меня отсюда привезутъ въ Россію, а живымъ я не поѣду, да и дѣлать мнѣ у васъ нечего. Парижъ совсѣмъ по моимъ чувствамъ пришелся

---

[1] Письмо это на имя Матв. Александр. Кондырева напечатано въ воспоминаніяхъ актера А. А. Нильскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ" Декабрь 1899 стр. 991. Ред.

Сегодня начинаю дѣлать визиты и заводить парижское знакомство. Прощайте. Всему нашему знакомству и всей нашей артели мое глубочайшее почтенiе, а приложившимъ къ письму руки, отвѣчаю поцѣлуемъ и крѣпкимъ пожатiемъ руки".

19 мая ему же:

„Угорѣлъ! Какъ кубарь завертѣлся! Ну ужъ городъ! Если въ iюнѣ не буду въ Москвѣ, пришлите кого побойчѣе выручать меня. Пусть Яша прiѣдетъ. Цѣлую Васъ и всю нашу артель".

Но вотъ путешествiе окончилось и Горбуновъ по дорогѣ изъ Острова, Витебской губернiи, 29 мая писалъ Кошеверову:

„Опять Россiя. Селезенка заныла отъ жизни... отъ хорошей. Заставляютъ лечиться. Что ужъ тутъ лечиться, опять же въ такомъ городѣ, гдѣ должность лекаря исправляетъ становой приставъ. Прiѣхали! Слава Всевышнему"...

Выше напечатанъ дневникъ Горбунова, извлеченный съ нѣкоторыми сокращенiями изъ сохранившихся его записныхъ книжекъ. Такихъ книжекъ все нашлось 25. Сюда большею частiю карандашемъ заносилъ онъ свои краткiя замѣтки за день. Дѣлалъ онъ это всегда поздно вечеромъ, когда бы ни вернулся домой.

Сохранившiеся книжки начинаются съ 1862 года, съ путешествiя за границу съ А. Н. Островскимъ. Затѣмъ идетъ большой перерывъ до 1867 года. Записаны iюнь—iюнь. Въ 1869 май—iюнь. 1870: май—iюнь за границей. 1871: май—iюнь. Отъ 1875 года сохранилось всего нѣсколько словъ. 1876: мартъ—май. 1877: мартъ—iюль. 1878: мартъ—iюнь. Съ 1879 года записки идутъ уже ежедневно. Съ этого года записи идутъ не прерываясь до 1890 включительно. За 1891 годъ записанъ только январь. 1892, 1893 и 1894 годы записаны цѣликомъ. 1895 записи съ января по 11 марта. Можно сожалѣть, что вообще замѣтки Горбунова кратки, но во всякомъ случаѣ это драгоцѣнная канва для будущаго историка русскаго общества съ 1860 по 1895 годъ.

Занося весьма кратко впечатлѣнiя дня и имена лицъ, которыхъ ему привелось видѣть, Горбуновъ очевидно имѣлъ въ виду написать по этой канвѣ свои записки, но разбрасыванiе въ разныя стороны и рѣдкое пребыванiе у себя дома не дали ему возможности исполнить своего намѣренiя. Исключенiе составляютъ нѣсколько автобiографическихъ очерковъ, напримѣръ о поступленiи на сцену, объ Островскомъ, о Писемскомъ. Записи о какомъ либо лицѣ или происшествiи съ примѣчанiемъ „помѣстить въ записки", подтверждаютъ справедливость этого предположенiя. Дневники изобилуютъ буквами, значками, черточками, значенiе которыхъ неизвѣстно. Записныя книжки любопытны и въ томъ отношенiи, что указываютъ, какъ широко былъ распространенъ Горбуновъ по всей Россiи. Пробѣгая эти краткiя замѣтки, невольно поражаешься краснорѣчiемъ именъ ихъ наполняющихъ. Кого тутъ только нѣтъ! Цари, дворъ, свѣтское общество, архiереи, священники, монахи, сановники, солдаты, артисты, крестьяне, профессора, адвокаты, учителя, журналисты, доктора, прислуга...

И гдѣ только не перебывалъ Горбуновъ въ Россіи! Нѣсколько разъ былъ на Волгѣ, останавливаясь въ Нижнемъ, Казани, Симбирскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани. Ѣздилъ по Камѣ, былъ въ Перми и за Уральскими горами въ Екатеринбургѣ, въ Кунгурѣ, на Дону. Былъ на Кавказѣ, въ Крыму, въ Новороссійскомъ краѣ, въ Орлѣ, Николаевѣ; не разъ посѣщалъ Кіевъ, Варшаву. Живалъ въ Остзейскомъ краѣ, въ Либавѣ. Москва, Тверь, Смоленскъ, Тула, Рязань, Харьковъ, Полтава, Тамбовъ, Воронежъ, Пенза, Бузулукъ и многіе другіе города не разъ видѣли и слушали его. Нѣсколько разъ ѣздилъ онъ и за границу.

Вездѣ, гдѣ бы ни появлялся Горбуновъ, всегда ему были рады, его жаждали видѣть, слышать. Можно сказать съ увѣренностью, что это былъ единственный человѣкъ въ Россіи, который такъ повсемѣстно былъ усвоенъ всѣми. Это было рѣдкой особенностью въ дни обособленія и узкой партійности. Происходило это оттого, что Горбуновъ прежде всего видѣлъ въ каждомъ своемъ собесѣдникѣ, пріятелѣ, другѣ, человѣка. Иные упрекали его за эту широту общенія, за его будто бы подлаживаніе къ людямъ, за приспособленіе къ аудиторіи, за то, что онъ не всѣмъ одинаково разсказывалъ и не всѣмъ одно; но это есть лишь доказательство большого его ума, понимавшаго и умѣвшаго цѣнить и различать людей. Разсказывая въ театрѣ для широкой публики, или въ тѣсномъ кругу среди близкихъ ему людей, способныхъ оцѣнить оттѣнки, людей развитыхъ художественно и исторически, или разсказывая въ лагерѣ солдатамъ, или въ великосвѣтскомъ обществѣ, Горбуновъ не могъ быть, конечно, одинаковымъ. Это былъ художникъ, творившій иногда въ мгновеніе, въ зависимости отъ воспріимчивости слушавшей его среды.

Въ разсказахъ Горбунова было много сценъ изъ церковнаго быта, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никогда не оскорблялъ религіознаго чувства слушателей. Недаромъ многіе высшіе представители церкви такъ благоволили къ Горбунову. „Однажды, свидѣтельствуетъ графъ С. Д. Шереметевъ, передъ отъѣздомъ на Литовскую каѳедру, преосвященный Алексѣй, викарій московскій, былъ въ Кусковѣ, гдѣ служилъ. Среди разнообразнаго общества, встрѣченнаго имъ въ Кусковѣ, онъ оставилъ одно цѣльное и доброе впечатлѣніе. Въ числѣ гостей нашихъ былъ И. Ѳ. Горбуновъ; онъ познакомился съ нимъ, благословилъ его и допустилъ возможность разсказа. Горбуновъ вполнѣ оцѣнилъ такое необычное обращеніе и въ цѣломъ рядѣ разсказовъ изъ народнаго быта съумѣлъ, сохранивъ все должное уваженіе къ сану необычнаго слушателя, задѣть за живое его русское чувство неподражаемымъ мастерствомъ изображаемыхъ народныхъ картинъ. По окончаніи всего они поцѣловались. Только одна сидѣвшая тутъ дама, склонная къ порицанію, вышла изъ комнаты, недовольная непонятнымъ для нея сочетаніемъ“ [1].

Горбуновъ принималъ живое участіе въ дѣлахъ и нуждахъ своего родного села Ивантѣева. Въ 1876 году, 16 ноября, сельскій священникъ І. Озерецковскій, священствовавшій съ 1858 года, принося благодарность за присылку въ школу книгъ, писалъ Горбунову: „Всѣ дѣти въ восхищеніи отъ Вашего подарка. Одинъ передъ другимъ, наперерывъ, хватаются то за ту, то за другую книжку. Выборъ Вашъ вполнѣ удаченъ. Буквари съ картинками особенно нравятся дѣвочкамъ малолѣтнимъ. Съ 1-го ноября у меня обучается дѣтей обоего пола 50 человѣкъ. Вашу карточку, какъ только показалъ дѣтямъ, сказавъ, что вотъ тотъ, кто вамъ, дѣти, прислалъ всѣ книги, то вся моя фаланга съ крикомъ: „батюшка покажи, батюшка покажи“ одинъ передъ другимъ, на перебой, брали себѣ въ руки и сказали мнѣ, что-бы я передалъ Вамъ дѣтское спасибо съ обѣщаніемъ молиться за Васъ Богу“. Когда Горбуновъ черезъ нѣкоторое время снова прислалъ книжекъ, священникъ писалъ: „Теперь чуть не въ каждомъ домѣ имѣется твой даръ и съ нимъ память о тебѣ“. Принималъ участіе Горбуновъ и въ заботахъ объ украшеніи сельскаго храма, хлопоталъ о наградѣ священнику, о крестикѣ „для вѣсу“.

---

[1] Гр. С. Д. Шереметевъ, Московскія воспоминанія. Выпускъ 1-й, стр. 18. Ред.

Друзей и пріятелей у Горбунова было множество. Однимъ изъ ближайшихъ друзей былъ С. Ф. Христіановичъ, юрисъ-консультъ С.-Петербургскаго градоначальника. Сохранилось довольно много писемъ его къ Горбунову [1]. Другой близкій человѣкъ былъ докторъ А. П. Робушъ, недавно скончавшійся. Незадолго передъ смертію онъ намъ писалъ: „Я жилъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ на одной квартирѣ 14 лѣтъ. Это былъ мой вѣрный другъ. Всякая вещь, напоминающая его, для меня священна“!

Весьма близокъ былъ къ Горбунову, покойный графъ А. П. Барановъ, человѣкъ весьма остроумный, у котораго было множество весьма удачныхъ выраженій. Это онъ, однажды уѣзжая по желѣзной дорогѣ, хотѣлъ сѣсть въ послѣдній вагонъ, но былъ остановленъ замѣчаніемъ кондуктора, что это вагонъ извѣстнаго желѣзнодорожника, на что Барановъ отвѣчалъ: „Ничего, я не брезгливъ“.

Очень близокъ былъ Горбуновъ къ актрисѣ Московскаго Малаго театра Н. А. Никулиной. При своихъ ежегодныхъ поѣздкахъ въ Москву неизмѣнно посѣщалъ ее и всегда стоялъ съ ней заутреню въ кремлѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ. На страстной всегда вмѣстѣ красилъ яйца и по дѣтски серьезно относился къ этому дѣлу, стараясь, чтобы яйца выходили ровно. Любилъ онъ ходить на кухню и жарить судака. Когда кто нибудь изъ дѣтей просилъ его разсказать что-нибудь, Горбуновъ пресерьезно отвѣчалъ: „Дай рубль, разскажу... дай три рубля...“.

Постоянно бывалъ Горбуновъ у сестеръ Ишутиныхъ, давнихъ своихъ друзей, жившихъ близъ Сухаревой башни на одной изъ Мѣщанскихъ. Въ Петербургѣ у Н. П. и А. П. Барсуковыхъ Горбуновъ чаще всего сталъ бывать послѣ смерти С. Ф. Христіановича и говаривалъ не разъ: „Что бы со мной было, если бы не было Патріаршей Палаты!“ Ему доставляло истинное наслажденіе бывать въ келіяхъ людей, ушедшихъ въ прошлое Руси, погружаться въ обстановку, пропитанную духомъ исторіи, быть посреди кожаныхъ фоліантовъ, иконъ, среди стѣнъ, увѣшанныхъ портретами русскихъ исторіографовъ, палеографовъ и литераторовъ. Виды церквей и монастырей, собраніе портретовъ святителей и іерарховъ, огонекъ лампады, все располагало къ отдыху и служило успокоеніемъ въ самомъ центрѣ столицы. Близкихъ Патріаршей Палаты Горбуновъ прозвалъ „соборными старцами“. Таковыми были: С. Е. Маринъ и А. К. Варженевскій. Самъ же Горбуновъ, по его собственному выраженію, считался „въ тайномъ постригѣ“. Въ архивѣ Палаты хранится много записочекъ Горбунова. Приглашая къ себѣ хозяевъ ея, Горбуновъ звалъ: „отцы и братія... блинковъ покушать“, или „очень безъ собора тоскую“ и др.

---

[1] Однажды Христіановичъ писалъ: „Я вызываюсь къ Мировому Судьѣ Трофимову завтра, въ 11 часовъ утра, по дѣлу о собакѣ. . . Будетъ потѣха. Пріѣзжай ко мнѣ въ 10$^1/_2$ и мы поѣдемъ вмѣстѣ“. Приглашая Горбунова однажды къ обѣду, Христіановичъ писалъ: „Будетъ нельма и будетъ твой Орловскій пріятель Шереметевъ“. Ред.

И. Ѳ. Горбуновъ.
1871.

Москву Горбуновъ любилъ пламенно. Всѣ московскія урочища были ему хорошо извѣстны: близкіе ему Сыромятники, Бараши, Челыши, Палаши, Бабій городокъ, Наливки, Капельки, Кулижки, Балканъ, Балвановка, Самотека, Зацѣпа, Марьина роща, Сухаревка, Сокольники, Тюфелева роща, Воробьевы горы и пр.

Московскіе трактиры ему были извѣстны превосходно. Трактиръ Печкина, Гурина, на мѣстѣ коего теперь большой Московскій, Барсовъ съ „Бѣлой залой“, трактиръ на Таганкѣ, Егорова въ Охотномъ ряду, трактиръ у Каменнаго моста, трактиръ въ Сундучномъ ряду, Арсентьичъ въ Черкасскомъ переулкѣ и много другихъ, нынѣ не существующихъ. Онъ и самъ до страсти любилъ приготовлять кушанья и считалъ себя хорошимъ поваромъ, а иногда, приготовляя что нибудь, надѣвалъ бѣлый поварской колпакъ. Готовилъ онъ и солянку, и блины со снятками, и разныя каши, и размазню, и парового налима въ кастрюлькѣ, и судака. Въ письмахъ его встрѣчаются записочки къ нему отъ хозяекъ дома съ запросами о „составныхъ частяхъ солянки“, о томъ что „бычьи хвосты, бѣлуга и поросенокъ“ приготовлены и его ожидаютъ; что: „мука, снятки, вода, масло и прочее ждутъ прибытія его, чтобы обратиться въ русскія блины“. Онъ имѣлъ сношеніе съ Москвой съ рыбнымъ торговцемъ Мочаловымъ, съ поволожскими городами и получалъ оттуда провизію. Не разъ получалъ семгу изъ Каргополя. Изъ трактира Лопашева на Ильинкѣ ему однажды отвѣчали: „имѣю честь Васъ увѣдомить, что по депешѣ Вашей сейчасъ послалъ съ курьерскимъ поѣздомъ № 2 съ кондукторами Ильинскимъ и Кирилловымъ два поросенка и бѣлугу". Очень любилъ онъ составлять росписи кушаніямъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Былъ столъ. Ушка ершовая изъ живыхъ. Пироги на нѣмецкое дѣло, малые. Тѣлеса курячьи".

Не разъ въ дневникѣ Горбунова упомянулось объ участіи его въ концертахъ съ благотворительною цѣлью. Готовность принять участіе въ добромъ дѣлѣ была его всегдашней особенностью. Это качество его доброй и отзывчивой души весьма цѣнили. Подтвержденіе сказанному находится въ письмахъ къ нему. Напримѣръ, В. П. Островскій, прося принять участіе въ пользу нуждающихся Коломенскихъ учениць, пишетъ: „самъ знаешь, какъ тебя любятъ и какъ цѣнятъ твое участіе въ добромъ дѣлѣ". По порученію начальницы Елизаветинскго института кн. Голицыной: „просятъ осчастливить присутствіемъ праздникъ". Или нѣкій устроитель концерта въ пользу студентовъ пишетъ: „Вас. Ив. Водовозовъ сказалъ мнѣ, что вы до такой степени добры, что, вѣроятно, не откажетесь отъ участія"... Другой: „великое спасибо Вамъ за Ваше всегда горячее участіе къ бѣдной молодежи... Безъ Васъ вечеръ не вечеръ"... Псковская Губернаторша госпожа Прутченко обращается съ просьбой пріѣхать въ Псковъ и „оживить разсказами" устраиваемый благотворительный вечеръ. А. Н. Нарышкина благодаритъ за доброе намѣреніе помочь своимъ искуствомъ на кустарной ярмаркѣ. Я. Г. Гуревичъ, по случаю дня праздника гимназіи, пишетъ: „Вамъ извѣстно, что въ этотъ день гимназія безъ Васъ не можетъ существовать. Рѣшайте же, быть или не быть моей гимназіи... Слишкомъ триста юнцевъ будутъ ждать Васъ съ нетерпѣніемъ, вполнѣ раздѣляемымъ ихъ директоромъ и преподавателями". Устраивая въ 1889 году въ Москвѣ литературный вечеръ, поэтъ П. В. Шумахеръ писалъ Горбунову: „Дозволь помѣстить тебя въ обоихъ отдѣленіяхъ программы. Сдѣлай хорошую погоду. Молчаніе сочту за любезное согласіе. Вывези, милый". Въ другомъ письмѣ: „Какъ нибудь встрѣтимся и я тебя сердечно обниму за любезную готовность скрасить мой вечеришко 10 апрѣля. Признательное чувство проникло въ душевную глотку до самаго нутра. Скорблю, что ничего пить не могу, отъ чего видимо тупѣю и съ каждымъ днемъ самъ для себя становлюсь несноснѣе и скучнѣе. Будь здоровъ, милый человѣкъ, на радость хорошей твоей семьи и всей чуткой Руси"... Когда Горбуновъ согласился, Шумахеръ еще разъ сердечно благодарилъ „за деликатно выраженную готовность принять участіе въ вечерѣ".

Отмѣтимъ другую черту въ Горбуновѣ, свидѣтельствующую о его просвѣщенности. Уваженіе къ прошлому было всегда ему присуще. За границей онъ отмѣчалъ „уваженіе къ памятникамъ", а у насъ не могъ равнодушно видѣть россійскаго пренебреженія къ родной старинѣ. Онъ съ любовью собиралъ портреты, рукописи, афтографы, книги,—для основаннаго имъ фойэ Александринскаго театра и самъ работалъ тамъ днями, „убиралъ фойэ", какъ онъ выражался. На это фойэ выдавалось ежегодно всего двѣсти рублей. Горбуновъ составилъ описаніе всего собраннаго и напечаталъ его на собственныя средства. Говорятъ, теперь этого собранія въ Александровскомъ театрѣ уже не существуетъ... Невѣжество это, впрочемъ, не должно удивлять. Къ русскому варварству не только на низахъ, мы уже давно привыкли.

Дома у Горбунова было цѣлое собраніе разныхъ портретовъ, афишъ, старыхъ, иногда рѣдчайшихъ, обѣденныхъ меню, музыкальныхъ программъ, записокъ за многіе годы, и все это бережно было подклеено одно къ другому въ большомъ альбомѣ [1], нѣчто въ родѣ англійскаго Scrap book—драгоцѣнное собраніе для исторіи русскаго театра. Будучи близокъ къ обществу Любителей Древней Письменности, онъ посѣщалъ его засѣданія и самъ не разъ дѣлалъ сообщенія по исторіи театра, или приносилъ въ даръ обществу какую нибудь рѣдкость.

Въ характерѣ Горбунова необходимо отмѣтить доброту и отзывчивость. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, то примирительное участіе, какое онъ принялъ въ дѣлѣ Н. П. Барсукова, автора „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“, встрѣтившаго непріятности со стороны внуковъ Погодина. Объ этомъ Горбуновъ такъ писалъ гр. С. Д. Шереметеву: „Ахъ какой пасажъ. Въ день раута у Тертія Ивановича я былъ приглашенъ Минскимъ Вице-Губернаторомъ Погодинымъ обѣдать къ Донону. Были Тертій Ивановичъ съ сыномъ, камеръ-геръ Хрущевъ и три Погодиныхъ. Ругали эти господа моего Барсучка во всю силу, такъ что Тертій Ивановичъ оставилъ разговоръ на эту тему, сказавши очень внушительно: „не знаю почему Николай Платоновичъ на меня сердится. Я въ дѣлѣ скорѣй держалъ его сторону, а не Погодиныхъ“. Младшій Погодинъ юнкеръ—въ руганіи участія не принималъ. Передъ обѣдомъ у Донона, я зашелъ въ патріаршую палату объявить о предстоящемъ мнѣ наслажденіи. Николай Платоновичъ былъ въ восторгѣ, въ какомъ я его рѣдко видѣлъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Иванъ Давыдовичъ [2] назначилъ Афанасія Федоровича [3], милѣйшаго Ивана Васильевича [4] и камеръ-гера Хрущева [5] быть судьями послѣдующихъ томовъ, начиная съ четвертаго, что третій томъ поступилъ въ цензуру и разсмотрѣнію Погодинымъ не подлежитъ. За обѣдомъ Погодинъ показалъ мнѣ подписанное Николаемъ Платоновичемъ новое условіе, первый пунктъ котораго гласитъ, что третій томъ можетъ выйти въ свѣтъ не иначе, какъ подъ цензурой Погодина, и они съ яростію хотятъ броситься на Барсукова. Ничего не понимаю. Сегодня приглашенъ на вечеръ въ камеръ-геру Хрущеву: тамъ чего не узнаю ли отъ Николая Платоновича. Досвиданія. Вамъ всѣмъ сердцемъ преданный Р. S.

---

[1] Собраніе это пріобрѣтено А. А. Бахрушинымъ. Къ сожалѣнію, альбомъ Горбунова разнесенъ по разнымъ частямъ музея и въ цѣлости уже не существуетъ.

[2] † Графъ И. Д. Деляновъ, бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія.

[3] † А. Ф. Бычковъ бывшій директоръ Императорской публичной библіотеки.

[4] † Профессоръ Спб. университета И. В. Помяловскій.

[5] † Ив. П. Хрущевъ, авторъ „Бесѣдъ о древней русской литературѣ“ и др.

Ред.

Посылаю Ивану Платоновичу[1] указы Императора Павла по случаю рожденія его сына[2].

Будучи въ добрыхъ отношеніяхъ и съ Погодиными, Горбуновъ сдѣлалъ все возможное, чтобы примирить обѣ стороны. Старанія его увѣнчались успѣхомъ, и 7 марта 1891 года Н. П. Барсуковъ писалъ Горбунову: „Приношу Вамъ душевную благодарность за сообщеніе письма А. Д. Погодина, отъ 4 сего марта. Я ничего не имѣлъ лично противъ него. Хочу думать, что и онъ лично ничего не имѣетъ противъ меня; если же дѣйствовалъ противъ меня, то, очевидно, подъ недобрымъ вліяніемъ. Думаю также, что Александръ Дмитріевичъ не позабылъ о моемъ ходатайствѣ предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о поднесеніи Государю Императору отъ ихъ имени первыхъ двухъ книгъ моего сочиненія „Жизнь и Труды М. П. Погодина“ и что за это онъ и его братъ удостоились высшей для вѣрноподданныхъ награды—Высочайшей благодарности. Что касается выраженнаго въ письмѣ Александра Дмитріевича мнѣнія, что онъ состоитъ фактическимъ хозяиномъ всего относящагося къ моему труду, то позволяю себѣ замѣтить, что его роль и его права ясно обозначены въ 3-мъ пунктѣ Духовнаго завѣщанія его бабушки. Притомъ же 3-я и 4-я книги „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“ напечатаны на мой счетъ, да и вобще все сочиненіе пишется не только на основаніи документовъ, переданныхъ мнѣ покойною С. И. Погодиной [Условіе 5-го Ноября 1882 г. § 1] и составляющихъ согласно ея Завѣщанію [§ 1], собственность Московскаго Румянцевскаго Музеума, но и большію частью на основаніи матеріаловъ, добытыхъ мною изъ другихъ источниковъ и, главнымъ образомъ, изъ нашихъ старыхъ журналовъ. Но какъ бы то ни было, я радъ миру и льщу себя надеждою, что какъ письмо къ Вамъ Александра Дмитріевича, такъ и эти строки положатъ конецъ предѣлъ тѣмъ терзаніямъ и нравственнымъ пыткамъ, коимъ я доселѣ подвергался“.

По поводу этого добраго дѣла вскорѣ Горбуновъ получилъ слѣдующее письмо отъ старца Н. Н. Новикова:

„Слезы радости и умиленія выступили на глаза, когда Н. П. Барсуковъ читалъ мнѣ свою примирительную переписку съ А. Д. Погодинымъ. Святое дѣло это, дѣло Вашей доброй души, и нельзя не видѣть въ немъ акта величайшей милости Божіей, явленномъ и намъ вмѣстѣ съ тѣми, коихъ посчастливилось намъ примирить. До нельзя умилительны подобныя явленія въ наши дни,—дни многихъ и по глазамъ бьющихъ немилостей Божіихъ. Благодушно довѣрьтесь выраженіямъ сердечной потребности сказать Вамъ: почтительнѣйше склоняю передъ Вами мою старческую голову и возношу Вамъ спасибо съ благодарностію“.

Послѣднее время въ театрѣ Горбуновъ чувствовалъ себя тяжело. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его частные замѣтки по поводу театра: „мрачно“... „тяжело“... „въ театрѣ всѣ мрачнѣе и мрачнѣе“.

---

[1] † Ив. П. Барсуковъ.

[2] Напечатаны въ т. II. Ред.

Свѣтлымъ днемъ для Горбунова былъ день, когда присутствовавшiе въ театрѣ Государь Императоръ Александръ III и Великiй Князь Владимiръ Александровичъ обласкали Горбунова и выразили свое сочувствiе его таланту. Объ этомъ онъ такъ писалъ графу С. Д. Шереметеву:

„Приношу Вамъ искреннюю и сердечную мою благодарность за Ваше ко мнѣ вниманiе. Телеграмма Вашего Сiятельства душевно меня обрадовала. Передаю Вамъ до мельчайшихъ подробностей все, что было. Въ послѣднiе два года я былъ окончательно выбитъ изъ репертуара и уже началъ терять энергiю. На сцену меня не пускали, а въ публичныхъ концертахъ и литературныхъ вечерахъ, даже со своими собственными произведенiями, появляться запрещено. Много я выстрадалъ и перенесъ въ эти два года. Меня уже начинала тяготить дума, что изъ театра меня „изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ“. Театръ это мiръ интриги, зависти и всякой неправды, только наружная его сторона обаятельна.

Какъ прiятенъ сверху видъ,
А спустись на дно—ужасный
Крокодилъ на немъ лежитъ.

Добрѣйшiй и прекраснѣйшiй человѣкъ Ив. Ал. Всеволожскiй, по предстательству Тертiя Ивановича, далъ мнѣ въ концѣ прошлаго года бенефисъ; но этотъ бенефисъ мало меня обрадовалъ, потому что данъ былъ мнѣ не въ награду за мою сценическую дѣятельность, которую мнѣ проявлять не давали, а „для скудости моей, какъ я, сирота, весь обносился“.

Много я терпѣлъ за себя и за свою дочь, которой тоже не даютъ играть, но вѣровалъ, что „толикъ имуще облежащъ мя облакъ свидѣтелей“ моей дѣятельности, я восторжествую. Такъ и случилось.

1 февраля я былъ приглашенъ вечеромъ въ Кавалергардскiй полкъ и въ присутствiи Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владимiра Александровича, приглашенныхъ генераловъ и всего блестящаго полка, разсказалъ нѣсколько сценъ. Успѣхъ былъ полный. Ихъ Высочества остались очень довольны. Это меня несказанно ободрило.

10 февраля я участвовалъ въ Александровскомъ театрѣ въ бенефисъ артиста Давыдова. Въ театрѣ присутствовали Государь Императоръ, Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великiе Князья Владимiръ и Алексѣй. Передъ выходомъ моимъ на сцену, я былъ удостоенъ величайшей чести—былъ позванъ въ Императорскую ложу. Его Величество изволилъ спросить, есть ли у меня разсказъ о Буланже. Я отвѣчалъ, что генералъ Буланже упоминается въ моихъ импровизацiяхъ, а для сцены разсказа нѣтъ.

— А что вы разскажете, чего бы я не слыхалъ?

Я предложилъ: Общество прикосновенiя къ чужой собственности и Затменiе солнца.

— Этихъ разсказовъ я не слыхалъ.

Великій князь Владиміръ Александровичъ добавилъ:

— И про Тенерифъ.

— Ну мы будемъ васъ слушать, привѣтливо окончилъ Императоръ.

Простите, Ваше Сіятельство, здѣсь я оставляю свою обычную скромность и немножко похвастаюсь. Душа полна восторга.

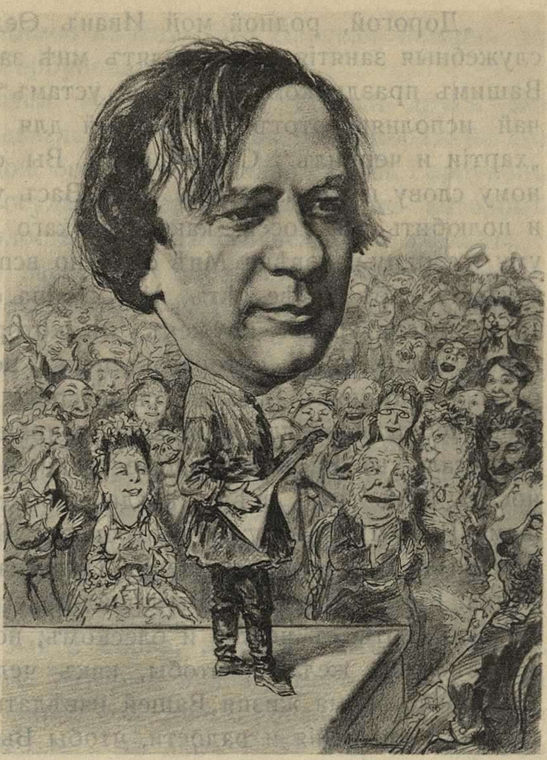
Появился я на сценѣ при сильныхъ апплодисментахъ и разсказалъ такъ, какъ давно не разсказывалъ: въ теченіе всѣхъ трехъ разсказовъ въ театрѣ раздавался сплошной смѣхъ и апплодисменты, которые доносились до моего уха и изъ царской ложи. Самому мнѣ не видно было, но друзья мои говорили, что Императоръ много мнѣ апплодировалъ. Великій Князь Владиміръ Александровичъ очень воодушевлялъ меня своимъ открытымъ баритоннымъ смѣхомъ. „Общество прикосновенія" мнѣ удалось разсказать такъ, какъ я одинъ разъ разсказывалъ у Васъ въ Михайловскомъ.

Еще разъ благодарю Васъ душевно за Ваше доброе ко мнѣ расположеніе и вниманіе и остаюсь искренно и сердечно Вамъ преданнымъ".

Въ день сорокалѣтняго юбилея, 17 ноября 1894 года, артисты Александровскаго театра привѣтствовали Горбунова слѣдующимъ адресомъ:

„Многоуважаемый Иванъ Федоровичъ! Привѣтствуя наступившее сорокалѣтіе службы Вашей Императорскому театру и вашу литературную дѣятельность, создавшую рядъ художественно написанныхъ сценъ изъ народнаго быта, въ высокоталантливой передачѣ которыхъ Вы не имѣете себѣ соперниковъ, кромѣ того, желая выразить нашу искренюю благодарность за неутомимые труды Ваши по устройству прекраснаго музея въ артистическомъ фойэ, собираніемъ портретовъ извѣстныхъ дѣятелей и документовъ по исторіи театра, мы, товарищи Ваши, артисты, съ особеннымъ удовольствіемъ поздравляемъ Васъ сегодня и просимъ принять нашъ общій подарокъ—въ знакъ дружбы и сердечныхъ Вамъ пожеланій всего лучшаго и счастливаго. Абаринова А. И., Жулева Е. Н, Левкѣева Е. И., Никольскій Л. Я., Рюминъ М. Ф., Федоровъ Ф. А., Александрова М. М., Израилевъ Ф. И., Ленская М. Г., Осокинъ А. Е., Рудневъ Н. М., Федотовъ А. Ф., Аполонскій Р. Б., Константиновъ К. Н., Ленскій П. Д., Потоцкая М. А., Сазоновъ Н. Ф., Черновъ А. С., Варламовъ К. А., Корвинъ-Круковской А. В., Пащенко П. Н., Стрѣльская В. В., Читау М. М., Васильева Н. С., Козловская-Шмитова В. М., Писаревъ М. И., Савина М. Г., Шкаринъ К. П., Виноградова П. А., Корневъ Н. А., Михайловская Ф. А., Поляковъ Ф. Ф., Соловьева С. Ф., Шимаевъ В. Р., Дюжикова А. М., Кузьмина Н. А., Миронова В. А., Петровъ В. И., Смирнова Н. И., Шаповаленко Н. М., Дюжикова Е. М., Красовская М. А., Мичурина В. А., Пономаревская О. М., Сабурова Е. А., Шевченко М. Г., Давыдовъ В. Н., Кротковъ Н. С., Нильскій А. А., Петровскій П. А., Сѣроковская В. В., Шталь А. П., Евгеньевъ М. Е., Крыловъ В. А., Новинскій А. Ф., Панчинъ А. С., Темирова Е. П., Юрьевъ Ю. М., Усачевъ А. А., Юрковская Н. Ф., Федорова Э. Ф., Яковлевъ С. И., Костровъ А. А., Петровъ А. И.“.

Адресъ былъ украшенъ рисункомъ художника Богданова, изображающимъ наверху Московскій Малый театръ, а внизу Александровскій, между ними лира, балалайка и гудокъ и надпись: 1854 — 1894. 16 Ноября XL. и буквы: И. Г.


И. Ѳ. Горбуновъ. Рис. Лебедева.

По словамъ газетъ того времени, И. Ф. Горбуновъ отвѣчалъ:

„Сегодня минуло ровно сорокъ лѣтъ, какъ, довѣрившись добрымъ совѣтамъ одного изъ незабвенныхъ творцовъ русскаго народнаго театра, Александра Николаевича Островскаго, я рѣшился посвятить свою жизнь служенію родному искусству. Живо помню я то естественное чувство смущенія, которое сопровождало не только мои первые шаги на сценѣ, но и многіе первые годы избранной дѣятельности. Помню я и ту ласку, которая поддержала меня съ самаго начала въ лицѣ моихъ великихъ покровителей, того-же Александра Николаевича Островскаго и безсмертнаго истолкователя его твореній, общаго нашего учителя, Прова Михайловича Садовскаго. Великая вещь ласка,—она источникъ нравственной силы и упорства въ достиженіи намѣченной цѣли. Эту ласку цѣнилъ я превыше всего въ жизни и, благодареніе Богу, испыталъ и испытываю на себѣ ея согрѣвающія лучи до сегодня. Вашъ привѣтъ и сочувствіе есть тоже проявленіе ласки уже не юношѣ, а старику, сохранившему, однако, въ себѣ теплое чувство любви, которою и плачу вамъ за ваше расположеніе. Примите мою глубокую, сердечную благодарность и пожеланіе, чтобы каждому изъ васъ выпало на долю переживать такіе-же радостные дни, какой переживаю я сегодня, благодаря тому чувству, которымъ вы еще разъ меня согрѣли“.

Вмѣстѣ съ адресомъ артисты поднесли большую бронзовую чернильницу, изображающую семью медвѣдей въ лѣсной глуши.

Тертій Ивановичъ Филипповъ привѣтствовалъ Горбунова слѣдующимъ письмомъ:

„Дорогой, родной мой Иванъ Ѳедоровичъ. Опасаюсь, что служебныя занятія не дозволятъ мнѣ завтра поздравить Васъ съ Вашимъ праздникомъ „усты ко устамъ“ и потому на всякій случай исполняю этотъ сладостный для меня долгъ при помощи „хартіи и чернилъ“. Сорокъ лѣтъ Вы служите искусству и родному слову и за эти долгіе годы Васъ успѣла узнать, оцѣнить и и полюбить вся Россія, какъ высокаго художника и рѣдкаго по уму и сердцу человѣка. Мнѣ отрадно вспомнить, что наша дружба, считаетъ себѣ болѣе лѣтъ, чѣмъ Ваша общественная служба, что тотъ литературный кружекъ, къ которому я принадлежалъ въ былое время и отъ котораго теперь кромѣ насъ никого уже не осталось, принялъ Васъ въ свою среду съ любовью и вѣрою въ Ваше необыкновенное дарованіе—и прошу дозволеніе прибавить—воспиталъ въ Васъ ту художественную строгость, которая возноситъ Васъ надъ всѣми когда либо мною видѣнными товарищами Вашими по оружію и охраняетъ Ваше творчество отъ свойственныхъ его роду искушеній. Путь нашъ не далекъ отъ своего конца. Какъ художникъ, Вы пройдете его до опредѣленной волею Божіею черты съ честію и блескомъ; но къ тому я присоединяю молитвенное желаніе, чтобы, какъ человѣку, Вамъ дано было въ прочее время жизни Вашей извѣдать всѣ доступныя Вашему возрасту утѣшенія и радости, чтобы Вы могли спокойно и свѣтло глядѣть въ будущее Вашей милой семьи и сохранили бы въ нерушимой цѣлости дружбу всѣхъ присныхъ Вамъ людей. За одного изъ нихъ ручаюсь своей головой. Представить это письмо Вамъ я поручилъ моему сыну, который знаетъ Вамъ истинную цѣну и питаетъ къ Вамъ, какъ и все мое семейство, тѣ же чувства, которыми полна моя душа. Цѣлую и обнимаю Васъ. Т. Филипповъ“.

Здоровье Горбунова пошатнулось. Лѣтомъ 1895 года въ Москвѣ съ нимъ случился припадокъ. За первымъ послѣдовалъ второй. Онъ обѣдалъ у Бориса Сергѣевича Шереметева въ Странпріимномъ домѣ и въ тотъ же вечеръ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ. Онъ простился со всѣми и вышелъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ вбѣгаетъ человѣкъ и говоритъ, что съ Горбуновымъ сдѣлался припадокъ. Всѣ вскочили. Въ передней на рундукѣ Горбуновъ лежалъ безъ чувствъ. Тотчасъ послали за врачемъ, по опредѣленію котораго его положили на койку въ больницу Странопріимнаго дома, гдѣ онъ пролежалъ нѣсколько времени. Изъ Петербурга вызвали дочь его Татьяну Ивановну. Черезъ нѣкоторое время Горбуновъ изъ больницы перешелъ въ домъ главнаго смотрителя и прожилъ тамъ нѣсколько недѣль, окруженный нѣжной заботливостью Б. С. Шереметева и всего его семейства. По мѣрѣ того какъ Горбуновъ оправлялся, онъ выходилъ на балконъ, смотрящій въ тѣнистый липовый садъ, и часами сидѣлъ тутъ, бесѣдуя съ Б. С. Шереметевымъ; или читалъ, особенно полюбивъ духовный журналъ „Душеполезное чтеніе“.

Здоровье его требовало лѣченія, но средствъ достаточныхъ не было. Въ эту трудную минуту услыхалъ о крайней нуждѣ И. Ѳ. Горбунова Государь Императоръ и повелѣлъ отпустить тысячу рублей на необходимое лѣченіе. Эта Царская помощь до глубины души тронула Горбунова.

Во время его болѣзни его посѣтила, старый другъ его С. И. Ишутина. Она передавала намъ, что она была поражена его видомъ. Онъ лежалъ худой, больной... Бесѣдуя съ ней, Горбуновъ передалъ о вниманіи Государя, досталъ письмо, въ которомъ возвѣщалась Царская милость, прочелъ его вслухъ и плакалъ...

Наконецъ, силы его настолько оправились, что въ двадцатыхъ числахъ марта онъ выѣхалъ въ Петербургъ въ сопровожденіи своей дочери.

По прибытіи въ Петербургъ И. Ѳ. Горбуновъ написалъ слѣдующее письмо:

Христосъ Воскресе! Ваше Императорское Величество. До меня дошла радостная вѣсть, что съ высоты своего величія Вы, Всемилостивѣйшій Государь, изволили снизойти Своею благостію къ трудному положенію больного и бѣднаго художника и возжелали даровать ему средства для возстановленія разстроеннаго годами и недугами его здоровья. Въ нашемъ обильномъ и выразительномъ языкѣ трудно найти слова, равныя тѣмъ отраднымъ признательнымъ чувствамъ, которыя милость Вашего Величества возбудили въ моей признательной душѣ. Да воздастъ Вамъ за меня Тотъ, который „пріемлетъ въ даръ Себѣ все, что сдѣлано единому отъ братій Его меньшихъ". Да продлитъ Онъ дни вѣка Вашего Величества до предѣловъ крайняго человѣческаго долголѣтія, да управитъ въ мирѣ и чистой славѣ царственный путь Вашъ и да процвѣтетъ подъ высокимъ покровомъ Вашимъ родное искусство, которому, въ лицѣ его скромнаго служителя, Вашему Величеству угодно было оказать всемилостивѣйшее вниманіе.

Вашего Императорскаго Величества—до послѣдняго моего дыханія признательный и вѣрный подданный

Ив. Горбуновъ [1].

Часть лѣта Горбуновъ провелъ въ Маіоренгофѣ. Принимая сердечное участіе, Т. И. Филипповъ поручилъ его заботамъ Лифляндскаго губернатора М. А. Зиновьева, котораго просилъ увѣдомить о здоровьи своего друга. Исполняя просьбу, М. А. Зиновьевъ писалъ Филиппову: „Почтенное письмо ваше отъ 13 іюня получено было въ мое отсутствіе. Уѣзжалъ на нѣсколько дней въ Аренсбургъ. Вернувшись оттуда въ понедѣльникъ, на другой же день, т. е. 20 іюня, посѣтилъ Ивана Федоровича и вмѣстѣ съ тѣмъ командировалъ къ нему врачей, которымъ я наиболѣе довѣряю. Сейчасъ только возвратились они изъ Маіоренгофа и я спѣшу сообщить Вамъ что, по мнѣнію ихъ, положеніе Ивана Федоровича хотя и трудное, но нисколько не опасно. Ограничившись лишь прописаніемъ извѣстной діэты и такихъ невинныхъ средствъ какъ Карльсбадскія воды, они вполнѣ надѣются, что пребываніе на Рижскомъ взморьѣ въ теченіе двухъ, примѣрно, мѣсяцевъ значительно поправитъ его здоровье. Я, съ своей стороны, нашелъ его достаточно бодрымъ и для своего положенія очень веселымъ. Не можетъ достаточно нахвалиться Маіоренгофскимъ воздухомъ. Порученіе Ваше относительно денегъ въ точности исполню и, зная какъ вы, по добротѣ вашего сердца, интересуетесь успѣшнымъ исходомъ лѣченія Ивана Федоровича, въ случаяхъ замѣтнаго измѣненія въ его положеніи, буду вамъ сообщать. За Иваномъ Федоровичемъ установленъ строгій врачебный присмотръ".

---

[1] Съ копіи, хранящейся въ архивѣ Н. П. Барсукова. Ред.

Въ слѣдующемъ письмѣ М. А. Зиновьевъ писалъ: „Къ крайнему моему удовольствію, я могу вамъ сообщить самыя утѣшительныя свѣдѣнія о здоровьѣ И. Ф. Горбунова. Въ послѣднее время онъ сталъ быстро поправляться и третьяго дня я встрѣтилъ даже его на вечернемъ концертѣ, каковой смѣлости съ его стороны одобрить, по моему мнѣнію, нельзя. Успѣхъ лѣченія, по словамъ приставленныхъ мной къ нему докторовъ, былъ бы еще больше, еслибъ погода была нѣсколько лучше. Но, къ сожалѣнію, вотъ уже двѣ недѣли, какъ съ большей или меньшей силой ежедневно льетъ дождь. Карточные же домики здѣшнихъ дачъ плохая защита отъ сырости. Какъ бы то ни было, мои доктора надѣются къ концу лѣта поставить Ивана Федоровича на ноги. Въ денежной помощи онъ не нуждается".

Отсюда же въ іюлѣ Горбуновъ писалъ П. И. Бартеневу:

„Что я къ Вашему Превосходительству пишу, за диво почитайте, потому что люди въ такомъ положеніи находящіеся, не пишутъ. Все болѣю. Посылаю обѣщанное... Существую на протяженіи Риго-Тукумской желѣзной дороги, Маіоренгофъ, Коммуникаціонная улица, дача фонъ-Квинта, № 4. Прошу покорнѣйше выслать двѣ послѣднія книжки Архива. Проѣздомъ черезъ Москву—возвращу съ благодарностью".

Въ томъ же мѣсяцѣ Горбуновъ писалъ гр. С. Д. Шереметеву:

„Драгоцѣнный мой графъ Сергій Дмитріевичъ! Поздравляю Васъ со днемъ Вашего Ангела, желаю Вамъ непрерывнаго здоровья и полнаго счастья. Въ настоящую минуту духъ мой живетъ съ Вами. Крѣпко цѣлую Васъ. Прошу Васъ поцѣловать ручку графини. Живу я на Риго-Тукумской желѣзной дорогѣ, ст. Маіоренгофъ № дачи 4. Московскія купчихи называютъ это мѣсто курортомъ... Се и Россы. Се самъ Петръ. Подробности напишетъ Вамъ моя дочка, которая вмѣстѣ со всей нашей семьей Васъ имѣетъ честь поздравить. Крѣпко цѣлую Васъ. Вашъ до послѣдняго вздоха".

16 августа Горбуновъ писалъ: „Драгоцѣнный мой благодѣтель, графъ Сергій Дмитріевичъ! Только теперь я въ состояніи написать Вамъ нѣсколько строкъ. Измучился. Болѣзнь совсѣмъ хотѣла меня заѣсть. Но, слава Богу, я ускользнулъ отъ эскулапа, худой, хоть бритый, но живой. Боже, сколько я перенесъ страданій! Ревматизмъ уложилъ меня въ постель, сахаръ не давалъ мнѣ покоя, діэта совсѣмъ меня высушила. Теперь, слава Богу, чувствую себя очень хорошо, возстановились силы, явился аппетитъ, собираемся ѣхать въ Питеръ. Тотъ часъ, по пріѣздѣ сюда, принялъ во мнѣ сердечное участіе Рижскій губернаторъ Зиновьевъ и прислалъ мнѣ Рижскихъ врачей [чудесные люди...], которые

ухаживали за мной, какъ за родственникомъ. Не знаю какъ ихъ и благодарить. Они, по очереди, прiѣзжали ко мнѣ изъ Риги каждый день. Губернаторъ—прiятель Тертiя Ивановича Филиппова. Сказано, не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей. Вспоминаю я одного московскаго поэта:

А ужъ сколько сортовъ
Мнѣ втирали спиртовъ
Все снаружи;
Но ихъ въ тѣло втирать,
Чѣмъ въ утробу вливать,
Много хуже.

Вчера [Успенье], выходя изъ церкви, встрѣтилъ Лешетицкую съ дочкой. Прощайте дорогой графъ, крѣпко цѣлую Васъ. Цѣлую ручки графинямъ. Сердечно обнимаю Петра, Павла, Бориса и Сергѣя Сергѣевича. Изъ Петербурга напишу".

Въ концѣ августа И. Ѳ. Горбуновъ, нѣсколько окрѣпшiй, прибылъ въ Петербургъ и, по обычаю, 30 августа посѣтилъ А. П. Барсукова, справлявшаго свои имянины. Здѣсь онъ съ особеннымъ чувствомъ разсказывалъ со слезами на глазахъ о дружескихъ заботахъ Т. И. Филиппова, поручившаго его заботамъ Лифляндскаго губернатора М. А. Зиновьева. Въ этотъ же день посѣтилъ Барсуковыхъ преосвященный Назарiй, нынѣ епископъ Нижегородскiй. Преосвященный входилъ какъ разъ въ ту минуту, когда Горбуновъ собирался уходить. Будучи очарованъ ласкою владыки, Горбуновъ остался и долго бесѣдовалъ съ преосвященнымъ. Это было послѣднее возвращенiе Горбунова въ Петербургъ.

Въ тотъ же день посѣтилъ Горбунова Т. И. Филипповъ. Прощаясь съ своимъ давнишнимъ другомъ, Горбуновъ просилъ благословить его иконою Николая Чудотворца. По свидѣтельству Т. И. Горбуновой, икона эта во все время его болѣзни находилась у его изголовiя и была его путевою иконою.

Не задолго передъ кончиной посѣтилъ Горбунова и авторъ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина", Н. П. Барсуковъ. Въ XI книгѣ этого труда есть главы, посвященныя кружку „Молодого Москвитянина", источникомъ для которыхъ служило письмо Т. И. Филиппова. „Мѣсто, гдѣ говорилось о Горбуновѣ", писалъ Н. П. Барсуковъ князю П. Д. Святополкъ-Мiрскому, я счелъ за благо прочесть ему. Съ этою цѣлью я отправился къ нему и нашелъ его лежащимъ и очень слабымъ; но тѣмъ не менѣе онъ меня прослушалъ съ большимъ вниманiемъ, заплакалъ и сказалъ: „все это вѣрно"[1].

Потомъ неожиданно спросилъ: „Какъ имя преосвященнаго, котораго я встрѣтилъ въ Патрiаршей Палатѣ?"

Н. П. Барсуковъ отвѣчалъ: Назарiй.

Горбуновъ вдругъ тихимъ голосомъ произнесъ:

— Назарiй, Назарiй, Назарiй...

Больше онъ ничего не могъ сказать.

Близкiе навѣщали его и поражены были его печальнымъ видомъ. Онъ почти ничего не говорилъ. Иногда онъ неожиданно перебивалъ молчаніе, но и тутъ, передъ самымъ лицомъ смерти, шутка не покидала его. Актеръ А. А. Нильскій, также нынѣ покойный, въ воспоминаніяхъ своихъ пишетъ: „Узнавъ, что онъ тяжко болѣнъ и близокъ къ смерти, я пріѣхалъ къ нему утромъ часовъ въ десять и засталъ его сидящаго въ большомъ креслѣ, въ кабинетѣ. Онъ меня узналъ, но ничего не говорилъ, блуждая только мутными глазами и дѣлая нервныя движенія лицомъ. Пришла его жена, Амалія Ивановна, и мы, въ его присутствіи, повели нашу грустную бесѣду. Онъ все время молчалъ, изрѣдка вскрикивая отъ нетерпѣнія и томящей его тоски. Наконецъ, пришло время мнѣ проститься и уходить; встаю, приближаюсь къ больному, протягиваю ему руку; вдругъ вижу, онъ начинаетъ мнѣ улыбаться, ласково и сознательно смотритъ мнѣ въ глаза и совершенно неожиданно для меня выставляетъ обѣ руки ладонями вверхъ и тихо, едва слышно начинаетъ какъ бы пѣть:

---

[1] Архивъ Н. П. Барсукова. Письмо XVII. 28 декабря 1895. Ред.

Спасибо... спасибо тебѣ,
Ты помогъ моей бѣдѣ...

Я чуть не со слезами поцѣловалъ его и вышелъ. Черезъ дня два или три его не стало“.

Наканунѣ смерти посѣтилъ Горбунова окончившій весной того года гимназію, молодой студентъ гр. Петръ Сер. Шереметевъ. Новый студенческій мундиръ очевидно привлекъ вниманіе умирающаго, онъ внимательно посмотрѣлъ на вошедшаго и вдругъ началъ изъ Апухтина:

Когда будете, дѣти, студентами,
Обошьютъ васъ всѣхъ позументами...

и прочитавъ стихотвореніе до конца, больше ничего уже не говорилъ.

Въ тотъ же день Татьяна Ивановна Горбунова писала Т. И. Филиппову: „Многоуважаемый Тертій Ивановичъ, мы всѣ поздравляемъ Васъ со днемъ рожденія, искренно и сердечно желаемъ здоровья и всего хорошаго. Ваша поддержка въ эти тяжелыя времена намъ такъ дорога, не умѣю выразить всю нашу искреннюю благодарность, да Вамъ и не нужно лишнихъ словъ, Вы и такъ поймете. Мама Васъ очень проситъ объ отцѣ Іоаннѣ со святыми дарами, если можно въ скоромъ времени. Папа плохъ, можетъ конецъ наступитъ неожиданно. Простите за безпокойство, опять прибѣгаемъ къ Вашей добротѣ“.

На другой день 24 декабря, въ Рождественскій сочельникъ, въ 2 часа 15 минутъ, Горбуновъ скончался на 64 году жизни.

Узнавъ о кончинѣ Горбунова, въ тотъ же день Т. И. Филипповъ написалъ статью, посвященную его памяти, сказавъ, когда вѣсть о кончинѣ дошла до него: „со смертію Горбунова я теряю часть своего бытія“. Онъ же озаботился и погребеніемъ въ духѣ почившаго. Отпѣваніе совершалъ преосвященный Назарій, котораго просилъ отъ имени Филиппова В. И. Чумачевскій. Отпѣваніе было въ Александро-Невской Лаврѣ. Пѣлъ хоръ Т. И. Филиппова подъ управленіемъ того же Чумачевскаго, извѣстнаго тенора нѣкогда знаменитаго домоваго хора графа Д. Н. Шереметева. Исидоровская церковь не могла вмѣстить всѣхъ пришедшихъ отдать послѣдній долгъ и многіе стояли на паперти. Служба совершена была въ высшей степени благолѣпно и такъ умилила давняго друга Горбунова, вице-адмирала Н. Ил. Скрыдлова, что по окончаніи ея онъ подошелъ къ Филиппову и сказалъ: „Лучше помянуть Горбунова вы не могли“.

Когда вдова покойнаго М. И. Горбунова послала преосвященному слѣдуемое за служеніе, преосвященный, зная недостаточность семьи Горбунова, вернулъ эти деньги назадъ съ трогательнымъ письмомъ, въ которомъ высказалъ, что онъ имѣлъ нравственную потребность помолиться за упокоеніе души Горбунова, одареннаго столь богато дарами Божіими...

Г. П. Ш.

Ивантѣево.

И. Ѳ. Горбунова я знавалъ со времени моего назначенія въ с. Ивантѣевку, съ 1879 года, а ранѣе онъ бывалъ у предмѣстника моего. Онъ родился въ 1831 году въ селѣ Ивантѣевкѣ, Копнинѣ тожъ, и былъ сынъ вольноотпущеннаго изъ дворовыхъ г-жи Баташевой, Ѳедора Тимофѣевича и жены его Ольги Тимофѣевны. Родился онъ въ домѣ Щекина, бывшаго владѣльца Ивантѣевской фабрики, бывшаго Московскимъ городскимъ головою, въ нижнемъ этажѣ, который занималъ отецъ его, бывшій конторщикомъ на фабрикѣ у Щекина.

Учился онъ въ Москвѣ, въ Набилковскомъ училищѣ, на 1-й Мѣщанской. Хотѣлъ идти въ народные учителя, но, по совѣту одного изъ актеровъ, слышавшаго его чтеніе на вечерѣ, измѣнилъ свое намѣреніе.

Въ Ивантѣевку Горбуновъ пріѣзжалъ разъ или два въ годъ лѣтомъ, преимущественно 28 іюля, день празднуемый въ селѣ. Въ церкви старинная икона Смоленской Божіей Матери. Одно лѣто онъ жилъ въ Пушкинѣ на дачѣ Мамонтова и въ это лѣто онъ бывалъ чаще.

Пріѣзжая, онъ сейчасъ же отправлялся по селу и вокругъ вспомнить мѣста, гдѣ росъ, и только послѣ этого обхода возвращался напиться чаю. Никогда онъ не ночевалъ и всегда въ тотъ же день возвращался въ Москву. На рыбную ловлю онъ не ходилъ, это было при предмѣстникѣ, да и рыбы было въ это время уже не много.

Бывая въ селѣ, онъ заходилъ къ крестьянину Сергѣю Герасимову Шорникову, а иногда и Василію Савельеву Трофимову, которые были его сверстниками и товарищами по начальному обученію у мѣстнаго священника Никифора Ильича Путилина. Сергѣю Герасимову онъ при посѣщеніяхъ своихъ привозилъ обыкновенно лубочныя картины духовнаго содержанія и принималъ угощеніе—рюмку водки.

Останавливался онъ у меня и заходилъ къ мѣстному фабриканту купцу Владиміру Андреевичу Лыжину. Любилъ послушать Петрушку, которая въ день Смоленской Божіей Матери пріѣзжаетъ въ Ивантѣевку по случаю гулянья. Тутъ однажды у него вытащили портсигаръ. Въ пріѣзды свои онъ охотно разсказывалъ, какъ у меня въ домѣ, такъ и у Лыжина.

Въ 1885 году, узнавъ, что у меня предстоятъ крестины, онъ вызвался быть кумомъ и крестилъ дочь Елизавету съ сестрой жены М. В. Путилиной.

Изъ знавшихъ Горбунова остались въ живыхъ:

1. О. Іоанникій, бывшій священникъ села Ивантѣева, Іоаннъ Вас. Озарецковскій, монахъ Срѣтенскаго монастыря.

2. Вл. А. Лыжинъ, Остоженка, собственный домъ.

3. Ал-дръ Андріан. Бухаровъ, крестьянинъ села Ивантѣева, живущій въ селѣ Талицахъ.

Со словъ священника Григорія Степ. Станиславскаго.

Сообщилъ А. П. Ѳедоровъ.

Выпись изъ метрической книги, часть первая, о родившихся за 1831 годъ, выданная Московской Округи, Радонежскія десятины церкви Всемилостиваго Спаса, что при Копнинской бумажной фабрикѣ.

Счетъ родившихся.		Мѣсяцъ и день.		Именао рдившихся.	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей и какого вѣроисповѣданія.	Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ.	Кто совершалъ таинство крещенія.	Рукоприкладство свидѣтелей записи по желанію.
Мужеска пола.	Женска пола.	рожденія.	крещенія.					
Сентябрь								
45		10	13	† Иванъ.	Той же фабрики у двороваго человѣка Ѳеодора Тимофѣева и законной жены его Ольги Тимофѣевой родился сынъ:	Воспріемникомъ былъ Московскій мѣщанинъ Игнатій Павловъ сынъ Губинъ. Воспріемницей была оной же фабрики приказчика Ивана Герасимова дочь его дѣвица Александра Иванова.	Молитвовалъ, имя нарекъ и крещеніе совершилъ той же церкви священникъ Василій Георгіевъ Янушевъ; той же церкви дьячекъ Андрей Ивановъ; той же церкви пономарь Егоръ Алексѣевъ.	

Въ чемъ удостовѣряемъ, съ приложеніемъ церковной печати, Московской губерніи и уѣзда, Спасской, что при Копнинской бумажной фабрикѣ, церкви.

Священникъ Григорій Станиславлевъ.

Псаломщикъ Николай Протопоповъ.

Копія выдана: 1903 года Мая 27 дня.

Свѣдѣнія о службѣ И. Ѳ. Горбунова[*].

Артистъ I разряда Русской драматической труппы Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, вѣроисповѣданія православнаго.

По Высочайшему повелѣнію, объявленному въ предложеніи Г. Министра Императорскаго Двора отъ 19 марта 1856 года за № 1177, опредѣленъ къ С.-Петербургскимъ Театрамъ Актеромъ въ Русскую драматическую труппу 1856, марта 19.

Отношеніемъ Московской Казенной палаты отъ 2 августа 1856 года отъ Общества уволенъ и изъ подушнаго оклада Сергіевскаго Мѣщанства исключенъ и предложеніемъ г. Министра Императорскаго Двора къ г. Директору Театровъ отъ 29 сентября 1856 года за № 6390 утвержденъ по службѣ Театровъ со дня поступленія—1856 года, сентября 29.

Предписаніемъ г. Директора Императорскихъ Театровъ Графа Борха отъ 3 іюня 1864 года за № 3952 назначено производить жалованья по 600 р. и поспектакльныхъ по 5 р. 1864, іюня 3.

Заключенъ контрактъ на 1 годъ съ жалованіемъ 800 р. и поспектакльныхъ по 5 р. 1865 года, января 1.

Возобновленъ контрактъ на 1 годъ на прежнихъ условіяхъ 1868 года, января 1.

На основаніи разрѣшенія г. Министра Императорскаго Двора за № 2896 прибавлено къ получаемому жалованью 800 р. еще по 343 р. въ годъ. 1869 года, сентября 22.

По Высочайшему повелѣнію отъ 21 октября 1877 года назначено производить изъ Государственнаго Казначейства въ пенсіонъ по 1140 р. въ годъ—1877 года, января 29.

На основаніи разрѣшенія г. Министра Императорскаго Двора отъ 26 ноября 1877 года за № 3799 оставленъ на выслугу 2 лѣтъ благодарности за Всемилостивѣйше пожалованный пенсіонъ безъ производства жалованья, но съ поспектакльными по 5 р. 1877, января 29.

На основаніи разрѣшенія г. Министра Императорскаго Двора, изложеннаго въ предложеніи контроля Министерства отъ 21 февраля 1879 года за № 680 оставленъ на вторичную службу съ жалованіемъ 1143 р. и поспектакльными по 5 р. 1879, января 29.

---

[*] Сообщены по распоряженію бывшаго въ д. директора Императорскихъ театровъ князя С. М. Волконскаго. Ред.

Заключенъ контрактъ на 1 годъ съ жалованьемъ 3000 р. въ годъ. 1882 года, іюня 1.

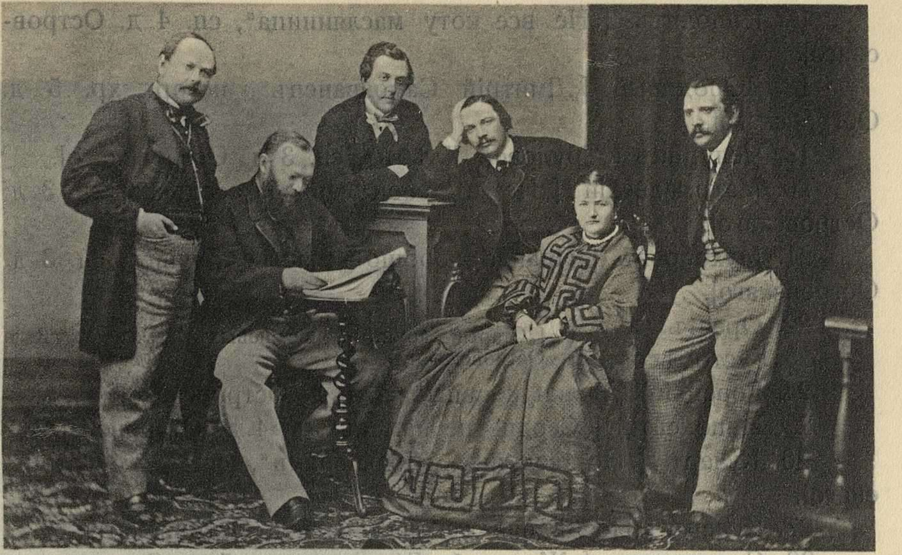
Возобновленъ контрактъ на 3 года съ жалованьемъ 3600 р. въ годъ. 1883 года, іюня 1.

Въ награду отлично усердной службы Всемилостивѣйше пожалована золотая медаль для ношенія на Станиславской лентѣ. 1883 года, октября 17.

Заключенъ контрактъ на 3 года съ жалованьемъ 3600 р. въ годъ. 1886 года, іюня 1.

Съ окончаніемъ срока контракта, оставленъ на дальнѣйшей службѣ по подпискѣ съ жалованьемъ по 3600 р. въ годъ съ 1887 года, іюня 1.

Находясь на службѣ умеръ 1895 году, декабря 24.



А. А. Нильскій. И. Ѳ. Горбуновъ.
Ѳ. А. Бурдинъ. А. Н Островскій. Люб. Пав. Косицкая. Корн. Ник. Полтавцевъ.

Роли, игранныя И. Ѳ. Горбуновымъ.

Въ 1853 году въ Москвѣ, на сценѣ домашняго театра Пановой игралъ роль Половаго въ комедіи Островскаго „Не въ свои сани не садись“. Въ этомъ спектаклѣ участвовалъ и самъ авторъ— въ роли Маломальскаго.

Въ 1854 году въ Москвѣ, на сценѣ Малаго Императорскаго театра, въ бенефисъ П. М. Садовскаго выступилъ въ роли „Ивана Прохорыча“ [„Образованность“, ком. въ 4 д. Владыкина].

Въ 1855—1895 годахъ на сценѣ СПБургскихъ Императорскихъ театровъ.

1. Ваня [„Ночное“, сц. 1 д. Стаховича].
2. Емельянъ [„Охотникъ въ рекруты“, сц. въ 1 д.].
3. Комедія на станціи 1 д. И. Горбунова [Роль съ переодѣваньемъ].
4. Кудряшъ [„Гроза“, др. 5 д. Островскаго].
5. Андрей Брусковъ [„Въ чужомъ пиру—похмѣлье“, к. 2 д. Островскаго].
6. Досужевъ [„Доходное мѣсто“, к. 5 д. Островскаго].
7. Аѳоня [„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, др. 4 д. Островскаго].
8. Гриша [„Воспитанница“, сц. 4 д. Островскаго].
9. Шилохвостовъ [„Шутники“, к. 4. д. Островскаго].
10. Вася [„Не такъ живи, какъ хочется“, др. 3 д. Островскаго].
11. Разлюляевъ [„Бѣдность не порокъ“, к. 3 д. Островскаго].
12. Непутевый [„На бойкомъ мѣстѣ“, к. 3 д. Островскаго].
13. Темкинъ [„召Мининъ“, истор. хрон. 5 д. Островскаго].
14. Дмитрій [„Истор. хр“. 5 д. Островскаго].
15. Петръ [„Лѣсъ“, к. 5 д. Островскаго].
16. Наркизъ [„Горячее сердце“, к. 5 д. Островскаго].

17. Ипполитъ [„Не все коту маслянница“, сц. 4 д. Островскаго].

18. Юродивый [„Дмитрій Самозванецъ“, истор. хр. 5 д. Островскаго].

19. Чепуринъ [„Трудовой Хлѣбъ“, сц. 3 д. Островскаго].

20. Маломальскій [„Не въ свои сани не садись“, к. 3 д. Островскаго].

21. Мухояровъ [„Правда хорошо—счастье лучше“, сц. 3 д. Островскаго].

22. Орестъ
23. Густомѣсовъ
[„Старый другъ лучше новыхъ двухъ“, к. 3 д. Островскаго].

24. Горецкій [„Волки и овцы“, к. 5 д. Островскаго].

25. Иннокентій [„Сердце не камень“, к. 4 д. Островскаго].

26. Кучеръ [„Не сошлись характерами“, сц. 3 д. Островскаго].

27. Купецъ [„Послѣдняя жертва“, к. 5 д. Островскаго].

28. Сыромятовъ [„Женитьба Бѣлугина“, к. 5 д. Соловьева и Островскаго].

29. Кутейкинъ
30. Еремѣевна
[„Недоросль“, к. 5 д. Фонфизина].

31. Абдулинъ [„Ревизоръ“, к. 5 д. Гоголя.]

32. Князь Тугоуховскій [„Горе отъ ума“, к. 4 д. Грибоѣдова].

33. Гаврила [„Сватъ Ѳадѣичъ“, преданіе въ лицахъ, въ 3 д. Чаева].

34. Ванька [„Пагуба“, др. 4 д. Кондырева].

35. Ипполитъ [„Великодушіе“, др. 3 д.].

36. Бурмистръ [„Пасынокъ“, др. 5 д. Ѳ. Толстого].

37. Николай [„Доле-горе“, др. 5 д. А. Потѣхина].

38. Дегтяревъ [„Свекровь и теща“, сц. 2 д. Турбина].

39. Гулючкинъ [„Въ глуши“, к. 3 д. Вильде].

40. Волосовъ [„Захолустье“, к. 3 д.].

41. Безпардонный [„Любишь кататься... въ 1 д.].

42. Поддуваловъ [„Не спросясь броду“, к. 1 д.].

43. Силуанъ [„Сиротскія слезы“, к. 3 д.].

44. Аньелэ [„Адвокатъ Патленъ“, к. 3 д.].

45. Михаленко [„Счастливый день“, сц. 3 д. Островскаго и Соловьева].

46. Сушкинъ [„По духовному завѣщанію“, к. 3 д. В. Крылова].

47. Никита [„Постоялый дворъ“, сц. Горбунова].

48. Егорушка [„Самодуръ“, сц. 3 д. И. Горбунова].

49. Иванъ [„На рѣкѣ“, сц. И. Горбунова].

50. Федя [„Охота пуще неволи“, 1 д. Чернышева].

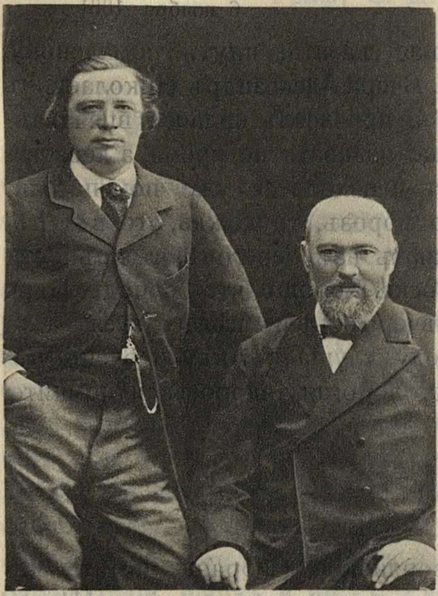
51. Прыткій [„Ямщики“, въ 1 д.].

52. Егоровна [„Любовный напитокъ“, 1 д.].

53. Финтикъ [„Москаль Чарівнікъ“, въ 1 д. Котляревскаго].

54. Меркурій [„Орфей въ Аду“, оперетка].

Сообщилъ М. П.



И. Ѳ. Горбуновъ и А. Н. Островскій.

Изъ писемъ.

М. В. Островской [1].

1.

...А что вы пишете, что маленькій мальчикъ плачетъ, то, безъ этого никакъ невозможно; я самъ, бывало, плакалъ, да и теперь, ужъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, иногда случается. Даю Вамъ честное слово, что кто плачетъ, тотъ перестанетъ, потому что плакать постоянно невозможно...

2.

Очень Вы насъ напугали и этотъ испугъ останется на Вашей совѣсти. Развѣ можно хворать въ такую прекрасную погоду. Мы здѣсь въ сюртукахъ ходимъ. На Невскомъ трава зазеленѣла, въ Лѣтнемъ саду соловей запѣлъ, а вы хвораете. Есть ли въ Васъ Богъ-то? Къ проклятію то, если нѣмцы не объявятъ войны Соединеннымъ Штатамъ, я пріѣду въ Москву. Прикажите сейчасъ, на всякій случай, поставить опару и купить бѣлозерскихъ снетковъ.

3.

Въ настоящую минуту трудно сказать что-либо определенное, потому что мы не завтракали. Одно можно сказать навѣрное, что директоръ отличный человѣкъ. Министръ тоже. Комиссія, о которой Вы спрашиваете, будетъ стараться какъ бы все лучше въ театрѣ устроить. Министръ очень любезно принялъ Александра Николаевича. Записка о театрѣ готова и переписывается. Что касается до директора, то онъ сидитъ тверже Ивана Великаго. Въ комиссію вмѣстѣ съ Александромъ Николаевичемъ назначенъ Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ... Будьте здоровы, кушайте во славу Божью и веселитесь. Крѣпко цѣлую Васъ.

4.

Особеннаго ничего нѣтъ да кажется сегодня и не будетъ. Аппетитъ непомѣрный, такъ что послѣ ѣды въ ухѣ стрѣляетъ и колѣнки трясутся. Помолитесь о насъ грѣшныхъ.

---

[1] Супруга А. Н. Островскаго.

5.

6 ноября 1881.

Объ дѣлахъ еще ничего нельзя сказать: идутъ помаленьку, а что будетъ—Создатель вѣдаетъ. Вчера Александръ Николаевичъ читалъ свою записку въ комиссіи и произвелъ сильное впечатлѣніе. Полное собраніе сочиненій еще издавать не время, а десятый томъ будетъ непремѣнно проданъ и находятся уже покупатели. Погода у насъ отвратительная: то морозъ, то дождь, то вѣтеръ, то тишь. Нева и рѣченки выступаютъ изъ береговъ, въ крѣпости раздаются зловѣщіе выстрѣлы... Тоска. Хорошо, что Господь, Царь Небесный не лишаетъ аппетита—вчера съѣли цѣлаго гуся—а то просто ложись да умирай. Въ среду слушали Аиду и очень пѣніемъ остались довольны. Будьте, дорогая, здоровы и помните, что каждый день надо обѣдать.

6.

Харуимъ!

Мы сейчасъ ѣдемъ въ Дворянское Собраніе читать въ пользу безграмотныхъ мальчиковъ изъ простого званія... Цѣлую Вашу ручку. Пистолетъ пришлю съ самимъ.

И. Горбуновъ.

М. Г. Савиной.

27 мая 1881.

То есть я вамъ доложу! такъ намаяться, какъ мы съ Мельниковымъ намаялись,—не дай Богъ никому! Прислушайте, голубка... Въ оба эти спектакля термометръ показывалъ $4^{0}/_{0}$. Выходя на сцену, я физически находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ каждогодно на масляницѣ пребываютъ балконные комики. Въ Казани, 22 мая, Господь Богъ послалъ снѣжку съ сѣвернымъ вѣтеркомъ и чуть-чуть не заставилъ насъ отказать концертъ. Мы поспѣшили въ Саратовъ, думая тамъ укрыться. Погода благопріятствовала: было жарко, даже душно. По выходѣ въ свѣтъ нашей афиши, народъ тронулся за билетами. Баба шла на Мельникова, а дворянство и купечество на Горбунова... Нужно вамъ сказать, что концертъ нашъ давался на Волгѣ, въ лѣтнемъ помѣщеніи дворянскаго собранія. Начала собираться публика, начали собираться и тучи.—„Я помню чудное мгновенье"... началъ нѣжно Мельниковъ, а на Волгѣ заоралъ американскій пароходъ...—„Передо мной явилась ты"... а подъ окошкомъ завизжала собака...—„Проходимъ мы это съ приказчикомъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ"... началъ Горбуновъ, грянулъ ливень, засвистали пароходы, забѣгали по террасѣ гуляющіе. Такъ вся наша обѣдня. Пріѣхали въ Тамбовъ—тамъ лошадиная ярмарка и лошадиные вкусы. У всякаго въ рукахъ кнутовище, говорятъ только о лошадяхъ и посѣщаютъ только циркъ. Что намъ здѣсь Богъ пошлетъ ужъ и не знаю.

Ив. Горбуновъ.

Графу С. Д. Шереметеву.

1.

Январь, 1890.

Сердечно благодарю Васъ за память обо мнѣ. „Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ“—Ваше расположеніе для меня очень дорого. Описанное Вами торжество представляется мнѣ такъ, какъ бы я самъ на немъ присутствовалъ. Горжусь тѣмъ, что иногда могу пророчествовать, т. е. могу впередъ говорить то, что будетъ говорить Жадаевъ, что будутъ говорить археологи и на какую угодно тему. Крайне сожалѣю, что лишенъ возможности быть въ настоящую минуту въ Москвѣ. 16 января, во вторникъ, былъ огромный раутъ у Тертія Ивановича. Было многое множество „отъ Царскаго синклита, со многими титлы и звѣзды. Писано бо есть: ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ. Звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ“. Рѣченное на раутѣ совершилось во очію. На груди персидскаго посла сіяло солнце, озаряя льва. Ему была слава „противъ иныхъ“: онъ ходилъ въ барашковой шапкѣ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ: Луна т. е., турка, не показывалась; звѣзды Станислава, Анны и Владиміра 2 класса сіяли тускло, ихъ тмилъ Бѣлый Орелъ, вцѣпившійся когтями въ грудь Полтавскаго губернатора Коссаговскаго и совсѣмъ лишала свѣта бриллiантовая звѣзда М. Н. Островскаго. Изъ предержащихъ властей на раутѣ присутствовали: И. А. Вишнеградскій, М. Н. Островскій, Ив. Н. Дурново, Плеве и др., Персидскій посолъ, кн. Долгоруковъ, бывшій посолъ въ Тегеранѣ, Камергеръ Хрущевъ, кн. Мещерскій—Гражданинъ, директора департаментовъ разныхъ министерствъ и много др. Пѣлъ хоръ Чумачевскаго, игралъ на віолончели Вержбиловичъ, разсказывалъ Горбуновъ. Отличный ужинъ былъ накрытъ въ двухъ залахъ. За столъ садились „безъ мѣстъ“. Радушію и вниманію хозяевъ не было конца. Разъѣзжаться стали въ четвертомъ часу. Тертій Ивановичъ былъ въ необыкновенномъ расположеніи. Не упоминаю объ дамахъ, потому что я въ нихъ ничего не понимаю.

2.

Мерзенштейнъ. Рига-Дуббельнъ, на рѣкѣ Аа.
Іюля 6 дня 1894. Среда.
Гончарная улица д. Прейснеръ, № 21.

Въ многословущую и небесъ подобную и вездѣ именитую пречестную, великую Михайловскую обитель, твердому постнику, Авраамскою добродѣтелю украшенному, шатательныя ереси попирателю и латинскія прелести обличителю крайнему, а православныя вѣры непреклонному побороателю и великому пастырю словесныхъ овецъ и грѣховнаго коренія отъ сердца искоренителю, еще же древнія письменныя хитрости трудолюбезному подвижнику, Государю моему батюшкѣ, отцу настоятелю Сергію, рабъ твоего жалованья и вскормленникъ вашея пространныя и многопестротныя трапезы, потѣшнаго государева двора верховый скоморохъ Ивашка, Ѳедоровъ сынъ, Тимофеевича, низко челомъ бьетъ.

Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ отписать о твоемъ спасенiи и тѣлесномъ здравiи, какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ. А пожалуешь, государь, изволишь вопросити про мое окаянство, и моему окаянству еще Непостижимый Владыко терпитъ до своей милосердыя воли. Лѣта сего текущаго iюлiя, во второе число, нѣмецкiя земли россiйскаго державствiя, въ городѣ Дубельномъ въ живыхъ вмѣненъ быхъ и жительствую, государь, день въ бури и волнахъ сланаго сего житейскаго моря, а впредь протяженiе и кончину животу моему Богъ вѣсть. И много мнѣ тебѣ, государю, писать, да ума моего не стало. Буди, государь, здравъ и насъ непотребныхъ не забуди. По семъ паки, тебѣ, государю моему, рабски челомъ бью.

Ивашка, Ѳедоровъ сынъ.

Гитара.

Говори хоть ты со мной,
Душка семиструнная.
Грудь моя полна тоской...
Ночь такая лунная.
Видишь, я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую.
Ты допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую.
Доскажи мнѣ, что другой
Было недосказано,
И о чемъ лихой судьбой
Поминать заказано.
Въ головѣ моей больной
Все мечты мятежныя,
Сердце дразнятъ мнѣ порой
Полувзгляды нѣжные.
Что играть ей было мной,
Знаетъ безъ того она,
Что какой-то властью злой,
Къ ней душа прикована.
Такъ допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую.
Видишь, я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую.

18-го февраля 1855 года.

Стихотвореніе это есть близкое подражаніе Аполлону Григорьеву, что было указано въ „Нивѣ“ 1902 № 8 Августъ, стр. 606. Ежемѣсячная литература. Приложенія: „Неизданное стихотвореніе Аполлона Григорьева“.

О, говори, хоть ты, со мной,
Подруга семиструнная.
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная.
Вонъ тамъ звѣзда одна горитъ
Такъ ярко и мучительно,
Тоскою сердце шевелитъ,
Дразня его язвительно.

Чего отъ сердца надо ей?
Вѣдь знаетъ безъ того она,
Что къ ней тоскою долгихъ дней
Вся жизнь моя прикована,
И сердце вѣдаетъ одно,
Отравою облитое,—
Что я впивалъ въ себя ея
Дыханье ядовитое.
Я отъ зари и до зари
Тоскую, мучусь, сѣтую...
Допой же мнѣ, договори
Ту пѣсню недопѣтую.
Договори сестры своей
Всѣ недомолвки странныя:
Луна горитъ еще яснѣй—
О, пой, моя желанная.
Двѣ гитары за стѣной
Жалобно заныли
Съ дѣтства памятный напѣвъ.
Милый другъ мой, ты ли?
Это ты: я узнаю
Ходъ твой въ ге минорѣ
И мелодію твою
Въ частомъ переборѣ.
Какъ тебя мнѣ не узнать:
На тебѣ лежитъ печать
Буйнаго веселья,
Страстнаго похмелья.
Это ты загулъ лихой,
И сліянье грусти злой
Съ сладострастьемъ баядерки—
Ты, мотивъ венгерки.

Сообщилъ
М. П.

И. Ѳ. Горбуновъ.

Любопытные.

1857.

I.

Утро. Толпа мастеровыхъ стоитъ у воротъ своей фабрики. Подходитъ приказчикъ.

Первый фабричный:

— Ивану Кузьмичу почтеніе.

Приказчикъ:

— Съ праздникомъ.

Фабричный:

— И васъ также. Съ обновкой честь имѣю... Сапожки-то у васъ больно форсисты—первый сортъ...

Приказчикъ:

— Нельзя намъ безъ форсу: дѣло рядское.

Фабричный:

— Извѣстно.

Приказчикъ, охорашиваясь:

— Опять же супротивъ своего брата не хочется показать себя пустымъ человѣкомъ. Коли ты одѣтъ въ настоящемъ видѣ, стало быть ты можешь со всякимъ разговоръ имѣть, что, къ чему, какъ все ты это можешь въ умѣ содержать.

Фабричный:

— Точно что... Значитъ полированный человѣкъ.

Приказчикъ:

— Вотъ вашему брату ничего этого не требуется, потому что ваше дѣло черное; опять же...

Второй фабрачный:

— Ну ужъ, Иванъ Кузьмичъ, не сумлѣвайся. По нашему дѣлу тоже много требуется. Теперича ежели въ трактиръ, али на гулянье въ старой одежѣ не пойдешь. Да вотъ теперешное дѣло пузыри спущаютъ.

Первый фабричный:

— Опять спущаютъ. Ребята, пойдемте въ осударевъ садъ пузыри спущаютъ.

Ужъ оченно любопытно, сейчасъ умереть. Это пузырь, значитъ, надуютъ спиртами разными, парами, лодку подвяжутъ... подвяжутъ лодку-то, баринъ съ барынею сядутъ да и полетятъ.

Третій фабричный:

— Ужли?

Второй:

— Провалиться на мѣстѣ.

Четвертый фабричный:

— Что жъ, ребята, пойдемте.

Третій:

— Далече, опять и денегъ надо...

Первый:

— На кой же чортъ, на монетку квасу...

Четвертый:

— Ну ступай, у хозяина денегъ проси.

Третій:

— Подика намырнись—онъ-те дастъ.

Четвертый:

— Ишь дастъ.

Третій:

— Полно куражиться-то. Что ты за человѣкъ такой есть. Бохвалъ.

Первый:

— Молчи, ребята, онъ что ни на есть у хозяина первый человѣкъ. Онъ, значитъ, по своему дѣлу мастеръ одинъ въ енперіи.

Всѣ смѣются.

Четвертый:

— Вѣстимо, чортъ. Мы и хозяину-то уважать не согласны, почему что триста рублевъ получаемъ, триста рублевъ пропьемъ...

Значитъ, на свои. Потому мы всѣ документы знаемъ и всѣ порядки произведемъ... Вотъ что.

Къ толпѣ присоединяется кухурка.

— Вотъ и тетка Акулина... Тетушка Акулина. Ты только распочувствуй, что я за человѣкъ есть на семъ свѣти...

II.

Купеческая контора.

— Митрій Никонычъ, я къ вашей милости.

— Что скажешь?

— Да изъ деревни бурмистръ Степанъ Савельевъ пріѣхалъ.

Молчаніе.

— По какимъ дѣламъ?

— Въ деревню требуютъ. Али ты, говоритъ, денегъ давай, али ступай на работу; а то и пашпорта, говоритъ, не дамъ. Сдѣлай милость, Митрій Никонычъ, выручи, по той причинѣ, что мы сами вашей милости заслужимъ.

— А много ли денегъ-то надо?

— Десять цѣлковыхъ.

— Ладно. Мастеръ ты хорошій, тебѣ можно дать. Приходи завтра.

— Благодаримъ покорно.

Молчаніе.

— Митрій Никонычъ, таперича который что ты утокъ-то мнѣ далъ...

— Что?

— Совсѣмъ рвань, ничего не подѣлаешь. Бился, бился... Ужъ основу... Да срѣзка важная будетъ...

— Спасибо.

— Будемъ стараться вашей милости.

Молчаніе.

— Митрій Никонычъ... осмѣлюсь доложить вашей милости... дай теперь хоть полтинничекъ.

— На что?

— Да ребятъ чайкомъ похолить...

— На.

III.

Дворцовый садъ. Толпа стоитъ у рѣшетки.

Четвертый:

— Какъ, значитъ, пришелъ, говорю. Митрій Никонычъ, денегъ, говорю, давай, али бы, говорю, разсчетъ. Денегъ, говоритъ, я тебѣ, Иванъ Прохорычъ, сколько хошь дамъ, только ты живи у меня; а то, говоритъ, я безъ тебя пропалъ, потому ты у меня первый человѣкъ и къ другимъ я тебя не приравняю.

Первый:

— Буде врать-то.

Третій:

— Глянько-ко, ребята, какой у барина козырь-то... козырь-то... Вотъ въ деревню бы ловко.

Козырь:

— Что ты, скотина.

Первый.

— Ничего, ваше благородіе, мы своему смѣху смѣемся... Пришли полюбопытствовать, какъ пузыри спущаютъ...

Козырь:

— То-то...

Второй:

— Какой сурьезный, такъ и норовитъ въ рыло, а самъ и весь-то грошъ стоитъ.

Третій:

— Ребята, летитъ... ужъ очненно высоко... почитай, подъ облака.

Четвертый:

— Петька, по-ди прочь: казакъ нагайкой такъ те обдѣлаетъ..

Третій:

— Ужъ очненно высоко.

Второй:

— Казакъ отъ сукна отмѣритъ... Петька, берегись.

Казакъ разгоняетъ толпу и ударяетъ Петьку.

Третій:

— Ужъ очненно больно.

Четвертый:

— Говорили тебѣ, что мѣрятъ. Петькѣ, ребята, сукна отмѣрили. Такой рубецъ здоровый вложилъ... Ужъ оченно любопытно *...

Сообщилъ
М. П.

---

* Этотъ ранній разсказъ былъ напечатанъ въ 1857 году въ № 7 „Общезанимательнаго Вѣстника". Горбуновъ никогда его не помѣщалъ въ изданія своихъ разсказовъ. Ср. выше статью С. В. Максимова „Неподражаемый разсказчикъ".

Ред.

Нѣсколько отзывовъ о Горбуновѣ.

Въ 1855 году въ № 182 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за подписью В. П. появилась статья, посвященная И. Ѳ. Горбунову. Авторъ ея писалъ:

„Слыхали ли вы о Ганри Монье—Henri Monnier? Виноватъ, чувствую самъ, что мой вопросъ совершенно неумѣстенъ. Можетъ ли быть, чтобы вы не слыхали о Ганри Монье. Тѣмъ не менѣе я позволяю себѣ, для послѣдовательности моего разсказа, напомнить вамъ объ этой Парижской знаменитости.

Вы и теперь можете встрѣтить въ „Journal pour rire“ юмористическія статейки, подписанныя именемъ Монье; но не этими статейками пріобрѣлъ онъ себѣ извѣстность. Онъ писалъ, или, лучше сказать, сочинялъ вещи гораздо серьезнѣе—большія комедіи, привлекавшія тысячи зрителей въ Парижскій театръ „Одеонъ“...

Монье мастерски подмѣчалъ типическія особенности французскаго народа, въ особенности-же французскаго буржуа, и передавалъ ихъ въ драматизированномъ разсказѣ съ поразительною вѣрностью... Онъ являлся поперемѣнно то скептическимъ старикомъ - волокитой, живымъ сколкомъ съ типовъ времени Регентства, то вторымъ Прюдомомъ, смѣшнымъ и напыщеннымъ человѣкомъ, разсказывающимъ съ самодовольствіемъ, что онъ, „Жозефъ-Прюдомъ, профессоръ, экспертъ, признанный присутственными мѣстами“, то старой экономкой, то наконецъ торговцемъ волами, лицомъ, заимствованнымъ у Карла Верне. Особенно удался ему г. Прюдомъ, типъ чисто-французскій, прямо выхваченный изъ парижской жизни и потому скоро сдѣлавшійся народнымъ.

Все это вы знаете, или знали, я въ этомъ убѣжденъ, но долженъ былъ припомнить для того, чтобы сказать вамъ, что у насъ есть свой Ганри-Монье, который, пожалуй, не только не уступитъ парижскому, а еще и перещеголяетъ его современемъ.

Итакъ, вамъ теперь извѣстно, о какомъ человѣкѣ я хочу разсказать и въ чемъ состоятъ особенности, даннаго ему Богомъ и природой дарованія; остается сказать вамъ его имя. Его зовутъ И. Ѳ. Горбуновъ.

Г. Горбуновъ еще очень молодой человѣкъ: ему двадцать два или двадцать три года. Онъ воспитывался въ Москвѣ и занимался тамъ преподаваніемъ Русскаго языка. Не знаемъ навѣрное, какимъ образомъ напалъ г. Горбуновъ на мысль изучать русскіе народные типы, но полагаемъ, что главнымъ образомъ обязанъ онъ ею знакомству съ гг. Писемскимъ, Островскимъ, Потѣхинымъ, даровитыми нашими писателями, съ такимъ успѣхомъ и искусствомъ разрабатывающими коренную русскую жизнь въ своихъ произведеніяхъ. Дарованія г. Горбунова имѣютъ двѣ стороны: литературную и сценическую. Онъ съ поразительною вѣрностью схватываетъ рѣчь простолюдина, торговца и т. д., передаетъ ее со всѣми ея особенностями, недомолвками, преувеличеніями, соображаясь съ типическими отличіями избраннаго имъ лица, и при этомъ представляетъ вамъ, какъ актеръ, самое лицо, съ не менѣе поразительною вѣрностію. Есть у г. Горбунова драматизированные разсказы, въ которыхъ участвуютъ нѣсколько лицъ, и когда онъ читаетъ ихъ, вы видите передъ собой всѣхъ этихъ лицъ: каждое изъ нихъ г. Горбуновъ оттѣняетъ всѣми отличающими его особенностями, каждому и придаетъ приличную, ему одному свойственную, рѣчь и даже особенный звукъ голоса. Слушая его изъ другой комнаты, вы легко можете обмануться и подумать, что говорятъ нѣсколько человѣкъ, а не одинъ. Есть у него также драматизированные разсказы, представляющіе полную картину какого-нибудь быта. Изъ этихъ разсказовъ не исключены и женщины, хотя онѣ, разумѣется, удаются менѣе, нежели мужчины. Число типовъ, подмѣченныхъ и передаваемыхъ г. Горбуновымъ, довольно велико, но въ особенности удаются ему простолюдины.

Г. Горбуновъ, пріѣхавшій къ намъ изъ Москвы не очень давно, успѣлъ уже пріобрѣсть обширную извѣстность, особенно въ высшихъ слояхъ нашего общества, имѣющихъ мало столкновенія съ низшими и для которыхъ, вслѣдствіе этого, разсказы г. Горбунова имѣютъ двойную занимательность: во-первыхъ, въ художественномъ отношеніи, а во-вторыхъ, и потому, что знакомятъ ихъ съ незнакомымъ для нихъ бытомъ. Появившись сначала въ кружкѣ литераторовъ, людей, наиболѣе способныхъ оцѣнить его дарованіе, онъ, благодаря имъ, скоро перешелъ въ гостинныя, и теперь у него нѣтъ свободной минуты, онъ, какъ говорится, вошелъ въ моду. Разсказы о его искусствѣ переходятъ отъ одного къ другому, всѣ хотятъ видѣть и слышать г. Горбунова у себя, и бѣдному г. Горбунову, человѣку крайне обязательному и услужливому, приходится цѣлый день странствовать по Петербургу и его окрестностямъ. Одному онъ даритъ утро, другому полдень, третьему вечеръ, такъ что рѣдко, и то съ большимъ трудомъ, удается ему утаить часъ или два для того, чтобы погулять по Щукину двору, по Сѣнной, у Крестовскаго трактира,— однимъ словомъ, гдѣ-нибудь въ толпѣ, между народомъ, чтобы подмѣтить новый типъ, подслушать еще неизвѣстное ему слово.

Повторяемъ, разсказы г. Горбунова художественны въ двухъ отношеніяхъ: въ литературномъ и сценическомъ, какъ вѣрное воспроизведеніе народной рѣчи и не менѣе вѣрное представленіе избраннаго типа, въ театральномъ смыслѣ этого выраженія. Очень желательно бы, чтобы г. Горбуновъ подумалъ о примѣненіи своего замѣчательнаго дарованія къ театру, но, если эта мысль придетъ ему въ голову, мы совѣтуемъ ему не упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ. Что сцена не комната, имѣетъ свои, ей одной свойственныя условія, и что, слѣдовательно, несмотря на дарованіе, очень легко не произвесть со сцены никакого впечатлѣнія. У насъ очень распространено мнѣніе, что актеромъ, если только есть природное дарованіе, можно сдѣлаться, не учась искусству. Это какъ нельзя болѣе ложно. Можно привести въ опроверженіе этого мнѣнія десятокъ доказательствъ. Каждый изъ нашихъ читателей знаетъ не одного, а нѣсколько актеровъ, которые были сначала плохими и мало-по-малу, вслѣдствіе практики, сдѣлались хорошими. Практика есть лучшая наука для актера; но на сценѣ она дается ему медленно. Можетъ существовать другая практика, болѣе быстрая, домашняя, такъ сказать, основанная на извѣстныхъ правилахъ, сокращающихъ ея продолжительность и составляющихъ теорію драматическаго искусства. Правда, эти теоретическія правила не изложены печатно [нѣмецкія печатныя теоріи Ретчера, Мундта и др. неудопримѣнимыя], но они тѣмъ не менѣе существуютъ. По печатной теоріи живописи нельзя выучиться писать картины, а между тѣмъ теорія живописи, безспорно, существуетъ. Опытный актеръ можетъ быть теоретическимъ наставникомъ, да и самъ учащійся можетъ составить себѣ нѣкоторыя правила, можетъ, наконецъ, обратиться къ любителямъ театра, вѣрный взглядъ которыхъ на искусство ему извѣстенъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что К. П. Брюлловъ имѣлъ большое природное дарованіе, а между тѣмъ вѣрно и то, что онъ не вдругъ сдѣлался творцомъ „Послѣдняго дня Помпеи“. Точно также нельзя сдѣлаться вдругъ и великимъ актеромъ. Если намъ случилось видѣть актеровъ, поражавшихъ насъ искусствомъ съ перваго выхода на сцену, то повѣрьте, что это искусство досталось имъ не даромъ, не вдругъ, не легко. Большое дарованіе достигаетъ, разумѣется, легче, нежели дарованіе ограниченное, извѣстной степени совершенства въ искусствѣ, но все-таки достигаетъ не безъ труда. Совѣтуемъ г-ну Горбунову не упускать всѣхъ этихъ истинъ изъ виду, подъ опасеніемъ неуспѣха на сценѣ, если онъ только намѣревается посвятить ей свое дарованіе“.

Есть еще отзывъ о Горбуновѣ перваго года пребыванія его въ Петербургѣ.

Композиторъ Юрій Карловичъ Арнольдъ въ воспоминаніяхъ своихъ говоритъ про вечера Ад. А. Солнцева, чиновника по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ Л. А. Меемъ, Н. Ѳ. Щербиной, Ап. Н. Майковымъ и В. С. Курочкинымъ и гдѣ онъ имѣлъ случай услышать разсказы только что выступившаго тогда съ своими чтеніями комическаго актера Горбунова, родоначальника тѣхъ разсказовъ, который впослѣдствіи въ особенности въ 70-хъ и 80-хъ годахъ нашелъ себѣ неимовѣрное число талантливыхъ, а чаще еще безталантныхъ подражателей. „Помню я, говоритъ Арнольдъ, между прочимъ два разсказа Горбунова, въ которыхъ дѣйствительно онъ обнаружилъ необыкновенное свое дарованіе представлять, словно осязательно лица самаго разнароднѣйшаго свойства и характера. Эти разсказы, буде не ошибаюсь, носили названіе: „Ямщикъ, возвращающійся на свою станцію по шоссе“ и „Умирающая старуха на предсмертной исповѣди“. Про талантъ г. Горбунова могу сказать только одно, что, сколько разъ мнѣ ни случалось потомъ слышать разныхъ разсказчиковъ этого рода, но ни одинъ изъ нихъ не могъ сравняться съ нимъ насчетъ единственности въ выраженіяхъ и въ изгибахъ голоса; онъ умѣлъ смѣшить безъ малѣйшаго шаржа“ [1].

Въ 1862 году въ „Современной лѣтописи“ помѣщено было нѣсколько строкъ, посвященныхъ таланту Горбунова, въ которыхъ было сказано: „г. Горбуновъ съ вѣрностью зеркала отражаетъ типическія личности нашихъ простолюдиновъ, подмѣчаетъ характеристическія черты ихъ съ большой смѣтливостью. Разсказываемые имъ сцены скомпанованы имъ самимъ и всегда съ большимъ смысломъ. Въ безхитростномъ разговорѣ двухъ-трехъ крестьянъ, московскаго будочника, въ сценѣ изъ ежедневной жизни квартальнаго, шевелится всегда, подъ спудомъ сердечной простоты, какой-нибудь живой общественный вопросъ, неудобство существующаго порядка вещей, нелѣпость господствующаго обычая... Странно, что при такомъ замѣчательномъ дарованіи, Г. Горбуновъ не пріобрѣлъ никакой извѣстности какъ сценическій артистъ“ [2].

Далеко не всѣ были того же мнѣнія о талантѣ Горбунова. Въ исторіи русской литературы Скабическаго, талантъ Горбунова названъ „смѣхотворно-отрицательнымъ“, а отношеніе его къ народу объяснено какъ „послѣдняя отрыжка вѣками укоренившагося въ помѣщичьемъ кругу высокомѣрно-презрительнаго взгляда на народъ, аналогичнаго взгляду на крестьянъ польскихъ пановъ,—какъ на псовое быдло“ [3].

Одно время противъ Горбунова нѣкоторыя органы печати предприняли даже настоящую травлю. Печатались въ „Петербургскомъ Листкѣ“ гнусныя стихотворенія, въ которыхъ говорилось: „Онъ тѣшилъ пьяную натуру, цѣня въ купцѣ одинъ разгулъ и всю свою литературу въ клоаку мерзкую раздулъ“.

Въ одномъ изъ разсказовъ Горбунова былъ выведенъ представитель газеты „Петербургскій Листокъ“. Послѣ напечатанія разсказа, въ этой газетѣ стали появляться противъ Горбунова статьи, грубыя и грязныя статьи, съ требованіемъ объясненій, вызвавшіе слѣдующіе письмо Горбунова въ „Новомъ Времени“:

„По совѣсти, по крайнему убѣжденію, я признаю за „Петербургскимъ Листкомъ“ не честное обращеніе съ печатнымъ словомъ... Сравненіе въ новогоднемъ фельетонѣ редакціи „Петербургскаго Листка“ съ полицейскимъ участкомъ нахожу сравненіемъ хорошимъ, хотя г. Соколовъ и говоритъ, что въ редакціи есть бюстъ Пушкина. Въ одномъ участкѣ я видѣлъ портретъ митрополита. Что же изъ этого? За литераторовъ г. Соколова и сотрудника его газеты Театральнаго Нигилиста [давно ужъ этотъ господинъ бродитъ по фальшивому паспорту], какъ людей невѣжественныхъ, никогда не признавалъ и впредь признавать не буду [развѣ Господь разумъ отыметъ]: люди эти въ литературѣ негодные, нищіе умственно и духовно. Актеромъ и чтецомъ г. Соколова не признаю, ибо онъ не имѣетъ никакого понятія о сценическихъ пріемахъ, невѣжество его въ нашемъ дѣлѣ „превзыдоша главу его“: въ одномъ клубѣ онъ игралъ Фамусова въ бородѣ. Брань г. Соколова безсильна; сплетни, распускаемыя про меня шалыганами „Петербургскаго Листка“, глупы и неправдоподобны“.

---

[1] Воспоминанія Юрія Арнольда. М. 1893. Вып. III., ст. 147—8.

[2] „Современная Лѣтопись“ 1862, издававшаяся при „Русскомъ Вѣстникѣ“ М. Н. Катковымъ. Сообщилъ П. Н. Тихановъ.

[3] Скабичевскій, „Ист. нов. русск. литературы“, изд. 2-е, стр. 193. Ред.

Рядомъ съ отзывомъ Скабичевскаго любопытно привесть мнѣніе, по поводу разсказовъ Горбунова, историка литературы и педагога В. П. Островскаго. Вотъ что онъ писалъ 13-го февраля 1885 года тотчасъ по прочтеніи разсказа „Петръ Петровичъ“:

„Дорогой, хорошій Иванъ Федоровичъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи, такомъ рѣдкомъ въ настоящее время всякихъ неудовольствій; спасибо тебѣ, сколь порадовалъ меня твой милый Петръ Петровичъ. Этотъ человѣкъ, какъ живой. Да и не умираетъ онъ у насъ, и долго не умретъ, хоть и похоронилъ ты его на Смоленскомъ. Соколовъ, обрисованный немногими чертами, цѣлый типъ, и какая сжатость изложеній, какое чувство мѣры,— достоинства, нынѣ столь рѣдкія у писателей. По моему, это одна изъ самыхъ лучшихъ твоихъ вещей въ печати. Вотъ какими легкими на неопытный взглядъ, но полными внутренняго смысла, такъ ярко выступающаго въ здоровомъ симпатичномъ юморѣ, оставишь ты по себѣ имя художника-писателя, не только артиста-разсказчика и актера, котораго искусство умираетъ съ нимъ вмѣстѣ. Пиши, Бога ради, больше: такія вещи, какъ послѣдняя, освѣжаютъ и радуютъ, и громадный опытъ и наблюдательность положительно Тебя обязываютъ писать, и именно въ этомъ родѣ живыхъ типичныхъ картинокъ, могущихъ имѣть при разнообразіи типовъ сурьезное значеніе. Любящій Тебя и поздравляющій старый любитель литературы В. Островскій. P. S. Если въ субботу 16-го февраля ты свободенъ, пріѣзжай вечеромъ когда хочешь, хоть поздно, ко мнѣ—очень меня обрадуешь, доставь возможность облобызать Тебя. Я, видишь, въ этотъ день родился и исполнится мнѣ 45 лѣтъ: соберутся близкіе, въ числѣ коихъ хотѣлось бы считать и тебя: Давыдовъ, Плещевъ и Пальмъ непремѣнно.—Прости, что до сихъ поръ не былъ у тебя: не знаю, когда тебя застать. На случай, мой адресъ: Коломна, у Михаила Архангела, д. 3, кв. 22“.

Графъ Л. Н. Толстой весьма цѣнилъ талантъ Горбунова и по свидѣтельству М. А. Стаховича, сравнилъ его однажды съ хорошимъ плотникомъ, который, натянувъ бѣлую нитку, намѣчаетъ черту и рубитъ по ней. Вотъ, вотъ сорвется. Такъ и Горбуновъ.

Вотъ, вотъ сорвется въ шаржъ, но нѣтъ... и, какъ искусный мастеръ, остается на вѣрной чертѣ...

Когда въ ноябрѣ 1894 года исполнилось сорокалѣтіе артистической дѣятельности Горбунова въ Императорскомъ театрѣ, А. С. Суворинъ въ своемъ „Новомъ Времени“ писалъ:

„Сейчасъ отъ Горбунова. Завтра, въ четвергъ, исполняется сорокъ лѣтъ его артистической дѣятельности. И эта годовщина застанетъ его больного, прикованнаго къ постели... Удивительный талантъ у этого человѣка. Начиная съ Императорскихъ и великокняжескихъ дворцовъ и кончая скромными квартирами своихъ товарищей, артистовъ и литераторовъ, Горбуновъ являлся со своей оригинальной физіономіей, съ живыми своими глазами и начиналъ разсказывать. Въ этихъ разсказахъ выходили живые русскіе люди, переданные типическимъ языкомъ, живописнымъ говоромъ, съ ихъ душею, съ ихъ недостатками, привычками, мнѣніями. Кто его не слышалъ только, кто не рукоплескалъ ему отъ всей души, кто не смѣялся до слезъ, кому только не доставлялъ онъ прекрасныхъ минутъ полнаго, иногда вполнѣ художественнаго удовольствія. И онъ расточалъ свои разсказы, какъ богачъ, не жалѣя силъ, и вдохновляясь удовольствіемъ, которое онъ доставлялъ своимъ слушателямъ. Богатый этимъ драгоцѣннымъ талантомъ, онъ остался бѣднымъ артистомъ, живущемъ на тѣ скромныя средства, которыя получаетъ онъ, какъ артистъ Императорскихъ театровъ. Это рѣдкій и прекрасный талантъ. Разогнать грусть и скуку, раздвинуть морщины русскаго человѣка, заставить его смѣяться тѣмъ добродушнымъ смѣхомъ, который составляетъ сущность такъ называемаго юмора—согласитесь, господа это далеко не послѣднее дѣло. Если бы каждый, слушавшій его, могъ анализировать свои ощущенія и ихъ послѣдствія, то вѣроятно каждый сказалъ бы: „Горбуновъ и для меня кое что сдѣлалъ. Спасибо Горбунову“. Такіе таланты заслуживаютъ особенную благодарность, ибо всякому дороги радость и тотъ смѣхъ, который возбуждается художественно-созданнымъ образомъ, иногда счастливою юмористическою или сатирическою мыслью. Блескъ молніи освѣжаетъ воздухъ, блескъ юмора—душу... Кто слышалъ его со сцены, тотъ не знаетъ всей задушевной прелести этого таланта. На сценѣ онъ не чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ своихъ средствъ. Онъ былъ застѣнчивъ, какъ почти всѣ талантливые люди. Но въ интимномъ кружкѣ среди десятковъ слушателей, онъ импровизировалъ, какъ настоящій поэтъ, какъ вдохновенный юмористъ перваго разряда. Онъ рисовалъ сцены и характеры, онъ воспроизводилъ цѣлые разговоры: поэтическая память его работала возбужденно, выбрасывая накопившіеся въ головѣ наблюденія надъ русской жизнью. Къ сожалѣнію, эти импровизаціи погибали большею частію, оставаясь никѣмъ не записанными. Будучи не артистомъ только, но и литераторомъ и драматургомъ, онъ силу своею дарованія не сосредоточивалъ на литературной отдѣлкѣ своихъ импровизацій. Этому многое мѣшало; мѣшала самая жизнь артиста, вѣчно подвижная, вѣчно среди людей, не дававшая ни покоя, ни досуга, ни возможности сосредоточиться.

Онъ разбрасывалъ поневолѣ, но никогда не жалѣлъ о томъ, что пропадало для него то, что приводило въ восхищеніе его слушателей. Они довольны, чего же ему больше. Онъ удовлетворенъ, какъ поэтъ... Когда нибудь вспомню, успокоюсь, отдохну, запишу все. Такъ онъ думалъ. А жизнь идетъ, идетъ старость, болѣзнь... Идетъ все то, что глухо ко всякимъ надеждамъ и разсчетамъ. Бѣдные поэты, раздаватели радостей и смѣха, завидна ли ваша доля, когда для васъ самихъ уходятъ радости здоровья и силы. Подумайте объ этомъ, читатель. Въ день сорокалѣтняго юбилея этого артиста и поэта, онъ имѣетъ всѣ права на привѣтствія отъ всѣхъ, кто любитъ нашу сцену и нашу литературу. Думаю, что дирекція театровъ дастъ ему бенефисъ за его сорокалѣтнюю службу. Дай Богъ, ему поднятся съ одра болѣзни и снова блеснуть тѣмъ юморомъ, который такъ отрадно на насъ дѣйствовалъ, такъ захватывалъ русскую душу. Болѣзнь истомила его, подорвала его крѣпкія физическія силы, но онъ вѣритъ въ жизнь и душа его бодро смотритъ сквозь добрые выразительные глаза"...

Значеніе таланта Горбунова подробно разъяснено въ прекрасномъ очеркѣ А. Ѳ. Кони, перепечатанномъ въ настоящемъ изданіи.

По поводу изданія сочиненій Горбунова подъ редакціей А. Ѳ. Кони историкъ театра и литературы П. О. Морозовъ писалъ [1]:

„Въ наше время артистъ—было званіе почтенное и почетное, большимъ трудомъ достигавшееся; а нынѣ, кто играетъ на гитарѣ „Чижика"—уже артистомъ именуется и концертъ даетъ". Такое сужденіе занесъ рукою Ивана Федоровича Горбунова одинъ „старый москвичъ" въ свою записную тетрадь.

Горбуновъ былъ артистъ въ настоящемъ, старомъ смыслѣ этого слова, представителемъ художества. Чуткій и вдумчивый наблюдатель окружавшей его жизни, одаренный удивительною способностью воспроизведенія всѣхъ ея мельчайшихъ оттѣнковъ въ словѣ, жестѣ, мимикѣ, онъ являлся правдивымъ изобразителемъ типичнѣйшихъ особенностей русскаго быта. Въ его разсказахъ, всегда очень небольшихъ, отличавшихся выразительнымъ лаконизмомъ, живьемъ появлялись передъ слушателями знакомыя характерныя лица,—каждое со своимъ собственнымъ міросозерцаніемъ, со своей особенной „складкой",—и слушатель невольно поддавался чувству своей близости къ нимъ, сознавая свою кровную, бытовую связь съ ними...

Среди людей, лично знавшихъ Горбунова, не было единодушія въ оцѣнкѣ его таланта. Для однихъ, и такихъ, пожалуй, было большинство,—Иванъ Ѳедоровичъ, или по-просту „Ванюша", былъ только пріятнымъ собесѣдникомъ, веселымъ, забавнымъ, безъ котораго какъ то не надъ чѣмъ было посмѣяться; другіе видѣли въ немъ крупнаго художника, который „въ забавномъ русскомъ слогѣ" часто однимъ незначительнымъ словечкомъ, одной интонацiей умѣлъ вызывать въ воображенiи цѣлый рядъ картинъ, проникнутыхъ своеобразнымъ юморомъ и глубокимъ знанiемъ родного быта. Отчасти въ этой двойственности сужденiй виноватъ былъ и самъ Горбуновъ; смотря по кругу своихъ слушателей, онъ самъ то возвышался до истинно-художественнаго творчества, то спускался до простого балагурства, хотя и въ этомъ послѣднемъ внимательный слушатель могъ уловить никогда не покидавшую артиста юмористическую нотку. Недаромъ Горбуновскiя „словечки“ прiобрѣтали такую широкую популярность и такъ легко укладывались въ нашъ разговорный обиходъ. Кто не повторялъ: „кажинный разъ на эфтомъ мѣстѣ“, „иди по эфтой линiи и доходи до точки“, и т. п.? Я зналъ даже одного студента, который, въ 70-хъ годахъ, застрѣлился въ университетской „дежуркѣ“, оставивъ товарищамъ лаконическую записку: „Летимъ, братцы,—трогай“.

---

[1] „Новости" № 259. 20-го сент. 1901.

Перечитывая напечатанные разсказы Горбунова и припоминая то, что еще не попало въ печать, мы должны признать, что эти произведенiя никакъ нельзя ставить на одну доску съ тѣми сценами изъ народнаго быта, въ которыхъ все остроумiе сводится къ смѣшнымъ словамъ, прикрывающимъ отсутствiе содержанiя. У Горбунова мало даже смѣшныхъ словъ: онъ рисуетъ смѣшныя, комическiя положенiя, но ихъ комизмъ не выдуманъ, не притянутъ за волосы ради потѣхи, а логически вытекаетъ изъ коренныхъ особенностей нашей жизни, изъ самаго ея „нутра“.

„Настоящая“ наша критика, критика 60-хъ годовъ, пропустила Горбунова. И объясняется это очень просто. Горбуновъ былъ явленiемъ не литературнымъ, а сценическимъ. Небольшая книжечка его разсказовъ, вышедшая въ 1861 году, являлась лишь очень тусклымъ и блѣднымъ отраженiемъ подлиннаго Горбунова, да и, вообще, его разсказы въ то время далеко не имѣли того значенiя, какое получили позднѣйшiя, гораздо болѣе зрѣлыя и выразительныя произведенiя артиста“ [1].

Въ то же время появился и слѣдующiй отзывъ за подписью Арсенiй Г. [2]:

„Неподражаемый разсказчикъ, покойный Горбуновъ, передавая свои наблюденiя устно, умѣлъ мастерски, однимъ жестомъ, взглядомъ, улыбкой вкладывать въ каждое слово гораздо больше содержанiя, чѣмъ даетъ это слово само по себѣ, когда оно стоитъ въ рядахъ другихъ словъ, изображенное на бумагѣ. Неудивительно, если въ печати разсказы и сцены Горбунова не производятъ уже того впечатлѣнiя, какое они производили, когда въ видѣ блестящей импровизацiи, передавались самимъ авторомъ. Но, теряя въ силѣ, они нисколько не теряютъ въ литературномъ значеніи. Разсказы и сцены Горбунова—плодъ истинно-русскаго и крупнаго художественнаго дарованія. Это въ высокой степени цѣнныя наблюденія, мѣстами—художественные перлы.

---

[1] См. также Н. К. Михайловскiй, „Русское Богатство“ 1896 № 1 и 1901, также въ Собранiи сочиненiй; фельетонъ В. Михѣевича въ „Новостяхъ“ 1901 года № 259. „Россiя“ сентябрь 1901 года. Статью В. Буренина въ „Нов. Времени“ сентябрь 1901 года. Въ этомъ году въ газетахъ по поводу таланта Горбунова возникла цѣлая полемика.

[2] „Новости дня № 6560. 17-го сент. 1901. Ред.

Горбуновъ—представитель того періода русской литературы, когда писатели ставили своей задачей всестороннее и глубокое изученіе натуры, когда они не спекулировали на увлеченіе момента, не играли ни въ сверхчеловѣковъ, ни въ рабовъ субъективныхъ настроеній. Это была эпоха здороваго творчества, быть можетъ, не сложнаго, но такова была и самая жизнь; быть можетъ, не предвѣщавшая смѣлыхъ и неподвижныхъ горизонтовъ, но таковыхъ не искала и жизнь. Это была эпоха, когда объективная правда предпочиталась субъективному исканію въ другихъ и въ самомъ себѣ [больше, конечно, въ самомъ себѣ] отзвуковъ на каждую, случайно мелькнувшую мысль, какъ-бы неясна она ни была. Писали, наблюдая дѣйствительность, художественной разработкой наблюденнаго матеріала расширяли горизонты дѣйствительности, въ этихъ расширенныхъ горизонтахъ видѣли новые матеріалы для наблюденій. Жизнь не стоитъ вѣчно на томъ-же мѣстѣ, не замираютъ, да и не должны замирать ни пріемы, ни формы творчества. Но ростъ не изъ себя, а путемъ механическихъ наслоеній—не ростъ. Если человѣкъ, желая быть выше ростомъ, становится на ходули, онъ рискуетъ лишь, что со временемъ ему будетъ трудно уже ходить на собственныхъ ногахъ, а выше ростомъ отъ ходуль человѣкъ все-таки не дѣлается. Слѣдовательно, не въ механическихъ наслоеніяхъ—будущее литературы, какъ-бы ни заманчиво казалось вдругъ выросги на цѣлый аршинъ, природѣ на перекоръ...

Тѣмъ дороже, тѣмъ важнѣе появленіе сейчасъ полнаго собранія сочиненій Горбунова. Оно выпущено во время, въ моментъ, когда уже начинаетъ русское общество задыхаться отъ всего этого тумана, отъ всей этой игры въ туманъ, отъ всего этого искренняго и дѣланнаго стремленія писателей выпустить уши выше лба, показать русскую жизнь сквозь призму случайныхъ настроеній, и выворачивая на изнанку самихъ себя, думать и заставлять думать читателей, что на изнанку вывороченъ и весь міръ.

Первое, что поражаетъ читателя—языкъ. Увы! Теперь такимъ чистымъ, истинно русскимъ языкомъ пишутъ уже немногіе. Въ произведеніяхъ Горбунова языкъ является не только формой, но и цѣлью. Чувствуется горячая, страстная любовь къ русскому языку, то особенное увлеченіе имъ, когда авторъ счастливъ найти для каждаго понятія вполнѣ настоящее слово. Не „словечко", которое надо было-бы поставить въ ковычку, не такую комбинацію словъ, которая была-бы разсчитана на внѣшнее впечатлѣніе, а именно настоящее слово. Оно невольно останавливаетъ вниманіе, оно заставляетъ задуматься, оно развиваетъ чувство уваженія къ родному языку, оно учитъ этому языку. Горбуновъ рисуется въ глазахъ читателя тѣмъ самоотверженнымъ, исполненнымъ глубокихъ знаній, а еще болѣе глубокаго чутья коллекціонеромъ, который знаетъ, чтò собираетъ, знаетъ, зачѣмъ собираетъ, а собравъ—все собранное жертвуетъ въ общее пользованіе. Его языкъ—рѣдкая по цѣнѣ коллекція словъ и оборотовъ русской рѣчи. И въ этомъ одномъ была-бы его огромная заслуга.

Но Горбуновъ далъ къ тому-же рядъ типовъ, которые никогда не умрутъ.

Купецъ, вкусившій отъ культуры, но пока остановившійся на умѣньѣ отличать „Тенерифъ“ отъ „хереса весьма дрей“, старый приказный, который за двугривенный готовъ на всякую кляузу московскій басъ, умѣющій уложить въ лоскъ на „рцы“, генералъ Дитятинъ, говорящій рѣчь о коллежскомъ секретарѣ Тургеневѣ, богомолка, описывающая свои похожденія по разнымъ мѣстамъ, крестьянинъ-охотникъ, дореформенной полицейскій комиссаръ — тутъ цѣлая галерея вполнѣ законченныхъ, художественно разработанныхъ типовъ. Галерея, поражающая своимъ разнообразіемъ и многочисленностью. Многое въ этой галереѣ устарѣло; почти нѣтъ ни одного лица, которое впослѣдствіи не сдѣлалось бы предметомъ разработки со стороны цѣлаго ряда другихъ писателей и оттого для теперешняго читателя не казалось-бы слишкомъ заѣзженнымъ сюжетомъ; но, когда читаешь Горбунова, обо всемъ этомъ легко забываешь. Громадный талантъ автора захватываетъ и переноситъ въ міръ созданныхъ имъ образовъ. Ни въ одной подробности авторъ не утомляетъ, хотя какъ знакомы всѣ эти подробности сейчасъ и какую скуку навѣяли-бы онѣ при менѣе талантливомъ изображеніи. Сюжетъ картины устарѣлъ, но краски свѣжи, какъ если-бы картина только вчера была закончена; смѣлость и красота рисунка поразительны, жизнью вѣетъ отъ каждаго мазка, и полное нравственное удовлетвореніе читателя—вотъ награда автору, высокая, рѣдкая награда. Читатель смѣется, грустить, восхищается и презираетъ вмѣстѣ съ авторомъ, но въ результатѣ ощущаетъ красоту нравственнаго покоя, а развѣ такой авторъ не первый другъ читателя?“

Поэтъ Ивановъ-Классикъ въ стихотвореніи, посвященномъ Горбунову, еще при его жизни въ день бенефиса 1-го декабря 1888 года, прекрасно обрисовалъ талантъ его. Стихами этими и окончимъ сію книгу:

Честно ты служилъ искусству
    Тридцать пять годовъ,
Отдалъ мысли ты и чувству
    Дань своихъ трудовъ.
Какъ всегда, твои разсказы
    Милы, хороши,
Въ нихъ сверкаютъ, какъ алмазы,
    Проблески души.
При веселостяхъ игривыхъ
    Мѣткаго словца,
Дышетъ жизнь въ чертахъ правдивыхъ
    Каждаго лица.
Съ давнихъ дней, какъ въ наши годы,
    Въ нихъ оживлены
Дѣти матери-природы
    И родной страны.
Не искалъ ты громкой славы,
    Съ теплотой своей

Обрисовывая нравы
Близкихъ намъ людей:
Самодурство, дикость, тупость
Въ мірѣ темноты
И смѣшную нашу глупость
Честной простоты.
И они, въ честь Мельпомены,
Съ доброй стариной
Обошли всѣ наши сцены
На Руси родной.
Въ жизни—съ нами въ часъ тяжелый
Раздѣливъ досугъ,
Вносишь ты разсказъ веселый
Въ каждый дружный кругъ.
Лютой зависти несчастной
Заклятое зло
Затемнить твой даръ прекрасный
Злобой не могло,
И съ любовью очевидной
Дорогъ намъ для всѣхъ
Твой пріятный, безобидный,
Добродушный смѣхъ.
Съ чувствомъ теплаго привѣта,
Безъ продажныхъ словъ,
Будь же здравъ, на многи лѣта,
Милый Горбуновъ!

Библіографія.

1. **Сцены изъ народнаго быта.** — И. Горбунова. Спб. 1861. Въ типографіи коммиссіонера Императорской Академіи Художествъ Гогенфельдена и К^0 Восемь разсказовъ: На праздникѣ. Сцена изъ купеческаго быта. Съ легкой руки, разсказъ извозчика. Домашнія сцены. Винтъ. Лѣсъ. Сцены изъ купеческаго быта. Постоялый дворъ.
2. **Сцены изъ народнаго быта.**—И. Горбунова. Изданіе второе, Колесова и Михина, значительно дополненное. Спб., въ типографіи Гогенфельдена и К^0. Васильевскій Островъ, 3 линія, 44. 1868, стр. 175. 11 разсказовъ. Прибавлены: Утопленникъ. На большой дорогѣ. Живемъ въ свое удовольствіе.
3. **Сцены изъ народнаго быта.**—И. Горбунова.—Изданіе третье, Колесова и Михина, значительно дополненное. Спб., въ типографіи Гогенфельдена, 1870 стр. 262. 16 разсказовъ. Прибавлены: Самодуръ. Квартальный Надзиратель. Сцена у пушки. Мастеровой. Блонденъ.
4. **Сцены изъ народнаго быта.**—Изданіе 1873. 4-е.
5. **Сцены изъ народнаго быта.**—И. Горбунова.—Пятое, значительно дополненное изданіе. Спб., изд. Колесова и Михина, 1874. 23 разсказа. Прибавлены: Развеселое житье. Травіата. На почтовой станціи [Ночью]. У мирового судьи. На рѣкѣ. Воздухоплаватель. Письмо изъ Эмса языкомъ XVII вѣка.
6. **Сцены изъ народнаго быта.** 1875. 6-е изданіе.
7. **И. Горбуновъ.**—Сцены и разсказы.—Изданіе 1880 года.
8. **Сцены и разсказы И. Ѳ. Горбунова.** Изданіе Суворина. Спб. 1881. Нѣсколько экземпляровъ на толстой бумагѣ съ большими полями.
9. **И. Ѳ. Горбуновъ.** Полное [1] собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони, т. I—II изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1901.
10. **И. Ѳ. Горбуновъ.** Полное [1] собраніе сочиненій, подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони, т. I—III. Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 годъ. Изд. А. Ф. Маркса.
11. **Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова**, графъ Павелъ Шереметевъ. Записано по памяти. Спб. 1901.
12. **Сочиненія И. Ѳ. Горбунова.** Изданіе комиссіи при комитетѣ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, т. I-й. 1902, т. II-й. 1904, т. III-й ч. 1 и 2. 1907, ч. 3 выйдетъ вслѣдъ.

Кромѣ перечисленныхъ изданій существуетъ еще цѣлый рядъ изданій разсказовъ „Горбунова", безъ имени и отечества. Это поддѣлка [2].

Произведенія свои И. Ѳ. Горбуновъ иногда помѣщалъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ „Сѣв. Пчелѣ"; въ „Искрѣ", въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ", въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Въ „Отечественн. Запискахъ" въ 1854 году „Просто случай". Въ Современникѣ: „Лѣсъ", „Утопленникъ", „На большой дорогѣ".

---

[1] Изданіе это далеко не полное.

[2] Не слѣдуетъ смѣшивать и съ книжкой разсказовъ брата его, Ореста Ѳед. Горбунова. Ред.

Въ сборникѣ „Складчина“: „Воздухоплаватель“, „На рѣкѣ“.

Въ „Нивѣ“: „Громомъ убило“ и „Обидно“.

Въ „Новомъ Времени“: „Медвѣдь“ № 1324, „Дьявольское навожденіе“ о Н. А. Некрасовѣ—№ 1375, „Канунъ Рождества“ № 1375, „Съ Новымъ годомъ“ № 1740, „Изъ дневника“ № 1778, „Захолустье“ 1880, 5 и 20 октября „Забытый домъ“ 1881, апрѣль „Объ Сарѣ Бернаръ“ № 2070, „Я у Сары Бернаръ“ № 2080 „Съѣздъ Бернардистовъ“ № 2099, „Нана“ № 2115, „Съ широкой масляницей“ № 2135, „Дневникъ дворецкаго“ 1882 апрѣль № 2135 и 2440, „Царь Петръ Христа славитъ“ № 2453, „Мысли вслухъ на парадномъ подъѣздѣ“ № 2458, „Въ дорогѣ“ № 2466, „Утро холостого человѣка“ № 2508, „Общее собраніе общества прикосновенія къ чужой собственности“ № 2514; „Ночь на новый годъ, № 2099. Въ 1883 году: 1 и 9 января „Ватерпасъ“, № 1-2, 14 августа „Изъ деревни“ 28 августа „Mr. Bourgés“, 4 сент. „Торбанистъ“, 18 и 25 сент. „Елизавета Петровна“, 16 окт. „Рыболовъ“, 25 дек. „Изъ деревни“; въ 1884 года „Милая дѣвушка“ № 3037, „Записная тетрадь стараго Москвича“ № 3531, „Широкія натуры“ № 5341. Въ 1885—февр. 12, 13 и 29 „Петръ Петровичъ“.

Въ „Осколкахъ“: „Отъ Мирового“ [„Тенерифъ“].

Въ „Русскомъ Дѣлѣ“: „Жестокія нравы“.

Въ „Новостяхъ“: „Птицеловъ“.

Въ „Моск. Листкѣ“: „Деревенскія сцены“.

Въ „Гражданинѣ“: Подраженіе старинной письменности.

Въ „Русской Старинѣ“: „Портретъ генерала Дитятина“, „Письмо изъ Эмса“, „Шутка-челобитная“ [на Бурдина], „Рѣчь на обѣдѣ въ честь Тургенева“, „Бой у Кушки“. Въ томъ же журналѣ Горбуновъ помѣстилъ множество историческихъ матерьяловъ: „Журналъ путешествія въ 1796 году“, 1779, т. XXV, стр. 101, „Дневникъ Храповицкаго“, въ 1879, XXIV, с. 341, Матеріалы объ актерѣ Сосницкомъ и др.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ — Статьи по исторіи театра.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ — „Записка П. С. Ѳедорова о театральной цензурѣ“ и др.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.
Предисловіе . . . . I—III

I. Личныя воспоминанія И. Ѳ. Горбунова.

Изъ воспоминаній 3
Бѣлая зала 38
Изъ моего дневника — 1855 годъ 50
Передъ лицомъ графа Закревскаго 53
Воспоминаніе о П. И. Якушкинѣ 57
Дьявольское навожденіе 59

II. Письма отъ милыхъ друзей и разныхъ особъ.

Прова М. Садовскаго стр. 69, А. А. Григорьева 70, Б. Н. Алмазова 70, А. Ѳ. Писемскаго 70, А. А. Потѣхина 70, А. Н. Островскаго 71, графа Л. Н. Толстого 71, В. С. Курочкина 72, В. А. Слѣпцова, 72, Н. А. Некрасова 73, М. Е. Салтыкова 75, П. Н. Ткачева 75, В. Ѳ. Корша 76, Ѳ. М. Достоевскаго 76, Ѳ. М. Достоевскаго и Ор. Ѳ. Миллера 76, Ор. Ѳ. Миллера 76, Н. А. Чаева 76, графа В. А. Соллогуба 77, графа А. К. Толстого 77, А. Н. Плещеева 78, А. Н. Апухтина 79, Хавскаго 79, Ф. В. Перфильева 79, Г. П. Данилевскаго 80, К. К. Случевскаго 81, В. И. Немировича-Данченко 81, Н. Л. Тиблена и А. Н. Пыпина 81, М. И. Семевскаго 81, П. Н. Полевого 82, П. П. Гнѣдича 82, П. Н. Исакова 82, С. Н. Шубинскаго 82, Н. М. Ядринцева 83, князя В. П. Мещерскаго 83, А. С. Суворина 84, И. Новикова 86, М. Чернышевскаго 86, В. П. Гаевскаго 86, А. С. Ушакова 87, П. А. Гилтебрандта 87, Н. Я. Соловьева 87, В. И. Водовозова 88, В. П. Острогорскаго 88, В. Шемякина 90, И. Чернышева 90, А. Шиле 91, В. Познанскаго 91, М. С. Каханова 91, Д. Телешовой 92, графини Л. Ростопчиной 92, М. Яновскаго и Н. Эничъ 93, М. Ольхиной 93, И. Н. Крамского 93, А. Н. Бенуа 94, В. Якушкина 94, С. Рюля 94, С. В. Максимова 94, С. И. Турбина 97, М. П. Садовскаго 97, Т. И. Филиппова 101, графа С. Д. Шереметева 104, М. Н. Островскаго 104, Н. П. Барсукова 104, Н. П., А. П. и Ив. П. Барсуковыхъ 106, А. П. Барсукова 106, Ив. П. Барсукова 107, Г. Ѳ. Штендмана 107, А. М. Унковскаго 108, А. Унковской 108, Н. П. Ратынскаго 109, А. Ратынской 109, Н. В. Султанова 109, А. Ѳ. Кони 110, Макара 111, Пл. Радонежскаго 112, В. Цѣхановича 112, князя А. Д. Хилкова 113, Вл. Рокотова 114, А. Щедрина 115, М. И. Писарева 116, А. А. Нильскаго 117, П. М. Свободина 117, Струйской 118, А. Ѳедотова 118, Н. А. Дмитріевой-Никулиной 120, М. Г. Савиной 122, Н. Васильевой 123, И. Сазонова 124, Ѳ. Ѳедорова 124, П. И. Погожева 124, П. М. Невѣжина 125, А. Попова 125, Аф. Петрова 125, Чашникова 126, И. Полилова 127, Тарновскаго 129, П. Штерна 130, П. И. Танѣева 130, П. А. Потѣхина 130, К. Хартуляри 130, И. М. Тарновскаго 131, Г. К. Рѣпинскаго 131, П. Наумова 131, Л. Е. Еракова 132, Л. Свѣшникова 133, стр.

А. Потоцкаго 133, В. Перевощикова 133, С. М. Третьякова 133, А. Насвѣтевича 134, А. П. Робуша 136, С. П. Яковлева 137, В. К. фонъ-Меккъ 138, А. Шталя 138, М. Петрушевскаго 138, Н. И. Скрыдлова 138, Д. Скалона 139, Н. Веселаго 139, А. Чичерина, В. Бельгарда и Всеволожскаго 139, князя Гагарина, Дурасова и Комстадіуса 139, А. Бильдерлинга 139, И. Еглевскаго 140, князя Д. В. Друцкого-Соколинскаго 140, А. Свѣчина 140, графа А. Ѳ. Ростопчина 141, А. Сатина 141, графа Н. А. Адлерберга 141, барона Е. К. Фелейзена 142, М. А. Стаховича 142, В. Г. Черткова 143, А. П. Хвощинскаго 143, князя Н. С. Путятина 144, барона К. К. Фелейзена 144, А. А. Нарышкина 144, Н. Н. Всеволожскаго 144, А. Бауера 145, протод. Ильинскаго 145.

III. Воспоминанія и статьи объ И. Ѳ. Горбуновѣ.

Изъ давнихъ воспоминаній. С. В. Максимова 151
Неподражаемый разсказчикъ. С. В. Максимова 160
Памяти И. Ѳ. Горбунова. Т. И. Филиппова 182
Изъ письма А. А. Потѣхина 185
Воспоминаніе М. П. Садовскаго 187
Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. А. Ѳ. Кони 190
Воспоминанія А. А. Нильскаго 274
Воспоминанія объ И. Ѳ. Горбуновѣ Г. С. Ш. 277
Изъ воспоминаній М. И. Писарева 289
Отзвуки разсказовъ Горбунова. Графа Павла Шереметева 295
Изъ воспоминаній объ И. Ѳ. Горбуновѣ. Князя Д. Д. Оболенскаго . . 362
Воспоминанія объ И. Ѳ. Горбуновѣ Н. Б. Шереметева 371
Воспоминанія объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Горбуновѣ С. П. Яковлева . . . 377

ПИСЬМА:

П. В. Шумахера 383
В. В. Шереметева . . . . —
С. А. Рачинскаго 385
Д. А. Хомякова . . . . —
Н. А. Хомякова . . . . —
Епископа Сергія . . . . —

Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, личныя воспоминанія В. К. Истомина . 386

IV. Дневникъ 1862—1895.

Матеріалы для біографіи. Г. П. Ш. 511
Ивантѣево, со словъ свящ. Г. П. Станиславлева, сообщ. А. П. Ѳедоровъ . 560
Метрическая выпись 562
Свѣдѣнія о службѣ И. Ѳ. Горбунова 563
Роли, игранныя И. Ѳ. Горбуновымъ, сообщилъ М. П. 565

Изъ писемъ И. Ѳ. Горбунова:

М. В. Островской 567
М. Г. Савиной 568
Графу С. Д. Шереметеву 569

Гитара 571
Любопытные. 1857 573
Нѣсколько отзывовъ о Горбуновѣ 577
Библіографія 588

Оглавленіе . . . . I—II
Перечень рисунковъ III

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ и ФОТОГРАФІЙ.

стр.
1. И. Ѳ. Горбуновъ, съ портрета Акад. К. Е. Маковскаго 1863 года.
3. И. Ѳ. Горбуновъ, съ фотогр., принадлежавшей Н. К. Милославскому.
38. Видъ Москвы.
65. И. Ѳ. Горбуновъ. [А. Н. Островскій, А. А. Потѣхинъ, Рюль, Заешниковъ].
123. Н. А. Никулина и И. Ѳ. Горбуновъ.
148. И. Ѳ. Горбуновъ въ поддевкѣ.
159. Сцена у квартальнаго надзирателя, рис. Боклевскаго.
185. Е. И. Левкѣева и И. Ѳ. Горбуновъ въ „Грозѣ“ Островскаго.
273. Утопленникъ, рисунокъ Акад. А. А. Кошелева.
277. Группа въ Михайловскомъ.
289. И. Ѳ. Горбуновъ, юмористическій портретъ.
295. И. Ѳ. Горбуновъ, фот. Бергомаско.
362. Генералъ Дитятинъ, рисунокъ И. Ѳ. Горбунова 1871 года.
371. И. Ѳ. Горбуновъ 1891.
376. Фойэ, устроенное И. Ѳ. Горбуновымъ, въ Александровскомъ театрѣ.
400. Группа въ Михайловскомъ, съ фотографіи Проф. Д. Н. Кайгородова.
424. Генералъ Дитятинъ, съ фот. Левицкаго.
511. И. Ѳ. Горбуновъ въ дѣтскіе годы, рисунокъ Зеблова.
521. Ученическій рисунокъ И. Ѳ. Горбунова: сцена избіенія младенцевъ.
531. Группа актеровъ: [А. А. Алексѣевъ, П. А. Каратыгинъ, И. Е. Чернышевъ, А. М. Максимовъ, И. И. Сосницкій, П. И. Григорьевъ, И. Ѳ. Горбуновъ и Малышевъ].
536. И. Ѳ. Горбуновъ 1856.
541. И. Ѳ. Горбуновъ 1862.
547. И. Ѳ. Горбуновъ 1871.
553. И. Ѳ. Горбуновъ, рис. А. И. Лебедева изъ „Карикатурнаго альбома“ 1877 года.
565. Группа: А. Н. Островскій и Косицкая—сидятъ. Ѳ. Бурдинъ, А. А. Нильскій, И. Ѳ. Горбуновъ и Полтавцевъ — стоятъ.
567. И. Ѳ. Горбуновъ и А. Н. Островскій, съ фот. Шапиро.
573. И. Ѳ. Горбуновъ, сцены и разсказы.

М
ИЛ

2022530708